

ARCHEOLOGY OF THE NORTH OF RUSSIA: «UGRA – THE COUNTY OF NOVGOROD THE GREAT IN THE XI–XV CENTURIES»

(A COLLECTION OF SOURCES AND STUDIES)

PART I

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ: «ЮГРА – ВОЛОСТЬ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В XI–XV ВВ.»

(СВОД ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ)

часть I

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ВЫПУСК VII

ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
DEPARTMENT OF PUBLIC AND EXTERNAL AFFAIRS OF THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ЮГОРСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
SURGUT STATE UNIVERSITY YUGRA. LABORATORY FOR ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
THE INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY, URAL BRANCH OF RUSSIAN SCIENTIFIC ACADEMY

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
URAL FEDERAL UNIVERSITY NAMED AFTER FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»
«SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION «NORTHERN ARCHAEOLOGY-1» LTD

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO «INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH»

DEPARTMENT OF PUBLIC AND EXTERNAL AFFAIRS OF THE KHANTY-MANSIYSK
AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA

INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY OF
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

SURGUT STATE UNIVERSITY YUGRA.
LABORATORY FOR ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

«SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION «NORTHERN ARCHAEOLOGY-1» LTD

ANO «INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH»

Research materials on the history of the North of Western Siberia
Issue VII

ARCHAEOLOGY OF THE NORTH OF RUSSIA: «UGRA – THE COUNTY OF NOVGOROD THE GREAT IN THE XI–XV CENTURIES»

(A COLLECTION OF SOURCES AND STUDIES)

PART I

COLLECTION OF PAPERS OF
RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
SURGUT, OCTOBER 1-5, 2018

Surgut – Nefteyugansk – Ekaterinburg
2018

ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ЮГОРСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири
Выпуск VII

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ: «ЮГРА – ВОЛОСТЬ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В XI–XV ВВ.»

(свод источников и исследований)

ЧАСТЬ I

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
Г. СУРГУТ, 1–5 ОКТЯБРЯ 2018 Г.

Сургут – Нефтеюганск – Екатеринбург
2018

УДК 930.85 (=161.1):902
ББК 63.3(2)-7:63.4
А 87

Серия основана в 2002 году

Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры РАН от 30 мая 2018 г.

Редакционная коллегия
член-кор. РАН Е. Н. Носов, д-р ист. наук Н. В. Хвощинская, д-р ист. наук А. И. Сакса,
д-р ист. наук А. В. Курбатов, канд. ист. наук Б. Б. Овчинникова

Ответственный редактор
д-р ист. наук В. А. Лапшин

Рецензенты
д-р ист. наук Н. М. Чаиркина, д-р ист. наук И. В. Побережников

Издательская группа
канд. ист. наук О. В. Кардаш, канд. ист. наук Б. Б. Овчинникова, З. Г. Гайдакова, В. В. Гаевская

Техническое редактирование иллюстративного ряда: Е. В. Шилинг, С. А. Липс

Издание выполнено в рамках подготовки Всероссийской научной конференции с международным участием «Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв.» (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года), которая осуществлялась на средства *Фонда президентских грантов по проекту № 18-1-002471 «Археологические древности Югры», на средства субсидии Департамента общественных и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и собственные средства БУ ВО «Сургутский государственный университет».*

Сборник подготовлен к печати на собственные средства АНО «Институт археологии Севера», ООО «НПО «Северная археология-1».

А 87 Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года) : в 2 частях / отв. ред. В. А. Лапшин. – Сургут ; Нефтеюганск ; Екатеринбург : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. – Часть I. – 500 с. : ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири ; вып. VII). – Выходные сведения, огл. парал. рус., англ.

ISBN 978-5-6040401-1-9

Данный сборник является сводом источников и исследований к составлению многотомного издания «История Югры». В нем представлены новейшие исследования и материалы, а также переиздания статей, не утративших актуальности для изучения локального хронологического периода, связанного с историей Новгорода Великого, его ролью в освоении и включении Югры в состав новгородских земель в XI–XV веках. В настоящем сборнике впервые публикуются итоговые материалы последних лет археологического изучения Надымского городка и Тазовской мастерской, давшие подтверждение присутствия населения Северо-Восточной Европы на территории Западной Сибири.

Издание рассчитано на научных работников в области археологии, этнографии, истории, культурологии, на специалистов в сфере междисциплинарных исследований, а также преподавателей вузов и студентов.

УДК 930.85(=161.1):902
ББК 63.3(2)-7:63.4

ISBN 978-5-6040401-1-9

© АНО «Институт археологии Севера», 2018
© ООО «НПО “Северная археология-1”», 2018
© БУ ВО «Сургутский государственный университет», 2018
© Авторы опубликованных материалов, 2018
© Оформление. Издательская группа
АНО «Институт археологии Севера», 2018

В. А. Лапшин¹

¹ *Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Дворцовая набережная, д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: vladimirlapshin@yandex.ru*

Предисловие

Колонизация Севера – один из этапов восточнославянского расселения и территориального роста Древнерусского государства. Судя по летописи, территория Северной Руси первоначально не выходила на северо-востоке за пределы бассейнов Волхова, Ладожского и Белого озер, Верхнего Поволжья. Ладога и Белоозеро – наиболее северные центры, упоминаемые в «Повести временных лет» в связи с событиями IX–X вв. Но вскоре границы территории, известной летописцу, стремительно раздвигаются на север и северо-восток. Уже под 1078 г. в летописи появляется новый термин «Заволочье», обозначающий области, лежащие за водоразделами Онежского озера и Онеги, Волги и Сухоны. Под 1096 г. в «Повести временных лет» помещен рассказ новгородского боярина Гюряты Роговича о посланной им экспедиции за Печору, в землю Югорскую. Запись эта, по-видимому, добавлена составителем третьей редакции «Повести временных лет» в 1118 г. (Эта дата и послужила отправной точкой для отмечаемого в этом году 900-летнего юбилея Югры.) Таким образом, границы известных новгородцам земель в течение XI в. раздвигаются на северо-восток до нижнего течения Оби.

Колонизация как один из стержневых процессов русской истории занимала российских историков XIX в., в особенности С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Но характерно, что в фундаментальной работе М. К. Любавского, написанной в первой трети XX в. и подводившей итог всего предшествующего изучения истории русской колонизации, освоению Заволочья нашлось место только в главе, посвященной XIII–XIV вв., – слишком скудны были письменные источники XI–XIII вв. [Любавский, 1996. – С. 195–214]. Ситуация изменилась только с введением в научный оборот массового археологического материала. В монографии Н. А. Макарова впервые понятия «волоки» и «Заволочье» получили конкретно-историческую характеристику [Макаров, 1997]. Стало очевидным, что связи этих районов с Новгородом были гораздо более стабильными, чем это можно было предполагать раньше, основываясь на показаниях письменных источников. Поворотным стал XI в. Именно в компетенции археологии находятся такие вопросы, как общая оценка освоенности и заселенности северных территорий в Средневековье, анализ демографических процессов, реконструкция систем расселения в их развитии и связанных с ними систем хозяйства, изучение систем расселения и конкретных механизмов внедрения колонистов на новых территориях [Макаров, 1997. – С. 16].

Итогом заселения и освоения берегов Белого моря стало формирование своеобразной этнографической группы русского населения – «поморов» [Бернштам, 1978; 2009], – сыгравшей значительную роль в колонизации Русского Севера, а позднее и Сибири. Отдельная яркая глава в истории Севера – освоение поморами Шпицбергена [Старков, 1998; 2001; Старков, Державин, Захаров, 2007]. Изучение археологических памятников Крайнего Севера многие годы вел О. В. Овсянников [Ясински, Овсянников, 1998; 2003]. Одним из наиболее значимых событий в истории изучения Севера стало открытие Мангазеи – первого русского города за Полярным кругом [Белов, Овсянников,

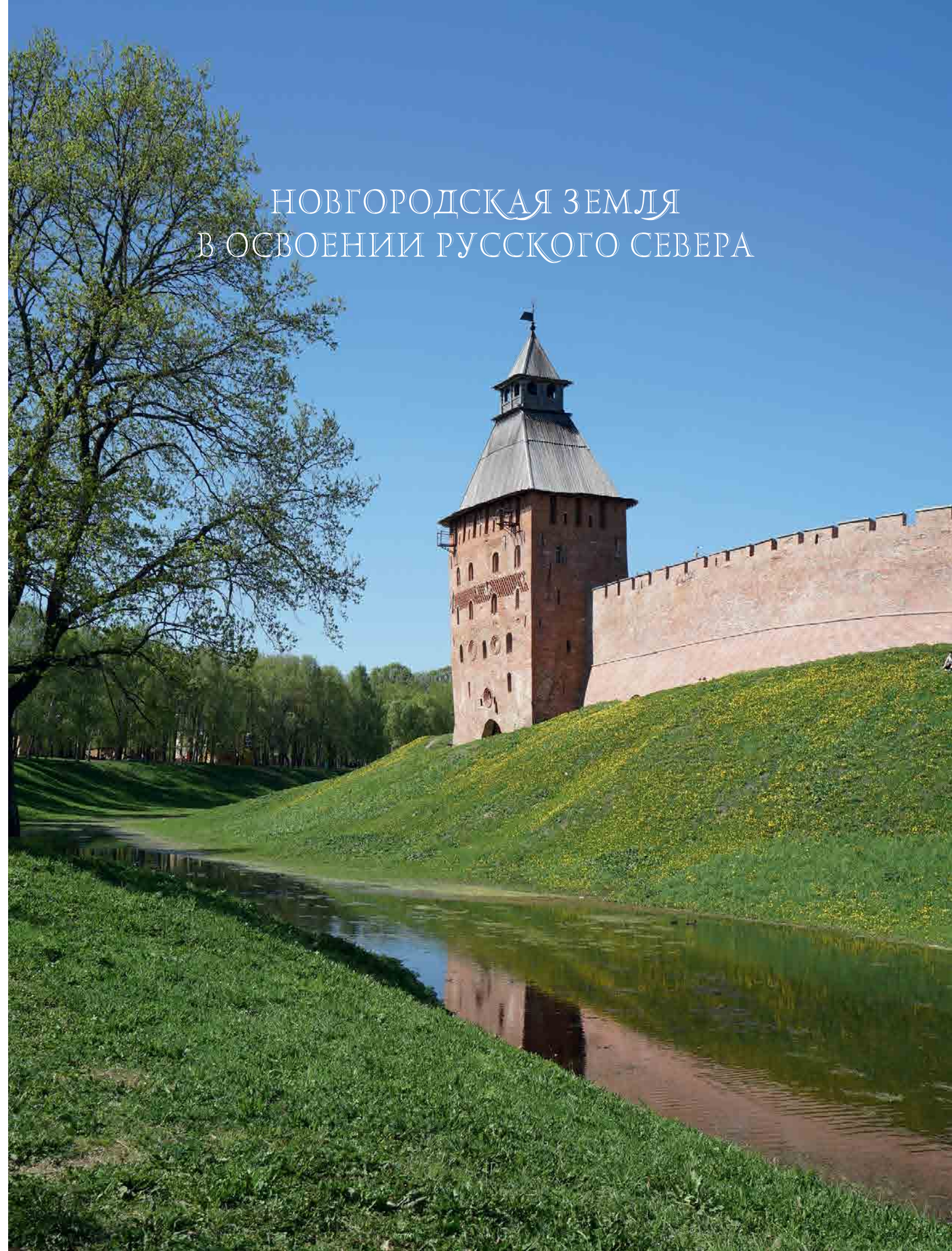
Старков, 1980; 1981]. Его исследование в настоящее время успешно продолжают сибирские археологи [Визгалов, Пархимович, 2008; 2017; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011]. Роль Новгорода и Новгородской земли в освоении Севера наглядно показала выставка «Путь на Север: истоки», организованная в 2017 году Новгородским государственным объединенным музеем-заповедником [Путь на Север: истоки, 2017].

Представленные в этой книге материалы конференции далеки от подведения окончательных итогов. Развернувшиеся в последние годы широкомасштабные археологические исследования на севере Западной Сибири каждый полевой сезон приносят сенсационные находки в диапазоне от каменного века до Нового времени. Вместе с тем публикация под одной обложкой новых археологических, исторических и лингвистических данных о многовековых связях Югры с Новгородской Русью – важный этап в изучении Севера, значение которого в полной мере еще предстоит осмыслить.

Список литературы

- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – Л.: Гидрометеиздат, 1980. – 163 с.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – 147 с.
- Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. – М.: ОГИ, 2009. – 432 с.
- Бернштам Т. А. Поморья. Формирование группы и системы хозяйства. – Л.: Наука, 1978. – 176 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2017. – 360 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). – Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2011. – 216 с.
- Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. – М.: МГУ, 1996. – 688 с.
- Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М.: Скрипторий, 1997. – 368 с.
- Путь на Север: истоки. – М.: Арт Волхонка, 2017. – 176 с.
- Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. I. Шпицберген. – М.: Научный мир, 1998. – 96 с.
- Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. II. Россия и Северо-Восточный проход. – М.: Научный мир, 2001. – 116 с.
- Старков В. Ф., Державин В. Л., Захаров В. Г. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. – М.: Научный мир, 2007. – 152 с.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники: в 2 т. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 400 с.

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ В ОСВОЕНИИ РУССКОГО СЕВЕРА

Е. Н. Носов¹

¹ Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Дворцовая набережная, д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: nosov.evg@gmail.com

Новгород Великий и новгородские волости в XI–XV веках

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процесса расселения славянских племен по территории Восточной Европы и образованию Северной Руси в свете традиций русской либеральной историографии и идей В. О. Ключевского, взаимоотношения Новгорода и Ладоги как главных центров Северной Руси. В работе анализируется освоение русского Севера от Приладожья и Приильменья на западе до Югры на востоке. Югорские дани рассматриваются как древнейшая форма хищнической эксплуатации коренных народов, и дается сравнение этого процесса с феноменом ушкуйничества XIV в. на Каме и Волге.

Ключевые слова: Славянская колонизация Восточной Европы, освоение новгородцами русского Севера, югорские дани, ушкуйничество.

Во второй половине I тыс. н. э. славянские племена, постепенно продвигаясь в лесостепной и лесной зоне Восточной Европы от среднего Поднепровья в северном и северо-восточном направлениях, пересекли зону восточнобалтских племен, протянувшуюся от Балтийского моря на западе до бассейна р. Москвы на востоке и до южных берегов оз. Ильмень на севере. Севернее Западной Двины они вышли на территории, занятые различными финскими группировками. Стержневой осью этого движения были реки Днепр и Ловать, а крайним достигнутым северным районом – низовья р. Волхова. «Истоки новгородской истории, – писал Б. А. Рыбаков, – уведут нас в отдаленное время славянской колонизации Севера, когда славяне-земледельцы медленно осваивали всю зону лиственных лесов Восточной Европы. В своем расселении славяне долго не выходили за пределы этой пригодной для земледелия обширной области, доходившей до озер Чудского, Ильменя и костромского Поволжья. Далее на север лежала зона безбрежной хвойной тайги, редко заселенной местным неславянским населением, жившим здесь со времен неолита...» [Рыбаков, 1964. – С. 157]. Именно на пограничье двух ландшафтных зон возникла и цепь первых городов, окаймлявших самые северные земли, до которых добрались славяне, – Псков и Изборск, Ладога и Новгород, Белоозеро и Ростов. Здесь, в Причудье и Полужье, Поволховье и Приладожье, в Приильменье и Белозерье, в конце I – рубежу I–II тыс. н. э. появилась некая зона турбулентности археологических культур, где переплавлялись в единое целое традиции разных народов, местных и пришлых (длинные курганы и сопки, разнообразные курганы с сожжением, погребальные площадки с грунтовыми захоронениями, «домики мертвых», различные виды жилых построек и отопительных устройств, отличающиеся типы украшений и керамики, сходные предметы быта и хозяйства и т. д.). Общее продвижение славянства на север и северо-восток приостановилось. Далее начинался иной мир, в котором требовалась перестройка хозяйственной и культурной основы всего существования населения.

Освоение новгородцами русского Севера как процесс выхода древнерусского населения за очерченные выше пределы и достижение Приобья в Зауралье охватывал длительный период от XI в. до рубежа

XV и XVI вв. и тысячекилометровые пространства. С одной стороны, это был единый исторический процесс увеличения размеров государства и зон его влияния, а с другой стороны, он имел свои хронологические и территориальные особенности, не остававшиеся неизменными на протяжении веков. Кроме того, вопросы освоения Русского Севера смыкаются с еще более крупными проблемами изучения изменений в хозяйственном и политическом развитии всей Великороссии и началом освоения Сибири.

Северной Русью мы называем территории северной части метрополии Древней Руси, включающие бассейны Чудского и Белого озер, с центром в Приильменье и Ладогой как северным форпостом. Вся область к востоку и северо-востоку от Онежского и Белого озер, за многочисленными здесь волоками (Заволочье) и вплоть до Уральских гор и р. Оби охватывается понятием Русского Севера. Самые восточные земли от р. Печоры и до нижнего течения р. Оби обычно именуются Югрой. При характеристике распространения влияния метрополии на восток правильнее использовать определение не «славяне», а «древнерусское население», что точнее соответствует уже изменившемуся составу контингента, который принял в этом участие.

Колонизация или освоение новых земель включает два связанных между собой процесса. С одной стороны, это присоединение и хозяйственное освоение государством новых территорий с распространением на них административной системы и юридических норм метрополии, а с другой стороны, образование волостей, где с разной степенью регулярности собирается дань с местного населения, продолжающего жить традиционным укладом по своим нормам.

Новгород, основанный при истоке Волхова из озера Ильмень, замыкал в ключевой географической точке обширную разветвленную систему рек ильменского бассейна, охватывавшую почти все земли северной группировки славян. По р. Ловати шел путь на юг к р. Западной Двине и переходу в днепровский бассейн и к волокам «Оковского леса», по рекам Мсте и Поле открывались выходы на восток и юго-восток к верховьям рек Волги и Мологи, по р. Шелони пролегла дорога на запад к бассейну р. Великой и Чудскому озеру. Волхов соединял озера Ильмень и Ладогу, откуда по р. Неве пролегал прямой путь в Финский залив и далее на Балтику. Большинство исследователей сейчас согласны с тем, что в бассейне Ильменя славяне появились в третьей четверти I тыс. н. э. Исток Волхова и прилегающая к нему с юго-запада местность – Поозерье явились центром славянского расселения. Подобную роль данной территории определило ее чрезвычайно выгодное географическое положение в районе, где сходились обширные системы рек и имелись плодородные почвы. Справедливо заметил Ю. А. Кизилев, что «другого более обширного массива земли, способного удержать на себе такую же, как в северном Приильменье, концентрацию населения, в этом крае не было», что определило размещение социальных лидеров общества – «лучших» людей в «главном» городе земли и связанное с этим устойчивое преобладание густонаселенного приильменского центра над другими волостями [Кизилев, 1984. – С. 14].

Новгородцы издавна называют Поозерьем территорию, протянувшуюся узкой полосой в 4–5 км на 20 км вдоль Ильменя, между ним и протекающей почти параллельно его берегу р. Веряжей. Это один из самых населенных и развитых в сельскохозяйственном отношении районов Новгородской земли, наиболее удобный для начального земледельческого освоения. Поозерье характеризуется легкими почвами, большая часть которых писцами XVI в. относилась к числу «добрых», а в XVIII в. они классифицировались как «иловатые, песчаные, к урожаю хлеба весьма способные». Обширные заливные поймы рек Веряжи и Ракомки, ручьев и проток относились к числу лучших покосов Новгородского края. Еще в XVIII в. в Поозерье сохранялись широколиственные леса: дубовые, особенно хорошо переносящие паводки, а также кленовые, вязовые, ильмовые и ясеневые, распространенные тут и в эпоху славянского расселения. Такой состав леса необычен для центральных районов Новгородской земли, где доминируют различные типы смешанных лесов с включением наряду с лиственными породами и хвойных – ели и сосны. Судя по карте окрестностей Новгорода последней четверти XVIII в., еще тогда к западу от р. Веряжи тянулись сплошные леса, а отдельные залесенные участки сохранялись даже в самом центре Поозерья. Район издавна славился рыбными промыслами и изобилием водоплавающей птицы.

Такие природные условия, крайне благоприятные и для ведения хозяйства, основанного на земледелии и скотоводстве, и для разнообразной промысловой деятельности, определили то, что Поозерье и исток Волхова стали ядром расселения славян в крае. Им этот район в наибольшей степени, чем иные места в Приильменье, напоминал по своим природным характеристикам более южные и юго-западные области Восточной и Центральной Европы, откуда пришло на север славянское население. Поозерье и исток Волхова в первую очередь имел в виду летописец XI в., когда сообщал, что во время продвижения славян их самая северная группа – «новгородские словени» – «седоша около езера Ильмеря и прозвашася своимъ имянемъ», то есть общеродовым именем славян, очевидно оказавшись в иноязычном, прежде всего прибалтийско-финском, окружении [ПВЛ, 1996. – С. 8].

Всего к настоящему времени открыто около 30 поселений конца I тыс. н. э., а еще ряд размыты Ильменем [Носов, 1991. – С. 5–37]. Сплошной цепью протянулись они по Веряже, вдоль Волхова и его правого рукава – Малого Волховца, а ранее некоторые располагались и по берегу самого озера. По общему облику материальной культуры, и прежде всего по характеру преобладавшей лепной профилированной керамики ладожского типа, эти поселения едины и принадлежат культуре сопков, перерастающей в древнерусскую культуру. Самым ранним из них в настоящее время является поселение Прость, где встречены древности третьей четверти I тыс. н. э. [Носов, Горюнова, Плохов. 2005. – С. 122–154]. Примечательным в размещении поселения является его непосредственная близость и частичная синхронность с известным славянским языческим святилищем в урочище Перынь, отделенным от него периодически затапливаемой болотистой поймой.

Перынь – главное языческое капище ильменских славян. Оно представляет собой небольшое всхолмление на левом берегу Волхова при его истоке из Ильменя. Весной перынский холм, увенчанный сосновой рощей, превращается в остров. Согласно летописям в 980 г. воевода Добрыня, дядя великого князя Владимира Святославича, утверждая культ Перуна в Новгороде, «постави кумира надъ рекою Волховомъ, и жряху ему людье новгородьстии аки богу» [ПВЛ, 1996. – С. 37]. Каким было это изображение божества, летописец не сообщает, но установленный одновременно в Киеве деревянный Перун имел серебряную голову и золотые усы. После принятия в 988 г. князем Владимиром христианства и приходом в Новгород первого архиепископа Иоакима Корсунянина языческое святилище было разорено, а сам идол Перуна сброшен в Волхов.

Святилище в Перыни существовало отнюдь не десятилетие. Устойчивость названия холма Перынь и связанных с ним преданий, доживший до наших дней обычай бросать в Волхов монету при следовании мимо Перыни («жертва Перуну») говорят о достаточно длительном местонахождении здесь культового центра. Перун – исконно общеславянское божество, бог-громовержец, и именно в таком своем качестве он изначально почитался славянами. С появлением новых социальных групп вокруг великого князя культ Перуна как бога-покровителя княжеской власти и дружины был выдвинут на первое место. Владимир стремился придать Перуну значение верховного бога всего Древнерусского государства. В этом была суть предпринятой им в 980 г. реформы. Установка Добрыней новой статуи Перуна на старом святилище и нашла свое отражение в известной летописной записи.

Славянское святилище Перынь и поселение Прость находились на северной окраине Поозерья, но в самом центре плотной поселенческой зоны, охватывавшей наряду с Поозерьем и верховья Волхова. В ней зафиксированы селища конца I тыс. н. э. и погребальные памятники – сопки. Среди поселений выделяются Рюриково городище и Холопий городок. Первое из них занимает ближайшую от Ильменя возвышенность, где от Волхова отделяется его правый рукав – Малый Волховец, а второе приурочено к месту их слияния. Такое расположение определило роль обоих поселений как контролирующих пунктов на проходившем по Волхову водном пути.

Рюриково городище было главным поселением района, древнейшим военно-административным и торгово-ремесленным центром Северного Приильменья, первым летописным Новым городом (Новгородом). Его существование в середине IX в. доказано и сомнений не вызывает, а вопрос о более ранней дате пока остается открытым. Вероятно, изначальным названием поселения в истоке Волхова мог быть Холм-город. Его отзвуки сохранились в топонимике Славенского конца города (летописный

«Холм») и в скандинавском наименовании Новгорода – Хольмгардр (Холм-город), названии первого поселения, которое здесь встретили северные находники в IX в.

Ведущая роль центра в истоке Волхова была обусловлена его расположением в сгустке славянских поселений Приильменья, вблизи главного языческого капища ильменской группы славян, но не только этим. Не меньшее значение имел тот факт, что здесь расходились два главных торгово-военных пути средневековья – балтийско-волжский, или Восточный путь и путь «из варяг в греки». Первый из них сыграл особо значимую роль в истории.

В конце I тыс. н. э. торговля со странами исламского Востока была единственным источником поступления серебра в Восточную Европу. Часть его оседала здесь, другая же по водным путям попадала в страны Балтийского региона. Началу торговли восточным серебром способствовал целый ряд обстоятельств. На территориях Восточной Европы, занятых в VIII–IX вв. славянскими племенами, совершенно отсутствовали месторождения цветных металлов, необходимых для ювелирного производства. Основными регионами, откуда они могли поступать, были юго-восточные земли в широком понимании (Кавказ, Средняя Азия и другие районы). В середине VIII в. в ходе расширения занимаемой территории славяне вплотную столкнулись с населением, входившим в состав Хазарского каганата, располагавшегося к северу от Азовского и Каспийского морей, по нижней Волге и Дону. Именно тогда стало проникать к славянам серебро в виде монет. Начало этой торговли совпадает с первым столетием господства династии Аббасидов (вторая половина VIII–X вв.), когда завершается становление Багдадского халифата как феодального государства. В поисках рынков сбыта и источников сырья мусульманские купцы устремляются в неведомые земли славян, откуда важнейшими предметами вывоза стали меха и рабы, получаемые в обмен на серебро.

Основной магистралью на начальном этапе проникновения серебра в лесную зону Восточной Европы была р. Дон с дальнейшим переходом на р. Оку. По рекам Волго-Окского междуречья серебро попадало на верхнюю Волгу. Количество серебра, попавшего на Русь и прошедшего через лесную зону Восточной Европы, было огромно. Американский исследователь Т. Нунан составил полную топографию кладов Европы с куфическими монетами, учтя более 1000 отдельных кладов, насчитывающих более 228 000 арабских монет. Т. Нунан допускает, что общее число дирхемов достигало 5–8 млн. Около 50 % монет «прошли» в регион Балтики, а остальные остались на Руси [Noonan, 1997: 145, 152]. Основной поток серебряной монеты направлялся с Верхней Волги к Ладожскому озеру по рекам бассейна озера Ильмень и Волхову.

Путь арабского серебра оказал огромное стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие примыкавших к нему районов. У наиболее сложных участков водных путей, в первую очередь связанных с восточной торговлей, у порогов, близ волоков, в местах раздвоения рек на рукава создавались укрепленные поселения, контролировавшие пути и обеспечивавшие их безопасность. В ключевых местах речных дорог возникали торгово-ремесленные поселки, часть которых перерастали в города. Маршруты торговых путей четко высвечивают отдельные клады и их скопления. Исследователи единодушны в том, что территория складывающейся Новгородской земли в силу своего выгодного географического положения – в районе, где сходились обширные водные системы озер Ильменя и Ладоги, оказалась втянутой в балтийско-волжскую торговлю с самого начала ее становления. «Край сам по себе бедный, – отмечал А. А. Спицын, – но он лежит между востоком и западом и потому при усилении востока приобрел большое значение как неизбежный посредник в торговле» [Спицын, 1917. – С. 8].

В работах по исторической географии на основании привлечения сведений разновременных письменных источников и изучения карт было определено несколько наиболее вероятных переходов водными путями из бассейна верхней Волги в бассейн р. Невы [Носов, 1976. – С. 96–99]. Однако только анализ распространения на территории Новгородской земли арабского серебра периода его массового ввоза из стран Востока (IX – 70-е гг. X в.) дал возможность более конкретно решить этот вопрос. Он же позволил выяснить, насколько население Приильменья было вовлечено в разнообразную экономическую деятельность, связанную с транспортировкой, обменом, распространением монетного серебра, и где находились важнейшие центры такой деятельности.

Имеющиеся материалы показывают, что основной поток серебряной монеты, особенно в начальный период обращения дирхемов, направлялся с верхней Волги к Ладожскому озеру по рекам бассейна озера Ильмень: по реке Мсте или по рекам Явони и Поле (упоминаемый в летописях «*Селигерский путь*»). Серебро широко использовалось населением Приильмения, о чем свидетельствуют находки почти на всех поселениях, где предпринимались широкие раскопки. Часть серебра уходила на Балтику. Основной магистралью этого движения был Волхов. Низовья и верховья р. Волхова явно выделяются по концентрации серебра среди всей территории Северной Руси, однозначно маркируя расположение двух главных городских центров Новгорода и Ладоги. В верховьях Волхова найдено *пять кладов IX в., семь – X в., а датировка еще одного не ясна* [Носов, 1976. – С. 99 и сл.] Картография кладов восточных монет показывает, что транзитного движения серебра из бассейна Волги по р. Шексне, через Белое озеро и далее по рекам Вытегре и Свири и по рекам Мологе и Сяси в VIII–X вв. не существовало. Правда, не все исследователи полностью согласны с этим [Богуславский, 1993. – С. 140].

Ладога оказалась «выброшенной» на 200 км к северу от Приильмения – коренной племенной территории ильменской группы славян, и оторванной от нее. В сравнении с Поозерьем с его плодородными почвами и широкими поймами, с разработанными долинами крупных рек Приильмения (Ловати, Мсты, Шелони) низовья Волхова никаких преимуществ для развития сельского хозяйства не имели, а даже уступали им. Именно поэтому в окрестностях Ладоги, в отличие от Поозерья, не было и плотной земледельческой округи. Речь, конечно, идет об отсутствии в окрестностях Ладоги каких-либо крупных массивов плодородных земель, а не о том, что ладожане вообще не занимались земледелием или что здесь совсем не было других селений. Значимость вопроса возрастает, если помнить, что при описании расселения славянских племен по рекам и озерам летописец вообще не упомянул ни р. Волхов, ни Ладожское озеро. На запад от Ладоги тянулись незаселенные болотистые леса, а на востоке от нее, только начиная со среднего течения р. Сяси, были районы, занятые редкими финскими обитателями. В среднем течении Сяси располагалось второе, наряду с Ладогой, известное укрепленное поселение у д. Городище, а также группы сопки и курганов [Богуславский, 1993. – С. 132 и сл.].

Встает закономерный вопрос: чем же в таком случае было обусловлено основание во второй половине VIII в. в северном Поволжье Ладоги и ее последующее возвышение, поскольку признать случайным это, конечно, нельзя? Решающими здесь являются природно-географические факторы. Ладога находится в месте, где морской и речной внутриконтинентальный пути Восточной Европы сменяли друг друга. Каждый из них требовал особых навыков плавания, переоснащения или даже смены типа судов и мог функционировать только в определенные периоды года. Суда, шедшие из Балтики, миновав Финский залив, поднимались вверх по Неве в Ладожское озеро (озеро «*Нево*» древнерусских летописей) и после прохождения вдоль его южного берега достигали Волхова. Короткая и полноводная Нева (длина 74 км, ширина 400–600 м) позволяла не менять традиции морского плавания. Неву мореходы воспринимали как своего рода короткий пролив между Финским заливом и Ладожским озером, которое своей обширностью и бурным нравом производило впечатление моря больше, чем мелководный и узкий залив.

Низовья Волхова представляли перед путниками широкой спокойной водной гладью среди низких, заросших кустарником берегов. Однако через 20 км реку перегораживали самые опасные в Восточной Европе волховские (гостинопольские) пороги, тянувшиеся на 9 км. Тут река стремительно мчалась между отвесных известняковых теснин высотой до 30 м. Согласно средневековым письменным источникам для преодоления порогов требовалась перевозка товаров сухопутным путем вдоль реки и перегрузка их на плоскодонные суда или протягивание разгруженных ладей на канатах вдоль берега. Первая серьезная естественная преграда на внутренней водной магистрали и вызвала необходимость появления в низовьях Волхова этапного пункта. Им и стала Ладога, основанная на левом берегу Волхова при впадении речки Ладожки, образующей удобную бухту для стоянки судов и их ремонта.

В 1892 г. в Ладоге на берегу при тяге барок по Волхову одна из лошадей копытом вывернула клад куфических монет. Это древнейший русский клад, как подчеркивал В. Л. Янин, «небольшой, но сохранившийся целиком» (28 целых монет и 3 обломка). Он относится к 80–90-м гг. VIII в. и охватывает компактную группу дирхемов чеканки 748–786 гг. [Янин, 2009. – С. 96]. В Западной Европе самый ранний клад, содержащий семь монет и один обломок, обнаружен на острове Готланд и относится к 783 г.

[Там же]. Это очень надежные маркеры. В культурном слое ладожского поселения дирхем был обнаружен уже в первом ярусе построек самого раннего горизонта, и время его выпадения в слой определяется 50–60-ми гг. VIII в. (древнейший спил с построек Ладоги датируется 753 г.), что подтверждает достаточно раннее начало восточной торговли с Балтикой [Носов, 1976. – С. 99–102; дополнение к сводке см.: Носов, 1990. – С. 187, 188, 202, прим. 83].

Ладога как центр на переломе главного морского и континентального пути Восточной Европы конца I тыс. н. э. начала функционировать с середины VIII в. Ее расположение в месте встречи двух миров – мира балтийских культур и мира культур континентальных, определило разнообразность ее населения, многокомпонентность материальной культуры, сложное переплетение различных традиций. О пестром составе обитателей поселка говорят разные типы могильных памятников в его окрестностях – грунтовый могильник с трупосожжениями у Никольского монастыря, несколько десятков высоких курганов-сопок, типичных для центрального Приильмения и образующих вокруг Ладоги ряд групп, небольшие полусферические курганы с захоронениями по обряду кремации в урочище Победище, скандинавские курганы с ладейными захоронениями в урочище Плакун.

Итак, можно коротко суммировать наши наблюдения. Расположение Новгорода в истоке Волхова определило его нахождение в центре плотно заселенной славянами территории и удобное географическое расположение для контроля восточного пути и пути на юг к Киеву. Для возникновения Ладоги решающим стало ее ключевое размещение в пункте смены путей: морского и континентального во внутренние районы Восточной Европы для обеспечения прежде всего восточной торговли.

К сожалению, многие страницы прошлого Ладоги остаются до сих пор не ясными и спорными. В значительной части это случилось в результате борьбы советской науки с идеями российской либеральной истории, прежде всего в лице В. О. Ключевского, в частности с норманизмом, примитивно понимаемым сквозь призму ущемления национального достоинства великой нации и страны. Очевидные факты оказались затерты в массе пустых рассуждений, здравые идеи утонули в домыслах, а современные попытки вернуться на тропу объективности сами зачастую оказываются весьма односторонними и прямолинейными. Надо признать, что и достоверных фактических источников зачастую недостаточно.

Мы уже упоминали, что летописец при описании расселения славянских племен по рекам и озерам вообще не упомянул ни р. Волхов, ни Ладожское озеро (озеро «Нево»). Это может дать и давало почву для самых разных предположений, в том числе и отражаться на оценке места Ладоги в структуре Древнерусского государства. Так, опираясь на данный факт, Т. А. Бернштам заключила, что словене при расселении пришли только на земли в верховьях Волхова, а «основное течение» реки и юго-восточное Приладожье заняли варяги, переселившиеся «из-за моря» и взимавшие дань с местного населения. Свой вывод Т. А. Бернштам подтверждает ссылками на скандинавские элементы в культуре древней Ладоги, открытые при раскопках, изменения в характере домостроительства, черты северной погребальной обрядности населения. Пожар в горизонте Е-2 Ладоги она считает возможным соотносить с изгнанием варягов словенцами и их союзниками [Бернштам, 1978. – С. 15, 21 и др.]. По Т. А. Бернштам, древнейшая Ладога – это скандинавская колония с соответствующей округой вне зоны расселения словен, то есть, по сути дела, часть шведской метрополии, завоеванная в VIII в. (сама автор слово «колония» не употребляет). Эти положения были буквально восприняты Д. А. Мачинским и легли в основу его многократных построений о первой Ладоге, о ней как о столице Руси и т. д. [Мачинский, 1986. – С. 3–29 и др.].

Таких же позиций придерживаются и еще некоторые исследователи. Так, Г. С. Лебедев полагал, что Ладога была основана прибывшей из Скандинавии «небольшой и мирной общиной», возглавлявшейся «особой княжеского достоинства» и участвовавшей в организации «торговли с Востоком». В середине IX в. swei были изгнаны словенцами и приглашен Рюрик [Лебедев, 2005. – С. 490–492].

В 1945 г. была опубликована важная источниковедческая работа выдающегося филолога Е. А. Рыдзевской, ставшая этапной для отечественной исторической науки и археологии. В ней, увидевшей свет уже после смерти автора (реально это материалы доклада, сделанного в 1941 г. в блокадном Ленинграде), были скрупулезно собраны сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе, на которых стали основываться и основываются сейчас многие отечественные исследователи [Рыдзевская, 1945. – С. 51–65].

Проанализировав собранный материал, Е. А. Рыдзевская сделала крайне важные выводы для понимания начальной истории Древней Руси. Известные по сагам нападения на Ладогу скандинавов в начале XI в., по ее мнению, «были лишь сезонными летними предприятиями викингов; ни о каком сколько-нибудь прочном завоевании тут говорить не приходится. Ни малейшего намека на какие-нибудь скандинавские поселения в крае, подвергшемся набегам Эйрика и Свейна, мы здесь также не находим, а этим лишний раз опровергается гипотеза о скандинавских колониях в Ладоге и Приладжье» [Рыдзевская, 1945. – С. 56].

Родич княгини Ингигерд, жены Ярослава Мудрого (с 1016 г.) – ярл Ронгвальд был наместником в Ладоге, после смерти которого эта должность перешла к его сыну, ярлу Эйлифу. «Ладога, – заключила Е. А. Рыдзевская, – представляется здесь военным пунктом, где сидят последовательно два шведских дружинных вождя, отец и сын». «Ладожским воеводам-норманнам доставалась, вероятно, кроме установленного жалования, часть дани, которую они были обязаны давать Ярославу и, несомненно, военная добыча» [Рыдзевская, 1945. – С. 61].

Опираясь на свод Е. А. Рыдзевской, А. Н. Насонов в работе об образовании территории древнерусского государства 1951 г. сделал вывод о Ладоге как о «северных воротах» на пути во внутреннюю часть Восточной Европы, где скандинавы, «посаженные киевским князем в Ладоге, были просто наемными варягами, которых приходилось содержать, давать жалование и их «мужам» по договору» [Насонов, 1951. – С. 69]. А. Н. Насонов подчеркивал более тесную связь Ладоги с киевской властью, чем с новгородской администрацией, и полагал, что «власть Новгорода переходит на Ладогу» только в 40–50-е годы XI в. [Там же. – С. 68, 104]. Заключение весьма спорное. Еще А. В. Куза в 1975 г. справедливо заметил, что хотя «скандинавские саги именуют ладожскую округу земель Владимира Старого, последнее указание не дает права увязывать Ладогу непосредственно с Киевом, минуя Новгород. В конце X – начале XI в. верховным сюзереном всех земель был Владимир, а сыновья являлись его наместниками» [Куза, 1975. – С. 175]. В этом же русле высказывался и П. П. Толочко, отстаивая мысль, что, «несмотря на значительную роль в истории Руси ее начальной поры, она (Ладога. – Е. Н.) так и не обрела статуса княжеского центра. В административной табели о рангах Ладожская волость представляла собой в X–XI вв. небольшое наместничество, управлявшееся великокняжескими посадниками» [Толочко, 1999. – С. 220].

Среди информации о Ладоге, опубликованной Е. А. Рыдзевской, имеются сведения саги об Олафе Святом (1020 г.), где говорится о браке Ярослава Мудрого с дочерью шведского конунга Ингигерд и передачи ей Ладоги и относящегося к ней ярлства в качестве свадебного дара и дальнейшем распоряжении земель. Подобных сведений вообще нет в древнерусских летописях, а потому к ним надо относиться очень осторожно. Не случайно их не привлекал А. Н. Насонов, даже не упомянув имени Ингигерд в своей монографии. Тем не менее без всяких оговорок данную информацию как однозначно доказанную активно используют сторонники особой роли Ладоги и скандинавов в русской истории Т. А. Бернштам, Д. А. Мачинский, Г. С. Лебедев, избегая цитировать общие заключения Е. А. Рыдзевской по этому вопросу. В наши дни следует признать все сведения о свадебном земельном даре Ингигерд недостоверными, поскольку, как показала В. Г. Глазырина, женщины ни в Скандинавии, ни на Руси в начале XI в. права владения и распоряжения землей не имели. Снорри Стурлосон в Саге об Олафе «модернизирует информацию о ранней истории, описывая события начала XI в. на основе практики, сложившейся в Норвегии ко времени создания произведения – первой половине XIII в.» [Глазырина, 1994. – С. 244].

Археологические материалы также дают убедительную картину присутствия среди населения Ладоги выходцев из Скандинавии с самых первых этапов ее существования, в середине VIII в. Среди них были мужчины, женщины и целые семьи, а по социальному составу – воины, торговцы и ремесленники. Скандинавы жили в Ладоге и в XI–XII вв. Ладога, или Aldeigja (Aldeigjuborg), как ее именуют в древне-скандинавской письменности, вполне может рассматриваться как форпост скандинавской культуры на севере Руси. Однако нет оснований считать Ладогу сугубо скандинавской колонией, поскольку наиболее массовый археологический материал – лепная и ранняя гончарная керамика, наряду с ладожским домостроительством и многими другими элементами материальной культуры, как и различные группы погребальных памятников в окрестностях поселения, не связаны со скандинавским этносом.

Жизнь Ладоги была динамичной. Сюда, в центр международной торговли, издалека, преодолев волоки и пороги, приходили ладьи с серебром, предметами роскоши, оружием. Из окрестных районов свозились меха, мед, воск и рабы. Здесь совершались сделки и наживались богатства. Эти бурные процессы влекли в Ладогу предводителей дружин и простых воинов, торговцев и ремесленников. Всех их сближало стремление к власти и богатству. В Ладоге в VIII–IX вв. шел даже более интенсивный, чем в центре Приильменья, процесс формирования новой структуры общества. Этническая и социальная разнородность Ладоги отразилась в многообразии погребальных памятников ее округи. Интересы новых социальных групп требовали сильной власти, что обеспечивало внутреннюю экономическую и политическую стабильность жизни.

К рубежу X и XI вв. в Поволховье, и прежде всего в его двух городских, торгово-ремесленных и административных центрах – Ладоге и Новгороде, складывались элементы государственности в форме центральной административной власти и военной дружинной силы, включавшей ватаги молодцев скандинавского происхождения и из местной словено-финской среды, владевших оружием и навыками мореплавания, привыкших к трудностям дальних походов. В Поволховье уже вернулись воины, побывавшие в Киеве, на Волге и в Византии, почувствовавшие ветер приключений, гордость победителей и удовлетворение от награбленного и полученного откупа от побежденных. Число потенциальных находчиков не уменьшалось, а росло. Так в Поволховье формировался новый энергетический центр силы для возможных шагов в прорыве на еще не изведенные территории. Они простирались к востоку.

Еще в XIX в. в трудах классиков отечественной истории С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, венчающих достижения отечественной исторической мысли, было подчеркнуто, сколь значительную, порой даже определяющую роль в истории Древней Руси и России сыграли природно-географические условия ее отдельных регионов. Среди них такие характерные черты Восточной Европы, как огромные размеры территории, равнинный характер, густая залесенность и заболоченность, удаленность от моря и развитая сеть речных систем. Именно эти факторы позволили рассматривать древнейшее прошлое восточного славянства как историю постоянной колонизации слабо заселенных земель, при которой реки являлись основными путями расселения и местами хозяйственной деятельности. Направления рек определяли направления движения населения и распространения государственности, а речные системы обуславливали места образования городов как торгово-ремесленных и административных центров и тяготеющих к ним округ [Ключевский, 1956. – С. 30 и сл.; Носов, 1999. – С. 157, 158].

Такие исходные позиции оказали огромное влияние на всю отечественную историографию, в первую очередь на работы, специально посвященные исторической географии, появившиеся в последней трети XIX в. – начале XX в. В советской исторической науке второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. в процессе активного внедрения идей догматического марксизма, предполагавших примат социально-экономической обусловленности всей эволюции экономики и общественных структур, роль географических факторов и их влияние на характер исторического развития если уж не совсем замалчивались, то отходили на второй план. Вполне естественно подверглись критике взгляды основных лидеров русской дореволюционной науки, прежде всего С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, в том числе подчеркивалось преувеличение ими роли природной среды в ущерб иным факторам.

Не вдаваясь детально в вопросы историографии, заметим, что в трудах западных исследователей Древней Руси и русских историков-эмигрантов выводы В. О. Ключевского нашли многочисленных и последовательных сторонников. Это произошло в значительной степени благодаря экономической интерпретации, благодаря подчеркиванию важности торговли городских центров для Киевской Руси, благодаря указанию на важность колонизации для более позднего времени. В Советском Союзе подобные оценки вызывали волну критики. Только не надо упрощенно думать, что все и всеми советскими исследователями воспринималось однозначно. Отсутствие упоминаний имени и работ В. О. Ключевского в статьях и ссылках отнюдь не означало полное непринятие его концепции или ряда важнейших положений.

Ряд общих идей С. М. Соловьева, как и наблюдений В. О. Ключевского об особенностях исторического развития Древней Руси и России, основанных на тонкой исследовательской интуиции, сохранили свое значение и сейчас. Это в полной мере касается оценки природно-географического

фактора в истории страны, что постепенно стало признаваться и в советской науке. Утихла огульная критика так называемой «торговой теории» В. О. Ключевского, и в ней вдруг, как прозрев, увидели справедливость целого ряда принципиальных положений, прежде всего о роли внешней торговли в развитии государств в начальный период их становления [Носов, 2002. – С. 5–42]. В наши дни, когда наряду со сведениями письменных источников есть возможность уже опираться на достаточно надежные обширные данные археологии, необходимо признать прозорливость многих выводов классиков российской исторической науки, хотя нередко те были основаны лишь на общей интуиции.

Идеи о России как стране постоянной колонизации и с открытыми для расширения восточными границами в полной мере актуальны и при рассмотрении истории русского Севера от Новгорода до Югры. Политическое господство над этими районами открывало новгородским верхам широкие возможности обогащения за счет новых присоединяемых волостей. Судя по отрывочным летописным данным, новгородские первопроходцы достигли Югры уже в XI в.

Под 1096 г. в Повести временных лет помещен интереснейший для историка рассказ боярина Гюряты Роговича, основателя влиятельного новгородского боярского клана, о посылке своего отряда в Югру: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же – это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слыхали раньше... есть горы, заходят они к заливу морскому... и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли секиру, они взамен дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, поэтому не всегда доходим до них; идет он и дальше на север» [ПВЛ, 1996. – С. 245]. Летописец, составитель третьей редакции «Повести временных лет» 1118 г., поместил рассказ под 1096 г., но записал его, очевидно, в 1114 г., когда сам посещал Ладогу (прежа сих 4-х лет), где и слышал разные предания о ее прошлом. Кстати, под 1114 г. он упомянул о Югре еще раз. На его удивление о том, что в Ладоге из тучи после дождя выпадают «глазки стеклянные, и маленькие, и крупные, проверченные» (бусы. – Е. Н.), ладожане ему ответили: «Это неудивительно; живы еще многие старые, которые ходили за Югру и за Самоядь и видели сами в северных странах, как спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие» или «оленьцы маленькие» [ПВЛ, 1996. – 265, 532, прим. к С. 107].

Замечание летописца о «глазках в Ладоге» кому-то может показаться незначительным, но оно очень важно. Дело в том, что это описание реальной ситуации, точно переданное летописцем. И сейчас археологи, сталкивающиеся на практике с черным культурным слоем у «Земляного городища» в Старой Ладоге, после дождей и разливов Волхова регулярно находят здесь вымытые водой из слоя блестящие на солнце яркие глазчатые и мозаичные стеклянные бусы (глазки) VIII–IX вв. Надо думать, и другие сведения о походе Гюряты Роговича переданы составителем летописи без фантазий, а именно так, как ему и рассказывали.

Вчитываясь в текст, понимаешь, что в конце XI в. новгородцы с Печоры и Югры собирали дань и никакой торговли не вели. Не совсем понятны отношения с «Самоядью», а вот обмен секир и ножей на меха, то есть совсем примитивная «бартерная торговля», упомянут для еще более дальних, чем самоядь, северных народов, с которыми местные племена, но не ладожане, иногда сталкивались.

Дань никакого отношения к торговле не имеет. Дань платят побежденные ради мира («мира деля»). Дань, как справедливо подчеркивал И. Я. Фроянов, это «своеобразная плата за мир и безопасность, предупреждающая угрозу грабежа и разорения со стороны неприятеля. В этом сходятся все источники: отечественные и иностранные. <...> На протяжении IX–X вв. дань была одним из видов военного грабежа, ничего общего не имеющего с феодальной эксплуатацией». Многочисленные известия XI–XII вв. показывают, что дань в значении «примучиваний» широко собиралась за пределами территории победителей, в том числе с Югры. «Дань, доставлявшаяся инородческими племенами древнерусским князьям и их воинам, легко сопоставляется с ясаком, который приносили народы Сибири, покоренные Москвой в XVI–XVII вв.». И. Я. Фроянов отмечал, что С. В. Бахрушин и Н. Н. Воронин усматривали в данях прообраз сибирского ясака. Он привел примечательную цитату из Ф. Г. Эверса о древнерусской дани: «только одни побежденные народы платят дань; взимаемая с них дань или подать

есть цена, которою они откупаются от рабства... <...> ...посему в древние времена всякий налог, всякая подать считались чем-то позорным» [Фроянов, 1999. – С. 234–240]. Добавим, что в реальной жизни дань не платилась добровольно, она изымалась периодически по требованию, под угрозой применения силы или с реальным ее использованием. Примеров много.

В 1964 г. Б. А. Рыбаков в традициях советской официальной науки, оценивая летописный список различных племен и народов, издавна плативших дань Руси, представлял дело так, что отношения с ними, включая Чудь Заволочскую, Пермь, Печору, Югру «были спокойными; они никак не походили на отношения завоевателей и побежденных. Местная знать вливалась в русское боярство...» [Рыбаков, 1964. – С. 158]. Реальная картина не соответствовала этому благостному восприятию.

Рассматривая тему освоения Русского Севера, нельзя не коснуться вопросов характера торговли в средневековье. За огульной критикой взглядов известного советского историка М. Н. Покровского исследователи зачастую не обращают внимание на многие важные наблюдения и выводы, которые он сделал в своих работах. Основываясь на взглядах своего учителя В. О. Ключевского, исследователь последовательно корректировал собственные взгляды, сверяясь с идеями марксистского объяснения истории, как он их понимал. В данном случае я хочу обратить внимание на некоторые конкретные факты. М. Н. Покровский отмечал, что «черта, которую так заботливо проводят теперь, отделяя мирного торговца, хотя бы и недобросовестного от грабителя, не существовала для наивных людей раннего средневековья. Разбойник в купца и купец в разбойника превращались с поразительной легкостью, и скандинавские саги, например, с бесподобным реализмом упоминают рядом об обоих промыслах по отношению к одному и тому же лицу, нимало не конфузясь за своего героя». Средневековый торговец, отправляясь за товаром, «по обычаю брал с собою меч». «Был муж богатый и знатного происхождения, по имени Лодин: он часто предпринимал торговые путешествия, а иногда занимался и морским разбоем» – так, с искренним спокойствием, повествует одна из саг свода Снорри Стурлусона [Покровский, 1924. – С. 65, 66]. М. Н. Покровский привел следующий пример. Посланные короля Олафа Святого Карли и Гуннстейн и их спутник Торер-«собака», приехали в Биармию (новгородское Заволочье по Северной Двине) и завели там обширный торг с местными инородцами, выменивая у них лисьи и собольи меха на привезенные из Скандинавии товары, а отчасти и на деньги. Когда же торг окончился и вместе с тем окончилось перемирие, которое заключили норманны с местным населением, именно на время и на предмет торга, путешественники стали искать новые источники прибыли. Ночью они ограбили кладбище и стоявшее посреди него святилище главного местного бога Юмалы, пополнив свой капитал купцов. На обратном пути Торер-«собака» ограбил и своих спутников [Там же].

Многие конкретные события древней истории не попали на страницы письменных источников, но мы знаем, что в 997 г. норвежский ярл Эйрик разрушил Ладогу: «взял там много добра, и еще дальше проник он на восток в Гарды, ходил войной, жег города и крепости, а бонды бежали со своим имуществом в леса». В этом Е. А. Рыдзевская видела «очередное, направленное на восток предприятие викинга, “морского конунга”». В 1016 г. младший брат Эйрика Свейн совершил еще один набег на восточные земли. Начало осени застало его в Карелии, откуда он отправился «вверх в Гардарике». Это «вверх», полагала Е. А. Рыдзевская, в смысле направления означает «вверх по реке» или «в глубь страны от моря». Из Карелии Свейн, вероятнее всего, поплыл через Ладожское озеро на Волхов к Ладоге, тем более дорога туда уже была проторена его братом [Рыдзевская, 1945. – С. 54, 56]. Возможно, эти нападения заставили Ярослава назначить наместником в Ладогу «своего» скандинава Ронгвальда, родича жены. Аналогично в середине IX в. для наведения порядка на восточном торговом пути мог быть приглашен и Рюрик с братьями и дружиной [Носов, 1990. – С. 188, 189].

Набеги викингов на Ладогу мы фиксируем еще во втором десятилетии XI в., но не будем забывать, что в XI в. сами ладожане уже не раз достигали Югры, поскольку участники этих походов еще были живы в 1114 г., когда о них узнал летописец, посетивший Ладогу. И. М. Богословский видел в ушкуйничестве первоначальную форму новгородской колонизации севера. «Первоначальной распространительницей новгородского владычества на севере, – писал он, – надо считать вооруженную промышленную ватагу ушкуйников, очень напоминающую подобные же норманнские ватаги под предводительством викингов» [Богословский, 1909. – С. 2].

Я уже отмечал, что в результате длительного и постепенного расселения по Восточноевропейской равнине на север и северо-восток от Среднего Поднепровья славянские племена достигли зоны, где смешанные леса стали сменяться тайгой. Их движение остановилось. Это была зона неустойчивого земледелия, в которой урожайные годы, в силу переменчивого климата, чередовались с периодами, когда посевы вымерзали, гибли от засухи или, наоборот, вымокали от избытка влаги. Тогда урожаи были скудными или их вообще не было. На этом фоне важное место в хозяйстве занимали лесные промыслы, охота в дремучих лесах и на обширных поймах рек и озер, рыболовство. Современному человеку трудно даже представить изобилие средневековых лесов и водоемов. Так, к слову сказать, даже в самом Новгороде рыбы бывало столь много, что *«люди емяху рыбы у берега руками»* (1354 г.). Сильные и негативные стороны природно-географических и климатических условий Новгородского края, влиявших на развитие его экономики, прекрасно оценивали историки XIX в. [Никитский, 1893. – С. 1–35]. К этому следует добавить и ту огромную стимулирующую роль в жизни Новгородской земли, которую сыграл пересекший ее восточный путь – путь арабского серебра между мусульманским Востоком и регионом Балтики [Спицын, 1917. – С. 8].

Постепенно ослабевая во второй половине X в., ввоз дирхемов в Восточную Европу вообще прекратился в начале XI в. (последняя восточная серебряная монета, обнаруженная в европейском кладе, датируется 1015 г.). Это был внутренний кризис восточного серебряного обращения в мусульманских странах. Чеканка серебра прекратилась там везде и сменилась обращением золота, меди и низкопробного билона [Янин, 2009. – С. 172]. Однако потребность в серебре в Восточной Европе сохранялась. Сюда с начала 20-х гг. XI в. стали ввозить серебряные денарии уже из стран Западной Европы, прежде всего с территории Германии [Там же; Потин, 1968. – С. 38–58]. За серебро надо было платить, а для этого опять же лучше всего подходили меха, высоко ценившиеся раньше в арабском, а теперь в германском мире Западной Европы.

На территории северной Руси археологами открыты целые поселения, обитатели которых специализировались на пушной охоте для активного участия в обменах на отрезках водных путей, выходящих на Волгу. Но за два столетия интенсивных торговых контактов леса заметно оскудели, промысловые участки сохранялись во все более удаленных местах и во все меньшем числе. Необходимость интенсифицировать промысел, добывать наиболее качественный, а следовательно, более дорогой мех, гарантировавший наибольшую прибыль, толкала энтузиастов на поиски новых территорий, где можно было не столько добывать самим, сколько какими-то путями заполучить такую пушнину. И в XI в. активно начались далекие походы на восток. По образу своего поведения в военных экспедициях ватаги новгородских и ладожских молодцев мало чем отличались от отрядов викингов раннего периода, тем более они включали рыскающих тогда по Волхову временно «свободных от работы» скандинавов. Антропологические исследования погребенных на кладбище у церкви Климента в Старой Ладогe показали наличие здесь большого числа захоронений германского типа (скандинавов), относящихся к раннехристианскому времени (скорее всего, XI–XII вв.).

Касаясь историографических вопросов в своей фундаментальной монографии «Колонизация северных окраин Древней Руси», Н. А. Макаров справедливо писал, что «представления о начальных этапах проникновения Новгорода на Север как о торговых и даннических экспедициях, снаряжаемых новгородскими боярами, во многом восходящие к построениям В. О. Ключевского, мы встречаем в целом ряде работ, изданных в конце XIX–XX вв.». Это П. С. Ефименко и А. Я. Ефименко, Е. К. Огородников и М. М. Богословский, А. А. Кизиветтер и А. А. Савич [Макаров, 1997. – С. 8]. Я думаю, начальный этап появления вооруженных отрядов с берегов Волхова в Предуралье следует охарактеризовать резче. Первая волна экспансии на восток, докатившаяся до Урала, – это вооруженная грабительская (разбойничья) экспансия с целью военной добычи под страхом уничтожения местного пермского и югорского населения и попыткой закрепить даннические обязательства на будущее. Эта первоначальная волна прокатилась в XI–XII вв. по всему Русскому Северу, но в области Югры она никогда не меняла своей сути, а в областях не столь отдаленных, как Подвинье, – перешла в другие стадии. Первая волна ничем не отличалась от нападений викингов в Карелии, разграбления Ладоги и других мест Северной и Восточной Европы. Разве что риск возмездия за свои деяния здесь,

в далеких суровых краях, был больше из-за сложностей передвижения, а точнее – в случае побега с места содеянного.

Рейды на тысячи километров с целями грубого вторжения в чужой быт и изъятия ценностей без малейшего собственного вклада в их создание предполагали сопротивление. Нужны были опытные тренированные команды, выносливые и способные владеть оружием. Нужна была и значительная численность групп, хитрость и мудрость руководителя. Возглавить набег мог опытный человек, а организовать и сколотить группу только человек богатый. С. Ф. Платонов прав, как, впрочем, и многие иные, когда в освоении Севера отдает первенство новгородскому боярству.

Летопись – это хроника. В большинстве случаев она лаконично повествует о событии, которое казалось тогда важным, и не дает деталей, которые считаем важными мы, пытаемся понять происходившее. Вернемся к уже рассмотренному сообщению о Гюряте Роговиче под 1096 г. Он организовал поход в Югру, послал туда зависимого человека – своего «отрока», то есть дружинника, оплатил и вооружил всю команду, собранную для получения дани – незаработанной прибыли для себя. Гюрята – новгородский боярин из знатного рода, который дал Новгороду в XI – первой половине XIII в. не менее шести посадников. Основателем этого ладожско-новгородского рода является покинувший родину в 1019 г. шведский ярл Рёгнвальд Ульвссон, родич жены Ярослава Мудрого Ингигерд [Молчанов, 2011. – С. 274]. Вот так. В данном случае все вполне логично укладывается в наши рассуждения, но в большинстве случаев перед нами остаются сухие летописные фразы.

А вот под 1187 г. сообщается: *«В то же лето изъбиене быша Печерьскыи и Югорьскыи данницы...»*. Ясно только то, что поход за данью не удался, но где были «избиты» данники – в местах поборов или уже по возвращении с изъятим? Не ясно.

Летописное сообщение о походе на Югру в 1193 г. с редким по деталям описанием событий, недавно тщательно проанализированное А. Н. Сорокиным на фоне известий о многочисленных пожарах в Новгороде, возвращает нам ощущение эпохи. Коротко остановимся на изложении событий с учетом комментариев А. Н. Сорокина [Сорокин, 2016. – С. 262–270]. Новгородцы пошли *«в Югру ратью с воеводою Ядреем»*. Вышли в предзимье где-то после 15 ноября, когда встал на пути лед. Вначале было все для них удачно. Даньщики *«придоша в Югру и възьяша город, и придоша к другому граду»*. А захватить его не смогли. Стояли под городком пять недель. Югорцы льстиво их умоляли: *«...не губите нас, своих смердов, и свое дани»*, – потому что они, мол, собирают серебро и соболей, а сами собирали войско. Потом югорцы партиями приглашали промерзших на морозе новгородцев и перебили их 12, потом 30, потом 50, и в завершение вышли из града и напали на оставшихся. Смогли уйти в Новгород только 80 человек. А всего в походе участвовало человек двести. Сколько вернулось в Новгород весной, не знаем. В городке югорцев оказался новгородец Савка Вортола, который советовал «князю югорскому» убить воеводу, иначе тот снова приведет воинов из Новгорода. По возвращении живых из Югры в Новгороде начались пожары, поджоги усадеб, в том числе Савки, а еще по дороге сами участники расправились еще с тремя членами экспедиции. По мнению А. Н. Сорокина, это были внутренние разборки участников похода и их родни. Из этого летописного текста понятно, что никакой идиллии в взаимоотношениях с Югрой не было.

В отечественной науке нередко походы новгородских молодцев на Пермь и Югру рассматривались наряду с походами новгородских ушкуйников, направленных на грабежи по Волге и Каме. Единой позиции в отечественной науке по данному вопросу нет, как нет ее в летописных источниках. Для новгородских летописцев походы ушкуйников – это походы «молодцев», отправляющихся в далекие края «без слова новгородского». Для московского (низовского) летописца – это набеги «разбойников» («ушкунницы-разбойницы»). На протяжении XIV в. эти походы предпринимались в разных направлениях: до 1360-х г. – в области, издавна являвшиеся объектами новгородских притязаний (Мурман, Карела, Двинская земля, Белозерье), в 1364 г. – в Югорскую землю, а потом направление сдвигается на Кострому, Устюг, Волгу и Каму, Жукотин и т. д. [Бернадский, 1961. – С. 39]. Как отмечает В. Н. Бернадский, автор одного из наиболее серьезных исследований по средневековой экономике Новгорода, «ушкунники шли за добычей, за полоняниками, грабили и сбывали награбленное»; ушкунничество – попытка «расширить территорию новгородских волостей, то есть территорию, которую новгородцы грабили

и с которой собирали дань»; походы «не могли вестись такими небольшими отрядами, с которыми выступали обычно новгородские данщики; не десятки воинов, а сотни, порой тысячи отправлялись на ушкуях в поход за добычей»; «при данном уровне технико-экономического развития и общественном строе Новгород и его земля оказывались не в состоянии прокормить население деревни и города» и, наконец, «восток же и север манили к себе возможностями быстрого и легкого обогащения»; «колониальный грабеж старого типа, который применяли новгородцы раньше где-нибудь в Югре, на Волге был воспринят как действия разбойников. Успехами Москвы при Дмитрии Донском и Василии I ему быстро был положен конец» [*Там же*. – С. 47, 50].

Объясняя появление феномена ушкуйничества, В. Н. Бернадский видел в нем не только экономические, но и социальные причины. «Новгородские верхи не склонны были задерживать в Новгороде или в Новгородской земле избыток «черных людей», доставлявших так много беспокойства... Возможность роста вширь смягчала противоречия внутри Новгорода. Ушкуйничьи походы XIV в. отвлекали новгородские низы от выступлений против своих бояр», а крупнейшие бояре располагали достаточно значительными средствами, чтобы снарядить и вооружить сотни людей [*Там же*. – С. 48].

В 2017 г. В. В. Меньщиков и Н. В. Перцев, рассмотрев походы новгородцев в XII–XV вв. в Югру и сопоставив их с экономическими и политическими катаклизмами в самом Новгороде, предложили свое неожиданное объяснение их причин. По их мнению, далекие северо-восточные территории, лишь формально являясь подчиненными Новгороду, периодически становились объектами его военной экспансии из-за возникавших временных экономических кризисов в самой республике, требовавших поступления дополнительных внешних ресурсов в виде мехов и серебра. Под пером авторов вооруженные походы новгородских ватаг в северные земли – это целенаправленные государственные акции, носившие изначально мирный и торговый характер, но превратившиеся со временем в насильственное изъятие даней-поборов с аборигенного населения [*Меньщиков, Перцев, 2017*. – С. 129 и сл.]. Мне кажется, что такая позиция излишне прямолинейна и несколько модернизирована. Походы на север «за данью» надо в большей степени рассматривать в рамках сухопутного пиратства и боярских инициатив, нежели как целенаправленные государственные мероприятия.

Членение исторических процессов на этапы и выделение их определяющих черт всегда относительно и в определенной степени условно, поскольку сами процессы в реальной жизни не имеют четких рубежей и граней, а плавно перетекают один в другой в сложной эволюционной трансформации. Тем не менее по мере накопления фактов и эволюции в самом восприятии человеком прошлого такие периодические переоценки необходимы и будут продолжаться всегда. Все это касается и эволюции взглядов на освоение Русского Севера, и особенно его восточных окраин.

Список литературы и источников

- Бернадский В. А.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. – М.-Л.: Академии Наук СССР, 1961. – 396 с.
- Бернштам Т. А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
- Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. – М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1909. – 321 с.
- Богуславский О. И.* Южное Приладожье в системе трансевропейских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. – С. 132–157.
- Глазырина Г. В.* Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга / Старой Ладogi скандинавам) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. – М.: Наука, 1994. – С. 140–144.
- Кизилов Ю. А.* Земли и народы России XIII–XV вв. – М.: Высшая школа, 1984. – 160 с.
- Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 1. Курс русской истории. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 428 с.
- Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М.: Наука, 1975. – С. 144–201.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.

Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М.: Научно-изд. центр Скрипторий, 1997. – 368 с.

Меньщиков В. В., Перцев Н. В. Новгородская экспансия на Восток в XII–XV веках // Вестник Пермского университета. История. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет 2017. – Вып. 1. (36). – С. 129–135.

Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии и фольклористики. – Л.: Наука, 1986. С. 3–29.

Молчанов А. А. Новгородское боярство в X–XI вв.: Славянский и скандинавский компоненты // Висы дружбы. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. – С. 269–275.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. – Изд. 2-е. СПб.: Наука, 2006. – 211 с.

Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. – М.: Университетская типография, 1893. – 329 с.

Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII–IX вв. // ВИД. – Л.: Наука, 1976. – Вып. VIII. – С. 95–110.

Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. – Л.: Наука, 1990. – 215 с.

Носов Е. Н. Археологические памятники верховьев Волхова и ильменского Поозерья конца I тысячелетия н. э. (Каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. – М., 1991. – С. 5–37.

Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. – М.: Русские словари, 1999. – С. 157–170.

Носов Е. Н. Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология) // ИЗ – № 5 (123). – М.: Наука. 2002. – С. 5–42.

Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (Новые материалы и исследования). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). – 404 с.

Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 288 с.

ПВЛ – Повесть временных лет. Изд. 2-е. – СПб.: Наука, 1996. – 669 с.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Том I. Изд. 6-е. – Л.: Государственное издательство, 1924. – 262 с.

Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. – Л.: Советский художник, 1968. – 240 с.

Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. – 240 с.

Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. – М.-Л.: АН СССР, 1945. – Вып. XI. – С. 51–65.

Сорокин А. Н. «Вотолкин пожар» в древнем Новгороде (Хронология, топография, причина) // История и археология. Материалы XXX научной конференции, посвящённой 150-летию Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород, 26–28 января. 2016 г. – Вып. 30. – Вел. Новгород, 2016. – С. 262–270.

Спицын А. А. Русская историческая география. – Петроград : Тип. Я. Башмаков и К°, 1917. – 68 с.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 416 с.

Толочко П. П. Ладога и ее округа в первые века русской истории // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. – СПб.: ИИМК РАН, 1999. – С. 216–220.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. – Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 370 с.

Noonan T. Scandinavians in European Russia // The Oxford illustrated history of the vikings. Oxford – New York, 1997.

Сокращения

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины

ДГ – Древнейшие государства на территории СССР Материалы и исследования ИЗ – Исторические записки

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

Е. В. Торопова¹, С. Е. Торопов¹, К. Г. Самойлов¹

¹ Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, г. Великий Новгород, 173003, Россия
E-mail: toropova_elena@mail.ru

Старая Русса и Югра¹

Древнерусские письменные источники бесспорно свидетельствуют о включении территории Северного Урала – Югры – в сферу экономических интересов новгородцев уже с XI в. [Овчинникова, 2017. – С. 14–33]. Присоединение Югры к новгородским волостям зафиксировано в договорной грамоте 1264 г. Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 1949. – С. 10]. В этом же документе упоминается и Руса – крупнейший и ближайший к Новгороду «пригород». В настоящее время это небольшой районный центр Новгородской области (рис. 1). В письменных источниках вплоть до начала XVI в. город именовался просто – Руса. В конце 1530-х гг. в названии появилось прилагательное «Старая», а современная форма «Старая Русса» окончательно утвердилась лишь в XVIII в. [Медведев, 1966. – С. 266]. Впервые пункт упоминается в Новгородской первой летописи под 1167/1168 г. в связи с конфликтом между новгородцами и князем Святославом Ростиславичем, изгнанным из Новгорода и пытавшимся с помощью родственников военной силой вернуть себе новгородское княжение [*ПСРЛ, III*, 2000. – С. 32]. В этот период Руса, несомненно, уже являлась поселением городского типа. Древнейшее же письменное упоминание содержится в новгородской берестяной грамоте № 526, датируемой второй третью XI в.: «*На Бояне в Русе гривна, на Житобуде в Русе 13 кун и гривна истине...*» [Зализняк, 2004. – С. 241–242].

Созвучие названия города с наименованием государства и фрагментарность сведений письменных источников часто приводили историков к противоречивым выводам относительно его роли в событиях, связанных со становлением древнерусской государственности. На современном этапе специалисты по ономастике аргументированно отвергают связь между топонимом Руса и этнонимом/хоронимом «Русь». По их мнению, наиболее вероятно возникновение названия города от первоначального наименования реки Порусьи – «Руса», которое, в свою очередь, имеет древнебалтийское происхождение и может быть переведено как «Красная река» [Агеева и др., 2002].

Результаты многолетних археологических раскопок в Старой Руссе дают яркое представление о жизни города начиная с этапа его становления на рубеже X–XI вв. вплоть до настоящего времени. Как и в Новгороде, культурный слой Русы сохраняет органические материалы, что во много раз увеличивает его информативность. Максимальная мощность напластований достигает 6 м. В раскопах открыты большие участки городских дворов-усадб, огороженных деревянными частоколами и разделенных мощными деревом улицами. В древнейшей части города насчитывается 19 средневековых строительных горизонтов. Границы усадб оставались неизменными на протяжении столетий. На их территории располагались жилые и хозяйственные постройки, включая мастерские ремесленников и соляные варницы. Среди находок из органических материалов: большое количество деревянных предметов, огромное количество фрагментов и деталей кожаной обуви, куски текстиля, а также уникальные берестяные грамоты. На момент написания данной статьи в Старой Руссе найдено 49 берестяных

документов, датируемых в целом XI–XV вв. Несмотря на почти полную идентичность с материальной культурой столичного Новгорода, у провинциальной Русы есть и свои специфические особенности, прежде всего связанные с главным источником экономического благополучия средневековых рушан – солеваренным промыслом.

Планомерное археологическое изучение Старой Руссы началось в 1966 г. Более чем за 50 лет накоплен внушительный объем информации о мощности и границах распространения культурного слоя [Торопова, Воронков, 2011. – С. 66–70], которая позволяет убедительно указать место древнейшего поселения. Все данные указывают на участок, ограниченный с восточной стороны солеными озерами на территории современного курорта, а с запада и юга – руслом несуществующего ныне соленого ручья, протекавшего несколько восточнее церкви Св. Николая [Самойлов и др., 2012. – С. 178–192.]. Площадь древнейшего городского ядра составляла примерно 9 га. Мощность культурного слоя достигает здесь максимального значения – 6 м.

Всего с 1967 по 2012 год в границах этой территории представителями трех поколений археологов было заложено одиннадцать раскопов общей площадью чуть более 1500 кв. м: семь (раскопы VII, IX–XIV)² – в 1967–1978 гг. экспедицией Института археологии Академии наук СССР под руководством Александра Медведева; один (раскоп XV) – в 1985–1987 гг. той же экспедицией, но уже во главе с Валентиной Мироновой; три (Борисоглебский, Петропавловский и Пятницкий-I) – в 1999–2012 гг. экспедицией Новгородского государственного университета под руководством авторов статьи. С 2013 г. продолжается изучение культурного слоя на раскопе Пятницкий-II, вплотную примыкающем к раскопу Пятницкий-I. Анализ материалов древнейших напластований на всех исследованных участках позволяет осторожно датировать их рубежом X–XI вв. При этом необходимо учитывать изменения в методических подходах, произошедшие за 50 лет исследований Старой Руссы.

Для А. Ф. Медведева и В. Г. Мироновой главными датирующими методами являлись анализ керамического материала, соотносимого с классификацией керамики Новгорода, и поиск датированных аналогий вещевому материалу. Необходимо отметить, что ни в одном отчете об археологических исследованиях Старой Руссы 1960–80-х гг. не упоминается о находках фрагментов лепной керамики, представленной в Новгороде исключительно в слоях X в. [Плохов, 2002. – С. 141] Еще одной особенностью исследований этого периода можно считать недооценку методов дендрохронологического датирования. Несмотря на то что отбор спилов производился, полученные результаты не могут быть полноценно использованы для решения проблем хронологии ранней Русы. Из 139 пригодных для анализа образцов были датированы всего 65, при этом количество опубликованных датировок минимально. Для хронологической трактовки древнейших напластований единственными применимыми являются даты трех бревен 11-го яруса мостовой улицы, открытой в раскопе XV, относящиеся к 1042–1044 гг. [Черных, 1996. – С. 99–100]. Синхронизация сооружений производилась главным образом на основе стратиграфического соотнесения. В связи с этим одной из стратегических задач нового этапа исследований, начавшегося в 1999 г., стало формирование эталонной древесно-кольцевой шкалы строительного дерева Старой Руссы. В настоящее время такая шкала, разработанная О. А. Тарабардиной, охватывает период с 870 по 1431 г. и включает около 350 датированных образцов из культурного слоя Старой Руссы, наиболее ранний из которых датируется 1023 г.

Наиболее значительные по площади участки изучены в южной, северной и центральной частях древнейшего городского ядра. В южной части, за современным переулком Дубровина, смежными раскопами XI, XIII и XIV в 1970–1977 гг. открыта площадь 668 кв. м. Мощность культурного слоя здесь достигала 3,8–4 м. Опираясь на керамический материал и датировки некоторых типов вещей, А. Ф. Медведев датировал нижние слои раскопов рамками XI в., хотя гипотетически допускал возможность присутствия культурных напластований X века [Медведев, 1970–1977].

К северо-западу от этого участка, на краю склона к руслу не существующего в настоящее время соленого ручья, в 1967–1969 гг. А. Ф. Медведевым были заложены раскопы VII и IX общей площадью 136 кв. м. Исследователь предполагал найти здесь остатки городских фортификационных сооружений.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00180-ОГН «Исторический центр Старой Руссы в эпоху Средневековья по материалам археологических исследований».

² До 1999 г. раскопы в Старой Руссе просто нумеровались. С 1999 года раскопы стали получать наименования по названиям близлежащих средневековых улиц или храмов.

Результаты раскопок опровергли эти ожидания. Оказалось, что холм появился в результате накопления культурного слоя, толщина которого достигала 4,1–4,2 м. Древнейшие напластования были датированы первой половиной XI в., не исключая и конец X в. [Медведев, 1968; 1976] Из ранних находок следует отметить фрагмент маленькой круглой скандинавской фибулы (?), близкой по декору к фибуле типа III D по классификации Ингмара Янссона, датируемой X в. [Jansson, 1984: 61, 63] В 2007 г. в 30 м северо-западнее раскопов А. Ф. Медведева, непосредственно на склоне, экспедицией Новгородского университета заложен Петропавловский раскоп. Общая мощность культурного слоя составила 3,5 м. Работы были остановлены в связи с прекращением финансирования, и основную площадь раскопа пришлось законсервировать на уровне слоев XV в. На двух небольших участках культурные напластования были изучены полностью [Торопова, 2008. – С. 272–274]. Здесь среди находок из предматерикового слоя обнаружено несколько фрагментов лепной керамики, что позволяет предполагать возможность освоения этой территории уже в X в.

В северной части древнейшего ядра средневековые напластования изучены на площади трех смежных раскопов, суммарно – 470 кв. м. Мощность культурных напластований здесь составляет 5,5 м. В 1971–1974 гг. А. Ф. Медведевым и Г. П. Смирновой были проведены работы на раскопе XII. По совокупности керамического и вещевого материала они датировали нижний горизонт раскопа началом XI в. [Медведев, 1975. – С. 26]. В 1985–1987 гг. В. Г. Мироновой были завершены исследования на раскопе XV, начатые А. Ф. Медведевым в 1978 г. Датировка его нижних напластований основывается на экстраполяции выводов по раскопу XII [Миронова, 1990. – С. 215]. Методом дендрохронологии был датирован 11-й ярус мостовой, открытой в раскопе улицы (1042–1044 гг.) [Черных, 1996. – С. 100]. Исследования на третьем из раскопов – Борисоглебском, начатые в 1988 г., были завершены экспедицией Новгородского университета в 1999–2001 гг. Мощность культурных напластований XI в. составляла около 1 м. В результате целенаправленного отбора образцов строительного дерева удалось получить представительную серию дендродат, охватывающих период с 1023 по 1098 г. Более ранние напластования мощностью 0,2–0,3 м методом дендрохронологии датировать не удалось ввиду отсутствия пригодной для анализа древесины [Торопова, 2003. – С. 91–94]. В предматериковых слоях и материковых ямах найдены отдельные фрагменты лепной керамики. Аналогичная керамика в культурном слое Новгорода полностью перестает использоваться в последней четверти X в. Это позволяет с осторожностью определить время заселения данного участка периодом последних десятилетий X – рубежом X–XI вв. Характер коллекции индивидуальных находок подобной интерпретации не противоречит.

Археологические материалы Борисоглебского раскопа позволяют в общих чертах реконструировать картину жизни первопоселенцев. Через центральную часть изученного участка в меридиональном направлении проходила грунтовая дорога, по обе стороны которой удалось проследить следы изгородей. В восточной части раскопа выявлены следы древней пахоты, оставленные двузубым пахотным орудием – сохой [Самойлов, 2003. – С. 272–286; 2013. – С. 103–105]. Первые постройки на данном участке появляются, вероятно, в начале XI в. Самые ранние дендродаты, которые удалось получить для одной из построек – 1023 и 1033 гг. В середине XI века в жизни поселения начинается новый этап. Оно быстро увеличивается в размерах и приобретает городской облик. По трассе грунтовой дороги сооружается первый деревянный уличный настил, образцы которого датируются 1050 и 1054 гг. Вероятно, тогда же фиксируются границы усадеб, возводятся новые жилые и хозяйственные постройки. Главным фактором, обеспечивавшим бурный рост города в этот период, очевидно, нужно считать солеварение. Культурный слой первой половины XI в. насыщен фрагментами так называемых цренов – железных противней, на которых производилось вываривание соли. Найдено большое количество донец берестяных и лубяных туесов, предположительно использовавшихся для хранения и измерения объема соли. В этих же напластованиях Борисоглебского раскопа обнаружено 212 экземпляров бирок – небольших деревянных палочек с зарубками, использовавшихся для различного рода подсчетов [Колосницын, 2013. – С. 93–97]. Все это свидетельствует о крайне интенсивном темпе экономического развития (рис. 2).

Ряд находок с усадеб всех трех раскопов можно отнести к элитарной субкультуре. Это ювелирные украшения, стеклянные бусы и бисер, элементы поясной гарнитуры, предметы вооружения

и снаряжения всадника, детали конской упряжи, фрагменты наборных односторонних гребней. Среди предметов быта – детали музыкальных инструментов, фрагменты писанок и детских игрушек, резные деревянные ложки и столовая посуда, выточенная на токарном станке. Наряду с большим количеством деталей кожаной обуви выделяется не характерный для древнерусских городов тип обуви, плетеной из растительных волокон и напоминающей сандалию. Эти находки стратиграфически тяготеют к одной из древнейших построек раскопа (1023–1033 гг.). Возможно, с ней же связан и яркий комплекс христианских древностей: деревянный сосуд с крестом в придонной части и орнаментом в виде рыбьей чешуи по бортику, тонкие восковые свечи и фрагменты воска, бронзовый энколпион – один из первых датированных серийных древнерусских крестов-реликвариев [Мусин, 2002. – С. 179–184; Торопова, 2011. – С. 160–161; Корзухина, Пескова, 2003. – С. 170]. Все эти находки свидетельствуют о существовании в Русе христианской общины уже в самый ранний период.

Изучение центральной части древнейшего поселенческого ядра – между современными ул. Сварога и пер. Дубровина – в настоящее время представляется наиболее перспективным. Археологические исследования начались здесь в 1969–1970 гг., когда А. Ф. Медведевым и Г. П. Смирновой был заложен небольшой раскоп X площадью всего 64 кв. м. Мощность культурного слоя достигала 6,1 м [Торопова, 2004. – С. 249–264]. Его датирование опиралось прежде всего на керамические материалы, и наиболее ранние напластования первоначально были отнесены к XI веку [Медведев, 1969–1970; Смирнова, Медведев, 1969–1970], но в дальнейшем, судя по записям из архива А. Ф. Медведева, датировки были пересмотрены и значительно удревнены, сдвинув начало заселения этой территории в X в. [Торопова, 2004. – С. 258]. К сожалению, аргументация такого пересмотра неизвестна. С 2002 по 2012 г. экспедицией Новгородского университета под руководством авторов проводились исследования на Пятницком-I раскопе, расположенном в 15 м к северу от раскопа X. В границы Пятницкого-I раскопа попали участки двух средневековых дворов-усадб, получивших индексы «А» и «Б». В 2012 г. раскопки на территории усадьбы «А», на площади около 170 кв. м, были завершены. Изучение усадьбы «Б» продолжается в настоящее время в границах уже Пятницкого-II раскопа. Мощность культурного слоя в пределах открытой части усадьбы «А» достигала 5,7–6,1 м, из которых около 0,5–0,6 м сформировалось в XI в. и еще около 0,2 м представляло собой погребенный почвенно-дерновый слой. Необходимо отметить, что в древнейший период жизни города формирование культурного слоя происходило медленнее, чем в последующие периоды. Сохранность органических материалов в ранних напластованиях значительно хуже. Это хорошо прослеживается по уменьшению числа находок из кожи и дерева при одновременном увеличении количества керамики и костей животных. Все постройки этого времени разобраны в древности практически полностью, в то время как в вышележащих напластованиях при разборке сооружения средневековым горожанам не удавалось извлечь нижние 1–2 венца срубов, которые к тому времени были уже перекрыты культурным слоем. В то же время ярким свидетельством роста интенсивности жизни является валлообразное увеличение количества фрагментов цренов и заклепок от них. Эти категории предметов составляют около 80 % всей коллекции находок из раннего горизонта. Как и на Борисоглебском раскопе, найдено большое количество деревянных бирок и берестяных туесов/коробов.

Открытые на усадьбе «А» древнейшие постройки относятся к двум строительным горизонтам [Торопова и др., 2013. – С. 82–85]. С первоначальной застройкой можно связывать четыре сооружения, одно из которых, вероятно, было мастерской ювелира. Полученные дендрохронологические даты (не ранее 1032 г., 1039 г., 1041 г.) позволяют отнести их ко второй трети XI в. Еще три постройки были возведены в последней трети XI в. Уже на самом раннем этапе жители усадьбы активно занимались ремеслом. Помимо солеварения и ювелирного дела, с которым связаны остатки мастерской и целый комплекс находок, необходимо отметить многочисленные свидетельства косторезного производства: детали односторонних наборных гребней и футляров для них (по классификации О. И. Давидан гребни относятся ко второй группе) [Давидан, 1962. – С. 100], заготовки и опиленные фрагменты рога, роговая стружка.

Еще до появления первых построек эта территория использовалась в хозяйственной деятельности. Судя по характеристикам погребенной почвы, она представляла собой луг, хотя нельзя исключать

и распашку, на которой была поставлена легкая изгородь. К этим напластованиям относятся некоторые находки, имеющие по сравнению с остальными материалами более ранние датировки. Среди них бусина неправильной цилиндрической формы из черного стекла с мозаичными рельефными ресничковыми красно-бело-черными глазками. По своим морфологическим особенностям она сопоставима с некоторыми бусами IV группы по классификации З. А. Львовой, обнаруженными на уровне построек горизонта «Д» Старой Ладogi. Подобные бусы имеют широкий ареал распространения и встречены в основном на памятниках X века [Львова, 1968. – С. 77–78]. Ранние экземпляры датируются серединой X в., хотя в целом продолжают бытовать до конца XI в.³ Еще одной находкой является костяное острие, декорированное резным плетеным орнаментом, сильно потертым по причине длительного использования. Верхняя несохранившаяся часть была оформлена в виде головы фантастического животного, ниже прослеживается отверстие с остатками металлического кольца, использовавшегося для подвешивания предмета. Подобные костяные острия, датируемые в основном IX–X вв., найдены в большинстве случаев в элитарных мужских погребениях эпохи викингов, но встречаются и в культурном слое поселений. Круг аналогий довольно широк и включает в себя находки из памятников как Северной Европы, так и Древней Руси, где подобные острия зафиксированы в Гнездове, Шестовице, Тимиреве, Киеве, могильнике Плакун в Старой Ладoge, Березовецком могильнике, а также в Полоцкой земле и Приладожье. Функциональное назначение предметов пока остается дискуссионным [Arbman, 1940: 154–155; Блiфельд, 1977. – С. 153–154, 206; рис. 31 – 1; табл. XVII: 11; Носов, 1985. – С. 147–155; рис. 8.1; Пушкина, 1993. – С. 64–67; Успенская, 1993. – С. 108–109; рис. 16; Мядзведзева, 2008. – С. 168–172; Михайлов, 2016. – С. 127].

Необычной находкой для древнерусского города является так называемая «крапчатая» бусина из темно-синего стекла с белыми и красными вкраплениями неправильной формы. Она найдена в слое второй трети XI в. На территории Северо-Запада России находки бус этого типа связаны исключительно с памятниками середины – третьей четверти I тыс. н. э., прежде всего с культурой псковско-новгородских длинных курганов [Мастыкова, Плохов, 2010. – С. 337–357; Михайлова, 2014. – С. 118–119]. В настоящее время археологические памятники этого периода в окрестностях Старой Руссы и Южном Приильменье в целом не известны. Тем не менее это вторая по счету находка бус такого типа в культурном слое города.

Из других категорий находок, связанных с первыми жителями Русы, необходимо упомянуть нательный крест с «грубым изображением Распятия». Это один из самых ранних типов крестов, получивших распространение в Древней Руси, и первая такая находка в Старой Руссе. Он найден в слоях, которые могут быть отнесены ко второй половине XI в. По состоянию на 2002 г. на территории Древней Руси было известно 46 подобных крестов из 27 пунктов, а время их распространения в целом охватывало период последних десятилетий X – первой трети XII в. [Мусин, 2002. – С. 152–153]. К настоящему моменту количество находок, безусловно, увеличилось. На основании стилистических особенностей Н. Г. Недошивиной было выделено два варианта таких крестов-тельников [Недошивина, 1990. – С. 102–103]. Находка с Пятницкого раскопа относится к наиболее многочисленному первому варианту. Наиболее вероятный источник их появления и распространения локализуется в Нижнем Подунавье [Пескова, 2005. – С. 274–278]. Несмотря на общее стилистическое сходство и широкую географию находок, достоверные следы производства крестов с «грубым изображением Распятия» пока не выявлены.

К числу редких относится и круглая литая подвеска с изображением хищной птицы в «геральдической» позе, изготовленная из свинцово-оловянистого сплава и декорированная ложной зернью и сканью. Ближайшими датированными аналогиями по морфологии и материалу являются находки из Новгорода и Гнездовского поселения. Новгородская подвеска стратиграфически датируется второй половиной X в., а Гнездовская – второй половиной X в. или рубежом X–XI вв. По мнению Н. В. Ениосовой и С. С. Зозули, они представляют собой изготовленные из дешевых материалов «литые дериваты» серебряных подвесок, связанных с дружинной средой, производившиеся на Руси во второй половине X – первой половине XI века [Ениосова, Зозуля, 2012. – С. 138–148].

³ Авторы выражают искреннюю признательность научному сотруднику Государственного Эрмитажа Якову Френкелю за любезную консультацию.

Таким образом, ранний этап истории усадьбы «А» Пятницкого-I раскопа вполне соотносится с ситуацией на других раскопах в пределах древнейшей части города. На момент застройки во второй трети XI в. этот участок выполнял функции хозяйственной зоны уже существовавшей в тот период части поселения, о чем свидетельствует ряд находок, стратиграфически связанных с горизонтом, предшествовавшим строительству, и датируемых более ранним временем. Любопытно, что первоначальная застройка территории усадьбы, свидетельствующая об общем увеличении площади города, относится к тому же периоду, что и новгородская берестяная грамота № 526, содержащая список должников и первое письменное упоминание Русы, о чем говорилось в начале статьи. Необходимо отметить полное отсутствие фрагментов лепной керамики, которые пусть и в незначительном количестве, но были отмечены в самых ранних напластованиях Борисоглебского и Петропавловского раскопов. Возможно, культурный слой, достоверно относящийся к X в., нужно искать немного северо-западнее исследованных участков, ближе к средневековому руслу р. Порусы и устью впадавшего в нее соленого ручья. Это одна из задач будущего.

Подводя итоги, можно утверждать, что Руса возникла на рубеже X–XI вв. в стороне от раннесредневековых торговых путей, на периферии поселенческой структуры предшествующего времени. Вопрос о существовании поселения в X в. пока остается открытым. Важнейшим градообразующим фактором стало наличие открытых источников минеральной воды, поставлявших сырье для производства соли – важнейшего продукта средневековой торговли, на что указывают как топография первоначального городского ядра, так и интенсивные следы солеварения в самых ранних культурных напластованиях. Особенности материальной культуры свидетельствуют о том, что изначально основными занятиями рушан были различные ремесла и торговля, а сельское хозяйство имело лишь вспомогательное значение. Основание Русы как центра солеварения могло быть одномоментной государственной акцией.

В середине XI в. в развитии поселения произошел резкий скачок. Видимо, именно с этого момента можно говорить о становлении Русы как города в социально-экономическом, культурном и административном смысле. Важно, что уже в первой половине столетия в городе существовала христианская община. Быстрое развитие, вероятно, можно связать и с притоком нового населения. В то же время необходимо учитывать, что, по археологическим данным, в этот период на территории Приильменья наблюдается значительный демографический спад, заустевают обширные пространства в бассейнах Ловати, Полы и Мсты, где на десятки памятников предыдущей эпохи приходятся единичные поселения и могильники XI – середины XII в. Причины этих явлений кроются в экономических, социальных и административно-политических процессах, сопровождавших становление Новгородского государства.

Археологические материалы Старой Руссы не содержат однозначных данных о возможных контактах жителей средневековой Русы с Югрой. Тем не менее следует упомянуть обнаруженную в 2001 г. в слоях XI в. на Борисоглебском раскопе плоскую антропоморфную фигурку (изготовлена из ясеня) высотой 8,7 см с прорисованным лицом (рис. 3). Аналогичные находки, свидетельствующие о религиозных традициях финно-угорского населения Югры, были обнаружены, например, при раскопках Полуйского мысового городка [Кардаш, 2013. – С. 200–201, 272].

В Новгородской четвертой летописи под 1364 г. упоминается о возвращении из похода в Югру новгородцев под предводительством воевод Александра Обакуновича и Степана Ляпа [ПСРЛ, IV, 2000. – С. 291]. В 2012–2013 гг. на Курортном раскопе в слоях последней трети XIV – первой половины XV в. была обнаружена уникальная коллекция вислых свинцовых печатей, в том числе и печать Александра Обакуновича (рис. 4). Здесь же были обнаружены и печати двух его братьев – Иова и Фомы. Новгородская первая летопись знает Иова – боярин Иов Обакунович трижды упоминается в летописях (под 1380 г. [ПСРЛ, III, 2000. – С. 376], 1386 и 1388 гг. [ПСРЛ, IV, 2000. – С. 345, 350; ПСРЛ, III, 2000. – С. 382]) как участник посольства в Москву. Александр Обакунович в 1366 г. стал одним из предводителей похода ушкуйников на Волгу и погиб в 1372 г. во время нападения тверских войск на Торжок [ПСРЛ, IV, 2000. – С. 292, 298]. Вероятно, что Фома Обакунович, печать которого найдена в раскопе и является первым археологическим свидетельством существования института посадничества в Русе (рис. 5), и новгородский посадник Богдан Обакунович, занимавший эту должность в 1391–1397 гг., также происходят из этого семейства – боярского клана Прусской улицы [Янин, 1962. – С. 215–216].

В Новгородской первой летописи сообщается под 1392 г., что «посадник Богдан Обакунович со своею братьею и уличане поставиша церковь святого Симеона камену на Чюдинцеве улице...» [*ПСРЛ, III, 2000.* – С. 385]. По всей видимости, появление такого набора актов свинцовых печатей в конце XIV – начале XV в. в Старой Руссе не случайно и, безусловно, связано с финансовым интересом новгородских бояр к соледобыче. Можно предположить, что боярский клан братьев Обакуновичей смог занять в последние десятилетия XIV в. ключевые посты в Новгородской земле благодаря финансовому благополучию, приобретенному в том числе и благодаря походам одного из братьев в Югру.

Список источников и литературы

- Агеева Р. А., Васильев В. Л., Горбаневский М. В. Старая Русса. Тайны имени древнего города. – М.: Мельгир, 2002. – 128 с.
- Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. – Київ, 1977.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова /под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1962. – Вып. 4. – С. 100.
- Ениосова Н. В., Зозуля С. С. Подвеска с изображением хищной птицы из Гнездова // Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой. – М., 2012. – С. 138–148. – (Труды Государственного исторического музея; вып. 189).
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 882 с.
- Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: история и материальная культура). – Екатеринбург; Салехард; Магеллан, 2013. – 380 с.
- Колосницын П. П. Результаты статистического исследования средневековых деревянных бирок из Старой Руссы // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 73. – Т. 1. – С. 93–97.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – С. 170. – (Труды Института истории материальной культуры; Т. VII).
- Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I: Способы изготовления, ареал, время распространения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1968. – Вып. 10. – С. 77–78.
- Мастыкова А. В., Плохов А. В. Датировка и происхождение стекланных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – С. 337–357;
- Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в г. Старой Руссе в 1972 году. Раскоп XIII (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 28. Л. 86.
- Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в городе Старой Руссе в 1970–1971 гг. [Раскоп XI] (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 29. Л. 69.
- Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в городе Старой Руссе в 1968 г. Раскоп VII (на Пушкинской улице). Раскоп VIII (на улице Красных Командиров). 1976 (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 65. Л. 40.
- Медведев А. Ф. Отчет о раскопках в Старой Руссе в 1968 г. Раскопы VII–VIII // Архив ИА РАН, Р-І, № 6206.
- Медведев А. Ф. Отчет об археологических исследованиях в Старой Руссе в 1969–1970 гг. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-І. № 4630.
- Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в г. Старая Русса в 1970–71 гг. Раскоп XI на Пушкинский улице // Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-І, № 5126.
- Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в городе Старой Руссе в 1976–1977 гг. Раскоп XIV (во дворе дома № 71 по Минеральной ул.) (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 46.
- Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1972 г. Раскоп XIII. // Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-І, № 5217.
- Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе. 1976–77 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-І, № 6613.
- Медведев А. Ф. Раскопки в Старой Руссе // Археологические открытия 1972 года. – М.: Наука, 1973. – С. 25.
- Медведев А. Ф., Смирнова Г. П. Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1974 г. // Архив ИА РАН, Р-І, № 5297.

- Медведев А. Ф., Смирнова Г. П. Отчет об археологических раскопках в г. Старой Руссе в 1974 г. Раскоп XII (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 29.
- Медведев А. Ф., Смирнова Г. П. Раскопки в Старой Руссе // Археологические открытия 1974 года. – М.: Наука, 1975. – С. 26.
- Медведев А. Ф. Усадьба ростовщика и ювелира в Старой Руссе // Археологические открытия 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 23.
- Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы // Советская археология. – 1966. – № 4. – С. 266.
- Миронова В. Г. История археологического изучения Старой Руссы // Материалы по археологии Новгорода. 1988. – М., 1990. – С. 215.
- Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий. – СПб.: Бранко, 2016. – 272 с.
- Михайлова Е. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. – Saabrukken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 436 с.
- Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XVI веках. Погребальный обряд и христианские древности. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. (Труды / Рос. акад. наук, Ин-т истории материал. культуры; т. 5). – (Archaeologica Petropolitana). – 272 с.
- Мусин А. Е., Торопова Е. В., Торопов С. Е. Христианские древности Старой Руссы (вопросы топографии и археологического контекста) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: матер. науч. конф. (Великий Новгород, 22–24 января 2002 г.). – Великий Новгород, 2002. – Вып. 16. – С. 179–184.
- Мядзведзева В. У. Зааморфныя вастрыі-амулеты // Археалогія эпохі сярэднявечча. Да 80-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава. Мінск, 2008. – С. 168–172. (Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 15);
- Недошивина Н. Г. Об одном типе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Труды ГИМ. – М., 1990. – Вып. 74. – С. 102–103.
- Носов Е. Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладoge // Средневековая Ладога. – Л., 1985. – С. 147–155.
- Овчинникова Б. Б. «Путешествия» новгородцев в «страны полунощные» (X–XV века) // Путь на Север: истоки (Освоение Севера. Тысяча лет успеха: Великий Новгород). – М.: Арт Волхонка, 2017. – С. 14–33.
- Пескова А. А. Памятники культового литья Балкано-Дунайской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: матер. междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.). – СПб.: Дмитрий Буланин. – С. 274–278.
- Плохов А. В. Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода // Археологические вести. – 2002.– № 9. – С. 141–154.
- Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 692 с.
- Полное собрание русских летописей; Т. 4; Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. – М.: Языки русской культуры, 2000. – XXXVIII, 686, [1] с.
- Пушкина Т. А. Изделия косторезного ремесла из Гнездова // Средневековые древности Восточной Европы. – М., 1993. – С. 64–67. – (Труды Государственного исторического музея; вып. 82).
- Самойлов К. Г. Археологизированные следы работы средневековых пахотных орудий по материалам исследований в Старой Руссе в 2001–2012 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 73. – Т. 1. – С. 103–105.
- Самойлов К. Г. Следы древней пахоты по материалам исследований в Старой Руссе в 2001–2002 гг. и некоторые проблемы изучения истории земледелия // Новгород и Новгородская земля: История и археология: матер. науч. конф. (Великий Новгород, 28–30 января 2003 г.). – Великий Новгород, 2003. – Вып. 17. – С. 272–286.
- Самойлов К. Г., Торопова Е. В., Воронков И. А. К вопросу о локализации древнейшего ядра Старой Руссы (относительно гипотезы Я. Е. Водарского и К. А. Аверьянова) // Новгород и Новгородская Земля. История и археология: матер. науч. конф. (Великий Новгород, 24–26 января 2012 г.). – Великий Новгород, 2012. – Вып. 26. – С. 178–192.
- Смирнова Г. П., Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1969–1970 гг. Раскоп X (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 31. Л. 103, 107.
- Торопова Е. В. Новые данные о времени возникновения Старой Руссы (по итогам археологических исследований на Борисоглебском раскопе в 2001 г.) // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2002. – Великий Новгород, 2003. – С. 91–94.

Торопова Е. В. Отчет об археологических исследованиях на Петропавловском раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2007 г. (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 322.

Торопова Е. В. Раскоп X в Старой Руссе (стратиграфия, топография и хронология) // Новгородские археологические чтения-2: матер. науч. конф. (Великий Новгород, 21–24 сентября 2002 г.) – Великий Новгород, 2004. – С. 249–264.

Торопова Е. В., Воронков И. А. Модель распространения и мощности культурного слоя Старой Руссы // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 63. – С. 66–70.

Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е. Археологические исследования в Старой Руссе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2011. – № 1(62). – С. 160–161;

Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Фролова Е. Е., Доброва О. П., Колосницын П. П., Воронков И. А. Археологические исследования 2007 года в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля. История и археология: матер. науч. конф. (Великий Новгород, 22–24 января 2008 г.). – Великий Новгород, 2008. – Вып. 22. – С. 272–274.

Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П. Исследование древнейших культурных напластований на Пятницком-I раскопе в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля. История и археология: матер. науч. конф. (Великий Новгород, 22–24 января 2013 г.). – Великий Новгород, 2013. – Вып. 27. – С. 82–85.

Успенская А. В. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. – М., 1993. – С. 108–109. – (Труды Государственного исторического музея; вып. 82).

Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. – М.: Нох, 1996. – 213 с.

Янин В. Л. Новгородские посадники. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 410 с.

Arbman H. Birka: Untersuchungen und Studien. I. Die Gräber: Tafeln. Stockholm: Vitterhets-, historie- och antikvitetsakad. – 1940. – Taf. 154–155;

Jansson I. Kleine Rundspangen // Birka: Untersuchungen und Studien. Vol. II, no. 1. Systematische Analysen der Graberfunde. – Stockholm, 1984. – S. 61, 63.

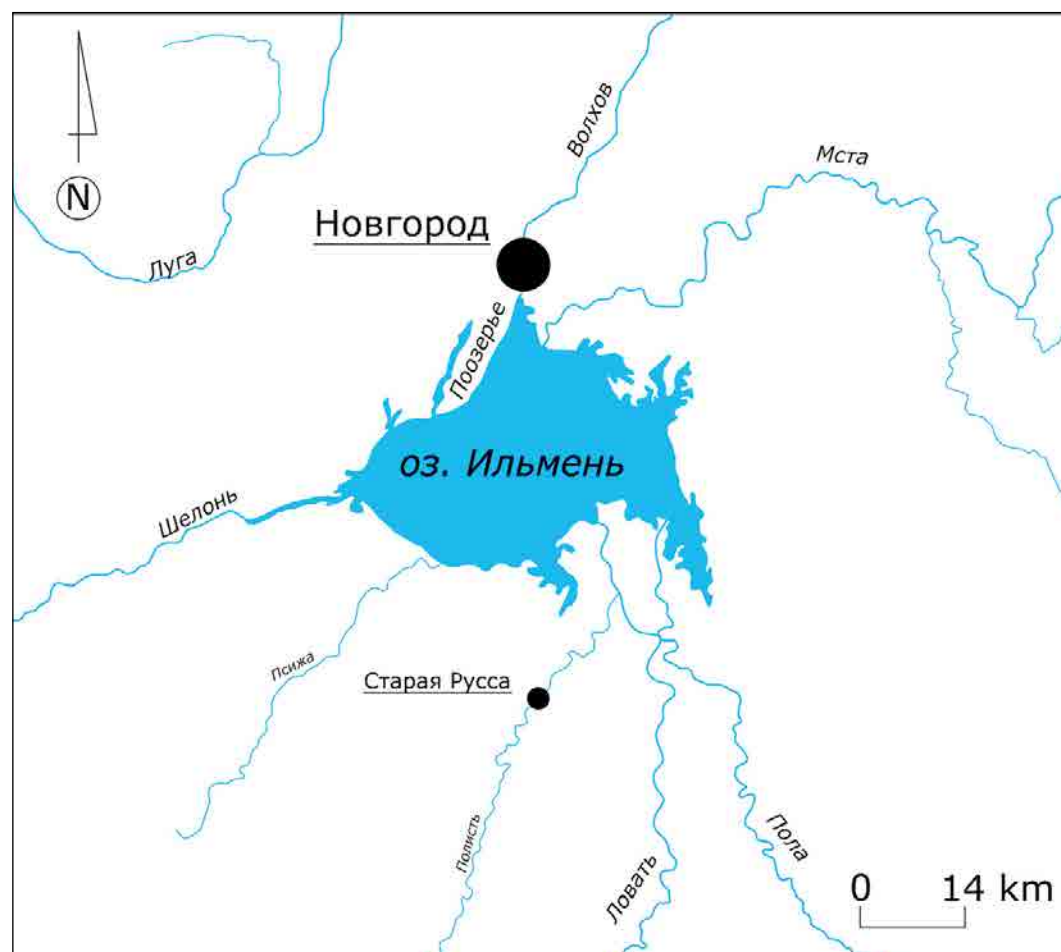

Рис. 1. Схема расположения Старой Руссы

Рис. 2. Археологические находки из древнейших культурных напластований Старой Руссы: 1 – резной сосуд, дерево, Борисоглебский раскоп; 2 – крест-энколпион, цветной металл, Борисоглебский раскоп; 3 – фрагменты свечей, воск, Борисоглебский раскоп; 4 – крест нательный с «грубым изображением Распятия», цветной металл, Пятницкий-I раскоп; 5 – подвеска с изображением птицы, цветной металл, Пятницкий-I раскоп; 6 – бусина глазчатая, стекло, Пятницкий-I раскоп; 7 – «крапчатая» бусина, стекло, Пятницкий-I раскоп; 8 – фрагмент подвески-лунницы, цветной металл, Пятницкий-I раскоп; 9 – фрагмент фибулы, цветной металл, раскоп VII; 10 – орнаментированное острие, кость, Пятницкий-I раскоп; 11 – привеска плети, черный металл, Борисоглебский раскоп; 12 – накладка, цветной металл, Борисоглебский раскоп; 13 – наконечник пояса, цветной металл, Борисоглебский раскоп; 14 – пряслице с процарапанным знаком, пиррофиллит, Борисоглебский раскоп; 15 – колок струнного музыкального инструмента, дерево, Борисоглебский раскоп; 16 – футляр и деталь футляра для односторонних гребней, рог, Пятницкий-I раскоп; 17 – двусторонний гребень, рог, Пятницкий-I раскоп

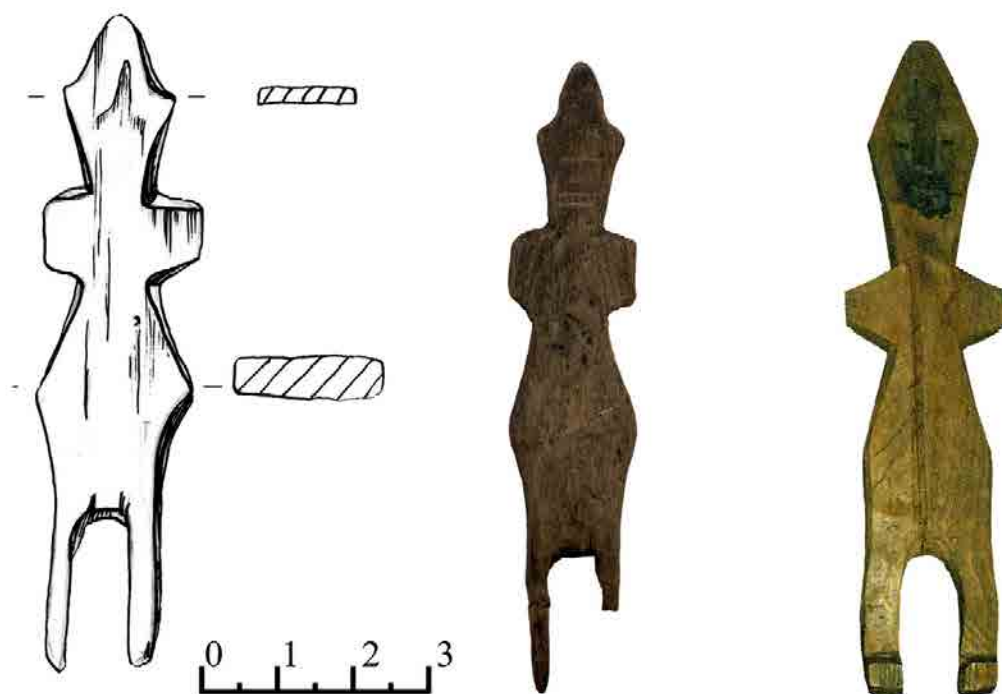

Рис. 3. Антропоморфная фигурка. Борисоглебский раскоп

А

Б

СР - 2012
Кр - I р-п, уч. 2
пл. 13, кв. 114, № 85

А - до реставрации
Б - после реставрации

Рис. 5. Вислая свинцовая печать Фомы Обакуновича

СР-2012
Кр-I
пл. 13, кв. 33, № 31

Рис. 4. Вислая свинцовая печать Александра Обакуновича

А. Н. Кирпичников¹, В. А. Лапшин¹

¹ Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Дворцовая набережная, д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: vladimirlapshin@yandex.ru

Старая Ладога и освоение Русского Севера

Аннотация. В IX – первой половине XI в. Старая Ладога играет самостоятельную роль в освоении Севера. Ее влияние ярче всего прослеживается на распространении технологии кузнечного ремесла (трехслойного пакета), характерной для Северной Европы эпохи викингов и представленной в Восточной Европе ранее всего в Старой Ладоге в комплексах середины VIII – IX в. Металлографический анализ орудий свидетельствует о переориентации в течение XI в. кузнечного ремесла с североευропейских на восточноевропейские технологические схемы, выработанные в древнерусских городских центрах, прежде всего в Новгороде. Характерно, что по времени изменение в технологии изготовления железных орудий, находимых на археологических памятниках Севера, совпадает с превращением Ладоги около середины XI в. из самостоятельной политической единицы в пригород Новгорода. В дальнейшем Ладога участвует в освоении Русского Севера в общем процессе новгородской колонизации.

Ключевые слова: Старая Ладога, Русский Север, Новгород, Рюриково городище, Югра, Бьярмия, новгородская колонизация, технология трехслойного пакета.

Обычно роль Ладоги в освоении Севера рассматривается в общем контексте новгородской колонизации. Однако еще А. Н. Насонов писал о том, что Ладога (сейчас с. Старая Ладога) сохраняла самостоятельность относительно Новгорода вплоть до середины XI в. [Насонов, 1951. – С. 73–74] и, по-видимому, с ней связан первый этап колонизации, направленной на север [Насонов, 1951. – С. 93, 104]. Роль Ладоги в освоении Русского Севера в IX–XI вв. подчеркивают Т. А. Бернштам [Бернштам, 1976. – С. 20–25; Бернштам, 2009. – С. 16] и А. Д. Мачинский [Мачинский, Мачинская, 1988].

По данным скандинавских саг, относящимся к началу XI в., путники, двигавшиеся из Новгорода, проходили волховские пороги на речных судах, а в Ладоге пересаживались на корабли, предназначенные для морского плавания. Скальд Арнор упоминает о «русских снастях» на корабле Магнуса, сына Олафа (1035 г.) [Рыдзевская, 1945. – С. 63]. Именно ладожане, имевшие опыт плавания по Ладожскому озеру, могли положить начало традиции морского судоходства на Белом море и далее на восток [Бернштам, 1978. – С. 25]. При раскопках в Ладоге в слоях второй половины VIII – X в. найдены во вторичном использовании детали как больших дощатых судов с обшивкой в клинкер с помощью заклепок, так и небольших плоскодонных паромообразных судов с обшивкой в стык и лодок-однодревков [Сорокин, 1997. – С. 26–27, 80–84; Рябинин, Сорокин, 1997. – С. 50], что еще раз свидетельствует о роли Ладоги как перевалочного пункта между морскими и речными путями.

Есть указания на существование раннего пути из Ладоги к Белому морю. Бьярмия (Bjarmia, Bjarmaland) – сказочная северная страна скандинавских источников – отождествляется с бассейном Белого моря или уже – с южным побережьем Кольского полуострова или устьем Северной Двины [Джаксон,

1988]. Обычно саги описывают естественный для норвежцев путь в Бьярмию вдоль побережья Норвегии на северо-восток. Но в «Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна», относящейся к сагам о древних временах, при всей сказочности и условности этого рода произведений содержатся, по-видимому, реальные сведения о существовании прямого пути из Бьярмаланда в Альдейгьюборг – Ладогу исландских саг [Рыдзевская, 1945. – С. 64; Рыдзевская, 1978. – С. 85; Насонов, 1951. – С. 104; Джаксон, 1988. – С. 63].

Еще одно косвенное свидетельство: древнейшими церквями на Летнем и Поморском берегах Белого моря были церкви св. Климента, имени чрезвычайно редкого для Руси святого [Бернштам, 1978. – С. 25]. В то же время одной из первых каменных церквей в Ладоге, заложенной в 1153 г., была церковь св. Климента на Земляном городище [Старая Ладога, 1948. – С. 41; Равдоникас, 1945. – С. 34–35; Большаков, Раппопорт, 1985].

А. Н. Насонов показал, что приведенные в ПВЛ под 1114 г. рассказы старых ладожан об их дальних походах на северо-восток («суть и еще мужи старии ходили за югру и за самоядь») относятся ко временам Ярослава Мудрого и к середине XI в. Видимо, позднее инициатива полностью перешла в руки новгородцев [Насонов, 1951. – С. 80].

Главным стимулом проникновения все дальше и дальше на север и северо-восток была добыча ценных мехов с целью их перепродажи по речным путям – «из варяг в греки» и волжскому – в Халифат, Византию и, позднее, по Балтике – и в Западную Европу. Основным объектом обмена, привлекательным для охотников Севера, были качественные железные орудия, прежде всего ножи, изготовленные по высоким технологиям, недоступным местному кустарному ремеслу. Благодаря массовому металлографическому изучению железных орудий как финно-угров Поволжья и Предуралья, так и основных центров Северной Руси [Завьялов, Розанова, Терехова, 2009; 2012] стало возможным проследить распространение той или иной высокой технологии в различных культурно-исторических общностях.

В эпоху средневековья к высоким технологиям несомненно можно отнести технологию так называемого трехслойного пакета, широко распространившемуся, начиная с IX в., на территории Северной Руси [Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. – С. 7]. Технология трехслойного пакета была выработана в Скандинавии в вендельскую эпоху (VI–VIII вв.), в эпоху экспансии викингов эти изделия появляются в Англии, Ирландии и Северной Руси [Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. – С. 37–53]. В Ладоге технология трехслойного пакета появляется впервые на Руси и преобладает с момента возникновения поселения [Розанова, 1994].

О Ладоге как торгово-ремесленном поселении и международном торжище на водных путях можно говорить с середины VIII в. [Давидан, 1970; 1977; 1986; Рябинин, 1985; Рябинин, Черных, 1988; Черных, 1989; Кирпичников, Сарабьянов, 2012. – С. 60]. На «Земляном городище» в Ладоге в 1975 г. была открыта мастерская, связанная с железоделательным производством, и клад кузнечных инструментов, датируемые не позднее 50-х гг. VIII в. [Рябинин, 1985. – С. 54–60]. Наиболее близкая аналогия староладожскому кладу – клад со дна оз. Мястермюр (о. Готланд). Наборы инструментов в обоихкладах сближаются не только составом и назначением входящих в них орудий, но и тождеством форм и деталей многих общих типов инструментов [Рябинин, 1985. – С. 64; Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. – С. 49]. Зафиксированная в Ладоге во второй половине VIII – начале IX в. технология трехслойного пакета очень быстро распространяется по территории Севера Восточной Европы, вытесняя местные традиционные технологии. Производство таких изделий требовало специальных навыков и знаний, приобретение которых было возможно только в условиях ремесленных центров [Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. – С. 53]. Североевропейский вариант технологической схемы (трехслойное и пятислойное пакетирование) демонстрируют и материалы IX в. Рюрикова городища под Новгородом [Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. – С. 232].

В Новгороде, как и в Ладоге, на начальном этапе – во второй половине X в. – среди исследованных ножей доминирует североевропейский технологический вариант, в то время как на памятниках Новгородской земли до X в. инновация в виде технологии трехслойного пакета не фиксируется [Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. – С. 248]. Исследователи отмечают, что «самые ранние изделия из Новгорода демонстрируют высокое мастерство кузнецов, хорошо разбиравшихся в свойствах черных металлов, владеющих сложным механизмом сварки горячего металла. Эти знания не могли возникнуть вдруг. Для их осмысления был необходим длительный период, вобравший опыт не одного поколения» [Завьялов, Розанова, 1990 – С. 158]. Из сказанного следует, что именно распространение продукции ладожских кузнецов наиболее объективно может документировать ранний (IX–X вв.) этап освоения Русского Севера.

Характер распространения сварных технологий позволяет поставить вопрос о расселении городских ремесленников по узловым торгово-ремесленным поселениям [Терехова, Розанова, Завьялов, Толмачева, 1997. – С. 294]. На Северо-Востоке по крайней мере одно дославянское поселение – Крутик – отвечает характеристикам торгово-ремесленного поселения: находки на нем свидетельствуют о высокопрофессиональном ремесле их обитателей, дальней торговле, система которой не укладывается в этнические границы [Носов, 1993]. Поселение Крутик, возникшее в земле веси, на р. Шексне – ярко выраженный ремесленный поселок, заселенный кузнецами, бронзолитейщиками и костерезами. Среди кузнечной продукции господствует технология трехслойного пакета. Крутик ориентирован как на ближайшую округу, так и на путь на восток, на пушную торговлю. На это указывают, с одной стороны, прикамские, а с другой – скандинавские и прибалтийско-финские импорты [Голубева, Кочкуркина, 1991. – С. 101–117; Захаров, 2012. – С. 221–239]. Поселение, датируемое концом IX – началом XI в., возникло на Сухоно-Вычегодском пути, по которому по крайней мере с рубежа VII–VIII вв. верхнекамские вещи попадали в южную Финляндию и среднюю Швецию [Ryabinin, 1986; Белавин, 2000. – С. 158–159]. Один из «неволинских» поясов найден в сопке в Старой Ладогe [Петренко, 1994. – С. 77–78].

О существовании на поселении Крутик металлургии и железообработки свидетельствует обнаружение горнов и глубоких ям, заполненных шлаками, находки кузнечных инструментов и заготовок ножей. Среди ножей, наряду с изделиями, выполненными в простых технологиях, традиционных для финского мира, количественно преобладают орудия, выпоненные по североевропейской трехслойной технологии [Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. – С. 59–63]. Л. А. Голубева допускает присутствие на поселении пришлых мастеров, выходцев из Старой Ладогe или даже Скандинавии [Голубева, Кочкуркина, 1991. – С. 105, 117].

Пути колонизации Русского Севера на материалах археологических памятников XI–XIII вв. подробно рассмотрены в нескольких монографиях [Макаров, 1990; 1997; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001; Археология севернорусской деревни X–XIII веков, 2007–2009]. Металлографический анализ орудий свидетельствует о переориентации в течение XI в. кузнечного ремесла с североевропейских на восточноевропейские технологические схемы, выработанные в древнерусских городских центрах. Если трехслойный пакет преобладает среди ножей, происходящих с памятников X–XI вв. на Шексне [Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. – С. 103], то в могильниках у Волока Славенского – только 4 из 16 ножей изготовлены по технологии трехслойного пакета, при этом все 4 датируются временем не позднее середины XI в. [Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. – С. 174]. В Мининском археологическом комплексе X–XIII вв. на Кубенском озере из 40 ножей только 2 (из могильника Минино II) относятся к трехслойным пакетам. Они происходят из погребений XI в. и, по-видимому, имеют скандинавское происхождение. Большинство изделий изготовлено по восточноевропейской технологии [Розанова, 2008; Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. – С. 157, 163].

Характерно, что по времени изменение в технологии изготовления железных орудий, находимых на археологических памятниках Севера, совпадает с превращением Ладогe около середины XI в. из самостоятельной политической единицы в пригород Новгорода. В дальнейшем Ладогa участвует в освоении Русского Севера в общем процессе новгородской колонизации.

Список источников и литературы

- Белавин А. М. Камский торговый путь. Северное Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. — 198 с.
- Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. – Л.: Наука, 1978. – 176 с.
- Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. – М.: ОГИ, 2009. – 432 с.
- Большаков Л. Н., Раппопорт П. А. Раскопки церкви Климента в Старой Ладогe // Новое в археологии Северо-запада СССР. – Л.: Наука, 1985. – С. 111–116.
- Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). – Петрозаводск: КНЦ АН СССР, 1991. – 198 с.
- Давидан О. И. О времени появления токарного станка в Старой Ладогe // Археологический сборник Государственного Эрмитажа (АСГЭ). –1970. – Вып. 12.– С. 81–88.
- Давидан О. И. К вопросу об организации костерезного ремесла в древней Ладогe // Археологический сборник Государственного Эрмитажа (АСГЭ). –1977. – Вып. 18. – С. 101–105.

- Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладогe VIII–X веков // Археологический сборник Государственного Эрмитажа (АСГЭ). –1986. – Вып. 27. – С. 99–105.
- Джаксон Т. Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура русского Севера. – Л.: Наука, 1988. – С. 58–67.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С. К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде // Материалы по археологии Новгорода. 1988. – Новгород: Новгородский государственный объединенный музей, 1990. – С. 154–186.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этно-культурных взаимодействий. – М.: Знак, 2009. – 264 с.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. – М.: Анкил, 2012. – 376 с.
- Захаров С. Д. Белоозеро // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. – М.; Вологда: Древности Севера. 2012. – С. 212–239.
- Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладогa: первая столица Руси. – СПб.: Славия, 2012. – 215 с.
- Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. – М.: Наука, 1990. –216 с.
- Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М.: Скрипторий, 1997. – 386 с.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 496 с.
- Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, русский Север и Старая Ладогa в VIII–XI вв. // Культура русского Севера. – Л.: Наука, 1988. – С. 44–58.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. – Л.: АН СССР, 1951. –261 с.
- Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). – СПб.: Центр Петербургское востоковедение, 1993. – С. 59–78.
- Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. – СПб.: Наука, 1994. – 138 с.
- Равдоникас В. И., 1945. Старая Ладогa // КСИИМК. – 1945. – Вып. XI. – С. 30–42.
- Розанова Л. С. К вопросу о технологических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладогe в докняжеский период // Новгородские археологические чтения: материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. – Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 1994. – С. 175–179.
- Розанова Л. С. Технология изготовления предметов из железа // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. – М.: Наука. 2008. – С. 53–57.
- Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладогe в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. – Вып. XI. – С. 51–65.
- Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и скандинавия в IX–XIV вв. – М.: Наука, 1978. – 240 с.
- Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладогe (Итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладогa. Новые археологические открытия и исследования. – Л.: Наука, 1985. – С. 27–75.
- Рябинин Е. А., Сорокин П. Е. Некоторые судовые находки из раскопок в Старой Ладогe // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования: [материалы научно-практической конференции «Сев.-Запад. Русь в эпоху средневековья», Старая Ладогa, 27-29 дек. 1993 г.]. – СПб.: СПбГУ, 1997. – С. 50–54.
- Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // СА. – 1988. – № 1. – С. 72–100.
- Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. – СПб.: СПбГУ, 1997. – С. 208.
- Старая Ладогa. – Л.: ГМЭ, 1948. – 146 с.
- Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. – М.: Металлургия, 1997. – 316 с.
- Черных Н. Б. Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данным дендрохронологического анализа // Естественнонаучные методы в археологии. – М.: Наука, 1989. – С. 201–213.
- Ryabinin Ye. A. Cultural Links of finno-ugric Tribes in the Middle Ages // Traces of the Central Asian Culture in the North. Memoires de la Societe Finno-ougrienne. – Helsinki, 1986. – P. 213–222.

Рис. 1. Вверх по Волхову к Старой Ладоге. Начало главных речных путей Восточной Европы – «из варяг в греки» и Великого волжского пути

Рис. 2. Устье Ладозки. Староладожская крепость X–XVII вв.

Рис. 3. Устье Ладозки – место первой гавани

Рис. 4. «Олегова могила» – сопка – IX–X вв.

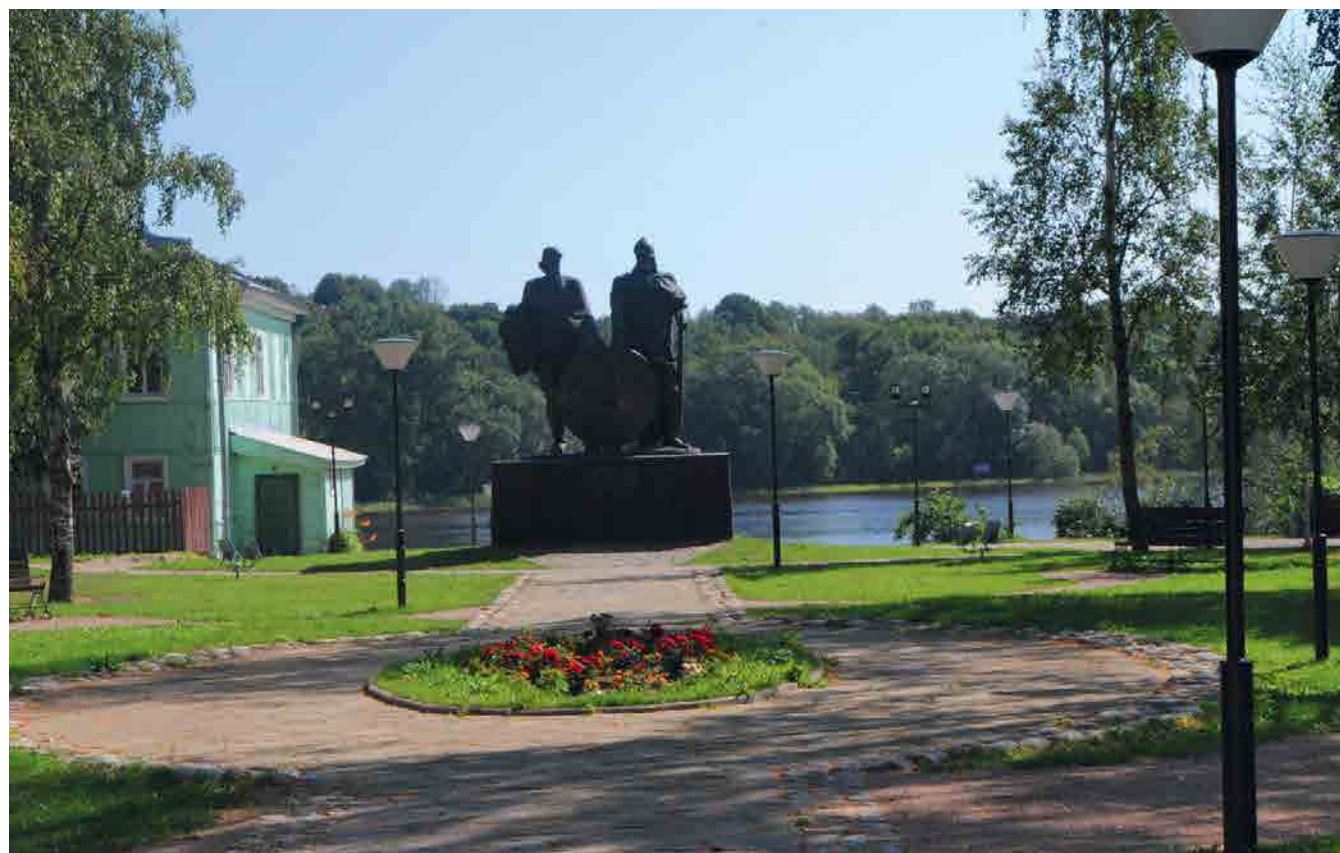

Рис. 5. Памятник князьям Рюрику и Олегу в Старой Ладоге

Рис. 6. Раскопки на «Земляном городище» в Старой Ладоге – древнейшем поселении, возникшем в середине VIII в.

Рис. 7. Профессор А. Н. Кирпичников показывает находки Президенту РФ В. В. Путину.
Старая Ладога, 17 июля 2004 г.

Рис. 8. Старая Ладога, 17 июля 2004 г.

Рис. 9. Награждение А. Н. Кирпичникова Орденом Почета
Президентом РФ Д. А. Медведевым 9 сентября 2010 г.

Рис. 10. Выступление реконструкторов во дворе Староладожской крепости

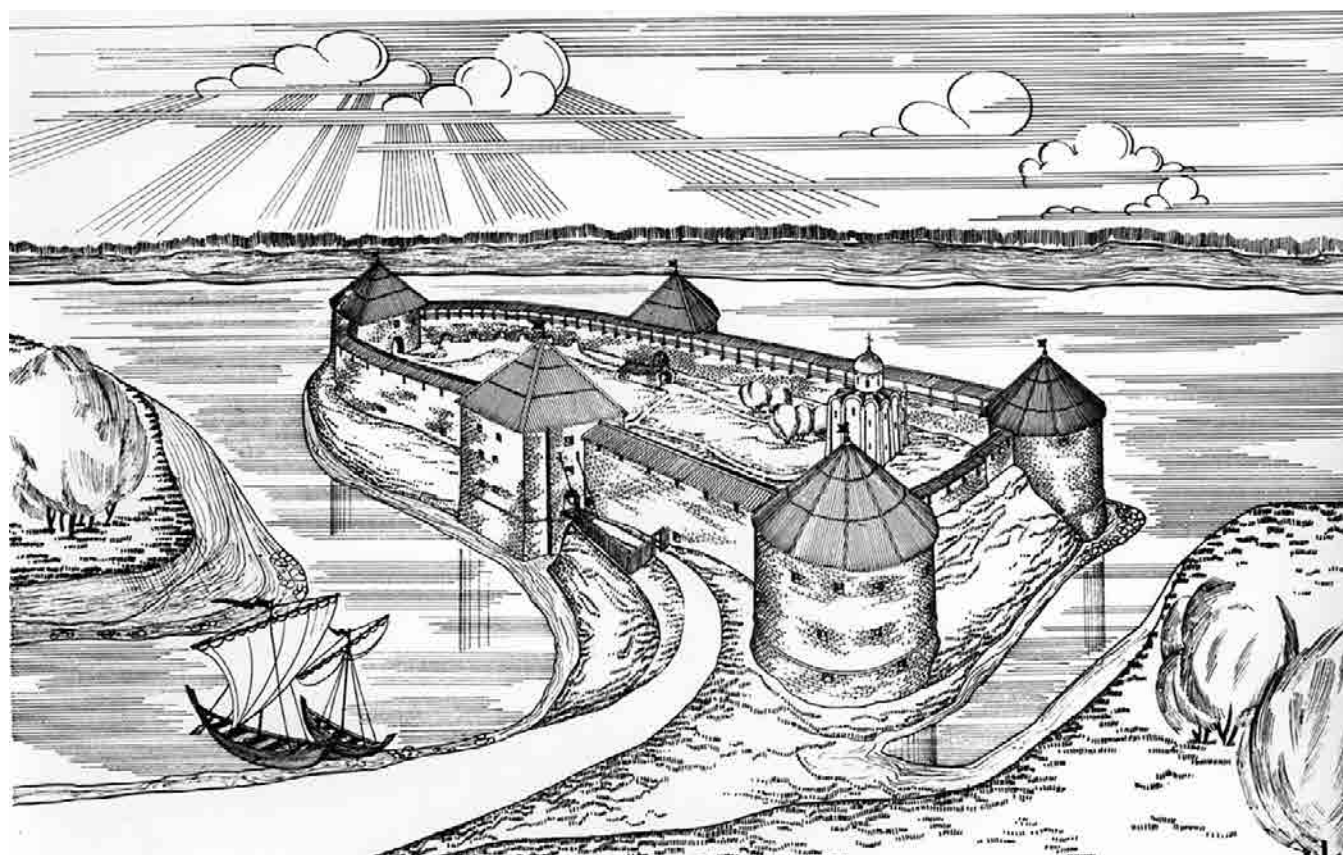

Рис. 11. Графическая реконструкция Староладожской крепости

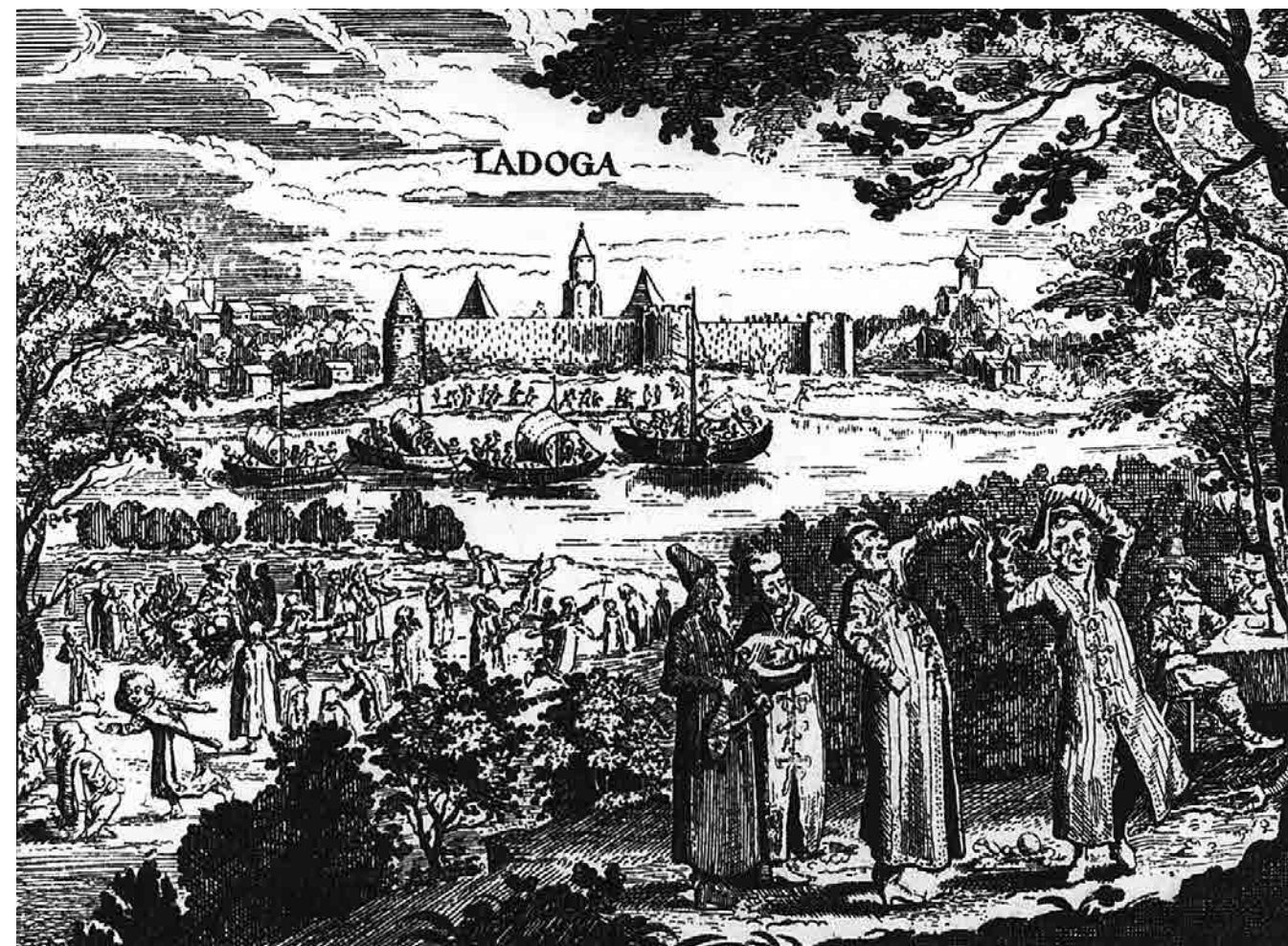

Рис. 12. Старая Ладога в XVII в. (по Адаму Олеарию)

Рис. 13. Двор Староладожской крепости: ц. Св. Георгия XII в. и ц. Дмитрия Солунского XVII в.

Рис. 14. Чудо Георгия о змие. Фреска XII в. из ц. Св. Георгия

ПИСЬМЕННЫЕ СВЕДЕНИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

О. В. Кардаш^{1, 2, 3}, З. Г. Гайдакова³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия

²Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия

E-mail: kov_ugansk@mail.ru
³АНО «Институт археологии Севера»
ул. Набережная, 16, г. Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: gajdakova@yandex.ru

Сведения русских и иностранных источников о Югре в XI–XV веках (цитаты с краткими комментариями)

Аннотация. В статье рассмотрены основные документальные источники – как русские, так и иностранные – XI–XV вв., связанные с начальным периодом вхождения Югры в состав Древнерусского государства, когда эта территория числилась в составе волостей Новгорода Великого – до вхождения в состав Московского царства. Приведенные цитаты снабжены комментариями. Необходимо отметить, что эти источники были ранее опубликованы и проанализированы историками, однако еще не сопоставлялись с данными археологических исследований и современной исторической картографии, – таким образом, они являются неким дополнением к устоявшимся взглядам на события, описанные в них. Также обращено внимание на те факты, которые по тем или иным причинам обошли исследователи, но которые, на наш взгляд, важны в контексте изучения истории Югры.

Ключевые слова: русские летописи, договорные грамоты, зарубежные источники, Югра, Новгород Великий, Русь.

Введение

История Югры, особенно ранних периодов, мало обеспечена письменными документальными источниками. Их количество крайне незначительно, в этой связи ценность каждого из них возрастает, равно как и анализ сведений, касающихся истории Югры. Анализ русских летописей и иных документальных источников по истории Югры, связанных с периодом XI–XV вв., неоднократно публиковался в работах различных историков (Лерберг, Щеглов, Дмитриев, Миллер, Янин и т. д.). Задача нашей работы – вновь обратить внимание на выдержки из летописей, договорных грамот и зарубежных источников и дать комментарии по интересующей нас проблематике на новом уровне изучения контекстных источников, в частности археологических и картографических. В комментариях мы хотим дать дополнения к общеизвестным определениям и поставить новые вопросы, ранее не рассматривавшиеся историками-исследователями, обратить внимание на детали, которые важны для раскрытия истории Югры, ее территориальных границ, статуса территории и населения.

Русские летописи

Въ лето 6540 [1032 г.]. ...Того же лета Улебъ иде на Железнаа Врата изъ Новагорода, и вспяты мало ихъ възвратишася, но мнози тамо погибоша [ПСРЛ, Т. IX, 1862. – С. 79].

Комментарий. Отрывок из Никоновской летописи содержит информацию о походе (военной операции) новгородцев в некую местность с названием Железные Ворота. Топоним Железные Ворота хотя и редко, но встречается в некоторых местах Северо-Востока Европы [Лерберг, 1819. – С. 80–81; Напольских, 2015. – С. 212]. Происхождение названия, очевидно, связано с известным мифом – легендой о заключении Александром Македонским племени «нечистых людей», угрожающих осквернить землю, поясом из высоких гор и железными воротами, закрывшими узкий проход, – в каком-то смысле отделении преисподней от мира людей. Судя по данным летописей, о которых мы подробнее скажем ниже, в сознании жителей средневекового Новгорода Великого это место ассоциировалось прежде всего с северной частью Уральских гор.

Ряд историков, анализировавших этот фрагмент, интерпретируют его как сведения о неудачном военном походе и поражении новгородцев, причем от жителей Югры [Напольских, 2015. – С. 212]. Однако в самом тексте констатируется только гибель значительной части отряда. Упоминание о военном конфликте содержится только в летописании Татищева [Татищев, 1994. – С. 77, 241]. Совершенно очевидно, что он не является автором летописания этого периода, и его версию можно воспринимать только как вторичную. Мнение о военной агрессивности и вероятном превосходстве жителей Югры X–XI веков не находит подтверждения в археологических источниках. Находки воинских погребений на Крайнем Севере Западной Сибири единичны, и даже в таежной части – на Средней Оби – они не многочисленны [Зыков, 2012; Чернецов, 1957]. Судя по размерам укрепленных поселений – городищ, крайне редких на нижней Оби, и количеству жилищ на этих поселениях, военный отряд, собранный из жителей таких городков, вряд ли превышал 10–15 человек. Мог ли такой отряд представлять угрозу хорошо вооруженным новгородцам XI века? Свидетельства внутренних боевых конфликтов населения низовий Оби также отсутствуют. На сегодня мы не можем констатировать, что на Крайнем Севере в XI веке были хорошо подготовленные боевые группы, способные оказывать серьезное сопротивление или тем более нападать.

Возможен и, на наш взгляд, наиболее вероятен другой вариант интерпретации событий 1032 года. Фраза о том, что возвратилось их мало, но много там погибло, свидетельствует, скорее, только о смерти участников похода, но не отражает ее причин. Прямого указания на военный конфликт с «югричами» текст не содержит. Вполне возможно, что мы имеем дело с упоминанием первого похода, организованного властью Новгорода Великого на восток, которое свидетельствует о неготовности новгородцев к природным условиям Крайнего Севера. Напрашивается историческая параллель – экспедиция Вильяма Баренца в Карское море. Хорошо оснащенный и вооруженный отряд голландцев лишь в 1596 году с третьего раза прошел в Карское море, где значительная часть погибла на северной оконечности Новой Земли без какого-либо участия военных отрядов «югричей». Русские первопроходцы, в отличие от голландцев, осваивая Север, не возили с собой больших запасов продовольствия. Не зная периодичности сезонных миграций животных, отряд Улеба мог попасть в местность, где полностью отсутствовала возможность пополнения пищевых запасов. На наш взгляд, летопись под 1032 годом лишь свидетельствует об одном из первых или первом походе новгородцев, который был плохо подготовлен в связи с отсутствием сведений о сложных природных условиях Крайнего Севера, что и привело к неудачному исходу.

Въ лето 6604 [1096 г.]. ...Се же хошу сказати, яже слышах преже сихъ 4 лета, яже сказа ми Юрта Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице: «яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, людии, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему къ нимъ, и оттуду иде во Югру, Югра же языкъ есть немъ, и соседятъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ, Югричи же рекоша отроку моему: дивно находихомъ мы чудо, его же несмы слышали преже сихъ летъ, се же третие лето почя быти, суть горы заидучи къ лукоморью, им же высота до небеси, и въ горахъ техъ кличъ великъ и говоръ, и секутъ гору, хотячи высечися; и въ горе той просечено оконце мало, и туде м[о]лвять, и есть не разумети языку ихъ, но кажутъ на железо, и помавають рукою, просячи железа; аще же кто дастъ имъ ножъ или секиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ техъ непроходимъ пропастьми, снегомъ и лесомъ; темъ же не доходимомъ ихъ всегда; есть же и подале на полунощи». Мне же рекшу къ Юряте: «сии суть людие заклепани Александромъ, царемъ Македонскимъ, якоже сказаеть Мефодий Патарийский: и

взыде на восточныя страны до моря, нариченное Солнечное место, ин вижу человеки нечистыя отъ племени Афетова, их же нечистоту увидевъ : ядяху бо скверну всяку, и мертвецевъ не погребяху, но ядяху и женския пзворогы и скоты вся нечистыя; то видевъ Александръ убояся, еда како осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны за горы высокіа. Богу повелевшу съступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не съступишася о нихъ горы на 12 локтей; ту сътворнша врата медная, и помазаша сунклитомъ; аще хотятъ огнемъ взяти, не возмогутъ изжещи; вещь бо сунклита сице есть: и огонь не можетъ вжести его, ни железо его приметъ. Въ последняя же дни изыдутъ осмь коленъ отъ пустыня Етривския, изыдутъ же по сихъ и сии сквернии языци, яже суть въ горахъ въ полунощныхъ, по повелению Божию, Но мы на предняя возвратимся, якоже бехомъ преже глаголали [ПСРЛ, Т. IX, 1862. – С. 127].

Въ лето 6604 [1096 г.]. ...Се же хоцю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 летъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ немъ, и сядятъ съ Самоядые на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: «дивно мы находимъ чудо, его же несмы слышали преже сихъ лтъ; се же третье лето поча быти, суть горы зайдуче луку и моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ техъ кличь великъ и говоръ, и секутъ гору, хотяще высечися; и въ горе той просечено оконце мало, и туде молвятъ, и есть не разумети языку ихъ, но кажутъ на железо и помаваютъ рукою, просяще железа; н аще кто даста имъ ножъ ли, ли секиру, даютъ скорою противу. Есть же путь до горъ техъ непроходимъ пропастьми, снегомъ и лесомъ; темже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощи.» Мне же рекшю къ Гуряте: «си суть людье заклепении Александромъ Македонскимъ царемъ.» Якоже сказаетъ о нихъ Мефодій Патарійский : и взиде на восточныя страны до моря, нариченное Солнче место, и виде ту человеки нечистыя, отъ племени Афетова; ихъ же нечистоту видехъ: ядяху скверну всяку, комары и мухы, котки, зміе, и мертвецъ не погребяху, но ядяху и женския изворогы и скоты вся нечистыя. То видевъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокіа; и Богу повелевнью, сступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть. и ту створишася врата медяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотятъ огнемъ взяти, не възмогутъ и жещи; вещь бо сунклитова сица есть : ни огонь можетъ вжести его, ни железо его приметъ. Въ последняя же дни по сихъ нзидутъ 8 коленъ отъ пустыня Етривьская, изидутъ и си скверници языки, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повеленью Божию. Но мы на предняя взвратимся, якоже бяхомъ преже глаголали [ПСРЛ, Т. I, 1846. – С. 107].

Комментарий. Мы привели отрывки из Никоновской и Лаврентьевской летописей об одном и том же событии – походе новгородцев в Югру, поскольку в них есть разночтения. Первое, на что мы обратили внимание, – это время упоминаемого события. В летописи рассказ приведен под 1096 годом, но в самом повествовании указано «яже слышахъ преже сихъ 4 летъ», – таким образом, речь может идти о событиях 1092 года, далее югричи говорят «се же третье лето поча быти», что может указывать на события 1089 года. Проблема определения точной даты должна быть рассмотрена специалистами по летописанию, мы лишь можем подчеркнуть, что есть вероятность происхождения событий в интервале 1089–1096 годов.

В этом фрагменте особо значимым представляется упоминание о Печоре – населении как «суть дань дающе Новугороду». Из этого следует, что уже в конце XI века – в 1089–1096 годах население Печоры находилось в даннических отношениях и, скорее всего, входило в состав владений Новгорода Великого в качестве волости Печора.

Далее в летописи указано «оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ немъ, и сядятъ съ Самоядые на полунощныхъ странахъ». Здесь интересны несколько деталей. Во-первых, указание на местоположение Югры. Поскольку из Печоры отрок отправился в Югру, и территориальная локализация волости Печора – в бассейне реки Печоры не вызывает сомнений, то, соответственно, Югра располагалась дальше – восточнее. Таким образом, судя по данной информации, в конце XI века представления новгородцев о местоположении Югры были связаны с северной частью Уральских гор. Далее в тексте содержится еще одно уточнение расположения Югры и места контактов: «суть горы зайдуче луку и моря имъ же высота ако до небесе» – указывает на морской залив, расположенный у оконечности гор. Территориально данный морской залив мы идентифицируем с Байдарацкой губой Карского моря, которая расположена ближе всего к северной оконечности Уральских гор. Таким образом, этот отрывок

вок уточняет место контакта. Вероятно, экспедиция, посланная Гюрятой Роговичем, прошла по реке Печоре, далее по реке Усе, берущей свое начало в северной оконечности Уральских гор, что позволяет реконструировать маршрут передвижения.

Следующее интересное замечание: «язык нем» – указывает на явное лингвистическое различие и неразвитость языковых контактов новгородцев и югричей на тот момент, что может свидетельствовать о начальном периоде взаимоотношений и отсутствии как даннических, так и торгово-экономических отношений. Следующая фраза: «Югра же рекоша» – может указывать на наличие переводчика в составе группы, который, вероятнее всего, был коренным жителем Печоры, контактировавшим ранее с Югрой.

Фраза «въ горахъ техъ кличь великъ и говоръ, и секутъ гору, хотяще высечися» ранее не поддавалась комментариям. На наш взгляд, эта фраза описывает первый контакт с аборигенным населением полярного Урала, произошедший в горах. Возможно, подобное описание связано с эхом, сформированным звуком человеческих голосов, а также звоном от ударов железных предметов друг о друга и камни. Рассматривая в целом памятники периода средневековья, локализующиеся в северной оконечности Уральских гор, стоит отметить, что археологами не было зафиксировано ни одного стационарного долговременного поселения. Однако имеется ряд кратковременных стоянок, свидетельствующих о сезонной – летней – охоте на северного оленя. Некоторые популяции дикого северного оленя, спасаясь от гнуса, уходят в горы. Таким образом, мы можем сделать предположение о первых контактах аборигенного населения Югры и новгородской торговой экспедиции (1089–1092 гг.). Совершенно очевидно, что эти контакты могли происходить только летом, в районе северной оконечности Уральских гор, в пространстве между верховьями реки Усы и Байдарацкой губой. Встреча, вполне вероятно, была случайной, но впоследствии эта территория стала местом торга, и прибытие обозначали криком, который разносился эхом, и стучанием по камню железными предметами. Соответственно фраза «въ горахъ техъ кличь великъ и говоръ, и секутъ гору, хотяще высечися» имеет определенное значение, поскольку может описывать способ обозначения присутствия и указывать на место совершения торгово-меновых операций. Следующая фраза: «и въ горе той просечено оконце мало, и туде молвятъ, и есть не разумети языку ихъ но кажутъ на железо и помаваютъ рукою, просяще железа; и аще кто даста имъ ножъ ли, ли секиру, даютъ скорою противу» – детализирует способ торга – немую торговлю: «туде молвятъ, и есть не разумети языку».

В конце текста приведена легенда о племени Иафетовом – нечистых людях, способных осквернить землю и поэтому запертых Александром Македонским в горах. На наш взгляд, эта легенда приведена не случайно и служит для подчеркивания подвига отрока, поскольку они смогли преодолеть железные врата, некий вход в потусторонний мир, побывать там и возвратиться невредимыми. Таким образом, этот отрывок легенды приведен намеренно и является неким доказательством, что это было первое особо значимое путешествие.

Въ лето 6622 [1114 г.]. ...Пришедшю ми въ Ладогу, поведаша ми Ладожане : яко сде есть, егда будетъ туча велика, и находятъ дети наши глазки стеклянные, и малыи и великыи, повертаны, а другие подле Волховъ а берутъ, еже выполоскываетъ вода, отъ нихъ же взяхъ боле ста; суть же различни. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми : се не дивно; и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде веверица млада, акы топерво рожена и възрастши и расходятся по земли, и паки бываетъ другая туча, и спадають оленци мали въ ней, и възрастають и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ Ладожский и вси Ладожане [ПСРЛ, Т. II, 1843. – С. 4–5].

Комментарий. Отрывок из Ипатьевской летописи содержит информацию о походах – «мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь». Сам же текст носит юмористический оттенок и повествует о рассказах ладожан легковерному летописцу, которому в качестве чудес поведали о бусинах, которые находят после дождя на берегу Волхова, далее приведена легенда о Севере, где из туч рождаются «веверицы» и олени, вырастают и расходятся по земле. На сегодняшний день единого мнения о значении слова «веверица» у исследователей¹ нет, как и специального исследования. Мы придерживаемся мнения, что

¹ В этимологическом словаре М. Р. Фасмера даны следующие значения: 1. «белка», 2. «горностай» – др.-русск. вивѣрица, укр. вивѣриця, вивірка, блр. вавѣрка, болг. веверица, сербо-хорв. вјеверица, словен. veverica, чеш. veverka, веверице, слвц. veverica, польск. wiewiórka. Родственно лит. voverė «белка», диал. voveris, vēveris, также vaiverė, лтш. vāvere, др.-прусс. weware, кимр. gwywer, нов.-

речь все же идет о горностаях или соболях, поскольку по письменным свидетельствам иностранных источников [*Древняя Русь...*, 2009. – С. 141–143; *Алексеев, 1941.* – С. 35–36], комментарии к которым даны далее, Югра являлась поставщиком горностаевых шкур для мантий европейских монархов. Вполне возможно, что речь идет о черном сибирском соболе, который также являлся дорогим товаром, к тому же, судя по этимологии слова, латинское *viverga* («хорек») могло обозначать европейскую куницу, а также азиатского соболя, который относится к семейству куньих. У Помпония Лета в его комментариях к георгикам Вергилия указано, что Югра являлась поставщиком драгоценных белок и белок этих было четыре вида [*Алексеев, 1941.* – С. 35–36]. Судя по всему, речь идет о горностаях, ласках, солонгах и колонках. В этой связи мы не можем рассматривать указание на белку в прямом значении этого слова, скорее всего это был некий собирательный образ маленьких пушных зверьков. Еще одним доводом является широкая география распространения белки, и вряд ли она могла бы вызвать удивление – в отличие от горноста, который обладал редким и дорогим мехом.

Следующее интересное свидетельство: «мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь». Здесь стоит обратить внимание на расположение Ладоги, которая находилась на пути новгородцев в Югру, и, вероятно, отряды формировались совместные. Неоспоримым является факт, что и новгородцы, и ладожане участвовали в начальном освоении Югры.

В лето 6673 [1165 г.]. Поставиша ц(е)рк(о)вь с(вя)тыя Троицы на Шетиницы [*ПСРЛ, Т. III, 1841.* – С. 13].

Комментарий. Отрывок из Новгородской четвертой летописи повествует о первоначальном строительстве церкви Святой Троицы, которая позднее упоминается в источниках и современных исследованиях как церковь Святой Троицы на Редятине улице. В летописи ее строительство упомянуто под 1165 годом – «поставиша церковь святыя Троица Шетициницы»². Об этом подробно пишет в своей статье В. Л. Янин, указывая, что в пожаре 1194 г. деревянная Троицкая церковь сгорела и неизвестно, когда была возобновлена [*Янин, 1998.* – С. 319]. Пожар 1194 года был вызван конфликтной ситуацией между жителями Людиного и Неревского конца, о чем будет сказано ниже; а также см. статью А. Н. Сорокина [*Сорокин, 2016.* – С. 262–270]. В 1224 г. «бысть гром страшъи маия в 20, на святого Фаллея: сгоре церкви святой Троицы, а два человека мертва быста». Вполне вероятно, что после пожара 1224 г. Троицкая церковь была вновь восстановлена, а в 1365 г. на этом месте взамен неоднократно восстанавливавшейся деревянной была построена уже каменная, после удачного похода на Югру. Затем церковь неоднократно перестраивалась, кардинально – в 1734 г. Эти факты свидетельствуют о связи каменной церкви и деревянной, что дает нам основание полагать, что строительство первой деревянной церкви связано с группой новгородцев, осуществлявших торгово-промысловые операции в Югре. В 1365 году в честь удачной военно-торговой операции торгово-промышленной корпорацией («Югорщиной») была возведена каменная церковь – мы можем экстраполировать это и на первую церковь 1165 года: что она также являлась удачным результатом военно-торговой или торгово-промышленной операции на Югру. Таким образом, это может маркировать: начальный период обретения новгородцами Югры как подчиненной территории и место как отправную точку походов на Югру – как военных, так и торгово-промышленных.

Этот период середины XII века находит косвенные подтверждения в археологических материалах в южной части п-ва Ямал. Так, например, городище Ярте VI, находившееся в устье реки Юрибей, ближе всего к оконечности Уральских гор, к середине XII века прекращает свое функционирование, однако

перс. *varvarah*, англос. *ác-weorna* «белка», др.-шв. *ékorne*; ср. также заимств. лат. *viverga* «хорек»; см. Зубатый, *AfslPh* 16, 418 и сл.; М. – Э. 4, 512; Буга, *РФВ* 75, 153; Траутман, *BSW* 356; Вальде 846. Шпехт (*KZ* 62, 253 и сл.) видит здесь древнюю основу на -г. Эндзелин (*Don. Natal. Schrijnen* 402) связывает это слово с **veg* – «гнуть» ввиду изогнутой формы хвоста зверька [*Фасмер, 1986.* – С. 282]. У В. И. Даля дано следующее толкование: веверица – ж., стар., пушной зверок, которым платили дань; вероятно, ласочка, горностаи или белка; всячески некстати иные ученые сурка прозвали веверицей. Виру платили по белей веверице или по белей векше; но это или не доказывает, чтобы веверица и векша было одно и то же, а только что они были в одной цене. Горностаи и ласочка летом бурые, зимой белые; белая веверица – зимнего, дошлого улова; векша рыжая, зимою голубая, но и здесь белая могло бы означать дошлую, зимнюю, и хотя векша никогда не бывает белой, получила название белки. Вевёрка зап. поныне векша, белка. [*Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Цитадель, 1998. Т. 1: А–З. – 1743 с. тб., VIII с.]*. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона дано следующее толкование: веверица – название это встречается во многих наших письменных памятниках в смысле монетной ценности и значит то же, что векша или векоша (см. Векша) [*Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Изд-во «Русское слово», 1996. – 5547 с.]*.

² Последнее слово в разных списках летописи написано по-разному: «Шетиничи», «Шетиничь», и означает отчество, т. е. имя клана, построившего храм [*Янин, 1998.* – С. 319].

в культурном слое появляются первые единичные вещи европейского Северо-Востока: это фрагменты медных котлов, обрывки телячьей кожи, сукно, гребень [*Плеханов, 2014.* – С. 13, 14, 63, 72]. С конца XII в., особенно в XIII в., происходит нарастание торговых взаимоотношений между Новгородом и Югрой – по материалам городища Бухта Находка, где импортные вещи в составе вещевого комплекса составляют порядка 30 %, причем северо-восточной Руси, включая предметы вооружения, фрагменты медных котлов, обрывки телячьей кожи, сукно, замки, ключи, крицы [*Кардаш, Усолкина, 2009*]. Таким образом, все вышеприведенные факты, как летописные, так и археологические, свидетельствуют, что строительство Троицкой церкви на Шетициницы 1165 года связано с успешной военно-торговой операцией на Югру.

В лето 6695 [1187 г.]. ...Того же лета избъени быша даньники Пермскіи и Югорьскіи, а друзіи за Волоком, и паде голов о сте кметей [*ПСРЛ, Т. IV, 1848.* – С. 17].

Комментарий. Отрывок из Новгородской четвертой летописи повествует о нападении на данников Пермских и Югорских. Сам термин «данники» указывает на представителей государственных структур, а, следовательно, можно говорить о включении Югры в состав земель Новгорода Великого и обретении статуса волости. Хотелось бы отметить, что процесс сбора дани осуществлялся военизированным отрядом подготовленных людей. При этом процесс установления даннических отношений являлся следствием успешных торгово-промышленных операций. Организация специализированной военной операции требовала, помимо финансовых затрат, качественного оснащения, а также гарантированного получения прибыли, и факт гибели 100 воинов говорит о масштабном походе для закрепления территории. В целом следует указать, что в летописях нашли отражение как военно-даннические операции, так и торгово-промышленные, и закрепление территории шло параллельно этими двумя путями.

Въ лето 6701 [1193 г.]. ...Того же лета идоша Новгородци изъ Новагорода ратию съ воеводою Андреемъ въ Югру, и взяша градъ, и придоша къ другому граду; они же затворишася во граде, и стоаше подъ градомъ пять недель. Югричи же выслаша къ нимъ, сице глаголюще: «не губите насъ, понеже збираемъ серебро, и злато, и соболи и иная узорочіа, хотяще дань даяти вамъ». И по мале паки выслаша изъ града къ воеводе, глаголюще: «поиди во градъ, поимъ со собою дванадесать мужей». Воевода же поиде къ нимъ во градъ, поимъ съ собою священника и иныхъ дванадесать мужей; Югричи же введъше ихъ въ храмину, и изсекоша всехъ, и паки выслаша и поаша тридесать мужей лучшихъ, и введше ихъ въ храмину изсекоша всехъ, и потомъ паки выслаша изъ града и поаша къ себе пятьдесятъ человекъ лучшихъ, и техъ изсекоша. И потомъ рече Савка князю Югорскому: «аще княже не убѣши Якова Прокофіева, живаго пустишь въ Новъгородъ, приведетъ на тя семо рать, и землію твою пусту сотворить». Князь же Югорскій призва Якова, и повелел его убити; Яковъ же рече Саве: «о, брате Сава! судить ти Богъ и святаа Софіа яже еси подумалъ на кровь братъи своей, станеша съ нами предъ Христомъ Богомъ, и отвечаеши за кровь нашу, и приимеши возмездіе». И сіа рекшу ему убіень бысть. Той бо Сава крамоляше отай князю Югорскому. Оставшіи же Новгородци изнемогоша голодомъ, стоаху бо шесть недель, слушающе лсти ихъ. И на празникъ святого чудотворца Николы вышедше Югричи изъ града, изсекоша ихъ всехъ, и оставиша живыхъ осмьдесать человекъ, и не бе въ Новегороде вести всю зиму ни про живыхъ ни про мертвыхъ, и бе скорбъ въ Новегороде веліа [*ПСРЛ, Т. X, 1885.* – С. 21–23].

Комментарий. Этот фрагмент был проанализирован В. Л. Яниным и А. Н. Сорокиным, их комментарии представлены в сборнике в авторских статьях. В своем анализе мы затронули те аспекты, которые не были рассмотрены исследователями. Отрывок из Патриаршей, или Никоновской, летописи повествует о летнем речном походе в Югру. В этой связи вероятнее всего он проходил по рекам Печоре и Усе, а далее по реке Соби, не исключен вариант, что путь мог проходить и по рекам Печора, Уса, а далее по Северной Сосьве³, что нам представляется маловероятным. Как уже отмечалось ранее, археологических свидетельств существования стационарных долговременных поселений в северной части Уральских гор нет. Поскольку в летописи указано «и взяша градъ, и придоша къ другому граду; они же затворишася во граде, и стоаше подъ градомъ пять недель», скорее всего речь идет о водных маршрутах в нижнем течении левых притоков реки Оби или по самой Оби. Городки XI–XII веков в нижнем течении Оби известны, поэтому мы можем реконструировать маршрут, проходящий

³ В нижнем течении р. Оби, в районе устья р. Северной Сосьвы также известны городки, существовавшие в XI–XIII вв. Мы не исключаем, что данные события могут быть связаны с какими-то из них.

по реке Соби, далее в устье Полуя. Вероятно, эти события могли происходить в городке Пель-Вож или Воксар-Вож⁴, которые функционировали на рубеже XI–XII вв. и расположены в окрестностях современного города Салехарда. На зону северной тайги также указывает экологический индикатор: соболя, наличие украшений и драгоценных металлов известны из археологических раскопок памятников в этом районе, в частности могильника Зеленый Яр. Мы придерживаемся мнения, что экспедиция проходила по р. Соби, исходя из дальнейших событий, связанных с одним из главных персонажей – Савой, который был ясачным сборщиком на Севере, сформировавшим связи с тундровым населением.

Не анализировался следующий факт – диалог югричей и новгородцев. В летописи нет указания на языковой барьер, то есть в 1193 году новгородцы и югричи понимали друг друга без переводчика, что может указывать на постоянные контакты между ними.

Следующая фраза: «Воевода же поиде къ нимъ во градъ, поимъ съ собою священника и иныхъ дванадесять мужей; Югричи же введъше ихъ въ храмину» – говорит о воеводе, двадцати мужьях и священнике, которых повели в храмину. Слово «храмина» требует осмысления, поскольку трактовать его можно по-разному: храм либо хоромы – дом вождя или большое общественное сооружение. Упоминание священника свидетельствует о храме. У коренного аборигенного населения храмов, тем более на территории поселений, не было. Все священные места находились за пределами поселений. В планировочной структуре городков такая категория, как храм, отсутствовала. В этой связи может быть выдвинуто несколько гипотез. Первая гипотеза – это поселение коренного населения, а храмина – дом вождя, где совершались некие ритуальные действия. Вторая гипотеза – это поселение, основанное выходцами из земель Новгорода Великого, тогда храмина могла быть храмом, находящимся внутри поселения. Вполне вероятно, что это население проживало на территории Югры в течение нескольких поколений и занималось охотничьим промыслом, название югричей они получили из-за местности, где оно располагалось. Еще одним подтверждением гипотезы о населенном пункте, основанном пришлым населением, является факт военных действий, где югричи победили новгородцев. В действиях югричей присутствует стратегия и тактика: «Воевода же поиде къ нимъ во градъ... и изсекоша всехъ Новгородци изнемогоша гладомъ». Несомненно, часть новгородцев была убита хитростью в городке, а часть – в результате открытого военного столкновения. Для ведения подобных боевых действий необходим опыт и предметы вооружения, которые могли появиться только в результате меновой торговли и импорта из Болгара или Руси, поскольку железоделательного производства не было. Судя по данным археологических исследований, количество наступательного вооружения в воинских погребениях XI–XII веков значительно возрастает, в частности на Средней Оби. Однако остается вопрос: каким образом югричи, ранее не имевшие большого количества клинкового оружия (по данным археологических исследований) и соответственно опыта его использования как в качестве нападения и защиты, так и ведения боевых действий, – смогли провести столь удачную военную операцию против опытного военизированного отряда. По данным археологических исследований, серьезных, частых военных конфликтов и боевых действий среди аборигенного населения не было. Все это указывает на населенный пункт, основанный выходцами земель Новгорода Великого.

В целом, рассматривая этот отрывок, следует указать, что в конце XII века сборщики дани находились на территории населенных пунктов, где они могли контролировать процесс сбора дани. Наличие подобных поселений – пунктов ясачного сбора – говорит о фактическом закреплении территории Югры как волости Новгорода Великого. Еще один факт длительных и непростых отношений подтверждается следующим документом – берестяной грамотой № 724, которая датирована В. Л. Яниным 1166/1167 годом на основании нахождения в культурном слое. Приведем далее текст грамоты.

«От Савы поклонанье к братье и дружине. Оставили ма были людѣ; да остатъ дани исправити было имъ досени, а по первому пути послати и отбыти проче. И заславъ Захариа въ вере уроклъ: “Не даете Саве ни одного песца хотя на нѣ емати. Сам в томъ...”».

Перевод: «От Саввы поклон братьям и дружине. Оставили меня люди, да остаток дани приказал собрать им до осени, а по первопутку послать и убить прочь. И заставил их Захар, сказав: “Не давайте Савве ни одного песца в любом случае. Сам виноват в этом...”».

⁴ На сегодняшний день Ворсар-Вож не найден, о нем есть только отрывочные сведения в письменных источниках.

Комментарий. Комментируя эту грамоту, В. Л. Янин сопоставляет ее с летописными событиями 1193 года и утверждает, что она свидетельствует о вине Савы, от которого отложилось податное население ввиду превышения полномочий данником. Отсутствие в составе дани соболя и наличие экологического индикатора – песца позволяет локализовать сферу ее действия севернее Полярного круга, а широтная локализация в этой связи указывает на территорию от устья Сев. Двины до Обской губы [Янин, 2000. – С. 21–25]. Мы поддерживаем мнение В. Л. Янина, что действующее лицо – Сава – один и тот же человек как в грамоте, так и в летописи, поскольку это позволяет выяснить мотив его дальнейших действий и объяснить события 1193 года. Мы можем локализовать территорию. Вполне вероятно, что его податным населением было тундровое, которое после зимнего промысла мигрировало в таежную зону, а неопытный ясачный сборщик не успел собрать дань и был оставлен отрядом до осени дожидаться возвращения податного населения, а по первопутку, то есть по насту, на собачьей упряжи должен был уехать. Такие откочевки коренного населения характерны для жителей п-ва Ямал, соответственно мы можем локализовать как территорию сбора ясака и место службы Савы – до района Нижней Оби, так и события 1193 года, которые проходили в одном из городков Нижней Оби, с населением которого у Савы могли сложиться доверительные отношения.

Въ лето 6702 [1194 г.]. ...Того же лета придоша Новгородци въ Новъгородъ изъ Югричъ останокъ живых [ПСРЛ, Т. X, 1885. – С. 23].

В лето 6702 [1194 г.]. ...Придоша избытокъ живыхъ изъ Югры, и убиша Сбышку Волосовича, и Неговича Завида, и Моислава Поповича сами путники, а друзи кунами ся окупиша, творяху бо я съветъ держаще с Югрою на свою братью, а то Богови судити [ПСРЛ, Т. IV, 1848. – С. 17].

Комментарий. Этот отрывок был проанализирован А. Н. Сорокиными в его статье «“Вотолкин пожар” в древнем Новгороде (хронология, топография, причина)» [Сорокин, 2016. – С. 262–270], новая версия анализа данного эпизода представлена в сборнике (см. далее А. Н. Сорокин «Новгород и Югра в XI–XII вв.»).

Въ льто 6831 [1323 г.]. ...Того же льта заратишася Устюжане съ Новгородци, изъимаша Новгородцевъ, кто ходилъ на Юргу, и ограбиша ихъ [ПСРЛ, Т. III, 1841. – С. 73].

Въ льто 6832 [1324 г.]. Идоша Новгородци съ княземъ Юрьемъ на Заволочье, и взяша Устюгъ на щить, и иридоша на Двину; и ту прислаша послы князи Устюжъскыи е къ князю и къ Новгородцемъ, и докончаша миръ по старой пошлѣ, и иридоша Новгородци вси здорови [ПСРЛ, Т. III, 1841. – С. 73].

В лето 6837 [1329 г.]. ...Той же зимы избиша Новгородцевъ, которыи были пошли в Югру [ПСРЛ, Т. IV, 1848. – С. 51].

Комментарий. Устюжская компания князя Юрия Даниловича достаточно полно описана и проанализирована в литературе [Горский, 2003. – С. 55]. Однако следует отметить неоднократность грабежей в Югре – как самими новгородцами, так и жителями сопредельных княжеств, что может служить косвенным свидетельством систематических торговых и даннических походов. По всей видимости, походы совершались довольно часто и одним и тем же маршрутом, поскольку путь этих отрядов был хорошо известен.

Годъ 6872 [1364 г.]. ...Той зимы съ Югры Новгородци приѣхаша, дети боярьскіи и молодые люди, и воеводы Александр Абакумович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша; и Двиняне стаха противу ихъ полком, и избиша Двинянь на Курьи [ПСРЛ, Т. IV, 1848. – С. 64–65].

Комментарий. Отрывок из Новгородской четвертой летописи повествует о походе новгородцев. Данный поход был летним, по водному пути, и достоверно реконструировать маршрут невозможно, вполне вероятно, что он проходил по р. Северная Сосьва, где есть р. Ляпин, косвенно свидетельствующая о присутствии новгородцев. Указание «до моря» можно рассматривать как указание на Обскую губу, мыс Хебидя-Сале, рядом с которым находился Надымский городок, о существовании которого они знали. Фразу «другая половина рати на верх Оби» можно расценивать как указание на устье Иртыша, поскольку, по этнографическим сведениям, аборигенное население, в частности казымские ханты, считают верховьем реки Оби устье Иртыша.

Годъ 6873 [1365 г.]. ...Югорщиною заложиша церковь камену, святую Троицу, на Рядятине улицы [ПСРЛ, Т. IV, 1848. – С. 65].

Комментарий. Отрывок из Новгородской четвертой летописи повествует о строительстве каменной церкви «Югорщиной», то есть на доходы от связей с Югрой. Выше этот фрагмент был уже рассмотрен.

В лето 6954 [1445/46 г.]. ...Того же лета Василей Шенькурский и Михайло Яковль воеводы Новгородские, поидоша ратию Заволоцькою в трехъ тысячахъ на Югру, и поймавше Югорскихъ людей много, и жен и детей, и расплошишася; они же Югрици доспеша над ними облесть, а ркучи тако: «мы хотим вамъ дань даяти, а хотимъ счестися и указати вамъ станы, и острова, и уречища»; а въ то время скопившееся и ударившееся на острог Васильев, и много людей, детей боярскихъ и удалыхъ людей, избиша, человека съ 80, и бе жалостно слышати убиение ихъ, а Василей убежа съ сыномъ своимъ Семеономъ въ мале дружине, а инѣи разбегахся по лесу; а другѣи воевода Михайло Яковль въ то время былъ во иной реке, и потомъ Михайло приехалъ къ Васильеву острогу, и виде острогъ разоренъ и своихъ побитыхъ, а инѣи разбегахся, и нача искати своихъ по реце, и скопишася къ нему Василей с сыномъ, и инѣи вси, и приехали во свою землю [ПСРЛ, Т. IV, 1848. – С. 123–124].

Комментарий. Отрывок из Новгородской четвертой летописи повествует о неудачном военно-данническом походе на Югру. Здесь примечательным является численность войска в три тысячи человек. Путь, по которому они прошли, неизвестен, есть несколько вариантов: «северный» по Печоре, Усе и Соби либо «черезкаменный» с верховьев Печоры в Ляпин – Северную Сосьву, но, судя по тому, что речь идет об островах и урочищах, то есть о местах рыболовной ловли и охотничьих угодьях, мы можем локализовать его в пределах таежной зоны. В современном территориальном делении это Березовский, Белоярский, Шурышкарский районы. Это население имело оружие, могло оказать сопротивление и совершать боевые действия, а также имело опыт военных операций по захватыванию острогов. Аборигенное население такого опыта не имело, поэтому нам весьма сомнительным представляется факт захвата острога аборигенным населением. Сам же факт строительства острога Василия так же указывает на военные конфликты.

В лето 6973 [1465 г.]. ...Того ж лета велел князь великий Иван Васильевич Василью Скрыбе, устюжанину, Югорскую землю воевати. А шли с ним охочие люди и вымичи. Они же, шедше, Югорскую землю воевали, и полону много привели, и князей югорских к великому князю привели. И князь великий их пожаловал, отпустил их во Югру и на всю их землю дань наложил, а воевод пожаловал [ПСРЛ, Т. XXXVII, 1982. – С. 46].

В лето 6991 [1483 г.]. ...Князь великий Иван Васильевич посла рать на вугулич и на угру, на Обь великую реку. А воеводы великого князя были князь Федор Курбский Чорной да Иван Иванович Салтыков Травин, а с ними устюжане, и вологжане, вычегжане, вымечи, сысоличи, пермяки. И бысть бои с вогуличи на усть реки Пелыни. И на том бою устюжан убили семь человек, а вогулич паде много, а князь вогульский убежал. А воеводы великого князя оттоле пошли по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь. И Сибирскую землю воевали, идучи, добра и полону взяли много. А от Сибири шли по Иртышу реце вниз, воюючи, да на Обь реку великую, в Югорскую землю, князей югорских воивали и в полон повели. А пошла рать с Устюга майя в 9 день, а на Устюг пришла на Покров пресвятыя Богородицы [ПСРЛ, Т. XXXVII, 1982. – С. 46].

В лето 6992 (1484 г.). ...Великому князю Ивану Ивановичю родись сын у великие княгини Елены князь Дмитрие. Тое же зимы князь великий посылал воевали Немецкие земли новгородцов и псковичи.

Тое же весны пришли с челобитьем князи вогульские, и югорские, и сибирские. И князь великий за себя их привел, дань на них положил и пожаловал их, отпустил восвояси. Того же лета хлеб уродился, рожь жали вскоре Петрова дни и Павлова, а ярь с Ыльина дни. Того же лета князь великий велел поймать в Новгороде бояр наугородских и весь Новград розвел и одолел за себя [ПСРЛ, Т. XXXVII, 1982. – С. 49].

В лето 7007 (1499). ...Князь великий Иван Васильевич послал рать в Югру лыжную устюжан, вычегжан, вымич, сысолич, двинян, пинежан, а воеводы были с ними князь Семен Федорович Курбской да князь Петр Ушатой. И всю землю повоевали и в полон розвели розно. Того же лета об под

Казань приходила московская рать 80 000, города не взяли, волости повоевали [ПСРЛ, Т. XXXVII, 1982. – С. 51].

Въ лето 7007 [1499 г.]. ...Того же лета послалъ князь великий воеводъ своихъ, князя Семена Федоровича Курбьскаго да князя Петра Федоровича Ушатого да Василиа Иванова сына Гавриловича Бражника, съ силою, съ Устюжаны, со Двиняны, съ Вычегжаны и съ Вятчаны, на Угорскую землю и на Гогуличи. Они же, шедше, города поймаша и землю повоеваша и князей, поймавъ привелоша съ собою на Москву; а иныхъ князей и земскихъ людей къ роте привелоша по ихъ вере за великого князя: а иныхъ князей и многихъ людей Югричъ и Гогуличъ тамо побиша. И придоша на Москву къ великому князю вси здрави лета 7008, Марта [ПСРЛ, Т. XII, 1909. – С. 249].

Комментарий. В данных отрывках описывается серия московских походов на Югру. Великий московский князь Иван III, вступив на престол, организовал собственные операции на Югру, причем достаточно успешные, хотя формально она числилась волостью Новгорода Великого. Процесс обретения новгородской Югры Московским царством начался в 1465 году, когда, повелев Василию Скрыбе и князю Василию Вымскому Ермоличу «Югорскую землю воевати», поход закончился удачно. В Москву привели пленных югорских вождей, которых Великий князь Иван Васильевич «пожаловал Югорским княжением, и отпустил в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую». Несмотря на это, уже через пять лет, в 1470 году, «волость Югра» вновь упоминается в Договорных грамотах новгородцев с Великими Князьями Тверскими как территория Новгорода Великого [Собрание государственных грамот, 1813. – С. 1–20]. Только новый военный поход, организованный через четырнадцать лет, изменил административную ситуацию. Начало Московского этапа владения Севером Западной Сибири, согласно письменным источникам, имеет определенную дату: 8 октября 1484 г. Московский царь Иван III принял титул «князя Югорского» [РиО, 1884. – С. 41]. Эти события произошли после похода в Югру воевод Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка Травина в 1483–1484 годах [Плигузов, 1993. – С. 143–146]. Однако присоединение обширной территории не было результатом одной военной операции, поскольку в 1499 году потребовался еще один поход. Именно с этого времени Югра как волость Новгорода Великого переходит под юрисдикцию Московского царя. Таким образом, обретение северных территорий Москвой не было единовременным актом, а продолжалось в период правления Ивана III несколько десятилетий, с 1465 по 1499 год. Именно с начала XVI века мы можем говорить о владении Московским царством территорией Югры.

Договорные грамоты

1264 г.⁵ Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем⁶.

[Благосл]овлен[и]е от владыкы, поклонъ от по[са]д[ни]ка [Ми]хаила, и от [т]ысяцкаго Кондрата, и [от] вс[е]хъ соцьскихъ, и [от] всехъ старѣишихъ, и от всего Новгорода къ князю Ярославу. На семь ти, княже, хрьсть цѣлов[а]ти, на цѣмъ то цѣловал[ъ] хрьсть отецъ твои Ярославъ. Держати ти Новъ[гор]одъ по пошлѣнѣ, како держалъ отецъ твои. Грамотъ ти, княже, не посужати. А мужа ти без вины волости не лишати. А бес посадника ти, княже, волости не роздавати, ни грамотъ даяти. А волости ти, княже, новгородскихъ своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородскими; а даръ от техъ волост[и] имати. А се волости новгородские: Волокъ съ всеми волостями, а держати ти сво[и] тивунъ на половинѣ, а но[в]городецъ на половинѣ въ всеи волости Волоцьскои; а в Торожку, княже, держати тивунъ на своей чясти, а новгородецъ на своей чясти; а Городецъ, княже, далъ Дмитрии съ новгородци Иванку, а того ти, княже, не отъяти. **А се волости новгородские:** Бежиче, Городецъ, М[еле]чя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемъ, Тре, Перемъ, **Югра, Печера;** а ты волости държати мужи новгородскими; а даръ от нихъ имати. А свѣи ти бити за 60 верстъ от города. А закладниковъ ти, княже, не приимати, [ни] твоей княгине, ни тво[и]мъ бояромъ;

⁵ Основание датировки: сообщение Новгородской I летописи о приглашении на Новгородский стол кн. Ярослава Ярославича под 6772 г.; ср: Пресняков. – С. 70–72; Кочин. – С. 199–201, 210.

⁶ Подлинник на пергамене; во многих местах попорчен; наклеен на бумагу, исключая его верхнюю часть. Следы прикрепления печати у нижнего края. ЦГАДА. Гос. Древлехр. Отд. I. Рубр. III. № 2.

н[и с]е[лѣ ти] держати по Новгородской волости, ни твоей княгини, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ; ни свободъ ставити по Новгородской волости. А и Суждальской ти земле Новагорода не рядити, ни волостии ти не роздавати. А на Озвадо ти, княже, ездити лѣтъ звери гонить. А в Русу не ехати, ехати ти в Русу на третью зиму. А в Ладогу, княже, ехати на третее [л]ѣто. А осетрънику твоему ездити в Ладогу по отца твоего грамоте. А куда пошл[о] судии твоему ездити по волости, ехат[и и]мъ межень по Петровѣ [д]ни. А что твои брать отъялъ былъ позже у Новагорода, а того ти, княже, отступитися: что новгородцевъ, то новгородьцемъ; а что пошло князю, а то княже. А выводъ ти, княже, въ всеи волости Новгородской не надобе. А дворяномъ твоимъ, княже, ходити по пошлинѣ, како пошло исперва. А от новгородьця и от новоторжьця у мыта имати от воза по 2 векши и от хмелна короба. А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца. На томъ ти на всемъ хръстъ цѣловати по любъви, безъ всякого извета, въ правьду, при нашихъ послехъ [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 9–10*].

1266 г.⁷ Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем⁸.

† Благословление от владыкы, покла[няни]е от посадника Михаила, и от тысяцкого Кондрата, и от всѣго Новагорода, и от всѣхъ старѣишихъ, и от всѣхъ меньшихъ къ князю Ярославу. На семь, княже, цѣлуи хръстъ къ всѣму Новугороду, на цѣмъ то цѣловали дѣди, и отци, и отецъ твои Ярославъ. Новъгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостии всѣхъ новгородьскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, нѣ дѣржати мужи новгородьскими; а даръ имати тебе от техъ волостии. А бес посадника тебе волостии не раздавати. А кому раздаялъ волости братъ твои Александръ или Дмитрии съ новгородци, тебе техъ волостии безъ вины не лишати. <...>⁹ **А се, княже, воло[с]ти новгородьские:** Волокъ съ всеми волость[м]и, Тържкъ, Бежицѣ, Городьцѣ Палицѣ, а то есме дали Иванкови, потомъ Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволочье, Трѣ, Перемь, **Печера, Югра.** <...> А на томъ ти, княже, на всѣмъ хръстъ цѣловати бес перевода, прѣ нашихъ послѣхъ; а мы ти ся, господине княже, кланяемъ. А что, княже, мыть по твоеи земли, и по [и]нои волости, и по всеи Суждальской земли, а то, княже, имати по 2 векши от лодѣ, и от воза, и от лну, и от хмелна короба. А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, разве ратной вести. Тако, княже господине, пошло от дѣдъ и от отецъ, и от твоихъ и от нашихъ, и от твоего отця Ярослава [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 10–11*].

1270 г.¹⁰ Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем¹¹.

Благословление от владыкы, поклонъ от посадника Павше, и от всѣхъ старѣишихъ, и от всѣхъ меньшихъ, и от всего Новагорода къ господину князю Ярославу. На семь, княже, цѣлуи хръстъ къ всему Новугороду, на цѣмъ то целовали дѣди и отецъ твои Ярославъ. Новгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостии всехъ новгородьскихъ, тѣхъ волостии, княже, не держати ти своими мужи, нѣ держати мужи новгородьскими; а даръ, княже, тебе имати от техъ волостии. А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волостии раздавати, ни грамотъ ти даяти. <...> **А се, княже, волости новгородьские:** Волокъ съ всеми волостями, Торжекъ, Бежиче, Городецъ Палицѣ, Мелечя, Шипино, Егна, Заволочье, Трѣ, Перемь, **Печера, Югра,** Вологда. <...> На томъ, господине, на всемъ крьстъ цѣлуи къ

⁷ Основание датировки: Пресняков. – С. 70–72; Кочин. – С. 199–201, 210.

⁸ Подлинник на пергамене; ветхий, на нижней части красно-желтые пятна; наклеен на бумагу; на обороте древним почерком: Князя Ярослава. Следы прикрепления печати – внизу пергамена отверстие и остаток бечевки. ЦГАДА. Гос. Древлехр. Отд. I. Рубр. III, № 1.

ДрРВ. I. № 2; СГГД. I. № 1; Сахаров. X. № 12 (литографированное воспроизведение первых 15 строк); Иванов. № 2 (литографированное воспроизведение); Шахматов. О языке. – С. 236–238; Моск. гл. архив Мин. ин. дел, табл. XV (фотомеханическое воспроизведение); Кутепов, с. [9] (фотомеханическое воспроизведение).

⁹ Здесь и далее обозначены исключенные цитаты, в которых нет ни прямой, ни косвенной информации по истории Югры.

¹⁰ Основание датировки: сообщение Новгородской I летописи о мире с Ярославом под 6778 г., ранее зимы.

¹¹ Подлинник на пергамене; в некоторых местах подклеен бумагой; на обороте крупным почерком, современным грамоте: Се приехаша послы от Менгу Темеря цесаря (В подлиннике: цря и под титулом: с; так и в последующих грамотах.) сажать Ярослава съ грамотою Чевгу и Баиши; другим почерком и обратно первой записи: Княжа Ярослава Ярославлич. Печать свинцовая круглая на шелковом шнурке, повреждена; на одной стороне [12] изображение св. Афанасия Александрийского; на другой – св. Федора Стратилата. Следы прикрепления еще двух печатей. ЦГАДА. Гос. Древлехр. Отд. I. Рубр. III, № 3.

ДрРВ. I. № 1; СГГД. I. № 3; Сахаров. X. № 12 (литографированное воспроизведение первых 17 строк); Шахматов. О языке. – С. 241–243; Кутепов. – С. 492 (фотомеханическое воспроизведение 38 строк). – Печать воспроизведена: Орешников. II. 10.

всему Новугороду. А гости нашему гостити по Суждальской земли безъ рубежа, по цесаревѣ грамоте. А судье слати на Петровъ день, тако пошло. А вывода, ти, княже, межи Суждальскою землею и Новъмьгородомъ не чинити. А что закладниковъ за Гюргемъ на Торожку или за тобою, или за кн[я]гынею, или за мужи твоими: кто купецъ, тотъ въ сто; а кто смердъ, а тот потягнетъ въ свои погостъ; тако пошло Новегородѣ, отпустите ихъ проць [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 11–12*].

1304–1305 гг.¹² Грамота Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу с условиями договора¹³.

Благословление от владыкы, поклонъ от посадника Гюргя, и от [ты]сячкого, и от всѣхъ старѣишихъ, и от всѣхъ мнѣишихъ, и [от всего] Новагорода господину князю Михаилу. На семь, княже, цѣлуи хръстъ къ всему Новугороду, на чемъ цѣловали дѣди и отецъ твои Ярославъ. Новгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ [ѣ]. Что волостии новгородьскихъ, тѣхъ волостии, княже, не [дѣ]ржати ти своими мужи, дѣржати мужи новгородьскы[ми]; а даръ, княже, тобѣ емати от тѣхъ волостии. <...> **А се, княже, волости новгородьския:** Волокъ съ всѣми волостями, Тържкъ, Бѣжицѣ, Городьцѣ Палицѣ, Мелеча, Шипино, Егна, Заволочие, Търѣ, Пърмь, **Печера, Югра,** Волъгда. <...> А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати новгородца; а тобѣ серебро емати. А гнѣва ти, княже, до Новагорода не дѣржати ни до одного человека. А ряду въ Новгородской волости тобѣ, княже, и твоимъ судиямъ не посужати. А самосуда не замышляти. А старостѣ ни холопа ни робы безъ господаря твоимъ судиямъ не судити. А за рубежъ из Новгородской волости твоимъ дворяномъ суда не водити, ни судити. А свободъ ти и сель съступитися. А про землю и про [села]: кто у кого будетъ купилъ, знаетъ своего истыца про куны, а земля къ святой Софии [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 15–16*].

1304–1305 гг.¹⁴ Грамоты Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу¹⁵.

Грамота с условиями договора

Благословление от владыкы, поклонъ от посадника Георгия и от тысячкого Андрѣяна, и от всѣхъ старѣишихъ, и от всѣхъ мнѣишихъ, и от всего Новагорода господину князю Михаилу Ярославичу. <...> **А се волости новгородьския:** Бѣжицѣ, Городьцѣ, Мелеча, Шипино, Егна, Волъгда, Заволочие, Голопърмь, Търѣ, Пърмь, **Печера, Югра;** а ты волости дѣржати ти мужи новгородьскими. <...> А за Волокъ ти, княже, своего мужа не слати, продаяти ти дань своя новгородцю. <...> А твоимъ судиямъ по волости самосуда не замышляти на людехъ по Новгородской волости. А вязчего не пошло по Новгородской волости, то судиямъ твоимъ отложить. <...> На семь, господине, на всемъ цѣлуи хръстъ при нашей братии, при послѣхъ [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 16–18*].

1307–1308 гг.¹⁶ Договорные грамоты Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем¹⁷.

Грамота новгородская

Благословение от владыцѣ, поклонъ от посадника, и от тысячкого, и от всѣхъ старѣишихъ, и от всѣхъ мнѣишихъ, и от всего Новагорода господину князю великому Михаилу. На семь, господине, Новгородъ всѣ хръстъ цѣлуеть. Княжение твое чѣстно дѣржати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, господине, такоже Новгородъ дѣржати по пошлинѣ безъ обиды. <...> А за Волокъ ти слати своего мужа

¹² Основание датировки и характеристики грамоты: Шахматов. О языке. – С. 231–233; Кочин. – С. 202, 210; наличие только новгородской печати.

¹³ Подлинник на пергамене; в нижней части немного оборван и подклеен бумагой. Печать свинцовая круглая на бечевке; на одной стороне изображение Богоматери типа «Знамение» с надписями: *** (матерь божия.) и *** (Иисус Христос.); на другой: *** (Феоктист, архиепископ Новгородский). ЦГАДА. Гос. Древлехр. Отд. I. Рубр. III, № 8.

СГГД. I. № 9; Шахматов. О языке. – С. 245–247. – Печать воспроизведена: Лихачев. Альбом. XI. 7.

¹⁴ Основание датировки и характеристики грамот: Шахматов. О языке. – С. 231–233; Пресняков. – С. 120–121; наличие только Новгородской печати.

¹⁵ Подлинник на пергамене; в верхней части подклеен бумагой; скреплен одной печатью с № 8. Печать архиепископа Феоктиста, такая же, как у № 6. ЦГАДА. Гос. Древлехр. Отд. I. Рубр. III, № 9а.

ДрРВ. I. № 7; СГГД. I. № 10; Шахматов. О языке. – С. 244–250.

¹⁶ Основание датировки: Шахматов. О языке. – С. 231–233 (1308 г.); Пресняков. – С. 120–121 (1307 г.); Кочин. – С. 202–204.

¹⁷ Подлинник на пергамене; в одном месте подклеен бумагой; на обороте древним почерком: Князя Михаила. Печать свинцовая круглая на бечевке; на одной стороне образ богородицы типа «Знамение»; на другой: *** (Феоктист, архиепископ Новгородский). ЦГАДА. Гос. Древлехр. Отд. I. Рубр. III, № 5.

ДрРВ. I. № 4; СГГД. I. № 6; Шахматов. О языке. – С. 251–253. – Печать воспроизведена: Лихачев. Альбом. XI. 6.

изъ Новагорода въ дву носаду по пошлинѣ; а опять ѣхати туды же на Новѣгородъ; а съ Низу ти не слати; такоже и въ Бѣжицѣ. А что пошлинѣ князю въ Новгородской волости, того вы мене не таити въ всѣхъ волостяхъ. А холопы и поручники выдавати. А всему тому судъ въ Новѣгородѣ. <...> **А се, княже, волости новгоро[дъ]ские:** Волокъ съ всѣми волостями, Тържкъ, Бѣжицѣ, Палицѣ Городьцѣ, Мелеча, Шипино, Егна, Заволочие, Търѣ, Пермь, **Печера, Югра**, Вологда. <...> А ряду въ Новгородской волости тобѣ, княже, и твоимъ судиямъ не посужати. А самосуда не замышляти. А старостѣ ни холопа ни робы безъ господаря твоимъ судиямъ не судити. А за рубежъ из Новгородской волости твоимъ дворяномъ суда не водити, ни судити. А свободѣ ти и селѣ съступитися [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 19–20*].

1307–1308 гг. Договорные грамоты Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем¹⁸.

Грамота тверская

Благословение от владыцѣ, поклонъ от посадника, и от тысяцкого, и от всѣхъ старѣишихъ, и от всѣхъ мѣншихъ, и от всего Новагорода господину князю великому Михаилу. На семь, господине, Новгородъ всѣ хрѣстѣ цѣлуе. Княжение твое честно държати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, господине, такоже държати Новѣгородъ по пошлинѣ, безъ обиды. <...> А что волости новгородскихъ, тѣхъ волости тобѣ не държати, княже¹⁹, своими мужи, държати мужи новгородскими; а даръ тобѣ имати от тѣхъ волости. <...> **А се, княже, волости новгородские:** Волокъ съ всѣми волостями, Тържкъ, Бѣжицѣ, Палицѣ Городьцѣ, Мелеча, Шипино, Егна, Заволочие, Терѣ, Пермь, **Печера, Югра**, Вологда <...> А ряду въ Новгородской волости тобѣ, княже, и твоимъ судиямъ не посужати. А самосуда не замышляти. А старостѣ ни холопа ни робы безъ господаря твоимъ судиямъ не судити. А за рубежъ из Новгородской волости твоимъ дворяномъ суда не водити, ни судити. А свободѣ ти и селѣ съступитися [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 21–22*].

1326–1327 гг.²⁰ Договорная грамота Новгорода с великим тверским князем Александром Михайловичем²¹.

Благословение от владыцѣ Моисѣя, поклонъ от посадника Данила, от тысяцкого Аврама, и от всего Новагорода къ господину великому князю Олександру. На семь, княже, цѣлуи крѣстъ къ всему Новугороду, на чемъ цѣловалъ дѣдъ твои Ярославъ. Новѣгородъ держати ти въ старои пошлинѣ. Что волости новгородскихъ, тѣхъ ти волости, княже, тобѣ своими мужи не держати, държати мужи новгородскими; а даръ тобѣ, княже, имати от тѣхъ волости. <...> **А се, княже, волости новгородские:** Волокъ съ всѣми волостями, Торжекъ, Бѣжици, Городецъ Палецъ, Мелеча, Шипинъ, Егна, Заволочье, Трѣ, Пермь, **Печера, Югра**, Вологда. А кто будетъ купилъ села въ всеи волости в Новгородской при дѣдѣ моемъ Ярославѣ, и при Васильи, при Дмитрии при Андрѣи, и при отци моемъ при Михаилѣ, и при князи при Юрьи, при Дмитрии: кто будетъ даромъ отъялъ или сильно, а то поидеть бес кунъ к Новугороду; а кто купилъ будетъ в Новгородской волости, знати имъ своего истьца; или не будетъ истьца, како не вѣдаетъ истьца своего, цѣловавъ ему крѣстъ, куны ему взяти у Новагорода, колько будетъ далъ, а земля поидеть к Новугороду; или не окупятъ, сѣдѣти ему, доколѣ окупятъ. А нелюбья ти, княже, не держати к Новугороду до посадника, и до тысяцкого, и до всего Новагорода, от мала и до велика, не мышатися ни судомъ, ни чимъ же. А што ся дѣяло до твоего княжение и въ твое княженъе, того ти не поминати. Што продано княжихъ волости до Велика дни, а што будетъ не продано по Велицѣ дни, то

¹⁸ Подлинник на пергамене, писан тем же крупным почерком, что и № 9; сбоку на одной половине подклеен бумагой; на обороте древним почерком: [Т]ѣрѣская Михаил[а]. Печать свинцовая круглая, обломана; на одной стороне образ Спасителя с надписью: ***; на другой изображение архангела Михаила. ЦГАДА. Гос. Древлехр. Отд. I. Рубр. III, № 6. ДрРВ. I. № 5; СГГД. I. № 7; Шахматов. О языке. – С. 253–256. – Печать воспроизведена: Лихачев. Альбом. X. 12.

¹⁹ «княже» написано над строкой.

²⁰ Основание датировки: Александр Михайлович был великим князем в 1325–1327 гг.; первая весна относится к 1326 г.

²¹ Подлинник на пергамене; немного разорван в середине; на обороте крупными буквами: Князя великого Алексанѣдра. Печать круглая свинцовая на красном шелковом шнурке; на одной стороне изображение сидящего на престоле Спасителя; на другой изображение св. Александра Солунского с надписью в обратную сторону: *** (Александр.). ЦГАДА. Гос. Древлехр. Отд. I. Рубр. III, № 13 [27].

ДрРВ. I. № 12; СГГД. I. № 15; Шахматов. О языке. – С. 261–263; Сахаров. IX. № 11 (литографированное воспроизведение 20 1/2 строк). – Печать воспроизведена: Орешников. II. 15.

по цѣлованью повѣдати. <...> На семь на всемъ князь великий цѣловалъ крѣстъ къ всему Новугороду; такоже посадникъ, и тысяцкый, и весь Новѣгородъ цѣловали къ великому князю по любви, въ правду, безъ всякого извѣта [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 26–28*].

1371 г.²² Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Михаилом Александровичем²³.

Поклонъ от посадника, и от тысяцкого, и от всихъ старѣ[и]шихъ, и от всихъ мѣншихъ, и от всего Новагорода к господи[н]у князю великому Михаилу. На семь, господине, Новгородъ всѣ крѣстѣ цѣлуе. Княжение тво[е] честно дѣржати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, господине, такоже Новгородъ дѣржати по пошлинѣ, безъ обиды. <...> **А се, княже, волости новгородские:** Волокъ съ всими волостями, Торжокъ, Бѣжицѣ, Палѣцъ Городьцѣ, Мелеца, Шипино, Егна, Заволочье, Търѣ, Пермь, **Печера, Югра**, Вологда. <...> А ряду, княже, въ Новгородской волости тобѣ и твоимъ судьямъ не посужати. А самосуда не замышляти. А старостѣ ни холопа, ни робы безъ осподаря не судити твоимъ судьямъ. А за рубежъ из Новгородской волости твоимъ дворя[н]омъ суда не выводити, ни судити. А свободѣ ти и селѣ съступитися. А на семь на всемъ князь великий крѣстъ чѣловалъ. А что ти грамотъ крѣстныхъ Новугороду съ всеми города с нѣмѣчкими, на тѣ ти грамоты, княже, не наступатися, а новгородской ти души блюсти. А вынесутъ тобѣ изъ Орды княжение великое, намъ еси князь великий; или пакъ не выне[с]уть то[б]ѣ княжения велико[го из] Орды, поити твоимъ намѣстникамъ из Новагорода проць и из новгородскихъ пригородовъ, а в томъ Новугороду измѣны нѣту [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 28–30*].

1435 г.²⁴ Договорная грамота Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем о мире²⁵.

По благословию преподобнаго священноинока Еуфимья, от посадника ноугородскаго Михаила Ивановичя, от тысяцкаго новгородскаго Ананьи Васильевичя, и от всего Великого Новагорода. Се приѣхали послове к великому князю Василью Васильевичю всея Руси от Великого Новагорода посадникъ Офонасъ Федоровичъ и посадникъ степенный Михаила Онаньичъ, от черныхъ людеи Козма Тарасьинъ и Михаил Семеновъ, докончали миръ по старымъ грамотамъ крестнымъ съ княземъ великимъ с Васильемъ Васильевичемъ (*В списке: Васильевичамъ.*) всея Руси. <...> А что волостеи ноугородскихъ всѣхъ, ти не держати своими мужми, а держати ти мужми ноугородскими; а даръ имати от тѣхъ волостеи. А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостеи розда[ва]ти, ни грамотъ давати. А что ти, княже, пошлина в Торжкѣ и на Волоцѣ: тивуни свои держати на своей части, а наугордцемъ на своей части. А в Бѣжицахъ тебѣ, князю великому, и твоеи княгыне, и бояромъ, и слугамъ твоимъ селѣ не держати, ни купити, ни даромъ не приимати, по всеи волости по Новѣгородской. **А се ти, княже, и волости ноугородские:** Волокъ съ всѣми волостями, Торжекъ, Бѣжици, Городецъ Полецъ, Шипино, Мелеча, Егна, Заволочье, Тирѣ, Пермь, **Печера, Югра**, Вологда. <...> На томъ на всемъ, княже, крестъ цѣлуи къ всему Великому Новугороду по (*В списке: во.*) любви и въ правду, безъ всякого извѣта; такъ же и посадники, и тысяцкые, и весь Великий Новѣгород, на сем же цѣлуите крестъ к великому князю Василью Васильевичю всеи Руси, по любви, в правду, безъ хитрости [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 34–36*].

1456 г. конец февраля²⁶. Договорные грамоты Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем о мире в Яжелбицах²⁷.

²² Основание датировки: Борзаковский, прим. 680; Шахматов. О языке. – С. 233–234; Пресняков. – С. 302–303; Черепнин. Архивы. – С. 308–309.

²³ Подлинник на пергамене; на обороте: Княжа Михаи[л]ова о рубежѣ в середине два места вырваны; на сгибе буквы стерты; большие пятна, делающие письмо трудночитаемым. Две печати круглые свинцовые: 1) Печать посадника на бечевке; на одной стороне: *** (новгородская печать); на другой: *** (и посадничья) 2) Печать тысяцкого на нитяном шнурке; на одной стороне: *** (печать Матфея Фалеевича); на другой: *** (тысяцкого новгородского). ЦГАДА. Гос. Древлехр. Отд. I. Рубр. III, № 7 [29]. ДрРВ. I. № 6; СГГД. I. № 8; Шахматов. О языке. – С. 265–268. – Печати воспроизведены: Лихачев. Альбом. XV. 3 и 4.

²⁴ Основание датировки: летописное известие о соглашении с великим князем и крестоцеловании (ПСРЛ. IV. 2-е изд. – С. 434).

²⁵ Список конца XVI в. ИИМ, собр. Уварова, № 512, лл. 272 об. – 275 об. АИ. I. № 258.

²⁶ Основание датировки: переговоры новгородских послов в Яжелбицах в 1456 г., около полутора недель после 15 февраля (ПСРЛ. IV. – С. 216–217).

²⁷ Список конца XV – начала XVI в. ГПБ, сборник 0. IV. 14, лл. 1–4. ААЭ. I. № 57.

По благословению преосвященного архиепископа Великого Новагорода и Пскова владыки Еуфиміа, от посадника ноугородского Ивана Лукиничя, от тысетского ноугородского Василиа Пантелѣевичя, и от всего Великого Новагорода. <...> А что волостей ноугородцкихъ всѣхъ, вамъ не держати своими мужи, держати мужи ноугородцкими, и даръ имати от тѣхъ волостей. А без посадника вамъ, князи, суда не судити, ни волостей роздавати, ни грамотъ давати. <...> **А се вы волости ноугородцкіе:** Волокъ со всеми волостями, Торжокъ, Бѣжици, Городецъ Палець, Шипино, Мелеца, Егна, Заволочье, Тирь, Пермь, **Печера, Югра**, Вологда<...> А на томъ на всемъ, князь великий Василеи Василіевичъ и князь великий Иванъ Василіевичъ, целуйте крестъ ко всему Великому Ноугороду, безо всякого извѣта; та-коже и посадникъ, и тысяцкый, и весь Великои Новѣгородъ, целуйте крестъ к великому князю Василю Василіевичю всея Руси, и к великому князю Ивану Василіевичю всея Руси, по любви в правду, безо всякой хитрости [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 39–41*].

1471 г. августа 11. Договорные грамоты Великого Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире²⁸.

По благословенію нареченнаго на архіепископство Великаго Новагорода и Пскова священнои-нока Феофила. Се приехаша к великому князю Иоанну Васильевичю всея Руси и къ его сыну великому князю Иоанну Иоанновичю всеа Руси от посадника новгородскаго Тимофея Остафьевича, и от тысяц-кого новгородского Василья Максимовича, от всего Великаго Новагорода посадники новгородские, посадникъ Иванъ Лукиничъ, посадникъ Яковъ Александровичъ, посадникъ Фефилатъ Захарыиничъ, посадникъ Лука Феодоровичъ, посадникъ Иванъ Васильевичъ; а от житыхъ Лука Остафьевичъ, Алек-сандръ Клементьевичъ, Феодоръ Іевличъ, Окинфъ Васильевичъ, Дмитреи Михайловичъ и доби́ли че-ломъ своей господе великимъ княземъ, и кончали миръ по крестнымъ грамотамъ с великимъ княземъ Иоанномъ Васильевичемъ и съ его сыномъ великимъ княземъ Иоанномъ Иоанновичемъ. <...> А что волостей новгородскихъ всѣхъ, вамъ не держати своими мужи, держати вамъ мужи новгородскими, и даръ имати от техъ волостей. А безъ посадника вамъ, великимъ княземъ, суда не судити, ни волостей роздавати, ни грамотъ давати. <...> **А се вы волости новугородскии:** Торжокъ, Бежици, Городецъ Па-лець, (Городецъ и Палець отделены в списке ЦГАДА точкой.) Шипина, Мелечя, Егна, Заволочие, Тиргъ, (Сб. ГПБ: Тигрь.) Пермь, **Печера, Югра** <...> А на томъ на всемъ, господине князь велики Иоаннъ Ва-сильевичъ всея Руси и князь велики Иванъ Ивановичъ всея Руси, целуйте господень, (Сб.: господине.) крестъ ко всему Великому Новугороду, безо всякого извета; также и мы, посадники, и тысяцкие, и весь Великий Новгородъ, целуемъ крестъ ко своей господе к великимъ княземъ, к великому князю Ивану Васильевичю всея Руси и к великому князю Ивану Ивановичю всея Руси, по любви въ правду, безо всякие хитрости. А писана в лето (Сб. вм. в лето – лета.) 79 августа (Сб. далее: месяца) 11 [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. – С. 45–48*].

1470–1471 гг. Договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом²⁹.

Се язъ честны король полскіи и князь великі литовськіи докончялъ есми міръ с нареченнымъ на владычество съ Феофіломъ, и с посадники новгородцкіи, и с тысяцкими, и з бояры, и съ житыми, и с купці, и со всѣмъ Великимъ Новымъгородомъ. А что волости, честны король, новгородцкіе, ино тебѣ не держати **[132]** своими мужи, а держати мужми новгородцкими. А что пошлина в Торжку и на Волоцѣ, тівунъ свои держати на своей чясті, а Новугороду на своей чясти посадника держаті. А се волости новгородцкіе: Волокъ со всѣми волостми, Торжокъ, Бѣжіці, Городецъ Палець, Шіпинъ, Ме-леца, Егна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда с волостмі. А пожни, честны король, твои и твоихъ мужъ, а то твои; а что пожни новгородцкіе, а то к Новугороду, какъ пошло. А дворяномъ з

²⁸ Список конца XV в. ЦГАДА. Гос. Древлехр. Отд. I. Рубр. III, № 18а. – Список конца XV – начала XVI в.; озаглавлен: Лета 79 августа 11 новая докончалная великому князю с Новымгородомъ на Шолоне, да и приписная грамота. ГПБ, сборник 0. IV. 14, лл. 40–45.

ДрРВ. I. № 16 (по списку ЦГАДА); СГГД. I. № 20 (по списку ЦГАДА); ААЭ. I. № 91 (по списку ГПБ); Шахматов. О языке. – С. 278–280 (использованы оба списка).

²⁹ Список конца XV – начала XVI в.; перед текстом: Списокъ с доконченныя, что были написали собѣ ноугородци с короліемъ лѣта восьмьдесятъ (Так в списке.) девятого. ГПБ, Сборник 0. IV. 74, лл. 24–27 об.

ААЭ. I. № 87. Основание датировки: ААЭ. I. прим. 38; Соловьев. История. I. стб. 1358–1359.

Городища и извѣтникомъ позывати по старінѣ. А на Новгородцкой землѣ тебѣ, честны король, сель не ставити, ни закупати, ни даромъ не примати, ни твоеи королевои, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ княземъ, ни твоимъ паномъ, ни твоимъ слугамъ.

Комментарий. На сегодняшний день известно 13 договорных грамот, в которых есть упоминание Югры как волости Новгорода Великого, охватывающих период с 1264 по 1471 год. Вполне возможно, что договорные грамоты, в которых указана Югра в качестве волости Новгорода Великого, существовали и ранее, но они не сохранились. Сопоставление данных летописных источников, а также археологических данных указывают на XII век. Вполне вероятно, что основание Троицкой церкви в 1165 году и является тем маркером начала освоения территории Югры и включения в состав волостей Новгорода Великого.

Зарубежные источники

Мы приводим несколько выдержек из зарубежных источников, как восточных, так и западноевропейских, синхронных рассматриваемому периоду, которые служат дополнением к русским документальным источникам. В них содержатся довольно интересные сведения о Югре, но очень часто они являются компиляцией.

1155 г., сочинение Аль-Гарнати³⁰ **«Ясное изложение некоторых чудес Магриба».**

А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что Мраки недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку, и входят в него с факелами, и находят там огромное дерево вроде большого селения, а на нем – большое животное, говорят, что это птица. И приносят с собой товары, и кладет [каждый] купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары.

И привозят люди мечи из стран ислама, которые делают в Зенджане, и Абхаре, и Тебризе, и Исфahanе, в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня...

И эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру. А у жителей Йуры нет войны, и нет у них ни верховых, ни вьючных животных – только огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят. И привозят к ним купцы эти мечи и коровьи и бараньи кости, а в уплату за них берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль.

А дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег; и люди делают для ног доски и обстругивают их; длина каждой доски *ба*, а ширина – пядь. Перед и конец такой доски приподняты над землей, посредине доски место, на которое идущий ставит ногу, в нем отверстие, в котором закреплены прочные кожаные ремни, которые привязывают к ногам. А обе эти доски, которые на ногах, соединены длинным ремнем вроде лошадиных поводьев, его держат в левой руке, а в правой руке – палку длиной в рост человека. А внизу этой палки нечто вроде шара из ткани, набитого большим количеством шерсти, он величиной с человеческую голову, но легкий. Этой палкой упираются в снег и отталкиваются позади, как делают моряки на корабле, и быстро двигаются по снегу. И если бы не эта выдумка, то никто не мог бы там ходить, потому что снег на земле вроде песка, не слеживается совсем. И какое бы животное ни пошло по этому снегу, проваливается в него и умирает в нем, кроме собак и легких животных вроде лисицы и зайца, а они проходят по нему легко и быстро. А шкуры лисиц и зайцев в этой стране белеют так, что становятся вроде ваты, таким же образом белеют и волки. В области Булгара их шкуры белеют зимой.

³⁰ Абу Хамид Мухаммад ибн Абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалуси (1080–1169/70) – испано-арабский писатель, проповедник и путешественник, побывавший в разных странах Северной Африки, Ближнего Востока, Средней Азии и Европы. Описание своих путешествий ал-Гарнати оставил в двух сочинениях: «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» (иное название по другой рукописи – «Выборка воспоминаний о чудесах стран») и «Подарок умам и выборка из чудес».

А эти мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль. Затем болгарцы везут их в Вису, где водятся бобры, затем жители Вису везут их в Йуру, и [ее жители] покупают их за соболиные шкуры, и за невольниц, и невольников. А каждому человеку, живущему там, нужен каждый год меч, чтобы бросить его в море Мраков. И когда они бросят мечи, то Аллах выводит им из моря рыбу вроде огромной горы. Рыбу вроде огромной горы, которую [рыбу] преследует, желая ее съесть, другая рыба, больше ее во много раз. И спасается маленькая от большой, и приближается к суше, и попадает на место, откуда не может возвратиться в море, и остается там. А большая рыба не может достать меньшую и возвращается в море.

Выходят жители Йура в море на судах и отрезают [мясо] от ее боков, а рыба не чувствует этого и не шевелится, и они наполняют свои дома ее мясом и поднимаются на ее спину, а она – как огромная гора. И остается она у них какое-то время, пока они отрезают от нее: каждый, кто бросил в море меч, берет от рыбы долю [Древняя Русь..., 2009. – С. 141–143].

Комментарий. Этот источник подтверждает и описывает процесс немой торговли. В описании есть указание на место проведения торгового дела, которое отлично от того, что указано в русских летописях. Если в русских летописях указана северная оконечность Уральских гор, то здесь речь идет о таежной зоне, что, в свою очередь, служит свидетельством другого маршрута в Югру через местность Вису. Локализация местности Вису не входит в задачи нашего исследования, мы лишь можем указать, что это таежная зона Восточной Европы, «где водятся бобры», расположенная за Булгаром. Определение и локализация местности Вису требует отдельного лингвистического изучения, поскольку это может быть как указанием на народ Веси, так и территориальное указание на Виску³¹.

Само указание на полярный день и полярную ночь, а также море мрака локализовывает территорию Югры от начала таежной зоны Западно-Сибирской равнины до Карского моря. Указание на больших рыб, вероятно, связано с Байдарацкой губой, поскольку там происходит отел белух.

Еще один немаловажный факт: «А у жителей Йуры нет войны» – может быть косвенным свидетельством того, что все военные столкновения, описанные в русских летописях, были между новгородцами и пришлым населением, которое могло оказывать военное сопротивление, поскольку аборигенное население не имело подобного опыта участия в вооруженных конфликтах.

1334–1350 (?) гг., сочинение Ибн-Баттуты³² «Подарок созерцающим о диких городах и чудесах странствий».

Эта страна, страна мрака, лежит в сорока днях пути от Булгар, и путешествия туда совершаются в небольших повозках, на собаках. Почва этой степи мерзлая; нога человека или лошади не может на ней устоять: потому употребляют собак, у которых есть когти. Путешествия предпринимают только достаточные купцы; каждый из них отправляет до ста повозок с нужным запасом пищи, питья и дров, потому что там нет ни дерева, ни камня, ни земли. Путеводителем служит собака, бывшая уже несколько раз в этой стране: такие собаки очень дороги, и за них дают до тысячи динаров (золотых). Ее запрягают в повозку впереди, а позади ее трех других, которые уже следуют за ней, как за вожак. Она остановится и те тоже. Никогда не ударит и не выберит ее хозяин, и скорее с нею, чем с человеком поделится пищей. Не сделай он этого – собака осердится, убежит, и тем самым пропадет вся ее цена. После сорока дней пути этою степью, путники останавливаются в стране мрака; выкладывают привезенные товары и уходят на место своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, где оставили товары, и приходят там для обмена соболей, белок и горностаев. Таким образом происходит их купля и продажа. Те, которые там бывают, не знают, с кем они ведут торговлю, – с людьми или духами; они ни кого не видят в лицо [Савельев, 1847. – С. СXXXI–III].

Комментарий. Этот источник также подтверждает и описывает процесс немой торговли. Однако описание путешествия могло быть заимствовано из трудов других арабских авторов (Ибн-Джубейр,

³¹ Виска – «ручей, речушка, соединяющая реки и озера», арханг., сиб. (Даль), виск – м., виска – ж. «рукав Сев. Двины» (Подв.). Из удм., коми vis, елатм. viskiś «речка, ручей, соединяющий два озера». Ср. коми viska-tj «озеро, из которого течет река в другое озеро» [Фасмер, 1986].

³² Абу Абдуллах Мухаммад ибн Абдуллах ат-Танджи более известен как Ибн-Баттута (араб. إِبْنُ بَطُّوْطَا 25 февраля 1304, Танжер – 1377, Фес) – арабский путешественник и странствующий купец, объехавший все страны исламского мира – от Булгара до Момбасы, от Томбукту до Китая. Автор книги «Подарок созерцающим о диких городах и чудесах странствий».

Абу-ль-Фида) самим Ибн-Баттутой или его литературным секретарем Ибн-Джузаем, поскольку процесс немой торговли был характерен для XII в.

Самым важным является временная метка, которая располагает страну мрака в 40 днях пути от Болгара. Мы считаем, что страна мрака и Югра синонимичны, поскольку Аль-Гарнати, описывая страну мрака, указывает на Югру, а так как мы придерживаемся мнения, что Ибн-Батута позаимствовал описание, то соответственно мог позаимствовать и название.

1330–1340 (?) гг., из сочинения Шихаб ад-дин Ибн-Фадлаллах ал-Омари³³ «Пути взоров по государствам с крупными городами».

Страны Сибирские и Чулымские [на Каме] прилегают к Башкирдам [башкирам]. В земле Башкирдов находится мусульманский кади, пользующийся почетом. В землях Сибирских и Чулымских сильная стужа; снег не покидает их в продолжение 6 месяцев. Он не перестает падать на их горы, дома и земли. Вследствие этого у них очень мало скота. Это обитатели сердца Севера. Приезжает к ним мало людей, и пищи у них мало... [Тизенгаузен, 1884. – С. 238].

Купцы наших стран не забираются дальше города Булгара; купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера. Позади их уже нет поселений, кроме большой башни, построенной Искендром (!) на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а находятся только мраки... пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вплоть до Черного моря; там беспрерывно бывает дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце [Тизенгаузен, 1884. – С. 240–241].

Комментарий. В приведенной выдержке содержится информация о южном варианте транзитного пути Булгар – Чулыман – Югра. Локализация местности Чулыман не входит в задачи нашего исследования, мы лишь можем указать, что это таежная зона Восточной Европы, где «снег не покидает их в продолжение 6 месяцев», расположенная за Булгаром. Территориальное определение местности Чулыман и локализация этого пути требует отдельного изучения. Югра же находится дальше «на окраине Севера». В отрывке также есть отсылка к легенде, связанной с Александром Македонским, повествующей о запирании некоего народа за железными воротами. Описание территории «пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз», которые тянутся до моря, указывает на косвенную локализацию Югры, а именно на Северную оконечность Уральских гор. Фраза «Позади их уже нет поселений» также находит археологическое основание, поскольку стационарных долговременных поселений в районе северной оконечности Уральских гор нет.

1246 г., из сочинения Плано-Карпини³⁴ «История Монгалов, именуемых нами Татарами».

Подвинувшись оттуда далее, они пришли к Самогедам; а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей [Алексеев, 1941. – С. 8].

ок. 1292 г., из сочинения Марко Поло³⁵ «Книга о разнообразии мира».

У них большие медведи, все белые и длиною в двадцать пядей. Есть тут лисицы, совсем черные и

³³ Шихаб ад-дин Ахмед ибн-Яхья ибн-Фадлаллах ал-Омари ад-Димашхи (12 июня 1301–1349) – арабский ученый, географ, историк, энциклопедист. Образование получил в Египте. Должность секретаря египетского султана получил от своего отца в качестве преемника. Имел доступ к архивам мамлюкского государства. Многие сведения, изложенные в его произведениях, не встречаются ни у одного автора. В главном труде ал-Омари – «Пути взоров по государствам с крупными городами» («Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар») – впервые в арабо-язычной литературе даны подробные описания различных государств в середине XIV в. Причем описания эти основаны как раз на рассказах очевидцев – либо тех, кто длительное время провел в этих странах, либо ведавших приемом гостей из стран.

³⁴ Джованни Плано Карпини, Иоанн из Пьян дель Карпине (итал. Giovanni da Pian del Carpine; лат. Iohannes de Plano Carpinī; ок. 1182[1][2] – 1 апреля 1252[2]) – итальянский францисканец, первым из европейцев, до Рубрука и Андре де Лонжюмо, посетивший Монгольскую империю и оставивший описание своего путешествия. Архиепископ Бара (Иван II) в 1248–1252 годах. Свой опыт посещения империи Иоанн изложил в рукописях Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus («История Монгалов, именуемых нами Татарами») и Liber Tartarorum («Книга о Татарах»).

³⁵ Марко Поло (итал. Marco Polo; 15 сентября 1254, Венеция – 8 января 1324, там же) – итальянский купец и путешественник, представивший историю своего путешествия по Азии в знаменитой «Книге о разнообразии мира». Несмотря на сомнения в достоверности фактов, изложенных в этой книге, высказываемые с момента ее появления до нынешнего времени, она служит ценным источником знаний по географии, этнографии, истории стран в средние века. Эта книга оказала значительное влияние на мореплавателей, картографов, писателей XIV–XVI веков.

большие, и дикие ослы; много тут горностаев; из их шкур делаются дорогие шубы, о чем я вам рассказывал; мужская шуба стоит тысячу безантов. Белок обилие, и много фараоновых крыс, и все лето они ими питаются, потому что крысы очень жирны. Всякой дичины тут много; живут в местах: диких и непроходимых. Еще у этого царя есть такие места, где никакая лошадь не пройдет; это страна, где много озер и ручейков; тут большой лед, трясины и грязь; лошади там не пройти. И эта дурная страна длится на тринадцать днищ, и каждый день есть стоянка, где пристают гонцы, что ходят по стране. На каждой стоянке до сорока больших собак немного поменьше осла, и эти собаки возят гонцов от стоянки к стоянке, от одного днища до другого, и, скажу вам, вот как: по всему этому пути, по льду да по грязи, лошади не могут идти; во все тринадцать дней дорога между двух гор, по большой долине, и все тут лед да грязь, как я вам говорил. И по этой то причине лошади не могут тут проходить, и телеги на колесах тут не пройдут; сделали они сани без колес, проходят они, не увязая, и по льду, и по грязи, и по трясине. Во многих наших странах есть сани; на них возят сено и солому зимою, когда много дождей и грязи. Те, кто живут здесь в горах и долинах, большие охотники; ловят они много дорогих животных высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они соболей, горностаев, белок, ercolin [колонков (?), россомах (?)] черных лисиц и много других животных; из них они выделяют дорогие шубы, высокой цены. У них такой снаряд, который промаха не дает. – Скажу вам, от великого здешнего холода их дома под землею; а иногда [люди] живут, и над землею.

У этих людей множество мехов и очень дорогих; есть у них соболя очень дорогие, как я вам говорил, горностаи, белки, лисицы черные и много других мехов. Все они охотники, и просто удивительно, сколько мехов они набирают. Соседние народы оттуда, где свет, покупают здешние меха; им носят они меха туда, где свет, там и продают, а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль [Алексеев, 1941. – С. 35–36].

Комментарий. В данном фрагменте мы видим описание ландшафтной ситуации – «страна, где много озер и ручейков», протяженности – «тринадцать днищ», климата – «великого здешнего холода», средств передвижения – «сани без колес», способа передвижения – «собаки возят гонцов от стоянки к стоянке», занятий населения – «большие охотники; ловят они много дорогих животных высокой цены», «выделяют дорогие шубы», видовой состав животных – «соболя очень дорогие, как я вам говорил, горностаи, белки, лисицы черные», описание жилищ – «их дома под землею; а иногда [люди] живут, и над землею».

Здесь наиболее информативной является фраза «от великого здешнего холода их дома под землею; а иногда [люди] живут, и над землею». Судя по археологическим данным, самым распространенным видом сооружений были древо-земляные оборонительно-жилые комплексы из торфо-дерновых брикетов в виде сопок, одной из функций которых являлась защита от холода [Кардаш, 2011; Кардаш, 2013].

1480 г., комментарии к «Георгикам» Вергилия Помпоний Лэт³⁶.

Вблизи берегов Ледовитого Океана живут лесные люди, называемые Угры (Ugari sive Ugri); это, несомненно, скифы, очень отдаленные от остальных людей. Они не знают ни золота, ни серебра, ни других металлов; с ближайшими народами ведут меновую торговлю, а также с жителями Заволочья (заволочанами – cum Zauolocensibus). Так рассказывали мне люди, живущие у истоков Танаиса.

Там, где живут древние Угры и Заволочане, нет царей. Этот народ очень счастлив, хотя и терпит сильные морозы. Летом, ко времени солнцестояния, у них непрерывный день.

В Скифии находят змеинные зубы, по виду вроде слоновых клыков, но тяжелые и твердые. Их поверхность жестка; находят их в глубине земли; самих змей нигде не видали. Из них делают «горький порошок», который принимают с вином или водой, как противоядие.

От Борисфена Скифия тянется до Рифейских гор, которые замыкают ее с востока и простираются на север вплоть до Ледовитого океана. Эти горы столь же высоки, как и Альпы, которые оканчиваются

у моря, простирающегося в Туле (Thyle). В отдаленнейших пределах их живут Угры: в горах водятся род лесных волков, а в лесах ловят соболей (Zobolae) и драгоценных белок (sciuri), которые теперь называются elossi, причем существует четыре вида этих животных; у Сибарина (Sibarinum) же водятся множество куниц, которых там называют Сибарисками (Sybariscum). Немного ниже, на восточном склоне [Рифейских гор], на расстоянии двухмесячного пути, живут Пермьки (Parmii) и Заволочане (Zauolozences) За Рифейскими горами начинается Индия. Одно следует еще заметить: в Скифии и Сарматии городов очень мало, поселений же – неисчислимо множество [Алексеев, 1941. – С. 69].

Комментарий. В данном отрывке также содержатся сведения о территории Югры, которая расположена вблизи «Ледовитого океана», и соседствует с «жителями Заволочья». Заволочье – пространство, расположенное «за волоком», то есть за Уральскими горами, собирательное наименование северо-восточных волостей Новгорода Великого. На локализацию от восточной части Уральских гор до Карского моря указывают следующие фразы: «терпит сильные морозы» и «Летом, ко времени солнцестояния, у них непрерывный день». Еще одно любопытное указание связано с общественным строем – «нет царей».

Заключение

Подведем некий итог из рассмотренных нами источников и комментариев к ним. Самым важным является территориальная локализация Юргы. Летописные данные, договорные грамоты и иностранные свидетельства позволяют локализовать территорию Югры в пространстве Уральских гор и к востоку от них – бассейны рек Пелым, Конда, Тавда, до Байдарацкой губы. Определить восточные границы сложно.

Знакомство новгородцев с Югрой началось с северной части Уральских гор. Первый поход 1032 года закончился неудачей, но последующий в 1089–1096 годах установил торговые отношения, которые к середине XII в., а именно в 1165 году, ознаменовало строительство Троицкой церкви. Затем новгородцы перешли от торгово-меновых отношений к данническим, и начался процесс включения Югры в состав земель Новгорода Великого.

По всей видимости, со второй половины XII в. началось некое расселение народов Северо-Восточной Европы по территории Югры, которые начали организовывать поселения и жить параллельно с аборигенным населением, что подтверждается археологически. Мы считаем, что с 80–90-х гг. XI до конца XV в. – это период обретения, освоения и использования территории Югры Новгородской Республикой, поскольку с 1465 года Московское царство начинает претендовать на эти земли и серия удачных походов приводит к отчуждению и переходу территории Югры под юрисдикцию Москвы.

Список источников и литературы

- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. – Иркутск: ОГИЗ. Иркутское областное издательство, 1941.
- Горский А. А. Москва и Орда. – М.: Наука, 2003. – 214 с.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – Москва; Ленинград, 1949.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Цитадель, 1998. Т. 1: А–З. – 1743 с. тб., VIII с.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Том III: Восточные источники. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 264 с.
- Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 5. Покорение угорских земель и Сибири. – Пермь, 1894. – 219 с.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. – 232 с.
- Карра де Во Б. Арабские географы. – Ленинград, 1941. – 39 с.
- Кардаш О. В. Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда (Суздаль 20–25 октября 2008 г.). – М.: Изд-во ИА РАН. 2008. – Том II. – С. 460–463.

³⁶ Лэт, или Джулио Помпонио Лето, в дореволюционном написании Лэто (итал. Giulio Pomponio Leto; 1428, Диано – 1498, Рим) – итальянский гуманист и историк. В 1472–1473 годах Помпонио совершил путешествие по землям Южной Руси, впечатление о котором изложил в комментариях к «Георгикам» Вергилия. В историческом произведении «Цезари» изложил историю Римской империи и Византии с III по VII века.

Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). – Екатеринбург – Нефтеюганск: АМБ, 2011. – 60 с.

Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / вых. сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 360 с., ил.

Кардаш О. В., Усолкина М. А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Ч. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 335–347.

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература / Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. – Москва; Ленинград, 1957. – 919 с., 28 л. ил., карт.

Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. Пер. Д. Языкова. – Санкт-Петербург, 1819. – 397 с., 1 л. карт.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.: ИФ «Восточная литература», 1999. – Т. I. – изд. 2-е, доп. – 630 с., ил., карты.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.: ИФ «Восточная литература», 2000. – Т. II. – изд. 2-е, доп. – 796 с., ил., карты.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. – М., 2001. – 784 с.

Напольских В. В. Очерки по этнической истории. – Казань: Казанская недвижимость, 2015. – 648 с.

Оксенов А. В. Сношения Новгорода с Югорской землей // Литературный сборник, изданный редакцией «Восточного обозрения». – Санкт-Петербург, 1885. – С. 407–425.

Плеханов А. В. Ярте VI – Средневековое «городище» на р. Юрибей (П-ов Ямал). Каталог коллекции. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. – 122 с.

Плигузов А. И. Текст-кентавр о Сибирских самоедах. – М., 1993. – 156 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1846. – Т. 1 (первый). – I; II: Лаврентьевская и Троицкая летописи. – 294 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1843. – Т. 2 (второй). – III: Ипатьевская летопись. – 377 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1841. – Т. 3 (третий). – IV: Новгородские летописи. – 308 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1848. – Т. 4 (четвертый). – IV; V: Новгородская и Псковская летописи. – 360 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1862. – Т. 9 (девятый). – VIII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – 256 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Министерства внутренних дел, 1885. – Т. 10 (десятый). – VIII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – 256 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. И. Н. Скороходова, 1901. – Т. 12 (двенадцатый). – VIII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – 266 с.

Полное собрание русских летописей. – Л.: Наука, 1982. – Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. – 228 с.

Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Ч. 1. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века, в России и прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы в эпоху основания и утверждения русского государства. – Санкт-Петербург: тип. воен.-учеб. заведений, 1847–1846. – ССXXXII, 180 с., 1 л. карт.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. – Ч. 1 (годы с 1474 по 1505) / Напечатано под наблюдением Г. Ф. Карпова. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – 10, XXII. – 558 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. Москва, в типографии Н. С. Всеволожского. – 1813. – 643 с.

Сорокин А. Н. «Вотолкин пожар» в древнем Новгороде (Хронология, топография, причина) // История и археология. Материалы XXX научной конференции, посвящённой 150-летию Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород, 26–28 января. 2016 г. – Вып. 30. – Вел. Новгород, 2016. – С. 262–270.

Татищев В. И. Собрание сочинений: В 8 томах: Т. 2, 3. История Российская. Часть 2. Репринт с изд. 1963, 1964 гг. – М.: Ладомир, 1994. – 688 с.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских. – Санкт-Петербург, 1884.

Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. – Т. I (А–Д) – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.

Хенниг Р. Неведомые земли. – Т. II. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: 1957. – № 58 Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – 250 с.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). – Сургут: Северный дом, 1993. – 463 с.

Энциклопедический словарь. Т.V. А – Александр Михайлович / Изд. Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1892. – 940 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. – Том X. – М., 2000. – 430 с.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... / В. Л. Янин; послесл. А. А. Зализняка [с. 425–449]. – 3-е изд., испр. и доп. новыми находками. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 461 с.

В. В. Напольских¹

¹ Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ул. Бутлерова, д. 30, г. Казань, 420012, Россия
E-mail: arheotat@mail.ru

«Угро-самодийцы» в Восточной Европе
и проблема летописной Югры^{1, 2}

Преамбула

В настоящей статье рассматриваются вопросы об этнолингвистической привязке летописной Югры и ее территориальной локализации в период ранних известий о ней, о наличии угорской субстратной топонимии на крайнем северо-востоке Европы в связи с ареалом былого проживания обских угров и – так или иначе – с проблемой угорской прародины, о пермско-обско-угорских взаимосвязях в средне-вековье. Решение этих проблем сильно осложняется, мягко говоря, неровным развитием исторической ономастики Восточной Европы и Сибири: парадоксальным образом наряду с наличием блестящей екатеринбургской ономастической школы А. К. Матвеева в региональных центрах обильно плодится примитивная, а часто и просто безграмотная литература, защищаются диссертации и складываются свои «научные» (на самом деле вполне мифологические) традиции. Сочетание сложных проблем, имеющих двухвековую историю исследования, и огромного количества псевдонаучного мусора образует весьма сложный узел, распутать который невозможно частями, приходится рассматривать, хотя бы и весьма конспективно, сразу весь комплекс вопросов.

Этими обстоятельствами объясняется большой объем данной статьи и ее трудная судьба. Она была написана еще в 2000 г. для местного археологического сборника (отсюда – выбор удмуртской проблематики в качестве отправной точки), но была отвергнута ученым советом Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН с подачи ученого секретаря М. Г. Ивановой на том основании, что в ней подвергнуты критике сочинения удмуртского автора М. Г. Атаманова (с тех пор Атамановым издано еще две книги по удмуртской ономастике, в которых количество нелепостей возрастает от раза к разу³). Напечатать статью в полном объеме в журналах не удалось, поэтому она была разделена на части, каковые и были опубликованы: первая (топонимическая) часть – по-русски [Напольских, 2001] и по-английски [Napolskikh, 2002] и вторая (этнонимическая) по-русски [Напольских, 2005], кратко

¹ Статья печатается по: Напольских В. В. Очерки по этнической истории. – Казань : Казанская недвижимость, 2015. – Глава «Угро-самодийцы» в Восточной Европе и проблема летописной Югры. – С. 182–232. – Ред.

² Статья написана еще в 2000 г., публиковалась частично (см. Преамбулу). Впервые полностью опубликована в: Вопросы уралистики : научный альманах / отв. ред. С. А. Мызников; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб., 2009. С. 7–61. Следует, однако, иметь в виду, что вследствие бессмысленной попытки редактора альманаха изменить графическую базу транскрипции и бумажный вариант этой публикации, и электронный вариант на сайте ИЛИ РАН (<http://iling.spb.ru/vocabula/mg/uralistica2009.pdf>) содержат изрядное количество опечаток и нелепостей, сильно затрудняющих понимание текста и делающих чтение крайне неприятным. Поскольку корректуру не видел и не подписывал, я ответственности за это не несу. Таким образом, в полном и правильном виде данная статья, по сути дела, публикуется впервые. Кроме того, по сравнению с петербургской публикацией здесь внесены существенные поправки и дополнения и в авторский текст.

³ К настоящему времени, кажется, уже больше. В числе прочего следует упомянуть и сочиненный М. Г. Атамановым «удмуртский эпос» [Атаманов, 2008], нарисованная в котором фантазмагорическая картина удмуртской предыстории великолепно характеризует представления этого автора об истории (об острой конкуренции в удмуртском эпосотворчестве см. статью «К проблеме реконструкции удмуртской эпической традиции» в этой книге).

изложено содержание обеих частей и в [Напольских, 2002a]. Однако такое разорванное рассмотрение проблемы, безусловно, представляет собой паллиатив, и картина, складывающаяся из двух частей, не является целостной. Кроме того, и в XXI веке, особенно в связи с эксплуатацией этникона «Югра» в качестве своего рода брэнда при презентации широкой публике и бизнесу результатов активности скороспело созданных новых образовательных и исследовательских центров продолжается тиражирование многих завиральных идей, обсуждению которых посвящен нижеследующий текст.

Естественно, по сравнению с изначальной версией и опубликованными частями в текст внесены некоторые изменения. Вместе с тем я не считаю нужным учитывать и вновь рассматривать сочинения разных авторов, опубликованные со времени написания статьи, в которых развиваются разного рода «угро-самодийские» и «угорско-югорские» построения⁴: эта статья не носит дискуссионного характера, так как дискутировать на уровне, который определяется качеством упомянутых в статье сочинений и им подобных, коим несть числа и которые все равно не перестанут появляться⁵, нет никакой возможности. Отошлю любопытствующего читателя к приложению в конце статьи – там все сказано.

Проблема

Название удмуртского рода Эгра и производные от него названия населенных пунктов в центре (райцентр Игра и т. д.) и (результат вторичного расселения) на юге Удмуртии (см. карту на рис. 1), а отчасти и за ее пределами давно привлекают внимание исследователей в плане сравнения этого имени с названием народа и земли Югра русских источников XI–XVII веков, которое в силу территориальной близости и абсолютно случайного созвучия слов угры и Югра (см. ниже) обычно связывают с обскими уграми. Это сводится воедино с разными этно-, топонимическими и историческими наблюдениями и в результате дает основания предполагать возможность вхождения в состав удмуртов какого-то обско-угорского компонента и даже былого обитания каких-то обско-угорских групп на территории Удмуртии [Атаманов, 1988. – С. 43]. Данное предположение перекликается с достаточно распространенными построениями в отношении более широкого ареала на крайнем северо-востоке Европы, где, якобы, имеется обско-угорская субстратная топонимия и, следовательно, в прошлом обитали предки обских угров [Европеус, 1874; Kannisto, 1927; 1927a и др.]. К ним обычно – хотя и вне всякой логики – примыкают аналогичные попытки показать на топонимическом материале бывшее пребывание на примерно тех же территориях каких-то самодийских групп [Атаманов, 1988. – С. 93–95; Дульзон, 1960; 1961; Беккер, 1970 и др.]. При этом симптоматично, что пишущие об «угорских» и о «самодийских» топонимах на северо-востоке Восточной Европы авторы помещают их обычно в своих сочинениях рядом и нередко объясняют отдельные топонимы как гибридные угорско-самодийские (см. примеры ниже), как будто речь идет почти об одних и тех же языках. Так возникает определение «угро-самодийский», которое в конце концов – в связи с желанием авторов расширить привлекаемый для сравнения материал за счет тюркских, тунгусо-маньчжурских и т. п. языков – расширяется и до «урало-алтайский» [Арсланов, 1993; 1996]. Эти построения, в свою очередь, с энтузиазмом используют некоторые археологи для прямолинейной этноязыковой интерпретации археологических свидетельств миграций сибирского («угро-самодийского») населения в Восточную Европу [Генинг, 1967. – С. 275–277; Семенов, 1989. – С. 31; Казаков 1992. – С. 245, 250 и др.].

Написано обо всем этом на сегодня уже немало. Междисциплинарный характер проблемы (ономастика, археология, исторические источники и т. д.) осложняет ситуацию: даже весьма осторожные исследователи считают необходимым сделать экивок в сторону «угро-самодийских» построений, мотивируя это тем, что последние базируются, якобы, на выводах другой дисциплины, которые следует принимать во внимание (археологи кивают на лингвистику, лингвисты – вне всякой логики – на археологию). Это обстоятельство и является основным побудительным мотивом для написания данной статьи, причем я вполне отдаю себе отчет в том, что не только одна небольшая статья, но и несколько томов

⁴ См., однако, статью «Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья» в этой книге: иногда все-таки возникает желание попытаться указать на очевидные заблуждения, которые кажутся добросовестными. Помогает, впрочем, мало (см.: Голдина, Напольских, 2013).

⁵ Как, например, уже упомянутые в этой книге ранее сочинения П. Рахконена [Rahkonen, 2006; 2014].

детальной критики едва ли могут предотвратить дальнейшее производство того же рода построений, и нимало не стремлюсь переубедить их авторов: я адресуюсь прежде всего к студентам и к тем коллегам, работающим в области этнической истории, которые понимают необходимость корректного и осторожного использования выводов различных смежных дисциплин.

Ниже будут разобраны две основные связки проблем, вокруг которых строятся «угро-самодийские» построения, а именно:

1. Проблема субстратной топонимики (обско-)угорского и самодийского происхождения на северо-востоке Восточной Европы и, в частности, на территории Удмуртии.
2. Соотношение названий: удм. Эгра (родовое имя), коми йӧгра ‘северные манси и ханты’, (др.-)рус. Югра ‘народ и земля на северо-восточной периферии древнерусской ойкумены’, др.-рус. Угре ‘венгры’. Проблема географической локализации и этноязыковой принадлежности Югры.

Трясинный шест рыбного закола

По-видимому, пионером в области поисков угорской топонимии на широких пространствах Восточной Европы был Д. П. Европеус [*Europeus*, 1874]. Его сочинение было совершенно дилетантским даже для своего времени («Phantasien» по лаконичному определению М. Фасмера [*Vasmer*, 1934–1936, II: 10]), и разбирать здесь эти построения нет необходимости: достаточно любому минимально знакомому с историей и языками народов Западной Сибири и Восточной Европы исследователю самому заглянуть туда, и все станет ясно. В принципе, данного автора не стоило бы и упоминать, если бы не то обстоятельство, что на него, как правило, ссылаются современные разработчики интересующих нас «угро-самодийских» теорий. Это можно объяснить либо тем, что сами они сочинения Д. П. Европеуса не читали, либо тем, что его уровень их вполне устраивает (что, глядя на их собственные упражнения – см. ниже, – даже не удивляет), либо, наконец, тем, что уж очень хочется продемонстрировать наличие «историографической традиции», и тут – всякое лыко в строку. И в самом деле, Д. П. Европеус не только предвосхитил, но даже превзошел достижения наших «угро-самоедологов»: он находил следы (финно-)угров, например, и в Африке [*Europeus*, 1874. – С. 22]⁶.

Более серьезным основанием для утверждений о былом широком расселении обских угров на севере Восточной Европы служит список «обско-угорских» гидронимов с этих территорий, приведенный А. Каннисто в его работе более чем полувековой давности [*Kannisto*, 1927]. Очерченный А. Каннисто ареал «обско-угорских» топонимов охватывал, помимо верхней и средней Камы, Вычегды, Печоры, также бассейны Мезени, Пинеги и достигал Марийского Поволжья. Бесспорный высокий авторитет А. Каннисто и некритическое восприятие выводов привели к тому, что очерченный им ареал стал рассматриваться уже как твердо установленный район былого проживания обских угров (см., например, карту в [Соколова, 1983]).

Между тем это едва ли оправдано, так как, во-первых, метод отбора «обско-угорских» гидронимов А. Каннисто состоял, в сущности, в том, что таковым объявлялось любое речное название с окончанием на -ја (ср. манс. *jā* ‘река’), при этом не учитывалось, что окончание на -ја может возникнуть в результате адаптации местных (прежде всего – коми) названий рек русским языком (окончание женского рода -а). Таким образом, в работе А. Каннисто по сути дела вообще нет первичного лингвистического анализа рассматриваемых там гидронимов как слов конкретного языка, в котором они функционируют (русского); как увидим ниже, это характерно и для других работ по интересующей нас теме. Во-вторых, в большинстве случаев А. Каннисто не дает обско-угорских этимологий для рассматриваемых гидронимов, ограничиваясь констатацией (русского!) окончания -ја или указывая на созвучные названия с территорий проживания хантов и манси. Для утверждения обско-угорского происхождения того или иного речного названия необходимо показать, что оно объясняется из нарицательной лексики обско-угорских языков, а наличие просто параллельных названий оставляет множество других возможностей: происхождение из какого-то неизвестного языка, пермское (коми) происхождение, перенос названий русскими или коми с Русского Севера на север Западной Сибири и т. д. В-третьих,

⁶ Впрочем, современное финно-угроведение, кажется, возвращается к концепциям и уровню работ Европеуса – см., например, [Kinnar, 1998]. Хороший аналитический обзор этих новейших тенденций с верным объяснением причин см. [Winkler, 1999].

наконец, работа А. Каннисто попросту не свободна от элементарных ошибок в передаче названий и их интерпретации и ни в коем случае не является примером системного анализа субстратной топонимии в принципе.

Ниже я привожу все «обско-угорские» гидронимы из бассейнов Мезени, Пинеги, Вычегды, Вятки, среднего течения Печоры и верховьев Камы из статьи Каннисто [*Kannisto*, 1927: 76–89], обязательно указывая предложенные им обско-угорские этимологии для них (в тех немногих случаях, когда таковые имеются, если их нет, название даю без комментария, так как при отсутствии аргументации невозможна и критика). При этом я не рассматриваю в качестве этимологий похожие названия рек, текущих в собственно обско-угорских районах, если они не объяснены из обско-угорских языков. Вслед за сопоставлениями Каннисто приводятся (после знака =) реальные сегодняшние названия этих рек на русском и коми языках (в тех случаях, когда мне удалось их установить, если найти их на современных картах не удалось, привожу определения самого Каннисто после ? и без знака =) и альтернативные (преимущественно пермские) этимологии, имеющиеся в работах других авторов и (после знака //), предлагаемые мною.

Бассейн Мезени:

Сельзя = Сельзя (правый приток р. Мезень).

Мутасья = Мутасья (левый приток р. Мезень).

Ия < маис. (Тав.) *iĵ*, (НЛозь.) *ī* ‘ночь’ [*Kannisto*, 1927: 86] = (Большая) Ыя (левый приток р. Башка), ср. также выше ее – р. Ы, оба названия якобы < нен. *i*, ‘вода’ [Афанасьев, 1996. – С. 160]. Сопоставление сомнительное: вряд ли нен. *i* может быть передано в коми языке через *i*. Едва ли ненцы вообще когда-либо жили в верховьях Мезени, и уж во всяком случае – появились там не раньше коми // Ср. коми (уд.) *iŷ*: *iŷ dor* ‘entfernte Gegend (volkstümliche Deutung des Namens Udora)’ [Fokos-Fuchs, 1959. I: 297] < общекоми основа *iĵ*- ‘даль(ний)’ в в-овом диалекте, переход **iŷ* (*ju*) ‘дальняя (река)’ > **iĵ* (*ju*) > *i(ja)* при русской адаптации вполне возможен.

Керья = Керью (левый приток р. Мезень) < коми *ker-ju* букв. ‘бревно-река’, ‘река с бревнами’ [Афанасьев, 1996. – С. 73].

Лоля Верхняя и Нижняя (? левый приток р. Мезень) // < коми (л-овый диалект) *lol ju* ‘ольховая река’ (ср. ниже р. Лолья в бас. Вычегды).

Веня = Венью (правый приток р. Вашка) якобы < коми *vañ ju* ‘богатая река’ (где *vañ* – забытое коми слово, восстанавливаемое на базе удм. *vañ* в *vañbur* ~ коми *embur* ‘богатство’) [Афанасьев, 1996. – С. 39]. Сопоставление сомнительное и по вокализму, и в силу неправомерности реконструкции коми **vañ* //. На самом деле, скорее, связано с коми (уд.) *veñ* ‘поветрие, заразная болезнь’ (в др. коми диалектах – *reŷeŷ* [ССКЗД. – С. 300]): *veñ ju* ‘заразная река’.

Луп < манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūp*, (НЛозь.) *lūr* ‘дерево, лежащее в реке’ [*Kannisto*, 1927: 77] = Лупт (правый приток р. Мезень) – форма, приводимая на картах, у А. П. Афанасьева – Лупта, якобы < манс. *лупта* ‘лист, лепесток’ (то есть ‘(река, текущая) по листовенному лесу’, ‘(река, заросшая) листовенным лесом’) [Афанасьев, 1996. – С. 94]. Сопоставление сомнительное по семантике: манс. (С) *lūpta* не имеет значения ‘лиственный лес’ [Munkácsi, Kálmán, 1986: 276–277]. Поэтому предпочтительнее альтернативное предположение: «Возможно также, Лупта из коми лӧпта ‘с мусором, с лесными завалами’» [Афанасьев, 1996. – С. 94] < коми *le p(t)* ‘наносной мусор, завалы на реке’; ниже см. множество примеров гидронимов, образованных от основы *le p(t)* и комментарии. Ср. также название избы Луптвом – топоним, безусловно, целиком коми происхождения [Афанасьев, 1996. – С. 94], указывающий, кроме того, на первичность формы гидронима Лупт, а не Лупта.

Коштомья (? правый приток р. Мезень).

Унья (? правый приток р. Мезень).

Пежья < (?) маис. (ВЛозь.) *pēs iā*, (Тав.) *piš iē* ‘старое русло реки’ [*Kannisto*, 1927: 77] = Пежья-ю (правый приток р. Мезень) < коми *pežja ju* < «др.-угор. пеш я, пес я ‘река со старицами’» [Афанасьев, 1996. – С. 122]. Сомнителен переход **š* > **ž* при адаптации в коми языке //. На картах приводится форма Пежьё < коми *pež ju* ‘поганая река’, если все же правильна форма Пежья-ю, то и в этом случае есть нормальная коми этимология: < коми (уд.) *pežja ju* ‘жирная река’ (см. [ССКЗД. – С. 278]).

Бассейн Пинег:

Кисья (? левый приток р. Покшеньга, левого притока р. Пинега).

Вья = *Вья* (левый приток р. Пинега).

Ниол – манс. (НКон., СКон., Тав.) *ńâl* ‘Quelle, bes. in einem Fluß oder See fließende’ [Kannisto, 1927. – С. 86] //Альтернатива: < коми (л-овые диалекты) *ńel* ‘стрела’; кажется, именно эта река фигурирует на современных картах под названием *Жердь*, что отражает или не совсем верный перевод коми названия (‘жердь’ вместо ‘стрела’), или указывает на его неверную запись на старых картах: ср. коми *ńer* ‘прут, вица’.

Бассейн Вычегды:

Шабья (? правый приток р. Виледь, левого притока р. Вычегда).

Лупья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lŭp*, (НЛозь.) *lŭp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927: 77] = Верхняя Лупья (левый приток р. Вычегда) // Альтернатива: < коми *lep ju* ‘река с завалами’ (*lep* ‘завалы, наносной мусор’). Имеется большое количество названий рек *lep ju* в Республике Коми [Афанасьев, 1996. – С. 95], что объясняется важностью наличия/отсутствия речных заторов для судоходства и рыболовства. Различная адаптация коми *lep* – в виде русского *лун(т)*, как здесь, так и в ряде других случаев, или *лэп/лап* объяснима разным временем заимствования, взаимодействием разных коми и русских диалектов. См. также ниже.

Лупья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lŭp*, (НЛозь.) *lŭp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927: 77] = Нижняя Лупья (левый приток р. Вычегда) // См. выше и ниже.

Лапья – (?) манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lŭp*, (НЛозь.) *lŭp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927: 77] = *Лэпью* (правый приток р. Сысола, рядом – еще как минимум три реки с таким названием) < коми *lep ju* ‘река с мусором, с завалами’ [Афанасьев, 1996. – С. 95]. Показательны колебания вокализма в русской передаче названий, в данном случае очевидно случайные (старая форма у А. Каннисто с -а-, новая форма, «исправленная» согласно нормам языка коми – с -э-). Ср. также р. *Лапьюга* в Ижемском районе Республики Коми < * *lep ju* (g) ‘река с мусором, с лесными завалами’ [Афанасьев, 1996. – С. 87], форма названия достаточно архаична (сохранен ауслатный *– g). Хотя в удмуртском языке коми *lep* ‘наносной древесный мусор’ прямых параллелей не имеет, в топонимии Удмуртии имеются названия рек типа *Лып* (удм. *lep*), связанные, видимо, с тем же корнем [Атаманов, 1988. – С. 62].

Бадья (? правый приток р. Вычегда) ← манс. (НЛозь., Пел.) *βoĭ*, (СКон., НКон.) */βōt*, (Тав.) */βāt* ‘ветер’ [Kannisto, 1927: 86]. Необъясним переход *t > *d // Альтернатива: < коми *vadja* ‘с лесным озером’ (*vad* ‘лесное озеро’). Ср., например, р. Вадьявож, левый приток р. Велью < коми *vadja* + коми *vož* ‘приток’ [Афанасьев, 1996. – С. 36].

Чавья = р. Чевью (левый приток р. Вычегда) < коми *čeu-ju* ‘тихая река’ [Афанасьев, 1996. – С. 154].

Лолья (? правый приток р. Сысола) // < коми (л-овый диалект) *lol ju* ‘ольховая река’. Ср. р. *Ловля*, правый приток р. Сокся в Прилузском районе Республики Коми < коми (в-вовый диалект) *lov ju* ‘ольховая река’ [Афанасьев, 1996. – С. 92].

Енволь (? левый приток р. Вымь) // Безусловно < коми (вым.) *jen vol* ‘божья росчисть’ (см. [ССКЗД. – С. 58]). Ср. р. *Енва* (левый приток р. Печора) < коми *jen va* ‘божья вода’, р. *Енъю* (правый приток р. Вишера) < коми *jen ju* ‘божья река’ [Афанасьев, 1996. – С. 60] (см. также ниже).

Воль ← манс. (ВЛозь.) *βoĭ* ‘прямой отрезок реки между двумя поворотами, плес’ [Kannisto, 1927: 77] = *Воль* (левый приток р. Малая Визинга, левого притока р. Сысола) // Коми альтернатива не исключена: коми (вым.) *vol* ‘росчисть, участок в лесу с очищенными от коры деревьями’ [ССКЗД. – С. 58] ~ коми-перм. *vol* ‘росчисть, участок в лесу, очищенный от деревьев для пашни’ [КПРСл. – С. 78] ~ удм. *vel’i*, *vel’* ‘тж’ [УРСл. – С. 95]. В силу надежной коми этимологии гидронима *Енволь* (см. выше) эта альтернатива представляется более надежной, чем мансийская гипотеза. В удмуртской топонимии апеллятив *vel’* / *vel’i*, весьма продуктивен [Атаманов, 1988. – С. 63]. См. также ниже.

Воль ← манс. (ВЛозь.) *βoĭ* ‘прямой отрезок реки между двумя поворотами, плес’ [Kannisto, 1927: 77] = *Воль* (левый приток р. Сев. Кельтма, левого притока р. Вычегда), коми *vel’*. Ср. также одноименный приток р. Вычегда [ССКЗД. – С. 65] // См. выше. Колебания по вокализму (о ~ е) объяснимы: слово *vel’* в коми-зырянском языке практически забыто.

Имонья (? правый приток р. Сысола) ← (?) манс. (СЛозь.) **ĩm* (ə) *ŋjā* ‘песчаная река’ < *ĩm* ‘песок’ [Kannisto, 1927: 77]. Фонетически довольно проблематично (переход *ə > o) // Реки с таким названием на картах нет. Если все же это – не результат какой-то ошибки, то возможна связь с коми глаголом *ĩmĩŋi* ‘попасть, угодить’ (например, **ĩmĩn ju* ‘река попадания, достижения’ – по которой можно попасть куда-либо).

Вежья = *Вежью* (левый приток р. Лэпью, правого притока р. Сысола) // < коми *vež ju* ‘зеленая река’. В устье ее – поселок Вежью (Койгородский р-н Коми Республики) [Афанасьев, 1996. – С. 38].

Нюль ← (?) манс. (Пел., НЛозь.) *ńul*, (СЛозь.) *nilí*, (С) *ńulí* ‘пихта’ = Нюль (правый приток р. Сысола) // Возможно, связано с корнем **ńul’-*, сохраненным в коми *ńileg*, (уд., печ.) *ńul’eg*, (иж.) *ńul’eg* ‘склизкий, скользкий; налет, слизистый осадок’, возможно и (всыс.) *nil’le* ‘гнилая колода’ [ССКЗД. – С. 237, 241].

Пешья ← (?)манс. (ВЛозь.) *pēs jā*, (Тав.) *piš ie* ‘старое русло реки’ [Kannisto, 1927: 77] = Пешью (левый приток р. Сысола) < коми *peš-ju* ‘река молодого ельника (коми диал. *peš* ‘молодой ельник, чаща’) [Афанасьев, 1996. – С. 123].

Пешья – см. выше.

Тетеря (? левый приток р. Вымь) // На современных картах не обнаружена. Очевидно русское название.

Тодья (? приток р. Вымь) // < коми *tod* ‘болотистое место с низкорослым ельником’ [ССКЗД. – С. 370]. Аналогичная этимология предложена, например, для названия р. Тыд, левого притока р. Мезень [Афанасьев, 1996. – С. 146].

Соня (? приток р. Вымь).

Чимья-верек = на картах Чиньяворык (правый приток р. Весляна, левого притока р. Вымь), правильно – коми *čimja-verek* ‘семужий ворох’ в смысле ‘река, богатая семгой’ [Афанасьев, 1996. – С. 156].

Ватя (? приток р. Весляна, левого притока р. Вымь).

Бадья (? левый приток р. Сев. Кельтма, левого притока р. Вычегда) = одно из множества названий рек типа Бадья < коми *bad’ja* ‘ивовая’ [Афанасьев, 1996. – С. 23].

Позья ← манс. (Пел.) *pōs*, (ВЛозь.) *poš*, (С) *pōš* ‘знак, метка, например, чтобы найти залегшего зверя или указать путь идущим вослед’ [Kannisto, 1927: 77]. Помимо того, что мансийское слово заимствовано из коми (рас~удм. *pus* ‘знак, тамга’) [Rédei, 1970: 136], сомнителен переход *s > z = Позью (левый приток р. Сев. Кельтма, левого притока р. Вычегда) < коми *roz-ju* ‘гнездовая река’ [Афанасьев, 1996. – С. 125].

Бассейн Печоры:

Раскулья (? левый приток р. Ижма) // Ср. множество названий рек с апеллятивом *Рас-* < коми *ras* ‘роща’ [Афанасьев, 1996. – С. 131].

Уш-Пеля (? левый приток р. Ижма).

Сосья ← манс. (С) *sōž*, (НЛозь.) *šoš*, (Пел.) *sōš* ‘ручей’ [Kannisto, 1927: 76] = *Сосья* (правый приток р. Печора в нижнем течении), коми *sosja* ← манс. *sos* ‘ручей, речка’ *ja* ‘река’ [Афанасьев, 1996. – С. 139] // Один из двух-трех случаев, когда мансийское происхождение названия возможно. Характерно, что речь идет о бассейне нижней Печоры, где бывшее присутствие манси не исключено.

Косья = *Косью* (левый приток р. Ижмы) < коми *koš-ju* ‘порожистая река’ [Афанасьев, 1996. – С. 80].

Косья = *Косью* (левый приток р. Усы) < коми *koš-ju* ‘порожистая река’ [Афанасьев, 1996. – С. 80].

Лая = Лая (правый приток р. Печора) возможно ← манс. *lui-ja* ‘нижняя река’ [Афанасьев, 1996. – С. 88] // Фонетически безупречно (*и* ~ *а*). Опять-таки – бассейн Печоры.

Воя = *Воя* (левый приток р. Печора) // Связано с коми *voj* ‘ночь; север’? *Лем* / *Лым* ← маис. (Тав., СЛозь., Пел.) *l’ēm*, (НКон.) *l’ām*, (СКон.) *l’ēm*, (С) *l’ām* ‘черемуха’ [Kannisto, 1927: 87] = *Лемъю* (левый приток р. Печора) < коми *l’ēm ju* ‘черемуховая река’ [Афанасьев, 1996. – С. 89].

Хагемалья = *Торговая* (правый приток р. Щугор, правого притока р. Печора) // Судя по всему, гидроним ненецкого происхождения, находится в ареале распространения ненецкой топонимии и исторического обитания ненцев на Приполярном Урале.

Бассейн Вятки и верховья Камы:

Лопья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lŭp*, (НЛозь.) *lŭp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *ja* ‘река’ [Kannisto, 1927: 77] = *Лопья* (левый приток р. Кама). Ср. *Лопья* (правый приток р. Вишера), *Лопью*

(несколько рек) ← манс. *лоуп я* ‘река с корягами’ [Афанасьев, 1996. – С. 92–93] (очевидно, А. П. Афанасьев имеет в виду то же мансийское слово, что и А. Каннисто) // Ничто не мешает выводить эти названия из коми *ler ju* ‘река с мусором, с завалами’. См. подробнее выше. Не исключена связь и с коми *lor* ‘лопасть (весла)’. В любом случае на коми происхождение данных гидронимов однозначно указывают формы *Лопъю*.

Лунья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūr*, (НЛозь.) *lūr* ‘дерево, лежащее в реке’ + *ja* ‘река’ [Kannisto, 1927: 77] = *Лунья* (левый приток р. Кама) // См. выше.

Лунья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūr*, (НЛозь.) *lūr* ‘дерево, лежащее в реке’ + *ja* ‘река’ [Kannisto, 1927: 77] = *Лунья* (левый приток р. Кама) // См. выше.

Кым (две реки) = *Кым* (правый приток р. Кама) // Речки – небольшие (названия малых рек, как правило, менее устойчивы), дорусская (собственно коми) форма названия неизвестна, поэтому есть широкие возможности для разных чисто гадательных предположений (ср. коми *котти* ‘Прикамье’, *кут* ‘амбар при охотничьей избушке’, *кот* ‘хариус’ и т. д.). Сопоставление с манс. (НКон.) *кэт* – название реки в бассейне Конды [Kannisto, 1927: 77] ничем не лучше любого из этих вариантов. Мне не удалось обнаружить это мансийское название на картах и в словарях мансийского языка, но А. Каннисто сам указывает форму, какую оно приобрело в русской адаптации: *Кима*, – достаточно далекую от *Кым*.

Лонья (? приток Камы в ее верховьях) // Ср. удм. *lon* ‘лох (рыба)’ [Кротов, 1995. – С. 121] Скорее всего, это слово нигде кроме словаря З. Кротова, кажется, не известное, обозначало тайменя – рыбу в Удмуртии редкую, но именно в верховьях Камы встречающуюся.

Кузья (? приток р. Чепца) ← (?) манс. (С) *χūz* ‘Schlangenwurz’; (Пел.) *kūshje*, (НКон.) *χūsəŋja* ‘Schlangenwurzfluß’ [Kannisto, 1927: 80–81] // Ср. общепермское *kuž* ‘длинный’.

Тья (? приток р. Чепца) // Ср. общепермское *tj* ‘озеро’.

Понья (? приток р. Холуница < какая? – В. Н. >) ← манс. (НЛозь.) *pori*, (Пел.) *piri* ‘дух-покровитель’; *pori-ja* ‘река духов’ [Kannisto, 1927: 82] // Не исключена связь с названием удмуртского рода Пöбья или с русским словом *пон*.

Бассейн Волги (Марийское Поволжье):

Кумья Большая и Малая (? притоки р. Рутки, левого притока р. Волга). *Орья* = *Орья* (левый приток р. Толманы, левого притока р. Немда, правого притока р. Пижма, левого притока р. Вятка).

Шуля = *Шуля* (верхний приток р. Малый Кундыш, левого притока р. Малая Кокшага, левого притока р. Волга) // Не решаюсь предлагать пермские этимологии для этих гидронимов, тем более что и угорских не предложено. При желании и те и другие можно было бы придумать, но цена подобных придумок невелика. Ясно во всяком случае, что данные три названия не образуют единого ареала даже с псевдоугорскими гидронимами А. Каннисто, поэтому (при отсутствии к тому же угорских этимологий) могут спокойно быть отвергнуты.

Бассейн Камы (Сарапульское Прикамье):

Шалья = *Шалья* (левый приток р. Кама).

Кальтя = *Кальта* (левый приток р. Пизь) // В любом случае даже окончание *-*ja* здесь выделить невозможно.

Ашья / *Ошья* ← манс. (Пел.) *oš*, (НЛозь.) *oš* и т. д. ‘овца’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927: 81] = *Ошья* (правый приток р. Буй) // С тем же успехом можно сопоставить, например, с удм. *oš* ‘бык’ или коми *oš* ‘медведь’.

Орья (? левый приток р. Буй).

Салья = *Салья* (правый приток р. Кырыкмас, левого притока р. Иж) // Безусловно, связано с названием удмуртского рода *Салья* и образованными от него названиями населенных пунктов в Киясовском районе Удмуртии. Предположения М. Г. Атаманова о происхождении названия *Салья* от манс. *sāli* ‘олень’ [Атаманов, 1988. – С. 37] чисто гадательное; в любом случае название реки связано с названием удмуртского рода, а не с обско-угорскими языками.

Как видим, из всего рассмотренного здесь списка лишь два-три гидронима могут предположительно быть объяснены из мансийского языка без хорошей пермской альтернативы; эти гидронимы находятся на крайней северо-восточной периферии ареала – в бассейне Печоры. Все остальные названия либо имеют очевидное пермское (коми) происхождение и попали в список А. Каннисто в результате

неверной фиксации и неучета адаптации их в русском языке (окончание *-ja* на месте коми *-ji*), либо, по крайней мере, вероятность их пермского происхождения не меньше, чем угорского (важно, что почти все предложенные пермские альтернативы весьма органично согласуются с принципами коми «топонимической традиции» и подтверждаются параллелями). Замечу также, что угорские этимологии топонимов Коми Республики, которые добавлены к списку А. Каннисто А. П. Афанасьевым, как правило, также не слишком надежны (это видно по нескольким примерам, попавшим в список) и являются отнюдь не лучшей частью его в целом неплохой работы [Афанасьев, 1996]. Таким образом, из ареала распространения субстратных угорских гидронимов на северо-востоке Восточной Европы «по А. Каннисто» безусловно должны быть исключены бассейны Пинеги, Мезени, большая часть бассейна Вычегды, верховья Камы, Сарапульское Прикамье и Марийское Поволжье.

Что касается более восточных районов (бассейн Печоры, бассейн Камы от Чердыни до Чусовой и далее на восток), то здесь, возможно, имеется некоторое количество мансийских топонимов: речь идет о районах исторического проживания манси (см. ниже). Хотя наблюдения А. Ф. Теплоухова [Теплоухов, 1924], находившего параллели в топонимике Русского Севера и Приобья, еще менее надежны, чем сопоставления А. Каннисто, приводимые им факты из исторических документов, свидетельствующие о пребывании в XV–XVII веках *вогулов* (то есть собственно манси, а не обских угров вообще) в восточных районах Среднего Прикамья (бассейны рек Чусовой, Сылвы, Нейвы, Колвы и т. д.) не вызывают сомнения, равно как и аналогичные данные А. Каннисто [Kannisto, 1927a]. Более того, теоретически мансийские топонимы могут быть обнаружены и далее на запад – в районах военно-политической активности *вогуличей* в XV–XVI вв. – вплоть до Великого Устюга, где *вогуличи* реально фиксируются документами [Теплоухов, 1960].

Показательно, например, наличие нескольких населенных пунктов с названиями типа *Вогульцы* возле г. Вятки, наличие которых рассматривалось в качестве аргумента в пользу смены манси удмуртами на Вятке [Теплоухов, 1960. – С. 27–28; Атаманов, 1988. – С. 96]. При этом забывают как минимум о двух обстоятельствах. Во-первых, этноним *вогул* является **русским** названием манси, употребляющимся в документах с XIV века по отношению прежде всего к населению Пелымского княжества – западным (и, возможно, южным) манси. Само это название, по всей вероятности, происходит в конечном счете (может быть, через коми-посредство) от названия рек *Вагиль*, маис. (Пелым) *vuol’-jā* < *wōŋəl’-jā ‘река с плесами’, текущих по территории этого княжества⁷. Следовательно, вятские ойконимы возникли едва ли ранее XIV века и отражают пребывание в данных населенных пунктах не каких-то обских угров вообще, а конкретно – пелымских вогуличей уже в период русского присутствия на Вятке. Во-вторых, появление таких названий совершенно естественно, так как пелымские вогуличи действительно жили в Вятской земле: например, в 1467 г. после похода вятчан и пермяков на Пелым их грозный князь Асыка был взят в плен и приведен в Вятку (вернулся на Пелым к 1483 г.) [Оксенов, 1891. – С. 252], помимо этого случая есть множество сообщений о совместных военно-разбойничьих экспедициях вятчан и вогуличей на Устюг и др., что свидетельствует о наличии между ними союзнических отношений, которые, надо полагать, подкреплялись взаимными визитами, наличием послов, аманатов и т. д., чем, соответственно, и объясняется возникновение русских отэтнонимических ойконимов. При чем здесь «смена угров удмуртами»?

Помимо концовки на *-*ja* на роль субстратного угорского («угроидного») топоформанта на севере Восточной Европы предлагался еще *-ым* / *-им* [Serebrennikov, 1969; Тепляшина, 1967]. Гидронимы на *-ым* / *-им* действительно очень интересны, не имеют, кажется, очевидного объяснения ни из пермских, ни из прибалтийского-финских, ни из саамского языков и распространены не только на севере европейской России, но и в Приобье. Однако большинство из них не этимологизируются и из обско-угорских языков, являясь равным образом субстратными и в обско-угорской топонимии [Матвеев, 1968. – С. 139–140]. Даже сам Б. А. Серебренников сумел предложить всего четыре обско-угорских этимологии для гидронимов на *-ым* [Serebrennikov, 1969. – С. 284], причем все они, мягко говоря,

⁷ Обычно в финно-угроведческой литературе указывают на название реки *Вогулка* (с той же обско-угорской этимологией), якобы притока Оби, как источник этого этнонима. Однако, во-первых, имеются проблемы с идентификацией этой реки (благодарю А. Бауло за указание на это обстоятельство), и, во-вторых, само это название выглядит скорее как русское отэтнонимическое новообразование. Появляющиеся в литературе попытки вывести русское название манси из коми *lož vogil’* ‘лохмач, растрепан’ не заслуживают обсуждения: коми выражение означает буквально ‘лохматый вогул’.

небезупречны (например, Кольчим ← манс. (С) *χāl'āši*, (СЛозь.) *khōlēš*, (Тав.) *khālkhäš* ‘березовый лес’ – манс. формы даны по [Munkácsi, Kálmán, 1986: 75]; ни в коми, ни в русском языке данные мансийские слова, независимо от диалекта, равно как и их праформа, не могли приобрести искомого фонетического облика, не говоря уж о необъясненном окончании топонима).

Проблема выявления западных границ былого обитания обских угров и, в частности, манси, по данным топонимики была корректно и тщательно пересмотрена в работах А. К. Матвеева, который, в принципе признавая теоретически возможность обитания древних угров в Прикамье и на Русском Севере, показал, что каких-либо фактов, свидетельствующих в пользу наличия угорских топонимов западнее западных склонов Урала и районов среднего и верхнего течения Печоры и левых притоков средней Камы (см. выше) не имеется [Матвеев, 1982. – С. 51–53]. Названия на -я, выявленные А. Каннисто, в частности, в среднем Прикамье, безусловно, являются результатом русской адаптации коми гидронимов [Матвеев, 1961. – С. 321]. Средневековые походы манси против пермяков и русских на Каму, Вычегду и т. д. – реальность, но что касается топонимики, то очевидно, что А. Каннисто, А. Ф. Теплоухов и др. «использовали случайный и по существу мало что доказывающий материал (чтобы убедиться в этом достаточно взглянуть на карту, приложенную к статье А. Каннисто)» [Матвеев, 1982. – С. 50] – см. выше. Топонимические данные свидетельствуют скорее о южной (лесостепь Западной Сибири), а не о западной родине обских угров [Матвеев, 1968. – С. 141, 144–146]. Этот вывод прекрасно согласуется с наиболее адекватной на сегодняшний день гипотезой прародины угров (подробнее см. [Напольских, 1997а. – С. 60–63, 183–184])⁸.

Итак, **нет никаких оснований для предположений о наличии широкого ареала субстратной топонимики угорского или хотя бы мансийского происхождения на севере Восточной Европы**, речь может идти только о следах позднего (XIV–XVI вв.) мансийского (специально *пелымских вогуличей*) проникновения в Прикамье, на Вятку и Вычегду, хорошо известного по письменным источникам. Работы Д. П. Европеуса, А. Каннисто, А. Ф. Теплоухова и т. п. вообще не могут быть признаны надежным основанием для каких-либо выводов в силу их методологических недостатков, которые имеет смысл здесь назвать, поскольку, как увидим ниже, эти же недостатки присущи и трудам современных «угро-самоедологов»:

Самое главное: автор исходит не из материала, начинает не с системного статистического анализа топонимики определенного региона, выявления формантов, апеллятивов, их соотношения между собой, фонетических особенностей и т. д., а из интересующей его гипотезы, направление работы определяется произвольным выбором заинтересовавшего его языка / языков; при этом остается неясным, почему этот выбор ограничен, например, именно угорскими языками (см. приложение к этой статье);

1) топонимы рассматриваются вне их реального бытования в конкретном языке (русском, коми), без учета особенностей адаптации субстратной топонимии;

2) отбираются любые удобные для подтверждения интересующей автора гипотезы формы топонимов и слова языков; А. Каннисто, например, рассматривал как свидетельства былого проживания угров на той или иной территории такие названия, как *Шайтанка*, *Молебка* и т. п. [Kannisto, 1927: 81, 85];

3) абсолютизируется какой-либо один признак, топоформант (например, *ja*), не учитываются принципы номинации географических объектов, «топонимическая традиция» того или иного языка;

4) не учитывается история языка: субстратные, то есть так или иначе относительно старые топонимы этимологизируются с опорой на произвольно отобранные формы современных языков и диалектов без реконструкции праформ соответствующего времени и предположительного диалекта;

5) не учитываются возможные альтернативные этимологии из других языков, прежде всего исторически бытовавших на данной территории.

Аналогичные перечисленным здесь недостатки характерны и для методологии исследователей, пытающихся объяснять некоторые гидронимы Русского Севера из самодийских языков, точнее,

⁸ В посмертно изданной монографии А. К. Матвеева, подводящей итог многолетней работы на Северном Урале Топонимической экспедиции УрГУ [Матвеев, 2011], эти выводы выражены еще более ясно и подкреплены гигантским материалом, что не оставляет никаких надежд адептам «угорских» гипотез о субстратной топонимии Предуралья. См. рецензию на эту работу А. К. Матвеева в этой книге.

за редчайшим исключением, из одного из них – селькупского. Побудительным мотивом и единственным реальным основанием для этих попыток является то обстоятельство, что в селькупском языке есть слово *ki*, ‘река; середина’ [Ezdélyi, 1970: 94–95]. Именно это слово увидел А. П. Дульзон [Дульзон 1960. – С. 6; 1961. – С. 365–366] в названиях рек на севере Восточной Европы, кончающихся на -ка / -га. При этом не принималось во внимание ни то, хотя бы, обстоятельство, что концовка на -ка, в принципе, может быть просто русского происхождения (ср. *елка*, *палка*, *Амазонка* и т. д.), ни то, что западносибирские гидронимы, происходящие от селькупских названий рек на *ki*, (типа Часелька, Королька и др.) в 90 % случаев имеют в русской адаптации концовку на -ка, а восточноевропейские названия рек оканчиваются чаще на -га, чем на -ка. Удалось даже изыскать в Восточной Европе названия, которые могут целиком быть объяснены из селькупских слов [Беккер 1970. – С. 16–18]. Качество таких сопоставлений, впрочем, весьма невысоко: ср., например, *Шагарка* якобы ← сельк. *ше’уъ* ‘черный’ (сомнителен вокализм; но главное, что на самом деле – явно от топонима *Шагар* с русским диминутивным суффиксом). Подобная «методика» дает очень широкие возможности для дальнейших изысканий того же уровня. Например, территория Моравии и южной Чехии покрыта названиями рек на -ва: *Влтава*, *Отава*, *Услава*, *Морава*, *Сазав*а и др., и они плохо объясняются из славянских языков. Почему бы не объявить их субстратными топонимами пермского происхождения (ср. коми *va* ‘вода’, активно используемое в значении ‘река’ в топонимах типа *Обва*, *Иньва*, *Язьва* и др.)? Расстояние от Прикамья до Чехии немногим больше, чем до селькупского Приобья, и найти подходящие слова в пермских языках при желании нетрудно. Замечу еще, к вящей радости местных топонимистов, что там же имеются названия населенных пунктов типа чеш. *Votice* (ср. *вотяки*)⁹.

В свое время А. П. Дульзон предполагал наличие на севере Восточной Европы не только «селькупской» гидронимии на -ка / -га, но и гидронимии камасинско-маторского (саяно-самодийского) происхождения на -ба / -ва / -ма – якобы, от матор. *бы*, камас. *бу* ‘вода’ [Дульзон, 1961. – С. 365]. Однако эта точка зрения не получила распространения – думаю, не столько в силу абсолютного отсутствия каких-либо оснований (для «селькупской» гипотезы это препятствием не стало), а просто потому, что под рукой у возможных энтузиастов-продолжателей не нашлось соответствующих словарей. Это отчасти, так как позволяет сэкономить место. Впрочем, словари иногда находятся, и список народов, по мнению этих самых энтузиастов, посещавших Среднее и Верхнее Прикамье и оставивших там свою топонимику, не ограничен обскими уграми, селькупцами, камасинцами и маторами: добавьте сюда еще кетов, сибирских тюрков [Кривошекова-Гантман, 1973. – С. 132] и ненцев [Атаманов, 1988. – С. 95] (качество сопоставлений на том же уровне или ниже); спешу внести и свою скромную лепту в эти разработки – см. приложение.

Гипотеза о самодийском происхождении субстратных топонимов Русского Севера была проанализирована в нескольких работах А. К. Матвеева. Прежде всего он отметил сомнительность того, что в Восточной Европе уже раздельно сосуществовали «протоселькупы» (топонимы -га / -ка) и «прото-южносамодийцы» (-ма / -ба) [Матвеев, 1964а. – С. 104]. Далее было показано, что в значительной части топонимы такого рода получили окончания на -а на собственно русской почве, о чем свидетельствует наличие таких топонимических пар, как *Курга* ~ *Кургозеро* [Матвеев, 1964а. – С. 108]. В тех случаях, когда концовки -га / -ка / -ма (концовка на -ба не фиксируется в любом случае!) все же обнаруживаются, они не являются самостоятельными топоформантами, а представляют собой лишь произвольно вырванные части более сложных формантов: *Вньга*; *Vга*; *Vма*; *Vжма*, которые образуют определенные различные ареалы, причем ареал топонимов на *Vма* накладывается на ареал *Vга* и находится в целом к востоку от ареала топонимов на *Вньга* [Матвеев, 1964а. – С. 106–108; 1964. – С. 80–81]. Фонетический анализ топонимов указанных групп показывает, что топонимы на *Vга* и на *Вньга* отражают языки с различным фонетическим строем и могли быть оставлены носителями пермских, прибалтийско-

⁹ Следует, думаю, предложить эту ценную идею П. Рахконену – автору «гипотезы» о былом проживании пермян на Оке по данным субстратной топонимики [Rahkonen 2009; 2014], тем более что здесь становится возможным выход на популярные в Финляндии построения о центральноевропейской прародине финно-угров (см. статью «Симпозиум. «Контакты между носителями индоевропейских и уральских языков в неолите, энеолите и бронзовом веке (7000–1000 гг. до н. э.) в свете лингвистических и археологических данных» (Твярминне, 1999)»), и открывается замечательный простор для дальнейших изысканий в том же духе.

финских, саамских, неизвестных палеоевропейских, но никак не самодийских языков (наборы согласных в начальной и инлаутной позиции и группы согласных, характерные для топонимов этих групп, абсолютно не совпадают с характерными особенностями консонантизма самодийских языков) [Матвеев, 1964а. – С. 107–112; 1964. – С. 67–68]. Работы А. К. Матвеева являют собой прекрасный и, к сожалению, довольно редкий пример методологически корректного анализа данных топонимики, и его вывод однозначен: «нет никаких оснований считать, что топонимы на *-га* восходят к самодийским источникам» [Матвеев, 1964а. – С. 115].

Учитывая те же обстоятельства, на которые указывал А. К. Матвеев, А. П. Дульзон в поздней своей работе признал, что наличие гидронимов на *-ка* в Западной Сибири, образованных от сельк. *kī*, «ничего не говорит о происхождении аналогичных названий, встречающихся в виде плотных ареалов к западу от Урала» [Дульзон, 1970. – С. 88]. Об этом выводе первооткрывателя «селькупских» топонимов в Восточной Европе наши «угро-самоедологи» предпочитают умалчивать.

Как видим, оснований для утверждений о самодийских (точнее – селькупских, что не одно и то же – см. выше пункт 4 в списке методических недостатков) гидронимах на севере Восточной Европы еще меньше, чем об угорских: самодийских гидронимов здесь, насколько это вообще можно утверждать, нет и быть не может. «Предположения о существовании массовых угорских и самодийских элементов в субстратной топонимии Русского Севера не подтверждаются» [Матвеев, 1964. – С. 83].

Одним из последних достижений «угро-самоедологии» являются, по-видимому, сочинения Л. Ш. Арсланова [Арсланов 1993; 1996], который обнаружил новый очаг искомой топонимики по месту своего жительства – в Нижнем Прикамье. Здесь перед нами возврат к истокам традиции, а именно – к уровню методики и богатству фантазии Д. П. Европеуса. Дабы не быть голословным и внести свежую струю в мое скучное повествование, угощу читателя тремя характерными примерами (полностью сохраняю в цитатах орфографию и маркировки автора). Название речки *Атас* – правого притока р. Малый Черемшан (так она называется на картах) автор приводит в двух татарских вариантах: *Аты йылгасы* / *Атасы йылгасы* и выводит *атасы* (тат. ‘его отец’; *аты-* ‘его лошадь’) из мар. *ото* ‘роща’, а ‘второй его компонент мог обозначать также водный объект урало-алтайского происхождения *су* ‘вода’, ф/у. *си-се* ‘вода, речка’ (что это? – В. Н.)» [Арсланов, 1996. – С. 5]. Название деревни *Беркет-ключ* (от тат. (мишар.) *беркет* ‘орел’), автор приводит еще вариант тат. *Бәркәтә* (если это верно, то, возможно, от тат. *бәрәкәт* ‘изобилие’) – «из двух топооснов: *бар* / *бәр* в значении ‘река’ (возможно, этнонима *пор* обских угров) + *ката* (*кәтә*), который характерен для финно-угро-самодийских, монгольских, тунгуса-маньчжурских и для диалектов татарского языка и др., даже носит ностратический характер, ср.: укр. *хата* ‘дом’ < ... >. Таким образом, большинство фактов свидетельствуют о финно-угорско-самодийском происхождении ойконима *Бәркәтә*» [Арсланов, 1996. – С. 7]. Название деревни *Буранчы* (тат. ‘буранная’): «мы склонны отнести данный топоним к марийскому источнику – гидрониму Поранча, который не имеет отношения к слову буран (на самом деле: мар. *рогаңса* ← тат. *бураңсә* – В. Н.). По мнению И. С. Галкина, в гидрониме Поранча выделяется топооснова *пор* «мари» (удмуртское слово. – В. Н.) + ан словообразовательный суффикс, который сохранился в коми языке. Ср. яран «ненец»» (на самом деле коми *jaran* ← манс. *С jōgəp* или хант. *Ко., Цин. jaŋəp* ‘ненец’ [DEWOS: 407], «суффикса» *-ан* здесь нет. – В. Н.) [Арсланов, 1993. – С. 35]. Дальнейшие комментарии, думаю, излишни.

Совершенно аналогичны по качеству самодийские «этимологии» для некоторых населенных пунктов и микроэтнонимов Башкирии [Васильев, Шитова, 1982]. Хотя теоретически участие каких-то древних самодийских групп в великом переселении народов и вхождение их в состав конгломератов степных племен V–XIII вв., а затем – и в состав башкир не исключено, каких-либо реальных фактов, свидетельствующих об этом, нет. Побудительным мотивом к таким изысканиям послужила гипотеза В. И. Васильева о древней родоплеменной группировке «самодийцев-кара», выделенной им в основном по названиям ненецкой фратрии *Харючи* (< нен. *ха̄о* ‘журавль’), селькупской племенной группировки *karal'-qut* ‘журавлиный человек’ и этнониму саянских самодийцев *карагасы* (< камас. (?) *kuro* ‘журавль’ + *kaza* ‘человек’) [Васильев, 1979. – С. 29–32] (см. об этих этнонимах подробнее [Hajdú, 1950. – С. 83–85, 93–97]). Наличие у разных самодийцев параллельных названий

типа ‘журавлиный род’, конечно, примечательно, но, во-первых, следует учитывать, что они могли появиться у разных самодийцев самостоятельно. Во-вторых, это не значит, что всякий этноним, содержащий в себе компонент **kara* следует объявлять самодийским, в особенности – когда речь идет о районах исторического расселения тюрков, так как в тюркской ономастике очень активно используется общетюркский апеллятив *qara* ‘черный’ (см., например, по поводу возможности объяснения из тюркских языков этнонима карагасы [Hajdú, 1950: 93–97]). Поскольку этнонимы и топонимы, образованные от тюрк. *qara* весьма широко распространены по всей Северной Евразии, оказалось возможным обнаруживать следы «самодийцев-кара» где угодно, в том числе – и в Башкирии [Васильев, Шитова, 1982]: *Каратавлы* (тат., башк. *qara tauḷǵ* ‘с черной горой, Черногорье’), *Карагулово* (от тюрк. *qara(y)ul* ‘караул’ ← мо. *qarayul* < *qara* ‘смотреть’ [Räsänen, 1969: 235–236]) и т. д. С этой точки зрения самодийцами можно объявить и *карачаевцев*, и *каракалпаков*, и *картвелов*, и всех *картавых* и др.

Обратимся теперь к «угорским» и «самодийским» топонимам с территории Удмуртии, основным открывателем которых является М. Г. Атаманов, опирающийся на достижения своих предшественников, перечисленных выше (см., например, его апелляции к гидронимам на *-ка* / *-га*, *-я*, *-ым* [Атаманов, 1988. – С. 94, 96], о которых уже было сказано). Интересно, что в списке этих предшественников он почему-то в одном ряду с Д. Европеусом, А. П. Дульзоном и др. упоминает и А. К. Матвеева, что едва ли оправдано. А. К. Матвеев действительно «писал» [Атаманов, 1988. – С. 93] на эту тему, однако, как было показано выше, его методика и выводы радикальным образом расходятся с методикой и выводами М. Г. Атаманова и компании.

Можно было бы, наверное, ограничиться простым указанием на то, что (обско-)угорские и самодийские сопоставления Атаманова и иже с ним ненадежны, немногочисленны, не образуют даже по признанию самого автора [Атаманов, 1988. – С. 97] сколько-нибудь значительного топонимического пласта, сделаны с соблюдением всех обозначенных выше недостатков и поэтому не могут и ни в коем случае не должны приниматься во внимание в палеоисторических исследованиях. Однако подобная общая негативная оценка при отсутствии альтернативных предложений, которых, при всем желании, сделать я не могу, так как имеющийся материал не дает такой возможности, может показаться представителям нелингвистических дисциплин неубедительной. Поэтому мне придется хотя бы проиллюстрировать это утверждение несколькими примерами.

В названиях рек *Лумпа* ~ *Лумпо*, *Лумпашур* и т. п. Атаманов находит селькупское слово *lūmrä* ‘болото’ [Атаманов, 1988. – С. 94] (точнее – ‘зыбун, топь; сырое место’, общее слово для ‘болота’ в селькупском – *ñari* см. [Erdélyi, 1970: 118, 159]).

Сначала – небольшое замечание исторического плана. Поскольку в этих топонимах сохраняется сочетание согласных носовой + смычный (*-mr-*), следует полагать (если принять гипотезу об их селькупском происхождении), что они попали в удмуртский язык уже после завершения процесса деназализации (переход типа **mr > b*, **nt > d*) в пермских языках. Под этот процесс попали ранние балтские (балто-славянские) заимствования в пермском, но не попали поздние аланизмы, нет надежных его следов и в болгарских заимствованиях¹⁰, следовательно он завершился в VII–IX вв. н. э. Таким образом, проникновение «селькупских» топонимов с сохранением сочетания «носовой + смычный» в удмуртский язык могло иметь место никак не ранее VII века. У М. Г. Атаманова имеется целая серия таких топонимов: *Лумпа*, *Шундошур*, *Сундо*, *Юнга*, *Англеть*, причем они разбросаны практически по всей Удмуртии от Глазовского до Каракулинского района [Атаманов, 1988. – С. 94–95]. Значит, если верить М. Г. Атаманову, то следует признать, что еще в раннем средневековье вся территория Удмуртии была заселена селькупам (не самодийцами вообще, а именно селькупам, говорившими на северноселькупских диалектах), а пермяне – предки удмуртов появились здесь не раньше VII века н. э.! Думаю, что даже самым горячим сторонникам «угро-самодийских» теорий такой вывод покажется диким, однако по-другому интерпретировать выводы М. Г. Атаманова невозможно.

¹⁰ См. подробнее в статье «Балта-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н. э.» в книге Напольских В. В. Очерки по этнической истории. – Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. – 648 с., ил.

Таким образом, топонимы типа *Лумно* – либо относительно молодые и попали в удмуртский язык самое раннее в конце I тыс. н. э., либо они представляют собой композиты или суффиксированные слова удмуртского происхождения, и морфемная граница в них проходит между *м* и *н*.

Название р. *Лумпун(ь)* – правого притока р. Кильмезь предложено этимологизировать из сельк. *liträ* ‘топь, трясина’ и манс. *унь* ‘запруда в реке’ (так у М. Г. Атаманова, по поводу этого слова подробнее см. ниже) [Атаманов, 1988. – С. 94]. Прежде всего, нельзя не отметить, что, следуя подобному подходу, суть которого заключается в том, что любое интересующее исследователя отдельно взятое название можно произвольно разлагать на любые компоненты, а затем подыскивать для этих компонентов любые более или менее созвучные слова в разных языках (набор которых ограничен только желаниями и кругозором автора и наличием в его распоряжении соответствующих словников), можно было бы, например, «этимологизировать» название страны *Нигерия* как состоящее из рус. *ни* (отрицание) + удм. *геры* ‘соха’ + рус. *я* = «я – не соха» (т. е. примерно, «мы – не рабы», семантически немногим хуже, чем «запруда на болоте»), а то же *Лумпун(ь)* – из кит. *lǒng bān* ‘подобный борозде’.

Другого подхода, впрочем, нельзя и ожидать – только так можно доказывать недоказуемое и находить то, чего нет. Беда, однако, не только в этом: в данном случае перед нами пример, наглядно показывающий, как не следует подходить к анализу топонимики и к этимологии вообще. Предпочитая форму названия реки *Лумпунь* с мягким **-ń* на конце, что дает возможность сопоставлять его с манс. *унь*, М. Г. Атаманов, как и в большинстве других случаев, не уточняет, о слове какого языка идет речь, что само по себе для исследователя, претендующего называться лингвистом, довольно странно (см. выше пункт 1 в списке методических недостатков). Между тем мы имеем здесь дело с названием реки, употребляемом в русском языке (точно так же в приведенном выше примере я намеренно не уточнял, что название *Нигерия* – тоже слово русского языка, и оно далеко не идентично фонетически англ. *Nigeria*), следовательно, анализировать его нужно для начала как русское слово. Поскольку рус. *река* – слово женского рода, большинство названий рек в русском языке – также женского рода; соответственно чаще всего адаптируются в русском языке и иноязычные названия рек, с окончаниями существительных женского рода: *-а*, как, например, *Кама* из удм. (или коми) *Кам*, или (на письме) *-ь*, как, например, *Обь* из коми *Об(ва)*. Следовательно, при наличии дублетных форм названий рек нерусского происхождения с мягким знаком на конце и без него – как в случае с *Лумпун(ь)* – следует отдавать предпочтение при реконструкции дорусского оригинала форме без мягкого знака, в данном случае – *Лумпун*, поскольку для ее возникновения на собственно русской почве нет специальных оснований.

Реконструкция дорусского названия реки **lutrɪn* позволяла бы оценить сопоставление концовки слова с манс. *унь* как фонетически некорректное и поэтому маловероятное. Однако проблема состоит еще и в том, что слова *унь* ‘запруда в реке’ в мансийском языке, видимо, нет. М. Г. Атаманов имеет в виду, возможно, манс. (С, СЛозь., Ко.) *йн* ‘кол, свая, шест рыбного закола’ («Pfahl des Fischwehres») [Munkácsi, Kálmán, 1986: 695]. Фонетически данное слово, в принципе, сопоставимо с **-ин* в **lutrɪn*, но что должно скрываться за селькупско-мансийским «трясинный шест рыбного закола», и может ли существовать подобное гибридное название вообще (манси с селькупками непосредственно не контактировали и тем более не создавали гибридных топонимов, видимо, никогда – даже в Сибири)? Две ошибки М. Г. Атаманова (манс. *ун*, а не *унь*, изначально *Лумпун*, а не *Лумпунь*) в данном случае нейтрализуют друг друга, но качество его работ едва ли нуждается в комментариях.

С другой стороны, поскольку с исторической точки зрения надо полагать, что название данной реки могло попасть в русский язык прежде всего из удмуртского, следовало бы в первую очередь проверить, не может ли оно иметь собственно удмуртской (пермской) этимологии (см. пункт 5 в списке методических недостатков). Слово **lutrɪn* разлагается на два прапермских корни: **lun* ‘день, полдень; юг’ (> коми *лун* ‘день’; удм. (с суффиксацией и ассимиляцией в анлауте) *нунал* ‘день’, (в старых композитах) *лымшор* ‘юг’ (*шор* ‘середина’), *лумбыт* ‘весь день’ (где – *быт*, видимо, связано с удм. *быдэс* ‘весь, целиком’)) и **роң* ‘конец’ (> коми *пом*; удм. *пум*, (пер.-юж.) *риң* ‘тж’). ППерм **lun-roң* ‘южный конец’ является весьма подходящим названием для р. *Лумпун*, которая течет практически строго с севера на юг. Переход (ассимиляция) **nr-* > **-tr-* вполне естественен и мог иметь место уже в прапермском

или древнеудмуртском; вероятно, что слово было заимствовано в русский язык из (древне)удмуртского диалекта, где сохранялся конечный **-ŋ*: при исходной форме типа удм. **lutrɪt* следовало бы ожидать скорее рус. **Лумпум*, а не *Лумпун*¹¹.

Предположение о происхождении рус. *Лумпун(ь)* из (древне)удм. **lutrɪŋ* < ППерм *lut-roң* ‘южный конец’ не только безупречно объясняет фонетический облик вариантов русского названия реки, но и позволяет включить данный гидроним в систему пермской гидронимии: ср. множество названий рек с апеллятивом *лун* < **lun* ‘южный’ в топонимии коми [Афанасьев, 1996. – С. 93–94]. Возможно, что в ППерм *lut-roң* сохранились следы более архаичной семантики ПУ **rāŋe* ‘голова, главный’ (ф. *rää* ‘голова, главный’ и т. д.) > ППерм **роң* ‘конец’ [UEW: 365], в данном случае – скорее юг как *главное* направление, или ‘устье’ (= ‘рот’ ~ ‘голова’ реки) на юге.

Возвращаясь к топонимам типа *Лумно/Лумна*, следует сказать, что если принять сделанный выше вывод о необходимости делить их как **lut-ro*, в их первой части следует видеть все тот же общепермский корень **lun* ‘юг’ (учитывая продуктивность этого апеллятива в коми-топонимии, распространенность его и в Удмуртии следует считать нормальной). Вторая часть представляет собой проблему, для решения которой можно предложить два варианта. Во-первых, возможно существование древнеудмуртских диалектов, в которых в абсолютном исходе слова имел место переход **l* > **ç* (такое развитие имеет аналогию в южноудмуртских диалектах: удм. (М.-У.) *skāu* ‘корова’, *vāu* ‘лошадь’ при удм. (литер.) *skal*, *val* [Wichmann, 1987: 67, 310]). В таком случае ППерм **lun pal* ‘южная сторона’ дало бы древнеудм. (диал.) **lunpāu*, которое, в свою очередь, при заимствовании в «нормальный» удмуртский диалект могло быть усвоено как **lutro*. Слабое место такого объяснения: при междиалектном заимствовании топонима следует предполагать скорее не заимствование местной диалектной формы, а «транспонирование» понятного названия, переложение его в соответствующую фонетическую форму. Второе объяснение состоит в возможности реконструкции древнеудмуртского словообразовательного суффикса существительных типа **-ro*, ер. коми *-ри* суффикс существительных: *degemri* ‘материал на платье’ < *degem* ‘платье’, *žat’ri* ‘будущий зять’ < *žat* ‘зять’ (связь этого суффикса с *ри* ‘дерево’ [Серебренников, 1963. – С. 147] ничего не меняет – развитие слова в суффикс могло иметь место и в прапермскую эпоху). В удмуртском языке этого суффикса в «чистом виде» нет, но можно усматривать его реликт в словах *tılpo* ‘парус’ (видимо, от *tel* ‘ветер’) и *tılpi* ‘пожар’ (*tıl* ‘огонь’). В таком случае реконструируется древнеудм. **lun-ro* > **lutro* ‘юг, южная сторона’.

Как видим, топонимы на *лумп-* могут объясняться из пермского материала, а принятие сомнительной гипотезы об их селькупском происхождении приводило бы к совершенно неприемлемым этноисторическим заключениям¹².

Название реки *Колтымак* (приток р. Тоймы в Алнашском р-не Удмуртии) и реки *Кылт* (левый приток р. Вала) М. Г. Атаманов этимологизирует из сельк. *колд* – *колдэ* и т. д. (сельк. (С) *qoltı* [Erdélyi, 1970: 76]) ‘большая река’. При этом концовку на *-мак* он объявляет «топоформантом», находя его также в других названиях рек: *Сосмак*, *Челтымак* и т. д. [Атаманов, 1988. – С. 94]. Название района г. Ижевска *Колтома* (не «старое название пос. Металлургов», как у М. Г. Атаманова, а район между городком Металлургов и прудом) и сходные названия частей других населенных пунктов типа *Колтыма* ~ *Колтома* он выводит из сельк. *калдэ* ‘выступающий участок (залив, клин тундры)’ (в словаре И. Эрдеи этого слова нет). Из того же *калдэ* он выводит и название деревни *Халды* (удм. *Калдй*) в Селтинском р-не Удмуртии [Атаманов, 1997. – С. 48]. Здесь уместно сделать ряд пояснений.

Интерпретация названия рус. *Халды* ~ удм. *Калдй* – удачный пример нежелания учитывать элементарные лингвистические факты. Понятно, что слова связаны друг с другом, не ясно только, из какого языка в какой произошло заимствование. Поскольку в русском языке есть фонемы *к* и *х*, а в удмуртском – только *к*, рус. *х* в удмуртском произношении передается как *к*, а вот удм. *к* останется *к* и в русском.

¹¹ Эта этимология предлагается здесь ad hoc, лишь как демонстрация возможной альтернативы «угро-самодийской» абракадабре. Недавно для этого названия была предложена интересная этимология из субстратного языка, близкого марийскому или мордовскому (**lumV* ‘черемуха’ – мар. *lombo* при удм. *l’et-pu*), основанная, помимо прочего, на системном анализе местной субстратной гидронимии [Смирнов, 2014. – С. 19; Smirnov, 2012/2013: 113–114], которая выглядит безусловно предпочтительнее построений Атаманова.

¹² Естественно, гипотеза О. В. Смирнова о связи этих названий с субстратным **lumV* ‘черемуха’ также может быть принята.

Следовательно, по чисто фонетическим критериям следует считать удм. *Калдй* заимствованным из рус. *Халды* (передача рус. *ы* удмуртским «твердым» *й* [i]) также понятна: удм. *й* артикуляционно более задний и закрытый звук, чем русское [ы]). Во-вторых, с точки зрения русского языка название деревни в какой-либо хитрой этимологизации не нуждается, а представляет собой множественное число от рус. (Смол., Яросл., Вят.) *халда* ‘бесстыжий, распущенный человек’ [ЭСРЯ, IV. – С. 217]. Именование населенных пунктов уничижительным словом во множественном числе (типа *Вороны*, *Хохряки*, *Охламоны* и т. п.) – характернейшая черта русской ойконимии. Таким образом, для данного названия едва ли надо искать объяснение в селькупском.

Вообще, говоря о названиях на *кылт*- / *колт*- нельзя не учитывать то обстоятельство, что в субстратной топонимике Русского Севера достаточно распространены гидронимы на *колд*-. *Колда*, *Колдозеро*, *Колдокурья*, *Колдюга*, *Колдома* [Матвеев, 1989. – С. 14]. Наличие в этом ряду гидронима *Колдюга* указывает на принадлежность этих названий к кругу гидронимов на -юга, которые имеют бесспорно финнопермское, а скорее всего – парaperмское происхождение [Vasmer, 1934–1936, IV: 78; Матвеев, 1964а. – С. 108; Ahlqvist, 1992: 108–109]. Вопрос о связи названий на *колд*- и на *кылт*- / *колт*- не обязательно должен быть решен положительно, но возможность такого решения заставляет весьма внимательно рассмотреть перспективу (пара)пермского происхождения последних, каковая вполне реальна.

Название реки *Кылт*, как верно заметил М. Г. Атаманов, имеет параллель в коми гидронимии – р. *Кылтовка* (коми *Кывтыва*, где -ва = коми *ва* ‘вода, река’), левый приток р. Вымь в Княжпогостском р-не Республики Коми. Наличие такой параллели укрепляет позиции гипотезы о пермском происхождении данных названий. Прежде всего следует признать совершенно неудачной этимологию А. П. Афанасьева для коми *Кывтыва* – из гибридного манс. *ховт* ‘ельник’ хант. *ов* ‘течение реки’ [Афанасьев, 1996. – С. 84]: во-первых, потому, что само существование такого гибридного топонима в отдалении от мест реального контактирования хантов и манси весьма сомнительно, во-вторых, потому, что русская форма названия (*Кылтовка*, основа – *Кылт*-) и удмуртская параллель (*Кылт*) однозначно указывают на праформу типа **kilt*-, которая не может происходить от манс. *ховт*. Связь этих названий с сельк. *qolti* ‘большая река’ затруднена фонетически (-о- ~ -i-) и семантически непонятна: рассматриваемые реки во всяком случае не большие. С другой стороны, имеются пермские корни, с одним из которых, по-видимому, связано происхождение этих названий: коми (уд.) *kjvt* ‘тропа, проторенный след зайца, выдры, куда ставят капканы’ [ССКЗД. – С. 184] – или коми (луз., нвыч., скт., уд.) *kjvtnj*, (вссыс., луз.-лет., печ., ссыс.) *kjltni* ‘плыть по течению’ [ССКЗД. – С. 184–185] – или коми *kevtnj* ‘ловить бреднем рыбу, снимать с поверхности’ [ССКЗД. – С. 168], с которым, скорее всего, связано удм. *kaltjini* ‘ловить рыбу неводом, бреднем’ [УРСл. – С. 182]. Связаны ли эти три пермских корня друг с другом – особая проблема (расхождения в вокализме преодолимы), но, во всяком случае, наличие этих параллелей делает поиски селькупской этимологии бессмысленными.

Как уже было указано выше, название *Колтома* имеет параллель (*Колдома*) в гидронимии Русского Севера. Если эти слова действительно связаны между собой, то рус. (Вят.) *колтома* ‘часть, конец населенного пункта’ [СРНГ, XIV. – С. 196] может представлять собой русский народный топографический термин, принесенный на Вятку и в Удмуртию русскими переселенцами с запада. Его происхождение в таком случае связано с гидронимами на -юга (см. выше) и не может иметь никакого отношения к селькупскому языку.

Не исключено, однако, что рус. (Вят.) *колтома* (вариант – только, если верить М. Г. Атаманову *колтыма*) связано не с субстратным гидронимом *Колдома*, который все-таки весьма далек от Вятки, а с местным гидронимом *Колтымак*: отпадение конечного -к могло произойти на русской почве при употреблении названия *Колтома(к)* как слова женского рода (в Ижевске – еще и по аналогии с противостоящей Колтоме *Зарекой*). Наличие вариантов с -к и без него объясняется, скорее всего, разной степенью адаптации топонимов в русском языке, прежде всего – разной частотой использования их в казенной, письменной речи. Загадочный топоформант -мак, выделяемый М. Г. Атамановым в *Колтымак* и др. [Атаманов, 1988. – С. 77, 94–95], в ряде случаев является тюркским суффиксом имени действия -мак / -mäk, сохранившимся и в татарском языке как разговорный и устаревший [ТРСл. – С. 184], например *Сосмак* (деревня в Можгинском р-не Удмуртии) < тат. **sošmaq* ‘черпание’ < *soš* – ‘черпать’

[ТРСл. – С. 484], значение топонима – ‘место, где черпают воду’. Во многих других случаях, однако, выделение этого форманта явно ошибочно: в Удмуртии, Татарии, Башкирии и т. д. имеется большое число тюркских по происхождению топонимов типа *Урустамак*, *Стерлитамак*, *Муртыштамак*, *Челтымак*, в которых наличествует компонент -тамак / -тымак < тю. (в том числе – тат.) *tamaq* ‘горло, глотка; устье реки’ [ТРСл. – С. 512–513]. Очевидно, этот же тюркский топоформант имеется и в *Колтымак* (отсюда – *Колтома* ?) – топониме, который также целиком объясняется из татарского языка: тат. *qul* ‘овраг, сухое русло, ответвление оврага, долины’ [ТРСл. – С. 294] + *tamaq* ‘устье’, исконное значение топонима ‘овражное устье’. Ижевская Колтома действительно находится возле устья речки Подборенки, текущей по глубокому оврагу.

Как видим, все «селькупские» топонимы М. Г. Атаманова на *колт* / *кылт* происходят из русского, татарского или пермских языков.

Даже на фоне других изысков М. Г. Атаманова поражает его этимология гидронима *Шундошур* из сельк. *шынт* ~ *шундъ* ‘болотный ручей’ [Атаманов, 1988. – С. 94]. Такого слова в имеющихся у меня селькупских словарях нет, но есть (С) *untj* ‘ручей’ [Erdélyi 1970: 284] и (С) *söl* ~ (Чул.) *sōj* (IllSg *söl't'a*, ElSg *soendo*) ‘горло, исток, ручей’ [Helinski, 1983: 173]; не появилось ли *шынт* ~ *шундъ* у М. Г. Атаманова в результате какого-то недоразумения? Впрочем, это неважно: название *Шундошур* является безусловно удмуртским, его написание в орфографически строгой форме литературного языка должно выглядеть как *Шундышур* или *Шундые шур* ‘Солнечная речка’. Некоторая «неправильность» названия в народном произношении никаких проблем не вызывает; следует еще учитывать, что на топоним не могло не оказать влияния и употребление его на картах, в документах в адаптированной русской форме. Ссылка М. Г. Атаманова на «параллельные» формы типа *Сундошур*, которые, якобы, отражают диалектные особенности селькупского языка никак не способствует принятию его этимологии: существование формы с **s*- в селькупском хотя и возможно теоретически, но не документировано (тем более что не ясно, есть ли искомое слово в селькупском вообще), а уверовать в то, что селькупский язык существовал на территории Удмуртии в различных своих современных диалектных вариантах очень трудно. Видимо, топонимы *Сундошур*, *Сундур*, *Сунды* напрямую не связаны с *Шундошур*.

Название города *Яранск* и рек типа *Ярань* и т. п. М. Г. Атаманов связывает с коми названием ненцев яран [Атаманов, 1997. – С. 49]. Как уже было сказано выше, коми *jaran* ‘ненец’ заимствовано из манс. *C jōrəp* или хант. Ко., Цин. *jārəp* ‘ненец’ [DEWOS: 407] и относится исключительно к тундровым ненцам, в удмуртском языке этот этноним не известен, и известен быть не мог, так как, во-первых, им некого было бы называть (ненцы живут от Удмуртии далеко), во-вторых – он попал в коми язык в ходе контактов коми с ненцами и обскими уграми на Нижней Оби (см. исходные диалектные формы в обско-угорских языках) скорее всего в эпоху распада пермского праязыкового единства. Поскольку в районе Яранска никогда не жили не только ненцы, но и коми, остается совершенной загадкой, каким образом данное коми слово могло послужить источником для названия рек и города. На самом деле название гор. *Яранск* происходит от названия реки *Яран(ь)* (мягкий знак – результат русской адаптации), которое, видимо, совпадает с топоформантом -*еран(ь)*, имеющимся в топонимии Марийской Республики, и объясняется из марийского языка: мар. *jer* ‘озеро’ + *an* ‘горловина, устье’ (т. е. ‘озерное устье’) [Галкин, 1989. – С. 44].

Названия притоков Валы и Ижа *Яган* М. Г. Атаманов выводит из хант. *еган* ~ *юган* ‘река’ [Атаманов, 1988. – С. 96]. Если принять это объяснение, то придется признать, что помимо манси, селькупов и ненцев на территории Удмуртии жили еще и ханты. Родство хантыйского и мансийского языков здесь ничего не меняет: речь идет о специфической хантыйской форме. Не исключено, впрочем, что перед нами – гидронимы тюркского происхождения: тю. *jäkän* ~ *jägän* ‘тростник, камыш, используемый для плетения циновки; тростниковая циновка’ [Räsänen, 1969: 195], причем фонетический облик этих названий указывает не на татарский или башкирский (башк. *jeķän* – *jëgän* [БTh I. – С. 309, 311], тат. *žäkän* [ТРСл: 762] ‘рогоз’ > удм. (диал.) *jekeñ* ‘тж’ [УРСл. – С. 135]) и не на чувашский язык (чув. *čäGan* ‘палочник (болотное растение)’ > мар. (г.) *cäkän* ‘тростник’, булг. **säkän* > удм. *šakan* ‘рогожа’ [Федотов, 1996. II. – С. 387]), а на праформу **jägän*, возможную в раннем болгарском или в раннем кипчакском (ср. мамлюкско-египетское *jägän* [Räsänen, 1969: 195] или *jegan* в «Codex Cumanicus» [Grønbech, 1942: 120]).

Названия д. *Сосмак* (Можгинский р-н Удмуртии), р. *Шошма* (правый приток Вятки в ее нижнем течении), д. *Дасос* (Юкаменский р-н Удмуртии) М. Г. Атаманов выводит из манс. *sos* ~ *шош* ‘ручей, вытекающий из болота’. Относительно *Сосмак* ← тат. **sošmaq* ‘черпание’ < *soš*- ‘черпать’ см. выше. Название *Дасос* может иметь удмуртскую этимологию: образование от *das* ‘десять’ с суффиксом *-os*, в современном языке – малопродуктивным и служащим для образования отглагольных существительных (*pirtos* ‘примак, приемный (отец и т. п.)’ < *pirtini* ‘вводить’). Не исключено, что этот суффикс мог иметь в прошлом и более широкое употребление и служил и для отыменных образований типа **dasos* в значении ‘десяток’ или ‘десятый (сын, например)’. Дело, однако, не в этих альтернативах, а в нежелании М. Г. Атаманова учитывать историю мансийского языка, возможности адаптации мансийского материала в удмуртском языке и законы мансийской топонимической традиции (см. пп. 1, 3, 4 в списке методологических недостатков выше). Манс. (С. Кон.) *sōs*, (Пел.) *šōš*, (Тав.) *šaš* ‘ручей’ (вовсе не обязательно «вытекающий из болота») [*Munkácsi, Kálmán*, 1986: 564] следует возводить к общемансийской праформе **šōš*, которая в удмуртском языке должна была отразиться как **šoś*, наличие же форм на *sos* и *šoš* предполагает, во-первых, что данные топонимы были заимствованы уже после мансийского перехода из **š* > **s* / **š*, т. е. – являются весьма новыми, и, во-вторых, что на рассматриваемой территории существовали мансийские диалекты с различным отражением старого **š*, причем – с теми же вариациями (**s* / **š*), которые имеют место в реальных мансийских диалектах. Далее, в мансийской топонимии нет топоформантов типа *-mak*, а формант *sōs* употребляется как правило с какими-либо апеллятивами (предложенное сопоставление **da*- в *Дасос* с манс. *tō* ‘озеро’ [*Атаманов*, 1988. – С. 95] фонетически настолько натянуто, что даже его автор приводит его под вопросом). Характерно, что все эти проблемы у М. Г. Атаманова даже не рассматриваются.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что приведенные выше альтернативы сопоставлениям М. Г. Атаманова выглядят столь же случайными параллелями, хотя разница все же есть: пермяне и, в частности, удмурты, равно как и татары, и русские реально живут и жили на рассматриваемой территории, в отличие от селькупов или манси. Впрочем, моей задачей было не предложение таких альтернатив, а демонстрация с их помощью некорректности методов и ненадежности выводов М. Г. Атаманова. Если же для того, чтобы эту задачу выполнить, требуется дать этимологии для всех топонимов с территории Удмуртии, то я умываю руки: этого не может сделать никто, и, оставаясь в рамках науки, в принципе следует ожидать, что происхождение значительной части наших географических названий никогда не будет раскрыто.

Предваряя возвращение к теме происхождения названия *Эгра*, хотелось бы сказать о том, что предлагаемые мною варианты этимологий некоторых этнонимов с территории Удмуртии предусматривают учет одного обстоятельства, о котором М. Г. Атаманов, видимо, и не задумывается, – согласно его воззрениям, на территории Вятско-Камского междуречья с ананьинского времени имела место непрерывная последовательность смены гомогенных в этноязыковом отношении групп: прапермяне – праудмурты – удмурты [*Атаманов*, 1997. – С. 27] (если, разумеется, не считать смены ими селькупов, манси, хантов и др.)¹³. Вполне признавая эвристическую ценность такого подхода, я никак не могу рассматривать эту схему как модель реальных исторических процессов, имевших место на данной территории. Даже простой взгляд на современную карту диалектов и этнографических групп удмуртов, не говоря уж об имеющемся в мировой науке опыте исследования этнической истории, убеждает в том, что история эта никогда и нигде не была простой и прямолинейной, ни одна этническая группа никогда не формировалась исключительно в изоляции; следует учитывать наличие в прошлом множества диалектов и этнографических групп, как принадлежащих к известным нам этноязыковым группам и семьям, так и не оставивших прямых языковых потомков вообще. Применительно к пермской этнической истории это означает, что формирование удмуртов должно было идти в ходе сложных ассимиляционно-интеграционных процессов прежде всего в пермской среде, в которые помимо *эндопермян* были вовлечены многие *паранермские* группы (подробнее и о терминах см. [*Напольских*,

¹³ Судя по сочиненной М. Г. Атамановым «эпической» удмуртской этногонии [*Атаманов*, 2008], дело было еще интереснее: часть удмуртов (предки воршуда Эгра) пришла из Западной Сибири, в то время как другая часть искони жила на средней Вятке (группа Ватка) со столицей в современном г. Кирове, а еще одна группа (Калмез) пришла на Вятку из Башкирии – и т. д.

1997а. – С. 112–113]). Поэтому весьма перспективны поиски на территории исторического проживания удмуртов прежде всего субстратных топонимов *паранермского* происхождения, к которым предварительно можно отнести некоторые из предложенных выше. Работа эта весьма перспективна, но требует системного и последовательного анализа топонимики Удмуртии и прилегающих территорий, который до сих пор преимущественно подменялся весьма поверхностными разысканиями в духе «угро-самодийских» теорий.

Общий вывод из проделанного здесь критического обзора можно сформулировать следующим образом.

1. В топонимии Восточной Европы, помимо территорий исторического расселения ненцев в тундре и лесотундре от Канина и Кольского полуостровов до Урала, **нет никаких следов былого обитания там каких-либо самодийцев**. «Продвижение ненцев в европейскую тундру было единственной этнически релевантной миграцией самодийцев в районы к западу от Урала за несколько последних тысячелетий» [*Хелимский*, 1989. – С. 10].

2. Распространение в Восточной Европе субстратной топонимии угорского происхождения **ограничивается областями исторического расселения манси** на западных склонах Урала, в бассейнах левых притоков Камы в ее среднем течении (от Колвы до Сылвы) и в верхнем течении Печоры. В то же время исторические данные о довольно широком расселении южных и западных мансийских групп на территории современной Пермской области и о военно-политической активности мансийского Пелымского княжества в бассейне Вычегды вплоть до Великого Устюга на западе оставляют принципиальную возможность обнаружения топонимов мансийского происхождения на более широкой территории в пределах обозначенных ареалов. На сегодняшний день **никаких следов топонимии праугорского происхождения (более древней, чем мансийская) в Восточной Европе не обнаружено**.

Югорский шар

Итак, анализ топонимики не дает никаких оснований для постулирования былого пребывания обских угров на территории Удмуртии. Рассмотрим теперь этнонимический факт: бесспорную близость названия удмуртского рода *Эгра* и др.-рус. *Югра*.

Проблема географической локализации и этноязыковой идентификации *Югры* – народа и области, упоминаемых в древнерусских источниках с XI века где-то на крайней северо-восточной периферии новгородских, а затем – московских земель, уже более двух столетий привлекает внимание исследователей. Уже для самых ранних работ немецких ученых, работавших в России (помимо обсуждения югорской проблемы в общих трудах Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера и др. см., например, специальное исследование, во многом до сих пор не потерявшее ценности [*Лерберг*, 1819]), а вслед за ними – и русских ученых, был характерен исторический подход, основанный прежде всего на тщательном источниковедческом анализе документов.

С другой стороны, в построениях деятелей западноевропейского Просвещения и науки со времен Энея Сильвия Пикколомини (середина XV века, еще без упоминания собственно *Югры*) и Матвея Меховского (начало XVI века) [*Zsirai*, 1930: 61–63; *Хайду*, 1985: 342–343; *Матвей Меховский*, I. II. 5], главную роль играла мифологизированная тема азиатского генезиса венгров, подкрепляемая внешним созвучием более или менее искаженного русского слова Югра (лат. *Jugria*, *Juhra*) и названия венгров в средневековой латыни (*Hungari*) и в славянских языках (*угры*), откуда оно и попало в латиноязычную литературу (лат. *Huhri* у Матвея Меховского [I. II. 5]). Фраза «*Jvhra inde Vngarorum origo*» на карте С. Герберштейна (1549 г.), в различных вариациях переносимая с одной западноевропейской карты на другую [*Замысловский*, 1884; *Zsirai*, 1930: 62–71; *Дмитриев* 1894. – С. 35–39], является квинтэссенцией этой темы, дожившей в слегка модернизированном виде вплоть до вполне научных работ некоторых венгерских исследователей конца XIX – первой половины XX века [*Мицкасы*, 1895; *Zsirai*, 1930: 119–120].

Др.-рус. *Югра* (*Югричи*, *Югорская земля*) с XI в. означало народ где-то на крайнем северо-востоке новгородских земель, за *Печерой* (др.-рус. этнотопоним, в отличие от современного названия р. *Печоры*). Хотя одно название с другим связано, но путать их, как это зачастую делается, нельзя), а, по крайней

мере с сер. XIV в., – конкретно население северного Зауралья и Нижнего Приобья. Данное слово безусловно связано с коми *jegra* ‘ханты и / или манси (изначально – северные)’. Высказывались предположения как о заимствовании из коми в древнерусский, так и наоборот (см. [ЭСРЯ IV. – С. 527]).

Заимствование из (древне)русского в коми маловероятно по историко-географическим соображениям: трудно объяснить, почему коми использовали русское, т. е. *западное* слово для именования своих старых, давно и хорошо известных им соседей на *востоке*, обских угров. Кроме того, *е* в русских заимствованиях коми языка отражает русское **о*, но никак не **и* (формы типа **Егра* в русских источниках нет). Единственным аргументом в пользу этой гипотезы является предположение о наличии собственно древнерусской этимологии для данного слова: *Югра*, якобы, из *Угра* (такая форма эпизодически встречается в источниках и в отношении *Югры*, прејотация типа *утро* ~ *ютро* имеет место в (древне)русских диалектах) < др.-рус. *Угры* ‘венгры’ (изредка встречается в древнерусских источниках и форма *Югры* применительно к венграм). Древнерусское название венгров восходит к общеслав. **Qgŭr*- ‘венгр’ (рус. *венгр* заимствовано позже из польского *węgier* < **Qgŭr*-), которое, как было показано еще в конце прошлого века [ЭСРЯ IV. – С. 147], отражает название тюркского (видимо – болгарского) племени *оногуров* (*Huniguri* [Иордан, 37]), обитавшего в южнорусских степях в V–VI вв. = булг. **on-ogur* ‘десять огур(ов)’. По-видимому, древние венгры находились в тесных отношениях с *оногурами*, вследствие чего название последних было перенесено на них славянами.

Ясно, что предположение о заимствовании из (древне)русского в коми предусматривает далеко идущие этноисторические импликация в духе все той же темы венгерской прародины на востоке. Хотя само по себе происхождение венгров от их общих предков с хантами и манси – носителей угорского праязыка и самоназвания **tańśz* (см. ниже) не подлежит сомнению, вряд ли это обстоятельство могло быть известно новгородцам в XI веке. Сторонниками рассматриваемой гипотезы было предложено другое объяснение: некогда, якобы, на «восточное крыло финно-угров» было перенесено название тюрков-*оногуров*, затем это название дало в славянских языках имя венгров (*угры*), а в древнерусском – еще и обских угров (*Югра*). При этом наличие двух форм (*Угры* ~ *Югра*) в древнерусском объясняется тем, что с обскими уграми на северо-востоке и с венграми на юго-западе соприкасались носители разных древнерусских диалектов [Zsirai, 1930: 119–123]. Таким образом, предполагалось, что словом *onogur* или производным от него называли себя, по-видимому, сами угры (собственно, *праугры*) или так называли *всех угров* какие-то их соседи.

Данное объяснение, однако, встречает еще больше возражений, чем предположение о наличии среди новгородцев XI века великих лингвистов, за восемь столетий предвосхитивших появление финно-угристики. Во-первых, как резонно замечает К. Редей, «обские угры никогда не принадлежали к племенному союзу оногуров. < ... > Ко времени сложения оногурского племенного союза в южнорусских степях около V в. ханты и манси жили уже отчасти в Сибири, отчасти еще на европейской стороне от Урала» [Rédei, 1991: 162]. Не совсем понятна его уверенность в оценке времени сложения оногурского объединения и едва ли верно расставлены «уже» и «еще», которые я бы вовсе убрал или, на худой конец, поменял местами, но по сути сказано верно: как бы поздно мы ни датировали распад праугорского единства и начало движения протовенгров из зауральских лесостепей на запад, случилось это никак не позже середины I тыс. до н. э. (подробнее см. [Напольских, 1996а. – С. 61–62, 125]), – говорить о существовании в столь отдаленную эпоху племени, да и самого имени *оногуров*, а, следовательно, и о переносе этого названия на всех угров, как-то боязно. Во-вторых, нет никаких следов того, что слово *onogur* служило когда-либо самоназванием не то что праугров, но и вообще хоть какой-нибудь угорской группировки; равно нет и свидетельств об использовании этого названия в отношении всех угров каким-либо другим народом (у славян это, даже по М. Жираи, – уже *заимствование*).

Предположение Б. Мункачи о заимствовании др.-рус. Югра из болгарского **jugor* < **ugor* < (on)*ogur* [Munkácsi, 1895] встречает те же исторические возражения и слабо с лингвистической точки зрения (не имеет объяснения прејотация в болгарском). Следовательно, на роль неведомых соседей угров, от которых русские якобы заимствовали слово **onogur*, применительно к обским уграм могут – среди известных народов – претендовать только предки коми, но тогда первичной следует считать форму коми языка с начальным *j*- и с огласовкой на *е*, и оногуры здесь все равно ни при чем.

Самый главный аргумент против гипотезы М. Жираи состоит, однако, в том, что, как показывает анализ источников, в древнерусском безусловно первичной является форма *Югра*, вариант же *Угра* достаточно редок, и объясним древнерусской дейотацией (юность ~ уность), ничуть не более редкой, чем прејотация [Katz, Koch, 1987: 100–102]. Необходимо, по-видимому, также учитывать возможность контаминации квазиомонимичных этнонимов *Югра* ‘народ на крайнем северо-востоке Русских земель’ (← коми *jegra*, см. ниже) и *Угры* ‘венгры’ (< ПСл *Qgŭr*- ← булг. *onogur*).

На первичность формы с *j*- помимо анализа древнерусских документов и коми *jegra* указывают и восходящие к X веку свидетельства арабских географов о жившем на север от Волжской Булгарии народе *روي* [*jūra*], *اروي* [*jūrā*], *روغري* [*jūgra*] (последняя форма – у Эль-Омар и, XIV век, видимо, наиболее близкая к оригиналу), до земель которого, богатых соболем, добирались по снегу на лыжах, а товары везли на влекомых собаками санках. Земли эти находились на восток от земель *Вису* (вепсы?), а от Булгара на север в 20 днях пути, за ними начиналось море, где водилась «рыба», из «зубов» которой делали рукоятки мечей (видимо – морж) [Бартольд, 1963. – С. 834–836]. В данном случае форма с *j*- у арабов происходит скорее всего из болгарского, что очевидно еще раз исключает гипотезу о появлении формы *Югра* в результате древнерусской прејотации¹⁴.

Существует еще одна гипотеза происхождения названия *Югра*, предложенная И. Вашари, согласно которой оно восходит к названию одного из уйгурских племен – *jugur* (цит. по: [Rédei, 1991: 162]). Хотя объяснить возникновение коми *jegra* из *jugur* фонетически возможно, остается совершенной загадкой, почему в отношении населения, живущего где-то далеко на севере, где никогда не было никаких тюрков, стало употребляться название одного из тюркских, точнее – уйгурских племен. Следование старой традиции связывать *Югру* если не с венграми, то хотя бы с тюрками, приводит и в данном случае к ничуть не более правдоподобным результатам, чем прежде.

Неприемлема попытка В. И. Лыткина объяснить связь между *Югра* и *угры* тем, что оба слова имеют общий прапермский источник: рус. югра ← коми *jegra* < **jōgra* < ППЕРМ **jōŋgra* ~ ПСл **jQgŭr*- > **Qgŭr*- > угры [Лыткин, 1971. – С. 204–205], поскольку нет никаких оснований предполагать пермские заимствования в восточнославянский до деназализации. Абсолютно надуманно и не имеет никаких оснований объяснение того, как прапермское название было перенесено на южный степной народ: якобы, ППЕРМ (**jōŋgra* >) **jōgra* – композит из коми, удм. юг ‘светлый’ + *Ра* (древнее название Волги), с которого калькировано башкирское название р. Белой Агидел (букв. ‘белый Итиль’ – если калькирование и имело место, то с удм. *Тӧдӧы Кам* ‘Кама’ – букв. ‘белая большая река’) [Лыткин, 1971. – С. 205–206].

Есть все основания для заключения: **древнерусское Югра безусловно заимствовано из пермского (древнекоми) источника, и ни Югра, ни коми jegra не имеют никакого отношения ни к славянскому названию венгров (угры), ни к тюркской этнонимии.**

Коми слово *jegra* имеет параллель в удмуртском языке: удм. *egra* ‘Эгра (название интересующего нас рода, жившего в центре и на северо-востоке Удмуртии)’. Дейотация в анлауте в удмуртском закономерна (ср. коми *jektiŋi* ‘плясать’ ~ удм. *ektiŋi* ‘плясать’ и др.). Ничто не мешает возводить эти слова к ППЕРМ **jōgra*. При этом источником ни коми, ни удмуртского, ни тем более – прапермского слова, судя по фонетическим критериям, не мог быть (древне)русский язык, а бесспорная удмуртская параллель еще раз указывает на древность коми *jegra* и – косвенно – на его первичность по отношению к др.-рус. Югра. Связи между древнекоми и древнеудмуртскими диалектами, видимо, окончательно прервались лишь в XIII–XIV веках [Белых, 1995а]. Теоретически допустимо, что этноним **jōgra* мог попасть в коми и удмуртский независимо и после окончательного распада прапермского единства (дейотация в удмуртском варьирует по диалектам до сих пор: удм. (НЧеп.) *egit* ‘молодой’ [Тепляшина, 1970. – С. 191] вместо литер. *jegit* ← тат. *jëğēt* ‘молодой человек, парень’), хотя для такого предположения должны быть веские нелингвистические основания. Впрочем, в любом случае, поскольку др.-рус. Югра встречается в документах с начала XI в. (см. ниже), его источником должно было быть слово еще сохранявшего свое единство пермского праязыка, скорее всего – слово из северного прапермского

¹⁴ См. также статьи «Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья» и «Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в.» в книге Напольских В.В. Очерки по этнической истории. – Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. – 648 с., ил.

(доками) диалекта, которое можно реконструировать как **jogra* (**o*ˀ > др.-рус. **и*) или **jugra* (этот вариант ближе к др.-рус. *Югра*, а диалектное чередование **o*ˀ/**u*ˀ – «пермский умляют» [Напольских, 1995а] – в прапермском вполне возможно).

Сведения о Югре русских источников вкратце следующие (при отсутствии особых ссылок материал дан по работам [Лерберг, 1819; Оксенов, 1891; Дмитриев, 1894]):

1032 г. – поход новгородцев на Югру, поражение их у *Железных ворот*.

Н. П. Барсов был склонен видеть здесь упоминание урочища *Железные Ворота* на правом берегу р. Сысолы в 80 верстах от Усть-Сысольска (Сыктывкара) [Барсов, 1885. – С. 63]. Другие исследователи – проход через Урал, или даже ледяные глыбы в устье Оби (морской путь в Югру) [Лерберг, 1819. – С. 80–81].

1096 г. – знаменитый «рассказ Гюряты Роговича»: «Се же хоцю сказати, яже слышах преже сих 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Рогович новгородецъ, глаголя сице, яко послах отрокъ свой в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедшу отроку моему к ним, а оттуда иде въ Югру. Югра же людѣе есть языкъ нѣмъ, и сосѣдят с Самоядью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему дивьно мы находихом чюдо, его же нѣсмы слышали преже сих лѣт, се же третье лѣто поча быти: суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тѣх кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и в горе той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо, и помагають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли секиру, и они дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходим пропастьми, снѣгом и лѣсом, тѣм же не доходим ихъ всегда; есть же и падалъ на полунощии» [ПВЛ. – С. 167]. В данном тексте нет никаких указаний на то, что Югра обитала западнее Уральских гор: северная часть Приполярного Урала и Полярный Урал («горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе») находятся именно к северу («есть же и падалъ на полунощии») от бассейна Сев. Сосьвы и Ляпина, основной путь куда вел через более южные проходы по Северному Уралу (*Югринский переход* – см. карту), и где, как увидим ниже, локализовалась Югра в более поздние эпохи.

1114 г. – ладожане «мужи старіи ходиша за Югру и за Самоядь».

1187 г. – «избьени быша печерские и югрьские даньници (сборщики дани. – В. Н.) въ Печере, а другии за Волокомъ» [Новг. I Ст., 48]. Вообще, по-видимому, походы новгородцев в Югру стали к концу XII века более или менее обычным делом, поэтому летописи отмечают только неудачи [Оксенов, 1891. – С. 247].

1193–1194 г. – неудачный поход новгородской рати с воеводой Ядреем на Югру; один югорский город взят, при осаде второго, в результате хитрости югорцев и предательства новгородца Савки («тъ бо Савица перевѣт держаше отаи съ княземъ югорьскимъ») погибла большая часть рати [Новг. I Ст., 52–53; Новг. I. Мл., 120, 121 об.].

1265 г. – договорная грамота Новгорода и Тверского князя Ярослава Ярославича с первым упоминанием Югры как новгородской волости; с этого времени до конца XV века Югра упоминается в договорных грамотах Новгорода с князьями в ряду: *Заволочье, Тре, Пермь, Печера, Югра*. При этом управлялась эта волость, вероятно, не новгородскими «мужами», а местными князьями, и отношения их с Новгородом носили характер нерегулярных выплат дани или «военных реквизиций» новгородцев [Оксенов, 1891. – С. 247–249].

1323, 1329 гг. – сообщения об убийстве устюжанами новгородцев, ходивших в Югру.

1357 г. – «на Югрѣ» погиб Самсон Колыванов «съ други».

1364 г. – поход новгородцев на Югру, на Обь: «съ Югры Новгородци приѣхаша, дѣти боярскіи и молодыи люди, воевавшие по Оби рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша». Первая более или менее точная локализация Югры [Дмитриев, 1894. – С. 24, 53]. Видимо, вообще – первое упоминание *Оби* [Замысловский, 1884. – С. 88].

1399 г. – в житии Стефана Пермского: «А се имена мѣстомъ и странамъ и иноязычникомъ, живущимъ вкругъ Перми: Двиняне, Усть-южане, Вилежане, Вычегжане, Пинежане, Южене, Сырьяне, Гаиане, Вятчене, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь Великая глаголемая Чюсовая».

1446 г. – поход трех тысяч новгородцев во главе с Василием Шенкурским и Михайлой Яколем на Югру; отряд Василия Шенкурского разбит, и острог, в котором он находился, разорен [Новг. I. Мл., 262 об.]. Видимо – последнее сообщение о новгородском походе на Югру [Дмитриев, 1894. – С. 54].

1465 г. – по повелению Вел. Кн. Ивана Васильевича устюжанин Василий Скрыба с охочими людьми и с вымским князем Василием Ермолаевичем с вымичами и вычегжанами идут на Югру. Захватывают в плен князей Калпака и Течика, которые затем получают от Ивана Васильевича Югорское княжение и становятся данниками Москвы. Отличие данного похода от походов новгородцев на Югру – то, что коми (вымичи и вычегжане) выступают здесь союзниками русских (против новгородцев выступали Югра, Печора и Пермь вместе) [Дмитриев, 1894. – С. 25].

1471–1472 гг. – Москва подчиняет новгородские волости Двину и Пермь.

Югра остается последней новгородской волостью на северо-востоке, не подвластной Москве [Оксенов, 1891. – С. 250–251].

1483 г. – поход Федора Курбского Черного и Ивана Салтык-Травина с войском устюжан, вологжан, вычегжан, вымичей, сысоличей, пермяков на Югру и пелымских *вогуличей*. Путь войска: вниз по Пелыму – Тавда – Тура – Тобол – Иртыш – вниз по Оби, где земля Югорская: «и поидоша оттоле на великую реку Обь, ширина еѣ шездесят врьсть, и поимаша князя Молдана на рецѣ Оби, и княжих Екмычѣвых дву сыновъ поимаша». Затем к великому князю с челобитьем в Москву приходят князья «Вогульские и Югорские: Вогульскій князь Юмшан на Калпа, а Сибирскій князь Лятик» и «Вогулятин князь Пыткѣи с поминки с великими от князей Кодских, от Лаба да от Чангила, и от всее земли Кодские и Югорские, да били челом о полоненых князех о Молдане с товарицы, чтоб государь смиловался, отпустил бы их во свою землю». В результате этих посольств заключены мирные договоры с Москвой (князь Лятик в 1484 г.) и с пермичами в Усть-Выми (1485 г.) [ПСРЛ. 26. – С. 276–277]. Речь здесь очевидно идет не об этнических, а о военно-политических объединениях: пелымском вогульском (Пелым, Лозьва, Тавда, возможно – Конда), югорском (Обь в нижнем течении и Сев. Сосьва с Ляпином) и кодском (Обь от впадения Иртыша до разделения ее на Большую и Малую), которые находились между собой в союзнических отношениях, и население которых, вероятно, было весьма смешанным в этноязыковом отношении (см. карту рис. 1).

1488 г. – письмо Ивана III венгерскому королю, где он впервые именует себя великим князем Югорским.

1499–1500 гг. – большой поход московской рати «въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогуличи» (те же три политических объединения). Войско состояло из трех частей, которые встретились у устья правого притока Печоры, реки Щугор. Затем их путь лежал вверх по Щугору, на лыжах через Урал, где попутно был разбит отряд *самоедов* (речь, очевидно, идет о *каменных самоедах* – ненцах Полярного и Приполярного Урала, чья земля, согласно «Сказанию о человецех незнаемых» «obleжитъ около Югорские земли» [Анучин, 1890. – С. 235]; к определению южных пределов их территорий ср. в «Книге Большому Чертежу»: «А от верху Усы реки до верху горы Князьковой 150 верст; а промеж тех рек и реки Оби, и реки Пузги, самоедь кочевая» [КБЧ. – С. 162]; ср. также топонимы ненецкого происхождения на Приполярном Урале в северной части бассейна р. Ляпин: р. *Хальмер-ю* и др. [Матвеев, 1990. – С. 67–95]), на реку Ляпин (другое название – Сыгва), по ней – вниз к городку Ляпин, возле которого встретили отряд союзных югорских князей, прибывших с Обдоры (низовья Оби, район нынешнего города Салехарда) на оленях. Затем войско вновь разделилось: отряды князей Семена Федоровича Курбского и Петра Федоровича Ушатого, спустившись, видимо, по Сев. Сосьве, действовали в низовьях Оби, а отряд Василия Ивановича Гаврилова действовал южнее, выше по Оби. Результат похода – окончательное покорение Москве земель по нижней Оби, лишение югорских княжеств независимости (см. карту).

1500 г. – югорские земли включены в Чердынское наместничество.

1593 г. – основание гор. Березова и соответствующего наместничества, в которое входят с этого времени и югорские земли.

1607 г. – царская грамота Березовскому воеводе Петру Черкасскому о торговле с самоедами, где упомянуты: *самоедь озерная* пустозерская на Печоре, *самоедь кунная* ясашная на Оби, *самоедь каменная* на Урале, *вогуличи, остяки. Югры* – нет [Дмитриев, 1894. – С. 80].

1680 г. – основание *Югорского* наместничества, название – не более чем дань традиции [Дмитриев, 1894. – С. 92].

1701 г. – упоминание юрт *Югриковых* у слияния Ляпина (Сыгвы) с Сев. Сосьвой в «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова. Возможно – последний отголосок былого жительства Югры на этих землях [Дмитриев, 1894. – С. 40–43].

Таким образом, в X–XI веках где-то на крайнем северо-востоке Восточной Европы или / и на крайнем северо-западе Западной Сибири, в районе от верхней Вычегды и бассейна Печоры до нижней Оби и от верховьев Камы до Ледовитого океана, между пермянами (предками коми – др.-рус. *Пермь*) и самодийцами (предками ненцев – др.-рус. *Самоядь*, возможно (??) – Печера) жил некий народ, говоривший на особом языке («Югра же людье есть язык нѣм»), который пермяне называли **jogra*. Название это дало в древнерусском форму Югра и было известно также булгарам, от которых попало на страницы арабских географических сочинений в форме *jū(y)ra*. Более точная локализация этого народа и определение его этноязыковой принадлежности на основании имеющихся источников для XXI вв. невозможна, и попытки такого рода выглядят не слишком убедительными даже для их авторов, см. [Лерберг, 1819. – С. 77–81; Барсов, 1885. – С. 60–63; Оксенов, 1891. – С. 247–249; Дмитриев, 1894. – С. 20–22; Zsirai, 1930: 33–34]. Самое раннее внятное указание на местонахождение Югры в середине XIV в. помещает ее в Нижнем Приобье, в районе, к которому привязаны различные упоминания о Югре, *югорских* князьях, городках и т. д. и в дальнейшем, на протяжении XIV–XVII вв. (см. карту). Хотя многими авторами неоднократно высказывалась и высказывается мысль о смещении этнической территории Югры с крайнего северо-востока Восточной Европы в Приобье, реальных оснований для этого предположения нет, все данные исторических источников, топонимики и др. всегда можно интерпретировать исходя из изначальной локализации Югры в Нижнем Приобье. Все, что было написано по этому поводу за последние сто лет, нимало не может поколебать верного утверждения А. В. Оксенова: «допуская, что может быть Югорская земля до половины XIV века полагалась русскими людьми отчасти на запад от Урала, мы в то же время решаемся утверждать на основании многих известий о Югре с половины XIV в., что под Югрой и в древнее время до XIV в. разумелась страна за Уралом, в бассейне Оби» [Оксенов, 1885. – С. 429].

На протяжении XI–XIV вв. территория Югры была объектом колонизационных экспедиций Новгорода, и с середины XIII века этим словом обозначают уже не только народ и страну, но и новгородскую *волость*, т. е. определенную административно-территориальную единицу. Во второй половине XV в., в ходе установления московского господства на крайнем северо-востоке Восточной Европы и в Нижнем Приобье, завершившегося походом 1499 г., источники упоминают *югорских князей*, а *Югра* и *югричи* фигурируют в них наряду с *пелымскими вогуличами* и *Кодой* – то есть как название территориально-политического объединения и его населения.

«Сказание о человецех незнаемых», записанное не позднее конца XV века, вообще не упоминает Югру как народ, но использует термин *Югорская земля*: «На восточнѣи странѣ, за Югорьскою землею надѣ моремъ живутъ люди, самоѣдь. Зовомы Могонзѣи </ Малгонзѣи / Молгоньзѣи / Молгозиі > ...». «Въ восточнѣи же странѣ есть инаа самоѣдь каменскаж облежитъ около Югорскіе земли. А живутъ по горамъ высокымъ» [Анучин, 1890. – С. 230, 235].

Название Молгоньзѣи происходит, видимо, от нен. *moŋganzi* – ненецкого названия рода энцев Муггади, эн. *mogad'i* (от эн. *moga* ‘лес’ и нен. *moŋga* ‘низина в излучине реки’ < ПСам **moŋkâ* ‘лесистая местность, лес’ [Хелимский, 1981. – С. 124]). В первые десятилетия XVII века тундровые энцы вносили ясак в Мангазее и назывались в русских документах *мангазейской самоядью*, а род Муггади фигурировал в документах как *Мангазее* [Васильев, 1982. – С. 57–59; Долгих, 1960. – С. 141]. Итак, земли тундровых энцев в низовьях Таза находятся за *Югорской* землей, которая, таким образом, должна быть локализована на крайнем северо-западе Западной Сибири, скорее всего – в низовьях Оби, которая служит опорной осью географии «Сказания». В русских источниках с XV века *каменными самоедами* назывались ненцы Полярного Урала (в основном его сибирской стороны) – в противоположность *низовым самоедам*, жившим в тундрах правобережья Нижней Оби и восточнее [Анучин, 1890. – С. 306–307]. Таким образом, это сообщение «Сказания» указывает на близость *Югорской* земли к Полярному Уралу.

Аналогично – как название административно-территориальной, а не этнической единицы в низовьях Оби – предстает термин *югорский* и в конце XVI века в «Книге Большому Чертежу: «А по Оби реке и по рекам, которые реки в нее пали. От устья вверх Обдорские городы. А выше Обдорских городов Югорские. А выше Югорских городов Сибирь» [КБЧ. – С. 168]. «А по Сосве и по Сысве (правильное название реки: *Сыгва*, Ляпин. – В. Н.) городы. Сверху на Сосве город Юиль, а с другой стороны, на низ 30 верст, Мункус < ... > А на усть реки Сосвы, с вышней стороны, Махтин, а с нижней стороны Березово. И те городы по Сосве и Сысве, Югра» [КБЧ. – С. 170].

Таким образом, в XV–XVII вв. названия *Югра*, *югорский* обозначают уже, как правило, территорию или политическое объединение и теряют этническую специфику. С этим перекликается и замеченная исследователями уже давно путаница в принадлежности некоторых князей в описании событий 1483–1484 гг.: «*вогулятинъ* Пыткѣй, князь *Кодскій*» – «*вогулятинъ* Пыткѣй, князь *Югорскій*» [Дмитриев, 1894. – С. 26–28, 63–64; Zsirai, 1930: 52–53]. Окончательное исчезновение *Югры*, *югричей* и *югорской* земли со страниц документов в течение XVII века [Дмитриев, 1894. – С. 11–12, 30–31, 80, 90–93] знаменует собой скорее не ассимиляцию особого народа, югричей, а прекращение использования отэтнонимического названия, в силу того что народ, от названия которого оно образовано, уже ранее (может быть, в XV–XVI вв.) исчез с исторической арены.

На основании значения коми *jegra* ‘(северные) ханты и / или манси’, а также – того, что др.-рус. *Югра* применяется к населению земель, где в более позднее время жили манси и ханты, принято считать (и отнюдь не «со времен работ С. В. Бахрушина» [Курлаев, 1997. – С. 104], а гораздо раньше – см. [Лерберг, 1819. – С. 11–18; Оксенов, 1891. – С. 248–250; Munkácsi, 1895; Дмитриев, 1911. – С. 11, 18–19, 27–28; Zsirai, 1930: 75–79; Бахрушин, 1955]), что и изначально данное название должно было означать каких-то обских угров, а именно – северных хантов, так как с достаточной степенью уверенности можно говорить, что северная (сосвинско-сыгвинская) группа манси сформировалась в течение XVII–XIX вв. вследствие оттока мансийского населения с запада и юга на север и ассимиляции им северных хантов [Соколова, 1982. – С. 29–33].

Принципиальное значение имеет, однако, то обстоятельство, что в ряде русских документов XVI века *югричи* упоминаются рядом не только с манси – *пелымскими вогулами* (уже в житии Св. Стефана Пермского, конец XIV века), но и с хантами – *кодскими*, *казымскими остяками* [Миллер, 1937. – С. 339–340; Дмитриев, 1894. – С. 31]. Данное обстоятельство однозначно свидетельствует о том, что в тот короткий период, когда в русских документах еще присутствуют *югричи* (см. выше) и уже фигурируют *остяки* (с 1499 г.), русские различали эти два народа.

М. Жираи предложил этому свое объяснение, состоящее в том, что под *Югрой* (до появления *вогулов* и *остяков* на страницах документов) имелись в виду «обские угры в целом», затем – северные манси и северные ханты, в отличие от других манси и хантов, а позже названия *вогулы* и *остяки* были распространены и на северных, вытеснив термин *югричи* [Zsirai, 1930: 75–79]. Поскольку, как было отмечено выше, северная группа манси сложилась уже после исчезновения термина *югричи* со страниц документов, это объяснение оказывается абсолютно неприемлемым: до XVII века на Северной Сосьве, Ляпине и Нижней Оби жили (кроме ненцев и коми) либо только предки северных хантов, либо они же и *югричи*, но не ханты и манси. То же обстоятельство, что многие пелымские вогульские (мансийские), югорские и кодские (хантыйские) князья (*Молдан*, *Пыткей* и др.) во времена покорения Югорской земли Москвой в конце XV века называются то вогульскими, то остяцкими, то кодскими, то югорскими (см. еще [Лерберг, 1819. – С. 20]), объяснимо, во-первых, их союзническими отношениями, во-вторых – тем, что речь здесь идет не об этнических, а о территориально-политических единицах, а этническая принадлежность самого князя и населения княжества не обязательно должна совпадать.

Если, таким образом, **Югра X–XV веков – действительно некий особый народ, отличный от манси и хантов**, следует ожидать, что его название должно было быть известно и обским уграм как какой-то экзоэтноним. В связи с этим имеет смысл вновь рассмотреть параллель, впервые предложенную еще А. Шренком [Schrenk, 1854: 223–225], по поводу которой были высказаны возражения [Zsirai, 1930: 17], достаточно, впрочем, голословные, и с тех пор ее как будто не вспоминали в этнонимических штудиях:

~ манс. С *jōrn*, СЛозь. *jōrēn*, Пел. *ōrēn*, Кон. *jōryēn* ~ *joryēn* ‘ненец’ (СЛозь., НЛозь. также – ‘северный манси’); СЛозь. *māns-jōrēn* ‘сосьвинский манси’ [*Munkácsi, Kálmán*, 1986: 176] < общеманс. **jāryān* (с отпадением *y после *r во всех диалектах кроме кондинского);

~ хант. Вах *jaŕyan*, Вас. *jaŕkan*, Дем., Ко. *jaŕən*, Низ., Каз., Обд. *joŕŋ* ‘ненец’; (Фили на Иртыше) *jaŕən* ‘чудь’ (‘die Tschuden’) (из хант. или маис. > коми *jaran* ‘ненец’) [*DEWOS*: 405–06] < общехант. **jaŕyān*.

Реконструкция общей праформы мансийского и хантыйского названия ненцев вызывает некоторые трудности: долгота в мансийском, хотя и может быть вторичной, нуждается в объяснении; в случае с этнонимом кроме того следует иметь в виду возможность заимствований, в том числе и междиалектных. Л. Хонти предположительно восстанавливает («ermöglicht vielleicht die Annahme») общеобско-угорское **jVryzn* [*Honti*, 1982: 32, 144], но с реконструкцией долгого гласного (* $\bar{V}$ = * $\bar{a}$ / * $\bar{o}$) в данном случае согласиться трудно: другие приводимые им примеры исчерпываются двумя случаями соответствия маис. * $\bar{a}$ – хант. * $\bar{a}$ (* $\bar{V}\bar{n}$ – ‘старшая тетка’, * $\bar{V}\bar{n}t$ – ‘ребро’ [*Honti*, 1982: 32, 127, 128]), в которых гласный стоит в анлауте. При этом наличествуют колебания в долготе в мансийских диалектах (краткий в кондинском) – те же, что и в единственном случае с манс. * $\bar{a}$ ~ хант. * $\bar{o}$ (* $k\bar{V}n(\check{c})$ зү ‘навзничь’ [*Honti*, 1982: 32, 152]). С другой стороны, в мансийском возможно и развитие * $\bar{a}\check{y}C$ > * $\bar{a}C$ [*Honti*, 1982: 30], хотя и достаточно нетривиальное – тогда можно восстанавливать для большинства мансийских диалектов праформу **jaŕyān*. С другой стороны, праформа **jāryan* могла дать хант. **jaŕyān* при тенденции сокращения общего количества гласных.

Думаю, что наиболее адекватным решением будет предположение о возведении обско-угорского названия ненцев к единой праформе типа **jaŕyān* / **jaŕyān* (с ранней метатезой *yŕ > *ry / *ry > *yŕ и последующим переходом **jaŕy* > **jā* во всех мансийских диалектах, кроме кондинского). Значение ‘чудь’ (имеется в виду, видимо значение этого слова в коми языке – ‘древний мифический народ’) в филевском говоре хантыйского, и обозначение этим словом сосьвинских манси может указывать на то, что первоначально оно обозначало каких-то северных соседей обских угров, и лишь позднее было перенесено на ненцев.

Отделять об.-угор. **jaŕyān* / **jaŕyān* ‘ненцы; некий народ к северу от обских угров’ от ППерм **jōgra* ‘обские угры; некий народ к (северо-)востоку от коми’, несмотря на некоторые фонетические трудности, едва ли следует. Предполагать заимствование из пермских в обско-угорские языки не приходится: коми е (ППерм *o) никогда не передается в них через $\bar{a}$ (или $\bar{a}$) [*Toivonen*, 1956; *Rédei*, 1970]. Поэтому рассматриваемый этноним не мог быть заимствован из пермского языка в обско-угорские, и следует считать либо что данное название было заимствовано из обско-угорского в пермский, либо что оно было заимствовано независимо в обско-угорский и в пермский из какого-то третьего (не пермского и не обско-угорского) языка. Пермское слово, таким образом, должно в любом случае рассматриваться как заимствование (из обско-угорских или неизвестного языка).

Заимствование из обско-угорского в прапермский с точки зрения вокализма (* $\bar{ja}$ > * $\bar{jo}$) не исключено (учитывая лабиализованный характер обско-угорского U =), но тогда следует предполагать существование обско-угорской формы без * $\bar{n}$ (суффикс?), которая реально не засвидетельствована. Во-вторых, естественно, в этом случае требует решения вопрос о происхождении обско-угорского **jaŕyān* / **jaŕyān*: является ли оно в свою очередь заимствованием или имеет собственно обско-угорскую этимологию.

П. Хайду была выдвинута идея об общем происхождении обско-угорского названия ненцев и старого русского наименования восточных ненцев *юрак* от названия рода лесных ненцев *jar* (+ * $\bar{k}$ – праруральский еще суффикс отыменных существительных и прилагательных – и * $\bar{n}$ – собственно обско-угорский суффикс): «лесные ненцы (видимо судя по наличию $\bar{r}$ – носители нялинского или ляминского говоров [*Попова*, 1978. – С. 6]. – В. Н.) называют себя *ŕan-hasawa* или *hantd jar*, и в последнем названии *hantā* означает реку Конду, а *jar* – название ненецкого рода». Далее он связывает происхождение родового названия *jar* с пен. *jare* ‘песчаный’ [*Hajdu*, 1950: 25–27]. Необходимо высказать два уточнения. Во-первых, происхождение рус. *юрак* остается темным, первоначально оно относилось к восточным, енисейским ненцам, в отличие от западного *самоед*, и попало в русский язык скорее при знакомстве с восточными ненцами русских Мангазеи – т. е. имеет скорее восточное происхождение и, возможно, даже оформлено энецким суффиксом *-ako* (ср. нган. *d'urako* ‘ненец’) (личное сообщение Е. А. Хелимского,

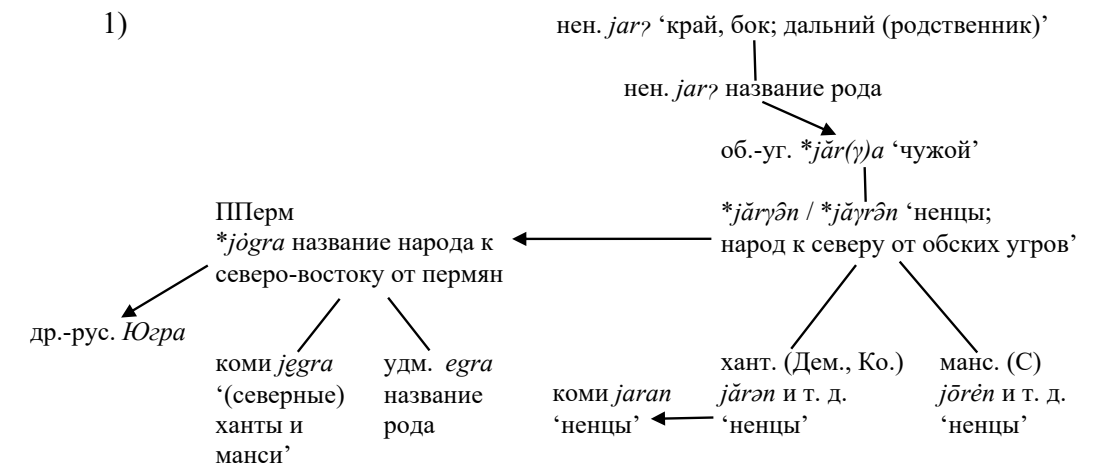
см. также [Хелимский, 2000. – С. 352]). Пожалуй, только это обстоятельство препятствует (с историко-географической точки зрения) рассматривать рус. *юрак* как заимствование из обско-угорских языков (например – из хант. Обд. *joŕŋ* + рус. суффикс *-ак*). Таким образом, с включением в круг рассматриваемых здесь этнонимов еще и рус. *юрак*, пожалуй, следует повременить. Во-вторых, название ненецкого (не только у лесных ненцев, но и, например, на Ямале) рода *jar*, связано скорее с нен. *jar*, ‘край, бок; дальний (родственник)’ [*НПСл.* – С. 854], поэтому *hantd jar* могло означать и ‘Кондинская окраина’. Эти замечания, впрочем, не опровергают сопоставления в целом, и, если принять предложенную П. Хайду суффиксацию, то представляется вполне возможным выводить обско-угорское **jaŕyān* / **jaŕyān* ‘ненцы’ < нен. *jar*, ‘название рода’ < *jar*, ‘край, бок’.

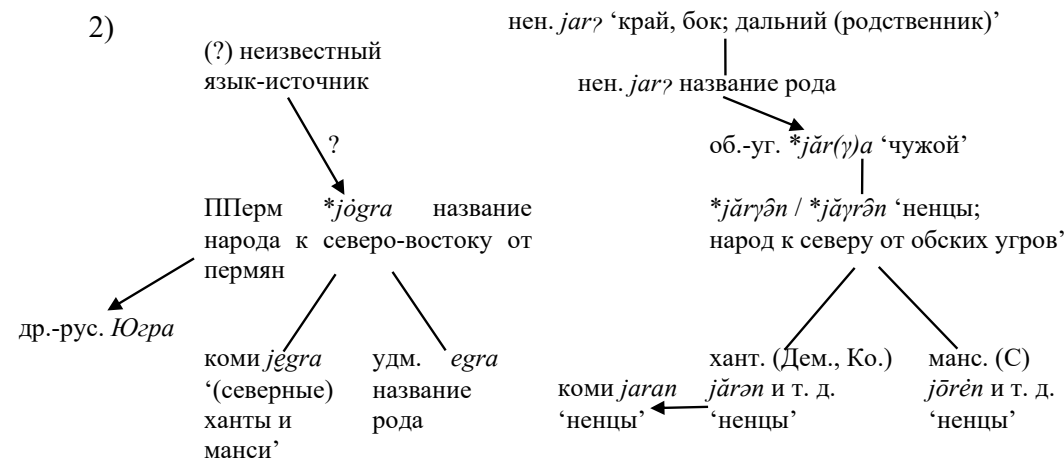
Возможно, промежуточным звеном между нен. *jar*, и обско-угорским **jaŕyān* / **jaŕyān* является хант. Дем., Ко., Цин. *jaŕa* / *joŕa* ‘чужой, незнакомый, не родственник’ [*DEWOS*: 403] – основа **jaŕ(γ)a*, которая может быть исходной для **jaŕyān* (-**jaŕyān*) с суффиксацией* (-γ)ān: об.-угор. **jaŕyān* / **jaŕyān* ‘ненцы’ < **jar(γ)a* ‘чужой, незнакомый’ < нен. *jar*, ‘название рода’ < *jar*, ‘край, бок’. Семантика ‘чужой, незнакомый’ на Демьянке, Конде и Иртыше может быть связана с отсутствием непосредственных систематических контактов этих хантыйских групп с ненцами на протяжении последних веков, и кроме того, наименование соседних народов по модели «чужой» – совершенно естественно.

Если данное предположение верно, то придется окончательно признать, что изначально интересующий нас этноним не относился к обским уграм, а обозначал их северных соседей – предков ненцев, живших на севере Западной Сибири, куда предки обских угров (собственно носители угорских диалектов) проникали с юга Западной Сибири, с территории угорской прародины.

Все это, однако, будет справедливо лишь в случае принятия идеи об общности происхождения пермского **jōgra* и обско-угорского **jaŕyān* / **jaŕyān*, точнее – о заимствовании **jōgra* из обско-угорского **jaŕyān*. Слабым местом этой гипотезы является не слишком надежная реконструкция формы **jaŕyān*. Предполагать метатезу в коми едва ли возможно, хотя см., например: коми Выч. *jegar* ~ *jergil* ‘пьяница’ [*Fokos-Fuchs*, 1959: 315, 319]. Все-таки версия о происхождении коми *jegra* и др.-рус. Югра от обско-угорского названия ненцев остается пока гипотезой.

Х. Катцем была предложена собственно коми этимология для *jegra* < коми *jegir* ‘болотистый лес’ + суффикс прилагательных *-a* [*Katz, Koch*, 1987: 102–104]. Однако она вызывает законные возражения по вокализму (*jegra* < *-o-, а *jegir*, в Кобринском говоре – *figir* [КЭСК. – С. 99] < *-e-) [*Rédei*, 1991: 163–164]. В принципе, учитывая суффиксированную основу (с вокальным ауслаутом) в одном случае и бессуффиксную (с исходом на согласную) в другом, эта трудность преодолима в рамках идеи о пермском умлауте [*Напольских*, 1995] (ср., например, аналогичный сдвиг гласной в удм. *sil̥ni* ‘стоять’ при *sult̥ni* ‘вставать’). Однако в таком случае неясным остается соотношение коми названия обских угров и обско-угорского названия ненцев, которые все-таки трудно отделять друг от друга. К этой этимологии вернемся ниже, а пока можно выдвинуть две гипотезы относительно происхождения интересующего нас этнонима Югра:

После раскопок на Нижней Оби двух городищ вымско-родановского типа: Перегребное I (XII – сер. XIII в.) и Шеркалы I/2 (XI – сер. XII в.), а также ряда других памятников примерно того же времени в Северном Зауралье с явными следами связей с вычегодско-верхнекамским населением или его непосредственного присутствия [Пархимович, 1991. – С. 14, 7–150] стало ясным, что активное проникновение древних пермян, предков коми, на север Западной Сибири началось не позднее XI века. В связи с этим появилась гипотеза о пермской (древнекоми) этноязыковой принадлежности Югры [Пархимович, 1991. – С. 149–150; Курлаев, 1996, 1997]. К сожалению, однако, приводимые ее сторонниками аргументы недостаточны для такого вывода, а именно:

Средневековые городки в Нижнем Приобье помимо коми названий имеют параллельные обско-угорские: *Вежакарские юрты* = коми *veža kar* = хант. *jet-woš* = манс. *jałp-ūs* ‘священный город’; *Шеркалы* (XVII век) *Шеркар* = коми *šer kar* = манс. *jāt-ūs* ‘срединный город’; юрты *Лангивожские*, *Уркара* = коми *ur kar* = хант. *lañki-wās* ‘беличий город’ и т. д., причем по крайней мере в одном случае можно предполагать примат обско-угорского названия: *Войкар* = коми *voj kar* ‘ночной, северный город’ < древнекоми (ППерм) **oj-kar* ← хант. *aj-wās* ‘маленький город’, в котором хант. *aj* ‘маленький’ переосмыслено как **oj* ‘ночной, северный’, а *wās* правильно переведено как *kar* ‘город’ (обратное – из коми в хантыйский – заимствование по вокализму вряд ли возможно) [Steinitz, 1980: 281–282]. Так же обстоит дело и с названиями рек, причем опять-таки в ряде случаев можно доказать первичность обско-угорского топонима по отношению к коми (Сосьва – коми *sos va* ‘рукав-река’ ← манс. (С) *tāyt* ‘Сосьва’ (деэтимологизированное название реки), которое было воспринято как манс. (С) *tājt* ‘рукав’ и соответственно переведено на коми как *sos* ‘рукав’ [Steinitz, 1980: 282; Munkácsi, Kálmán, 1986: 614, 617]¹⁵. Образование русской топонимики региона в основном на базе коми названий вполне объясняется тем, что коми играли роль проводников и «передового отряда» в освоении русскими Западной Сибири [Steinitz, 1980: 283].

Так же и данные коми и мансийского фольклора: легенды коми о крестителе печорских коми *Федоре Тиране*, от которого они бежали за Урал [Курлаев, 1997. – С. 109]; записанное Ф. А. Теплоуховым предание обских хантов о переселении их предков из Перми во главе с сотником *Памой* (явная реминисценция сказания о Стефане Пермском, заимствованная из коми фольклора); сопоставление названия *Кода* с эпическим героем коми-пермяков *Кудым Ошем* и с преданиями о его сватовстве в Югре [Пархимович, 1991. – С. 151; Курлаев, 1997. – С. 109]; предание, записанное П. И. Шешкиным от северных манси, о том, что в генезисе северных манси и хантов принял участие *Мис-ма-хум* ‘коровий народ’ – русые, рыжие и черноволосые люди с бородами и серыми, карими, черными глазами, которые пришли на Обь с Сев. Двины и Печоры позже других предков обских угров, разводили скот, занимались земледелием, отличались от местных жителей языком, ездили торговать на Волгу [Морозов, Пархимович, Шашков,

¹⁵ Аналогичным образом для западных склонов Северного Урала, например, демонстрируется пермский примат в топонимии: обско-угорский (собственно мансийский) пласт здесь наложил поверх пермского (коми) [Матвеев, 2011] – см. также рецензию на монографию А. К. Матвеева в книге Напольских В. В. Очерки по этнической истории. – Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. – 648 с., ил.

1995. – С. 71] (скорее всего – литературный домysel в стиле сочинений Н. Г. Первухина по мотивам удмуртских топонимических преданий¹⁶) и т. п., – свидетельствуют лишь о давнем проникновении коми на север Западной Сибири и влиянии их фольклорной традиции на обско-угорскую¹⁷, но никак не позволяют соотнести с ними Югру.

Скорее, напротив: в коми фольклоре различия между Югрой и самими коми, например, в тех же преданиях о Кудым-Оше, проводятся достаточно четко.

Едва ли более полезной для гипотезы о пермской этноязыковой принадлежности Югры является и обращение к старым построениям о былом проживании Югры в Европе, на что, якобы – помимо вновь и вновь перетолковываемых данных древнерусских источников (см. выше) – указывает наличие топонимов типа *Югорский шар*, *Югринский переход* и т. д. [Курлаев, 1997. – С. 110]. Вообще, в данном случае перед нами вновь пример весьма поверхностного подхода к анализу данных ономастики, усугубляемого еще и незнанием автором столетней истории исследования некоторых конкретных проблем. Ряд упоминаемых Е. А. Курлаевым в этой связи топонимов вообще никакого отношения к Югре не имеет (реки *Юг*, *Угроньга* – точно те же ономастические сравнения имеются еще у Н. П. Барсова [Барсов, 1885. – С. 62], который, в свою очередь, ссылаясь на мнение В. Н. Татищева о связи таких гидронимов с районами былого проживания Югры [Барсов, 1885. – С. 245–246]; несостоятельность этих построений была очевидна уже давно [Zsirai, 1930]; стоит ли на исходе XX века возвращаться к наивным сравнениям ученых первой половины XVIII века?), другие же относятся к объектам, связанным с путями в югорскую землю, в Нижнее Приобье, например, *Югорский шар* – пролив между *Югорским полуостровом* и островом Вайгач.

Что же касается *Югринского перехода*, то здесь речь идет, видимо, о переходе через Северный Урал вдоль небольшого притока реки Илыч (правого притока Печоры), р. *Югра*, которая по-коми называется (*ižid*) *jęgra laga* ‘(большая) югорская протока’ (отсюда на современных картах – *Ыджыдляга*), а по-мансийски *ul's māj jā* ‘Илыча малая река’. В верховьях эта река близка притоку Сев. Сосьвы, реке, называемой по-мансийски *tāyāt māj jā* ‘Сосьвы малая река’; эти реки образуют, таким образом, почти непрерывный водный путь через Урал. Данные названия нельзя рассматривать в отрыве от находившегося там же населенного пункта, который сосвинские манси называли *jāni' paul* ‘большая деревня’, а манси со средней Лозьвы – *juxēt rñel* ‘югорская деревня’, где *juxēt*, безусловно, заимствовано из лозьвинского русского названия этой деревни *Югра* (скорее – от прилагательного *югор(ская)*) [Munkácsi, 1895: 358–360], см. также обзор в [Zsirai, 1930: 6–9]. Наиболее естественным объяснением всего этого комплекса фактов представляется мне следующее: мансийские названия более поздние не только по отношению к коми, но и к русским, исконным является название поселения и реки рус. *Югра*, коми *jęgra*, которые означают ‘югорская (протока / деревня)’ в смысле «протока на пути в Югру» и действительно могут относиться к *Югринскому переходу* – старинному пути в Югру, освоенному коми, возможно, еще раньше русских. Таким образом, данные топонимы указывают не на локализацию Югры, а на путь в Югру, что, естественно, не одно и то же.

Еще более беспомощной является попытка дать этимологию названия *Югра* путем реанимации сообщения бывшего шведского военнопленного в России Петра Шенстрема, содержащегося в его написанной в 1741 г. и опубликованной в 1816 г. книге: «А еще живет к востоку от реки Камы и Перми народ, который русские называют вогуличи [Wogulitzen]. Они, как мне один из них рассказал, прежде обитали на реках Двина и Юг [Jug] и назывались в то время *Jugorski*, без сомнения, по реке Юг, которая впадает в Двину; к [названиям] всех рек той стороны присоединяется слово *-ora*, как то *Jugora*, *Petzora*, *Obdora* (которая представляет собой реку Обь или вокруг нее лежащую землю), как и ко многим другим, которые оканчиваются на *-ora*. И говорят эти *вогуличи* на языке, который является диалектом финского» (цит. по: [Zsirai, 1930: 7]). Следуя этому сообщению, Е. А. Курлаев считает, что «названия *Югра*, *Угра* < ... > очевидно образованы от гидронимов с основой юг(а)», и к этому же кругу гидронимов относит название речки *Югра* на Урале [Курлаев, 1997. – С. 111].

¹⁶ См. статью «К проблеме реконструкции удмуртской эпической традиции».

¹⁷ О коми влиянии на обских угров см. статью «Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья» в книге Напольских В. В. Очерки по этнической истории. – Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. – 648 с., ил.

Естественно, никакого суффикса *-ora* в русском языке нет. Созвучие гидронима Юг (возможно, из раннего ППерм **juu* < ПФУ **joke* ‘река’) и этнонима Югра (о происхождении – см. выше) существует только в русском языке, где оба эти названия являются заимствованиями, а исходные их формы в пермских языках уже несопоставимы – не говоря уж об их более глубоких истоках (несостоятельность данного сравнения была показана еще Й. А. Шегреном [Schögren, 1861: 639] и Б. Мункачи [Munkácsi, 1895: 353]). Данная этимология безусловно ошибочна. Если сопоставление *Юг* и *Jugorski* (видимо, из рус. **народ югорский*) у П. Шенстрема исходит от его информантов, а не является его собственным домыслом, то из этого сообщения непосредственно следует лишь то, что уже в XVIII веке такая народная этимология связывала слово Югра с названием реки Юг, и это – помимо воспоминаний о героической эпохе их истории времен Асыки (см. выше) – служило одним из оснований для возникновения у манси (*вогуличи*) преданий о былом проживании их предков далеко на западе. О том же, что манси или Югра **на самом деле** жили когда-то на западе, в сообщении П. Шенстрема не содержится совершенно никакой информации.

Таким образом, факт раннего (уже в XI в.) проникновения пермян на югорские земли вряд ли может непосредственно помочь в решении проблемы определения этноязыковой принадлежности Югры. Однако он имеет огромное значение для дальнейшего исследования пермско-угорских взаимоотношений и этнической истории Урала и Западной Сибири в целом.

В частности, поскольку речь идет о времени, когда еще сохранялись связи в рамках прапермского диалектного континуума, представляется хорошая возможность объяснить проникновение слова **joġra* к удмуртам в виде названия рода *Эгра*. «Традиционная» точка зрения ([Тепляшина, 1967; Атаманов, 1988. – С. 36–37, 43] и др.), состоящая в предположении о былом вхождении в состав удмуртов каких-то (обско-)угорских групп, принесших родовые названия *Эгра* и *Пурга* (о последнем см. ниже), не может быть принята, поскольку противоречит целому комплексу фактов (подробнее о некоторых см. выше): 1) не выявлено никаких следов былого пребывания обских угров на территории Удмуртии ни в топонимике, ни в языке или традиционной культуре удмуртов; 2) теоретически можно допускать проникновение сюда лишь каких-то групп южных или западных манси (с Сылвы, Чусовой, Тавды, нижней Лозьвы, Пелыма) – или, с юга, протовенгров, которые, во-первых, никак не соотносятся с Югрой (в коми языке *juġra* – ‘северные обские угры’, в русских источниках южные и западные манси – *вогуличи* или *остяки*, но не *югричи*), во-вторых – не могли принести с собой и название фратрии *Пор*, поскольку такого названия не знали и знать не могли (см. ниже); 3) рассматриваемый этноним (**joġra* etc.) не является и никогда, насколько можно судить, не был самоназванием какой-либо обско-угорской группы и применялся обскими уграми в отношении ненцев, которые (как и самодийцы вообще) в любом случае никогда не появлялись в Прикамье.

Тесные связи северных пермян – предков коми с нижеобским населением, существовавшие уже в XI веке, и непосредственное проживание каких-то (пра)пермских групп на нижней Оби должны были привести к распространению в их среде местных этно- и топонимов, которые могли использоваться и как личные имена, и как названия территориальных и родовых групп, связанных с этими районами. Понятно, что вследствие тесных связей нижеобских пермян с их европейскими родичами такие названия и имена могли и должны были распространяться в пермской среде и к западу от Урала. В ходе внутрпермских контактов в XI–XIV веках эти названия (в виде пермских личных и родовых имен) могли беспрепятственно проникнуть и к южным пермянам, предкам удмуртов.

На то, что речь здесь идет не просто о единичных заимствованиях личных имен (большинство названий удмуртских родов – вопреки наивным тотемистическим построениям М. Г. Атаманова – очевидно образованы, как образуются и сегодня, от личных имен их прародителей [Чураков, 2005]), а о переселении на юг каких-то северопермских групп, связанных с севером Западной Сибири, может косвенно свидетельствовать и то обстоятельство, что рядом с родом *Эгра* в центре и на северо-востоке Удмуртии был распространен большой род *Пурга*, название которого (удм. *purga* < **por-ga*, где **-ga* – распространенный в старых удмуртских личных и родовых именах суффикс или псевдосуффикс – если родовое имя происходит от личного имени **Poreg* с типичным суффиксом личных мужских имен *eg*) может быть связано с названием фратрии *Пор* в составе северных хантов и северных манси. По поводу названия *Пурга*, как указано выше, М. Г. Атамановым и др., к сожалению, также

написано. Дабы не вдаваться в ненужные подробности, укажу лишь на принципиальные обстоятельства, которые здесь следует учитывать.

Во-первых, связь родового имени *Пурга* (< **por-ga*) с удмуртским названием марийцев, удм. *por* (< **poŕ*), постулируемая некоторыми исследователями, не так очевидна, как кажется: прежде всего, фонетически (по вокализму: **o* – **o*) это сопоставление небезупречно, кроме того, удм. *por* ‘мариец; название враждебного удмуртам народа в эпосе’ < **poŕ* может быть объяснено как заимствование из марийского, ср. мар. *pörjeŋ* ‘мужчина’ – старый композит, где *jeŋ* ‘человек’, а *pör*, видимо, является стянутой формой от мар. (г., яран., урж.) *püera* (< **pü* ‘мальчик, сын’ (финно-угорский корень, представленный в марийском только в данных композитах) + *erya* ‘сын’), и имеет внешнюю параллель, которая может указывать на древность этого композита: венг. *férj* ‘мужчина’ [MSzFE I: 203]. Заимствование (древне)мар. *püerya* ~ **pör* – ‘мужчина’ → древнеудм. **poŕ* > удм. *por* ‘мариец’ не вызывает принципиальных возражений ни в семантике, ни в фонетике. Не исключено, что закреплению этнонима *por* в удмуртском языке могли способствовать и традиционные марийские формулы приветствия типа *poro keče* ‘добрый день’ – по народной этимологии: народ *por* = люди, говорящие при встрече «*poro*».

Во-вторых, фратрии *Мось* и *Пор* имеются только у северных (сосвинско-сыгвинских) манси, **другим группам манси эти слова не были и не могли быть известны, поскольку оба они заимствованы северными манси из северных диалектов хантыйского языка**: манс. (С) *mǝs* ← хант. (Обд., Каз.) *mǝs* ~ (Вах, Юган) *mǝnt*, (Дем., Кон.) *moŋt*, (Тром.) *mǝnt* < ПУг **maŋ́s* (у манси этот корень сохранился только в виде самоназвания маис. (С) *maŋ́ci* и др. – см. ниже); манс. (С) *por* ← хант. (Каз.) *poŕ* – (Вах, Вас.) *paŕ* [DEWOS: 942–944, 1195–1196; MSzFE II: 416–417; Munkácsi, Kálmán, 1986: 455–456]. Это заимствование имело место, видимо, в процессе ассимиляции предками северных манси каких-то групп северных хантов в XVII–XIX вв. – см. выше. Учитывая, кроме того, отсутствие каких-либо параллелей названию фратрии *Пор* в венгерском языке, следует, таким образом, считать, что это название не только не является мансийским, но и не может быть общеугорским, и истоки его надо искать в особенностях этнической истории хантов, предполагать былое присутствие которых на территории Удмуртии нет никаких даже чисто теоретических оснований.

В-третьих, и у хантов данные две фратрии прослеживаются также только у северных (обдорских, шурышкарских, куноватских, казымских), но в хантыйском (практически у всех хантыйских групп) фольклоре и, соответственно, – в фольклоре северных манси, которые заимствовали эти названия и традицию у хантов, словами *Пор* и *Мось* называются персонажи, принадлежащие к двум разным народам, которые (в основном на севере) рассматриваются либо как предки соответствующих фратрий, либо (у восточных и южных хантов) – просто как персонажи мифологического времени (например, сказочные персонажи «женщина *Пор*» и «женщина *Мось*»). При этом народ *Мось*, название которого восходит к древнему самоназванию угров, ПУг **maŋ́s* (> хант. (Каз.) *mǝs* – манс. (С) *mǝš*) ‘фратрия *Мось*’, Вах *mǝnt* ‘мифический народ *Мось*’ и т. д. ~ манс. (С) *maŋ́si*, (Пел.) *mǝŋ́si*, (Т.) *mǝŋ́ci* ‘манси (самоназвание)’ – венг. *tagu-* в *taguag* ‘венгры (самоназвание)’), и под которым, видимо, скрываются собственно угорские предки хантов, противопоставляется как культурный народ таежному дикому народу *Пор* [DEWOS: 942–944; MSzFE II: 416–417]. Таким образом, название *Пор* изначально (на «протохантыйском» уровне) обозначало никак не угров – **maŋ́s*, общих предков хантов, манси и венгров, носителей угорской речи, выходцев с юга Западной Сибири, а аборигенов северной западносибирской тайги, народ неизвестной этноязыковой принадлежности, – точно так же как, по всей вероятности, и Югра.

Суммируя все сказанное, следует сделать вывод, что предположения М. Г. Атаманова об угорском, якобы, происхождении удмуртского родового имени *Пурга* в случае их принятия могут быть истолкованы лишь следующим образом: данное название было принесено в Удмуртию северными манси никак не раньше XVII века. Дальнейшие размышления по поводу исторической возможности подобных событий оставляю читателям. Не могу, однако, не заметить, что и в области этнонимии М. Г. Атаманов сохраняет верность тому уровню, который характерен для его топонимических изысканий.

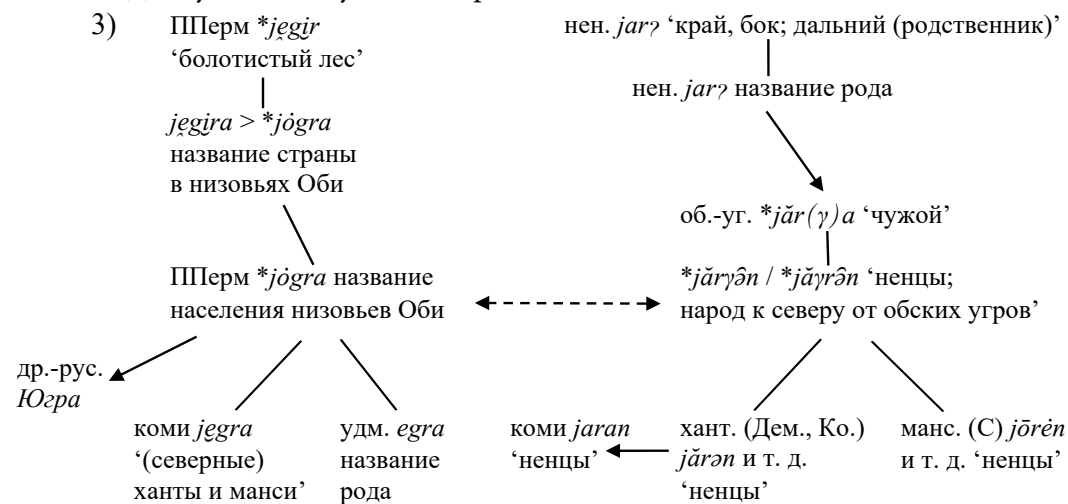
Нельзя, конечно, исключать того, что названия *Эгра* и *Пурга* могли попасть к удмуртам в ходе их непосредственных контактов с древними аборигенами северной западносибирской тайги, к которым первоначально относились этнонимы *Югра* и *Пор*, и которые впоследствии были ассимилированы

пришедшими с юга уграми – **maiśz*. Контакты эти должны были иметь место до продвижения угров на север Западной Сибири, то есть по самой осторожной оценке, никак не позднее I тыс. н. э. Однако такая возможность остается чисто умозрительным допущением, и никаких специальных аргументов в ее пользу нет, более того, если ППерм **jogra* действительно восходит в конечном счете к ненецкому языку (см. выше), эту возможность следует полностью исключить, так как нет никаких оснований предполагать былые непосредственные контакты предков удмуртов и предков ненцев (см., в частности, первую часть статьи).

Поэтому я склоняюсь к выводу о том, что территориальное соседство удмуртских родов *Пурга* и *Эгра* неслучайно, эти названия имеют общее происхождение, и основа *por* (> *por-ga* > *purga*) попала к южным пермянам, предкам удмуртов, вместе с названием **jogra* (> *egra*) в качестве родового или личного имени при вхождении в их состав каких-то севернопермских (протокоми) групп, имевших связи с Нижним Приобьем в финальный период существования общепермского этноязыкового континуума в XI–XIV вв. Данный вывод согласуется с предположением о сложении удмуртских родов *Чудья*, *Чудна* и возникновении их названий (← коми *śud* ‘некрещенные предки коми’ ← рус. *чудь* ‘дорусское население Русского Севера’) вследствие вхождения в состав древних удмуртов каких-то групп предков коми еще в XIV–XV веках [Белых, 1996а].

Таким образом, происхождение удмуртских микроэтнонимов *Эгра* и *Пурга* может быть объяснено в рамках гипотезы о внутривпермских контактах в позднепрапермскую эпоху, не предусматривающей былого присутствия на территории Удмуртии каких-либо обских угров, что хорошо согласуется с отсутствием следов такого присутствия (по крайней мере – обнаруженных на сегодняшний день) в удмуртской топонимике, языке и традиционной культуре.

Возвращаясь к проблеме древней Югры, следует заметить, что рассмотренная здесь основанная на археологических открытиях гипотеза о раннем, прапермском по сути присутствии пермян на нижней Оби, на территории наиболее вероятной изначальной локализации Югры, заставляет по-новому взглянуть на предложенную Х. Катцем собственно пермскую этимологию для ППерм **jogra* < **jegir* ‘болотистый лес’ [Katz, Koch, 1987: 102–104]. Как уже было сказано, фонетически это сопоставление допустимо (см. выше). Можно предположить, что проникшие в XI в. в низовья Оби пермяне называли эту область **jegira* > **jogra* ‘земля болотистых лесов’ (что вполне оправданно, особенно если сравнить природу нижнего Приобья с Прикамьем и Уралом). Важно, однако, что ППерм **jegira* > **jogra* ни в каком из вариантов не могло дать по вокализму об.-уг. **jarγān* / **jaγrān*, поэтому здесь придется предполагать отдельное возникновение обско-угорского названия ненцев и коми названия обских угров. Возможно, что наличие местного этнонима типа **jāryān* / **jāγrān* способствовало закреплению ППерм топонима **jegira* > **jogra* и превращению его в пермское название местного населения. В любом случае, и в этой версии ППерм **jegira* > **jogra* не может рассматриваться как этноним, который изначально обозначал именно обских угров, и высказанное выше предположение о неугорской аффилиации Югры остается непоколебленным. Данную гипотезу можно представить в виде такой схемы:

Возвращаясь к проблеме языковой и этнической идентификации Югры, следует сделать вывод, что сегодня едва ли имеет смысл спешить с решением этой проблемы. Не исключено, что это были какие-то ранние парасамодийские (протоненецкие) группы, отличавшиеся от (тундровых) ненцев как по языку, так и по хозяйственно-культурному типу, в силу чего коми, вступив в контакт с тундровыми ненцами, не соотнесли с ними название *je gra*, а заимствовали вновь обско-угорское слово в его более поздней форме (типа **jarān*). Вероятнее всего, и коми *je gra*, и об.-уг. **jāryān* / **jāγrān* (независимо от того, связаны ли они этимологически) служило первоначально для обозначения некоего неизвестного народа и было перенесено на северных обских угров (у коми) и на ненцев (у хантов и манси) по чисто географическим причинам, как на северно-восточных соседей коми / северных соседей обских угров, занявших это место после ассимиляции Югры.

Можно, видимо, остановиться на наиболее корректной на данный момент формулировке: **Югра X–XV вв. представляла собой народ неустановленной этноязыковой принадлежности, не относящийся ни к собственно обским уграм, ни к пермянам, ни к собственно ненцам.**

Рассмотренными в статье сюжетами ни в коем случае не исчерпывается тема древних пермско-угорских взаимоотношений¹. Прежде всего, были полностью оставлены в стороне чрезвычайно интересные и многообещающие перспективы исследования правенгерско-пермских связей – поскольку это совершенно особая проблема, требующая специальной междисциплинарной разработки, которая едва ли может быть уложена в рамки одной статьи вообще. Хотя на сегодня имеются работы, посвященные пермско-венгерским языковым параллелям (см. [Redei, 1964; 1969]), их, пожалуй, нельзя признать удачным опытом анализа даже исключительно лингвистических аспектов проблемы [Хелимский, 1982. – С. 19–20], не говоря уже о полном отсутствии в них признаков комплексного подхода. В то же время успехи отечественной археологии позволяют – даже при минимальной лингвистической поддержке – строить выглядящую на сегодня вполне адекватной и учитывающей все имеющиеся данные модель генезиса венгров и угров в целом, основные элементы которой – поздняя угорская прародина, археологическим аналогом которой являются, видимо, андронидные культуры юго-запада Западной Сибири и Южного Зауралья второй половины II – начала I тыс. до н. э.; выделение степной группировки угров – протовенгров, отражающееся в сложении в VI веке до н. э. *саргатской* (*саргатско-гороховской*) культурно-исторической общности, распространившейся от Барабинской низменности до предгорий Урала; продвижение протовенгров-постсаргатцев в Предуралье и Прикамье, отразившееся, в частности, в сложении *кушнареновской* (VI–VII вв. н. э.) и *карякуновской* (VIII–IX вв. н. э.) культур в бассейне реки Белой и Нижнем Прикамье и т. д. (см. работы [Халикова, 1976; Халиков, 1985; Гарустович, Иванов, 1992; Могильников, 1994] и др.). Остаются, кроме того, актуальными неоднократно упоминавшиеся выше возможности контактов между пермянами (в том числе – и южными, предками удмуртов) и древними манси, проникавшими в восточные области среднего Прикамья, тем более что археологически опять-таки эти возможности находят неплохую базу в виде наличия в нижнем Прикамье так называемых постпетрогромских памятников X в. н. э., оставленных, возможно, потомками носителей *петрогромской* культуры лесного Зауралья [Казаков, 1992], в которой, судя по территории и времени ее существования и другим признакам, следует видеть археологический аналог древнемансийской общности (см. карту).

Однако весьма вероятные древние правенгерско-(южно)пермские контакты во второй половине I тыс. н. э. и возможные контакты в конце I – начале II тыс. н. э. древних пермян с древними манси не могут иметь никакого отношения к происхождению названий удмуртских родов *Эгра* и *Пурга*, поскольку в обоих случаях речь идет о контактах с собственно угорскими (южными по происхождению) группами, которым не могли быть известны данные этнонимы, появившиеся у северных хантов и манси вследствие ассимиляции уграми лесных аборигенов севера Западной Сибири. Совершенно различная локализация указанных здесь угорско-пермских контактов с одной стороны и нижнеобского югорского узла с другой прекрасно видна на прилагаемой карте, к которой я и отсылаю читателя.

Приложение

Еще раз хочу подчеркнуть, что нимало не надеюсь переубедить сочинителей «угро-самодийских» гипотез и любителей отыскивать следы «древних угров» от Урала до Португалии, и эта статья не является дискуссионной: уровень рассматриваемых здесь сочинений находится за пределами возможной дискуссии. В то же время я не могу и не хочу подробно разбирать *все*, написанное на сегодняшний день на «угро-самодийские» темы, и надеюсь, что приведенных в статье примеров и выводов достаточно, чтобы быть понятым и услышанным коллегами. Такое ограничение обусловлено не только рамками статьи, но и пониманием того обстоятельства, что после ее появления уважаемые оппоненты непременно ответят – помимо обвинений в предвзятости, высокомерии, реферативности и пр. – потоком новых «открытий» того же рода, которые снова надо будет рассматривать и т. д., и т. п.

Выход мне видится лишь один: показать, что изыскания такого рода (методологические принципы названы в первой части статьи) – занятие весьма приятное, для него требуется только наличие словаря, умение его читать, минимум времени и доброе желание. Решать, какое отношение имеет это к науке, предлагаю читателю. Итак:

Не могу молчать

К сожалению, до сих пор исследователи удмуртской топонимики не обратили внимания на очевидный факт: значительная часть топонимов Удмуртии объясняется из китайского языка. Китайский топонимический пласт в Удмуртии безусловно более значителен, чем обско-угорский и самодийский вместе взятые, и это обстоятельство согласуется с историческими данными: китайцев на территории Удмуртии живет и жило явно больше, чем манси и селькупов. Обращает на себя внимание плотное гнездо китайских топонимов на западе Удмуртии, в Сюмсинском, Вавожском, Увинском районах и пограничных районах Кировской области, в том числе – содержащих топоформант *си* ‘запад’. Ниже привожу предварительный список удмуртских субстратных топонимов китайского происхождения, найденных мною в течение последних пятнадцати минут с помощью издания: [Китайско-русский словарь-минимум. 2750 иероглифов и 6200 слов / сост. А. В. Котов. М., 1974]. Надеюсь, дальнейшие изыскания позволят значительно расширить этот список.

Топоним	Китайское соответствие		Значение
	Пиньинь	Русская транскрипция	
Ува,р.	wú wā	у ва	'туманная впадина'
Ита,р.	yì dā	и да	'сто миллионов холмов'
Яган, р.	yā gǎng	я ган	'утиная гора'
Лубяны, с.	lú biān	лу бьянь	'у дороги'
Шаркан, с.	shā ér kāng	ша эр кан	'песчаный и широкий'
Кама,р.	kāng	кан	'широкая'
Булай, с.	bú lái	булай	'неплохой'
Сива, р.	xí wā	си ва	'мелкая впадина'
Чур, р., пос.	chúr	чу-эр	'местечко'
Кез, пос.	gēz	ге-цзы	'голубь'
Глазов, гор.	gu lǎjī	гу лацзи	'древний мусор'
-си топоформант на западе Удмуртии:	xī	си	'запад'
Сюмси	xúnxī	сюньси	'патрулировать запад'
Пумси	pánxī	паньси	'мятежный запад'
Пибаньшиур,д.	píbián shúr	пубьянь шу-эр	'распространенное деревце'
Зон, с.	zōng	цзун	'род, предки'
Лумпун,р.	lǒng bān	лон бань	'подобный борозде'
Лобань, р.	lǎo bāng	лао бан	'старая страна'

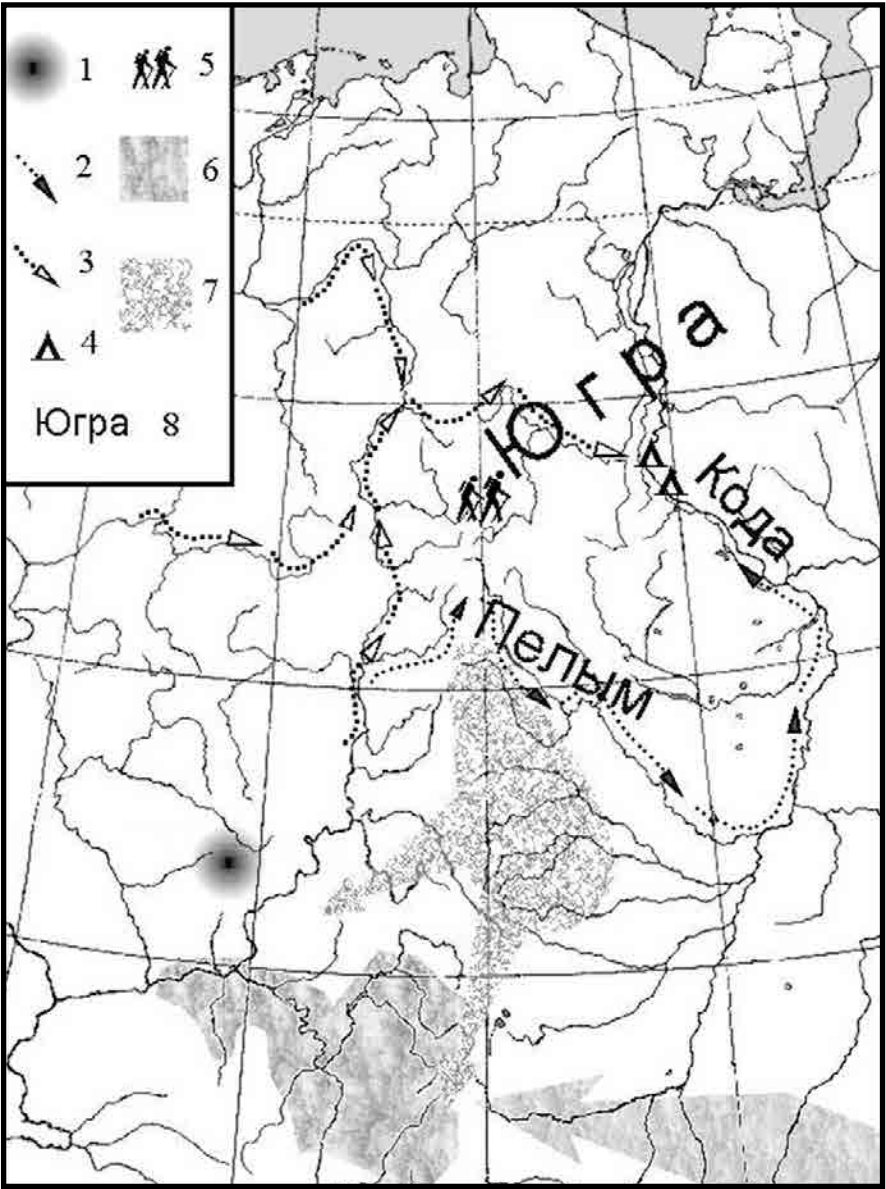

Рис. 1. Югра на карте: 1 – основной район расселения удмуртских родов *Эгра* и *Пурга*. 2 – поход московского войска на Югру в 1483 г. 3 – поход московского войска на Югру в 1499 г. 4 – вымско-родановские городища Перегребное I (XII – сер. XIII вв.) и Шеркалы I/2 (XI – сер. XII вв.) на нижней Оби по [Пархимович, 1991]. 5 – *Югринский переход* (см. текст статьи). 6 – ареал кушнаренковской (VI–VII вв. н. э.) и караякуповской (VIII–IX вв. н. э.) культур (протовенгры?) и саргатские истоки кушнаренковского населения – по [Гарустович, Иванов, 1992. – С. 26, 29; Могильников, 1994]. 7 – основной ареал петрогромской (древне(западно)мансийской?) культуры и распространение постпетрогромских памятников (X в. н. э.) в Прикамье – по [Казаков, 1992. – С. 303]. 8 – локализация в XIV–XVI вв. территориально-политических образований: Пелым – Пелымское вогульское княжество (западные и южные манси); *Кода* – Кодское княжество (ханты); *Югра* – цель московских походов конца XV века, район *Югорских городов* по [КБЧ]

А. И. Плигузов¹

Текст-кентавр о сибирских самоедах

На границах христианского мира обычно селились уродцы, зверообразные люди. Будучи, подобно нам, потомками Адама, они совершили новое грехопадение² и потому утратили дар со знательной речи, лаяли, жили в земляных норах, в лесных чащах, на горах, напоминая своим обликом библейского Навуходоносора, что был «отлучен ... от людей, ел траву, как вол..., волосы у него выросли, как у льва, и ногти у него – как у птицы» (Дан. 4,30). «Есть у мене в единой стране, – похвалялся легендарный индийский царь-пресвитер Иоанн, – люди немые, а в ыной земли люди рогаты..., а иныя у мене земля, в ней же люди пол пса да пол человека, а иные у мене люди в персе[x] очи и рот, а во иной земли у мене люди верху рты великы, а иные у мене люди скотьи ноги имеющие»³. Есиповская летопись 1636 г. описывает сибирских «человецев», что живут, «Бога ... не ведающе, ни закона ... не приемѣюще; сырояд цы, зверина же и гадская мяса снедающе скверна, и кровь пияху, яко воду...»⁴. В компилятивной «Космографии» середины XVII столетия среди просвещенных жителей «Московского государства» названы и «погании народы» – «яко звери в горах и в лесах скитающиеся, питающиеся стрелбою лучною, зверми и птицами»⁵. Эти семейства полулюдей кочевали по всем литературам мира⁶; автор Повести временных лет выписал из Хроники Амартола обозрение диковинных народов, и среди них – «островънице» рахманов, амазонок и нечистых племен, живущих «яко пси»⁷; во второй половине XV столетия описание монстров царства пресвитера Иоанна стало известно книжникам Северо-Восточной Руси⁸.

К началу XV века в славянскую Хронографическую Палею был добавлен талмудический рассказ о «дивием звере» Китоврасе – двойнике античного Кентавра⁹, о Китоврасе рассказывали и толкования

¹Статья печатается по книге: Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. – Москва; Ньютонвиль: Археографический центр, 1993. Стилистика, орфография и пунктуация издания сохранены. – *Ред.*

² Это традиционное объяснение родословной монструозных рас восходит к экзегезе Августина, см.: Boas G. Essays on Primitivism and Related Ideas in the Middle Ages. – Baltimore, 1948. – P. 51–53, комментарий: White H. The Forms of Wildness: Archaeology of an Idea // White H. Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. – Baltimore; London, 1987. – P. 163–164. Подобное толкование истории диковинных народов содержится, например, в славянском тексте переведенного с любекского издания Луцидария (после 1485 г.): Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. Тихонравовым. – М., 1859. – Т. I. – С. 48–49.

³ Веселовский А. И. Южно-русская былины. – СПб., 1884. – Вып. II. – С. 251; см. также недавнюю публикацию этого текста Г. М. Прохоровым: Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М., 1981. – С. 466.

⁴ ПСРЛ. – М., 1987. – Т. 36. – Ч. 1. – С. 45.

⁵ ГБЛ. Рум. 272. – Л. 152 об.

⁶ См. обзор европейских материалов: Wittkower R. Marvels of the East: A Study in the History of Monsters // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1942. № 5. P. 159–197; Bernheimer R. Wild Men in the Middle Ages. Cambridge MA, 1952; Friedman J. B. The Monstrous Races in Medieval Art and Thought. – Cambridge MA, 1981.

⁷ ПСРЛ. – Л., 1926. Т. I. Вып. 1. Стб. 14–16. Ср.: Истрип В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пгр., 1922. Т. II. С. 349–350; Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. – Л., 1974. – Т. 28. – С. 103, 113.

⁸ Старший список Сказания об Индийском царстве (ГПБ. Кир.-Бел. 11/1088. Л. 198–204) относится к началу 1490 г. См.: Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. – Л., 1980. – Т. 35. С. 172–173.

⁹ Веселовский А. И. Талмудический источник одной Соломоновой легенды в русской Палее // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1880. Апрель. – С. 298–300; Алексеев А. А. Русско-еврейские литературные связи до 15 века // Jews and Slavs / Ed. V. Moskovich et al. Jerusalem, 1994 (в печати).

Никиты Ираклийского на гомилии Григория Богослова, известные в восточнославянской традиции примерно с XII века¹⁰.

Предания о землях незнакомых народов и их сказочных богатствах не давали покоя и европейским монархам: еще с 1165 года многие искали царство пресвитера Иоанна, руководствуясь апокрифическим посланием Иоанна византийскому императору Мануилу; спустя триста лет Генрих Мореплаватель (1460 г.) лично собирался посетить легендарного индийского «царя царей», Васко да Гама (1498 г.) вдоль всего Африканского побережья вез верительные грамоты пресвитеру Иоанну¹¹.

Младенческая игра времени и пространства на заре новой европейской истории оставляла Колумбу (1492 г.) право верить в то, что он отбывает в прошлое, в ветхозаветные страны, и за океаном его ждут времена библейских праотцев. Толмачем экспедиции в «Индию» был нанят обращенный иудей Луис де Торрес, владевший греческим, арабским и ивритом¹². То, что поддается счету, что послушно отбивают часы на башне, и то, что меряют шагами, казалось современникам Колумба лишь тенью действительных событий¹³, а переживание мира смешивалось с предчувствием конца всякой географии (Откр. 20,11; 21,1), когда место земной тверди по единому слову Божьему заступит «стеклянное море, смешанное с огнем» (Откр. 15,2). Оттого и новгородский архиепископ Василий Калика, не имея под рукой субарктической карты, по Прологу комментировал морское путешествие новгородцев Моислава и Якова (1344–1352 гг.)¹⁴.

Европейские легенды о земном рае и о «дивиих людях» проецировались москвитями на обширные пространства, занимающие целый разворот в «Атласе Азиатской России». На востоке русские не знали определенной границы и постепенно продвигались через расселения мордвы и черемисов¹⁵ к Уралу (Камню), оттесняя все дальше мифический мир зверообразных народов. «Чудные речи» русских о Восточной стране, достигавшие германского императорского двора¹⁶, на три четверти состояли из «слухов, да еще из баснословных по большей части рассказов купцов», как объяснял московский посол Дмитрий Герасимов итальянцу Паоло Джовио (1525 г.)¹⁷. Итинерарии воображаемого пространства за Уралом сохраняли некое подобие обычных путеводителей лишь в силу жанровой принадлежности. Описание пути за Камень было желанным поводом к разворачиванию цветного шатра легендарно-утопической географии. Таков, например, Югорский дорожник Сигизмунда Герберштейна, записанный со слов новгородских купцов конца XV – начала XVI столетия¹⁸.

О происхождении Югорского дорожника высказывались различные мнения. Е. Е. Замысловский полагал, что Дорожник составили разведчики приполярного Тимана – экспедиция, отправленная

¹⁰ См.: Булавин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991 (= Slavistische Beiträge. Bd. 278). С. 341. Изображения кентавров в средневековой Руси разобраны в кн.: Chernetsov A.V. Types on Russian Coins of the XIV and XV centuries: An Iconographic Study (BAR International Series, vol. 167, 1983), 132–152.

¹¹ Baudet H. Paradise on Earth: Some Thoughts on European Images of Non-European Man. New Haven, 1965. P. 16–17.

¹² Ibid. P. 26. Ср.: Boas G. Essays on Primitivism. P. 172–173; Campbell M. B. The Witness and the Other World: Exotic European Travel Writing, 400–1600. Ithaca; London, 1988. – P. 176–187.

¹³ Ср. исчерпывающий очерк европейских этногеографических легенд от античности до Ренессанса: Boas G. Essays on Primitivism. Последующие диспуты испанских теологов, не без успеха пытавшихся применить к новооткрытым народам «рационалистическое» учение Аристотеля о натуральном рабстве, описаны в кн.: Hanke L. Aristotle and the American Indians: A Study in Race Prejudice in the Modern World. Chicago, 1959.

¹⁴ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 42–48. Ср. комментарий Н. С. Демковой на с. 532–533 и обзор патристических и средневековых учений о месте земного рая в кн.: Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. – М., 1916. – Ч. 1. – С. 41; Boas G. Essays on Primitivism. – P. 154–174; Patlagean E. Byzance et son autre monde // Faire croire. Rome, 1981. P. 201–221; Danielou J. Terre et Paradis chez les Peres de l'Eglise // Eranos Jahrbuch. – 1953. № 22. – P. 433–472.

¹⁵ См.: Барбаро и Коптарики о России: Л., 1971. – С. 229, ср. с. 159.

¹⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – СПб., 1851. Т. I. Стб. 102–104.

¹⁷ См.: Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 262. Ср. книги о чудесах в рассказах путешественников: Turner V., Turner E. Image and Pilgrimage in Christian Culture: Anthropological Perspectives. – New-York, 1978; Campbell M. B. The Witness and the Other World; Adams P. G. Travelers and Travel Liars: 1600–1800. – Berkeley, 1962.

¹⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 157–160; комментарий на с. 332–333. Ср.: Дмитриев А. А. Пермская старина, сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. – Пермь, 1894. – Вып. V. – С. 67–69; Чожмор. В поисках исторической правды // Записки Общества изучения Коми края. – 1929. – Вып. 3. – С. 35.

из Москвы 2 марта 1491 г. А. М. Мартюшев, К. В. Базилевич и Б. А. Рыбаков видели в авторах Югорско-го дорожника участников похода Семена Курбского на Югру (1499/1500 г.)¹⁹. Эти мнения противоречат свидетельствам Герберштейна и маршрутам экспедиций 1491 и 1499–1500 гг. Другую точку зрения, согласно которой составителями Югорского Дорожника были купцы, торговавшие с Югрой, впервые высказали А. А. Дмитриев и Чожмор²⁰.

Герберштейн начал свои «Записки» уже после походов за Урал московских воевод 1483 и 1499–1500 гг. Маршрут, намечаемый Югорским дорожником, казался к тому времени неудобным и неоправданно длинным: вместе того, чтобы из Вологды по реке Сухоне, минуя Устюг, войти в Северную Двину и затем в Вычегду, откуда путь к Уралу был недалек и хорошо проторен, Югорский дорожник предлагал пускаться в опаснейшие походы в циркумполярной области на уровне 66–68 градусов с. ш., с выходом в Ледовитый океан, через систему порожистых рек и волоков по тайге и тундре. Автор Дорожника сознательно старался миновать принадлежавший московским князьям Устюг и центр пермской (подчиненной Москве) епархии – владычный городок Усть-Бым. Герберштейн отметил несоответствие Дорожника торговым путям первой четверти XVI века: «...Те, кто едет туда из Москвы, – читаем в его Записках, – пользуются весьма торной кратчайшей дорогой»²¹. Следовательно, хорография Югорского дорожника отражает маршруты древнейших, XIV–XV столетий, походов новгородских торговых экспедиций.

Согласно Югорскому дорожнику, купцы доставляли свои товары зимним путем в Вологду, где разгружали санный поезд и снаряжали кочи, которые спускали в р. Вологду. Навигация на реках, перечисленных в Дорожнике, длилась немногим больше пяти месяцев (средние сроки ледохода и ледостава рек Предуралья – между 5–10 мая и 5–10 ноября). Купцы указали Герберштейну конечную точку маршрута, обозначенного в хорографической части Дорожника: это правый берег Печоры, в верхнем ее течении, между устьями рек Щугера и Подчерема²². Этимология названий этих рек, одно из которых произошло от мансийского слова (Щугер, от «урр» – цепь гор, либо «чукор» – куча, табун, стадо), а другое взято из языка коми (Подчерем, от «чер» – река)²³, говорит о том, что описанный в дорожнике берег Печоры был местом традиционного торгового обмена между зырянами (коми) и вогулами (манси), куда впоследствии пришли и новгородские купцы. На этом месте ныне стоит коми поселок Кырта (см. описания В. Н. Латкина, М. Ковальского, П. И. Крузенштерна)²⁴.

На восток от Печоры лежали земли неизвестной Восточной страны, где авторы Югорского дорожника не бывали, но записали сводку слухов и толков о неведомых сибирских инородцах.

Итинерарий Герберштейна нанизывает легендарные известия о неведомых землях за Камнем на смутное представление о положении русла Оби и ее притоков. Движение вверх по Оби дальше устья Иртыша приводит в страну таинственных грустинцев и серпоновцев, к сказочным Лукоморским горам²⁵; возвращение в нижнее течение Оби открывает читателю неизвестный народ каламов (название

¹⁹ Замысловский Е. Е. Герберштейн и его историко-географические сведения о России. – СПб., 1884. – С. 150; Мартюшев А. М. Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 г. // Записки Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 1930. – Вып. 5. – С. 66–68; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. – М., 1952. – С. 404–407; Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. – М., 1974. – С. 79.

²⁰ Дмитриев А. А. Пермская старина. – Пермь, 1894. – Вып. 5. – С. 67–69; Чожмор, В. В поисках исторической правды // Записки Общества изучения Коми края. – Сыктывкар, 1929. – Вып. 3. – С. 35.

²¹ Герберштейн С. Записки о Московии. – С. 156.

²² [Волегов Ф. А.] О вскрытии и замерзании и весеннем разлиии р. Камы против Усоля за 17 лет // Пермские губернские ведомости, 1864, № 32; О состоянии судоходства на различных пристанях Пермской губернии в течение апреля месяца // Там же, 1862, №№ 34, 35, 39, 40; 1863, №№ 29, 30; Атлас Коми автономной ССР. – М., 1964. – Карты 34, 35.

²³ Матвеев А. К. Географические названия Урала. – Свердловск, 1980. – С. 294–295 и др.

²⁴ Записки Русского географического общества. СПб., 1853. Кн. 7. Ч. 1. С. 63–65; Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. – СПб., 1853. Т. I. С. XVI–XVII; Крузенштерн П. И. Путешествие по Северному Уралу в 1874–76 гг. для исследования водяного сообщения между притоками Печоры и Оби. – СПб., 1879. В XIX в. следов поселения в этом районе не знали: Мартюшев А. М. Коми народ как объект московской завоевательной политики в XIV–XV веках // Записки Общества изучения Коми края. – Усть-Сысольск, 1928. – Вып. 1. – С. 75.

²⁵ Лукоморье – резко изогнутый морской берег, бухта, излучина (Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1981. Вып. 8. С. 304; Isacenko A. Herbersteiniana II. Herbersteins Moskowiterbuch und seine Bedeutung für die Russische Historische Lexikographie // Zeitschrift für Slawistik. – Berlin, 1957. – Bd. II. – Hf. 4. – S. 503; Толстой И. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. – М., 1969. – С. 114–115. В нашем случае имеется в виду, вероятно, побережье Ледовитого океана, например, в районах Обской и Тазовской губы: Герберштейн С. Записки о Московии. – С. 335.

совпадает с реальным гидронимом – рекой Калами в бассейне Подкаменной Тунгуски), загадочные реки Березву и Данадим (Надым, впадающий в Обскую губу?), к легендарному идолу Золотой бабы²⁶, и опять приближается к тем же Лукоморским горам, но уже минуя город Серпонов, туда, где живут кинокефалы, а через систему лукоморских рек – к фантастической реке Тахнин (отражение реальной Ташмы?), где плавают рыбы человеческого вида. Лукоморские горы опоясывают всю землю, населенную неизвестными народами, а река Тахнин снаружи омывает Лукоморские горы, замыкая земной круг²⁷.

Этот фантастический мир населяли «люди чудовищного вида: у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, у других собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь...»²⁸. Здесь можно было пускаться на поиски земного рая, который, по преданию, окружен кочевьями подобных уродцев, пресвитер Иоанн мог собирать здесь вокруг стола двенадцать патриархов, а царь Соломон начинать охоту на дикого Китовраса. Все необходимые условия для развития легенды были соблюдены, однако у практичных московских политиков не было желания триста лет дожидаться встречи с легендарным владыкой Индийского царства.

В начале XVI столетия писцами из окружения пермского епископа Филофея был скопирован Пермский дорожник, ориентированный на районы расселения вогульских племен. Единственный список дорожника мне удалось обнаружить в сборнике второй половины 1500-х годов ГПБ, Соф. 1462, л. 91 об., составленном в Кирилло-Белозерском или Ферапонтовом монастыре, куда Филофей удалился на покой в апреле 1501 г. (см. ниже). Пермский дорожник охватывает всю основную территорию Московской Руси и намечает путь за Урал через Устюг – Усть-Бым, Пермь Великую – к вогуличам (манси). Крайней восточной границей маршрута следует считать, вероятно, бассейн Тавды-Пелыма²⁹.

Тогда же, в конце XV столетия было составлено первое описание Восточной страны, рассматривающее круглящийся и ускользающий мир легенды не отвлеченно, а как предмет землеведения, в хорографической перспективе. Это – Сказание «О человецех неизвестных в Восточней стране»³⁰.

²⁶ Предание о Золотой бабе встречается в «Хронике Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя 1418 г., у Матвея Меховского, А. Вида, А. Дженкинсона и других, см.: Веселовский И. И. Мнимые каменные бабы. – СПб., 1905; Трубецкой И. К вопросу о золотой бабе // Этнографическое обозрение. – СПб., 1906. – Кн. 1–2. – С. 56–65; Бегунов Ю. К. Раннее немецкое известие о Золотой бабе // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. – 1976. – № 11. – Вып. 3. – С. 11–13. Рассказ о Золотой бабе, вероятно, под влиянием иностранных свидетельств, попал и в русские летописи, см.: ПСРЛ. – СПб., 1851. – Т. 5. – С. 250.

²⁷ Комментарий к дорожнику см.: Герберштейн С. Записки о Московии. – С. 335–336.

²⁸ Там же. С. 160.

²⁹ Приведем текст Пермского дорожника (по списку ГПБ, Соф. 1462, л. 91 об.): «[О]бь – великаа река, идет из Кытайские земли из озера Болванники. Да Печера река широка, 4 версты или пять поперек.

Есть в Перми Великой две горы: едина Полутова зовется, Полут паугородец бился с нее, всходити на нее могут. А на другую не мощно взйти, три дни па нее итти, а не мощно взйти.

Волга река вышла из Сподубиа, из леса литовского, Да Непр оттоле же, да Двина оттоле же. И вышла Волга в море седмидесяти устьи, и орды по устьем тем кочуют.

От Вологды до Устюга 500 верст, от Устюга до Перми 400 верст, а от тоя Перми до Великия Перми полторы тысячи верст. От Великия Перми до вогуличь 2000 верст. От Устюга до Колмогор 24 выпряжаев, от Колмогор до моря 4 выпряжаа, от Кирилова до Каргополя верст 200 да 15, от Каргополя до моря рекою Онегою 300 верст.

Онега течет своим устьем в море. Нево озеро велико, 300 верст поперек и на подлину, а на нем стоят три монастыри:

Валам, да Коневець, а промежи ими 70 верст, а третьи монастырь Синное словес.

От Москвы до Киева тысяща да 200 верст, от Киева до Белогорода 600 верст, (л. 92) от Белогорода до Цариграда полчетверты тысящи верст морем, седмьсот миль, а в миле 5 верст. От Цариграда до Иерусалима 1000 да 600.

От Соловков до Новогорода 1000 да 100. верст, от Соловецкого мо[на]стыря до ближнего берега 70 верст морем».

Краткий комментарий см.: Плигузов А. И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. – 1987. – № 5. – С. 49–50. Озеро Болванники в верховьях Оби напоминает о Китайском (Kitaïsko) озере, названном в «Записках» Герберштейна (Герберштейн С. Записки о Московии. – С. 157) и попавшем на многочисленные западно-европейские карты (Розен М. Ф. Алтай на чертежах и картах XVI–XVII вв. // Историческая картография и топонимика Алтая. – Томск, 1980. – С. 7). У манси существовало предание о некоем море, откуда вытекает Обь: Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. – М., 1888. – С. 19. Пермский дорожник называет это озеро именем, совпадающим с русским названием Печорской губы: Книга Большому Чертежу. – М.; Л., 1950. – С. 161–162. Рассказ дорожника о семидесяти устьях Волги совпадает с известием Московского свода 1479 г. (ПСРЛ. – М.; Л., 1949. – Т. 25. – С. 338; ср. ПСРЛ. – М., 1962. – Т. 1. Стб. 7).

³⁰ См. также: Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: Древнее русское сказание «О человецех неизвестных в Восточней стране» // Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. – М., 1890. – Т. XIV. – С. 227–313; Токарев С. А. История русской этнографии. (Дооктябрьский период). – М., 1966. – С. 36–39; Лашук Л. П. «О человецех неизвестных» // Вопросы истории. – 1971. – № 11. – С. 209–211; Плигузов А. И. Первые русские описания. – С. 38–50; Каган М. Д. Сказание «О человецех неизвестных в восточней стране» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 392–394.

Сказание сохранилось в четырнадцати русских рукописях конца XV – первой половины XVIII столетий, а также в переводе англичанина Ричарда Джонсона (ок. 1560 г.). Критический разбор археографии и истории текста Сказания приводится ниже, в Приложении 2 к этой работе. Пересматривая в Приложении 1 текст первой русской статьи о сибирских самоедах, читатель заметит, что Сказание – отнюдь не путевые заметки любознательного путешественника. Диковинные люди Сказания, сохраняя немало человеческих черт («как и прочие человеци»), не утратили родства с чудовищами книжно-легендарного происхождения. Место действительного опыта в Сказании порой занимает воображаемая реальность, рассказы первопроходцев оборачиваются визионерскими описаниями потустороннего мира.

Географический ареал Сказания – просторы за Югорскою землей, где обитают люди «самоядь». Автор известия «О неизвестных человецех» знает племена «малгонзеев», «линную самоядь», жителей земли Баид. Люди, описанные им, диковинны: живут в воде, линяют, меняя кожу, мохнаты, имеют рты на темени, умирают на зиму, немые, ходят под землей с огнем; с горы, сверху, смотрят – и видят своих мертвых, они идут печальным путем вдоль моря и жалобно плачут, а за ними следует огромный человек и погоняет мертвых железной палицей. И та же самая диковинная «самоядь» вполне правдоподобно охотится, стреляет скоро и гораздо, ездит на оленях и живет за широкими северными реками.

Исследователями высказано немало предположений о происхождении Сказания. Наряду с гипотезой о постепенном складывании этого памятника в устной среде³¹ обсуждаются две кандидатуры на индивидуальное авторство вестей «О неизвестных человецех»: слуга пермского епископа Филофея Леваш³² и холмогорский купец Федор Товтыгин³³. Биографии обоих предполагаемых авторов не согласуются с распространенной гипотезой о новгородском происхождении Сказания (против нее высказались лишь Бахрушин и Кудрявцев). Хронологические границы возникновения Сказания обсуждаются также в очень широких пределах: от конца XIV в. (Пыпин, Косвен) до начала и даже первой половины XVI в. (Андреев).

Обращаясь к легендарным известиям Сказания, напомним суждение А. В. Веселовского – он полагал, что «попытка мифологической экзегезы должна начинаться, когда уже кончены все счета с историей»³⁴. «Счеты с историей», начатые нашим обзором археографии и текстологии Сказания (читатель найдет его в Приложении 2), не могут, однако же, быть решены прежде, чем будут определены возможные книжные и фольклорные источники статьи. Д. Н. Анучин (1890) настаивал на том, что Сказание – текст, продиктованный исключительно личными впечатлениями сибирских землепроходцев, и старательно отводил любые параллели Сказания к христианской легендарной географической литературе³⁵. М. П. Алексеев (1932), напротив, был убежден в преимущественно книжной родословной статьи «О неизвестных человецех»: «Она создавалась под двойным воздействием письменных и устных известий; причем вторые, еще глухие, сбивчивые, непроверенные, наслаивались на прочно сидевшие в памяти русского книжника факты письменности, которым он слепо верил»³⁶.

Каковы же были эти «факты письменности» в славянских литературах к моменту появления первых списков Сказания «О неизвестных человецех»? Баснословие о диковинных землях и народах было широко распространено в античной традиции (Аристей, Геродот, Страбон, Плиний), особенно при описании Индии и Африки, но также и Скифии³⁷. Утопическая география раннехристианских авторов, как

³¹ Пыпин А. Н. История русской этнографии. – СПб., 1892. – Т. 4. – С. 185–193; Косвен М. О. Из истории ранней русской этнографии // Советская этнография. – 1952. – № 4. – С. 132–134.

³² Кудрявцев И. М. Сборник последней четверти XV – начала XVI в. из Музейного собрания // Записки Отдела Рукописей ГБЛ. – 1962. – Вып. 25. – С. 273.

³³ Анучин Д. Н. К истории; Бахрушин С. В. Научные труды. – М., 1955. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 141; ср. с. 90–91; Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – М.; Л., 1937. – С. 192 (мнение Ю. В. Готье); Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. – М.; Л., 1960. – Вып. 1. – С. 156–157.

³⁴ Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. – СПб., 1872. – С. I–II.

³⁵ Анучин Д. Н. К истории. – С. 240–244.

³⁶ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. – Иркутск, 1932. – Т. 1. – С. 121.

³⁷ McCrindle J. M. Ancient India, as Described in Classical Literature. – Westminster, 1901; Africanus J. L. The History and Description of Africa. – London, 1896; Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. – Л., 1985 и др.

это видно по Августину и Козьме Индикоплову, была лишь посильным изложением греческой и римской хорографии. Попытка Козьмы изобразить мир в образе Моисеевой скинии привела к тому, что отдаленные пространства, лежащие за пределами Геродотовой Скифии (на современной карте – Северо-Восток Европейской России и Западная Сибирь), оказались поглощенными морем или были обращены в стену, образующую основание небесного свода³⁸. Эта деформация вызвала замешательство у многих авторов, отыскивающих в воображаемом пространстве христианской вселенной место для диковинных народов, существование которых особенно горячо утверждалось античными авторами.

Привести в порядок противоречивые свидетельства о «дивных людях» было столь же нелегко, как указать земное место Райского сада. Согласно традиционному мнению, диковинные народы обитали неподалеку от Рая. Вечнозеленый сад, откуда был изгнан Адам, должен был находиться, по прямому указанию книги Бытия, на востоке (Быт. 3, 24), или, согласно экзегезе Быт. 2, 10–11, возле Нила.

Убеждение паломника и новгородского архиепископа Василия Калики (1344–1352 гг.) в том, что Ад находится на севере, «на дышучемь мори», а Рай – где-то на востоке, за морем³⁹, не помогало примечать к северо-востоку Европы указания христианских авторов о землях диковинных народов, ибо, согласно Козьме Индикоплову, «северныя убо части до конца студена, не живоме естъ»⁴⁰, а, по сведениям переводного с немецкого Луцидария, там «стоит мерзлое море..., яко не может человек тамо жити»⁴¹. Примерно такими словами грек и московский посол в Милан Юрий Траханиот (1486 г.) описывал «большую пустынную равнину», простирающуюся на север от Московии»⁴². Повесть Временных лет излагает легендарную географию «Полунощных стран», где «седять» «Югра ... с самоядью», по древнейшим новгородским преданиям и «Откровению» Мефодия Патарского; летописец напоминает читателю о северных вратах, которыми Александр Македонский запер «скверные языки», что «изидут», по апокалиптическому пророчеству Мефодия, «в последняя дни» при кончине мира⁴³. В отношении северо-восточных районов Зауралья теория явно противоречила практике, ведь еще в 1364/65 году новгородцы ходили за Камень и воевали сибирских инородцев (см. ниже). «Чудные речи» о далеких землях и о богатом пушном промысле за Камнем вытесняли теоретическую христианскую хорографию и освобождали пространство, куда без промедления были спроецированы описания диковинных народов Индии и Эфиопии.

Таковы и известия Сказания «О неизвестных человецех»⁴⁴, и среди них:

[1] о людях, что поедают своих соотечественников и своих мертвецов («а которой у них умрет, и они снедают»); в «Откровении» Мефодия Патарского среди «нечистых языков и скверн» упомянуты подобные людоеды: «Мертвеца же не погребашу, но и тех ядыху»⁴⁵.

[2] о людях, что «лете месяц живут в мори»; в «Сказании об Индийском царстве» про ныряльщиков за жемчугом говорится: «и попирают в реку ту иныя на 3 месяца, а иныя на 4-ре месяца»⁴⁶; в Луцидарию названы диковинные люди, живущие «в реце Гангии»⁴⁷.

[3] о людях, «по пуп мохнаты до долу»; «Сказание об Индийском царстве» помещает среди жителей «иной земли», подвластной царю-пресвитеру Иоанну, людей, «скотьи ноги имеющих»⁴⁸.

³⁸ Книга глаголемая Козмы Индикоплова: Из рукописи Московскаго главнаго Архива Министерства иностранных дел, Миния Четия митрополита Макария (Новгор. список), XVI в., месяц август, дни 23–31 (собр. кн. Оболенскаго, № 159). – СПб., 1886 (Издание ОЛДП. – Вып. 86). – С. 15 и сл.

³⁹ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – С. 44.

⁴⁰ Книга глаголемая Козмы Индикоплова. – С. 15.

⁴¹ Летописи русской литературы. Т. I. – С. 51.

⁴² Гуковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Труды Ленинградского Отделения Института истории СССР. – М.; Л., 1963. – Вып. 5. – С. 654.

⁴³ ПСРЛ. – Т. 1. – Вып. 1. – Стб. 235–236. Ср.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. – М.; Л., 1940. – Т. 4. – С. 92–103, особенно с. 98–100.

⁴⁴ Здесь и далее фрагменты Сказания приводятся под номерами разделов, которые соответствуют рубрикации текстов, изданных в Приложении 1.

⁴⁵ Тихоправов И. С. Памятники отреченной русской литературы. – СПб., 1863. – Т. 11. – С. 233.

⁴⁶ Веселовский А. И. Южно-русские былины. – С. 2 52.

⁴⁷ Летописи русской литературы. Т. I. – С. 48.

⁴⁸ Веселовский А. И. Южно-русские былины. – С. 251.

[4] о людях, «рот на темяни», «а немь, не говорят»; Повесть Временных лет говорит о югре: «язык нем»⁴⁹; «Сказание об Индийском царстве» утверждает, что в «единой стране» есть «люди немь», а в «иной» земле – «люди верху рты великы»⁵⁰.

[7] о людях «без голов, рты у них межи плечми, а очи в грудех», «а неговорят»; «Сказание об Индийском царстве» населяет «иную землю» людьми, «в персеx очи и рот»⁵¹, а Луцидарий упоминает людей, что «не имеют глав у себе, им же стоят очи в плечах, и вместо уст и носа имеют две дыры на персеx»⁵².

[8] о людях, обменивающих товары в подземном городе над озером; Повесть Временных лет передает новгородское предание, записанное автором со слов некоего Гюряты Роговича: «и в горах тех (Югорских. – *А. П.*) кличь велик и говор, и секуть гору, хот яще высечися, и в горе той просечено оконце мало, и туде молвят, и есть не разумети языку их, но кажють на железо и помавають рукою, просяще железа. И аще кто дать им нож ли, ли секиру, [и они] дают скорою противу...»⁵³. В «Сказании об Индийском царстве» находим сходный рассказ о подземной реке и искателях жемчуга: «...течет река под землю не велика, но во едино время разступается земля над рекою тою. И кто узрев, да борзо воскочит в реку ту, а что похватить и вынесет борзо, оже камень, той драгий камень видится, а яже песок похватить, то великы женчюг возмется. Та же река течеть в великую реку, люди же тоя земли ходят на устье реки, а емлють драгы[й] камень четьи и женчюг...»⁵⁴.

Диковинная самоядь Сказания населяет «Въсточнхю страну»; это название явно перекликается с именем «страны Востока», где Александр Македонский, по рассказу «Александрии», воочию видел «множество язык безсловесных и скотов дивиих и зверочеловекообразных»⁵⁵ и где за «северными вратами» были затворены «силы языческаа»⁵⁶.

Совпадающие мотивы статьи «О неизвестных человецех» и легендарных книжных повестей, прежде всего – «Сказания об Индийском царстве», далеко не исчерпывают известий о сибирских самоедах. Да и использование деталей христианской легенды о зверообразных людях непоследовательно, не объясняет прочих мотивов Сказания. Скорее перед нами, как говорил по сходному поводу М. Н. Сперанский, «начитанность вообще в этом круге памятников, нежели непосредственное пользование их текстами»⁵⁷. На самоедов русского Сказания как бы надеты экзотические маски, дабы сибирские народы могли на равных участвовать в книжно-фольклорном карнавале «множества язык безсловесных и скотов дивиих и зверообразных», в том средневековом полуязыческо-полухристианском карнавале, что пронизательно описал Ричард Бернхеймер⁵⁸.

Под европейскими масками, призванными изображать природное буйство и дикость, скрывались «плосковидые» лица сибирских самоедов. Ни Геродот, ни его христианские толкователи не подозревали о существовании подобных народов. Казалось бы, отсутствие преломляющей парадигмы открывало перед автором описания свободу прямого и ясного зрения. Однако не такова

была природа средневековой апперцепции. Она стояла на страже легенды, – если не в образе ангела с огненным мечом, то вереницей самоедских духов, указывающих путешественнику тесную дорогу в мир угорских и самодийских племенных преданий:

[2] люди, что «лете месяц живут в мори», могли быть открыты русскими не только в книгах, но и в легендах манси: в море жил сын бога Нуми Ас Толах Торум, в Обской губе жил другой сын Нуми Аутья Одыр, имевший вид щуки (ср. образ щучьей чешуи и известие Сказания: «тело на них трескается»)»⁵⁹.

[5] люди, что зимой «умирают на два месяца»⁶⁰, – это, вероятно, персонажи ненецких сказаний, записанных Г. А. Старцевым⁶¹.

[8] ненцы Канинской тундры охотно рассказывали о некоем народе, живущем под землей⁶².

[9] лекари неизвестных народов («они брохо режут, да нутро выимают и очищают»), – несомненно, шаманы, чьи способности описаны автором с полным доверием и явно со слов инородцев⁶³; в шествии мертвых («идут, плачи, а за ними идет велик человек, поганяа их палицею железною») можно видеть пересказ угорской легенды о великане Куле Одыре, который уводит «могильные души» (ис хор) манси в подземное царство, в море за устьем Оби⁶⁴.

Смешение нескольких мотивов составило рассказ [8] о волшебном подземном городе. Незнаемые земли, согласно книжной традиции, должны быть «полны всякого богатства»⁶⁵. Легендарное ядро-известия, перекликающегося с текстом «Сказания об Индийском царстве» и с рассказами канинских ненцев (см. выше) дополнено не только бродячим сюжетом о немоm торге⁶⁶, но и русскими преданиями о чудских курганах⁶⁷ и о подземных городах⁶⁸. Известны восточнославянские сказки о подземных царствах⁶⁹; превращение богатств в грязь, в падаль, и обратная трансформация, как заметил мне Б. А. Успенский, – также привычный сказочный мотив⁷⁰.

Статья «О неизвестных человецех» – собрание экзотических образов христианской космографической литературы и фольклора – угро-самодийского и русского. Взаимное отношение этих элементов книжной и устной традиции таково, будто автор Сказания затруднялся в выборе между припоминанием знакомых на слух легендарных мотивов и узнаванием в изустном баснословии образов книжного происхождения. Как кажется, ему мало было рассказать о Восточной стране, требовалось еще перевести рассказ с языка фольклорного предания на язык книжной легенды. В подобном случае и автор Повести Временных лет, выслушав повествование Гюряты Роговича о таинственных народах, затворенных в горах «Полунощных стран», поспешил узнать их: «се суть людье, заклеплении

⁵⁹ Гондатти Н. Л. Следы языческих верований у маньзов // Труды Этнографического отдела императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. – М., 1888. – Кн. VIII. – С. 56–57; ср. предания хантов о водяных духах: Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. – С. 48–49; ср.: Симченко Ю. В. Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. – С. 197; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М., 1962. – Ч. I. – С. 29 (известие булгар о «береговых людях», что «плавают в море без нужды и цели»).

⁶⁰ Ср. аналогичный сюжет в Итинерарии Герберштейна (Герберштейн С. Записки о Московии. – С. 157, 160) и слухи, записанные в Москве (1579 г.) Бернгардом Тапнером (ЧОИДР. – 1891. – Кн. 3. – Отд. II. – С. 107). Ср.: Огородников В. Донесение о Московии второй половины XVI века // ЧОИДР. – 1913. – Кн. 2. – Отд. II. – С. 19–20.

⁶¹ Старцев Г. А. Самоеды (ненца): Историко-этнографическое исследование. – Л., 1930. – С. 25; Алексеев М. П. Сказания иностранцев о России и ненецкий эпос // Советская этнография. – 1935. – № 4–5. – С. 151.

⁶² Lehtisalo T. Entwurf etner Mithologie der Jureksamojeden. – Helsinki, 1924. – S. 17.

⁶³ Ср.: Гондатти И. Л. Следы языческих верований. – С. 52–54; Кулемзин В. М. Шаманство васюганско-ваховских хантов в конце XIX – начале XX вв. // Из истории шаманства. Томск, 1976. – С. 3–155.

⁶⁴ Гондатти Н. Л. Следы языческих верований. – С. 65–66; Кулемзин В. М. Человек и природа. – С. 130.

⁶⁵ Веселовский А. И. Южно-русские былины. – С. 251.

⁶⁶ Ср. комментарий: Алексеев М. П. Сибирь. – С. 112–113. Особенно см. рассказ Ибн-Баттуты: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. – С. 297.

⁶⁷ Анучин Д. И. К истории. С. 299–300; Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. – М.; Л., 1965. – С. 134–135.

⁶⁸ Комарович В. Л. Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. – М.; Л., 1936. – С. 7–15; Перетц В. И. Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах // Изборник Киевский в честь Т. Д. Флоринского. Киев, 1904: – С. 75–82; ср.: Лопарев Х. М. К легенде о затонувших городах // Труды XV Археологического съезда. – 1914. – Т. I. – С. 346–356.

⁶⁹ Бараг Л. Г. и др. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. – Л., 1979. – № 301 А.

⁷⁰ Там же. №№ 307 Д, 331, 475, 664* А, 751, – 818***, 834/1, – 834***.

⁴⁹ ПСРЛ. – Т. 1. – Вып. 1. Стб. 235

⁵⁰ Веселовский А. И. Южно-русские былины. – С. 251.

⁵¹ Там же.

⁵² Летописи русской литературы. Т. I. – С. 48.

⁵³ ПСРЛ. – Т. 1. – Вып. 1. – Стб. 235.

⁵⁴ Веселовский А. И. Южно-русские былины. – С. 252.

⁵⁵ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Изд. подгот. М. Н. Ботвинник и др. – М.; Л., 1965. С. 40. В Есиповской летописи 1636 г. Сибирь названа северной, «полунощной» страной, а в переработке Есиповской, включенной в Свод 1652 г. (так называемый Румянцевский летописец), сказано по-иному: «Страна Сибирская от Московскаго государства на восточную страну», см.: ПСРЛ. – Т. 36. – Ч. 1. – С. 32, 37. О соотношении летописных текстов см.: Лаврентьев А. В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. – М., 1986. – С. 118–141; ср. Вовина В. Г. Новый Летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история, 1992. – № 5. – С. 126–127.

⁵⁶ Тихоправов И. С. Памятники. Т. I. С. 245; ср.: Anderson A. R. Alexander's Gate, Gog and Magog, and the Inclosed Nations. Cambridge MA, 1932. P. 87–90; Chekin L. S. Lower Scythia in the Western European Geographical Tradition at the Time of the Crusades // Harvard Ukrainian Studies. – 1991. – Vol. XV. – № 3/4. – P. 308–309.

⁵⁷ Сперанский М. Н. Сказание об Индейском царстве // Известия по русскому языку и словесности Академии Наук СССР. – Л., 1930. – Т. III. – Кн. 2. – С. 406.

⁵⁸ См.: Bemheimer R. Wild Men. – P. 49–84.

Александром Македоньским царем», и еще раз повторил новгородское предание, теперь уже словами Мефодия Патарского⁷¹.

Соединение угорских и русских письменных и устных традиций необычно и подсказывает нам возможное время и обстоятельства рождения Сказания. Исторические детали статьи содержат отражение реальной жизни, и это отражение – не *licentia poetica*, не деформированное отражение в зеркале утопической географии. Мы ясно видим широкие северные реки, тундру, ловких и неприхотливых жителей северного края. Книжник, оставивший нам описание Восточной страны, уже довольно знал о далеких народах за Камнем и, похоже, имел собеседников – «самовидцев» этой страны.

Археография и текстология списков указывает нам древнейший ареал бытования статьи о диких народах – Усть-Вым, столицу Пермской епархии, форпост московского влияния на Северо-Востоке. Заметим, что один из списков (БАН, 4.3.15), скопированный здесь или на Вологде в 1510-х гг., содержит не только первую редакцию известия «О неизвестных человецех», но также и запись югорской «шерти» 31 декабря 1484 г. События 1483–1485 гг. – первая страница истории московского движения за Камень из районов Вологды, Устюга, Выми и Вычегды. Именно здесь начинаются наши «счеты с историей».

Полусказочный мир Югры⁷², славящийся своими богатствами («копим серебро и соболи и ина узорочья», – говорили летописные югричи новгородцам⁷³), в первые века своей истории располагался ближе к русским землям и далеко от самоедской Восточной страны. Югорские племена жили в Предуралье, вероятно, в районе Печоры, и лишь к XIV столетию Югра постепенно переселилась за Урал. В нашем распоряжении – единственное известие о новгородском походе за Камень, датированное 1364/65 годом, отсутствующее в Новгородской Первой летописи и впервые включенное лишь в московский митрополичий Свод 1418 г.: «С Югры новгородци приихаша ... , воевавшие по Обе реки до моря, а другаа половина рати на верх Оби воеваша»⁷⁴. Никаких иных отражений этого события в новгородской книжности мы не знаем; продвижение новгородцев к Уралу и дальше встречало упорное сопротивление ростовских и устюжских князей, а также жителей двинской земли⁷⁵.

Время от времени новгородцам удавалось собирать пушную дань с югорских племен. Москвичи не могли простить новгородцам успешной политики на востоке; недовольство усиливалось по мере расширения пушной торговли через Смоленск – Лейпциг⁷⁶ и развития дипломатии, не обходившейся без щедрых подарков – собольих и беличьих мехов. Москва вступила в прямое соперничество с Новгородом за влияние на северо-восточных землях Приуралья. В январе – марте 1383 г. по благословению митрополита Пимена на северо-востоке была учреждена новая епархия – Пермская, со столицей в Усть-Выме⁷⁷. Как первый пермский владыка – Стефан Храп, так и его преемники поддерживали прямые связи с Москвой и стремительно расширяли сферу московского влияния в Предуралье. В 1472 г. воевода Ивана III Федор Пестрый «привел» «за великого князя» народ Перми Великой⁷⁸. В 1475 г. устюжские купцы пытались коротким путем по Каме достичь Тюменского ханства, однако были разбиты казанскими татарами⁷⁹. В 1478 г. Ивану III покорился Новгород⁸⁰, в 1481 г. в руки московского государя перешла Вологда⁸¹, и после отступления хана Большой Орды

Ахмата (1480 г.) Иван III укрепил дружественные связи с победителями Ахмата – ногайскими и тюменскими князьями (см. ниже), – так перед московскими отрядами открылся хотя и далекий, но теперь уже сравнительно безопасный путь за Камень.

Поход на Югру Ивана Салтыка Травина и Семена Курбского (9 мая – 1 октября 1483 г.), а затем длительные переговоры об условиях мира (1484 г.), подробнее описанные в Приложении 3, дали русским первый опыт длительного общения с вогулами и остяками. Можно не сомневаться в том, что итоги похода 1483 г. вызвали оживленные дебаты как в Москве, так и по всему маршруту военных отрядов и вогульских послов. Послов не могли не расспрашивать; очень вероятно, что их рассказы записывались⁸². В статье 1987 г. я старался доказать, что Сказание «О неизвестных человецех» как раз и является одной из записей, сделанных в 1483 г. пермской владычной администрацией со слов пленных вогулов⁸³. В пользу этой гипотезы, впервые высказанной И. М. Кудрявцевым⁸⁴, свидетельствуют:

1. «Археографическая история» текста. Оба списка древнейшей первой редакции Сказания находятся в сборниках пермской кафедры 1490–1510-х гг. среди материалов 80–90-х гг. XV в.; старший список 2 редакции, 1500-х гг., также возник в окружении отстраненного от дел пермского епископа Филофея, а последующие копии находятся в сборниках, составленных при кафедрах или в монастырях.

2. В статье «О человецех неизвестных» находим следы устной речи, а формуляр записи составлен из серии повторяющихся вопросов: [1] где неизвестные люди живут? как зовутся? что едят? как выглядят? какое платье носят? чем торгуют? [3] где живут? как выглядят? что едят? чем торгуют? [4] где живут? как выглядят? что едят? [5] где живут? как себя ведут? [6] где живут? как зовется: земля? что едят? какие звери в этой земле водятся? какое платье люди носят? чем торгуют? [7] где живут? как выглядят? что едят? какое у них оружие? чем торгуют? [8] где живут? как живут? [9] где живут? как зовутся? на чем ездят? какое платье носят? что едят?

Эти вопросы довольно точно соответствуют формуляру распросных речей и наказных памятей сибирским первопроходцам позднейшего времени: «...Какие люди по тем рекам и тем вершинам живут и чем кормятся?.. И зверь у них соболи есть ли? ... И в том государстве какой бой: лучной или огненной? И товары к ним какие приходят?...»⁸⁵; «где те дикие люди и в каких местах живут? И каковы они в рожи, те люди? И какое на себе платье носят?»⁸⁶. Жанр статьи «О человецех неизвестных» – «речи», «сказание»; таковы, например, «речи» «посла цесарева» (т. е. посла императора Священной Римской империи Максимилиана I) Георга фон Турна новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову, записанные в Новгороде в сентябре 1490 г. и включенные в усть-вымский сборник Муз. 3271⁸⁷.

3. Смесь фольклорных сказаний, отразившихся в статье «О неизвестных человецех» (см. выше), позволяет предполагать возникновение этого текста в результате прямой, не опосредованной другими народами, встречи русских с жителями Югры – вогулами и манси.

⁸² Не вполне ясно, на каком языке велись эти разговоры. Либо речи пленных «князей» переводили с угорского толмачи-зыряне или русские переводчики из районов Выми и Вычегды, либо, как предположил при обсуждении этой статьи Э. Кинан, в качестве *lingua franca* использовался язык тюменских и сибирских татар. В подтверждение своей гипотезы Кинан считает возможным этимологизировать название племенного объединения остяков Обьдора, встречающегося в тексте «мира» 1484 г. (см. ниже, с. 151), как Обь-река, от тюрко-татарского дар, то есть река. О некоторых особенностях русских записей XVII в., сделанных со слов иноязычных народов, см.: Тарабасова И. И. К изучению текстов, писанных русскими со слов нерусских // Изучение русского языка и источниковедение. – М., 1969. Прозвище единственного переводчика, упомянутого в документах пермской кафедры 1490 г., взято из языка коми (толмача звали Помас), брат Помаса носил русское прозвище Чирак, дети Помаса получили имена Сидорик и Остинко, сын Чирака носил имя Пахомко, см.: АСЭИ. – М., 1964. – Т. III. – С. 312; Лашук Л. П. Формирование народа коми. – М., 1972. – С. 123.

⁸³ Плигузов А. И. Первые русские описания. – С. 47–48.

⁸⁴ Куцрявцев И. М. Сборник. – С. 273.

⁸⁵ ДАИ. – СПб., 1846. – Т. 2. – № 295. – С. 256 (наказная память ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова служилым людям Максиму Телицыну «с товарищи», отправленным на речку Юганду, 28 августа 1641 г.).

⁸⁶ Гоздаво-Голомбиевский А. А. Из сибирских актов: О Демьяне Многогрешном и диких людях чюлюгдех // ЧОИДР. – 1888. – Кн. 1. Опд. III. С. 3 (отписка енисейского воеводы К. О. Щербатого в Сибирский приказ, июля 1685 г.).

⁸⁷ Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды Комиссии по древнерусской литературе Академии Наук. – Л., 1932. – Т. 1. – СА9-50; ПСРЛ. – Пг., 1924. – Т. 24. – С. 207; Т. 25. – С. 333; Т. 26. – С. 280.

⁷¹ ПСРЛ. – Т. 1. – Вып. 1. – Стб. 235–236.

⁷² О происхождении названия Югра см.: Хайду. П. Уральские языки и народы. – М., 1985. – С. 33–35.

⁷³ НПЛ. – М.; Л., 1950. – С. 40, 232.

⁷⁴ ПСРЛ. – СПб.; 1915. – Т. 4. – Ч. 1. – Вып. 1. – С. 291; Т. 5. – С. 230.

⁷⁵ НПЛ. – С. 97, 99, 339, 342.

⁷⁶ Delort R. Le commerce des fourrures en Occident a la fin du Moyen Age (vers 1300 – vers 1450). – Roma, 1978. – V. I. – P. 257–276.

⁷⁷ Голубинский Е. Е. История русской церкви. – М., 1900. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 288.

⁷⁸ ПСРЛ. – Т. 25. – С. 296–297.

⁷⁹ Там же. – Т. 28. – С. 146; Т. 24. – С. 195: «Того же лета татарове казанские побии устюжан на Каме, 40 человек, идущи к Тюмени торгом».

⁸⁰ Там же. – С. 311–319.

⁸¹ ДДГ. – М.; Л., 1950. – № 74. – С. 275–277.

4. Книжные реминисценции Сказания (отмечены выше) не таковы, чтобы помещать наш текст в ряд других письменных космографических статей. Сказание скорее несет на себе отпечаток начитанности его автора, желавшего пересказать рассказы очевидцев известным ему книжным языком.

5. Центр «Восточной страны», откуда автор Сказания знакомился с зауральскими землями, определенно являлся Югорской землей: [1], [3], [4], [5] разделы описывают территорию «за Югорской землей над морем», [6], [7], [8] рассказывают о народах, живущих «в той же стране», [9] – о народе, что «облежит около Югорския земли», то есть окружает Югру⁸⁸.

Жители Югорской земли названы «малгонзеями» (чтение старшего списка ГБЛ, Муз. 3271). Анучин думал, что именем «молгонзеев» (чтение поздних списков) в Сказании названы юраки (ненцы), и это слово не является собственным названием племени, а заимствовано из языка коми (молгон – málhapa – «крайний, конечный»). Более убедительна атрибуция Г. Н. Прокофьева, который показал, что в данном случае речь идет о роде энцев monkasi (monkandi, moggadi), а русское название «Мангазея» означает «земля (рода) monkasi» – monkasi ja⁸⁹. Этот род под именем мангазея (позднее: муггади) известен и по ясачным книгам Мангазейского уезда XVII века⁹⁰.

6. Упомянутую в разделе [6] землю Баид Д. Н. Анучин считал районами горного Алтая и мотивировал свою точку зрения следующим образом⁹¹. Баид находится, согласно Сказанию, в верхнем течении Оби. Анучин разыскал в списке ГИМ, Синод. 272 пояснение к этим словам: «вверху Оби реки великия, поперек ея ехати ден ми летнии», и на основании этого чтения сделал вывод о том, что в Баид «можно попасть только летом, плывя вверх по течению». Однако фраза была Анучиным прочтена неправильно: в данном, как и родственных ему списках (ГБЛ, Попов 59 и ЦГАДА, ф. 181, № 591), сказано: «ехати день летнии», то есть переправа через Обь занимает целый день. Слова, появляющиеся в трех позднейших, 30–40-х гг. XVII в., списках, вполне соответствуют тому, какой знали Обь первые географы и землепроходцы.

В Югорском дорожнике Герберштейна находим точное соответствие чтению синодального списка: «Через эту реку они едва переправились за целый день, да и то при быстрой езде: она столь широка, что тянется почти на восемьдесят верст»⁹².

Следующие аргументы Анучина в пользу южного положения Баида также основываются на данных Сказания, однако свидетельства источника противоречивы, и привести их к согласию, как оказалось, невозможно. Недвусмысленное утверждение Сказания о том, что в земле Баид нет леса, автор предлагает понимать так, будто на самом деле лес был, «но отличался от северной сплошной тайги, был смешанным ... и рос в горах». Упоминание источника о том, что народы Баида употребляли в пищу олени головы, Анучин не принимает и высказывает предположение, что самоеды Баида занимались разведением не северных оленей, а маралов.

Вторую группу свидетельств о месте Баида дают нам западно-европейские картографы XVI–XVII вв., указывающие на районы Заполярья за Енисеем и Пясиной, но чаще – на побережье Ледовитого океана. Их данные также не сходятся с гипотезой Анучина, и ученый отклоняет их свидетельства на том основании, что картографы были «преданы прежним авторитетам» и покорно повторяли чужие ошибки. Изучив древнейшие карты Северо-Востока Азии, Анучин убедился в том, что все географы предпочитали видеть в Баиде горный район, а эти горы можно сопоставить с легендарным Иммаусом Птолемея, с горной цепью, что по преданию делит азиатскую Скифию на западную и восточную части. По мнению Анучина, космографы специально переносили единственные известные им в Скифии горы с юга Сибири туда, где рассчитывали обнаружить птолемея Иммаус.

⁸⁸ О значении слов «облежит» и «около» см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб., 1902. – Т. 2. – Стб. 569, 645.

⁸⁹ Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. – Л., 1935. – С. 10; Вербов Г. Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всесоюзного Географического общества. – 1943. – Т. 75. – Вып. 5. – С. 16–22.

⁹⁰ Долгих Б. О. Родовой и племенной строй народов Сибири в XVII в. М., 1960. – С. 138–141; табл. 42–44; ср. – С. 119.

⁹¹ Анучин Д. Н. К истории. С. 284–296. Мнение Анучина повторили: Токарев С. А. История русской этнографии. – С. 36–39; Розен М. Ф. Алтай на чертежах и картах XVI–XIX вв. // Историческая картография и топонимика Алтая. Томск, 1980. С. 11–12; Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984. – С. 121–122 и др.

⁹² Герберштейн С. Записки о Московии. – С. 157.

Доводы Анучина вызывают возражения. Картография XVI–XVII вв., развиваясь первоначально в русле птолемеявской традиции, стояла перед открытиями целых континентов, и все чаще предпочтение картографов отдавалось осведомленности очевидцев. Паоло Джиовио, слышавший в 1525 г. от Дмитрия Герасимова устные описания северных земель, в заголовке своего труда с гордостью указывает на «зablуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, в настоящее время нигде не существуют»⁹³. «Преданность авторитетам» не помешала картографам XVII в. перенести землю Колмак из северных областей, куда она по ошибке попала на картах XVI в., к берегу Каспийского моря⁹⁴. При этом Баид остался на прежнем месте. К тому же первым западно-европейским картографам, рисовавшим приполярные области Сибири по типу «птоломеевых» карт (М. Вальдземюллеру, Б. Аньезе, А. Виду, С. Мюнстеру, Дж. Кастальди), Баид не был известен⁹⁵.

Впервые появляется Баид (Baida) на карте капитана А. Дженкинсона. Составитель ее, возглавлявший в 1557–1560 гг. экспедицию на корабле «Примроуз», в эти годы был тесно связан с Р. Джонсоном и весной 1560 г. получил от него английский перевод статьи «О неизвестных человецех»⁹⁶. Здесь Baida обозначена восточнее земли Molgomzaia на берегу Ледовитого океана и ни с какими горами не связана⁹⁷. На картах В. Баренца (ранее 1597 г.), И. Гондия (1606 г.), Г. Герритса (1614 г.) загадочная земля Baida также не имеет никакого отношения к цепям северных гор⁹⁸. На сводной карте 20-х гг. XVII в. Baida отделена от Molgomzaia горной цепью, на картах Гондия 1617 и 1633 гг. название интересующей нас страны уже ближе прижато к западным склонам меридиональных гор, и лишь на эклектической карте из атласа Сансона (гравирована в Париже в 1654 г.) Baida действительно лежит в горах и ассоциируется с горной цепью⁹⁹. Следовательно, основной тезис Анучина ошибочен: по единодушному мнению картографов (не средневековых натурфилософов, а агентов торговых компаний и их корреспондентов), Баид лежал к востоку от земли Molgomzaia, в северных областях Сибири, близко к руслу Енисея. Уточнить место земли Baida помогают данные этнографии. В этом районе еще в XVII веке, с самого начала русских переписей, жил род (фратрия)¹⁰⁰ энцев Бай. Нет никаких данных о том, чтобы энцы Бай в XV–XVI вв. совершали большие переселения, так что свидетельства XVII в. могут быть ретроспективно перенесены на одно-два столетия ранее. Этнографические материалы об энцах Бай собрали Г. Н. Прокофьев и Г. Д. Вербов, а материалы ясачных книг XVII в. и позднейших переписей обобщил Б. О. Долгих. Род Бай дал названия двум правым притокам Турухана – Верхней и Нижней Баихам (от baja jaha, река [рода] Бай)¹⁰¹.

⁹³ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. – С. 252.

⁹⁴ О русском открытии Калмыкии см.: Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. – Ithaca; London, 1992.

⁹⁵ Норденшельд А. Э. Первая карта Северной Азии, основанная на действительных наблюдениях // Записки военно-топографического отдела Главного Штаба. – 1899. – Ч. 44. – Отд. 2. – № 7. – С. 5; Кордт В. А. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Сер. 1. Вып. 1. Карты VI–VII; Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. М., 1964. Карта 20; Fisher J., Wieser F. Die Alteste Karte mit dem Namen Amerika. Innsbruck, 1903. по. 17–18; Munster S. Cosmographie. Basel, 1550 (Reprint: Amsterdam, 1968); A Book of Old Maps ... / Ed. by E.D. Fite and A. Freeman. Cambridge MA, 1926. no. 1, 7; Bagrov L. A History of the Cartography of Russia up to 1600. – Ontario, 1975. – P. 61–90.

⁹⁶ На карту Дженкинсона могла повлиять и несохранившаяся карта В. Берро, который в 1556 г. плывал к берегам Новой Земли вместе с тем же Р. Джонсоном: Вальдман К. Н. Об изображении Белого моря на картах XV–XVII вв. // История географических знаний и открытий на Севере Европы. – Л., 1973. – С. 98; Ahlenius K. Till kimnedomen om skandinavien geografi och kartografi under 1500-talets senare hälft. – Upsala, 1900. – P. 57–58.

⁹⁷ Кордт В. А. Материалы. Карта XVIII, ср. карты XIX–XX. Аналогичную картину находим на карте Ф. де Вита 1668 г.: Campbell T. Early Maps. – New York, 1981. – P. 19.

⁹⁸ Там же. Карта XXXI; Кордт В. А. Материалы. – Киев, 1906. – Сер. 2. – Вып. 1. – Карты X, XVIII.

⁹⁹ Campbell T. Early Maps. P. 17; Атлас географических открытий. Карта 24. Кордт В. А. Материалы. – Сер. 2. – Вып. 1. – Карты XIX–XX.

¹⁰⁰ Не имея возможности обсуждать вопрос о типах фратриальной организации угро-самодийцев, отсылаю читателя к новейшим исследованиям: Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. – М., 1983; Васильев В. И. Проблемы формирования фратриально-родовой организации у народов севера Западной и Средней Сибири в свете их этногенеза // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск, 1987. – С. 133–143.

¹⁰¹ Ср. сведения о станции Баишиха на берегу реки Таз: Объяснительная записка к географической карте Туруханского края сорокаверстного масштаба (16,8 км. в 1 см) / под ред. В. П. Косованова. – Красноярск, 1928. – С. 21. Прочие топонимы на Бай-, Баид-см.: Vasmer M. Russisches Geographisches Namenbuch. – Wiesbaden, 1964. – Bd. I. – S. 233, 235.

Соответственно Baida Дженкинсона и Баид Сказания «О человецех незнаемых» – это baj aja, земля рода Бай, которая располагалась в бассейнах среднего и верхнего течения Таза и Турухана¹⁰².

Возражения против доводов Анучина в равной степени ослабляют и гипотезу С. А. Токарева, который поместил Баид в верхнем течении притока Оби реки Ини, в бассейнах Большого и Малого Бачата, где некогда будто бы жил народ, называвший себя «баитами»¹⁰³. Нельзя построить непротиворечивую систему аргументации, опираясь лишь на два из многих свидетельств Сказания (положение Баида вверх по течению Оби и возможный этнонимический источник названия самоедской страны).

Иную точку зрения на происхождение имени северной земли высказал Б. О. Долгих. Он предположил, что род эвенков Бай получил свое название от эвенков Баяды. А земля Баид, по его мнению, представляла собой район расселения этих эвенков, то есть лежит еще далее на восток – в низовьях Ангары, Подкаменной Тунгуски и верховьев Котуя¹⁰⁴. Убедительность первого предположения Долгих значительно ослабляется тем фактом, что этноним Бай находит аналогии в кетоязычных этнонимах Южной Сибири, откуда, в соответствии с гипотезой Фишера-Кастрена, вышли предки северных самодийцев. На это обстоятельство обратил внимание В. И. Васильев. Еще во II–IV вв. н. э. будущие энцы Подгородной волости XVII в. (волость находилась под городом Туруханском) жили на Саянском нагорье, где этноним Бай был распространен – и это имя унесли на север, в среднее течение Енисея¹⁰⁵.

Спорность первого предположения Долгих, по видимости, не наносит ущерба второй его гипотезе: автор Сказания мог слышать в XV в. и об энцах Бай, и об эвенках Баяды. Однако против такого объяснения говорит само Сказание – оно ни словом не упоминает о второй могучей реке Сибири – Енисее, через который пришлось бы переправляться, чтобы достичь кочевий Баяды. Сказание описывает Баид как землю, сопредельную кочевьям «малгонзеев», а картографы XVI–XVII вв. уточняют: сопредельную с востока, – значит, Баид следует искать в бассейне Турухана, а не в 500 километрах от него, через голову лесных энцев Бай.

Указание Васильева на кетское происхождение имени лесных ненцев и, возможно, самой группы Бай, некогда оторвавшейся от кетов-пумпокольцев, ушедшей из бассейна Оби на Енисей и ассимилированной самодийцами¹⁰⁶, не влечет за собой новых решений относительно местоположения Баида: описанный процесс завершился в начале II тысячелетия н. э., и к моменту складывания Сказания этническая карта Сибири приобрела близкие к современным очертания, которые и отразил автор Сказания.

Раздел [9] имеет в виду ненцев Северного Урала и полуострова Ямал¹⁰⁷. Народ «молгонзеев» в разделе [1], – вероятно, лесные энцы рода монкаси (муггади), кочевавшие в среднем и верхнем течении реки Таз¹⁰⁸, южнее района будущей русской Мангазеи. Автор Сказания считает, что страна Баид лежит «вверх Оби реки великиаз»¹⁰⁹; энцы кочевали на востоке и юго-востоке от Оби – по берегам Таза и в междуречье Таза и Турухана; возможно, вверх в данном случае означает: на юго-восток (см. прим. 108); другая, более вероятная возможность примирить противоречивые свидетельства

¹⁰² Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. – Л., 1935. – С. 10; Вербов Г. Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. – 1943. – Т. 75. – Вып. 5. – С. 16–22; Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. – М.; Л., 1949 (Изд. 2-е). – С. 84–86; ср. с. 397–401; Бояршипова З. Я. Население. – С. 30–33; Васильев В. И. Лесные энцы // Сибирский этнографический сборник. – М., 1963. Вып. V. С. 38–39; Лашук Л. П. «О человецех незнаемых» // Вопросы истории. – 1971. № 11. – С. 210.

¹⁰³ Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период). – М., 1966. – С. 36–39; ср. С. 360. О «бантах» см.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянханский край. – Л., 1926. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 200, 240–245.

¹⁰⁴ Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. – М., 1970. – С. 212–218.

¹⁰⁵ Васильев В. И. Проблема этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) // Этногенез народов Сибири. – М., 1980. – С. 44 и др.

¹⁰⁶ Васильев В. И. К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. – М., 1974.

¹⁰⁷ Анучин Д. Н. К истории. – С. 306–308.

¹⁰⁸ Вербов Г. Д. О древней Мангазее. – С. 19–20; Долгих Б. О. Очерки. – С. 193–194 и карта между с. 268 и 269.

¹⁰⁹ Обыкновенно слова «вверх», «вверх» в сходном контексте обозначали верховья реки (Словарь древнерусского языка [XI–XIV вв.]. / гл. ред. Р. И. Аванесов. – М., 1989. – Т. 2. – С. 269–270), однако любопытно, что в архангельских диалектах «вверх» имеет дополнительное значение: юго-восток (Архангельский областной словарь. – М., 1983. – Вып. 3. – С. 129).

сказания – ожидать, что описанная дорога в Баид была намечена в низовьях Оби, например, в районе будущего Обдорска¹¹⁰, откуда сначала следовало подняться вверх по Оби примерно до устья Ваха, и лишь затем поворачивать на восток или юго-восток (скажем, Вах – Волочанка – Елогуй), к Тазу и Турухану¹¹¹. Однако русская дружина в 1483 г. не сплавалась по Оби так далеко, как требует того топография Сказания (см. Приложение 3); у нас нет свидетельства о проникновении русского населения в низовья Оби в течение всего XV столетия, – следовательно, Сказание с большой степенью вероятности было записано со слов остяка или вогула, жившего в северных областях Югорской земли или побывавшего там.

Переплетение реалий местного быта с утопическими легендами, возможно, свидетельствует о том, что Сказание возникло в результате редактирования и обработки первоначального менее украшенного документального текста «распросных речей».

* * *

Наши наблюдения, взятые в совокупности, дают некоторые основания датировать Сказание «О незнаемых человецех» 1483–1484 годами и считать эту статью первым хорографическим описанием Зауралья.

* * *

Система ориентации Сказания примерно соответствует античной периегезе¹¹² – сначала последовательно называются самоедские племена, кочевья которых находятся рядом, от ближних – к дальним:

[1] на Вьсточной стране за Югорьскою землею над морем живут люди самоедь, зовомы малгонзеи

[3] в той же стране за теми, над морем же

[4] в той же стране за теми людьми, над тем же морем

[5] в той же стране за теми.

Сопоставление этой скупой информации с картой кочевий самоедских племен в XVII веке (без особого риска ошибиться можно пользоваться сведениями по исторической географии XVII столетия и применительно к XV веку) показывает, что известия [1], [3], [4], [5] относятся к кочевьям лесных энцев муггади (монкаси) и далее на север, по направлению к Тазовской губе и Карскому морю – там жили роды (фратрии) юци, салярта, аседа¹¹³. По мере удаления от географически определенной точки – земли «малгонзеев» – рассказы о незнаемых племенах обращаются в легенду. 2-я редакция статьи «О незнаемых человецех» помещает в этот ряд дополнительное мифическое известие [2] о линной самояди («в той же стране...»).

Дальнейший рассказ открывает читателю новое направление вглубь Восточной страны:

[6] в той же стране, вверх Оби реки великиа есть такова земля, Баид зовома

[7] в той же стране

[8] вверх тоя же реки Оби, в той же стране.

Можно примерно указать место Баида и сопредельных земель: это междуречье Таза и Турухана, бассейны Нижней и Верхней Баихи, где жили лесные энцы бай и их соседи – энцы харасидин и вангугин¹¹⁴. Каждый из рассказов [6], [7], [8] сказочен, недостоверен; сбивчивое повествование о незнаемых народах явно не поспевает за воображением русского автора сказания: известия о земле Баид содержат мотивы, характерные для книжных легенд и фольклора (см. выше). Не случайно рассказ [8] в XVII веке подвергся переработке и еще более стал походить на сказку (ГБЛ, Муз. 4305).

¹¹⁰ Обдорск был основан в 1595 г., в 1933 г. переименован в Салехард.

¹¹¹ Вилков-О. И. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). – Новосибирск, 1968. – С. 67–69; Кушелевский Ю. И. Путевые заметки, веденные во время экспедиции 1862, 1863 и 1863 г. – Тобольск, 1864. – С. 6–8 и карта в приложении к книге; Плигузов А. И. Первые русские описания. – С. 46–47.

¹¹² Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. – М., 1978. – С. 28, 34–35.

¹¹³ Долгих Б. О. Очерки. Карта между с. 268 и 269. Он же. Родовой и племенной строй народов Сибири. – С. 138–141; табл. 42–44; с. 119.

¹¹⁴ Долгих Б. О. Очерки. Карта между с. 268 и 269.

Заключительное известие [9] возвращает нас к Югорской земле: [9] в Вьсточной же стране есть иная самоедь, зовома каменская. Облежит около Югорьския земли, а живут по горам по высоким. Каменская самоядь – это обдорские ненцы (юраки); автором описаны восточные склоны Уральских гор, а упоминаемая в тексте Югорская земля – низовья Оби, район расселения хантов, известный в русских источниках под именем Обдоры.

Первая редакция Сказания (1483–1484 гг.) легла в основу второй редакции, возникшей не позднее начала XVI столетия (дата списка ГПБ, Соф. 1462). Редактор – сам пермский епископ Филофей или его сотрудник – следовал первоначальному замыслу: он не только дополнил описание сибирских инородцев конкретными деталями («и стрельцы скоры и горазды», «пыжи»), но и подробнее изложил легенды о неизвестных народах (рассказ [2]; дополнено известие [5]).

И последующие копиисты, наталкиваясь на двойственную природу текста, то спешили подчеркнуть и расширить присутствие реальности в пространстве Сказания (списки Л, П, Син, Ц, У), то погружались в визионерский мир легенды (список Муз), дополняя Сказание по сказочному Посланию пресвитера Иоанна или по Луцидарию («в грудех очи» списка А) и перенося Восточную страну на берег «Оки реки великия» (А), то есть в иной непространственный мир, ибо подлинная Ока менее всего соответствовала мечтаниям о неизвестных землях¹¹⁵.

Сказание «О неизвестных человецех» родилось на границе освоенного и неосвоенного миров, где на золоте гнезятся геродотовы грифы и где карлики гоняются за журавлями, на границе реальности и легенды, на границе устной и письменной словесности. Приметы жанра космографической статьи переплетаются в Сказании с делопроизводственным формуляром «распросных речей». Подобно Кентавру-Китоврасу, Сказание с достоинством несло свою двойственную природу из столетия в столетие. По мере освобождения от определенной этногеографической почвы, Сказание все глубже уходило в мифопорождающую стихию легенд о далеких землях, обретая тем самым большую свободу интерпретации. Так из сходного фольклоризованного материала появились на свет поздние, не ранее начала XVII столетия, утопические предания о граде Китеже – полу-летопись, полу-сказка; так, хотя и непрямым путем, формировались фетишизированные представления о сибирских инородцах в сознании писателей областнического направления¹¹⁶.

¹¹⁵ На исходе XVII столетия [5] известие Сказания отразилось в оригинальной русской статье «Царство Сибирское» (1680/81 г.); А. Н. Попов опубликовал ее по списку Хронографа редакции 1696 г. – ШБ. F. IV. 165, см. соответствующий фрагмент: Попов А. И. Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в Хронографы русской редакции. – М., 1869. – С. 528–529. Ср.: Он же. Обзор Хронографов русской редакции. – М., 1869. – Вып. 2. – С. 225–226. Более исправный текст статьи «Царство Сибирское» с правильной датой находится в рукописи конца XVII века ГБЛ. Унд. 1185. – Л. 22–23 об.

О позднейшем устном бытовании Сказания в Северо-Восточной Сибири см.: Окладников А. П. Исторические рассказы и легенды Нижней Лены // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.; Л., 1949. – Т. 11. – С. 85; Венедиктов Г. Л. Фольклоризация памятников древнерусской литературы в Русском Устье // ТОДРЛ. – Л., 1985. – Т. 40. – С. 402.

Вопреки мнению М. Н. Сперанского (Сперанский М. Н. Сказание. С. 397), в двух позднейших списках повести об Индейском царстве (ГБЛ. Муз. 3146 и ГИМ. Щук. 1073) находим влияние не Сказания о народах Восточной страны, а скорее устной молвы о самоедах («коровьи ноги, песьи мортки, иже то суть самоеди»). Е. И. Дергачева-Скоп считает, будто Сказание «О человецех неизвестных» было использовано С. У. Ремезовым в «Истории Сибирской», однако Ремезов не оставил нам никаких следов заимствования из русской статьи о самоедах, см.: Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. – Свердловск, 1965. – С. 21. Мнение Дергачевой-Скоп повторено в кн.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973. – С. 24; Очерки русской литературы Сибири: Дооктябрьский период. – Новосибирск, 1982. – Т. I. – С. 32.

¹¹⁶ Не случайно Сказание вошло в научную литературу со страниц книги Фирсова о «положении инородцев» (Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866. – С. 30–31). Постепенное превращение утопического образа примитивных народов в социальный фетиш недавно описал Хайден Уайт: White H. The Noble Savage Theme as Fetish // White H. Tropics of Discourse. – P. 183–196.

Дьёни Габор¹

¹ Университет имени Лóранда Ётвёша
Egyetem tér 1–3, Budapest, 1053, Венгрия
E-mail: dominus2006@yandex.ru

Угрия/Югрия: филология и история

Человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов.
Макс Вебер

Аннотация. В статье коротко рассматривается «Югорская проблематика» с точки зрения историка. Источники свидетельствуют о том, что в средневековой Руси (Новгороде) одним и тем же словом называли мадьяр и жителей Уральского региона, Западной Сибири (речь идет о народности, которую условно можно называть «угорской»). Это исторический факт, который независим от этимологии слов «Югрия», «Угрия» и отражает определенную этногеографическую картину мира. Подчеркивается, что современные этимологические догадки не перечеркивают исторические факты.

Ключевые слова: Угрия, Югрия, Русь, Новгород, филология, история, угры, угорские народы, венгры.

Проблема Угрии/Югрии имеет большую историографическую традицию как в Венгрии, так и в России. Как объяснить общее внешнее название мадьяр/Венгрии и (условно) манси (жителей Урала и Западной Сибири) у средневековых восточных славян и что из этого следует?

В русских источниках уральская Югрия впервые появляется в сообщении ПВЛ 1096 г. Сразу после размышлений о родстве половцев (куманов) и вообще тюркских народов следует услышанная в 1092 г. автором летописи история о том, что новгородский Гюрят Рогович отправил свою дружину в восточную Печору, платящую дань Новгороду. Отряд достиг и земли к востоку от Печоры, Югры (*Югра* по Лаврентьевской, *Оугра* по Ипатьевской летописи) [ПСРЛ, I. – С. 235; ПСРЛ, II. – С. 225]. Там люди жили в соседстве с самодийцами [ПСРЛ, I. – С. 227; Klima, 2016: 258]. Из рассказа следует, что Печора уже тогда платила дань Новгороду, но встреча с жителями Югры/Угры была необыкновенным событием. Получился какой-то диалог между новгородцами и «югричами» («Югра/Оугра же рекоша ѡтроку моѣму»). В летописи автором дается книжное объяснение для понимания югорского/оугорского пространства: якобы это то место, которое Александр Македонский окружил стеной, оно является «чужим», вне «понятного», или «цивилизованного» мира. В этом смысле югорская история ПВЛ и предыдущий рассказ о тюркских народах определяет известные этногеографические пределы и ментальные границы, бросает быстрый взгляд на чужой мир [ПСРЛ, I. – С. 235]. По этой истории Югру/Угру обычно локализуют на Урале – ведь дорога в Югрию ведет из Печоры, а оттуда через леса к самодийцам, хотя в тексте четко различается Печора, платящая дань Новгороду (т. е. известный край), и неизвестная Югра/Угра, полная чудесами [Головнёв, 1998. – С. 133–144].

В позднейших российских документах Югрия отождествляется с Западной Сибирью, Обско-Уральским регионом. В раннем новом времени в российской географической традиции Югра и Сибирь однозначно разделялись. Югра отождествлялась с Обским регионом, а к северо-востоку от него располагалась Сибирь [КБЧ. – С. 168–170]. Но Венгрию тоже называли Угрией, или Югрией (а венгров обычно уграми).

В географическом введении ПВЛ «Оугорьска земля» находится «по Дунаеви» [ПСРЛ, I. – С. 5]. «Угры черные», проходившие мимо Киева в IX в. «при Олзе», – безусловно венгры; а белых угров, упоминаемых

в связи с событиями VII века, можно отождествлять, по всей видимости, с оногурами, занявшими Карпатский бассейн около 680 г. [ПСРЛ, I. – С. 25]. (А этноним угры происходит от оногур.) Восточная Угра тоже встречается в географическом введении ПВЛ, при описании «Яфетовой части»: «Чюдь и вси языци Мерѧ Мурѧ Весь Морѧдва Заволочьскаѧ Чюдь Пермь Печера Ъмь Оутра [в тексте Ипатьевской летописи «Югра»] Литва Зимѧгола Корсь Сѣтъгола Любь Лахове же и Пруси» [ПСРЛ, I – С. 3]. Этот перечень «языков» идет более-менее последовательно, с запада на восток. Угра упомянута между Печорой, Ямом и Литвой Земголой. Обычно эта Угра отождествляется с Урало-Западносибирским регионом, что, наверное, правильно, хотя в новгородском летописании есть и примеры того, что землю, близкую к Литве, называли Угрой (с XIV в.) [НПЛ. – С. 403; ПСРЛ, II. – С. 4].

В данном случае новгородские источники самые аутентичные, ведь впервые именно новгородцы колонизировали Север и Урал. Самая старая сохранившаяся русская хроника, Новгородская Первая летопись, впервые упоминает «югричей» лишь в 6695 (1187) г., когда в Печоре были избиты «печорские и югорские» люди, по-видимому, какой-то отряд Новгорода [НПЛ. – С. 38]. Известно, что в Новгороде в XI в. жил некто под именем Угрин [Медынцева, 1978. – С. 16; Gyófi, 2017].

В качестве географического названия Югрия упоминается лишь в 6701 (1193) г., когда новгородский отряд во главе с Ядреем пришел туда, взял некий *город*, затем стоял у другого *города* 5 недель, но «Югра» обманом захватила членов экспедиции, новгородцев вырезали, из отряда в живых осталось 80 человек. По версии НПЛ младшего извода, у югорцев был свой князь. Упоминание городов и князя предполагает какую-то организованную власть. В Новгороде долго не получали никаких известий об отряде, что вызывало беспокойство. Остатки экспедиции вернулись лишь в следующем году [НПЛ. – С. 40–41, 232–234].

Венгры (угры, *Угре*) впервые упоминаются в Н1Л СИ лишь в 6727 (1219) г. в связи с переселением князя Мстислава Мстиславича на юг [НПЛ. – С. 59]. А в НПЛ младшего извода угры (мадьяры) впервые упоминаются в 969 г. – это стандартный «киевский» рассказ о том, как князь Святослав Игоревич выбрал себе местом жительства нижнедунайский Переяслав, потому что там в том числе было «из Угров серебро и конѧ» [НПЛ. – С. 120]. Затем Венгрия (*Угра*) упоминается при «житии» Михаила Черниговского, куда он бежал во время нашествия татар [НПЛ. – С. 298]. При описании нашествия татар одна из новгородских летописей (Н4Л) Венгрию называет *землей Угорской*, венгров – западными уграми (что предполагает существование и других), но город Варад уже *Варядином Югорским* [ПСРЛ, IV. – С. 474].

Далее, в более поздних источниках, обычно Югра – это северо-восточный («урало-западносибирский») край. В 6831 (1323) г. устюжане напали на новгородцев, которые ходили на Югру. Такой же инцидент повторился через шесть лет [НПЛ. – С. 97, 99]. В Н4Л под 6865 (1358 г.) есть известие о том, что некоего Самсона Колыванова убили «на Югре» [НПЛ. – С. 287]. В 6872 (1364) г. «дети боярские и молодые люди» из Новгорода совершили успешную экспедицию на Обь (в Югру), в которой новгородская рать состояла из двух групп, одна действовала «до моря», а другая «на верхъ Оби воеваша» [ПСРЛ, IV. – С. 291].

В 1445–1446 гг. трехтысячное войско «заволочкое» совершило успешный поход на Югру, где захватили многих «югричей», в том числе «и женѧ и дѣтеи». По более подробному рассказу Н4Л поход закончился неудачно. «*Оугрици*» сначала просили мира и предлагали платить дань, но затем они ударили по новгородцам на остроге Васильев и «избиша» 80 человек, «много людеи» [НПЛ. – С. 425, ПСРЛ, IV. – С. 441].

Эти известия свидетельствуют о том, что югорские экспедиции новгородцев не всегда были успешными, даже можно сказать, что военные отряды неоднократно терпели поражение. Не раз упоминается «хитрость» югорцев, повторяется сюжет, когда новгородцы, несмотря на первоначальные успехи, в конце концов терпели поражение. Будто бы летописные писания хотели предостеречь от легкомысленных северо-восточных приключений. Югри – это территория для молодых искателей приключений, но она далекая, опасная, обманчивая...

Для нас в данном случае прежде всего имеет значение то, что в новгородских известиях смешиваются названия «Угрия» и «Югрия».

Подобное явление наблюдается и в других летописных традициях. В известиях Никоновской летописи XVI в. (при составлении которой, по-видимому, использовали какой-то новгородский источник), венгры упоминаются как «югричи» (1138 г.). Венгры, подобно Н4Л, называются «западными уграми» [ПСРЛ, IX. – С. 162; ПСРЛ, X. – С. 135]. При описании московского похода на Выгедгу и Урал (1499 г.)

упоминается *Угорская* земля [ПСРЛ, XI. – С. 249]. Таким образом, речь идет о том, что в средневековой русской географической терминологии одним и тем же именем называли и мадьяр в Карпатском бассейне, и население Урала и Западной Сибири (манси). (По академику Б. А. Серебренникову, Угрия/Югрия в русских источниках и этноним *угры* каким-то образом связаны друг с другом [Серебренников, 1963. – С. 6].) Такая интерпретация на несколько столетий опередила свое время; ведь в современной научной терминологии языки ханты, манси, мадьяр мы называем угорскими, а эти народы соответственно «угорскими» [Budenz, 1873–1881: 111].

В предыдущих исследованиях главным вопросом «проблемы Угрии/Югрии» был вопрос о происхождении этого названия и о том, в какие исторические рамки можно разместить получаемые лингвистические/этимологические выводы.

Существует мнение, что названия «Угра, Югра, Югрия», возможно, имеют античное происхождение. Геродот в своей Греко-персидской войне дает подробное описание Скифии, среди ее жителей упоминает народ «юрка», который некоторые исследователи (например, Б. Мункачи, Г. Вернадский) отождествляли с уграми, несмотря на то что этноним «угры» как самоназвание не существует среди «угорских» народов [Munkácsi, 1890; Вернадский, 1997. – С. 84]. Как на это обратил внимание Л. Лигети, юрки никак не могут быть уграми, ведь последний этноним, без сомнения, происходит из «оногур» [Ligeti, 1943: 53].

По другой версии – которая была выдвинута А. Регули – русское слово Югрия происходит из коми *Jögra* [FÖNY: 35]. Ведь коми называют угров йограми, поэтому возможен пермский источник и в конечном итоге финно-угорское происхождение этого слова. По мнению Б. А. Серебренникова, слово *jögra* происходит из финно-угорского **jong* ‘человек’ (ср. марийское *jen* ‘человек’), а по версии В. Лыткина, *jögra* исходит из формы **jongra*, которая обозначает ‘белая (светлая) река’ [Туркин, 1985. – С. 45–50]. Подобный этноним был известен, по-видимому, у тавдинских манси, которые называли самодийцев *jörgan* [Gulya, 1960: 30]. В литературе встречается и такое мнение, что название «Югрия» происходит от тех уйгуров, которые якобы переселились в IX–X вв. на Иртыш, Южный Урал [Zsirai, 1931–1934: 36–37; Vásáry, 1982: 257].

Авторы цитируемых работ обычно исходили из того, что совпадение названий «Югрии» и «Угрии» отражает некий исторический факт [Напольских, 1998. – С. 343–351]. Названия «Угрия», «угры» (т. е. внешнее название *мадьяр*), безусловно, происходят из этнонима *оногур* [Németh, 1991: 142, 148]. Но поскольку оногуры никогда не жили в Югрии, это название не может иметь оногурское происхождение, – писал П. Хайду, превращая филологические аргументы в историческую плоскость, не обращая внимания на различие «знак – значимое» (в Америке тоже не жили индейцы, но коренных жителей Нового Света все-таки называют индейцами). На самом деле уже венгерский лингвист Миклош Жирази заметил суть проблемы: «Можно сделать вывод, что были правы те, которые отождествляли в XV–XVII вв. мадьяр (угров) и вогулов-остяков (Угра, Югрия) не только по языку, но и по названию» [Zsirai, 1937: 145; Хайду, 1985. – С. 34–35]. Выражаясь более точно: «...были убеждены не только в родстве этих двух народов, мадьяр и обских угров, но и знали об общем происхождении этих двух этнонимов, даже, возможно, что именно совпадение этих имен зародило мысль о родстве этих народов» [Zsirai, 1931–1934: 36]. Что касается этимологии, то Жирази полагал, что в данном случае можно игнорировать данные языка коми, и считал возможным русское происхождение слова «Югрия». Ссылаясь на данные северорусских говоров, он демонстрировал переход *и- > ju-* [Zsirai, 1931–1934: 47–50].

Поскольку я не лингвист, то не могу решить вопрос этимологии этого слова. Однако, на мой взгляд, в данном случае этимология – это второстепенный вопрос. Независимо от любого этимологического решения остается фактом то, что в восточнославянском пространственном измерении венгры и жители Урала – Западной Сибири носили тот же самый этноним. Это доказывает, что люди (восточные славяне), которые употребляли эти названия, знали о том, что угры Карпатского бассейна (венгры) и югры Урала – Западной Сибири каким-то образом связаны друг с другом. И в этом смысле не имеет значения, что в некоторых восточных источниках тоже встречается географическое название «Югра», которое, по-видимому, связано с Севером.

Из этого также следует, что восточные славяне впервые познакомились с мадьярами, которых почему-то называли уграми (на мой взгляд, главная загадка древней венгерской истории – в том, почему

назвали славяне, затем и западноевропейские народы мадьяр унграми/уграми еще до обретения родины в 895 г.), а позже, в XI в., на Урале с «уграми» (манси). Либо познавая языковое сходство мадьяр с манси, либо, что кажется более вероятным, зная об уральских корнях мадьяр, они назвали подобным образом мадьяр и коренных жителей Урала и Западной Сибири.

Это конечно предполагает, что были какие-то контакты между мадьярами и восточными славянами в XI в. или еще до этого времени и что в этнотерриториальных представлениях восточных славян мадьяры занимали определенное место. То, что существовали интенсивные контакты между мадьярами и восточными славянами, относительно неплохо документировано (по традиции Джайхани Ибн Руста: мадьяры «постоянно побеждают славян, которые живут поблизости к ним, облагают их большими даяниями, обращаются с ними как с пленными». Мадьяры продают своих рабов в К.р.х (в Керчи?)) [*HKĪF*: 33–34]. Гора Угорская в Киеве, упомянутая в ранних восточнославянских летописях, наверное, сохраняет память о киевских мадьярах [*Kristó, H. Tóth, 1996*: 24]. Слуга убитого в 1015 г. Бориса Владимировича, Георгий, и его братья, Моисей и Ефрем, были (возможно, восточными?) венграми [*ПЛДР* – С. 286].

То, что в Руси (потом России) было известно об уральском происхождении мадьяр, можно догадаться и по западноевропейским памятникам литературы, имеющим русские источники. Со второй половины XV в. с экспансией Московии/России возрос интерес к этой стране в Европе. Западные дипломаты, торговцы, путешественники приезжали в Россию узнать новую великую державу Севера. Работы писателей XV–XVI вв. произвели огромное впечатление на формирование образа России.

Благодаря одному веронскому купцу, побывавшему в России, в Европу попало известие, что т. н. «азиатские венгры» живут около истока Дона – можно прочесть в *Cosmographia* (1458 г., но она была издана лишь в 1508 г.) Энеа Сильвио Пикколомини (позже папа римский Пий II) [*Vásáry, 1974*: 263].

Особое значение имеет книга польского историка и географа Матвея Меховского о двух Сарматиях (*Tractatus de duebus Sarmatiis Europiana et Asiana*). Книга впервые была издана в 1517 г. в Кракове на латыни. Позже ее издали еще в Граце (1521), Париже (1532), Базеле (1537, 1582), Венеции (1542), Франкфурте (1600), и она, таким образом, имела большое значение для общественности своей эпохи.

Матвей Меховский дал довольно подробное этнографическое и политическое описание двух Сарматий (европейской от Вистулы до Дона и азиатской к востоку от Дона).

Автор в качестве источников использовал классические работы, и – поскольку побывал и в Буде – он мог знать и венгерские хроники (прежде всего книгу Яноша Туроци 1488 г.). По России он использовал устные источники [*Аннинский, 1940*. – С. 13–18; *Radnóti, 2002*: 13–14].

По его описанию гунны, «которых позже называли гуннами и унграми», происходят из северной части Скифии, Югрии. Польский автор упоминал венгерскую легенду о чудесном олене, правда, перенося ее место действия на Волгу и Дон. По его версии, мадьяры гнали лань через эти реки и так пришли из Азии в более благоприятную Европу. По мнению Меховского, внешнее название мадьяр, угор-югор связано с Югрией [*Меховский, 1936*. – С. 69, 79–83]. Автор полагал, что у мадьяр и югричей якобы общий язык [*Меховский, 1936*. – С. 83]. Польский ученый знал, что в Югрии нет высоких гор, а только холмистые места, поэтому кажется правдоподобным описание Среднего Урала, и что в Югрии люди занимаются охотой и рыболовством [*Меховский, 1936*. – С. 83–84]. Известия о Югрии у Меховского явно имеют русское происхождение. Такая версия имеется в одном из белорусско-литовских летописей и в т. н. Списке Быховца [*ПСРЛ, XVII*. – С. 472].

Подобно Меховскому, нюрнбергский патриций Билбалд Риркхеимер (1470–1530 гг.) в работе *Germaniae ex variis scriptoribus parvrebis explicatio* из *Juhria* ведет происхождение мадьяр [*Gombocz, 1923–1927*: 184].

Еще большее влияние оказала на европейскую общественность книга Сигизмунда Герберштейна (1486–1566 гг.), габсбургского дипломата, «*Записки о Московии*» (*Rerum Moscoviticarum comentarii*). Герберштейн отлично знал Венгрию, где провел годы. Будучи совсем молодым человеком, он в 1506 г. побывал в Венгрии, затем еще несколько раз в 1530–1534 и 1537, 1542, 1552 гг. [*Герберштейн, 1988*. – С. 28–29]. Он два раза был в России, в 1517 и 1526 гг., но его работа была опубликована лишь в 1549 г. в Вене (на латыни), потом еще неоднократно на разных языках издавалась в Европе. Книга Герберштейна оказала огромное влияние на формирующийся образ России в Европе [*Герберштейн, 1988*. – С. 28–29; *Radnóti, 2002*: 20]. При составлении своей работы Герберштейн использовал и русские (устные) источники. Автор дал

описание Московии вплоть до Урала и Западной Сибири, упоминая в том числе вогулов и «югричей», коренных жителей Урала (хотя слово «Урал» Герберштейн, конечно, не употребляет) [*Герберштейн, 1988*. – С. 157]. Подобно Меховскому, он полагал, что древняя родина мадьяр была в Югрии: «...так говорят [т. е. источник известия устный], язык Югры до сих пор сходен с венгерским» [*Герберштейн, 1988*. – С. 163]. Это, конечно, сильное преувеличение, но тем не менее оно свидетельствует о том, что была известна связь между венгерским и угорскими языками (подобно этому в 1806 г. Федор Николаевич Глинка, русский офицер, побывавший в Венгрии, писал, что «до сего времени на земле остяков целый ряд поселений говорят на чисто венгерском языке») [*Tardy, 1979*: 198].

В работе венецианца Франческо Тиеполо (60-е годы XVI века) среди восьми провинций Московии упоминается Булгария, Кумания, Цитрацан, Кассан (Казань), Витацан (Вятка), Пермь и Джурия (Югрия). По мнению Тиеполо, венгры (*ungar*) происходят из Джурии и их язык сходен с языком джурият [*Аннинский, 1940а*. – С. 335, 337, 355, 357]. Голландский политик, торговец Николас Витсен (1641–1717 гг.) неоднократно бывал в России. В своей книге *Nord en Ost Tartarye* писал, что это *русские* знают, что мадьяры происходят из краев Югрии и Перми [*Gombocz, 1923–1927*: 192]. Это знание об уральском происхождении мадьяр стало общепризнанным в европейской науке XVIII века (Страхленберг, Фишер, Миллер, Татищев, Гердер).

Те исследователи, которые непосредственно побывали на Урале (Й. Г. Георги, М. Д. Чулков, П. С. Паллас), также подтвердили уральские корни мадьяр [*Георги, 2007*. – С. 102; *Паллас, 1786*. – С. 81; *Чулков, 1781*. – С. 145]. Эти данные в своей совокупности свидетельствуют о том, что знание об уральской прародине мадьяр происходит именно из России, оно имеет средневековые корни и связано с общим внешним (восточнославянским) названием мадьяр и манси. Другое дело, что это знание в данное время именно в Европе могло обрести научный вид. Уже XVIII в. благодаря выдающимся ученым это знание получило академическое подтверждение, прежде всего со стороны лингвистики. То есть было доказано, что венгерский язык родственен северным языкам и самым близким к нему является язык манси (1799: Шамуел Дьярмати).

Таким образом, «эпистемология» югорской проблемы демонстрирует определенное знание восточных славян о мадьярах, их истории и месте в Евразии, которое в конце концов легло в основу европейского знания по этому вопросу и нашло там научное подтверждение. Такая *схема познания* в зеркале вышеупомянутых данных для меня кажется достаточно убедительной. Я хотел обратить внимание и на то, что современные филологические догадки о происхождении слова «Югрия» не отменяют тот факт, что это название отождествлялось с вполне конкретными этногеографическими реалиями в мировоззрении средневековых восточных славян (и это является историческим фактом, требующим исторического подхода).

Список источников и литературы

Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – СПб.: Русская симфония, 2005. – С. 799.

Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: МГУ, 1988. – 430 с.

КБЧ: Книга большому чертежу. – М.-Л.: Академии Наук СССР, 1950. – 232 с.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – М.-Л.: АН СССР, 1936. – 288 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., Л.: АН СССР, 1950. – 571 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам российского государства – Ч. 2. Кн. 1. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1786. – 575 с.

Памятники литературы Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1978. – Вып. I. – 463 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. I. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Н, VIII. – 733 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. II. Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 1105 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. IV. – Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. – М.: Языки русской культуры, 2000. – XXXVIII, 686, [1] с.

Полное собрание русских летописей. – Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 244 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 266 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. XVII. Западнорусские летописи. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 648, [1] с.

Чулков М. Д. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах. – Т. 1. – Ч. 4. – СПб., 1781. – 624 с.

A honfoglalás korának írott forrásai. Szerk.: Kristó Gy. – Szeged: 1995.
Klíma László. Jürkák, tormák, merják. Szemelvények a finnugor nyelvű népek történetének korai forrásaiból. – Budapest: MTA Bölcsészettudományi Központ, 2016.

Аннинский С. А. Введение // М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. – М. –Л. 1940. – С. 13–18.
Аннинский С. А. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Исторический архив. – Т. 3. М.–Л.: 1940а. – С. 305–388.

Вернадский Г. В. Древняя Русь. – Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 1997. – 480 с.
Головнёв А. В. Югра и Самоядь // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). – Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – С. 133–144.

Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. – М.: Наука, 1978. – 311 с.

Напольских В. В. О происхождении названия Югра // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – С. 343–351.

Серебрянников Б. А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. – Уфа, 1963. – 22с.
Туркин А. И. Этнонимы в Коми топонимии // Методы топонимических исследований. – Свердловск: УрГУ, 1983. – С. 45–50.

Хайду П. Уральские языки и народы. – Москва: Прогресс, 1985. – 432 с.
Budeniz J. Magyar-ugor összehasonlító szótár. – Budapest, 1873–1881.
FÖNY: A finnugor őshaza nyomában. – Budapest: Gondolat, 1973.

Gombocz Z. A magyar őshaza és a nemzeti hagyomány III. // Nyelvtudományi Közlemények 46. (1923–1927). 168–193.
Gulya J. XVIII. századi kéziratos vogul szójegyzékek (kézirat). – Budapest, 1960. (Рукопись, находится в библиотеке университета им. Лоранда Этвеша, Будапешт).

Gyóni G. Egy Ugrin nevű személy a 11. században Novgorodban // Hadak útján XXIV. A népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIV. Konferenciája. 2. kötet. – Budapest, Esztergom: Archeolingua Alapítvány, 2017. 379–387.

Kristó Gy.–H. Tóth I. Az orosz évkönyvek néhány magyar vonatkozásáról // Acta Universitas Szegediensis, Acta Historica T. CIII. (1996). 21–27.

Ligeti L. Az uráli magyar őshaza // A magyarság őstörténete. Szerk.: Ligeti L. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986 (1943). 36–70.

Munkácsi B. Az ugorok legrégibb történeti emlékezete // Ethnographia, 1894 (1890). 160–180.
Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Közzéteszi Berta Á. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991.

Radnóti K. Európa Moszkóvia-képe a XV–XVI. században. – Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, 2002.
Tardy L. Régi hírünk a világban. – Budapest: Gondolat, 1979.

Vásáry I. A jezsuita Cseles Márton és a Julianus-jelentés (A Magna Hungaria – és a Jugria-kérdés történetéhez) // Középkori kútfőink kritikus kérdései Szerk.: Horváth J. és Székely Gy. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974. 261–278.

Vásáry I. The „Jugria” problem // Chuvash Studies. Ed.: Róna-Tas A. – Budapest, 1982. 247–257.
Zsirai M. Finnugor népnévek // Nyelvtudományi Közlemények 48. Szerk. Gombocz Z. – Budapest: MTA, 1931–1934. 31–53.
Zsirai M. Finnugor rokonságunk. – Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1937.

Список сокращений

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
HKIF – A honfoglalás korának írott forrásai. Szerk.: Kristo Gy

А. М. Степанов¹, В. К. Сингх²

¹Новгородский историко-архитектурный объединенный музей-заповедник
Кремль, к. 11, г. Великий Новгород, 173007, Россия
E-mail: sam0464@mail.ru

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
пр. Ломоносовский, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: arxeolog@gmail.com

Берестяная грамота № 918

Аннотация. Берестяная грамота № 918, найденная на Троицком XIV раскопе, несмотря на краткий текст, может служить свидетельством связей владельцев одной из усадеб Рядятиной улицы с северо-восточными территориями Новгородской земли – Двинскими землями и, возможно, Югрой. В статье подробно рассматривается усадебный комплекс (застройка, вещевые находки), а также актовые свинцовые печати.

Ключевые слова: Великий Новгород, Троицкий раскоп, городская усадьба, берестяные грамоты, свинцовые актовые печати.

Берестяная грамота № 918 была найдена на Троицком XIV раскопе в 2001 г. в южной дренажной траншее (пласт 5, квадрат 1794, полевой № 13) и по стратиграфии отнесена к концу XIV – началу XV в. В дальнейшем, после анализа комплекса находок и получения результатов дендрохронологического анализа спилов с различных деталей построек, выяснилось, что в пределах раскопа нет непо потревоженных напластований позднее первой половины – середины XIV в.

Документ является владельческим ярлычком. Текст написан на фрагменте берестяного донца от туеса, вырезанном из центральной части, и состоит из двух слов: «Посаднике Оксинтии». Палеографическая дата надписи – рубеж XIII–XIV вв. Упомянутый Оксентий, очевидно, принадлежал к двинскому посадничеству [Янин и др., 2002. – С. 9].

По глубине залегания (–94 см) грамота № 918 относится к восьмому строительному ярусу застройки на усадьбе «Т», которая топографически занимала южную часть Троицкого раскопа и может быть отнесена к комплексам средневековой Рядятиной улицы Людина конца. На исследованном участке усадьба вскрыта частично.

Основной постройкой на усадьбе в это время был однокамерный подквадратный в плане сруб размерами 6,8 × 6,7 м¹, рубленный в обло (сооружение ТС-XIV-8-24 по принятому на раскопе обозначению: Троицкий – сооружение – номер раскопа – ярус – порядковый номер постройки). В юго-западном углу сохранились остатки столбового опечка размерами около 2,0 × 2,0 м, заполненного песком. Внутри постройки расчищен развал камней, заполненный песком, прокаленной глиной, с включениями углей, а также несколько крупных валунов. Сооружение погибло при пожаре.

Определенный интерес представляет использованная для сруба система подкладок под нижние венцы. Под северную и южную стену были уложены продольные подкладки из сдвоенных бревен. Их длина равнялась венцу. Под ними – поперечные из обрубков бревен и горбыля. На углах в продольные

¹ При описании сооружений и т. п. указаны внутренние размеры: первый по линии юг – север, второй по линии запад – восток.

врублены нижние венцы западной и восточной стен, лежащие на поперечных подкладках. С южной стороны, по-видимому, находилось крыльцо на столбах.

Берестяная грамота № 918 найдена на расстоянии около 1,6–1,8 м от южной стены дома, вдоль которой и была сконцентрирована основная масса находок, которые можно отнести к ярусу 8. Это обычные бытовые предметы, в основном в обломках; отметим большое количество ножей и находку бронзового цепедержателя, распространенного среди финно-угров и балтов [Янин и др., 2003. – С. 15; рис. 2–6].

С подкладок сооружения ТС-XIV-8-24 взята представительная серия спилов для дендрохронологического анализа, в основном датированных 1297–1301 гг. Таким образом, застройка на усадьбе «Т» яруса 8 относится к самому началу XIV в. К этому времени, по-видимому, надо относить и берестяную грамоту № 918. Отметим, что в основе всех датировок использованы данные дендрохронологического анализа, проведенного в.н.с. к.и.н. Новгородского музея-заповедника О. А. Тарабардиной.

Сооружения яруса 8 на усадьбе «Т» относятся к третьему периоду, выделенному на Троицком XIV раскопе на основании изменений в планиграфии усадебной застройки. Этот период можно датировать серединой XIII – началом (или первой половиной) XIV в. К нему отнесены ярусы с шестого по девятый. Для всех характерно наличие большого четырехстенного сруба с опечком в юго-западном углу (что зафиксировано для большинства ярусов), расположенного в глубине двора, у северной границы, и наличие дворовых вымосток и фрагментов небольших построек [Степанов, Покровская, Сингх, 2013. – С. 120, 125].

Изменения, возможно, связаны со сменой владельцев участка. Предшествующая застройка (на усадьбе «У» и межусадебный переулочек) была уничтожена сильным пожаром в начале XIII в., после которого участок усадьбы «Т» находился около 30 лет в запустении. В середине – второй половине XIII в. он заново застраивается. Отметим, что северная граница усадьбы проходит по северному краю проулка, и на начальном этапе вместо частокола ее границу определяет не частокол, а дренажная канава. Следует оговорить, что канавки, и не только в качестве разделения дворовладений, в целом достаточно редкое явление для средневекового Новгорода. По-видимому, именно поэтому северо-восточные углы и восточные стены построек третьего и четвертого (первая половина XIV в.) периодов провалены по отношению к остальным. Напластования культурного слоя того времени, в основе которых состоит навоз, не смогли остановить процесс дренирования дневной поверхности усадьбы, что приводило к понижению грунта на части его территории. Даже «универсальная» система подкладок под сооружением ТС-XIV-8-24 не спасла его от этого.

Все ярусы, отнесенные к третьему строительному периоду, существовали не более десяти – пятнадцати лет и погибали чаще всего в пожарах. В 30–40 гг. XIV в. происходит смена застройки и, возможно, смена владельцев.

В 2015 г. к юго-западу от перекрестка современных улиц Троицкой и Телегина – Редятиной был заложен Троицкий XVI раскоп, отделенный от общего массива. Он находится напротив церкви Св. Троицы, к западу от нее и к югу от средневековой Редятиной улицы Людина конца. Впервые Новгородская археологическая экспедиция проводит работы в непосредственной близости к памятнику, по которому назван раскоп в 1973 г. (за 45 лет исследована площадь более 7000 кв. м).

Церковь Святой Троицы впервые упоминается в Новгородской первой летописи под 1165 г. [Новгородская первая летопись, 1950. – С. 31, 219]. Через двести лет, в 1365 г., возводится каменный храм, строителями которого названы «Югорцы» [Новгородские летописи, 2002. – С. 34, 236]. Усадьбы средневековой Редятиной улицы, расположенные в непосредственной близости от церкви Святой Троицы, по-видимому, составляли единый владельческий комплекс. Можно осторожно предположить, что они принадлежали купцам-югорцам, по инициативе которых был возведен каменный храм.

На площади усадьбы в пределах Троицкого XVI раскопа в 2015–2016 гг. найдены три свинцовые вислые именные печати без обозначения должности (две целые и одна фрагментированная). Все экземпляры датируются 70–90 гг. XIV в. На лицевой стороне печатей надпись в пять строк: «ПЕУА/ТЪ ФЕДО/РА ОКСЪ/НТЕЮ/ВА» (печать Федора Оксентеева, не известного по летописям персонажа). На оборотной стороне изображение святого Феодора в рост с копьем в правой руке и щитом в левой;

справа от фигуры святого колончатая надпись: «ФЕ/ДО/Р...». С большой долей вероятности Федор Оксентеев мог быть сыном посадника Оксентия, упомянутого в грамоте № 918.

По-видимому, находки грамоты № 918 посадника Оксентия и трех свинцовых печатей Федора Оксентеева могут быть, пусть косвенными, свидетельствами контактов жителей Редятиной улицы, опосредованно, через Двинские земли, с Югрой в XIV в. (более подробно тема связей жителей Людина конца с северо-востоком Новгородской земли рассмотрена в статье Л. В. Покровской в данном сборнике).

Списки источников и литературы

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. – Л.: АН СССР, 1950. – 640 с.

Новгородские летописи. Книга первая. – Рязань: Александрия, 2002. – 308 с.

Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К. Усадьбы «Т» и «У» в южной части Троицкого раскопа (XIII и XIV) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского. (Великий Новгород, 22–24 января, 2013 г.). – Великий Новгород, 2013. – Вып. 27. – С. 119–126.

Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода. Троицкий (XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции. (Новгород, 22–24 января, 2002 г.) – Великий Новгород, 2002. – Вып. 16. – С. 5–12.

Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода. Троицкий (XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции. (Новгород, 28–30 января 2003). – Великий Новгород, 2003. – Вып. 17. – С. 9–19.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 286 с.

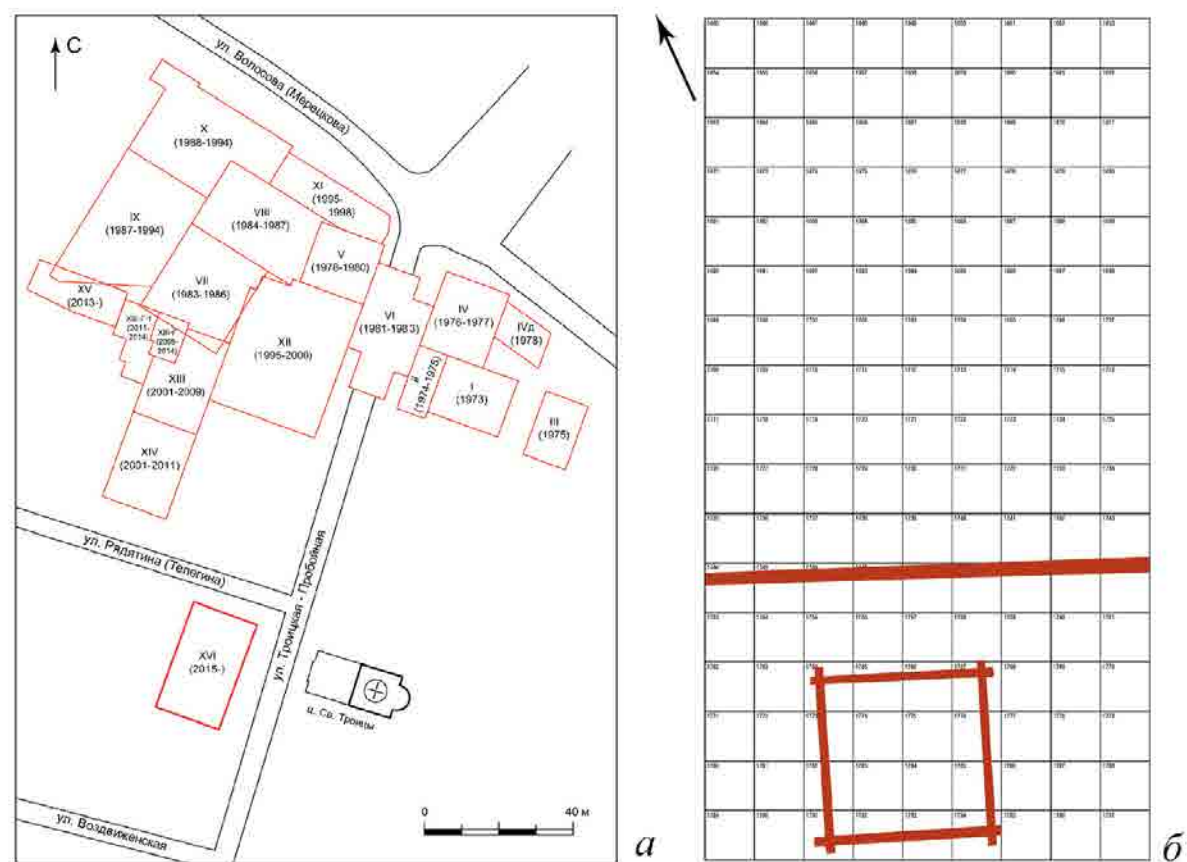

Рис. 1. а – Ситуационный план Троицкого раскопа; б – схема третьего строительного периода

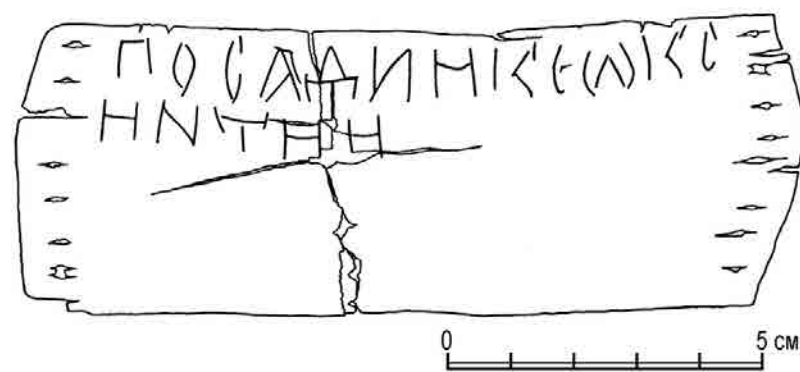
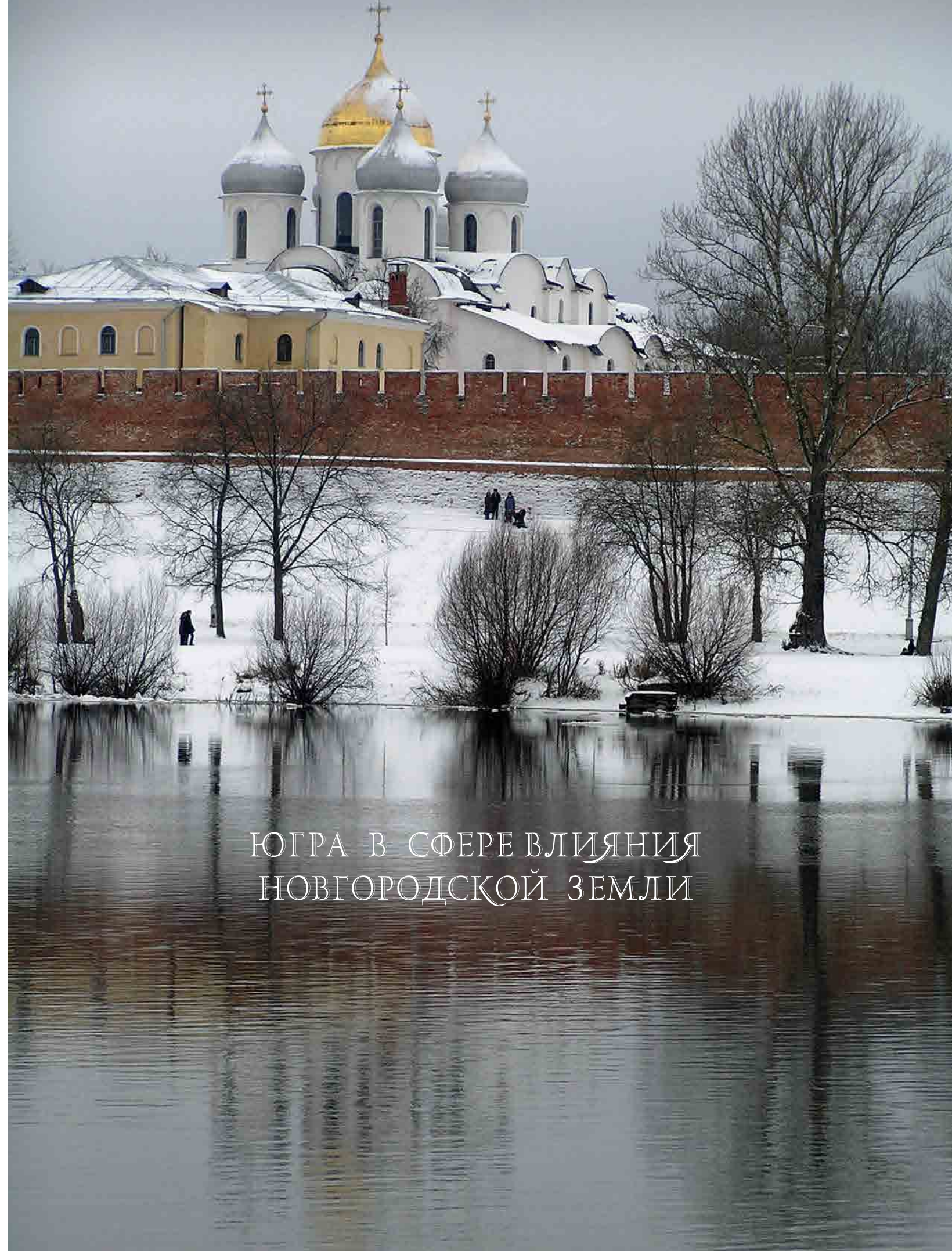

Рис. 2. Берестяная грамота № 918

Рис. 3. Свинцовые печати Федора Оксентеева. 1 – пл. 2, кв. 1941, пол. № 15; 2 – пл. 3, кв. 2000, пол. № 123; 3 – пл. 2, кв. 1963, пол. № 24

ЮГРА В СФЕРЕ ВЛИЯНИЯ
НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

В. Л. Янин¹

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
пр. Ломоносовский, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: arxeolog@gmail.com

«От Жилы к Чудину...»¹

Троицкий раскоп получил свое имя от стоящей поблизости от него древней церкви Троицы на Рядятине улице (соседней с Черницыной). Впервые эта церковь упоминается в летописи под 1165 г., когда «поставиша церковь святыя Троица Шетициници». Последнее слово в разных списках летописи написано по-разному: «Шетиничи», «Шетеничъ» и означает отчество, т. е. имя клана, построившего храм. В пожаре 1194 г. деревянная Троицкая церковь сгорела, и неизвестно, когда была возобновлена. В 1224 г. «бысть гром страшън майя в 20, на святого Фаллея: сгоре церкы святыя Троиця, а 2 человека мертва быста». В 1365 г. Троицкую церковь построили каменной, с тех пор она неоднократно перестраивалась, но основу XIV в. сохранила. В летописном сообщении 1365 г. имеется одна очень важная деталь: каменная церковь Троицы была сооружена «югорцами», то есть новгородцами, имеющими постоянные целенаправленные связи с югрой – народом, живущим на крайнем севере новгородских владений вплоть до северного Зауралья и Вайгача. Потомками югры являются современные ханты и манси. В некоторых летописных списках говорится, что Троицкая на Рядятине церковь была построена «югорыциною», когда в 1365 г. «новгородци поидоша из Югры», т. е. на доходы от югорской дани, что не меняет существа дела.

Очевидно, что построившие церковь «югорцы» были ее прихожанами, и работы на Троицком раскопе содержали надежный для нас шанс встретиться с ними. Так и оказалось. В 1984 г. на усадьбе «Г» в напластованиях второй половины XIV в. была найдена грамота № 622 – лист бересты, исписанный с двух сторон, к сожалению, немного фрагментированный.

«Приказо от Матфея ко Марку і ко Саве про непряное серебро... ге донаболися. Да я ся дивлю, цему мне вести от васо нету. Тако... моімо животомо зоблетесь... не хотите прислати. Лихо ли вамо добро ли, і о моемо животе, о Яколи вамо наболитися моімо приказомо болшимо. Цюжимо ли наболитися, оже вы тако деете. Бога ся боіте... блюдите. Ни о Сменове товаре... шлете».

Прочтем это послание в переводе А. А. Зализняка:

«Наказ от Матфея Марку и Савве. О деньгах за нерпу (т. е. за тюленьи кожи)... дополнительно позаботься. Да я дивлюсь (т. е. недоволен), (почему) мне вести от вас нет. Так-то вы о моем имуществе печетесь? ...не хотите прислать. Плохо ли вам или хорошо, а о моем имуществе (и) о Яковлевом заботиться надлежит вам – по моему большому наказу. Неужели чужим людям о нем заботиться, (раз) вы так поступаете? Бойтесь Бога, (слово) блюдите. И о Семеновом (товаре) вы тоже (вестей) не шлете».

Матфей, Марк, Савва, Яков, Семен – явные складники, компаньоны. Упоминаемый в тексте «приказ большой» следует понимать как письменный документ о взаимных обязанностях этих компаньонов. Поскольку в центре упреков Матфея – деньги за тюленьи кожи, очевидно также, что торговое складничество Матфея и его товарищей (ведь слово «товарищ» производно именно от такой ситуации, при которой группа лиц – «сотоварищей» – связана заботами о совместных операциях с «товаром») ориентировано на крайний север Новгородской земли, на побережье Ледовитого океана и его островов.

Но, может быть, этот документ случайно оказался на одной из усадеб Троицкого раскопа? Мог ведь бросить его один из адресатов – Марк или Савва, зайдя к знакомому, жившему на усадьбе «Г». В общем, так оно и было. Однако этот знакомый оказался ближайшим соседом Марка.

Еще в 1973 г. на усадьбе «А» в слое первой половины – середины XIV в. была обнаружена грамота № 501 – первая берестяная грамота Троицкого раскопа(!), адресованная Марку:

«А поколоно от Некефа ко Маруку. Подоборо поени по розмери і мене ени. А яза тобе колонеюся».

Очень трудный текст, в котором без напряжения читаются только начало и конец с их этикетными поклонами, но толкование основного содержания спорно. Наиболее вероятен такой перевод средней части: «Возьми подбор после размеривания; и мне тоже бери». Но слово «подборъ» имеет не одно значение. Так называли и основание избы, и основу рыболовного невода. Впрочем, для нас сейчас важно то, что это адресованное Марку письмо оказалось на соседней с грамотой № 622 усадьбе. Стратиграфические датировки (первая и вторая половина XIV в.) не противоречат друг другу: если Марк жил около середины этого столетия, то немудрено двум полученным им грамотам оказаться по обе стороны такого рубежа. (Кстати, в 1995 г. была найдена грамота № 754, адресованная тому самому Матфею, который отослал Марку грамоту № 622.)

Самой важной в этой связи находкой оказалась грамота № 589, обнаруженная в напластованиях середины 20–50-х гг. XIV в. все на той же усадьбе «А». На листе бересты мы прочли целое письмо, но его автор здесь же начал писать еще одно – к другому адресату, который неаккуратно оторвал его, оставив на уцелевшем листе адресную формулу. Прочитаем сначала первое письмо:

«От Жилы к Чюдину. Дай Ондрею рубль. Не даш ли, что мне не доспее в рубле томъ нечи яти, то твоя».

Очень выразительный текст, отправленный к тому же по скандальному поводу: «От Жилы Чудину. Дай Ондрею рубль. Если же не дашь, то сколько сраму ни заставит (Ондрей) меня принять из-за этого рубля – он твой (т. е. весь этот срам будет твой)». Оставим Чудина разбираться с Ондреем и обратимся к уцелевшему началу второго письма:

«От Жиле к Саве. Дай... полтину...».

Снова Савва, присутствие которого на усадьбе Троицкого раскопа, следовательно, отнюдь не случайно. В письмах грамоты № 589 мы не обнаружили ничего, связанного с северными делами, «югорцами» и тюленями. Но попробуем установить положение и род занятий автора этих писем – Жилы. Этот человек был известен историкам и раньше из жалованной грамоты великого князя Ивана Даниловича Калиты, который был и новгородским князем с 1327 по 1339 г. Вот полный текст этого документа:

«Се аз, князь великий Иван Даниловичъ всея Руси, пожаловал есмь соколников печерских, хто ходит на Печеру, – Жилу с други. А се их имена: Жила, Олюша, Василко, Степан, Карп, Федець, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрок, Власии, Микитица Иванов сын, Семенецъ, Кондрат, Четко, Семенецъ, Григорь, Степанецъ, Савица. Не надобе им никоторая дань, ни ко старосте им не тянути; и что у них третники и наймиты, хто стражет на готовых конех, а в кунах, и тем не надобе никоторая дань, ни ко старосте им тянута, ни биричь их не поторгыват, не надобе ни конь, ни подвода. Хто ли через мою грамоту что у них возмет, и яз, князь великий, кажню, занеже ми люди те надобны. А приказал есми их блюсти Меркурю; а ты, Меркурей, по моей грамоте блюди их, а в обиду их не выдавай никому».

Тот ли Семен («Семенецъ») и тот ли Савва («Савица») названы здесь и в берестяной грамоте № 622, доказать невозможно, но связь Жилы с далекими землями новгородского Северо-Востока очевидна, как очевидна эта связь у лиц, упомянутых в грамоте № 622.

Любопытно то обстоятельство, что ориентация усадеб Троицкого раскопа (или, по крайней мере, восточной части их) на связь с побережьем океана, Печерой и Северным Уралом прослеживается и в более раннее время – в конце XII в. Повод говорить об этом впервые дала найденная в 1977 г. на усадьбе «А» в слое второй половины XII – начала XIII в. грамота № 548, утратившая левый край, т. е. сколько-то начальных букв в каждой из ее четырех строк:

«(От) ...бъга къ Моиславоу и къ Миките. Цъмоу, брате,... (Бога не) бьишися. А я въде, ожъ у васъ есте тъваръ Ольскы(нъ)... А язо не едино былъ, Ярямирь а инихо моуже З... А правите имъ тъваро, Бога ся бояць» – «От ...бога Моиславу и Миките. Почему ты, брат, ... Бога не боишься? Я же знаю, что у вас есть

¹ Статья печатается по книге академика В. Л. Янина: «Я послал тебе бересту...». Изд 3-е, испр. и доп. новыми находками. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – Гл. 30: «От Жилы к Чудину...». – С. 319–327.

товар Олески (Олексы)... А я не один был, (когда видел это, был еще) Яромир и трое других людей... Так отдайте же (доставьте же) им товар, побойтесь Бога».

Летописцу известен новгородец Моислав именно того времени, к которому относится грамота № 548. В 1194 г. во время трагического для новгородцев похода воеводы Ядрея на Югру (т. е. в уже упомянутую землю хантов и манси в низовьях Оби), когда восемьдесят уцелевших участников кампании возвращались в Новгород, «убиша Сбышку Волосовича и Негочевиця Завида и Моислава Поповиця сами путники, а друзии кунами ся откупиша; творяхуть бо я съвет държаше на свою братью, а то Богови судити».

Этому кровавому событию предшествовали такие обстоятельства. В 1193 г. воевода Ядрей собрал рать в поход на югру. Рать взяла один «город» и пять недель осаждала югру в другом. Осажденные высылали к Ядрею парламентариев с «льстивыми речами»: «Копим серебро и соболей и иные узорочья, а вы не губите нас, своих смердов, и своей дани», тем временем собирая к себе новых защитников. Пригласив к себе воеводу, попа и иных «вячших мужей», югра их иссекла, затем расправились таким же способом со следующими тридцатью новгородцами, потом еще с пятьюдесятью. Роковую роль сыграл изменник Савка, который указал югорскому князю на необходимость убить Яковца Прокшинича: «аще, княже, не убиешь еще Яковца Прокшинича, а живого пустиши в Новъгород, то тому ти, княже, опять привести вой семо, и землю твою пусту сътворит». Яковец был убит, но перед смертью сказал Савке: «Брате, судит ти Бог и святая Софея, аще еси подумал на кровь братьи своей; и станеша с нами пред Богом и отвечаеши за кровь нашу». После этого остаток новгородцев шесть недель изнемогал от голода, а на обратном пути произвел расправу над Сбышкой Волосовичем, Завидом Негочевичем и Моиславом Поповичем.

Относительно Завида Негочевича мне сказать больше нечего, а вот Сбышко Волосович для раскапываемого на Троицком раскопе комплекса усадеб как будто не посторонний человек. В 1982 г. на мостовой Пробойной улицы у усадьбы «А» в напластованиях 60–70-х гг. XII в. был найден обрывок грамоты № 604, сохранивший начало текста: «От Петрока грамота ко Волосоу. Изобид...». А еще в 1977 г. на соседней усадьбе «Г» в более позднем слое последней трети XII в. обнаружена цельная грамота № 550 (рис. 1), написанная Петром и упоминающая Сбыслава: «+ Покланяние от Петра к Аврамоу. Матьеви еси молвилъ, толико мне емати скота, боле же за мьне скота не поусты. А въжники творятся въдавоше Собыславоу цетыри гривне, а посылщены-хо коуно 15 гривно. А Готиль съ мною боудеть. А дороганици ти шли въ городо» – «Поклон от Петра Авраму. Матею ты сказал, (что именно) столько я должен собирать податей. Больше же ты мне денег не поручай. А вежники (люди, живущие в «вежах», шатрах) утверждают, что они отдали Сбыславу четыре гривны; а поселищных денег (за аренду земли под поселение) 15 гривен. А Готил (Гостил?) со мною будет. Дороганичи же (жители деревни Дороганы) пошли в город». Теперь пора вспомнить несколько важных деталей. Во-первых, усадьба «А» во второй половине XII в. принадлежала священнослужителям, а Моислав, письмо которому найдено именно на этой усадьбе, как это ясно из летописного рассказа, был «поповичем». Во-вторых, Гречин, как это следует из летописного рассказа 1196 г., был Петровичем.

Слишком многое сошлось здесь в один тугой узел, чтобы обернуться простой случайностью!

Вернемся теперь к Моиславу. Именно о нем – адресате грамоты № 548 – упомянул в XIV в. новгородский архиепископ Василий Калика в своем знаменитом «Послании о земном рае»: «А то место святаго рая находил Моислав новгородецъ и сын его Яков, и всех было их три юмы, и одина из них погибла, много блудив, а две их потом долго носило море ветром, и принесло их к высоким горам... А тех, брате, мужей и нынеча дети и внучата добры здоровы».

Можно, немного отступив от объективных сопоставлений, высказать в самой осторожной форме несколько предположений. В 1194 году пожар Людина конца начался от «Савькина двора на Ярышеве улице». Не тот ли это Савка, который, изменив новгородцам, отдал югорскому князю на лютую смерть Яковца Прокшинича?

В 1984 г. на усадьбе «Ж» в слоях второй половины XII в. была найдена грамота № 627 – обрывок начала письма:

«...от Гюрегя ко Яковоу. Оже еси забыле моего добродейания, а прислати ти... кендаря [мера веса] соли, да же ти то не любо, а...».

Спустя пять лет на усадьбе «О» из слоев первой половины XIII в. извлечена целая грамота № 705 (рис. 2), адресатом которой снова оказался Яков:

«+ Покланяние от Домажира ко Яковоу. Я оу тебе слышоу цето ты моловише. Оце е тебе не годена, а попроводи ко моне сестроу. Азь быле лони наделиле, а ныне быхо посолале. А ныне слышу болену сестроу. Оце ю Богъ поемете, а присоли соно ко моне со ее знатебою, оте побоуде сыно у мене, а я ся имо потешоу и посолоу ю опяте во городо. Паки ли не оуправише того, а я тя передамо святее Богородице, ко нее же еси заход иле роте» – «Поклон от Домажира Якову. До моего слуха доходит то, что ты говоришь. Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. Я в прошлом году ее наделил (т. е. выделил ей часть имущества), а теперь я бы (это имущество) послал. А теперь я слышу, что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее «знатъбой» (?), пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь, а потом отошлю его обратно в город. Если же ты не исполнишь этого, то я тебя предам святой Богородице, перед которой ты приносил клятву».

Психологические характеристики адресатов и той, и другой грамоты сходны: человек, не помнящий добра, способный оскорблять неуместными и несвоевременными речами репутацию заболевшей жены. Не один ли и тот же это Яков? И не Яков ли это Прокшинич? Тогда пролог трагедии 1194 г. предстанет перед нами в виде изначальной соседской ссоры на Ярышевой улице Людина конца.

В пользу такой версии как будто свидетельствует грамота № 664, найденная в 1985 г. на усадьбе «З» в слое второй половины XII в.:

«От Доброшьке къ Прокъше. Присъли ми гривьну, а Давыдъ ти ми не въдалъ, велить възяти у веж-никъ».

Как видим, это письмо адресовано Прокше, в котором возможно предполагать отца нашего злополучного Якова. Грамота № 664 входит в комплекс переписки Доброшки с другими лицами и этих лиц между собой. Этот комплекс включает семь берестяных грамот, которые по стратиграфическим показаниям датируются второй половиной XII в., но по лингвистическим признакам тяготеют скорее к середине этого столетия, что соответствует времени поколения отца Якова Прокшинича.

Добавлю к рассказанному, что Троицкий раскоп наглядно продемонстрировал постоянство связей с далекими северными землями не только текстами берестяных грамот. Впечатляющими находками были здесь плоский камень с процарапанными изображениями моржей, резная деревянная скульптура – голова человека с явными чертами представителя одной из северных народностей, амулет, изображающий языческого божка². Отлитые в той же литейной форме амулеты неоднократно обнаруживались на Крайнем Севере, в том числе – в древнем языческом святилище на острове Вайгач.

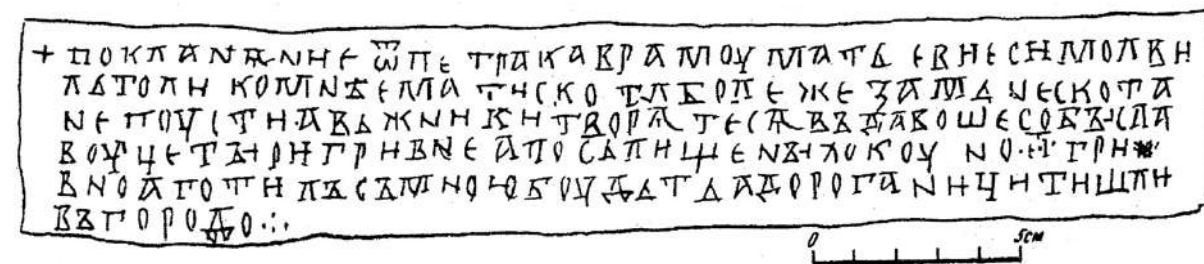

Рис. 1. Грамота № 550

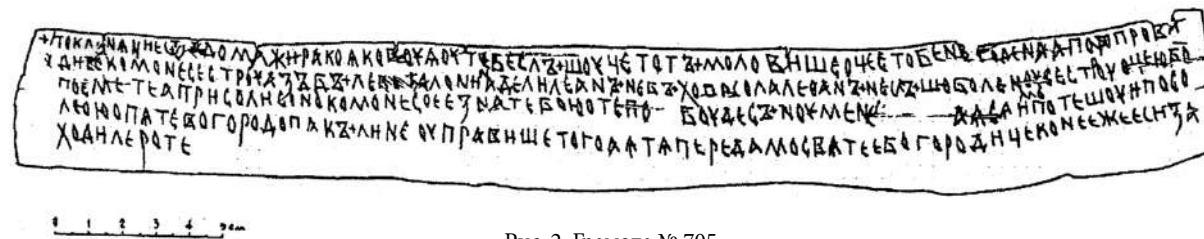

Рис. 2. Грамота № 705

² См.: Рис. 3, Рис. 4 на с. 167 (иллюстрации к статье А. Н. Сорокина «Новгород и Югра в XI–XII веках»).

Списки источников и литературы

Макарий, архим. – 1880. – Ч. I. – С. 166–176.
Карсер. – 1980. – С. 104–105; 231–232.
Штендер. – 1981 (6). – С. 58.
Красноречьев Л. Е. – 1997. – С. 324–326.

Проектная документация
Архив ННРУ (шифр объекта 008)
Р-1064. Пояснительная записка к проекту приспособления (Л. Е. Красноречьев). 1977.
Р-1860. Научный отчет по исследованию, реставрации и приспособлению... (Л. Е. Красноречьев). 1984.

В. А. Ядрышников¹
¹ Новгородский историко-архитектурный объединенный музей-заповедник
Кремль, к. 11, г. Великий Новгород, 173007, Россия

Церковь Святой Троицы на Редятине улице¹

Церковь Святой Троицы на Редятине улице (в Ямской слободе) является объектом Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО (1992). Расположена в южной части Софийской стороны, близ берега Волхова. О строительстве деревянного храма прихожанами летописи сообщают под 1165 г. Каменная церковь, по свидетельству летописей, заложена в 1365 г. «югорцами», т. е. жителями, тесно связанными какой-либо деятельностью с Югрой (Северный Урал). Памятник XIV в. сохранился частично, в виде фундаментов и нижней части кладки высотой до 1,5–2 м.

Как показали исследования Л. Е. Красноречьева, это была средних размеров квадратная (в плане 11,7 × 11,7 м без апсиды) четырехстолпная постройка без притворов, с внутрискладчатой лестницей и хорами, вероятно, одноглавая, с трехлопастным завершением и скупым декором. Она отличалась от «классического» новгородского храма XIV–XV вв.: здесь отсутствовали лопатки на фасадах, кроме центральной апсиды имелись еще две боковые пониженные прямоугольные, стены несколько наклонены к центральной оси, было, видимо, только два портала. Полукружие апсиды обработано валиками. Строительный материал – ракушечник (реже плитняк) и кирпич, фундамент состоит из пяти рядов валунов на лежнях.

Церковь неоднократно перестраивалась, кардинально – в 1734 г. Как показали исследования, в это время здание почти полностью разобрано и «по старой основе» сооружено заново в иных формах, хотя при этом повторены некоторые типологические черты предшествующей постройки (план, одна глава, два входа, динамичный силуэт). Появились лопатки на фасадах, восьмискатное покрытие, развитый декор. Отличительная особенность памятника XVIII в.: пониженная апсида без порталной арки, крещатые столбы, восьмигранный барабан с лопатками на гранях и изразцовым декором, оригинальные угловые своды, множество голосников в парусах и барабане. В кладке использован также строительный материал XIV в.

В конце XVIII в. с запада к церкви пристроены деревянные паперть, трапезная и колокольня, которые в 1830 г. заменены каменными. Видимо, тогда же перестроен и основной объем: устроена четырехскатная кровля, переделаны некоторые окна, уничтожен декор барабана и частично фасадов.

В годы Великой Отечественной войны утрачены все деревянные конструкции (кровли, заполнения проемов).

В 1947 г. выполнены обмеры и первоочередные ремонтно-консервационные работы. В 1964 г. проведены предварительные исследования, реставрация некоторых деталей (Л. Е. Краеноречьев). В 1975–1979 гг. проведено комплексное исследование памятника, подготовлен и осуществлен проект реставрации (рук. Л. Е. Красноречьев). Храм реставрирован на XVIII в. Остатки древней церкви раскрыты и законсервированы в нижней части интерьера, которая решена в виде подцерковья: выполнена гипотетическая графическая реконструкция храма XIV в. После реставрации здесь располагается мастерская художников-реставраторов.

¹ Статья печатается по изданию: Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. – СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2008. – С. 169–170.

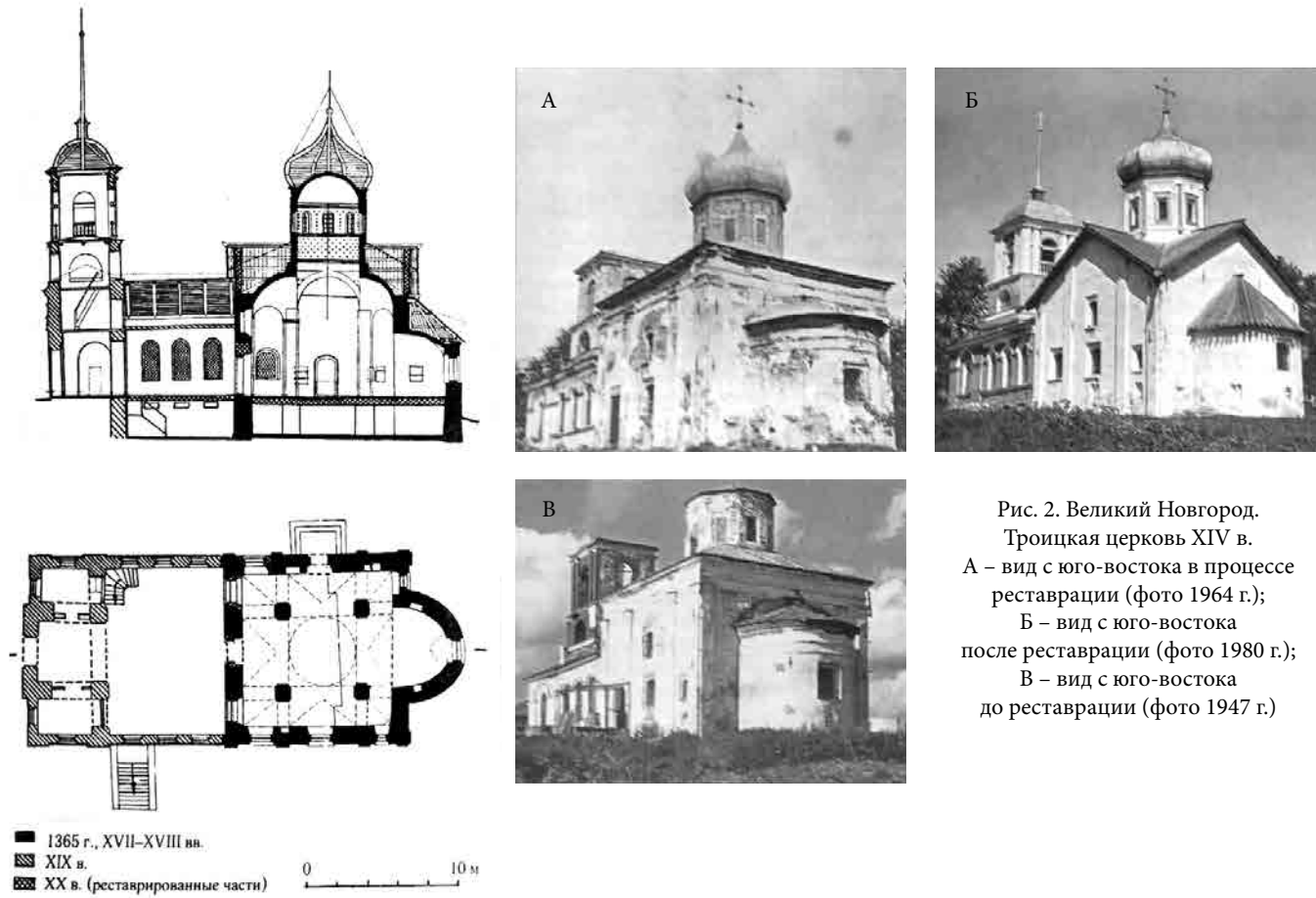

Рис. 1. Великий Новгород. Троицкая церковь XIV в. Продольный разрез и план

Рис. 2. Великий Новгород. Троицкая церковь XIV в.
А – вид с юго-востока в процессе реставрации (фото 1964 г.);
Б – вид с юго-востока после реставрации (фото 1980 г.);
В – вид с юго-востока до реставрации (фото 1947 г.)

Рис. 1. Великий Новгород. Троицкая церковь XIV в. (1365 г.) с пристроенными в XVIII в. папертью, трапезной и колокольной (в 1830 г. заменены каменными). Вид с севера

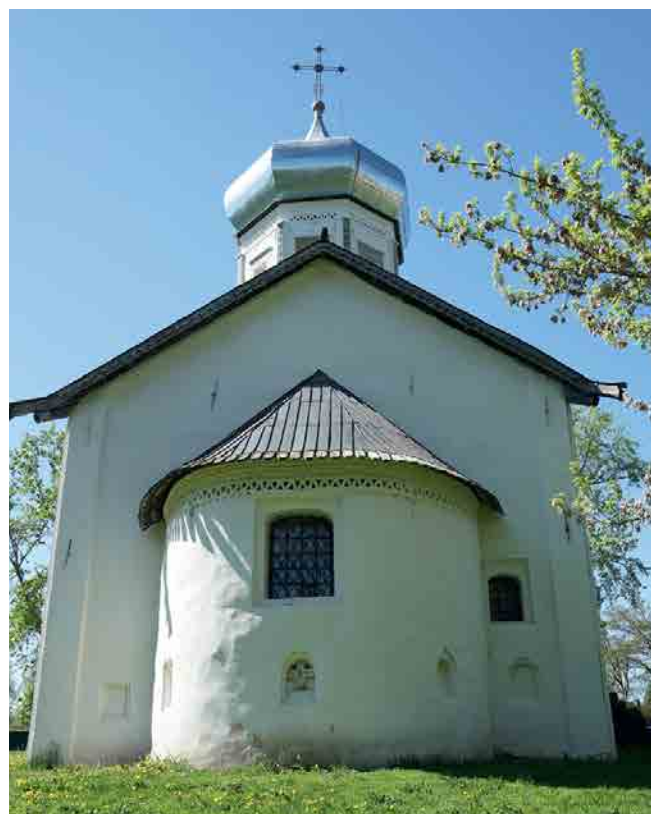

Рис. 2. Великий Новгород. Троицкая церковь XIV в. Восточный фасад

Рис. 3. Великий Новгород. Троицкая церковь XIV в. Южный фасад

Рис. 4. Великий Новгород. Троицкая церковь XIV в. Фрагмент. Оконный проем и вделанное в южную стену декоративное убранство в виде арочного проема

Рис. 6. Великий Новгород. Троицкая церковь XIV в. Фрагмент. Вкладной крест с внешней стороны апсиды. Вид с востока

Рис. 5. Великий Новгород. Троицкая церковь XIV в. Фрагмент. Северная дверь, надвратная икона и крыльцо

Рис. 7. Великий Новгород. Троицкая церковь XIV в. Элемент конструкции кровли

И. Ю. Анкудинов¹

¹ Государственный архив Новгородской области
ул. М. Джалиля – Духовская, д. 31, г. Великий Новгород, 173003, Россия
E-mail: ankudinovu@mail.ru

«А се волости новгородские» новгородско-княжеских докончаний¹

Задачей настоящей работы является характеристика и оценка современного состояния изучения имеющейся в составе тринадцать новгородско-княжеских договоров статьи, озаглавленной «А се волости новгородские» и содержащей перечень тринадцать или четырнадцати волостей [ГВНП, № 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26, 77]. Впервые она встречается в наиболее ранних дошедших до нас докончаниях с князем Ярославом Ярославичем, датируемых 1260-ми гг., а в последний раз – накануне падения новгородской независимости в договоре с великим князем Иваном III 1471 г. Список волостей отличается большой стабильностью, хотя и известен в трех вариантах:

1) «А се волости новгородские: Волокъ съ всеми волостьми, а держати ти сво[и] тивунъ на половине, а но[в]городець на половине во всеи волости Волоцьской; а в Торожкоу, княже, держати тивоунъ на своей чясти, а новгородець на своей чясти; а Городецъ, княже, даль Дмитрии съ новгородци Иванкоу, а того ти, княже, не отъяти. А се волости новгородские: Бежиче, Городецъ, М[еле]чя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости държати моужи новгородскими; а даръ от нихъ имати» ([1264 г.] Проект договора Новгорода с князем Ярославом Ярославичем) [ГВНП, № 1. Датировки приводятся по работе: Янин, 1991].

2) «А се, княже, воло[с]ти новгородские: Волокъ съ всеми волость[м]и, Тържкъ, Бежице, Городецъ Палиць, ... потомъ Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Тре, Перемь, Печера, Югра» ([1264 г.] Проект договора Новгорода с князем Ярославом Ярославичем) [ГВНП, № 2].

3) «А се, княже, волости новгородские: Волокъ съ всеми волостьми, Торжекъ, Бежиче, Городецъ Палиць, Мелечя, Шипино, Егна, Заволоцье, Тре, Перемь, Печера, Югра, Вологда» ([1268 г.] Договор Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем) [ГВНП, № 3].

В первом варианте среди новгородских волостей названа волость Колоперемь, в других вариантах неупоминаемая. Различие между вторым и третьим вариантами заключается лишь в месте волости Вологда в составе списка. Первый вариант списка волостей в последующих новгородско-княжеских докончаниях повторяется лишь один раз – в проекте договора с тверским князем Михаилом Ярославичем, датируемом 1305–1307 гг. [ГВНП, № 7]. Второй вариант встречается лишь один раз и больше в договорах не повторяется. Во всех остальных документах безраздельно господствует третий вариант списка (только в договоре 1471 г. [ГВНП, № 26] из него исключены Волок и Вологда).

Сам факт наличия трех разных вариантов списка волостей в самых ранних договорах с князем Ярославом Ярославичем свидетельствует, что именно в это время происходило формирование и оформление этого списка (следует отметить, что все три договора [ГВНП, №1, 2, 3] написаны одним почерком, и этот почерк принадлежит пономарю Тимофею – новгородскому летописцу [Гиппиус, 1992. – С. 59–86]). Различие между вторым и третьим вариантами списка связано лишь с перестановкой места Вологды,

что вполне может быть объяснено опиской писца (пономаря Тимофея), случайно пропустившего ее при написании текста, но заметившего свою ошибку и добавившего Вологду в конец списка. Отличие же первого варианта списка от последующих объяснить сложнее, и на современном этапе изучения возможно лишь высказывать догадки, почему Колоперемь оказалась изъятой из перечня волостей. В принципе, возможные объяснения этого сводятся к тому, было ли это изъятие специальным, связанным с новгородской политикой, или случайным.

Следует учитывать хронологию самых ранних проектов договоров с Ярославом Ярославичем (ГВНП, № 1 и 2). В историографии XIX – начала XX в. грамота № 2 считалась более ранней по сравнению с № 1 [СГГД. Т. 1. № 1, 2. Шахматов, 1886, № 1, 2. – С. 236–240]. А. Е. Пресняков подверг это представление критике [Пресняков, 1918. – С. 70–72; примечания], а затем Л. В. Черепнин обосновал обратную последовательность составления этих грамот [Черепнин, 1948. – С. 254–258], что было принято, и при публикации в ГВНП. А. А. Зимин поддержал это мнение [Зимин, 1956. – С. 302–304]. В. Л. Янин, в отличие от своих предшественников, предложил считать обе грамоты составленными одновременно [Янин, 1991. – С. 142–146]. Правда, само наличие волости Колоперемь в первом варианте и ее отсутствие во втором (и происходящем от нее третьем) свидетельствует о первоначальности именно первого варианта, что вместе с рядом других признаков свидетельствует о первоначальности именно проекта ГВНП № 1.

Статья «А се волости новгородские» изучалась в основном в двух направлениях: осмысление значения данной статьи для изучения административной структуры Новгородской земли и локализация отдельных волостей.

Общая характеристика основной историографии формирования и административно-территориального устройства Новгородской земли дана А. А. Фроловым в его концептуальной статье [Фролов, 2012. – С. 111–116].

Традиционный взгляд на волости, перечисленные в статье «А се волости новгородские», заключался в признании их исключительно новгородским владением и ограничении прав князя в их управлении; эти волости рассматривались как периферия новгородских владений, как новгородские колонии. В последние годы этот взгляд подвергся решительному пересмотру. Этому способствовало как накопление сведений о наличии у князей обширных прав в окраинных новгородских владениях, так и новое изучение таких совместных владений Новгорода с великими князьями, как Волок Ламский и Торжок.

Оригинальную трактовку взаимоотношения прав Новгорода и князя в волостях, лежавших на окраинах Новгородской земли, предложил С. А. Шаров-Делоне. Его специальная работа на эту тему, подготовленная в 1993 г., осталась неопубликованной, хотя и была депонирована в архиве Института археологии РАН [Шаров, 1993, л. 128. Благодарю П. Г. Гайдукова и А. А. Кудрявцева за помощь в разыскании и ознакомлении с этим текстом]. Но основные положения исследования были опубликованы им в 2005 г. [Шаров-Делоне, 2005. – С. 34–36]. В своих рассуждениях он исходил из гипотезы, что с каждым князем в середине XIII – XV в. Новгород заключал не один, а два договора – первый касался самого Новгорода и новгородской метрополии (так он обозначал центральные районы Новгородской земли), а второй регулировал «отношения новгородцев и князей вне пределов новгородской метрополии, а также в особых экстерриториальных районах» (автор называл такие договоры «приписными»). При этом каждый из этих договоров существовал в двух не совпадавших между собой экземплярах: один составлялся «в пользу» князя и хранился в Новгороде, а второй – «в пользу» Новгорода и хранился у князя. Автор считал, что формулировки в этих экземплярах одного договора были различны. Применительно к статье «А се волости новгородские» он писал: «Регулярно упоминаемые в “приписных” грамотах “волости новгородские” (в том числе и Заволоцье) отнюдь не были под исключительной новгородской юрисдикцией. Напротив, их перечень есть перечень новгородско-княжеских совладений. Несовпадение же их обозначения с реальным статусом объясняется тем, что мы располагаем в качестве источников лишь княжескими (по месту хранения) “противными” докончаний; в новгородских же следовало бы ожидать подзаголовка к тому же перечню: “А се волости великого князя”» [Там же].

Оценивая эти построения, следует сразу отметить шаткость источниковедческого подхода С. А. Шарова-Делоне: он требует признания избирательной сохранности именно договоров, регулировавших

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-01-00123 «Акты Новгорода и Новгородской земли XIII–XV вв. (новгородско-княжеские докончания, Обонежье, Вага, Подвинье): исследование и подготовка публикации».

новгородско-княжеские отношения вне пределов метрополии, в ущерб сохранности договоров по центральным районам Новгородской земли. Ссылка на плохую сохранность русских документов того времени и случайность сохранения в великокняжеском архиве именно одного типа документов явно недостаточна: она требует объяснить, почему в двух разных архивах – тверском (из которого происходит подавляющая часть новгородско-княжеских докончаний) и московском (из которого происходят грамоты ГВНП, № 19, 22, 26) – сохранились именно договоры одного конкретного типа [*Грамота ГВНП, № 77*], хотя и регулировала отношения с великим князем литовским, происходит, скорее всего, из тверского или (менее вероятно) московского архива). Да и вообще, основывать рассуждения только на предположениях о содержании не дошедших до нас источников весьма рискованно. Поэтому согласиться с С. А. Шаровым-Делоне в его трактовке статьи «А се волости новгородские» невозможно. В то же время следует признать ценность собранных им материалов о наличии значительных прав князей Северо-Восточной Руси в волостях на периферии новгородских владений и плодотворность предложенного им подхода к изучению статуса этих территорий как совладения Новгорода и князя.

Гораздо более обоснованными представляются взгляды А. А. Фролова. Отчасти основываясь на подходе С. А. Шарова-Делоне, А. А. Фролов предложил рассматривать права князя в новгородских волостях в контексте системы финансового обеспечения княжеской власти в Новгороде, которая сформировалась в результате длительной борьбы Новгорода с князьями: «Важнейшим явлением в истории юрисдикций домонгольского периода было оформление в волостях, расположенных вдоль границы Новгорода и княжеств Северо-Восточной Руси, совместного порядка управления, предполагавшего участие как новгородского представителя, так и представителя великого князя Владимирского, и сосуществование новгородского и княжеского землевладения» [Фролов, 2012. – С. 128]. Исследователь предложил называть этот порядок «системой совладений». Рассмотрев его в контексте развития новгородско-княжеских отношений в XII–XIII вв., А. А. Фролов отметил: «С конца 1230 г. конфликтность между князем и новгородцами значительно снижается, а с 1240 г. созданная политическая система приходит в стабильное состояние, при котором на новгородский стол приглашаются только Владимирские великие князья. Очевидно, что “система совладений” предоставила достаточные возможности для финансового обеспечения деятельности новгородского князя. Формирование “системы совладений” означало разделение всей территории Новгородской земли на две зоны – внутреннюю и внешнюю. Если первая находилась целиком под юрисдикцией Новгорода, во второй действовала смешанная новгородско-княжеская юрисдикция» [Там же. – С. 134].

А. А. Фролов пишет, что «в таких волостях новгородская и великокняжеская половины были довольно четко разделены территориально» [Там же. – С. 128]. И далее: во внешней зоне «действовала смешанная новгородско-княжеская юрисдикция» [Там же. – С. 134], «часть прерогатив принадлежит не новгородской власти: князьям Великого княжества Владимирского на северо-востоке и востоке и Смоленского княжества – на юге» [Там же. – С. 138–139]. Следует отметить, что такое территориальное разделение отмечено только для Волока Ламского, Торжка и Подвинья, для остальных территорий оно не доказано.

Относительно локализации топонимов статьи «А се волости Новгородские» исследователи отмечали, что волости в перечне расположены в географической последовательности с юга на север и северо-восток Новгородской земли. Сведения по локализации топонимов списка волостей были обобщены в работе А. Н. Насонова [Насонов, 1951. – С. 93–116]. Последующие исследования вносили уточнения в локализацию и значительно конкретизировали ее (по Волоку Ламскому – исследования С. З. Чернова [Чернов, 1998], по территории Торжка – работа В. Л. Янина и Л. А. Бассальго [Янин, 1998]). Последней из новгородских волостей была определена Колопернь, которую А. Л. Шилов локализовал в северной части Кольского полуострова (причем не только определил ее местонахождение, но и достаточно четко очертил ее территорию, а также и территорию волости Тре) [Шилов, 2009. – С. 339–345; вып. 23].

В литературе отмечалось, что если волости, лежащие на южных и юго-восточных окраинах Новгородской земли, локализуются достаточно легко и надежно (правда, достаточно четко пока очерчены лишь территории Волока Ламского, Торжка, Заволочья, Колоперни, Тре и отчасти Вологды, а для таких

маленьких волостей, как Бежиче, Городец Палиць, Мелечя, Шипино и Егна, определения территории сделаны лишь в самом общем виде), то локализация северных и северо-восточных волостей в силу недостатка источников довольно сложна. Это касается прежде всего Перми и Югры, в меньшей степени – Печеры².

А. Н. Насонов писал: «Новгородская “Перемь” охватывала, судя по житию св. Стефана, течение Выми, верхнее течение Вычегды и, может быть, близлежащие места “по рекам”» [Насонов. Указ. соч. – С. 112]. С ним в целом согласен С. А. Шаров-Делоне: «Сложность заключается в неопределенности локализации “Переми” новгородско-княжеских докончаний. Помимо наиболее вероятной идентификации ее с Пермью Вычегодской, т. е. с Вымью, нельзя полностью исключить ее понимание как Пермской волости (“Прьмьские”) на Пинеге, Лузской Пермицы и даже – хотя и весьма маловероятно – Камской» [Шаров, 1993, л. 125]. По локализации волости «Печера» исследователи, как можно заключить из карт, прилагаемых к историко-географическим работам, соотносят ее с течением р. Печоры без какой-либо конкретизации границ территории. Относительно локализации Югры существовали различные гипотезы, наиболее экзотичные из которых отпали уже к середине XIX в. [Б[ушен], 1855. – С. 167–190], остались лишь две – локализация ее в Приобье или в Предуралье. Не претендуя на собственный взгляд, ограничусь лишь отсылкой к работам последних лет по этому вопросу [Напольских, Менищников, Перцев, 2015. – С. 61–70; Пилипчук, 2015. – С. 96–110].

Результаты работ по локализации новгородских волостей нашли отражение на трех обобщающих картах, составленных А. Н. Насоновым (рис. 1) [Насонов, 1951, вклейка между. – С. 96–97], С. А. Шаровым-Делоне (рис. 2) [Шаров, 1993, л. 128] и А. А. Фроловым (рис. 3 – а–б) [Фролов, 2012. – Карты 1 и 2].

Кроме статьи новгородско-княжеских докончаний «А се волости новгородские», в новгородских источниках XI–XV вв. имеются еще четыре аналогичных перечня топонимов. Прежде всего, это Устав князя Святослава Ольговича о поступлениях новгородскому владыке от новгородских владений в Онеге и Заволочье [*Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв., 1976. – С. 147–148*]. А. А. Фролов удачно охарактеризовал Устав Святослава Ольговича как «одно из древнейших свидетельств того, что финансовое положение князя в Новгородской земле было обеспечено значительными массивами подданных территорий» [Фролов, 2012. – С. 122]. Статьи «А се Обонезьский ряд» и «А се Бежичьский ряд», являющиеся вставкой в Устав Святослава Ольговича и содержащие перечни географических пунктов, с которых шла десятина в пользу новгородского архиепископа [*Древнерусские княжеские уставы. – С. 148*]. А также приписка к Уставу о мостех, содержащая перечень сотен и территорий, с которых поступали средства на строительство и ремонт моста через Волхов в Новгороде [Там же. – С. 149–152; Новейшую трактовку этого перечня см.: Гиппиус, 2005. – С. 9–24; Фролов, – С. 135]. Все эти перечни топонимов прямо связаны с податной системой Новгорода – они фиксируют территорию и порядок взимания даней с нее. Это косвенно подтверждает трактовку А. А. Фроловым перечня «А се волости новгородские» как связанного с системой финансового обеспечения князя в Новгороде и существованием в этих волостях особого типа юрисдикции по сравнению с центральными районами Новгородской земли.

Список источников и литературы

Б[ушен] А. Опыт исследования о древней Югре // Вестник Императорского Русского географического общества. – СПб., 1855. – Ч. 14. – С. 167–190.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. – М.; Л., 1949.

Гиппиус А. А. К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. – 2005. – № 4. – С. 9–24.

Гиппиус А. А. Новые данные о пономаре Тимофее – новгородском книжнике середины XIII века // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. – 1992. – Вып. 25. – С. 59–86.

² Не меньшую сложность составляла локализация волостей на Кольском полуострове (Тре и Колопернь), но после работы А. Л. Шилова эта проблема отпала.

Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Проблемы источниковедения. – 1956. – Вып. 5. – С. 300–327.

Менищikov В. В., Перцев Н. В. О локализации летописной Югры // Сибирский сборник. – 2015. – Вып. 3. – С. 61–70.

Напольских В. В. Географическая привязка и этноязыковая идентификация летописной Югры. URL: <http://www.udmurtology.narod.ru/library/napolskikh/jugra.pdf>

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. – М.: АН СССР, 1951. – 282 с.

Пилипчук Я. В. Югра, вогулы, остяки (к вопросу о формировании угорских княжеств в Сибири) // Сибирский сборник. – 2015. – Вып. 3. – С.96–110

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. – Пг.: 9-я гос. тип., 1920. – VI, 494, 8 с.

Собрание государственных грамот и договоров. – М., 1813. – Ч. 1: Новгородские грамоты 1265 – 1417. – [3], VI [17]. – 643 с.

Фролов А. А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVIII века // Историческая география. – М.: Кругъ, 2012. – Т. 1. – 584 с.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. – М; Л: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. – Ч. 1. – 472 с.

Чернов С. З. Волок Ламский. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. – М.: Институт археологии РАН, 1998. – 543 с.

Шаров С. А. Не-совсем-новгородские «новгородские волости» (статья и ее обсуждение депонирована в составе стенограммы 48-го заседания сектора археологии Москвы 10 февраля 1993 г. См.: Отчет Московской экспедиции ИА РАН. – Ч. 4. // Архив ИА РАН, ф. 1, Р-1. Д. 19709. Л. 96–208).

Шаров-Делоне С. А. К вопросу об историческом контексте формирования культуры Русского Севера. // Иконы Русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. – Москва, 2005. – С. 33–47.

Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. – СПб.; тип. Имп. Акад. наук, 1886. – [2]. – 131–285 с.

Шилов А. Л. О пределах новгородских владений на Кольском полуострове в XIII–XV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 23. – Великий Новгород, 2009.

Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XII–XV веков. – М.: Издательство Московского университета, 1998. – 216 с.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. – М.: Наука, 1990. – 384 с.

И. В. Побережников¹

¹ Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, д. 16, г. Екатеринбург, 620990, Россия
E-mail: pober1871@mail.ru

Включение Югорской земли в сферу влияния Великого Новгорода (XI–XV вв.)

Аннотация. В течение продолжительного периода (XI–XIV вв.) доминирующей силой в освоении Северного Зауралья выступали новгородцы. Именно они установили первые контакты с населявшими его народами. В результате новгородских походов в XIII в. Югра, обитавшая первоначально преимущественно к западу от Уральских гор, была номинально подчинена Новгороду Великому; правда, зависимость югорских «князей» ограничивалась довольно нерегулярной выплатой дани. Даже несовершенные формы господства Новгорода над северными землями открывали новгородским верхам немалые возможности для обогащения. Колонизационный порыв Новгорода на северо-восток и коммуникационная инфраструктура, созданная новгородцами ко второй половине XV в., заложили основы для дальнейшего продвижения славян за Урал.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, Югорская земля, Великий Новгород, колонизация, воинская экспедиция, торгово-даннические отношения, коммуникации, пушнина.

Известно, что русское проникновение в Сибирь началось задолго до похода Ермака, однако весь многовековой период, предшествовавший ермаковской экспедиции, можно в целом охарактеризовать как подготовительный. В течение XI – середины XV в. доминирующей силой продвижения в Сибирь выступали новгородцы. Именно они задолго до политического присоединения Северного Зауралья к Русскому государству установили контакты с населявшими его народами. Включение Новгорода, видимо с XI в., в систему европейской торговли, складывавшейся на Балтике, стимулировало поиски новгородцами новых территорий, богатых пушными ресурсами. Позиционирование Новгорода в данной системе обмена осуществлялось благодаря его почти монопольному господству на меховом рынке. Расположение Великого Новгорода, крупного торгового и культурного центра, на севере русских земель благоприятствовало установлению им связей с жителями северо-восточных пределов Европы и Северо-Западной Сибири. Распространение новгородской территории шло как бы кружным путем, по дуге, протянувшейся от Новгорода на северо-восток по землям, примыкавшим к Студеному морю, т. е. через Заонежье, поскольку непосредственно к востоку от Новгорода и Ладоги далеко на север вклинивалась территория Ростовской земли. Видимо, уже к IX–XI вв. следует отнести появление славянского населения на Нижнем Подвинье, ставшем базой дальнейшего продвижения на восток [Насонов, 2002. – С. 85, 93–95].

Новгородские «молодцы» налаживали торговые и другие отношения с финно-угорским населением, которое помогало ориентироваться в постепенном продвижении по еще не известным рекам и волокам, ведущим на восток, к горам Северного Урала и Зауралья. Вслед за «разведчиками»

в «полунощные страны» (так называли в те времена Северный Урал с прилегающими территориями) направлялись группы предприимчивых торговцев и звероловов, за которыми продвигались военные экспедиции, снаряжаемые Новгородской республикой и, видимо, отдельными крупнейшими новгородскими боярами («без слова новгородского»), имевшими, как правило, собственные базы в Подвинье (Заволочье) для сбора дани с туземного населения. По мнению Н. И. Костомарова, сбор дани новгородское правительство обыкновенно давало на откуп частным людям. С. В. Бахрушин отметил присущие новгородскому движению на восток элементы организации, которые выражались в том, что участие в промыслах требовало средств, которых не могло быть у рядовых промышленников, и этим объясняется преобладающая роль в эксплуатации колоний новгородских торговцев-богатеев, ссужавших охотников необходимыми средствами или производивших торги и промыслы за свой счет и в свою пользу. Он также в качестве агентов колонизации указал купцов, бояр, «посылавших на Печору и в Югру своих “отроков”, завязывавших тесные и дружественные отношения с югорскими князьями и с успехом конкурировавших с самим “господином Великим Новгородом”», а также князей. При этом хозяевами на приуральских промыслах исследователь считал купцов и бояр, сумевших фактически закрыть дорогу «за волок» княжеским агентам [Бахрушин, 1955. – С. 138–139]. В связи с организацией в середине XIV в. ездившими для торговли в Югорию новгородскими купцами особой корпорации – «Югорщины» – можно высказать предположение о наличии тенденций к монополизации пушной торговли.

Возможно, уже во второй половине XI в. новгородцам удалось проникнуть в местности, непосредственно граничившие с горами Северного Урала (летописец в 1114 г. утверждал со слов очевидцев – предприимчивых ладожан, что «ходиша люди старии за Югру и за Самоедь», где им пришлось наблюдать, как из туч на землю падают и расходятся «веверицы млады», т. е. белки, и «оленци мали»). Петербургские исследователи Д. А. Мачинский и А. Д. Мачинская относят возникновение результирующего в установлении торгово-даннических отношений колонизационного импульса в богатый пушшиной таежный северо-восток Европейской части России (Пермь-вису и Югра-йура) ко временам существования севернорусского протогосударства с центром в Ладоге (Старой) в VIII–IX вв. По мнению авторов, самостоятельные походы ладожан «в югру» закончились не позднее 1070-х гг. (а в начале XII в. в связи с окончательным включением Приладожья в состав Новгородской земли Ладога сходит со страниц летописей, превращаясь в укрепленный форпост Новгородчины), после чего инициатива в этом деле перешла к новгородцам (поход в «югру» отрока новгородца Гюряты Роговича). Что же касается конечного пункта походов ладожан, то ученые помещают его в зоне приморской тундры между полуостровом Канин и островом Вайгач. Выражение «ходили за югру и за самоедь» трактуется как морские походы. Относительно рассказов «старых мужей» (ладожан) о многочисленных оленях и «веверицах», выпадающих из туч, петербургские исследователи по аналогии со скандинавскими легендами о «лемерах» полагают, что в них нашло отражение впечатление от массовых миграций типичных обитателей тундры – северных оленей и леммингов.

Вероятно, первой формой контактов новгородцев с аборигенами была бартерная торговля, красочно описанная летописцем со слов Гюряты Роговича (конец XI в.). Он рассказывал, как жители крайнего Севера «показывают на железо и делают знаки руками, прося железа; и если кто даст им нож ли, или секиру, они в обмен дают меха». Со временем торговые отношения новгородцев с югричами должны были расширяться, в определенной степени стимулируя развитие новгородского ремесла.

Однако широкое распространение получила и другая форма приобретения новгородцами пушных ресурсов – в виде дани. Чтобы заставить аборигенов давать дань, необходимо было употребить силу. С этой целью новгородцы стали совершать военные походы в пушное эльдорадо. Согласно летописным свидетельствам во второй половине XII в. югричи уже были вынуждены давать новгородцам дань ценными мехами. Сами походы, видимо, не следует трактовать однозначно как исключительно насилие и грабеж. Так, московский исследователь В. А. Могильников отмечает: «...походы в Югру за мехами имели не только характер военно-грабительских набегов, но и торгово-обменных предприятий, хотя торговля была, конечно, не эквивалентна. При этом торговый обмен, по-видимому, преобладал» [Могильников, 2000. – С. 77].

Новгородские экспедиции нередко встречали яростное сопротивление туземных князьков и даже терпели неудачи. В целом эти походы носили эпизодический характер и преследовали в качестве цели получение дани, зачастую разовое. Успех воинских экспедиций Новгорода в значительной мере зависел от степени согласованности интересов государства и частных новгородских купцов и промышленников, нередко в стремлении получить больше для себя приносивших в жертву государственные интересы (известны случаи, когда новгородцы объединялись с туземным населением против воевод, возглавлявших воинские экспедиции Новгорода для сбора дани).

Тем не менее в результате новгородских походов в XIII в. югра (предки позднейших ханты и манси), обитавшая первоначально преимущественно к западу, а не к востоку от Уральских гор, была номинально подчинена Новгороду Великому (в договорных грамотах Новгорода с 60-х гг. XIII в. вплоть до Яжелбицкой грамоты 1456 г. Югра неизменно упоминалась в числе его волостей). Отметим все же, что зависимость югорских «князей» ограничивалась довольно нерегулярной выплатой дани соболиными мехами и другими местными продуктами. По мнению исследователей, сбор югорской дани при отсутствии в Югории новгородских «мужей» представлял собой нечто вроде реквизиции или контрибуции в неприятельской стране. В. Н. Бернадский называет ее «колониальным грабежом» старого типа.

Вполне вероятно, что именно новгородские воинские экспедиции стали поводом к началу постепенного перемещения югров на восток, в районы Нижнего Приобья, где уже ко второй половине XIV в. дислоцировались основные группы югричей (со временем разноэтничные потоки мигрантов с запада и юга, основу которых составляли все же угорские группы, разрезали клином, идущим вдоль течения Оби к ее устью, территорию прежнего расселения самодийцев).

Вслед за уходившими на восток юграми продвигались и новгородцы, совершавшие, по крайней мере с середины XIV в., походы уже и в Зауралье, «по Оби реке до моря». Именно так рисуется маршрут движения военной экспедиции под руководством Александра Абакумовича и Степана Ляпы в 1364 г. Летописец сообщает по этому поводу: «Зимою с Югры новгородцы приехаша, дети боярские и молодые люди, и воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа, воеваша по Оби реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша» [Бахрушин, 1955. – С. 74–75].

Югра, наряду с Пермью, Печорой, Терским берегом, относилась к тем окраинным зависимым землям Новгорода, где – в силу их огромной удаленности – невозможно было устроить постоянные становища-погосты. Туда поэтому отправлялись отряды сборщиков дани, «даньников», возможно назначавшихся на достаточно продолжительный срок. «Даньникам» приходилось опираться на местную аборигенную элиту – старейшин, князьков. А. Н. Насонов попытался представить деятельность новгородских сборщиков дани в Югре на основе рассказа Новгородской 1-й летописи о неудачном походе 1445 г. под предводительством двоих воевод, Василия Шенкурского и Михаила Яковлева: «Новгородцы укрепились “острогом”; так как летопись называет его “Васильев острог” – ясно, что “острог” этот был сооружен самим воеводой Василием, возглавлявшим новгородскую рать. Начались переговоры с югорцами. Югорцы говорили: “мы хотим вам дани даяти, а хотим счестися, и указати вам станы и острова, уречища”. Таким образом, сбор дани был сопряжен с учетом населения, сведения о поселениях и угодьях давало само местное население. Оно давало сведения о “станах” (как на северном языке назывались места рыболовных ватаг); об “островах”, т. е. чистых от леса, возвышенных, сухих местах, пригодных для обитания; об “уречищах”, т. е. об уреченных, условленных местах, заимках» [Насонов, 2002. – С. 100].

Необходимо учитывать, что в данном случае целью югричей было обмануть новгородских «даньников», усыпить их бдительность. В реальности поставки дани, их объем, вероятно, должны были зависеть в значительной степени от настроений самих аборигенов, сообщавших новгородцам информацию об объектах обложения. Вероятно, даже в случае лояльного отношения югричей к сборщикам дани объемы последней должны были быть достаточно произвольными. Тем не менее информация, которую содержит летопись, позволяет предположить, что новгородцы пытались внести порядок в сбор дани с югричей, определить объекты и нормы обложения.

Даже несовершенные формы господства Новгорода над северными землями открывали новгородским верхам немалые возможности для обогащения. Отправка промысловых ватаг, сбор дани, меновая

торговля с туземным населением северного Приуралья обеспечивали широкий поток в Новгород пушнины и других богатств севера. На югорских межах выросло богатство и могущество влиятельнейшей боярской фамилии Гюритиничей. Какие богатства давали походы в «полунощные страны», можно судить по летописному свидетельству 1365 г., сделанному после успешного похода на Югру, о закладке «югорцами» каменной церкви святой Троицы (т. е. югорская добыча была настолько велика, что позволила победителям построить каменную церковь).

Преувеличивать политическое значение этих военных предприятий Новгорода на восток от Уральского хребта не стоит. Как справедливо отмечал С. В. Бахрушин, «не могло быть и речи о правильном завоевании страны: походы носили характер более или менее случайных набегов, производившихся под начальством “воевод новгородских” шайками добровольцев, “путников”, как их называет летопись, набравшихся из “детей боярских и удалых людей”» [Бахрушин, 1955. – С. 75]. В целом степень проникновения новгородцев в Северное Зауралье оценивается исследователями неоднозначно. Если, например, по мнению В. А. Могильникова, взаимоотношения новгородцев и зауральской югры, восходящие, как считает исследователь, к XI в., носили весьма интенсивный характер и выразились в широком проникновении вещей древнерусского происхождения в Нижнее Обь-Иртышье, миграции новгородских выходцев в среду обскоугорского населения, организации ими торговых факторий за Уралом, то Н. В. Федорова занимает в этом вопросе достаточно критическую позицию: позднее и эпизодическое проникновение новгородцев в Югорию, отсутствие заметного русского импорта в Приобье, отсутствие доказательств подчинения Югры Новгородом и установления даннических отношений между ними.

Значимость данного этапа состояла в большей степени не в политических последствиях, которые действительно были номинальными и преимущественно ограничивались приуральским ареалом, а в разведке новых территорий, в сборе географических сведений о них, в прокладке маршрутов продвижения через Урал в Северо-Западную Сибирь, которые впоследствии были широко использованы в организации обменных операций с населением северного Приуралья и Зауралья. Именно новгородцы проложили первые пути на Урал и далее в Сибирь. Наиболее ранним трансуральским маршрутом стал печорский путь, получивший позднее наименование «чрезкаменного». Превосходно проанализированный С. В. Бахрушиным, данный путь пролегал в месте географического сближения бассейнов европейской реки Печоры и сибирской – Оби. Восточным притоком Печоры – рекой Усой – «чрезкаменный» путь подходил к Уральским горам. Из Усы попадали в ее приток Собь, а из Соби в Елец (Ель). Верховья Ельца близко подходили к верховьям другой Соби, принадлежавшей уже обскому бассейну. Новгородские купцы и промышленники пересекали Уральские горы «каменным волоком», который прерывался семью озерами, в промежутках между которыми лодки и поклажу приходилось перетаскивать на руках. От устья Соби, недалеко от места расположения будущего Обдорска (Салехарда), двигались либо вверх по течению Оби, в глубь Сибири, либо вниз к Обскому устью.

Позднее, видимо в XIV–XV вв., новгородские торговые люди проложили еще один путь, более южный, для перехода через Урал – другим притоком Печоры, Щугором. Данный путь был описан в так называемом Югорском дорожнике, одном из наиболее ранних хорографических описаний северо-востока Европейской России, послужившим источником для характеристики С. Герберштейном «Пути к Печоре, Югре и до самой реки Оби» [Герберштейн, 1988. – С. 156–161, 332–333]. Торговцы и промышленники поднимались до верховьев Щугора, переваливали через горы, спускались в р. Сыгву (Ляпин), затем – в р. Киртас, из которой попадали в Северную Сосьву, впадающую в Обь. Известно и еще об одной новгородской дороге в Сибирь, которая шла по третьему притоку Печоры – Илычу [Бахрушин, 1955. – С. 72–73].

Новгородские маршруты в Сибирь через Северный Урал не были легкими; пользоваться ими можно было лишь в летнее время, «водяным путем», так как зимой перевал через Уральские горы был сопряжен с очень большими трудностями (в виде исключения перебирались через горы зимою на оленях или на собаках). Тем не менее эти старинные пути имели некоторые преимущества. Во-первых, печорский путь первоначально был единственно возможным, поскольку южные подступы к Уралу,

в частности, камский, длительное время были отрезаны от русских сильными соседями – волжскими булгарами, а затем казанскими татарами. Во-вторых, печорский путь посредством Северной Двины и ее притоков – Юга и Сухоны, вытекавших с Алаунской возвышенности, был связан с центром Русской равнины, что потенциально позволяло со временем воспользоваться данным маршрутом и населению «низовских» княжеств, в рамках которых размещалось ядро сформировавшегося впоследствии Русского централизованного государства. Наконец, северные пути в Зауралье были достаточно обжиты, по крайней мере в своей европейской части, новгородцами, что обусловило длительность их использования (и в XVI, и XVII вв.).

В период с последней трети XV в. до начала 1590-х гг. происходит смена основного политического участника освоения Зауралья. Место Новгорода, окончательно потерявшего политическую независимость в 1478 г. и включенного в состав Русского государства, занимает Москва (великое княжество, а затем царство), которая в определенной степени унаследовала и традиции новгородской колонизации: репертуар способов (воинские экспедиции, меновая торговля, пушной промысел) и созданную к тому времени инфраструктуру, в первую очередь коммуникации. Московское княжество, в состав которого вошел Новгород со всеми зависимыми от него землями, унаследовало и колонизационный порыв Новгорода на северо-восток и ту коммуникационную инфраструктуру, которая была создана новгородцами ко второй половине XV в. и обеспечивала продвижение славян за Урал и мобилизацию пушных ресурсов «полунощных стран».

Список источников и литературы

Бахрушин С. В. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. – Ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. // Научные труды. – Т.3. – Москва: АН СССР, 1955. – 380 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: МГУ, 1988. – 430 с.

Могильников В. А. К проблематике взаимоотношений Руси и Югры в XI–XV веках // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., Тобольск). – Тобольск; Омск, 2000. – С. 77–85.

Насонов А. Н. «Русская Земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. – СПб.: Наука, 2002 (Тип. Наука РАН). – 412 с.

А. Н. Сорокин¹

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
пр. Ломоносовский, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: alsorokin2110@gmail.ru

Новгород и Югра в XI–XII веках

Аннотация. В древнем Новгороде исторически сложилась особая форма государственного устройства – федеративная олигархическая республика, что обусловило противоречия между боярскими группировками, представлявшими самостоятельные административно-территориальные образования, называвшиеся «концами». В конце XII в. соперничество новгородских бояр обострилось в связи с борьбой за природные ресурсы Югры. Вероятно, начиная с первой половины XI в. новгородцы время от времени предпринимали военные походы в Югру, имевшие характер грабительских набегов. Видимо, в первой половине XII в. Югра была завоевана, а ее население – югры и самоеды – обложено регулярной данью. При этом сбор дани и торговлю с Югрой монополизировало боярство Людина конца и Загородья: в Новгороде нигде больше не наблюдается такая концентрация археологических находок, имеющих отношение к северным территориям, как на Троицком раскопе в Людином конце. Однако в 1193/94 (6701/02) г. из Новгорода в Югру отправилась рать, вероятно состоявшая главным образом из жителей Неревского конца, с намерением обложить данью местное население. При активном участии Савки по прозвищу «Вотола», жителя Людина конца, находившегося в то время при «князе Югорском», военная экспедиция неревлян потерпела полный крах. Трагические события в Югре привели к смуте, охватившей всю новгородскую землю: пожары, начавшиеся с Ладоги и поджогов дворов в Людином конце, Загородье и Неревском конце, перекинулись на Городище и в Русу, а в Новгороде продолжали вспыхивать в разных частях города на протяжении нескольких месяцев. В результате с монопольным положением в Югре Людина конца и загородцев, видимо, было покончено. На протяжении XIII в. происходила колонизация Югры новгородцами и коми, под натиском которых югорцы переселялись к востоку от Урала. Это объясняет возобновление с 1322 (6831) г. походов новгородцев за данью в Югру, которые теперь были направлены к востоку от Урала.

Ключевые слова: древний Новгород, Югра, Заволочье, походы в Югру, «Ядрейковщина», Савка Вотола, «Вотолкин пожар», Троицкий раскоп, археологические находки.

Иностранные авторы, писавшие о России в XVI–XVII вв., упоминая о былом величии «государства Новгорода Великого», отмечали, что оно «некогда было самым обширным из всех русских княжеств», так как простиралось «далеко на восток, юг и север» [Олеарий, 1996. – С. 135; Гваньини, 1997. – С. 35; Ут-верждение династии, 1997. – С. 129, 393]. Среди подвластных Новгороду областей не последнее место занимала «Югра», или по-другому – «Угра». Тожественность хоронимов¹ подтверждается не только их созвучием, но также тем, что в разных летописях в одном и том же контексте встречаются оба написания [Дмитриев, 1894. – С. 20, 47]. Однако венгерский лингвист финно-угровед Миклош Жирази (Miklós Zsirai) (1892–1955) предположил, что ставшее преобладающим «русск. Югра возникло из более ранней формы Угра» [Хайду, 1985. – С. 33]. С XVI в. как название области «слово Югра начинает выходить из

употребления», в XVIII в. исчезает [Миллер, 1750. – С. 61; Дмитриев, 1894. – С. 14, 17] и возрождается в 2003 г., когда в качестве дополнительного наименования было присвоено Ханты-Мансийскому автономному округу, субъекту Российской Федерации в составе Тюменской области Уральского федерального округа, получившему официальное название «Ханты-Мансийский автономный округ – Югра». Подобное решение исторически обосновано, так как в древности «Югрой»² называли не только область, но также коренное население – прямых предков современных ханты (остяки) и манси (вогулы) [Дмитриев, 1894. – С. 14–34].

А. А. Дмитриев (1854–1902), пермский историк и краевед, проанализировав «ученые мнения» о местоположении области древней Югры, разделил их на три группы: «1. По мнению одних ученых, древняя Югра лежала к западу от Уральских гор. 2. По мнению других, прямо противоположному, она находилась к востоку от Урала. 3. По мнению третьих, Югра занимала оба склона Урала, хотя и не одновременно: сперва западный, а после восточный склон гор» [Дмитриев, 1894. – С. 3]. По наблюдениям А. А. Дмитриева, «как по своим воззрениям на Югру, так и по числу последователей», господствует предположение «о постепенном передвижении Югры из Европы в Азию чрез Северный Урал», которое «настолько установилось в науке, что его вряд ли можно отвергать» [Дмитриев, 1894. – С. 5, 13].

Первые сведения о Югре к западу от Уральского хребта относятся к XI – началу XII в. Н. П. Барсов (1839–1889), один из основоположников исторической географии древней Руси, обратил внимание на то, что в «этнографическом вступлении» к «Повести временных лет» северная группа «финских народцев (народов, племен)» Восточной Европы именуется «Заволочьской Чюдью», причем этот «географический», а не «этнографический» термин, который больше нигде не упоминается, объединял 4 «языцы»: «...в Афетове же части седять... Заволочьская Чудь³ · Пермь Печера Ямь [Емь] · Оугра» [Барсов, 1885. – С. 17, 45, 56, 221, 238; ПСРЛ, I, 1962. – Стб. 4; ПСРЛ, V, 1851. – С. 84; ПВЛ, 1950. – С. 10]. В историографии отсутствует единое представление о местоположении и размерах территории Заволочья или Бьярмаланда древнескандинавских источников [Джаксон, 2001. – С. 145]. Наиболее убедительно выглядит трактовка Н. П. Барсова, по мнению которого «волоком обозначался преимущественно лесистый водораздел между северными притоками Волги (Молога, Шексна, Кострома, Унжа, Кама) с одной стороны, и Озерной областью (Мста, Сясь с Тихвинкой) и Беломорским бассейном – с другой»⁴, соответственно, под территорией «за Волоком» или «Заволочьем» подразумевалась «вся обширная северная покатость на северо-восток от озера Онежского и на север от Белоозера, бассейн Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры» [Барсов, 1885. – С. 17]. Поскольку, по мнению Н. П. Барсова, племена Заволоцкой чуди в «Повести временных лет» перечислены «в порядке размещения их с юго-запада на северо-восток», а Югра «показана крайним северо-восточным населением в Заволочьи», то ее область локализуется «к юго-западу от Северного Урала и на довольно значительном от него расстоянии» [Барсов, 1885. – С. 56, 60–61, 66]. Доказательством этого служит записанный в начале XII в. рассказ жителей Югры, очевидно, об Уральских горах: «Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом; темже не доходим их всегда; есть же и подаль на полунощи» [ПСРЛ, I, 1846. – С. 107; ПВЛ, 1950. – С. 167, 369]. В интерпретации «Летописи Переяславля Суздальского» (начало XIII в.) «иде же Оугра, то там же и Печера, тот язык нем и с Самоедью седят на полунощи» [Оболенский, 1851. – С. 51]. По сведениям шведского дипломата Петра Петрея (начало XVII в.), «княжество Югорское лежит в 350 милях от Москвы к северо-востоку; в нем построен город с крепостью по имени Югра» [О начале войн, 1997. – С. 186]. Для сравнения: согласно подсчетам Петрея от Соловецкого монастыря

² В древнерусских и западноевропейских письменных и картографических источниках встречаются такие наименования, как «Юхра (Iuhri, Iuhra)» [Гваньини, 1997. – С. 47; Дмитриев, 1894. – С. 35], «Югричи (Iugritzi populi)» [ПСРЛ, X, 1885. – С. 22–23; ПСРЛ, XV, 1922. – Стб. 282; Гваньини, 1997. – С. 47; Дмитриев, 1894. – С. 36], «Югдоры» [Татищев, 1994. – С. 77, 241], «Юкагиры (Jaekogerie)» [Путешествие через Московию, 1872. – С. 21], «Югриковы (Югриновы)» [Дмитриев, 1894. – С. 40, 43].

³ Здесь, по мнению Н. П. Барсова, следует ставить не запятую, а двоеточие. В таком случае ошибочными являются положения о существовании особого народа – «заволочской чуди» [Дмитриев, 1894. – С. 47; Финно-угры, 1987. – С. 64–66] или ее отождествление с емью [Любавский, 2000. – С. 95].

⁴ «Волок» – от глагола «волочить», т. е. «таскать, тащить <...>, везти по земле, двигать; тянуть», соответственно, «волоком» принято называть «перешеек между двух рек, где переволакивают лодки или товар с них с одной речки на другую» [Даль I, 1989. – С. 236].

¹ «Хороним – название больших областей, стран, обширных пространств» [Мураев, 1974. – С. 26].

«до Москвы должно быть около 310 миль» [О начале войн, 1997. – С. 185]. Австрийский дипломат Августин Мейерберг (80-е гг. XVII в.) дополняет эти сведения указанием северной границы Югры: «Югория, с городом Югра, представляет собой обширную область, простирающуюся до самого Татарского моря» [Утверждение династии, 1997. – С. 396].

Картографические материалы позволяют уточнить местоположение древней Югры. На карте Баттиста Агнеше 1525 г. Югра показана между Северной Двиной и Печорой; на карте Антона Вида, изданной в 1555 г., но составленной между 1537 и 1544 гг., а также на карте Себастьяна Мюнстера 1544 г. и Nasii 1750 г. «Juhri» помещены между реками Мезень и Печора; на картах Семена Ремезова 1701 г. «Югорское царство» обозначено между реками Мезень и Тулома (Кулой), а «Югорска земля» – к востоку от Соловецкого острова, между Терской Самоедью с востока, Колмогорской землей с запада» [Анучин, 1890. – С. 24; Дмитриев, 1894. – С. 35, 39–40]. На карте фламандского картографа и географа Герарда Меркатора (1512–1594) присутствуют поселение «Juhri» и область «Iugra (Iuhra, Iugoria)», ограниченная на востоке р. Мезень (Mezena flu.), с запада – ее безымянным притоком примерно такой же длины, очевидно, р. Вашка, которая в древности именовалась «Удора» [АСЭИ, 1964. – С. 587, 623]. Это действительно самый большой приток Мезени, сопоставимый с ней по длине (605 км против 966 км). Южная граница Югры, вероятно, проходила по впадавшей в р. Выгегда (Voichogda flu., Witscehda flu.) безымянной реке и ее притоку, в которых узнаются реки Вымь и Елва (Ёлва). Название области сопровождает надпись «Iugoria ex qua olim Hungari prodijfe feruntur», что согласуется со свидетельством Сигизмунда Герберштейна (первая треть XV в.), которое затем повторили Петрей и Мейерберг [Герберштейн, 1988. – С. 163; О начале войн, 1997. – С. 186; Утверждение династии, 1997. – С. 396].

В древности Югра, по всей вероятности, населяла все Заволочье. Так, Шонстрем, секретарь походной канцелярии шведского короля Карла XII, попавший в плен во время Северной войны и оказавшийся в Сибири, в своей книге, изданной в 1741 г., упоминает предание Вогулов об их жительстве на реках Северной Двине и Юг [Дмитриев, 1894. – С. 15]. Об этом же свидетельствует топонимическая номенклатура, прежде всего, многочисленные финно-угорские гидронимы с фонемами -юг и -уг, а также -юга, -уг, -юга, -юж, -южок, которые «являются результатом освоения русскими говорами древнего народного географического термина *jug или *juγ⁵ со значением «река» [Барсов, 1885. – С. 62; АСЭИ, 1964. – № 291а. – С. 308–311; Кузнецов, 2010. – С. 13]. Примечательно, что такие гидронимы отсутствуют к востоку от Уральских гор, но в большом количестве (свыше 300 потамонимов и не менее 14 лимнонинов)⁶ концентрируются в бассейнах рек, текущих в Белое море (Онега, Северная Двина, Юг, Сухона, Мезень, Печора, Кулой, Стрельна и др.) и Волгу (Ветлуга, Унжа, Кама, Шексна, Молога и др.), причем в основном это небольшие притоки 1–5 порядков⁷.

В истории «подчинения северо-восточных Угорских земель Московской короне и их взаимных отношений» А. А. Дмитриев выделил два периода – «Новгородский» и «Московский» [Дмитриев, 1894. – С. 47–109]. По его мнению, смена этих периодов произошла во второй половине XV в., потому что в то время «Новгороду некогда было думать об Югре» и «все усилия ему приходилось обратить против Москвы для спасения собственной политической независимости», в результате чего «поколебалась и прежняя зависимость Югры» от Новгорода [Дмитриев, 1894. – С. 54].

Начало «Новгородского» периода в истории Югры А. А. Дмитриев отнес к 90-м гг. XI в., так как самое раннее «достоверное свидетельство» о связях Новгорода с Югрой содержится в «Повести временных лет» в рассказе летописца, записанном под 1096 (6604) г.: «Се же хоцю сказати, яже слышах прежде сих 4 лет, яже сказа ми Гюрята Роговичь Новгородецъ, глаголя сице яко послах отрок свой в Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему к ним, и оттуду иде в Югру (в угру, в угры, за угры)» [ПСРЛ, I, 1846. – С. 107; ПСРЛ, II, 1843. – С. 5; ПВЛ, 1950. – С. 167, 368–369; Дмитриев, 1894. –

⁵ По свидетельству Сигизмунда Герберштейна (первая половина XVI в.), слово «Югра» русские произносят «с придыханием: juhra» [Герберштейн, 1988. – С. 163]. В сочинениях Александра Гваньини (вторая половина XVI в.) и Августина Мейерберга (60-е гг. XVII в.) приведено несколько вариантов названия «Югра», в том числе «Юхра» [Гваньини, 1997. – С. 47; Утверждение династии, 1997. – С. 139].

⁶ Потамоним – название реки, ручья; лимноним – название озера, пруда.

⁷ Притоки первого порядка напрямую впадают в главную реку, притоки второго порядка являются притоками первого порядка и т. д.

С. 47]. Вместе с тем нельзя не согласиться с А. А. Дмитриевым в том, что «путешествие Новгородцев в Югру в 1092 г. не было первым шагом их в эти далекие страны», а «смелые экспедиции их на восток бывали и раньше» [Дмитриев, 1894. – С. 48]. В самом деле, по сведениям Патриаршей (Никоновской) летописи, в 1032 (6540) г. некий «Улеб иде на Железнаа Врата из Новагорода, и вспять мало их възвратишася, но мнози тамо погибоша» [ПСРЛ, IX, 1862. – С. 79]. Герхард Фридрих Миллер (1705–1783), один из первых исследователей Сибири, предположил, что «может быть, этим походом сделан был первый опыт к покорению Пермии и Югории» [Литке, 1948. – С. 34]. Миллер, вероятно, основывался на описании этого похода в пересказе В. Н. Татищева из несохранившейся летописи: «Новгородцы с Улебом ходили на Железные врата, но бысть нещастие, побеждены были новгородцы от Югдор» [Татищев, 1994. – С. 77, 241; Дмитриев, 1894. – С. 49]. Н. П. Барсов (1839–1889) также полагал, что самое раннее известие «о сношениях Руси с Югрою» восходит к походу 1032 (6540) г., так как у Железных ворот «должна была начинаться Югра нашей летописи» [Барсов, 1885. – С. 62–63]. Действительно, топонимы «Железные ворота» обнаруживаются в разных местах Заволочья: например, так назывался приток р. Чагодоши в Вельегонском уезде Тверской губернии; известны «урочище Железные Ворота (Городок, Кариль), на правом берегу Сысолы, в 80 верстах от Усть-Сысольска, близ сел. Водчи, и далее на северо-восток сел. Железные Ворота на р. Цыльме, с запада впадающей в Печеру» [Барсов, 1885. – С. 62–63; Дмитриев, 1894. – С. 48–49; ПВЛ, 2. – С. 373–374]. В Кенозерской водной системе, являвшейся составной частью древнего пути из Новгорода на Онегу и Северную Двину, известен топоним саамского происхождения «Роврозерский Нос», переводимый на русский язык как «Железный нос» или «Железные ворота» [Матвеев, 2004. – С. 162–163]. Проливы между Новой Землей и островом Вайгач, островами Междушарский и Ярцева у Новой Земли, островами Соловецкого архипелага – Большой Соловецкий и Муксалма, между островом Мудьюг (Мудьюгский) и губой Сухое море, в которое впадает р. Мудьюг, также назывались «Железными воротами» [Барсов, 1885. – С. 244–245; Литке, 1948. – С. 34, 83, 114; Насонов, 1951. – С. 93; Белов, 1956. – С. 34]⁸.

Нельзя исключать, что экспансия новгородцев в области, населенные «Заволочской Чудью», началась до 1032 (6540) г., так как, в отличие от Патриаршей (Никоновской) летописи, составленной в XVI–XVII вв., в более ранних Софийской первой и Новгородской четвертой летописях, восходящих к общему источнику XV в., об участниках похода на «Железные врата» сообщается, что не «вспять мало их възвратишася», а «опять мало их прииде» [ПСРЛ, V, 1851. – С. 136; ПСРЛ, IV, 1915. – С. 113; ПСРЛ, IV, 1917. – С. 116; Древнерусское государство, 1965. – С. 96]. Следующий поход из Новгорода в Заволочье, и, видимо, вновь неудачный, был предпринят только в 1079 (6587) г., так как «убиша за Волоком князя Глеба, месяца мая в 30» [НПЛ, 1950. – С. 18, 201]. Правда, в списке новгородских князей изложена совершенно иная версия: «И посади Святослав сына своего Глеба, и выгнаша из города, и бежа за Волок (за Волоком, в Заволочии), и убиша и Чюдъ (месяца мая в 30 день)» [НПЛ, 1950. – С. 18, 161, 201, 470; ПСРЛ, VII, 1856. – С. 2]. Между тем в летописи, которой пользовался только В. Н. Татищев, четко определен военный характер похода: «Глеб сын Святославов, будучи в Новеграде, ходил на емь в Заволочье, и тамо побежден от Еми и убит» [Татищев, 1994. – С. 92].

Весьма вероятно, что первопроходцами, указавшими новгородцам путь в Югру, были ладожане. Несмотря на краткость и отрывочность летописных известий, Н. П. Барсов утверждал, что в XI в. борьба «Руси с заволочким финским населением» велась «где-то у новгородских границ, близ Ладоги, то есть в южном Заволочье» [Барсов, 1995. – С. 58]. Очевидно, близость Ладоги обусловила участие в этой борьбе ладожан. В «Повести временных лет» под 1114 (6622) г. летописец сообщает, как в Ладоге некто «поведаша» ему о том, что «еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь» [ПСРЛ, II, 1843. – С. 4–5; ПВЛ, 1950. – С. 197, 399–400]. Упоминание «мужей старых» отсылает к походам ладожан в первой половине XI в. В то время Ладога (в скандинавских источниках Альдейгьюборг, Альдейгья) находилась под управлением ярла Рёгнвальда, родственника Ингигерд, дочери конунга Олава Шведского, выданной замуж за Ярослава Мудрого, о чем повествуется в саге «Об Олаве Святом»: «Ингигерд конунгова жена пожаловала Рёгнвальду ярлу Альдегьюборг, и он стал ярлом всей той области. Рёгнвальд ярл правил там долго, и о нем ходила добрая слава. Сыновьями Рёгнвальда ярла и Ингибьёрг были Ульв

⁸ Примечательно, что в названиях одноименных острова и реки Мудьюг, как и в хорониме Югра, присутствует фонема -юг.

ярл и Эйлив ярл» [Стурлусон, 1980. – С. 234–235]. Вслед за С. М. Соловьевым невольно напрашивается сравнение старшего сына ярла Рёнгвальда с летописным Улебом, возглавившим поход из Новгорода к «Железным Вратам» в 1032 (6540) г. [Соловьев, 1988. – С. 206]. Ульф/Улеб не случайно оказался во главе новгородцев. Имя «Улеб» присутствует в списке «абсолютно неизвестных» и поэтому «загадочных» первых новгородских посадников, «существование которых не отражено ни летописями, ни эпосом» [НПЛ, 1950. – С. 164, 471; Янин, 2003. – С. 78, 86]. По всей вероятности, «какой-то Улеб», о котором так небрежно отзывались С. М. Соловьев и А. А. Дмитриев [Соловьев, 1988. – С. 206; Дмитриев, 1894. – С. 48], возглавлявший новгородцев в походе 1032 (6540) г., ярл Ульв, сын ладожского правителя ярла Рёнгвальда, и новгородский посадник Улеб – одна и та же реальная историческая личность.

По мнению А. Н. Насонова (1898–1965), авторитетного исследователя исторической географии древней Руси, «власть новгородцев распространилась на Ладугу» в начале XII в., а «вслед за Ладогой в непосредственное ведение Новгорода должна была отойти та территория, на которую распространялось влияние Ладоги» [Насонов, 1951. – С. 79]. Скорее всего, это произошло после того, как в 1105 (6613) г. новгородцы «идоша в Ладугу на воину» [НПЛ, 1950. – С. 19, 203].

Не подлежит сомнению, что ладожан, а затем новгородцев влекло в Заволочье и Югру главное богатство этой земли – пушнина, высоко ценившаяся и пользовавшаяся постоянным спросом в Скандинавии, Западной Европе, Византии, Средней Азии и на арабском Востоке. Население Заволочья в целом и Югры в частности издревле занималось пушным промыслом, причем не только для внутреннего употребления. В «Саге об Олаве Святом» повествуется о том, как из Норвегии с одобрения и при поддержке конунга Олава Харальдсона (1015–1028) в «Страну Бьярмов» с торговыми целями отправились два корабля под предводительством Карли Халогаландца и Торира Собаки: «Когда они приплыли в Страну Бьярмов, они пристали у торжища, и начали торг. Все те, у кого было, чем платить, накупили вдоволь товара. Торир накупил много беличьего, бобрового и собольего меха. У Карли тоже было много денег, и он тоже накупил много меха» [Стурлусон, 1980. – С. 284]. Как следует из дальнейшего повествования, торговля норвежцев с бьярмами происходила на «реке Вине», т. е. где-то на Северной Двине [Стурлусон, 1980. – С. 284; Джаксон, 2001. – С. 25, 28, 32, 37, 44]. В начале 50-х гг. XII в. в Волжской Булгарии арабскому путешественнику и писателю Абу Хамиду ал-Гарнати рассказали, что «очень много» соболей водится в области «под названием Йура», которую в историографии отождествляют с Югрой, и купцы из области Вису (летописная Вель) в обмен на «шкуры соболя» поставляют жителям Йуры нужные им товары, получая от этой торговли «огромную прибыль» [Древняя Русь, 2009. – С. 142].

Н. П. Барсов утверждал, что новгородцы получили доступ к природным богатствам Югры путем «простого сбора дани» [Барсов, 1885. – С. 63]. А. А. Дмитриев указывал на «обычные сборы дани» [Дмитриев, 1894. – С. 51]. Под «данью» обычно понимается «срочная подать покоренного народа победителю» [Даль, I, 1989. – С. 413]. Н. П. Барсов предположил, что «подчинение Югры Новгороду, по всей вероятности, относится или к началу XII, или к самому концу XI века» [Барсов, 1885. – С. 63]. Между тем в летописном списке народов, «иже дань дают Руси» в начале XII в., упоминаются Пермь, Печера, Ямь, то есть вся «Заволочья Чудь», за исключением Югры [ПСРЛ, I, 1962. – Стб. 11; ПВЛ, 1950а. – С. 13; Оболенский, 1851. – С. 2; Барсов, 1885. – С. 60]. Примечательно, что в 1133 (6641) г. «Ярополк посла Мстиславича Изяслава к брату Новгороду, и даша дани Печерские (дани ради Печерския)» [ПСРЛ, I, 1846. – С. 132; ПСРЛ, I, 1962. – Стб. 302; ПСРЛ, XXX, 1965. – С. 60]. По всей видимости, «хождения» в Югру «мужей старых» из Ладоги в первой половине XI в. и, возможно, Улеба/Ульва в 1032 (6540) г., цели и результаты которых в летописях не раскрыты, представляли собой эпизодические грабительские набеги, подобные походам новгородских ушкунников более позднего времени. Вероятно, это объясняется тем, что «Югра управлялась своими князьями, вела с данщиками упорную борьбу, из которой новгородцы выходили не всегда с успехом» [Барсов, 1885. – С. 64]. Кроме того, по мнению Н. П. Барсова, новгородцы «были стеснены в своих завоевательных стремлениях на крайнем северо-востоке постоянным противодействием со стороны» суздальских князей [Барсов, 1885. – С. 63–64]. Так, под 1149 (6657) г. в новгородских летописях помещено известие, по всей вероятности относящееся к сбору дани в Заволочье: «На том же лете идоша даньници новгородстии в мале; и учюв

Гюрги (князь Юрий Долгорукий. – А. С.), оже в мале шли, и посла князя Берладьскаго с вои⁹, и бившеся мало негде, стаха новгородьци на острове, а они противу ставше, начаша город чинити в лодьях; идоша новгородьци к ним на третии день, и бишася; и много леже обоих, нъ суждальць бещисла» [НПЛ, 1950. – С. 28, 215; ПСРЛ, V, 1851. – С. 160; ПСРЛ, IV, 1915. – С. 152; ПСРЛ, IV, 1917. – С. 153]¹⁰. Возможно, поэтому следующий поход новгородцев, состоявшийся в 1166 (6674) г., возглавил князь: «Тое же зимы иде Мстислав за Волок» [ПСРЛ, I, 1846. – С. 151; ПСРЛ, I, 1962. – Стб. 353]. Однако в 1169 (6677) г. новгородские «даньници» снова подверглись нападению уже со стороны Андрея Боголюбского: «Иде (из Новагорода) Даньслав Лазутиницъ за Волок даньником (на Двину дани имать) с дружиною своею, и присла Андреи полк свои на нех, и бишася с ними (и стретоша Суздальце с Рязанци на Белеозере), и бяше новгородець 400 (в пятисот мужь), а суздалецъ 7000; и пособи бог новгородцем, и паде их 300 и 1000, а новгородцов 15 муж, и отступиша новгородци, и опять ся воротивше, взяша (на Заволочанах) всю дань, а на суздальских смердех другую, и приидоша вси здрави» [НПЛ, 1950. – С. 221, 33; ПСРЛ, IV, 1848. – С. 12; ПСРЛ, IV, 1915. – С. 163; ПСРЛ, IV, 1917. – С. 166].

Возможно, во время этих походов новгородские данники доходили до Югры, но только в 1187 (6695) г. в летописи впервые появляются прямые сведения о югорской дани: «В то же время избиени быша Печерьскыи (Перемьскы) и Югорьскыи даньници, а другии за Волоком, и паде голов о сте кметей (къметьства)» [НПЛ, 1950. – С. 38, 229; ПСРЛ, IV, 1848. – С. 17; ПСРЛ, IV, 1915. – С. 174; ПСРЛ, IV, 1917. – С. 174–175]¹¹. О виновниках гибели новгородских данников не сообщается, однако для понижения сущности отношений между Югрой и Новгородом в то время ключевое значение имеют сведения о походе новгородцев в Югру и его последствиях, которые в большинстве летописей помещены под 6701–6702 гг. [НПЛ, 1950. – С. 40–41, 231–234; ПСРЛ, III, 1841. – С. 21–22; ПСРЛ, IV, 1848. – С. 17; ПСРЛ, IV, 1915. – С. 174–176; ПСРЛ, IV, 1917. – С. 175–177; ПСРЛ, VI, 2000. – Стб. 248–250; ПСРЛ, X, 1885. – С. 21–23; ПСРЛ, XVI, 1889. – Стб. 47] и только в Тверской летописи – под 6702 г. [ПСРЛ, XV, 1965. – Стб. 281–283].

Для перевода летописной даты похода в существующий хронологический формат определяющее значение имеет то, что в новгородских летописях ему предшествует известие о кончине новгородского архиепископа Гавриила, «месяца мая в 24, на святого Семена, иже на Дивнеи горе» [НПЛ, 1950. – С. 40, 231; ПСРЛ, III, 1841. – С. 21; ПСРЛ, IV, 1848. – С. 17; ПСРЛ, IV, 1915. – С. 174–175; ПСРЛ, IV, 1917. – С. 175; ПСРЛ, VI, 2000. – Стб. 248; ПСРЛ, X, 1885. – С. 21; ПСРЛ, XVI, 1889. – Стб. 47]. Почти за год до этого в ближайших окрестностях Новгорода «концяша церковь святых апостол на Силинищи, и святую архиепископ Григории на Петров день», т. е. не в храмовый праздник 29 июня, а накануне – 28 июня [НПЛ, 1950. – С. 40, 231]¹². Это объясняется тем, что церкви было принято освящать по воскресеньям [Пронштейн, 1972. – С. 29], но в 1192 г. (мартовский 6700 г.) воскресение пришлось на 28 июня [Буткевич, Зеликсон, 1969. – С. 81; табл. 28, 29]. Следовательно, в современном летоисчислении архиепископ Гавриил умер в 1193 г. (мартовский 6701 г.) [Черепнин, 1944. – С. 26–32]. После его смерти «новгородьци же с князем Ярославом и с игумены и с софьяны и с попы» по жребию избрали нового архиепископа, которым стал Мартирий, игумен Преображенского монастыря в Русе, «и послаша его в Киев к Никифору, митрополиту Киевскому и всеа Руси, ставитися» [ПСРЛ, X, 1885. – С. 21]. Мартирий вернулся в Новгород «генваря в 16, на поклонение честных вериг святого апостола Петра (месяца генваря в 16, на святого апостола Петра Спадение веригам)» [НПЛ, 1950. – С. 232; ПСРЛ, II, 1841. – С. 21]. Поскольку сразу же за этим известием следует рассказ о походе в Югру, то может показаться, что он начался в январе 1194 (6701) г. Однако, как следует из дальнейшего летописного контекста, новгородцы отправились в Югру, скорее всего, осенью 1193 (6701) г. По всей вероятности, новгородский летописец

⁹ Под «князем Берладским», видимо, следует понимать князя Ивана Ростиславича Берладника (Иванко Берладник), находившегося на службе у разных князей, в том числе Юрия Долгорукого, и известного по летописным событиям 40–60-х гг. XII в. [ПСРЛ, II, 1843. – С. 20, 27–28, 83–86; Брокгауз, Ефрон, 1892. – С. 542].

¹⁰ Местом, где произошли описанные в летописи события, мог быть один из островов на Кенозере, которое являлось частью древнего пути из Новгорода в Заволочье [Барсов, 1885. – С. 27, 225] и где, между прочим, локализуется топоним «Железные ворота», упоминаемый в летописном описании похода 1032 [6540] г. новгородского посадника Улеба/Ульва [Матвеев, 2004. – С. 162–163].

¹¹ Одно из значений слова *кметь* – «воин» [Даль, II, 1989. – С. 124].

¹² Здесь и далее все календарные даты приводятся по Юлианскому календарю.

не стал разрывать цельное повествование об избрании и хиротонии Мартирия, что привело к нарушению относительной хронологии.

Описание похода новгородцев начинается с того, что «в то же лето идоша из Новагорода в Югру ратью с воеводою Ядреем» [*НПЛ*, 1950. – С. 40; *ПСРЛ*, II, 1841. – С. 21], по другой версии – «с воеводою Ядрейком» [*НПЛ*, 1950. – С. 232; *ПСРЛ*, IV, 1915. – С. 175; *ПСРЛ*, IV, 1917. – С. 176; *ПСРЛ*, VI, 2000. – Стб. 248; *ПСРЛ*, XVI, 1889. – Стб. 47]¹³. В Новгородской пятой летописи события, произошедшие с новгородскими ратниками в Югре, названы по имени их предводителя – «Ядрейковщина» [*ПСРЛ*, IV, 1917. – С. 176]. Первое время новгородцам сопутствовала удача: «придоша в Югру», они «взяша город», вероятно застав его жителей врасплох. Вслед за тем ратники «придоша к другому граду», но «Югричи», очевидно, уже были предупреждены об их появлении и «затворишася в граде», причем, как оказалось, вместе с «князем югорским», очевидно, племенным вождем. Может быть, это был тот самый «город с крепостью», о котором сообщали Петрей и Мейерберг и который обозначен на карте Меркатора на р. Мезень как «Juhr». Новгородцы были вынуждены приступить к длительной осаде «и стояша под городом 5 недель». Все это время «высылаху (из города) к ним Югра, льстбою (с льстивою речью) рекуще (глаголюще) тако, яко копим (понеже збираем) сребро (и злато) и соболи и ина узорочья (хотяще дань даяти вам), а не губите (нас) своих смерд и своеи дани». Здесь под «узорочьем», скорее всего, следует понимать «дорогие, узорочные, разукрашенные вещи всякого рода; кованое, чеканное, обронное серебро и золото <...> сканные вещи» [*Даль*, IV, 1991. – С. 480]. Примечательно, что даже в XIX в. «в отдаленных местах, в особых сараях, посвященных главным богам, хранились у Остяков десятки пудов старого серебра в изделиях, причем запасами этими можно было, в крайних случаях, пользоваться заимообразно. Подобные серебряные изделия для той же цели приобретаются инородцами иногда и теперь от Русских» [*Анучин*, 1890. – С. 56]. Югры, «льстяще» новгородцам на словах и усыпляя их бдительность «речью лстивою», скрытно «в то время копяще воиско (вое копяче, вои свои копячи, все копячи вои)». Можно предположить, каким образом «князь югорский» собирал ополчение для борьбы с новгородской ратью. В Смутное время в Сибири был раскрыт заговор остяцкой княгини Анны Игичеевой «с детьми» и ее ближайших родичей, которые «измену норовили супротив русаков и пермяков», намереваясь «убити князя Онжа Юрьева да на проезде побивати всяких русских людей, и собрався со всеми астяки, итти <...> к Березову городу войною в осень, как будут темные ночи» [*Смутное время*, 1914. – № 118. С. 374–376; *Вычегодско-Вымская летопись*, 1958. – С. 268–269]. Для этого сообщники послали к остякам доверенного человека с «изменной стрелой» и «велели ему с ними о измене договориться допряма» [*Смутное время*, 1914. – № 61. С. 72–73; № 118. С. 374–376]. На стреле, т. е. на древке, было «нарезано одинадцать шайтанов с рубежа, а попереk шайтаны резаны и железо стрельное терто», а «служивые и торговые люди» подтвердили, что «такие стрелы ходили промеж остяков для измены» [*Смутное время*, 1914. – № 61. С. 72–73; № 118. С. 375]. Следует отметить, что в древнескандинавских сагах также упоминаются «ратные стрелы», которые «вырезали» (NB) и рассылали как сигнал к сбору ополчения или созыву народного собрания – тинга [*Стурлусон*, 1980. – С. 129, 186, 269, 271–272, 380].

Шестая неделя осады новгородцами «града» югорского князя стала переломной: «И яко уже скопишася вои и выслашася из города к воеводе, рекши тако: “пойди в город, поемши с собою 12 мужа (вячьших)”; и иде в город (воевода), понявши с собою попа и Иванка Легена и иных (муж) вячьших (болших, лучших); (Югричи же введше их в храмину) и иссекоша и (вятших, всех) на канун святыя Варваре¹⁴; и выслаша паки, и (еще) пояша (их) 30 муж вятьших (лучших, болших),

¹³ В Патриаршей (Никоновской) и Тверской летописях новгородского воеводу называли «Андреем» [*ПСРЛ*, X, 1885. – С. 21] или «Андрейком» [*ПСРЛ*, XV, 1965. – Стб. 282]. Данное противоречие можно объяснить тем, что Ядрей (Ядрейка) – это языческое имя, а Андрей (Андрейка) – крестильное. Но более вероятно, что здесь техническая ошибка переписчика или дефект исходного текста, так как написание древнерусских букв «à», «"» или «#» имеет очевидное сходство [*Проништейн*, *Кияшко*, 1973. – С. 100–101, 103–104; *Янин*, *Зализняк*, 2000. – С. 152–153, 214–216; табл. 1 – 40].

¹⁴ Поскольку отдание памяти святой великомученицы Варвары приходится на 4 декабря, а первые убийства новгородских ратников произошли накануне этого церковного праздника, т. е. 3 декабря, поэтому длившаяся 5 недель осада «града» югорского князя началась 22 октября. Следовательно, ратники отправились из Новгорода приблизительно в начале октября. Примечательно, что, по данным середины XIX в., на востоке Новгородской губернии именно «в начале октября земля уже замерзает и падает снег; во второй половине месяца становятся реки и озера; а зимний путь устанавливается около 15 ноября» [*Пушкарёв*, 1844. – С. 68].

(и введше их в храмину) и тех (такоже) иссекоша (всех); и потом (паки выслаша из града и поаша к себе) 50 (человек лучших, и тех изсекоша; и сим то же сътвориша)». Вероятно, посредником в переговорах между новгородцами и югорским «князем» был некто Савка (Савица): сначала он обманом заманил воеводу Ядрея и вятших (лучших, больших) мужей в югорский «град», очевидно гарантировав их неприкосновенность, а затем убедил югорского «князя» убить, видимо, последнего оставшегося в живых предводителя похода: «Потом (и по сих, и по сем) рече Савка (Сава) князю югорскому: “аще, княже, не убиешь еще Яковца Прокшиница (Якова Прокшинича, Якова Прокофиева), а живогопустиши в Новгород, то тому ти, княже, опять привести вои семо (приведет на тя семо рать), а землю твою пусту створит (положить)”»¹⁵. Югорский «князь» внял совету Савки: «И призвавши князь Яковца Прокшиница, и повеле его убить. И рече Яковецъ (Яков) Савици (Саве, Савке): “брате (о, брате Сава! Савко, брате), судит ти (брате) бог и святая Софея, аще еси подумал на кровь братъи своеи; и станеша с нами пред богом и отвечаеши за кровь нашу (и приимеши возмездие)”. И то ему рекшу (и то изрекши, и то рекши), убиен бысть. Тои бо Савица перевет держаше отаи с княземъ югорским». Оставшись без своих вождей, новгородцы, очевидно, были полностью деморализованы. Кроме того, с самого начала осады в новгородском войске «изнемогаша людие голодом, стояле бо бяху 6 недель, слушающе лестьбе (лестбу, льсти)» югров. Недостаток продовольствия, вероятно, объясняется тем, что подошедшие на помощь к своему князю югры обложили лагерь новгородцев, отрезав им пути снабжения. Трагическая развязка наступила «на праздник святого Николы»¹⁶, когда югры «вылезше из града, иссекоша вся; и бе туга¹⁷ и беда останку живых, бе бо осталось их 80 муж».

«Ядрейковщина» имела тяжелые последствия не только для ее участников: она внесла смуту и глубокий раскол в новгородскую общину.

В Новгородской второй летописи под 6701 г. [*НЛ*, 1879. – С. 11; *ПСРЛ*, III, 1841. – С. 127; *ПСРЛ*, XXX, 1965. – С. 171], а в большинстве других под 6702 г. содержатся краткие или пространные версии «эпидемии» пожаров, охвативших Новгород и Новгородскую землю, причем «Ладога погоре преже (перед) Новагорода», вслед за которым «Руса погоре» и «погоре Городище» [*НПЛ*, 1950. – С. 41, 234; *НЛ*, 1879. – С. 12, 196; *ПСРЛ*, III, 1841. – С. 217; *ПСРЛ*, IV, 1848. – С. 17; *ПСРЛ*, IV, 1915. – С. 176; *ПСРЛ*, IV, 1917. – С. 177; *ПСРЛ*, IV, 1929. – С. 591; *ПСРЛ*, V, 1851. – С. 170; *ПСРЛ*, VI, 2000. – Стб. 250; *ПСРЛ*, VII, 1856. – С. 102; *ПСРЛ*, X, 1885. – С. 23; *ПСРЛ*, XXV, 1949. – С. 95; *ПСРЛ*, XXX, 1965. – С. 184]. Это можно объяснить тем, что путь из Новгорода в Заволочье и Югру лежал через Ладогу, в которую на обратном пути «придоша избыток живых из Югры» [*НПЛ*, 1950. – С. 41, 234; *ПСРЛ*, IV, 1848. – С. 17; *ПСРЛ*, IV, 1915. – С. 176; *ПСРЛ*, IV, 1917. – С. 177; *ПСРЛ*, VI, 2000. – Стб. 249]. Кроме того, прослеживается хронологическая последовательность между возвращением из Югры ратников, от которых «не баше вести чрес всю зиму в Новгород на них, ни на живых, ни на мертвых», о чем «печаловахутся в Новегороде князь и владыка и всь Новгород», и пожарами, случившимися, по сведениям Тверской летописи, «на ту же весну» [*ПСРЛ*, XV, 1965. – Стб. 283].

Для установления хронологии пожаров и ее перевода в современное летоисчисление следует воспользоваться известием, которое помещено после них: «В то же лето поставиша церковь святого Филипа на Нутьнеи улици, и святи ю владыка Мартурии месяца генваря в 29, на святого Игнатия перенесение мощьм» [*НПЛ*, 1950. – С. 41, 234]. Церкви освящали по воскресеньям [*Проништейн*, 1972. – С. 29]. В современном формате 29 января пришлось на этот день недели в 1195 г., что соответствует мартовскому 6702 г. [*Черепнин*, 1944. – С. 26–32; *Буткевич*, *Зеликсон*,

¹⁵ В словах Савки прослеживается прямая аллюзия с летописью: когда в 945 (6453) г. древляне узнали, что князь Игорь, только что собравший с них дань, «яко опять идеть · сдумавше со князем своим · Малом · аще ся ввадитъ волк в овце · то выносить все стадо · аще не оубьютъ его · тако и се аще не оубьем его · то все ны погубить» [*ПСРЛ*, I, 1962. – Стб. 55].

¹⁶ День памяти святителя Николая празднуют 6 декабря, 9 мая и 29 июля. Очевидно, вылазка югров произошла 6 декабря, т. е. через несколько дней после казни воеводы Ядрея и 12 лучших мужей, на 6-й неделе осады. О том, что трагедия новгородской рати произошла зимой, подтверждается летописью Авраамки: «Той же зиме избиша на Югре даньщиков с Ядрийком» [*ПСРЛ*, XVI, 1889. – Стб. 47].

¹⁷ «Туга» в южном и западном по классификации В. И. Даля русских «наречиях» значило «печаль, скорбь, тоска, грусть, горе, кручина» [*Даль*, IV, 1991. – С. 440].

1969. – С. 81; табл. 28, 29]¹⁸. Поскольку пожары случились весной, то они датируются 1194 (мартовский 6702) г.

Первый пожар в Новгороде, которому летописцы дали определение «пожар зол» и «пожар зол велми», случился в Людином конце, «в неделю на Всех Святых, в говение, идуче в заутрнюю (в заутрении год, в заутреннее время)» [НПЛ, 1950. – С. 233, 41; НЛ, 1879. – С. 11; ПСРЛ, IV, 1929. – С. 591; ПСРЛ, XV, 1965. – Стб. 283; ПСРЛ, XXX, 1965. – С. 171]. День Всех Святых предшествует Петровскому (Апостольский) посту, который в православной церкви празднуют в 1-е воскресенье после дня Св. Троицы (8-е воскресенье по Пасхе). В 1194 (6702) г. Пасха пришлась на 10 апреля [Черепнин, 1944. – С. 58–61; табл. XV], день Св. Троицы – на 29 мая, следовательно, «неделя», в данном случае, видимо, воскресенье Всех Святых – выпало на 5 июня. В результате этого пожара «стореша 3 церкви: святыи Василии¹⁹, святаа Троица, святое Въздвигение, и много домов добрых (много дворов добрых, рекше домов), и уяша (унылося) у Лукине улице» [НПЛ, 1950. – С. 41, 233; НЛ, 1879. – С. 11–12; ПСРЛ, IV, 1929. – С. 591; ПСРЛ, XV, 1965. – Стб. 283; ПСРЛ, XXX, 1965. – С. 171]. Указанные церкви стояли соответственно на Ярышевой, Редятиной и Воздвиженской улицах. Следовательно, огонь охватил также дворы на Черницыной улице, располагавшейся между Ярышевой и Редятиной.

«На другой день» после первого пожара, т. е. в понедельник 6 июня, «загореся в Чьглове (Чеглове, Чеулове) улке, и погоре дворов с 10» [НПЛ, 1950. – С. 41, 233; ПСРЛ, IV, 1929. – С. 591; ПСРЛ, XV, 1965. – Стб. 283]. По данным Новгородской второй летописи пожар начался «в Чиххове улице» [НЛ, 1879. – С. 12; ПСРЛ, XXX, 1965. – С. 184]. Городской проезд ни с одним из этих или похожих названий больше никогда и нигде не встречается. Возможно, именно поэтому во всех исследованиях по исторической топографии древнего Новгорода «Чеглова улка» даже не упоминается. Между тем данная проблема решается, если допустить, что в летописных текстах допущена ошибка, а в названии улицы вместо начальной буквы «У» следует читать «О́». В древнерусских текстах и новгородских берестяных грамотах начертания этих букв совпадают [Проништейн, Кияшко, 1973. – С. 101, 103, 106; Янин, Зализняк, 2000. – С. 188–189, 202–203]. В таком случае улица могла называться «Уѓлова». И такая улица в Новгороде действительно была. В Переписной книге Новгорода 1707 г. на Софийской стороне между дворами по Чудинцевой и Легощей улицам перечислены 16 дворов на улице «Уголки» [Писцовые и переписные книги, 2003. – С. XII, 274, 278–279]. Уличный проезд с таким же наименованием и в том же самом месте присутствует в экспликациях к планам Новгорода XVIII в., на которых отражена древняя уличная планировка: так, на «Плане Новгородской крепости с хоромным строением» 1746 г. между «Легощей» (№ 20) и «Чединцевой» (№ 23) обозначены «улица Уголки» (№ 22) и «переулок Угольской» (№ 24); на плане 1762 г. из «Кабинетской архивы», на плане из собрания карт и планов Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге и на плане, подписанном П. Калачевым, между теми же улицами – «Легоща» (№ 24) и «Чюдинцова (Чудинцева)» (№ 26) – под № 25 значатся соответственно «переулок Угольный», «улица Уголки», «переулок Уголик» [Янин, 1999. – С. 106; рис. 26, 30, 32, 33]. Таким образом, летописную улицу «Уѓлова» можно идентифицировать с улицей «Уголки» на планах XVIII в., имевшей направление от Златоустовской башни Кремля к церкви св. Флора и Лавра²⁰. Чудинцева улица, по сведениям всех источников, относилась к Загородью (Загородскому концу). В так называемой «Семисоборной росписи» новгородских церквей, датированной В. Л. Яниным 1466–1508 гг., церковь «на Легощи улице Фрол Святый» приписана к соборному участку церкви Архангела Михаила на Прусской улице, т. е. к Загородскому концу [Янин, 2004. – С. 398–399, 401]. Следовательно, улица «Уѓлова/Уѓольная» изначально входила в состав Загородья (Загородского конца).

¹⁸ В историографии строительство церкви св. Филиппа ошибочно относят к 1194 г. [Великий Новгород, 2007. – С. 516].

¹⁹ В Людином конце были две церкви одноименных святых: Василия Парийского и Василия Кесарийского. В данном случае, по всей вероятности, имелась в виду церковь Василия Парийского на Ярышеве улице [Колчин, Хорошев, Янин, 1981. – С. 11–15].

²⁰ По мнению Э. А. Гордиенко, «Угольная» улица «выходила к Росткину монастырю», причем ошибочно провела ее трассу по «Угольскому» переулку, обозначенному на плане 1746 г. [Великий Новгород, 2007. – С. 460, 462].

В третий раз горело на «тои же недели в пяток (пятници), в торговое время (в търъг)», т. е. 10 июня²¹: очаг пожара возник «на Хревкове (Фревкове) улице», проходившей между Легощей и Росткиной, далее огонь распространился «от Хревкове улици оли до ручья в Неревьскеи коньць» [НПЛ, 1950. – С. 41, 233; НЛ, 1879. – С. 12; ПСРЛ, IV, 1929. – С. 591; ПСРЛ, XV, 1965. – Стб. 283; ПСРЛ, XXX, 1965. – С. 184]. В Писцовой книге 80-х гг. XVI в. дворы «на Фревкове переулке» отнесены к Загородскому концу, а по данным «Семисоборной росписи» церковь «на Фревкове улице Собор Гаврила» входила в состав Михайловского соборного участка Загородского конца [Майков, 1912. – С. 111–113; Янин, 2004. – С. 398–399, 401]. Однако по материалам того же источника «на Ро[ст]кине улицы», ближайшей к Загородскому концу, «дворы черные и места дворовые тяглых людей и нетяглых», ранее «были Неревского конца, а приписаны к Загородскому концу» [Майков, 1912. – С. 113–114]. Другими словами, в древности Хревкова (Фревкова) улица была частью Неревского конца. Точно такого же мнения придерживался И. И. Красов, скрупулезно исследовавший топографию древнего Новгорода, утверждавший, что «крайнею от Загородского конца была Легоща (Люгоща), за нею следовали Хревкова» и другие улицы [Красов, 1851. – С. 34–35]. В результате пожара в Неревском конце «сгоре церкви 7 и домов велицей» [НПЛ, 1950. – С. 41, 233; НЛ, 1879. – С. 12; ПСРЛ, IV, 1929. – С. 591; ПСРЛ, XV, 1965. – Стб. 283; ПСРЛ, XXX, 1965. – С. 184]. В описаниях пожара пострадавшие от огня церкви не указаны, но к тому времени в Неревском конце в летописях упоминается не менее 8 храмов: св. Иоанн в Росткине монастыре, св. Константин и Елена на Яневе улице, св. Федор Стратилат на Щиркове улице, св. Косма и Дамиан и св. Савва Освященный на Козмодемьянской улице, св. Георгий на Боркове улице, св. Яков и св. Никола на Яковлеве улице. Следовательно, пожар охватил почти весь Неревский конец.

Однако пожары на этом не прекратились, так как «оттоле вьста зло: по вся дни загарашеся (нача загоратися по вся дни) невидимо и 6 мест и боле по местом (на день в шести местех и боле), и паки к тому не смеяху людие тировати (жити, жить) в домех, но по полю живуще (живяху людие) <...> и тако бысть казнь сиа (и тако ся чюжяше) от Всех святых и до Госпожина дни (до Успения пречистыа Богородици)», т. е. до 15 августа [НПЛ, 1950. – С. 41, 233–234; НЛ, 1879. – С. 12, 196; ПСРЛ, III, 1841. – С. 217; ПСРЛ, IV, 1848. – С. 17; ПСРЛ, IV, 1915. – С. 176; ПСРЛ, IV, 1917. – С. 177; ПСРЛ, IV, 1925. – С. 182; ПСРЛ, IV, 1929. – С. 591; ПСРЛ, V, 1851. – С. 170; ПСРЛ, VI, 2000. – Стб. 250; ПСРЛ, VII, 1856. – С. 102; ПСРЛ, X, 1885. – С. 23; ПСРЛ, XV, 1965. – Стб. 283; ПСРЛ, XXV, 1949. – С. 95]. Более того, пожары перекинулись на другие поселения: за Новгородом «потом погоре Городище», «а потом Руса погоре» [НПЛ, 1950. – С. 41, 234; НЛ, 1879. – С. 11–12, 196; ПСРЛ, III, 1841. – С. 127, 217; ПСРЛ, IV, 1848. – С. 17; ПСРЛ, IV, 1917. – С. 177; ПСРЛ, IV, 1925. – С. 182; ПСРЛ, IV, 1929. – С. 591; ПСРЛ, V, 1851. – С. 170; ПСРЛ, VI, 2000. – Стб. 250; ПСРЛ, VII, 1856. – С. 102; ПСРЛ, X, 1885. – С. 23; ПСРЛ, XXV, 1949. – С. 95; ПСРЛ, XXX, 1965. – С. 184].

Причины рассмотренных пожаров в летописях не приводятся. Самым простым является объяснение, предложенное И. Я. Фрояновым, по мнению которого обострение пожарной ситуации в Новгороде в 1194 (7002) г. было случайным стечением обстоятельств [Фроянов, 1992. – С. 245]. Однако никогда ранее пожары не происходили с такой интенсивностью и в течение столь длительного времени. На причинно-следственную связь между всеми пожарами указывает то, что в Новгородской четвертой летописи и в летописи Авраамки они объединены в одно чрезвычайное происшествие, названное «Вотолкин пожар» [ПСРЛ, IV, 1929. – С. 591; ПСРЛ, XVI, 1889. – Стб. 47]. Очевидно, это название происходит от прозвища, клички (cognomen) «Вотола»²², обладателем которой был Савка, со двора которого

²¹ Датировка трех пожаров первыми числами июня не противоречит сведениям Тверской летописи о том, что Новгород горел «на ту же весну», потому что в древности наступление того или иного времени года нередко определяли не по календарю, а по состоянию природы и фенологическим признакам: так, по данным многолетних наблюдений, лето в Новгороде начинается в первых числах июня по Юлианскому календарю, причем «самые поздние заморозки в воздухе отмечаются в конце первой, начале второй декады июня (1 раз в 10 лет)» [Пушкарев, 1844. – С. 67; География Великого Новгорода, 2009. – С. 72].

²² Слово «вото́ла» встречено в новгородской берестяной грамоте № 521, датированной на основании палеографических признаков 1400–1410 гг.: в этом письме некий Моисей, ставший жертвой грабителей, перечислил похищенные у него вещи, в том числе «вотолу», под которой, как утверждают комментаторы берестяного письма, следует понимать «род верхней одежды», причем сравнительно дорогой, потому что ее стоимость была определена Моисеем «в полтора» рубля, тогда как украденного коня потерпевший оценил «в три рубле», а седло – «в полтину» [Арициховский, Янин, 1978. – С. 120–121; Зализняк, 1995. – С. 541; Янин, Зализняк, 2000. – С. 151]. Однако в XIX столетии «вотóлой» или «вату́лой» называлась «верхняя грубая одежда, накидка», «детская распашонка, спереди разрезанная рубашка», а также «самая грубая, толстая крестьянская ткань, дерюга, реднина из охлопьев», из которой изготавливали мешки или использовали «на покрытие возов, на одеяла и пр.» [Даль, I, 1989. – С. 253]. Прозвища, производные от деталей одежды, встречались

началась длительная череда пожаров в Новгороде, так как первым «загорелся Савкине дворе (Савкин двор)» [НПЛ, 1950. – С. 41, 233; НЛ, 1879. – С. 11; ПСРЛ, IV, 1929. – С. 591; ПСРЛ, XV, 1965. – Стб. 283; ПСРЛ, XXX, 1965. – С. 171]. Можно с полной уверенностью утверждать, что Савка Вотолы и Савка (Сава, Савица), виновник гибели новгородских ратников в Югре, – это один и тот же человек. Установление данного факта позволяет объяснить причины пожаров.

В. Т. Пашуто (1918–1983), исследователь истории древней Руси, предположил, что в югорском походе 1093/94 (6701) г. «участвовала обычная рать – четыреста воинов от новгородских концов»²³, но признал, что не может объяснить, почему югры только «часть осаждавших пригласили в город» и убили [Древнерусское государство, 1965. – С. 122]. Между тем, топография трех пожаров однозначно указывает на то, что погибшие новгородцы по преимуществу являлись жителями Неревского конца. Так, воевода Ядрей, очевидно, был отцом Добрыни Ядрейковича, постригшегося «на Хутыне у святого Спаса» и впоследствии избранного новгородским архиепископом, принявшим имя Антоний [НПЛ, 1950. – С. 569; Древнерусское государство, 1965. – С. 122; Гиппиус, 2012. – С. 129–130], а согласно новгородскому преданию Хутынский монастырь основал преподобный Варлаам, в миру Алекса Михайлович, чей род происходил из Неревского конца [Архимандрит Макарий, 2003. – С. 430–431]. Предательски убитый в Югре Яков Прокшинич, видимо, был сыном боярина Прокши Малышевича²⁴, который в Неревском конце в 6707 г. «заложил церковь камену святых мученик 40», но не дожидаясь окончания ее строительства, скончавшись в 6715 г. в Хутынском монастыре, где принял монашеский постриг под именем Парфурия, а начатое им дело завершил в 6719 г. другой его сын – «Вячеслав Прокшинич, внук Малышев» [НПЛ, 1950. – С. 50, 52, 238, 249–250; Великий Новгород, 2007. – С. 527]. Показателен выбор святых, которым был посвящен новый храм: 40 севастианских мучеников, как и погибшие в Югре ратники неревляне, были воинами, принявшими мученическую смерть²⁵. Примечательно, что по свидетельству летописца «исписа церковь Святых мученик 40 Вячеслав Прокшинич, внук Малышев; а даи ему бог спасение и отпущение грехов, иже много трудися о *святых мученицех*, и устрои себе память до века вечнаго» [НПЛ, 1950. – С. 270]. Здесь под «святыми мучениками», очевидно, следует понимать неревлян, вероломно убиенных в Югре по навету Савки Вотолы. Таким образом, храм св. Сорока мучеников задумывался как мемориал неревлянам, погибшим в югорском походе. Впоследствии эта церковь, находившаяся, по разным данным, на Щерковой и Яневой улицах, т. е., видимо, в квартале между ними, превратилась в духовный и политический центр Неревского конца, где собиралось вече, а во второй половине XV – начале XVI в. она получила статус соборной, т. е. старшей по отношению к другим церквям одного из церковных участков Неревского конца [Янин, 2004. – С. 399, 401; Великий Новгород, 2007. – С. 527–528].

у скандинавов, упоминаемых в сагах: например, легендарный викинг Рагнар Кожаные Штаны [Стурлусон, 1980. – С. 39, 49, 68, 69, 102, 637], Сигурд Плащ [Стурлусон, 1980. – С. 555, 558], исландский скальд XII в. Торарин Корткий Плащ [Стурлусон, 1980. – С. 481, 484, 658], Торgrim Кожаная Шапка [Стурлусон, 1980. – С. 479, 480], Эгиль Шерстяная Рубашка [Стурлусон, 1980. – С. 564]. Аналогичные прозвища бытовали у новгородцев: так, в Оброчной (Лавочной) книге 1582/83 (7091) г. упоминаются новгородцы Василий и Михаил «Кривая шапка» [Лавочные книги, 1930. – С. 113, 163], а двор одного из братьев отмечен писцами в 80-х гг. XVI в. на Лукиной улице Людина конца как «место пусто тяглое Михайловское Кривые Шапки» [Майков, 1912. – С. 188]; в новгородской Дозорной книге 1586 г. записаны Фетко Жупанов («жупан» – «теплая верхняя одежда... род охабня; шуба, тулуп... зипун, простой крестьянский кафтан... худой, рабочий кафтан или зипун, сермяга... короткий кафтан, полукафтанье» [Даль, I, 1989. – С. 547]) и Петр Ноговицын («ноговица» – «всякая отдельная часть одежды и обуви, покрывающая голень, обнимающая берцо и иногда колено» [Даль II, 1989. – С. 552]), а одним из фигурантов новгородской купчей от 17 июля 1591 (7099) г. был Василий Кожанцов («кожан» – кожаный кафтан и охабень; шьется из замшевой (овечьей, козловой, сайгачьей) кожи» [Даль, II, 1989. – С. 130]) [Великий Новгород, 2001. – С. 55, 75, 161].

²³ Правда, в другом месте В. Т. Пашуто утверждал, что воевода Ядрей отправился в Югру «с отрядом в две сотни» [Древнерусское государство, 1965. – С. 97].

²⁴ В. Т. Пашуто предположил, что это тот самый Прокопий, который в 1141 (6649) г. вместе с братом, посадником Якуном Мирославичем, и другими сторонниками князя Святослава Ольговича (Судилой, Нежатой, Страшком) «бежа отаи в ночь» из Новгорода, но «Якуна яша на Плисе (Плесе), и приведше и семо с братом его Прокопьею, малы не до смерти, обнаживше, яко мати родила, и сверша и с моста; нъ бог избави, прибрде к берегу, и боле его не биша, нъ взяша у него 1000 гривен, а у брата его 100 гривен, такоже и у инех имаша; и затоциша Якуна в Чюдь с братомъ, оковавше и руце к шьи. И последъ приведе я к собе Гюрги и жены ея из Новагорода, и у себе я държаше в милости» [НПЛ, 1950. – С. 26, 211–212; Древнерусское государство, 1965. – С. 122].

²⁵ Справедливости ради следует заметить, что в историографии высказано мнение, согласно которому церковь 40 Мучеников была основана еще в 1116 (6624) г. «на 40 святых» в ознаменование взятия новгородским князем Мстиславом Владимировичем чудской крепости Медвежья голова [НПЛ, 1950. – С. 20, 204; Гиппиус, 2012. – С. 129]. Однако это не подтверждается источниками [НПЛ, 1950. – С. 20, 204].

Таким образом, когда вернувшийся в Новгород «избыток живых из Югры» принес весть о злодействе Савки Вотолы из Людина конца и той роли, которую тот сыграл в разгроме новгородской рати, родственники погибших из Неревского конца, разгневанные вероломством Савки, в отместку сожгли двор изменника²⁶. Между тем Савка Вотолы, очевидно, предавал «свою братью» в Югре не один, так как в Людином конце, кроме его двора, сгорело еще «много домов добрых (много дворов *добрых*, рекше домов)», по всей вероятности принадлежавших соратникам Савки. Это подтверждается тем, что «сами путники» убили «Сбышку Волосовица и Негочевича Завида и Моислава Поповица» за то, что те «съвет державъще с Югрою на свою братью», а «друзии кунами ся откупиша», правда, не все в Новгороде верили в их предательство, если судить по реплике летописца – «а то Богови судити» [НПЛ, 1950. – С. 41, 234; ПСРЛ, IV, 1848. – С. 17; ПСРЛ, V, 1851. – С. 169–170]. В. Л. Янин идентифицировал новгородцев, убитых «путниками», с персонажами берестяных грамот второй половиной XII в., обнаруженных на Троицком раскопе в Людином конце древнего Новгорода на усадьбах Черницыной и Ярышевой улиц, которые горели в 1194 (7102) г., причем Завид и Моислав были получателями грамот, а Сбыслав участником соседской братчины, организованной владельцами дворов на Черницыной улице [Янин, Зализняк, 1986. – С. 18, 23–24; Янин, Зализняк, 1993. – С. 55–56, 60, 348; Зализняк, 1995. – С. 241–242, 272, 340, 348; Янин, Зализняк, 2000. – С. 35–36]. Летописное известие о том, что «друзии кунами ся откупиша», возможно, подтверждается берестяной грамотой № 710, датированной 40–90-ми гг. XII в., фрагменты которой происходят с двух усадеб Троицкого раскопа, выходивших на Редятину улицу: автор письма Семьюн в конце своего послания сообщал, что «уцелел ти есмь от пожару» [Янин, Зализняк, 2000. – С. 10–11; Зализняк, 1995. – С. 268, 270]. Очевидно, здесь имелся в виду пожар в Людином конце, начавшийся со двора Савки Вотолы в Людином конце.

Пожар на Угловой улице в Загородье, произошедший на следующий день после того, как горел Людин конец, также получает логическое объяснение: по летописным данным, загородцы нередко выступали на стороне Людина конца в распрях с Неревским концом.

Между тем, поджоги Людина конца и Загородья вызвали симметричную реакцию, вероятно, со стороны погорельцев, которые, действуя по принципу «око за око», почти целиком сожгли Неревский конец, где сгорели не только боярские «домове *величии*», но также церкви и дворы простых неревлян.

Если пожары и убийства заподозренных в измене, а также денежные виры, выплаченные родственникам убитых, можно объяснить не полностью изжитым языческим обычаем кровной мести, то причина измены Савки Вотолы кроется в чем-то другом. В. Т. Пашуто предположил, что «распря» и «весь конфликт внутри новгородской ватаги» в Югре, с одной стороны, пожары и убийства в Новгороде – с другой, связаны между собой и объясняются столкновением интересов разных боярских группировок, но при этом вынес их за пределы новгородской общины, рассматривая «как отражение новгородско-суздальских противоречий» [Древнерусское государство, 1965. – С. 122–123]. Это справедливо лишь отчасти.

В. Т. Пашуто проникательно заметил, что при разгроме новгородского войска, «видимо, югорцы действовали не наобум, при них были какие-то советники» [Древнерусское государство, 1965. – С. 122]. Одним из них, вероятно, был Савка Вотолы, а в число других входили Сбышка Волосович, Завид Негочевич и Моислав Попович, впоследствии поплатившиеся за это своими жизнями. Это означает, что Савка не мог быть одним из «ватаги», как утверждал В. Т. Пашуто [Древнерусское государство, 1965. – С. 122]. Он пребывал в «граде» югорского «князя», осажденного новгородцами. Каким же образом Савка Вотолы и его соратники оказались при югорском «князе» и почему Савка убеждал «князя» расправиться с новгородской «братьей»?

По всей вероятности, в XII в. в результате походов в Заволочье новгородцам удалось подчинить Югру и обложить ее население данью. Об этом свидетельствует упоминание югорских данников под 1187 (6695) г. [НПЛ, 1950. – С. 38, 229]. При этом наибольшую активность в освоении природных богатств Заволочья и Югры проявили в Загородье и Людином конце. Вероятно, это началось в 90-х гг. XI в., то есть еще до того, как Югра признала себя данником Новгорода. Сомнительно, чтобы в 1092 (6600) г. отрок Гюргы Роговича, очевидно возглавлявший небольшой отряд, собрав дань с покорен-

²⁶ В. Т. Пашуто полагал, что пожары начались «еще в отсутствие» в Новгороде участников похода [Древнерусское государство, 1965. – С. 123].

ной пещеры, с той же целью отправился по велению своего господина к сохранявшей независимость югре²⁷. Вероятно, ему была поставлена задача установить с югрой торговые отношения.

Особого рассмотрения заслуживает личность Гюряты Роговича. В. Л. Янин отождествил его с Гюрятой, новгородским посадником времени правления князя Мстислава Владимировича (1088–1117)²⁸, и адресатом новгородской берестяной грамоты № 907, обнаруженной в слое начала XII в. на Троицком раскопе [Янин, 2003. – С. 88, 503; Янин, Зализняк, Гиппиус, 2004. – С. 93, 99–100]. Заслуживает внимания отчество или прозвище Гюряты – «Рогович». Оно могло быть образовано от языческого имени или прозвища его отца – «Рог»²⁹. Подобные примеры встречаются в источниках XV–XVII вв.: киевский мещанин Рог, крестьяне Ивашка Рог и Микифорик Рог, холоп Рог, Иван Федоров сын Рог, красноярский служилый человек Ивашко Рог, запорожский кошевой Ждан Рог [Туников, 1903. – С. 337]. Вместе с тем в древнерусское время употреблялись прозвища, связанные с местом происхождения его носителя, обычно производные от города или местности. По летописям известен город «Рогов» [ПСРЛ, II, 1843. – С. 143], но летописец специально подчеркнул, что Гюрята Рогович – «новгородец». Между тем в древнем Новгороде на границе с Людиным концом был проезд Роговка (Рогавка), соединявший Прусскую улицу Загородского конца с церковью Двенадцати апостолов [Великий Новгород, 2007. – С. 462]. Правда, Рогавка известна только с 1539/40 (7048) г., но первое упоминание в письменных источниках не всегда свидетельствует о древности объекта. Кроме того, в Новгороде известны примеры наименования членов уличанских общин по улицам: так, в княжеском «Уставе о мостех» (1265–1267) упоминаются «прусы», «витковцы», «ильинцы», «михайловцы» [Янин, 1977. – С. 116, 120–122]. Фигурантами новгородской берестяной грамоты № 449 (последняя четверть XII в.) являются некие «ярышевы» [Зализняк, 1995. – С. 333], возможно уличане Ярышевой улицы.

Улица «Углова», с которой в 1194 (6702) г. начался пожар в Загородье, могла получить свое название на том основании, что ее жители имели отношение к упоминаемой в Белозерских уставной грамоте 1488 (6996) г. и таможенной грамоте 1497 (7005) г. волости «Угла», где дозволялось проводить торг «по старине»: эта местность, очевидно, называлась по р. Угле, притоку Шексны, протекавшей в южной части Заволочья [ААЭ, 1836. – № 123. – С. 134; РИБ, 1908. – № 55. – Стб. 72, № 68. – Стб. 97; АСЭИ, 1964. – № 22. – С. 39; № 23. – С. 43; Российское законодательство, 1985. – С. 193, 203]. Возможно, с Заволочьем связано также наименование Чудинцевой улицы в Загородье.

Еще больше археологических свидетельств о связях Людина конца с Заволочьем и Югрой. В берестяных грамотах № 683, 685, 721/647/683, найденных на Троицком раскопе в слоях XII в., сообщается о торговой поездке «за Волок» и сборе недоимок или дани «в Онеге» и «в Кънее», возможно, в районе р. Онега и Кенозерья [Янин, Зализняк, 1993. – С. 67–70; Зализняк, 1995. – С. 268–269]. Берестяная грамота № 902 представляет собой «сообщение сборщика дани о положении на местах» [Янин, Зализняк, Гиппиус, 2004. – С. 95]. Берестяная грамота № 739 начинается с обращения: «От Глебка к волочаном» [Зализняк, 1995. – С. 256–257; Янин, Зализняк, 2000. – С. 37]. Комментаторы этого документа одно-значно отождествили «волочан» с жителями «Волока или окрестной области» [Зализняк, 1995. – С. 256; Янин, Зализняк, 2000. – С. 37]. Однако «волочанам» могли называть купцов, ориентированных на торговлю преимущественно с Заволочьем, подобно московским «сурожанам», торговавшим в XIV–XV вв. с крымским городом Сурож. Возможно, «волочане» берестяной грамоты № 739 были предшественниками корпорации, о которой известно из летописного сообщения под 1365 (6873/74) г.: «Югорцы (Югорыциною) заложиша церковь каменную святую Троицу, на Редятине улицы» в Людином конце [НЛ, 1879. – С. 34; ПСРЛ, III, 1841. – С. 135, 229; ПСРЛ, XXX, 1965. – С. 114]. Здесь под «югорцами», очевидно, следует понимать не жителей Югры, которых обычно называли «югрой» или «югричами», а торговавших с ними купцов.

²⁷ В «Летописце Переяславля Суздальского» сообщение о хождении отрока Гюряты Роговича в Югру было переосмыслено таким образом, что югра оказалась в числе данников Новгорода: «Оугра ж реша послом Новгородским: имахоу бо на них дань, на имя Гурятичъ» [Оболенский, 1851. – С. 51; Инков, 2016. – С. 88]. Однако эта летопись, составленная между 1214 и 1219 гг., отражает ситуацию начала XIII в.

²⁸ В 1126 [6634] г. в Новгороде «въдаша посадниѣство Мирославу Гюрятининцю», по всей вероятности, сыну Гюряты Роговича [НЛ, 1950. – С. 21, 205].

²⁹ Вероятно, от «рог» в смысле «сила, крепость, власть, могущество; киченье, надменность» [Даль, IV, 1991. – С. 99].

С Троицкого раскопа происходит бронзовая антропоморфная привеска, датируемая серединой XII в. (рис. 1): «Близкие по форме и манере изображения привески были найдены в Вятском крае, Перми, Чердыни» [Седова, 1981. – С. 175, 176; рис. 76], а также в Соликамском районе и на острове Вайгач (рис. 2).

Выделяется комплекс предметов, имеющих отношение к приполярным областям, куда уже в первой половине XI в. из Ладоги «мужи старии ходили за Югру и за Самоядь» [ПВЛ, 1950. – С. 197]. О контактах Людина конца с «самоядь» – предками современных энцев, ненцев и нганасан [Долгих, 1970] – красноречиво свидетельствуют: небольшое деревянное скульптурное изображение человеческой головы с монголоидными чертами лица, характерными для антропологического типа коренных северных народов [Rybina, 1992: 166; fig. V.2 – 5; Rybina, 2001. – Abb. 16 – 1] (рис. 3); плоский камень с рисунком моржей [Rybina, 1992: 169; fig. V.4 – 1; Rybina, 2001. – Abb. 18 – 5] (рис. 4); отходы косторезного производства из рога северного оленя и клыков моржей [Смирнова, 1998. – С. 241–243, 246]. Особый интерес представляет дно берестяного сосуда (рис. 5) с прочерченным изображением человека [Rybina, 1992: 169; fig. V.4 – 4; Rybina, 2001. – Abb. 18 – 3], одетого в парку (?)³⁰, с круглым лицом, узким разрезом глаз и редкой растительностью на лице, поднятыми вверх руками, одна из которых сжимает рукоять топора (?), а другая нож (?), и все это – на фоне конического чума (?), имеющего аналогии в рисунках из книги Олауса Магнуса «Historia de Gentibus Septentrionalibus (История северных народов)» (1555) и этнографических материалах (рис. 6–8). В берестяных грамотах № 550 и № 664 упоминаются некие «вежники», под которыми предлагается понимать живущих в вежах (в шатрах, чумах) «налогоплательщиков», не имеющих «постоянной оседлости», причем с них собирает дань один из соратников Савки Вотолы – Сбышка Волосович: «въжники творятся въдавоше Собыславоу цетыри гривне» [Янин, Зализняк, 1986. – С. 23–24; Янин, Зализняк, 1993. – С. 54–55; Зализняк, 1995. – С. 268, 270–271, 341–342]. В связи с рисунком на берестяном донце вспоминается рассказ, записанный летописцем со слов Гюряты Роговича: «Югра же людье есть язык нем · и седять (соседять) с Самоядью на полунощных странах · Югра же рекоша отроку моему дивно мы находихом чюдо, егоже не есмы слышали преж сих лет · се же третье лето поча быти, суть горы заидуче (в) луку моря · имже высота ако до небесе · и в горах тех кличь велик и говор · и секуть гору хотяще высечися · и в горе тои просечено оконце мало и туде (туда) молвять · и есть не разумети языку их, но кажють на железо и помавають рукою · просяще железа · и аще кто даст им ножь ли · ли секиру · (и они) дают скорою³¹ противу» [ПСРЛ, I, 1962. – Стб. 235; ПСРЛ, I, 1846. – С. 107; ПВЛ, 1950. – С. 168]. Возможно, в этом рассказе говорится о самояди, населявшей предгорья Урала, что косвенно подтверждается сказанием, сохранившимся «в старинных русских Сборниках XV–XVIII вв.» под названием «О человецех незнаемых в восточней стране», иногда дополняемым подзаголовком «о языцех разных и иновидных», в котором «сообщаются рассказы или слухи о народах Сибири», в частности, упоминается «каменная самоедь»: «В восточней же стране есть иная самоедь каменная · облежи около Югорьские земли · а живут по горам высоким · а ездят на оленех и на собаках · а платье носят соболие · и оление · а ядят мясо оленее да и собачину · и бобровину сыру ядят · а кровь пьют человечю и всякую» [Анучин, 1890. – С. 4–5, 11]. Ю. И. Кушелевский (1825–1880) в своих путевых записках, основанных на том, что ему случилось «самому видеть и лично испытать» на государственной службе в Обдорске³² (1852–1854) и во время экспедиций для открытия сухопутного и водного пути на севере Сибири от р. Енисей через Уральский хребет до р. Печора (1862–1865), отметил, что «Обдорские самоеды разделяются на каменных и низовских; первые своими кочевьями занимают места на Уральских горах и на полуострове Ямале, а последние на материке между Обскою и Енисейскою губами» [Кушелевский, 1868. – С. I, 112; Анучин, 1890. – С. 82].

В Новгороде больше нигде не наблюдается такая концентрация археологических находок XII в., связанных с областями за Волоком, как на Троицком раскопе. Представление о масштабах деятельности

³⁰ Так называлась «зимняя верхняя одежда самоедов, камчадал, или и русских, из оленины, собачины, овчины; ее надевают сверх малицы, и потому она шире ея, такая же круглая (глухая, без разреза) и без куколя» [Даль, III, 1990. – С. 18].

³¹ Здесь «скора», вероятно, в смысле «пушной товар» [Даль, IV, 1991. – С. 203].

³² Обдорский острог (в переводе с языка коми – «приобский берег») основан казаками в 1595 г. В 1933 г. село Обдорск преобразовано в поселок Салехард, в 1938 г. – в город. В настоящее время – административный центр Ямало-Ненецкого автономного округа в составе Уральского федерального округа.

представителей Людина конца в Заволочье можно составить по предварительно датированному началу XII в. широкому настилу площадью около 75 кв. м (6,4 × 11,6 м) на усадьбе «Е», имевшей размер около 1400 кв. м и располагавшейся на юго-западном углу перекрестка Пробойной и Черницыной улиц Людина конца [Янин, 2004. – С. 92–93] (рис. 9). К настилу, который полностью или частично перекрывался навесом на столбах, примыкали два необычных для древнего Новгорода сруба – один с двойными стенками, другой – с полом, выложенным из каменных плит. В напластованиях, соответствующих настилу, найдено 40 деревянных цилиндров, предположительно использовавшихся для опечатывания тары с мехом – дани, поступавшей в том числе из Заволочья, о чем свидетельствуют имеющиеся на них надписи, например, с р. Вага, притока Северной Двины – «оустье Вагы, мецьницъ мех, 3 гр(и) в(ь)н(ы)», «наклади с 2 гривън, меч(ь)нице, Вага» [Янин, 2004. – С. 111–115; Янин, Зализняк, Гиппиус, 2004. – С. 143–145]. С соседней усадьбы происходит деревянный цилиндр, помеченный «(в)ъ Пине-зе 3 тысяче», т. е. на р. Пинега, другом притоке Северной Двины [Янин, Зализняк, Гиппиус, 2004. – С. 141]. Вероятно, в упомянутых срубах хранили доставлявшуюся из Заволочья дань – запечатанные деревянными цилиндрами мешки с мехами, которые вскрывали на площади.

Совокупность археологических материалов и данных письменных источников создает целостное впечатление того, что в XI–XII вв. Людин конец и загородцы монополизировали сбор дани и торговлю Новгорода с Заволочьем и Югрой. Об их тесном сотрудничестве свидетельствуют берестяные грамоты. В перемещенном культурном слое из Неревского конца, а более вероятно, с Прусской улицы Загородского конца случайно была найдена берестяная грамота № 384, которую А. А. Зализняк по палеографическим признакам датировал XII в. В ней упоминается некий Савва (NB): «От Стойнега к матери. Вот что я дал [или: обязался дать] Савве: 5 кун, вожжи полотняные, две ложки, два ножа, точильный камень, вожжи олени, 28 [штук]» [Арциховский, 1963. – С. 84–86; Зализняк, 1995. – С. 274–275]. А. А. Гиппиус отождествил этого Савву с автором берестяной грамоты № 724³³, обнаруженной на Михаилоархангельском раскопе вблизи Прусской улицы Загородского конца, также написанной Саввой [Зализняк, 1995. – С. 295–296; Гиппиус, 1993; Янин, Зализняк, 2000. – С. 22–25]. Из письма следует, что этот Савва занимается сбором дани «где-то на севере новгородских владений», «в Заволочье, то есть на северо-восточной периферии новгородских владений»³⁴, причем он «не возглавляет подвижный отряд сборщиков, а пребывает в каком-то постоянном месте, куда по зимнему первопутку «люди» должны доставить собранную до осени дань, а затем отбыть прочь» [Зализняк, 1995. – С. 295–296; Янин, Зализняк, 2000. – С. 22–25]. Формула обращения Саввы к адресатам письма на Прусскую улицу в Загородье – «от Савы поклонянее к братьи и дружине» – и текст документа, представляющего собой отчет о сборе дани, косвенно свидетельствуют о заинтересованности и причастности к этой деятельности загородцев. Данное письмо с большой вероятностью можно считать автографом летописного Савки Вотолы.

Монопольное положение Людина конца и загородцев в Заволочье и Югре приводило к злоупотреблениям с их стороны. Ярким примером тому служит берестяная грамота № 548 (1155 – 1210-е гг.) с Троицкого раскопа: неизвестный автор советует Миките и Моиславу, очевидно Моиславу Поповичу, убитому в 1194 (6702) г. по обвинению в измене в Югре, вернуть присвоенный ими «чужой товар его законному владельцу и защитить свою репутацию» [Янин, Зализняк, 1986. – С. 18–20; Зализняк, 1995. – С. 340].

Однако не это было главным. Представители других концов Новгорода, очевидно, считали себя незаслуженно обделенными и поэтому стремились получить доступ к природным богатствам Заволочья и Югры. Видимо, борьбу с монополией Людина конца возглавили неревляне. Это иллюстрирует упомянутая выше берестяная грамота № 724, в которой Савва извещает «братьев и дружину» на Прусской улице в Загородье [Янин, 2003. – С. 168] о том, что его полномочия по сбору дани с местного населения дезавуировал некий Захария: «Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани

собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни единого песка с них собрать. [Я] сам за это отвечаю» (или: [Он] сам за это взялся, то есть он самозванец)» [Зализняк, 1995. – С. 295–296; Янин, Зализняк, 2000. – С. 22–25]. Захарью уверенно отождествляют с новгородским посадником, отцом посадника Иванка Захарьинича, принадлежавшего к боярству Неревского конца [Янин, Зализняк, 1993. – С. 182–185; Зализняк, 1995. – С. 296; Янин, 2003. – С. 145–151, 154, 166–168, 188]. Очевидно, изложенные в грамоте № 724 события произошли во время посадничества Захарии, которое охватывало период с 1161 (6669) по 1167 (6675) г. [НПЛ, 1950. – С. 31–32, 218, 220].

Осенью 1193 (6701) г. неревляне собирают рать и отправляются в Югру, хотя в то время там уже находились Савка Вотолы со своими соратниками, вероятно собиравшие дань и пребывавшие в «граде» югорского «князя» на Мезени (?), в «постоянном месте, куда по зимнему первопутку «люди» должны доставить собранную до осени дань, а затем отбыть прочь» [Зализняк, 1995. – С. 296]. Примечательно, что только в летописи Авраамки участники «Ядрейковщины» названы «данниками»: «Той зиме избиша на Югре даньщиков с Ядрейком» [ПСРЛ, XVI, 1889. – Стб. 47]. Новгородские летописцы ни разу не называют неревлян «данниками», видимо понимая незаконность их похода в Югру. В отличие от того, что произошло в Заволочье 30 лет назад при посаднике Захарии, Савка Вотолы действовал жестоко, защищая экономические преференции своей «братьи»: чтобы отбить у неревлян всякое желание вмешиваться в дела Людина конца и загородцев в Югре, он способствовал разгрому ратников, прежде всего, физически устранив организаторов и предводителей похода из числа неревских бояр.

Таким образом, подоплекой событий 1193 (6701) г. в Югре явилась борьба кончанских группировок за передел влияний в Заволочье, что было обусловлено исключительно внутренними экономическими интересами, а приверженность бояр из разных концов к суздальским, смоленским или черниговским князьям имела второстепенное значение. Конфликт, по-видимому, завершился победой неревлян: три пособника Савки Вотолы были убиты, сам он, очевидно, изгнан из Новгорода, «а друзии кунами ся откупиша». Вместе с тем под 1224 (6732) г. в летописи упоминается Сдил (Нездило) Савинич, по-видимому сын Савки Вотолы, выдачи которого наряду с другими новгородцами требовал владимирский князь Юрий Всеволодович (1188–1238) [НПЛ, 1950. – С. 64, 268]. Это может свидетельствовать о том, что был достигнут какой-то компромисс между соперничавшими боярскими группировками из разных концов Новгорода по деятельности в Югре.

После 1193 (6701) г. из летописей надолго исчезают сообщения о походах новгородцев в Югру и вновь появляются только под 1322 (6831) г., когда «заратишася устьюжане с новгородци, изымаша новгородцев, кто ходил на Югру, и ограбиша их» [НПЛ, 1950. – С. 97, 339; ПСРЛ, V, 1851. – С. 216]. Зимой 1329/30 (6837) г. «избиша новгородцов, котории были пошли на Югру (Югру), устьюжьскими князи» [НПЛ, 1950. – С. 99, 342; ПСРЛ, IV, 1848. – С. 51; ПСРЛ, IV, 1917. – С. 247; ПСРЛ, IV, 1929. – С. 262]. В 1357 (6865) г. «Самсона Колыванова убиша на Югре, с други (тогда Самсона Колыванова с дружиною на Югре побииша)» [ПСРЛ, IV, 1848. – С. 63; ПСРЛ, IV, 1915. – С. 287]. Сложно понять эти военные вторжения в покоренную область Югры к западу от Урала. В договорах Новгорода с князьями, заключенных с 1265 по 1471 г., Югра постоянно упоминается среди «волостей Новгородских», в которых существенно ограничивались имущественные и судебные права князя и его подданных [Памятники истории, 1909. – С. 11–14, 16–23, 26–28, 34–35, 39–40, 43–48]. Однако все становится на свои места, если предположить, что в XIV в. экспансия новгородцев была направлена к востоку от Урала, в сибирскую Югру на р. Обь, упоминаемую в отечественных и иностранных письменных источниках и обозначенную на западноевропейских картах XVI–XVII вв., из которой вогуличи совершали набеги на земли к западу от Урала [Книга Большому Чертежу, 1950. – С. 50, 146, 168, 192; Вычегодско-Вымская летопись, 1958. – С. 260–263, 265–266; Герберштейн, 1988. – С. 135, 139, 142, 146, 149, 154, 157, 163; О начале войн, 1997. – С. 194; Утверждение династии, 1997. – С. 139–149, 396; Гваньини, 1997. – С. 47]. Такое предположение находит прямое подтверждение в летописном сообщении под 1363/64 (6872) г. о том, как зимой «с Югры (Югри, к Югры) Новгородци прехаши, дети боярьскийи и молодии люди, и воеводы Александр Абакуновичь, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря,

³³ По уточненным данным, «надежных стратиграфических данных для грамоты № 724 нет», а «палеография указывает на интервал 1160–1180 как на самый вероятный», хотя «по языку» берестяное письмо относится примерно к 1160–1220 гг. [Зализняк, 1995. – С. 295–300; Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015. – С. 268].

³⁴ Комментаторы полагали, что это была «область хантов и манси в низовьях Оби, в северном Зауралье».

а другая половина рати на верх Оби воеваша» [ПСРЛ, IV, 1848. – С. 64–65; ПСРЛ, IV, 1915. – С. 291; ПСРЛ, IV, 1929. – С. 603; ПСРЛ, V, 1851. – С. 230]. Кроме того, именно в это время возрождается (?) торговая корпорация «югорцев», воздвигшая церковь Св. Троицы в Людином конце. Но это – тема другого исследования.

Список источников и литературы

- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Том первый. 1294–1598. – СПб. [б. и.], 1836. – XV, 491, 10, 25 с.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. III. – М.: Наука, 1964. – 688 с.
- Александр Гваньини.* Описание Московии. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. – 172 с.
- Анучин Д. Н.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: древнее русское сказание «О человецех неизнаемых в восточной стране»: археолого-этнографический этюд (Из XIV тома «Древностей»). – М.: [б. и.], 1890. – 89 с.
- Архимандрит Макарий (Миролюбов).* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. – Ч. I. Репринт. изд. – СПб., 1860; М.: Ника, 2003. – 664 с.
- Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). – М.: АН СССР, 1963. – 120 с.
- Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). – М.: Наука, 1978. – 192 с.
- Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. – Варшава: [б. и.], 1885. – 374 с.
- Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. – М.: Морской транспорт, 1956. – 591 с.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. – Т. 6 (ША): Бергер – Бисы. – СПб.: [б. и.], 1892. – 478 с.
- Буткевич А. В., Зеликсон М. С.* Вечные календари. – М.: Наука, 1969. – 120 с.
- Великий Новгород. История и культура IX–XVII в.: Энцикл. словарь. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 552 с.
- Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сб. док. / Сост. К. В. Баранов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 275 с.
- Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. – Вып. 4. – Сыктывкар: [б. и.], 1958. – С. 257–271.
- Гваньини Александр.* Описание Московии. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. – 172 с.
- География Великого Новгорода. Природа, население и хозяйство / З. Е. Антонова, К. С. Лисицын, С. М. Гетманцева, Н. В. Васильева, С. Г. Давыдова, Т. В. Денисенкова, Е. М. Литвинова, А. А. Степанова, В. П. Нехайчик; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: [б. и.], 2009. – 288 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; вступ. статья А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.
- Гиппиус А. А.* Об одной числовой модели в древнерусских текстах // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). 7–9 декабря 1993 г.: Тез. докл. – М.: [б. и.], 1993. – С. 43–46.
- Гиппиус А. А.* Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. // Споры о новгородском вече: Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.) / Отв. ред. М. М. Кром. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – С. 121–135.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1: А – З. Репринт. изд. – М.: Русский язык, 1989. – XCVI, 699 с.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 2: И – О. Репринт. изд. – М.: Русский язык, 1989. – 779 с.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4: Р – Я. Репринт. изд. – М.: Русский язык, 1991. – 683 с.
- Джаксон Т. Н.* AUSTR Í GÖRÐUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 208 с.
- Дмитриев А. А.* Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. – Вып. V: Покорение Угорских земель и Сибири. – Пермь: [б. и.], 1894. – 237 с.
- Долгих Б. О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. – М.: Наука, 1970. – 267 с.
- Древнерусское государство и его международное значение. – М.: Наука, 1965. – 476 с.

- Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – Т. III: Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 264 с.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.
- Инков А. А.* Летописец Переяславля Суздальского: предисловие, перевод, комментарий. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. – 296 с.
- Книга Большому Чертежу. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 229 с.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. – М.: Наука, 1981. – 268 с.
- Красов И.* О местоположении древнего Новгорода. – Новгород: [б. и.], 1851 – 182 с.
- Кузнецов А.* Словарь гидронимов Вологодской области (обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озер). – Тотьма; Грязовец: [б. и.], 2010. – 279 с.
- Кушелевский Ю. И.* Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. – СПб.: [б. и.], 1868. – 186 с.
- Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. / Предисл. и ред. С. В. Бахрушина. – М.: РАНИОН, 1930. – IX, 202, 56 с.
- Литке Ф. П.* Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая земля» в 1821–1824 годах. – М.: ОГИЗ. Гос. изд-во геогр. лит., 1948. – 334 с.
- Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. // Летопись занятий археографической комиссии за 1911 год. – Вып. 24. – СПб.: [б. и.], 1912. – 89 с.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. – Ч. II. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 369 с.
- Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского Царства и всех произшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена. Книга первая. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1750. – 510 с.
- Мураев Э. М.* Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
- Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 262 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 640 с.
- Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). – СПб.: [б. и.], 1879. – XXIV, 488, 113 с.
- Оболенский К. М.* Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годов). – М.: [б. и.], 1851. – 113 с.
- Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию. – М.: Российские семена, 1996. – 366 с.
- О начале войн и смут в Московии. – М.: Рита-Принт: Фонд Сергея Дубова, 1997. – 554 с.
- Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. – М.: [б. и.], 1909. – 91 с.
- Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв.: Сб. док. / Сост. И. Ю. Анкудинов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 666 с.
- Повесть временных лет. Часть первая. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 406 с.
- Повесть временных лет. Часть вторая. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 556 с.
- Полное собрание русских летописей. – Т. I: Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб.: [б. и.], 1846. – XX, 267 с.
- Полное собрание русских летописей. – Т. I: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. – М.: Восточной литературы, 1962. – 580 с.
- Полное собрание русских летописей. – Т. II: Ипатьевская летопись. – СПб.: [б. и.], 1843. – IX, 377 с.
- Полное собрание русских летописей. – Т. III: Новгородские летописи. – СПб.: [б. и.], 1841. – IX, 308 с.
- Полное собрание русских летописей. – Т. IV: Новгородские и Псковские летописи. – СПб.: [б. и.], 1848. – VIII, 360 с.
- Полное собрание русских летописей. – Т. IV: Новгородская 4-я летопись. – Ч. 1. – Вып. 1. – Пг.: [б. и.], 1915. – IX, 320 с.
- Полное собрание русских летописей. – Т. IV. – Ч. 2. – Вып. 1. Новгородская 5-я летопись. – Пг.: [б. и.], 1917. – VI, 264 с.
- Полное собрание русских летописей. – Т. IV. – Ч. 1. – Вып. 2. Новгородская 4-я летопись. – Л.: [б. и.], 1925. – С. 321–536.

Полное собрание русских летописей. – Т. IV. – Ч. 1. – Вып. 3. Новгородская 4-я летопись. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – IV, С. 537–686.

Полное собрание русских летописей. – Т. V: Псковские и Софийские летописи. – СПб.: [б. и.], 1851. – VI, 275 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. VI. – Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 581 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. – СПб.: [б. и.], 1856. – X, 345 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. IX: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб.: [б. и.], 1862. – XXIII, 256 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. X: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб.: [б. и.], 1885. – VII, 244 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. XV: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. – М.: Наука, 1965. – VIII, 186, 504 стб.

Полное собрание русских летописей. – Т. XVI: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. – СПб.: [б. и.], 1889. – 320 стб.

Полное собрание русских летописей. – Т. XXV: Московский летописный свод конца XV века. – М.; Л.: АН СССР, 1949. – 463 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. XXX: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. – М.: Наука, 1965. – 240 с.

Проништейн А. П. Использование вспомогательных дисциплин при работе над историческими источниками: Учеб.-метод. пособие для студентов-заочников ист. фак. гос. ун-тов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 118 с.

Проништейн А. П., Кияшко В. Я. Вспомогательные исторические дисциплины: Учеб. пособие для студентов ист. фак. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1973. – 112 с.

Путешествие через Московию Корнилия де Бруина // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Январь–Февраль. Книга первая. IV: Материалы иностранные. – М.: [б. и.], 1872. – С. 1–72.

Пушкарев И. И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. – Т. 1. Тетрадь 1: Новгородская губерния. – СПб.: [б. и.], 1844. – IV, 147 с.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.

Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою Комиссиею. – Т. XXXII: Архив П. М. Строева. Т. I. – Пг.: [б. и.], 1915. – XXXVI, 897 с.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 195 с.

Смирнова Л. И. Организация косторезного ремесла в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / Отв. ред. В. Л. Янин; ред.-сост. Т. А. Пушкина. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – С. 237–247.

Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Материалы, изданные императорским Обществом Истории и Древностей Российских при Московском Университете. – Вып. 2: Акты времени правления царя Василия Шуйскаго (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собирал и редактировал А. М. Гневушев. – М.: [б. и.], 1914. – 422 с.

Снорри Стурлусон. Круг земной. – М.: Наука, 1980. – 688 с.

Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. – Кн. I. – Т. 1–2. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.

Татищев В. И. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 2, 3: История Российская. – Ч. 2. Репринт с изд. 1963, 1964 гг. – М.: Ладомир, 1994. – 688 с.

Туников Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – СПб.: [б. и.], 1903. – 858 с.

Утверждение династии. – М.: Рита-Принт: Фонд Сергея Дубова, 1997. – 538 с.

Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. – 280 с.

Хайду Петер. Уральские языки и народы / Пер. с венг. яз. к.ф.н. Е. А. Хелимского; под ред. д.ф.н. К. Е. Майтинской; предисл. акад. Б. А. Серебrenникова. – М.: Прогресс, 1985. – 430 с.

Черепнин Л. В. Русская хронология. – М.: [б. и.], 1944. – 93 с.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород: Учеб. пособие для студентов ист. фак. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1977. – 238 с.

Янин В. Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. – М.: Наука, 1999. – 108, [48] с.

Янин В. Л. Новгородские посадники. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 511 с.

Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. – М.: Наука, 2004. – 416 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.): Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). – М.: Наука, 1986. – 312 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). – М.: Наука, 1993. – 352 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. – Т. X. – М.: Русские словари, 2000. – 430 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). – Т. XI. – М.: Русские словари, 2004. – 288 с.

Rybina E. A. Recent Finds from Excavations in Novgorod // The Archaeology of Novgorod. Recent Results from the Town and its Hinterland. – Lincoln, 1992. – P. 160–192.

Rybina E. A. Die Funde als Spiegel des Lebens. Alltag im mittelalterlichen Novgorod // Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Band I: Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Nordrn Rußlans. – Neumünster: Wachholtz, 2001. – S. 197–224.

Список сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси

НЛ – Новгородские летописи

НПЛ – Новгородская первая летопись

ПВЛ – Повесть временных лет

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археологической Комиссией

Рис. 1. Великий Новгород. Троицкий раскоп.
Бронзовая антропоморфная привеска
(пласт 18, квадрат 117-122)

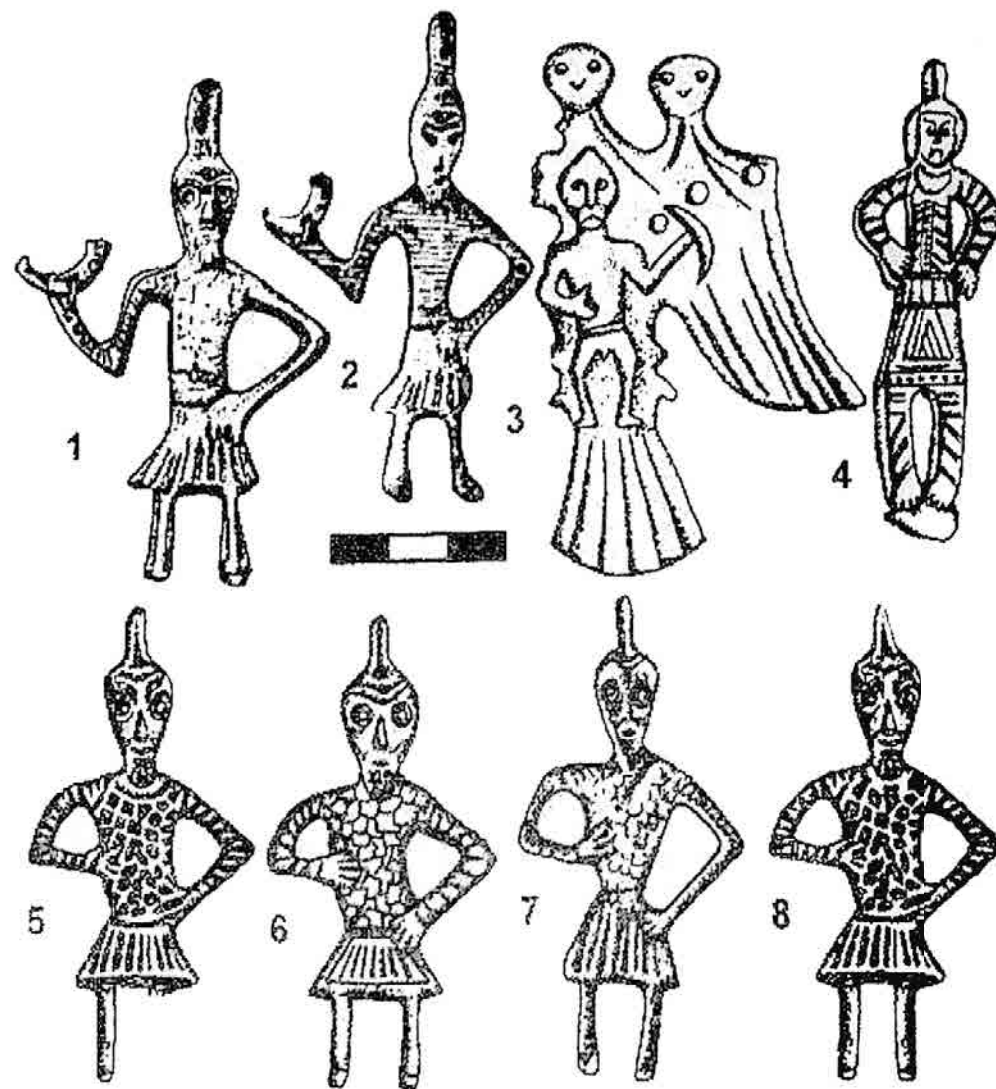

Рис. 2. Бронзовые антропоморфные привески
из раскопок на Русском Севере

Рис. 3. Великий Новгород. Троицкий раскоп. Мужская голова.
Деревянная скульптура (пласт 12, квадрат 496)

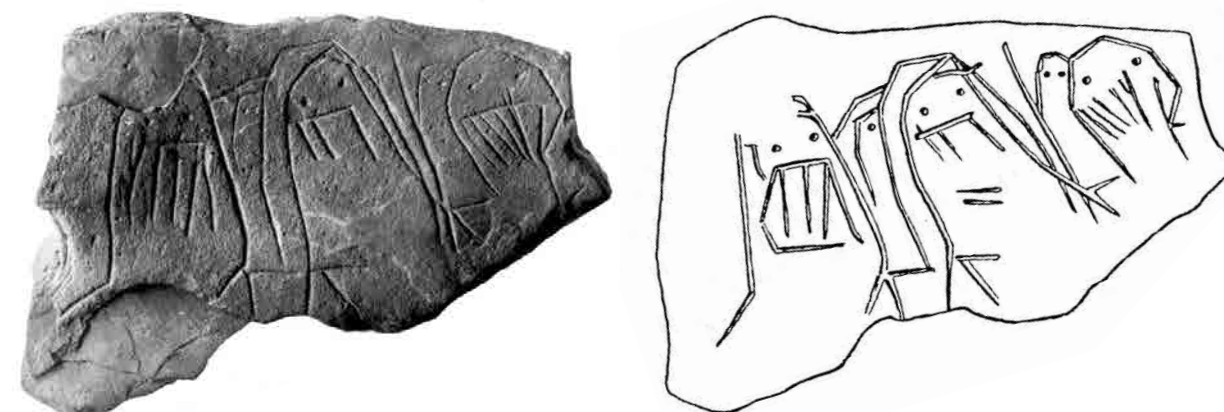

Рис. 4. Великий Новгород. Троицкий раскоп. Изображение моржей (?) на плоском камне (пласт 17, квадрат 608)

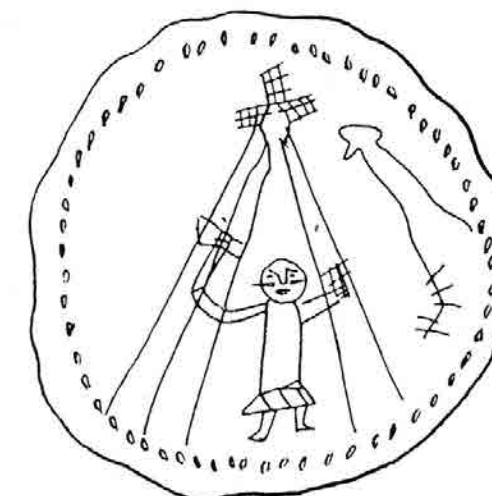

Рис. 5. Великий Новгород. Троицкий раскоп. Берестяное дно с рисунком

Рис. 6. Саами. Рис. А. А. Борисова (Литке, 1948. – С. 152–153)

Рис. 9. Великий Новгород. Троицкий раскоп. Площадь на усадьбе «Е». Фото С. А. Орлова

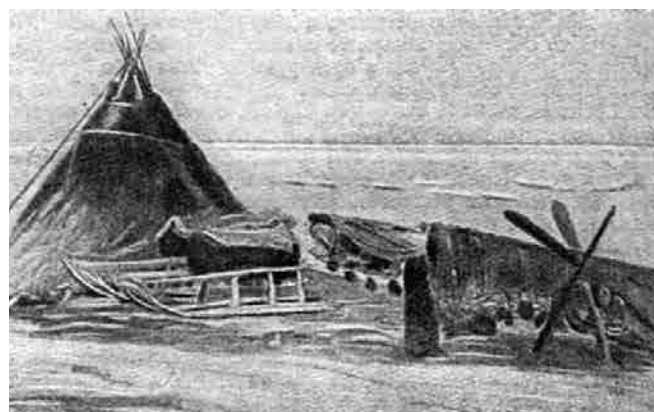

Рис. 7. Чум и хозяйство самоеда-рыбака. Рис. А. А. Борисова (Литке, 1948. – С. 307)

Рис. 8. Установка чума.
Фото М. С. Сеницына. 1949 г.

Б. Б. Овчинникова¹

¹ Уральский гуманитарный институт
УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
ул. Тургенева, 4, г. Екатеринбург, 620002, Россия
E-mail: bovchinnikova@mail.ru

Пути проникновения новгородцев в Югорию (XI–XV века)

Аннотация. С начала II тысячелетия н. э. все чаще новгородцы обращают свой взор на северо-восток, где находится загадочная для них страна – Югра (Угра). В летописях подразумевается обширная ее территория – от низовий Печоры до низовий Оби, т. е. по обе стороны северной части Уральского хребта с выходом в море. В этой стране и к востоку от нее находились несметные богатства «мягкого золота» (пушнины) – основного товара, экспортируемого решительными и предприимчивыми новгородцами в Европу. Основная идея статьи показать пути освоения новгородцами этих земель, установление ими торговых связей с местным населением, а также расширение и укрепление территориальных границ на севере и северо-востоке за счет установления даннической системы и создания новгородских волостей. В начале XI в. новгородские торговцы и зверобои тяжелыми и небезопасными путями прошли через три моря (Белое, Баренцево и Карское) и достигли пределов таинственной Югры. После чего они принялись за поиски более удобных подходов. Такими дорогами стали тихие речные пути. Именно по ним и предлагается провести «путешествие» новгородцев, которые первыми из русских проникли в Северное Приуралье, а затем в Зауралье, открывая занавес в «страны полунощные», а их колонизация Зауралья проложит впоследствии прямую дорогу к завоеванию Сибири...

Ключевые слова: Средневековье, Новгород, Югра, Урал, пушнина, торговля, дань, пути, освоение, волость.

Наступление небывалых холодов на европейском континенте в начале II тыс. н. э. послужило толчком к пушному буму. Меха, добытые в землях финно-угорских народов, проникали на рынки азиатских и европейских стран. «Мягкое золото» северных уральских лесов издавна славилось далеко за пределами края. Многие коми-охотники стали специализироваться на пушной охоте. Постепенно это привело к оскудению местных охотничьих угодий. Резервные территории были быстро исчерпаны, и добытчики пушнины стали уходить все дальше на север и восток, обратив свои взоры за Каменный пояс, где в бескрайних лесах водилось изрядное количество ценных зверьков.

Никто не может сказать точно, когда же были проложены первые охотничьи тропы за Камень. Одно ясно, что когда появились в этих местах словени с берегов Ильменского озера (согласно летописям – не ранее конца XI в.), к этому времени местные жители Приуралья уже хорошо знали тайные тропы в Нижнеобскую тайгу. Испокон веков жившие по соседству предки нынешних коми-зырян, манси и ханты, постоянно общались друг с другом. Их контакты выражались в меновой торговле, брачных связях. Случались между ними и военные столкновения. Переселение отдельных групп пермян за Урал сделало эти контакты более тесными. Происходило взаимообогащение культур соседних народов. Вновь пришедшие группы на новую территорию постепенно ассимилировались местным населением. Следы многих заимствований сохранились и до наших дней в языке ханты и манси. Известно, что коми, обживая новые

места, давали рекам и населенным пунктам привычные им названия со своей прежней родины [Морозов, Овчинникова, Пархимович, 1996. – С. 96–97]. Миграция древних коми за Урал происходила практически беспрерывно в течение нескольких веков.

После гибели Хазарского каганата (X в.), который являлся фаворитом по сбыту «мягкого золота» в Европу, ключевая роль на Великом меховом пути переходит к Волжской Булгарии, которая устанавливает контроль над коми-пермяками – «страной и народом Вису», именовавшимся так от их самоназвания – «йосу». К середине XII в. они уже активно торговали с угорскими племенами из «страны Йура» (Югра), находившейся «за Вису на Море Мраков»¹. От своих западных соседей коми-зырян, именуемых в русских источниках «пермью», пришельцы получили имя «йюгра». Отсюда произошло славянское слово «югра» [Шаишев, 2000. – С. 48]. Вот что сообщается в летописном рассказе: «Югра же людье есть язык нем, и соседят с Самоядью на полунощных странах» [ПВЛ, 1996. – С. 107]. Как считает В. Я. Петрухин, ссылаясь на мнение Е. А. Хелимского: «Из текста очевидно, что Югра располагается за Печорой и простирается до самодийской тундры» [Петрухин, 2008. – С. 453; Хелимский, 1982]. На севере югричи граничили с финно-язычным племенем, известным под русским названием «печора», а на северо-востоке – с кочевой самоядью (северными ненцами).

По сведениям Л. С. Берга, в одном из произведений персидского автора Ауфи, написанном после 1228 г., сообщается, что от страны булгар до страны югров (юра) 20 дней пути. Булгары ведут торговлю с югрой, доставляя им одежду, соль и другие предметы; для перевозки товаров употребляют «нечто вроде тележек» (т. е. санки. – Л. Б.), в которые впрягают собак, так как из-за снегов никакое другое животное не могло бы пройти через эту страну. Пользуются также лыжами. Из страны югров булгары вывозят прекрасные собольи меха. По ту сторону югры на берегу моря живет народ, который постоянно плавает в море и добывает там «рыбу» (очевидно, моржа. – Л. Б.), из зубов этой рыбы делаются рукоятки ножей и мечей [Берг, 1962. – С. 59]. «Когда в том море корабль плывет на север, он достигает места, где летом почти совсем нет ночи...» [Бартольд, 1940. – С. 26–27]. Очевидно, как полагает Л. С. Берг, народ, живущий за югрой в полунощных странах, – это самоядь русских летописей, скорее – одно из самодийских племен.

Неисчислимы пушные богатства «стран полунощных» все чаще притягивали взоры не только булгарских и пермских купцов и владими́ро-суздальских князей, но и предприимчивых новгородцев. Более десяти веков тому назад новгородцы сделали первый шаг в неведомую им страну, что занимает ныне девятую часть суши...

«Новым Светом» для них стали «незнаемые земли» Урала и Северо-Западной Сибири. Через бури и льды «дышащих морей», «непроходимыми пропастьми, снегом и лесом» вел их путь к горам «высоты яко до небеса», за которыми пряталась сказочно богатая страна, где из снежных туч выпадают стаи молодых белок и стада оленят, которые потом расходятся по земле [ПСРЛ, VII, 1856. – С. 10]. Ради «мягкого золота» они сражались с врагом сталью и покупали его железом, совершали великие подвиги, терпели голод и нужду и в конце концов побеждали. На руинах чужих крепостей и в пустынных урочищах вырастали их погосты и городки, постепенно превращавшиеся в города и села. События тех бурных лет напоминают о том, что, осваивая новые территории, новгородцы действовали решительно. Для них свобода была не мечтой и не целью, а первым и самым главным условием существования. Это была Русь Новгородская: она замыкалась в каких-то ведомых ей границах.

Время и место рождения Новгорода во многом определили его историческую судьбу. На берегах Волхова начинались главные торговые пути Восточной Европы, по которым уже с IX–X вв. шли дружины первых русских князей, создавая «империю Рюриковичей».

Реки для древнерусской торговли были важнее мостов, и уже первые обитатели Новгорода прекрасно знали те речные пути, что вели из озера Ильмень на север и восток (рис. 1). Тогда важнейшим из них был волжский. К Волге плыли либо «селигерским путем»: через Ильмень, Ловать, Полу и волок на оз. Селигер, связанное с истоками великой русской реки [ПСРЛ, VII, 1856. – С. 117], либо «Сясьским путем». Последний шел из Новгорода по Волхову, Ладожскому озеру, р. Сясь, волоком на р. Чадогощу, по которой суда плыли сначала до р. Мологи, а затем и до Волги. Через реки Чадогощу, Оять, Суду и Шексну

¹ В данном случае речь идет о части угорских племен, обосновавшихся еще в эпоху Великого переселения народов в бассейне среднего течения р. Печоры.

можно было достичь оз. Белого. Наиболее удобный путь на восток шел из оз. Ильмень по р. Мсте, затем по волоку у Боровицких порогов в р. Тверцу, впадающую в Волгу у Твери [Воронин, 1951. – С. 281, 296]. Что же касается самой Волги, то по ней восточные славяне плавали издревле от истоков до устья, а в Хазарии и Булгарии с конца IX в. уже существовали их торговые колонии. Как уже писалось выше, после упадка Хазарского каганата ведущая роль на «Волго-Камском пути» перешла в руки Волжской Булгарии. Именно здесь происходили контактные и торговые связи новгородцев с «гостями» из восточных стран, и они могли слышать о Крайнем Севере, богатом пушниной, но населенном чудовищами: «аки человек» и, ... без головъ. Рты оу них межоу плечьми, а очи в гроудех» [Сказания «О человецех...», XV в. – Л. 76]. Сведения эти дошли до нас из сочинений арабских авторов, примеры которых приводит известный исследователь угорских сокровищ Н. Федорова: в частности, путь, по которому торговцы из стран Востока осуществляли контакт с обитателями северных земель, описанный Араб ал-Омари: «Купцы наших стран... не забираются дальше города Булгар; купцы булгарские ездят до Чулымана (Верхнее Прикамье. – Н. Ф.), а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [Федорова, 2002. – С. 8–9]. Справедливость проникновения «дальнего импорта» в «полуночные страны», по мнению Н. Федоровой, подтверждают находки вкладах и погребениях серебряных «византийских или иранских чаш», иногда и с древнерусской надписью, по которой чашу относили к новгородской торговле («Чаша из Берёзово» на р. Северной Сосьве), а также украшений и других предметов юго-восточного происхождения [Федорова, 2002. – С. 7].

Чрезвычайно важное значение для Новгорода имели торговые связи с Северо-Восточной Русью: отсюда импортировали зерно. Больше всего средневековый Новгород и его окрестности нуждались в металле и хлебе. Месторождения «болотного железа» давали руды низкого качества. Северные земли были мало плодородны, значительную их часть занимали технические культуры (лен, конопля и др.). Вполне возможно, что незначительность природных ресурсов являлась одной из главных причин, побудивших ильменских словен к далеким торговым путешествиям. Новгородское купечество не смогло бы покрывать постоянный дефицит серебра за счет одного лишь сырья. Его экспорт не мог быть значительным, так как сырье было необходимо и самим новгородцам. Дефицит покрывался за счет пушнины, однако известно, что уже к XI в. количество пушного зверя в Северной Руси существенно сократилось. Именно тогда новгородцы и обратили внимание на Югорские земли, откуда можно было поставлять «мягкое золото», выменивая его на изделия русских ремесленников.

Дорога на север начиналась с Ладожского озера. Особое значение имел путь через р. Свирь, Онежское озеро и р. Вытегру на оз. Белое [Голубева, 1987. – С. 63, 64]; из этого озера суда обычно плыли р. Ухтомой Белозерской, затем их волокли к р. Ухтоме Вожской, и шли до Онеги через оз. Воже, р. Свидь и оз. Лаче (на оз. Воже можно было попасть из р. Вытегры через «Гостии волок»). Еще один путь на Онегу проходил из оз. Онежского через р. Волгу и ее приток Мытые Черевы, Кемский волок и р. Кемь.

Из оз. Белого р. Шексной через Волок Славянский шли до оз. Кубенского, откуда р. Сухоной плыли до Северной Двины (непосредственно из Заонежья на Северную Двину проходили по р. Емце, а по рекам Пуе и Вепь попадали на западный приток Северной Двины – Вагу; верховья Ваги, в свою очередь, близко подходили к р. Кубена, впадающей в оз. Кубенское [Писцовые книги Обонежской Пятины, 1930. – С. 18].

По р. Онеге новгородцы и вышли в Белое море. Первой их целью стали низовья Северной Двины, но здесь они задержались ненадолго: рассказы о далеких восточных землях, «изобилующих соболями и горностаями, и черными кунами, и песцы, и белыми волки, и рыбьими зубы» [ПСРЛ, II, 1908. – С. 504] неудержимо влекли их вперед. В конце X – начале XI в. древнерусские торговцы и зверобои, осваивая Северный морской путь, прошли через три моря – Белое, Баренцево и Карское – и достигли пределов таинственной Югры. Некоторые из них плыли к устью р. Оби вокруг полуострова Ямал, но большинство предпочитало идти сначала в Карскую губу, затем через р. Мутную к волоку на р. Зеленую, по которой мореходы и добирались до Обской губы [Кантеев, 1930. – С. 3]. Тяжелой и небезопасной была эта дорога; безумный гнев океана беспощадно карал тех, кто осмеливался нарушать границы его заполярных вод, и лишь коротким летом бледное солнце открывало здесь путь к своему восходу. Неудивительно, что предприимчивые новгородцы взялись за поиски более удобных подходов к сокровищам «ледяного эльдорадо».

Тем временем на северо-восточных границах Киевской Руси происходили серьезные перемены. Вызваны они были принятием христианства в 988 г., когда великому князю Владимиру пришлось крестить новгородцев «огнем и мечом» [ПСРЛ, IV, 1848. – С. 19]. Повторить его опыт никому не хотелось, и для непримиримых язычников оставался только один выход – уйти на восток, что они и сделали. Были среди них и славяне, и чужь, и меря, но подавляющее большинство переселенцев составляла весь. По Сухоне и Северной Двине они проникли в Повычегодье, а оттуда – в Повымье и Северное Прикамье [Розенфельдт, 1987. – С. 122]. Иначе обстояли дела в Двинской земле: обитавшая на обширной территории между Онегой и Мезенью чужь заволоцкая добровольно покорилась великому князю Ярославу Мудрому, видя в этом единственное спасение от скандинавских набегов [Голубева, 1987. – С. 64].

С XI в. Заволочье стало своеобразным «тылом» в продвижении и освоении северо-восточных земель для новгородцев. Они накладывали дань на племена, жившие по Печоре, и шли дальше «в Югру». Интересен факт, что в Уставе новгородского князя Святослава (1137) большинство перечисленных новгородских поселений в Заволочье – это неукрепленные поселения-погосты.

Эти события открыли перед новгородцами новые дороги на восток. Пермские племена были хорошо известны новгородцам. Они не отличались воинственностью – русские дружины практически спокойно прошли через их страну и к середине XI в. вновь оказались у границ Югорской земли. Теперь к ней можно было пройти тихими речными путями, важнейший из которых начинался на Вологде и шел далее по Сухоне и Северной Двине (рис. 2). Именно по этому пути новгородцы продолжали и позднее осуществлять свои «путешествия» к Югре. По впадающей в Северную Двину р. Пинеге суда плыли до Николаева моста, перетаскивались в р. Кулай, по которой они через шесть дней достигали Белого моря. Морская часть пути шла до устья р. Мезень; вверх по Мезени можно было добраться до р. Пезы, а трехдневный путь этой реки вел к р. Пескай. Здесь открывались две дороги. Обе они начинались волоком, но первая шла через р. Рубиху в р. Чирку, а вторая – сразу в Чирку. По Чирке плыли до р. Цильмы, а по Цильме – до Печоры. По Печоре можно было дойти до моря или же опуститься до устья р. Усы. Путь от Цильмы до Усы занимал целый месяц; еще три недели нужно было плыть сначала Усой, а затем Шутрой до «Камня» – гор Северного Урала. После трехдневного перехода через горы новгородцы выходили к верховьям Северной Сосьвы, по которой добирались до Оби [Герберштейн, 1988. – С. 156–161] (рис. 3).

Существовало еще два пути за Урал. Первый из них, по мнению исследователей, считавшийся наиболее ранним трансуральским маршрутом, стал «Печорский», позже, в XVI в. получивший наименование «Черезкаменного» [Бахрушин, 1955. Т. 3.4.1. – С. 75, 94, 138–139]. Пролегал он по Сухони, Двине, Вычегде до устья р. Выми, далее вверх по Выми, Печоре и Говнюхе. Отсюда Вымским волоком переходили на р. Ухту и плыли по Ухте, Ижме и Печоре. Далее «Черезкаменный путь» совпадал с описанным выше Северным путем и шел по р. Усе, но не до Шутры, а до р. Собь, а из Соби в Елец (Ель). Верховья Ельца близко подходили к верховьям другой р. Соби, принадлежавшей уже обскому бассейну. Шли «Каменным волоком», проходившим через Уральские горы по семи озерам. Иногда до перевала «через Камень» пользовались притоком Печоры – Илычем [Бахрушин, 1955. – С. 73]. От устья р. Соби, недалеко от места расположения будущего Обдорска (Салехарда), двигались либо вверх по течению Оби, в глубь Сибири, либо вниз к Обскому устью.

Другой путь (получивший позднее название «Чердынского») также начинался Сухоной, Двиной и Вычегдой. С Вычегды рекою Виледью и Вилецким волоком шли по Сысолу, из Сысолы Ужгой и волоком на Каму, по Каме плыли до Вишеры, а с Вишеры суда волокли «через Камень» до р. Лозьвы. К Вишере с Вычегды была другая дорога – по волоку с верховий р. Нем. «Чердынский путь» через Вишеру был связан с «Северным» и «Черезкаменным» [Загоскин, 1909. – С. 193–194]. По этой реке можно было пройти до Колвы, Вишерки и Чусовского озера. В последнее впадает р. Березовку с притоком Вогулкой, от которой шел волок к верховьям р. Волосницы – притока Печоры.

Новгородские маршруты в Сибирь через Северный Урал не были легкими; пользоваться ими можно было лишь в летнее время, «водяным путем», так как зимой перевал через Уральские горы был сопряжен с очень большими трудностями (в виде исключения перебирались через горы зимою на оленях или на собаках). Тем не менее эти старинные пути имели некоторые преимущества. Так, «Печорский путь» первоначально был единственно возможным, поскольку южные подступы к Уралу, в частности «Камский путь», длительное время были отрезаны от русских сильными соседями – волжскими

булгарами. Новгородцам пришлось столкнуться с этим весьма неприятным для них явлением – северной экспансией булгар, усилившейся в первой половине XII в. Булгары были опасными соперниками и на поле боя, и на перекрестках торговых путей; к тому времени их купцы давно уже проникли в Повычегодье, Прикамье и Зауралье; их войны заставили платить дань многие пермские племена. Волго-Камский речной путь шел на север через земли коми-пермяков к верховьям р. Камы, а оттуда «Вишерою вверх, да через Камень в Лозьву реку, да Лозьвою вниз в Тавду реку, а Тавдою рекою вниз до Тобола реки» [Загоскин, 1909. – С. 193–194]. Ссориться с булгарами было рискованно: идущий через Булгарию «Волжский путь» являлся одним из важнейших для всей Северо-Восточной Руси. Но и миром дело явно было не решить – слишком уж велики были доходы от северных краев, чтобы их можно было разделить спокойно и без столкновений. Поэтому «Господин Великий Новгород» и повел «двойную игру» – правой рукой он выгодно торговал с Булгарией, а левой посылал ей в тыл ватаги ушкуйников.

Вероятно, именно новгородцы-ушкуйники открыли для русских Камские пути за Урал. Вряд ли тогда они думали о торговле в неведомых землях – скорее всего, их интересовали дороги булгарских караванов, а также места, где эти караваны можно было разграбить с наименьшими потерями. С низовий Камы на Урал шли двумя путями (рис. 3). Первый вел сначала по р. Белой, до устья р. Уфы; с верховий Уфы можно было достичь Исети, а уже по Исети дойти до Тобола [Загоскин, 1909. – С. 198]. Второй путь шел по впадающей в Каму р. Чусовой до р. Серебрянки, с Серебрянки по Тагильскому волоку на р. Жаравлю, из Жаравли в Баранчу, из Баранчи в Тагил и далее в Туру [Загоскин, 1909. – С. 199].

Все эти дороги известны не только по письменным источникам – их нетрудно проследить по материалам археологических исследований. Наибольшее количество вещей прикамского происхождения найдено в Приладожских курганах IX–XI вв. [Курганы Санкт-Петербургской губернии..., 1896; Бранденбург, 1988]. К этому же времени относятся и единичные находки новгородских украшений в Прикамье [ОАК, 1901. – С. 142], однако наиболее ярко новгородско-пермские торговые отношения представлены в памятниках Повымья. Здесь обнаружены круговая керамика древнерусского облика (XII в.), кресала овальной формы (XI–XIII вв.), цилиндрические замки (XI в.), бусы новгородских и европейских типов, а также немногочисленные находки западноевропейских монет – XI–XII вв. [Розенфельдт, 1987. – С. 128, 129] В XII в. в Повымье получают широкое распространение древнерусские украшения, а также местные подражания им; тогда же появляются и пряслица из розового овручского шифера, привозимые с территории Древней Руси [Розенфельдт, 1987. – С. 129; Савельева, 1987. – С. 198; Оборин, 1990]. Основная часть украшений изготавливалась в Новгородской земле. Погребения русских торговцев и дружинников XI–XII вв. найдены на берегах Сухоны и Мезени [Стоколов, 1978. – С. 96–99].

Комплекс вещей древнерусского происхождения из Прикамья во многом близок вымскому (XI–XII вв.). Предполагают, что плужное земледелие у пермских племен возникло под новгородским влиянием – его появление по времени совпадает с появлением наибольшего числа русских вещей в могильниках, а большинство ральников очень похожи на северорусские [Оборин, 1990. – С. 49; Фехнер, 1959. – С. 120].

На Урале и в Северо-Западной Сибири новгородское влияние в XI–XII вв. ощущалось слабее, чем в Повычегодье и Прикамье. Здесь, как и в пермских землях, обнаружены обычные предметы древнерусского экспорта – украшения, замки и ключи, а также оружие и инструменты (топоры и ножи). Весьма интересны находки древнерусской керамики XII–XIII вв. на отдельных памятниках Нижнего Приобья и Прииртышья [Могильников, 1987. – С. 214–216].

В целом же движение новгородцев на северо-восток в IX–XII вв. было довольно разнородным. Его первую волну составляли охотники на пушного зверя и мелкие торговцы. Их группы нередко снаряжались на деньги богатых купцов и бояр, заинтересованных возможностью легкого обогащения. Уже в 1032 г. новгородская рать под предводительством Глеба ходила походом на Югорскую землю [Дмитриев, 1894. – С. 43]. Обстоятельства этого похода неизвестны; ясно лишь то, что закончился он неудачей – то ли югра сопротивлялась, то ли Северный морской путь оказался для воинов слишком тяжелым, но вплоть до 1114 г. новгородские дружины на югру войной ходить не рисковали. Заметим, что, к сожалению, сведения о походах новгородских отрядов в «полуночные страны» и «землю Югорскую» довольно скудны. Повычегодье было ближе, чем Югорская земля, да и народ здесь жил спокойный. С таким врагом

справиться было нетрудно, летописцы даже не отметили дату, когда Печора и Пермь превратились в волости «Господина Великого Новгорода». Все прошло мирно. Со второй половины XI в. в дальние походы стали отправляться промысловики из пермских племен, которые с каждым годом все больше и больше нуждались в «мягком золоте» для уплаты дани. Как правило, зверобой и торговцы без особого труда находили общий язык с местным населением – воевать в лесу было бесполезно и небезопасно, обмен же оказывался выгодным для обеих сторон: все получали то, что хотели.

На пройденных дорогах возникали зимовья и фактории, которые не мешали туземцам и очень помогали новгородским торговцам. Те из них, кто не замерз в пути, не умер от голода, не утонул, не сорвался в пропасть и не погиб в стычке, возвращались домой, чтобы возбуждать зависть земляков и смущать их рассказами о тех краях, где богатства «валяются с неба». Богатые люди нередко прислушивались к ним и отправляли по их следам преданных слуг, превращавших новые земли в охотничьи угодья и сверхприбыльные рынки. Их отряды, набранные из «охочьего люда» да из «холопов-сбоев», садились на быстрые кораблики-ушкуи (от которых и получили свое название «ушкуйники») и отправлялись за добычей. Подчинение огромной территории заняло не один год. Продолжалось оно и в конце XI в. (к 1096 г. относится сообщение Гюраты Роговича в «Повести временных лет», где рассказано о торговле с Югрой, а также о том, что Печора и Пермь платят дань Руси [ПСРЛ, VII, 1856. – С. 10]). Возможно, уже к XII в. новгородцам удалось пробраться в местности, непосредственно граничившие с горами Северного Урала. Именно до них к этому времени подошли восточные границы Новгородской земли. Летописец, писавший в 1114 г., утверждал, со слов очевидцев: ладожского посадника Павла и предприимчивых ладожан, что «ходиша люди старии за Югру и за Самоядь», где им пришлось наблюдать, как из туч на землю падают и расходятся «веверицы млады», т. е. белки и «олени мали» [Шахматов, 1916. – С. 350]. Вероятно, первой формой контактов новгородцев с аборигенами, как отметил исследователь И. В. Побережников, была бартерная торговля, красочно описанная летописцем со слов Гюраты Роговича. Он рассказывал, как жители Крайнего Севера «показывают на железо и делают знаки руками, прося железо; и если кто даст им нож ли, или секиру, они в обмен дают меха» [Побережников, 2009. – С. 299–317]. Со временем торговые отношения новгородцев с югричами должны были расширяться, в определенной степени стимулируя развитие новгородского ремесла. Широкое распространение получила и другая форма приобретения новгородцами пушных ресурсов – в виде дани.

Освоив Северный путь в Югру, новгородцы к началу XII в. стали подумывать о более решительных действиях, нежели мирная торговля и зверобойный промысел. Их поход 1114 г. был направлен не только на югру, но и на самоедов; судя по всему, нападения не ожидали ни те, ни другие, – туземцы рассеялись кто куда, и воевать пришлось в основном с тундрой. Подчинить новые земли не удалось, но добычи вполне хватило, чтобы новгородские дружины вернулись домой гордые и довольные одержанной победой. Появлялись представители государства, наводившие порядок: новые земли становились новгородскими волостями, их облагали данью, а для ее своевременного поступления возводились погосты и городки.

В результате походов новгородцев в уральский край Югра была присоединена к новгородским волостям, в числе которых она упоминается уже в грамотах XIII в. Ее зависимость ограничивалась нерегулярной оплатой дани, в основном мехами и привозным серебром. Судя по комплексу вещей, наиболее активные урало-новгородские связи приходятся на XII – первую половину XIII в. И не случайно, этому могло способствовать сильное потепление, начавшееся в XII в. и закончившееся к началу XIV в., что благоприятствовало плаванию по Северному морскому пути вдоль берегов Баренцева и Карского морей в Байдарацкую или Обскую дугу вокруг полуострова Ямал. Как и раньше, новгородцы ввозили в Югру украшения, ключи, инструменты, оружие, посуду, как и прежде, вывозили меха [Могильников, 1987. – С. 216]. Примером могут служить находки железных навесных цилиндрических замков новгородского типа и других предметов, обнаруженных при раскопках на городище Перегребное 1 в Нижнем Приобье и на городище Рачевского археологического комплекса, а также древнерусской керамики XIII–XIV вв. с городища Уки, на Нижнем Иртыше [Зыков, Пархимович, 1988. – С. 157; рис. 2, 3; Терехова, 1986. – С. 122].

Но не нужно забывать и о роли в продвижении новгородцев приуральских племен – пермян. Воинами они были плохими, а вот предприимчивостью и хваткой не уступали своим западным соседям, да и охотиться в таежных лесах им было сподручнее. Начинали они с промысловых избушек, но постепенно

перешли к делам более серьезным – «понастроили городков» на Оби. К таким «зырянским городкам» можно отнести Уркар, Войкар [Морозов, Овчинникова, Пархимович, 1996. – С. 98]. Обосновались в верховьях Туры и едва ли не прибрали в свои руки всю внешнюю торговлю угорских племен [Пархимович, 1991. – С. 148–150; Курлаев, 1997. – С. 108]. Укрываясь от новгородских сборщиков дани, югричи постепенно сдвигались на восток, и к началу XIV в. большая их часть окончательно откочевала за Урал, смешавшись здесь с родственными им племенами хантов и манси. Как уже отмечалось выше, проникновение коми-зырян за Урал нашло отражение и в мансийском фольклоре. Согласно легендам, записанным у северных манси, в одной из них манси и ханты произошли от Мось-ыэ (Женщины Мось), Пор-ыэ (Женщины Пор) и Мис-махум (Коровьего народа). Мис-махум пришли на Обь позже всех. Они жили где-то на Северной Двине и Печоре. Отличались от всех внешним видом: это были русые, рыжие и черноволосые люди с бородами, с серыми, карими и черными глазами. Занимались они скотоводством и земледелием, лишь на севере – оленеводством. По культуре были очень похожи на Мось-ыэ, но отличались от всех языком. Ходили торговать на Волгу, откуда привозили шелк, шлемы, щиты и стрелы. Теперь их уже нет. Все они стали ханты и манси. В этой легенде отразилось переселение какого-то числа людей из Северного Приуралья на Обь. Судя по описанию, вероятно, это и были предки коми-зырян [Морозов, Овчинникова, Пархимович, 1996. – С. 98].

В низовьях Оби русские впервые появились в 1364 или 1365 г. В Новгородской IV летописи под этим годом есть известие: «...тои зимы с Югры приихаши, воевавшие по Обе реки до моря» [ПСРЛ, IV, 1915. – С. 291]. Таким образом, югра уже были подданными Новгороду в XIV в. и жили за Уральским хребтом. Весьма активные действия югричей за Уралом привели к тому, что эти подданные Новгорода сыграли едва ли не основную роль в обеспечении его торговых связей на севере и северо-востоке, а их колонизация Зауралья проложила впоследствии прямую дорогу к завоеванию Сибири. Но это в будущем... А пока, в XIII–XIV вв., походы новгородцев на югру продолжались, несмотря на столкновения с дружинами великих князей Владимировичей, не оставлявших намерения перекрыть северной республике дорогу на восток. Богатство северной республики не могло не вызывать зависти у южных соседей, отлично понимавших, где находится главный источник богатства.

У Новгорода всегда были люди, готовые осваивать новые земли, – в этом и таился главный секрет успеха новгородской колонизации. Новгородская республика богатели все больше и больше, а в волостях ее тем временем росло недовольство. Неизвестно, что послужило поводом для взрыва, – возможно, увеличение размеров дани или злоупотребления чиновников, собирающих ее. Как бы то ни было, в 1187 г. на Печоре новгородский отряд был перебит вместе с печорскими и югорскими «данниками». Печору умилили довольно быстро, а вот карательный поход на Югорскую землю организовали только осенью 1193 г.

Сначала новгородцам сопутствовал успех, и тогда югорские князья, желая выиграть время, вступили в переговоры с воеводой Ядреем, который командовал русской ратью. Выпросив себе отсрочку (якобы для сбора дани), они заманили в городок сначала один отряд новгородцев, а потом еще один, когда убедились в их беспечности и легковерии. Оба отряда были истреблены; погибли и руководители похода. Уцелевшие продолжали осаду, пока у них не закончилось продовольствие, а затем отступили. Вернувшись в Новгород, они затеяли ссору, обвиняя друг друга в произошедшем: в начавшейся затем драке было убито три человека [ПСРЛ, IV, 1848. – С. 19–21].

Исследователь С. В. Бахрушин, анализируя летописные известия, пришел к заключению, что частные предприниматели имели в Югре прочные связи, и объяснял неудачу похода воеводы Ядрея в 1194 г. пролисками некоторых новгородцев, «совет державших с югрою на братью свою» [Бахрушин, 1927. – С. 65]. С этим трудно не согласиться. Торговцы, зверобой и прочие колонисты никакой выгоды от сбора дани не имели – напротив, ее взимание с помощью вооруженных отрядов только ухудшало отношения с югрой. Новгород упорно продолжал называть Югорскую землю своей волостью, однако на деле крах похода 1193–1194 гг. означал крах всей политики правительственной колонизации. Попытки возобновить ее предпринимались еще не раз, но успеха они уже не имели. Более того, новгородцы едва не потеряли уже завоеванные позиции в Приуралье.

В 1212 г. Великий князь Всеволод Большое Гнездо у слияния рек Сухоны и Юга построил город Устюг. Булгары дважды осаждали этот город – в 1218 и 1219 гг., но были отражены. Великий князь Юрий совершил

ответный поход в Нижнее Прикамье в 1220 г., а заодно присвоил себе дань с Перми. Новгородцы попробовали было вознаградить себя в Югорской земле, однако их поход 1230 г. закончился неудачей.

Нашествие монголов нарушило сложившееся равновесие сил – Владимиро-Суздальская земля лежала в руинах, булгары из соперников превратились в беженцев, и только Новгород пережил эту бурю почти без потерь. До начала XIV в. новгородцы не ввязывались в войны на далеком востоке, занимаясь торговлей и промыслом пушнины. Так продолжалось до тех пор, пока вновь не встал вопрос о дани, – дани, которую русские земли платили сами Золотой Орде. Нуждаясь в средствах для ее уплаты, новгородцы в 1323 г. совершили успешный поход в Югру; но обратный путь лежал через Великий Устюг, где их уже поджидала засада. Добыча была потеряна, однако в следующем году новгородцы возместили ущерб сполна, взяв Устюг «на щит» [ПСРЛ, III, 1841. – С. 73]. Устюжане обязались не препятствовать сообщению с Югорской землей, но обещание свое нарушили и в 1329 г. разбили новгородскую рать, отправившуюся за данью [ПСРЛ, III, 1841. – С. 74]. Весьма вероятно, что они сами вели торговлю с Югрой и не желали ее разрушать; за спиной устюжан стоял Великий князь Иван Калита, выдавший в 1328 г. свою дочь замуж за устюжского князя Константина. В 1383 г. новгородцы уступили Великому князю Ивану дань с Повычегодья и Печоры [Вычегодско-Вымская летопись, 1958. – С. 257], однако попыток овладеть Югорской землей не оставили. В 1357 г. их очередной поход на югру вновь завершился поражением [ПСРЛ, IV, 1915. – С. 262], и только в 1364 г. отважные ушкуйники смогли наконец прорваться за Урал и пройти в Нижнее Приобье до самого моря [ПСРЛ, IV, 1915. – С. 64, 65]. Потеряв «пермские дани», они грабили утраченные владения, пользуясь неспособностью московских князей организовать оборону новых земель. Лишь крещение зырян Стефаном Пермским и его переговоры с новгородскими властями привели к прекращению этих набегов [Повесть о Стефане, епископе пермском, 1862. Вып. 4. – С. 123–138, 141].

Однако ни военные столкновения с югрой и зырянами, ни рост московского влияния не остановили торговлю Новгорода с Уралом. Более того, именно в это время (60-е гг. XIV в.) создается «Югорщина» – корпорация купцов, чьи торговые интересы были связаны с далекой Югорской землей. Их патрональной святыней стала построенная в 1365 г. каменная церковь Троицы на Рядятине улице [Бернадский, 1936. – С. 56]. Построена она была на месте древней церкви, упоминаемой в летописи еще под 1165 г. По летописным сообщениям деревянная Троицкая церковь дважды была сожжена (1194 и 1224 гг.), а в 1365 г. уже каменная Троицкая церковь сооружена «югорцами», по мнению академика В. Л. Янина, – «народом, живущим на крайнем севере новгородских владений вплоть до северного Зауралья и Вайгача...». В некоторых летописях, подчеркивает В. Л. Янин, Троицкая церковь на Рядятине была построена «югорщиною», когда в 1365 г. «новгородцы поидоша из Югры», т. е. на доходы от югорской дани [Янин, 1998. – С. 319]. В 83 метрах к северу от этой церкви в 1973 г. были начаты археологические исследования на раскопе, получившем название «Троицкого». Результаты исследований позволяют говорить о том, что по крайней мере три усадьбы на территории Троицкого раскопа были связаны с югорскими землями. Об этом свидетельствуют и обнаруженные в культурных слоях берестяные грамоты № 548, 589, 622 и др. [Янин, 1998. – С. 319–327; Янин, Зализняк, 1986. – С. 18, 49–60; Хорошкевич, 1963. – С. 87]. О связях с северо-восточными землями Новгорода говорит целый ряд предметов: привески-амулеты из Прикамья, резная деревянная скульптура – голова человека с явными чертами представителя одной из северных народностей, рисунок на бересте, изображающий человека в чуме, плоский камень с процарапанными изображениями моржей и др. Еще более многочисленные свидетельства урало-новгородских связей непосредственно на территории Урала и Зауралья содержатся в памятниках, оставленных местным населением, которое испытало сильное русское влияние [Могильников, 1987. – С. 216].

На первый взгляд может показаться, что торговая империя Новгорода к концу XIV в. рухнула – ведь на Печоре, в Повычегодье и на берегах Сухоны сидели уже не новгородские данники, а люди великого князя Московского, и дань с этих земель шла в Москву. Но на самом деле не дань была источником «мягкого золота», а торговля. Согласно летописным данным, в 1425 г. дань с Великого Устюга составила 50 тыс. белок и 240 соболей [ПСРЛ, XXX, 1965. – С. 114], в то время как закупка пушнины отдельными купцами иногда превышала 60 тыс. шкурок, а общий новгородский экспорт пушнины, по подсчетам исследователя А. П. Хорошкевич, достигал полумиллиона и более шкурок в год [Хорошкевич, 1963. – С. 87]. Москвичи

могли бы перекрыть все дороги к Уралу (кроме Северного морского пути), но тогда великокняжеская казна лишилась бы весьма доходной статьи. Поэтому фактов препятствования новгородской торговле с Уралом и Зауральем со стороны Москвы не выявлено, но известно, что самих новгородцев московское правительство всеми правдами и неправдами старалось переманить к себе на службу.

В Зауралье русское влияние явно ослабевало. Одной из причин этого была политика христианизации, активно проводившаяся Москвой в Приуралье. Чрезмерное рвение некоторых миссионеров заставляло язычников-коми переселяться в Приобье, где их участь не могла не вызвать сочувствия. Нетрудно усмотреть связь между крещением зырян и первыми набегами вогулов, о которых до 1397 г. письменные источники вообще не упоминают. Судя по всему, в конце XIV в. общее племенное наименование Югра или Угра объединяло как манси (вогулов), живших на обоих склонах Урала, так и хантов (остяков), населявших Нижнее Приобье. Впервые об этом упомянул Епифаний Премудрый в «Житии Стефана Пермского» в 1396–1397 гг. [*Повесть о Стефане, епископе пермском*, 1862. – С. 123–138, 141].

Однако самый сильный удар по русско-уральским торговым связям нанесло Сибирское царство (его владения порой доходили до Северной Сосьвы). Продвижение сибирских татар на север привело к междоусобицам среди самих обских угров. Заниматься торговлей в такой обстановке было явно небезопасно, но для вторжения она казалась весьма благоприятной. Новгородцы попытались ей воспользоваться и... просчитались. Поход 1446 г. едва не стал повторением той трагедии, которая произошла в 1193–1194 гг. Отношения с югрой испортились окончательно.

Новгородцы не сумели воспользоваться и той смутой, которая царила в великом княжестве Московском в княжение Василия II Темного (1425–1462). Пермь Великая стала уделом князя Михаила Ермолаевича (1451–1481), считавшегося сторонником Василия II. Пельымский князь Асыка вокняжение Михаила принял спокойно, а вот на попытку крещения пермяков в 1455 г. отреагировал более чем решительно – напал на Чердынь и убил пермского епископа Питирима.

В 1455 г. состоялся последний поход новгородцев на Югру. Конец военной экспансии был столь же неудачен, как и ее начало, – трехтысячная русская рать потерпела полное поражение. Через десять лет Югра будет побеждена русскими, но эту победу одержит уже московское войско; а еще через шесть лет, после Шелонской битвы, Новгородская республика откажется от всех прав на свои бывшие северо-восточные земли. В 1498 г. она прекратит свое существование.

Ее наследником стала Москва; торговую колонизацию заменили военные вторжения, маленькие фактории превратились в крепости, деревянные идолы коми обернулись христианскими святыми, а боги угров спрятались в леса и болота.

Список источников и литературы

- Бартольд В. В.* Арабские известия о русах // Сов. востоковедение, I. – М., Л.: 1940. – 268 с.
- Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. – 198 с.
- Бахрушин С. В.* Пути в Сибирь в XVI–XVII в. // Научные труды. – М.: АН СССР, 1955. – Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. – Ч. 1: История народов Сибири XVI–XVII вв. – 72–137 с.
- Берг Л. С.* История русских географических открытий. М.: изд-во Академия наук СССР, 1962. – 296 с.
- Бернадский В. Н.* Господин Великий Новгород. – М.; Л.: Учпедгиз, 1936. – 100с.
- Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья // Материалы по археологии России. – 1988. – № 18 – 156 с.
- Воронин Н. Н.* Средства и пути сообщения // История культуры древней Руси (2 т.). – М., Л.: Академия наук СССР. – 1951. – Т. I.
- Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар: [б.и.], 1958. – Вып. 4. – С. 257–271.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.
- Голубева Л. А.* Весь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т.). – М.: Наука, 1987. – Т. 17. – С. 52–64
- Голубева Л. А.* Чудь заволоцкая // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т.). – М.: Наука, 1987. – Т. 17. – С. 64–66.
- Дмитриев А. А.* Пермская старина. – Пермь, 1894. – Вып. V. – 237с.

- Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. – Казань, 1909. – XIV, 464, 27 с.
- Зыков А. П., Пархимович С. Г.* Изделия из железа и стали городища Перегребное // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск, 1988. – С. 152–160.
- Каптерев Л. М.* Как русские пришли на Урал. – Москва; Свердловск, 1930. – 23 с.(?)
- Курганы Санкт-Петербургской губернии из раскопок Л. К. Ивановского* // Материалы по археологии России. – 1896. – № 20. – 124 с.
- Курлаев Е. А.* Летописная «югра»,исчезнувшее имя или исчезнувший народ?//Уральский исторический вестник.–Екатеринбург, 1997. – Вып. 4: Урал в системе культурных и хозяйственных связей в древности и средневековье. – С. 102–117.
- Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т.). – М.: Наука, 1987. – Т. 17. – С. 163–235.
- Морозов В. И., Овчинникова Б. Б., Пархимович С. Г.* «Путешествие в Югру»//Древности Урала. – Екатеринбург, 1996. – С. 85–100.
- Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 168 с. Отчет археологической комиссии. – СПб., 1901.
- Пархимович С. Г.* О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э. // Вопросы археологии Урала. – 1991. Екатеринбург: УрГУ. – 1991. – Вып. 20. – С. 145–153.
- Петрухин В. Я.* Югра в контексте начальной русской истории // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. нач. тр., посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. – С. 452–457.
- Писцовые книги Обонежской пятины.* – Л.: АН СССР, 1930. – IV, 268 с.
- Плигузов А.И.* Новый список Сказания «О человецех незнаемых « // Исследование по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. статей памяти В.И. Буганова/ Российская академия наук, Институт российской истории. – М., 2001. – С. 117–125.
- Побережников И. В.* Пространственные модели русского освоения Северо-Западной Сибири (XII – начало XX в.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. – Ч. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 299–317.
- Повесть Временных лет* (ПВЛ). – 2-е изд. – СПб.: Наука, 1996. – 668 с.
- Повесть о Стефане*, епископе Пермском // Памятники старинной русской литературы. – СПб., 1862. – Вып. 4. – С. 119–172.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – Пг.: Типография Я. Башмаков и Ко, 1915. – Т. 4. – Ч. 1. – Вып. 1: Новгородская четвертая летопись. – Изд. 2-е исп. – [4], XI, 320 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1843. – Т. 2 (второй). – III: Ипатьевская летопись. – 377 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1841. – Т. 3 (третий). – IV: Новгородские летописи. – 308 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1848. – Т. 4 (четвертый). – IV; V: Новгородская и Псковская летописи. – 360 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1856. – Т. 7 (седьмой). – VII: Летопись по воскресенскому списку – 362 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. –Пг.: Типография М.А Александрова, 1908.– Т. 2: Ипатьевская летопись. – Изд. 2-е исп. – XX, 687 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. –Пг.: Типография Я. Башмаков и Ко, 1915.– Т. 4, ч. 1, вып. 1: Новгородская четвертая летопись. – Изд. 2-е исп. – [4], XI, 320 с.
- Полное собрание русских летописей. – Т. XXX: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. – М.: Наука, 1965. – 240 с.
- Розенфельдт Р. Л.* Прикамские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т.). – М.: Наука, 1987. – Т. 17. – С. 116–162.
- Савельева Э. А.* Вымские могильники XI–XIX вв. – Л.: Изд-во ЛГУЭ, 1987. – 200 с.
- Сказания «О человецех незнаемых в Восточней стране» Забелинский список* 2 редакции // ГИМ. Собрание Забелина 419. – Л. 74–77 (рукопись).
- Стоколос В. С.* Средневековое погребение на оз. Чойновты // Материалы по археологии европейского северо-востока. – Сыктывкар, 1978. – Вып. 7. – С. 96–99.

Терехова Л. М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы Урало-Сибирской археологии. – Свердловск/ ВАУ. – 1986. – Вып. 18. – С. 114–123.

Федорова Н. В. Византийские сокровища югорских князей. Западная Сибирь на торговых путях Средневековья // журнал «Родина»- специальный выпуск «Тропой стран полуночных». Международный Северный археологический конгресс. – Ханты-Мансийск, 2002. – С. 7–9.

Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни X–XIII вв. // Тр. ГИМ. – М., 1959. – Вып. 33. – С. 149–224.

Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. – М.: Наука, 1982. – 164 с.

Хорошкевич А. Л. Торговля Новгорода Великого с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. – М.: АН СССР, 1963. – 365 с.

Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечание. – Пг., 1916: VIII+LXXX+403 с.

Шашков А. Т. Великий меховой путь. С Камы на Тобол // Родина. – 2000. – № 5. – С. 48–53.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 461 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 г.). – М.: Наука, 1986. – 312 с.

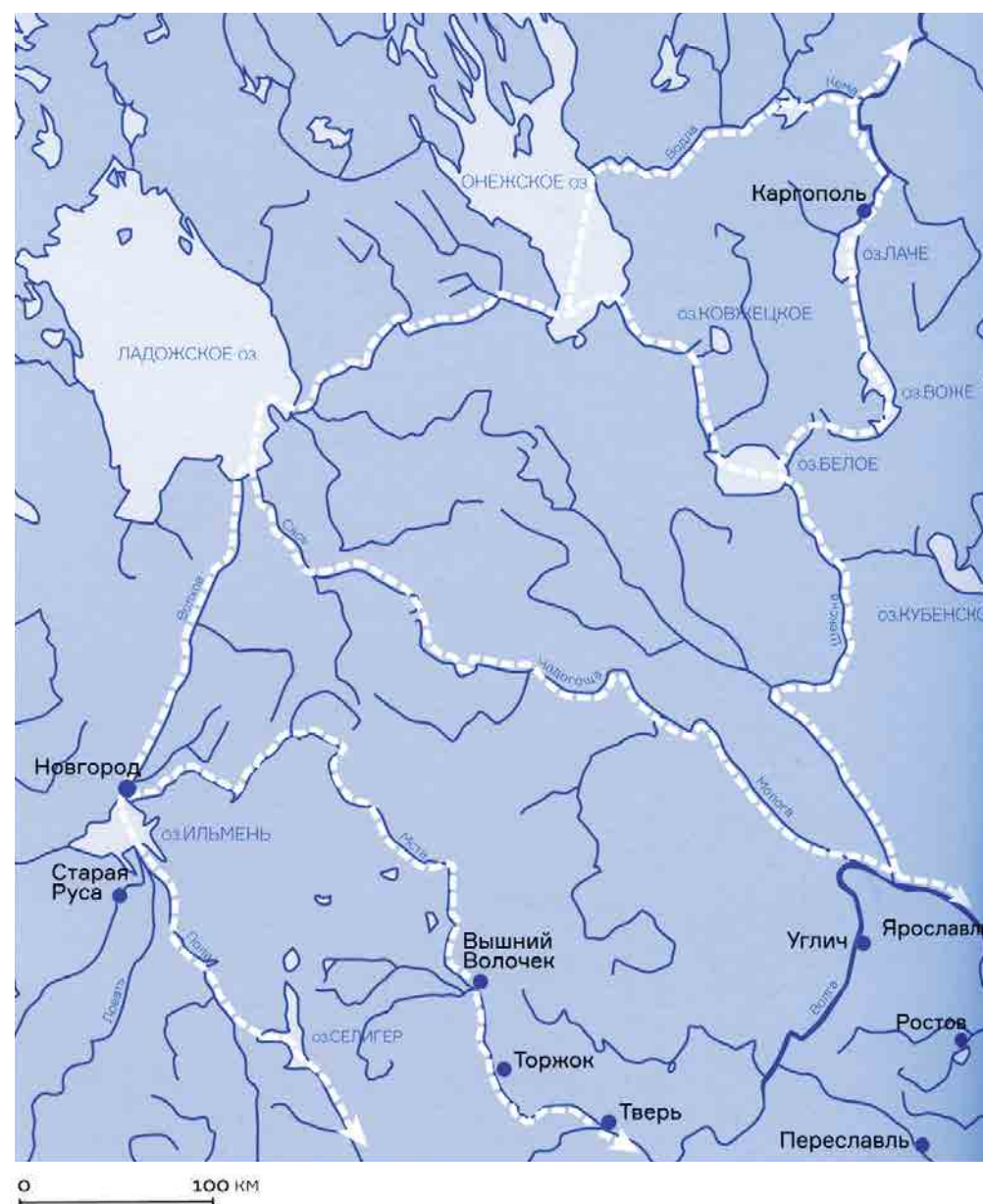

Рис. 1. Выходы из Новгорода к основным водным путям на Урал и в Сибирь¹

¹ Карты даны в дизайнерском исполнении И. Келейникова по кн. «Путь на Север: истоки» (Освоение Севера. Тысяча лет успеха: Великий Новгород). – М.: Арт Волхонка, – 2017. – С. 16, 18, 20.

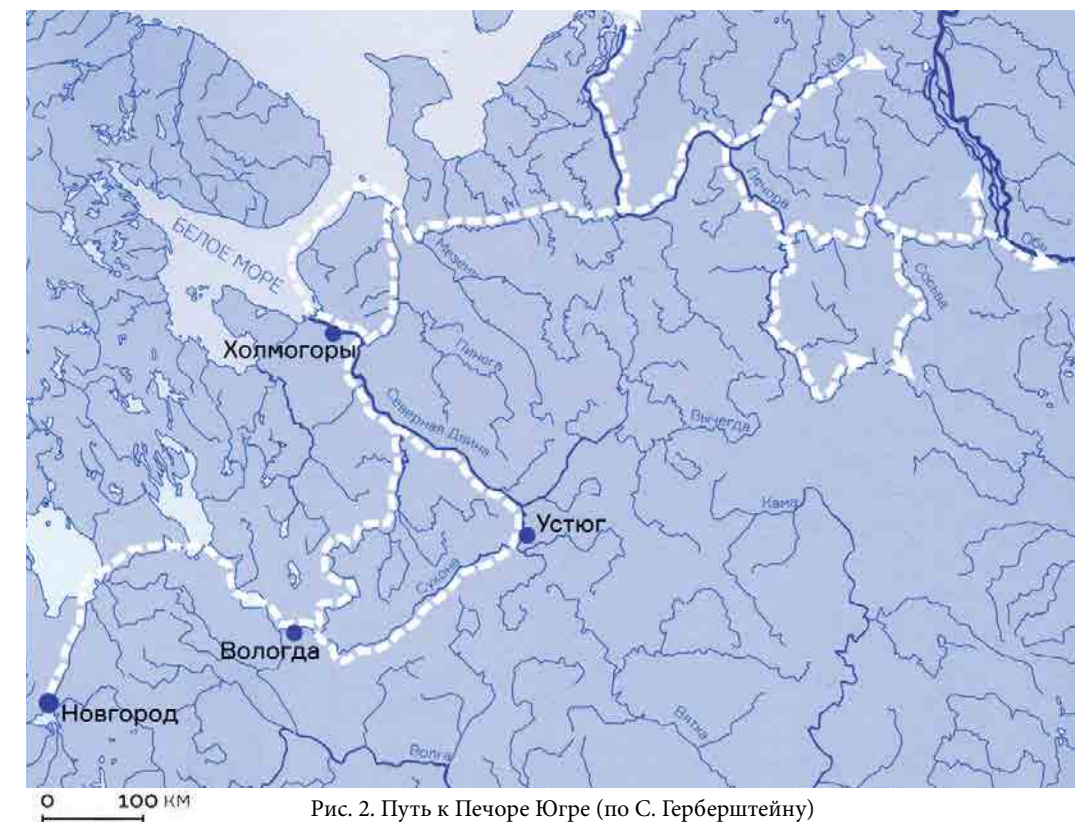

Рис. 2. Путь к Печоре Югре (по С. Герберштейну)

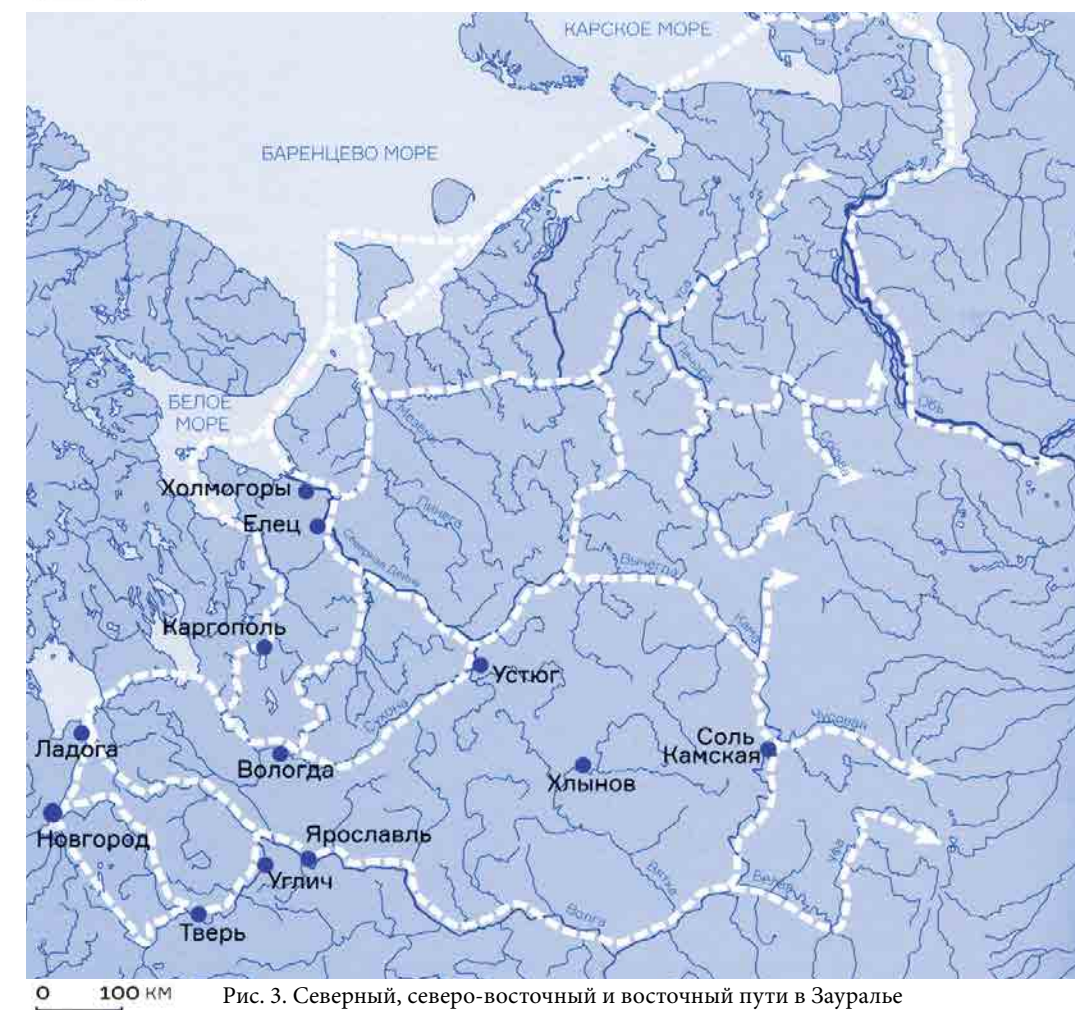

Рис. 3. Северный, северо-восточный и восточный пути в Зауралье

Н. В. Хвощинская¹

¹ Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Дворцовая набережная, д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: kotimoshka@yandex.ru

Новгородская колонизация в свете материальной культуры (о возможности источника)¹

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о взаимоотношениях нижеобских угров с русскими в XI–XIV вв. по материалам археологии. Малочисленность находок древнерусских типов XI–XIV вв. в Низовьях Оби и, прежде всего, отсутствие поселений с гончарной керамикой свидетельствует, что до XV–XVI вв. непосредственно в Югре не было опорных пунктов с постоянным русским населением, в отличие от соседней территории перми вычегодской. Вещи древнерусских типов попадали в культуру обских угров из разных источников: непосредственно с территории Северной Руси или Ростово-Суздальской земли, через вычегодскую пермь, из Волжской Булгарии и Верхнего Прикамья.

Ключевые слова: источники поступления древнерусских вещей в Югру, взаимоотношение обских угров и русских в XI–XIV вв.

О походах новгородцев в земли югорские, прежде всего, мы знаем из письменных источников. Они неоднократно привлекались исследователями для анализа характера освоения русским населением необъятных северных территорий, простирающихся от Карельского перешейка до Уральских гор и от Вологды до берегов Ледовитого океана. В «Повести временных лет» впервые Югра упоминается под 1096 г. Летописец передает рассказ, который слышал четыре года назад от новгородца Гюряты Роговича, о том, что Гюрята послал своего отрока «в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду», а тот отправился дальше в «землю Югорскую». Югра – это тоже люди, язык которых непонятен, и соседствуют они с самоядью в северных странах [ПВЛ, 1996. – С. 107, 245]. Из данного рассказа следует, что Печора в конце XI в. уже находилась в даннических отношениях с Новгородом, а Югра – нет. Это подтверждается и летописным списком народов «иже дань дают Руси», в котором Югра отсутствует [ПВЛ, 1996. – С. 10].

Для локализации Югры в низовьях Оби важно сообщение Новгородской IV летописи, которая, описывая поход 1364 г., повествует, что «той зимы с югры новгородцы приехавша дети боярские и молодьи люди и воеводы, Александр Абакунович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша» [ПСРЛ, IV, 1848. – С. 64, 65]. Большинство исследователей очерчивают территорию расселения югры от р. Печоры на западе до р. Оби на востоке, т. е. югра занимала территории по обе стороны Уральских гор.

Освоение Севера тесно связано с пушной торговлей. О пушных богатствах северного края Восточной Европы и массовом вывозе мехов красноречиво писали арабские географы XII в., а позже западноевропейские путешественники. Пушная торговля в значительной степени составляла основу

экономики Новгорода, об этом, в частности, свидетельствуют тексты берестяных грамот, в которых в связи со сбором дани упоминаются различные географические названия, связанные с Карелией, Обонежьем, Заволочьем, Северным Подвиньем, а также «Каяно море» [Рыбина, 2017. – С. 63–69]. При раскопках Новгорода в слоях XI–XII вв. были найдены деревянные цилиндры, выполнявшие функции своеобразных замков, запечатывающих кожаные мешки с пушшиной. В надписях на трех из них встречаются такие названия, как Тихмега (или Тихменга), Вага и Пинега, т. е. пункты, расположенные за сотни километров к северо-востоку от Новгорода [Янин, 2017. – С. 77–85]. В поисках новых промысловых территорий расширялась и география освоения северных земель.

Широкомасштабные планомерные археологические разведки и исследования, проведенные Онежско-Сухонской экспедицией Института археологии в 1980–1990-е гг. между Онежским и Белым озером на западе и водоразделом Северной Двины и Мезени на востоке, позволили по-новому посмотреть на процесс колонизации Севера с точки зрения именно археологии [Макаров, 1990; 1993; 1997]. Для исследований были выбраны зоны волоковых дорог, известных по документам XIV–XVII вв. [Макаров, 1997. – С. 50]. Н. А. Макаров впервые посмотрел на волок не только как на наиболее трудные участки путешествий (мнение, давно утвердившееся в русской историографии), но и как на места встреч путешественников, устройства торжищ и сбора дани. Именно здесь могли находиться пункты, контролирующие прилегающие территории [Макаров, 1997. – С. 48].

В результате археологических изысканий было доказано, что уже в XI–XII вв. на обширных территориях от Белого и Онежского озер на западе до Пинеги и Вычегды на востоке появляется редкая сеть небольших поселений, приуроченная к долинам рек и озер, входивших в систему волоков. Эти небольшие неукрепленные поселки колонистов выполняли функцию опорных пунктов для продвижения далее на Север.

Особенно хорошо к настоящему времени изучены памятники Белозерского края и Поонежья. В волоковых зонах Н. А. Макаров исследовал целый ряд поселений и крупных могильников, давших яркие материалы для характеристики культуры населения данных территорий. Особый интерес представляет Кемский курганный некрополь, в котором, как полагает Н. А. Макаров, были похоронены «представители княжеской администрации», посланные на Кему, чтобы контролировать вывоз пушнины из северных областей, взимать пошлину за меха, поступавшие на Русь по Вытегорско-Ковжской артерии. Иначе говоря, перед нами погребения таможенников XI в. [Макаров, 1993. – С. 77, 105].

Земли, расположенные северо-восточнее Прионежья, археологически изучены значительно хуже, но судя по имеющимся данным, эти районы были и очень слабо заселены. Н. А. Макаров картографировал типы памятников (курганы, жилища с развалами обожженных камней), а также элементы материальной культуры, характерные для Центральных и Северо-Западных регионов Восточной Европы. К последним он отнес гончарную древнерусскую керамику, топоры, стеклянные бусы и браслеты, шиферные пряслица, замки, ключи, плоские и полые зооморфные подвески, подковообразные фибулы, серебряные монеты, как отдельные находки, так и клады, а также предметы христианского культа [Макаров, 1997. – С. 48].

Не сложно заметить, что основная концентрация предметов, имеющих древнерусское происхождение, наблюдается на старых, достаточно рано освоенных землях Белоозера и Прионежья. Далее на северо-восток подобные находки встречаются более спорадически и разрозненно, исключение представляет лишь бассейн Вычегды (вымские и лузские могильники, оставленные группами пермского населения). Эти группы пермского населения, находящиеся в непосредственном соседстве с обскими уграми, несомненно сыграли свою роль в распространении украшений, бытовых предметов и оружия древнерусских типов на территорию нижнего Обь-Иртышья. Анализ отдельных находок, связанных с древнерусской культурой в Печорском бассейне по трассе Цилемско-Печорского пути, был проведен Н. Н. Чесноковой, которая пришла, на наш взгляд, к объективному выводу, что «немногочисленность находок не позволяет широко обсуждать проблему освоения региона в древнерусское время. Безусловно, они не дают никаких оснований для предположения здесь какого-то количества смешанного славяно-финского или тем более собственно древнерусского населения» [Чеснокова, 1994. – С. 173]. Так же спорадически находки древнерусского типа встречаются

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 191. Исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом процессе (тема № 0184-2018-0008. «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей»).

и в низовьях Оби. Карта их распространения была составлена В. А. Могильниковым [Могильников, 1987. – С. 215].

Трудно не согласиться, что находки предметов древнерусских типов свидетельствуют о контактах различных северо-восточных групп финно-угорского населения с носителями древнерусской культуры². Однако археологические данные не позволяют нам ответить на вопрос о механизме этих контактов, что могло быть принесено к югорцам непосредственно людьми, побывавшими в их землях, что пришло опосредованно через культурные связи с ближайшими соседями, были ли эти вещи случайно потеряны, взяты у убитого дружинника, выменены на товар, или подарены в знак уважения и благодарности. Обо всем этом мы можем только догадываться.

Отвечая на эти вопросы, попробуем представить мир начала II тыс. н. э. Итак, нам точно известно из письменных источников, что уже в XI в. новгородцы достигли «полуночных стран» у «Дышащего океана». Что в это время представлял собой Новгород? Это крупнейший центр Северной Руси, богатейший город с широкими торговыми связями с Европой, Византией, Востоком. В это время происходит расцвет Новгородской республики, перераспределение власти между богатыми горожанами и князем. Город имеет планировку, вдоль мощеных улиц располагаются усадьбы, многие жилые дома двухэтажные. С христианством в Новгород приходит письменность. Начиная с XI в. приглашенные византийские мастера строят величественные храмы, а затем появляется и собственная архитектурная школа. Важную роль в экономике города играло ремесленное производство, не уступавшее по техническому уровню западноевропейским городам. Одним словом, крупный экономический и культурный центр Древней Руси. Будучи на пересечении важнейших водных магистралей, здесь скапливались товары со всего, можно сказать, европейского мира. На торжищах в Новгороде особое значение и ценность имела пушнина – «мягкое золото», которая была широко востребована как в странах исламского Востока, так и в Западной Европе, откуда ей взамен шли потоки серебряных монет (в IX–X вв. – арабские дирхемы, а в XI–XII вв. – европейские денарии). Собственно, в самом Новгороде в так называемый безмонетный период (XII–XIV вв.) шкурки пушных животных выполняли роль денег. Именно за этим столь дорогим и важным для процветания экономики самого города товаром отправлялись ватаги новгородцев, часто под предводительством бояр, воевод и даже князей.

Достигнув Северного Урала, новгородцы столкнулись с населением, основу хозяйства которого составляли рыболовство и охота, преобладала охота на пушных зверей, определенную долю в хозяйстве занимало скотоводство [Пархимович, 1991. – С. 148]. Основной тип поселения – небольшие разрозненные городища с двумя – восьмью жилищами, как правило, каркасно-столбового типа с очагом внутри, реже – срубные дома [Морозова, 1986. – С. 148; Соколова, 1957. – С. 88–105; Федорова и др., 1991. – С. 139]. Встречаются отдельные неукрепленные селища [Могильников, 1987. – С. 215]. В то же время у данной группы угорского населения уже начиная с I тыс. н. э. развивается металлургическое и бронзолитейное производство [Федорова и др., 1991. – С. 130]. Таким образом, обитатели Нижнего Приобья сами производили оружие и орудия труда для деревообрабатывающего, кожевенного и косторезного ремесел, а также для охоты и рыболовства. Хотя, исходя из письменных источников XVI–XVII вв., известно, что племена Северного Урала, несмотря на собственное производство, испытывали дефицит в железных изделиях и данный товар постоянно фигурирует в перечне предметов меновой торговли [Бахрушин, 1935. – С. 26; Савельева, 1987. – С. 166]. Возможно, кузнецы-металлурги совмещали и профессию ювелира. Литье из цветного металла имело свой неповторимый художественный стиль, который отразился в антропоморфных личинах и фигурах, сложных зооморфных композициях, отдельных фигурках животных [Федорова и др., 1991. – С. 143].

Обобщая все имеющиеся археологические материалы, можно с большим основанием полагать, что общественный быт угорцев в основе строился на родовых отношениях. Фактически на поселении

² Я согласна с Н. А. Макаровым, что термин «древнерусский» следует употреблять не в этническом значении, «а в более широком историческом и культурном понимании этого слова». Поскольку древнерусская народность сложилась на базе славянского населения при активном участии различных этнических групп, в том числе финно-угорских, балтских и скандинавских народов. А, соответственно, к XI в. древнерусская культура «впитала различные в этническом отношении элементы». И таким образом, древнерусскую колонизацию следует рассматривать не как расселение этнических славян, «а движение колонистов, связанных с древнерусской метрополией, будь то славяне, финны или скандинавы» [Макаров, 1997. – С. 7].

жила одна или две семьи. Рассматривая уклад жизни вогуличей и остяков XVII в., который также базировался на присваивающем типе хозяйства, С. В. Бахрушин отмечал, что «условия рыболовно-охотничьего быта в Западной Сибири не способствовали сохранению крепко спаянных многочисленных родовых союзов, какие мы видим у среднеазиатских скотоводов» [Бахрушин, 1935. – С. 20]. Далее, ссылаясь на дневниковые записи И. И. Лепехина конца XVIII в., он на конкретных примерах показывает, что промысловики объединялись в небольшие группы, обычно состоящие из кровных родственников, так называемые «юрты». Каждый юрт владел четко определенными угодьями для ловли зверей и рыбы [Бахрушин, 1935. – С. 20, 21]. Более того, в условиях промысловой жизни необходимы были частые перекочевки. Такие перемещения вогуличей в XVII в. были зарегистрированы в Актах археографической экспедиции [Бахрушин, 1935. – С. 16, 17]. Многие поселения носили сезонный характер. Это, кстати, объясняет легкость в конструкции домов.

С большой долей вероятности все эти достоверно записанные этнографические факты можно перенести на общество Северного Урала начала II тыс. н. э. Таким образом, новгородцы увидели, в принципе, отдельные небольшие коллективы, занимающиеся промыслами, имеющие достаточно примитивный быт и не представляющие для них опасности. По-своему, в XI в. в Югре произошло столкновение двух цивилизаций.

При знакомстве на первоначальном этапе контакты между новгородцами и югорцами, скорее всего, носили мирный характер. По различным письменным и этнографическим источникам известно, как производилась меновая торговля, так называемый «немой обмен» у разных народов. Довольно красочно арабские путешественники описали, в частности, обмен между купцами из Волжской Булгарии и обитателями интересующей нас территории Йуры – Югры [Захoder, 1967. – С. 64; Путешествие..., 1971. – С. 32–33].

Судя по летописному рассказу Гюраты Роговича, в конце XI в. как раз и состоялись первые контакты с югорцами, с которых еще новгородцы не брали дань. Однако уже в конце XII в. летопись сообщает о сопротивлении местного населения, поскольку дань стала взиматься силой. Под 1187 г. произошло избиение печорских и югорских данщиков, а в 1193 г. состоялся поход на Югру новгородской рати во главе с воеводой Ядреем, реально карательная экспедиция, которая завершилась для новгородцев неудачно – большая часть рати была перебита, погиб и сам воевода [НПЛ. – С. 38, 40–41]. Новгородцы попросту производили набеги и грабили местное население подобно викингам, грабившим богатые монастыри и города Западной Европы. Это находит подтверждение и в более поздних письменных источниках московской поры. «В “Житии Стефана Пермского” прямо сообщается о “тяжких данях”, насилии со стороны великокняжеской московской администрации. В “Плаче пермских людей” по поводу смерти епископа Стефана Пермского упоминаются “новгородцы ушкунницы, разбойники”» [Жеребцов и др., 1996. – С. 32].

При таких отношениях с местным населением у новгородцев в XI–XIII вв. на территории непосредственно обских угров вряд ли могли находиться постоянные опорные пункты. Так что я не согласна с В. А. Могильниковым, что «новгородцы с конца XII – XIII в. стали селиться в Югре, организуя подобие торговых факторий» [Могильников, 1987. – С. 215]. Таким контрольно-административным пунктом на соседней территории, занятой вычегдскими пермяками, было городище Пожег, которое будет рассмотрено далее. Ничего подобного собственно на землях Югры для XI–XIV вв. не известно.

Конечно нельзя исключать, что с какими-то группами местного населения контакты проходили мирно, возможно роль сборщика дани брал в этом случае старейшина рода и взамен мог получать от русских дружинников какие-то дары.

В связи со всем вышесказанным обратимся к интереснейшему району бассейна р. Вычегды, граничившему с юго-запада с Югрой. При движении вещей с территории Новгородской земли исключительное значение имел Сухоно-Вычегодский путь. Именно в бассейне Вычегды мы встречаем концентрацию изделий древнерусских типов. Здесь, на реках Лузе и Выми, зафиксированы и изучены памятники двух группировок пермского населения [Савельева, 1972; 1987]. Значительное количество древнерусских находок в составе погребального инвентаря грунтовых захоронений местного населения не случайно. Как полагают исследователи, данная территория стала плацдармом для походов на Югру и Печору. В этом микрорегионе выявлено два городища – Пожегское и Карыййвское, которые

являлись важными торгово-ремесленными центрами русской метрополии [Жеребцов и др., 1996. – С. 29]. Достаточно масштабные раскопки проведены на Пожегском городище. Э. А. Савельева полагает, что оно являлось «станом сборщиков дани» [Савельева, Кленов, 1995. – С. 193]. Городище было основано в конце XII в. При исследовании были выявлены следы трех разновременных оборонительных сооружений, основу которых составляли ров и вал с внутривальными деревянными конструкциями, построенными в традициях укреплений древнерусских городов. Весь облик материальной культуры, начиная от домостроительства, гончарной керамики и кончая ювелирными украшениями и предметами быта, свидетельствует, что в основе был древнерусский памятник [Савельева, 1995. – С. 180–193]. На городище зафиксированы следы различных ремесел: металлургического, кузнечного, ювелирного, косторезного и др. Одна из построек интерпретируется Э. А. Савельевой как жилище мастера-ювелира [Савельева, 1995. – С. 183, 184]. Таким образом, на Пожегском городище производились изделия древнерусских типов, причем при изготовлении железных предметов применялись сложные наварные технологии. Продукция пожегских мастеров распространялась среди местного населения и могла поступать и дальше к обским уграм.

Вообще культура перми вычегодской интересна тем, что в ней значительную долю вещей составляют предметы импорта. По подсчетам Э. А. Савельевой, среди привозных вещей 51,9 % составляли вещи, связанные с территорией Северной Руси, а также 22,4 % в основном роскошных украшений из серебра, декорированных зернью и сканью, поступили из Волжской Булгарии. Кроме того, на материалах могильников прослеживаются связи с поволжскими и прибалтийскими финнами, а также с населением Прикамья [Савельева, 1987. – С. 168–180]. По мнению исследователей, такое изобилие привозных ювелирных украшений не способствовало развитию собственного ювелирного дела у перми вычегодской, в отличие от других финно-угорских народов [Жеребцов и др., 1996. – С. 29].

Следует также отметить, что в вымских могильниках найдено значительное количество серебряных монет, в основном они использовались в качестве подвесок. Это немногочисленные саманидские дирхемы и достаточно представительная коллекция западноевропейских денариев. В одном только Кичилькосьском I могильнике найдено 54 монеты, чеканенные в разных европейских странах (Чехии, Германии, Дании, Голландии и др.) [Савельева, 1987. – С. 153, 154, 167; Жеребцов и др., 1996. – С. 28]. Если смотреть на карту распространения серебряных монет на Русском Севере, то бассейн Вычегды является крайним северо-восточным регионом, где в культуре местного населения фиксируется столь значительное количество западноевропейских монет. На более восточных территориях встречены лишь единичные экземпляры на различных языческих святилищах. Судя по датировке, основной приток западноевропейских монет приходится на середину – вторую половину XI в. Находки монет, а также значительное количество импортных изделий свидетельствуют, что в экономике перми вычегодской важное место занимала торговля, а поступление денариев несомненно шло с территории Северной Руси и, скорее всего, из Новгорода. По мнению Э. А. Савельевой, «по монетам и другим привозным украшениям можно определить два этапа в развитии торговли перми вычегодской. В X–XI вв. преобладают финские связи, ведущие в Прибалтику и Поволжье. На втором этапе (XII–XIV вв.) среди привозных господствуют славянские вещи, притом встречается даже керамика» [Савельева, 1971. – С. 118]. Несомненно, исследовательница права, что на первом этапе освоения Севера из Новгорода шли организованные отряды дружинников, которые вряд ли несли с собой женские украшения. Украшения и керамика свидетельствуют о появлении более-менее постоянного населения. В элементах женского костюма вычегодской перми, помимо украшений, характерных для поволжских финнов и веси, Э. А. Савельева видит аналогии с украшениями западнофинского племени водь, в частности, в пример приводятся многобусинные височные кольца [Савельева, 1971. – С. 179]. В данном случае она ссылается на мнение В. В. Седова. Однако, как показали исследования последних десятилетий, водь занимала небольшую территорию вдоль южного берега Финского залива, ее культура генетически связана с открытыми в последнее время каменными могильниками эпохи римского времени и Великого переселения народов, схожими с памятниками древних эстов [Хвоцинская, 2009. – С. 300–312]. Данный тип женских украшений никакого отношения к культуре воды не имеет. Многобусинные височные кольца появились довольно поздно в древнерусской культуре XIII–XIV вв.

у населения преимущественно Северо-Запада Новгородской земли и отражают ее региональные особенности, с чем сейчас согласны большинство исследователей [Кольчатова, 1984. – С. 170–172, 176; Покровская, 2003. – С. 304, 306]. Кстати, и хронологически они относятся ко второму этапу поступления импортных украшений в район обитания перми вычегодской.

Говоря о Пожегском городище, нельзя не коснуться еще одного важного вопроса – кем оно было основано. Первоначально его исследовательница Э. А. Савельева, анализируя материал памятника, без сомнения отмечала, что это были новгородцы [Савельева, 1995. – С. 193]. Однако в дальнейшем она стала сомневаться, так как на раннем этапе существования городища были зафиксированы полуземлянки, а на позднем – наземные дома. Исходя из укрепившейся в литературе традиционной точки зрения, что для славян южных районов Восточной Европы были характерны полуземлянки, а для северных территорий – наземные дома, она высказала осторожное предположение, что Пожегское городище могло быть основано выходцами из Северо-Восточной Руси – Владимиро-Суздальского княжества [Жеребцов и др., 1996. – С. 32]. Но в последнее время вопрос о характере древнерусского домостроительства стал пересматриваться. Дело в том, что углубленные котлованы ошибочно трактовали как полуземлянки. Реально это были подвальные помещения, а камни от печей при разрушении постройки попадали с первого этажа. Сам сруб был шире и больше котлована [Моргунов, 2003. – С. 125; Коваль, 2007. – С. 58 и сл.; Шполянский, 2008. – С. 56–62; Курбатов, 2017. – С. 229–334]. Подобные дома с подпольями открыты и на Северо-Востоке Руси, и на Северо-Западе, в частности непосредственно под Новгородом на Рюриковом городище и в Перыни [Носов и др., 2017. – С. 120–124]. В самом Новгороде невозможно было устраивать подполья из-за высокой увлажненности почвы. В свою очередь, на Пожегском городище вполне могли быть подполья, а не полуземлянки. Трактровка углубленных в материк построек может быть различной и однозначно не свидетельствует, откуда пришли первые насельники – из Новгородской или Ростово-Суздальской земель.

В то же время, оценивая общий облик материальной культуры памятника, Новгородская вуаль на нем выражена явно сильнее, чем Ростово-Суздальская. Таким образом, рассмотренный нами регион бассейна Вычегды был одной из зон поступления украшений и предметов древнерусского быта на территорию Югры.

В конце I – начале II тыс. н. э. крупным партнером в торговых отношениях с финно-угорским населением Урала являлась Волжская Булгария, которая имела широкие торговые и политические связи со странами Арабского халифата и выступала в качестве основного посредника восточной торговли в Европе. Довольно рано складываются отношения между Булгаром и жителями Северного Урала, в частности, с носителями родановской культуры. В Северном Прикамье известно более 30 кладов с восточной серебряной посудой, датированных VIII–XII вв. [Федорова, 2009. – С. 29]. Н. В. Федорова выделяет четыре хронологических этапа в поступлении импортных серебряных изделий в Нижнее Приобье. Первый связан с иранским серебром VIII–IX вв. и урало-венгерским IX–X вв. [Федорова, 2003. – С. 17]. В настоящее время известно более 20 иранских и среднеазиатских серебряных изделий, которые в основном сосредоточены в верховьях р. Северной Сосьвы и бассейна р. Сыни [Федорова, 2009. – С. 30]. Итак, первые сокровища стали поступать на Северный Урал, когда еще Русь не сформировалась как государство, т. е. между обскими уграми и Булгарией существовали устойчивые контакты, которые, судя по находкам того же восточного серебра и булгарским украшениям в вымской культуре, успешно развивались и в начале II тыс. н. э. Как показывают исследования Биляра и других булгарских поселений, в их материальной культуре зафиксировано довольно много русских изделий. С. И. Валиуллина полагает, что в булгарских городах были русские торговые дворы, «которые служили местом пребывания купцов и хранения товаров» [Валиуллина, 1999. – С. 143]. По материалу Биляра – крупного торгово-ремесленного центра удастся проследить, что некоторые предметы могли производиться здесь по русским образцам как местными мастерами, так и приезжими русскими ремесленниками [Хузин, Валиуллина, 1986. – С. 107]. Эти изделия вместе с булгарскими вещами поступали к населению Верхнего Прикамья. Как пишут А. М. Белавин и В. А. Оборин, «следует различать чисто русский опосредованный трансбулгарский импорт (например, гривны, пряслица, кресты) от изделий, которые производились в Булгарии местными мастерами по славянским образцам

или русскими мастерами, жившими в Булгарии (створчатые браслеты, лировидные пряжки)» [Белавин, Оборин, 1986. – С. 71]. Соответственно, с территории Волжской Булгарии вместе с булгарскими изделиями и восточным серебром вещи древнерусских типов могли распространяться и севернее в Нижнее Приобье. Таким образом, еще одним источником поступления древнерусских украшений и предметов быта в Югру являлась Волжская Булгария, тем более путь по Каме был много короче, чем из Новгорода.

Как мы уже отмечали, у населения Нижнего Приобья существовало свое самобытное бронзолитейное ремесло. Это доказываются находками производственного характера (шлаки, тигли, льячки, брак и т. д.) на городищах и поселениях. В этой связи большой интерес представляет открытие в 1969 г. в Западносибирском Заполярье на берегу р. Таз остатков специализированной ювелирной мастерской [Хлобыстин, Овсянников, 1997. – С. 248–257]. Среди находок встречено значительное количество предметов, представляющих отходы литейного производства, а также различные мелкие украшения, главным образом, местных типов, характерных для угров Нижнего Приобья [Хлобыстин, Овсянников, 1997. – С. 254–255]. К ним относятся разнообразные бляшки: круглые, крестовидные, тройчатки с серповидной серединой; лапчатые подвески, подвеска-рыбка и др. Часть отливок бракованные. Украшения делались из бронзы, серебра и сплава меди с большим содержанием олова. Литье проводилось по оттиску готового изделия. Сложная шумящая подвеска изготавливалась по утраченной модели. Мастера Тазовской мастерской владели техникой скани. Но самое интересное, наряду с местными формами украшений, они тиражировали древнерусские круторогие лунницы [Хлобыстин, Овсянников, 1997. – С. 250; рис. 2 – 25–27]. Найдена одна целая отливка и два фрагментированных обломка. Кроме того, авторы раскопок полагают, что среди изделий Тазовской мастерской имеется подражание дуги кольцевидной фибулы, изготовленной из проволоки, «как бы покрытой мелкими серебряными колечками, соединенными золотым сплавом» [Хлобыстин, Овсянников, 1997. – С. 252]. Мастерская находится на территории самодийцев, культура которых мало чем отличалась от культур нижеобских угров. Несомненно, это была не единственная мастерская, удовлетворяющая потребности жителей северных районов Западной Сибири. И как показывает археологический материал, видимо, украшения древнерусских типов и подражания им, востребованные в местной среде, могли изготавливаться непосредственно на месте. Кстати, лунницы – наиболее часто встречаемое украшение на памятниках обских угров, по данным В. А. Могильникова, помимо Тазовской мастерской, они встречены еще в пяти пунктах [Могильников, 1987. – С. 215]. Кроме того, еще одна лунница была найдена на р. Ляпин, однако точное место находки не известно [Пименов, 2013. – С. 110–111].

Практически во всех работах, касающихся связей Новгорода с Югрой, упоминается серебряная чаша из Березова – изделие византийского производства, подробнейшим образом охарактеризованная В. П. Даркевичем [Даркевич, 1975. – С. 81]. Особая ценность находки заключается в том, что на ее дне снаружи была процарапана на древнерусском языке надпись, в которой упоминаются денежно-весовые единицы. Судя по начертанию отдельных букв, палеографически надпись близка новгородским берестяным грамотам XII в. [Даркевич, 1975. – С. 81]. Это позволяет предполагать, что чаша попала в Зауралье из Новгорода. Рассматривая потоки поступивших высокохудожественных серебряных изделий на территорию Северного Урала, Н. В. Федорова считает, что византийская посуда вместе с западноевропейским серебром относится к третьему хронологическому потоку (вторая половина XII – XIII в.), причем она обращает внимание, что все эти вещи осели компактно в одном регионе севера Западной Сибири [Федорова, 2003. – С. 17]. Это дает основание предположить, что данная группа высокохудожественных предметов прибыла по Северному морскому пути. Каботажное плавание вдоль берегов Белого, Баренцева и Карского морей было более безопасным, чем сухопутные дороги [Федорова, 2003. – С. 15].

С точки зрения археологии трудно объяснить появление некоторых предметов, оторванных тысячами километров от мест их основного распространения и найденных при случайных обстоятельствах. К ним относятся западноевропейский меч XII–XIII вв. на р. Оми [Молодин, 1976. – С. 125–127], скандинавская скорлупообразная фибула типа Р-51 по типологии Я. Петерсена X в. [Кренке,

Макаров, 1995. – С. 207–212] и печать новгородского князя Мстислава Владимировича (период его княжения в Новгороде 1088–1094, 1113–1117 гг.) [Пименов, 2013. – С. 110–111]. Все эти предметы встречены вне археологического контекста. Меч был найден сразу под дерном под березой, княжеская печать – при случайных обстоятельствах на берегах р. Ляпин, где, по словам публикатора, была обнаружена круторогая лунница и еще крестовидная подвеска. Скандинавская фибула вообще не известно откуда происходит и как попала в краеведческий музей г. Салехарда. Любые суждения по поводу этих предметов будут лишь догадками.

В своей статье я не стала рассматривать серию древнерусских находок, происходящих со святилищ древних угров. Это особый пласт памятников, требующий непосредственного знакомства с коллекциями и комплексного археолого-этнографического анализа. Любопытно лишь отметить, что среди различных типов украшений на них встречаются предметы христианского культа – крестики и образки. Почему они оказались среди приношений на языческих капищах и как попали в руки местного населения? Явно не в результате меновой торговли. Может быть, их срывали с убитых врагов, а затем приносили в жертву своим богам, прося оградить племя от бесчинства и грабежа новгородцев.

В своей работе я хотела подчеркнуть, что археологические источники ограничены в своих возможностях. Они позволяют проследить тенденцию движения предметов материальной культуры, но не могут ответить на вопрос о механизме их попадания на ту или иную территорию. Одна летописная фраза дает нам во много больше информации о реально происходивших событиях. И не будь у нас сведений письменных источников, стали бы мы настойчиво искать материальные остатки новгородцев в Югре?

Кроме того, вещи древнерусских типов попадали в культуру обских угров из разных источников: непосредственно с территории Северной Руси или Ростово-Суздальской земли, через вычегодскую пермь, из Волжской Булгарии и Верхнего Прикамья. Какие-то отдельные типы украшений, как показывают материалы Тазовской мастерской, могли изготавливаться прямо на месте.

Малочисленность находок древнерусских типов XI–XIV вв. в низовьях Оби и, прежде всего, отсутствие поселений с гончарной керамикой свидетельствует, что до XV–XVI вв. непосредственно в Югре не было опорных пунктов с постоянным или даже временным русским населением. В данном случае ярким примером служит соседняя территория перми вычегодской, где существовал укрепленный центр, основными обитателями которого были носители древнерусской культуры. Это тут же отразилось на материальной культуре всего микрорегиона. У местных финно-угров в погребальном инвентаре значительный процент составили украшения древнерусских типов и изделия, характерные для финского населения Северной Руси. Сюда же поступали и серебряные западноевропейские монеты, которые явно шли через Новгородскую землю.

Представляется, что до московского периода походы новгородцев и ростово-суздальцев снаряжались по личной инициативе частных лиц: бояр, зажиточных горожан, иногда князей. Отряды грабили как местное угорское население, так и подкарауливали и нападали на другие русские экспедиции, отбирая уже добытые ими ценности, что и отражено в летописях. С XVI в. освоение Сибири стало государственной политикой, здесь рубятся остроги, в которых находятся постоянные вооруженные отряды, а взимание дани ставится на регулярную основу.

Список источников и литературы

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. – Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 87 с.

Белавин А. М., Оборин В. А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII вв. // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). – Казань, 1986. – С. 63–75.

Валиуллина С. И. Международная торговля Биляра по археологическим материалам // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв.: Материалы междунар. симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. – Казань. 1999. – С. 140–150.

- Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе. – М.: Искусство, 1975. – 268 с.
- Жеребцов И. Л., Савельева Э. А., Сметанин А. Ф.* История республики Коми: Науч.-популярные очерки. – Сыктывкар: «Коми кн. изд-во», 1996. – 145 с.
- Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – Т. 2. – М.: Наука, 1967. – 212 с.
- Коваль В. Ю.* Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // Археология Подмосквья: Материалы науч. семинара. – М., 2007. – Вып. 3. – С. 58–70.
- Кольчатов В. А.* Височные кольца Водской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии: Докл. Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. – Л.: Наука, 1984. – С. 163–176.
- Кренке Н. А., Макаров Н. А.* Скандинавская фибула из Салехарда // Российская археология. – 1995. – № 3. – С. 207–212.
- Курбатов А. В.* О реальности славянских полуземлянок // Археологические вести. – СПб., 2017. – Вып. 23. – С. 329–335.
- Макаров Н. А.* Население русского Севера в XI–XIII вв. – М.: Наука, 1990. – 214 с.
- Макаров Н. А.* Русский Север: таинственное средневековье. – М., 1993. – 190 с.
- Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М.: Скрипторий, 1997. – 368 с.
- Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235.
- Молодин В. И.* Находки меча из Западной Сибири (предварительное сообщение) // Изв. СО АН СССР. Сер. общественных наук. – № 11. – Вып. 3. – Новосибирск, 1976. – С. 125–127.
- Моргунюв Ю. Ю.* Сампсониев остров. Пограничная крепость на Посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. – М.: Наука, 2003. – 186 с.
- Морозова В. М.* Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // ВАУ. – Вып. 18. – 1986. – С. 99–107.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 286 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., Л.: АН СССР, 1950. – 571 с.
- Пархимович С. Г.* О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э. // ВАУ. – Вып. 20. – 1991. – С. 145–153.
- Пименов А.* Новые свидетельства раннего русского присутствия в Югре // Домонгол. Альманах древней культуры и искусства. – Вып. 3. – М.; СПб., 2013. – С. 109–112.
- Покровская Л. В.* Финно-угорские украшения в Новгороде XIII века // Русь в XIII веке. Древности темного времени. – М.: Наука, 2003. – С. 304–314.
- Полное собрание русских летописей. – Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 692 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1848. – Т. 4 (четвертый). – IV; V: Новгородская и Псковская летописи. – 360 с.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). – М.: Наука, 1971. – 135 с.
- Рыбина Е. А.* Топонимы Севера в берестяных грамотах // Путь на Север. – Великий Новгород: Арт Волхонка, 2017. – С. 62–69.
- Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. – М.: Наука, 1971. – 223 с.
- Савельева Э. А.* Лузская пермца. – Сыктывкар, 1972. – 25 с.
- Савельева Э. А.* Вымские курганы XI–XIV вв. – Л.: ЛГУ, 1987. – 200 с.
- Соколова З. П.* К истории жилища обских угров // Советская этнография. – № 2. – 1957. – С. 88–105.
- Федорова Н. В.* Художественный металл средневекового Востока на севере Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – № 3. – 2009. – Вып. 2. – С. 29–30.
- Федорова Н. В.* Сокровища Приобья в истории западносибирского средневековья // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья: Каталог выставки. – Салехард; СПб., 2003. – С. 9–18.
- Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. – 1991. – Вып. 20. – С. 126–145.

- Хвощинская Н. В.* Племя водь и его культура в составе Новгородской земли // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. статей к 80-летию акад. В. Л. Янина. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – С. 300–312.
- Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В.* Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири: Сб. статей, посв. памяти Валерия Николаевича Чернецова. – М.: Наука, 1973. – С. 248–257.
- Хузин Ф. Ш., Валиуллина С. И.* Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). – Казань, 1986. – С. 97–115.
- Чеснокова Н. Н.* Древнерусский (новгородский?) цилемско-печорский путь в Зауралье по историческим и археологическим источникам // Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посв. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. – Новгород, 1994. – С. 167–174.
- Шполянский С. В.* Конструкции подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. – М., 2008. – Вып. 2. – С. 56–62.
- Янин В. Л.* Загадочные цилиндры // Путь на Север. – Великий Новгород: Арт Волхонка, 2017. – С. 76–85.

И. В. Хохлов¹

¹ Новгородский историко-архитектурный объединенный музей-заповедник
Кремль, к. 11, г. Великий Новгород, 173007, Россия
E-mail: ivh1980@mail.ru

**Выставка «Путь на Север: истоки»
(в рамках проекта «Освоение Севера. Тысяча лет успеха») в Новгородском музее-заповеднике. Структура, концепция, предметный ряд**

Аннотация. Статья посвящена выставке «Путь на Север: истоки», организованной в рамках проекта «Освоение Севера. Тысяча лет успеха» в 2017 г. в Новгородском музее-заповеднике при поддержке компании «Норильский Никель». В статье приводится концепция выставки, рассказывается о тематике и предметном ряде ее разделов.

Ключевые слова: Великий Новгород, Новгородская земля, Новгородский музей-заповедник, освоение Севера, выставка.

В 2017 г. выставкой «Путь на Север: истоки» открылся инициированный компанией «Норильский Никель» межмузейный проект «Освоение Севера. Тысяча лет успеха». Первая в рамках проекта выставка была организована в Великом Новгороде не случайно, ведь именно Новгород стал отправной точкой освоения русского Севера, а средневековые новгородцы – его первооткрывателями.

В качестве разработчиков концепции и кураторов выставки выступили заведующий отделом хранения и изучения археологических коллекций Новгородского музея-заповедника А. В. Андриенко и автор данной публикации. С учетом особенностей и состава археологических коллекций Новгородского музея-заповедника в процессе разработки структуры выставки было принято решение о создании трех разделов с условными названиями «Освоение северных земель», «Походный быт покорителей Севера» и «Преодоление пространства». В общей сложности на выставке было представлено 165 предметов из фонда археологии Новгородского музея-заповедника, датируемых X–XV вв. Издательством «Арт Волхонка» выпущен каталог выставки.

В первом разделе выставки были представлены археологические находки, свидетельствующие об освоении новгородцами в Средние века северных территорий.

Освоение богатой природными ресурсами северной части Восточно-Европейской равнины было начато новгородцами не позднее XI в. Историк Виктор Бернадский писал: «Новгород в века феодальной раздробленности выдвинулся как руководитель народного движения на северо-восток. Еще во времена Гюргы (конец XI в.) молодцы новгородские порою добирались до Югры. Следом за этими «разведчиками» направлялись на северо-восток ватаги звероловов и рыболовов, а за ними шли, закрепляя навеки за русским народом Подвинье и Поморье, новгородские земледельцы» [Бернадский, 1961. – С. 15].

Одними из наиболее важных свидетельств освоения северных земель новгородцами в Средние века являются берестяные грамоты, рассказывающие порой о драматичных событиях, разворачивавшихся на отдаленных окраинах Новгородской земли. Благодаря исследованиям академика В. Л. Янина и других ученых из грамот мы узнали и некоторые подробности судеб участников этих событий. Интересным свидетельством развернувшейся за богатые ресурсы северных территорий борьбы является берестяная грамота № 724, найденная на Михаило-Архангельском раскопе и датируемая 1161–1167 гг. В ней

предводитель сборщиков дани Савва сообщает о том, что присланный посадником Захарией человек велел не давать ему «ни единого песца», и в итоге дань была отдана присланным Великим князем Андреем Боголюбским людям [Янин, Зализняк, 2000. – С. 22–25]. Описанные в грамоте драматичные события являются свидетельством огромной важности этих богатых ценными товарами земель для новгородцев.

В 1984 г. на Троицком раскопе в напластованиях XIV в. была найдена берестяная грамота № 622, автор которой Матфей упрекает Марка и Савву в недостаточной заботе о его имуществе: «Да я дивлюсь [т. е. недоволен], [почему] мне вести от вас нет. Так-то в. о моем имуществе печетесь? <...> Плохо ли вам или хорошо, а о моем имуществе [и ?] о Яковлевом заботиться надлежит вам – по моему большому наказу. Неужели чужим людям о нем заботиться, [раз] в. так поступаете? Бойтесь Бога, [слово] блюдите». Имуществом, о котором переживает Матфей, было «непрямое серебро» – т. е., как считает В. Л. Янин, вырученные за продажу тюленьих (нерпичьих) шкур деньги [Янин, Зализняк, 1993. – С. 25–27]. Некий Савва упомянут и в найденной на том же раскопе грамоте № 589, датируемой 1340–1360 гг.: «От Жилы к Саве... Даи... полтину...». Историкам известен и связанный с северными землями новгородец Жила, упомянутый в жалованной грамоте Великого князя Ивана Даниловича Калиты в качестве предводителя ватаги «соколников печерских, хто ходит на Печеру» [Янин, Зализняк, 1986. – С. 49–50].

Частое упоминание в найденных на Троицком раскопе грамотах новгородцев, так или иначе связанных с северными землями, по-видимому, не случайно. Каменная Троицкая церковь, благодаря соседству с которой получил название и раскоп, была, согласно летописному сообщению, построена в 1365 г. «югорцами», т. е. новгородцами, имевшими связи с одной из самых удаленных северных окраин Новгородской земли – Югрой.

«Северные» сюжеты можно найти и в других берестяных грамотах. Датируемая 1320–1340 гг. грамота № 417 повествует о доставке в Новгород серебра из Заволочья [Арициховский, Янин, 1978. – С. 22–24], а в относящейся к тому же времени грамоте № 324 упомянут расположенный в устье Северной Двины Княжостров [Арициховский, 1963. – С. 13–14]. Заволочье упоминается в грамотах № 685 (речь в ней идет о приготовлениях к поездке туда) [Янин, Зализняк, 1993. – С. 69–70] и № 739 (с предписанием волочанам выплатить дань) [Янин, Зализняк, 2000. – С. 37; см. также: Макаров, 2003. – С. 149–163].

Еще одним археологическим свидетельством освоения новгородцами северных земель являются деревянные пломбы для опечатывания мешков с собранной в виде дани пушниной или иными ценностями. Впервые небольшой деревянный цилиндр с двумя взаимно перпендикулярными каналами был обнаружен в 1951 г. на Неревском раскопе [Арициховский, Тихомиров, 1953. – С. 44–45]. В последующие годы найдены еще несколько подобных предметов, однако долгое время их назначение оставалось невыясненным. На многих цилиндрах вырезаны надписи и символы – княжеские знаки, изображения мечей. Тщательное изучение данной категории предметов В. Л. Яниным позволило ему сделать вывод о назначении цилиндров, а изготовленная В. И. Поветкиным модель – окончательно выяснить способ их использования: «Концы веревки, продернутой через холстину мешка, завязывались узлом, туго стягивая горловину мешка. Свободные концы веревки вводились после этого с двух сторон навстречу друг другу в продольный канал цилиндра и уже вместе выпускались наружу через поперечный канал. Затем эти концы связывались еще одним узлом, который убирался внутрь цилиндра, оставаясь на линии поперечного канала (выходящие наружу концы веревки позволяют фиксировать его в нужном положении). Последняя операция – введение в поперечный канал деревянной пробки и расклинивание ее. Концы веревки могут быть обмотаны вокруг цилиндра. Закрытый таким образом мешок можно открыть только тремя способами – или разрезав веревку, или расколов цилиндр, или же распоров сам мешок. Иными словами, цилиндр надежно гарантирует сохранность и неприкосновенность узла» [Янин, 2001. – С. 46].

Надписи на некоторых пломбах говорят о том, что уже к рубежу XI–XII столетий новгородцами были освоены весьма отдаленные территории. На датированных этим временем цилиндрах упоминаются расположенные в нескольких сотнях километров от Новгорода пункты: Тихменьга, Вага, Усть-Вага, Пинега. Так, на одной из пломб вырезана надпись: «Мешок мечника. В Тихм(...)ге три с половиной (подразумевается: гривны)». Упомянутый в тексте мечник был сборщиком причитающихся князю поступлений, а при помощи цилиндра был промаркирован завязанный мешок с предназначавшейся ему долей доходов. Известны аналогичные деревянные пломбы с надписью «КНЯЖ(Е)»

или изображением княжеского знака, в которых хранилась причитавшаяся князю доля дани [Янин, 2001. – С. 93, 95, 97, 100].

Упомянутый в надписи топоним Тихм(...)га может быть соотнесен с группой поселений в низовьях р. Тихманьги (Тихменки), впадающей с запада в озеро Лача (территория современного Каргопольского района Архангельской области). В результате археологических исследований на этой территории обнаружены остатки поселений и могильников X–XIII вв. [Макаров, 2003. – С. 155–158]. Еще один географический пункт на Севере упомянут в надписи на другой деревянной пломбе: «Устье Ваги. Мешок мечника – 3 гривны». Усть-Вага – небольшая группа поселений, расположенных на берегу реки Ваги, недалеко от ее впадения в Северную Двину [Макаров, 2003. – С. 151–154]. В древности там располагался погост, упомянутый в Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятинах 1137 г.

По всей вероятности, содержимым опечатывавшихся подобными пломбами мешков чаще всего была пушнина. Поиск новых богатых пушным зверем земель был одним из главных факторов, побуждавших новгородцев осваивать Север. Мощный импульс этому процессу дало развитие торговли Новгорода с европейскими странами и, как следствие, повышение спроса на меха и другие поставлявшиеся с Севера товары. Уже в скандинавских сагах содержатся сведения о поездках купцов в Новгород за высококачественной пушшиной [Рыбина, 2001. – С. 97]. Истощение пушных ресурсов на ранее освоенных новгородцами территориях побуждало их искать новые промысловые угодья. Еще одним фактором стала возросшая в связи с переходом новгородского ремесла от работы на заказ к работе на рынок потребность в импортном ремесленном сырье, которое новгородцы могли получить в обмен на меха [Янин, 1998. – С. 223–225].

Подавляющее большинство поступающей в Средние века в Европу пушнины имело русское происхождение, при этом главным ее поставщиком на западный рынок был Новгород. Для новгородцев пушнина наряду с воском была главным экспортным товаром, в обмен на который они получали необходимые им товары иностранного производства: сукна, металлы, соль и другие [Хорошкевич, 1963. – С. 121]. Экспорт пушнины являлся одной из главных статей торговли Новгорода с ганзейскими и ливонскими городами и не прекращался полностью даже в периоды разрыва дипломатических отношений с Ливонским орденом. Среди поставлявшихся в Европу сортов пушнины преобладала белка, в меньших количествах вывозились более дорогие меха: куница, горноста́й, соболь [Хорошкевич, 1963. – С. 120]. Названия пушных зверей неоднократно встречаются в берестяных грамотах XII–XV вв.: в них упомянуты белка, бобр, куница, песец, заяц, лисица, выдра, соболь, россомаха, нерпа [Рыбина, 2003. – С. 202–204].

В Новгород пушнина попадала отчасти в виде дани с северных народов, для сбора которой в волости Пермь, Печору, Югру и Тре регулярно отправлялись военные отряды. Вероятно, еще более важным источником поступления мехов в Новгород был оброк пушшиной, взимаемый новгородскими феодалами с зависимых от них крестьян [Хорошкевич, 1963. – С. 72]. Упоминания пушных зверей в берестяных грамотах также связаны преимущественно со сбором дани и податей с подвластных Новгороду северных земель или с боярских владений [Рыбина, 2015. – С. 230]. Уже к XII в. для организации сбора податей в Заволочье была создана достаточно разветвленная сеть погостов. Уставная грамота князя Святослава Ольговича 1137 г., определявшая порядок назначения церковной десятины, свидетельствует о распространении системы погостов на значительные территории на Ваге, Северной Двине и Пинеге [Насонов, 1951. – С. 116]. Постоянные поселения и погосты новгородцев существовали в XI–XIII вв. в Обонежье и Заонежье, на Водлозере, в Поонежье (вплоть до Белого моря), на Ваге, в нижнем и среднем течении Северной Двины, на Пинеге, в верхнем и среднем течении Сухоны. По всей видимости, различные районы Севера были закреплены за разными боярскими кланами Новгорода: в ведении неревского боярства находилась Карелия и Заонежье, в ведении Людина конца – Югорская земля, в ведении Прусской уличы – Заволочье и Задвинье.

Важная роль пушного промысла в жизни русского населения северных земель подтверждается и археологическими материалами. Так, кости бобра составляют от 40 до 50 процентов обнаруженных в ходе исследования поселений на Шексне и Кубенском озере костных материалов [Макаров, 2001. – С. 40]. О широком распространении пушного промысла в Новгородской земле свидетельствуют обнаружен-

ные в Новгороде и на археологических памятниках русского Севера томары – тупоконечные стрелы, использовавшиеся для охоты на пушного зверя [Подробнее см.: Гайдуков, Макаров, 1993. – С. 179–188]. Это могли быть цельнодеревянные стрелы с расширенным концом либо стрелы с костяными наконечниками цилиндрической или усеченно-конической формы. В Новгороде костяные наконечники томаров были обнаружены в ходе археологических исследований практически на всех раскопах: Неревском, Троицком, Дмитриевском, Дубошине, Людогощем, Ильинском, Рогатицком, Нутном, Тихвинском, Лубяницком, Михайловском, Федоровском, Кировском.

Тупые охотничьи стрелы известны на севере Евразии с мезолитического времени. К концу XIX в. они все еще использовались некоторыми коренными народами Евразии: ханты, манси, ненцами, якутами, эвенками, чукчами. Их использовали для охоты на белку, соболя, куницу, горноста́я, боровую птицу, а также для сшибания с дерева подстреленной дичи. В отличие от стрел с железными наконечниками, тупая стрела не портила ценной шкурки пушного зверька. Наконечники томаров, использовавшихся народами летописной Югры (ненцами, ханты и манси), имеют весьма схожую с найденными в Новгороде форму и характер орнаментации. По крайней мере до XVII в. лук и стрелы использовались в пушной охоте в Сибири и русскими. Стрелы с составными наконечниками из кости наряду с огнестрельным оружием имели русские арктические мореплаватели, поселения которых исследованы на восточном побережье Таймырского полуострова, на острове Фаддея и на восточном побережье залива Симса. Роговые наконечники XVI–XVII вв. были обнаружены в Мангазее. В отдаленных регионах охотничьи лук и стрелы использовались русскими вплоть до начала XX в. [Смирнова, 1994. – С. 143–155].

Найденные в Новгороде деревянные охотничьи стрелы-томары изготавливались из длинного круглого в сечении стержня диаметром от 0,8 до 1,2 см. Один конец стрелы завершался ушком для тетивы лука, другой, ударный конец – утолщением. Наиболее распространены были различные варианты биконического завершения. Встречаются также тупоконечные стрелы.

Археологические находки костяных наконечников охотничьих стрел известны на всей территории Древней Руси. Самые ранние из них датируются IX–X вв., однако значительная их часть относится к более позднему времени – XII–XIII вв. Наконечники имеют цилиндрическую или усеченно-коническую форму (иногда с вогнутыми боками), с продольным сквозным отверстием. Длина их колеблется от 2 до 4,5 см, диаметр – от 1,5 до 3 см. Материалом для изготовления наконечников чаще всего служил рог [Гайдуков, Макаров, 1993. – С. 179]. Многие наконечники орнаментированы, на некоторых процарапаны стилизованные изображения стрел и птиц.

В августе 1990 г. на Троицком X раскопе в напластованиях XIII в. был обнаружен целый охотничий лук, ставший первым и пока единственным найденным на территории Древней Руси образцом простого рефлексирующего (т. е. предварительно напряженного благодаря небольшой изогнутости рогов лука в противоположную, чем при надетой тетиве, сторону) лука. Он изготовлен из цельного куска молодого дуба и имеет длину около 85 см. По внешнему облику этот лук является уменьшенной копией боевого сложносоставного лука [Артемьев, Гайдуков, 1992. – С. 218].

Помимо пушнины, с севера и северо-востока в Новгород поступало немалое количество других товаров. Одним из самых ценных был «рыбий зуб» – клык моржа. Этот материал, известный новгородцам уже на рубеже X–XI вв., был, несомненно, самым редким и дорогим для новгородских косторезов видом сырья. По своим качествам моржовый клык не уступает бивням слона и мамонта, а по текстуре напоминает мрамор, изделия из этого материала хорошо поддаются полировке. Кроме клыка в косторезном ремесле использовались также зубы и кость моржа [Смирнова, 1996. – С. 70–71].

Моржи в Средние века добывались охотой в Северном море около Мезеня, у острова Вайгач, у Новой Земли, Мурманского берега, у Шпицбергена (Груманта), у устья Печоры. В XII–XIII вв. там уже имелись крупные вотчинные владения новгородской знати. До конца XV в. основной продукт беломорского моржового промысла поступал на новгородский рынок.

Неудивительно, что в ходе археологических исследований в Новгороде собрана самая многочисленная в Европе коллекция средневековых изделий из моржового клыка и кости. Среди них – гребни, рукояти ножей, наверхия плетей, пуговицы, копоушки, бусы, игральные кости и фишки, печати и даже вертлюги. Коллекция же бытовых предметов из этого материала свидетельствует о достаточно массовом

их изготовлении и использовании. Кроме того, из всех древнерусских городов только в Новгороде археологами были обнаружены отходы производства из моржового клыка в виде опиленных клыков, а также испорченные в процессе изготовления предметы из этого материала (в том числе распиленный на две части череп моржа со следами обработки) [Смирнова, 1999. – С. 132–133]. Обнаруженный на Троицком раскопе в напластованиях первой половины XII в. камень с процарапанным изображением моржей свидетельствует о том, что средневековым новгородцам был известен облик этих животных.

С Севера доставлялись и ценившиеся как в самом Новгороде, так и в Европе и Орде ловчие птицы. Обширные «соколы и кречаты седбища» располагались в Двинской земле и на берегах Печоры, куда за добычей отправлялись специальные ватаги. Грамота Великого князя Андрея Александровича предписывала на рубеже XIII–XIV вв. посадникам, казначеям и старостам Двинских земель на основании договора князя с Новгородом предоставлять возвращавшимся с птицами с моря княжеским ватажникам продовольствие и подводы [Грамоты Великого Новгорода, 1949. – С. 141–142; Федоров, Матехина, Осипов, 2011. – С. 200]. Перечень «соколников печерских, хто ходит на Печеру» приведен в жалованной грамоте Великого князя Ивана Даниловича Калиты.

Иностранные купцы охотно вывозили ловчих птиц из Новгорода, несмотря на трудности их транспортировки. Например, в 1402 г. соколов в Новгороде купил ломбардский купец, сумевший, несмотря на строгий запрет Ганзы пускать туда купцов-неганзейцев, попасть в город [Хорошкевич, 1963. – С. 158–159]. Некоторые виды ловчих птиц добывались только на продажу или в качестве подарков в Орду (например, гнездившийся в Новгородской земле и на Югорском севере орел-беркут) [Федоров, Матехина, Осипов, 2011. – С. 202]. Сведения о доставке ловчих птиц с берегов северных морей и дальнейшей их продаже содержатся в сочинении Марко Поло. Рассказывая о Руси, он сообщает: «Страна большая, до самого моря-океана; и на этом море у них несколько островов, где водятся кречеты и соколы-пилигримы, все это вывозится по разным странам света» [Джованни дель Плано Карпини, 1997. – С. 371].

Найденные во время археологических исследований в Новгороде предметы снаряжения для соколиной охоты свидетельствуют о ее популярности и среди новгородской знати. На выставке представлены кожаные кlobушки, надевавшиеся на голову птице во время ее приручения, при транспортировке и во время охоты с целью заставить ее до нужного момента не реагировать на пролетающих птиц и другие живые объекты, вертлюги (приспособления, предназначенные для предотвращения скручивания пут и травмирования лап птицы), ремешок-путца с костью правой лапы самца ястреба-тетеревятника из слоев первой половины XIV в. Многие обнаруженные в Новгороде предметы снаряжения ловчих птиц имеют близкие аналогии в Средней Азии и Казахстане. Это позволяет исследователям сделать вывод о том, что русская соколиная охота находилась под сильным восточным влиянием [Федоров, 2011. – С. 73].

Еще одним товаром, ввозившимся с Севера, была соль. В Уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г. зафиксировано первое упоминание о выварке соли на Белом море: «...А на мори от чрена и от салги по пузу» (имеется в виду мера, взимаемая с каждой емкости для выварки соли – «чрена» или «салги») [Хорошкевич, 1963. – С. 216]. В «новгородское» время началась добыча соли и в Неноксе под нынешним Архангельском, однако широких масштабов она достигла в начале XVI в. [Хорошкевич, 1963. – С. 218].

Летописные сведения и берестяные грамоты свидетельствуют о доставке в Новгород с северных территорий серебра. Его новгородцы могли получать в северо-восточном Приуралье в виде военной добычи или дани от живших там племен. В рассказе Новгородской летописи о неудачном походе новгородцев на Югру в 1193 г. сообщается о сборе местным населением дани для новгородцев: «копим сребро и соболи и ина узорочья». Вероятно, речь идет о сасанидских блюдах и других серебряных предметах восточного происхождения. О том, что в Новгороде имелось доставленное с Севера серебро, сообщает другая летописная запись: в 1322 г. Иван Калита «възверже гнев на Новъград, прося у них серебро закамское». К первой четверти того же столетия относится и берестяная грамота № 417, в которой говорится о прибытии новгородцев с серебром из Заволочья [Арициховский, Янин, 1978. – С. 22–24].

Однако присутствие новгородцев на северных землях не ограничивалось их участием в военных походах и промысловых экспедициях. Покорение северных просторов сопровождалось созданием

поселений и отчасти земледельческим освоением обладавших значительными сельскохозяйственными ресурсами новых территорий. В ходе археологических исследований на селищах у Белого и Кубенского озер были обнаружены зерна ячменя, ржи, пшеницы и овса, а также следы древней пахоты [Макаров, 2001. – С. 41]. Гнезда поселений возникали в местах, позволявших контролировать водные пути и обеспечивать стабильное сообщение с самыми отдаленными уголками осваиваемого новгородцами Севера – побережьем Белого моря и Северным Приуральем. Кроме того, образовавшаяся в XI–XIII столетиях на Севере сеть поселений позволяла наладить на этих огромных пространствах пушной промысел [Макаров, 1997. – С. 162–163].

Второй раздел выставки был посвящен походному быту средневековых новгородцев. В нем демонстрировались предметы вооружения и воинского снаряжения, а также предметы, которые могли сопровождать новгородцев в их северных походах. Как любым первооткрывателям, новгородцам в ходе освоения северных далеких земель приходилось совершать дальние походы, нередко носившие характер военных экспедиций. Облагая население северных территорий данью, новгородцы неоднократно сталкивались с серьезным сопротивлением. Вооруженные столкновения происходили у новгородцев и с конкурировавшими в освоении новых земель соседями – суздальцами (позднее москвичами) в Заволочье, норвежцами на Кольском полуострове.

Подробности некоторых походов новгородцев в отдаленные окраины Севера известны из летописных сообщений. При этом внимание летописцев привлекали в первую очередь окончившиеся неудачей экспедиции – вероятно, как из ряда вон выходящие события. Одной из волостей, куда новгородцы регулярно отправляли военные отряды для сбора дани, была заселенная предками хантов и манси Югра – Северный Урал. Уже под 1096 г. в летописи сообщается о поездке в Югру посланного новгородцем Гюрятой Роговичем для сбора дани на Печоре «отрока». В то время контакты новгородцев с населением Югры ограничивались, по всей видимости, меновой торговлей, однако уже в следующем столетии тамошние племена были обложены данью.

Один из наиболее драматичных военных походов новгородцев на Югру состоялся в 1193 г. Рать под руководством воеводы Ядрея сумела захватить один югорский «городок» и осадила другой. Осада длилась пять недель, пока осажденные не применили хитрость. Собирая подкрепления и стремясь выиграть время, они отправили к новгородцам парламентариев с просьбой «не губить» их и дать возможность собрать откуп. Заманив затем воеводу с двенадцатью «вячими» новгородцами в городок, они иссекли их, проделав затем то же самое со следующими тридцатью новгородцами, а потом – еще с пятьюдесятью. И без того тяжелую ситуацию усугубил изменник Савка, посоветовавший югорскому князю убить Яковца Прокшинича: «аще, княже, не убиешь еще Яковца Прокшинича, а живого пустиши в Новъгород, то тому ти, княже, опять привести вои семо, и землю твою пусту сътворит». Перед смертью Яковец успел сказать Савке: «Брате, судит ти Бог и святая Софея, аще еси подумал на кровь братии своеи; и станеша с нами пред Богом и отвечаеши за кровь нашу». Остатки новгородского отряда, изнемогавшие к тому времени от голода и понесшие большие потери во время вылазки югорских воинов, отправились в Новгород, расправившись по пути с тремя своими товарищами.

На протяжении следующих столетий Югра являлась новгородской волостью, однако сбор дани там по-прежнему был сопряжен с опасностью вооруженных столкновений. Туда по-прежнему отправлялись крупные военные отряды. Один из последних крупных походов на Югру новгородцы предприняли в 1445 г. За данью отправился отряд из трех тысяч человек во главе с воеводами Василием Шенкурским и Михаилом Яковлевичем, однако отряд Василия был разбит югрой, а сам воевода с остатками своих людей был вынужден бежать и скрываться в лесах. Лишь подоспевший отряд Михаила помог спастись и вернуться домой остаткам новгородской рати. Несмотря на это, Югра продолжала платить новгородцам дань со своих «станов, островов и урочищ».

В ходе освоения северных земель новгородцам пришлось столкнуться не только с вооруженным сопротивлением местного населения, но и вести долгую и непростую борьбу с конкурентами. Главным их соперником в освоении Заволочья (Двинской земли) с XII в. были суздальские князья, в борьбе с которыми новгородцы сумели сохранить свой приоритет в освоении этих земель. Споры

из-за северных территорий нередко становились причиной крупных вооруженных конфликтов. Так, столкновение в 1169 г. новгородского данщика Даньслава Лазутиничича с крупным отрядом, посланным в Заволочье Андреем Боголюбским, стало одной из главных причин состоявшейся зимой следующего года знаменитой осады Новгорода войсками союзных Великому князю земель. Одержав в сражении с отрядом Андрея Боголюбского победу, Даньслав Лазутинич собрал дань не только с новгородских смердов, но и с суздальских. Поход на Новгород должен был стать возмездием за действия новгородских сборщиков дани в Заволочье.

Особенно обострилась борьба за северные земли в XIV в., когда возвращавшиеся с данью из Югры новгородские отряды неоднократно подвергались нападениям устюжан. В 1397 г. жители Двинской земли, поддавшись уговорам и обещаниям Великого князя Василия Дмитриевича, «отложились» от Новгорода. Во время состоявшегося в следующем году похода новгородская рать razорила Кубенскую волость, города Устюг, Галич и после месячной осады захватила и разрушила главный укрепленный пункт Двинской земли – Орлец. В последующей борьбе с Москвой Новгород утратил ряд своих северных владений, а в конце XV столетия и сама Новгородская земля вошла в состав единого Русского государства.

Новгородцам пришлось вести долгую борьбу за северные земли и с западными соседями – норвежцами. Русские и скандинавские источники не раз упоминают вооруженные столкновения норвежцев с новгородцами и союзными им карелами. В соответствии с заключенным в 1251 г. договором новгородцы наряду с норвежцами получили право собирать дань с лопарей в Финмарке. Особенно острая борьба развернулась в 20-е годы XIV в., когда новгородцы и карелы совершали разорительные набеги на северные области Норвегии – Финмарк и Халогаланд. В 1320 г. «Лука ходи на Мурмань и немци избиша ушкуи Игната Малыгина». В 1323 г. был захвачен и сожжен принадлежавший правителю Норвегии замок Бьаркей в провинции Халогаланд. И хотя в 1326 г. был заключен мирный договор, по которому Новгород признал Финмарк норвежским, еще долгое время русские данщики сохраняли право собирать там дань.

После заключения мира взаимные набеги не прекратились. В 1349 г. «ходиша новгородци и двиняне на Мурмань», в 1411 г. «ходиша из Заволочья войною на мурмане новгородчкым повелением, а воевода Яков Степанович, посадник двиньский, и повоеваша их». Норвежцы отвечали тем же – в 1419 г. «пришедше мурмань войною 500 человек с моря в бусах и шнявах», грабили и убивали «христиан и чернецов» в Варзуге, Неноксе, на Андреяновском берегу, Кечь-острове, Княж-острове, razорили Цыглемино, Хечемино, монастырь Архистратига Михаила и еще три церкви. В 1445 г. совершает набег еще один отряд норвежцев: «Того же лета приидоша Свея Мурмане безвестно за Волоч на Двину ратью, на Неноксу». Однако понесла большие потери и потеряв убитыми трех воевод, норвежцы вынуждены были спастись бегством. В Новгород были отправлены сорок пленных.

Отголоски пограничных конфликтов на Севере содержатся и в берестяных грамотах. Так, в относящейся к 1380–1400 гг. грамоте № 248 жители двух карельских погостов жалуются Новгороду на грабеж, произведенный жителями «немецкой» (т. е. шведской) стороны Карелии. Вероятно, речь идет о событиях 1396 г., когда, согласно летописному сообщению, «немцы» пришли в Карельскую землю, «повоеваша два погоста» и «церковь сожгоша». Близка по содержанию и датированная тем же временем грамота № 249: вновь жители принадлежавшей Швеции провинции Саволакс («савилакшане») грабили карел и даже убили одного из них. Среди участников грабежей упомянут «Новзе-лопинь», то есть лопарь (саам). Хотя большая часть представителей этого народа проживала намного севернее, отдельные их поселения заходили далеко на юг [Арциховский, Борковский, 1963. – С. 72–76].

Любое освоение новых земель – это прежде всего преодоление пространства. Третий раздел выставки был посвящен транспортным средствам, а также приспособлениям для перемещения по снегу и льду. Здесь были представлены детали и элементы судов и саней, фрагменты лыж и ледоходные шипы.

Главными транспортными артериями русского средневековья были водоемы, поэтому основным транспортным средством, использовавшимся новгородцами при освоении богатых водоемами северных земель, были речные суда. Это могли быть как небольшие лодки, использовавшиеся для перемещения по небольшим рекам с узким руслом, так и достаточно крупные суда, упомянутые в пись-

менных источниках. В летописном рассказе о военных действиях в Заволочье в 1397 г. упоминаются использовавшиеся новгородцами соймы – в XIX в. длина подобных судов составляла около 15 м.

В ходе археологических исследований в Новгороде было обнаружено большое количество остатков лодок и, вероятно, деталей более крупных судов: многочисленные лодочные шпангоуты (поперечные изогнутые брусья, служившие основой для обшивки лодки), весла и уключины для них, лодочные скамьи [Подробнее см.: Дубровин, 2000].

Преимущество в использовании в плаваниях по северным рекам судов небольших размеров заключалось в большем удобстве их транспортировки при преодолении волоков – сухопутных участков пути через речные водоразделы. В более поздних письменных источниках и данных этнографии говорится о перевозке лодок на телегах или волокушах. Исследователи также предполагают использование для их переволакивания специальных подбитых под днище полозов, а шведский архиепископ, писатель и картограф XVI в. Олаус Магнус писал, что русские купцы «изредка ... переносили ладьи на плечах через полосы земли, отделяющие водные потоки один от другого».

Однако необходимость в обеспечении более безопасного, быстрого и менее трудозатратного преодоления сухопутных участков пути привела к возникновению в XI–XIII вв. в районах расположения важнейших волоков на пути на Север древнерусских поселений. Их жители занимались обеспечением функционирования волоковых участков пути: расчищали и поддерживали в надлежащем состоянии дороги, содержали необходимых для транспортировки судов и грузов лошадей [Макаров, 1997. – С. 101–104]. В XI–XIII вв. на водоразделах крупных рек существовало несколько важных волоковых переходов, которые и являлись для новгородцев воротами на Север. Важнейшие пути пролегали по Шексне, Белому озеру, озеру Лача, Кубенскому озеру, Сухоне, Северной Двине, Ваге и Вычегде.

Во многом благодаря использованию водных путей новгородские отряды уже в XI в. достигали весьма отдаленных северных окраин. К этому столетию относятся первые сведения о посещении ими Югры. Уже в Средние века новгородцы проникли в Западную Сибирь – в 1364 г. отряд, которым командовали воеводы Александр Абакумович и Степан Ляпа, достиг Оби. Разделившись на две партии, новгородцы направились в противоположные стороны: одни пошли вверх по реке, другие вниз, «воеваша по Обе реки и до моря».

С деятельностью новгородцев связано начало освоения побережья арктических морей и зарождение русского арктического мореплавания. В договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1264 г. среди новгородских волостей фигурирует Тре. «Терским берегом» или «Тре» в древней Руси называли восточную часть Кольского полуострова. Косвенные данные свидетельствуют о проникновении туда новгородцев не позднее начала XIII в.: в числе погибших в Липицкой битве 1216 г. новгородских воинов упомянут Семьон Петрилович – «терский данник», т. е. сборщик дани с населения Терского берега. Таким образом, уже вскоре после начала северных походов новгородцы достигли и начали освоение крайних точек севера и северо-востока Восточно-Европейской равнины.

При передвижении по вновь освоенным северным землям, значительную часть времени в году покрытым снегом и льдом, новгородцы, несомненно, использовали сани, лыжи и ледоходные шипы.

Сани являлись одним из самых популярных видов транспорта в Древней Руси, что подтверждается и археологическими данными – в ходе археологических исследований в Новгороде было обнаружено несколько сот частей и деталей саней и лишь несколько деталей телег. Сани использовались в качестве грузового и пассажирского транспорта, причем не только зимой, но и летом. Среди найденных в Новгороде деталей много санных полозьев и их фрагментов, копыльев (коротких брусков, вставлявшихся в полозья и служащих опорой для кузова), грядок (деревянных жердей, к которым крепился кузов).

Лыжи в Древней Руси широко использовались как охотниками, так и воинами. Архангелогородская летопись под 1499 г. рассказывает о посланной в Югру лыжной рати из «устюжан да вычегдан, вымич, сысолян, двинян, пинежан...» [Васильев, 2001. – С. 56], ходившей «на лыжах пеши всю зиму». В Средние века на Руси использовались скользящие лыжи двух типов – беговые (скоростные) и промысловые. Ступательная площадка беговых лыж была поднята над верхней плоскостью лыжи, в ней находился паз для креплений, вдоль нижней плоскости шел продольный направляющий желобок. У лыж второго

типа ступательная площадка была сдвинута вперед до середины лыжной пластины, располагалась непосредственно на ее верхней плоскости и была ограничена с боков небольшими овальными бортиками-возвышениями. Отверстия для подвязки креплений находились в толще пластины, желобков на нижней поверхности не было. Такие лыжи были более тихходными. Найденные в Новгороде лыжи обоих типов являются в настоящий момент первыми, русское происхождение которых не вызывает у исследователей никаких сомнений [Овсянников, 1971. – С. 35–40].

Еще одним приспособлением, облегчавшим новгородцам перемещение по обледенелым просторам Севера, были железные ледоходные шипы. Прикрепленный к обуви шип улучшал сцепление ноги с поверхностью земли. Не исключено, что подобные приспособления могли использоваться не только зимой, но и летом [Петров, 2006. – С. 171–178]. Использовались также конские подковки аналогичного назначения.

Список источников и литературы

- Артемов А. Р., Гайдуков П. Г. Лук XIII в. из Новгорода // Российская археология. – 1992. – № 3. – С. 218–220.
- Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). – М.: АН СССР, 1963. – 119 с.
- Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). – М.: АН СССР, 1963. – 243 с.
- Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). – М.: АН СССР, 1953. – 68 с.
- Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). – М.: Наука, 1978. – 192 с.
- Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. – М. – Л.: АН СССР, 1961. – 399 с.
- Васильев М. И. Традиции и инновации в системе русского сухопутного транспорта X – начала XX в. // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2001. – № 18. – С. 55–60.
- Гайдуков П. Г., Макаров Н. А. Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород, 1993. – Вып. 7. – С. 179–188.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949.
- Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. Книга Марко Поло. – М: Мысль, 1997. – 465 с.
- Дубровин Г. Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. – М., 2000. – 445 с.
- Макаров Н. А. «Заволоцкие топонимы» новгородских берестяных грамот и деревянных цилиндров на археологической карте // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: Материалы междунар. конф., Великий Новгород, 24–27 сент. 2001 г. – М. : Индрик, 2003. – С. 149–163.
- Макаров Н. А. К Дышащему морю. Северные окраины славянского мира // Родина. – 2001. – № 1–2. – С. 37–41.
- Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. – М.: Скрипторий, 1997. – 215 с.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. – М.: АН СССР, 1951. – 262 с.
- Овсянников О. В. О средневековых русских лыжах // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 125. 1971. – С. 35–40.
- Петров М. И. Обувные шипы из новгородских раскопок // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 24–26 января 2006 г. – Вып. 20. – Великий Новгород, 2006. – С. 171–178.
- Рыбина Е. А. Берестяные грамоты о хозяйстве в средневековом Новгороде // От Древней Руси к России современной. Сборник статей. К 70-летию А. Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 2003. – С. 198–204.
- Рыбина Е. А. Промыслы в средневековом Новгороде (по археологическим материалам) // Исторический журнал: научные исследования. – 2015. – № 3. – С. 219–234.
- Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. – Великий Новгород, 2001. – 389 с.
- Смирнова Л. И. Еще раз о тупых стрелах (к вопросу об охотничьем промысле в средневековом Новгороде) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород, 1994. – Вып. 8. – С. 143–155.
- Смирнова Л. И. Новгородские гребни из моржового клыка // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 10. – Новгород, 1996. – С. 70–80.

Смирнова Л. И. Сырье новгородских косторезов (рог, кость и «рыбий зуб») // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. – М.: Русские словари, 1999. – С. 123–134.

Федоров В. М. О восточном влиянии на охоту с ловчими птицами, проводимую в средневековой Руси, с точки зрения практики ее применения (По предметам археологических раскопок) // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 гг.: этнология, история, археология, культурология. – СПб.: Кунсткамера, 2011. – С. 68–75.

Федоров В. М., Матехина Т. С., Осипов Д. О. К истории соколиной охоты в Новгородской земле // Записки Института истории материальной культуры. – 2011. – № 6. – С. 199–211.

Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. – М.: АН СССР, 1963. – 365 с.

Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. – Вел. Новгород: Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2001. – 149 с.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 3-е изд., испр. и доп. новыми находками. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 461 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 годов). – М.: Наука, 1986. – 309 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 годов). – М.: Наука, 1993. – 348 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). – М.: Русские словари, 2000. – 432 с.

Рис. 1. Деревянная пломба – бирка вирника. Последняя четверть XI – начало XII в. Дерево; резьба. Новгородский музей-заповедник

Рис. 2. Дно сосуда с рисунком. XI в. Береста; крой, процарапывание. Новгородский музей-заповедник

Рис. 3. Стрела-томар для охоты на пушного зверя с наконечником. XII в. Кость, дерево; резание, сверление. Новгородский музей-заповедник

Рис. 4. Череп моржа со следами обработки. XIII–XIV вв. Кость моржа; пиление, орнаментация. Новгородский музей-заповедник

Рис. 5. Шахматная фигура. Первая половина XII в. Зуб моржа; резба, шлифовка. Новгородский музей-заповедник

Рис. 6. Камень с рисунком (изображением моржей?). XI – первая половина XII в. Камень; процарапывание. Новгородский музей-заповедник

Рис. 7. Топор боевой. XII в. Металл черный;ковка. Новгородский музей-заповедник

Рис. 8. Крышка сумки. Вторая половина XIV в. Кожа, металл цветной; крой. Новгородский музей-заповедник

Рис. 9. Санный копыль. Первая половина XI в. Дерево; резание, резба. Новгородский музей-заповедник

Рис. 10. Один из залов выставки

Е. В. Пчёллов¹

¹ Историко-архивный институт РГГУ
ул. Никольская, д. 15, г. Москва, 103012, Россия
E-mail: evg-pchelov@yandex.ru

Югорский титул и Югорский герб в истории Московского царства и Российской империи¹

Аннотация. В статье рассмотрена история обозначения «Югорский» в титуле русских царей и императоров, а также история Югорского герба. Наименование «Югорский» впервые появилось в титуле Ивана III в 1484 г. и было связано с походом московских воевод на Югру в 1483 г. Это наименование заняло место в завершающей части территориального титула, наряду с титульными объектами «Вятский» и «Пермский». Впоследствии их композиционная связь сохранялась, маркируя крайние северо-восточные области Русского государства, но в связи с процессом пополнения титула новыми объективными обозначениями наименование «Югорский» оказалось в первой части царского титула, среди других наиболее ранних по времени появления наименований. Титульный элемент «Югорский» продолжал сохраняться и в титуле российских императоров. Печать Югорская впервые зафиксирована среди других титульных печатей на Большой печати Ивана Грозного конца 1570-х гг. Здесь Югорскую землю символизирует белка. Следующий вариант югорской эмблемы (герба) появился после большого перерыва только в 1672 г., в «Царском титулярнике». Это изображение имело такой важный элемент, как выходящая из облаков рука. Подобная фигура являлась дополнением и к другим титульным гербам «Титулярника», что, вероятно, могло иметь христианский подтекст. Такой смысл, в частности, вкладывался в символику Югорского герба и в геральдических виршах конца XVII в.

Ключевые слова: титул, герб, эмблема, Югорская земля.

Титул «Югорский», означавший власть русских государей над землями Югры, населенными обскими уграми, а точнее остяками (ханты), входил в состав территориальной части титула московского царя (а затем и российского императора). Великокняжеский, царский титул прошел длительную эволюцию [об этом см.: Пчёллов, 2010. – С. 3–15]. Его территориальная (или объектная) часть начала формироваться еще в середине XV в., однако ее непрерывную историю можно проследить только со времени Ивана III, с первой половины 1470-х гг. Наименование «Югорский (Югорский)», как показала М. Агоштон, впервые зафиксировано в числе других титульных объектов в 1484 г. в грамоте Ивана III в Кафу, к Захарию Скарье (таманскому князю Заккарии Гизольфи), от 14 марта того года (Прил. 1). Грамота, впрочем, не была вручена адресату по причине его отсутствия в Кафе и привезена назад [Агоштон, 2005. – С. 241]. Здесь территориальный титул состоит из семи наименований, причем титул «Югорский» занимает пятое место, следуя сразу после Новгорода и Пскова и перед

¹ Работа подготовлена в рамках НИР «Символика власти Московского царства и Российской империи» по гос. заданию № 33.7198.2017/8.9"

Вяткой и Пермью: «Божиею милостию, великий осподарь Русские земли, великий князь Иван Васильевич, царь всеа Руси, Володимерьский и Московский и Новгородский и Псковский и Югорьский и Вятский и Пермский и иных» [*Сборник РИО. Т. 41. № 10.* – С. 41]. Ясно, что объектные обозначения конкретизировали понятие «всеа Руси», называя наиболее важные части владений великого московского князя.

Появление в титуле наименования «Югорский», как можно думать, было связано с походом на Югру («на вугулич и на угру, на Обь великую реку») московских воевод князя Федора Курбского Чёрного и Ивана Ивановича Салтыкова Травина, который состоялся летом 1483 г. Тогда «князей югорских воивали и в полон повели» [*ПСРЛ, 37, 1982.* – С. 49; ср. с. 95]. Это событие и дало основание включить наименование «Югорский» в состав территориального титула московского государя [*Агоштон, 2005.* – С. 296]. Интересно его местоположение в общей композиции. После главных обозначений «Владимирский» и «Московский» в титуле следуют наименования северных земель Руси – Новгорода, затем Пскова, в свое время обособившегося от Новгородского государства, потом других бывших новгородских владений (в том числе и Югры, эпизодически платившей Новгороду дань). При этом вначале идет обозначение как бы более статусного объекта (Псков), находящегося на северо-западе, а затем остальных – находящихся на северо-востоке. Собственно таковых объектов три – Югра, Вятка и Пермь. Территориально эти земли располагались по отношению к Москве по удаленности следующим образом: Югра на «крайнем» северо-востоке, затем ближе к центру Пермь и южнее Перми Вятка. Таким образом, Югра являлась самым отдаленным регионом, куда простиралась власть московского государя (в то время, разумеется, еще во многом номинально, но символическое значение тех или иных «присоединений» было гораздо более значимым, чем фактическое). Однако она занимала первое место среди этой северо-восточной триады, по-видимому, в связи с тем, что считалась сферой новгородского влияния на востоке, а по символическому статусу уступала, конечно, месту Пскову. Эта триада – Югорский, Вятский, Пермский – сохранялась в титуле (с некоторыми изменениями) и в дальнейшем.

В 1487 г. место между «Псковским» и «Югорским» в титуле заняло наименование «Тверский», а с 1490 г. после «Пермского» добавился еще один элемент – «Болгарский» [*Агоштон, 2005.* – С. 242–243]. Таким образом, объектный титул стал состоять из девяти наименований. «Югорский» при этом оказался в триаде со «Псковским» и «Тверским», как бы «оторвавшись» от близких ему «Вятского» и «Пермского». Эта тернарная структура объектного титула стала его парадигмой на будущее – с этого времени расположение объектов в титуле стремилось к троичности, хотя, конечно, далеко не всегда этот принцип проводился абсолютно последовательно. На оттиске известной печати Ивана III с двуглавым орлом, скрепляющей грамоту от июля 1497 г., титул «Югорский» передан как «Угорский». Такое наименование стало вариантом первоначального обозначения «Югорский», периодически присутствующим в источниках. М. Агоштон обратила внимание на то, что достаточно статусное местоположение этого объекта в титуле (шестое в титуле 1490 г.) «отчасти объясняется аспектами русской внешней политики в Восточной Европе и вопросом международного престижа великого князя московского», ведь это наименование соответствовало не только обской Югре, но и Венгрии, жителей которой также называли уграми [*Агоштон, 2005.* – С. 296–297]. Сигизмунд Герберштейн, описывая «княжества Московии», отмечал, что русские произносят название Югры «с придыханием: juhra [и народ называют югричами] (*имеется в виду взрывной звук г в этом слове*). Это та Югра, из которой некогда вышли венгры и заняли Паннонию [и под предводительством Атилы покорили много стран Европы]. Московиты весьма похваляются этим именем, так как их-де подданные некогда опустошили большую часть Европы. ...Говорят, что югра и до сих пор имеет общий с венграми язык...» [*Герберштейн, 1988.* – С. 163]. Этот факт, по словам имперского посла, служил русским дипломатам для обоснования прав московского великого князя на польско-литовское государство. По-видимому, вариативность написания также могла иметь отношение к представлениям о тождестве Югры и угров (венгров).

В 1514 г. Василий III осуществил настоящую «реформу» великокняжеского титула [*Агоштон, 2008.* – С. 82]. Территориальный титул был разбит на две части (вернее, была добавлена вторая часть,

после слов «Болгарский и иных»), а в первой части (куда относился и эпитет «Югорский») произошли новые изменения. Перед «Тверским» появился новый элемент «Смоленский», что было связано, конечно, со взятием Смоленска во время войны с Литвой. «Югорский», таким образом, стал седьмым компонентом. А «Вятский» и «Пермский» поменялись местами – теперь «Пермский» следовал сразу за «Югорским», а «Вятский» после «Пермского» и перед «Болгарским». Такая инверсия, возможно, отвечала более четкому географическому расположению заключительных элементов первой части титула с севера на юг – Югра, Пермь, Вятка, Поволжье (земли Казанского царства) – в общем направлении от периферии к центру. Важно отметить, что перед территориальными наименованиями первой части были добавлены слова «великий князь» (они же вкупе с титулом «господарь» предваряли и вторую часть объектного титула).

Впоследствии титул «Югорский» отходил на все более и более дальнее место, поскольку в первую часть объектного титула добавлялись новые более статусные объекты («Царь Казанский», «Царь Астраханский» и т. д.), но всегда сохранял положение рядом со следующими за ним определениями «Пермский», «Вятский» и «Болгарский» в первой части территориального титула, тем самым продолжая древнюю традицию, начало которой относится еще к концу XV в.

Обратимся к эмблематической визуализации этого титула. Первым памятником русской территориальной геральдики можно считать Большую печать Ивана Грозного, создание которой датируется исследователями концом 1570-х гг. (до 1578 г.) [*Хорошкевич, 1997.* – С. 189–191]. На обеих сторонах этой печати помещены изображения титульных эмблем («печатей»), в том числе и печать Югорская (рис. 2). В общей композиции эмблем на лицевой стороне печати эта печать занимает место, соответствующее положению этого определения в объектной части царского титула (сам полный титул также представлен в легенде на печати). На Югорской печати изображен пушной зверь, стоящий на задних лапах, с поднятым пушистым хвостом. Вряд ли можно сомневаться, что это белка – один из важных объектов охотничьего промысла лесной полосы и традиционный объект сбора дани. Появление этой эмблемы в качестве югорской вписывается в общий контекст других титульных эмблем печати Ивана Грозного – значительная их часть связана с животными, по-видимому символизирующими местную природу или промыслы, или предметами вооружения (использовавшимися в том числе и для охоты). Сопряжение Югорской земли с распространенностью там белки известно и по другим древнерусским памятникам. Так, в Ипатьевской летописи под 1114 г. говорится о том, что, по рассказам ходивших «за Югру и за Самоядь», «яко видивше сами на полунощных странах спаде туча и в тои тучи спаде веверица млада акы топерво рожена и възрастьши и расходится по земли». Точно так же из туч рождаются и «оленци малы» [*ПСРЛ, 2, 1998.* – Стб. 277]. Итак, именно белка стала первым эмблематическим образом, символизовавшим Югорскую землю.

В начале XVII в. изображение лицевой стороны печати Ивана Грозного было дважды повторено на доспехах Лжедмитрия I, хранящихся ныне в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Петербурге [о самих доспехах см.: *Ефимов, 2012.* – С. 364–373]. Здесь еще четче можно рассмотреть югорского зверя, имеющего явные признаки белки (рис. 3). Известно использование Большой печати Ивана Грозного его мнимым сыном, стремившимся подчеркнуть тем самым свою легитимность.

При первых Романовых на протяжении XVII в. было создано еще несколько предметов, несущих комплекс титульных эмблем (для периода Московского царства я употребляю слова «герб» и «эмблема» как взаимозаменяемые, поскольку само явление «герба» еще только формировалось). Их, первоначальный в историографии, перечень (всего 4 позиции, включая печать Ивана Грозного) представил еще А. Б. Лакиер [*Лакиер, 1990.* – С. 177–178; 1-е изд. – СПб., 1855]. К этим памятникам можно прибавить еще несколько, в том числе и ранее не учитывавшихся в историографии. В общей сложности после доспеха Лжедмитрия I и до конца XVII в. выявлено 9 изобразительных источников. Это: 1. Саадачный покровец Большого наряда (который А. Б. Лакиер ошибочно считал завесой трона), возможно сделанный в конце 1620-х гг.; 2. Второй саадачный покровец, который можно датировать, по-видимому, периодом между 1634 и 1654 гг.; 3. Гербовное знамя царя Алексея Михайловича, 1666–1678 гг.; 4. Саадак, 1667 г.; 5. «Царский Титулярник», 1672 г.; 6. Саадак мастера

Прокофия Андреева, 1673 г.; 7. Тарелка мастера Юрия Фробоса, 1675 г.; 8. Тарелка, 1694 г.; 9. Изображение «государственной печати» из «Дневника путешествия в Московию» И. Корба, 1698–1699 гг., на самом деле представляющее собой перерисовку не печати, а какого-то другого источника (рис. 3) [Пчѣлов, 2017. – С. 107–108]. Надо отметить, что во всех этих комплексах, за исключением Титулярника и рисунка И. Корба, Югорского герба нет. Это тем более удивительно, что эмблемы титульных обозначений, которые располагались в титуле после упоминания Югры, на всех из них присутствуют. Так, на саадачном покровце Большого наряда есть эмблемы Пермская, Вятская, Болгарская, Нижегородская, Рязанская и Ростовская; на втором саадачном покровце – Пермская, Вятская, Нижегородская и Рязанская; на саадаке 1667 г. – Пермская и Рязанская; на саадаке 1673 г. – так же; на тарели 1675 г. – Пермская, Вятская, Болгарская, Нижегородская и еще целый ряд других; на тарели 1694 г. – Пермская. Все эти наименования стояли в титуле после упоминания в нем Югорской земли. Отсутствие Югорской эмблемы не позволяет нам проследить ее эволюцию (если таковая была), и поэтому следующим памятником, где она присутствует, оказывается только Царский титулярник, созданный в Посольском приказе в 1672 г. (рис. 4).

Именно в Титулярнике Югорская эмблема изображена в своем «законченном» варианте [РГАДА. – Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. № 7. Л. 59]. Она представляет собой изображение двух рук в красных одеяниях, выходящих из облаков напротив друг друга. Руки сжимают перекрещенные копья. При этом на копьях у наконечников изображены сутаны (бунчуки), по-видимому, для того, чтобы подчеркнуть, что это именно копья, а не, к примеру, стрелы. В уменьшенном варианте Титулярника, сделанном в том же 1672 г. и хранящемся ныне в Российской национальной библиотеке (т. н. Библиотечный Титулярник), Югорская эмблема изображена точно так же (рис. 5) [РНБ. Эрмитажное собр., № 440. – Л. 54]. В древнерусском тексте, известном как «Описание гербам» и датирующемся временем создания Титулярника, Югорский герб описан как «Две руки из облак держат копья накрест» [Белоброва, 2005. – С. 86]. Его геральдическое цветовое решение известно с первой половины XVIII в. – поле щита было серебряным (на миниатюрах из Титулярников оно действительно белое, что соответствует геральдическому серебру).

Как видим, Югорский герб был создан заново. Никакой связи между новыми эмблемами (руки с копьями) и старой (белка) нет. Почему же она стала именно такой? Ответить на этот вопрос не представляется возможным. Мы вообще не знаем, по каким принципам составлялись новые титульные гербы и что они означали. Очевидно только, что их композиции (в отличие от титульных эмблем на печати Ивана Грозного) носили в целом вполне геральдический характер. Иными словами, можно думать, что составлялись они с учетом европейской геральдической традиции, о которой (применительно к территориальной геральдике) на Руси XVII в. имели представление в силу дипломатических контактов с западными странами. Мне уже приходилось отмечать соответствия ряда русских титульных гербов с земельными гербами европейских монархий – в значительной степени это относится к Шведскому королевству (грамоты от шведских королей с земельными гербами были известны русским дипломатам) [Пчѣлов, 2009. – С. 300–303]. Возможно, какие-то геральдические мотивы европейских земельных гербов могли оказать влияние при создании титульных гербов Московского царства. Такие соответствия, кстати, прослеживаются в гербах северных земель (в том числе в Кондинском гербе). Возможно, и Югорский герб не был здесь исключением. Композиционно он, к примеру, напоминает шведский герб Далекарлии (Даларны), в котором в лазуревом поле помещены две стрелы крест-накрест под короной (перекрещенные стрелы вообще нередкий элемент в шведской титульной и территориальной геральдике). Однако в Югорском гербе мы видим не стрелы, а копья, причем копья держат руки, выходящие из облаков.

Этот мотив – выходящей из облаков руки – встречается в русских титульных гербах XVII в. еще дважды. Это герб Псковский (рука из облаков над идущим барсом) и Вятский (рука из облаков, держащая лук со стрелой). Сложно сказать, насколько можно соотносить этот мотив с божественной семантикой (божье благословение и т. п.), однако определенное эмблематическое единство в данном случае несомненно. В Титулярнике 1672 г. Югорский герб объединен на одном листе с гербами Волынским и Подольским (оба они имеют чисто европейское происхождение и заимствованы из польско-литовской

геральдики). В Библиотечном Титулярнике Югорская эмблема находится на одной странице с Пермской. О восприятии Югорского герба в конце XVII в. (неофициальном, разумеется) могут в какой-то степени дать представление геральдические вирши, написанные на рубеже 1670–1680-х гг. неким носителем славянской культуры Великого княжества Литовского, возможно виленским шляхтичем Стахеем Ивановичем Гадзаловским, служившим переводчиком в Посольском приказе [см.: Nilsson, 1964]. В них упоминается и Югорский герб:

Оружіе острое устрояется к бою,
крестъ же с[вя]тый клонить до покою.
Брань и миръ с зодиаков высокого н[е]ба
людей вооружаетъ якъ творцу потреба.

Аллегоріа

Добръ знак кн[я]зей игорских сильной планеты
от мудрых людей усмотрен щасливимы лѣты
зодиак мужественный Х[ри]с[т]а творца знати,
за кр[е]сть и вѣру себѣ н[е]бо отворяти.

Анаграмма

Дивен гербъ твой, игорско, котрый здавна маешь,
что со дреколми на Б[о]га руку поднѣмаешь.
Южъ былъ Х[ристо]съ на кр[е]стѣ и бокъ му пробито,
не требѣ пробождати течеть кров обфито.

Аналогумъ

През брани до покою Беллона в[к]азуетъ
земным, неб[е]сному же сама услугуетъ.
Твой гербъ, Игорско, облак рукама касаетъ,
да кропитъ правду и миръ ус[е]рдно желаетъ.

Это описание, как и практически все подобные описания в виршах, имеет очевидный религиозный, христианский подтекст. Копье сопоставляется и с копьем сотника Лонгина, и с небесным оружием, и с победой веры. Но само описание вызывает вопросы. Во-первых, в нем настойчиво упоминается крест, в Югорской эмблеме отсутствующий (он имеется в эмблеме вятской), а во-вторых, все время говорится о Зодиаке, следы которого (как и сопоставление, по-видимому, с планетой Марс) также в Югорском гербе не прослеживаются. Собственно, облако, рука и копье – вот три элемента герба, каждый из которых также упомянут в виршах. Конечно, эти вирши нельзя считать официальным пониманием Югорского герба. Но как бы то ни было, такие христианские коннотации в его восприятии были, как видим, возможны. Рискованным все-таки было бы предположить отражение в этом гербе идеи христианизации Югры.

В период Российской империи Югорский герб оставался в числе титульных гербов, связанных с императорским титулом. В этом качестве он входил в композиции Больших гербов Империи, включая и последний вариант Большого герба, который был утвержден при Александре III в 1882 г. (рис. 6). Официальное описание Югорского герба выглядело следующим образом: «Две в червленой одежде руки, выходящие справа и слева из лазуревых облаков и держащие крестообразно два червленых копья» в серебряном поле [Лукомский, Типольт, 1996. – С. 57]. Как видим, цветовое решение герба практически осталось неизменным (на рисунке в Титулярнике копья действительно были красноватыми).

Создававший Большой герб Империи барон Б. В. Кёне поместил Югорский герб в «Щит соединенных гербов Княжеств и Областей Великороссийских», в котором он занял четвертое место после тверского герба и перед нижегородским. Интересно, что пермский, вятский и болгарский гербы Кёне отнес к другому щиту – соединенных гербов Северо-Восточных областей империи (в который вошли также гербы кондинский и обдорский). Удорский же герб также был отнесен Кёне к щиту гербов Великороссийских. Чем был обусловлен такой выбор, сказать сложно, но, как бы то ни было, Югорский герб оставался в числе титульных гербов вплоть до 1917 г.

Встречается он и в геральдических композициях титульных гербов на различных мемориальных и исторических сооружениях: на памятнике Александру II в Московском Кремле среди титульных гербов «тех исторических областей и земель, имен которых нет в современном административном делении России» [Памятник императору Александру II в Московском Кремле. – С. 18, 26] – монумент был построен в 1893–1898 гг. А в росписи парадных сеней Государственного Исторического музея, осуществленной в начале 1880-х гг. артелью под руководством художника Фомы Гавриловича Торопова, Югорский герб представлен почему-то в усеченном виде. Это выходящая из облаков одна рука с копьем, причем правая (со стороны герба).

Список источников и литературы

Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. – М., 2005.

Агоштон М. Титул русского государя в свете информации Герберштейна // Герберштейн С. Записки о Московии. – Т. 2. – М., 2008. – С. 73–87.

Белоброва О. А. О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // Гербовед. – № 85. – М., 2005. – С. 81–88.

Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: МГУ, 1988. – 430 с.

Ефимов С. В. Холодная красота. Доспехи великих европейских оружейников XVI века в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Тр. Третьей Междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2012. – Ч. 1. – С. 363–396.

Полное собрание русских летописей. – Т. II. Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 1105 с.

Корень Российских государей (Царский титулярник). – РНБ. ОР. Ф. 885. Эрм. № 440.

Лакиер А. Б. Русская геральдика. – М.: Книга, 1990. – 432 с.

Лукомский В. К., Типольт Н. А. Русская геральдика. – М.: ГПИБ, 1996. – 97 с.

Памятник императору Александру II в Московском Кремле. – М., 2017.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. – Ч. 1 (годы с 1474 по 1505). – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – 10, XXII. – 558 с.

Пчёллов Е. В. Скандинавская геральдика в территориальной символике России XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Материалы XXI Междунар. науч. конф. – М., 2009. – С. 300–303.

Пчёллов Е. В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. – № 1. – 2010. – С. 3–15.

Пчёллов Е. В. Источники по титульной геральдике допетровской Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – № 3 (69), сент. – 2017. – С. 107–108.

«Титулярник» («Большая государственная книга»). – РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. № 7.

Полное собрание русских летописей. – Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Л.: Наука, 1982. – 228 с.

Хорошкевич А. Л. Герб // Герб и флаг России. X–XX века. – М.: Юрид. лит., 1997.

Nilsson N. A. Russian heraldic virsi from the 17th century. A manuscript in the diocesan and county library at Västerås, Sweden. Stockholm, Göteborg, Uppsala, [1964] (Acta Universitatis Stockholmiensis, etudes de philol. slave; 10).

Приложение 1

1484, мартъ. 41

III. Синова грамота послана была въ Каѳу къ Захарѣ къ Скарѣ, къ № 10. жидовину, съ золотою печатью, съ Лукой съ подьячимъ, со княземъ съ Васильемъ виѣстѣ; и Скарѣ тогда въ Каѳѣ не было, былъ въ ту пору за моремъ, и Лука ту грамоту назадъ привезъ.

Божією милостію, великій осподарь Русскіе земли, велики князь Иванъ Васильевичъ, царь всеа Руси, Володимерьски и Московски и Новгородски и Псковски и Югорьски и Вятски и Перььски и иныхъ, Захарѣ Евреяину. Писалъ къ намъ еси съ нашимъ гостемъ съ Гавриломъ съ Петровымъ о томъ, чтобы ти у насъ были. И ты бы къ намъ поѣхалъ. А будешь у насъ, наше жалованіе къ собѣ увидишь. А похочешь намъ служети, и мы тебя жаловати хотимъ; а не похочешь у насъ быти, а вехочешь отъ насъ опять въ свою землю поѣхати, и мы тебя отпустимъ добровольно, не издержавъ. А писанъ на Москвѣ, мѣсяца марта 14.

№ 11.

1484, июнь. Грамоты великаго князя Ивана Васильевича въ Крымъ: 1) къ князю Василью Ноздроватову: *говоритъ царю о пропускѣ Ѳеодора Курицына и пословъ, идущихъ съ нимъ отъ угорскаго короля и волошскаго воеводы; да чтобы послы и пдущие съ ними мастера непременно прибыли въ Москву, а не возвращались назадъ; со- вѣтовать царю перехватить въ степи литовскихъ пословъ, которые хо- дятъ въ Ахматову Орду.* 2) *Грамота къ царю Менгли-Гирею о про- пускѣ упомянутыхъ пословъ* (Д. Кр. № 1, стр. 100—107).

Лѣта 92, июня. Ся грамота и записъ пошли съ Костею съ Северюкомъ въ Крымъ.

I. Отъ великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси, князю Василью Ноздроватову. Присылалъ ко мнѣ король угорьски своего челоувѣа, и язъ съ тѣмъ съ его челоувѣкомъ посылалъ къ королю къ угорьскому своего челоувѣа Ѳеодора Курицына. И нынѣча, сказываютъ, тотъ мой челоувѣкъ Ѳеодоръ Курицынъ пришолъ въ Волохи, а съ нимъ, сказываютъ, идетъ ко мнѣ угорьского короля челоувѣкъ. И Стефанъ деа, воевода волошскій, хочеть ихъ отпустить, и своего челоувѣа хочеть съ ними послати ко царю къ Менли-Гирею, чтобы царь Менли-Гирей велѣлъ ихъ до меня допроводити. И какъ дастъ Богъ придуть въ Орду мой челоувѣкъ Ѳеодоръ Курицынъ и королевъ челоувѣкъ угорьского и Стефановъ челоувѣкъ воеводы волошского, и ты бы отъ меня говорилъ царю Менли-Гирею рѣчь по записи; а записъ есми къ тобѣ послалъ въ сей грамотѣ запечатавъ. Да послалъ есми съ

Рис. 1. Фотография оттиска печати Ивана III 1504 г. (аналогична печати 1497 г.)

Рис. 2. Прорись оттиска лицевой стороны Большой печати Ивана Грозного

Рис. 3. Рисунок из «Дневника» Корба

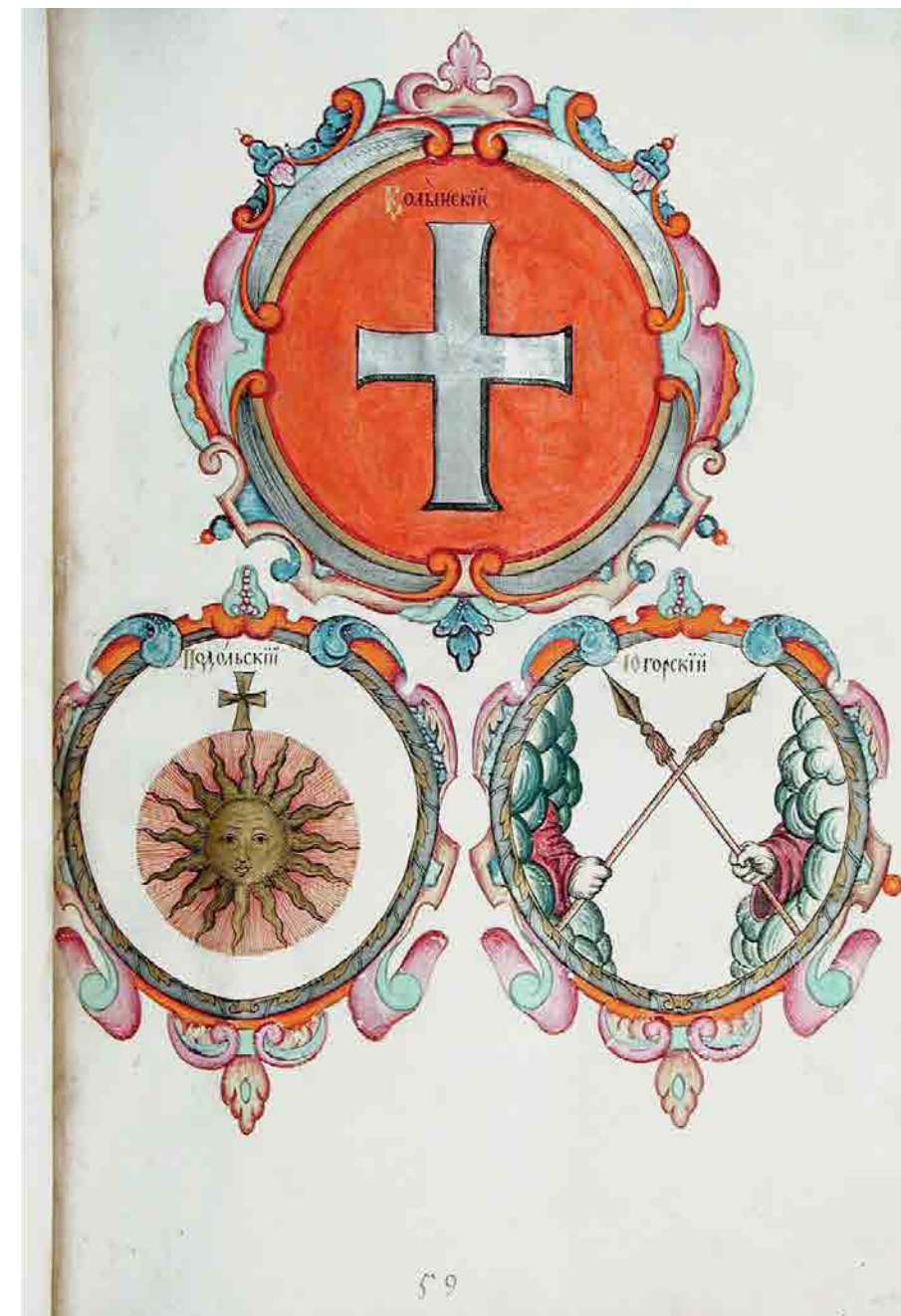

Рис. 4. Лист с Югорским гербом из Царского титулярника, созданный в Посольском приказе в 1672 [РГАДА. – Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. № 7. Л. 59]

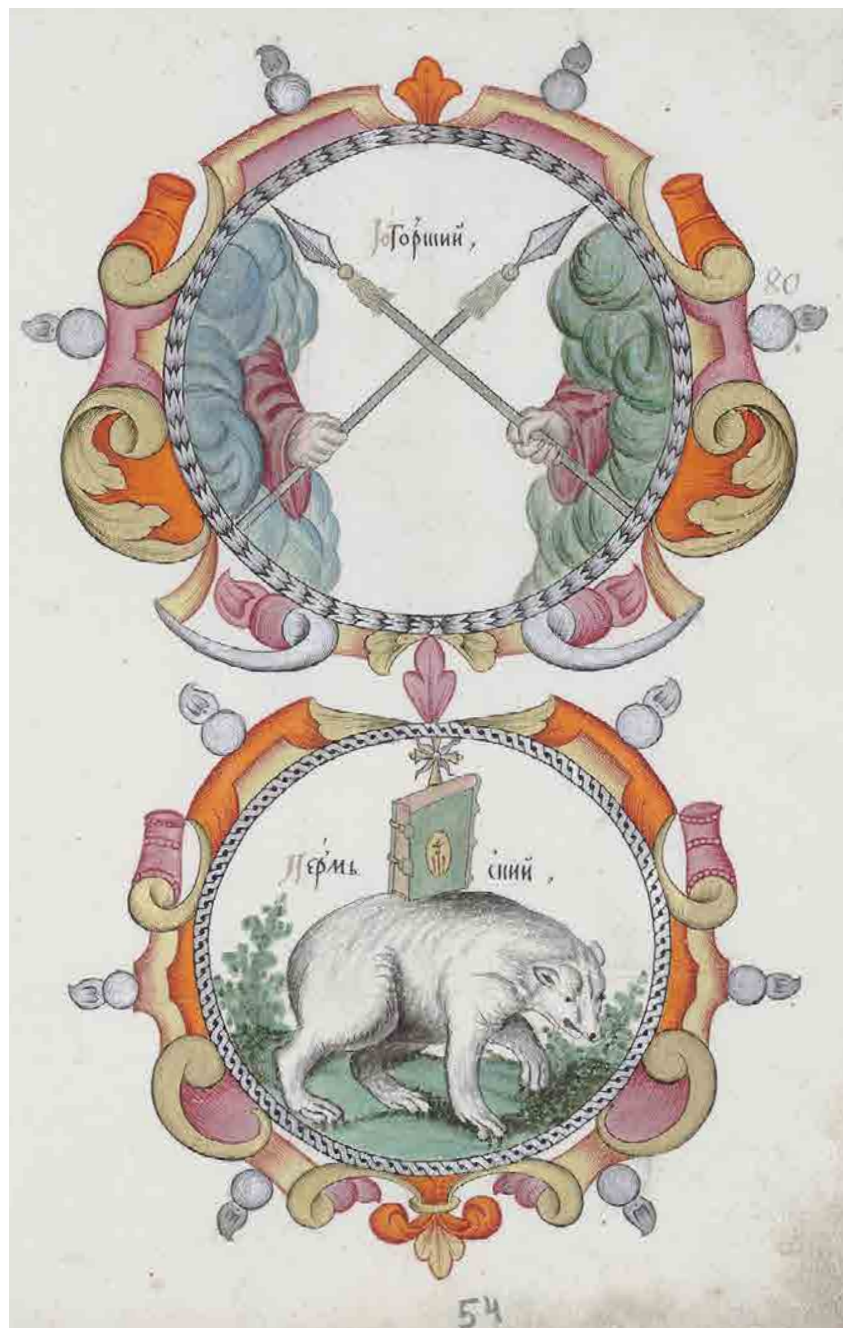

Рис. 5. Лист с Югорским гербом
из Библиотечного Титулярника 1672 г.
[РНБ. Эрмитажное собр. № 440. – Л. 54]

Рис. 6. Изображение Большого герба
Российской империи, 1883 г.

А. И. Сакса¹

¹ Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Дворцовая набережная, д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: saksa@mail.natm.ru

Карельская торговля пушниной в Средние века и европейские рынки

Аннотация. Древняя Карелия – летописная Карельская земля – занимала особое положение среди других населенных прибалтийско-финскими племенами земель северо-западной окраины Великого Новгорода в силу своего географического положения между Финским заливом и Ладожским озером. Плодородные земли долины Вуоксы, удобные, ведущие на Север водные пути и возможности пушной охоты предоставляли исключительно выгодные условия для занятия сельским хозяйством, охотничьим и рыболовным промыслами, торговлей. Освоение этих ресурсов вело к налаживанию тесных взаимовыгодных контактов с Великим Новгородом и более отдаленными территориями в регионе Балтики. Это привело к формированию самобытной и богатой карельской культуры XII–XIV вв. и возникновению поселенческих центров, развитию экономики, торговли и ремесла. Высокий спрос на пушнину и другие продукты промыслов на международных рынках, хорошо налаженные, отраженные в различных источниках связи с новгородской знатью гарантировали устойчивое развитие местного карельского общества, его относительную самостоятельность.

Ключевые слова: Карелия, карелы, торговля, промыслы, водные пути, ресурсы, клады серебра, Новгород, Древняя Русь, Скандинавия, Финляндия, Прибалтика.

Карелы со всеми основаниями еще и в XIX в. считались торговым народом; они и в более древние времена совершали продолжительные торговые поездки. Археологический материал и средневековые письменные источники целиком это подтверждают. Торговля и другие культурные связи с соседними территориями и народами, более того, существенным образом повлияли на формирование карельской культуры и на само существование карельского средневекового общества. Это стало возможным по природным и географическим факторам, как то: удобное и выгодное в геополитическом плане географическое положение, удобные водные пути, плодородные земли, возможности пушной охоты, наличие в реках и озерах ценных пород рыб и мест их нереста. К XII–XIII вв. на этой основе формируются центры постоянного и устойчивого населения (рис. 1).

В рассматриваемое нами время (последняя четверть I – первая половина II тыс. н. э.) с западной и северо-западной стороны территории расселения корелы проживали финские племена сумь и емь, с юго-востока в Приладожье древние вепсы (загадочная приладожская лопь), «за морем» на другом берегу Финского залива, эстонские, ижорские и водские племена. На севере находились обширные населенные лопарями области, к которым вели прямые водные пути (рис. 2, 3) и которые были хорошо известны по скандинавским источникам, где также упоминаются и древние карелы, и их земля «Ки-рьялаланд».

В то время, когда карелы как этническая общность и их собственная «национальная» культура только формировались (VIII–XI вв.), эти области были зоной активной деятельности, в которой участвовали как внешние факторы, как то: скандинавы, русь и западные финны (сумь), так и местные племена. Последние, проживающие на путях международной торговли по Неве и Волхову, были в эпоху викингов вовлечены в эту деятельность как поставщики в первую очередь шкурок ценных животных и других промысловых товаров. Возникали международные торгово-ремесленные поселения (Старая Ладога и др.) и местные в какой-то степени подобные центры (например, Сясьское городище в Юго-Восточном Приладожье и городище Хямеенлинна в Северо-Западном Приладожье). Эта активная международная деятельность радикальным образом повлияла на социально-экономическое развитие прибалтийско-финских племен Приладожья. Возник целый социальный слой непосредственно участвующих в международной торговле и посещающих центральные торговые пункты. В преимущественном положении оказались население Юго-Восточного Приладожья (приладожская чудь) и древние карелы на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье с проходящими по их территории водными путями и промысловыми угодьями. Следствием было появление ценных украшений и предметов вооружения иноземного производства в погребениях, восточного серебра вкладах и могилах.

С окончанием эпохи викингов и прекращением функционирования Восточного пути и связанной с ним международной торговли культура «курганного» населения Юго-Восточного Приладожья затухает, в то время как у населения Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья «начинаются новые времена». Географическое положение с прямым выходом в Финский залив и далее в Балтийское море оказалось, вкупе с такими факторами, как плодородные земли и другие природные ресурсы, решающим в начинавшемся расцвете древней Карелии.

Охота, рыболовство, промысловая деятельность в древней Карелии были, наряду с земледелием и скотоводством, не только существенными статьями дохода (за исключением отраженных в летописи неурожаев и голодных годов), но и одним из видов постоянной (иногда сезонной) деятельности. Свидетельства этому известны по письменным источникам. Часть шкурок куницы, бобра, нерпы и белок уходила в оплату даней, но часть свободно продавалась или менялась на различные товары у сборщиков налогов [Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. – С. 91]. В Задней Карелии охота и промыслы играли еще более важную роль в экономике; подати здесь платили от «лука», т. е. продуктами охоты, а не земледелия, как на Карельском перешейке. В Карелии в средневековье исключительно важным промыслом было рыболовство. Хорошие рыбные ловли и места нереста были объектами, достойными упоминания в мирных и торговых договорах между Новгородом и Швецией (Ореховский мирный договор, земельные и другие акты XV в.) [Материалы по истории Карелии XII–XVI вв., 1941. – С. 99–123]. Также и новгородские берестяные грамоты рассказывают, насколько важным промыслом была рыбная ловля (рис. 4) (грамоты № 259, 260, 280) [Янин, 1975. – С. 137–139, 201].

Важнейшим и традиционным направлением торгово-экономической деятельности карел было северное. О деятельности карел на Севере уже в эпоху викингов существуют свидетельства древнескандинавских источников [Бубрих, 1947. – С. 17, 31; 1971. – С. 17; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. – С. 99–132; Сакса, 2007. – С. 334–335; 2010. – С. 316–319]. Древнейшее упоминание находится в изданной на латинском языке «Истории Норвегии» (1170 г.) в ее географической части [Historia Norvegiae, 1880: 74–75]. В ней упоминаются проживающие на юго-восток от Норвегии языческие племена карел, квенон, рогатых лапландцев и обеих Биармий [Julku, 1986: 81–86]. В саге об Олаве Святом (начало XIII в.) в рассказе о поездке ярла Свейна под 1015 г. упоминается находящийся на востоке Кириялаланд, откуда можно было попасть в Древнюю Русь. Кирияланд упоминается также в сборнике саг «Красивая кожа» (ок. 1220 г.), в котором рассказывается о норвежских королях до 1177 г. включительно [Fagrskinna, 1902–1903: 154]. О завоевании Кириялаланда рассказывается во фрагменте саги об Олаве Святом Снорри Стурлусона, посвященном деяниям конунга Упсалы Эйрика (ок. 1230 г.) [Sturlason, 1945: 115–116]. Упомянутый в саге военный или даннический поход Эйрика произошел в 850-е или 860-е гг. [Nerman, 1914: 19; 1929: 50–51]. В известной саге Эгиля Скаллаграмссона рассказывается, в частности, о столкновении квенского вождя Фаравида и предводителя норвежцев

Торольфа Квелдунсона с карелами, которое произошло, когда квенны совместно с норвежцами прошли через Финмаркен в землю карел (Карьялаланд), где и победили карел в сражении. Несколько позднее произошел еще один совместный с норвежцами зимний поход квенон на карел [Egilssaga..., 1809: 56–59, 68, 69; Julku, 1986: 72–78]. Написанная около 1200–1230-х гг. сага рассказывает о событиях конца IX – X в. Походы Торольва в Финмаркен, Квенланд и Кирияланд относят к 880-м гг. [Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. – С. 107–112]. Речь, с другой стороны, может идти о переносе в саге более поздних событий во времена Харальда Прекрасноволосого [Рыдзевская, 1934. – С. 512–513; Antoni, 1948: 1–12; Häme, 1979: 75–77; Gallen, 1984: 252–253; Julku, 1986: 76–77; Pöllä, 1988: 81–85].

Перечисленные выше сведения сопряжены с рядом исследовательских проблем. Все занимающиеся рассмотрением саг исследователи исходят из того, что упомянутые в источниках в связи с их пребыванием в Финмаркене и проживающие рядом с квенами и финнами (читай, лопарями) карелы (kirialar, kirjalar) пришли к устью Ботнического залива и в Финмаркен с Ладоги, места своего постоянного проживания. Считается очевидным, что древние карелы были единой этнической группой. Проблема же состоит в том, что на исходной территории карел не известен карельский археологический материал ранее XII в.

На наш взгляд, проблему можно попытаться разрешить с другой стороны, а именно, используя сам этноним «кириялар» (kirjalar). Что он мог значить для скандинавов в эпоху викингов и раннее средневековье? Нет сомнений, что Кириялаланд была заметной и важной частью известной в то время скандинавам территории между Скандинавией и Древней Русью. Она располагалась рядом с Квенландом, Биармией и Финляндом. Туда можно было попасть морем (ярл Свейн) и по земле (Фаравид и норвежцы). Привлекает внимание повторяющееся в источниках известие, что карел застигали «на горе». В этой связи следует вспомнить толкование Бубрихом этнонима «кириялар» как производное от балтийского слова «гирья», «гарья» – гора, лес [Бубрих, 1947. – С. 17, 31; 1971. – С. 17]. Карелы, следовательно, жили на горах. Наличие гор на Севере, на которых зажигались сигнальные костры, документируется сведениями в «Истории народов северных стран» Олауса Магнуса [Olaus Magnus (перевод на финский), 1973. – С. 62–63] (рис. 5). Или речь в данном случае идет о карельских городищах на возвышенностях линнавуори в Северо-Западном Приладожье? В какой степени также можно говорить о этнически «чистых» карелах. Можно предположить, что на раннем этапе освоения северных территорий в этом процессе наряду с карелами участвовали и бывшие за пределами этого этноса люди. Речь могла идти о направленных из конкретных мест торговых поездках и сборе дани с лопарей в Финмаркене. Нет достаточных оснований полагать, что уже в это время у древних карел могла быть значительная группа постоянно проживающего на Севере населения [см. напр.: Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. – С. 102]. Учитывая формы деятельности на этой территории норвежцев и кульфingar (kulfinjar), у карел для успешной торговой деятельности и сбора дани среди местного населения должна была быть подобная организация, т. е. хорошо снаряженные вооруженные отряды. Своей проблемой было сохранение собранных шкурок. Это можно было осуществлять лишь на хорошо защищенных труднодоступных возвышенностях [Сакса, 2007. – С. 334–335; 2010. – С. 319]. В этом смысле заслуживает внимания упоминание саги об Эгиле о том, что после победы над норвежцами и квенами карелы в качестве трофеев получили большое количество различных ценных мехов: горноста, бобра, соболя, куницы и др. [Egilssaga..., 1809: 56–59, 68–71; Julku, 1986: 72–76; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. – С. 107–112].

Освоение богатств Севера и его заселение могли происходить по той же модели, что и в самой Карелии в IX–X вв. [Saksa, 1998: 203; Сакса 2007. – С. 335; 2010. – С. 319]. На первом этапе в этом процессе участвовали прибывшие извне активные элементы, деятельность которых ограничивалась наиболее выгодными формами, а именно, сбором дани и меновой торговлей с местным населением (рис. 6). Часть местного охотничьего населения оказывалась вовлеченной в эту деятельность, затем возникают опорные пункты и очаги постоянного населения. Часть принадлежащих пришельцам предметов – предметов вооружения, охоты и украшений – переходит в руки местного населения, после чего их и без того нечеткий этнический фон археологически практически не выявляется.

Карелы, стало быть, участвовали в качестве важных посредников в европейской пушной торговле еще во время до рождения собственно карельской культуры во второй половине XII – XIII в. Также и территория древней Карелии была уже известна как заселенная карелами область. За пушнину приобретались мечи, наконечники копий, топоры и украшения. Они были либо западноевропейские (оружие), либо скандинавские, западнофинские или общекалтийские (украшения). Из последних наиболее популярными были массивные ладьевидные бронзовые браслеты [Nordman, 1924: 119–121, Fig. 97–100; Kivikoski, 1937: 238–240; 1973: 101–102; Abb. 736, 740; Сакса, 2007. – С. 335]. Во второй половине эпохи викингов увеличивается количество общекалтийских и западнофинских украшений в материале находок: общепризнанными становятся различные подковообразные фибулы, шейные гривны и равноплечные фибулы [Kivikoski, 1973: 93–97, 99–100; Abb. 679, 690, 692, 696, 704, 705, 727, 728].

О торговле карел на европейских рынках, и, в частности, на новгородском направлении, говорят монетные и вещевые клады XII в. По своему составу карельские монетные клады близки древнерусским, и это подтверждает, что Карелия была частью монетного обращения Древней Руси. Монетное серебро поступало в Приладжскую Карелию с юга, через Старую Ладогу и Новгород [Nordman, 1921: 91–92; Потин, 1968. – С. 16, 140–141, 149, 167; Talvio, 1979: 17–18; 1980: 174; Kirkinen, 1994: 30–35]. С другой стороны, о связях с Западом свидетельствует материал клада из Хейнйоки Ристсеппяля, содержащий исключительно монеты с территории Германской империи, большей частью фризские [Nordman, 1942: 288–293; Talvio, 1979: 13–14, 16].

Расположенные на севере территории Внутренней и Северной Финляндии входили в зону стратегических интересов карел и в эпоху крестовых походов (1050–1300 гг.). Их активность в Финмаркене в XIII–XIV вв. подтверждается уже разнообразными письменными источниками, в том числе договорами и переговорами между Новгородом и Норвегией об обложении данью лопарей на спорных территориях. Необходимость проведения переговоров была обоснована нападениями норвежцев и финнов на карел (жалоба новгородских представителей) и, соответственно, утверждения норвежских посланников о нанесении карелами ущерба финнам и норвежским представителям [Kirkinen, 1963: 83; 1970: 34–35; Рыдзевская, 1970. – С. 323–327; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. – С. 113–114]. Переговоры завершились подписанием в 1252 г. мира [Antiquites russes..., t. II, 1852: 493–494]. Позднее, в 1326 г., договор был продлен [Шаскольский, 1945. – С. 38–61; 1970. – С. 63–71; Kirkinen, 1970: 34; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. – С. 113–116]. Сведения о военных походах карел в Северную Норвегию в 1270-е – начале 1300-х гг. содержатся и в исландских источниках [Islandske Annaler..., 1888; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. – С. 116–119]. Кирьяланд упоминают также древнескандинавские географические сочинения XIII – начала XIV в. [Antiquites russes..., t. II, 1952: 447; Мельникова, 1986. – С. 92–101; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. – С. 119–122].

Археологические следы пребывания карел известны в Шведской Лапландии, где в материале жертвенных мест среди разнообразных украшений и их обломков находится много вещей из Приладжской Карелии и даже более отдаленных восточных областей, как то: овально-выпуклые и подковообразные фибулы, обломок бронзовой рукояти ножа и др. [Arne, 1914. – Fig. 59; Serning, 1956. – bild. 1]. В Северной Финляндии насчитывается около 200 находок вещей позднего железного века, большей частью из Суомуссалми, Куусамо и Салла [Huurre, 1983: 327–328, 432; 1986: 129]. Клады серебряных вещей и монет найдены в Юлиторнио (вещевой), Куусамо (два вещевых (Таваярви, Лямся) и один монетный XI в. (Куусамо)), Инари (вещевой), Салла Аатсервайнен (монетно-вещевой с весами и гирьками начала XII в.) [Salmo, 1948: 37–39]. Среди случайных находок господствуют подковообразные фибулы (ок. 30 экз.) всех популярных в X–XIII вв. типов [Huurre, 1983: 350–358; 1986: 134–146]. Об их «национальной» принадлежности практически ничего не известно; аналогии находятся в Скандинавии, Прибалтике и на территории Древней Руси, где эти предметы имели широкое употребление, приобретая тем самым интернациональный характер. Этнически определяемыми являются четыре скандинавские скорлупообразные фибулы IX–X вв., четыре карельские овально-выпуклые фибулы и две западнофинские круглые выпуклые фибулы. Две зооморфные подвески и серебряное височное кольцо происходят из древнерусских областей.

Клады серебра представляют большой интерес с точки зрения пушной торговли на Севере. Наиболее типичными для них предметами являются подковообразные фибулы с плоскими головками и фибулы с тонкой плоской дугой, плетенные из нескольких дров шейные гривны, цепочки, плоские, в том числе топорovidные, подвески, круглые тонкие выпуклые фибулы. Этот набор серебряных предметов еще и потому интересен, что подобные изделия находятся в кладах Эстонии, Карелии и Северо-Запада России. Следовательно, ценность этих предметов хорошо представляли во всех примыкающих к Балтийскому морю областях. Также следует отметить, что эти вещи найдены только в составе кладов и место их производства не выявлено. На Севере эти изготовленные из серебра украшения были, по-видимому, по большей части символами социального авторитета. На этой территории, где основным богатством, объектом торговли и средством обмена были шкурки пушных животных, эти серебряные изделия не могли иметь такого значения, как в земледельческих районах, население которых лучше понимало именно их материальную ценность [Сакса, 1990. – С. 83–87; Saksa, 1998: 204; Сакса, 2007. – С. 335–337; 2010. – С. 322; см. также: Olaus Magnus (перевод на финский), 1973. – С. 49–50]. Наряду с кладами серебра об интенсивности пушной торговли в позднем железном веке и раннем средневековье говорит большое количество находок наконечников копий (13 экз.), топоров (ок. 50 экз.) и наконечников стрел (ок. 30 экз.), все из которых представляют наиболее лучшие и имевшие большую популярность в Балтийском регионе формы. Оба найденных в Северной Финляндии меча являются западноевропейскими. Среди этих предметов вряд ли можно выделить привезенные именно карелами еще и по той причине, что, вероятнее всего, у карел было такое же снаряжение и набор товаров, как и у остальных участников пушной торговли. Можно предположить, что и формы украшений определялись более вкусами местных женщин, а не этническим происхождением торговца.

На основании анализа находок можно все же сделать вывод, что рассматриваемые северные пушные районы осваивались в эпоху викингов из различных центров. Важным для нас в данном случае является констатировать, что эти районы и их ресурсы стали важной составной частью европейской экономической системы раннего средневековья. Освоение Севера происходило не в форме обычной колонизации, а служило интересам европейской торговли, в более позднее время – удовлетворению социально-экономических и политических потребностей зародившихся государств и их знати. В эпоху государственности на смену обменной торговли и грабительских походов пришли регулярный сбор налогов и межгосударственные соглашения о разделе территорий. С другой стороны, как отмечают письменные источники, еще в XIII–XIV вв. находилось место и грабительским походам.

Свидетельством пребывания карел в бассейнах рек Кемийоки и Торнионйоки являются указывающие на Карелию топонимы [Vahtola, 1980: 559–560; 1986: 82–119]. Наиболее известное свидетельство о поездках карел на Север – это описание Ноусиа Рюсся (русский) карельского пути из Кексгольма в Оулу в Эстерботнии, сделанное им в 1556 г. фогту Турку Симо Туоманпойке и Якко Тейти, которое они и изложили в своем отчете. На маршруте этого пути найдено значительное количество находок вещей позднего железного века, в том числе и в Северной Карелии [Lukkarinen, 1917: 1–7; Könönen, Kirkinen, 1969: 37–41; kuv. 15].

Карелы постоянно проживали в Эстерботнии, во всяком случае, уже начиная с XIV в., что видно из известия 1345 г., согласно которому епископ Турку Хемминг крестил проживающих в Торнио карел в католическую веру [Гадзяцкий, 1941. – С. 174; Kirkinen, 1976: 29]. 1365-м годом датируется сведение о том, что «северные карелы» совершали торговые поездки не только в Улвила, Або и Стокгольм, что было им разрешено, но также в Ревель и другие запрещенные места [Гадзяцкий, 1941. – С. 173]. Ситуация изменилась в XIV в., когда в результате происходивших в районе Оулу сражений новгородцев со шведами побережье Эстерботнии осталось за Швецией [Kirkinen, 1976: 26–31]. Карельские интересы в Эстерботнии приняты во внимание и при составлении Ореховского мирного договора. Это следует из того, что все четыре упомянутых в его тексте пограничных пункта между Саво и Эстерботнией находятся на водных путях, что должно было, по мнению финского историка Х. Киркинена, гарантировать карелам свободный и удобный путь с Карельского перешейка через внутренние области Финляндии до Эстерботнии (рис. 2) [Kirkinen, 1976: 24–26].

Уже сам факт того, что территория современной финской провинции Северная Карелия по Ореховскому мирному договору 1323 г. осталась за Новгородом, свидетельствует, на наш взгляд, что она входила в состав Новгородской Карельской земли. К сожалению, в тексте договора ничего не говорится о жителях приграничных областей, а лишь о линии границы, использовании земель и вод, перебежчиках, безопасности торговцев на воде и на суше. Из этого документа и других источников XIV в., как, к примеру, мирного договора 1326 г. Новгорода с Норвегией и древнерусских летописей, становится очевидным, что обширные северные области вплоть до Кольского полуострова были карельской промысловой зоной (рис. 7) [Kirkinen, 1963: 83; 1970: 34–35; Saksa, 1998: 205; Saksa, 2007. – С. 338–342; 2010. – С. 324]. Договор 1256 г. Александра Невского с норвежцами был заключен после походов 1223 и 1226 гг. новгородцев и карел против Норвегии и по «старому миру». В берестяных новгородских грамотах XIV и начала XV в. встречаются упоминания о карелах, которых послали на Каяно море (№ 286), но в случаях, когда упоминаются географические названия или деревни: Погоская, Кюлолаская и Кюрьеская корила (№ 248) или проживающие в Лайдиколле, Калинитце и Куроле карелы (№ 278) [Арциховский, Борковский, 1963. – С. 104, 112; Янин, 1975. – С. 66–67], становится ясным, что они располагались в Приладжской Карелии. Кюлаский (или Кюлолакский) и Кюрьеский (или Кирьесский) погосты упоминаются в ряде древнерусских летописей в рассказе о походе 1395 г. шведов в Карельскую землю [Материалы по истории Карелии..., 1941. – С. 89]. В ряде случаев упомянутым в берестяных грамотах деревням близкие соответствия находятся в переписной окладной книге Водской пятины 1500 г.: Королья = Каарлахти в Каукола и Ладикола = Лайкала в Куркиёках [см.: Ronimus, 1906: 21, 38]. В 2016 г. в Великом Новгороде на раскопе Нутный IV в слое второй четверти XIV в. найдена берестяная грамота № 1081 с записью оброка в белках, в которой упоминается финское имя Вилив и населенный пункт Лембово [Петров, 2017. – С. 23; публичные комментарии Зализняка А. А., Гиппиуса А. А. и Рыбиной Е. А.]. Лембово, в настоящее время Лемболово – это населенный пункт в южной части Карельского перешейка. Отраженные в берестяных грамотах события во внутренних областях Карелии – это главным образом пограничные стычки между карелами и саволаксами (№ 248, 286, 249) [Арциховский, Борковский, 1963. – С. 72–76, 113; Kirkinen, 1964: 141; 1976: 31–32]. В берестяных грамотах упоминаются насильно отобранные товары и рыба, но в то же время отсутствуют известия о сожженных или разграбленных деревнях, продуктах сельского хозяйства, домашнем скоте. Создается впечатление, что в Северной Карелии в XIV в. еще не было постоянного деревенского расселения или, во всяком случае, деревень не было в области пограничья между Швецией и Новгородом. С другой стороны, пребывание здесь карел представляется постоянным, хорошо видимым в источниках явлением. Какие-то опорные или контрольные пункты должны были существовать, во всяком случае, после заключения мирного договора.

К началу XIV в. у карел были уже серьезные позиции, помимо Эстерботнии (Похьянмаа), также и в Двинской Карелии. Источники отмечают на это время наличие там постоянного карельского населения, упоминая «пять родов детей карельских» [Kirkinen, Nevalainen, Sihvo, 1994: 81]. В это же время принадлежавшие Новгороду северные части Саво и Карелии были заселены, по-видимому, редким лопарским населением и могли интересовать карел лишь с точки сбора дани с лопарей и транзитного прохода к Ботническому заливу (в Эстерботнию) и Белому морю (Двинская Карелия и Кольский п-ов) (рис. 2). Происходящие с этой территории археологические материалы характеризуют ее как зону промысловой деятельности. Охотники эпохи меровингов оставили в память о себе по одному наконечнику копья и стрелы и два каменных блоковидных кресала в Северной Карелии и уже тринадцать такого же типа изделий в Саво. К эпохе викингов в Северной Карелии относится уже восемь находок: три наконечника копий, четыре топора и одна круглая фибула. В Саво к этому же времени можно отнести 34 вещевые находки, из которых принадлежащими промысловым охотникам можно назвать 27 предметов. В это время в Саво появляются первые могильники. В эпоху Крестовых походов (1050–1300 гг.) в Саво в районе г. Миккели возникает поселенческий центр [Kirkinen, 1987: 83–89; Lehtosalo-Hilander, 1988: 190–224; Uino, 1997: 172–174; Saksa, 1998: 167–172, 206; Saksa, 2006. – С. 143; 2007. – С. 338–340; 2010. – С. 325].

В Саво известны также многочисленные культовые камни с выемками, два центра концентрации которых находятся в районе Савонлинна и Керимяки. Рядом с ними сделано на удивление мало

находок железного века, в то время как в Западной Финляндии и на Карельском перешейке они, как правило, располагаются на древних могильниках или по краям древних полей [Äyräpää, 1942: 179–208; Sarmela, 1970: 147–154; Huurre, 1971: 32–36; Simola, Grönlund, Huttunen, 1984: 12–25; Uino, 1997: 90–100; Saksa, 1984. – С. 112–117; 2010. – С. 167–170]. В Саво большая часть жертвенных камней находится на берегах озер или проливов, рядом с заливами, даже на островах [Saksa, 1998: 206]).

О заселении Саво рассказывают также городища, которые известны в районах Миккели, Пуумала, Сулкава и Тайпалсаари [Taavitsainen, 1990: 237–238]. В южной части этой исторической области в эпоху Крестовых походов возникает зона постоянного населения, границы которой на севере проходили по линии Пиексамяки – Йоройнен, на западе по линии Кангасниemi – Мянтьяхарью, на юге по линии Лаппеенранта – Йоутсено – Иматра – Руоколаhti и на востоке восточнее Савонлинна. Центром этой зоны был поселенческий центр в районе Миккели, откуда и началось освоение близлежащих таежных территорий. В финской Южной Карелии поселенческий центр возник в районе Лаппеенранта Кауски-ла, где был исследован грунтовой могильник эпохи Крестовых походов и раннего средневековья [Salo, 1957: 35–55].

В Северной Карелии количество находок не увеличивается и в эпоху Крестовых походов. Два топора карельского типа найдены в Нурмексе и один в Тохмаярви. Две карельские овально-выпуклые фибулы найдены в Мекриярви и Липери и одна, возможно, в Китээ.

Северная Карелия, таким образом, в эпоху Крестовых походов стала пограничной зоной между наступающим населением из Карелии, с одной стороны, и Саво – с другой. С ее северо-западной стороны в районе Куопио, Маанинга и Вехмерсалми найдено несколько вещей позднего железного века, что отмечает направление освоения этой зоны. Историки установили, что сельскохозяйственное население пришло в Северную Карелию из Ладжской Карелии [Гадзяцкий, 1941; Kiujo, 1958; Kirkinen, 1970; Saloheimo, 1971].

Начавшееся в позднем железном веке освоение карелами пушных ресурсов Севера, как мы выяснили, продолжилось в эпоху Крестовых походов и раннее средневековье. С укреплением позиций карел в Эстерботнии и Двинской Карелии масштабы сбора дани у лопарей и возможности пушной торговли увеличились. Роль карел в качестве посредников в европейской пушной торговле сохранилась и упрочилась.

Следует иметь в виду, что по мере того, как карельское население на основной территории Карельского перешейка и Ладжской Карелии увеличивалось и экономически развивалось, в карельской торговле произошли структурные изменения. В XI в. на Балтике возникла благоприятная ситуация для развития торговли. Внешняя конъюнктура дала возможность карелам участвовать в торговле в масштабах всего Балтийского региона, активными участниками которой в XI–XII вв. были Готланд и Новгород. Именно этим временем (вторая половина XI в.) датируются все найденные в Карелии монетные клады, в которых в общей сложности было около 1370 монет [Talvio, 1980: 5–16; Кочуркина, 1981. – С. 25–29]. Изделия готландского ремесла – серебряные броши, филигранные бусы и плетеные цепочки – являются заметной частью карельской культуры эпохи Крестовых походов [Nordman, 1924: 28–69; 1925: 29]. Они получили широкое распространение в Балтийском регионе [Nordman, 1924: 5–69]. Подобные украшения изготавливались также в Киеве и других городах Древней Руси [Nordman, 1924: 19–27; 1944: 39; 1945: 228; Седова, 1959. – С. 233; 1958: 215, 218, 220–221; Antoniewicz, 1970: 50–56; Даркевич, Монгайт, 1978. табл. XI–XIII, XIV–XVI]. Продуктами ганзейской торговли были серебряные кольцевидные фибулы [Sarvas, 1971: 59–62]. Из оружия практически все мечи, некоторые типы наконечников копий и топоров были западноевропейскими. У части найденных на Карельском перешейке вещей нет конкретного «адреса»; они на рубеже эпохи викингов и Крестовых походов широко распространились в Северной Европе, Прибалтике и Древней Руси. Также ткани были предметом торговли.

Через посредство Новгорода и других центров Новгородской земли в Карелию распространилась так называемая (в Финляндии) керамика славянского типа. Состав медных сплавов изготовленных в Карелии украшений, так же как и технические приемы карельских ремесленников, соответствуют используемым новгородскими мастерами [Васильева, 1982. – С. 185–188; Хомутова, 1982. –

С. 188–208]. Такая продукция новгородских ювелиров, как бронзовые зооморфные подвески и бусы, была особенно популярна в среде прибалтийско-финских племен. Особо следует отметить изделия с христианской символикой: крестики, энколпионы, иконки, подвески с изображением Марии Оранта [Purhonen, 1998: 113, 115, 212–217; кув. 126, 127; Мусин, 2002. – С. 179–190; рис. 106, 110–113, 117; 209; рис. 124; Корзухина, Пескова, 2003]. Часть полученной оплаты за ценные меха возвращалась в Карелию в виде серебряных монет, серебра или изделий из серебра. В новгородских берестяных грамотах полученные из Карелии товары оцениваются в рублях (напр.: № 249, датированная концом XIV в.) [Янин, Зализняк, 1986. – С. 197]. В составе клада на Тиверском городке было пять обрезков новгородских серебряных гривен [Talvio, 1980: 14–15; кув. 4]. Серебряный медальон с изображением «процветшего креста» найден в кладе из дер. Кильпола в Хиитола, в кладе из Рауту были ромбоцитковое височное кольцо и привеска в виде серьги, а в кладе из Сортавала Рантуэ – многобусинное височное кольцо. Типичные для Новгорода и Новгородской земли пластинчатые браслеты с орнаментом «волчий зуб» и плетеные браслеты найдены в кладах Северной Финляндии и также в Центральной и Северо-Западной Финляндии [Kivikoski, 1973: 135; Abb. 1081, 1083, 1084]. Также в самом Новгороде и других центрах Новгородской земли найдены, в свою очередь, карельские вещи [Орешек, Старая Ладога, Копорье]. Есть они и в курганах Ижорского плато [Сакса, 2010. – С. 346–352; 2014. – С. 280–289].

В новгородских берестяных грамотах в качестве карельских привозных товаров упоминаются меха куницы и белки, а также лосось (№ 259, 260, 278, 280, 403) [Янин, 1975. – С. 135–142]. Также можно упомянуть лошадей и мясо северных оленей (№ 266, 275).

Карелы в рассматриваемое время хорошо знали побережье Балтийского моря и Швеции, куда неоднократно совершали торговые поездки и военные набеги [Рыдзевская, 1978. – С. 109, 111; Ниинурте, 1979: 222]. В прямых контактах с карелами были заинтересованы и их западноевропейские партнеры. О поездках в Карелию немецких и готландских купцов упоминается в мирных и торговых договорах Новгорода с Готландом, Любеком и немецкими городами 1262 и 1263 гг. и в проекте договора 1269 г., по которым Новгород не нес ответственности за то, что случится с иноземными купцами в Кореле [Грамоты..., 57, 59; Goetz, 1916: 95; Kirkinen, 1963: 85–87; Linna, 1989: 86–87; № 67, 69]. Карелия, следовательно, была одним из факторов международной торговли на Балтике и, находясь географически между Новгородом и странами Балтийского побережья, формировала своего рода один из углов этого треугольника. В этой системе Новгород был не только серьезной экономической силой, но и своеобразным посредником, поскольку многие иноземные товары и большая часть монетного серебра поступала в Приладожскую Карелию и далее вплоть до Северной Финляндии через Новгород [Потин, 1968. – С. 16, 140–141, 149, 167; Nordman, 1921: 91–92; Talvio, 1980: 174; Сакса, 2007. – С. 340–341].

Карелия, начиная с 1270-х гг., упоминается в древнерусских летописях как часть Новгородской земли, часть «волоости новгородской». Начинается новый период, совпавший с изменением международной ситуации в восточной части Балтики, на которую стали влиять новые факторы, прежде всего открытое противостояние между Новгородом и Швецией. В эту борьбу вмешалась папская курия, после чего она приняла характер противостояния Запада и Востока. Характерной практикой XIII в. стали папские буллы и письма шведского короля, в которых запрещалось пlyingшим к русским и к язычникам Карелии, Ижоры, Лопи и Води передавать им оружие, железо, продовольственные товары, корабельный лес и древесину, а также другие товары, которые можно использовать против христиан (булла папы Григория X от 9.1.1275 и письменное разрешение шведского короля Биргера от 4.3.1295 Любеку и другим участвующим в торговле на Балтике городам) [Linna, 1989: 90, 109–110; № 75, 116]. Десять лет спустя после запретительной буллы 1275 г. готландцам разрешили торговать с карелами с тем условием, что они не будут провозить запрещенные товары (письмо короля Магнуса от 7.10.1285) [Linna, 1989: 99; № 96]. Свобода торговли и обеспечение безопасности купцов опять стали важной темой в отношениях между Швецией и Новгородом.

Новым явлением в Карелии стало возникновение городских центров, в которых концентрируются торговля и ремесленная деятельность. Карелия все в большей степени вовлекается в рыночные отношения Новгородской земли. В летописных источниках упоминаются избитые немцами (в 1283 и 1317 гг.)

в Ладожском озере обонежские купцы и «ладожане гости» в Кореле, побитые там корелой с немцами (шведами) в 1337 г. [Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. – С. 338, 348]. Самобытность карельской культуры в городских условиях теряется; в слоях Корелы второй половины XIV в. большая часть находок представлена изделиями новгородского городского ремесла [Кирпичников, 1979. – С. 68–75; Сакса, 1999. – С. 199; 2010. – С. 220–234].

Мы имеем полное основание в итоге утверждать, что для карел на всех этапах их истории торговые и внешние связи имели важное значение для развития их экономики и культуры. Население древней Карелии на своей традиционной территории на всем протяжении позднего железного века и эпохи Крестовых походов имело возможность почти без препятствий и в выгодных природно-географических условиях развивать свое хозяйство и культуру. Еще в средневековье на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии возникало много новых деревень. Другими словами, археологический материал XIV в., как и переписные книги 1500 г. и XVI в., свидетельствуют, что местные природные ресурсы на территории Древней Карелии не были исчерпаны до конца и рост населения еще не достиг своей критической точки. Причины движения карел на Север были большей частью экономическими, как потребностью пополнения внутренних ресурсов, так и продиктованными активным участием карел в экономической жизни Новгорода и, в более широком плане, международной торговле на Балтике.

Список источников и литературы

- Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–57 гг.). – М., 1958. – С. 66–120.
- Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. – Петрозаводск, 1947.
- Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. – Вып. 5. – Л., 1971. – С. 3–22.
- Васильева Е. С. Характеристика медных сплавов с городищ Тиверск и Пассо // Кочкуркина С. И. Древняя Корела. – Л., 1982. – С. 185–208.
- Гадзяцкий С. С. Карелия в новгородское время. – Петрозаводск, 1941.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНиП). – М.; Л., 1949.
- Даркевич В. Е., Монгайт А. Л. Клад из Старой Рязани. – М., 1978.
- Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы (Корельский город XIV в.) // Финно-угры и славяне. – Л., 1979. – С. 52–74.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. – СПб., 2003.
- Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы. V–XV вв. – Л., 1981.
- Кочкуркина С. И. Древняя корела. – Л., 1982.
- Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. – Петрозаводск, 1990.
- Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. – Петрозаводск, 1941.
- Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, период, комментарии. – М., 1986.
- Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. – СПб., 2002.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. – М.; Л., 1950.
- Петров М. И. Археологические исследования 2016 г. на раскопе Нутный IV // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы XXXI науч. конф., посв. 85-летию археологического изучения Новгорода, Великий Новгород, 25–27 января 2017 г. – Вып. 31. – Великий Новгород, 2017. – С. 20–24.
- Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. – Л., 1968.
- Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу: местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси // Изв. АН СССР. Сер. VII. Отделение общественных наук. – № 7. – М., 1934. – С. 485–532.
- Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе I. Связи Скандинавии и России IX–XX вв. – Л., 1970. – С. 323–330.
- Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. – М., 1978.
- Сакса А. И. Комплекс археологических памятников у д. Ольховка (Лопинлахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии. – Л., 1984. – С. 112–117.

- Сакса А. И. Приполярная Финляндия на рубеже I и II тысячелетия // КСИА. – Вып. 200. – 1990. – С. 83–88.
- Сакса А. И. Итоги изучения карельских крепостей эпохи средневековья // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. – СПб., 1999. – С. 192–205.
- Сакса А. И. Карелия и Саво. К вопросу о происхождении населения Саволакского погоста // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур: Докл. Рос.-Финлянд. симпозиума по вопросам археологии и истории. Пушкинские Горы, 7–10 октября 2004 г. – СПб., 2006. – С. 141–152.
- Сакса А. И. Население Карельской земли в эпоху средневековья (по материалам карельских грунтовых могил) // Тр. по русской истории: Сб. статей в память о 60-летиИ Игоря Васильевича Дубова. – М., 2007. – С. 183–205.
- Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. – СПб., 2010. – 398 с.
- Сакса А. И. Карельские украшения в Новгороде (о связях Новгорода с отдельными районами Карелии) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Б. А. Колчина. Великий Новгород, 28–30 января 2014 г. – Вып. 28. – Великий Новгород, 2014. – С. 280–289.
- Седова М. В. Ювелирные изделия Великого Новгорода (X–XV вв.) // МИА. – № 65. – 1959. – С. 223–261.
- Хомутова Л. С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа // Кочуркина С. И. Древняя корела. – Л., 1982.
- Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. – Вып. 14. – М., 1945. – С. 38–61.
- Шаскольский И. П. Русско-норвежский договор 1326 года // Скандинавский сборник. – Вып. 15. – Таллинн, 1970. – С. 63–71.
- Янин В. Л. Я послал тебе бересту... – М., 1975.
- Antiquites russes d'apres les monuments historiques des Islands et des anciens Skandinaves. – Т. 2. – Copenhague, 1852.
- Antoni E. Egils sagas berättelse om Torolf Kveldulvsson farder over fjällen. Hist. Tidskr. för Finland 33. – 1948. – S. 1–12.
- Antoniewicz W. Ein Medallion mit der Darstellung der betenden Mutter Gottes (Maria Orans) aus Kekomäki in Karelíen // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. – Tallinn, 1970. – S. 50–56.
- Arne T. J. La Suede et l'Orient. – Upsala, 1914.
- Äyräpää A. Uhrikivi – kipujen kivi // Kalevalaseuran vuosikirja 22. – Helsinki, 1942. – S. 179–208.
- Egils saga, sive Egili Skallagrimii Vita. – Havniae, 1809. – S. 56–71.
- Fagrskinna // Noregs kononga tal. Udgivet for Samfund til ungívelse af gammel nordisk litteratur ved E. Jonsson. B. 30. – København, 1902–1903.
- Gallen J. Länsieurooppalaiset ja skandinaaviset Suomen esihistoriaa koskevat lähteet // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Bitrag till kánnedom av Finlands natur och folk. Utgivna av Finska Vetenskaps-Sosieteten. H. 131. – Helsinki, 1984. – S. 249–263.
- Goetz L. K. Deitsch-Russische Handelsvertraagr des Mittelalters. – Hamburg, 1916.
- Häme M. Egilin saagan lapinkuvan ajoituksesta // Oulun yliopisto. Historian laitos / Eripainossarja 48. – Oulu, 1979. – S. 71–82.
- Historia Norvegiae. Monumenta historica Norvegiae // Latingske kildeskrifter till Norges historia i middelalderen. – Kristiania, 1880.
- Huurre M. Lisää kuppikivistä // Kotiseutu. – Helsinki, 1971. – S. 32–36.
- Huurre M. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia // Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia I. – Kuusamo, 1983.
- Huurre M. Esihistoria // Kainuun historia I. – Kajaani, 1986. – S. 7–184.
- Islandske Annaler // Udg. af G. Storm. – Kristiania, 1888.
- Julku K. Oulujokilinja karjalaisten kaukoliikenteen väylänä keskiajalla // Studia historica 1. – Oulu, 1983. – S. 65–99.
- Julku K. Kvenland – Kainumaa // Studia historica septentrionale 11:1. – Oulu, 1986.
- Julku K. Suomen itärajan synty. – Rovaniemi, 1987.
- Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissa. – Helsinki, 1963.
- Kirkinen H. Lisälähteita Karjalan keskiajan historiaan // Historiallinen Aikakauskirja 2. – Helsinki, 1964. – S. 139–147.
- Kirkinen H. Karjala taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä II. – Helsinki, 1976.
- Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä I. Venäjän Karjala renessanssijalla (1478–1617). – Helsinki, 1970.
- Kirkinen Heikki, Nevalainen Pekka, Sihvo Hannes. Karjalan kansan historia. – Porvoo, 1994.

- Kivikoski E. Studier zur Birkas Handel // Acta archaeologica 8. – København, 1937. – S. 229–250.
- Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. – Helsinki, 1973.
- Kuujo E. Kurkijoen vaiheet asutuksen alusta vuoteen 1570 // Kurkijoen kihlakunnan historia. – Pieksamäki, 1958. – S. 9–85.
- Könönen T. A., Kirkinen H. Keskiajasta Stolbovan rauhaan // Pohjois-Karjalan historia I. – Joensuu, 1969. – S. 1–183.
- Lehtosalo-Hilander P.-L. Esihistorian vuosituhanneet Savon alueella // Savon historia I. – Kuopio, 1988. – S. 11–264.
- Linna M. Suomen varhaiskeskiajan lähteitä // Historian Aitta XXI. – Jyväskylä, 1989.
- Lukkarinen J. Eräs muinainen kulkutie Laatokan ja Oulunsuun välillä // SM 24. – Helsinki, 1917. – S. 1–7.
- Nerman B. Sveriges aldsta konungalangder som kalla for svensk historia. – Uppsala, 1914.
- Nerman B. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngerer Eisenzeit // Kungl. Vitterhets Historie och Antikvites Akadmiens handlingar 40: 1. – Stockholm, 1929.
- Nordman C. A. Anglo-Saxon coins found in Finland. – Helsinki, 1921.
- Nordman C. A. Karelska järnåldersstudier // SMYA. XXXIV: 3. – Helsinki, 1924.
- Nordman C. A. Schatzfunde und Handelsverbindungen in Finnlands Wikingerzeit // Acta archaeologica 13. – København 1942. – S. 272–293.
- Nordman C. A. Smyckefyndet från Sipilänmäki i Sakkola // SMYA. XLV. – Helsinki, 1945. – S. 221–237.
- Olaus Magnus Gothus. Pohjoisten kansojen historia. Suomea koskevat kuvaukset. – Keuruu, 1973.
- Purhonen P. Kristinuskon saapumisesta Suomeen. Uskontoarkeologinen tutkimus // SMYA 106. – Helsinki, 1998.
- Pöllä M. Laatokan länsirannikon asujaimiston etnisen koostumuksen muutokset rautakaudella ja Karjalan synty // Suomen synty / Studia historica septentrionalia 21. – Rovaniemi, 1992. – S. 416–447.
- Ronimus J. V. Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan silloinen asutus. – Joensuu, 1906.
- Saksa A. Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica Humanistica II. – Joensuu, 1998.
- Salmo H. Deutsche Müntzen in vorgeschichtlichen Funden Finnlands // SMYA XLVII. – Helsinki, 1948.
- Salo U. Lappeen Kauskilan varhaiskeskiaikainen kalmisto // SM. – Helsinki, 1957. – S. 35–55.
- Saloheimo V. Pohjois-Karjalan asutusmuodot 1600-luvulla. Kylä- ja pitäjäkartat // Joensuun korkeakoulun julkaisuja A2. – Joensuu, 1971. – S. 1–182.
- Sarmela M. Uhrikivet ja uhripuut // Kotiseutu. – Helsinki, 1970. – S. 147–155.
- Sarvas P. Ristiretkiajan ajoituskysymyksiä // SM. – Helsinki, 1971. – S. 51–63.
- Serning I. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid // Acta lapponica XL. – 1956.
- Simola H., Grönlund E., Huttunen P. Ovatto Kerimäen uhrikivet rautakautisia? // Piirtoja länsisuomalaiseen menneisyyteen. – Joensuu, 1984. – S. 12–27.
- Snorri Sturluson. Heimskringla. Islensk fornrit. B. 37. – Reykjavik, 1945.
- Strandberg R. Les broches d'argent careliennes en form de fer a cheval et leurs ornements. ESA XII. – Helsinki, 1938. – S. 167–202.
- Taavitsainen J.-P. Ancient Hillfors of Finland // SMYA 94. – Helsinki, 1990.
- Talvio T. Entisen Suomen Karjalan esihistorialliset rahaloydot // SM 86 Helsinki, 1979. – P. 5–20.
- Talvio T. The Finnish Coin Hoards of the Viking Age // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 22. – Helsinki, 1980.
- Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies. Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 104. – Helsinki, 1997. – S. 426.
- Vahtola J. Torniojoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty // Studia historica septentrionalia 3. – Rovaniemi, 1980. – S. 555–563.
- Vahtola J. Onomastinen metodi Suomen varhaishistorian tutkimuksessa // Turun Historiallinen Arkisto 41. – Turku, 1986. – S. 82–119.

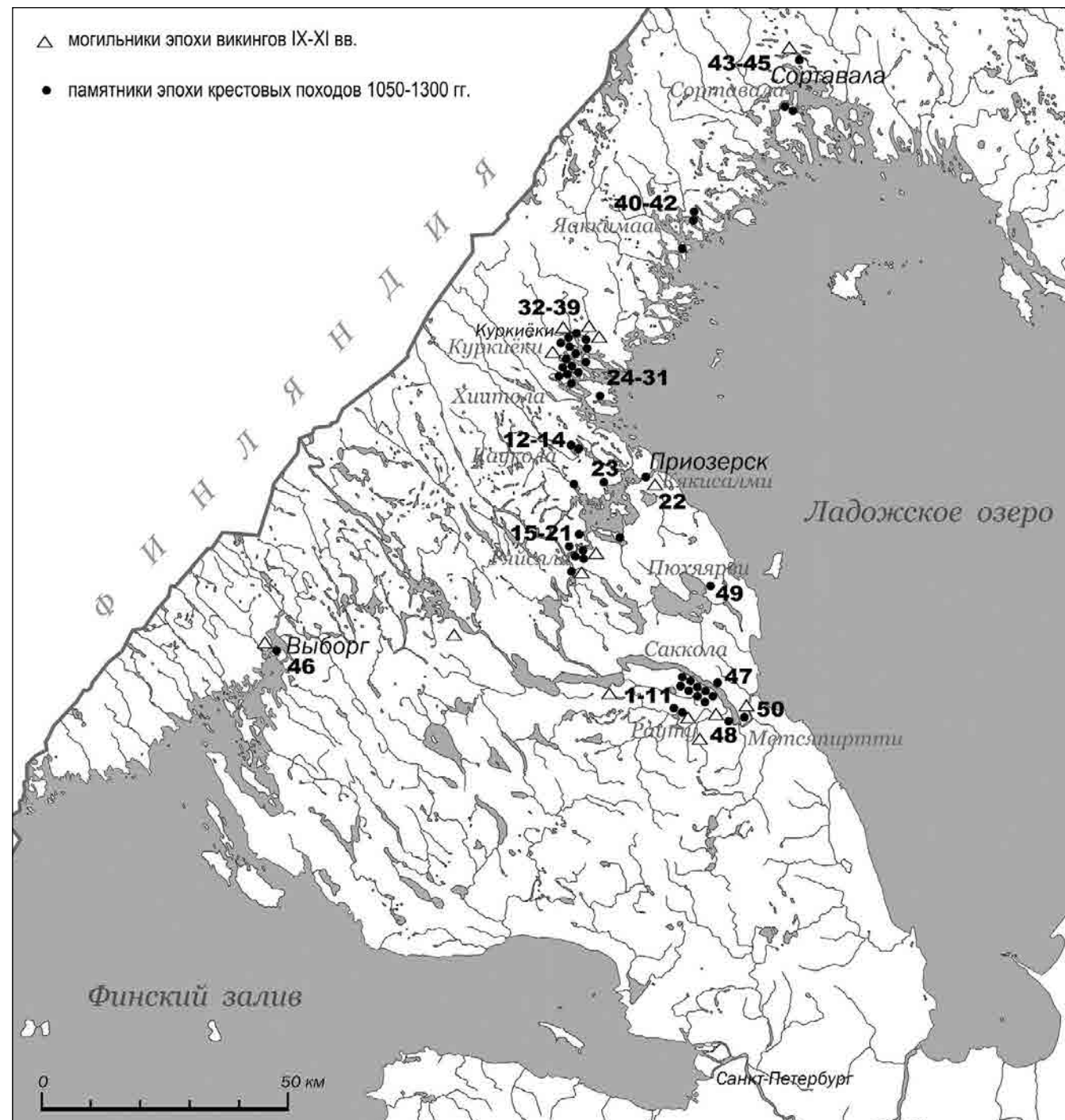

Рис. 1. Памятники эпохи викингов (800–1050 гг. н. э.) и Крестовых походов (1050–1300 гг. н. э.).

1–9 – **Саккола**, Лапинлахти: 1 – Хенномяки (могила), 2 – святилище, 3–6 – поселения Ольховка I–IV, 7 – могильник Паямяки, 8 – могильник Леплясенмяки, 9 – могильник Патъя; 10 – **Рауту**, Хаапакюля (могиляник); 11 – Рауту, Лейникюля (могиляник); 12–14 – **Каукола**: 12 – Коверила, Кекомьяки (могиляник), 13 – Коверила, Кулхамьяки (могиляник), 14 – Сяппяйнен (могиляник); 15–21 – **Ряйсяля**: 15 – Хови, Калмистомьяки (могиляник), 16 – Тиверский городок, 17 – Ивасканмяки, Хайконен (могиляник), 18 – Ивасканмяки, Оллинахо (могиляник), 19 – Ховинсаари (могиляник и поселение), 20 – Мельниково (Ряйсяля) (поселение), 21 – Кивипелто, Пенттинен (?) (поселение); 22 – крепость Корела; 23 – **Кякисалми**, Суотниemi (могиляник); 24–31 – **Хиитола**: 24 – Кильпола, Ханнукайнен (могиляник), 25 – Ханнола (могиляник), 26 – Кавосалми (могиляник), 27 – Нехвола (могиляник), 28 – Мустола (могиляник), 29 – Петкола (могиляник), 30 – Тенхола (могиляник), 31 – Кюлялахти (могиляник); 32–39 – **Куркиёки**: 32 – Кууппала, Калмистомьяки (могиляник, поселение), 33 – Кууппала, Ямяки (городище), 34 – Хяменлинна (городище), 35 – Корписаари (городище), 36 – Лопотти (городище), 37 – Сяккимьяки (могиляник), 38 – Рахола, Куусиккомьяки (могиляник), 39 – Виллапекко (находка топоров); 40–42 – **Яакимаа**: 40 – Сур-Микли (городище), 41 – Миинала (могиляник), 42 – Сорела (могиляник); 43–45 – **Сортавала**: 43 – Паасонвуори (городище), 44 – Риеккала, Нукутталахти (поселение), 45 – Риеккала, Рантуэ (клад); 46 – Выборгский замок; 47 – **Саккола**, Келья (поселение); 48 – **Саккола**, Рииска (поселение, могильник); 49 – **Пюхярви**, Салитсанранта (поселение); 50 – **Метсепиртти**, Коукунниemi (могиляник); 51 – **Хейнйоки**, Ристсепяля (клад монетный)

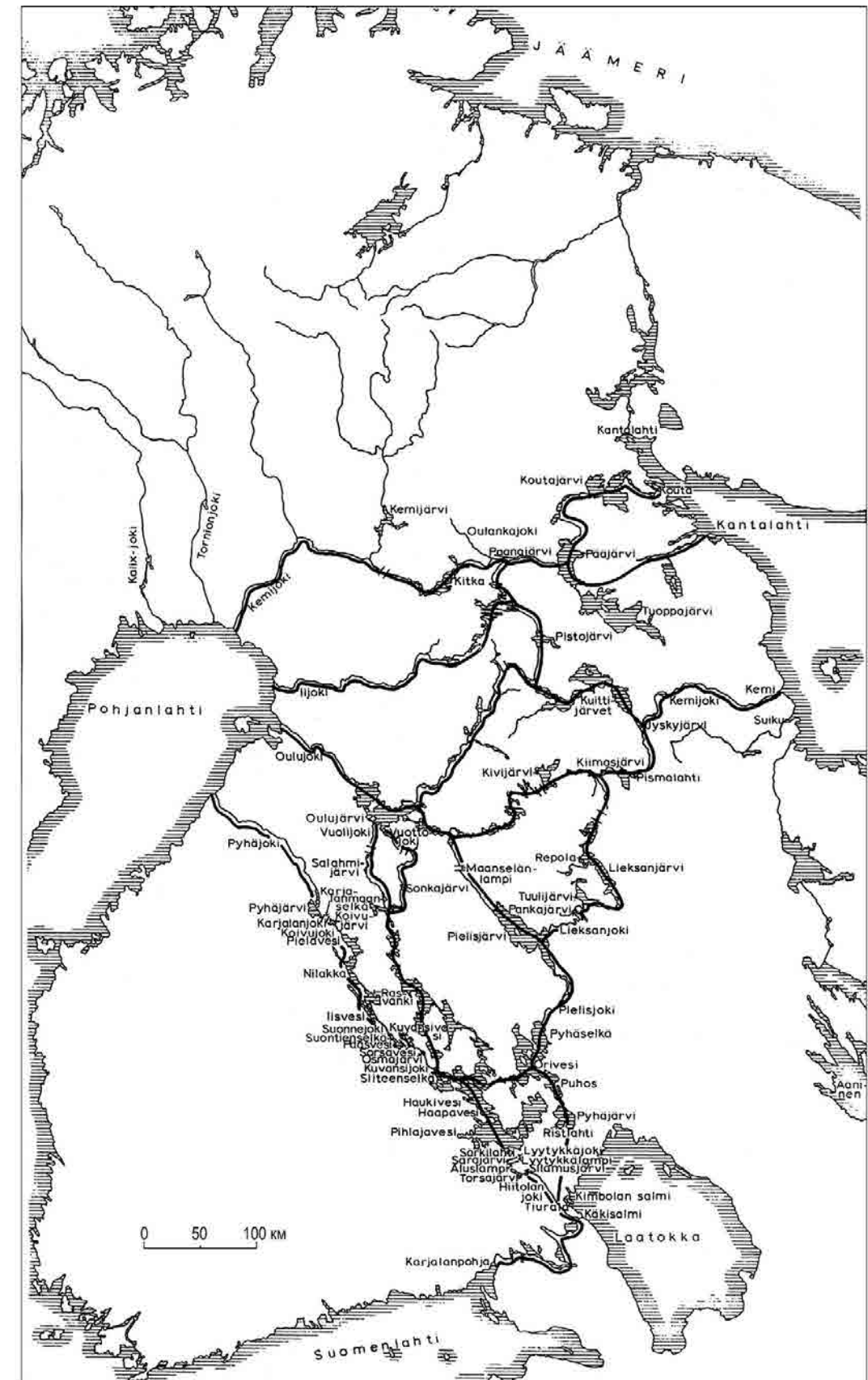

Рис. 2. Карта водных путей, ведущих от Ладоги на Север (по К. Julku, 1987)

Рис. 3. Карта Северных стран (фрагмент). Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

Рис. 4. Ловля лосося на Севере. Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

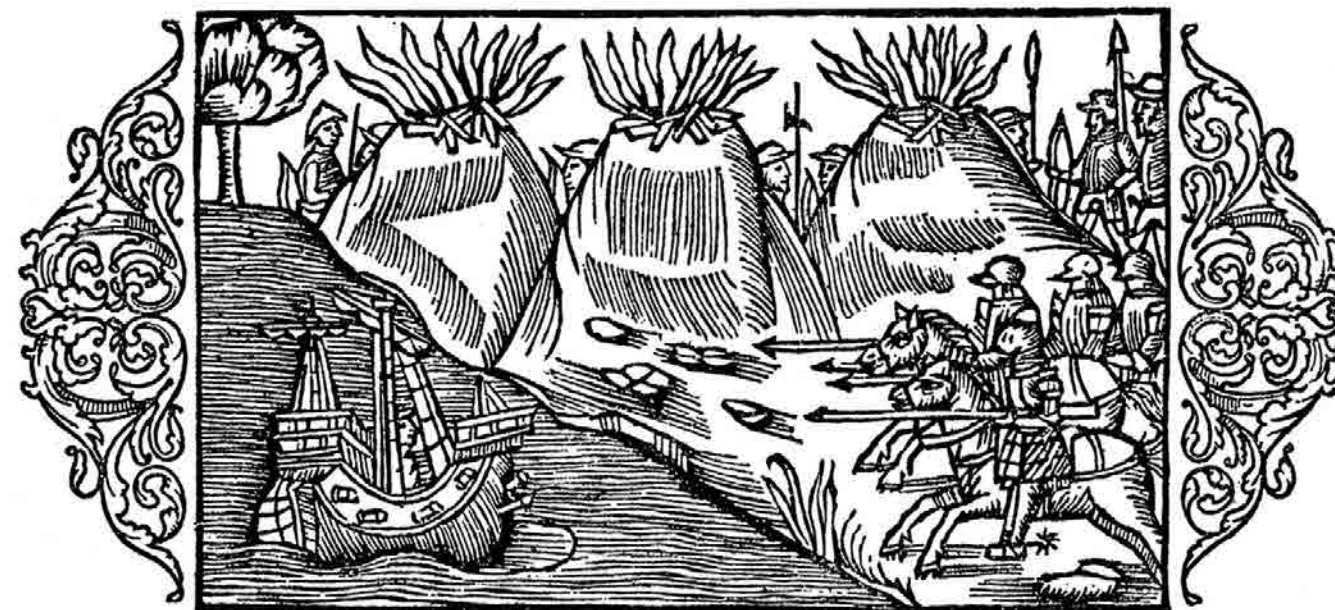

Рис. 5. Сигнальные огни на возвышенностях. Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

Рис. 6. Меновая торговля на Севере. Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

Рис. 7. Пушная охота на Севере. Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

В. Л. Янин¹, Е. А. Рыбина¹, Л. В. Покровская¹,
В. К. Сингх¹, А. М. Степанов², Е. А. Тянина¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
пр. Ломоносовский, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119991, Россия

²Новгородский историко-архитектурный объединенный музей-заповедник
Кремль, к. 11, г. Великий Новгород, 173007, Россия
E-mail: sam0464@mail.ru

Археологические исследования в Людином конце средневекового Новгорода: открытия последних лет на Троицком раскопе¹

Аннотация. Систематические археологические исследования в Великом Новгороде ведутся на протяжении 85 лет. В течение 45 из них работы сосредоточены на Троицком раскопе, расположенном на Софийской стороне, в Людином конце средневекового Новгорода. Раскоп получил свое название по находящейся неподалеку церкви Св. Троицы на Редятине улице (известна с XII в., каменный храм заложен в 1365 г. купцами–«югорцами», т. е. новгородцами, имеющими постоянные целенаправленные связи с Югрой). Общая раскопанная площадь составляет здесь более 8000 кв. м (на 2017 г.), мощность культурного слоя достигает 5–6 м. Самые нижние подстилающие горизонты Троицкого раскопа датируются 30-ми годами X в. За прошедшие десятилетия на раскопе открыты четыре средневековые улицы (Пробойная, Черницына, Ярышева и безымянный переулочек), между которыми были заключены кварталы городских усадеб (19 усадебных комплексов). В последние годы исследования были сосредоточены на Троицких XIII и XIV раскопах (усадебные комплексы «Ж», «У» и «Т»), а также на новом Троицком XVI раскопе, где изучается крупная усадьба, расположенная непосредственно напротив церкви Св. Троицы.

Ключевые слова: Великий Новгород, Людин конец, Троицкий раскоп, усадебные комплексы, берестяные грамоты.

Систематические археологические исследования в Великом Новгороде ведутся более 80 лет, 45 из них в основном сосредоточены на Троицком раскопе, расположенном в Людином конце средневекового Новгорода (рис. 1). Раскоп получил свое название по находящейся неподалеку церкви Св. Троицы на Редятинной улице, которая впервые упоминается в XII в. Каменный храм заложен в 1365 г. купцами–«югорцами», т. е. новгородцами, имеющими постоянные целенаправленные связи с югрой – народом, живущим на крайнем севере новгородских владений [Янин, 1998. – С. 319].

За прошедшие десятилетия раскоп постепенно расширялся вдоль древней Черницыной улицы, включив в площадь исследований Пробойную улицу, которая пересекала Черницыну и была главной магистралью Людина конца. Кроме того, к северу от Черницыной улицы была обнаружена идущая параллельно ей Ярышева улица, а в южной части раскопа зафиксирован безымянный переулочек, шедший параллельно Редятинной улице. В исследуемом районе Людина конца было вскрыто 19 средневековых усадеб, некоторые из них изучены практически полностью.

В настоящее время общая раскопанная площадь составляет здесь более 7000 кв. м, мощность культурного слоя достигает 5–6 м. Начало заселения этой части Людина конца датируется 30-ми годами

X в. (дендродаты нижних горизонтов), а самые верхние средневековые напластования относятся к началу XV в., что обусловлено спецификой сохранности культурного слоя.

Материалы, полученные в ходе раскопок Людина конца, позволили решить важнейшие проблемы новгородской истории, в том числе вопросы о происхождении Новгорода, организации сбора налогов в ранний период, устройство судопроизводства и др. [Янин и др., 2011. – С. 34].

Особенно результативными и впечатляющими были исследования усадьбы «Е», расположенной на перекрестке Пробойной и Черницыной улиц. Ее основная часть была изучена в ходе работ на Троицком XII раскопе (рис. 2). Усадьба «Е» относится к числу крупнейших (площадь около 1500 кв. м) из тех, что раскопаны практически целиком за все время археологического исследования Новгорода.

На этой усадьбе в слоях XI в. были обнаружены деревянные «замки», которые сохраняли содержимое мешков с данью (обычно – пушнина). На самих замках может быть надпись, которая указывает принадлежность мешка (князю или сборщику дани), или населенный пункт, откуда мешок прибыл [Янин, 2001. – С. 48–65]. А ко второй и третьей четверти XII в. относятся находки около 100 берестяных документов (значительная часть в обрывках), большинство которых имело отношение к разного рода судебным конфликтам. Здесь же был обнаружен значительный комплекс построек и сооружений, в том числе огромный настил, датированный 1126 г. Он был специально оборудованным помостом, на котором собирались тяжущиеся стороны и судьи. Анализ содержания грамот в комплексе с другими находками и сооружениями усадьбы «Е» привел к выводу о том, что впервые в истории раскопок Новгорода было обнаружено местонахождение «смесного» (совместного) суда князя и посадника [Янин, 2001. – С. 6–29].

Сенсационным стало открытие и исследование усадьбы и мастерской иконописца и мастера фресковой живописи Олисея Петровича Гречина, жившего в конце XII в. Изучение этой усадьбы – бесценный вклад археологов в историю древнерусского искусства, большей частью анонимного [Колчин, Хорошев, Янин, 1981]. Чтение адресованных Гречину писем и его автографы дали возможность понять, что именно он был главным художником в артели иконописцев, расписавших в 1198 г. фресками церковь Спаса Преображения на Нередице.

Особенно важно открытие комплекса усадеб второй половины XII в., принадлежащих боярскому клану Мирошкиничей. Мирошка Нездинич был одним из наиболее ярких политических деятелей Новгорода и занимал пост посадника с 1189 по 1204 гг. Политическая борьба двух боярских кланов Людина конца (клана Прусской улицы – Михалковичей и клана Нездиничей-Мирошкиничей) привела к победе прущан в начале XIII в. Победа Михалковичей над Мирошкиничами отражена в летописном сообщении под 1207 г. – городские владения Мирошкиничей были разорены и сожжены, а имущество распродано и поделено «по три гривне по всему городу и на щит» [ПСРЛ, 2000. – С. 51, 248]. Следы этого пожара прослежены при археологических исследованиях на Троицком раскопе. После пожара, спустя некоторое время, этот район был передан новым поселенцам. Усадьбы с этого времени значительно уменьшаются по площади, и отмечается заметное обеднение вещевого комплекса [Хорошев, 1994. – С. 66].

С 2001 по 2014 гг. работы проводились на участках Троицких XIII и XIV раскопов, в границы которых попало несколько средневековых усадеб (рис. 1).

Среди них особый интерес представляет усадьба «Ж», относящаяся к комплексу дворов, выходящих на древнюю Черницыну улицу (рис. 2). Ее территория была частично исследована в 1984–1986 гг. на Троицком VII раскопе, в 2001–2009 гг. на основной площади Троицкого XIII раскопа, и была практически полностью открыта работами 2009–2014 гг. на дополнительных прирезках к Троицкому XIII раскопу (участки Г и Г-1), которые позволили получить наиболее яркие материалы.

В слое X в. здесь был обнаружен комплекс предметов скандинавского происхождения, среди которых наконечник ножен меча, накладка на скорлупообразную фибулу, костяная булава с орнаментированной головкой, железные амулеты и бронзовая привеска «рыбья голова» (рис. 3). К этому же комплексу относится серебряный с позолотой нателный крест скандинавского типа, подвешенный на кольцо с завязанными краями [Янин и др., 2015. – С. 59, рис. 7 – 10]. Эти находки не только существенно пополнили немногочисленную коллекцию скандинавских предметов, найденных в Новгороде, но впервые выявлены в комплексе. На других раскопах, в том числе и на Неревском (крупнейшем

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00372\18.

раскопе Новгорода), скандинавские находки единичны [Рыбина, Хвоцинская, 2010. – С. 66–78; Покровская, 2007. – С. 280–284].

Наиболее интересным является период XII – начала XIII вв., когда на этой усадьбе зафиксирована самая высокая концентрация берестяных грамот из всех исследованных до сих пор усадеб средневекового Новгорода (более 100 экз.). По подсчетам А. А. Зализняка, плотность грамот на усадьбе «Ж» составляет 20,5 грамоты на 100 кв. м при средней общей плотности на Троицком раскопе – 6,3 грамоты на 100 кв. м [Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015. – С. 4].

Всего же на усадьбе в слоях этого периода найдено свыше 5 тысяч индивидуальных находок. В составе коллекции предметы из всех известных в Новгороде материалов. Разнообразие бытовых предметов, хорошо известных по другим новгородским раскопам, наглядно иллюстрирует жизнь и быт средневековых новгородцев в XII в. Высокое социальное положение владельцев усадьбы характеризует не только большое количество найденных здесь берестяных грамот, но и коллекция статусных вещей (рис. 5 – 1–6, 6).

В этот хронологический промежуток можно выделить три строительный периода:

I период (1110–1120-е гг.) Усадебная застройка первого периода сформировалась после пожара, уничтожившего все предшествующие строения на этой территории. К этому времени уже сложилась традиционная планировка двора, при которой основное жилое здание располагалось вдоль центральной части тыльной границы усадьбы.

К этому периоду относятся грамоты № 1045–1050, в которых повторяются одни и те же имена: Лука, Сновид, Домка и Уйца. Из текстов грамот можно понять, что эти персонажи занимались торговлей или денежными расчетами. Очевидно, что все они составляли группу складников, т. е. купцов, совместно ведущих торговлю.

Например, в грамоте № 1045 Лука вместе со своим компаньоном Микулой сообщает Сновиду о безрезультатной поездке на север за пушниной: «От Луки и от Микулы к Сновиду. Мы (двое) не купили ничего: заволоцкая белка (беличья пушнина) – 8 гривен. А ты дай нам (двоим) какую-нибудь весть поскорее. Мы бы уже были дома, да распутица. И приветствую вас. Домке отдайте денег (добавлено над строкой: 14 кун) из семи гривен для Саввы Гюровича» (рис. 4).

Упомянутый в этой грамоте Домка также участвовал в переписке со Сновидом (грамота № 1047): «От Домки к Сновиду. Спроси Уйца, тут ли мой должник. Если он тут, возьми с него две гривны. Если его тут нет, то так мне и дай знать (т. е. сообщи об этом)». Этот Уйца был автором грамоты № 1046, от которой, к сожалению, остались лишь обрывки, не дающие связного текста. Вероятно, однако, что Уйца был членом той же группы складников, что и Лука, Сновид, Микула, Домка.

В самых ранних грамотах этого периода (№ 1049, 1050) упоминается некий Словято, который также занят покупками и денежными расчетами. В целой и хорошо сохранившейся грамоте № 1050 речь идет о взимании долга посредством вызова отрока (судебного исполнителя). Поражает, насколько в столь раннее время было развито правовое сознание. Документ датируется рубежом XI–XII вв.

К этому же периоду относятся 42 товарные пломбы с изображениями различных святых, крестов, в том числе и процветших, а также разнообразных знаков. Такими пломбами, вероятно, опечатывались связки шкурок пушных зверей, поступающих в Новгород из восточных и северных районов Новгородской земли. Видимо, на усадьбе шкурки сортировались, а пломбы выбрасывались, а торговля пушниной была одной из статей доходов жителей этой усадьбы на протяжении всего изучаемого периода.

С этим комплексом связана одна печать князя Всеволода Мстиславича (1117–1131) (рис. 5 – 2) и находки деревянных замков на мешки с данью (2 экз.). На одном из них – пятиконечная звезда и надпись «Иване».

Следует также упомянуть находку биты для игры в бабки со знаком Рюриковичей. Богата коллекция украшений, относящихся к этому периоду. Это – разнообразные накладки, височные кольца, перстни, браслеты, привески и др. Среди находок этого периода довольно много обломков стеклянных сосудов, в том числе с росписью (рис. 5 – 3).

II период (1125–1150 гг.) В этот период формируется новый ярус усадебной застройки, но планировка в целом сохраняется. Но, судя по текстам берестяных грамот, где упоминаются те же самые

люди, что и в первом периоде (Лука, Иван, Сновид), мы имеем дело с той же группой складников, т. е. новгородских купцов, совместно занимавшихся торговлей.

Для характеристики усадьбы второго периода чрезвычайно важны берестяные грамоты № 999–1015, также связанные с торговлей. Особый интерес представляют грамоты, у которых один и тот же автор – Лука (уже известный нам автор грамоты № 1045) и один и тот же адресат – его отец.

В грамотах речь идет о торговле зерном, кожей, сковородами, о расчетах с покупателями, о поездках в Луки и о покупке там товаров, о заморском и греческом товаре и т. д. По содержанию грамот фиксируется, что в первой половине XII в. владельцы усадьбы (вероятно одним из них был отец Луки, коль скоро ему адресовано 5 писем), активно занимались торговлей и связанными с ней денежными расчетами, т. е. создавали капитал.

III период (1150–1190-е гг.) С третьим периодом связан расцвет семейства, владевшего этой усадьбой. Как и в предыдущих ярусах, основное жилое помещение располагалось в центре тыльной части усадебного двора (рис. 7).

Для этого периода характерен комплекс грамот Якима, писалу («перу») которого принадлежит 37 документов. Таким образом, среди авторов берестяных грамот Яким является самым пишущим новгородцем. Подавляющее число грамот Якима являются деловыми записями, среди которых почти нет частных писем с адресной формулой. Становится очевидно, что Яким был управляющим крупным боярским хозяйством, вел записи об оплате пушнины (№ 1021), о количестве зерна и семян (№ 1023, 1024, 1029/980, 1037), о поставке соли и т. д. [Зализняк и др., 2013. – С. 115–118].

Особый интерес представляет грамота № 1021, в которой указана огромная сумма, уплаченная двумя феодалами за три тысячи сто беличьих шкурок (рис. 8). Один из них заплатил сорок пять гривен и две ногаты, другой – сорок четыре гривны и пять с половиной кун, из чего следует, что одна беличья шкурка стоила около 0,7 кун. По мнению А. А. Гиппиуса, речь идет о двух боярах – сыновьях знаменитого посадника конца XII в. Мирошки Нездинича, у которых Яким, очевидно, был управляющим [Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015. – С. 119].

В грамоте № 1023, содержащей перечисление различного зерна и семян, поражает количество ячменя в 500 мер. К сожалению, объем этой меры нам пока неизвестен. Примечательна грамота № 1029 с указанием количества кадей (очевидно, ржи), числящихся за разными людьми.

Особую категорию грамот Якима составляют короткие однострочные записки, очевидно ярлыки (всего 9 экз.). В большинстве их них указывается стоимость различных предметов. Любопытны две записки, не содержащие упоминания конкретного предмета или товара. В одной из них сказано: «А съ либське», т. е. что это ливский, очевидно, товар. В другой указана только стоимость: «А съ по 2 куонь». Видимо, это был ценник, прикрепленный к какому-то товару. Несомненно, что наряду с добытанием пушнины и сбором податей одним из основных занятий жителей этой усадьбы продолжала оставаться торговля.

Среди находок, характеризующих высокий социальный статус владельцев этой усадьбы, есть византийская печать с греческой надписью, дощечка от деревянной церы, на которых учились грамоте дети. Так же как и в предыдущем периоде, на территории усадьбы обнаружено большое количество обломков стеклянных сосудов.

Группа предметов, связанная с вооружением и снаряжением коня и всадника, немногочисленна, что в целом характерно и для других средневековых городских усадеб. Кроме обрывков кольчуги, наконечников стрел и стремени в этой группе уникальное деревянное седло с четырьмя десятками разнообразных костяных накладок на него (рис. 9) [Хорошев, 2004. – С. 175–188].

В настоящее время работы проводятся на участках Троицкого XV и XVI раскопов.

Работы на Троицком XV раскопе были начаты в 2013 г. С запада он примыкает к прирезке Троицкого XIII раскопа (участок Г-1). Здесь, в слоях, датированных второй третью XIII – первой половиной XIV в., были частично исследованы две довольно богатые усадьбы. В слоях первой половины XIII в. обнаружены предметы, характеризующие повседневную жизнь и быт средневековых новгородцев. В составе коллекции – бытовые изделия, универсальные инструменты, детали замков, ключи, небольшое количество украшений и детали обуви. Все предметы, свидетельствующие о высоком статусе

владельцев усадеб, следует относить к концу XII – началу XIII вв., т. е. к периоду жизни усадеб до пожара 1207 г. (берестяные грамоты, крест с серебряными наконечниками (рис. 5 – 7) [Ениосова и др., 2017. – С. 150–153], деревянную бирку с надписью «УСТЬЕ ЕМЦА»). Вещевой комплекс этого периода с усадеб, открытых на Троицком XV раскопе, схож с комплексом находок Троицкого XIII раскопа (усадебная «Ж»). Примечательно, что в обнаруженной в 2017 г. берестяной грамоте № 1091 среди списка имен также есть имя «управляющего» Якима.

Работы на Троицком XVI раскопе были начаты в 2015 г. Он расположен напротив церкви Троицы и отделен от основной части Троицкого раскопа Редятиной улицей. В настоящее время работы здесь проводятся в слоях XIV в. В самом начале археологических исследований на этом участке была обнаружена сгоревшая постройка со скоплением обломков больших глиняных тиглей, характерных для второй половины XIV – первой половины XV вв. В каждом из таких сосудов можно было расплавить несколько килограммов бронзы. Здесь же были найдены крупные фрагменты обмазки тигельной печи. По всей видимости, в конце XIV в. жители этой усадьбы занимались литейным делом [Янин и др. 2016. – С. 19–20].

Археологические исследования на Троицком раскопе являются неисчерпаемым источником информации о разных сторонах жизни и быта средневековых новгородцев и их изучение еще далеко до завершения. В кратком обзоре отмечены лишь наиболее значительные открытия, которые демонстрируют высокий потенциал новгородского культурного слоя для изучения древнерусской истории.

Список источников и литературы

Ениосова Н. В., Покровская Л. В., Степанов А. М. Янтарный крест с серебряными наконечниками с Троицкого раскопа XV // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород; СПб: Любавич, 2017. – Вып. 31. – С. 150–153.

Зализняк А. А., Янин В. Л., Гиппиус А. А., Рыбина Е. А. Берестяные грамоты из раскопок 2012 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2013. – Вып. 27. – С. 115–118.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. – М.: Наука, 1981. – 168 с.

Покровская Л. В. Металлические предметы скандинавского происхождения из раскопок на Троицком раскопе: топография // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – С. 280–284.

Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – 3-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 720 с.

Рыбина Е. А., Хвоцинская Н. В. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – С. 66–78.

Хорошев А. С. Седло начала XIII в. из Новгорода (опыт реконструкции) // Новгород и новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2004. – Вып. 18. – С. 175–188.

Хорошев А. С. Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадебная А) // Новгородские археологические чтения. – Новгород, 1994. – С. 54–66.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 464 с.

Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. – Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2001. – 152 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). – Т. XI. – М.: Русские словари, 2004. – 288 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). – Т. XII. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 288 с.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К. Работы в Людином конце Новгорода в 2011 году (Троицкие XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2011. – Вып. 25.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2015 г. (Троицкий раскоп – XVI) // Новгород и новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2016. – Вып. 30. – С. 15–23.

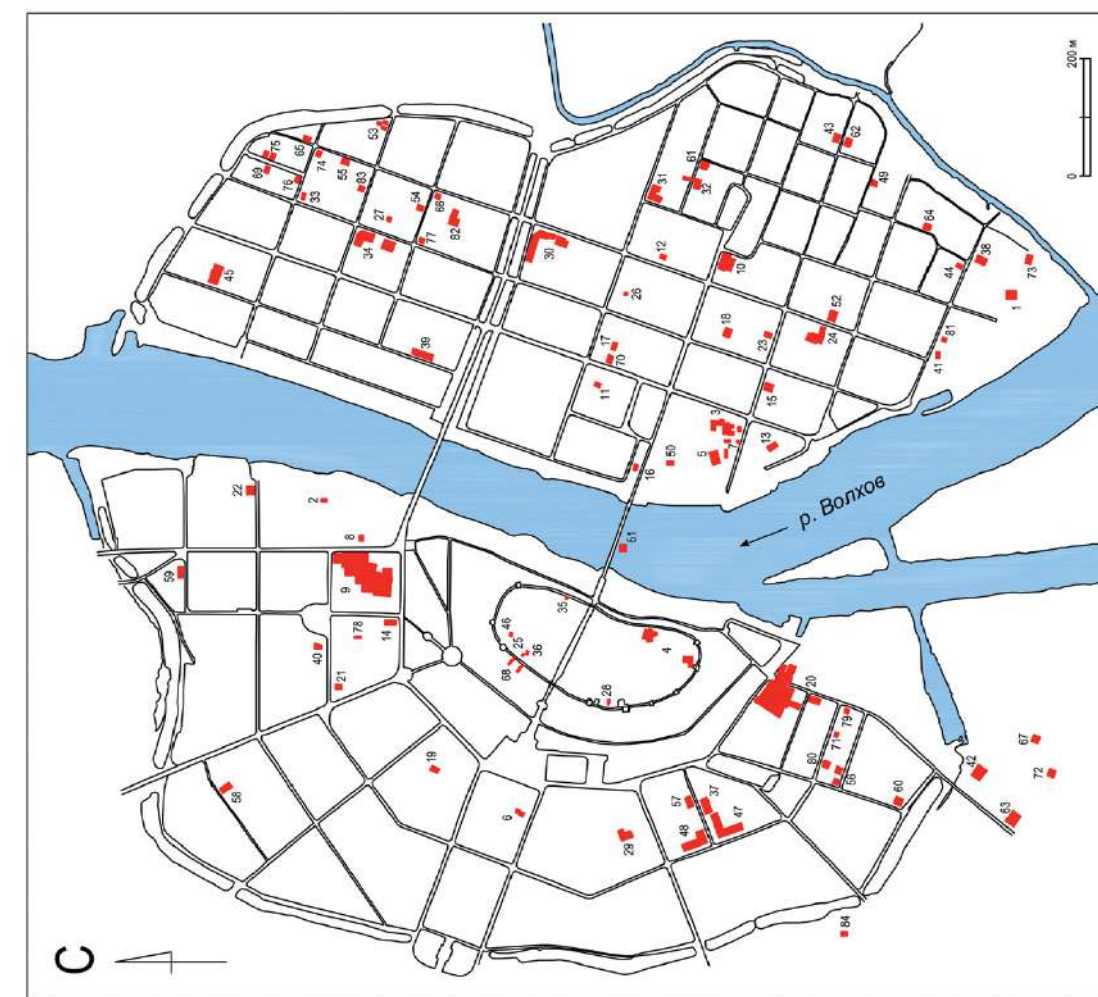
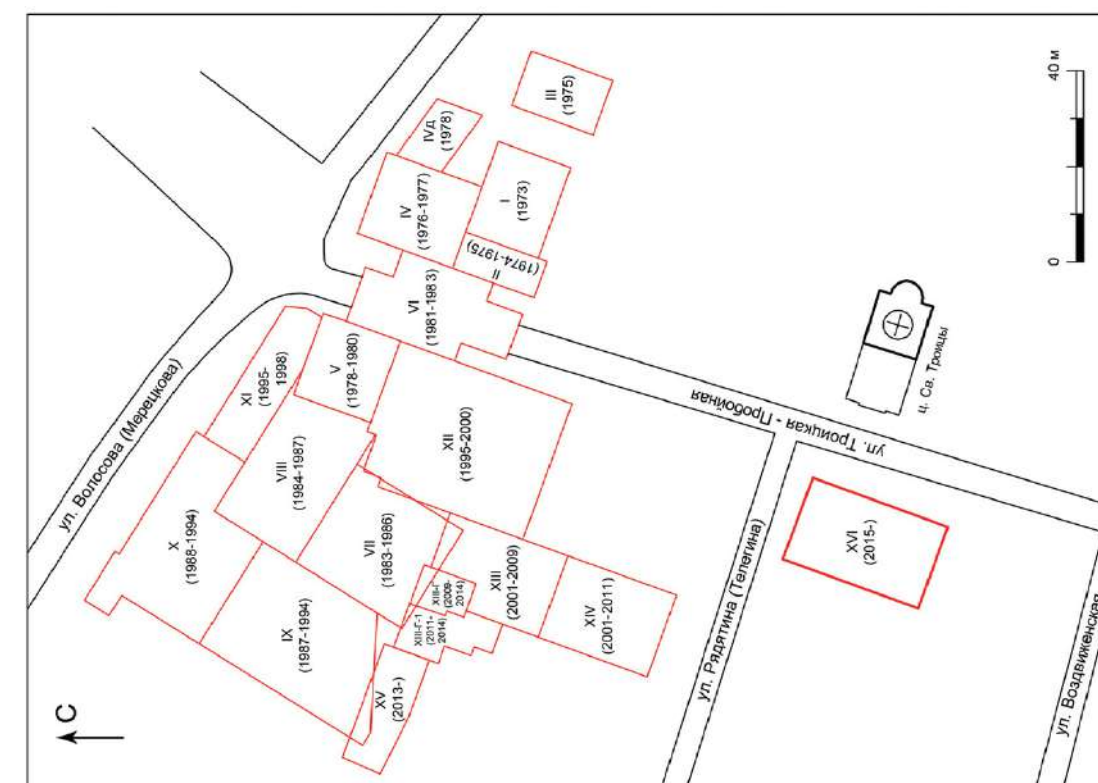

Рис. 1. План Великого Новгорода с указанием мест раскопок и ситуационный план Троицкого раскопа

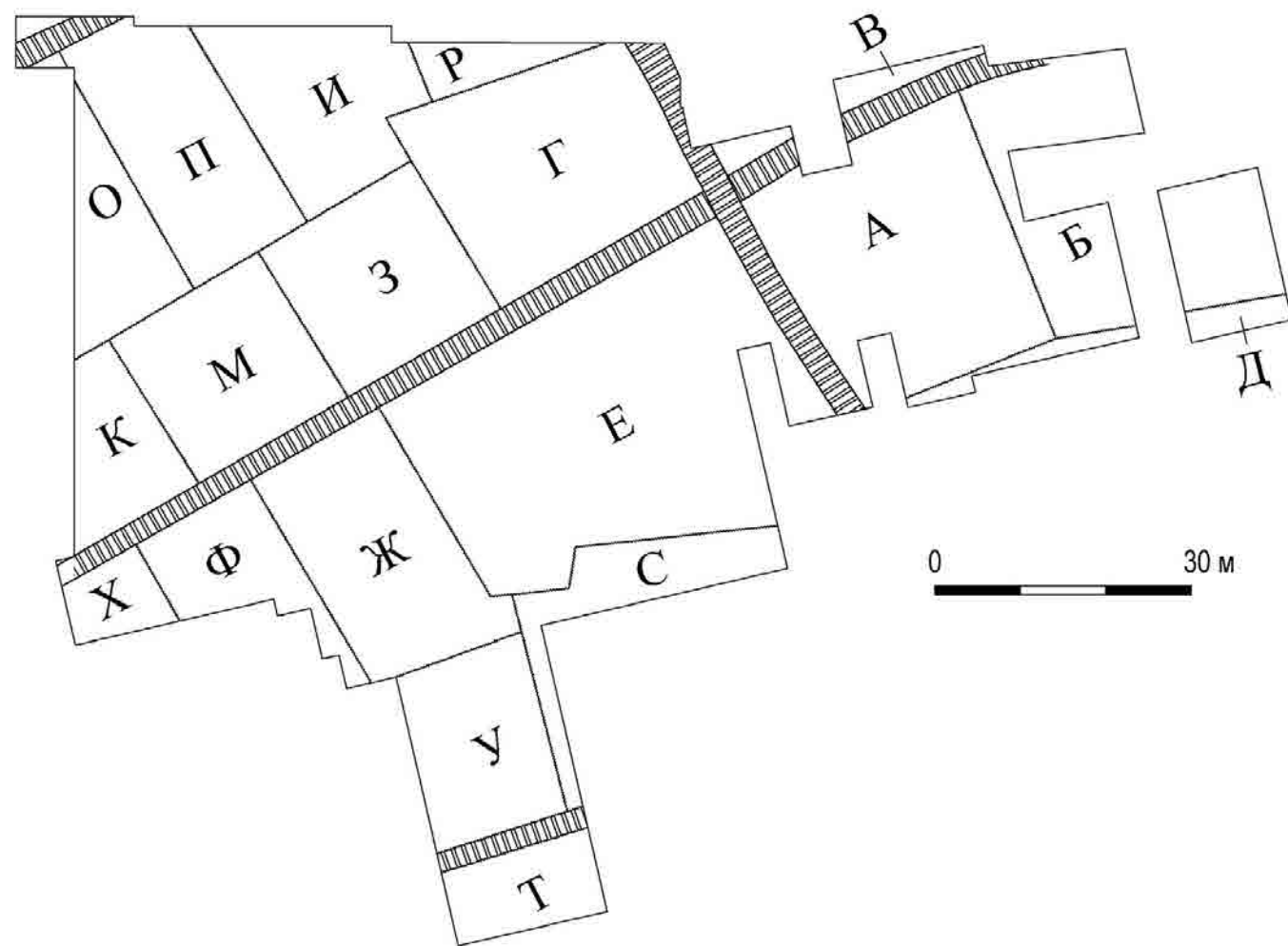

Рис. 2. Поусадный план Троицкого раскопа

Рис. 3. Предметы скандинавского происхождения: 1 – наконечник ножен меча, обломок, бронза; 2 – накладка на скорлупообразную фибулу, обломок, бронза; 3 – булавка с орнаментированной головкой, обломок, кость; 4 – привеска-амулет кольцо-«погремушка», железо; 5 – привеска «рыбья голова», бронза; 6 – оселок, камень (полосчатый сланец)

Рис. 4. Берестяная грамота № 1045

Рис. 5. Находки с усадьбы «Ж»: 1–2 – печати князя Всеволода Мстиславовича (1117–1131 гг.), свинец; 3 – сосуд византийский, обломок, стекло; 4 – энколпион, бронза; 5 – крест с эмалью, обломок, бронза; 6 – топорик-амулет, свинец-олово; 7 – крест с серебряными наконечниками, обломок, янтарь

Рис. 6. Писала, железо

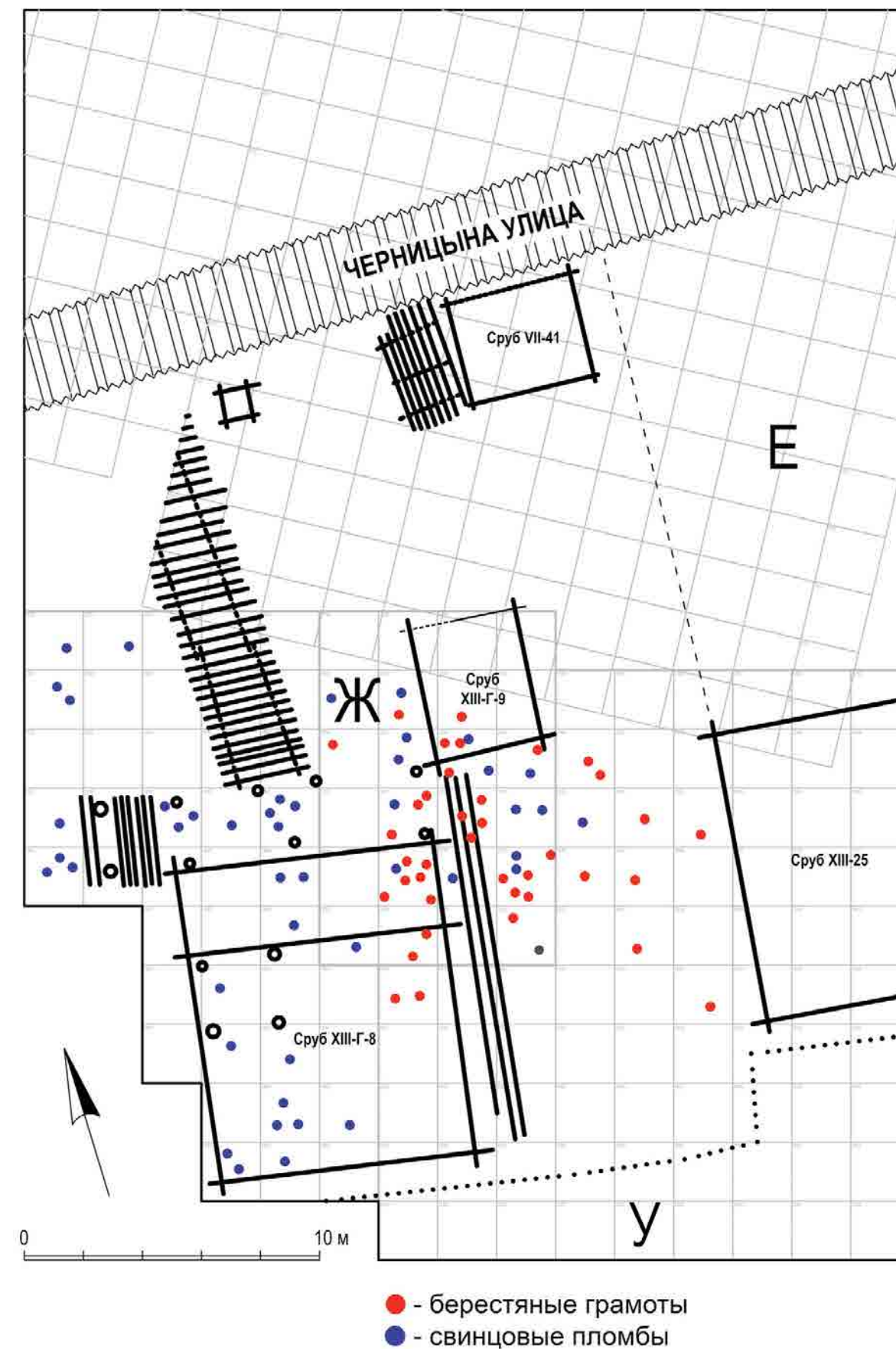

Рис. 7. Схема третьего строительного периода (1150–1190-е гг.)

Рис. 8. Берестяная грамота № 1021

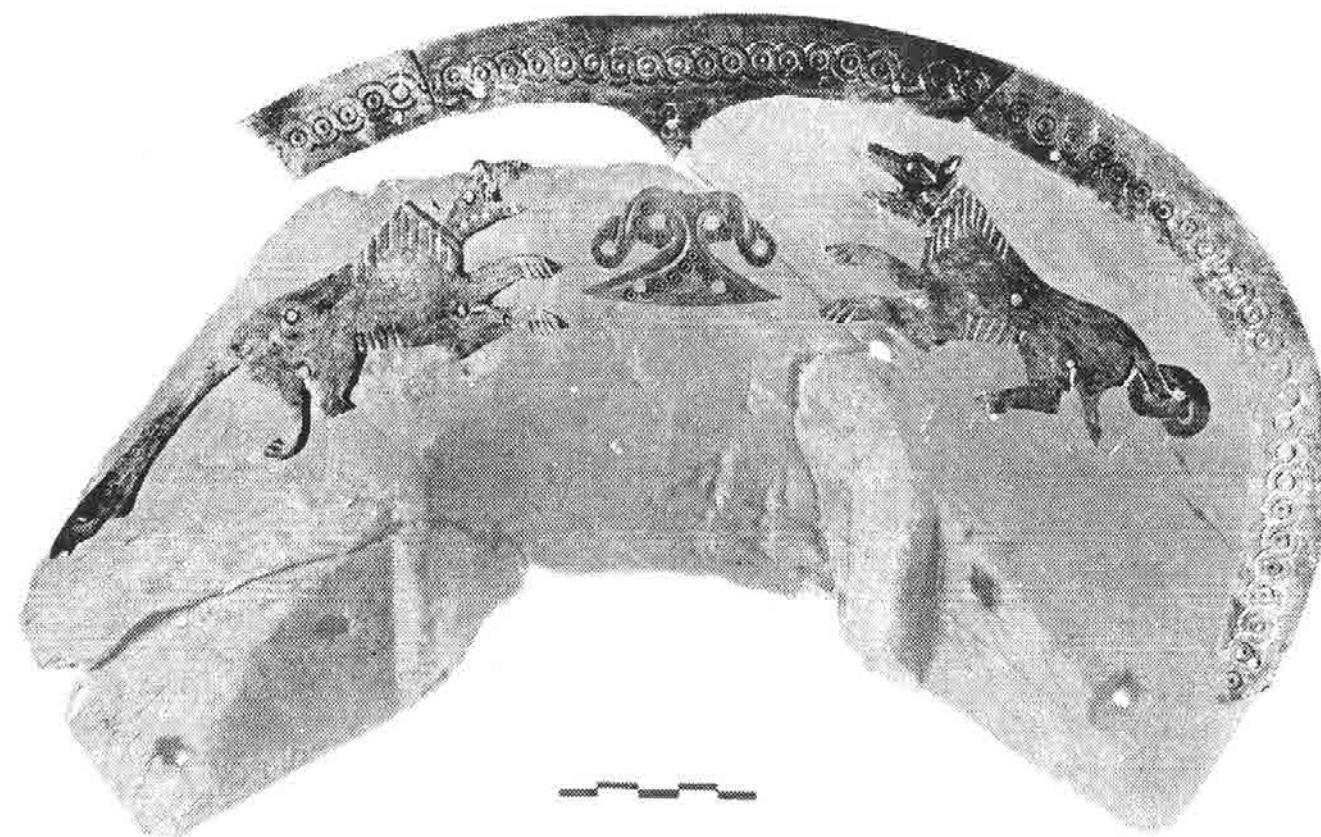

Рис. 9. Деревянная лука седла с костяными накладками с усадьбы «Ж»

В. А. Курбатов¹

¹ Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Дворцовая набережная, д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: alkurba@rambler.ru

Истоки строительных «прикладов» в Западной Сибири

Введение

Традиция строительных прикладов в Восточной Европе (территории современных России, Беларуси и Украины) хорошо известна по этнографическим материалам XIX–XX вв. «Подклад подкладящий» – так в суеверных представлениях жители Смоленской губернии начала XX в. называли подкладываемую колдовскую вещь [СРНГ, 28. – С. 34]. Обряды, связанные со строительством дома, еще в конце XIX в. обычно сопровождалось разными магическими действиями с использованием вещевых «прикладов». Сведения о таких обрядах обобщили в своих работах Д. К. Зеленин и А. К. Байбурин. Из этих работ видно, что у восточных славян в качестве «строительной жертвы» фигурировали конь, петух и курица, а возможно, и крупный рогатый скот. Принесение в жертву петуха (курицы) было в XIX в. общим явлением, а жертвование коров (быков) и лошадей отмечено только на Украине. По русским поверьям дом всегда строился «на чью-нибудь голову», поэтому «при переходе в новый дом отрубали на пороге избы голову у курицы, которую после в пищу не употребляли. Иные же, для предотвращения мнимого несчастья при закладке домов, закапывали куриную голову под главным углом». Но, исходя из такого объяснения, трудно понять замену живых существ, приносимых в жертву при закладке дома, на неодушевленные предметы – монеты, ладан, шерсть, зерно, куски хлеба. А. К. Байбурин предположил существование параллельно двух линий жертв – живой и бескровной [Байбурин, 1983. – С. 62–63]. Вторая форма преобладала на Севере России – в Вологодской и Архангельской губерниях, где при закладке избы клали «под угол деньги – для богатства, шерсть – для тепла, ладан – для святости». Прикладами были серебряные и медные монеты, пучки шерсти, зерна и куски хлеба – то есть все то, чем должен быть богат новый дом. В некоторых местах Вологодской губернии жертвенные деньги отдавали плотникам, а у более бедных хозяев они даже засчитывались как часть платы за труд мастеров [Зеленин, 1991. – С. 314–315; Логинов 1993. – С. 82]. Исходя из таких объяснений, переход на бескровную жертву можно объяснять экономией и рациональностью обрядовых действий.

Подобные обряды отмечаются и у южных славян [Толстая, Ясинская, 2012. – С. 186–187]. Кроме того, приклады использовали не только при строительстве жилого дома, но и крупных надворных построек, например хлевов [Плотникова, 2012. – С. 438].

Археологические материалы

Сведения о строительных жертвах дают раскопки многих археологических памятников в XX – начале XXI в. Например, неоднократно следы такого обряда были зафиксированы в Старой Ладоге

[Курбатов, 2011. – С. 212 и сл.]. В раскопе 4 на Земляном городище в 2010 г. был встречен череп животного под нижним венцом сруба второй половины IX в. (рис. 1). Разбитый, вероятно, еще в древности, этот череп не привлек бы наше внимание без знания более ранних находок такого рода в Старой Ладогге и других средневековых русских городах. На том же раскопе 4 в 2008 г. был найден целый череп лошади, вероятно намеренно положенный под углом «большого дома». Вскрытые в том сезоне отложения, по данным дендроанализа, относятся к первым десятилетиям X в.

В 1981 г. при доисследовании северной части «большого дома», открытого в 1950 г. экспедицией В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябинин также отметил строительную жертву – череп коровы под северо-западным углом сруба. Поспешное сооружение этого дома, по серии дендроспилов, было отнесено к 881 г. Срочность его постройки объясняется необходимостью размещения приезжих торговцев, на что указывают обилие деталей разобранного морского судна, использованных для постройки, а также своеобразный набор предметов в ее основании [Рябинин, 1985. – С. 39, 46]. Массовыми находками, в частности, были 211 бусин и 32 куса янтаря. Их исследователь считал признаками обосновавшейся здесь торговой артели. Другим вариантом «приклада» Е. А. Рябинин назвал заготовку деревянного ковша (рис. 2), лежавшего под камнем-наковальней в кузнице, на том же участке ладожского поселения [Рябинин, 1994. – С. 19; рис. 12].

На левом берегу р. Ладогги, в раскопе на Варяжской улице (1975–1977 гг.), при изучении другой «большой постройки» В. П. Петренко также отмечал черепа животных, относя их к ритуальным предметам. В полевом отчете он точно указал положение черепов: «внутри постройки... чаще вдоль стен» [Петренко, 1976-А. – С. 9]. Данная постройка сопоставима с языческим храмом в Гросс-Радене, где также найдено много черепов, связанных с культовыми действиями [Петренко, 1985. – С. 111].

Первые закладные жертвы в древнерусском городе отметил В. В. Седов при раскопках в Новгороде, где он выделил два варианта «закладов». В 1953 г. в самых нижних горизонтах культурного слоя (середина X в.) были найдены остатки древнерусской языческой братчины – жертвоприношение 9 хозяев дворов, первых поселенцев этого района раннего города [Арциховский, 1954. – С. 111; 1956. – С. 43; Седов, 1956. – С. 138 и сл.]. Эти сведения дополнила В. Г. Миронова, описывая одну из древнейших ям (XI в.) на Ильинском раскопе, не связанную с какими-то постройками. В яме лежал скелет коня в анатомическом порядке, но череп отдельно от него. Ноги животного были подогнуты и связаны, на передних сохранилась лыковая веревка. На уровне скелета в западной части ямы отмечены огарок восковой свечи и кнут. Таким жертвоприношением она посчитала и находку в материковой яме середины X в. двух бычьих черепов с рогами, поставленных на шейные основания, и перевернутого вверх дном деревянного ковша. Это часть строительного обряда первых насельников места [Миронова, 1967. – С. 215 и сл.]. В те же годы подобный обряд был зафиксирован также в Смоленске [Авдусин, 1968. – С. 45].

Именно такая форма жертвоприношения в городе, связываемая с началом общего освоения новой территории, а не с постройкой отдельных домов, закрепилась в отечественной историографии. Она началась с поддержки А. В. Арциховским наблюдений В. В. Седова [Арциховский, 1956. – С. 43] и отражена в работе П. И. Засурцева о постройках Неревского раскопа. Последний уточнял, что речь может идти только о первых поселенцах именно Кузьмодемьянской улицы, а не вообще первого поселения в Новгороде [Засурцев, 1963. – С. 121].

В последнее время подобный взгляд на «закладные» жертвы поддержала Н. Н. Фараджева [Фараджева, 1999. – С. 90]. Ссылаясь на А. В. Цауне, она писала о широком распространении такого обычая на побережье Балтики, в частности на территории Польши. Сам А. В. Цауне подчеркивал длительность сохранения обычая помещения «прикладов» в строящихся домах, не ограниченную только жертвами на новых участках застройки. Он писал: «Обычай помещать при закладке дома под углом различные предметы сохранился в некоторых районах Латвии до конца XIX в. Под первое бревно на углах дома клали овечью шерсть, чтобы помещение было теплым, хлеб, серебряные монеты или фибулы, чтобы обитатели дома жили зажиточно; ртуть или крестик из рябины, чтобы в дом не ударила молния. Подобные обычаи наблюдались у русских, эстонцев, финнов и других народов еще в XIX в.» [Цауне, 1984. – С. 38].

Жертвоприношения первых поселенцев не являются самым показательным обрядом – ни по географии применения, поскольку они найдены на территории России только в Новгороде и Смоленске,

ни по длительности сохранения традиции. В том же Новгороде в 1955 г. В. В. Седов описал 9 случаев установки черепа лошади в основании жилых и хозяйственных построек, непосредственно под закладным венцом. Черепа, поставленные точно на шейное основание, часто лежали справа от предполагаемого входа в постройку. Большинство их найдены в нижних горизонтах культурного слоя. По наблюдениям, строительные жертвы в слоях XII–XIV вв. закапывались неглубоко (на 0,2–0,5 м), по сравнению с их положением в слоях X–XI вв. (до 0,6–0,9 м). Всего на Неревском раскопе В. В. Седов отметил около 30 конских черепов, кроме описанных в статье. Все черепа принадлежали взрослым особям лошадей разных пород. По его замечанию, до 1955 г. аналогичные «жертвы» не были осознаны и не привлекали внимания, а черепа брали в комплексе остеологического материала без должной фиксации [Седов, 1957. – С. 22–26]. О длительности сохранения обряда строительных жертвоприношений в Новгороде говорит и находка на Ильинском раскопе черепа коня под юго-восточным углом фундамента каменного терема конца XIV – начала XV в. [Миронова, 1967. – С. 215–222].

Кроме Новгорода, строительные жертвы в 1950–1970-е гг. отмечены в ряде городов Восточной Европы. Так, в Старой Руссе четыре конских черепа лежали под нижним венцом дома на усадьбе ювелира, относимой к середине XII в. По мнению А. Ф. Медведева, «ювелир был, видимо, неграмотным – в его усадьбе нет ни одной грамоты или вещи с надписью. К тому же он был суеверен, носил амулеты из рога лося в виде ножей в ножнах, а при сооружении своего дома (пятистенки) подложил под нижний венец четыре лошадиных черепа. Это типичный обряд язычников» [Медведев, 1978. – С. 23]. В Великих Булгарах череп животного найден в ямке близ восточного угла дома XIII в. [Смирнов, 1951. – С. 203–204; табл. VII; рис. 131]. В Городке на Ловати, под Великими Луками, где жизнь протекала в X–XII вв., намеренно положенные черепа животных найдены в основании построек второго этапа жизни поселения (вторая половина XI – XII в.). В одном из наземных домов череп собаки находился на дне ямы от опорного столба в углу котлована-подполья, а в другом – череп лошади лежал под печью [Горюнова, 1983. – С. 9–10]. Один конский череп найден в заполнении подвала наземной постройки XII–XIII вв. в Ярополче Залесском [Седова, 1978. – С. 25].

В Риге «закладные жертвы», бытовые предметы и черепа животных, встречены под фундаментами деревянных построек XII–XIII вв. Так, под углом одной из построек, на фундаментной подкладке лежали 3 сетевых поплавок. Ритуальными предметами признаны и 5 деревянных палочек с вырезанной головой человека. Один такой «жезл» встречен под полом столбовой постройки в раскопе 1974–1976 гг. на углу улиц Пелду и Уденсвальда, а другой найден в раскопе на площади Альберта внутри строения, вблизи одного из углов. На этом же раскопе, под полом другой постройки лежала шейная гривна. В Латвии, кроме Риги, строительные «приклады» отмечены на Даугмальском и Талсинском городищах и на поселении ливов в низовьях Даугавы. Эти материалы подтверждаются наличием такого же обычая в современных границах Германии и Польши [Цауне, 1984. – С. 39].

Самые ранние строительные жертвы в Риге А. В. Цауне относит к XII в., и найдены они в местах селищ местного населения. Затем они прослежены под фундаментами раннегородских построек Риги XIII в. Жертвы помещали не только под углы жилищ и амбаров, но также у подножия городской оборонительной стены и сторожевых башен. По наблюдениям, в Риге жертвы клали не под всеми постройками и не под каждый из углов построек. На отдельных усадьбах традиция сохранялась в нескольких поколениях, тогда как на соседних она отсутствовала. Обычно жертвоприношение помещали в одном месте, реже – в двух. Чаще оно включало только один предмет, но отмечено и положение трех сетевых поплавков из коры сосны и трех черепов лошади. Рижские резные «жезлы» А. В. Цауне сопоставил с аналогичными находками в Новгороде [Колчин, 1971. – С. 41] и на территориях западных славян, в частности, в Волине и у Нейбранденбурга, на острове озера Толлензе. Всего в Риге А. В. Цауне выделил 4 вида жертвоприношений: 1) бытовые предметы; 2) черепа животных и их части (лошади, коровы, козла, собаки) – самый многочисленный вид жертв; 3) животные целиком или большая часть их туш; 4) человеческие жертвы [Цауне, 1984. – С. 38; 1993. – С. 205–211].

В городских исследованиях 1950–1970-х гг. «строительные жертвы» отмечались только для эпохи Древней Руси. Исключением выглядит череп лошади в Московском Зарядье, в раскопе 1957 г., в составе производственного комплекса XVI в. – дубового сруба и колодца рядом с ним. В срубе

череп лежал «под нижним бревном рядом с северо-восточным углом» [Дубынин, Соболева, 1963. – С. 58].

Широкий обзор материалов раскопок показывает, что нахождение в раскопках 1950–1970-х гг. «закладных» жертв в разных средневековых городах Восточной Европы контрастирует с относительно редкими их находками в древнерусских городах в 1980–1990-е гг., если учитывать сильно возросшие масштабы городских раскопок. Особо показательно отсутствие новых «прикладов» в Новгороде. Одним из редких памятников, где в это время отмечены несколько строительных жертв, был г. Суздаль. Конские черепа найдены под внутривальными срубами и жилыми постройками XI–XII в. В 1993 г. М. В. Седова писала о шести жертвенных черепах лошади: один в строительных оборонительных конструкциях и пять в жилых постройках [Седова, 1993. – С. 80], а в обобщающей работе 1997 г. уже названо «около 10» таких черепов [Седова, 1997. – С. 207–209; рис. 54 – 2]. При описании строительных жертв в Суздале М. В. Седова упоминала и фольклор, нижегородские предания и легенды о человеческом жертвоприношении (купеческой жены Марьи) при строительстве каменных стен кремля в Нижнем Новгороде в 1372 г. [Седова, 1997. – С. 208; Морохин, 1971. – С. 21–35]. В сборнике нижегородского фольклора и топонимов Н. В. Морохин назвал другое имя жены купца – Алена, а также отметил наличие сходных преданий для средневековых крепостей в Новгороде, Казани и других местах [Морохин, 1997. – С. 35].

Строительной жертвой археологи назвали и скелет коровы, лежавший в анатомическом порядке у подножия Рюрикова Городища. Здесь также были раскрыты несколько строений конца IX – X в., сменявшиеся на одном месте, с хлебными печами во дворах. По мнению С. А. Семенова, не менее 9 конских черепов, лежавших полукругом, изначально были развешены на столбах или шестах вокруг построек или ограждений с хлебными печами [Семенов, 1997. – С. 180–185]. Позднее, в прирезке к этому раскопу, были найдены еще два конских черепа, а также полный скелет собаки под одной из построек [Носов и др., 1999. – С. 10–13].

География находок «жертв» в 1990–2000-е гг. постепенно расширялась. В 2000 г. на Борисоглебском раскопе в Старой Руссе, на уровне яруса «Ж» в центральной части сруба и под западной стенкой, найдены три черепа лошадей, повернутые на восток [Торопова и др., 2001. – С. 17]. На сельском поселении Ближнее Константиново-1 под Нижним Новгородом, обитаемом только в XIV в., отмечены 9 случаев «ритуальных комплексов» костных остатков в подпольных ямах жилых построек и в погребках, признанных «строительными жертвами» [Антипина, 2009. – С. 188]. Разные «жертвы» найдены в средневековом Плесе под углами деревянных построек конца X – XV в. – это сосуды, возможно с ритуальной пищей, и череп собаки [Травкин, 1997. – С. 398; 2008. – С. 136–137]. К «закладам» можно относить и отдельно лежащий полный череп коня в заполнении средневековой постройки в Юрьеве Польском, найденный в раскопе 2006 г. [Томсинский, 2007. – С. 103; рис. 2].

Единичный череп лошади найден в г. Друцк под углом постройки VIII–11 на уровне горизонта застройки XII в. [Алексеев, 2006, 1. – С. 147]. Один случай находки отмечен на Липинском поселении в Курском Посеймье, в котловане (подземной части) наземной постройки древнерусского времени. Череп лошади лежал в столбовой яме и, по мнению О. Н. Енуковой, был использован для забутовки [Енукова, 2007. – С. 59].

В последнее время появились упоминания строительных жертв на Западной Украине. Среди последних – череп лошади в небольшой материковой яме, относимой к жилищу древнерусского времени (постройка № 11) в урочище Пастівник близ г. Пересопницы на р. Горыни [Прищеп, 2016. – С. 76–77; рис. 46–47]. Также строительные жертвы отмечены у населения междуречья Прута и Днестра в X–XIII вв. [Возный, 2013. – С. 227 и сл.] и Буковины [Фантух, 1996. – С. 211–213].

Расширяется объем закладных «жертв» в археологических материалах не только для древнерусского времени, но и для эпохи Московской России. Так, жертвенные приклады указаны в Тульском кремле (раскопки 1999–2000 гг.) под постройками XVI–XVII вв. «В процессе изучения строительных сооружений раскопа 1 трижды удалось проследить факт совершения строительной жертвы, предшествовавшей их возведению. В двух случаях местом жертвоприношения стало пространство под печью. В нижнем этаже-подклете постройки № 6а внутри конструкции опечка (в южный угол) до его перекрытия досками был помещен крупный горшковидный сосуд и 28 челюстей, предположительно, молодой свиньи.

В наземной постройке № 3 внутрь сруба опечка, опять же до возведения пода печи, была помещена железная крица (?), сохранившая форму горшка-муфеля. Любопытно, что в непосредственной близости от этой постройки находилась производственная площадка (“горн”) со следами металлообработки. Скорее всего, оба сооружения входили в одну усадьбу, составляя единый хозяйственно-жилой комплекс. Третий случай... отмечен в котловане ямы-погребка (возможно, также заглубленного подклета) № 4. Здесь перед сооружением дощатого пола раннего этапа под половицу был помещен кожаный поршень, в носок которого положили серебряную копейку Михаила Федоровича Романова чекана 1621 г. Судя по месту нахождения строительных жертв, они сопровождали закладку новых жилых построек» [Екимов, 2007. – С. 77–78].

В целом, при раскопках городов в последней четверти XX – начале XXI в. надо признать относительно немногочисленными находки «прикладов», тогда как прежние находки в большинстве работ не комментировались. Это особо показательно для Новгорода. Так, строительные жертвы на Ильинском раскопе в Новгороде не упомянуты в статье по стратиграфии и хронологии раскопа [Колчин, Черных, 1978. – С. 57 и сл.]. Они отсутствуют в общем обзоре результатов работы Новгородской археологической экспедиции МГУ за 50 лет [Колчин, Янин, 1982. – С. 71–73]. Нет подобных упоминаний и в фундаментальной работе по археологии Древней Руси [Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985. – С. 136 и сл.]. В специальных работах по домостроению древнего Новгорода отмечена только одна находка черепа и берцовых костей коня под углом древнейшей постройки на Троицком XI раскопе [Фараджева, 1999. – С. 90; 2003. – С. 187 и сл.].

Заметная малочисленность строительных прикладов в раскопках последнего времени может означать, что ранние наблюдения В. В. Седова и других археологов не поддержаны большинством отечественных специалистов. Стационарные раскопки многих древнерусских городов вообще не дают находок «прикладов». Это положение трудно объяснить, учитывая сохраняющиеся до XX в. обряды и поверья. Тем более, что в городах называются серийные находки целых черепов крупных домашних животных. Так, в Новгороде на Никитинском раскопе (2003 г.) в слоях второй половины XIV в. найдены 12 конских, 11 коровьих, 9 собачьих, 3 кошачьих черепов [Дубровин, 2004. – С. 16]. В монографии, обобщающей материалы этого раскопа, их еще больше. Только целых конских черепов указано 19, но анализа таких находок нет [Дубровин, 2010. – С. 6]. Жертвенными остатками могли быть скопления конских черепов и других частей скелетов и в ранних отложениях на Верхнем замке Полоцка [Штыхов, 1975. – С. 100]. Хотя подобным предметам можно найти и вполне утилитарное объяснение. Так, на Пятницком-I раскопе в Старой Руссе, в слоях второй половины XIII – XIV в., место скопления конских черепов и других частей скелетов исследователи считают участком стойлового содержания скота [Торопова и др., 2009. – С. 98–100].

Кроме древнерусских памятников, сведения о средневековых закладных жертвах имеются и на территории Хазарии. С. А. Плетнева писала о ритуальном захоронении женщины и головы ребенка в яме на пороге кирпичной постройки, считаемой караван-сараям. Захоронение, по ее мнению, играло роль своеобразного «оберега» для обитателей помещения. Но это могла быть и «закладная» жертва в это фундаментальное сооружение. Другой «закладной жертвой» названо захоронение коня под полом одного помещения в караван-сараях [Плетнева, 1996. – С. 35–36, 38]. Подобными она считает и аналогичные находки, связанные с другими постройками.

В последние годы новые находки в археологических материалах подтверждают широкое сохранение традиции закладных жертв в среде древнерусского русского населения – от эпохи сложения государства (IX–X вв.), через всю эпоху Древней Руси (XI–XV вв.) и до времени Московского царства (конец XV – XVII в.). Это серийное нахождение «прикладов» на русских поселениях в Сибири XVII–XVIII вв. Первая находка отмечена на севере Западной Сибири при раскопках в 1960-е гг. Тогда в Ляпинском остроге, рядом с острожной стеной, были найдены 2 закопанных черепа собак [Пархимович, 2009. – С. 365]. В последние годы много «строительных прикладов» отмечено в Мангазее, что расходится с исследованиями 1968–1973 гг. экспедиции Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, где такие находки не упомянуты [Белов, Овсянников, Старков, 1980; 1981]. С 2001 г. аварийно-спасательные раскопки на Мангазее проводит экспедиция ООО НПО «Северная археология» (г. Нефтеюганск). Исследователи обратили особое внимание на положение вещей относительно элементов построек (дверей, пола, печи). К 2008 г. были зафиксированы 19 строительных

прикладов, т. е. почти в каждой из раскопанных построек [Визгалов, Пархимович, 2008. – С. 125 и сл.]. Они залегали в местах, исключающих вероятность их случайного попадания. Встречены и единичные вещи, и сгруппированные в 1–2 «магических круга» под основанием печи или по периметру постройки, под окладным венцом и завалинками. Известны черепа животных и полные скелеты под постройками. Кроме них в составе прикладов есть целые и намеренно сломанные изделия – кожаная обувь, ножи, гребни, серебряные и медные нательные кресты, перстни [Визгалов, Курбатов, Пархимович, 2009. – С. 432–433].

Наиболее подробно этот феномен на памятнике объяснил С. Г. Пархимович, широко привлекая данные этнографии. Все «приклады» он разделил на 4 группы по положению: под полом постройки – 4 случая, под завалинкой – 4, под окладным венцом – 3, под основанием печи – 8. Количество вещей сильно варьирует – от 1 до 31. Среди них преобладают обыденные бытовые предметы – орудия труда, предметы вооружения, детали костюма, бытовые принадлежности, посуда, деньги. В народной мифологии сверхъестественной охранительной силой наделялись металлические острые колюще-режущие предметы (ножи, иглы, шилья, наконечники стрел и т. п.), каменные предметы (оселки, ружейные кремни), острые костяные изделия (наконечники стрел, гребни, иглы), православный крест [Пархимович, 2004; 2009; 2014а; 2014б; Левкиевская, 2004. – С. 443–446; Толстая, 1995а. – С. 540–543; Белова, 2002. – С. 259–261]. В целом, специально приготовленные для строительных жертвоприношений предметы немногочисленны. Но на Мангазейском городище под порогом одной из построек встречена миниатюрная медная чашечка с зернами проса, перышком глухаря и мелкими раковинами моллюсков, а под печами, завалинке и за пределами построек найдены 11 стилизованных деревянных коней. Эти фигурки коней вырезаны из досок или веток с сучком, и стилистически большинство из них единообразны (рис. 3). Аналогичные мангазейским «коники», как детские игрушки, известны в древнем Новгороде. Б. А. Колчин отметил 45 фигурок трех видов – плоские, объемные и стоячие, укороченных пропорций. К сожалению, ни в одном случае не указывается местоположение фигурок относительно построек, что представляется важным. Учитывая, что 7 мангазейских фигурок найдены в постройках, новгородские находки также можно рассматривать как атрибуты строительных обрядов. Это предполагал в свое время и Б. А. Колчин, пытаясь выделить в собрании деревянных антропоморфных скульптур группы детских игрушек и «домовых», связанных с ритуальной практикой новгородцев [Колчин, 1971. – С. 41–44, 47–50; рис. 19 – 7–8, 10; табл. 39 – 1, 4–6; 40 – 1, 5]. Позднее А. С. Хорошев насчитал уже 51 деревянную резную фигурку, но увидел в них только игровые изделия [Хорошев, 1998. – С. 87]. Сегодня же, в свете аналогий в сибирских городах, можно с большим основанием считать плоские деревянные фигурки лошадей из средневековых слоев Новгорода не однозначно детскими игрушками, но и возможной заменой конским черепам в древней обрядовой практике, которые клали под основания строящихся домов.

Культовые изображения коня не редкость в ритуальной традиции. Изображения коня, связанные с охранный магией, отмечены в декоре жилищ Русского Севера. В средневековье широкое распространение получили шумящие коньковые подвески, гребни с профильными головами коней на спинках. Предполагается их проникновение в древнерусскую культуру из финноязычной среды и связь с «культутом солнечного коня» [Власова, 2001. – С. 252, 255; Криничная, 2004. – С. 97–103; рис. 9–14; Рябинин, 1988. – С. 61]. В то же время почитание коня сохранялось и у балтийских славян. Изображения коня и конских голов связывали с древним обычаем кровавой строительной жертвы, или они олицетворяли домового, считая душу жертвы духом-охранителем. Деревянные «коники», как и костные остатки животных (зайца, петуха, собаки), положенные в основание построек, согласуются с традициями русских приносить жертву домовому. Археологически прослежено положение головы петуха в основание сибирских построек XVII–XVIII вв. [Артемьев, 2005. – С. 259]. Можно обратить внимание и на работу палеозоологов по костным остаткам в Мангазее, в которой специалист не может объяснить нахождение скелетов собак без черепов и нахождение отдельного черепа в отдалении от остального скелета этого животного [Бобковская, 2009. – С. 355].

В двух избах Мангазейского городища под полами лежали елочки с корнями, свидетельствующие о совершении строительного обряда. Такой обряд постановки деревца внутри строящегося дома

известен в этнографии Русского Севера. Он связан с общим представлением о доме, как модели мира, и убеждением, что такое деревце является воплощением домового [Байбурин, 1983. – С. 60; Криничная, 2004. – С. 130–131].

Интерпретацию находок в Мангазее усиливают материалы раскопок 2007–2008 гг. на посаде и в остроге позднесредневекового г. Березова (современный п. г. т. Березово, ХМАО). Встреченные здесь археологические материалы XVII–XVIII вв. с большим основанием можно сопоставлять с обобщенными этнографическими данными. Так, в остроге Березова в 2007 г. найдены 3 приклада в постройке конца XVI – начала XVII в. Это нижняя челюсть собаки, развал мореного горшка и разломанный на 3 части костяной гребень с ажурной резной спинкой под завалинкой дома. В другой постройке, датированной второй половиной XVIII в., под основанием печи, по ее углам, встречены 3 нательных креста [Визгалов, 2008-А. – Л. 51]. К «прикладам» надо относить и находки 2008 г. на посаде (раскоп № 2) в слоях первой половины XVIII в. Это бронзовый нательный крестик под основанием печи в постройке № 8, череп собаки возле стены одной из построек и череп коровы под дворовым настилом (рис. 4).

Среди других вещей на Березовском городище найдена доска с прорезным крестом (у порога постройки), а также восковые шарики и свечи. Возможно, доска первоначально использовалась для формовки креста на пасхальном куличе (хлебе), что не отрицает ее использование в качестве «приклада». Магическое значение восковых предметов различно: если свечи (христианский атрибут) считали оберегами жилища, то шарики из воска («святого» вещества) были оберегами для людей и животных, а шарики из «четверговой» свечи применяли в народной медицине, профилактической и приворотной магии [Плотникова, 1995. – С. 442–444; Афанасьев, 1982. – С. 424–425; Толстой, Усачева, 1995. – С. 420–423].

Сопоставление Мангазеи и Березова можно продолжить. В первом найдены 5 деревянных и 1 костяной фаллосы, а на посаде второго, в слое XVIII в. – 2 деревянных фаллоса. Все они представляют округлые или овальные стержни с реалистично вырезанными в рельефе головками. В двух случаях в нижней части прорезаны неглубокие кольцевые канавки, в одном – поперечное отверстие, что свидетельствует о подвешивании этих изображений на шнуре. В одном случае изображение найдено под основанием печи, в другом – под полом амбара, в остальных – около жилища. Для этого апотропея Б. А. Рыбаков приводил сведения о свадебном фаллическом культе у славян по письменным источникам, приводя для сравнения археологические комплексы в Ленчице (Польша) и Старой Руссе [Рыбаков, 1994. – С. 36, 39, 41; рис.]. По народным поверьям, мужские гениталии и их изображения отталкивали нечистую силу, провоцировали плодородие и изобилие, имели целительные свойства. Они могли быть аксессуарами эротических игрищ во время святочных, масленичных и купальских бесчинств [Толстой, 1995. – С. 494–495; Толстая, 1995б. – С. 171–174; Шангина, 2003. – С. 35–40, 72–73, 146–147]. Участники таких игрищ «рядились» в различные маски. В целом, фаллическая символика была широко практикуемой в славянских ритуальных действиях [Кабакова, 2012. – С. 389–391]. В археологических материалах древнерусских городов две подобные фаллические фигуры встречены, например, на Троицком XI раскопе в Новгороде [Янин и др., 1999. – С. 7]. К таким можно относить и так называемую «шахматную фигурку» XII – первой половины XIII в. с Никитинского раскопа в Новгороде [Дубровин, Козлова, Федорук, 2005. – С. 26; рис. 1 – 4].

В одной из своих последних работ С. Г. Пархимович усомнился в собственной ранней интерпретации найденных в Мангазее и Березове «фаллических» деревянных предметов как культовых. Вероятно, это были просто палки с утончением возле конца, которое служило для закрепления ремня [Пархимович, 2014а. – С. 28–39].

Кроме названных сопоставлений, на этих двух памятниках были отмечены жертвенные горшки – в Мангазее под полом в углу сруба, на Березовском остроге – под забутровкой завалинки, у выпусков бревен сруба. Такой предмет имел иную символику. В представлениях славян горшок связывали с символикой печи и земли, он осмыслялся какместилище души. При закладке дома горшки с обрядовой пищей закапывали в углах домов, под фундаментом [Топорков, 1995. – С. 526–530]. У русских зафиксирован и обычай, в случае смерти хозяина дома, закапывать под «красный» угол горшок, «чтобы не переводился домовый» [Плотникова, 2002. – С. 142–144].

Отмеченные находки дополняет и уникальный случай использования шведской медной монеты на Русском Севере. В 1928 г. при разрушении деревянной Стрелицкой церкви в Тотемском уезде из-под ее основания извлекли талер 1649 г. – жертвенную монету, положенную в память об удачной торговой операции тотемского купца в Швеции. Возможно, это была часть вклада на построение храма [Быков, 1994. – С. 76].

Выводы

Археологические раскопки последних лет в Старой Ладогe и других городах Восточной Европы, а также первых русских городов в Западной Сибири позволяют вернуться к первым наблюдениям В. В. Седова в Новгороде, увидевшего в отдельных черепах животных, найденных в средневековых постройках (или под ними), особые «строительные приклады». Накопленные за последние десятилетия археологические материалы, а также систематизированные материалы по этнографии славян сегодня существенно уточняют определенные черты строительно-бытовой деятельности средневекового населения Восточной Европы. Они подтверждают, что традиция помещения строительных жертв «прикладов» в основания строящихся домов широко практиковалась в средневековой Руси и сохранялась в русской традиции до XVIII в. и даже позднее. Более того, можно говорить, что строительные приклады в Восточной Европе являются едва ли не единственной строительной традицией, сохраняющейся в славянской среде на протяжении тысячи лет.

Надо отметить географическую ограниченность археологически прослеженного обряда строительной жертвы в ареале Балтийского моря, по его южному берегу, включая территории современных государств Германии, Польши, Латвии, Эстонии и России. На территории Руси эта традиция преимущественно фиксируется на северо-западе, т. е. в Новгородской земле. Поэтому нельзя считать случайным проявление обряда строительной жертвы в первых русских городах Западной Сибири. В составе воинских команд, строителей и первых поселенцев этих городов было много выходцев с Русского Севера, ранее входившего в области, управляемые Великим Новгородом. Кроме того, нахождение отдельных черепов в Суздале и Ярополче Залесском можно рассматривать как распространение северо-западной строительной практики путем переселения в Северо-Восточную Русь групп новгородцев. А обнаруженные «жертвы» в средневековых поселениях Западной Украины можно связывать с переселением отдельных групп с побережья Южной Балтики.

В заключение следует отметить, что в исследовательской практике имеются и необоснованные случаи отнесения объектов к группе ритуальных. Например, жертвенной ямой X в., сходной с ямой для жертвоприношения, совершенного первыми насельниками в Новгороде, названа одна из ям на Троицком XIII раскопе [Тянина, 2010. – С. 151 и др.]. Из описания становится ясно, что стенки и дно ямы были обложены берестой, а в заполнении на дне сохранялись мелкие камни, зола и угли. Три подобных объекта зафиксированы на Земляном Городище в Старой Ладогe в раскопе 2010 г. Они связаны с древнейшими постройками на этом участке, датируемыми серединой – второй половиной IX в. Специфический характер заполнения позволяет видеть в таких объектах емкости для сбора золы и угля из домашней печи [Курбатов, 2011. – С. 220].

Список источников и литературы

- Авдусин Д. А. Смоленская археологическая экспедиция // АО. 1967. – М.: Наука, 1968. – С. 45.
Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. – М.: Наука, 2006.
Антипина Е. Е. Археозоологическая информация к изучению хозяйства жителей средневекового села Ближнее Константиново-1 под Нижним Новгородом // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. – М.: Таус, 2009. – Вып. 1. – С. 172–208.
Артемьев А. Р. О типологии и хронологии некоторых бытовых предметов XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 260–267.
Арциховский А. В. Раскопки 1953 г. в Новгороде // Вопр. истории. – М., 1954. – № 3. – С. 106–113.
Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 1. – С. 7–43. – (МИА. – Вып. 55).

- Афанасьев А. Н. Древо жизни. – М.: Современник, 1982.
Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983.
Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 1: Мангазейский морской ход. – Л.: Гидрометеорологиздат, 1980.
Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981.
Белова О. В. Крест // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2002. – Т. 2. – С. 259–261.
Бобковская Н. Е. Животноводство и охота в хозяйстве населения Мангазеи // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь. – Ч. 2. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 8. – С. 352–362.
Быков А. В. Медные шведские монеты на территории Русского Севера в XVII в. // Культура Русского Севера / отв. ред. А. Н. Башенькин. – Вологда, 1994. – С. 72–77.
Визгалов Г. П. Отчет о НИР. Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово в 2008 году. Кн. 1 и 2. – Нефтеюганск, 2008-А.
Визгалов Г. П., Курбатов А. В., Пархимович С. Г. Строительные «приклады» в Восточной Европе и Западной Сибири (по данным археологии и этнографии) // НОМО EURASIUS. У врат искусства: сб. трудов Междунар. науч. конф. – СПб: Астерион, 2009. – С. 426–436.
Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.
Власова И. В. Северное жилище XIX – начала XX в. // Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX вв. – М.: Наука, 2001. – С. 207–278.
Возный И. П. Религиозный синкретизм в духовной культуре населения междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра в X–XIII вв. // Stratum plus. – 2013. – № 6. – С. 227–242.
Горюнова В. М. Об изменениях в домостроительстве Городка на Ловати в X–XII вв. // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР: тез. докл. Межресп. симпозиума. – Рига: Зинатне, 1983. – С. 8–12.
Дубровин Г. Е. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. // ННЗИА. – 2004. – Вып. 18. – С. 13–18.
Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. – М.: Памятники исторической мысли, 2010.
Дубровин Г. Е., Козлова А. В., Федорук Н. С. Работы на Никитинском раскопе в 2004 г. // ННЗИА. – 2005. – Вып. 19. – С. 22–29.
Дубынин А. Ф., Соболева Д. А. Археологические раскопки в Зарядье // КСИА. – 1963. – Вып. 96. – С. 55–63.
Екимов Ю. Г. Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. (Раскоп 1) // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1: Изучение позднесредневековой Тулы / отв. ред. А. Н. Наумов; Музей-заповедник «Куликово поле». – Тула, 2007. – С. 67–131.
Енукова О. Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. – Курск: Изд-во Курского ун-та, 2007. – 220 с. – (Тр. НИИ археологии юго-востока Руси Курского гос. ун-та; Вып. 1).
Засурицев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. – Вып. 123: Жилища древнего Новгорода. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – С. 5–165. – (Тр. НАЭ; Т. 4).
Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991.
Кабакова Г. И. Фаллическая символика // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2012. – Т. 5. – С. 389–391.
Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево // САИ, Е1-55. – М.: Наука, 1971.
Колчин Б. А., Черных Н. Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. – М.: Наука, 1978. – С. 57–116.
Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М.: Наука, 1982. – С. 3–137.
Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академический проект: Гаудемаус, 2004.
Курбатов А. В. Строительные жертвы в ранней Ладогe и традиция «прикладов» в Восточной Европе и Сибири (Средневековые и Новое время) // Зап. ИИМК. – 2011. – № 6. – С. 212–222.
Левкиевская Е. Е. Обереги // Славянские древности: Энцикл. словарь / Под ред. Н. И. Толстого. – Т. 3. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 443–446.
Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. – СПб.: Наука, 1993.

- Медведев А. Ф. Усадьбы ростовщика и ювелира в Старой Руссе // АО. 1977. – М.: Наука, 1978. – С. 23–24.
- Миронова В. Г. Языческое жертвоприношение в Новгороде // СА. – 1967. – № 1. – С. 215–227.
- Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. – Н. Новгород: КиТиздат, 1997.
- Нижегородские предания и легенды / сост. Н. В. Морохин. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1971.
- Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Хвоцинская Н. В., Янссон И. Раскопки на Рюриковом городище // ННЗИА. – Новгород, 1999. – Вып. 13. – С. 10–13.
- Пархимович С. Г. Магические строительные обряды в Мангазее // Русские: материалы VII Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2004 г., Тобольск). – Тобольск, 2004. – С. 47–53.
- Пархимович С. Г. Языческая символика в обрядовой практике Мангазеи и Березова XVII века (по материалам археологических исследований 2001–2008 гг.) // Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. – Екатеринбург, 2009. – Ч. 2. – С. 363–375.
- Пархимович С. Г. Строительная обрядность в русских поселениях севера Западной Сибири конца XVI – XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014–А. – Т. 2. – С. 28–39.
- Пархимович С. Г. Детские игрушки в русских поселениях севера Сибири конца XVI – XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. – Т. 1. – С. 253–267.
- Петренко В. П. Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1975 г. Ч. 1: Текст, приложения. – Л., 1976. – (Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1975. Д. 163. 1976–А).
- Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / отв. ред. В. В. Седов. – Л.: Наука, 1985. – С. 81–116.
- Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь». – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.
- Плотникова А. А. Воск // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 442–444.
- Плотникова А. А. Дом // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2002. – Т. 2. – С. 142–144.
- Плотникова А. А. Хлев // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2012. – Т. 5. – С. 438–442.
- Прищепя Б. А. Погоринська міста в X–XIII ст. – Рівне, 2016.
- Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В. Жилище // Древняя Русь: Город, замок, село. Сер.: Археология СССР. – М.: Наука, 1985. – С. 136–154.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – 2-е изд. – М.: Наука, 1994.
- Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / отв. ред. В. В. Седов. – Л.: Наука, 1985. – С. 27–75.
- Рябинин Е. А. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. – М.: Наука, 1988. – С. 55–63.
- Рябинин Е. А. У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общебалтийских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. – СПб., 1994. – С. 5–59.
- Рябинин Е. А., Коротенко И. А. Русь изначальная. – СПб.: МФДС «Развитие регионов», 2003.
- Седов В. В. Языческая братчина в древнем Новгороде // КСИИМК. – 1956. – Вып. 65. – С. 138–141.
- Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИИМК. – 1957. – Вып. 68. – С. 20–30.
- Седова М. В. Ярополч Залесский. – М.: Наука, 1978.
- Седова М. В. Пережитки языческих верований в средневековой культуре Суздаля // КСИА. – Вып. 208: Средневековая археология Восточной Европы. – М., 1993. – С. 77–86.
- Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. – М.: Русский мир, 1997.
- Семенов С. А. Некоторые дополнения о культовом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX – X в. на Рюриковом городище // Древности Поволховья. – СПб., 1997. – С. 180–190.
- Смирнов А. П. Волжские булгары. – М., 1951. – (Труды ГИМ; Вып. 19).
- Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Сороколетова. – СПб.: Наука, 1994. – Вып. 28.
- Толстая С. М. Гребень // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995а. – Т. 1. – С. 540–543.

- Толстая С. М. Бесчинства // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995б. – Т. 1. – С. 171–174.
- Толстая С. М., Ясинская М. В. Строительные обряды // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2012. – Т. 5. – С. 185–188.
- Толстой Н. И. Гениталии // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 494–495.
- Толстой Н. И., Усачева В. В. Волосы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 420–423.
- Томсинский С. В. Юрьев-Польской: ближайшие перспективы археологического изучения // АВСЗ. – М.: ИА РАН, 2007. – Вып. 1. – С. 98–104.
- Топорков А. Л. Горшок // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 526–530.
- Торопова Е. В., Антропова Я. В., Журинов И. Г., Торопов С. Е. Старая Русса: археологические исследования на Борисоглебском раскопе в 2000 г. (результаты и перспективы) // ННЗИА. – Великий Новгород, 2001. – Вып. 15. – С. 16–19.
- Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Доброва О. П., Колосницын П. П., Воронков И. А., Колосницына Е. Е., Шарамко А. Р. Археологические исследования 2008 г. в Старой Руссе // ННЗИА. – 2009. – Вып. 23. – С. 97–108.
- Травкин П. Н. Особенности формирования верхневолжской городской провинциальной культуры (по материалам раннесредневекового города Плёса) // Тр. VI МКСА. – Т. 2: Славянский средневековый город. – М.: ИА РАН, 1997. – С. 395–400.
- Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново, 2008.
- Тянина Е. А. Жертвенная яма X века на Троицком раскопе Новгорода (раскопки 2009 г.) // ННЗИА. – 2010. – Вып. 24. – С. 151–158.
- Фантух А. Ю. «Будівничі жертвы» и залишки язычницьких вірувань населення Буковини XII–XIII ст. // Матеріали IV Міжнар. археол. конф. студентів і молодих вчених. – Київ, 1996. – С. 211–213.
- Фараджева Н. Н. Древнейшие постройки Троицкого XI раскопа // ННЗИА. – 1999. – Вып. 13. – С. 89–99.
- Фараджева Н. Н. Каталог деревянных сооружений, открытых на Троицком раскопе: структура и методика // ННЗИА. – 2003. – Вып. 17. – С. 187–194.
- Хорошев А. С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // ННЗИА. – 1998. – Вып. 12. – С. 82–94.
- Цауне А. В. Жилища Риги XII–XIV вв. (по данным археологических раскопок). – Рига: Зинатне, 1984.
- Цауне А. В. Язычество древней Риги // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. – М.: Наука, 1993. – С. 205–216. – (МАР; Вып. 1).
- Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. – СПб., 2003.
- Штыхов Г. В. Древний Полоцк. IX–XIII вв. – Минск: Наука и техника, 1975.
- Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. С. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1998 г. // ННЗИА. – 1999. – Вып. 13. – С. 5–10.

Рис. 1. Старая Ладога. Земляное городище. Раскоп 4 (2006–2010 гг.). Череп животного в основании постройки. Фото автора 2010 г.

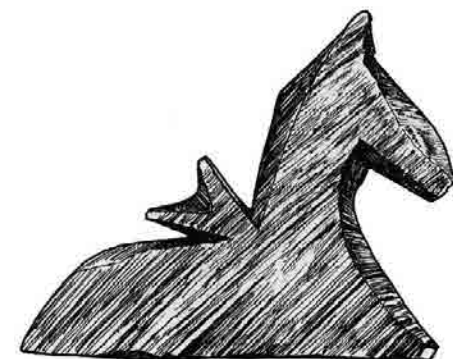
Рис. 2. Старая Ладога. Земляное городище. Заготовка деревянного ковша. Раскопки Е. А. Рябина [Рябинин, Коротенко, 2003; фото на рис. 96]

Рис. 4. Березовский посад. Раскоп № 2. Череп коровы под дворовой вымосткой [Визгалов, 2008-А]

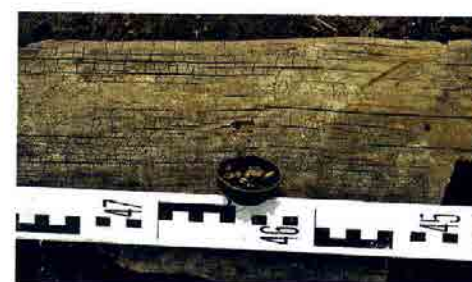
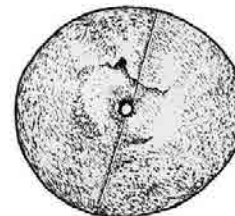
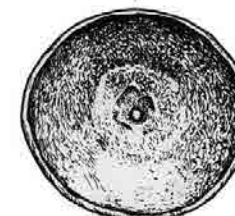
1a

2a

5

5a

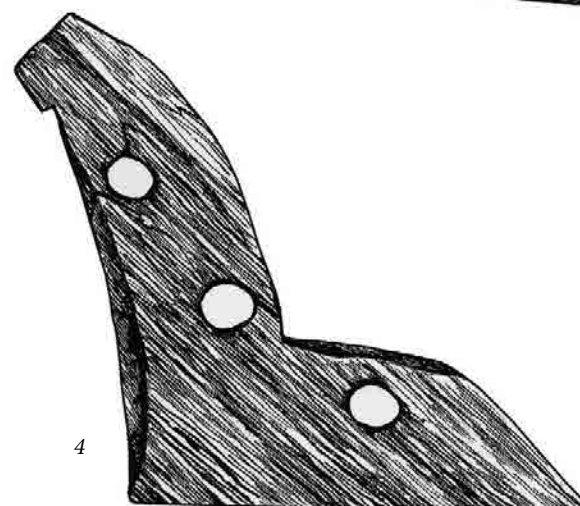
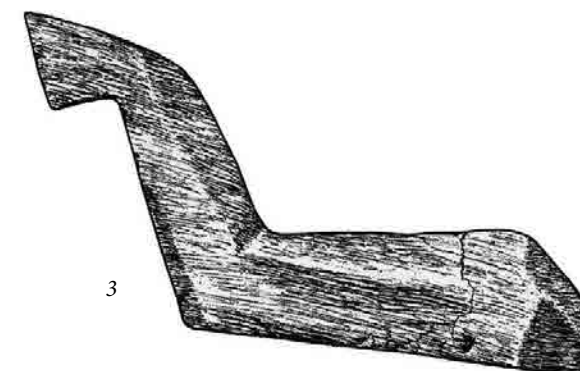

Рис. 3. Мангазея. Деревянные фигурки коней – приклады и места их нахождения [Визгалов, Пархимович, 2008; рис. 173]

А. А. Кудрявцев¹

¹ Институт археологии Российской академии наук
ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия
E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

Дверные полотнища средневекового Новгорода

Аннотация. Характеристика находок новгородских дверных полотнищ X–XV вв. позволяет в полной мере получить представление о данной категории вещей на территории Древней Руси. Но в силу особенностей культурного слоя в Новгороде мы не располагаем данными о новгородских дверях XVI–XVIII вв., материалы раскопок Мангазеи и других русских поселений Северо-Западной Сибири XVI–XVII вв. позволяют представить их дальнейшее развитие. Двери являются важным элементом жилых и хозяйственных построек, их появление в данном регионе можно также рассматривать сквозь призму опосредованного влияния новгородской материальной культуры.

Ключевые слова: Новгород, Новгородское (Рюриково) городище, Мангазея, дверные полотнища, двери, домостроительство.

Несмотря на большое количество исследованных сооружений в Новгороде, находки дверных полотнищ носят единичный характер. Связано это с тем, что двери после прекращения функционирования сооружений, к которым они относились, как правило, разбирались. Их доски использовались вторично в качестве настилов и перекрытий. Выявление дверных проемов срубов также происходит очень редко: двери в новгородских постройках находились довольно высоко – выше четвертого венца.

В связи с этими факторами мы имеем довольно малую выборку дверей и их фрагментов, происходящих из раскопок в Новгороде. Отметим, что данная тема очень скупо освещена в отечественной историографии. В обширной литературе по древнерусскому домостроительству подробно охарактеризованы конструктивные особенности дверных проемов, сами же двери в основном лишь только упоминаются как элементы жилищ.

Тем не менее это может компенсироваться материалами раскопок Мангазеи, в ходе которых выявлена серия целых дверей, вполне сравнимых с новгородскими аналогами, а также многочисленными этнографическими свидетельствами [Бломквист, 1956. – С. 125], так как дверные полотнища лишь незначительно изменялись с течением столетий.

Приведем одну из миниатюр Радзивилловской летописи конца XV в. со сценой прихода вооруженных заговорщиков к дворцу Андрея Боголюбского (рис. 1). На ней отчетливо изображена дверь в руках одного из злоумышленников. Она имеет нехарактерное для древнерусских дверных полотнищ дугообразное завершение. Взлом двери дома великого князя упоминается в тексте летописи: «...и силою отломиша двери у сеней» [ПСРЛ. Т. 38. – С. 138].

Отметим любопытное свидетельство Сигизмунда Герберштейна, дважды побывавшего при дворе Василия III в составе дипломатических посольств. Его наблюдения можно считать актуальными и для более раннего периода, поэтому их уместно привести целиком: «Сени домов достаточно просторны и высоки, а двери жилищ низки, так что входящий в своей высокой шапке должен согнуться и наклониться.

Зато пороги высоки, поэтому приходится задира́ть ноги в длинном узком платье. Я было объяснил им, что этот обычай происходит оттого, чтобы они не отвыкали все время кланяться и сидеть на лошади с поджатыми ногами. Но, как оказалось, это имеет целью всего лишь сохранить тепло в комнатах» [Герберштейн, 2008. – С. 187].

Древнерусские двери одностворчатые, отличаются небольшим размером, собраны из двух-трех досок (иногда из четырех), скрепленных посредством планок. Открывались они вовнутрь помещения, чтобы сохранить возможность выхода из дома в случае снежного заноса. Их использование осуществлялось за счет пяточных шипов (пяток, пятников) в верхних и нижних углах, которые вращались в подпятниках, помещенных в гнезда, выдолбленные в притолоке и пороге. Такая конструкция, по данным этнографии, сохраняется вплоть до XIX в.

При исследованиях построек X–XII вв. Подола в Киеве был зафиксирован еще один способ крепления дверей, при котором края планок выпускались в одну сторону и крепились с помощью нагелей к круглому бревну, идущему параллельно доскам дверного щита. Нижний край круглого бревна оформлялся конусовидным и таким образом служил упором дверей и одновременно их поворотным элементом. **Петли, крепившие полотно к одверинам или прямо к стене сруба, могли быть сделаны на краю поперечных планок** [Сагайдак, 2010. – С. 543; рис. 7 – 1–2]. В этом случае пяточные шипы не требуются, но подобная традиция в Новгороде пока не известна.

Единственная классификация дверных полотнищ была разработана П. И. Засурцевым. По материалам Неревского раскопа он выделил и рассмотрел шесть целых дверей и восемь отдельных дверных досок XII–XIV вв., разделив целые двери на три группы по размерам и тщательности обработки: 1) двери от жилищ; 2) от сеней и хозяйственных построек; 3) от подклетов и амбаров [Засурцев, 1963. – С. 41–42; рис. 25].

В несколько измененном виде данная классификация была включена в общую, посвященную древнерусским жилищам итоговую работу [Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985. – С. 149]. В ней были вновь представлены четыре из опубликованных П. И. Засурцевым **новгородских** двери. В этот раз они были разделены исключительно по размерам и распределялись таким образом: 1) 1,60 × 0,82 см – от изб; 2) 1,30 × 0,70 см – универсальные; 3) 1,04 × 0,67; 0,92 × 0,55 см – от построек хозяйственного назначения [Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985. – С. 149; табл. 52 – 1].

В определенной степени данная классификация может быть применена и при исследовании дверных полотен, датирующихся XVII–XIX вв., хотя в этот период большая их часть носит в основном универсальный характер. Различия между дверями разных групп можно проследить на примере ряда построек второй половины XIX в., расположенных в настоящее время на территории музея деревянного зодчества Витославлицы под Новгородом [Красноречьев, 2014. – С. 228; ил. 248; С. 254; ил. 282]. Отметим отдельно и первоначальную дубовую дверь, сохранившуюся внутри церкви Спаса Преображения на Нередице.

Представляется необходимым дополнить **новыми материалами** указанные построения, особенно с учетом находок целых дверных щитов X в., которые были выявлены уже после появления отмеченных публикаций.

Наиболее ранним свидетельством об использовании дверей с пяточными шипами в Новгородской земле является находка бревна вторичного использования с врубкой для дверного проема на Рюриковом городище. Оно входило в конструкцию обноски печи 905 г. По обоим концам проема находились прямоугольные пазы, в которых закреплялись ободверины, соединявшие бревна, разъединенные дверным проемом. В бревне также имеется гнездо (диаметр 6 см) для вставки пяточного шипа [Носов, 1990. – С. 63; рис. 22].

Две целые двери найдены в предматериковых напластованиях Троицкого XII раскопа (усадыба Е), что позволяет датировать их второй четвертью X в. и считать древнейшими на территории Древней Руси.

Одна из них собрана из трех хорошо обтесанных досок, скрепленных двумя массивными планками (рис. 2). Они прибиты к доскам двери посредством нагелей [Янин и др., 2000. – С. 27; рис. 143–143а]. Размер дверного полотна составляет 88 × 68 см. По своим признакам рассматриваемая дверь скорее относилась к хозяйственному сооружению, но в столь ранний период она могла носить и универсальный характер, то есть подходить к сооружениям и других групп.

Другая дверь собрана из двух досок, которые также скреплены двумя планками с нагелями (рис. 3). Пяточные шипы на ней не были выявлены, что позволило в первоначальной ее публикации предположить наличие третьей несохранившейся доски с ними [Кудрявцев, 2012. – С. 239; рис. 1]. Гипотетически можно предположить, что данная дверь прикреплялась по южной традиции без пяточных шипов, но в пользу наличия третьей доски свидетельствует слишком незначительная ширина дверного полотна, поэтому вопрос остается открытым.

Это единственная новгородская дверь, на которой зафиксированы остатки контура нутряного замка с внутренней стороны и две железные личины с внешней. Сохранившиеся новгородские двери в основном не имеют каких-либо признаков запирающих устройств. По своему размеру (94,5 × 35 см) и грубо обтесанным доскам эту дверь можно отнести к хозяйственному сооружению, очевидно, являющемуся неким хранилищем, требующим надежного запора. Отметим, что в X–XI вв. запирающие устройства в Новгороде, как и на остальной территории Древней Руси, еще не были распространены в такой мере, как в последующее время.

Еще одна дверь выявлена при архитектурно-археологических исследованиях церкви Благовещения на Городище. Она зафиксирована в процессе разбора законсервированных под фундаментами храма начала XII в. напластований, относящихся к раннему этапу существования этого торгово-ремесленного поселения. Дверное полотно было найдено рядом со сгоревшей постройкой производственного назначения, датирующейся серединой X в.

Оно сильно пострадало в пожаре и сохранилось только в виде полосы древесного тлена (рис. 4). В связи с этим не представляется возможным привести точный размер дверного полотна. Пяточные шипы не сохранились, но на двери были зафиксированы железные костыли (массивные гвозди с круглой шляпкой), которые прикрепляли планки к дверному щиту. На данный момент это единственный случай подобной замены нагелям [Кудрявцев, Андриенко, 2017. – С. 49; рис. 6].

Из этого дверного полотнища были отобраны образцы для определения породы древесины. Проведенное в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН исследование показало, что доски двери сделаны из сосны обыкновенной (*Pinus Silvestris*) [Соловьева, 2016. – С. 203]. Можно полагать, что и остальные дверные щиты изготовлены из деревьев преимущественно хвойных пород. Подпятники же делали из дуба или кости.

На Власьевском II раскопе, расположенном на территории южной части Людина конца средневекового Новгорода, внутри четырехстенной постройки хозяйственного назначения (12 кв. м) *in situ* зафиксировано дверное полотнище (77 × 55 см). Сооружение датируется серединой XII в. [Олейников, 2011. Т. 2. – С. 121; рис. 177–178]. Сама дверь собрана из трех досок (рис. 5). Две планки скрепляют их в пазах (нагели для них уже не используются) и расположены косо под углом к доскам, а не параллельно для уменьшения осадки двери.

По этим данным указанная дверь уже значительно отличается от новгородских дверных щитов X в., рассмотренных выше, и вполне соотносится как с дверными полотнищами XII–XIV вв. Неревского раскопа, изученными П. И. Засурцевым, так и с более поздними аналогами.

На Троицком X раскопе выявлены две целые двери от хозяйственных построек, датирующиеся первой половиной XIV в. (Янин и др., 1988. – С. 25–26; рис. 210–211). Одна из них лежала внутри сруба X-29 в качестве замощения. Она собрана из двух досок (90 × 70 см). Другая дверь была обнаружена у угла сруба X-18 как часть дворового настила. Дверное полотно состоит из одной массивной доски (100 × 60 см), планки отсутствуют, но их местоположение можно проследить по пазам (рис. 6).

Фрагменты дверных щитов выявлены также на Троицких XI, XIII раскопах, где они датируются первой половиной XIV в.

Три двери выявлены на Нутном IV раскопе, расположенном на территории Славенского конца средневекового Новгорода. Они зафиксированы в напластованиях, датирующихся концом 40-х – 80-ми гг. XIV в., но относились к более ранним постройкам, так как в указанный период они использовались уже вторично и не по назначению. Одна из них использовалась как подкладка под скопление глины (более 100 × 125 см), другая в качестве своеобразного крыльца для вымостки (110 × 80 см) [Петров, 2016. – С. 51]. Третья, перекрывающая колодец, представлена фрагментом полотна [Петров, 2016. –

С. 80; рис. 40]. Указанные двери собраны из трех досок и по своим признакам относятся к группе дверных щитов от хозяйственных построек.

На данный момент мы располагаем данными о 19 дверных полотнищах, выявленных в ходе археологических исследований Новгорода. Они датируются X–XV вв., большая их часть относится к группе дверей от хозяйственных построек. Отметим, что находки дверных щитов больших размеров (от жилых сооружений по классификации П. И. Засурцева) носят единичный характер. По всей видимости, для подобных срубов могли подходить и двери меньшей высоты и ширины, то есть большая часть дверных полотнищ носит скорее универсальный характер.

Наиболее ценными находками являются три целые двери второй четверти – середины X в., выявленные на Троицком XII раскопе и в процессе архитектурно-археологических исследований церкви Благовещения на Городище. Они демонстрируют, что традиционная и устойчивая конструкция дверного полотна и соответственно дверного проема в данный период уже окончательно утвердилась как элемент строительной культуры средневекового Новгорода.

Дверные полотнища, выявленные при археологических исследованиях Мангазеи, вполне аналогичны новгородским дверям XII–XIV вв. Их размер составляет 95–150 × 65–83 см [Белов, Овсянников, Старков, 1981. – С. 17; табл. 3 – 1–4]. Среди них отметим и совсем малую дверь, видимо, в подпол – 65 × 55 см [Визгалов, Пархимович, 2008. – С. 57; рис. 78]. На большей их части присутствуют пяточные шипы, хотя некоторые дверные полотна в жилых помещениях богатых домов могли навешиваться и при помощи массивных железных пят и жековин.

В силу особенностей культурного слоя в Новгороде мы не располагаем данными о новгородских дверях XVI–XVIII вв., но материалы раскопок Мангазеи позволяют представить их дальнейшее развитие. Тем более что выборка таких находок вполне сопоставима по своему количеству с новгородской коллекцией, несмотря на значительную разницу в количестве открытых сооружений. Если при раскопках Мангазеи исследовано около 100 жилых и хозяйственных построек [Визгалов, Пархимович, 2017. – С. 27], то только на Неревском раскопе обнаружены остатки более чем 1100 различных строений [Засурцев, 1963. – С. 8].

Если же обратиться к материалам археологических исследований поселений аборигенного населения севера Западной Сибири (Полуйский и Надымский городки), то можно сделать заключение, что к концу XVI в. традиция использования дверей с пяточными шипами прочно входит в их культуру домостроительства, о чем свидетельствуют характерные особенности открытых дверных проемов [Кардаш, 2009. – С. 111; рис. 2 – 73; Кардаш, 2013. – С. 123]. Предположительно подобное заимствование изначально могло произойти и в XIV в. после присоединения Югры к новгородским волостям. Во всяком случае, замки и ключи благодаря торговым связям с Новгородом появляются на ее территории уже в XII–XIII вв. [Могильников, 1987. – С. 215; Овчинникова, 2009. – С. 130].

Список источников и литературы

- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. – М.: Наука, 1981. – 148 с.
- Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. – М.: АН СССР, 1956. – С. 3–458.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2017. – 360 с.
- Герберштейн Сигизмунд. Московия / пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. – М.: АСТ: Владимир: ВКТ, 2008. – 703 с.
- Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА; № 123: Жилища древнего Новгорода. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 5–165.
- Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.
- Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 380 с.

Кудрявцев А. А. Дверь X века из Новгорода (по материалам Троицкого XII раскопа) // КСИА; Вып. 226. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 239–244.

Кудрявцев А. А., Андриенко А. В. Вещевые комплексы из раскопок церкви Благовещения на Городище под Новгородом в 2016 г. (предварительное сообщение) // ННЗИА. Вып. 31 / отв. ред. Е. Н. Носов. – СПб.: Любавич, 2018. – С. 47–53.

Красноречьев Л. Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Витославицы. – Великий Новгород: Новгородский гос. музей-заповедник, 2014. – 304 с.

Овчинникова Б. Б. Торговые «путешествия» новгородцев на восток // Великий Новгород и Средневековая Русь: сборник статей: к 80-летию академика В. Л. Янина. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – С. 123–132.

Олейников О. М. Отчет о проведении охранных археологических исследований на месте строительства жилого дома по адресу: г. Великий Новгород, ул. Литвинова-Лукина, д. 12, в кадастровом квартале 132 в 2011 г. – М., 2015. – Архив ИА РАН. Р-1. № 45286-45289.

Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235.

Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. – Л.: Наука, 1990. – 209 с.

Петров М. И. Археологические исследования 2015 года на раскопе Нутный-IV // ННЗИА. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника; Вып. 30 / Новгородский музей-заповедник. – Великий Новгород, 2016. – С. 43–52.

Петров М. И. Отчет о работах на раскопе Нутный IV в Великом Новгороде в 2015 г. Приложение № 2. – Великий Новгород, 2016. – Архив ИА РАН. Р-1. № 50322.

Радзивилловская летопись / Полное собрание русских летописей. – Л.: Наука, 1989. – Т. 38. – 178 с.

Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В. Жилище // Древняя Русь. Город, замок, село. – М.: Наука, 1985. – С. 136–154.

Сагайдак М. А. Гражданская архитектура Киева X–XII вв. (некоторые аспекты изучения восточнославянского жилища) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: мат-лы Международной науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Г. Ф. Корзухиной. – СПб.: Нестор-История, 2010. – С. 530–546.

Соловьева Л. Н. Результаты определения породы древесины // Отчет о научно-исслед. спасательных археол. работах (раскопках) на объекте культ. наследия фед. значения «Церковь Благовещения на Городище» в Великом Новгороде в 2016 году. – Прилож. 5. – М., 2017. – Архив ИА РАН. Р-1. № 52676. – С. 203–204.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1988 год. – М., 1989. – Архив ИА РАН. Р-1. № 14051.

Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 2000 г. – М., 2001. – Архив ИА РАН. Р-1. № 23598.

Рис. 1. Радзивилловская летопись. Приход вооруженных заговорщиков к дворцу Андрея Боголюбского

Рис. 2. Дверное полотнище. Новгород. Троицкий XII раскоп. Вторая четверть X в. Новгородский музей-заповедник

Рис. 3. Дверное полотнище. Новгород. Троицкий XII раскоп. Вторая четверть X в. Новгородский музей-заповедник

Рис. 4. Дверное полотнище. Раскопки церкви Благовещения на Городище. Середина X в.

Рис. 5. Дверное полотнище. Новгород. Власьевский II раскоп. Середина XII в.

Рис. 6. Дверное полотнище. Новгород. Троицкий X раскоп. Первая половина XIV в. Новгородский музей-заповедник

В. Н. Кузнецова¹

¹ Российский этнографический музей
ул. Инженерная, д. 4/1, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: valentkuznets@mail.ru

Находки средневековых украшений и деталей костюма в контексте контактов Северо-Запада Руси и Уральских земель

Аннотация. В статье рассматриваются находки зооморфных украшений, характерных для Уральского региона, обнаруженные на территории Древней Руси. Такие изделия, как биконьковые подвески, подвески-«всадники», подвески в виде медведя и зайца, разнообразные орнитоморфные украшения маркируют контакты между севернорусскими и уральскими землями. Материалы могильников, Юго-Восточного Приладожья в частности, свидетельствуют о том, что инокультурное украшение могло включаться в местный убор. В результате знакомства с уральской изобразительной традицией некоторые особенности композиции были адаптированы к местным украшениям. Импортные древнерусские украшения также в некоторой степени оказали влияние на стилистику изделий волго-уральского региона.

Ключевые слова: подвески, украшения, Древняя Русь, Урал, импорт, зооморфные изображения.

Разнообразные зооморфные украшения, в частности подвески из сплавов цветных металлов, в эпоху Средневековья были широко распространены на территории лесной зоны Евразии. Как правило, эти изделия наделены региональной спецификой. Так, в докладе И. Р. Аспелина 1877 г. на Археологическом съезде, опубликованном в 1884 г., отмечалось: «Всякий, кто видел несколько пермских или мерянских подвесочных украшений... без сомнения отличит украшения одной группы от украшений другой» [Аспелин, 1884. – С. 9].

Ряд украшений (не только зооморфных), поступавших из Волго-Камья региона на территорию Северо-Запада Руси, рассматривался автором и Н. В. Григорьевой в совместной статье [Кузнецова, Григорьева, 2017]. Впрочем украшения, характерные для уральского региона, встречались и восточнее – к примеру, на территории Белозерья, Обонежья, Верхневолжья и пр.

Помимо зооморфных подвесок, на древнерусской территории известны камские гребни и кресала с зооморфными навершиями¹. Уникальной находкой для Северо-Запада Руси является бляха с изображением хищной птицы, обнаруженная крестьянами в Старой Ладге на берегу Волхова, «в том месте, где находится Земляное городище и его культурные слои оползают и размываются водой» [Кирпичников, Сакса, 2002. – С. 137]. В дальнейшем изделие было подарено В. И. Равдоникасом А.М. Тальгрону, который в свою очередь передал находку в Национальный музей Финляндии [Там же]. Изделие несомненно относится к урало-сибирскому звериному стилю. Среди наиболее близких аналогий можно отметить находки из бывшего Усть-Сысольского уезда [Спицын, 1906. – рис. 436] из д. Большие Долды Чердынского уезда [Кулябина, 2013. – кат. 132; Спицын, 1906. – рис. 298].

¹ В Своде археологических источников, составленном Л. А. Голубевой [Голубева, 1979], зооморфным гребням посвящена отдельная глава. Эта же категория находок рассматривалась О. А. Кондратьевой [Кондратьева, 2011]. Биметаллическим кресалам с зооморфными рукоятями также посвящены две статьи Л. А. Голубевой, последняя – в соавторстве с А.Б. Вареновым [Голубева, 1964; Голубева, Варенов, 1993]. В работах Н. Б. Крыласовой дополнены и расширены классификации гребней и кресал, рассматриваются семантика находок и их место в костюмных комплексах [Крыласова, 2007]).

Среди наиболее выразительных уральских импортов X–XI вв. отмечаются биконьковые подвески и подвески-всадники (рис. 1 – 1–4). Двуглавые коньковые украшения были встречены в погребальных памятниках Юго-Восточного Приладожья, так в кургане 6 могильника Заозерье начала XI в. они были прикреплены на цепочках к скорлупообразным фибулам [Кочкуркина, 1989. – С. 196]. В могильнике Подъелье X – начала XI в. также найдена прикамская биконьковая подвеска и примечательно, что здесь же встречено и волжско-финское ажурное «коньковое» украшение [Бранденбург, 1895. Табл. I. – С. 5; Кочкуркина, 1989. – С. 171]. Биконьковые подвески были выявлены в материалах поселений Поволховья и Верхнего Поволжья – соответственно Земляного городища Старой Ладogi [Кузнецова, Григорьева, 2017. – С. 60] и Усть-Шексны². Подвески изображающие всадника, попирающего коня, более многочисленны, чем биконьковые. Изделия встречены в составе инвентаря погребальных памятников на территории Карелии (могильники Челмужи, Кокорино, Видлицы), Юго-Восточного Приладожья (могильники Карлуха, Сязнега, Исаково, Усадище, Заозерье, Подъелье), Приневья (Вырица) и Кубенского озера (Нефедьево) [Рябинин, 1981. – С. 20–21; кат. 168–170, 224–235; Макаров, 1997. – абл. 142 – 8]. Подвеска-всадник также была найдена на поселение Никольское VI в Вологодской области³.

Находка из кургана 6 могильника Карлуха в Юго-Восточном Приладожье является ярким примером адаптации прикамского «всадника» к местному убору – изделие дополнено иглой и превращено в фибулу [Равдоникас, 1934. – Табл. IX – 3; Рябинин, 1981. – Табл. X – 1] (рис. 1 – 1). Примечательно, что в одном комплексе с прикамским украшением были встречены характерные местные украшения – прорезные пластинчатые подвески-«уточки» [Равдоникас, 1934. – С. 30]. В погребении 48 могильника Нефедьево прикамский «всадник» также сочетался с разнообразными зооморфными украшениями [Макаров, 1997. – Табл. 117 – 3; табл. 142]. Среди них подвеска «смоленского» типа, относящаяся к категории широко распространенных украшений, и специфические изделия севернорусских земель – конек с фигурной прорезью, двуглавая подвеска с треугольными прорезями и одноглавое зооморфное изображение с раскрытой пастью.

В памятниках Вологодской области выявлены изображения медведя, имеющие прямые аналогии в материалах Прикамья и Повымья [Археология Республики Коми. – рис. 6 – 3, 4; Голдина, 1985. – табл. XV – 13, 16–18] (рис. 1 – 7–8). В урочище Черный Ручей на поселение Черный Ручей была найдена арочная подвеска с изображением медведя в «жертвенной позе» [Кудряшов, 2012. – С. 55; рис. 5 – 3]. Объемная подвеска в виде фигуры этого животного происходит из нижних горизонтов селища Минино I [Зайцева, 2008. – С. 139].

Примечательная находка происходит из кургана 1 у д. Алеховщина конца XI в. на р. Оять (рис. 1 – 6). Изделие представляет собой костылек с петлями на концах, в центре которого размещена фигура зайца [Кочкуркина, Линевский, 1985. – С. 117; Рябинин, 1981. – табл. XIII – 7]. Е. А. Рябинин весьма осторожно – в затекстовой ссылке – в качестве аналогии привел находку с территории бассейна Нижней Оби: «зооморфное изображение по манере исполнения тождественно приладожском, но некоторые видовые признаки животного отсутствуют» [Рябинин, 1981. – с. 31]. Заключение исследователя представляется совершенно верным⁴. Хотя форма основания зооморфной фигурки и напоминает костыльки, распространенные на Северо-Западе Руси, более крупные размеры планки и оформление самого изображения не позволяют связать это изделие с местными традициями. Примечательно, что схожая форма встречена и в Прикамье – из пос. Калино Чусовского р-на происходит зооморфное изображение, также расположенное на костыльке с двумя петлями по бокам. В. А. Оборин и Г. Н. Чагин обозначили изделие как подвеску в виде пушного зверька VII–VIII вв. [Оборин, Чагин, 1988. – С. 170; кат. 111]. Н. В. Кулябина датировала изделие этим же периодом, а в качестве аналогий также привлекала находки из Приладожья и Приобья

² Справочная система Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника [Электронный ресурс]. РБМ-39392. – URL: <http://iss.rybmuseum.ru/iss2/items?query=%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B2%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0&info=283548&sa-fund=16>; РБМ-39367. – URL: <http://iss.rybmuseum.ru/iss2/items?query=%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B2%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0&info=283547&sa-fund=16> (дата обращения 28.05.2018).

³ Музей археологии Череповецкого музейного объединения, экспозиция. URL: <https://pp.vk.me/c407526/v407526276/48f2/2cbV-dZNP0I.jpg> (дата обращения: 18.01.2017).

⁴ Примечательно, что из кургана у д. Калихновщины происходит подвеска, изображающая зайца [Рябинин, 1981. – С. 31; табл. XI – 8]. Однако данное изделие относится к древнерусской традиции и не связано ни с местными, ни с импортными финно-угорскими древностями (Подробнее Кузнецова В.Н. Редкие разновидности древнерусских украшений в виде птиц и зверей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 63-го заседания (статья в печати)).

[Кулябина, 2013. – С. 206]. Возвращаясь к «зайчику» из Алеховщины, отметим, что оформление позволяют связать его с урало-сибирским звериным стилем. Дугообразный корпус с подчеркивающим этот изгиб жемчужным орнаментом отличает разнообразные изделия, относящиеся к данной разновидности литья. В пользу такого заключения свидетельствуют находки других вариантов зооморфных изделий «на костыльках». Из б. д. Старица происходит изображение X–XII вв. предположительно медведя, помещенное не вдоль, а поперек стержня. В качестве аналогии последнему Н. В. Кулябина приводила изделие из Кичилькосьского I могильника [Кулябина, 2013. – С. 199; кат. 96; Савельева, 1987. – С. 96; рис. 30 – 14].

Орнитоморфные подвески из уральского региона также встречаются на западе лесной зоны. Так, из памятника Илекса V, по фрагментам лепной керамики отнесенного к X–XI вв., происходит полая «уточка» [Кочкуркина, 2017. – С. 93; рис. 66 – 1] (рис. 2 – 1). С. И. Кочкуркина отметила, что подобные изделия характерны «в основном для древностей веси, хотя аналоги известны и в памятниках муромы» [Там же. – С. 94]. Такие особенности оформления, как орнамент в виде углубленных насечек на корпусе, длинный нос свидетельствуют о том, что изделие относится к прикамской традиции IX в. Ближайшие аналогии изображению происходят из д. Мальцева [Спицын, 1902. – Табл. VI – 5], Висимского, Плесинского [Голдина, 1985. – С. 231; табл. XXIII – 12], Урынского [Голдина, 1970. – Табл. 51 – 17] могильников. Аналогичное изделие было найдено на Верхней Волге в постройке XIII Поповского городища на р. Унже [Леонтьев, 1989. – С. 82; рис. 19 – 1] (рис. 2 – 2). Из материалов этого памятника также происходят две неорнаментированные прикамские подвески-уточки [Там же. – С. 82; рис. 16 – 1–2] (рис. 2 – 3–4). Аналогии последним известны из Поломского [Голубева, 1979. – С. 90; табл. 3 – 8], Варнинского [Семенов, 1980. – табл. V – 12–14] могильников.

На Северо-Западе и Северо-Востоке Руси были найдены полые зооморфные подвески, характерные для Приуралья XI–XIII вв. Украшения отличаются от местных изделий размещением привесок поперек корпуса на переднем крае, для них также характерно наличие щитковых звеньев и привесок бубенчиков, массивный декор в виде жгутовых поясков (рис. 2 – 6–9). Подобные изделия были найдены в Новгороде [Янин и др., 2006. – Рис. 2 – 1; Покровская, 2009. – Рис. 3 – 2], в кургане у д. Дубровна [Рябинин, 1981. – Кат. 554; табл. XIX – 3], в могильнике Бежицы в Тверском Поволжье [Степанова, 2011. – Рис. 4 – 1], в кургане VIII группы I у Кубасовой пустоши в Костромском Поволжье [Рябинин, 1981. – Кат. 555–556], поселении Кривец на Нижней Суде [Кудряшов, 2006. – Рис. 38 – 5]. Головы подвесок оформлены различными образом. Так, изделие из Новгорода имеет зубчатый гребень [Покровская, 2009. – Рис. 3 – 2] – такая форма является одной из наиболее распространенных. Подобные подвески встречены на территории Прикамья и Приобья [Кулябина, 2013. – Кат. 165–166; Истомина, 1992. – рис. 4 – 1–5; Викторова, 2008. – Рис. 140 – 75–76; рис. 163 – 311, 316; Зыков и др., 1994. – Кат. 298], также известна находка из святилища на о. Вайгач [Хлобыстин, 1990. – Рис. 3 – 2]. Подвеску из верхневолжского могильника Бежицы венчает пара петлевидных «рожек/ушек» [Степанова, 2011. – Рис. 4 – 1]. Аналогичное оформление имеют изделия из Чжэтяньгского могильника на р. Выгегде [Истомина, 1992. – Рис. 4 – 1–5], Антыбарского в Пермском Предуралье [Кулябина, 2013. – Кат. 187], бывш. Чердынского уезда [Там же. – Кат. 188]. Такой вариант «рожек» характерен для древнерусских полиморфных подвесок [Кузнецова, 2018]. Очевидно, что в прикамских подвесках петлевидные «рожки/ушки» были заимствованы из древнерусских изделий.

Из погребения 59/I могильника Минино II происходит полая орнитоморфная подвеска с каплевидным изображением крыла [Зайцева, 2008. – С. 138; рис. 125 – 8] (рис. 2 – 5). С.Д. Захаровым и Н. А. Макаровым комплекс был датирован XII–XIII вв. [Захаров, Макаров, 2008. – с. 311]. И.Е. Зайцева в качестве аналогий изделию приводит подвесок-«лебедей» из Барсовского I могильника и «орла» из д. Елева [Зайцева, 2008. – С. 138–139]. Схожие с мининской подвеской изделия происходят из Ликинского могильника [Викторова, 2008. – Рис. 333, 338].

Зооморфные украшения, характерные для Севера Древней Руси, также поступали на уральские земли. Импорты X–XI вв. представлены полыми орнитоморфными подвесками с продолговатым приземистым корпусом и парой привесок-лапок, размещенных поперек корпуса. Такие изделия были встречены в д. Иванчино, могильниках: Рождественский, Амбор, Степаново Плотбище [Кулябина, 2013. – Кат. 162–163; Белавин, Крыласова, 2008. – С. 443; рис. 204 – 11–13]. Среди импортных изделий первой трети II тыс. н. э. **присутствуют** как широко распространенные разновидности (например, пластинчатые орнитоморфные подвески с рельефным орнаментом [Белавин, 2000. – Рис. 74 – 2; рис. 81 1–3]), так и

редкие типы древнерусской зооморфной пластики [Кузнецова, 2016]. Наибольшее распространение получили полые «коньки» XII–XIV вв., производство которых зачастую ассоциируется с Новгородской землей. Изделия известны на обширной территории от Северо-Запада Древней Руси и Фенноскандии до Крайнего Севера и Сибири [Археология Республики Коми, 1997. – Рис. 74 – 1–5; Белавин, 2000. – Рис. 74 – 15–16; рис. 81 – 5]. Говоря о восточном направлении в распространении изделий, следует отметить находки из Сайгатинского III могильника [Зыков и др., 1994. – Кат. 297], на р. Щучья [Зверь и человек, 2009. – Кат. 712]. В основе полых «коньков» были аккумулированы традиции зооморфных украшений, бытовавших на территории Севера-Руси в XI–XII вв. В то же время изделия довольно схематичны, так что запечатленный образ не казался чужеродным. «Новгородские» подвески бытуют едва ли не дольше, чем прочие образцы зооморфной пластики. Известны находки из слоев Новгорода XIII–XIV вв., тогда как для прочих древнерусских полых подвесок дата бытования определяется как XI–XIII вв. Говорить о том, что именно полые «коньки» вытесняют местную зооморфную пластику, было бы преувеличением – данные изделия все-таки численно значительно меньше по сравнению местными.

Импортные украшения маркируют контакты между севернорусскими и уральскими землями. Материалы могильников свидетельствуют о том, что инокультурное украшение могло включаться в местный убор. Очевидно, что некоторые изделия, особенно первой трети II тыс. н. э., стоит характеризовать скорее как региональные, а не как этнические. Прямого подражание на Севере Руси уральский импорт не вызвал. Однако некоторые особенности композиции были адаптированы к местной изобразительной традиции⁵. Аналогичное явление имеет место и в Уральском регионе, вероятно, импортные древнерусские украшения в некоторой степени оказали влияние на стилистику изделий волго-уральского региона – были заимствованы элементы оформления (декор корпуса, форма головы и пр).

Список источников и литературы

- Археология Республики Коми / отв. ред. Э. А. Савельева. – М.: ДиК, 1997. – 758 с.
- Аспелин И. Р. О потребности изучения форм предметов и постепенном развитии этих форм в доисторических временах // Тр. IV АС. – Казань: Типография Императорского Университета, 1884. – Т. I. – С. 5–18.
- Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. – 200 с.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.
- Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. – 1895. – № 18. – 156 с.
- Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала: страницы ранней истории манси. – Екатеринбург: Квадрат, 2008. – 207 с.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.
- Голдина Р. Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. – 1970. – Вып. 9. – С. 57–112.
- Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. – М.: Наука, 1979. – САИ. Вып. Е1–59. – 112 с.
- Голубева Л. А. Огнива с бронзовыми рукоятями / Л. А. Голубева // СА. – 1964. – № 3. – С. 115–131.
- Голубева Л. А., Варенов А. Б. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями // РА. – 1993. – № 4. – С. 94–109.
- Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. – М.: Наука, 2008. – С. 57–142.
- Захаров С. Д., Макаров Н. А. Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. – М.: Наука, 2008. – С. 290–316.
- Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии // Тр. ГЭ; Вып. XLIV. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. – 388 с.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург, 1994. – 160 с.
- Истомина Т. В. Комплекс погребения 37 Чжэтяньгского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: мат-лы совещ., посвящ. памяти А. П. Смирнова (дек. 1989 г.). – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. – С. 127–136.

⁵ Кузнецова В. Н. Изобразительные традиции Севера Руси и Прикамья в зооморфных подвесках XI–XIII веков (статья в печати) // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2018. – Вып. 8 (статья в печати).

Кирпичников А. Н., Сакса А. И. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – С. 134–144.

Кондратьева О. А. Крестьянские зооморфные металлические гребни и древние традиции в их изготовлении // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. – М.: Наука, 1985. – С. 452–458.

Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронежка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). – Петрозаводск: Карелия, 1989. – 348 с.

Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. – Петрозаводск: Карелия, 1985. – 223 с.

Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. – 277 с.

Крыласова Н. Б. Археология повседневности: Материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с.

Кудряшов А. В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2006. – 197 с.

Кудряшов А. В. Памятники IX – начала XI в. в бассейне р. Шексны и Белого озера: возможности для реконструкции историко-культурных процессов в регионе // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сборник материалов Международной научной конференции (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6–8 июня 2012 г.). – Вологда: Древности Севера, 2012. – С. 48–64.

Кузнецова В. Н. «Кони-птицы», полые зооморфные подвески Древней Руси XII–XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород; СПб: Любавич, 2017. – Вып. 31. – С. 139–147.

Кузнецова В. Н. О некоторых зооморфных украшениях лесной зоны Восточной Европы // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 9. – Т. 2. – С. 200–207.

Кузнецова В. Н. Редкие типы древнерусских орнитоморфных и зооморфных подвесок: формирование и распространение // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии: сборник статей: по материалам XIX и XX чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских (Старая Ладога, 20–21 декабря 2014 г.; Старая Ладога, 26–27 декабря 2015 г.). – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 96–107.

Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В. Украшения Волго-Камья на Северо-Западе Руси // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2017. – Вып. 12. – С. 60–73

Кулябина Н. В. Наследие камской чуди: Пермский звериный стиль: Из собрания Пермского краеведческого музея: каталог / под ред. Г. Н. Чагина. – Пермь: ПКМ, 2013. – 268 с.

Леонтьев А. Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции). – М.: ИА РАН, 1989. – С. 5–105.

Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М.: Скрипторий, 1997. – 368 с.

Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 1988. – 184 с.

Покровская Л. В. Финно-угорский компонент в новгородской материальной культуре (по археологическим данным) // Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: в 2 ч. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – Ч. 1. – С. 37–47.

Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – 1934. – Вып. 94. – 53 с.

Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. – Л.: Наука, 1981. – Вып. E1-60. – 124 с.

Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. – 200 с.

Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. – Ижевск: УдНИИ, 1980. – С. 135.

Спицын А. А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. – 1902. – № 26. – 70 с.

Спицын А. А. Шаманские изображения // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. – 1906. – Т. VIII. – Вып. 1. – С. 29–145.

Степанова Ю. В. Шумящие украшения мерянского типа на территории Верхневолжья // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. – М.; СПб.: Альянс Архео, 2011. – С. 79–89.

Хлобыстин Л. П. Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. – М.: Наука, 1990. – С. 120–135.

Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В. Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2006. – Вып. 20. – С. 5–14.

Список сокращений

ГОУ ВПО ЧГУ– Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Череповецкий государственный университет

МАР – Материалы по археологии России

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет

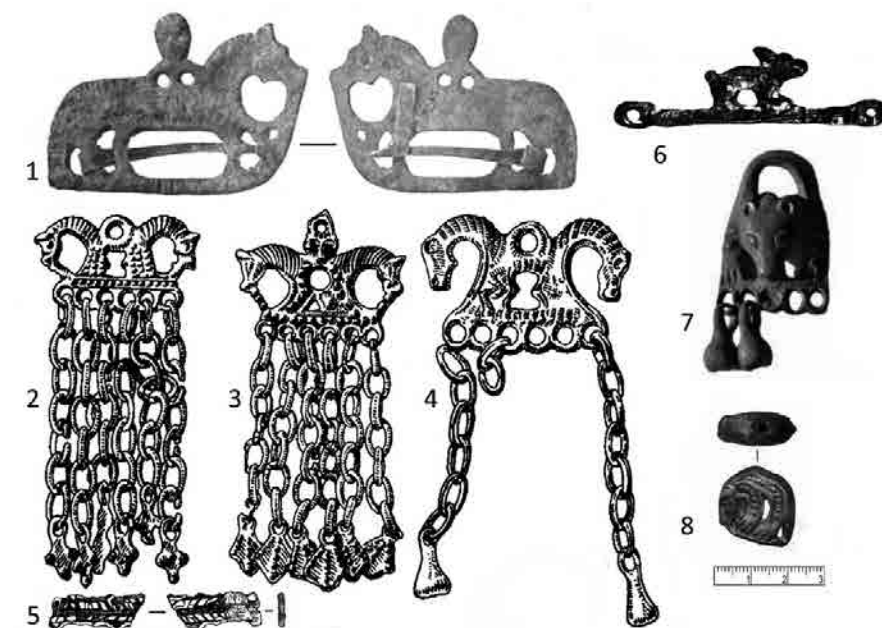

Рис. 1. Зооморфные подвески: 1 – Карлуха [По: Равдоникас, 1934. – Табл. IX – 3]; 2–3 – Заозерье; 4 – Подзелье [По: Рябинин, 1981. – Табл. VI – 7–9]; 5 – Старая Ладога; 6 – Алеховщина [По: Рябинин, 1981. – Табл. XIII – 7]; 7 – Черный ручей [По: Кудряшов, 2012. – С. 55; рис. 5 – 3]; 8 – Минино I [По: Зайцева, 2008. – С. 139]

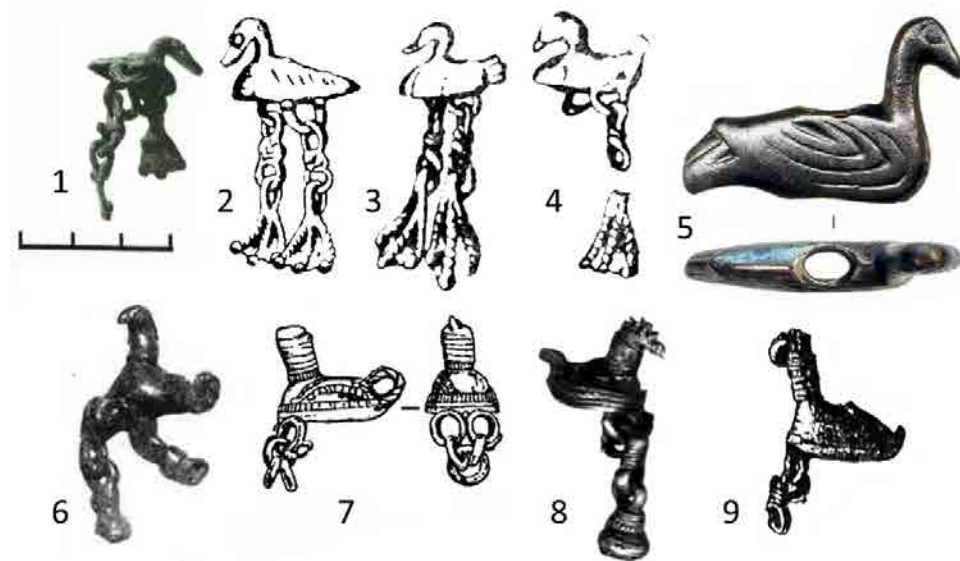

Рис. 2. Полые орнитоморфные подвески: 1 – Илекса V [По: Кочкуркина, 2017. – Рис. 66 – 1]; 2–4 – Поповское городище [Леонтьев, 1989. – Рис. 19 – 1; рис. 16 – 1–2]; 5 – Минино II [По: Зайцева, 2008. – С. 138; рис. 125 – 8]; 6 – Дубровна [По: Рябинин, 1981. – Табл. XIX – 3]; 7–8 – Новгород [По: Янин и др., 2006. – рис. 2 – 1; Покровская, 2009. – Рис. 3 – 2]; 9 – Кривец на Нижней Суде [По: Кудряшов, 2006. – Рис. 38 – 5]

Л. В. Покровская¹

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
пр. Ломоносовский, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: pokrovska-ja@yandex.ru

Шумящие привески с Троицкого раскопа¹

Аннотация. Бронзовая шумящая привеска арочной формы с гнездом для вставки и шумящими подвесками в виде бубенчиков была найдена в Людином конце средневекового Новгорода на Троицком раскопе в слое середины XII в. В Новгороде привески этой формы неизвестны, а ближайшие аналогии ей происходят из Нижнего и Сургутского Приобья. Анализ археологического материала, в том числе и берестяных грамот, найденных на Троицком раскопе, позволяет предположить, что уже с XI в. жители некоторых усадеб, открытых в этой части Людина конца, принимали активное участие в сборе дани на северо-востоке Новгородской земли, в более позднее время занимались торговлей пушниной. Однако находки предметов северо-восточного происхождения и предметов, аналогии которым находятся в отдаленных районах Восточноевропейского Севера и в Зауралье, – единичны. Их уникальность в Новгороде не позволяет определить – прямо или опосредованно, через неизвестный нам источник, эти предметы попали на «троицкие» усадьбы.

Ключевые слова: археологическое изучение средневекового Новгорода, Людин конец, Троицкий раскоп, Новгород и Новгородская земля, северо-восток Новгородской земли, шумящие привески арочной формы.

Археологическое изучение Людина конца средневекового Новгорода, расположенного на левом берегу Волхова, к югу от Детинца, было начато на Троицком раскопе в 1973 г. и продолжается до настоящего времени. Здесь, на площади более 7 000 кв. м, был открыт целый квартал средневекового города с улицами (Пробойной на востоке, Черницыной на севере и Редятиной на юге) и прилегающими к ним усадьбами (рис. 1, 2). Хронологические рамки археологических исследований на Троицком раскопе охватывают период со второй трети X до начала XV в.

За годы исследований была накоплена богатейшая информация о жизни и быте жителей усадеб, открытых на Троицком раскопе. Среди обычных бытовых предметов встречаются уникальные изделия, поиск аналогий которым занимает некоторое время. Среди них бронзовая шумящая привеска арочной формы с гнездом для вставки и шумящими подвесками в виде бубенчиков, которые прикреплялись на цепочках к ее нижней части (рис. 3) [Янин и др., 2013; рис. 189–13]. Она была найдена в 2012 г. на прирезке к Троицкому XIII раскопу, на усадьбе «Ж» (по принятому с 1973 г. буквенному обозначению). Усадьба «Ж» входит в комплекс усадеб средневековой Черницыной улицы и была частично исследована на VII, IX и XIII раскопах, а для максимально полного ее изучения к Троицкому XIII раскопу были сделаны дополнительные прирезки (участки «Г» и «Г-1»).

Привеска происходит из северной зоны участка «Г-1» (кв. 1822–1843) (рис. 4) [Янин и др., 2013. – С. 51], на котором нет сооружений, а культурный слой однородный – темно-коричневый, с большим

содержанием щепы. Эта зона расположена рядом с северным крыльцом сооружения ТС-XIII-Г-8 яруса 10 (распределение построек по ярусам проведено по стратиграфии залегания остатков сооружений), которое исследовалось ранее на участке «Г» и на основной площади XIII раскопа (сруб XIII-23). Сооружение ТС-XIII-Г-8 представляет собой большой сруб-пятистенок (10 × 8,4 м) со столбовой галереей и тремя крыльцами, примыкавшими к галерее [Янин и др., 2013. – С. 114]. Дендрохронологический анализ спилов, взятых с венцов сруба, столбов галереи и подкладок под крыльцо, показал, что сруб был построен в 1150-е гг. [Янин и др., 2013. – С. 158–160] и просуществовал до конца столетия. Поэтому время попадания в культурный слой шумящей привески арочной формы, найденной на уровне седьмого пласта, можно датировать серединой XII в.

В Новгороде подобных привесок больше не зафиксировано, а ближайшая аналогия ей происходит из Сургутского музея [Сургутский краеведческий музей..., 2011. – № 183]. В отличие от новгородской, привеска, найденная в урочище Барсова гора (случайная находка), не имеет гнезда для вставки. Вместо него в центре щитка расположен шаровидный выступ (рис. 5). Подобные привески есть на памятниках Усть-ишимской культуры [Финно-угры и балты..., 1987; табл. LXXXII – 37; Экспозиция музея археологии и этнографии ОмГПУ (из раскопок Б. А. Коникова, Усть-Ишимский курганный могильник X–XIII вв.)] и на памятниках кинтусовского типа [Финно-угры и балты..., 1987; табл. ХСІ – 9, 10]. Распространение шумящих привесок в Нижнем и Сургутском Приобье в X–XIII вв. происходит под влиянием западных контактов [Финно-угры и балты..., 1987. – С. 199, 214; табл. ХСІ – 9]. По прикамским образцам в этот период начинают изготавливаться местные украшения [Финно-угры и балты..., 1987. – С. 214; табл. ХСІ – 10].

Археологические материалы Приобья свидетельствуют о том, что наиболее активные связи с Русью, прежде всего с Новгородом, относятся к XII – первой половине XIII в. [Финно-угры и балты..., 1987. – С. 215]. Находка привески арочной формы на Троицком раскопе в слоях середины XII в., благодаря найденным аналогиям, отчасти подтверждает эти связи. Однако, к сожалению, на основании только одной находки нет возможности судить о том, каким образом (прямо или опосредованно) она попала в Новгород.

Тем не менее, на Троицком раскопе есть несколько предметов, которые, с большой долей вероятности, свидетельствуют о том, что жители усадеб этой части Людина конца могли принимать участие в дальних новгородских походах [Янин, 1998. – С. 321–327]. Они найдены в слоях XII в. на усадьбах «А», «З» и «Е», которые, так же как и усадьба «Ж», относятся к усадебному комплексу Черницыной улицы:

1. Антропоморфный амулет (рис. 6 – 2). Подобные амулеты известны в Вятском крае, Перми и Чердыни и на языческих святилищах острова Вайгач [Алешковский, 1980. – С. 284–287; Недошвина, 1996. – С. 198–206].
2. Обломок камня, на котором схематично изображены головы моржей (рис. 6 – 1). Е. А. Рыбина высказала предположение о том, что «этот рисунок сделан под впечатлением пребывания его автора на севере Новгородской земли, на берегах Баренцева или Белого моря, куда новгородцы ходили за данью» [Рыбина, 1998. – С. 24].
3. Деревянное скульптурное изображение человеческой головы (рис. 6 – 3), с чертами лица, характерными для жителей Восточноевропейского Севера [Покровская, 2004. – С. 72].

Связи жителей усадеб, открытых на Троицком раскопе, с северо-востоком Новгородской земли неоднократно отмечались в научных публикациях.

В XI в. они фиксируются находками деревянных замков (цилиндров) на мешки с данью, на которых упомянуты северные районы Новгородской земли, где осуществлялся сбор дани – районы рек Ваги и Пинеги, притоков Северной Двины, пункт Устье Ваги и др. [Янин, 2001. – С. 66–67].

Связь жителей усадеб, открытых на Троицком раскопе, с Севером Восточной Европы, Уралом и Печерой указывают тексты берестяных грамот [Янин, 1998. – С. 321]. Об освоении новгородцами северных территорий свидетельствуют и тексты берестяных грамот с северными топонимами [Рыбина, 2017. – С. 62–75].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00372.

Косвенными подтверждениями направления интересов владельцев усадеб, открытых на Троицком раскопе, на северо-восток Новгородской земли являются и некоторые археологические находки. Например, 5 полых птицевидных амулетов (рис. 6 – 4) из слоев XII в. [Покровская, 2010. – С. 264; Покровская, Тянина, в печати]. Все они восточно-финского происхождения, исследователи отмечают тенденцию распространения таких изделий на северо-восток – в бассейн р. Шексны, Вологодскую и Архангельскую области [Голубева, 1979. – С. 19].

В полевом сезоне 2017 г. на Троицком XV раскопе была найдена деревянная «бирка» с надписью «Устье Емца» (рис. 6 – 5). Река Емца (левый приток Северной Двины) была частью пути новгородцев к Белому морю, а в 1137 г. вблизи устья Емцы был основан городок (погост) Емец.

Из сруба, в котором была найдена привеска арочной формы, происходит комплекс находок, показывающих статус владельца усадьбы и род его деятельности. Из 32-х берестяных грамот, найденных в полевом сезоне 2012 г., 24 обнаружены в этом срубе.

В грамоте № 1021 [Янин и др., 2013. – С. 106; рис. 135 – 1] указана огромная сумма, уплаченная двумя феодалами за три тысячи сто беличьих шкур. В грамоте № 1045 сообщается о безрезультатной поездке на север за пушниной [Зализняк и др., 2013. – С. 115–116].

В этом же срубе сосредоточены находки свинцовых пломб (25 экз.), которыми могли опечатывать связки шкур пушных зверей (рис. 7), поступающих в Новгород из восточных и северных районов Новгородской земли. Все пломбы, найденные в срубе, можно разделить по пластам на два комплекса: первый относится ко времени постройки сруба, а второй – к концу его существования. В седьмом пласте, в котором обнаружена привеска арочной формы, найдено 13 пломб [Янин и др., 2013. – С. 127], в шестом пласте, где найдена берестяная грамота № 1045 (о неудачной поездке) – всего две товарные свинцовые пломбы [Янин и др., 2013. – С. 121], а в пятом пласте, к которому относится находка берестяной грамоты № 1021, зафиксировано 10 таких пломб [Янин и др., 2013. – С. 116].

Из берестяных грамот известно имя возможного владельца усадьбы, которая получила буквенное обозначение «Ж». Им мог быть Яким, вероятно, управляющий крупным боярским поместьем [Зализняк и др., 2013. – С. 115–116]. Его имя хорошо известно по берестяным грамотам 2010 г. В комплексе с грамотами 2012 г. известно уже 37 писем, написанных его рукой. При этом большинство грамот Якима – деловые записи (например, об оплате пушнины), среди них почти нет частных писем с адресной формулой [Янин и др., 2013. – С. 106]. В грамоте № 1045 упоминаются Лука (автор) и Сновид (адресат), также известные по грамотам, найденным в 2010 г. Предполагается, что они могли быть новгородскими складниками, которые занимались торговлей пушниной [Янин и др., 2013. – С. 106–107].

Таким образом, анализ археологического материала, в том числе и берестяных грамот, позволяет предположить, что уже с XI в. жители усадеб, открытых в этой части Людина конца, принимали активное участие в сборе дани на северо-востоке Новгородской земли [Янин, 2001. – С. 66–67] и могли быть участниками дальних походов в Югорские земли [Янин, 1998. – С. 321–327; Янин, Зализняк, 1986. – С. 18–20, 49–50; Янин, 1998. – С. 321]. А благодаря берестяным грамотам нам известны имена возможных организаторов сбора дани и походов. Например, Гюрята Рогович (берестяные грамоты № 901–915), который отождествляется с посадником Гюрятой, известным по «Повести временных лет» [Янин и др., 2004. – С. 100]. В летописи (под 1096 г.) есть запись о том, что Гюрята Рогович послал своего отрока в Печору за данью для Новгорода, который дошел до Югорской земли [Повесть временных лет, 1996. – С. 245–246]. Исходя из текстов грамот (например, грамота № 907), можно предположить, что в начале XII в. он контролировал сбор государственных доходов [Янин, 2001. – С. 59]. Во второй половине XII в. сбором дани и торговыми операциями в северо-восточных областях Новгородской земли мог ведать Яким, новгородскими купцами, которые занимались торговлей пушниной, были Лука и Сновид, а участниками похода воеводы Ядрея на Югру были Моислав Попович и Сбыслав Волосович [Янин, Зализняк, 1986. – С. 18, 23; Янин, 1998. – С. 322–327]. При этом следует отметить, что на новгородских усадьбах найдено очень небольшое количество предметов северо-восточного происхождения, а предметы, аналогии которым находятся в отдаленных районах Восточноевропейского Севера и в Зауралье – единичны. Поэтому участие жителей усадеб, открытых

на Троицком раскопе, в дальних походах не было массовым явлением, а находки фиксируют лишь исключительные случаи.

Список источников и литературы

- Алешковский П. М. Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. – 1980. – № 4. – С. 284–287.
 Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ-Е1-59. – М.: Наука, 1979. – С. 113.
 Зализняк А. А., Янин В. Л., Гиппиус А. А., Рыбина Е. А. Берестяные грамоты из раскопок 2012 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2013. – Вып. 27. – С. 115–116.
 Недошивина Н. Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // СА. – 1996. – № 2. – С. 198–206.
 Повесть временных лет. – СПб.: Наука, 1996. – С. 245–246.
 Покровская Л. В. Культурные предметы средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа // Новоторжский сборник. – Торжок, 2004. – Вып. 1. – С. 67–84.
 Покровская Л. В. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. – СПб.: Нестор-История, 2010. – С. 259–272.
 Рыбина Е. А. Рисунки средневековых новгородцев // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – С. 24.
 Рыбина Е. А. Топонимы Севера в берестяных грамотах // Путь на Север: истоки. – М.: Арт Волхонка, 2017. – С. 62–75.
 Покровская Л. В., Тянина Е. А. Полые зооморфные привески средневекового Новгорода // Российская археология, в печати.
 Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011.
 Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987.
 Янин В. Л. Я послал тебе бересту... – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – С. 321–327.
 Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. – С. 66–67.
 Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). – М.: Наука, 1986. – С. 18–20, 49–50.
 Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). – М.: Русские словари, 2004. – Т. XI.
 Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Отчет Новгородской археологической экспедиции о работах в Великом Новгороде в 2012 г. Троицкий XIII раскоп (участки «Г» и «Г-1»). Альбом чертежей (рис. 1–39). – Архив ИА РАН. Р-1. № 35864. – 39 л.
 Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Отчет Новгородской археологической экспедиции о работах в Великом Новгороде в 2012 г. Троицкий XIII раскоп (участки «Г» и «Г-1»). Альбом иллюстраций. Полевые фотографии и находки (рис. 40–266). – Архив ИА РАН. Р-1. № 35865. – 219 л.

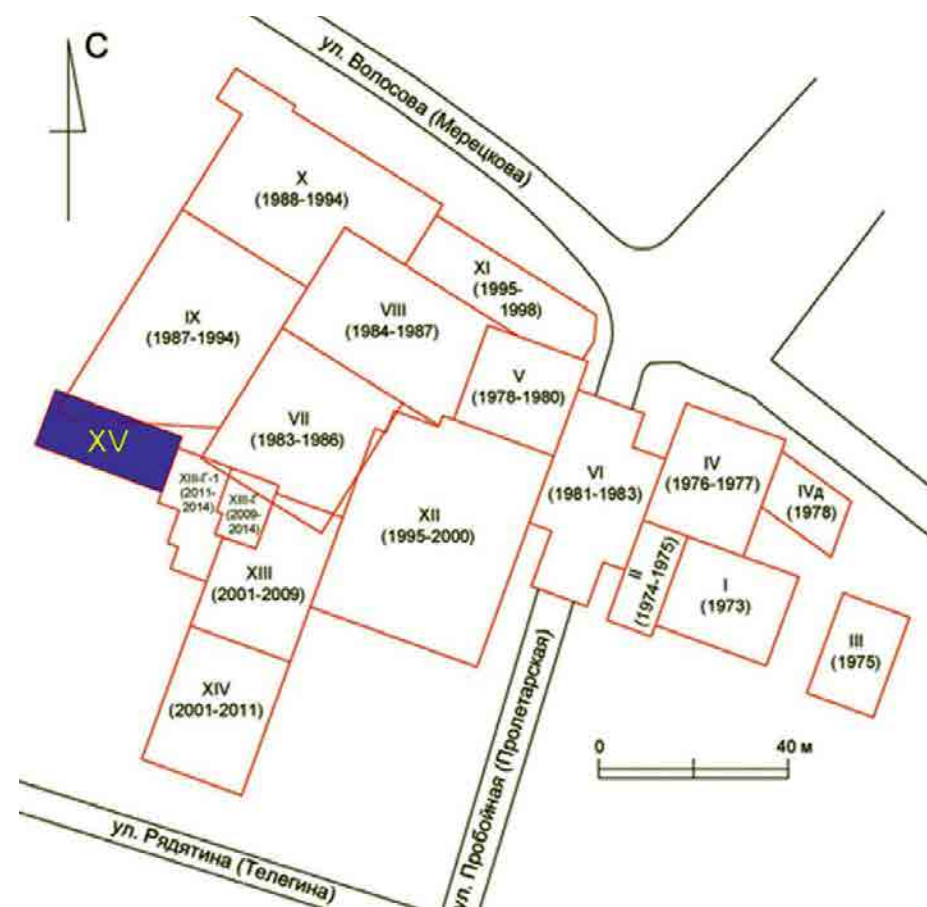

Рис. 1. Ситуационный план Троицкого раскопа

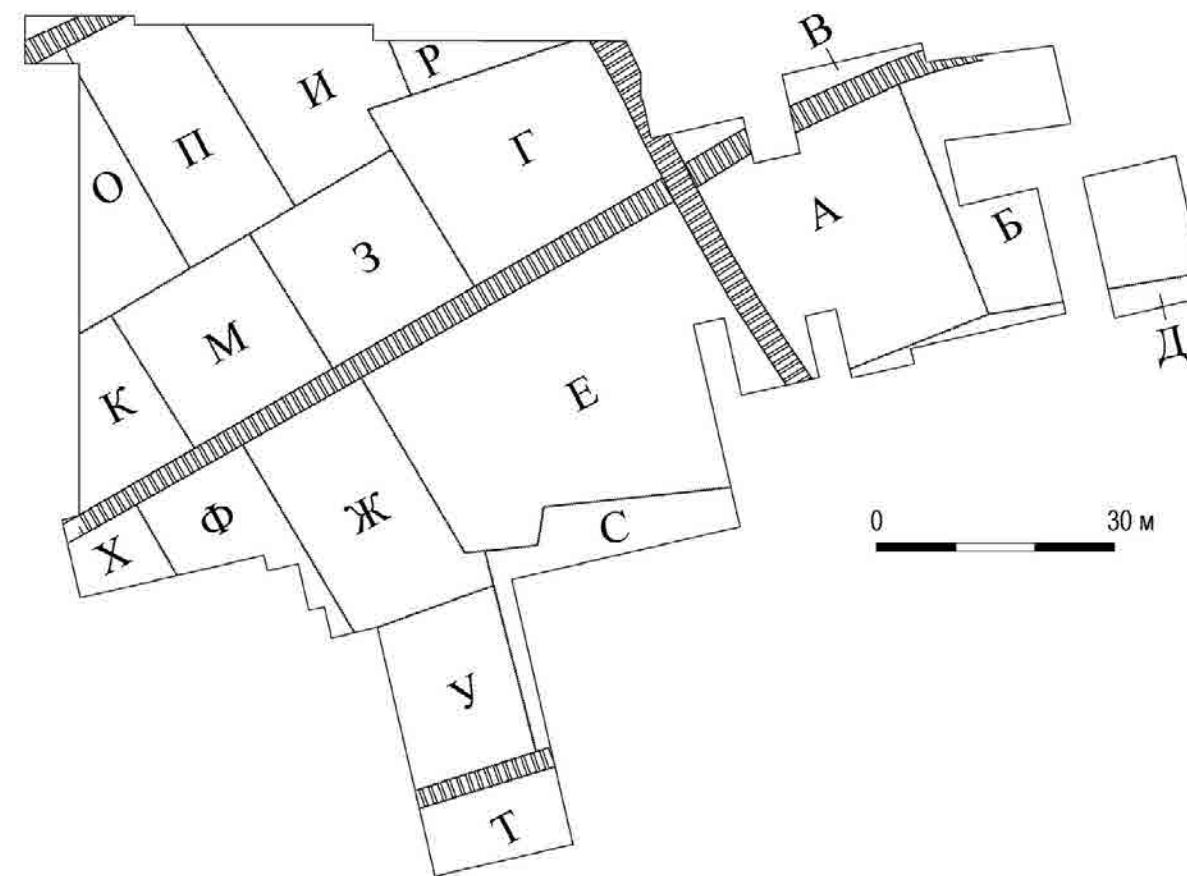

Рис. 2. Троицкий раскоп. Усадьбы

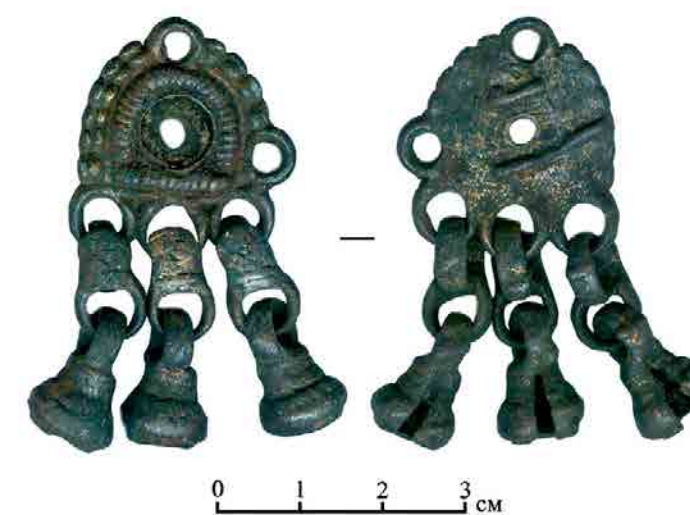

Рис. 3. Шумящая привеска арочной формы, бронза. Троицкий раскоп, пласт 7, квадрат 1841

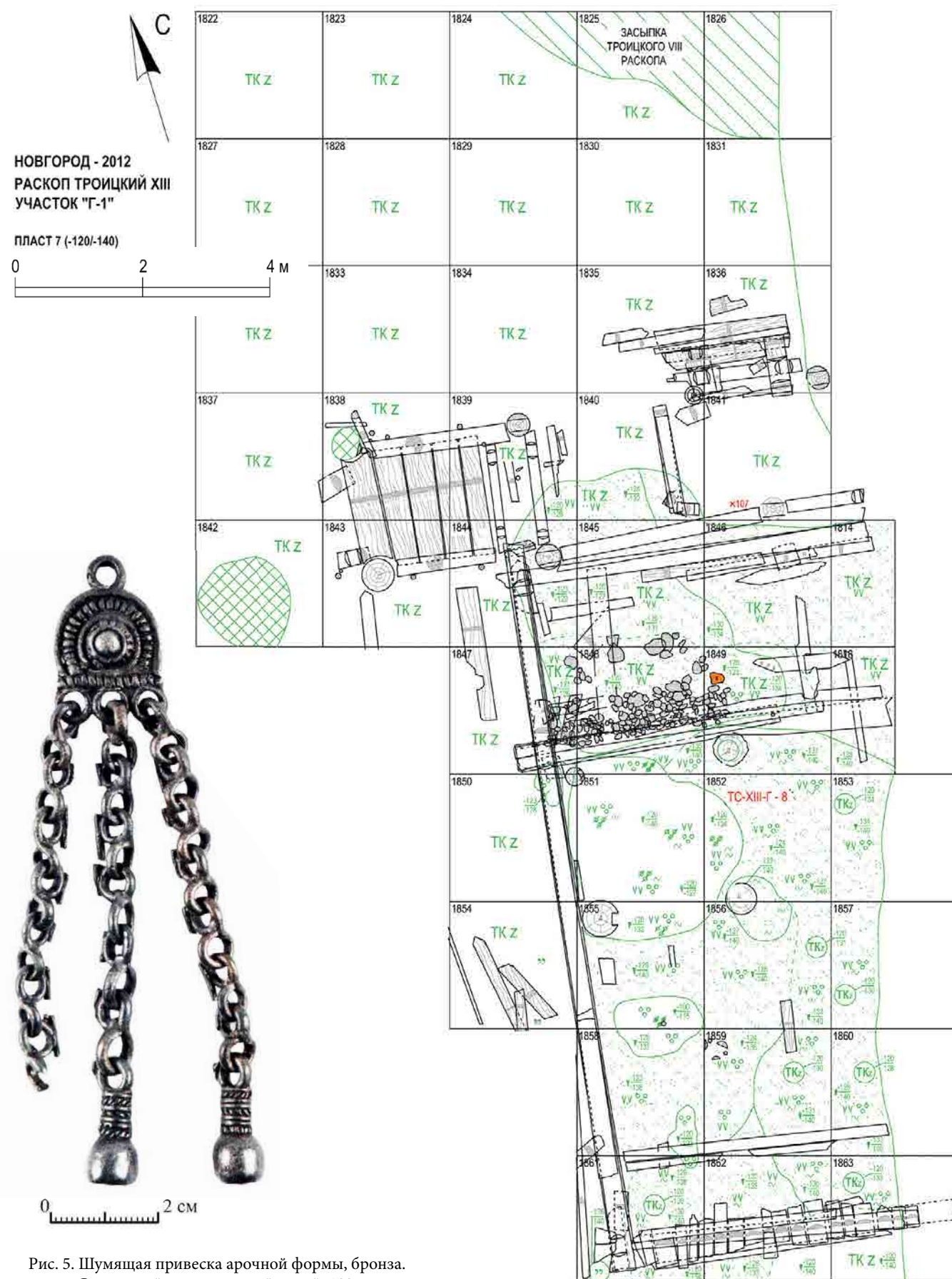

Рис. 5. Шумящая привеска арочной формы, бронза. Сургутский краеведческий музей, 183, Урочище Барсова Гора, случайная находка

Рис. 4. Сооружение ТС-ХIII-Г-8 яруса 10 на уровне пласта 7

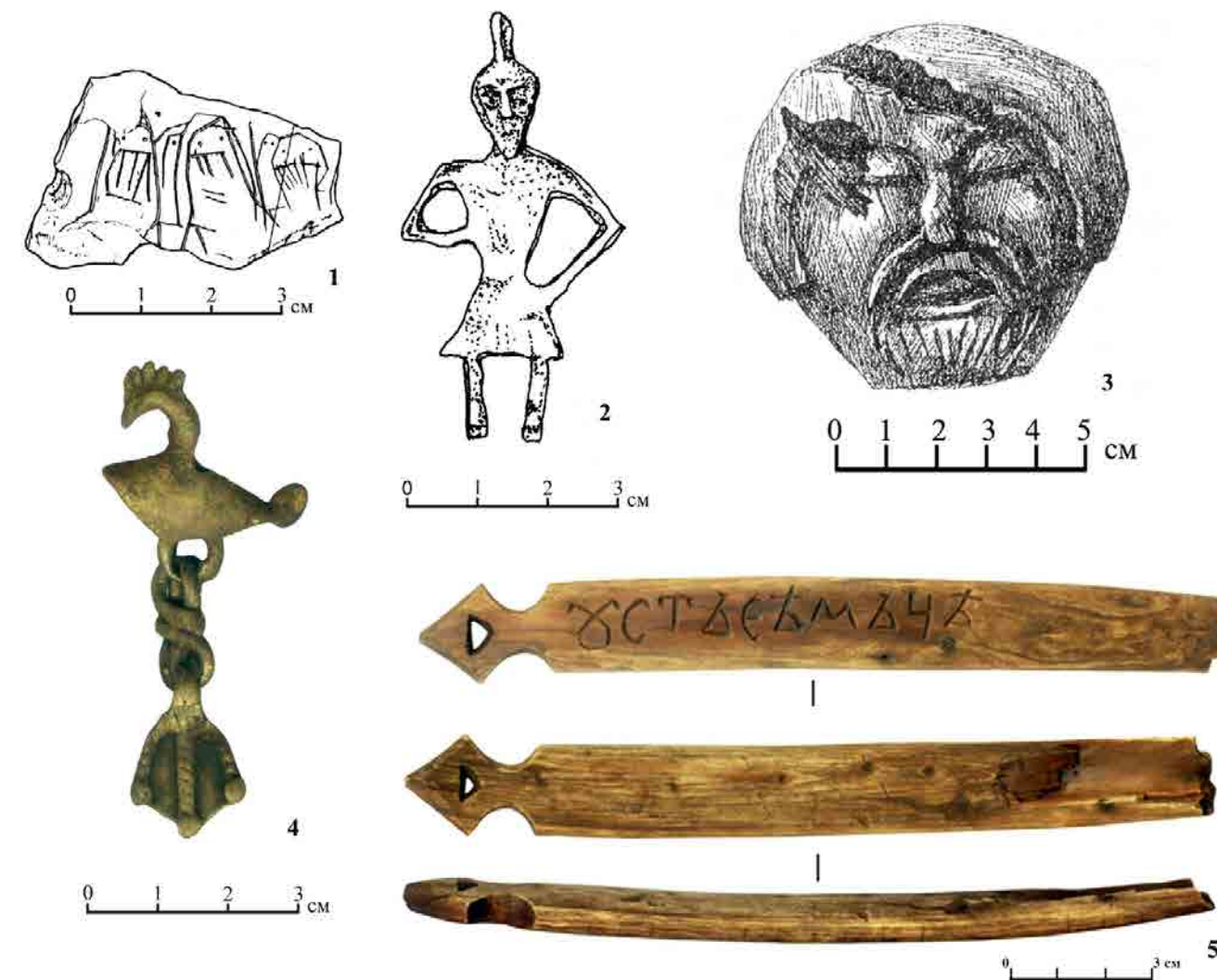

Рис. 6. 1 – Обломок камня со схематичным изображением голов моржей. Троицкий раскоп, пласт 17, квадрат 608; 2 – антропоморфный амулет, бронза. Троицкий раскоп, пласт 18, кв. 127–122, северная траншея; 3 – скульптурное изображение человеческой головы, дерево. Троицкий раскоп, пласт 12, квадрат 496; 4 – полая птицевидная привеска, бронза. Троицкий раскоп, пласт 4, квадрат 1883; 5 – бирка с надписью, дерево. Троицкий раскоп, пласт 4, квадрат 1882

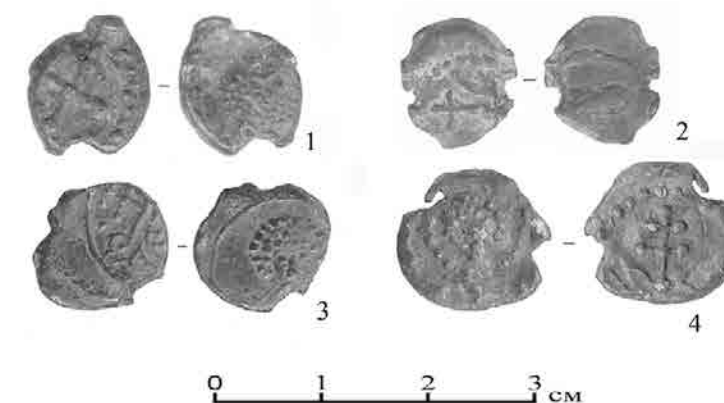

Рис. 7. Товарные пломбы, свинец, Троицкий раскоп. 1 – пласт 5, квадрат 1823; 2 – пласт 5, квадрат 1862; 3 – пласт 7, квадрат 1862; 4 – пласт 7, квадрат 1858

О. М. Олейников¹, П. Г. Гайдуков¹

¹ Институт археологии Российской академии наук
ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия
E-mail: russianchange@yandex.ru

**Древнерусские пломбы и торгово-хозяйственные связи Новгорода
с восточными районами Новгородской земли
(по материалам Лукинского-2 раскопа 2012 г.)**

Аннотация. Древнерусские свинцовые пломбы представляют известную, широко распространенную, но недостаточно изученную категорию находок. К настоящему времени известно около 29 000 таких находок на территории шести стран (Польши, России, Беларуси, Украины, Латвии и Литвы). В России зарегистрировано около 6 800 пломб на территории 17 областей. Наибольшее количество пломб происходит из Новгорода и его окрестностей. За прошедшее десятилетие новгородским хоздоговорным отрядом ИА РАН в ходе проведения археологических работ было обнаружено 892 древнерусские пломбы, в том числе 27 заготовок. По общему количеству пломб, обнаруженных в Новгороде, коллекция Лукинского-2 раскопа занимает третье место. В настоящее время изучение участия свинцовых пломб в экономике и торговле древнерусского государства находится на стадии накопления и систематизации соответствующего материала. Публикацию представительного комплекса пломб Лукинского-2 раскопа следует рассматривать как часть этой задачи.

Ключевые слова: Новгород, древнерусские свинцовые пломбы, Лукинский-2 раскоп, хронология и изображения на пломбах, обслуживание товарно-денежного обращения в безмонетный период, удостоверение документов.

Древнерусские торговые свинцовые пломбы представляют известную, широко распространенную, но недостаточно изученную категорию находок. По подсчетам одного из авторов, к настоящему времени известно около 29 000 находок древнерусских пломб на территории шести стран (Польши, России, Беларуси, Украины, Латвии и Литвы).

В России зарегистрировано около 6 800 пломб на территории 17 областей. Наибольшее количество пломб происходит из Новгорода и его окрестностей (около 2 900), Городца на Волге (более 1 600) и Смоленска (около 500 + более 400 заготовок). Следует также назвать такие центры концентрации пломб, как Белоозеро (более 350), Борки под Рязанью (141), Старая Ладога (80), Москва (около 70), Усть-Шексна (60), Ратмино (около 50), Курск (более 50), Торжок (около 40), Псков (37). Большое число находок пломб на многочисленных сельских поселениях отмечено в Брянской (около 380) и Владимирской (около 150) областях. Значительное количество свинцовых пломб в Новгороде свидетельствует об их массовом использовании в торговых операциях местного населения. Именно здесь концентрировались партии различных товаров (в первую очередь меха пушных зверей), поступавших в Новгород из разных районов Новгородской земли. Перед отправкой в другие регионы древнерусского государства на новгородских усадьбах товары проверялись, сортировались, сушились. Только

этим можно объяснить массовое залегание свинцовых пломб в культурном слое Новгорода. Пломбы рассредоточены по всей территории средневекового города, встречаясь единичными экземплярами и небольшими скоплениями, как правило, в границах усадебных комплексов.

За прошедшее десятилетие новгородским хоздоговорным отрядом ИА РАН в ходе проведения археологических работ на общей площади более 15 700 кв. м обнаружено 972 древнерусские пломбы, в том числе 27 заготовок. Большинство находок (648 пломб и 18 заготовок) происходит с Софийской стороны, где проведены наиболее масштабные работы (площадь исследований более 12 тыс. кв. м). На Торговой стороне найдено 296 пломб и 9 заготовок.

Лукинский-2 раскоп заложен в 2012 г. на Торговой стороне средневекового Новгорода в юго-восточной части Плотницкого конца на пересечении ул. Пушкинской (Лубяница) и Партизанского переулка (рис. 1). Площадь раскопа составляет 635 кв. м при мощности слоя 2,5 м [Гайдуков, Олейников, 2013. – С. 20–30]. Коллекция пломб Лукинского-2 раскопа насчитывает 127 экз., в том числе 3 заготовки. Она занимает в Новгороде третье место после четырех Десятинных (402 экз., общая площадь 3 780 кв. м; 2008, 2010 гг.) и Рогатицкого-2 раскопов (129 экз., площадь 300 кв. м; 2014 г.) (табл. 1).

Общая характеристика

Размер пломб укладывается в интервал 1,0–1,5 см – по высоте (вдоль отверстия для шнура) и 0,8–1,3 см по ширине. Толщина составляет 0,2–0,4 см. Вес колеблется от 0,8 до 3,0 г. Диаметр матриц (зафиксированный из-за сохранности только на некоторых экземплярах) составляет 1,5–1,6 см.

Пломбы Лукинского-2 раскопа, как и другие подобные пломбы, представляют собой небольшие свинцовые пластины, на момент извлечения из культурного слоя полностью утратившие связь с предметами, с которыми некогда составляли функциональное единство. Это одна из причин, по которой использование пломб до настоящего времени остается дискуссионным.

Технология изготовления пломб и заготовок

Новгородский материал в целом убедительно доказывает факт массового использования круглых литых заготовок со сквозным отверстием для изготовления пломб. Не стали исключением и заготовки, обнаруженные на Лукинском-2 раскопе. Две из них (рис. 16 – 92; 18 – 115¹) имеют округлую форму (сплюснутая сфера) размером 0,9–1,0 × 0,85–0,9 × 0,3–0,35 см, вес 1,1 и 2,13 г., диаметр отверстия для шнура 0,25 см; третья (рис. 15 – 83) – отлита в виде шайбы размером 1 × 0,8 × 0,6 см.

Небольшое количество заготовок Лукинского-2 раскопа не позволяет провести функциональное сопоставление различных их типов и изготовленных из них пломб. Такое исследование проведено на материале из Смоленска, обнаруженном на раскопе по ул. Ленина, д. 15 в 2004 г. [Олейников, 2014. – С. 11–16].

На некоторых пломбах Лукинского-2 раскопа сохранились небольшие выступы от обломанных литников (рис. 8 – 8; 10 – 22; 13 – 54, 58; 15 – 79; 17 – 98), литейные швы (рис. 11 – 34; 13 – 57) и затеки металла у вставного стержня (рис. 8 – 2, 10; 10 – 31).

Положение литейного канала относительно канала для закрепления шнура различно. У одних пломб каналы расположены перпендикулярно друг другу (рис. 8 – 8; 10 – 22), у других – под острым углом (рис. 13 – 54; 17 – 93), что указывает на особенности процесса отливки и позволяет реконструировать литейную форму. Подводка литейного канала под углом применялась в том случае, когда в литейной форме одновременно отливалось несколько пломб, а каналы для шнура при этом формировались с помощью единого вставного стержня. Такая заготовка, состоящая из литника и трех пломб, отлитых в одной форме, обнаружена на Софийской стороне в 2016 г., на раскопе по адресу ул. Троицкая, д. 16.

Литейные формы для заготовок пломб в Новгороде пока не найдены. Но нет сомнений, что конструктивно они должны напоминать каменные формы для заготовок печатей и украшений, обнаруженные на Рюриковом Городище [Носов, 1990. – С. 131; рис. 51– 3–5] и других памятниках.

¹ Для удобства представления материала все пломбы получили сквозную нумерацию (№ 1–127). Под этими номерами они указаны на рисунках. Паспорт каждой находки (номер участка, номер находки по полевой описи, квадрат и глубина) указан в приложении 1.

Процесс установки пломб аналогичен процессу изготовления вислых печатей по византийской традиции с помощью буллотирия и молотка и заключается в получении оттиска с одновременным закреплением шнура в продольном канале посредством механического расплющивания свинцовой заготовки [Ершевский, 1978. – С. 242; Гайдуков, Олейников, 2012. – С. 198].

Технически оттиск изображений можно было получить с помощью специальных инструментов, наподобие небольших клещей, найденных в древнерусских городах Новогрудке в слое XIII в. [Гуревич, 1981. – С. 98, 99, 117; рис. 77 – 6] и Воине в слое XII в. [Белецкий, 2001. – С. 13].

Технологические принципы установки пломб и печатей, а также изготовление литых заготовок для пломб и печатей схожи. Следовательно, аналогична и организация процессов работы с пломбами и печатями. Необходимый комплекс предварительных мероприятий (приобретение, доставка и хранение сырья, обязательный запас свинцовых заготовок), наличие специального инструментария (клещи-буллотирий и/или съемные матрицы, литейные формы, тигли, молотки) подразумевают существование налаженной работы профессионала в условиях стационарной мастерской и являются общими для пломб и печатей. Это позволяет согласиться с предположением С. Д. Захарова, допускающим, что «один человек мог осуществлять как постановку пломб, так и скрепление печатями каких-то документов» [Захаров, 2005. – С. 22–23].

Хронология пломб (табл. 2; рис. 2–7; прил. 1–2). В целом коллекция пломб Лукинского-2 раскопа датируется концом XI – первой четвертью XIII в. Пломбы зафиксированы либо в границах жилых строений, либо в непосредственной близости от них в комплексе со статусными находками. В числе таковых следует назвать вислые печати, амулет-змеевик с Распятием, нательные кресты, две подвески, копирующие монету «Ярославле серебро», бронзовую иконку с изображением святого и др. [Гайдуков, Олейников, 2013а. – С. 27–28; рис. 11–12; С. 144; рис. 2; Гайдуков, Олейников, 2013б].

В доусадебном периоде, когда участок представлял собой поделенные плетнем наделы под сельскохозяйственные угодья, пломбы отсутствуют (рис. 2, а). Первые 12 пломб появляются вместе с первоначальной усадебной застройкой, возникшей в конце XI – начале XII в. (19 ярус, 11 период).

Наибольшее распространение пломбы получают в XII в. (18–10 ярусы, 12–20 периоды). Причем больше половины всех находок (69 пломб и 2 заготовки) происходит из слоя первой половины XII в. (17–14 ярусы, 13–16 периоды). Позже количество пломб постепенно уменьшается. С 13 по 10 ярус их найдено, соответственно, 12, 10, 4 и 2 экз. (табл. 2).

Из слоя рубежа XII–XIII вв. происходят 6 пломб (9 ярус, 21 период). В первой четверти XIII в. усадебное строительство в этой части города прекратилось, территория запустела и использовалась под огороды (рис. 7, б). Новые усадьбы появились здесь лишь во второй половине XIII в. Древнерусских пломб в культурном слое этого времени не обнаружено.

Характер изображений. На пломбах Лукинского-2 раскопа оттиснуты различные изображения: святых, крестов, княжеских, буквенных и геометрических знаков, а также знака в виде треугольника, увенчанного крестом.

Изображения святых каноничны (лики, погрудные и поясные), заключены в точечные или линейные ободки. Среди разнообразных изображений креста самым распространенным стал процветший крест с различными декоративными элементами завершения ветвей и, особенно, нижней части креста. Княжеские знаки представлены двузубцами (прямоугольных и округлых очертаний с различными видами отрогов и с разной формой ножки) и знаками «в виде багра с горизонтальным покрытием и без него» [Янин, 1970. – С. 145].

Комбинации изображений, зафиксированные на пломбах, и их количественная динамика представлены в табл. 3. Чаще всего использовались схемы, совмещающие изображения святых и креста. Наиболее часто на пломбах отмечена схема святой – крест (44 экз.). Варианты святой – святой и крест – крест зафиксированы, соответственно, на 15 и 11 пломбах. Княжеский знак двузубец использован в разных сочетаниях на 13 пломбах, причем на трех пломбах двузубец помещен на обеих сторонах. В остальных случаях двузубец совмещается с крестом (2 экз.), святым (1

экз.), багровидным княжеским знаком (1 экз.) и знаками, которые атрибутировать затруднительно (6 экз.).

Княжеские знаки, оттиснутые на пломбах, не являются оригинальными. Все они были типичны для домонгольского времени и широко использовались на различных предметах. В частности, на деревянных замках-цилиндрах [Янин, 2000. – С. 677–678], украшениях, подвесках, печатях, кистенях, керамических сосудах, плинфе и др.), архитектурных элементах (знаки на новгородском Софийском соборе, на стене Золотых ворот во Владимире, кивории в Боголюбове) и проч.

Иконография святых и семантика изображений на пломбах требуют специального исследования. Отметим лишь, что в ряде случаев (рис. 9 – 14; 10 – 25; 12 – 44, 46, 49; 16 – 85, 86) наблюдается сходство в передаче деталей изображений святого и процветшего креста на пломбах и на печатях с изображением св. Феодора, помещенных в Своде [Янин, Гайдуков, 1998. – С. 274; табл. 16; № 324–325а]. Это прослежено и на материале других древнерусских городов [Захаров, 2005. – С. 25–26, 52; рис. 20] и может свидетельствовать об изготовлении матриц для печатей и пломб одним мастером.

На трех пломбах (рис. 8 – 3, 5; 11 – 37) помещено редкое для новгородских пломб погрудное изображение Христа с крестчатым нимбом, на двух пломбах (рис. 9 – 13; 14 – 69) – погрудное изображение святого князя-мученика (Борис или Глеб?). Сохранность некоторых пломб не позволяет точно идентифицировать изображения, а на трех находках изображения утрачены. На некоторых пломбах (рис. 8 – 1; 13 – 56, 59, 61; 17 – 103; 21 – 125) отпечатался только фрагмент изображения, что происходит из-за несоответствия размеров матрицы и пломбы. Можно думать, что в этих случаях установка изображений не предполагала их дальнейшую идентификацию, поскольку такое изображение сложно опознать. Вполне вероятно, что такие пломбы служили лишь для контроля целостности предмета, к которому были прикреплены [Захаров, 2005. – С. 29].

Приводим хронологическое распределение пломб в сочетании с их изображениями. В культурном слое юго-восточной части Плотницкого конца средневекового Новгорода, попавшей в границы Лукинского-2 раскопа, пломбы появляются в **слоях конца XI – начала XII в. (19 ярус, 11 период)**. Здесь обнаружено 12 находок (табл. 2; прил. 1, 2; рис. 2, а).

Большинство пломб, как отмечалось при общей характеристике коллекции, связано с жилыми постройками: одна пломба (№ 6) найдена в сооружении 1 на усадьбе «В», еще 5 (№ 1–4, 10) образовали компактное скопление в жилой постройке на усадьбе «Г» (соор. 1). Три пломбы (№ 11, усадьба «Г», и № 5, 12, усадьба «В») найдены в непосредственной близости от жилых строений (рис. 2, б). На раскопе открыта древняя грунтовая дорога (рис. 2, а), которая в конце XI в. стала моститься и называться улицей Лубяница (рис. 2, б). На древнейшей мостовой обнаружены две пломбы (№ 8, 9), еще одна (№ 7) найдена рядом с мостовой.

Две пломбы (рис. 8 – 1, 2) несут на обеих сторонах изображения святых в точечных нимбах (на пломбе № 1 помещен лик, на пломбе № 2 – погрудное изображение). Диаметр заготовки для пломбы № 1 меньше диаметра матрицы, поэтому на пломбе оттиснулась только часть изображения лика святого. Изображение Спасителя с крестчатым нимбом сочетается с изображением знака в виде треугольника, увенчанного крестом (рис. 8 – 3), и креста (рис. 8 – 5). На четырех пломбах (рис. 8 – 4, 5, 8, 11) размещена наиболее частая композиция – погрудное изображение святого и процветший крест. По одной пломбе несут следующие изображения: крест – крест (рис. 8 – 6); знак – знак (рис. 8 – 7); буквенный знак Ж – багровидный княжеский знак (рис. 8 – 9); буквенный знак Д – знак (рис. 8 – 10); знак (?) – святой (?) (рис. 8 – 12).

Слой начала XII в. (18 ярус, 12 период) представлен 9 пломбами (табл. 2; прил. 1, 2). Они также зафиксированы в границах жилых строений либо в непосредственной близости от них. Одна находка (№ 14) происходит с мостовой улицы Лубяницы, а большинство пломб сосредоточено на усадьбе «Г» (рис. 3, а).

Сочетание типов изображений на пломбах этого периода, по сравнению с предыдущим 19 ярусом, существенно не меняется (рис. 9). На четырех пломбах (рис. 9 – 13–15, 20) размещено погрудное изображение святого и процветшего креста, представленного тремя иконографическими вариантами:

с подчеркнуто закрученными завитками (рис. 9 – 13), с утолщением горизонтальных ветвей, фрагментом монограммы Христа «IC» слева от креста (рис. 9 – 14) и фрагмент креста, горизонтальные ветви которого переданы крупными точками (рис. 9 – 15). Появляется княжеский знак в виде двузубца с разными формами основы и ножки: двузубец мягких очертаний с раздвоенной в виде завитков ножкой (рис. 9 – 19) и двузубец прямоугольных очертаний с крестом на левом зубце и ножкой в виде прямой черты в комбинации с крестом на другой стороне (рис. 9 – 18).

Первая половина XII в. (17–14 ярусы, 13–16 периоды) – расцвет в использовании пломб. В этих слоях зафиксировано наибольшее число находок – 69 экз. (табл. 2; прил. 1, 2), изобразительные формулы которых представлены всеми возможными сочетаниями (табл. 3; рис. 10–16).

В этот период количество пломб с иконографической схемой святой – крест достигает своего максимума (31 экз.). Увеличивается число пломб, несущих образ святого на обеих сторонах (рис. 10 – 22–24; 12 – 47; 14 – 63–65; 16 – 84), причем пломба № 47 перебита. К изображению святого на одной стороне пломбы добавляются изображения княжеских знаков в виде багра (рис. 11 – 34–36; 13 – 54) и двузубца (рис. 11 – 39), знака в виде треугольника, увенчанного крестом (рис. 11 – 37), а также знаков, атрибуция которых затруднена (рис. 11 – 38; 13 – 55, 60; 14 – 62; 15 – 81). На пломбах с изображением креста кроме святых помещаются различные знаки, в их числе якоревидный (рис. 11 – 40) и знак в виде треугольника, увенчанного крестом (рис. 13 – 59). Но преобладают пломбы, на которых крест оттиснут на обеих сторонах (рис. 15 – 75–76, 78–79; 16 – 89). Двузубец сочетается с двузубцем (рис. 11 – 41), со знаком в виде багра (рис. 13 – 57) и другими знаками (рис. 13 – 58; 15 – 80; 16 – 90–91).

В слое 17 яруса (ок. 1110–1115 гг.) обнаружена 21 пломба, большинство которых (14 экз.) также тяготеет к жилым постройкам усадьбы «Г» (рис. 3, б).

В слое 16 яруса (ок. 1115–1125 гг.) зафиксировано изменение границ усадеб (сменились владельцы?). Здесь зафиксировано 19 пломб, 10 из которых происходят с усадьбы «В», причем половина этих пломб (№ 45, 46, 52, 56, 57) найдена на внутриусадебном настиле. На усадьбе «Б» обнаружено только 4 пломбы (№ 44, 47, 54, 61) (рис. 4, а).

Распределение пломб в слое 15 яруса (ок. 1125–1135 гг.) не меняется. Здесь найдено 22 пломбы, 19 из которых сосредоточены также на усадьбе «В». На усадьбах «Г» и «Б» зафиксированы единичные находки (рис. 4, б).

В слое 14 яруса (ок. 1135–1145 гг.) количество пломб сокращается, и расположены они довольно равномерно по усадьбам «В» (№ 86, 88, 89, 92) и «Б» (№ 84, 85, 87, 90, 91) (рис. 5, а).

К середине XII в. (13 ярус, 17 период) количество пломб резко уменьшается, возвращаясь к показателям конца XI – начала XII в. (12 экз.), при этом общий набор изображений сохраняется (табл. 2, 3; прил. 1, 2).

Три пломбы несут изображение святого в сочетании с крестом (рис. 17 – 96, 99, 101), на двух находках святые изображены на обеих сторонах (рис. 17 – 97, 100), на одной пломбе образ святого сочетается со знаком в виде багра (рис. 17 – 103). На двух пломбах на обеих сторонах оттиснуты кресты (рис. 17 – 93, 95). По одной пломбе несут изображения процветший крест – двузубец (рис. 17 – 104), двузубец – двузубец (рис. 17 – 98), знак в виде треугольника, увенчанного крестом (рис. 17 – 94) и неясные знаки (рис. 17 – 102).

Все пломбы сосредоточены на усадьбе «В» в виде компактной группы в стороне от жилой постройки (рис. 5, б).

В слое второй половины XII в. (12–10 ярусы, 18–20 периоды) общее количество пломб в целом несколько возрастает (16 пломб и 1 заготовка), однако распределение находок по ярусам демонстрирует иную картину: уменьшение пломб в культурном слое продолжается (табл. 2; прил. 1, 2). Если в 12 ярусе зафиксировано 10 пломб и 1 заготовка (рис. 6, а), то в 11 и 10 ярусах число пломб сокращается уже практически вдвое (4 и 2 пломбы соответственно) (рис. 6, б; 7, а).

Три пломбы несут на обеих сторонах изображение святого (рис. 18 – 105–107), две – святой – крест (рис. 18 – 108; 19 – 116), по одной – святой – знак в виде треугольника, увенчанного крестом (рис. 18 – 109), святой – знак (рис. 18 – 110). Также единичны пломбы со схемой крест – крест (рис. 18 – 111), крест – знак? (рис. 19 – 117), двузубец – знак (рис. 18 – 112), якоревидный знак – знак (рис. 18 – 113). На трех пломбах (рис. 19 – 119; 20 – 120, 121) оттиснуты неразборчивые знаки, еще на двух (рис. 18 – 114; 19 – 118) – изображения не определяются (табл. 3).

Слой конца XII – начала XIII в. (9 ярус) представлен 6 находками (табл. 2; прил. 1, 2). В этот период (ок. 1190–1216 гг.) усадьбы прекращают существование. Пломбы были найдены в огородном слое, который перемешал слои конца XII – начала XIII в. (рис. 7, б).

Изображения на пломбах укладываются в общую картину (табл. 3). На двух (рис. 21 – 123, 124) помещены кресты. Еще на двух – знак (или фрагмент изображения) сочетается с изображением святого (рис. 21 – 122) и двузубца (рис. 21 – 125). Две пломбы (рис. 21 – 126–127) сохранили изображения фрагментарно (рис. 21).

Выводы

Круг возможного применения пломб очерчен: печатывание различных товаров (в первую очередь меха пушных животных), обслуживание товарно-денежного обращения в безмонетный период и, возможно, удостоверение документов [Белецкий, 2001. – С. 74; Захаров, 2005. – С. 31; Еришевский, 1978. – С. 242; Лихачев, 2014 – С. 37–66; Молчанов, 2012. – С. 441; Монгайт, 1955. – С. 159–162; Перхавко, 1996. – С. 225, 238–239, 241; Янин, 1970. – С. 11; Олейников, 2018. – С. 6–11]. Тем не менее, вопрос о возникновении потребности в таком значительном количестве пломб и проблема выявления их функциональных групп остаются пока открытыми.

В настоящее время изучение участия свинцовых пломб в экономике и торговле древнерусского государства находится на стадии накопления и систематизации соответствующего материала. Публикацию представительного комплекса пломб Лукинского-2 раскопа следует рассматривать как часть этой задачи.

Список источников и литературы

Белецкий С. В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. – СПб.: ИИМК РАН, 2001. – Вып. 4. – 192 с.

Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Новгородский буллотирый XIV в. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2012. – Вып. 26. – С. 193–205.

Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2012 г. (Лукинский-2 раскоп) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2013а. – Вып. 27. – С. 20–30.

Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Сфрагистические находки Лукинского-2 раскопа в Новгороде // Там же. – 2013б. – Вып. 27. – С. 141–151.

Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. – Л.: Наука, 1981. – 162 с.

Еришевский Б. Д. Древнейшие печати новгородских посадников (1096–1117 гг.) // СА. – М., 1978. – № 2. – С. 240, 248.

Захаров С. Д. Свинцовые пломбы Белоозера // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 20–71.

Лихачев Н. П. Избранные труды. Т. I: Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 496 с.

Молчанов А. А. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. – М.; Вологда: Древности Севера, 2012. – С. 437–447.

Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – № 49. – 228 с.

Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. – Л.: Наука, 1990. – 212 с.

Олейников О. М. Двор первых смоленских князей (по результатам охранных археологических исследований на ул. Ленина, 15 в Смоленске 2004 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Тверь: Тверская областная типография, 2014. – Вып. 7. – С. 6–17.

Олейников О. М. К вопросу о назначении свинцовых пломб дрогичинского типа // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Тверь: ИПК Парето-Принт, 2018. – Вып. 11. – С. 6–11.

Перхавко В. Б. Распространение пломб дрогичинского типа // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г.: Новое в нумизматике. – М.: Археографический центр, 1996. – С. 211–247.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I: Печати X – начала XIII в. – М.: Наука, 1970. – 327 с.

Янин В. Л. У истоков Новгородской государственности // Вестн. Российской академии наук. – 2000. – Т. 70. – № 8. – С. 675–681.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. – М.: ИНТРАДА, 1998. – Т. III. – 501 с.

Рис. 1. Великий Новгород. Ситуационный план раскопов

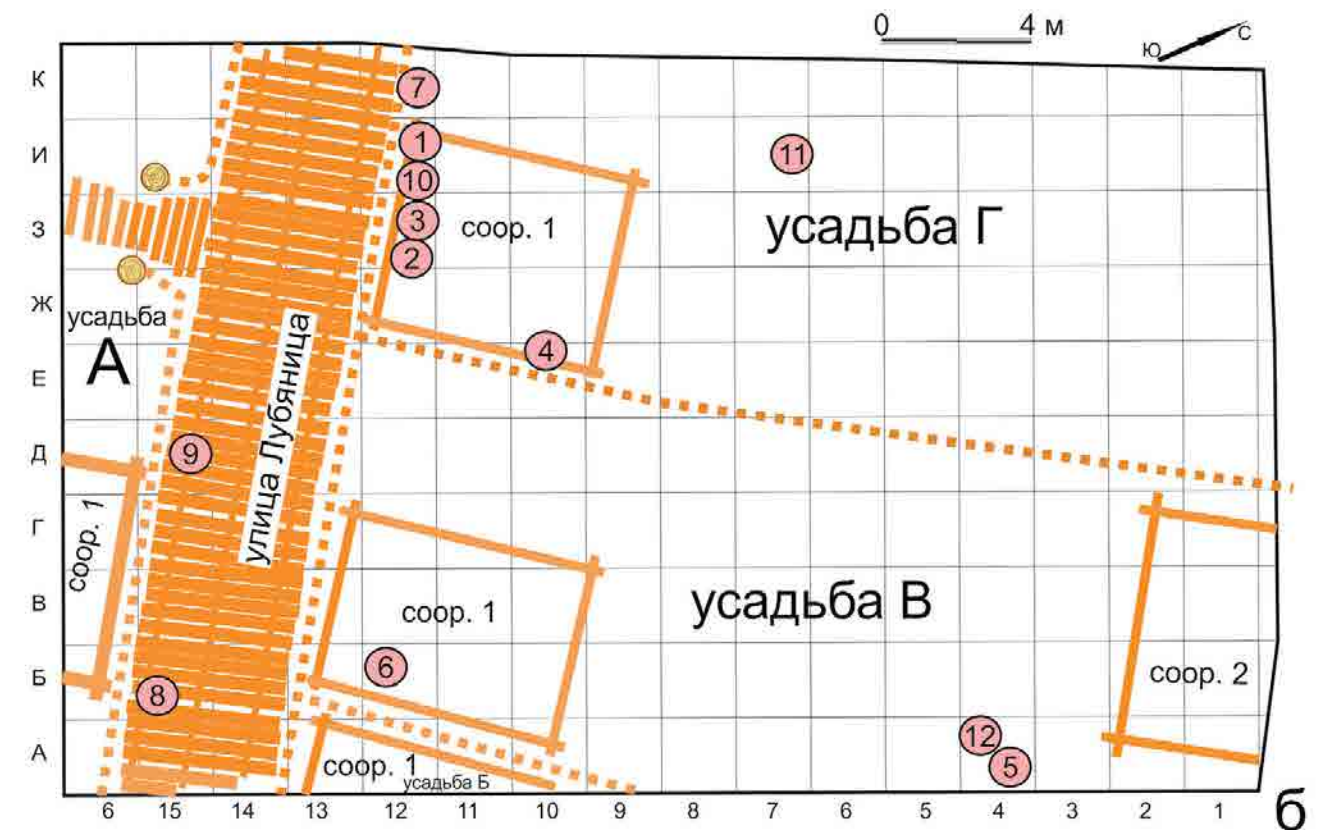
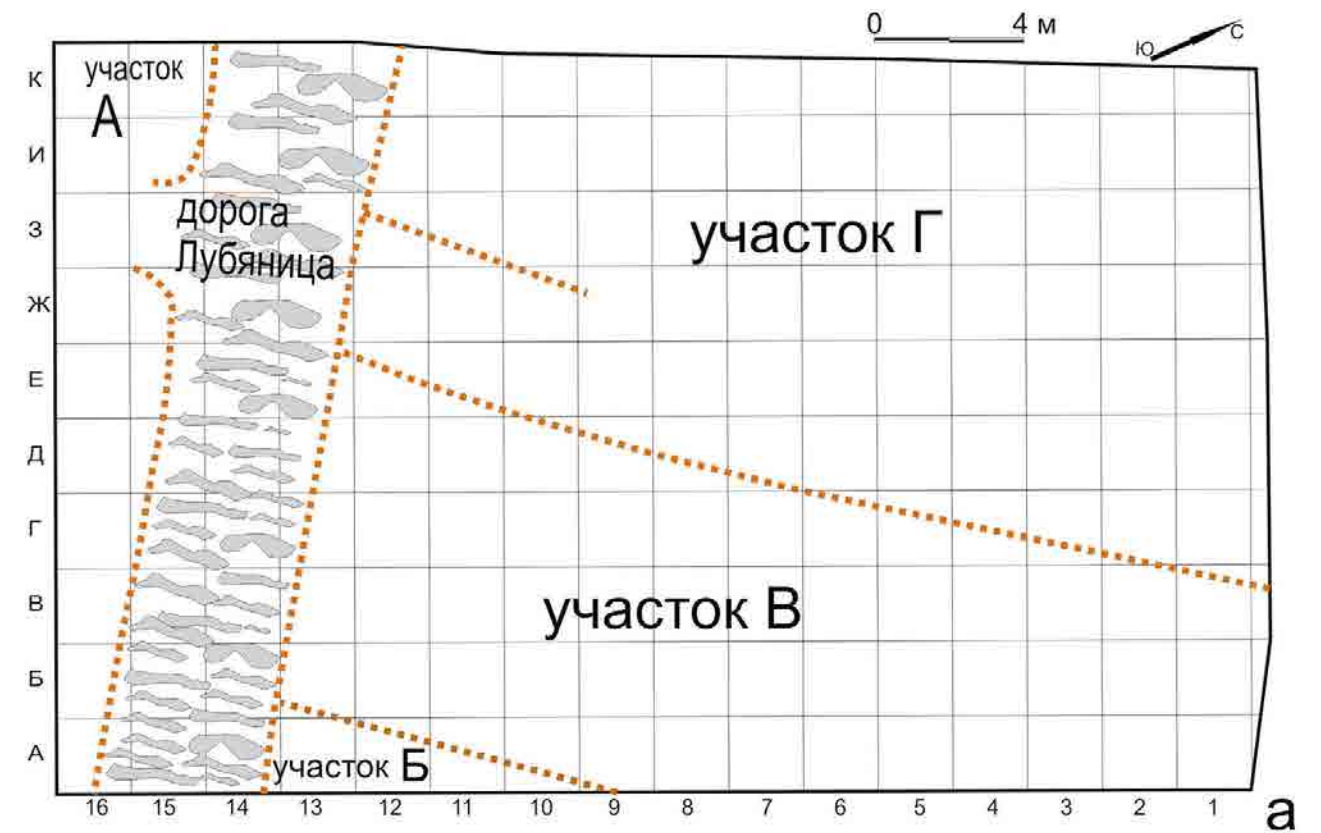

Рис. 2. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. План-схема усадебной застройки: а – 10 хронологический период; б – 19 ярус (11 хронологический период) (кон. XI – нач. XII в.)

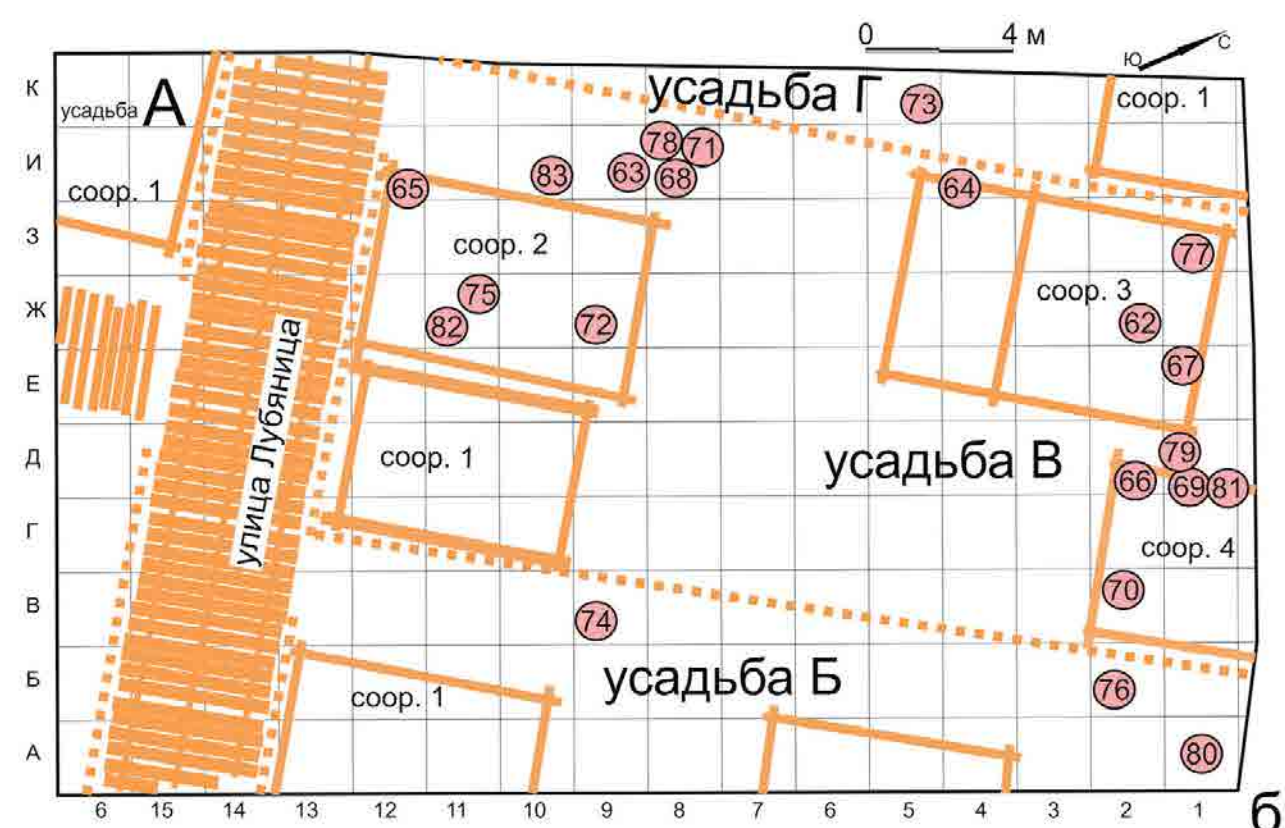
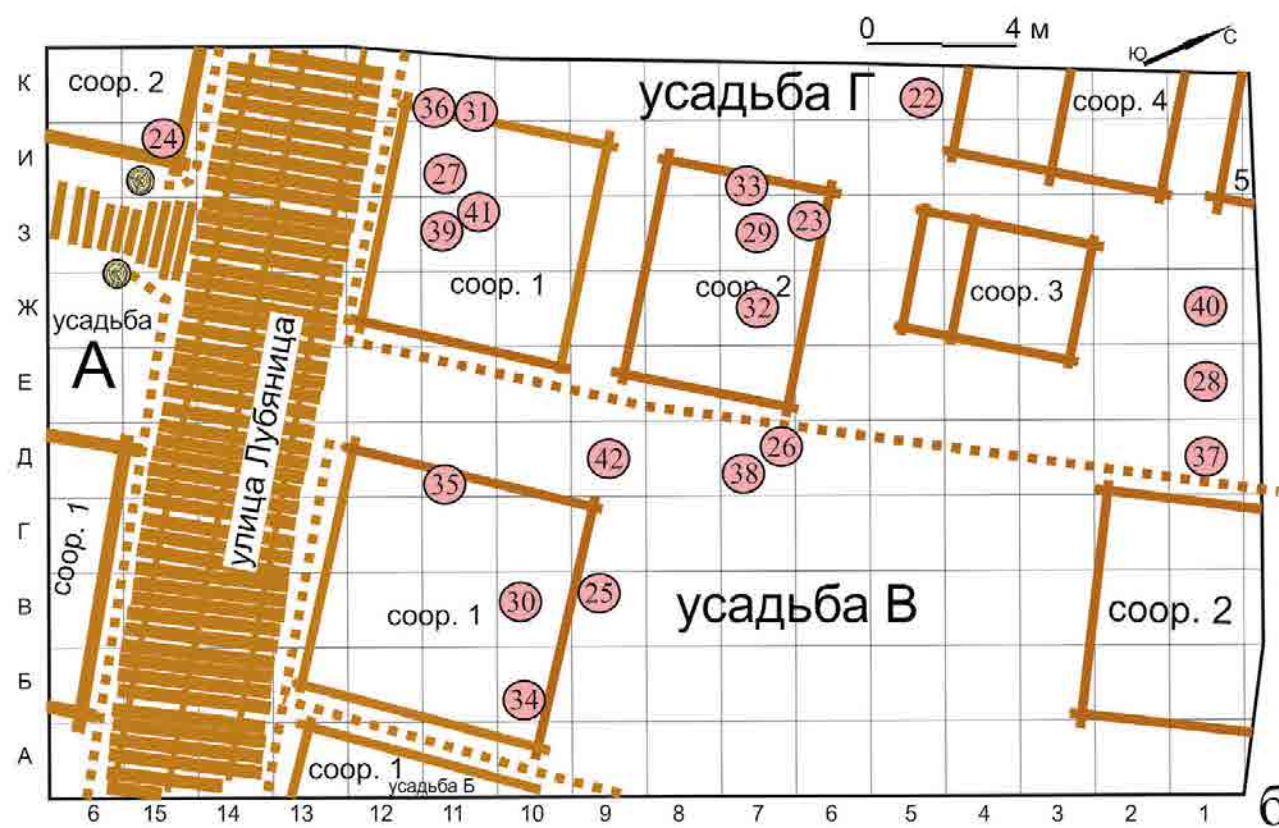
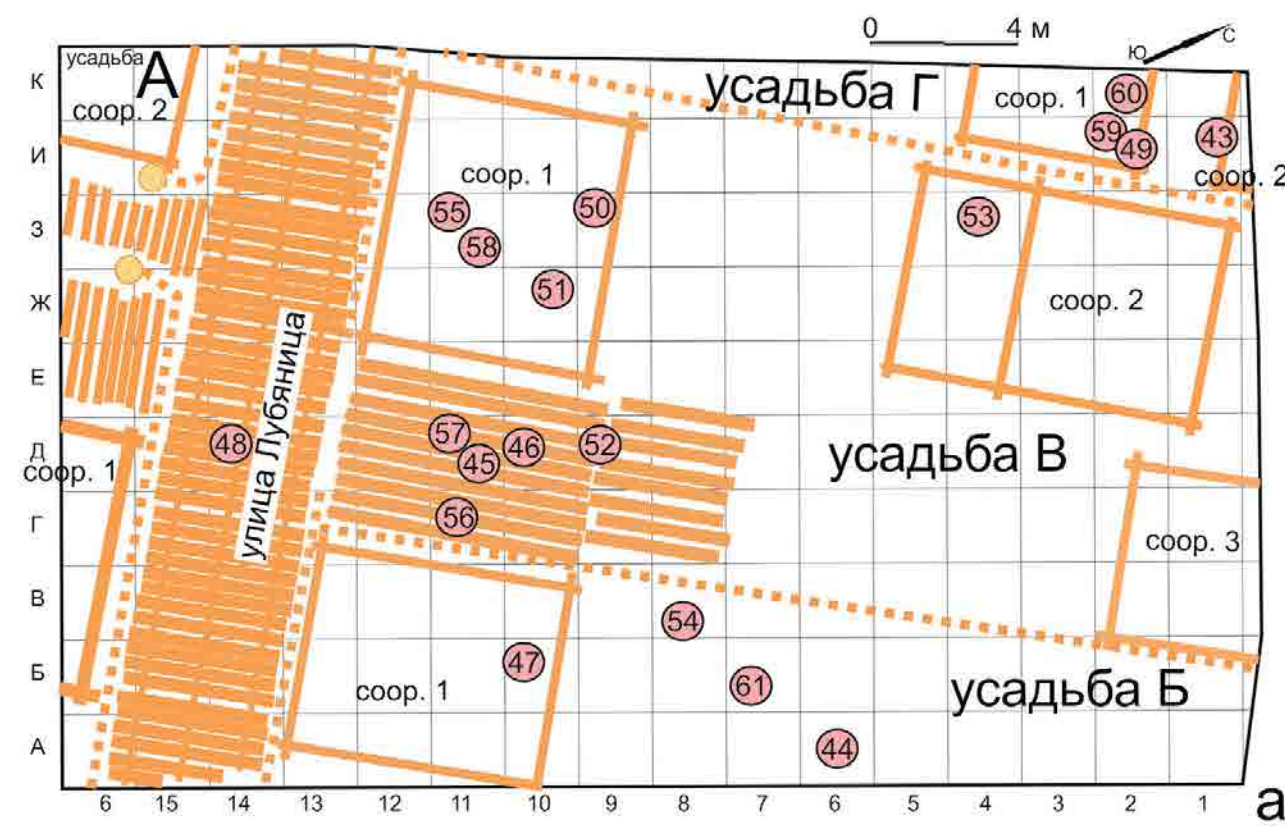
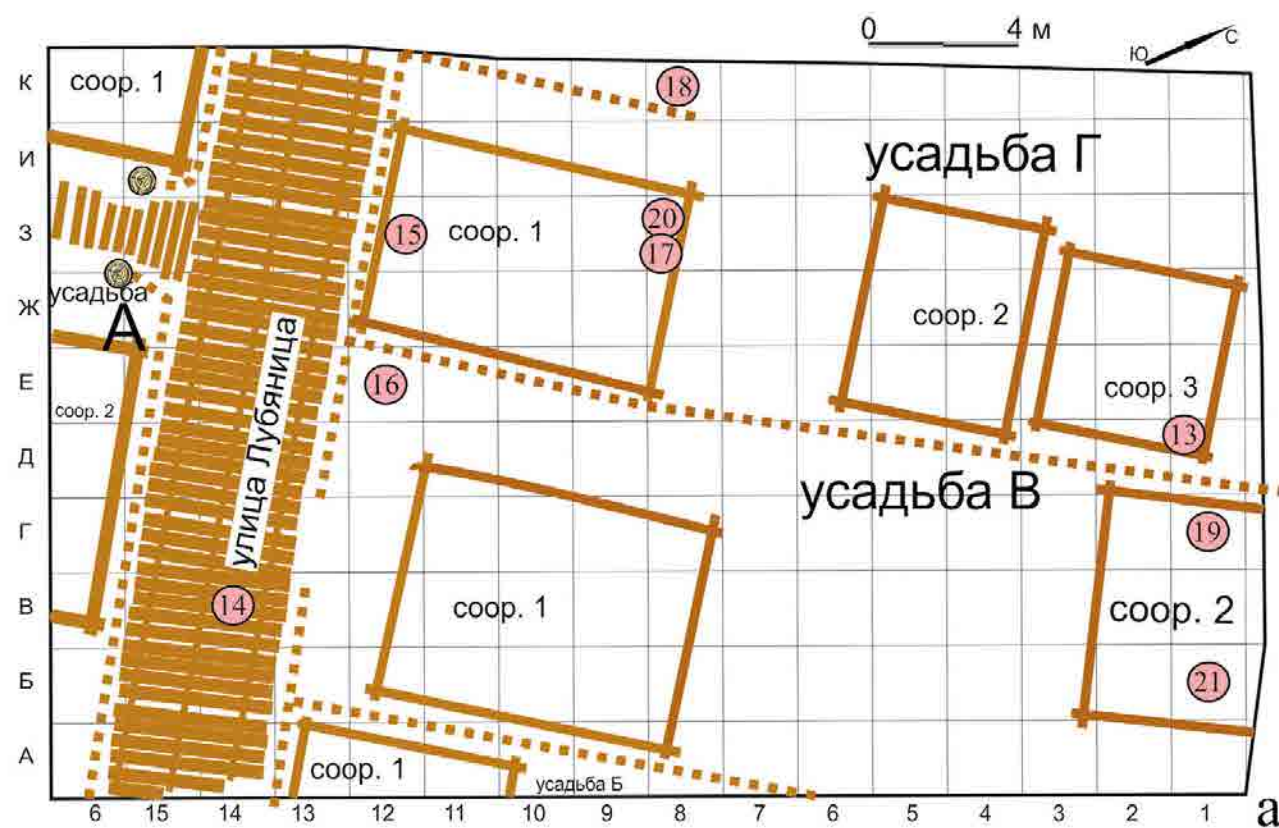

Рис. 3. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. План-схема усадебной застройки:

а – 18 ярус (12 хронологический период) (нач. XII в.); б – 17 ярус (13 хронологический период) (ок. 1110–1115 гг.)

Рис. 4. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. План-схема усадебной застройки:

а – 16 ярус (14 хронологический период) (ок. 1115–1125 гг.); б – 15 ярус (15 хронологический период) (ок. 1125–1135 гг.)

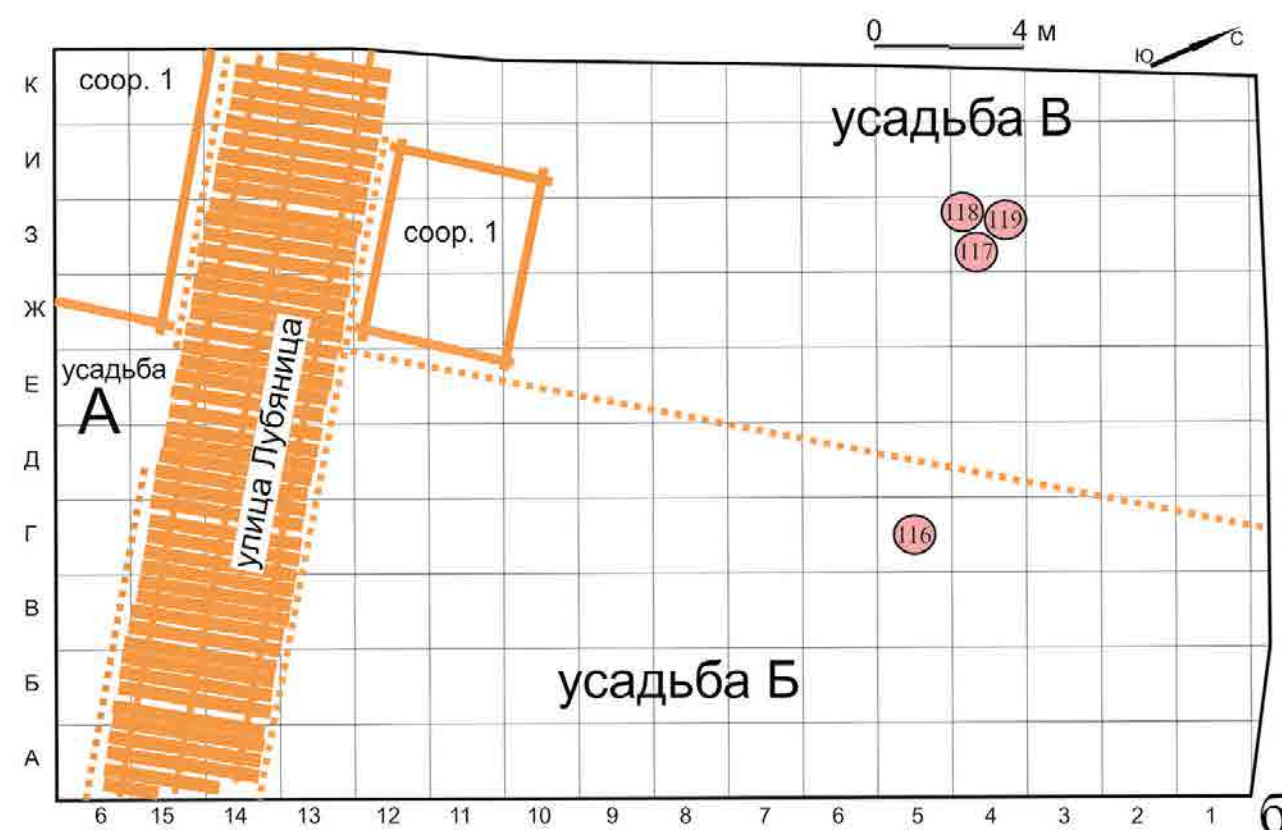
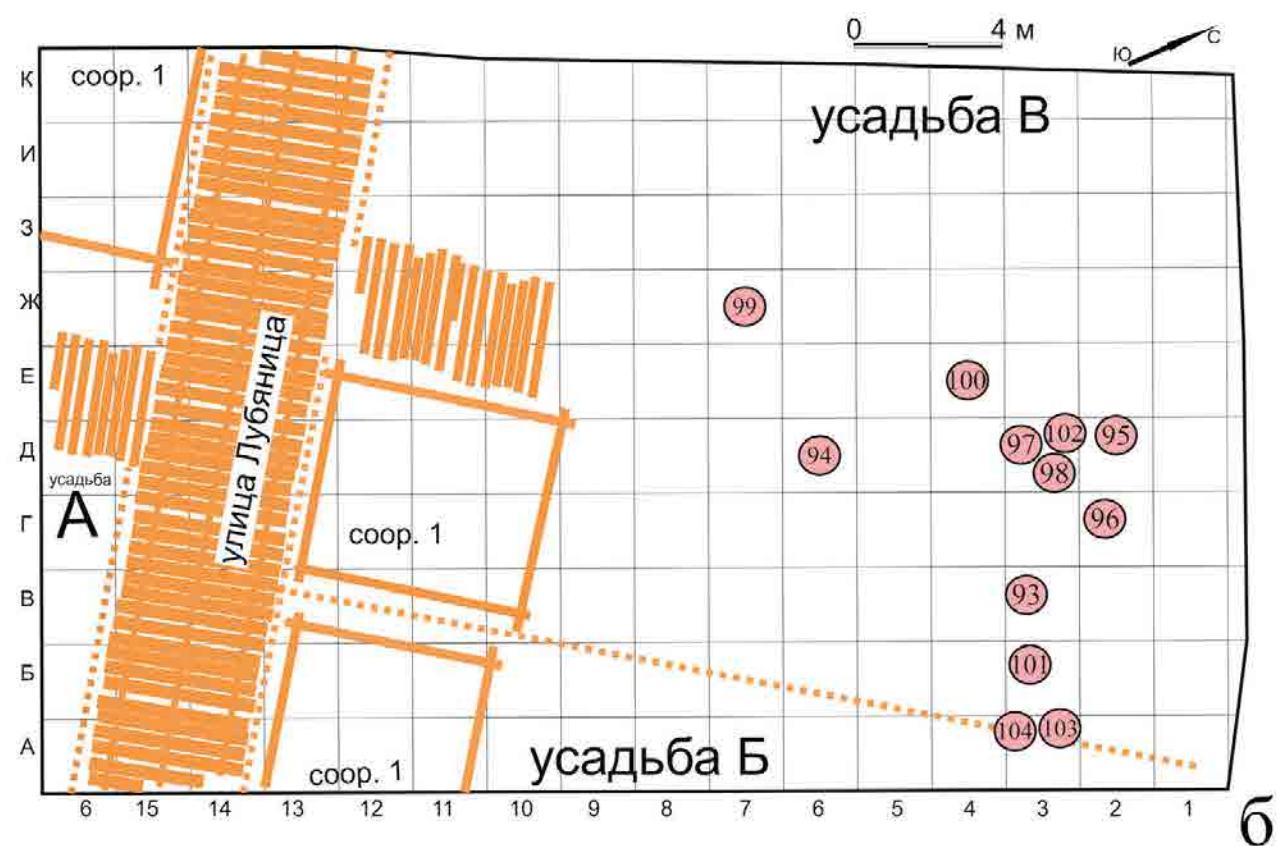
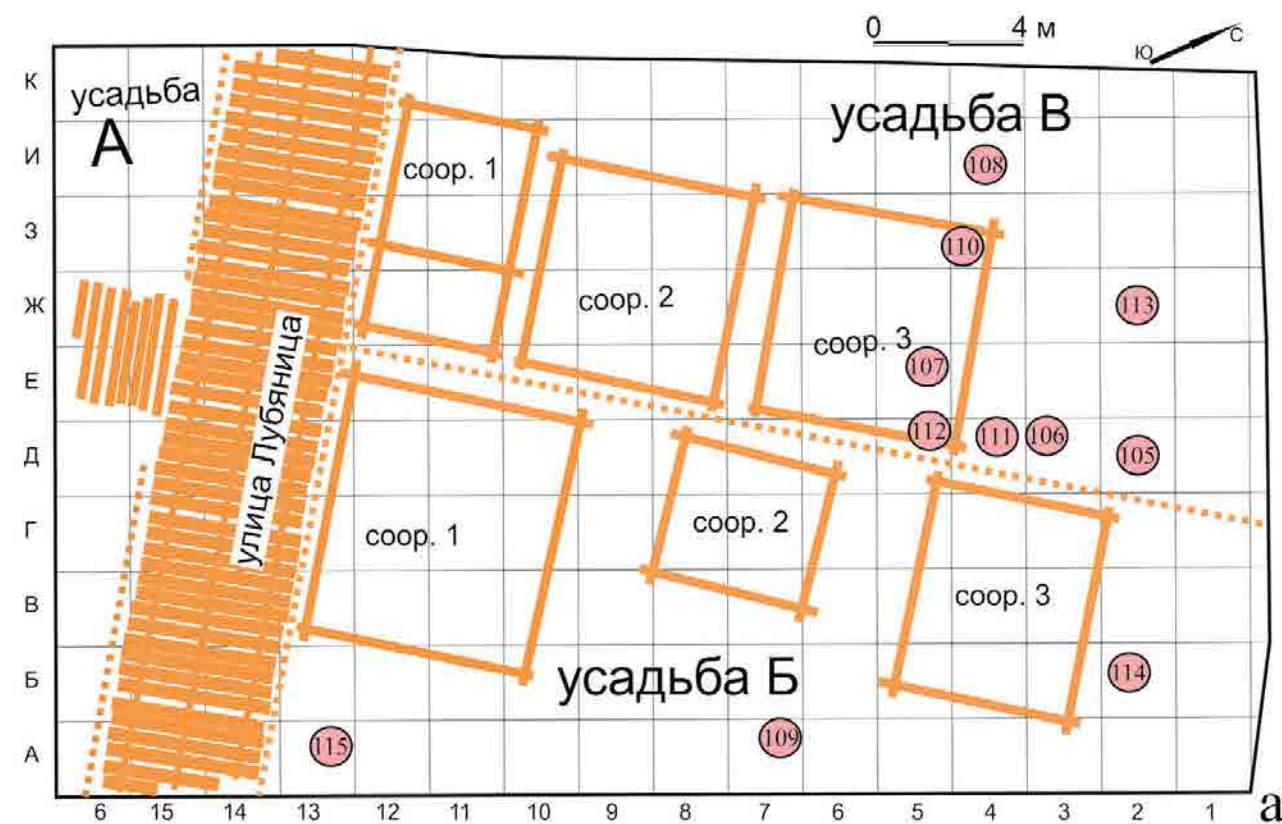
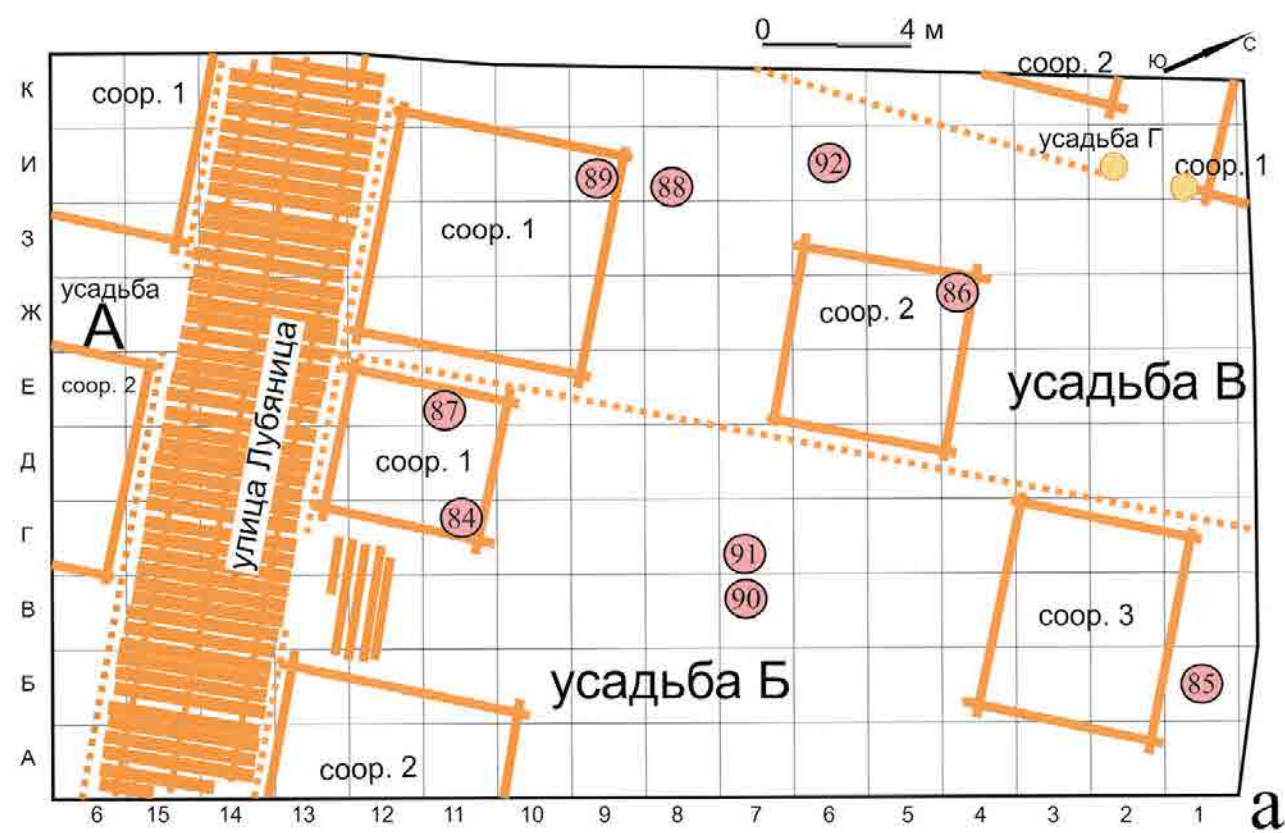

Рис. 5. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. План-схема усадебной застройки:

а – 14 ярус (16 хронологический период) (ок. 1135–1145 гг.); б – 13 ярус (17 хронологический период) (ок. 1145–1155 гг.)

Рис. 6. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. План-схема усадебной застройки:

а – 12 ярус (18 хронологический период) (ок. 1155–1165 гг.); б – 11 ярус (19 хронологический период) (ок. 1165–1175 гг.)

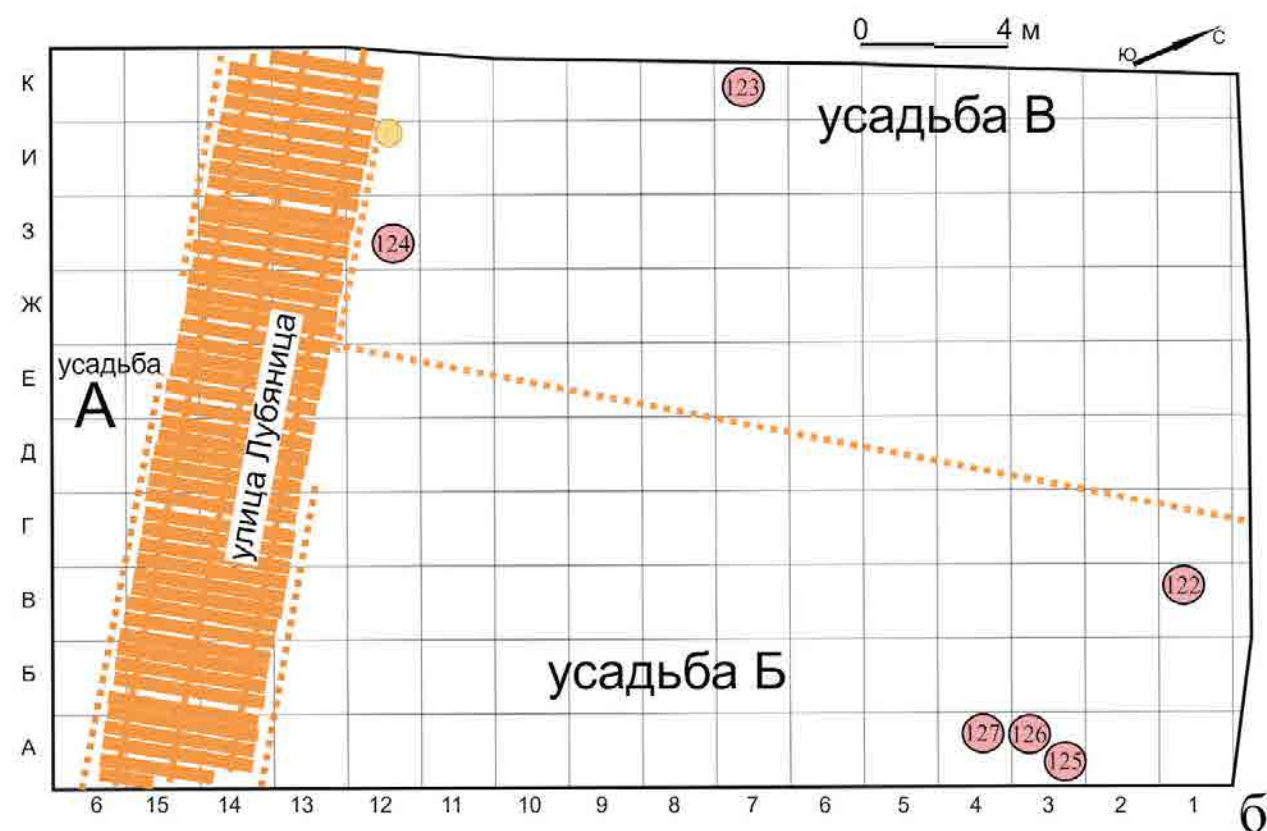
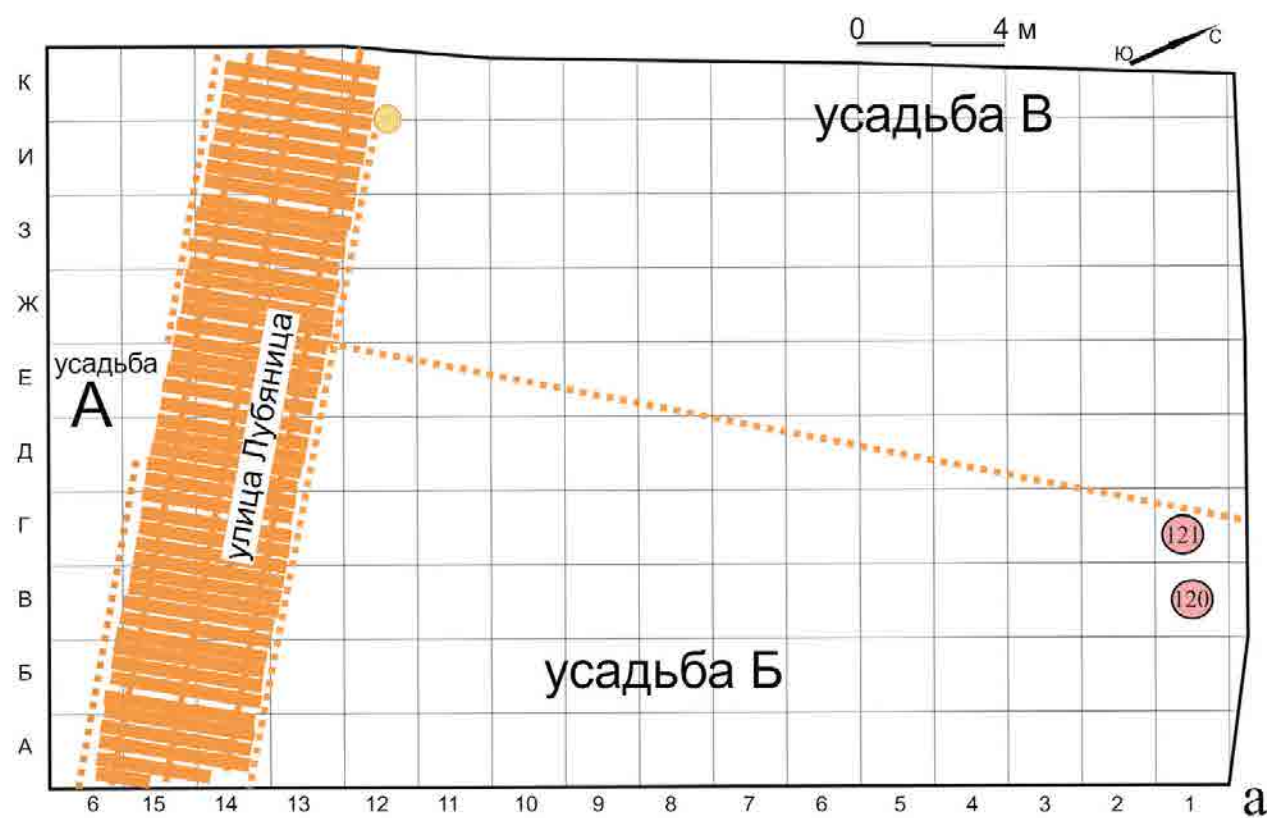

Рис. 7. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. План-схема усадебной застройки:

а – 10 ярус (20 хронологический период) (ок. 1175–1190 гг.); б – 9 ярус (21 хронологический период) (ок. 1190–1216 гг.)

Рис. 8. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 19 (11 хронологический период) (кон. XI – нач. XII вв.):

1 – Лук-2/7-165a1 (святой – святой); 2 – Лук-2/7-172 (святой – святой); 3 – Лук-2/7-174 (Спаситель – знак треугольный с крестом на вершине); 4 – Лук-2/3-248 (святой – процветший крест); 5 – Лук-2/1-283 (Спаситель – крест); 6 – Лук-2/3-240 (крест – процветший крест); 7 – Лук-2/7-136 (знак – знак); 8 – Лук-2/4-221 (процветший крест – святой); 9 – Лук-2/4-203 (буквенный знак Ж – княжеский знак багор); 10 – Лук-2/7-162 (буквенный знак Д – знак); 11 – Лук-2/6-164 (процветший крест – святой (?)); 12 – Лук-2/1-282 (знак (?) – святой (?))

¹ Шифр находки означает: раскоп/участок-номер находки полевой описи.

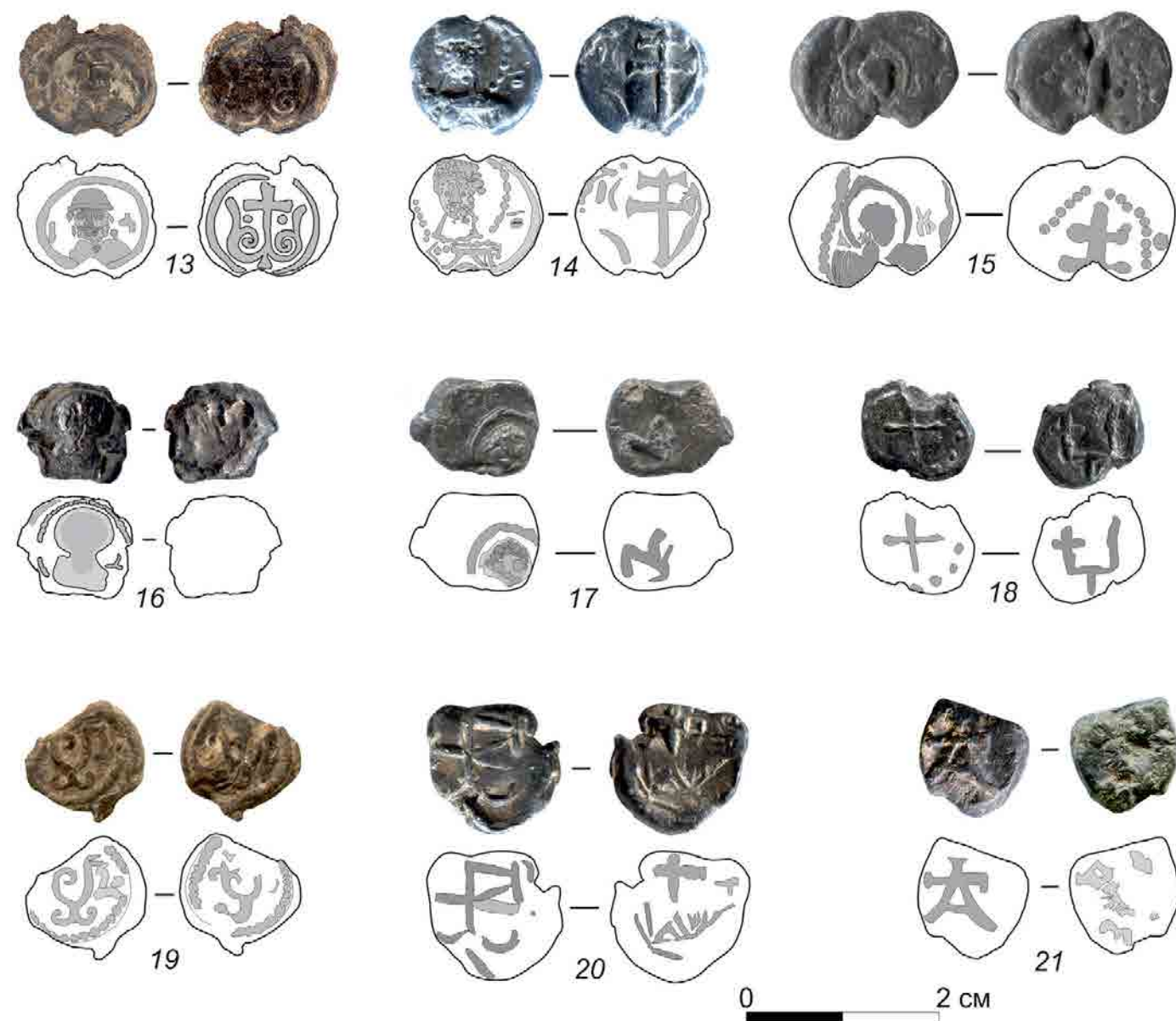

Рис. 9. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 18 (12 хронологический период) (нач. XII в.):
13 – Лук-2/1-186 (святой князь-мученик (Борис или Глеб (?)) – процветший крест); 14 – Лук-2/4-168 (святой – процветший крест с монограммой «IC [XC]»); 15 – Лук-2/7-93a (святой – крест); 16 – Лук-2/3-174 (святой – ?); 17 – Лук-2/6-189 (святой – знак); 18 – Лук-2/6-145 (крест – двузубец с крестом на левом зубце); 19 – Лук-2/1-198 (двузубец – двузубец); 20 – Лук-2/6-148 (процветший крест (?) – святой (?)); 21 – Лук-2/1-259 (знак треугольный с крестом на вершине – святой (?))

Рис. 10. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 17 (13 хронологический период) (первая пол. XII в. (ок. 1110–1115 гг.)): 22 – Лук-2/5-106 (святой – святой); 23 – Лук-2/6-118 (святой – святой); 24 – Лук-2/7-99 (святой – святой); 25 – Лук-2/3-273 (святой – процветший крест); 26 – Лук-2/2-240 (святой – процветший крест); 27 – Лук-2/7-119 (святой – процветший крест); 28 – Лук-2/1-191 (святой – процветший крест); 29 – Лук-2/6-110 (святой – процветший крест); 30 – Лук-2/3-146 (святой – процветший крест); 31 – Лук-2/7-117 (святой – процветший крест); 32 – Лук-2/6-126 (святой – крест); 33 – Лук-2/6-102 (процветший крест (?) – знак(?))

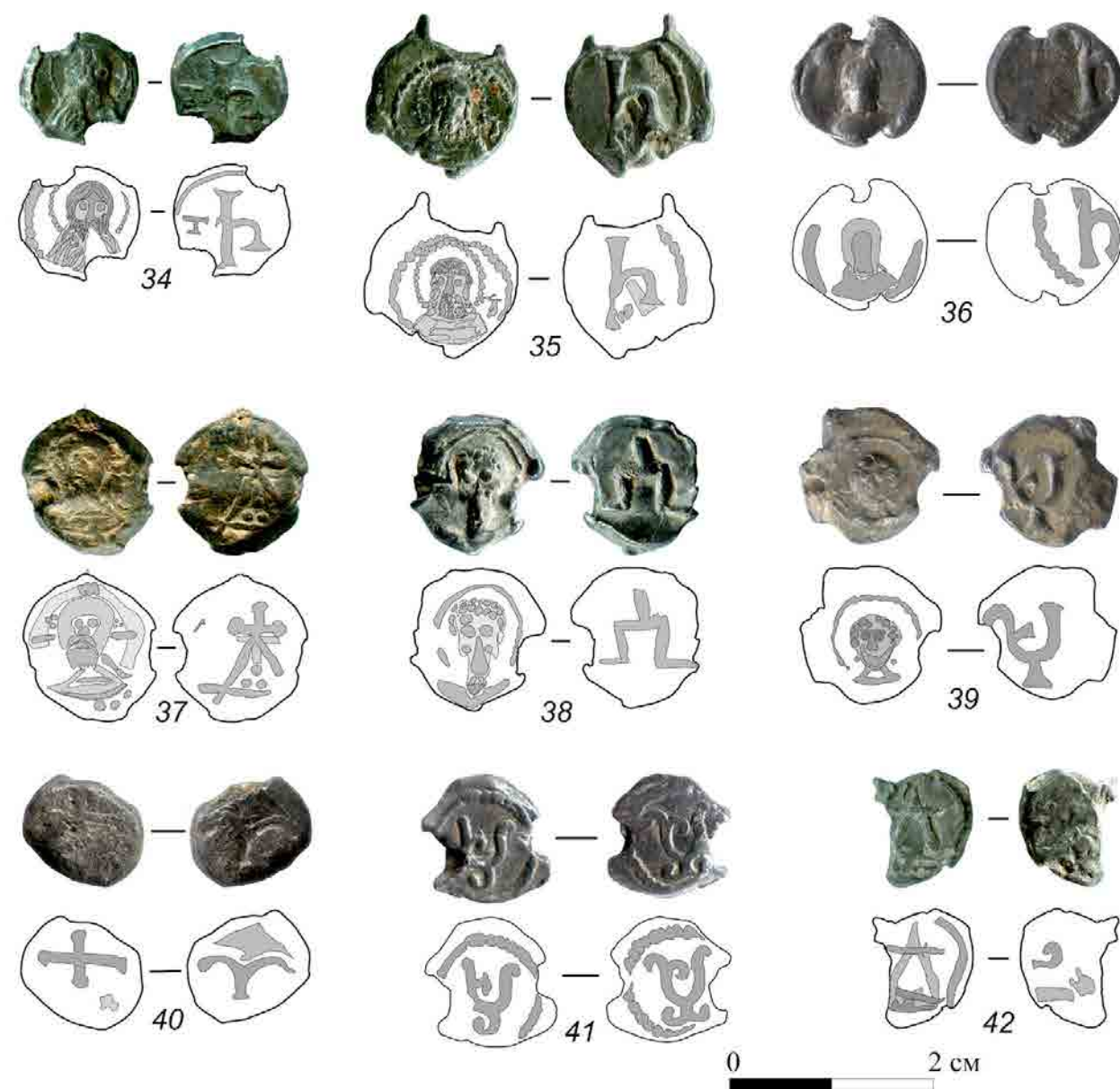

Рис. 11. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 17 (13 хронологический период) (первая пол. XII в. (ок. 1110–1115 гг.)): 34 – Лук-2/3-222 (святой – знак багор); 35 – Лук-2/3-148 (святой – знак багор); 36 – Лук-2/7-92 (святой – знак багор); 37 – Лук-2/1-314 (Спаситель – знак треугольный с крестом на вершине); 38 – Лук-2/2-244 (святой – знак); 39 – Лук-2/7-114 (святой – двузубец округлых очертаний); 40 – Лук-2/5-170 (крест – знак якоревидный); 41 – Лук-2/7-228 (двузубец – двузубец); 42 – Лук-2/3-201 (знак треугольный с крестом на вершине – знак (?))

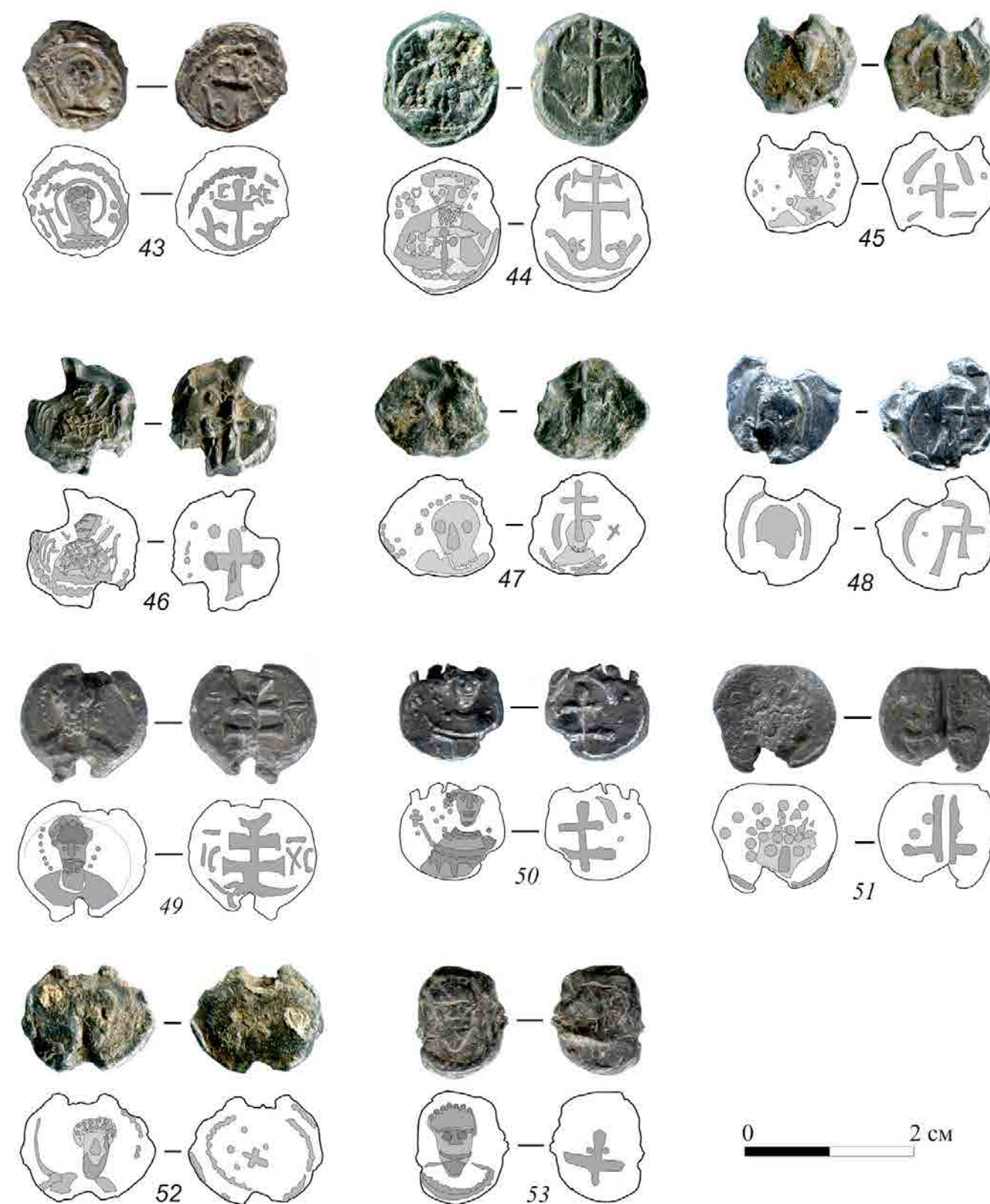

Рис. 12. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 16 (14 хронологический период) (первая пол. XII в. (ок. 1115–1125 гг.)): 43 – Лук-2/5-81 (святой – процветший крест с монограммой «IC XC»); 44 – Лук-2/2-210 (святой – процветший крест); 45 – Лук-2/3-124 (святой – процветший крест); 46 – Лук-2/3-125 (святой – крест); 47 – Лук-2/3-144 (святой – святой (перебит крест)); 48 – Лук-2/4-149 (святой – крест); 49 – Лук-2/5-88 (святой – процветший крест с монограммой «IC XC»); 50 – Лук-2/6-107 (святой – процветший крест); 51 – Лук-2/6-116 (святой – крест); 52 – Лук-2/3-158 (святой – крест); 53 – Лук-2/5-85 (святой – крест)

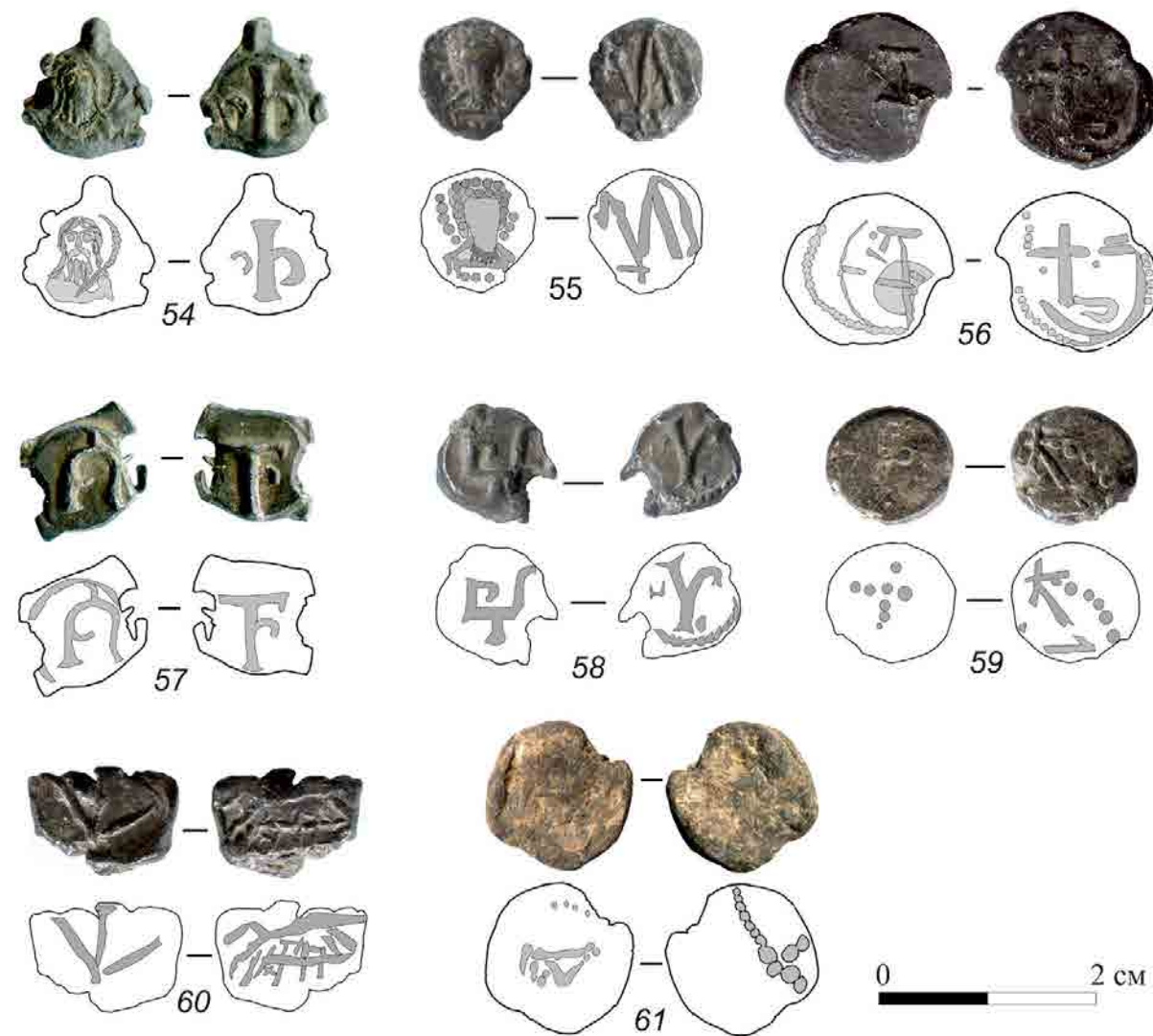

Рис. 13. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 16 (14 хронологический период) (первая пол. XII в. (ок. 1115–1125 гг.)): 54 – Лук-2/2-220 (святой – знак багор); 55 – Лук-2/7-876 (святой – знак); 56 – Лук-2/3-183 (знак (?) – крест); 57 – Лук-2/3-123 (двузубец – знак багор); 58 – Лук-2/7-88а (двузубец – знак); 59 – Лук-2/5-57 (крест – знак треугольный с крестом на вершине); 60 – Лук-2/5-169 (знак (?) – святой); 61 – Лук-2/2-248 (знак (?) – знак (?))

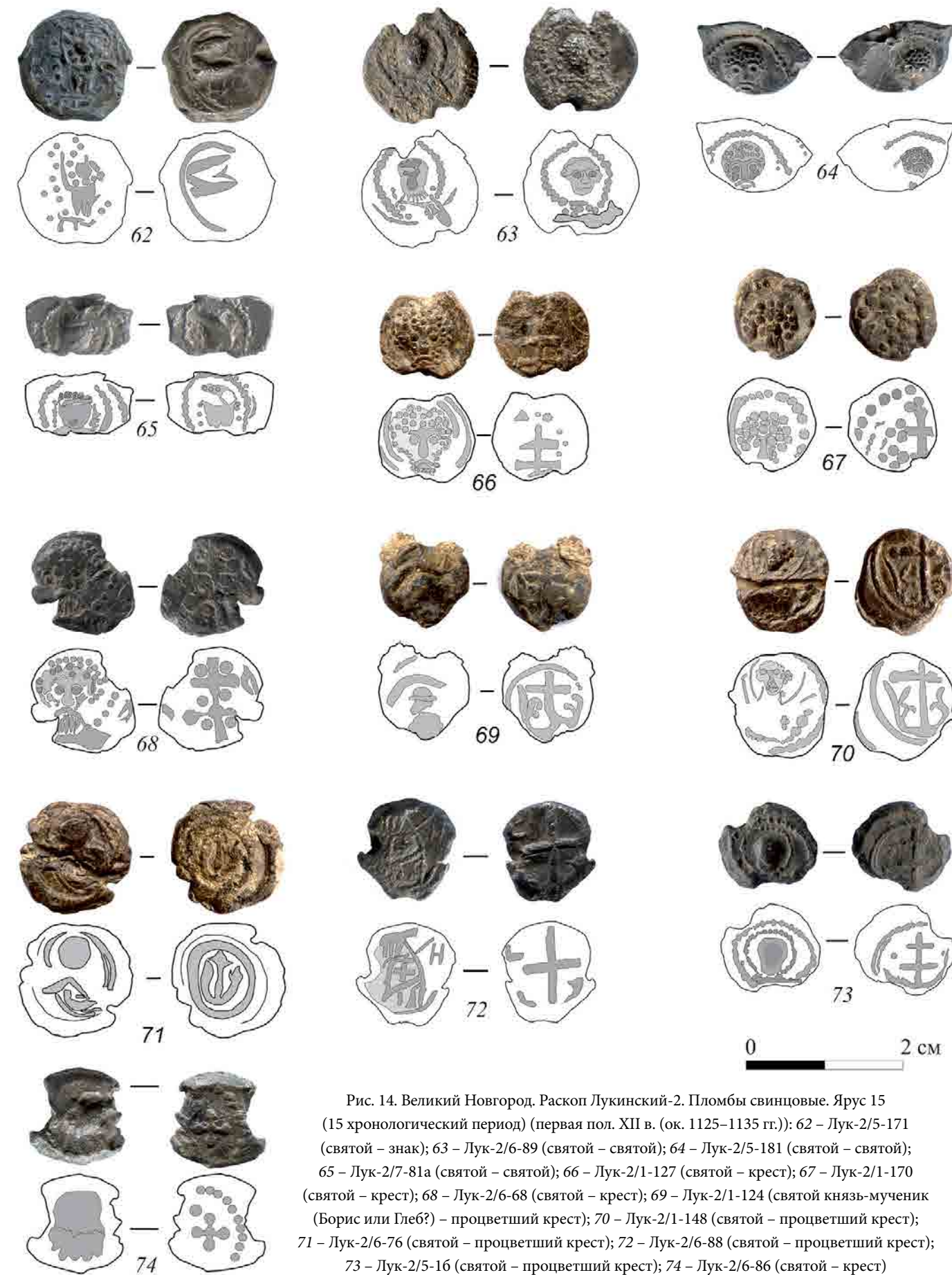

Рис. 14. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 15 (15 хронологический период) (первая пол. XII в. (ок. 1125–1135 гг.)): 62 – Лук-2/5-171 (святой – знак); 63 – Лук-2/6-89 (святой – святой); 64 – Лук-2/5-181 (святой – святой); 65 – Лук-2/7-81а (святой – святой); 66 – Лук-2/1-127 (святой – крест); 67 – Лук-2/1-170 (святой – крест); 68 – Лук-2/6-68 (святой – крест); 69 – Лук-2/1-124 (святой князь-мученик (Борис или Глеб?) – процветший крест); 70 – Лук-2/1-148 (святой – процветший крест); 71 – Лук-2/6-76 (святой – процветший крест); 72 – Лук-2/6-88 (святой – процветший крест); 73 – Лук-2/5-16 (святой – процветший крест); 74 – Лук-2/6-86 (святой – крест)

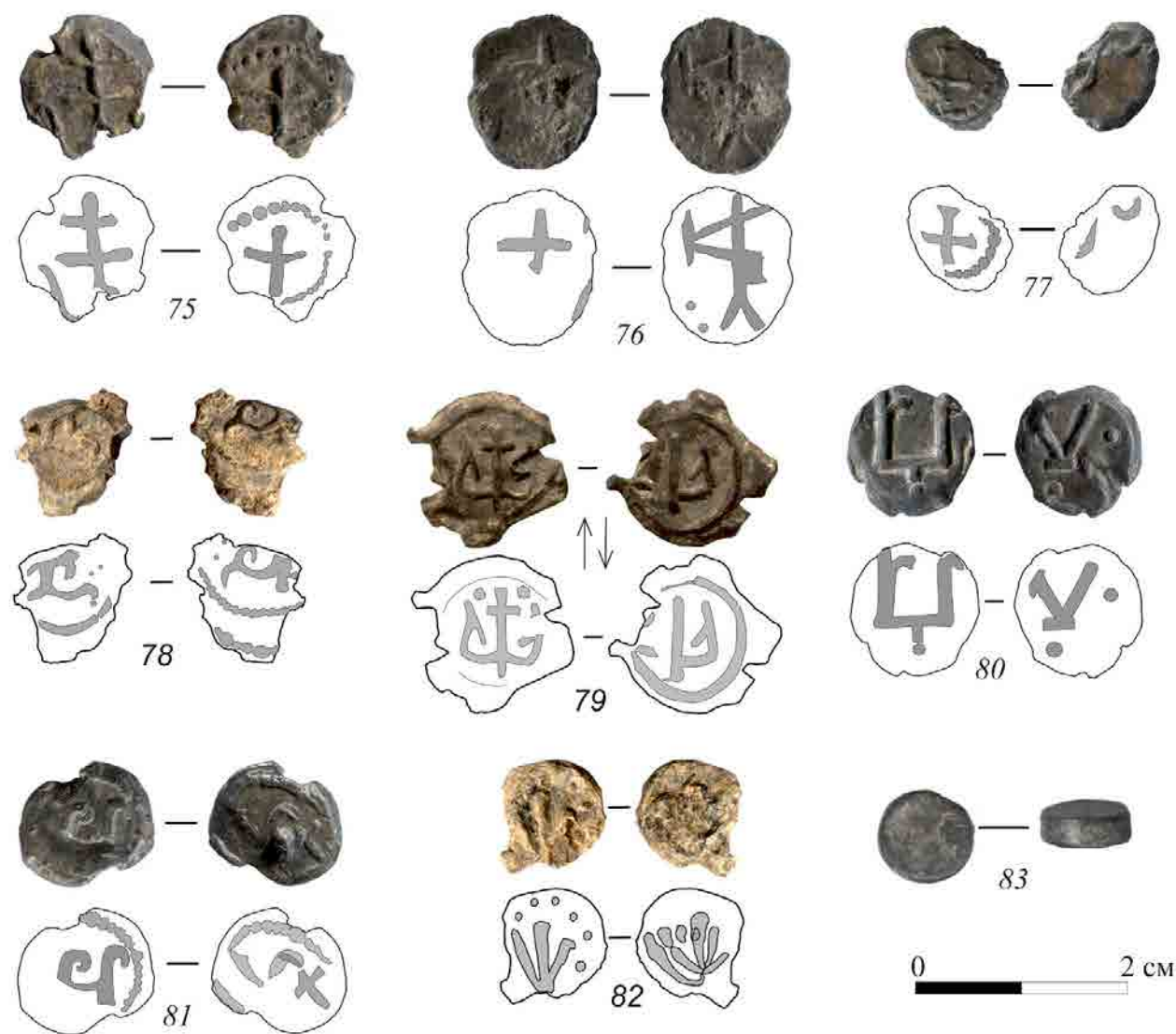

Рис. 15. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 15 (15 хронологический период) (первая пол. XII в. (ок. 1125–1135 гг.)): 75 – Лук-2/7-74a (процветший крест – крест); 76 – Лук-2/1-58 (крест – крест?); 77 – Лук-2/5-62 (крест – знак?); 78 – Лук-2/6-69 (процветший крест – процветший крест); 79 – Лук-2/1-313 (процветший крест – процветший крест); 80 – Лук-2/1-201 (двузубец – знак); 81 – Лук-2/1-159 (знак – святой?); 82 – Лук-2/7-756 (знак – знак); 83 – Лук-2/6-83 (заготовка)

Рис. 16. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 14 (16 хронологический период) (первая пол. XII в. (ок. 1135–1145 гг.)): 84 – Лук-2/3-996 (святой – святой); 85 – Лук-2/1-123 (святой – процветший крест); 86 – Лук-2/5-40 (святой – процветший крест); 87 – Лук-2/3-83 (святой – процветший крест); 88 – Лук-2/6-50 (святой – процветший крест); 89 – Лук-2/6-77 (крест – крест); 90 – Лук-2/2-152 (двузубец – знак); 91 – Лук-2/2-176 (двузубец – знак); 92 – Лук-2/6-208 (заготовка)

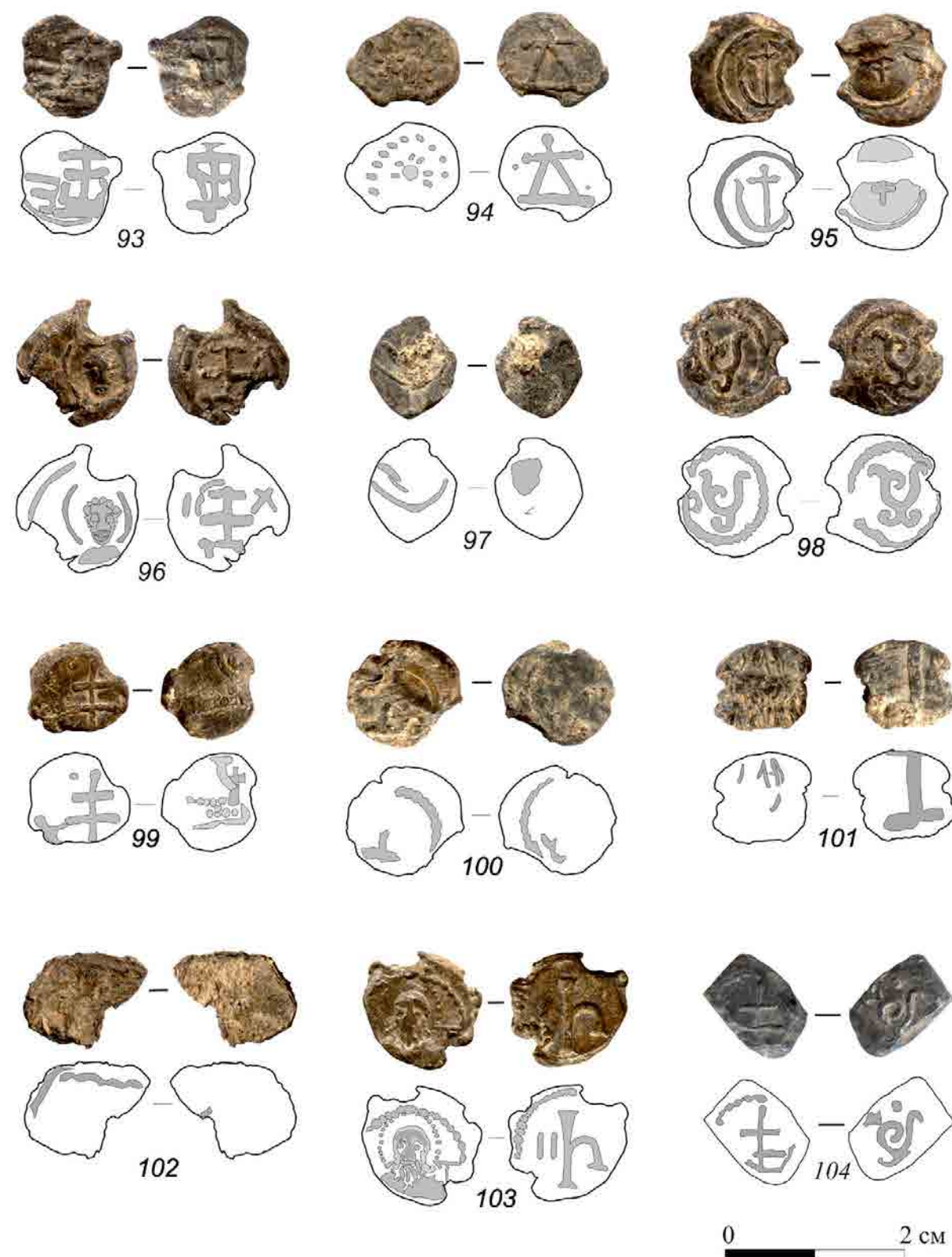

Рис. 17. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 13 (17 хронологический период) (середина XII в. (ок. 1145–1155 гг.)): 93 – Лук-2/1-90 (крест (?) – крест(?)); 94 – Лук-2/2-148 (знак – знак треугольный с крестом на вершине); 95 – Лук-2/1-59 (процветший крест – крест); 96 – Лук-2/1-87 (святой – процветший крест с монограммой «IC XC»); 97 – Лук-2/1-109 (святой (?) – святой (?)); 98 – Лук-2/1-41 (двузубец – двузубец); 99 – Лук-2/6-231 (процветший крест – святой (?)); 100 – Лук-2/1-104 (святой (?) – святой (?)); 101 – Лук-2/1-91 (святой (?) – крест (?)); 102 – Лук-2/1-117 (знак (?) – знак (?)); 103 – Лук-2/1-156 (святой – знак багор); 104 – Лук-2/1-163 (процветший крест – двузубец)

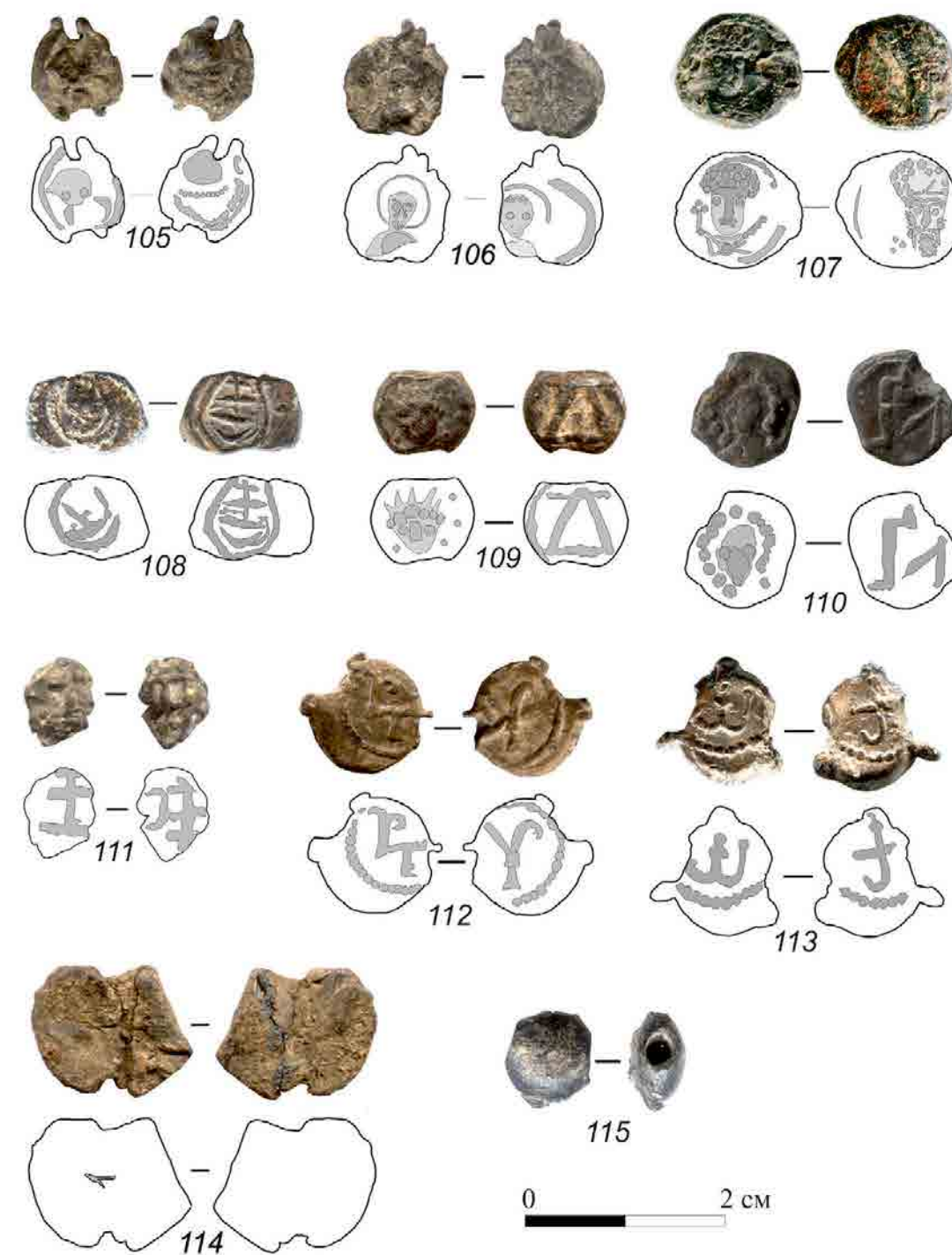

Рис. 18. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 12 (18 хронологический период) (вторая половина XII в. (ок. 1155–1165 гг.)): 105 – Лук-2/1-29 (святой – святой); 106 – Лук-2/1-43 (святой – святой); 107 – Лук-2/2-1a (святой – святой); 108 – Лук-2/5-33 (святой – крест); 109 – Лук-2/2-156 (святой – знак треугольный с крестом на вершине); 110 – Лук-2/5-28 (святой – знак); 111 – Лук-2/1-42 (крест – крест (?)); 112 – Лук-2/2-111 (двузубец – знак); 113 – Лук-2/5-26 (знак якоревидный – знак); 114 – Лук-2/1-153 (изображения утрачены); 115 – Лук-2/4-58 (заготовка пломбы)

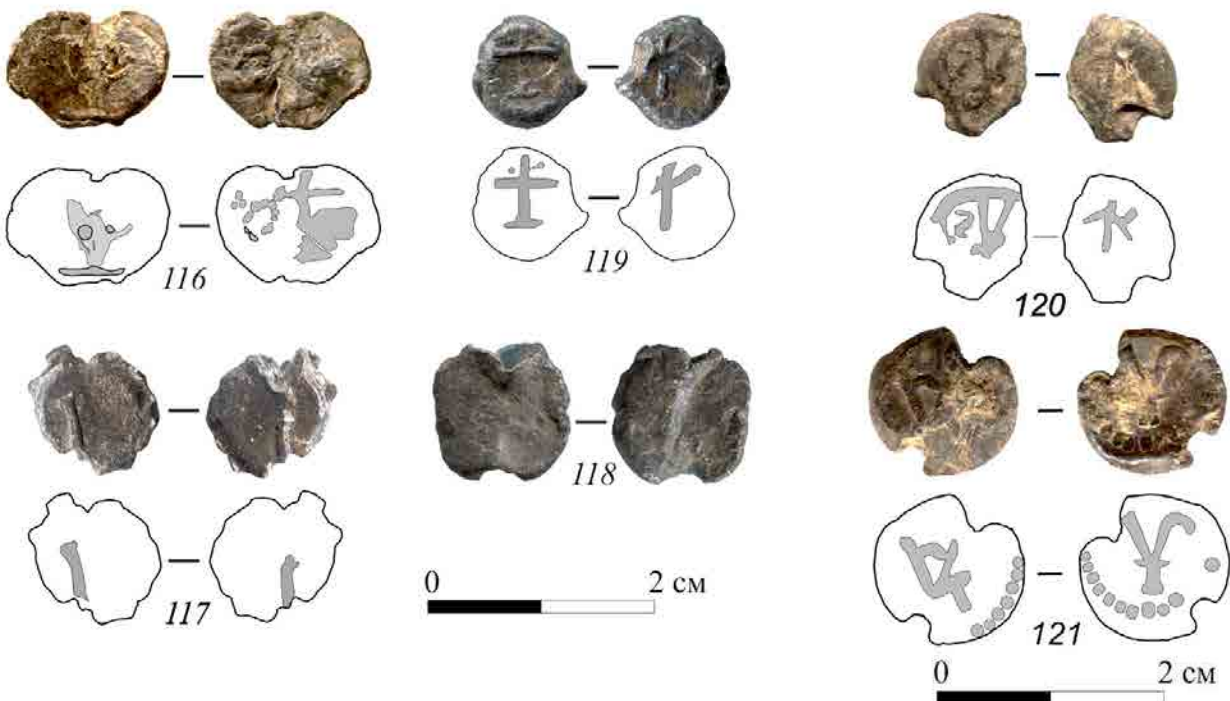

Рис. 19. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 11 (19 хронологический период) (вторая половина XII в. (ок. 1165–1175 гг.)): 116 – Лук-2/2-147 (святой – крест); 117 – Лук-2/5-27 (крест – знак (?); 118 – Лук-2/5-25 (изображения неясные); 119 – Лук-2/5-22 (знак (?)) – знак (?))

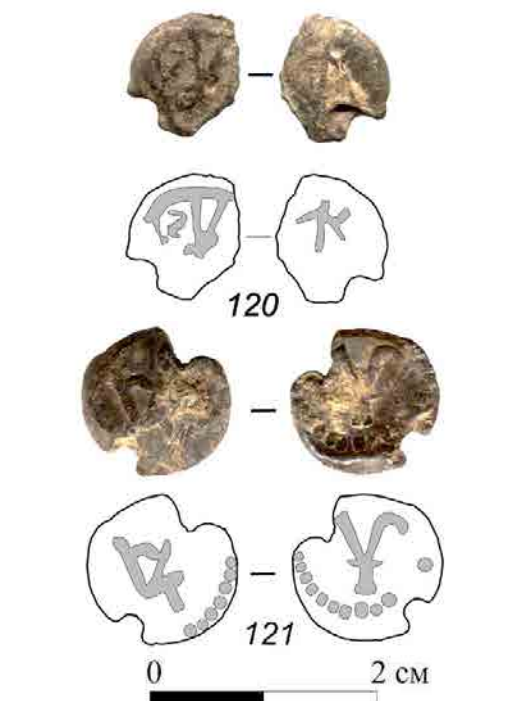

Рис. 20. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 10 (20 хронологический период) (вторая половина XII в. (ок. 1175–1190 гг.)): 120 – Лук-2/1-80 (знак – знак); 121 – Лук-2/1-82 (знак – знак)

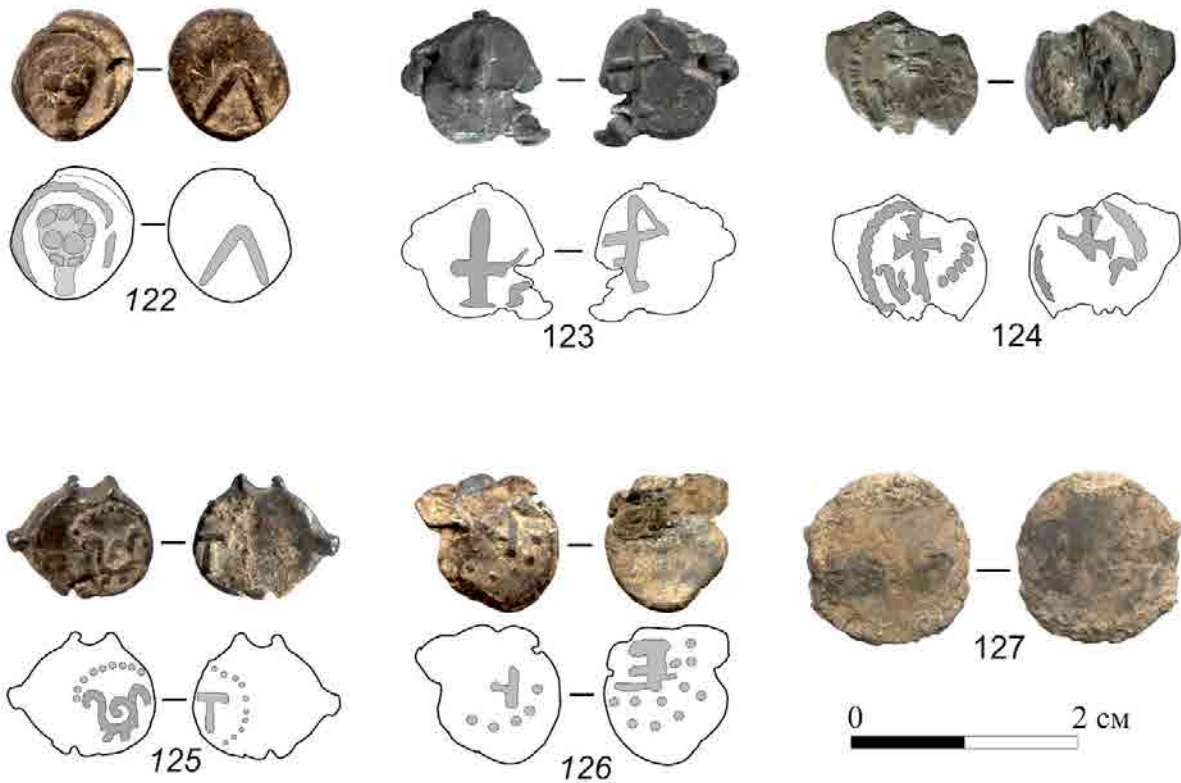

Рис. 21. Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2. Пломбы свинцовые. Ярус 9 (21 хронологический период) (конец XII – начало XIII в. (ок. 1190–1216 гг.)): 122 – Лук-2/1-70 (святой – знак); 123 – Лук-2/6-226 (крест – крест (?)); 124 – Лук-2/7-1a (процветший крест – процветший крест); 125 – Лук-2/1-55 (двузубец – знак); 126 – Лук-2/1-52 (знак (?)) – знак (?); 127 – Лук-2/1-96 (изображения утрачены)

Приложение 1

Паспортные данные древнерусских пломб по ярусам и хронологическим периодам.
Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2

19 ярус. 11 хронологический период.
Конец XI – начало XII в.
Рис. 2, б; 8

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч. – № п/о ¹	Кв.	Гл., см
1	1	7-165a	И-12	-217
2	2	7-172	3-12	-215
3	3	7-174	3-12	-215
4	4	3-248	Е-10	-225
5	5	1-283	А-4	-218
6	6	3-240	Б-12	-216
7	7	7-136	К-12	-206
8	8	4-221	Б-15	-217
9	9	4-203	Д-15	-214
10	10	7-162	И-12	-212
11	11	6-164	И-7	-215
12	12	1-282	А-4	-219

18 ярус. 12 хронологический период.
Начало XII в.
Рис. 3, а; 9

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч. – № п/о	Кв.	Гл., см
1	13	1-186	Д-1	-199
2	14	4-168	В-14	-195
3	15	7-93a	3-12	-188
4	16	3-174	Е-12	-192
5	17	6-189	3-8	-216
6	18	6-145	К-8	-209
7	19	1-198	Г-1	-199
8	20	6-148	3-8	-205
9	21	1-259	Б-1	-205

17 ярус. 13 хронологический период.
Первая половина XII в. (ок. 1110–1115 гг.).
Рис. 3, б; 10–11

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч. – № п/о	Кв.	Гл., см
1	22	5-106	К-5	-193
2	23	6-118	3-6	-187
3	24	7-99	И-15	-184
4	25	3-273	В-9	-198
5	26	2-240	Д-7	-196
6	27	7-119	И-11	-195
7	28	1-191	Е-1	-197
8	29	6-110	3-7	-184
9	30	3-146	В-10	-178
10	31	7-1176	К-11	-195
11	32	6-126	Ж-7	-194
12	33	6-102	И-7	-189
13	34	3-222	Б-10	-202
14	35	3-148	Д-11	-185
15	36	7-92	К-11	-187
16	37	1-314	Д-1	-196
17	38	2-244	Д-7	-196
18	39	7-1146	Ж-11	-175
19	40	5-170	Ж-1	-188
20	41	7-228	3-11	-195
21	42	3-201	Д-9	-203

16 ярус. 14 хронологический период.
Первая половина XII в. (ок. 1115–1125 гг.).
Рис. 4, а; 12–13

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч. – № п/о	Кв.	Гл., см
1	43	5-81	И-1	-184
2	44	2-210	А-6	-195
3	45	3-124	Д-11	-175
4	46	3-125	Д-10	-174
5	47	3-144	Б-10	-175
6	48	4-149	Д-14	-185
7	49	5-88	И-2	-186
8	50	6-107	3-9	-184
9	51	6-116	Ж-10	-187
10	52	3-158	Д-9	-184
11	53	5-85	3-4	-181
12	54	2-220	В-8	-191
13	55	7-876	3-11	-171
14	56	3-183	Г-11	-194
15	57	3-123	Д-11	-177
16	58	7-88a	3-11	-174
17	59	5-57	И-2	-185
18	60	5-169	К-2	-191
19	61	2-248	Б-7	-197

¹Номер участка – номер находки по полевой описи

15 ярус. 15 хронологический период.
Первая половина XII в. (ок. 1125–1135 гг.).

Рис. 4, б; 14-15

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч. – № п/о	Кв.	Гл., см
1	62	5-171	Ж-2	-179
2	63	6-89	И-9	-171
3	64	5-181	И-4	-180
4	65	7-81а	И-12	-174
5	66	1-127	Д-2	-173
6	67	1-170	Е-1	-180
7	68	6-68	И-8	-168
8	69	1-124	Д-1	-172
9	70	1-148	В-2	-176
10	71	6-76	И-8	-166
11	72	6-88	Ж-9	-172

14 ярус. 16 хронологический период.
Первая половина XII в. (ок. 1135–1145 гг.).

Рис. 5, а; 16

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч. – № п/о	Кв.	Гл., см
1	84	3-99б	Г-11	-157
2	85	1-123	Б-1	-173
3	86	5-40	Ж-4	-159
4	87	3-83	Е-11	-156
5	88	6-50	И-8	-156
6	89	6-77	И-9	-164
7	90	2-152	В-7	-149
8	91	2-176	Г-7	-177
9	92	6-208	И-6	-153

12 ярус. 18 хронологический период.
Вторая половина XII в. (ок. 1155–1165 гг.).

Рис. 6, а; 18

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч. – № п/о	Кв.	Гл., см
1	105	1-29	Д-2	-147
2	106	1-43	Д-3	-149
3	107	2-1а	Е-5	-124
4	108	5-33	И-4	-143
5	109	2-156	А-7	-156
6	110	5-28	З-4	-141
7	111	1-42	Д-4	-146
8	112	2-111	Д-5	-144
9	113	5-26	Ж-2	-145
10	114	1-153	Б-2	-174
11	115	4-58	А-13	-144

11 ярус. 19 хрологический период.
Вторая половина XII в. (ок. 1165–1175 гг.).

Рис. 6, б; 19.

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч.-№ п/о	Кв.	Гл., см
1	116	2-147	Г-5	-145
2	117	5-27	З-4	-143
3	118	5-22	З-4	-140
4	119	5-25	З-4	-142

13 ярус. 17 хронологический период.
Середина XII в. (ок. 1145–1155 гг.).

Рис. 5, б; 17

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч. – № п/о	Кв.	Гл., см
1	93	1-90	В-3	-157
2	94	2-148	Д-6	-147
3	95	1-59	Д-2	-138
4	96	1-87	Г-2	-159
5	97	1-109	Д-3	-149
6	98	1-41	Е-4	-149
7	99	6-231	Ж-7	-148
8	100	1-104	Д-3	-149
9	101	1-91	В-2	-159
10	102	1-117	Д-3	-149
11	103	1-156	А-3	-172
12	104	1-163	А-3	-172

10 ярус. 20 хронологический период.
Вторая половина XII в. (1175–1190 гг.).

Рис. 7, а; 20

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч. – № п/о	Кв.	Гл., см
1	120	1-80	В-1	-158
2	121	1-82	Г-1	-157

9 ярус. 21 хрологический период.
Конец XII – начало XIII в. (ок. 1190–1216 гг.).

Рис. 7, б; 21.

№ п/п	номер пломбы на рисунках	Уч.-№ п/о	Кв.	Гл., см
1	122	1-70	В-1	-145
2	123	6-226	К-7	-140
3	124	7-1а	З-12	-131
4	125	1-55	А-3	-138
5	126	1-52	А-3	-138
6	127	1-96	А-4	-159

Приложение 2

Распределение древнерусских пломб по ярусам и периодам в пределах пласта.
Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2

Пласт	Ярус	Период	Датировка	Кол-во пломб	
-121/-130 см	12	18	вт. пол. XII в. (ок. 1155–1165)	1	
-131/-140 см	9	21	кон. XII – нач. XIII в. (ок. 1190–1216 гг.)	2	6
	9	21	кон. XII – нач. XIII в. (ок. 1190–1216 гг.)	2	
	11	19	вт. пол. XII в. (ок. 1165–1170 гг.)	1	
	13	17	сер. XII в. (ок. 1145–1150 гг.)	1	
-141/-150 см	9	21	кон. XII – нач. XIII в. (ок. 1190–1216 гг.)	1	19
	11	19	вт. пол. XII в. (ок. 1165–1170 гг.)	3	
	12	18	вт. пол. XII в. (ок. 1155–1165)	8	
	13	17	сер. XII в. (ок. 1145–1155)	6	
	14	16	п.п. XII в. (ок. 1135–1145)	1	
-151/-160 см	9	21	кон. XII – нач. XIII в. (ок. 1190–1216 гг.)	1	12
	10	20	кон. XII – нач. XIII в. (ок. 1175–1190 гг.)	2	
	12	18	вт. пол. XII в. (ок. 1155–1165 гг.)	1	
	13	17	сер. XII в. (ок. 1145–1155 гг.)	3	
	14	16	перв. пол. XII в. (ок. 1135–1145 гг.)	5	
-161/-170 см	14	16	перв. пол. XII в. (ок. 1135–1145 гг.)	1	5
	15	15	перв. пол. XII в. (ок. 1125–1135 гг.)	4	
-171/-180 см	12	18	вт. пол. XII в. (ок. 1155–1165 гг.)	1	30
	13	17	сер. XII в. (ок. 1145–1155 гг.)	2	
	14	16	перв. пол. XII в. (ок. 1135–1145 гг.)	2	
	15	15	перв. пол. XII в. (ок. 1125–1135 гг.)	17	
	16	14	перв. пол. XII в. (ок. 1115–1125 гг.)	6	
	17	13	перв. пол. XII в. (ок. 1110–1115 гг.)	2	
-181/-190 см	15	15	перв. пол. XII в. (ок. 1125–1135 гг.)	1	17
	16	14	перв. пол. XII в. (ок. 1115–1125 гг.)	8	
	17	13	перв. пол. XII в. (ок. 1110–1115 гг.)	7	
	18	12	начало XII в.	1	
-191/-200 см	16	14	перв. пол. XII в. (ок. 1115–1125 гг.)	5	19
	17	13	перв. пол. XII в. (ок. 1110–1115 гг.)	10	
	18	12	начало XII в.	4	
-201/-210 см	17	13	перв. пол. XII в. (ок. 1110–1115 гг.)	2	6
	18	12	начало XII в.	3	
	19	11	кон. XI – нач. XII в.	1	
-211/-220 см	18	12	начало XII в.	1	11
	19	11	кон. XI – нач. XII в.	10	
-221/-230 см	19	11	кон. XI – нач. XII в.	1	
Итого					127

Сводка древнерусских пломб, обнаруженных в Новгороде
в 2008–2017 гг.

Таблица 1

Раскоп	Пломбы			Заготовки	
	Софийская сторона	Торговая сторона	Воскресенская слобода	Софийская сторона	Торговая сторона
Десятинный-1	211	402		3	
Десятинный-4	83			2	
Десятинный-2	81				
Десятинный-3	27				
ул.Троицкая,16	90			11	
Власьевский-2	41				
Воздвиженский-3	28				
ул. Обороны, 2	28				
Воздвиженский-9	23			1	
Козмодемьянский- 2015	22			1	
Конюшенный-1	7				
Добрынин-2	5				
Досланьский-1	1				
Конюшенный-2 (Б. Конюшенная, 5)	1				
Рогатицкий-2		129			4
Лукинский-2		124			3
Никитин пер., 7		32			2
Шурф №19, ул. Знаменская		5			
Андреевский-3		4			
Никитин пер., 9		1			
Шурф, ул. Маницина, 54		1			
Алексеевский-3			1		
Итого	648	296	1	18	9
	945			27	
	972				

Таблица 2

Сводка древнерусских пломб по ярусам и хронологическим периодам.
Великий Новгород. Раскоп Лукинский-2

Ярус	Хронологический период	Датировка	Пломбы		Заготовки
9	21	кон. XII – нач. XIII в. (ок. 1190–1216 гг.)	6		–
10	20	вт. пол. XII в. (ок. 1175–1190)	2	16	–
11	19	вт. пол. XII в. (ок. 1165–1175)	4		–
12	18	вт. пол. XII в. (ок. 1155–1165)	10		1
13	17	сер. XII в. (ок. 1145–1155)	12		–
14	16	перв. пол. XII в. (ок. 1135–1145)	8	69	1
15	15	перв. пол. XII в. (ок. 1125–1135)	21		1
16	14	перв. пол. XII в. (ок. 1115–1125)	19		–
17	13	перв. пол. XII в. (ок. 1110–1115)	21		–
18	12	начало XII в.	9		–
19	11	кон. XI – нач. XII в.	12		–
Итого			124		3
			127		

Таблица 3

Сводка изображений на древнерусских пломбах Лукинского-2 раскопа.
Великий Новгород

	кон. XI – нач. XII в.	нач. XII в.	перв. пол. XII в.	сер. XII в.	вт. пол. XII в.	кон. XII – нач. XIII в.	Итого
святой – святой	2	–	8	2	3		15
святой – крест	4	4	31	3	2		44
святой – двузубец			1				1
святой – багор			4	1			5
святой – знак треугольный, увенчанный крестом	1	1	1		1		4
святой – знак	1	1	5		1	1	9
святой – ?		1					1
крест – крест	1		5	2	1	2	11
крест – якорь			1				1
крест– двузубец		1		1			2
крест – знак			3		1		4
крест – знак треугольный с крестом			1				1
якоревидный знак – знак					1		1
двузубец– двузубец		1	1	1			3
двузубец– багор			1				1
двузубец– знак			4		1	1	6
буквенный знак Ж– багор	1						1
знак треугольный, увенчанный крестом – знак			1	1			2
буквенный знак Д – знак	1						1
знак – знак	1		2	1	3	1	8
неясные					2	1	3
Итого	12	9	69	12	16	6	124

Е. Л. Тянина¹

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
пр. Ломоносовский, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: vyla@yandex.ru

Медвежий культ в средневековом Новгороде в контексте религиозного почитания медведя в Северной Евразии¹

Аннотация. Медвежий культ является одним из древнейших пластов религиозных верований на огромной территории лесной зоны Евразии. В нем отразилось взаимовлияние культурных традиций финно-угров и славян. В этой системе религиозных представлений находился и средневековый Новгород. В статье рассматривается новгородская коллекция амулетов из клыков, когтей и зубов медведя, хронология их бытования, топография и семантическое значение в контексте северо-евразийской традиции медвежьего культа. Эти исследования показали, что почитание медведя возникает в Новгороде на рубеже X–XI вв. на основе взаимодействия с полиэтничной городской округой, где оно фиксируется с древнейших времен. Амулеты из клыков медведя играли роль отгонно-поражающих апотропеев, были связаны с культом Велеса, а возможно, и с обрядами «медвежьих праздников», известных по этнографии финно-угров и других народов Северной Евразии.

Ключевые слова: средневековый Новгород, археология, язычество, медвежий культ, амулеты, хронология, топография.

Зоолатрические культы являются одной из древнейших форм религиозных представлений. Почитание животных лежит в основе тотемизма – первобытной религии, сущностью которой было поклонение животному – первоначально родоплеменного коллектива. В системе языческих верований у различных народов животные являются частью мифологической картины мира и выступают в качестве образов, связанных с различными божествами, духами, персонажами мифологии либо эпическими героями. При этом как в фаунистическом составе почитаемых животных, так и в связанных с ними мифологических сюжетах огромную роль играет среда обитания, так как восприятие человеком животного в мифологии напрямую связано с его реальным восприятием в природе [Гура, 1997. – С. 18]. Этим обусловлено то, что схожесть зоолатрических культов определяется не только этноплеменным единством, но и обитанием в определенных климатических зонах с их флорой и фауной.

Медвежий культ в данном контексте является особенно показательным. На огромных просторах Северной Евразии он выступает одной из самых древних, самых распространенных и самых живучих форм религиозных представлений. Почитание медведя возникло и развивалось с эпохи каменного века практически во всем ареале обитания этого зверя. При этом у различных народов, живших в разные периоды на территории лесной зоны Северной Евразии, от Скандинавии до Дальнего Востока, этот культ имеет ряд общих черт. Среди них наделение медведя антропоморфными чертами, связь с культом предков и другими медиативными функциями (посредничество между мирами), представления о медведе как о лесном хозяине, покровителе всех других животных, брачная символика медведя, его связь с оборотничеством, шаманством и колдовством [Косарев, 2003. – С. 40–59; Гура, 1997. –

С. 160–167; Кошкарлова, 2013. – С. 7–8]. У многих народов, в том числе у восточных славян, существует табуирование имени медведя [Косарев, 2003. – С. 40–42; Славянские древности, 2004. – С. 214]. Имеют ряд общих черт и многократно описанные в этнографической литературе «медвежьи праздники» – сложные по исполнению и семантике ритуалы, связанные с жертвоприношением медведя или его добычей на охоте [Васильев, 1948. – С. 78–104; Косарев, 2003. – С. 42–48]. Можно проследить также трансформации медвежьего культа у народов с различными хозяйственными укладами, находившихся на разных ступенях социально-экономического развития. Так, исследователи выделяют древнейший, т. н. «классический» вариант медвежьего культа, характерный для народов крайнего Севера, наиболее хорошо он представлен и исследован у обских угров [Кошкарлова, 2013. – С. 8; Кулемзин, 1984. – С. 85]. У финно-угорских народов Урала и Поволжья существовал т. н. «переходный тип» культа медведя, в котором часть древнейших тотемистических представлений отмирает, и на первый план выходят такие мифологемы, как «медведь – потомок божества», «медведь – предок» (где классический тотемизм заменяется культом предков – людей), «медведь – человек» (оборотень), «медведь – хозяин леса», «медведь – эпический/культурный герой» [Кошкарлова, 2013. – С. 9–14]. Схожие черты почитания медведя у прибалтийско-финских народов зафиксированы в Калевале [Калевала, 2007. – С. 437–451]. В условиях аграрной культуры славян медвежий культ не растворяется и не исчезает как пережиток первобытной эпохи, а развивается и приобретает новые черты. Например, тотемистическая составляющая в культе медведя как первопредка трансформируется в широкие представления о родстве человека и медведя [Гура, 1997. – С. 161–163], а медведь как «хозяин леса» и покровитель всех других животных становится покровителем и защитником домашнего скота [Славянские древности, 2004. – С. 212–214].

Новгород, безусловно, входил в географическую зону распространения медвежьего культа. В то же время средневековая городская среда должна была наложить на него специфические черты. На примере новгородского археологического материала можно выявить форму, в которой существовало почитание медведя населением крупного средневекового города, и то, как был отражен в этих традициях общий мифологический контекст культа этого зверя.

Среди находок предметов языческого культа в культурном слое Новгорода, безусловно, выделяется группа апотропеев, связанная с почитанием медведя, – амулеты из медвежьих клыков и зубов. Этот тип является одним из самых распространенных во времени и пространстве новгородских языческих амулетов. «Медвежьи» амулеты, в свою очередь, входят в большую категорию апотропеев, изготавливаемых из клыков, зубов или костей различных животных [Тянина, 2011. – С. 162–164, рис. 2 – 1–4]. Новгородская коллекция этих предметов является уникальной не только по своему количественному составу (более 200 находок), но и по возможностям проследить динамику распространения амулетов, связанных с разными животными, выявить хронологические периоды их бытования, а также топографическую картину. Все это дает хорошо разработанная стратиграфия культурного слоя Новгорода и раскопки большими площадями, позволяющими исследовать не части отдельных усадеб, а целые усадьбы или даже усадебные комплексы.

В настоящее время в новгородском культурном слое найден 81 экземпляр амулетов, связанных с культом медведя. Среди них абсолютное большинство (76 экз.) составляют амулеты из клыков медведя (рис. 1). Кроме клыков, в культурном слое были найдены 2 амулета из медвежьего зуба-моляра (рис. 2 – 1), 2 – из когтя (рис. 2 – 3, 4) и один – из резцового зуба медведя (рис. 2 – 2). Очевидно, эти редкие категории не являлись традиционными для новгородского населения. Возможно, что просверленные моляры и резцы входили в одно ожерелье с клыком для усиления охранительного или благопожелательного эффекта. Все амулеты представляют собой клыки или зубы медведя с просверленным в середине или у основания отверстием для привешивания и по внешнему виду не отличаются от аналогичных амулетов, известных в других культурах. Три амулета-клыка являются, по сути, заготовками, так как отверстие в них просверлено не до конца, еще на одном отверстие заменено пропиленными в клыке небольшими желобками. Следует отметить, что в реальности амулетов из клыков и зубов медведя было гораздо больше, так как при ношении их могли не только привешивать, но и помещать в кожаный мешочек либо зашивать в одежду. Обереги такого рода обнаружить археологически крайне сложно, так как они не имеют отверстия и внешне ничем не отличаются от просто

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00372.

попавшего на усадьбу медвежьего клыка, зуба либо когтя (например, с охотничьей добычей). То же самое можно сказать и о возможном использовании «медвежьих» амулетов в Новгороде не только как личного амотропея, но и в других магических целях. Например, по этнографическим данным известно применение частей тела медведя (когтей, клыков, костей, шкуры) в качестве оберегов стойла скота или детской колыбели. В этом случае амулет помещался внутрь охраняемого объекта или рядом с ним. Возможно, такое применение имел амулет, на котором отверстие заменено пропилами для шнура или веревки. Предмет с подобным креплением при ношении на теле весьма вероятно должен был выскользнуть и потеряться.

Остеологический анализ 56 амулетов был произведен в 2011–2012 гг. научным сотрудником лаборатории археологических технологий ИИМК РАН Н. Д. Буровой. Он показал, что для изготовления амулетов применялись как верхние, так и нижние клыки зверей. Среди материала встречаются как старые особи (рис. 1 – 9; рис. 2 – 2), так и очень молодые. Во всех случаях, когда был определен пол животного, это были самцы.

Амулеты из клыков медведя найдены во всех пяти древних концах средневекового Новгорода и происходят с 12 раскопов (рис. 3). По числу находок выделяются два основных новгородских раскопа – Неревский (26 экз.) (рис. 1 – 1 – 4) и Троицкий (31 экз.) (рис. 1 – 8 – 10). С Троицкого раскопа происходят также амулет из резца, оба амулета из когтей и один из моляров медведя, просверленных для ношения (рис. 2). Второй амулет из моляра найден на Неревском раскопе. Кроме этих раскопов по одному экземпляру амулетов из клыков медведя найдено на Дмитриевском (рис. 1 – 6) и Тихвинском раскопах в Неревском конце Новгорода, и на Десятинном раскопе в Людином конце. В Славенском конце такие находки были сделаны на Ильинском (5 экз.) (рис. 1 – 5), Славенском (2 экз.), Посольском (1 экз.) и Нутном (1 экз.) (рис. 1 – 7) раскопах; в Плотницком конце – на Лубяницком (2 экз.) и Федоровском (4 экз.) раскопах. Еще одна находка происходит с Михайло-Архангельского раскопа (Загородский конец). Коллекция этих находок постоянно пополняется.

Для датировки были пригодны 74 находки «медвежьих» амулетов, 7 экз. датировать невозможно, так как они происходят из верхнего мешаного слоя, водоотводных траншей или не имеют полных паспортов. Хронология амулетов из медвежьих клыков (рис. 4) резко отличается от общей хронологии распространения амулетов из зубов и костей животных в Новгороде, где наибольшее их количество приходится на X–XI вв. [Тянина, 2011. – С. 160–161, рис. 1 – 1, 3]. Напротив, «медвежьи» амулеты почти отсутствуют в слоях X в., то есть в собственно языческий период. К этому времени относятся всего два амулета. Один, происходящий с Троицкого раскопа (усадьба «И»), сделан из моляра. Второй амулет из клыка найден на усадьбе «К» Неревского раскопа. Оба ранних экземпляра стратиграфически, видимо, следует отнести к концу данного периода (рубежу X–XI вв.), тогда как в предматериковых слоях и самых нижних пластах на раскопах со слоем X в. «медвежьих» амулетов не найдено вовсе.

Примерно на рубеже X–XI столетий амулеты из клыков медведя получают быстрое распространение. Показательно, что их встречаемость на разных раскопах полностью соответствует общей интенсивности жизни и насыщенности слоя находками в той или иной части города в данное время. В начале – середине XI в. они найдены исключительно в Людином и Неревском концах, то есть в двух древнейших ядрах средневекового города. Со второй половины XI в. находки амулетов из клыков медведя фиксируются уже и в других концах города. Картина широкого распространения «медвежьих» амулетов по городу наблюдается вплоть до середины XIV в., но позднее их находки становятся спорадическими. Отметим, что находки амулетов из медвежьих клыков в слоях позднее первой половины XIV в. (в том числе и недатированные из верхнего слоя) относятся только к Неревскому раскопу, где эти слои богаты материалом (в отличие от Троицкого раскопа, где средневековые слои позже XIV в. практически не сохраняются).

Возможность проследить топографию предметов дают коллекции Неревского и Троицкого раскопов, где были вскрыты целые усадебные комплексы. Их изучение показало, что находки в целом распределяются по усадьбам равномерно. Отмечены только незначительные различия. На Неревском раскопе на усадьбах «Б» и «Д» единичные амулеты из клыков медведя стабильно встречаются в период с XI по XIV вв. (всего, соответственно, 5 и 6 экз.), что может указывать на устойчивость традиции

их ношения. На Троицком раскопе единичные экземпляры амулетов происходят из усадебных комплексов, расположенных и к востоку, и к западу от Пробойной улицы, а также на усадьбах Ярышевой улицы. Исключение составляет комплекс из 3 амулетов первой половины XII в. с усадьбы «У». Возможно, к этому комплексу относится и четвертый амулет, стратиграфически найденный чуть ниже (в слоях примерно последней четверти XI в.). Более детальное изучение характера данного комплекса возможно лишь после уточнения стратиграфии этой части Троицкого раскопа, но уже сейчас можно сказать, что для новгородского материала он уникален.

В целом хронология и топография находок «медвежьих» амулетов в Новгороде показывает, что для первых поселенцев культ медведя, по крайней мере, в данной форме, не был характерен. Его появление и довольно резкое распространение в городской среде с начала XI столетия обусловлено социально-культурной взаимосвязью Новгорода с округой. О традиционности культа медведя для ближней новгородской округи с древнейших времен говорят не только находки в погребениях [Воронин, 1941. – С. 161–162], но и, например, существование в новгородском Поозерье такого культового объекта, как камень Медведица [Шорин, 1998. – С. 223–224]. По мере складывания единой многокомпонентной культуры Новгорода и округи, в XI – первой половине XIII в., традиция ношения «медвежьих» амулетов закрепляется в городской среде и находит отражение в мировоззрении новгородцев. Показательно и то, что в распространении почитания медведя в Новгороде нет резкой границы, связанной с принятием христианства. Напротив, складывание традиции ношения «медвежьих» амулетов совпадает по времени с началом христианизации или даже немного отстает от него. Это наглядно иллюстрирует сложные процессы переплетения разных культурных традиций в средневековом Новгороде. Религиозный синкретизм не сводился к вхождению христианских представлений в существующую языческую среду, но имел более многогранный и многовекторный характер, отражающий особенности региона.

Вопрос о семантике «медвежьих» амулетов в Новгороде в контексте северо-евразийской традиции является неоднозначным. Прежде всего, в условиях средневекового города сложно предполагать сохранение культа медведя в его «классической» форме с тотемистической основой. Новгородцы, носившие амулеты из медвежьих клыков и зубов, вряд ли имели представление о медведе как о родоначальнике-тотеме. Семантика этих магических предметов в древнем Новгороде, безусловно, отражает сильно «трансформированную» модель, далекую от тотемистических представлений и связанную с более развитыми формами зоолатрических культов.

Классификация Е. Е. Левкиевской славянских оберегов относит семантику звериных клыков и когтей к категории оберегов отгонно-поражающей магии, в основе которой лежит нанесение противнику магического удара. Такие свойства приписывались прежде всего клыкам хищных зверей, служившим основным орудием нападения и уничтожения противника [Левкиевская, 2002. – С. 73–79]. Это значение для амулета из клыка медведя (как и любого другого хищного зверя), безусловно, универсально для всех форм зоолатрических культов. Использование медвежьих клыков и когтей как сильнейших отгонно-поражающих оберегов от злых духов фиксируется у многих народов в ареале распространения медвежьего культа [Косарев, 2003. – С. 41]. Этому соответствуют и почитание медведя в т. н. «народном православии». Согласно северорусским и белорусским поверьям медведь способен устрашать нечистую силу, выступает как животное, распознающее и снимающее порчу и сглаз. Этими же свойствами наделялись и части тела медведя, прежде всего клыки и когти (лапы) [Славянские древности, 2004. – С. 211–213]. Почитание медведя как охранителя домашнего скота в приемах скотоводческой магии также имеет отгонно-поражающий характер [Воронин, 1941. – С. 169; Гура, 1997. – С. 165]. Новгородский материал, таким образом, не является исключением. Абсолютная популярность клыка среди «медвежьих» амулетов Новгорода указывает на отгонно-поражающую функцию амулета как базовую, отражающую желание его обладателя не просто придать себе силу и ловкость зверя, но и получить от него магическую защиту от злого начала. Но семантическое значение амулета из клыка медведя, безусловно, не сводилось к общим охранительным представлениям. Изучение хронологии и топографии новгородской коллекции амулетов из зубов и костей животных показывает, что культ медведя был намного более распространен и характерен для новгородцев, чем любой другой зоолатрический культ с отгонно-поражающей семантикой. Например, амулеты из клыков медведя встречаются

в три раза чаще, чем из клыков волка, а их популярность не ограничивается узким ранним периодом, как у амулетов клыков кабана.

Это показывает, что привнесенный в городскую среду в конце X – начале XI в. медвежий культ наложился в религиозных представлениях новгородцев на их собственную мифологическую картину мира, органически вписался в нее. В связи с этим следует вспомнить многократно отмечаемую в исследованиях по язычеству восточных славян связь культа медведя с одним из основных божеств славянского пантеона – Велесом. Образ этого божества в восточнославянской языческой традиции полифункционален и во многом сочетается с элементами мировоззрения, характеризующими медвежий культ у финно-угров и других народов Северной Евразии. В славянской традиции Велес считался покровителем животных, в том числе домашнего скота, обладал медиативными функциями, был связан с культом умерших предков, а также со жреческим сословием Руси – волхвами [Рыбаков, 2002. – С. 409–410; Заседателева, 2003. – С. 158–160]. Именно этими чертами в традициях народов Северной Евразии наделялся медведь. Примечательна и выявленная связь Велеса с календарными праздниками, в обрядности которых присутствует ряжение медведем или «вождение» медведя (Зимние Святки, Масленица), а также проявление культа медведя в почитании таких христианских святых, как св. Власий и св. Николай, заместивших языческого Велеса [Рыбаков, 2002. – С. 407–410; Воронин, 1941. – С. 151–155].

Форма почитания медведя, выраженная в ношении амулета из медвежьего клыка (или зуба) согласуется и еще с одним аспектом северо-евразийской традиции. Амулеты из медвежьих клыков, когтей и других частей тела могли выступать не просто как случайно найденные или взятые от добытых на охоте животных. Их изготовление и ношение имеет прямое отношение к одним из важнейших ритуалов, связанных с почитанием медведя, – «медвежьим праздникам». Они включали в себя либо жертвоприношение медведя, выращенного в неволе (периодические праздники), либо ритуалы, совершаемые над убитым на охоте медведем (спорадические праздники). В ряде случаев клыки, зубы и когти медведя, умерщвляемого во время «медвежьих праздников», сохранялись и использовались его участниками в качестве амулетеев [Косарев, 2003. – С. 42–44]. То есть не исключено, что новгородцы могли быть участниками таких ритуалов и впоследствии хранить почитаемые предметы при себе или на своих усадьбах.

Отдельно следует сказать об амулетах из медвежьих когтей. Редкость их находок в Новгороде объясняется значением этого вида амулетов, отражающим мифологические представления населения севера Восточной Европы. Амулет из когтя медведя составляет семантическое единство с другой категорией предметов – глиняными «медвежьими лапами», которые известны как по финно-угорским, так и по славянским погребениям IX–XI вв. Н. Н. Воронин относил их исключительно к погребальному культу, справедливо отмечая, что такие предметы вряд ли могли носиться при жизни [Воронин, 1941. – С. 162–166]. По мнению А. С. Уварова, семантика глиняных лап и когтей медведя в погребальном культе мери отражала представления о «мировой горе», на которую душа с их помощью забиралась после смерти [Уваров, 1872. – С. 700–703]. Аналогичные верования зафиксированы в литовском язычестве, когда медвежьи когти с этой же целью клались в погребальный костер [Хроника литовская и жмойтская, 1975. – С. 31]. В погребениях XIII–XV вв. на территории расселения балтов нередко находки амулетов из медвежьих когтей в бронзовой оправе, которые практически не известны по материалам поселений этого же времени [Svetikas, 2009. – Р. 171–200]. Таким образом, если когти медведя в средневековое время были атрибутом прежде всего погребального культа, то исключительность их находок на новгородских жилых усадьбах хорошо объясняется.

Амулеты из медвежьих клыков хорошо известны не только в Новгороде, но и в других средневековых городах Северо-Запада и Северо-Востока Руси [Даркевич, Борисевич, 1995. – С. 234, таб. 6 – 7, 276, таб. 48 – 1; Седова, 1997. – Рис. 78 – 18]. Датировки этих предметов укладываются в рамки домонгольского периода и вполне согласуются с новгородскими материалами. То есть мы можем говорить о том, что для городской среды средневековой Руси этот тип языческих представлений был частью культурной традиции.

Таким образом, новгородская коллекция «медвежьих» амулетов подтверждает то, что Новгород являлся частью огромного культурного пространства лесной зоны Северной Евразии, на котором

существовал культ медведя. Амулет из клыка медведя был полифункционален в своем предназначении, играл роль отгонно-поражающего амулета, защищающего от нечистых духов, порчи и сглаза, был связан с некоторыми аспектами языческого культа Велеса, а возможно, и с обрядом «медвежьих праздников». Форма медвежьего культа в виде ношения амулетов из клыков и зубов медведя согласуется с рядом традиционных мифологических представлений и обрядовой практики, фиксирующихся у финно-угорского и славянского населения данного региона. Традиция эта сложилась в городской среде на рубеже X–XI вв. на основе взаимодействия с полиэтнической округой Новгорода, где она отмечается с древнейших времен и обнаруживает связь с традиционными верованиями других народов Северной Евразии.

Список источников и литературы

- Васильев Б. А. Медвежий праздник // Советская этнография. – 1948. – № 4. – С. 78–104.
 Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – № 6. – С. 149–190.
 Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции – М.: Индрик, 1997. – 912 с.
 Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. – М.: Круг, 1995. – 488 с., ил.
 Заседателева А. Г. Мифологема Волоса – Велеса в восточнославянском фольклоре // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2003. – № 3 (44). – С. 154–161.
 Калевала: Карело-финский эпос. – СПб.: Азбука классика, 2007. – 480 с.
 Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. – М.: Ладога-100, 2003. – 352 с., ил.
 Кошкарлова Ю. А. Пермская модель архетипического образа медведя // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 4. – С. 7–16.
 Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1984. – 196 с.
 Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
 Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2004. – Т. 3. – 704 с.
 Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: София Гелиос, 2002. – 592 с.
 Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. – М.: Русский мир, 1997. – 320 с., ил.
 Тянина Е. А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. – СПб.: ИИМК РАН, 2011. – Вып. 17. – С. 159–168.
 Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. – М.: Синодальная типография, 1872. – 230 с.
 Хроника литовская и жмойтская // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – С. 15–127.
 Шпорин М. В. Культовые камни Приильменья (по материалам Новгородской области) // Археологические вести. – СПб.: ИИМК РАН, 1998. – Вып. 5. – С. 216–226.
 Svetikas E. XIV a. pabaigos – XV a. amuletas iš aplaustyto lokio nago lietuvos didikioje kunigaikštystėje ir kaimyniniuose kraštuose //Lietuvos archeologija. – Т. 34. – Vilnius. 2009. – Р. 171–200.

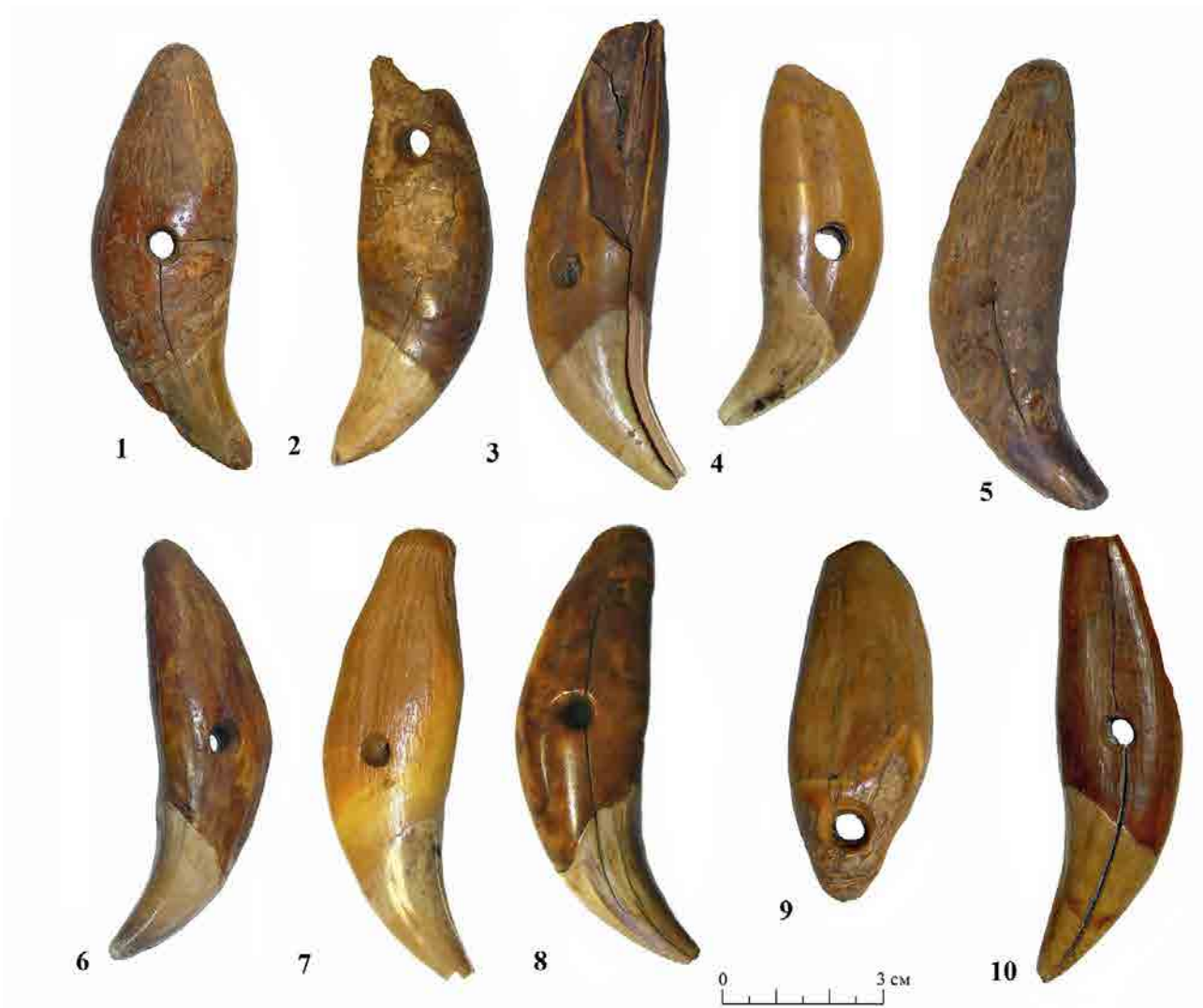

Рис. 1. Амулеты из клыков медведя (раскоп, пласт-квадрат-номер): 1. Неревский, 3-489-1880; 2. Неревский, 22-1435-28; 3. Неревский, 20-1695-6; 4. Неревский, 27-835-1262; 5. Ильинский, 20-111-38; 6. Дмитриевский, 15-70-12; 7. Нутный, 30-51-11; 8. Троицкий, 18-748-59; 9. Троицкий, зап. траншея-24; 10. Троицкий, 15-417-23

Рис. 2. Амулеты из зубов и когтей медведя. Троицкий раскоп (пласт-квадрат-номер): 1. 16-1038-20; 2. 14-879-28; 3. 10-6/кв.-40; 4. 2-833-155

Рис. 3. Находки «медвежьих» амулетов на раскопах средневекового Новгорода (X–XIV вв.)

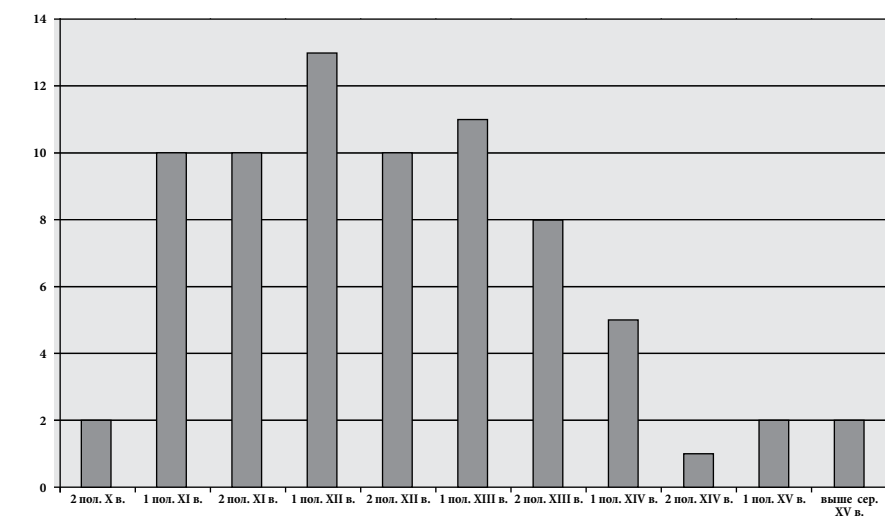

Рис. 4. Хронология «медвежьих» амулетов в культурном слое средневекового Новгорода

Э. И. Соколов¹, Т. Н. Дмитриева²

¹ Экспериментальная музыкальная мастерская при отделе культуры Оренбургского казачьего войскового общества ул. Белинского, 85, г. Екатеринбург, 620026, Россия

² Уральский гуманитарный институт УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина ул. Ленина, д. 51, г. Екатеринбург, 620002, Россия E-mail: profdmitan@yandex.ru

Мир древних «гудебных сосудов» Великого Новгорода и старинные традиционные музыкальные инструменты языческой Югры: соприкосновение двух средневековых культур

*Въстани слава моя, въстани
въ псалтыри¹ и въ гуслехъ.
Слово Даниила Заточника. XII в.*

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ древних новгородских музыкальных инструментов, отреставрированных и хранящихся в Центре музыкальных древностей в Великом Новгороде, и традиционных музыкальных инструментов обско-угорских народов Урала и Западной Сибири, имеющих в музейных коллекциях, а также известных в современном употреблении. Рассматриваются четыре вида древнерусских инструментов и их обско-угорских соответствий: бубен, гусли, арфа и гудок. Детально анализируется их устройство, способы игры, предназначение, выявляются черты сходства и различия. Прослеживаются новые конструктивные тенденции в создании обско-угорских инструментов. Особое внимание уделяется происхождению названий рассматриваемых инструментов. Ставится вопрос о необходимости создания Центра музыкальных древностей Урала и Сибири.

Ключевые слова: Великий Новгород, Центр музыкальных древностей, языческая Югра, древнерусские и обско-угорские музыкальные инструменты.

Более двух тысяч верст разделяют древний Волхов, на котором стоит Великий Новгород, от северных уральских рек Печоры и Туры. В давние времена проделать столь долгий путь на тяжелых лодках-ушкуях (рис. 1), порой перетаскивая их волоком в междуречьях, в суровых северных условиях, где лето короткое, могли только сильные и отважные люди-воины. Сегодня известно, что новгородский речной ушкуй имел длину от 7 сажень, ширину – до 1,5 сажени, а высота борта составляла до 1,5 аршина. Грузоподъемность – от 300 пудов. Кормы не имел, был заострен с обоих концов, чтобы в случае опасности сразу отойти от берега. Доски бортов и днища ушкуя сшивались сосновыми тонкими кореньями. Древесина смолилась. При попутном ветре ставилась мачта с парусом, обычно лежащая посередине вдоль судна. В безветренную погоду на ушкуе шли на веслах. Вмещал ушкуй до 30 человек. Отмели и пороги проходили на шестах и бечеве [Пленкин, 2018. – С. 3–7].

Военная экспедиция по северным рекам с их короткой навигацией в далекие малоизученные земли – дело рискованное и очень затратное. Но правящей верхушке Великого Новгорода нужны были регулярные поставки дорогостоящей пушнины из Сибири, крупными партиями и на долгосрочную

¹ Псалтырь (или псалтирь) – так называли музыкальный инструмент, разновидность гуслей (шлемовидные гусли) [См.: Поветкин, 1997а; Поветкин, 2002. – С. 233].

перспективу. А потому затраты, сложные природные условия и преграды не имели особого значения. Меха из Сибири на рынках Европы в период позднего средневековья сопоставимы с современными поставками нефти и газа в XXI в. по доходности при вложении капиталов.

Нам не известно количество ушкуев и численность отрядов. Были ли новгородские ушкуйники дружинники христианами? Или еще придерживались старых языческих верований? Наверное, в отрядах были и те, и другие. Но предметы культа они брали с собой в поход для совершения своих обрядов. А потому можно предположить, что какие-то музыкальные инструменты в походе были. Музыкальные инструменты: бубен, гусли, гудок, свирель и другие – компактны и легки. Но они, как и божки-идолы, – непереносимые участники совершаемых языческих обрядов. А под ритм бубна или под песню и грести легче.

Взятые из окраинных новгородских земель проводники-переводчики на югорских землях уже бывали и в какой-то мере знали языки и местность. Характер встреч новгородцев с населением Югры мог быть различным: торговые обмены, заключение каких-либо политических соглашений между военачальниками сторон, военный конфликт. Но могли ли обе стороны, общаясь какое-то время, увидеть и оценить не только товары, меха, оружие, диковинные одежды, но и музыкальные инструменты друг друга, если они были у них с собой?

Местные угорские племена, будучи язычниками, использовали в контексте ритуалов свои музыкальные инструменты, изготавливаемые ими издревле. Такие инструменты были диатоническими, т. е. набор звуков у одного инструмента был невелик и укладывался в гармонию традиционного для данного народа какого-либо определенного лада (гамму).

При встрече людей, оказавшихся представителями столь удаленно и самостоятельно развивавшихся музыкальных культур, почти все должно было вызывать удивление: и незнакомые гармонии звуков, и незнакомый строй музыкальных инструментов, и необычная техника звукоизвлечения, и необычный вид самих инструментов, по конструкции лишь отдаленно похожих на свои, местные.

С тех пор прошла тысяча лет. Попробуем реконструировать облик музыкальных инструментов X–XI веков, бытовавших на землях Великого Новгорода, и представить облик традиционных музыкальных инструментов языческого Урала. Тем более что научные открытия, сделанные в XX веке в России, позволяют нам представить это достаточно достоверно.

Два советских ученых – Б. А. Колчин и В. И. Поветкин стояли у истоков нового археологического направления – музыкальной археологии. Особенно много отдал этому новому делу Владимир Иванович Поветкин (1943–2010), фактически посветив ему всю свою жизнь, создав в Великом Новгороде в 1991 году Центр музыкальных древностей. Он не только реконструировал и отреставрировал древние музыкальные инструменты по фрагментам, извлеченным из культурных слоев средневекового Новгорода, но сумел выразить свои достижения в полутора сотнях научных работ².

Ранее ученые даже не догадывались о наличии богатой инструментальной музыки в период позднего средневековья в Новгороде Великом. О музыкальной культуре Древней Руси долгое время говорили как о культуре «молчащей», т. к. очень мало сохранилось свидетельств. И вот пришло время, когда «в пропитанном влагой шести-восьми метровом культурном слое земли в Новгороде археологам с начала 1950-х годов среди бесчисленного множества бытовых вещей, чаще всего деревянных, стали попадаться предметы непонятного назначения, точнее, их обломки. Первым в конце 1960-х гг. признал в них части или отдельные детали музыкальных инструментов выдающийся ученый... – Борис Александрович Колчин. Его публикации о древних гудках, гусях, сопелях, варганах буквально ошеломили отечественных и зарубежных музыковедов» [Лукин, 2013. – С. 163].

Древние гудки – «инструменты, на которых «власеном лучцем посмыщали», т. е. извлекали звук с помощью лукообразного смычка, прядь конских волос которого была натерта смолой хвойных деревьев – канифолью...» [Там же. – С. 127], теперь прочно вошли в поле зрения ученых, открывших новое направление в науке – музыкальную археологию.

Первый музыкальный инструмент – гудок был найден при раскопках в 1951 году в Новгороде Великом. Сейчас смычковых гудков обнаружено много. Кроме гудков, найдены фрагментарно или почти

² Список публикаций В. И. Поветкина представлен на сайте: vk.com+topic-23958941_24634117.

комплектными многие гусли, сопели, варганы, трещотки и прочее. Все артефакты были изучены, законсервированы, а по результатам сделаны качественные реконструкции.

Что касается русских названий упомянутых инструментов, то почти все они образованы от слов, обозначающих действие – извлечение звука: *гудѡк* и *гўсли* – от *гудѣть*, *гудїть* (*гўсли* – из праславянского **go"дсли*), ср. русск. диалектное *гудїть*, *гужу* «играть на гусях, шуметь», также диалектное *густїй*, *гуду* (уже с XII в.) [Фасмер, 1964. – С. 470–471]; *сопель* – от *сопѣть*, *трещѡтка* – от *трещѣть*; *варган* (др.-русск. *орѣганъ*) – заимствовано через польский и латинский из греческого *органон* «инструмент» [Фасмер, 1964. – С. 274; *Словарь иностр. слов и выражений*, 1998. – С. 125].

Вернемся к первой половине XI в. Для Новгорода Великого это не только долгие экспедиции в Сибирь, «за Камень». Это время, когда жил легендарный музыкант Садко. Его «гусли-самогуды» имели лирообразную конструкцию. Именно такая конструкция, вероятно, получила в те времена распространение, ибо других струнно-щипковых музыкальных инструментов просто не обнаружили, вероятно, их просто не было.

Лирообразные гусли с игровым оконцем имели от пяти до восьми или девяти струн (рис. 2, 3). Характерный их представитель – гусли «Словиша», найденные в слоях середины XI в. (названы по вырезанной на них надписи. – Рис. 2а), были талантливо отреставрированы В. И. Поветкиным [Поветкин, 1989. – С. 116–127; 2010. – С. 320, рис. 3 – 12].

Это время расцвета музыкальной культуры, пронизывающей все слои новгородского общества. С основания города «здесь уже звучали самые красивые и сложные музыкальные инструменты – смычковые. В народной традиции сохранялось много языческого. Обрядовые наигрыши – свадебные, на Ивана Купалу, на заклинание птиц... Народ этими наигрышами, песнями участвует в творении мира, знает в какой день какая песня должна звучать... Народ не слушатель – он участник на этом празднике, участвует своей одеждой, соответствующей песней, пляской и, если требует обряд, плачем» (Поветкин В. И., интервью) [Кривошеина, 2007. – С. 30].

Владимир Иванович Поветкин считал, что хозяйственно-сигнальные музыкальные инструменты применялись в самых разных сферах деятельности древних новгородцев. Они звучали на свадебных пирах, тризнах, во время праздников народного календаря, в палатах князей и клетях простых горожан, в сторожевом деле, в пастушьем, охотничьем, ратном, корабельном и даже в храмовом и монастырском обиходах [Поветкин, 1997б. – С. 179].

Случай с новгородской инструментальной музыкальной культурой (X–XIV вв.) – уникальный. Основательно забытая, она была заново открыта и исследуется благодаря музыкальной археологии и свойствам новгородской почвы сохранять деревянные предметы длительное время.

Что же касается традиционных музыкальных инструментов угорских народностей, то таких древних артефактов, как в Новгороде Великом, на Урале не выявлено. Для изучения нам доступны только инструменты позднего изготовления. В основном это коллекции XIX–XX вв., крайне редко XVIII в. Местная археология также мало чем может помочь. Изображения с музыкальными сценками на керамике и изделиях из цветных металлов (браслетах), столь характерные для древнерусской культуры, нетрадиционны для местного населения Урала. Таких находок с изображениями музыкантов здесь не обнаружено, как не обнаружено при археологических раскопках и деревянных фрагментов древних угорских музыкальных инструментов – найдены только *тумраны* (варганы), шумящие подвески, бронзовые бубенчики и др. Возникает вопрос – почему? Может быть, почвы другие, не такие как в Новгороде Великом? Может, просто не пришло время, и что-то будет все-таки найдено позднее. Ведь найдена же на Алтае во втором Пазырыкском кургане древняя арфа (возраст 390 лет до н. э.). Но может оказаться, что причина в ином. Возможно, в традиции сожжения.

Манси всегда с почтением относились к своим традиционным музыкальным инструментам, особенно к *койп* (бубен), *сангквылтап* (гусли) и *тарыг-сын-йив* (угловую арфу). И традиционно, из века в век, с обветшавших и поломанных инструментов делались хорошие копии, на которых и продолжали музицировать. Старые инструменты сберегались, их передавали по наследству. Эти инструменты не продавали и не выменивали. Древние угры полагали, что в них живет душа. А душу продать нельзя. *Сангквылтап* выносили из помещения бережно, «голову» (узкую часть) и корпус укрывали платком и

выносили из дома только «головой» вперед. Хранились музыкальные инструменты вместе со святыми вещами на *пупыг-норма* (полка духа) в жилищах и святилищах всех рангов [Гемуев, 1991; Гемуев, Бауло, 1999 по ст.: Солдатова, 2001. – С. 34].

У всех струнных угорских инструментов есть одна древняя особенность – долбленные тонкостенные деревянные корпуса. Это утверждает нас в мысли о преемственности старинных (даже древних) конструкций. Но долбленные корпуса не поддаются ремонту. О чем свидетельствует и практика реставраторов, и новгородские археологические находки.

В Великом Новгороде у местного населения отношение к музыкальным инструментам было иным: если инструмент ломался, то его не ремонтировали и не хранили, а выбрасывали, делая себе новый. Отсюда и находки брошенных фрагментов гуслей, гудочков. Там не выносили гусли из дому в платочке «головой» вперед. К инструментам новгородцы относились потребительски. Кстати, там, где у новгородских лирообразных гуслей голова, там у мансийского *сангквылтапа* – ноги! И тут все наоборот! Но общее едино – это неремонтопригодность долбленных деревянных корпусов. Работа по изготовлению нового такого инструмента достаточно сложна, к тому же она еще и одноразовая, а значит – недолговечная. В этом недостаток музыкальных инструментов с конструкцией долбленного корпуса, так как в «ковше» или «корытце» корпуса на его стенки выходит много участков достаточно тонких торцовых срезов древесины. Они очень непрочны и при серьезном ударе крошатся и распадаются на куски. При этом часть мелких фрагментов неизбежно теряется. И склеить, кропотливо собрать вновь в единое прочное и звучащее «целое» вот это «крошево», да еще с утратами, может только очень терпеливый специалист высокой квалификации, реставратор с допуском к музейной реставрации музыкальных инструментов в современной экипированной мастерской.

Итак, древние новгородцы поломанные гусельки и гудочки бросали, а древние угры какое-то время их хранили на святилищах в ритуальных амбарчиках на специальных полках. Порой создавали копию и, совершив обряд жертвоприношения, музицировали уже на новом инструменте. Заметим, что реставраторы, вскрывая деку, в некоторых самых старых угорских инструментах обнаруживали внутри корпуса не только традиционные семь камешков или свинцовых картечин, но и обязательно высохшую лужицу крови – свидетельство старых ритуалов.

Угорские и самодийские народы: манси, ханты, селькупы почитают огонь. По-хантыйски *Най-Анки*, по-мансийски *Най-Эква* – «Огонь-Мать», или «Мать Огня». У алтайских народов «Мать Огня» – *Ота-Нэ*. Ко всем своим богам сибирские народности обращаются только через огонь. И, почтительно относясь к бубну, арфе и «богом любимому дереву с пятью струнами» (как называют *сангквылтап* в фольклоре), когда этот предмет, переходя из поколения в поколение, окончательно обветшает, его, вероятно, сжигали, ритуально, передавая Матери Огня. И если это так, то очень редко можно будет найти древние инструменты в земле. Ведь манси и ханты не клали музыкальные инструменты в могилы. Да и способ захоронения тут иной. На севере Сибири нет срубных глубоких захоронений в курганах. И только случайные потери либо форс-мажорные обстоятельства в далеком прошлом могут способствовать обретению таких музыкальных артефактов в будущих археологических раскопках в этом регионе.

Выход у нас один. Доверяясь угорской традиции, будем считать, что наиболее старые из сохранившихся в коллекциях музеев арфы, гусли, гудочки – мансийские и других сибирских народов – почти идентичны своим гораздо более древним аналогам, бытовавшим на этих землях много веков назад. Для этого необходимо изучить самые древние сохранившиеся инструменты, составив их реестр, с указанием места нынешнего хранения, места происхождения и времени изготовления. А изучив, сделать хорошие копии. С ними и проводить свои эксперименты.

Попробуем представить своеобразный рейтинг этих древних инструментов.

1.

На первом месте по почитаемости из музыкальных инструментов у сибирских народов стоит БУБЕН (рис. 4, 5). Культовый ударный мембранный инструмент – неременный атрибут в обрядовой шаманской практике. У манси он называется *койп*, у хантов – *куйп*. Мансийский бубен относится к западно-сибирскому типу, как и бубны хантов (кроме восточных), тундренных ненцев, энцев. Он имеет вид узкого плоского барабана, одно основание его обтянуто выделанной кожей, а другое открыто и снабжено

рукоятью. Рукоять бубна, как правило, Y-образная (естественная развилка стволика березы – *Betula rubescens*) или крестообразная (из двух перекрещенных деревянных палок). Рукоять считается воплощением духа-покровителя бубна и называется *койп-пуныг* – «божок (дух) бубна». На рукояти может быть вырезана личина духа-покровителя. Считается, что дух живет внутри бубна и пробуждается от ударов колотушки.

Бубен у манси, как и у многих народов Сибири, ассоциировался с ездовым животным шамана – оленем, конем. Для обтяжки деревянного остова бубна требуется кожа только что заколотого (согласно ритуалу) молодого оленя, которого пожертвовал сам шаман. Обычно это дикий олень-самец. Мембрана мансийского бубна не украшается рисунком; внутренняя же часть содержит много дополнительных предметов. Это полоски ткани, которыми обматывают рукоять (красные и черные), бубенчики, колокольчики, различные металлические подвески и кольца, нанизанные на скобы, укрепленные в обечайке. Все они связаны с представлениями о духах, обитающих в бубне, и служат для усиления звукового эффекта [Солдатова, 2001. – С. 39–40; Мифология манси, 2001. – С. 75].

Колотушку к бубну длиной до 40 см выстругивают из дерева. Край колотушки, соприкасающийся при ударах с бубном, иногда обматывается (оклеивается) куском оленьей шкуры или кожей (оленьей, медвежьей, конской). Известны мансийские названия колотушки: *няли* – «ложка», *койп-йив* – «дерево бубна», *мант* – «лопатка». Остов бубна округлой формы традиционно изготавливается из лиственничной (*Larix sibirica*, лиственница сибирская) или березовой (*Betula rubescens*, береза бородавчатая) досочки, замкнутой в круг, диаметром от 30 до 50 см. В общемузыкальной практике такой остов именуется обечайкой. Снаружи обечайки укреплены деревянные столбики – *койп юр* «звери бубна». Их число должно быть кратно семи: 7, 14 или 21. Поверх столбиков проложен обруч, на который натянута оленья (иногда лосиная) кожа, в результате чего между мембраной и обечайкой образуется ребристая резонирующая полость. Замечено, что в шаманской практике предметы, получившие способность издавать звуки, приобретают сакральный статус, становясь обрядовыми атрибутами [Там же].

В XI веке у новгородцев также имелся бубен, используемый ими в обрядовой музыкальной практике. По нему ударяли «вощагой» – это рукоять с плетью и шаром-ударником на конце [Поветкин, 1997б. – С. 185]. Согласно В. И. Далю, «вощага – род кистенька, которым, навоощив его, били в бубны» [Даль, 1880. – Т. I. С. 249].

Ударяли в мембрану бубна и кистью руки, что изображено на миниатюре в Радзивилловской летописи. Труды Б. А. Колчина и В. И. Поветкина скупо дают общие сведения о бубне. Бубен как атрибут языческих культов рано попал в перечень «бесовских гудебных сосудов». После официального принятия христианства на Руси православная церковь искореняла народные обрядовые традиции. Отношение к бубну у новгородцев было, видимо, иным. Его обломки не бросали. Сохранились только косвенные свидетельства о его бытовании, и нам неведомы его конструктивные особенности. Но бубен у новгородцев был. И ударяли они по его мембране «вощагой». Об этом свидетельствуют находки деталей в культурном слое X–XV вв. Новгорода Великого. Выявлены деревянные со свилеватым набалдашником колотушки, часть которых, по мнению В. И. Поветкина, могла использоваться в комплекте бубна [Поветкин, 2010. – С. 299; С. 319, рис. 3 – 5]. Само слово *бубен* – очень древнее, индоевропейское, ср. в греческом языке: *бомбос* «низкий, глухой звук», *бомбэо* «низко, глухо звучать» [Фасмер, 1964. – С. 226].

Немного измененная технология изготовления бубна сохранялась в русском народе до XX века. Кожаную мембрану поменяли на волосную сетку и получили сито – очень нужную в хозяйстве вещь для просеивания муки. Но сито не имеет отношения к музыкальной теме.

Конструкция же сибирского бубна, пройдя сквозь тысячелетия таежного обрядового бытования, стала канонической. И если балалайка – музыкальный символ России, то шаманский бубен – это языческий символ, оберег Сибири. Он применяется в шаманской практике у всех народностей Сибири и сегодня. Детали бубна каждый народ называет по-своему. Но бубны сибирских народностей имеют общую конструкцию, не принципиально разнясь в деталях.

2.

На втором месте по почитаемости музыкальных инструментов у сибирских народов находятся пятиструнные ГУСЛИ. У манси это *сангквылтап*, у хантов *нарс-юх*, у селькупов – *пы'ныр* [Атлас, 1963. –

С. 145–146]. Культовый обрядовый струнный щипковый музыкальный инструмент, таежный черный кедровый «кораблик», корнями своего бытования уходящий вглубь веков, как и бубен.

Размеры этого «богом любимого пятиструнного дерева» бывали различные. Основной размер, наиболее часто встречаемый, – это корпус инструмента длиной около 1 метра. Но бывали *сангквылтапы* и *нарс юх* гораздо крупнее. В Музее Человека и Природы г. Ханты-Мансийска хранится *нарс-юх* общей длиной корпуса равной 1476 мм. Это таежный контрабас среди *нарс-юхов*, великан с мензурой струн 115 см (*мензура* – это длина звучащей части струны от подставки до колка или порожка). И наоборот, встречаются сибирские гусельки в два раза помельче, с длиной корпуса более 70 см. Заметим, что угорские струнные инструменты, те, что конструктивно отдаленно похожи на древние новгородские, по размерам корпусов значительно крупнее своих новгородских аналогов (рис. 6–8).

Новгородские струнные «гудебные сосуды» портативны и миниатюрны. И, соответственно, потому имеют более высокую звуковысотную настройку струнной одежды. На всех новгородских струнных музыкальных инструментах струнная одежда от подставки к колкам расходится веером: что на пяти-, восьмиструнных гусях, что на двух-, трехструнных гудках. При этом мензура струн разная и возрастает от дискантовых струн к басовому регистру (рис. 9).

У музыкальных инструментов угорских народов струны традиционно параллельны друг другу и на девятиструнной арфе *тарыг-сын-йив*, и на пятиструнном *сангквылтапе*, и на двухструнном хантыйском гудке «нерьпъ». При этом величина межструнного расстояния примерно равна толщине сустава большого пальца на руке. Мензура на *сангквылтапе* равная для всех пяти струн.

«Пятиструнный современный *сангквылтап* имеет два популярных варианта настройки, в основе которых лежит диатонический пентакорд; в одном случае расстояние между I и III ступенями составляет большую терцию, в другом – малую. Мелодии редко содержат одну опору, чаще – две или три, причем опорными обычно бывают крайние ступени лада. Нередко при той же настройке мелодия имеет квартовый диапазон: одна струна (обычно нижняя) остается незадействованной. Таким образом, при двух основных настройках возникают следующие звукоряды (в скобках – неиспользованные струны): c-d-e-f-g, c-d-es-f-g, (c)-d-e-f-g, (c)-d-es-f-g. Кроме того, зафиксированы и более редкие звукоряды: (c)-d-es-e-g, c-d-es-(f)-g, c-(d)-es-e-g» [Солдатова, 2001. – С. 34].

Настройка струнной одежды инструмента производится на нижней перекладине – где «ноги» *сангквылтапа* (рис. 10, 11). Поперек перекладины расположены пять «воротков» – традиционно это пястные кости росوماхи, либо кости птиц (кости из голени, либо из крыла), иногда просто деревянные палочки длиной 8–12 см и диаметром около 10 мм. Традиционно применение жильных или кишечных струн, но в XIX–XX вв. повсеместно стали использовать тонкие стальные струны. К центру «воротка» привязывается конец струны. Потом струна перехлестывается через перекладину и обматывается вокруг нее, уже с использованием рычага «воротка». Вращением рычага воротка вокруг перекладины достигается нужное натяжение струны, другой конец которой укреплен на заостренной «голове» инструмента. Струна опирается на подставку, расположенную в верхней части инструмента. Настройку струны контролируют на слух, пропевая про себя нужную часть известной мелодии.

Это очень архаичная рычажная конструкция настройки струн, характерная только для этого «богом любимого пятиструнного дерева», веками сохраняемая в тайге сибирскими народами от всяких «инноваций».

На *сангквылтапе* играют сидя. Играют только мужчины. Женщинам запрещено касаться этой святыни. Согласно исследованиям Г. Е. Солдатовой, стало очевидным, что играют они, кладя инструмент на колени, плоскость деки при этом почти перпендикулярна полу. Музыкант опирается локтями о боковую стенку инструмента, обеспечивая свободу движения кистей рук... . Играют на *сангквылтапе* двумя руками, одной защищают струны, другой – приглушают; иногда в ведении мелодии участвуют обе руки [Солдатова, 2001. – С. 34–35].

Название инструмента *сангквылтап* – собственно мансийское, можно сказать, что оно обозначает «инструмент, на котором играют». В мансийском языке имена существительные со значением орудия действия могут быть образованы от глагольных основ с помощью суффикса *-ун/-ап*. Например, *юнтуп* ‘иглолка’ – от *юнт* – ‘шить’, *саграп* ‘топор’ – от *сагр* – ‘рубить’ [Ромбандеева, 1973. – С. 72].

Аналогично и *сангквылтап* – от *сангквылт* – ‘играть на музыкальном инструменте’. Ср.: манс. сев. *сангквылты*, ср.-лозъв. *шангулты*, пелым. *шангвылты* – «играет на арфе» [Munkácsi, Kálmán, 1986. – С. 528]³; в.-лозъв. *сангквылты* «играет на сангквылтапе» [Полевые материалы Топонимической экспедиции Уральского ун-та, 1969].

Традиционные наигрыши на *сангквылтапе* имеют широкую область бытования. В сопровождении *сангквылтапа* исполнялись мужские героические песни о подвигах легендарных богатырей и эпические былины. *Сангквылтап* использовался как обрядовый инструмент во время проведения медвежьих игрищ. Основная функция *сангквылтапа* в процессе обряда – призывание и презентация духов (богов) с помощью специальных именных мелодий. Под звуки *сангквылтапа* вокруг убитого зверя исполняется ритуальный танец в масках и другие обрядовые действия. Кроме того, на этом инструменте играют мелодии, сопровождающие танцы и шуточные представления медвежьего праздника. Его использовали и в шаманской практике в качестве эквивалента бубну [Мифология манси, 2001. – С. 127]. Традиционные мансийские танцы под *сангквылтап* мужчины и женщины также исполняли во время весеннего праздника Вороний день.

Рассмотрим подробнее конструкцию инструмента [См.: Солдатова, 2001. – С. 32–33; Мифология манси, 2001. – С. 127]. Корпус *сангквылтапа* представляет собой кедровое долбленое тонкостенное корытце общей длиной около метра. Оно называется *патта* – «основание, дно». Заостренная головная часть корытца именуется *пунк* – «голова», а противоположный раздвоенный конец корпуса называют *лаглыг* – «ноги». Внутри корытца брошены семь камешков, они гремят при встряхивании *сангквылтапа*. Там же встречается высохшая лужица крови – свидетельство ритуального жертвоприношения. Поперек корытца корпуса на равном удалении врезаны три кедровые распорки-пружины. Сверху корытце закрывается кедровой тонкой крышкой (декой), это *ала* – «крышка». В головной части корпуса на деке на некотором расстоянии от заостренного наконечника на двух кованых гвоздиках крепится подставка *нак* – «сустав»: подставка на двух ножках изготовлена из древесины лиственных пород, устанавливается поперек корпуса. Сверху на ней равномерно распределены пять насечек ножом под струны. На деке чуть ниже подставки прорезан голосник в форме креста. Дека *ала* по периметру крепится к кромке корытца-корпуса *патта* на мелкие кованые гвоздики. Иногда их число кратно семи и равняется 42–49–56 и более, в зависимости от длины корпуса *сангквылтапа*.

Раздвоение конца корпуса (*лаглыг* – «ноги») соединено деревянной перекладной из лиственных пород. Ее называют *тос* – букв. «корма, поперечная перекладина» (*сангквылтап тос* – «доска, которая держит винты (поперечная перекладина арфы, на которой расположены винты)» [Munkácsi, Kálmán, 1986. – С. 528, 662].

На перекладине *тос*, которая в центральной части имеет круглое сечение (его диаметр примерно равен толщине сустава большого пальца на руке), равномерно распределены поперек (опять же через интервал, примерно равный толщине сустава большого пальца) пять пястных косточек росوماхи (*Gulo gulo*), которые используют как рычаги (воротки) при натягивании струн. Кости росوماхи – самый крепкий материал, который можно найти в тайге, который годится и традиционен для такого применения. Иногда применяют кости птиц, но они более хрупкие. В крайнем случае пользуются и деревянными палочками.

Вверху, в заостренной части «головы» *пунк* крепят струны: *тан* – ‘струна, тетива’, первоначальное значение – ‘жила’. Струны, опираясь о верх подставки *нак*, потом обматываются вокруг круглой части перекладки *тос* с помощью костяных рычажков и настраиваются. Инструмент традиционно окрашен в черный цвет. Обычно это копоть, сажа, сверху слегка натертая жиром, чтобы не пачкала.

Такова вкратце вся конструкция *сангквылтапа*. На поздних сангквылтапах XIX–XX вв. встречаются, кроме кедровых, корпуса из ели (*Picea obovata*, ель сибирская), пихты (*Abies sibirica*, пихта сибирская), сосны (*Pinus sylvestris*, сосна обыкновенная, или лесная).

³ Здесь и далее примеры мансийских слов приводятся в упрощенной форме без указания долготы гласных. Примеры из мансийского словаря Б. Мункачи, где используется финно-угорская транскрипция на латинской основе, даны в упрощенной форме на кириллице.

Подробно рассмотрим пятиструнные ГУСЛИ середины XI века, найденные в Новгороде Великом при археологических раскопках в 1975 году на Троицком раскопе, в реставрации В. И. Поветкина [Поветкин, 2002. – С. 231; 2010. – С. 301–316]. На одном из обломков вырезана надпись «СЛОВИША», она и стала названием инструмента. Предполагается, что это имя древнего гудца – владельца и мастера гуслей. Длина долбленого корпуса, сделанного из сосны, – более 80 см. Поверх долбленого тонкостенного корытца – корпуса приклеивалась дубовая дека толщиной 3–4 мм. Всекие голосники-отверстия отсутствуют. Дека выстругивалась из заготовки вместе с расположенными в нижней ее части стойками – «ушками» (рис. 2, 2а). Ушки – новгородский тип гусельного струнодержателя. Располагаясь по краям деки, два ушка имеют соосные отверстия, которые соединяются круглым деревянным штырьком, *к которому (АС)* и крепились пять струн. Струны могли быть жильные (кишечные) либо из тонкотянутой бронзовой проволоки. Струны соединяли струнодержатель, расположенный в нижней части корпуса инструмента, с пятью деревянными колками, вставленными в отверстия окрылка изголовья. Это ранняя разновидность крыловидных гуслей – лирообразные гусли с игровым оконцем. Струны, традиционно для древних новгородских струнных музыкальных инструментов, расположены веером, расширяясь от струнодержателя к колкам. Традиционно пошаговое увеличение мензур струн от коротких высокозвучащих верхних струн до длинных низких басовых струн. Эта конструктивная находка древних новгородцев дает преимущество новгородским гуслям типа «Словиша» перед сибирским «богом любимым пятиструнным деревом», так как позволяет значительно расширять диапазон настройки по сравнению с *сангквылтапом*, у которого все пять струн имеют одинаковую мензуру. У *сангквылтапа* струна просто порвется, если настройка превысит квинтовый диапазон. Именно равномензурность струн у таежного «кораблика» навязала ему в веках столь узкий диапазон настройки от «с» до «g» в пределах квинты и число струн не более пяти при крупном корпусе и жильных струнах.

Новгородские пятиструнные гусли «Словиша» – это пять звонких нот, вот весь их диапазон. Слагая из них несколько созвучий и трезвучий, певец нанизывал их на мелодию своего голоса, создавая замысловатый аккомпанемент. Впрочем, если добавить к этим пяти нотам натуральные флажолеты⁴, которые можно получать на этих струнах, то диапазон существенно расширится. Диапазон этих пяти струн, естественно, был шире квинты, позволяя крайние из струн настраивать в октаву.

Корпус новгородских крыловидных гуслей внутри пуст. Нет никаких пружин-распорок и гремящих камешков. У инструмента «Словиша» ширина окрылка (самой широкой части корпуса у новгородских гуслей) равна 11 см. То есть самые крупные из новгородских гуслей имеют размер, равный самым малым угорским гусельным корпусам.

Необычно сочетание материала деки и корпуса новгородских гуслей. Дека из дуба (*Quercus robur*, дуб черешчатый, или обыкновенный) – это оригинальное решение древних мастеров, не согласующееся с логикой современного подбора древесины для дек. Дуб – лиственная порода. Древесина дуба прочная, твердая, с красивой текстурой, относится к крупнокольцесосудистой и обладает широкими сердцевидными лучами, плотная и достаточно тяжелая. Современные музыкальные мастера традиционно на деку ставят только хвойные породы, древесина которых наиболее легка. Но эти традиции сформировались за последние пять столетий и пришли в Россию из Европы в XVIII веке.

Итак – дубовая, достаточно толстая (3–4 мм) дека и сосновое тонкостенное корытце корпуса (*Pinus sylvestris*, сосна обыкновенная, или лесная), корпус заузен внизу и расширяется кверху. Отметим, что у древних новгородских мастеров подбор древесины на детали гуслей проигрывает сибирскому аналогу. У кедрового (*Pinus sibirica*, сосна кедровая сибирская) *сангквылтапа* корпус в плане резонанса даст более интересные музыкальные характеристики в звучании. Акустическая константа у древесины сибирского кедра много лучше акустической константы древесины сосны обыкновенной и тем более дуба.

Отметим и необычность держания новгородских гуслей во время игры. Их держали вертикально, подобно смычковому гудку (точно так же держали и мансийский *нэ́рнэ-йив*). Окрылок с колками находился сверху. Через игровое оконце музыкант подушечками кончиков пальцев левой руки приглушал ненужные звуки, касаясь струн. А персты правой руки активно участвовали в звукоизвлечении внизу

⁴ *Флажолёт* (старофр. *flageolet* – маленькая флейта) – прием игры на струнных смычковых и щипковых инструментах, заключающийся в извлечении звука-обертона. Также *флажолетом* называется сам извлекаемый звук-обертон.

(рис. 12). С точки зрения этики обских угров постановка новгородских лирообразных гуслей с игровым оконцем вертикально, колками вверх (именно там и определялся верх этого инструмента) должна была граничить со святотатством: ведь у *сангквылтапа* настроечный узел с оконцем-просветом воспринимался как находящийся в нижней части корпуса (где *лаглыг* – «ноги»), и держать священный инструмент «вверх тормашками» было недопустимо.

Сочетание дека – дуб, а корпус – сосна у новгородцев не случайно. Встречаются еще находки, где гусли изготовлены с таким же подбором древесины, в том числе самые красивые гусли, найденные на Неревском раскопе в слоях середины XIII века. По одним данным, у них было 8 струн. По данным Б. А. Колчина, струн было девять. Это крупные гусли с игровым оконцем. Корпус из сосны, изголовье богато декорировано глубокой резьбой, дека дубовая, голосника нет [Поветкин, 1997б. – С. 181].

После XI века появляется конструкция новгородских гуслей без игрового оконца. Кроме сосны и дуба, новгородцы применяли на детали гуслей можжевельник (*Juniperus communis*, можжевельник обыкновенный), березу (*Betula rubescens*, береза бородавчатая и *Betula pendula*, береза повислая), ель (*Picea abies*, ель обыкновенная, или ель европейская).

Отметим еще одну оригинальную новгородскую деталь – «утицы». Это самобытная новгородская конструкция съемного струнодержателя у гуслей, вставляющегося в два прямоугольных отверстия в нижней части деки.

Новгородские гусли часто украшали резьбой. А вот были ли они чем-то снаружи покрыты или окрашены? Археологи об этом молчат. Но иконопись в Новгороде Великом тогда была развита. А значит, и бытовое расписывание красками деревянных предметов имело место, равно как и защита деревянной посуды льняным маслом или воском... Были ли новгородские гусли окрашены снаружи – вопрос остается открытым.

3.

Следующий инструмент, о котором пойдет речь, это сибирская угловая АРФА – многострунный щипковый инструмент, кедровый корпус которого напоминает то журавля, то гуся, то лебедя... – родовые тотемы народов Сибири, где много озер, болот и рек (слово *арфа* заимствовано из немецкого [Фасмер, 1964. – С. 90]; в простейшем виде арфа встречается почти у всех народов).

Красивый, звонкий, мелодичный музыкальный инструмент архаичной конструкции, узнаваемый орнитоморфный облик которого, вероятно, мало изменился за последние столетия. О былой популярности арфы у хантов и манси говорят ее многочисленные названия:

тарыг-сын-йив (северные манси), *тор-сапыл-юх* (северные ханты), *торы-сапыт-юх* (среднеобские ханты) – «журавлиная шея-дерево»;

тороп-юх (иртышские ханты) – «журавлиное дерево», *тор-огып-юх* (иртышские ханты), *тарыг-огып-юх*, (восточные ханты) – «с журавлиной головой дерево» и т. д., местные русские названия – «лебедь», «гусь», «журавль»⁵;

лунт (пелымские манси) – «гусь» (ошибочно *лынт*) [Солдатова, 2001. – С. 36];

хотан (ханты) – «лебедь» (ошибочно *хотол*) [Атлас, 1963. – С. 146] и др. (рис. 13).

Сибирские арфы самобытны по конструкции и выделяются из многоликого ряда арф народов мира. Количество струн – от семи до двенадцати. Но наиболее распространен девятиструнный вариант. Струны – кишечные, жильные, бронзовые, в последнее время – тонкие стальные. Корпус арфы конструктивно изготавливается воедино с шейкой инструмента. Для изготовления корпуса традиционно используется нижняя часть кедрового ствола с развитой корневой лапой, расположенной под почти прямым углом по отношению к оси ствола дерева (в русском народе такой кусок древесины с частью корневой лапы называют *копыл* или *кокора*).

Из пород древесины наиболее традиционен кедр (*Pinus sibirica*, сосна кедровая сибирская), но встречаются корпуса арф из ели (*Picea obovata*, ель сибирская), пихты (*Abies sibirica*, пихта сибирская) и сосны (*Pinus sylvestris*, сосна обыкновенная). Из колоды ствола делают тонкостенное корытце – днище резонатора. Корневую лапу превращают в изящную шейку, увенчанную зооморфной головкой.

⁵ См.: Солдатова, 2001. – С. 35; Мифология манси, 2001. – С. 138; Мифология хантов, 2000. – С. 227; DEWOS. – С. 1467; Патканов, 1999. – С. 77. Ср. также: Энциклопедия «Музыкальные инструменты», 2008. – С. 574.

В шейке, со стороны корпуса, выдалбливают узкий продольный паз на глубину до 2/3 толщины шейки. Поперек этого паза, в стенках шейки, просверливают ряд отверстий – по числу струн, под колки. Дека арфы делается из того же материала, что и корпус. При этом используется технологическая цепочка приемов, применяемая традиционно при изготовлении сибирских охотничьих лыж. А именно:

– отщепление от бревна (с помощью клиньев) заготовки, по размерам немного превосходящей размеры деки;

– столярная грубая обработка заготовки топорами, долотом, стругом и ножом;

– загибание носка деки (подобно загибанию носка лыжи), нагретой над углями костра, на специальном приспособлении (по-русски *балло* – от праславянского **гъбати* «гнуть»).

Потом загнутый носок деки почти идеально припасовывается к своему месту на корпусе инструмента в районе основания шейки. Продольная балка подставки выделяется столярными инструментами на верхней части заготовки воедино с декой. Дека к корпусу крепится на многочисленные гвоздики (иногда их число кратно семи и равно 49–56). Внутри тонкостенный корпус пуст, нет пружин и других деталей.

Снаружи конструкцию угловой сибирской арфы завершают две дугообразные распорки – большая и малая. Малая упирается в начало подставки и в нижнюю часть шейки инструмента, повыше загнутого носка деки, в углубление перед началом продольного паза. Верхняя большая дугообразная распорка соединяет конец подставки с головкой инструмента. Дугообразные распорки манси часто делают из черемухи (*Padus avium*, черемуха обыкновенная). Между этими распорками, от подставки до колков, натянуто 9 струн (рис. 14, 15).

В подставке просверлен ряд отверстий для крепления струн. В деревянных колках имеются отверстия, в которые запасовываются концы струн, а потом обматываются витками вокруг тела колка по часовой стрелке (по ходу солнца). В деке имеются прорезные голосники. Обычно их два, и они имеют форму креста. Строй струн чаще по диатонической мажорной гамме [Атлас, 1963. – С. 145]. Иногда кромка паза на шейке арфы и другие части и детали инструмента украшались резным орнаментом (рис. 16, 17).

Арфы XIX века окрашены в коричнево-черный цвета: коричневый корпус и черная шейка. Арфы XVIII века – черные.

На арфе традиционно играли мужчины. При игре инструмент клали дном на правую ногу, обхватив правой рукой. Пальцами левой руки перебирали струны, играя мелодию, а большим пальцем правой руки все время зашпывали одну из басовых струн, создавая бурдонное сопровождение музыкальной теме. Эти низкие монотонные звуки придавали мелодии особую значимость и торжественность.

В настоящее время традиция музицирования на арфе у манси почти утрачена. Но раньше игра на арфе сопровождала медвежьи пляски, шаманские камлания. Под аккомпанемент арфы исполнялись былины и песни, ее звуки сопровождали таежные традиционные театральные и кукольные представления.

Г. Е. Солдатова, собиравшая материал по музыкальным инструментам манси в полевых экспедициях 1987–2000 гг., отмечает: «По сведениям А. М. Коньковой (Дневник 2. С. 48), не дошедший до нас инструментарий пелымских манси в 30-е гг. XX в. включал две разновидности угловой арфы. Первая называлась *лынт* – «гусь», изготавливалась из пихты или ели, струны ее были металлическими. Вторая – *тыритап* (*тыри* – «гагара») отличалась меньшими размерами, ее струны изготавливались из оленьих кишок. На обоих инструментах играли во время медвежьих праздников. В период между праздниками *лынт* и *тыритап* хранились вместе с другой культовой атрибутикой в ритуальном амбарчике» [Солдатова, 2001. – С. 36].

Здесь нельзя не отметить, что в передаче названий этих не дошедших до нас мансийских инструментов автор цитируемой статьи допускает ошибки. Так, вариант *лынт* не вполне точно отражает сложный мансийский вокализм. Ср. данные словарей: в значении «гусь» у манси известно сев. *лунт*, пелым. *лунт*, конд. *лонт* [Munkácsi, Kálmán, 1986. – С. 276]; конд. *лонт*, *лунт*, пелым. *лунт* и т. д. [Kannisto, 2013. – С. 422]⁶, конд. *лăнт* [Кузакова, 1994. – С. 120], *лăнт*, *лонт* [Баландин, Вахрушева, 1961. – С. 48]; тавд. *лонт* [Munkácsi, Kálmán, 1986. – С. 276]. Что касается названия *тыритап* – то, во-первых, гагара у манси обозначается совсем другим словом, ср.: манс. сев. *тахт*, пелым. *тəхт*, конд. *тəхт*, тавд. *таиткхă*, *тапкхă* [Munkácsi, Kálmán, 1986. – С. 616]. Во-вторых, что такое *тап*? По-видимому, в данном

⁶ Примеры из словаря А. Каннисто также приводятся на кириллице и в упрощенной форме.

случае имеется в виду другое мансийское название арфы. Ср.: манс. ср.-лозъв. *тəры-шип*, н.-лозъв. *тəр-шип*, пелым. *тəры-шип*, конд. *тəры-сəп* букв. ‘журавлиная шея’ – «напоминающий арфу музыкальный инструмент со струнами» [Munkácsi, Kálmán, 1986. – С. 548, 631], ср. также пелым. *тəрышип*, *тəрышып* «(вогульско-остяцкая) арфа» [Kannisto, 2013. – С. 925]. Все эти варианты точно соответствуют северно-мансийскому названию данного инструмента *тарыг-сып-йив* ‘журавлиная шея-дерево’, только последний компонент *йив* отсутствует.

На территории Древней Руси в период позднего средневековья арфа не была распространена совсем. И новгородцы не знали такого диковинного инструмента. Впервые они могли его увидеть и услышать в первой половине XI века во время своего «визита» в сибирские «полуночные земли».

Какой конструкции угловая арфа была в XI веке? Наверное, она напоминала пелымский «тыритап» = *тəры-шип* – ее корпус был небольшим, длиной менее 70 см. Цвет ее был черным. Число струн, скорее всего, было меньшим и равнялось семи (магическое число), – современные манси тоже говорят о семи-струнном инструменте. Струны были изготовлены из оленьих кишок, а в остальном ее облик, наверное, был похож на сибирские арфы XVIII века. Как ее тогда называли, каков был ее строй – остается загадкой. Как и репертуар. Арфа была очень легкой и имела тихий мелодичный голос.

4.

Завершают наш рейтинг струнных музыкальных инструментов древности смычковые – мансийский НЭРНЭ-ЙИВ и скомороший новгородский ГУДОК.

Относясь к группе примитивных народных струнных смычковых инструментов, эти древние предки скрипки и тысячу лет назад – в начале XI века уже были распространены и на далеком от нас Волхове, в том числе в Новгороде Великом, и в Киеве, и, наверное, в таежных паулях на реках Сибири.

Нэрнэ-йив – камерный мелодический однострунный смычковый музыкальный инструмент, современное название инструмента лозьвинских м а н с и. «По предположению В. Н. Чернецова, мансийское название «*нэрнэ-йив*» произошло от глагола *нэри* – «играть на инструменте» и может быть связано с названием хантыйской цитры *нарис-юх*, буквально – «дерево для пиления» от глагола *нар* – «пилить, тереть». В таком случае «народное название подчеркивает, что на обозначаемом предмете можно извлекать звук» [Солдатова, 2001. – С. 38]. Корпус этого инструмента подобен деревянному ковшу и имеет округлое долбленое корытце с заостренным концом и подобие ручки-грифа с отверстием под колок. Поверх корпуса-корытца мелкими гвоздями по периметру крепится тонкая деревянная дека, обрезанная по кромке корпуса. На деке расположен голосник – отверстие в форме креста, либо круглый голосник, иногда несколько голосников. Подставка расположена в нижней части деки. В нижней части корпус завершается выступом для крепления струн. Колок – это деревянный стержень с лопаткообразным завершением. Иногда эта лопатка колка декоративно оформлялась. Стержень колка вплотную подгонялся к отверстию в головке инструмента. Отверстие под струну прокалывали острым шильцем. Струны делали из конского волоса, иногда из оленьих кишок или сухожилий лося. Струну настраивали вращением колка. Для лучшего удержания строя стержень колка могли натирать канифолью [См.: Соколов, 2013. – С. 6–8].

Мансийский *нэрнэ-йив* чаще изготавливали из еловой древесины (Picea obovata, ель сибирская), но могли применять и пихту (Abies sibirica, пихта сибирская), сосну (Pinus sylvestris, сосна обыкновенная, или лесная) или кедр (Pinus sibirica, сосна сибирская кедровая, или сибирский кедр). Лукообразный смычок делали из деревянной ветки, чаще черемухи (Padus avium, черемуха обыкновенная). Древко остругивали острым ножом. «Тетива» лучка-смычка традиционно делалась из пряди конских волос и натиралась смолой сосны или ели (первобытная канифоль). Часть канифоли крепилась на корпус сзади. Во время игры по необходимости е. пользовались. Длина инструмента около 60 см, длина шейки примерно 30 см. Ширина корпуса – около 14 см [См.: Атлас, 1963. – С. 145] (рис. 18). Играют на *нэрнэ-йив* сидя, удерживая корпус почти вертикально, опирая нижний конец корпуса о правую ногу выше колена, держа смычок в правой руке. Пальцы левой руки, скользя подушечками и ногтем по струне, интонируя, находят верный звук. При этом большой палец опирается о шейку сзади (рис. 19).

У аналогичного двухструнного инструмента хантов (в русских источниках: «*нерпъ*», «*нерьпъ*», «*нерьпъ*») струны располагались параллельно, но имели разные мензуры (у мелодической струны мензура меньше (рис. 20).

Новгородские гудки периода позднего средневековья имели более сложную конструкцию и меньшие габариты корпусов (рис. 21). Традиционен трехструнный вариант (рис. 22), но найден обломок дубового корпуса гудка двухструнного и кобылка (подставка) от гудка однострунного. Минимальная длина корпуса новгородского гудка 30 см. Остальные находки имели длины корпусов побольше, но меньшие, чем у сибирских смычковых аналогов. Большинство гудков новгородцы делали из ели, но имеется по одному образцу с корпусами из можжевельника, дуба и клена (Acer platanoides, клен остролистный). «Под пучком конских волос, натертых сосновой смолой, гудели одновременно три жильные (кишечные) струны, они располагались на кобылке в относительно единой плоскости. По данным XVIII в., одна струна была мелодическая, две другие – настроенные к ней в квинту и кварту, а между собой в октаву, выполняли роль бурдона – постоянного звука, на фоне которого извлекалась мелодия [Вертков, 1975. – С. 265, 279]» [Поветкин, 1997б. – С. 183].

Струны от кобылки к колкам расходились веером и настраивались с помощью колков, расположенных на головке инструмента, зачастую имеющей ромбовидную форму. Корпус новгородского гудка, в отличие от *нэрнэ-йив*, не имел шейки. Головка являлась естественным продолжением каплевидного ковша-корпуса. В задней части корпуса оставляли выступ – для укрепления струнодержателя и для опирания инструмента во время игры.

В отличие от угорских струнных инструментов, у которых деки к корпусам крепились на гвоздики, у новгородских инструментов, в том числе у гудков, дека к корпусу приклеивалась, а потому подгонка деталей делалась более тщательно, на кромку корпуса в месте приклейки ножом наносилась крестообразная насечка – для более глубокого проникновения клея в древесину, чем достигалась более прочная склейка деталей. Стержни колков имели диаметры от 5 до 7 мм. Колки изготавливались из ели или можжевельника. На деке новгородских гудков традиционны два голосника, каждый из которых имел форму полукруга. Техника игры на новгородском гудке в целом схожа с игрой на мансийском *нэрнэ-йив* (рис. 23).

Говоря о музыкальных инструментах позднего средневековья (IX–XIV вв.), мы взяли за точку отсчета первую половину XI в. Тогда в Центральной Европе получил развитие смычковый *ребек*, а смычковые *виолы* еще только зарождаются. Нет еще скрипок и прочих, ставших сейчас классическими, музыкальных инструментов.

Перед нами – гудок. Их дальний предок. Очень тихий камерный смычковый инструмент с грубым смычком в виде лука... Ничего еще нет! То есть нет того арсенала средств, что сделает скрипку, альт и виолончель мощными концертными «зальными» инструментами. Тем не менее мы, современные музыканты и музыкальные мастера, с интересом рассматриваем эти новгородские гудки и мансийские *нэрнэ-йив* с их примитивными лучками-«погудальцами». Интерес этот и вызван тем гигантским скачком в качественном развитии класса струнно-смычковых музыкальных инструментов. Перед нами начальный вариант конструкции, с него начиналась история развития. Гудок в своей лаконичной простоте вызывает восторг. Эта предельно примитивная первобытная конструкция уже работает! С этого все началось! Тихий воркующий звук гудка с кишечными струнами, этого «звончатого переладца», извлекаемый с помощью простейшего смычка-«погудальца», завораживает, околдовывает современного исследователя.

Рассмотрим таежный феномен многовековой преемственности конструкций. В конструкции долбленого корпуса *сангквылтапа* используются три поперечные деревянные распорки-пружины, размещенные под декой. Используются традиционно издревле. А в конструкции долбленого корпуса арфы таких пружин не встречается, хотя нагрузка на деку и корпус от семи-девяти струн, да еще идущих по диагонали вверх к вертикально стоящей шейке, значительно больше. Но пружин нет и не было.

На арфе *тарыг-сып-йив* и на гудке *нэрнэ-йив* исстари применяются деревянные колки, традиционные у многих народов мира в конструкциях систем настройки струн. Но «богом любимое пятиструнное дерево» *сангквылтап* не имело таких колков до середины XX века, а применялась древняя архаичная система: перекладина с пятью рычажками-«воротками» из пястных косточек росوماхи. Традиция неукоснительная. Канон! О чем это говорит? О строгой преемственности сложившихся конструкций, отдельно – для *тор-сапыл-юх* (арфа), отдельно – для *сангквылтапа* (гусли), отдельно – для *нэрнэ-йив* (гудок). Говорит об ответственности изготовителя перед соплеменниками, перед культом богов, надзирающих за ним,

за следованием традициям в изготовлении этих инструментов. То есть, соприкасаясь в контексте ритуалов и даже будучи изготавливаемые порою одним человеком, мансийские арфа, гусли и гудок канонически оставались чистыми конструкциями, избегая заимствований и смешения элементов до времен, когда языческие верования стали утрачивать свою силу. Это случилось в первой половине XX вв.

Тогда и стали возникать гибридные конструкции струнных музыкальных инструментов северных народностей Урала и Западной Сибири, такие как *сангквылтап* с однострунным грифом – такой «*сангквылтап–нэ́рнэ-йив*», совмещающий в себе и пятиструнный щипковый и однострунный смычковый инструмент (рис. 24). Другой пример – «двухэтажная» арфа, объединяющая семиструнный *та-рыг-сын-йив* и пятиструнный *сангквылтап* [Малоземова, 2008] (рис. 24). Тогда же пришли на *сангквылтап* стальные струны и гитарные колки (рис. 26).

Ныне конструкции югорских струнных музыкальных инструментов продолжают претерпевать нашествие «улучшений». Появился «электронарс-юх»! Его изготовил на заказ мастер экспериментально-го участка музыкальной фирмы «Урал» А. В. Ноговицин в самом конце XX века. Все эти «улучшения» и заимствования меняют облик традиционных сибирских музыкальных инструментов и сказываются на их звучании. Развитие конструкций традиционных сибирских инструментов начало уходить в сторону современности от былой аутентичности. Противостоять этим «инновациям» не представляется возможным. Да и не нужно. А потому можно выделить три направления в дальнейшей судьбе угорских традиционных музыкальных инструментов:

1. Дальнейшее совершенствование и развитие коренными народностями своих традиционных музыкальных инструментов с использованием современных материалов, технологий и комплектующих деталей от других музыкальных инструментов. Это направление вперед – в ногу с XXI веком, к хроматическому звукоряду, к 24 тональностям, к выступлениям в концертных залах.

2. Сохранение, консервация и изучение памятников искусства и культуры коренных народностей в музеях Урала, Сибири и европейской части России. Необходимо продолжать собирать и расширять музейные коллекции, в том числе пополнять их традиционными угорскими музыкальными инструментами.

3. Выявление, изучение самых древних экземпляров на территории России. Изготовление аутентичных реплик с соблюдением мельчайших тонкостей во всем: в традиционных технологиях, в подборе материала и комплектующих, в пропорциях, размерах, толщинах деталей и т. д. Изучение культурного и исторического наследия коренных народностей Урала и Сибири. Восстановление древнего облика традиционных обрядовых музыкальных инструментов этих народностей. Реконструкция древних обрядов и костюмов, и т. д. Это направление – противоположное первому и направлено вглубь ушедших веков. Именно оно созвучно идее Новгородского Центра музыкальных древностей.

В нашем случае – это музыкальные древности Сибири. Нужно создать Центр музыкальных древностей Сибири. Идею создания такого центра на Урале высказал почетный гражданин Великого Новгорода, директор Новгородского центра музыкальных древностей Владимир Иванович Поветкин. Во второй половине мая 2009 года он впервые посетил г. Екатеринбург для участия в конференции «Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь», посвященной 30-летию участия отряда Уральско-го университета в составе Новгородской археологической экспедиции (рис. 27). Тогда же Владимир Иванович предложил провести исследование, в котором были бы рассмотрены и сравнивались древнерусские музыкальные инструменты, изученные Новгородским центром музыкальных древностей, и старинные традиционные музыкальные инструменты языческого Урала и Сибири.

В память о В. И. Поветкине, создателе Новгородского центра музыкальных древностей, художнике, ученом, непревзойденном реставраторе и музыкальном мастере, стоявшем у истоков рождения музыкальной археологии, создавалась эта статья.

Список литературы

Атлас музыкальных инструментов народов СССР / К. Вертков, Г. Благодатов, Э. Язовицкая. – М.: Музыка, 1963. – 276 с.: ил.

Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. – Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1958. – 228 с.

Бердюгина Н. Ю., Слепухин А. В. Эмиль Марианович Сенкевич. Человек. Исследователь. Врач // Уральский следопыт. – Екатеринбург, 2012. – № 6. – С. 34–42: ил.

Вертков К. А. Русские народные музыкальные инструменты: учеб. пособие. – Л.: Музыка, 1975. – 280 с.

Гемуев И. Н. Религиозно-мифологические представления манси: автореф. дис. ... докт. ист. наук в форме науч. доклада. – Новосибирск, 1991. – 45 с.

Гемуев И. Н., Бауло А. В. Святители манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 240 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – 2-е изд. – СПб. – М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1.

Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямищikov С. В. Древний Новгород. Прикладное искусство. – М.: Искусство, 1985. – 167 с.

Кривошеина А. На каких гуслих играл Садко? Интервью с В. И. Поветкиным // Человек без границ. – 2007. – № 1. – С. 26–33.

Кузакова Е. А. Словарь манси (Восточный диалект) / собиратель и составитель Е. А. Кузакова; Координационно-методический центр прикладной этнографии, Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1994. – 315 с.

Лукин А. А. Владимир свет Иванович! Вы приходили в этот мир, зачем? // Чело: альманах. 2013. Вып. 1–2. Памяти Владимира Ивановича Поветкина. – Великий Новгород. – С. 157–166.

Малоземова О. В. Музыкальные инструменты в фондах музея: опыт формирования коллекции и ее использования в публичной деятельности // Вторая Югорская полевая музейная биеннале: сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры». – Ханты-Мансийск, 2008. – С. 131–138.

Мифология манси / А. В. Бауло, И. Н. Гемуев, А. А. Люцидарская, А. М. Сагалаев, З. П. Соколова, Г. Е. Солдато-ва. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 195 с.: ил. + цв. вкл. – (Энциклопедия уральских мифологий: Т. 2).

Мифология хантов / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, Т. А. Молданов, Т. А. Молданова / Научн. ред. В. В. Напольских. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 310 с.: ил., карт.

Музыкальные инструменты: энциклопедия / под ред. М. В. Есиповой; Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки. – М.: Дека-ВС, 2008. – 786 с.: ил.

Патканов С. К. Сочинения в двух томах: Т. 1. Остяцкая молитва / под ред. С. Пархимовича. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 400 с. – [приложение к журналу «Лукич»].

Пленкин С. Слободское судостроение // Уральский следопыт. – 2018. – № 3(729). – С. 3–7.

Поветкин В. И. О происхождении гуслей с игровым оконцем // История и культура древнерусского города. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. – С. 116–127.

Поветкин В. И. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Открытия 1993 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. – Новгород, 1994. – Вып. 8. – С. 134–143.

Поветкин В. И. Загадка гуслей-псалтиря // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции (г. Новгород, 11–13 ноября 1997 г.). – С. 81–85.

Поветкин В. И. Музыкальные инструменты // Археология. Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. – М.: Наука, 1997б. – С. 179–185.

Поветкин В. И. Происхождение коллекции Новгородского Центра музыкальных древностей // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции (г. Великий Новгород, 11–13 ноября 1997 г.). – Великий Новгород, 1999а. – С. 36–42.

Поветкин В. И. С гуслими к первоначальникам Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию В. Л. Янина: сб. статей / МГУ. – М.: Русские словари, 1999б. – С. 85–94.

Поветкин В. И. О происхождении инструментальной коллекции Новгородского Центра музыкальных древностей // Музыка Кунсткамеры. К 100-летию Санкт-Петербургского музея музыкальных инструментов: материалы Первой инструментоведческой научно-практической конференции / РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); Санкт-Петербургский музей театрального и музыкального искусства. – СПб., 2002. – С. 229–234.

Поветкин В. И. Сосуды гудебные времени Ярослава Мудрого // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого (источники и исследования). – Великий Новгород, 2010. – С. 284–320.

Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. – М.: Наука, 1973. – 208 с.

Словарь иностранных слов и выражений. – М.: Олимп: АСТ, 1998.

Соколов Э. И. «В каждой избушке свои погремушки». Забытые струнные инструменты XVII–XVIII веков, бытовавшие на Урале и в Западной Сибири // Колесо: альманах. – 2013. – № 4. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ. – С. 6–13, 19–21.

Соколов Э. И., Дмитриева Т. Н., Печняк В. А. Традиционные музыкальные инструменты манси: проблемы реставрации памятников культуры и искусства: материалы IV региональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Эрмитажной школы реставрации. – Екатеринбург: Баско, 2018. – С. 159–168.

Солдатова Г. Е. Фоноинструментарий манси: состав, функционирование, жанровая специфика // Музыка и танец в культуре обско-угорских народов / под ред. Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 32–43.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1964. – Т. 1. – 562 с.

DEWOS – Steinitz Wolfgang. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache / Bearbeiter: Gert Sauer. Berlin, 1966–1993. Lfg. 1–15.

Kannisto Artturi – Eiras Vuokko – Moisio Arto. Wogulisches Wörterbuch, gesammelt und geordnet von Artturi Kannisto, bearbeitet von Vuokko Eiras, herausgegeben von Arto Moisio. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXV. Kotimaisten Kielten Keskuksen Julkaisuja 173). Helsinki: Société Finno-Ougrienne – Kotimaisten Kielten Keskus, 2013. – 961 s.

Munkácsi Bernát – Kálmán Béla. Wogulisches Wörterbuch gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. – 950 s.

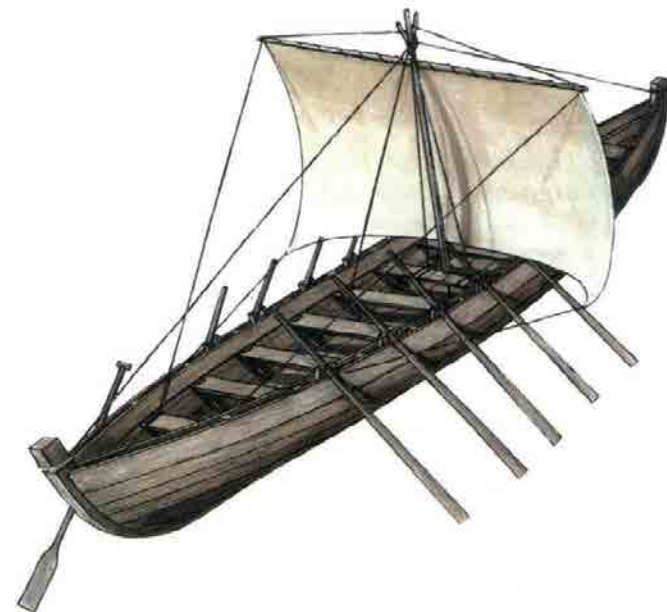

Рис. 1. Реконструкция ушкуя [Пленкин, 2018. – С. 5]

Рис. 2. Древний Новгород. Гусли пятиструнные. На корпусе инструмента вырезано имя гусляра «Словиша» (Солнышко). Дерево. Длина 82 см. Середина XIV. [Колчин и др., 1985. – С. 28; рис. 23]. Фото А. Дорофеева

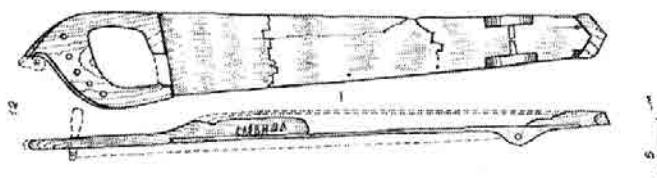

Рис. 2а. Великий Новгород. Гусли лирообразные. На корпусе инструмента вырезано имя гусляра «Словиша». Сосна, дуб. Сер. XI в. Реконструкция и рисунок В. И. Поветкина [Поветкин, 2010. – С. 320; рис. 4 – 12]

Рис. 3. Древний Новгород. Гусли шестиструнные. Дерево. Длина 35,3 см. Первая половина XII в. [Колчин и др., 1985. – С. 28; рис. 24]. Фото А. Дорофеева

Рис. 4. Бубен и колотушка. Северные ханты. XIX век. Частная коллекция. Фото Э. И. Соколова

Рис. 5. Бубен с внутренней стороны. Северные ханты. XIX век. Частная коллекция. Фото Э. И. Соколова

Рис. 6. Окрестности р. Пелым. Манси. Хозяин семьи играет на сангквилтапе. Фото Э. М. Сенкевича, начало XX в. Из архива Туристической компании «Команда искателей приключений», г. Екатеринбург [Опубл.: Бердюгина, Слепухин, 2012. – С. 36]

Рис. 7. Сангквилтап. Первая пол. XX в. Музей истории и этнографии, г. Югорск. Фото Е. Ф. Тамплона

Рис. 8. Хантыйский нарс-юх-«контрабас» в руках реставратора Э. И. Соколова. Реставрационные мастерские Свердловского областного краеведческого музея. Инструмент из коллекции Музея Природы и Человека. г. Ханты-Мансийск. Фото Ю. В. Иванова

Рис. 9. Древний Новгород. Музыкальные инструменты X–XV вв. [Колчин и др., 1985. – С. 26, рис. вставка]. Фото А. Дорофеева

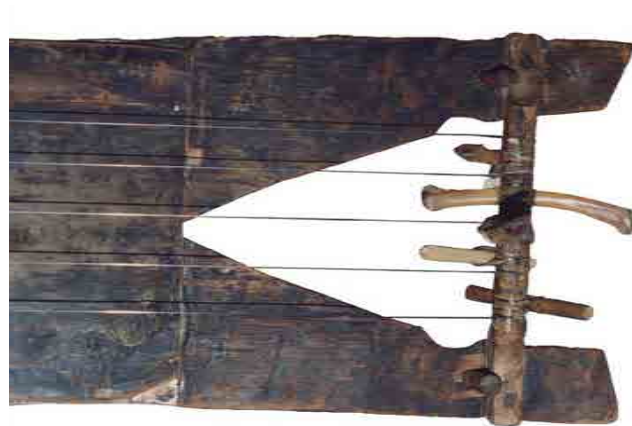

Рис. 10. *Нарс-юх*. Система настройки струн: перекладина с воротками из дерева и кости. Реставрация Э. И. Соколова. Музей Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск. Фото Е. Ф. Тамплона

Рис. 11. *Сангквылтап*. Система настройки струн. Воротки из костей росомахи. Первая пол. XX в. Музей истории и этнографии, г. Югорск. Фото Е. Ф. Тамплона

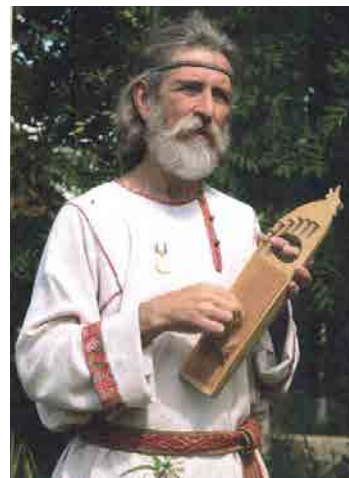

Рис. 12. В. И. Поветкин играет на гуслях. Великий Новгород в созвездии ганзейских городов России // Диалог культур. Юбилейный спецвыпуск № 2. 2009. – С. 9. Фото С. В. Фролкова

Рис. 13. Игра на угловой арфе во время медвежьего праздника. Ханты. 1876 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург

Рис. 14. Арфа «тоор-сапт-юх». Ханты. XIX век. Ирбитский историко-этнографический музей. Фото В. А. Печняка

Рис. 15. Фрагмент «шеи» арфы. Ирбитский историко-этнографический музей. Фото В. А. Печняка

Рис. 16. Орнамент на внешней стороне «шеи» арфы. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. Фото Е. Ф. Тамплона

Рис. 17. Орнамент на внутренней стороне «шеи» арфы. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. Фото Е. Ф. Тамплона

Рис. 18. *Нэрнэ-йив*. Начало XX в. Ивдельский историко-этнографический музей (по описи музея – «нэрвия»). Фото Е. Ф. Тамплона

Рис. 19. Пос. Ушма, Ивдельский городской округ Свердловской области. Анямов Роман Николаевич (манси) с однострунным смычковым инструментом *нэрнэ-йив*. Из архива Туристической компании «Команда искателей приключений», г. Екатеринбург. Фото В. Петрова. 2007 г.

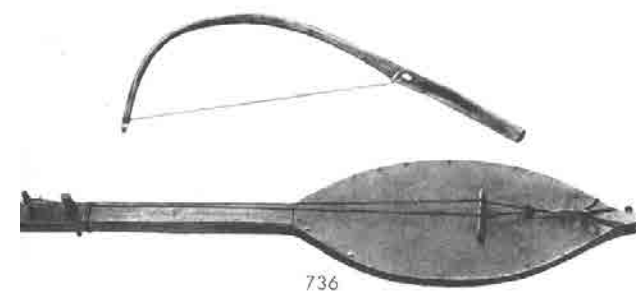

Рис. 20. «Нерьнь». Ханты [Атлас, 1963. – С. 146]

Рис. 21. Великий Новгород. Коллекция новгородских гудков. Новгородский центр музыкальных древностей. Фото Э. И. Соколова. 2006 г.

Рис. 22. Великий Новгород. Скомороший гудок XII века. Реконструкция В. И. Поветкина. Новгородский центр музыкальных древностей. Фото Э. И. Соколова. 2006 г.

Рис. 23. Великий Новгород. В. И. Поветкин играет на гудке. Фотоархив Новгородского Центра музыкальных древностей

Рис. 24. Сангквилтап с однострунным грифом и смычок для игры на струне. Музей истории и этнографии, г. Югорск. Инструмент изготовлен Василием Петровичем Куриковым из пос. Овынья-пауль на реке Пелым [Малоземова, 2008]

Рис. 25. «Двухэтажная» арфа тарыг-сып-йив. Инструмент изготовлен в 2000–2001 гг. Василием Петровичем Куриковым из пос. Овынья-пауль (по детским воспоминаниям). Музей истории и этнографии, г. Югорск [Малоземова, 2008]

Рис. 26. Поселение Пома-пауль, Ивдельский ГО Свердловской области. Сангквилтап с гитарными колками. Играет Владимир Пакин. Материалы экспедиции Туристической компании «Команда искателей приключений», г. Екатеринбург. Июнь 2010 г.

Рис. 27. Екатеринбург, Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Выставка забытых музыкальных инструментов в рамках конференции «Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь», посвященная 30-летию участия отряда Уральского университета в составе Новгородской археологической экспедиции. Слева направо: В. И. Поветкин, Е. В. Бунтов, Э. И. Соколов рассматривают сангквилтап из Музея истории и этнографии г. Югорска. Фото Ю. В. Иванова. Май 2009 г.

В. И. Ярыш¹

¹ Новгородский областной колледж искусств им. С. В. Рахманинова
ул. Б. Московская, д. 70, г. Великий Новгород, 173014, Россия

Особенности берестяного творчества в Великом Новгороде и Югре: общее и отличие

В начале XII – первой половине XIII в. новгородцы, освоив Северный путь в Югру, все больше стали проявлять активность как в торговле, так и в зверобойном промысле. Преодолевая большие расстояния, они продолжали ввозить украшения, замки, ключи, инструменты, оружие, посуду... вывозили меха [Овчинникова, 2017. – С. 27]. Обмен товарами был обоюдно выгоден. Среди бытовых предметов встречались и изделия из бересты. Так, при раскопках Полуйского мысового городка князей Тайшиных среди артефактов были обнаружены берестяные туеса русского производства, датируемые О. В. Кардашем концом XVI – началом XVIII в. [Кардаш, 2013б. – С. 253]. Природный, своего рода подручный материал – он с древности был доступен в обработке и применении в повседневной жизни обитателей на весьма широкой территории. В настоящей статье именно на берестяные изделия будет обращено внимание. Попытаемся проследить, насколько смогли отразиться взаимные контакты новгородцев с местным населением Югры в обработке и использовании берестяных изделий: в чем общее и различие, в чем особенности их мастерства.

Известно, что в культурных слоях XI–XV вв. Великого Новгорода находки из бересты обнаружены в достаточно большом количестве, включая прежде всего берестяные грамоты (рис. 1), поплавки, грузила и различные поделки, необходимые в домашнем обиходе. В Зауралье единичные экземпляры фрагментов берестяных изделий встречены в слоях, относящихся еще к первым тысячелетиям до нашей эры. Однако основные берестяные находки приходятся лишь на период позднего средневековья – XVI–XVIII вв. Источниковой базой для настоящего исследования послужили предметы из бересты из коллекций музеев как в Новгороде и Новгородской области, так и в Зауралье (прежде всего, это Музей природы и человека в Ханты-Мансийске), а также опубликованные материалы археологических исследований Обдорских городков, проведенных в последние годы О. В. Кардашем (Кардаш, 2009, 2013 гг.). Кроме того, в качестве сравнительного анализа автор настоящей статьи предлагает результаты его командировки в Америку, полученные в процессе изучения бытовой культуры североамериканских индейцев.

Прежде всего предлагается рассмотреть берестяные изделия новгородцев и обских угров с учетом технологических особенностей материала и его обработки. Как правило, большинство исследователей не уделяют достаточного внимания качеству бересты как материала, а также способам и времени ее заготовки. В основном они концентрируются на внешних формах, особенностях украшения, применении изделий в быту и немного затрагивают конструкции изделий. В то время как все вышесказанное существенно влияет на технические параметры изделий и способы их украшений. Так, народы Сибири никогда не плели из бересты, они использовали только цельные пласты коры. Этот же способ мы встречаем и у североамериканских индейцев. Обе эти общности мастеров с древности заготавливали бересту в качестве материала – как летом, так и зимой, так как она сильно отличалась по качеству и давала возможность по-разному ее украшать: «Покрытие вигвама, каноэ и более крупная домашняя

утварь делались из тяжелой зимней коры, которая, по утверждению Сильвестра Габриэля, индейца Пассамакводи, является самой лучшей, если срезать ее после второго мороза. Летняя кора тоньше и может заготавливаться во время весны, лета или ранней осени. Она больше всего подходит для подстилок (циновок) и несложной домашней утвари» [Butler, Hadlock, 1957. – Р. 8]. Главный метод украшения берестяных изделий у обских угров и американских индейцев – «скобление орнамента». Нанесение украшений на изделия при помощи скобления невозможно по «летней» коре – только по зимней: «... легко украшать внутреннюю поверхность свежее-заготовленной “зимней коры” методом скобления, пока не станет проглядывать внутренний светлый слой. Такое скобление часто называют “гравировкой”» [Butler, Hadlock, 1957: 36].

Почему возможно применение такой техники только по «зимней» бересте? Как показывает практика, снятие коры с березы зимой имеет особенность: береста не просто легко отслаивается от камбия (рыхлого темно-коричневого слоя между берестой и древесиной), но «цепляет» тонкий слой этого камбия, «окрашиваясь» в его цвет. Именно этот тонкий слой и поддается хорошо скоблению. По мнению Дэвида Гидмарка, североамериканские индейцы в большей степени стремятся заготавливать именно «зимнюю» бересту, так как название «зимняя» дана коре за то, что она всегда снимается с дерева с налетом темного внутреннего слоя, который после намачивания можно соскабливать. Для выполнения украшений методом скобления к изделию прикладывается трафарет, вне которого влажный налет темного слоя выскабливается, оставляя на плоскости необходимый орнамент. Летняя же кора светлая и не поддается такому методу украшения [Gidmark D., 1980. – Р. 105–106]. Об этом же свидетельствуют и другие американские исследователи, которые отмечают, что «зимнюю кору обычно использовали сразу после заготовки. Если ее применяли позже, то перед употреблением ее необходимо было замочить в воде и потом нагреть, чтобы придать коре достаточную гибкость» [Butler, Hadlock, 1957: 8].

На Урале, на Горбуновском торфянике (недалеко от Нижнего Тагила) найдены семь фрагментов бересты со скобленным орнаментом, относящихся к III-му тыс. до н.э. [Кашина, Чаиркина, 2012. – С. 48]. Авторы публикации усматривают во всех фрагментах сходный технический прием по внешнему украшению: контрастный двухцветный рисунок, выполненный прокрашиванием и выскабливанием. «Прокрашенные поверхности буро-коричневого цвета с небольшими различиями в оттенках на разных предметах<...>, фрагмент 1 окрашен темно-красно-бурой охрой, смешанной с жиром. Однако это лишь версия, химический анализ состава краски, к сожалению, пока не проведен». И далее: «На всех фрагментах наблюдается сплошное прокрашивание внутренней поверхности бересты, после которого производилось выскабливание» (рис. 2–4) [Кашина, Чаиркина, 2012. – С. 45]. Можно предположить с учетом того, что анализ краски не производился, а она нанесена на фрагменты «сплошным прокрашиванием», – возможно, это была вовсе и не краска, а скорее традиционный способ скобления «зимней» коры, характерный для народов как Сибири, так и Северной Америки. Данная техника – скобление по «зимней» бересте – подтверждается как многочисленными археологическими находками XVI–XVIII вв. на территории Югорской земли [Кардаш, 2009. – С. 242–245; рис. 3 – 47–50; Кардаш, 2013б. – С. 238–241], так и этнографическими изделиями, которые экспонируются в музеях Урала и Сибири, в частности в собрании Музея природы и человека в Ханты-Мансийске (рис. 5). Если это так, то находки на Горбуновском торфянике позволяют зафиксировать древнейшее применение техники скобления в этих регионах.

Главное отличие по формам и внешнему украшению берестяных изделий новгородцев и обских угров заключается в разном качестве материала, что определяет преимущественное наличие в творчестве новгородских мастеров техники плетения, а у обских угров изготовление различных контейнеров из листового материала и почти полное отсутствие техники плетения. О. М. Фишман сообщает, что, по материалам XIX–XX вв., «плетение из бересты было очень широко известно финнам, карелам, вепсам, коми, русским северо-западных губерний, эстонцам, латышам, в единичных случаях встречалось у саамов и отсутствовало у обских угров». Также ею установлена «зависимость между широким бытованием плетеной утвари и культурой пашенных земледельцев лесной зоны, где сохраняли свое хозяйственное значение рыболовство, охота, лесные отхожие промыслы» [Фишман, 1992. – С. 144]. Не подвергая сомнению данный вывод, можно посмотреть на проблему с точки зрения самого

материала – бересты. О. М. Фишман ничего не пишет о качестве материала. Между тем береста на Северо-Западе России более подходит для плетения: она тоньше, «тверже», не требует особой предварительной подготовки, для использования ее как плетельного материала нет необходимости расслаивать ее на более тонкие полосы, пригодные для данной техники использования материала. Поэтому и заготавливали ее для плетения в этих регионах длинными лентами непосредственно со ствола березы. В то время как в Зауралье, так и на всей территории Сибири, береста толстая, «мягкая», хорошо поддающаяся для различных изгибов и сшивания. Заготавливать ее длинными лентами неэффективно, если вообще возможно. Такая же береста наблюдается и в других странах, где мастера не применяли ее для плетения: север Китая, Япония (Хоккайдо), Северная Америка (США, Канада). Поэтому новгородские мастера заготавливали для плетения бересту длинными лентами прямо с дерева, а обские угры пластами. Но в древнем Новгороде мастера тоже больше использовали листовую бересту для изготовления туесов, лукошек, коробов – плели значительно меньше, хотя в археологическом отделе Новгородского государственного объединенного музея-заповедника хранятся и клубки ленточной бересты, и инструменты для плетения – костыги, и отдельные плетеные изделия (рис. 6). Этому можно дать объяснение наличием в новгородском археологическом берестяном творчестве изделий из пласта бересты только маленького размера. Стенки крупных лукошек и коробей делались из луба с использованием различных накладок из бересты. В археологическом фонде Новгородского государственного объединенного музея-заповедника плетеных находок единицы по сравнению с изделиями из листового бересты, и изделия этого периода (XI–XV вв.) дают возможность поиска сходных технологических приемов таких отдаленных друг от друга территорий, как Новгородчина и Югра.

Примечателен и еще один артефакт из коллекции Горбуновского торфяника. В статье он указан как «фрагмент 5» (ГИМ 75907. Оп. А 385. № 53). В музейной описи он предположительно назван как «часть сумки (?), прошитой, с расписным орнаментом...», размеры 17,1–16,8 см, толщиной 3,0 мм, по всему верхнему краю в 1,3–1,4 см от кромки имеются отверстия овальной формы размером 1,0–1,5 мм, сделанные с внешней стороны на расстоянии 0,6–0,8 см друг от друга. На кромке видны вертикальные вмятины шириной ок. 2,5 мм, возможно оставшиеся от обметки края через отверстия» (рис. 3) [Кашина, Чаиркина, 2012. – С. 43]. Чечевички на коре расположены перпендикулярно отверстиям. То есть можно предположить, что они шли перпендикулярно по отношению к дну и верху изделия. Размеры, толщина, наличие отверстий, направление чечевичек, скобленный орнамент на этом фрагменте позволяют отнести его также и к категории туесов, коробов. Позднейшие находки, как археологические, так и этнографические, принадлежащие обским уграм в категории «туеса, коробка», выполнялись сходными техническими приемами.

Встреченные в культурных слоях Новгорода расписные берестяные фрагменты выполнялись не по внутренней стороне коры, а по внешней, очищенной белой, но чечевички на некоторых фрагментах по отношению к отверстиям на краях этих фрагментах шли так же, как они шли и на изделиях обских угров, – перпендикулярно по отношению к дну изделия (рис. 7).

Обратим внимание еще на одну интересную технику нанесения орнамента в берестяном творчестве. В. Н. Чернецов пишет о необычном украшении бересты у манси. В 20-х годах прошлого столетия ученый подобрал у манси несколько берестяных листочков с интересным орнаментом. Узоры производились на тонких слоях бересты, расположенных ближе к ее внешней поверхности. Ученый определил его как «покусывание берестяных листочков зубами» [Чернецов, 1964. – С. 53–54]. Зарождение такого вида творчества В. Н. Чернецов отнес к III тысячелетию до н. э., связывая его с изображениями на зауральской керамике и берестяных сосудах при помощи костяных штампов, считая его женским «творчеством», охотничье-промысловой магией [Чернецов, 1964. – С. 58–59, 61]. Такое искусство, по его мнению, является самобытным, особым узором, не связанным с развитием орнамента, выскабливаемого на бересте. Тематами для выдавливания фигур чаще всего и главным образом служили следы различных животных и птиц. Такая традиция, «кроме манси и, может быть, хантов, ни у одного из народов Сибири не известна», – заключает Валерий Николаевич [Чернецов, 1964. – С. 55–57].

Однако, как отмечает американская исследовательница Франсез Денсморе, подобная традиция существовала также с древности у племен американских индейцев на северо-востоке страны [Densmore, 1974: 74]. Она в деталях описывает это искусство северо-американских индейцев [Densmore, 1974:

390–396]. Сравнение техники «покусывания бересты» у северо-американских индейцев и обских угров провел Селвин Дьюдни, описывая подробности процесса: «Берется тончайший листик расслоенной бересты, сворачивается, разворачивается и часто вновь сворачивается, затем покусывается клыками верхней челюсти. После этого кора вновь разворачивается, и если ее разместить против света, выступает полный рисунок. Обские угры также покусывают бересту, но вместо острого прокалывания коры клыками они производят рисунок большими коренными зубами» [Dewdney, 1975: 14–15].

В Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике хранятся десять берестяных фрагментов с украшениями, сходными с техникой «покусывания», датируемые XI–XIV вв. [Ярыш, 2009. – С. 192]. Это не развернутые сюжеты, встречаемые у обских угров, а только параллельные или перпендикулярные линии (рис. 8). Некоторые выполнены на полосах бересты, которые пришивались поверх берестяных крышек туесов крест-накрест (рис. 9). Возможно, это только бледный «технический сколок» с образцов обских угров, заимствованный новгородцами в XI–XIII вв. Но следует отметить, что манси для покусывания использовали тонкие слои коры, прилегающие к белой стороне бересты. И поэтому их можно было складывать несколько раз, чтобы покусать усложненный рисунок. Новгородские «покусанные» берестяные фрагменты состоят из более толстой коры, и покусанные места приходятся на внутренний, прилегающий к дереву слой коры. Как показали эксперименты при изготовлении реконструкций древненовгородских изделий, технически выполнить этот орнамент позволяет изгиб коры и нагрев ее над огнем по линии предполагаемого покусывания (рис 10). Пока сложно дать объяснение этому процессу.

И все же попытаемся соотнести данные археологии одной территории с находками этнографического периода другой, так как в дальнейшем такие сравнения вполне могут подтвердиться дополнительной информацией. Б. А. Колчин в свое время отметил, что «днищ и стенок туесов и коробей, часто нашитых на луб и украшенных резным художественным орнаментом, найдено более 50 экземпляров. Они встречены в слоях всех веков (X–XV вв.), включая и самый древний слой 28-го яруса» [Колчин, 1971. – С. 56; (С. 6)]. Предлагая конструкции лукошек и коробов, Б. А. Колчин пишет: «Днище было многослойным – из луба и нескольких слоев бересты <...>. В основу стенок также ставили луб, который с наружной и внутренней стороны обтягивали берестой» [Колчин, 1968. – С. 50]. При сравнении становится очевидным, что древненовгородские короба вполне сходны с коробами обских угров этнографического периода, которые делались из коры пихты. Н. В. Лукина сообщает о коробах из пихтовой коры у сургутских хантов, у которых из коры пихты делались только наружные стенки, а дно, крышка и внутренняя стенка – из бересты [Лукина, 1985. – С. 68].

Б. А. Колчин также уделяет внимание росписи по новгородской археологической бересте. В фондах Новгородском музея на тот период хранилось 19 расписных берестяных фрагментов XII–XIV вв. [Колчин, 1971. – С. 58]. Он описывает орнаменты на этих фрагментах: «В основе росписи лежит геометрический орнамент, отдельные элементы которого – полосы, волнистые линии, плетенка и другие геометрические фигуры – покрыты краской. В красочной гамме ярких локализованных цветов насчитывается пять оттенков: черный, красный, коричневый, синий и светло-желтый. Полутона, как правило, отсутствуют» [Колчин, 1971. – С. 58]. Отметим, что в различные эпохи на рассматриваемых территориях мастера использовали краски для украшения берестяных изделий. Известно об орнаменте у сургутских хантов, когда так называемая «волнообразная линия» выполнена акварельными красками [Лукина, Рындина, 1984. – Рис. 1.1].

В новгородской археологической коллекции XI–XV вв. достаточно много фрагментов крышек и корпусов туесов с орнаментами, выполненными прочерчиванием заостренным предметом. Это «волнистые линии и плетенки», «угловые плетенки» (рис. 11, 12). Технический прием нанесения подобного орнамента на плоскости берестяных изделий у обских угров не прослеживается.

С целью декорирования изделий в древнем Новгороде была широко развита сквозная прорезка бересты (рис. 13, 14) [Колчин, 1968. – С. 50]. В этнографический период этот вид украшения был распространен и у обских угров [Vahter, 1953: 86].

Что же касается изображения при помощи костяных штампов на берестяных сосудах у обских угров, которые, как отмечал В. Н. Чернецов, идут от подобных изображений на зауральской керамике

с конца III – начала II тыс. до н. э. [Чернецов, 1964. – С. 59], то такой технический прием не наблюдается на археологических берестяных фрагментах новгородской коллекции. Однако техника штампа по бересте имела место в этнографический период. На этом основные «совпадения» по технике исполнения берестяных изделий у рассматриваемых групп мастеров заканчиваются.

Такие техники, как аппликация [Vahter, 1953: 86], копчение бересты, проварка ее в воде или рыбьем жиру перед использованием [Сельскому учителю..., 1983. – С. 210] у новгородцев не встречаются. Не встречаются у новгородцев и такие способы крепления донцов у ковшей и ведер для воды с ручками из оленьих рогов, о которых пишет Т. Вахтер: пришивка к корпусу сухожильными нитками; пришивка к корпусу с дополнительной полосой бересты, изогнутой по краю дна; пришивка к корпусу с укреплением снаружи или изнутри обручем из корня кедра; пришивка дна к корпусу (колыбели) с накладками из корня с обеих сторон. [Vahter, 1953: 86]. Однако следует обратить внимание на еще один технологический прием при изготовлении туесов у обских угров: пришивка дна к корпусу туеска с дополнительной полосой бересты, изогнутой по краю дна. Отдаленно сходный прием можно увидеть на древненовгородских туесах, когда при изготовлении крышки к туесам использовалась длинная лента бересты, скрепляющая детали крышки (рис. 15). Можно представить данное изделие в реконструкции автора настоящей статьи (рис. 16). Подобная техника была широко распространена у саамов, прежде всего она подтверждается наличием достаточно большого количества туесов этнографического периода в музеях Швеции. Возможно, данный технологический прием был заимствован древними новгородцами у саамов, и он только отдаленно напоминает конструктивные особенности туесов у рассматриваемых сибирских народов.

При раскопках в Великом Новгороде в культурном слое XIII в. был найден корпус небольшого туеска размерами высотой 6 см и диаметром 8 см (КП 25295, А 15/182). Внутренний цилиндр изготовлен из двух полос бересты, сшитых мочальным жгутом, внешний слой – оплетение берестяной лентой шириной 6–8 мм по спирали слева-направо-вверх по вертикальным такого же размера берестяным лентам (рис. 17–19). Реконструкция данного изделия, осуществленная автором статьи (рис. 20), возможно позволит провести сравнительный анализ берестяных изделий с двух отдаленных друг от друга районов. Несмотря на большой разрыв в хронологии, попытаемся сравнить берестяные артефакты, полученные в результате археологических и этнографических исследований как в Новгородской, так и в Югорской землях.

В процессе комплексного изучения Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII в. был выявлен достаточно разнообразный материал берестяных изделий: выкройки рукавиц; берестяные выкройки для обуви; обертки берестяной лентой сложных клееных луков; грузила: берестяные «мешочки», заполненные глиной; короба (туеса); корыта (куженьки); колыбели; женские гигиенические пояса – воропа; ножны; аппликация, как часть орнамента; маски; ложечки [Кардаш, 2013а. – С. 133, 135, 146, 147, 153, 171, 172, 173, 176, 247, 346]. Особое внимание привлекают два берестяных фрагмента. Это «фрагмент стенки с накладным плетеным орнаментом из тонких древесных полос (лыка?) и верхним бордюром, декорированным клееными берестяными полосками», и «фрагмент стенки с плетеным геометрически орнаментом из тонких двуцветных (белых и коричневых) полосок бересты» [Кардаш, 2013а. – С. 243]. Также можно добавить туеса с деревянным дном с Полуйского мысового городка. [Кардаш, 2013б. – С. 189, 192]. Бытовые изделия восточных хантов подробно описывает и Н. В. Лукина, которая, цитируя С. В. Иванова: «...богатство и разнообразие орнаментированных изделий из бересты – типичная черта культуры хантов, отличающих их от других народов. При этом большинство приемов художественной обработки бересты разработано самими уграми». По ее мнению, «исконно хантыйским является решето» [Лукина, 1985. – С. 246, 247]. Например, в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге в экспозиции в разделе «Удмурты» представлено берестяное решето. Возможно, марийцы переняли эту форму у хантов, но конструкция такого решета настолько проста, что вполне можно предположить «изобретение» такой полезной в домашнем хозяйстве разновидности посуды любым народом, который использовал бересту.

В свою очередь, можно считать заимствованными хантами у других народностей такие изделия, как туеса с использованием полых цилиндров-сколотней. Н. В. Лукина, в частности, отмечает, что

васюганцы называли туесок тюркским термином «туяс, тююзек», что говорит о заимствовании этого вида посуды у тюркоязычных народов [Лукина, 1985. – С. 245]. Подобного рода конструкции туесов широко бытовали на Новгородчине: «В этнографической коллекции Новгородского государственного объединенного музея-заповедника представлены бураки (туесы) – цилиндрические сосуды разных размеров для переноски и хранения молочных продуктов, кваса, солений и т. д. Обычно для их изготовления употреблялось два цилиндра из березовой коры: внутренний – из цельного куска, сколотня, внешний – сшивной» [Секретарь, Филиппова, 1985. – С. 425].

Н. В. Лукина пишет о коробках из берестяных пластин с зубчатыми краями, табакерках с берестяными стенками, деревянными доньями и крышками, используемых угорским населением [Лукина, 1985. – С. 245]. Отметим, что в фонде Новгородского государственного объединенного музея-заповедника в разделе «Этнография» представлено несколько изделий – коробочек, изготовленных из берестяных пластин с зубчатыми краями: табакерки, шкатулки. Табакерки с берестяными стенками, деревянными доньями и крышками широко представлены также в «Русском» отделе Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге. Достаточно много их и в этнографических отделах музеев Латвии, Литвы, Финляндии, Швеции. Таким образом, можно отметить, что данные изделия бытовали не только в Зауралье, но и на сравнительно большой смежной с Новгородчиной территории, оказывая друг на друга влияние.

Набор берестяной домашней утвари новгородских крестьян детально описан Л. А. Секретарь и Л. А. Филипповой. Это в подавляющем большинстве плетеные изделия. О туесах, коробочках из пластовой бересты было сказано выше. Плетеная обувь: лапти, ступни, башмаки, сапоги. Плетеная посуда: миски, «солонки домашние – небольшие сосуды с квадратным дном и круглым суженным верхом», «солонки полевые (походные), закрывающиеся деревянной пробкой <...>, Г-образной и бутылеобразной форм», контейнер для хранения ложек [Секретарь, Филиппова, 1985. – С. 425]. Сосуды бутылеобразной формы с берестяной крышкой в виде стакана для хранения льняного семени, лукошки для хранения муки, яиц и других продуктов. Севня – высокое крупное лукошко с расширенными краями (использовалось для ручного посева зерна), широкое невысокое лукошко с расширенным верхом как подставка под жернова. Лопаточник – футляр для деревянной (обычно дубовой) лопатки, которая применялась для заточки кос. Средства для переноски тяжестей: кошель – заплочный короб, кузовок с ручкой для сбора ягод и грибов. «Аналогичную форму имеют и археологические кошель, лишь крышки у них остроугольные». Игрушки: мяч, сплетенный в форме куба. Оплетение длинной берестяной лентой треснувших глиняных сосудов. Оплетали деревянные пастушьи рожки, оплетали деревянные посохи [Секретарь, Филиппова, 1985. – С. 447]. К этому списку можно добавить плетеные корзины, плетеные детские игрушки-погремушки – шаркунки, изготовление раструбов для пастушьих рожков – накручивание длинной широкой берестяной ленты на игровую часть, изготовленную из ивового прутка и других пород дерева.

В результате вышеизложенного можно прийти к предварительным выводам:

- методы украшения берестяных изделий при помощи скобления по «зимней» бересте, штампа и покусывания зубами зародились еще в III тыс. до н. э. и хорошо известны в Зауралье. *Общим* можно считать то, что в древнем Новгороде в культурных слоях XI–XIII вв. на артефактах из бересты также встречается техника «покусывания» зубами, как и у обских угров, только с отличием во времени. В этнографический период техника «покусывания зубами» у новгородцев не встречается. У манси она доживает до 20-х годов XX века;
- комбинированные изделия из разных материалов (кора липы + береста) существовали в древнем Новгороде. Подобные изделия широко бытовали в Эстонии, Латвии, Литве с археологического периода. У обских угров комбинация (кора пихты + береста) встречается в этнографический период;
- овальные табакерки с деревянными дном, крышкой и кожаной ручкой изготавливались повсеместно и бытовали на широкой территории финно-угорского пространства, включая Новгородскую землю этнографического периода и Югру;
- корень хвойных пород деревьев в качестве сшивного материала применялся в быту как у новгородцев, так и у обских угров;

- использование штампа для украшения берестяных изделий отмечено этнографами и на территории Новгородской земли, и в Югорской волости;
- сквозная прорезка берестяных полос как способ украшения изделий, а также прочерчивание рисунков на бересте заостренным инструментом встречается в Новгороде как в археологический, так и в этнографический периоды. Что касается обских угров, то такая техника встречается в XVI–XVIII вв.;
- использование красок для росписи по бересте широко бытовало в древнем Новгороде в XIII–XIV вв., но не наблюдается в этнографический период. На Югорской земле роспись представлена в этнографический период.

Главное *отличие* берестяного творчества новгородцев от берестяного творчества обских угров обусловлено качеством материала, способом и временем его заготовки:

- так, можно признать наличие плетения как основного вида творчества по бересте у новгородцев – и полное его отсутствие у обских угров;
- применение у обских угров копчения бересты с целью придания ей черного цвета, аппликации из берестяных фрагментов, скобление орнаментов по «зимней» бересте, использование черемуховой сарги как сшивного материала, черемуховых прутьев для укрепления конструкции изделий, для их украшения, изготовление колыбелей и таких изделий, как коробка для поседа, Женские гигиенические пояса – воропа можно считать «чуждыми» для новгородских мастеров за всю историю берестяного ремесла;
- в свою очередь, использование липового мочала как сшивного материала, длинной берестяной ленты, распаренной в кипятке, для крепления частей берестяных крышек в изготовлении всевозможных коробочек, использование берестяных лент как плетельного материала, циркульный орнамент, выполненный при помощи заостренного инструмента, можно считать «чуждыми» для обских угров.

Приложение

В таблице даны названия берестяных изделий с краткой аннотацией о конструктивных особенностях, технике украшения, выявленных у новгородцев и обских угров, по материалам коллекций Музея природы и человека в Ханты-Мансийске, Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, а также по опубликованным материалам, приведенным в списке литературы к данной статье:

	Великий Новгород и обские угры: общее и различное	
	Археология	
	Великий Новгород	Обские угры
1	Берестяные листы на корпусах некоторых изделий располагаются чечевичками вертикально (короба)	Берестяные листы на корпусах подавляющего большинства изделий располагаются чечевичками вертикально
2	Донья отдельных изделий изготавливались из бересты (туеса, лукошки, короба)	Донья изделий изготавливались из бересты (туеса, короба)
3	Украшения отдельных изделий выполнялись в технике «покусывания» зубами	Техника «покусывания» зубами тонких берестяных листочков
4	Обертка берестяной лентой сложных клееных луков	Обертка берестяной лентой сложных клееных луков
5	Туеса из сшивных цельных пластов бересты с внешним оплетением корпусов берестяными лентами	Плетеный накладной (нашивной) орнамент из бересты
6	Корыта с загнутыми краями, скрепленными прутиками	Корыта (куженьки)
7	Корень хвойных пород деревьев как сшивной материал отдельных частей берестяных изделий	Корень хвойных пород деревьев как сшивной материал
8		Техника «скобления» по «зимней» бересте
9		Конструкции изделий с использованием черемухового прута и сухожильных нитей
10		Аппликация из вырезанных берестяных фрагментов в форме традиционных орнаментов
11		Выкройки для рукавиц

	Археология	
	Великий Новгород	Обские угры
12		Выкройки для обуви
13		Грузила – берестяные «мешочки», заполненные глиной
14		Короба (туеса) для хранения пищевых продуктов: вертикальная полоса бересты, один-два черемуховых обруча, пришитых через край, нижняя часть корпуса выгнута наружу, прорезана, приставлена к двум-трем кружкам дна, обернута дополнительной лентой и пришита стежками через край. Сложные стежки: на дне отверстия в 2–3 ряда
15		Короба для швейных принадлежностей
17		Колыбели
18		Женский гигиенический пояс – вороп
19		Ножны
20		Деревянные и костяные (из рога оленя) ручки для берестяных корытец
21		Сухожильные нитки как сшивной материал
22		Черемуховая сарга как сшивной материал
23	Внешнее оформление изделий при помощи сквозной прорезки ножом	
24	Внешнее оформление изделий прочерчиванием шилом: плетенки, циркульный орнамент	
25	Внешнее оформление изделий росписью красками в виде плетенки, ромбов, ломаных линий	
26	Мочало (внутренние волокна коры липы) как сшивной материал отдельных частей берестяных изделий	
27	Изготовление коробов из луба с использованием бересты	
28	Изготовление коробов из луба с последующей обтяжкой корпуса расписной берестой	
29	Берестяные грамоты	
30	Плетеные лапти	
31	Берестяные стельки для кожаной обуви	
32	Берестяные вкладки в задники кожаной обуви	
33	Наборные ручки для ножей из толстых листиков бересты	
34	Берестяные прослойки в кожаных ножнах	
35	Плетеные заплечные кошель, сумки	
36	Поплавки из нескольких толстых листов бересты, сшитых корнем хвойных пород деревьев	
37	Грузила из речной гальки, оплетенной берестяной лентой внутри окружности из толстого корня хвойных пород деревьев	
38	Использование длинной узкой ленты, распаренной в кипящей воде, для крепления верхних частей крышек, состоящих из нескольких окружностей бересты	
39	Различные техники швов для крепления берестяных доньев к корпусам туесов, лукошек, коробов	
40	Сшивной материал для крепления частей берестяных изделий (корпуса, верхние кромки, донья) – мочало	
41	Короба из двух пластов бересты с деревянным дном и деревянной верхней частью берестяной крышки, надеваемой поверх корпуса изделия	

	Этнография	
	Великий Новгород	Обские угры
1	Коробки (шкатулки и табакерки) из берестяных пластин с зубчатыми краями	Коробки из берестяных пластин с зубчатыми краями
2	Изготовление многослойных изделий, скрепленных деревянными гвоздиками-шпильками с деревянными дном и крышкой	Изготовление многослойных изделий, скрепленных деревянными гвоздиками-шпильками с деревянными дном и крышкой
3	Украшение берестяных изделий при помощи штампов	Украшение берестяных изделий при помощи штампов
4	Сшивной материал отдельных частей берестяных изделий – корни хвойных пород деревьев	Сшивной материал отдельных частей берестяных изделий – корни хвойных пород деревьев
5	Деревянные штампы для украшения берестяных изделий	Костяные штампы для украшения берестяных изделий
6		Сито и решето
7		Берестяные кораба для поседа
8		Чуман – низкий берестяной сосуд, изготовленный в технике загиба краев берестяного листа
9		Короба из коры пихты с берестяными доньями и крышками.
10		Колыбель для новорожденного
11		Пластика для ног
12		Заплечные кораба из цельных листов бересты с круглой крышкой
13		Ведрa для воды с ручками из оленьего рога
14		Ковши с деревянными ручками
15		Олений рог для изготовления ручек к ковшам и ведрaм
16		Внешнее украшение изделий в технике аппликации
17		Внешнее украшение изделия методом прорезки бересты насквозь
18		Сшивной материал – сухожилия оленей
19		Способы крепления дна: пришивка к корпусу сухожильными нитками; пришивка к корпусу с дополнительной полосой бересты, изогнутой по краю дна; пришивка к корпусу с укреплением снаружи или изнутри обручем из корня кедра; пришивка дна к корпусу (колыбели) с накладками из корня с обеих сторон: изнутри и снаружи
20		Колчаны для стрел
21		Маски для «медвежьего праздника»
22		Обертка для сухожилий
23	Короба из двух пластов бересты с деревянным дном и деревянной верхней частью берестяной крышки, надеваемой поверх корпуса изделия	
24	Плетеные сумки	
25	Плетеные заплечные кораба	
26	Поплавки-скрутки из длинного толстого листа бересты	
27	Обмотка треснувших глиняных горшков длинными берестяными лентами с целью дальнейшего их использования	
28	Прошивка корнем верхних краев корпуса туесов рельефом «пирамидка»	
29	Лапти, ступни, башмаки, сапоги	
30	Туеса, изготовленные с использованием полых цилиндров (сколотней)	
31	Плетеные бутылеобразные сосуды – горлатки	

	Этнография	
	Великий Новгород	Обские угры
32	Плетеные солонки разной формы	
33	Плетеные чехлы для косного бруска – лопаточники	
34	Плетеные контейнеры для ложек	
35	Плетеные веретенницы	
36	Плетеные продолговатые лукошки для переноски и хранения стеклянных бутылей	
37	Оплетенные стеклянные бутылки для сохранности последних	
38	Плетеные широкие, низкие лукошки для жерновов	
39	Плетеные с расширением кверху продолговатые лукошки-севалки	
40	Пастушьи рожки	
41	Плетеные детские погремушки – шаркунки	

Списки источников и литературы

Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII века. История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.

Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачей. – Екатеринбург; Салехард, 2013а. – 350 с.

Кардаш О. В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард, 2013б. – 380 с.

Кашина Е. А., Чаиркина Н. М. Орнаментированные берестяные изделия из VI разреза Горбуновского торфяника // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1 (49). – С. 41–48.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. – М.: Наука. 1968. – 183 с.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. – М.: Наука. 1971. – 112 с.

Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). – Томск, 1985. – 365 с.

Лукина Н. В., Рындина О. М. Криволинейный орнамент восточных хантов // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – С. 52–66. [Электронный ресурс] – URL:<http://libraries-yanao.ru/elektronnye-resursy/elektronnaya-biblioteka/books/folk/lukina-n-v-ryndina-o-m-krivolineynyy-ornament-vostochnykh-khantov/>(Дата обращения 09.04.2018).

Овчинникова Б. Б. «Путешествия» новгородцев в «страны полунощные» (X–XV века) // Путь на Север: истоки (Освоение Севера. Тысяча лет успеха: Великий Новгород). – М.: Арт Волхонка, 2017. – С. 14–33.

Секретарь Л. А., Филиппова Л. А. Бытовые берестяные изделия в коллекции Новгородского государственного объединенного музея-заповедника // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник. – 1981. – Л.: Наука, 1983. – 495 с.

Соколова З. П. Финноугроведение в Венгерской Народной Республике // Советская этнография. – М.: Наука, 1974. – № 4. – С. 121–129.

Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока: книга для учителя / сост. Т. Б. Митлянская. – М.: Просвещение, 1983. – 256 с.

Фишман О. М. Берестяная утварь русского и финно-угорского населения в XIX–XX вв. // Из культурного наследия народов Восточной Европы. Сборник Музея антропологии и этнографии. – СПб., 1992. – Т. 45. – С. 136–151.

Чернецов В. Н. Исчезнувшее искусство (Узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) // Советская этнография. – М.: Наука, 1964. – № 3. – С. 53–63.

Ярыш В. И. Об одном необычном украшении на бересте // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Ч. 1. – Екатеринбург, 2009. – С. 192–203.

Eva L. Butler, Wendell S. Hadlock. Uses Of Birch Bark In The Northeast. The Robert Abbe Museum. – Bar Harbor, Main. 1957. – 66 p.

Frances Densmore. How Indians Use Wild Plants for Food, Medicine and Crafts. – New York, 1974. – P. 281–397.

Frank G. Speck. Montagnais Art in Birchbark. – New York, 1937. – P. 45–157.

Gidmark David. The Indian Crafts of William and Mary Commanda. Stackpole Books. – Mechanicsburg, Pennsylvanian. 1980. – 144 p.

Selwyn Dewdney. The Sacred Scrolls of the Southern Ojibway. – University of Toronto Press 1975. – 199 p.

Vahter T. Ornamentic der Ob-ugrier. – Helsinki, 1953 // SocieteFinno-Ougrienne. – Travaux Ethnographiques IX. – 216 S.

Рис. 1. Новгород Великий. Берестяная грамота № 363, последнее 20-летие XIV в. Неревский раскоп. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (НГОМЗ). Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 2. Горбуновский торфяник. Фрагмент (№ 1) орнаментально-го берестяного изделия. Размеры: 21,0 × 13,3 см, толщина 2,2 мм. Государственный исторический музей (ГИМ). 66767. Оп. А381. № 61. Фото В. А. Мочуговского

Рис. 3. Горбуновский торфяник. Фрагмент (№ 5) орнаментиро-ванного берестяного изделия. ГИМ. 5907. Оп. А385. № 53. Фото В. А. Мочуговского

Рис. 4. Горбуновский торфяник. Фрагмент (№ 3) орнаментиро-ванного берестяного изделия. Отчетливо видна возможная тех-ника «скобления» по «зимней» бересте. ГИМ. 75905. Оп. А383. № 82. Фото В. А. Мочуговского

Рис. 5. Сургутский р-н (Сайгатинское урочище). Коробка. Сайга-тинский III могильник. XIII–XIV вв. Береста. Шитье, скобление. Ø 14,3 × h 10 см. Государственный музей природы и человека. Ханты-Мансийск: ХМ 8645 (СМ III/260). Фото В. И. Ярыша

Рис. 6. Новгород Великий. Фрагмент плетеной сумки (заплеч-ного короба?). Сплетена из липового лыка и оплетена берестя-ными лентами. Ширина ленты 1,2–2,5 см. XI–XV вв. 40 × 35 см. НГОМЗ / НВ 22596. Пр. к А134–127. Фото Е. Карпухина

Рис. 7. Новгород Великий. Фрагмент расписной бересты. Вторая половина XIII в. Размеры: 21,4 × 7,7 см. (НГОМЗ). Н-60 XXIX 12. 1905 № 38 / КП 38647 / А 134 36. Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 8. Новгород Великий. Полоска с орнаментом (покусывание зубами) конец второй половины XI в. Размер: 5 × 27,5 см. НГОМЗ. Н-54 пл. 21 – кв. 514 / № 6232 / КП 38647 / А 49. Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 9. Новгород Великий. Крышка туюска из 4-х деталей с орнаментом (покусывание зубами). XIII в. Размер: Ø 9,2 см. НГОМЗ. Н-86. Тр. VIII. пл. 12 – кв. 734 / № 106. НВ 22081 / А 109-898. Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 10. Новгород Великий. Реконструкция туюска XIII в. на основе археологических находок в Великом Новгороде. Береста, мочало, «покусывание бересты». Размер: Ø 10,5 – h 10 см. Автор реконструкции В. Ярыш. 2003 год. Фото Judy Kramer

Рис. 11. Новгород Великий. Крышка коробки сер. XIII в., орнаментированная заостренным предметом: овальные линии, «угловая» плетенка в центре 18,5 × 29,5 см. НГОМЗ. Н – 56 пл. 19 кв. 1179, № 66 / КП 32647 / А 134 64. Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 12. Новгород Великий. Крышка туюска первой половины XIII в. с циркульным орнаментом и «угловой» плетенкой. Размер: Ø 14,5 см. НГОМЗ. Нер. – 54 22-739, № 6230 / КП 38647 / А 123 21 Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 13. Новгород Великий. Корпус туюска с прорезным орнаментом XV в. Размер: 6,5 × 39,5 см. НГОМЗ. КП 37583 / А 112 499. Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 14. Новгород Великий. Корпус туюска (фрагмент) с прорезным орнаментом XV в. Размер: 6,5 × 39,5 см. НГОМЗ. КП 37583 / А 112 499. Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 15. Новгород Великий. Крышка туюска второй половины XIV – нач. XV в. с циркульным орнаментом и «угловой» плетенкой. Размер Ø 12 см. Нер. – 53, пл. 6 – кв. 478 // КП 38647 / А 134 22. Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 16. Новгород Великий. Реконструкция туюска XIV в. Береста, мочало, дерево. Циркулярный и прочерченный шилом орнамент. Соединение верхних частей крышки пропаренной берестяной лентой. Ø 12 – h 8 см. Реконструкция В. Ярыша. Фото Judy Kramer, 2002 г.

Рис. 17. Новгород Великий. Корпус туюска XIII в. с плетеной «рубашкой». Размер: Ø 8 × h 6 см. НГОМЗ / Н-70 Сув. пл. 15, кв. 10 // КП 25295 / А 15 182. Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 18. Новгород Великий. Корпус тuesка XIII в. с плетеной «рубашкой». Размер: $\varnothing 8 \times h 6$ см. НГОМЗ / Н-70 Сув. пл. 15, кв. 10 // КП 25295. / А 15 182. Фото В. Е. Гордюшенкова

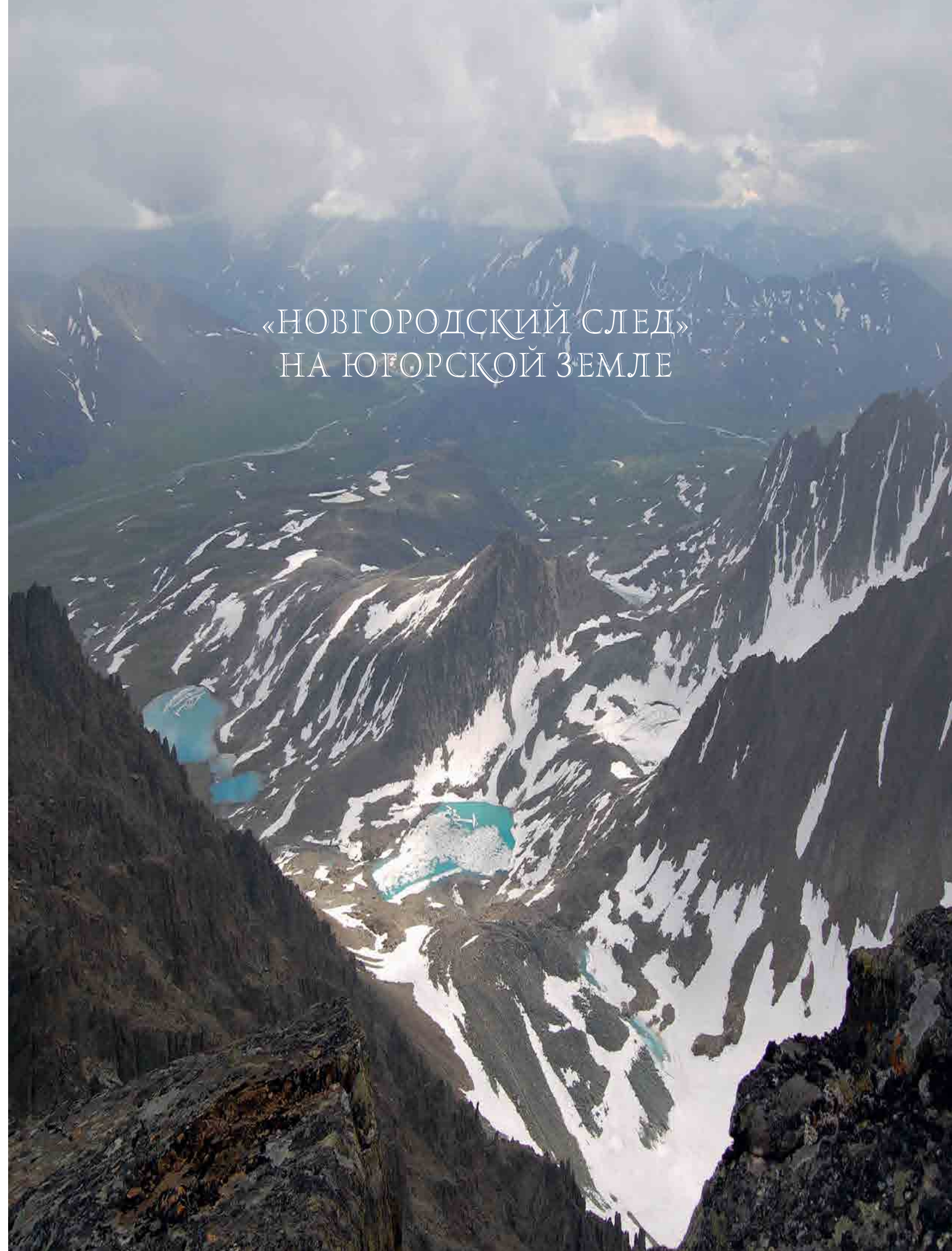

Рис. 19. Новгород Великий. Корпус тuesка XIII в. с плетеной «рубашкой». Размер: $\varnothing 8 \times h 6$ см. НГОМЗ / Н-70 Сув. пл. 15, кв. 10 // КП 25295 / А 15 182. Фото Е. Гордюшенкова

Рис. 20. Новгород Великий. Реконструкция тuesка XIII в. Береста, мочало, дерево. Оплетение берестяной лентой по корпусу тuesка, изготовленного из 2 сшивных полос бересты, орнамент прочерчен шилом. Соединение верхних частей крышки пропаренной берестяной лентой. $\varnothing 9 - h 7$ см. Автор реконструкции В. Ярыш. Фото Judy Kramer, 2002 год.

«НОВГОРОДСКИЙ СЛЕД» НА ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛЕ

О. В. Кардаш^{1, 2}, С. А. Липс³, М. О. Сидорова⁴, В. С. Мыглан⁴, Т. В. Лобанова⁵

¹ Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

³ АНО «Институт археологии Севера»
E-mail: sveta.for_9@list.ru

⁴ Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, д. 79, г. Красноярск, 660041, Россия
E-mail: mayasidorova12@gmail.com; E-mail: dend_ro@mail.ru

⁵ Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, д. 202, г. Екатеринбург, 320144, Россия
E-mail: lota_64@mail.ru

Надымский городок: новые данные о хронологии в русском освоении Севера Западной Сибири в XIII–XIV веках

Аннотация. Сегодня письменные источники по истории освоения Севера Сибири в XII–XVI вв. доступны к изучению и не раз привлекались исследователями. В этом плане определенным дополнением и уточнением являются материалы, полученные в результате новых стационарных археологических раскопок Надымского городка. С первых лет изучение городка показало, что можно выдвинуть предварительную гипотезу о строительстве данного населенного пункта выходцами из Северо-Восточной Европы на рубеже XIII–XIV вв. Новые данные позволили провести сравнительный анализ археологических материалов с Надымского городка с известными летописными сведениями. Исследования последних лет одной из усадеб первого строительного горизонта помогли определить и более точное время строительства Надымского городка – 1337–1343 гг. Архитектура строений и вещевой комплекс не оставили сомнений в ее принадлежности населению Европейского Северо-Востока.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, река Обь, река Надым, Надымский городок, Новгород Великий, Югра.

Настоящая работа продолжает публикацию материалов исследований Надымского городка, расположенного в 60 км к северу от современного города Надыма в Ямало-Ненецком автономном округе (рис. 1, 2). Надымский городок исследовался непрерывно с 1998 по 2013¹ г. под руководством О. В. Кардаша. В 2016 г. раскопки были возобновлены, в результате чего был получен новый материал, связанный с основанием и первоначальным функционированием городка². Основная задача статьи заключается в том, чтобы как можно более подробно описать и дать анализ его архитектурных особенностей. Кроме того, попытаться определить хронологию выявленных построек в их последовательности. Вторая

¹ Первые комплексные стационарные археологические исследования памятника были проведены экспедицией МУ «Центра историко-культурного наследия» с 1998 по 2006 г. С 2007 года «Центр...» преобразован в ООО «НПО «Северная археология», которое являлось организатором экспедиций с 2007 по 2010 г. Далее исследования проводились АНО «Институт археологии Севера».

² Результаты исследований Надымского городка относительно широко представлены в серии статей, монографий и документальных фильмов. См.: Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. – Екатеринбург – Нефтеюганск: Магеллан, 2009 и др.

задача – разработать типологию артефактов археологической коллекции Надымского городка, полученных при новых раскопках с учетом предшествующих, что поможет получить представление о хозяйстве населения Надымского городка. В заключении предполагается проанализировать синхронные документальные источники, провести сравнительный анализ вещевого комплекса. Кроме того, попытаться сформулировать первые выводы относительно времени его основания и этнокультурной принадлежности населения жилого комплекса Надымского городка на раннем этапе: в XIII – середине XV в.

Прежде чем представить новые результаты изучения раннего строительного горизонта Надымского городка, будет уместным напомнить о периодизации и особенностях сооружений в более поздних культурных напластованиях: периода конца XVI – первой трети XVIII в. и периода середины XV – второй половины XVI в.

Несмотря на физическую утрату половины территории памятника, в настоящее время Надымский городок представляет собой базовый комплекс архитектурно-планировочных объектов, позволяющий реконструировать позднесредневековый населенный пункт Северо-Западной Сибири XIII – первой трети XVIII в.

Что же удалось выяснить за двадцать лет изучения? Попытаемся составить общий ретроспективный обзор основных строительно-архитектурных, социокультурных и хронологических особенностей Надымского городка.

Для последнего периода функционирования городка *с конца XVI до первой трети XVIII века* достоверно определено, что этот населенный пункт служил территориально-административным центром, зимней резиденцией вождей Большой Карачеи. Это военно-политическое объединение включало несколько территориальных общин, проживавших в южной части полуострова Ямал и на южном побережье Обской губы в низовьях рек Оби, Надыма. Планировочная структура оборонительно-жилого комплекса Надымского городка включала шесть симметричных кварталов. На их территории располагались постройки разных архитектурных традиций, что, очевидно, отражало неоднородный этнический состав населения, а именно – проживание в нем самоедов и остяков. Планировочная структура, вопросы хронологии и периодизации оборонительно-жилого комплекса и отдельных построек Надымского городка уже рассматривались нами ранее [Кардаш, 2003. – С. 88–90; 2006. – С. 128–131; 2008. – С. 460–463; 2009. – С. 41–131; 2011. – № 17. – С. 193–202]. Напомним, что в рамках общей периодизации истории России данный этап соответствует времени владения территорией Севера Западной Сибири Московским царством, а с 1700 г. – Российской империей³. Однако радикальных изменений в материальной культуре Надымского городка, связанных со сменой статуса Российского государства, не фиксируется. Считаем, что данный этап правомерно назвать «периодом позднего Московского царства».

Планировочная структура и архитектура строений в слое последующего строительного горизонта значительно отличается от композиции плана и архитектуры комплекса периода конца XVI – до первой трети XVIII века. В частности, значительно увеличились и ярче проявились элементы традиционной русской архитектуры⁴ (рис. 3). В этой связи был выделен отдельный *переходный* строительный этап, который обозначен хронологически в интервале *середины XV – середины XVI в.* Материалы последних лет раскопок наиболее ранних строительных горизонтов этого населенного пункта только начинают вводиться в научный оборот [Кардаш, 2014. – Том II. – С. 122–131]. Для будущего сравнительного анализа будет уместным охарактеризовать архитектурные особенности данного переходного периода более подробно.

Из значимых отличий архитектуры переходного этапа можно отметить, во-первых, форму городка в плане. При почти неизменном размере форма оборонительно-жилого комплекса именно на этом этапе определяется как прямоугольник (рис. 3). Предположительно, комплекс имел два входа во внутреннее пространство. Судя по остаткам северо-западного входа, к периметру ограждающей наружной стены

³ По административно-территориальному делению Московского царства конца XVI–XVIII веков Надымский городок относился к Обдорской волости Березовского уезда. Вместе с тем в Хорографической книге С. У. Ремезова, составленной в 1697–1711 гг. указана волость Надымская [The Atlas of Siberia ..., 1958. – Р. 116]. Уточнение административного деления Березовского уезда и границ волостей является предметом отдельного специального исторического исследования, но без нахождения новых документальных источников вряд ли возможно.

⁴ Под термином «русская архитектура, русское деревянное зодчество» мы имеем в виду традиции и приемы домостроения, характерные для населения Восточной Европы – Новгорода Великого, Московского царства периода XIV–XVII веков, описанные в большой серии специальных работ [Rhamt, 1908; Красовский, 1916; Маковецкий, 1955; Ополонников, 1983; Крадин, 1988].

примыкало массивное срубное строение. Внутри него находилось помещение размерами 2,5 × 2,0 м, аналогичное жилым домам городка. Эта постройка, очевидно, выполняла функции тамбура (сеней?) в форме прируба к сооружению оборонительно-жилого комплекса (рис. 4). По массивности окладного венца сруба можно предположить, что большее значение придавалось надежности постройки. Окладной венец сформирован из бревен диаметром 30–40 см. В лицевом фасаде сеней находился дверной проем для шарнирной двери (ширина 1,0 м). Внутри оборонительно-жилого комплекса за пространством тамбура (сеней) на центральной оси располагался центральный проход (улица) шириной 2,0 м. Вероятно, эта улица заканчивалась таким же входом (тамбуром) с юго-восточной стороны.

Иной была и конструкция наружных стен. По обнаруженным остаткам в слоях сер. XV – конца XVI в. наружная стена оборонительно-жилого комплекса была засыпной. Ее внешняя сторона (опалубка) формировалась из горизонтального набора бревен (плах), удерживаемых с наружной стороны серией вертикальных столбов, установленных с определенным расстоянием друг от друга (рис. 5). Внутренняя сторона стены местами совмещалась с фасадами примыкавших к ней построек. Между строениями пространство закрывалось горизонтально уложенными бревнами (плахами), так же удерживаемыми столбами. Причем на таких участках нижние, а очевидно и верхние концы столбов (колье) фиксировались не только в грунте, но и между собой с использованием обойм – сжимов, выполненных из массивных плах (рис. 6). Внутреннее пространство между стенами заполнялось слоем грунта, щепы, веток, отходов строительного и хозяйственного производства и уплотнялось. Такая стена замерзала зимой и вряд ли полностью оттаивала даже в летний период благодаря теплоизолирующим свойствам древесины наружной опалубки.

Еще одно важное отличие – это застройка внутреннего пространства комплекса близкими по размерам (не более 3,0 × 3,0 м) и архитектурным традициям постройками. Все они являются остатками жилых или хозяйственных строений из бревен, грубого бруса и плах, выполненных в простую лапу – охряпку⁵, а иногда в совмещенной технике с рубкой «в обло» с остатком⁶ (рис. 7). В одном случае постройка срублена в технике заплота. Отметим, что во всех случаях постройки имели один фасадный вход в пространство помещения, который закрывался дверным полотном, выполненным из досок, скрепленных шпонками (снаврами⁷). Двери монтировались в проем на боковых шарнирах и открывались только вовнутрь. Такие технологические примеры в домостроении хорошо известны в русском деревянном зодчестве [Красовский, 1916; Маковецкий, 1955; Ополовников, 1983, 1989]. Особо подчеркнем этот факт, поскольку он важен для последующего анализа и идентификации культурной принадлежности архитектурных традиций построек Надымского городка.

В целом оборонительно-жилой комплекс городка в период сер. XV – конца XVI в. реконструируется как прямоугольное в плане сооружение. По периметру оно представлено засыпной наружной стеной и снабжено двумя входами в виде срубных построек (сеней – «башен»?). Внутреннее пространство городка составляли срубные дома, почти симметрично размещенные относительно центрального прохода (улицы). Общие принципы такого сооружения находят аналогии в архитектуре русских острогов конца XVI – XVIII вв., известных на территории Северо-Западной Сибири: Юильский Казымский острог и ряд других сибирских крепостей XVII–XVIII вв. [Крадин, 1988. – С. 62–173]. Архитектура отдельных строений разнообразна и в целом требует отдельного углубленного анализа. Тем не менее и сейчас при визуальном осмотре можно отметить много черт, связывающих архитектурные традиции Надымского городка сер. XV – конца XVI в. с русским деревянным зодчеством. Таким образом, данный период функционирования оборонительно-жилого комплекса является переходным от одной архитектурной традиции к другой, с очевидными изменениями в композиции плана.

Данный хронологический период также соответствует времени владения Московским царством территорией Севера Западной Сибири. Вместе с тем следует отметить ряд хронологических уточнений и пояснений относительно временных рамок. Для Севера и Сибири значимым рубежом, разде-

⁵ В охряпку – соединение двух бревен впрямую, когда угол объединения выполнен в прямоугольной форме как на верхнем, так и на нижнем бревне. Как правило, применяется при возведении хозяйственных построек [Деревянное зодчество, 1992. – С. 14]

⁶ Врубка «в обло» с остатком – соединение горизонтально укладываемых бревен в углу с помощью чаши, вырубленной в нижнем бревне для укладки верхнего бревна. Остающиеся при этом за углом концы бревен называются остатком [Деревянное зодчество, 1992. – С. 14].

⁷ Снавра – поперечный брус, перекладина (двери, ставня, плота и т. п.) [Словарь русских народных говоров, 2005].

ляющим эпоху Московского царства на две части, является период строительства в конце XVI века сети городов – административных центров управления и таможенных застав⁸. Такие пункты ранее не строилось или не получили дальнейшего развития. Именно с этого времени начинаются изменения в архитектуре Надымского городка, которые в начале XVII века нашли отражение как в архитектуре, так и в материальной культуре, что, очевидно, явилось следствием изменения этнического состава населения. Таким образом, хронологическая граница раннего и позднего Московских периодов имеет определенные исторические и археологические обоснования.

Начало Московского этапа владения Севером Западной Сибири, согласно письменным источникам, имеет определенную дату: 8 октября 1484 г. Московский царь Иван III принял титул «князя Югорского». Эти события произошли после похода в Югру воевод Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка Травина в 1483–1484 гг. [Плигузов, 1993. – С. 143–146]. Именно с этого времени Югра как волость Новгорода Великого переходит под юрисдикцию Московского царя. Однако присоединение обширной территории не было результатом одной военной операции. Процесс обретения новгородской Югры царь Иван III Васильевич запустил еще в 1465 г., повелев Василию Скрыбе и князю Василию Вымскому Ермоличу «Югорскую землю воевати». По документальным источникам, поход закончился удачно. В Москву привели пленных югорских вождей, которых Великий князь Иван Васильевич «пожаловал Югорским княжением, и отпустил в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую» [Лерберг, 1819. – С. 22–23]. Несмотря на это, уже через пять лет, в 1470 г., «волость Югра» вновь упоминается в Договорных грамотах новгородцев с Великими Князьями Тверскими как территория Новгорода Великого [Собрание государственных грамот, 1813. – С. 1–20]. Только новый военный поход, организованный через четырнадцать лет, изменил административную ситуацию. Таким образом, обретение северных территорий Москвой не было единовременным актом, а продолжалось в период правления Ивана III несколько десятилетий. В связи с этим данный этап истории Югры правомерно назвать периодом раннего Московского царства, а его начало определить 80-ми годами XV века.

Архитектура жилого комплекса XIII – середины XV века

В 2016 году в результате раскопок центральной части оборонительно-жилого комплекса на уровне культурных слоев XIII – сер. XV в. были выявлены остатки жилых и хозяйственных сооружений с набором архитектурных элементов и характеристик, не фиксируемых ранее. Предполагаем, что данные постройки относятся ко времени основания и первоначального функционирования Надымского городка. Заметим, что композиция плана городка и архитектура построек в исследуемом строительном горизонте значительно отличаются от планировочных и конструктивных решений сооружения городка, выявленных в более поздних строительных горизонтах, относящихся к сер. XV – первой трети XVIII века.

На раннем временном этапе (XIII–XIV вв.) функционирования городка реконструируются две формы пространственной организации оборонительно-жилого комплекса. Первоначальная форма плана городка восстанавливается по исследованным в 1998 и 2016 гг. жилым постройкам № 19, 22 и хозяйственному сооружению – погребу. Планировочная структура реконструируется как компактная, близкая по форме к прямоугольнику, размерами 23,7 × 19,7 м, вытянутому по оси запад-северо-запад – восток-юго-восток. Судя по выявленным постройкам, планировочную структуру Надымского городка в этот период составляли четыре избы с хозяйственными постройками по периферии, окруженные по периметру оборонительной системой (рис. 8).

Анализируя реконструируемую планировочную структуру городка, конструктивные особенности строений и полученные данные дендрохронологического анализа (табл. 1), можно предположить, что оборонительно-жилой комплекс ранних слоев Надымского городка не был возведен единовременно. Он развивался и достраивался в течение нескольких десятилетий, начиная с первой половины XIII века. В таком виде городок просуществовал около двух столетий, а точнее до 20-х годов XV века.

К периоду основания Надымского городка на территории оборонительно-жилого комплекса относится группа построек, состоящая из четырех жилых (два из них – № 19, 22 – частично исследованы) и одной хозяйственной – погреб (рис. 8).

⁸ Первыми населенными пунктами были Обской (Мансуров) городок 1584 г., Лозьвинский городок 1587–1588 гг. В 1593 г. основан уездный город Березов, в 1594 г. – уездный город Сургут. Этот перечень может быть продолжен.

Постройки № 19, 22 впервые были выявлены и исследованы в 1998 году [Кардаш, 1999]. В береговой осыпи стратиграфически зафиксированы части северо-западной и юго-западной стен постройки № 19 и северо-восточный угол постройки № 2 [Кардаш, 2009. – С. 69]. На тот момент им не были присвоены порядковые номера. Постройки законсервировали. В 2016 году исследования построек были возобновлены в связи с планиграфическим раскрытием культурного слоя.

Постройка № 19 сохранилась частично: два фасада и часть пола (рис. 8–10). Остальной объем не сохранился – был смыт водами протоки. В итоге историко-архитектурного анализа постройка реконструирована как отдельно стоящее сооружение, ориентированное по оси север-северо-восток – юг-юго-запад. Ее размеры в плане по осям составляют: 5,5 × 6,0, или 6,0 × 6,5 yd (18,0 × 19,7 ft)⁹.

Фундамент постройки реконструируется на основании обнаруженной под северо-западным окладным венцом вертикальной конструкции в виде сваи из комлевой части ствола дерева (рис. 11, 12). Постройка была установлена на специальное основание – «стулья»¹⁰. Сваи-«стулья» были вкопаны в ранее сформированный культурный слой, состоявший из щепы, травы и иных органических остатков (рис. 11, 12). Сруб четырехстен¹¹ выполнен в технике «в обло» с остатком из бревен различного диаметра от 18 до 22 см. Чаша выбрана в верхней части каждого нижнего бревна. В верхней и нижней частях бревен стесаны небольшие «площадки», куда между бревен укладывался мох. В северо-западном фасаде сохранилось 8 венцов, в юго-западном – 7 венцов. Дверной проем или детали порога в обнаруженных венцах сруба отсутствуют. Имея в виду расположение дома относительно протоки, а также известной традиции устройства дощатого настила пола «по ходу» от двери, можно предположить, что вход в жилище – судя по дверному проему – находился в юго-восточном фасаде, обращенном к руслу протоки. Остатков печи в доме не выявлено. Отсутствие нагара на поверхности сохранившихся стен указывает на возможное расположение печи в восточном углу дома, справа от входа. Внутри сруба в западном углу обнаружены остатки настила. Пол постройки, вероятно, по всей ее площади был выложен из тесаных плах и досок (ширина – до 15 см, толщина – около 2,5–5,0 см) параллельно юго-западной стене.

Постройка № 22 полностью сохранилась в плане. Объем ее некоторых фасадов достигает 3–4 венцов (рис. 13). Она представляла собой отдельно стоящее сооружение, ориентированное по оси север северо-восток – юг юго-запад. Размеры в плане по осям составляют: 5,5 × 6,0 м, или 6,0 × 6,5 yd (18,0 × 19,7 ft). Специально устроенного фундамента – основания под окладным венцом строения – не обнаружено. Дом был установлен без фундамента – «на пошву», в виде сруба четырехстенка. Он выполнен в технике «в обло» с остатком. В местах сопряжения конструкций сохранились фрагменты бревен (диаметр от 18,0 до 25,0 см). Чаша выбрана в верхней части каждого нижнего бревна. В верхней и нижней частях бревен стесаны небольшие «площадки», куда между бревен укладывался мох (рис. 17, 18). С северо-западной стороны зафиксированы два венца, с северо-восточной и юго-восточной сторон зафиксированы три венца, с юго-западной стороны – один венец. По периметру постройки наблюдаются остатки завалинки в виде культурного слоя, состоящего из грунта, строительного мусора, щепы с примесью глины.

Пороговая конструкция в венцах сруба не обнаружена. Судя по расположению дома в рамках планировочной структуры жилого комплекса, а также по расположению нар и печи внутри помещения постройки, можно предположить, что вход в жилище был с северо-восточной стороны. Преобладающие ветра в регионе – северные и северо-восточные, т. е. вход размещался с ветреной стороны. Для сокращения теплопотерь жилище нуждалось в дополнительной защите от ветра и атмосферных осадков. Вероятно, эту функцию выполняла стоявшая напротив сооружения четвертая постройка, которая к настоящему времени не сохранилась.

⁹ Здесь и далее наряду с метрической системой измерений приводятся значения в английской системе мер, поскольку она складывалась в «дометрическое» время, и в качестве «эталона» использовались какие-либо части тела, емкости или подручные материалы. Например, Inch (дюйм) составлял среднюю ширину большого пальца мужской руки = 2,54 см; Foot (фут) был равен средней длине ступни взрослого человека = 12 дюймам = 0,3048 м; Yard (ярд) был привязан к длине пояса (окружности талии) = 3 фута = 0,9144 м [https://ru.wikipedia.org/wiki]. Отсутствие в числе археологических находок Надымского городка специальных измерительных предметов указывает на то, что при строительстве использовалась подобная архаичная система измерения.

¹⁰ Стулья свайные – опоры для нижнего венца или несущих балок пола, воспринимающие всю нагрузку от постройки, бревна-коротыши, поставленные торцами под нижние венцы или углы здания [Деревянное зодчество, 1992. – С. 25].

¹¹ Четырехстенка – изба из одного помещения без сеней, из четырех стен, колодцем [Деревянное зодчество, 1992. – С. 27].

О конструкции крыши постройки 22, так же как и постройки 19, можно судить по находкам в пространстве жилого комплекса досок от щипцовых завершений торцевых стен срубов¹², в частности верхних – «самцов»¹³ (рис. 16). Данные детали могут свидетельствовать о наличии двускатной самцово-слеговой кровли с небольшим отверстием в кровле для дымоудаления у обеих построек. Такие отверстия хорошо известны в более позднее время в кровлях жилых домов XVIII–XIX вв. аборигенного населения Нижней Оби (рис. 14 [Визгалов, Кардаш, 2012], рис. 15 [Кардаш, Визгалов, 2003]).

Организация внутреннего пространства постройки № 22 имеет ряд радикальных отличий от построек, функционировавших в период середины XV – первой трети XVIII века. Во-первых, внутри сруба по всему периметру находился глинобитный пол средней толщиной 3–5 см (местами до 10 см). Он выполнен из чистой материковой глины и выложен поверх рыхлого культурного слоя (строительного мусора мощностью 3–5 см), сформировавшегося непосредственно на древней поверхности береговой террасы протоки (рис. 19). Следующая особенность – наличие нар, расположенных вдоль юго-западной стены постройки. Настил нар приподнят над полом на уровень второго венца (ок. 0,25–0,3 м). Он опирался на лагу, концы которой фиксировались в пазах, вырубленных в стенах (рис. 17). Расстояние от края лаги до поверхности стены составляет 1,54 м = 5,0 ft. С учетом выступающего края досок настила ширина нар могла достигать 1,7 м – 5,6 ft (рис. 17). Остальное пространство помещения было открытым.

В северном углу постройки находилась подовая печь (очаг). Ее остатки представляли собой большое пятно глины с прокаленными участками, золисто-углистыми линзами и вкраплениями общим размером 1,5 × 0,8 м (рис. 20). Пятно частично перемешано с развалом камней, который распространялся за пределы постройки у стены северо-западного фасада. Рядом с пятном глины зафиксирован кол диаметром 6 см, который, вероятно, отмечал внешний угол печи и служил креплением для опечка. Максимальные реконструируемые размеры основания печи составляли 1,9 × 1,2 м. Распространение камней и прокаленной глины указывает, что разрушение конструкции печи происходило с некоторой высоты. Судя по обнаруженным остаткам развала, восстанавливается два варианта конструкции печи.

Первый вариант – это подовая печь из камней и глины на специальном деревянном основании – опечке. Опечек, вероятно, формировался на основе деревянного каркаса, состоящего из плах, один конец которых установлен в продольные пазы в стенах, а другой закреплен колом (кольями), создавая внешний угол в пространстве помещения. Каркас удерживал дощатый настил, на который укладывался слой материковой глины и камней. Высота этого основания над уровнем пола составляла не менее 0,5–0,7 м (уровень 4–5 венцов). На то, что печь была приподнята над полом, указывает тонкая прослойка (1,0–2,0 см) культурного слоя на глинобитном полу под слоем прокаленной глины и камней. Наличие локального прокаленного участка глины свидетельствует о высокой температуре в печи, что наиболее вероятно в закрытом пространстве при наличии свода.

Второй вариант реконструкции печи – это каменная подовая печь на небольшом глиняном возвышении. Под, вероятно, был выложен камнями и подмазан глиной. Стенки и свод печи были довольно высокие (до 1 м в высоту), выложены из камней, связующим раствором служила глина. Своды печей чаще всего не имели никаких отверстий, и дым выходил из печи через топку.

Заметим, что в домах с топкой печи «по-черному» потолки отсутствовали, так как удаление дыма требовало дополнительного верхнего пространства, чтобы избежать заполнения всего помещения [Раппопорт, 1975. – С. 144].

Погреб – хозяйственное сооружение, находился рядом с постройкой № 22 с юго-восточной стороны. Как и жилище, оно ориентировано по оси север-северо-восток – юг-юго-запад. В полевом сезоне 2016 года была расчищена только верхняя часть его конструкции (рис. 21, 22). Внутренняя часть погреба (углубление в грунте) не исследовалась, поскольку была схвачена мерзлотой. Наземная часть погреба – напогребница

¹² Конструктивные особенности сооружений русского деревянного зодчества рассмотрены специалистами архитекторами [Подъяпольский и др., 2000; Ащенков, 1950; Ополовников, 1983; Красовский, 1916] и археологами [Раппопорт П. А. Древнерусское жилище (VI–XII вв. н. э.), 1974; Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII–XVII вв., 1974]. Авторы рассматривают самцово-слеговую кровлю как наиболее архаичную и распространенную безвоздевую кровельную конструкцию.

¹³ Щипец (самец, фронтон) – верхняя часть торцевой стены сруба, ограниченная двумя скатами кровли [Деревянное зодчество, 1992. – С. 27]. Щипец (= Щипцовый фронтон) – двускатный верх стены, переходящий без выступов в ее основную плоскость [Плужников В. И. Термины русского архитектурного наследия, 2011. – С. 389].

(напогребник)¹⁴ представляла собой прямоугольную площадку, сформированную грунтом (глиной), извлеченным из погребной ямы. По периметру глиняная площадка фиксировалась вертикальными кольями диаметром 8–10 см. Общий размер наружного сооружения составлял приблизительно 2,1 × 2,8 м = 2,3 × 3,0 yd (7,0 × 9,2 ft), в рамках которого ширина обваловки составляла 0,5–0,6 м (рис. 13). В центре площадки располагались деревянные конструкции, формирующие проем входа (лаза) в пространство погребца и крышку. Размеры конструкций проема и крышки 1,60 × 0,92 м = 1,7 × 1,0 yd (5,2 × 3,0 ft). По периметру крышки выявлены вертикально установленные деревянные конструкции, являющиеся элементами каркаса и облицовки (опалубки) стен погребца. Деревянная опалубка удерживает грунт и предотвращает его осыпание в помещение погребца. Реконструируемая глубина погребца около 1,2 м.

Постройка № 21 относится к переходному периоду функционирования оборонительно-жилого комплекса середины XV – середины XVI в. Она располагалась в центральной части жилого комплекса. В слое сохранились только окладной венец сруба, в северо-восточном фасаде сохранились 2 нижних венца (рис. 23–25). Сооружение квадратное в плане, внутренние размеры помещения 3,60 × 3,50 м = 3,9 × 3,8 yd (11,8 × 11,5 ft), ориентировано по оси запад-северо-запад – восток-юго-восток. Сруб был поставлен на почву и выполнен в технике «в обло» с остатком. Стены постройки состояли из тонких бревен диаметром около 14–19 см. Детали порога не выявлены. Судя по наличию врубок в сохранившихся бревнах юго-западного и северо-восточного фасадов, в которых фиксировались лаги, пол постройки был выложен из досок. Направление досок – с северо-запада на юго-восток, что позволяет предполагать наличие входа в одном из этих направлений.

Остатков очага либо печи в постройке не обнаружено, в этой связи ее правомерно определить как нежилое хозяйственное помещение. Вместе с тем постройка № 21 значительно отличается от срубных хозяйственных сооружений Надымского городка периодов конца XVI – первой трети XVIII века.

Таким образом, сравнительный анализ архитектуры и метрических характеристик построек позднего (конца XVI – первой трети XVIII века) и раннего (XIII – сер. XV века) периодов четко фиксирует их различия. А постройка № 21 переходного этапа (конца XVI – первой трети XVIII века) выявляет некий симбиоз двух этапов, т. е. переход от русской архитектурной традиции к традиционному строительству аборигенов Севера Западной Сибири.

Хронология построек первого строительного этапа

Хронологические данные об основании Надымского городка, о начальном периоде его функционирования, как отмечалось выше, уже освещались в ряде работ. Их получение основано на дендрохронологическом анализе образцов древесины из осыпи культурного слоя. В течение двух лет раскопок Надымского городка (1999, 2000 гг.) к изучению было привлечено около ста образцов. Они позволили предварительно определить начальный период функционирования Надымского городка в пределах самого конца XII – нач. XIII века [Кардаш, 2009. – С. 33, 34. Прил. III. – Табл. IX]. Причем годы периферийных колец у серии ранних образцов интервала конца XII – начала XIII века не соответствовали году формирования подкорового кольца. То есть с учетом утраты периферийных колец, а также использования погибших деревьев, собранных по берегам реки Надым, хронологический интервал основания городка мог, вероятнее всего, включать первую треть XIII века (1200–1230 годы), но вряд ли позднее. Исходя из этого, именно в пределах конца XII – начала XIII века первоначально было определено время основания Надымского городка. Этот период можно было бы признать, если полностью исключить вероятность ошибки определения возраста по дендрохронологическому методу, выполненному В. М. Горячевым, сотрудником лаборатории дендрохронологии ИЭРиЖ УрО РАН. Полностью исключить ошибку мы не можем, поэтому вопрос о дате основания населенного пункта и первых построек поселения оставался открытым до момента археологического изучения начального строительного горизонта.

В процессе археологического изучения культурного слоя XIII – сер. XV века из конструкций трех построек, расположенных на участке раскопа 2016 г., для дендрохронологического анализа было отобрано 24 образца (табл. 1). 12 образцов (табл. 1) взяты с постройки № 13.4¹⁵ (участок Е-И/57-59).

¹⁴ Напогребник – надстройка над погребом. Погребца с напогребником бывают на дворах и околице [Словарь русских народных говоров, 1985].

¹⁵ Нумерация отражает 4 уровня реконструкции данного строения, последовательно сменявших друг друга на одном и том же

Данная постройка представляет собой жилое срубное строение размером 2,60 × 2,90 м = 2,8 × 3,2 yd (8,5 × 9,5 ft), выполненное из досок в простую лапу «охряпку» с дверным проемом в северо-восточном фасаде. Дверь дощатая на шпонках – снаврах, крепление шарнирное. В центре находился очаг в деревянной раме, вдоль задней стены размещались нары, уложенные на грунт. По результатам дендрохронологического анализа монтаж строения произошел не ранее 1440 года, но и, судя по наличию коры на конструкциях окладного венца, не многим позднее этого года. Постройка 13.4 была установлена поверх постройки 22 и прорезала ее окладной венец юго-западного фасада.

Что же касается постройки № 22, то по результатам дендрохронологического анализа ее монтаж относится ко времени не ранее 1337 года. Правда, один из образцов имеет дату 1336 год и подкорковое кольцо, определяющее год гибели (рубки) дерева. Наличие второго образца с периферийным кольцом 1337 года и поправкой на утрату нескольких колец (от 1 до 10) позволяет определить год монтажа строения в интервале от 1338 до 1347 года. Судя по диаметру бревен и следам коры, возможно, что верхняя вероятная дата не выходит за начало 40-х годов XIV века. Таким образом, учитывая дату монтажа постройки 13.4, можно заключить, что постройка № 22 функционировала довольно продолжительный срок – около столетия и, скорее всего, была разобрана в связи с обветшалостью конструкций и началом строительства нового жилого комплекса.

Примечательно, что время монтажа постройки № 21 совпадает со временем монтажа постройки № 13.4. Вместе с тем перепад высот между уровнем пола этих строений составляет 0,3–0,4 метра. На наш взгляд, это является подтверждением того факта, что строение № 22 функционировало практически весь этот период, в результате чего по его периметру сформировался культурный слой мощностью около 0,5 м, и на этом уровне была смонтирована постройка № 21, а постройка № 13.4 была опущена почти на уровень пола постройки № 22. Во взаиморасположении построек № 13.4 и 21 не прослеживается определенной обоснованности и регулярности планировки. Возможно, это является отражением некоего переходного периода реконструкции жилого комплекса Надымского городка.

Определение времени функционирования постройки № 19 не проводилось. На данном этапе исследований мы датируем ее исходя из нашей теории развития застройки первого Новгородского периода. Кроме того, в первые годы изучения Надымского городка на склоне берега из обнаженных деревянных конструкций нижней части культурного слоя была сделана серия спилов, датированных концом XII века. К сожалению, на момент сбора образцов их невозможно было связать с каким-либо конкретным сооружением, но в настоящий момент известно, что спилы конструкций постройки 19 также вошли в эту серию. Местоположение постройки на плане городка, уровень фиксации конструкций, ее размеры, срубная техника – все это в совокупности косвенно подтверждает, что постройка 19 относится к новгородскому периоду существования городка. Работа по достоверному определению времени функционирования постройки предстоит в ближайшем будущем.

По стратиграфическому разрезу культурного слоя городка видно, что уровень высоты останца террасы неровный, с перепадом высоты около 0,5 м. Предполагаем, что застройка велась сначала на возвышенном участке, наименее всего подверженном затоплению паводковыми водами, или при летнем подъеме воды. Постройка 19 расположена на более высоком месте, которое дополнительно приподнято искусственно сформированной насыпью высотой 1,2 м, состоящей из строительного мусора. Постройка 22 расположена ниже, вероятно, уже на подтопляемом участке. Судя по ее менее выгодному положению на территории, полагаем, что она возведена позднее постройки 19. Однако факт наличия культурного слоя в основании постройки 19 говорит о существовании еще более раннего сооружения с западной стороны – постройки 23 (рис. 8), при строительстве которой и сформировалась искусственная площадка под постройкой 19. Мы полагаем, что развитие городка начиналось с северо-западной части территории, а именно с постройки 23, и впоследствии продолжалось в южном направлении, т. е. от возвышенной части территории к более низкой. Учитывая, что постройка 22 датирована 1337 годом (табл. 1) и возводилась одной из последних, строения с северо-западной стороны могут иметь более ранние даты строительства. Таким образом, эта гипотеза развития оборонительно-жилого комплекса позволяет считать, что городок был основан ранее первой трети XIII века. Возможно,

месте, без изменения ориентировки в пространстве или расположенных с небольшим смещением по осям.

дать его основания лежит на рубеже XII–XIII вв. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы необходимы дальнейшие комплексные исследования городка.

Таблица 1

Дендрохронологическая характеристика образцов археологической древесины, отобранных при расчистке оборонительно-жилого комплекса Надымского городка в 2016 г.

№ п.п.	Образец	Порода древесины	Примечание по утрате периферийных колец	п.к.	пр.к.	R	SD	Элемент конструкции	Участок отбора образцов
Постройка 13.4									
11	16ng11	<i>Picea obovate</i> Ledeb	до 10 колец	1305	1434	0,273	0,984	лиц. ф.	Е-И/54-59
12	16ng13	- // -	до 10 колец	1251	1423	0,32	0,999	лиц. ф.	Е-И/54-59
13	16ng14	- // -	подкоровое кольцо	1320	1440	0,595	0,984	л. б. ф.	Е-И/54-59
14	16ng15	- // -	до 10 колец	1339	1436	0,408	0,996	л. б. ф.	Е-И/54-59
15	16ng16	- // -	до 10 колец	1355	1436	0,351	0,995	л. б. ф.	Е-И/54-59
16	16ng17	- // -	до 10 колец	1323	1436	0,642	0,992	з. ф.	Е-И/54-59
17	16ng18	- // -	до 10 колец	1317	1385	0,612	0,986	з. ф.	Е-И/54-59
18	16ng20	<i>Pinussibirica</i> Du Tour	более 10 колец	1268	1433	0,275	0,985	п. б. ф.	Е-И/54-59
19	16ng12	<i>Picea obovate</i> Ledeb	Не датируется					лиц. ф.	Е-И/54-59
20	16ng19	- // -	Не датируется					з. ф.	Е-И/54-59
21	16ng26	- // -	до 10 колец	1326	1431	0,579	0,316		Уч. К/55
22	16ng27	- // -	более 10 колец	1340	1422	0,579	0,256		Уч. Л/57
Постройка 21									
23	16ng21	<i>Picea obovate</i> Ledeb	более 10 колец	1300	1430	0,496	0,997	лиц. ф.	К-Н/50-54
24	16ng23	- // -	более 10 колец	1311	1422	0,496	0,973	л. б. ф.	К-Н/50-54
25	16ng22	- // -	Не датируется					лиц. ф.	К-Н/50-54
26	16ng24	- // -	Не датируется					з. ф.	К-Н/50-54
27	16ng25	- // -	Не датируется					п. б. ф.	К-Н/50-54
28	16ng25A	- // -	Не датируется					п. б. ф.	К-Н/50-54
Постройка 22									
29	16ng31	<i>Picea obovate</i> Ledeb	более 10 колец	1218	1337	0,526	0,997	л. б. ф.	К-Н/55-60
30	16ng33	- // -	более 10 колец	1223	1329	0,389	0,993	п. б. ф.	К-Н/55-60
31	16ng32	<i>Larix sibirica</i> Ledeb	более 10 колец	1242	1332	0,302	0,994	з. ф.	К-Н/55-60
32	16ng28	<i>Picea obovate</i> Ledeb	более 10 колец	1180	1336	0,444	0,990	лиц. ф.	К-Н/55-60
33	16ng30	- // -	подкоровоекольцо	1235	1336	0,420	0,998	л. б. ф.	К-Н/55-60
34	16ng29	- // -	Не датируется					лиц. ф.	К-Н/55-60

Примечание: п.к. – год формирования первого кольца на образце; пр.к. – год формирования периферийного кольца; R – межсериальный коэффициент корреляции стандартизированных серий прироста; SD – стандартное отклонение; **жирным** шрифтом – наиболее поздние даты постройки.

Picea obovate Ledeb – Ель сибирская.

Pinus sibirica Du Tour – Сосна сибирская кедровая, или Сибирский кедр.

Историко-архитектурный анализ построек раннего строительного горизонта

Для идентификации культурно-этнической принадлежности домостроительных традиций Надымского городка периода XIII – сер. XV века крайне важно сравнение с архитектурой синхронных этому периоду построек, принадлежавших аборигенному населению. В настоящее время раскопками исследовано два городища, достоверно принадлежавшие древнему аборигенному населению. Оба

они имеют мерзлый культурный слой, в котором сохранились строения XIII–XIV вв. аналогичной степени сохранности архитектуры, что позволяет проводить полноценный корпоративный анализ. Для сравнения были взяты два строения нижнего слоя Войкарского городка, расположенного в нижнем течении р. Оби (ландшафт северной тайги), и верхний строительный горизонт городища Бухта Находка на п-ве Ямал (тундровый ландшафт) [Федорова, 2006. – С. 11–17; 2007, Кардаш, 2008, 2011б]. Несмотря на определенные отличия в архитектуре войкарских и находкинских построек, они имеют принципиально общие черты. Во-первых, это каркасная конструкция строения, стены которого формируются из торфо-дерновых брикетов в опалубке из вертикально установленных тонких бревен, плах или жердей. Во-вторых – наличие двух входов в пространство жилого дома. Основной вход располагался на плоской кровле над очагом, и второй – в лицевом фасаде постройки. Фасадный вход чаще всего использовался как вентиляционный. Ни тот ни другой не предусматривали наличие дверной конструкции. Изученные раскопками проеомообразующие конструкции фасадных входов не рассчитаны для монтажа какого-либо дверного полотна. Важной деталью архитектуры жилых комплексов аборигенного населения XIII–XIV вв., известной пока только по результатам раскопок городища Бухта Находка, является отсутствие отдельных хозяйственных строений внутри оборонительно-жилого комплекса. В итоге следует заключить, что жители северо-таежных и субарктических районов Северо-Западной Сибири до XV в. не имели специализированных хозяйственных строений и не использовали в домостроении технологии возведения срубных домов с дверными конструкциями. Таким образом, очевидно, что постройки № 19, 21 и 22 не имеют общих черт с домостроительными традициями аборигенного населения субарктических районов Северо-Западной Сибири синхронного периода.

В этой связи архитектуру строений жилых комплексов Надымского городка XIII – сер. XV века можно рассматривать в контексте развития архитектуры построек Надымского городка и на значительно более широком территориальном и хронологическом фоне истории развития срубного домостроения.

На территории Надымского городка в полностью исследованном культурном слое периода сер. XV – первой трети XVIII века срубных построек с параметрическими характеристиками, подобными вышеописанным постройкам № 19, 21 и 22, не зафиксировано. Вместе с тем известно, что срубные постройки с размерами сторон более 5 м, выполненные в технике «в обло» с остатком, с чашей, выбранной в верхней части каждого нижнего бревна, с прокладкой из мха прослеживаются в славянских жилищах начиная с VI–VII вв. [Раннопорт, 1975. – С. 131]. В архитектуре жилищ аборигенного населения такая техника встречается лишь в XIX веке и связана, вероятно, с появлением и распространением на территории русского оседлого населения.

Также в древнерусском зодчестве известно, что при строительстве жилища на неровной площадке с неплотным грунтом под нижний венец и углы дома подводилось фундаментное основание. Одним из способов было устройство «стульев» – закопанных в землю свай под углами дома. Такие фундаменты зафиксированы у построек XIII века в Новгороде Великом [Там же. – С. 132]. Кроме того, для жилищ северной и западной частей лесной зоны (Новгород, Белоозеро) характерно устройство дощатого пола. Доски пола обычно укладывали по лагам. В одних случаях лаги лежали по земле, в других они были врублены в венцы сруба (между первым и вторым или вторым и третьим) [Там же. – С. 128–139]. Приведенные аналогии размеров и конструкции пола наиболее соответствуют архитектуре постройки № 19 и 21. Причем архитектурная традиция врубки лаг пола в окладной венец, отмеченная в постройке № 21, продолжает бытовать в русском деревянном зодчестве и вновь появляется на Крайнем Севере Западной Сибири, в частности в Мангазее, в XVII веке (рис. 26). В это же время появляются срубные постройки размером свыше 3,0 × 3,0 м [Визгалов, Пархимович, 2008]. Культурно-этническая принадлежность архитектуры жилых и хозяйственных сооружений Мангазеи к русскому населению также не вызывает сомнения. В постройках Пронского городища описано, что в основании избы фиксировался уплотненный глиняный пол, толщина напластования которого 10–14 см [Милонов, 1931. – С. 20]. Жилища с глинобитным полом выявлены также в юго-восточной Эстонии в городище Рыуге. Жилища реконструируются как наземные срубные постройки с глинобитным полом, размерами от 3 × 2,5 до 6 × 5 м. Жилища с глинобитным полом известны также на городищах Камно и Псковском [Седов, 1975. – С. 289–290].

Расположение печи в постройке № 22 не противоречит планировке древнерусских жилищ XII–XIII вв. в северных районах – Новгородско-Псковских землях и Белозерье, где расположение печи чаще всего фиксируется в углу справа от входа, устьем в сторону входа [Раппопорт, 1975. – С. 128–139]. Подобные конструктивные особенности печи известны нам на Пронском городище и в жилищах Новгорода [Там же. – С. 113–123; Милонов, 1931]. В большинстве случаев печи топились по-черному, т. е. с выходом дыма через устье топки [Раппопорт, 1975. – С. 128–139].

Важной находкой является обнаруженный у постройки № 22 погреб. Ранее о средневековых погребках на территории Севера Западной Сибири известно не было. Исследователями средневековых поселений Западной Сибири подобные сооружения не зафиксированы [Зыков, 2012]. Хозяйственные постройки, в том числе погреба, входят в состав традиционной славянской усадьбы XIII–XV вв. [Рабинович, 1975]. Размеры погреба и непосредственно самой ямы погреба зависели от выбранной конструкции и объемов продуктов хранения. Встречались небольшие по объему погреба в виде врытой в землю бочки [Там же. – С. 169, 206].

В целом сравнительный анализ архитектуры построек № 19, 21 и 22 с более поздними срубными домами периода сер. XV – XVIII в. позволяет сделать вывод, что они имеют ряд кардинальных различий. Во-первых, размеры построек XIII–XIV вв. в два раза больше «остяцких», зафиксированных на территории городка периода сер. XV – XVIII в. Во-вторых, они разнятся строительными материалами и конструктивными решениями: использование более массивных бревен в срубе и мха в качестве утеплителя для прокладки между бревнами, впервые устройство глинобитного пола, сооружение подовой печи-каменки, устройство фундамента в виде «стульев», завалинки по периметру сруба, в случае устройства дощатого пола – укладка досок по лагам. В-третьих, отличия зафиксированы во внутренней планировочной организации жилища – расположение печи-каменки в северном углу, справа от входа.

В итоге анализа выявленных особенностей архитектуры построек № 19, 21, 22 и грунтового погреба можно заключить, что композиция плана оборонительно-жилого комплекса и в особенности архитектура построек находит ближайшие аналогии в русском и славяно-финском деревянном зодчестве.

Начиная с 40-х годов XV века в конце Новгородского периода начинает формироваться новая планировочная структура Надымского городка, которая завершается уже к концу века. К переходному этапу формирования планировочной структуры Надымского городка (40–60-е годы XV века) относятся и постройки № 13.4, 21. В данный период мы наблюдаем наметившуюся тенденцию к уменьшению размеров построек и изменению композиции плана городка. Вместо четырех крупных срубных построек начального этапа постепенно появляются постройки меньших размеров, сформированные в два ряда вдоль центральной продольной оси, направление которой остается неизменным – запад-северо-запад – восток-юго-восток. Постройка 21 является наиболее ярким примером переходного этапа. Ее размеры отличаются от размеров ранних сооружений (постройки 19, 22) и от синхронной ей постройки 13.4. И ее положение в пространстве оборонительно-жилого комплекса также выделяется, так как не вписывается в композицию планов ни Новгородского периода (XIII–XIV вв.), ни Московского периода (начиная с XV в.). Впоследствии на основании композиции плана, заложенного в середине XV века, формировалась планировочная структура городка всех последующих этапов функционирования вплоть до XVIII века.

Использование срубной техники «в обло» с остатком, наличие лаг для деревянного настила пола, размеры постройки позволяют проследить некую преемственность архитектуры построек, но в то же время по композиции плана выделить новый хронологический этап строительства с иной планировочной структурой. На начальном этапе функционирования план оборонительно-жилого комплекса реконструируется как прямоугольный с четырьмя жилыми постройками и с одной хозяйственной, окруженными по периметру наружной заплотной стеной.

Вероятно, городок возводился не единовременно, а развивался и достраивался в течение нескольких десятилетий, начиная с первой половины XIII века. В таком виде городок просуществовал около двух столетий, до 40-х годов XV века.

В середине XV века начинается постепенное изменение архитектуры строений городка и формирование иного решения планировочной структуры оборонительно-жилого комплекса, которое с изменениями просуществовавшего вплоть до первой трети XVIII века.

Это лишь первые данные по исследованию славяно-русской архитектуры новгородского периода (XIII–XIV вв.) на территории Севера Западной Сибири, полученные нами в результате работ 2016 года. Тем не менее анализ этих данных позволяет пересмотреть дату основания городка и переосмыслить появление и распространение на этой территории домостроительных традиций Северо-Восточной Европы, а следовательно, и хронологию и территорию освоения Западной Сибири в целом.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется ряд археологических фактов, позволяющих задуматься о причинах, способах и времени появлении домостроительных традиций Северо-Восточной Европы в архитектуре Надымского городка в период сер. XV – нач. XVI в. Создавались ли эти строения только русскими или славяно-финскими зодчими или стали следствием адаптации домостроительных традиций аборигенным или этнически многокомпонентным населением? Пока этот вопрос остается открытым.

Безусловно, комплекс жилых построек XIII – сер. XV века пока изучен не полностью. Однако полученные данные весьма значимы, поскольку демонстрируют динамические изменения не просто и не только архитектуры собственно Надымского городка. Новые материалы свидетельствуют о появлении абсолютно новых архитектурных традиций домостроения в регионе – на территории Нижней Оби. В этой связи мы считаем, что для Надымского городка этап XIII – сер. XV века правомерно выделить в отдельный хронологический этап. По мнению некоторых исследователей, бассейн реки Надым, включая место расположения Надымского городка, входил в состав территории Югры [Лерберг, 1819. – С. I. 4]. А как известно, Югра как минимум с сер. XIII века (1265 года) по 1470 год входит в число волостей Новгородской Республики. Об этом говорится в известных Договорных грамотах Новгорода Великого с Великими Князьями Тверскими [Собрание государственных грамот, 1813. – С. 1–20]. А значит, имеются полные основания назвать наиболее ранний период функционирования Надымского городка – «Новгородским», замыкающимся в соответствующие хронологические рамки: XIII – сер. XV века. Что же касается верхней даты, связанной с причинами и временем завершения «Новгородского» периода, то нами они подробно освещались выше по тексту.

Описание археозоологической коллекции из постройки № 22

Постройка № 22 была зафиксирована на участке Ж-Н/54-60. Над ней был расположен насыщенный костями культурный слой городка, который можно соотнести с конструкциями построек 13.4, 13А и 17А, функционировавших в XIV–XV веках. Постройка 22 отличалась от всех построек ОЖК периода XV–XVIII вв. не только большими размерами, но и наличием внутри сруба глинобитного пола слоем 3–5 см по всему периметру постройки. Культурный слой, расположенный непосредственно над глиняным полом, состоял из щепы с включением чешуи рыб, а также небольшим количеством костей птиц и млекопитающих, расположенных в основном вдоль стен и по углам постройки. Собственно, к заполнению постройки 22 относится и большое скопление костей животных (1249 экз.), которое было обнаружено у северо-западной стены постройки на участке К-М/54-55. В скоплении содержались главным образом фрагменты трубчатых костей северного оленя, головы куропаток, кости пушных животных и рыбы (табл. 1). В составе скопления был найден обработанный фрагмент бивня мамонта. Поскольку скопление было довольно четко локализовано и ограничено с одной стороны окладным венцом северо-западной стены постройки, а с другой бревном, которое вероятно выпало из стены при перестройке, можно предположить, что кости из скопления лежали (хранились?) на крыше постройки, на поверхности дернового гнета берестяной кровли. При реконструкции постройки все они оказались во внутренней части, около северо-западной стены.

На остальной территории постройки костных остатков найдено немного. Небольшое скопление, содержащее кости ног оленя, черепа и кости не менее чем от двух соболей, двух песцов и двух зайцев (всего 73 экз.) было найдено у южной стены постройки на участке И-Л/59-60, в западном углу постройки лежали черепа зайца и песка. К западу от постройки, у основания опорного столба наружной стены городка, был найден череп лося (*Alces alces*).

На всех участках постройки № 22 преобладали кости северного оленя (*Rangifer tarandus*), зайца-беяка (*Lepus timidus*), песка (*Vulpes lagopus*), соболя (*Martes zibellina*), горностая (*Mustela erminea*) и куропаток (белой куропатки – *Lagopus lagopus* и тундряной куропатки – *Lagopus mutus*). Кроме того,

были найдены единичные кости нерпы (*Phoca hispida*), бобра (*Castor fiber*), лисицы (*Vulpes vulpes*), ро-
сомахи (*Gulo gulo*) и собаки (*Canis familiaris*).

Подробнее остановимся на описании костных остатков из скопления, найденного в постройке
№ 22. Среди костей северного оленя, найденных в скоплении, присутствуют элементы всех частей тела
не менее чем от 4 туш, но преобладают остатки трубчатых костей верхних частей ног (преимущест-
венно плечевых и бедренных) и лопатки (79 %), т. е. наиболее мясные части тела. Кости головы пред-
ставлены двумя изолированными зубами и фрагментом изделия из рога. Кости нижних частей ног
немногочисленны (13 %), а осевого скелета единичны (5 %). Трубчатые кости довольно сильно раздро-
блены, не менее чем на 7–8 фрагментов каждая (нижний конец одной из бедренных костей был разбит
на 10 фрагментов), целыми сохранились лишь единичные мелкие кости стопы. Большая часть костей
северного оленя принадлежит вполне взрослым животным, наиболее молодому оленю было не менее
2,5–3 лет. Три кости имеют следы обработки.

Кости куропаток наиболее многочисленны во все периоды функционирования городка. Скопление
из постройки 22 содержит преимущественно кости головы куропаток не менее чем от 262 особей. Они
составляют 83 % от всех костей куропатки из этого скопления, в то время как во всех других горизон-
тах их количество не превышает 2 % от общего количества костей этого вида [Визгалов и др., 2013. –
С. 289–290]. Кости других птиц единичны.

Кроме того, в скоплении содержались кости пушных животных. Два черепа и отдельные кости тела
не менее чем от двух особей соболя. Кости не менее чем от шести голов песца, а также задние лапы и
фрагменты от трех тушек песца. Фрагмент черепа и нижняя челюсть лисицы. Кости зайца (шесть че-
репов и нижних челюстей и проксимальные части конечностей не менее чем от двух особей, а также
кости двух передних лапок); позвонки и кости передней лапы молодой нерпы. Скопление содержало
41 кость горностая, в том числе 4 черепа, две нижние челюсти, и фрагменты не менее чем от двух ске-
летов животных этого вида. Была найдена таранная кость бобра, лопатка росوماхи, а также два ребра
и локтевая кость собаки. Из нижней челюсти песца и челюсти горностая были изготовлены подвески-
талисманы.

Культурный слой скопления был насыщен чешуей и костями рыб (табл. 1). Среди определимых
преобладают кости рыб из семейства лососевых – сиговые (*Coregonus* sp.) и нельма (*Stenodus leucichthys
nelma*) – 73 %, меньше найдено костей щуки (*Esox lucius*) – 32 %, встречаются единичные кости налима
(*Lota lota*) и сибирского осетра (*Acipenser baeri*). Восстановленный размер (без хвостового плавника)
осетра – 110–120 см, нельмы и щуки – 70–90 см. Среди неопределимых остатков рыб преобладали
фрагменты ребер и лучей от плавников рыб (преимущественно представителей рода сиговых). Из по-
звонка нельмы была изготовлена подвеска.

Судя по составу костных остатков, жители постройки использовали все виды промысловых живот-
ных, которые обитали в окрестностях городка (табл. 1). Судя по видовому составу костных остатков,
промысел животных проводился главным образом в холодное время года, ориентировочно с осени
до середины весны. Охота была основой хозяйственной системы населения городка в XIV–XV веках
и имела два направления – пищевое и пушное. Несомненно, что главными продуктами питания жи-
телей постройки № 22 были мясо северного оленя и рыба. Сейчас не ясно, охотились ли они на оленей
сами и где разделывали туши, но можно предположить, что они получали только наиболее мясные
части тел добытых животных.

Рыба являлась важным дополнением рациона жителей постройки. Судя по тому, что в культурном
слое помимо костей сохранилось довольно большое количество чешуи и остатков от плавников, ко-
торые выбрасываются при разделке рыбы, можно говорить о том, что его жители сами занимались
рыболовством и обработкой рыбы. Косвенным доказательством этому может служить и находка ко-
стей от конечности молодой нерпы. Нерпы в поисках рыбы заходят из Обской губы в устье р. Надым,
и детеныши попадают в сети или ловушки для рыбы.

Пищевой охотой можно назвать и охоту на зайца и куропатку. Но роль этих видов в питании жите-
лей оценить трудно, потому что относительное количество костей зайца в постройке заметно меньше,
чем в среднем на территории оборонительно-жилого комплекса во все изученные периоды (табл. 1).

А кости куропаток представлены почти исключительно головами, которые, как и головы и лапки зай-
цев, сохранялись для удачного промысла.

Пушная охота позволяла получить продукт для торговли. На городке добывали все виды пушных жи-
вотных, обитавших в его окрестностях (табл. 1), но самыми массовыми видами были песец, соболев и гор-
ностаев. Судя по тому, что часть добытых животных целиком доставляли на поселение и на территории
постройки проводилась их разделка и утилизация, жители постройки принимали в ней непосредствен-
ное участие. Соотношение видового состава животных из постройки 22 сходно с таковым в культурном
слое оборонительно-жилого комплекса периода XIV–XV веков, а также в более поздние периоды (табл. 1).
Однако есть и отличия. В постройке 22 содержится довольно много костей северного оленя и рыбы, что
отличает эту постройку от других жилых построек городка. Как в постройке, так и в синхронном слое пол-
ностью отсутствуют кости свиньи, хотя они в небольшом количестве присутствуют во всех более поздних
горизонтах, и наиболее часто они встречаются в слоях конца XV–XVI веков [Визгалов и др., 2013. – С. 283].

Наиболее существенным отличием можно считать большое количество голов куропаток в скопле-
нии, связанном со слоем постройки. Если ранее мы фиксировали большое количество костей голов
промысловых млекопитающих (зайца, песца, соболя и др.), которые хранились жителями в качестве
приклада для удачной охоты [Ивасько, Лобанова, 2003. – С. 70–71], то впервые на территории Надым-
ского городка мы столкнулись с тем, что целенаправленно собирались и хранились головы птиц. При
очень большом количестве костей куропаток на памятнике во все периоды его существования – голов
всегда сохранялось очень мало. Подобные скопления птичьих голов были отмечены нами только при
раскопках русского города Мангазеи.

Еще одной особенностью можно считать скопление костей горностая. Кости этого вида обычно
малочисленны по сравнению с костями других пушных животных (песца и соболя). Важность этого
вида для пушного промысла жителей постройки подтверждает и находка подвески-талисмана, изго-
товленной из нижней челюсти горностая.

Кости лося встречаются на городке крайне редко, и находку черепа в непосредственной близости от
постройки можно соотнести с ритуальными действиями ее жителей.

Таблица 2

Соотношение видового состава костных остатков из раскопок Надымского городка
в разные хронологические периоды

Виды и группы	Постройка 22		Оборонительно-жилой комплекс			
	XIV в.		XIV–XV в.	XV в.	XVI в.	XVII в.
	экз.	%	%	%	%	%
Северный олень	164	12,2	11,1	7,2	8,7	10,7
Заяц	106	7,9	12,6	19,0	22,0	29,0
Песец	104	7,8	19,1	19,6	17,0	13,2
Соболь	34	2,5	8,2	7,7	2,1	2,1
Горностай	41	3,1	1,2	0,1	0,3	0,3
Лисица	2	0,1	0,6	0,5	0,7	0,6
Росомаха	1	0,1	0,1	0,1	0,3	0,4
Белка	1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,3
Бобр	1	0,1	0,6	0,3	0,7	0,3
Волк	1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,2
Нерпа	5	0,4	0,2	0,2	0,1	0,2
Лось	-	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Свинья	-	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
Собака	4	0,3	1,0	0,8	0,8	0,7
Млекопитающие*	15	1,1	0,8	1,3	2,8	9,7
Птица (вся)	725	54	38,5	36,8	37,5	26,9
Рыба (вся)	137	10,2	5,9	6,2	6,9	5,4
Всего (экз.)	1340	100	3787	7098	41874	66326

* – ближе (конкретно?) не определимые

Анализ вещевого комплекса

Вещевой комплекс, полученный в результате исследования Надымского городка в 2016 году, на сегодняшний день является единственным источником по периоду XIII – сер. XV века.

В общей сложности в результате работ 2016 года было найдено около 1658 предметов. Из них вещей, изготовленных из дерева, – 793 экз., бересты – 153 экз., из металла – 347 экз., кости – 266 экз., кожи и ткани – 21 экз., камня – 51 экз., стекла – 11 экз., травы – 7 экз., глины – 6 экз. В коллекции представлены функциональные группы предметов вещевого комплекса, такие как украшения, детали костюма и обуви, принадлежности охоты и рыболовства, предметы быта, средства передвижения и ритуальные предметы. На этом основании мы можем рассматривать хоть и небольшой, но полноценный комплекс предметов. Хотелось бы отметить, что эта выборка по сравнению с другими периодами не очень большая, но она содержит достаточное количество категорий вещей, охватывающих практически все стороны жизни проживавшего там населения, и подходит для проведения сравнительного анализа.

Большинство категорий предметов из числа обнаруженных не имеют типологических отличий, либо они весьма незначительны при сравнении с предметами вещевых комплексов последующих хронологических периодов функционирования Надымского городка. Таким образом, в коллекции раскопок имеются типологически близкие серии предметов, которые составляют хронологически преемственные группы и могут свидетельствовать о некой этнокультурной преемственности в изготовлении.

Однако в коллекции XIV – сер. XV века имеется ряд предметов, которые отсутствуют в вещевых комплексах поздних периодов функционирования Надымского городка или имеют значительные отличия. На этом основании мы разделили вещевой комплекс на две условные группы, что, на наш взгляд, позволит сконцентрировать внимание на особенностях и отличиях предметов новых типов и форм.

Первая группа. Одной из особенностей данных типов изделий является то, что они не могли быть получены в результате торгово-меновых операций, а изготавливались непосредственно жителями на территории населенного пункта. То есть являются прямым отражением культурных традиций населения Надымского городка. В настоящей статье мы лишь упомянем ряд таких предметов, чтобы насытить описание архитектуры новгородского периода дополнительным контекстом – расширить среду восприятия. На данном этапе осмысления результатов последних исследований представляется целесообразным первоначально разобрать детально каждую группу источников по отдельности (архитектура, вещевой комплекс и т. д.), и лишь впоследствии давать комплексный анализ. Кроме того, полноценное описание и сравнительный анализ предполагает большой текстовый и иллюстративный объем, что может препятствовать восприятию фактов. Также нам хотелось бы обратить особое внимание на данную группу предметов XIV – сер. XV века и вещевого комплекс в целом, что, на наш взгляд, продуктивно предпринять в отдельном исследовании. В этой связи мы написали отдельную статью, которую разместили вслед за настоящей, и сделали ссылки на иллюстративный ряд следующей работы.

Мотыги – 3 экз. (см. следующую статью, рис. 1 – 1–3). В составе вещевого комплекса Надымского городка позднее XV в. данный тип орудий отсутствует [Кардаш, 2013а]. В коллекциях городища Бухта Находка XIII – начала XIV в. и Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. данный тип орудий отсутствует [Кардаш, 2011, 2013б].

Ближайшие аналогии этим орудиям есть в материалах раскопок Новгорода Великого [Колчин, 1968. – С. 17, рис. 6 – 1, 2] Таким образом, сравнивая мотыгу начала XI в. из слоя средневекового Новгорода с найденными в Надымском городке, можно утверждать, что одна из них по форме изделия абсолютно идентична, другие аналогичны, а размеры приближены к новгородским.

Корыта с прорезными ручками – 15 экз. (см. следующую статью, рис. 2, 3 – 1–4). Несомненно, деревянные цельнодолбленные корыта различных форм использовались населением на протяжении всего периода функционирования городка, однако пятиугольные с двумя прорезными ручками позднее XV в. не встречаются [Кардаш, 2013а]. В коллекциях городища Бухта Находка XIII – начала XIV в. и Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. корыта подобной формы отсутствуют [Кардаш, 2011, 2013б]. И позднее в этнографических сведениях о материальной культуре аборигенного населения Северо-Западной Сибири XIX–XX вв. корыта подобной формы отсутствуют [Соколова, 2007. – С. 261; рис. 481].

Единственная, найденная нами на сегодняшний день аналогия присутствует в вещевом комплексе X–XI вв. Новгорода Великого [Колчин, 1968. – С. 48; рис. 39]. В публикации присутствует изделие, у которого рукоять морфологически идентична найденным в Надымском городке. По морфологическим признакам и метрическим показателям можно сделать вывод об однотипности используемых корыт в Новгороде Великом и Надымском городке.

Стул – табурет¹⁶ – 1 экз. (см. следующую статью, рис. 4 – 7). В составе вещевого комплекса Надымского городка позднее сер. XV в. данная категория предметов отсутствует. В коллекциях городища Бухта Находка XIII – начала XIV в. и Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. подобных предметов также нет [Кардаш, 2011, 2013б].

В Новгороде Великом, по данным Б. А. Колчина, стулья существовали, но они значительно отличались по конструктивным особенностям. Табуреты, аналогичные надымскому, имеются в русских и европейских музейных коллекциях и используются до настоящего времени в быту. Например, стул XIX века (см. следующую статью, рис. 6 – 3) в экспозиции РЭМ, посвященной культуре населения Архангельской области (г. Санкт-Петербург). Близкий по форме стул (см. следующую статью, рис. 7 – 2) имеется в экспозиции этнографического музея под открытым небом Балленберг (г. Бриенц, Швейцария). До настоящего времени подобные стулья бытуют в населенных пунктах Родопских гор Болгарии (см. следующую статью, рис. 7 – 1). Судя по всему, стулья данного типа являлись характерным элементом мебели жителей Восточной Европы, что позволяет определить принадлежность данного вида мебели как европейскую.

Изделия второй группы, имеющие широкую культурную принадлежность, также представлены несколькими группами. К предметам второй группы были отнесены те типы изделий, которые имеют широкий диапазон бытования и распространения, т. е. могли быть получены в результате торгово-меновых операций. Это различные украшения, фрагменты ткани и кожи, детали лука и снаряжение лучника, наконечники стрел, инструменты, а также фрагменты стенок медных котлов.

При сравнительном анализе вещевого комплекса хронологически близкого объекта городище Бухта Находка XII–XIV вв., в котором проживало только аборигенное население, можно сделать несколько выводов. Во-первых, предметы второй группы характерны как для одного, так и для другого памятника. Во-вторых, городище Бухта Находка и Надымский городок находятся на незначительном расстоянии, что вряд ли исключает личные связи и торгово-меновые отношения как между жителями этих двух городков, так и с выходцами из Северо-Восточной Европы и земель Новгорода Великого.

Этот перечень отдельных типов предметов можно продолжать дальше. Однако это отнюдь не означает, что все остальные вещи из коллекции XIV – сер. XV в. мы можем с уверенностью отнести к предметам материальной культуры аборигенного населения или некоего пришлого с северо-востока Европы. Несомненно, часть из них имеет восточноевропейское происхождение, если не фактическое, то как минимум формальное, но это предмет более детального и глубокого исследования¹⁷, которое выходит за рамки данной статьи, поскольку требует более широкого сравнительно-типологического анализа нескольких сотен категорий предметов.

Данные документальных источников

Летописные данные об освоении Севера Евразии жителями Великого Новгорода малочисленны и хорошо известны. Мы упомянем лишь те из них, которые связаны с хронологическим периодом, о котором идет речь в настоящей работе.

Включение территорий Европейского Северо-Востока в экономику Новгородской Республики началось в XI веке, и, судя по летописным данным, в 1035 и 1096 гг. состоялись первые посещения

¹⁶ Стул – известная домашняя утварь для одиночного сидения, ослон, сиденье с прислоном, со спинкой; с подлокотниками, кресло, кресла; без прислона, скамейка и табурет, а в народе также стул [Даль, 2012]. В малом академическом словаре дано следующее определение стула: «род мебели, обычно со спинкой, предназначенной для сидения одного человека». Табурет (фр. tabouret) – род скамейки с квадратным или круглым сиденьем без спинки, употребляется вместо стула [Ушаков, 2012]. В современной этимологии произошло разделение определений на «стул – это то, что имеет спинку» и «табурет – то, что не имеет спинки», поэтому мы их используем оба.

¹⁷ В настоящее время такой анализ осуществляется в рамках диссертационной работы «Культура аборигенного населения Нижней Оби: Обдорья в XIII – сер. XVIII в.

территории Югры [ПСРЛ, I, 1846. – С. 107]. Впоследствии в состав земель Новгорода Великого вошли две новых волости: это волость Печора на Северо-Востоке Европы и волость Югра на Севере Сибири. Если территориальная локализация волости Печора не вызывает больших сомнений – очевидно, что это бассейн реки Печоры и ее правого притока реки Усы, то расположенная за ней Югра так и не получила обоснованной локализации¹⁸. В целом это местность к востоку от Печоры, возможно, включавшая территорию от северной части Уральских гор на западе и до бассейна реки Таз на востоке; на юг территория Югры вряд ли распространялась многим южнее устья реки Иртыша.

В конце XI в. у новгородцев появляются данные о том, что и за Уральскими горами есть население, заинтересованное в торгово-меновых отношениях. С рубежа XI–XII вв. торгово-промысловое движение новгородцев продолжилось дальше «за Югру и за Самоядь» [ПСРЛ, III, 1843. – С. 5]. Первый поход произошел в 1114 г. [ПСРЛ, II, 1843. – С. 4–5], и это первое документальное упоминание о фактическом промысловом продвижении. То есть с начала XII века можно констатировать начало освоения низовий реки Оби и побережья Обской губы славяно-финским населением новгородских земель. С конца XII века появляются документальные источники, которые можно охарактеризовать как свидетельства включения Новгородом Великим населения Югры в систему даннических отношений. Однако эти сведения в отечественной историографии воспринимаются как неудачные походы данников: 1187 г., 1193–94 гг. [ПСРЛ, III, 1843. – С. 19, 21–22; ПСРЛ, IV, 1841. – С. 17]. Тем не менее упоминание походов данников, а также берестяная грамота № 724, датируемая В. Л. Яниным зимой 1166/1167 гг., в которой указана такая категория, как сборщики дани, которых можно назвать ясачные сборщики, говорят об установившихся связях. Комментируя эту грамоту, Янин сопоставил ее с летописными событиями 1193 года. Она однозначно свидетельствует о вине Савы, от которого отложилось податное население ввиду превышения полномочий данником. Отсутствие в составе дани соболя и наличие экологического индикатора – песка позволяет локализовать сферу ее действия севернее Полярного круга, а широтная локализация в этой связи указывает на территорию от устья Сев. Двины до Обской губы. Данные документальные источники указывают на то, что в составе военных отрядов новгородцев были ясачные сборщики, которые как минимум сезонно находились на территории нижней Оби с целью сбора дани в виде пушнины, что вряд ли было возможно без установившихся контактов с местным населением. Таким образом, мы можем говорить, что с конца XII века новгородские сборщики дани проживали на территории Югры, т. е. существовали некие населенные пункты. В этой связи примечательным является тот факт, что данные дендрохронологического изучения нижних слоев Надымского городка говорят о его строительстве на рубеже XII–XIII веков. Говоря о ясачных сборщиках, следует упомянуть, что сбор ясака с аборигенов как европейского, так и сибирского Севера даже в XVI веке был большой проблемой, и власти Московского царства предпочитали мирные решения данной задачи [Штаден, 1925. – С. 117–118]¹⁹. В любом случае, судя по документальным источникам, продвижение на северо-восток закончилось успешно, поскольку и Печора и Югра к середине XIII века уже числятся в числе волостей Великого Новгорода и упоминаются в известных Договорных грамотах Новгорода с Великими Князьями Тверскими (грамоты 1265, 1270 1305, 1307, 1327, 1470 гг.) [Собрание государственных грамот, 1813. – С. 1–20]. На этом основании мы можем считать название периода XIII – сер. XV века применительно к Надымскому городку «новгородским» обоснованным.

Рассматривая походы 1323, 1329, 1364 гг. [ПСРЛ, IV, 1848. – С. 49, 51, 64–65], мы можем констатировать продвижение новгородцев в глубь Севера и успешные торгово-промысловые отношения, что подтверждает наличие договорных грамот между Новгородом с Великими Князьями Тверскими,

¹⁸ В данной статье мы не будем развивать дискуссию о территориальных границах Югры. Но хотелось бы заметить, что путаница в местонахождении связана с западноевропейскими картографическими источниками. Так, территория Югры, по разным данным, находилась до Уральских гор, в Пермском крае, в районе Мезени [Гессель Геретис, 1614; Ян Блау, XVII век; Атлас Ортелиуса, XVI век]. Мы считаем, что все эти неточности были продиктованы ошибочными сведениями, поскольку сами картографы эту местность не посещали. Только начиная с XVII в. локализация Югры в среднем течении р. Оби становится верной.

¹⁹ В летописях конкретно не указывается, с кого собиралась дань и кто напал в Печоре на данников. По многочисленным источникам хорошо известен опыт Московского царства по сбору ясака с аборигенного населения Севера Европы и Сибири в XVI–XVIII вв. В этой связи представляется вероятным, что в летописях речь могла идти о сборе дани не только и не столько с коренного населения, а прежде всего с обосновавшихся там промышленников и торговцев, выходцах из новгородских или иных земель. Именно они и могли организовать относительно успешное противодействие.

которые разграничивали сферы влияния. Таким образом, Новгород весьма успешно использовал эту территорию, и XIV век стал апогеем новгородского владения Югрой, одним из свидетельств которого является строительство каменной церкви Святой Троицы в 1365 году [ПСРЛ, IV, 1848. – С. 65], но уже к середине XV века Новгород утрачивает свое влияние, и над Югрой начинает устанавливаться господство Московское царство. Так, Московский царь Иван III в 1484 году принял титул Князя Югорского после похода воевод Курбского и Салтыка Травина в 1483 году [Плигузов, 1993. – С. 143–146]. Соответственно, с этого периода Новгород Великий прекращает свое владение и управление землями Югры.

Возвращаясь к рассматриваемому периоду начала освоения территории Югры выходцами земель Новгорода Великого, мы считаем, что нашли свидетельства этих успехов, выразившиеся в наличии населенных пунктов, основанных славяно-финским населением земель Новгорода Великого.

Заключение

В контексте нашего изучения архитектуры Надымского городка периода конца XII²⁰ – середины XV в. стало очевидным, что приведенные выше данные убедительно обосновывают вероятность создания новгородскими первопроходцами отдельных крепостей или форпостов в связи с несколькими неудачными походами 1187, 1193–1194 гг. Такие населенные пункты, помимо оборонительных функций, явно могли играть роль торгово-промысловых факторий.

Таким образом, обнаруженные особенности архитектуры Надымского городка на современном этапе изучения горизонта XIII–XV вв. характеризуются как славяно-русские. Появление таких традиций логично связывать с периодом освоения Севера Сибири населением Северо-Восточной Европы, и в первую очередь Новгорода Великого. В настоящее время о новгородском продвижении по европейскому и сибирскому Северу мы можем говорить не только на основе немногочисленных документальных источников, но и археологических, и ставить проблемы дальнейшего его изучения. Уже сейчас мы вполне правомерно можем выделить ранние этапы освоения Северо-Западной Сибири. А его первый этап хронологически определить в рамках XIII–XIV вв. и назвать «новгородским» этапом освоения Нижней Оби.

Вещевой комплекс данного периода неоднороден. Он содержит массу предметов импортного производства, значительную часть которых мы, не бесспорно, но тем не менее связываем в первую очередь со славяно-русским происхождением, а также большое число вещей: бытовых, ритуальных и прочих, имеющих довольно много традиционных черт, в том числе и относительно древних. Это проблема, в которой еще предстоит разобраться, но специально, в рамках отдельного анализа вещевого комплекса, а не в рамках историко-архитектурного экскурса.

Новые данные по архитектуре и вещевому комплексу, позволяющие дать иную оценку культурной и этнической принадлежности основателей городка, требуют более тщательного анализа и системы доказательств. Отметим в этой связи, что полноценные материалы, позволяющие определить год или хотя бы узкий временной период основания городка по дендрохронологическому методу, были получены только в результате исследований 2016 года [Кардаш, 2017].

В числе проблем и направлений дальнейшего изучения правомерно будет отметить необходимость возобновления дискуссии о географической локализации Югры как административно-территориальной волости. Одним из важнейших вопросов является взаимоотношение с аборигенным населением. Это связано с тем, что по документальным источникам отношения фиксируются как даннические и грабительские, а по археологическим источникам скорее наоборот – как активные торгово-меновые [Кардаш, 2011б. – С. 38–41]. В этой связи одной из задач видится определение, хотя бы предположительное, этнического состава жителей Надымского городка периода XIII–XV вв. Судя по вещевому комплексу, очевидно, что население было неоднородным, аборигены, без сомнения, присутствовали и проживали в городке. В целом проблема дифференциации жителей на основании характерных черт и облика предметов вещевого комплекса остается крайне сложной. Ее решение упирается в вопрос, насколько хорошо нам известна материальная культура и вещевой комплекс бытовых деревянных

²⁰ В первые годы изучения Надымского городка на склоне берега из обнаженных деревянных конструкций нижней части культурного слоя была сделана серия спилов, датированных концом XII века.

изделий славяно-финского или славяно-русского населения европейского Северо-Востока периода XIII–XV веков. Причем подчеркнем – провинциального населения, которое непосредственно занималось промыслами и обеспечивало города их продуктами. Вопрос явно сложный, на который пока нет однозначного ответа. В этой же связи возникает вторая проблема, а именно – что в материальной культуре коренных жителей Севера действительно издревле им принадлежало и в неизменной форме просуществовало до недавнего прошлого.

Комплекс построек жилого комплекса XIII – сер. XV века изучен, безусловно, не полностью, но полученные о нем данные весьма значимы, поскольку демонстрируют динамические изменения не просто и не только в архитектуре собственно Надымского городка. Новые материалы свидетельствуют о появлении абсолютно новых архитектурных традиций домостроения в регионе – на территории Нижней Оби.

В целом сопоставление архитектуры построек № 19, 21 и 22 с «остяцкими» постройками, зафиксированными на территории городка, позволяет сделать вывод о том, что они кардинально отличаются от всех построек оборонительно-жилого комплекса периода середины XV – XVIII в. своим конструктивным решением, внутренней планировочной организацией и используемыми строительными материалами. Впервые были выявлены срубы размерами более 5 м. Также впервые в основании постройки по углам зафиксированы «стулья» – специальные конструктивные элементы, служащие «фундаментом» сооружения. Впервые обнаружены подовая печь-каменка и глинобитный пол, а также остатки завалинки по периметру постройки.

На территории Надымского городка в полностью исследованном культурном слое периода кон. XV – XVIII в. постройка с подобными характеристиками не выявлено. В известных городках синхронного периода на территории севера Западной Сибири срубные постройки ранее вообще не фиксировались. Все перечисленные элементы характерны для жилищ поселений территории Северо-Восточной Европы, начиная с VI–VII до XII–XIII вв.

Таким образом, в 2016 году впервые на данной территории обнаружено специально обустроенное хозяйственное сооружение для хранения продуктов (погреб) с укрепленными вертикальными деревянными конструкциями стенами (доски, плахи), с глиняной обмазкой по периметру сооружения.

Это лишь первые данные, полученные нами в результате работ 2016 года, по архитектуре строений Надымского городка периода конца XIII – сер. XV в. Тем не менее эти факты позволяют начать новое осмысление и анализ основания городка, в частности на более широком территориально-хронологическом фоне, в том числе с привлечением наиболее ранних документальных источников.

На сегодняшний день слои Надымского городка конца XII–XIV вв. не изучены раскопками, а будет ли у нас возможность продолжить это исследование – непредсказуемо. В итоге следует отметить особо значимый результат исследований. Получены археологические данные, позволяющие оценить материалы Надымского городка как важный источник не только для изучения этногенеза аборигенных народов Севера. Новые данные позволяют оценить информационный потенциал памятника как особо ценный и значимый источник по истории Русского государства. Он является ключевым для раскрытия и понимания истории раннего и позднего периодов колонизации Сибири, не имеющих достаточного числа письменных источников.

Список источников и литературы

- Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – 758 с.
- Ашихмина Л. И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1977. – С. 139–166.
- Ащепков Е. А. Русское деревянное зодчество. – М.: Гос. изд-ва архитектуры и градостроительства, 1950. – 104 с.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Изучение объектов архитектурного наследия аборигенного населения Ямало-Ненецкого автономного округа». – Нефтеюганск, 2012. – 275 с.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. – Нефтеюганск – Екатеринбург, 2013. – 374 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.) – Екатеринбург – Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 216 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Цитадель, 1998. – 11465 с.

Древняя Русь: Быт и культура // Археология. – М.: Наука, 1997. – 368 с.

Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1998. – С. 220–243.

Ивасько Л. В., Лобанова Т. В. Отражение некоторых ритуалов промысловых культов северных остяков в остеологических материалах Надымского городища (по данным комплексных исследований 1999–2003 гг.) // Угры. Материалы VI Сибир. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2003. С. 69–71.

Кардаш О. В. Эволюция элементов традиционного жилища народов Севера (по материалам археологических исследований поселений 16–19 вв.) // Угры. Материалы VI Сибир. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 88–90.

Кардаш О. В. Надым-вош – городок Обдорского княжества // Лукич. – 1999. – № 3 (7) июнь. – С. 147–156.

Кардаш О. В. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – № 13. – С. 128–131.

Кардаш О. В. Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда (Суздаль 20–25 октября 2008 г.). – М.: Изд-во ИА РАН. 2008. – Том II. – С. 460–463.

Кардаш О. В. Надымский городок. История и материальная культура конца XVI – первой трети XVIII вв. – Нефтеюганск – Екатеринбург: Магелан, 2009. – 320 с.

Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / вых. сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013а. – 360 с., ил.

Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / вых. сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013б. – 380 с., ил.

Кардаш О. В. Надымский городок в XV–XVI вв.: по результатам полевых исследований 2006–2008 гг. // Археологические вести (2010–2011). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011а. – № 17 – С. 193–202.

Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). Екатеринбург – Нефтеюганск: Изд-во: АМБ, 2011б. – 60 с.

Кардаш О. В. Элементы традиционной русской архитектуры в постройках Надымского городка XIV – XVI веков // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст.: в 2-х томах / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. II. – С. 122–131.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Комплексные археологические исследования объекта археологического наследия «Надымское городище» XIII–XVIII вв. в 2016 году». – Новосибирск, 2017. – 326 с.

Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Выявление и обследование традиционных жилых построек в поселке Горнокайзевск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Историко-архитектурные исследования». 3 книги. – Нефтеюганск, 2003.

Кардаш О. В., Усолкина М. А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Ч. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 335–347.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. – М.: Наука, 1968. – 184 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е1-55).

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. – М.: Наука, 1971. – 113 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е1-55. Часть II).

Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М.: Наука, 1982. – С. 174–176.

Крадин Н. П. «Русское деревянное оборонное зодчество». – М.: Искусство, 1988. – 192 с.

Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. – Ч. I: Деревянное зодчество. – Петроград: Товарищество Р. Голике и А. Вилборга, Звенигородская 11, 1916. – 406 с.

Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории Изданы на нем. яз. по определению Импер. С.-Петербург. Акад. наук Ф. Кругом; Пер. Д. Языков. – СПб.: Тип. деп. нар. просвещения, 1819. – II, [1], 397 с.

- Майковецкий И. В. «Памятники народного зодчества Русского Севера». – М.: АН СССР, 1955. – 184 с.
- Милонов Н. П. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища // Рязанский Средне-Окский музей. Исследования и материалы. – Рязань: тип. Мосполиграфа, 1931. – Вып. VIII. – 52 с.
- Ополовников А. В. «Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество». – М.: Стройиздат, 1983. – 367 с.
- Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. – М.: Стройиздат, 1989. – 367 с.: ил.
- Плигузов А. И. Текст-кентавр о Сибирских самоедах. – М., 1993. – 156 с.
- Подъяпольский С. С. и др. Реставрация памятников архитектуры. – М.: Стройиздат, 1983. – 288 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том первый. I. П. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб.: В типографии Эдуарда Параца, 1846. – 294 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том второй. III. Ипатьевская летопись. – СПб.: В типографии Эдуарда Параца, 1843. – 377 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том третий. IV. Новгородские летописи. – СПб.: В типографии Эдуарда Параца, 1841. – 308 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том четвертый. IV. V. Новгородская и Псковская летописи. – СПб.: В типографии Эдуарда Параца, 1848. – 360 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том девятый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб.: В типографии Эдуарда Параца, 1862. – 256 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том двенадцатый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. – 266 с.
- Полное собрание русских летописей. Том 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / сост. Н. А. Казакова, К. Н. Серебина. – Л.: Наука, 1982. – 228 с.
- Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII – XVII вв. / М. Г. Рабинович // Древнее жилище народов Восточной Европы. – С. 104–156. – Москва: Наука, 1974. – 303 с.
- Раппопорт П. А. Древнерусское жилище (VI–XII вв. н. э.). / П. А. Раппопорт // Древнее жилище народов Восточной Европы. – С. 156–245. – Москва: Наука, 1974. – 303 с.
- Седов В. В. Жилища Юго-Восточной Прибалтики (I – начало II тысячелетия н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1975. – С. 276–301.
- Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 20. «Накучать – негоразд». – Ленинград: Наука, 1985. – 376 с.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 39. «Сметушка – сопочить». – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 343 с.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. – Москва, в типографии Н. С. Всевожского, 1813. – 643 с.
- Соколова З. П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. – М.: Наука, 2007. – 342 с.
- Судаков В. В., Буланкин В. М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 269–280.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
- Федорова Н. В. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические исследования городища Усть-Войкарского (Войкарский городок) в Шурышкарском районе ЯНАО в 2006 году. – Нефтеюганск – Салехард, 2007. – 110 с.
- Федорова Н. В. Войкарский Городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Вып. № 4 (41). Научно-практическая конференция «Обдорья: история, культура, современность». – Салехард: Красный Север, 2006. – С. 11–17.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е издание, исправленное и дополненное. – Екатеринбург: Терис, 2002. – С. 5–65.
- Шинаев С. Я. Деревянное зодчество. Толковый словарь терминов и понятий. – М.: Спецпроектреставрация, 1992. – 66 с.
- Штаден Г. «О Москве Ивана Грозного: Записки немецкого опричника» (Записи прошлого: Воспоминания и письма. Под редакцией С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского). – Л.: М. и С. Сабашниковых, 1925. – 184 с.
- Rhamm K. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde. Zweite abteilung: Urzeitliche Bauernhöfe im germanisch-slawischem Waldgebiet – Braunschweig.: Kommissions-verlag von Friedrich Viskwegundsohn, 1908. – 1088 p.

Рис. 1. Обзорная схема расположения Надымского городка в границах Российской Федерации

1 - Надымский городок (XIII-XVII века)	5 - Полуйский мысовой городок (XVI-XVIII века)
2 - Войкарский городок (XIII-XIX века)	6 - Городище Зеленая горка (XIII-XIV века)
3 - Городище Находка (XIII-XIV века)	7 - Городище Ярте VI (X-XII века)
4 - Полуйский городок (XIII-XVII века)	8 - Городище Мангазея (XVII век)
	9 - Березовское городище (XVII век)

Рис. 2. Обзорная схема расположения Надымского городка, синхронных оборонительно-жилых комплексов и русских уездных городков в границах Ямало-Ненцкого автономного округа

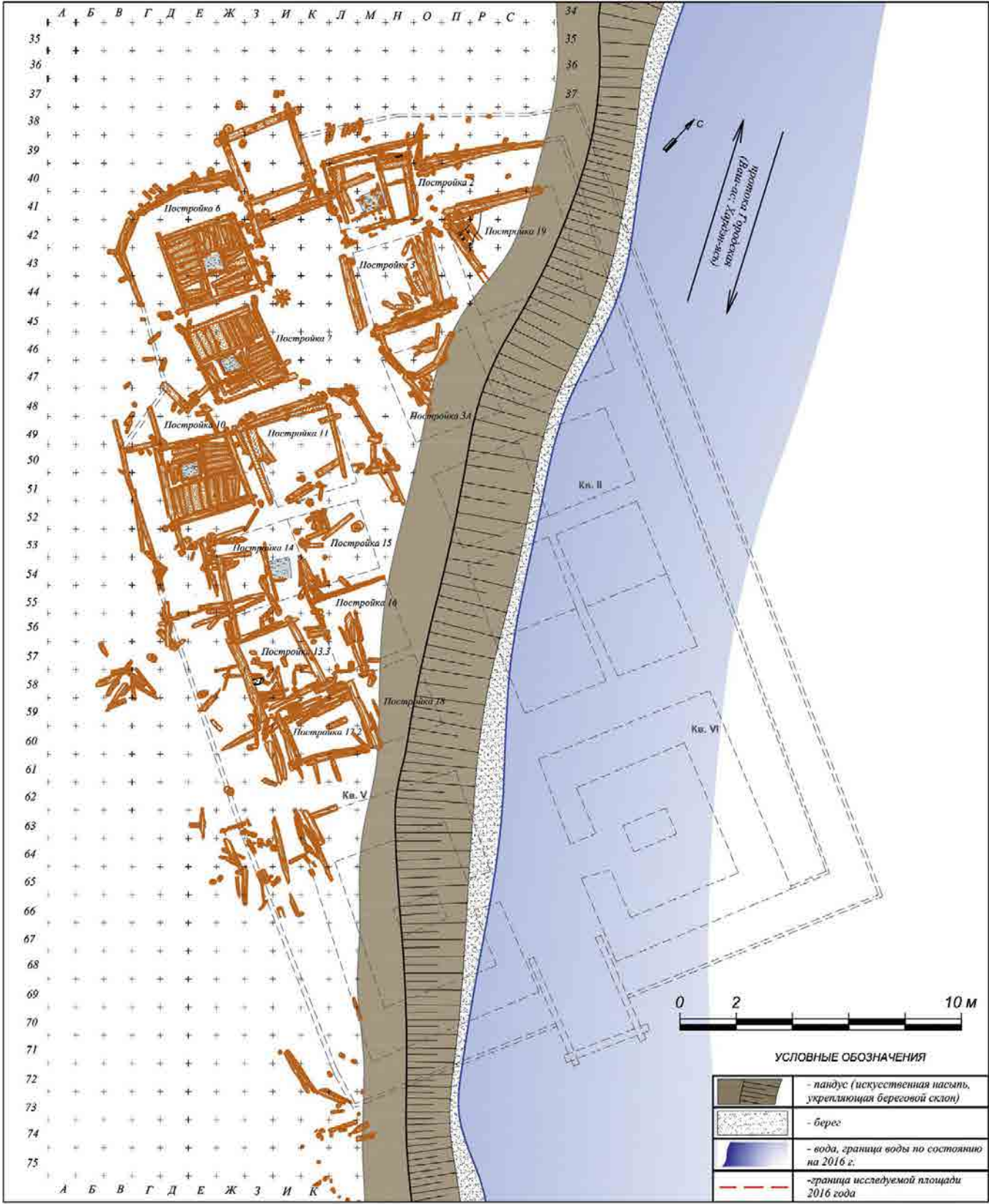

Рис. 3. План Надымского городка периода Московского царства сер. XV – конца XVI века. М 1: 200

Рис. 4. Северо-западный вход в оборонительно-жилой комплекс. Прируб к сооружению оборонительно жилого комплекса, вид с запада

Рис. 5. Фрагмент наружной стены оборонительно-жилого комплекса. Несъемная опалубка, сформированная из горизонтального набора бревен (плах), удерживаемых вертикальными опорами

Рис. 6. Обойма, соединяющая между собой две противоположные стороны опалубки

Рис. 7. Постройки оборонительно-жилого комплекса Надымского городка периода Московского царства сер. XV – конца XVI века

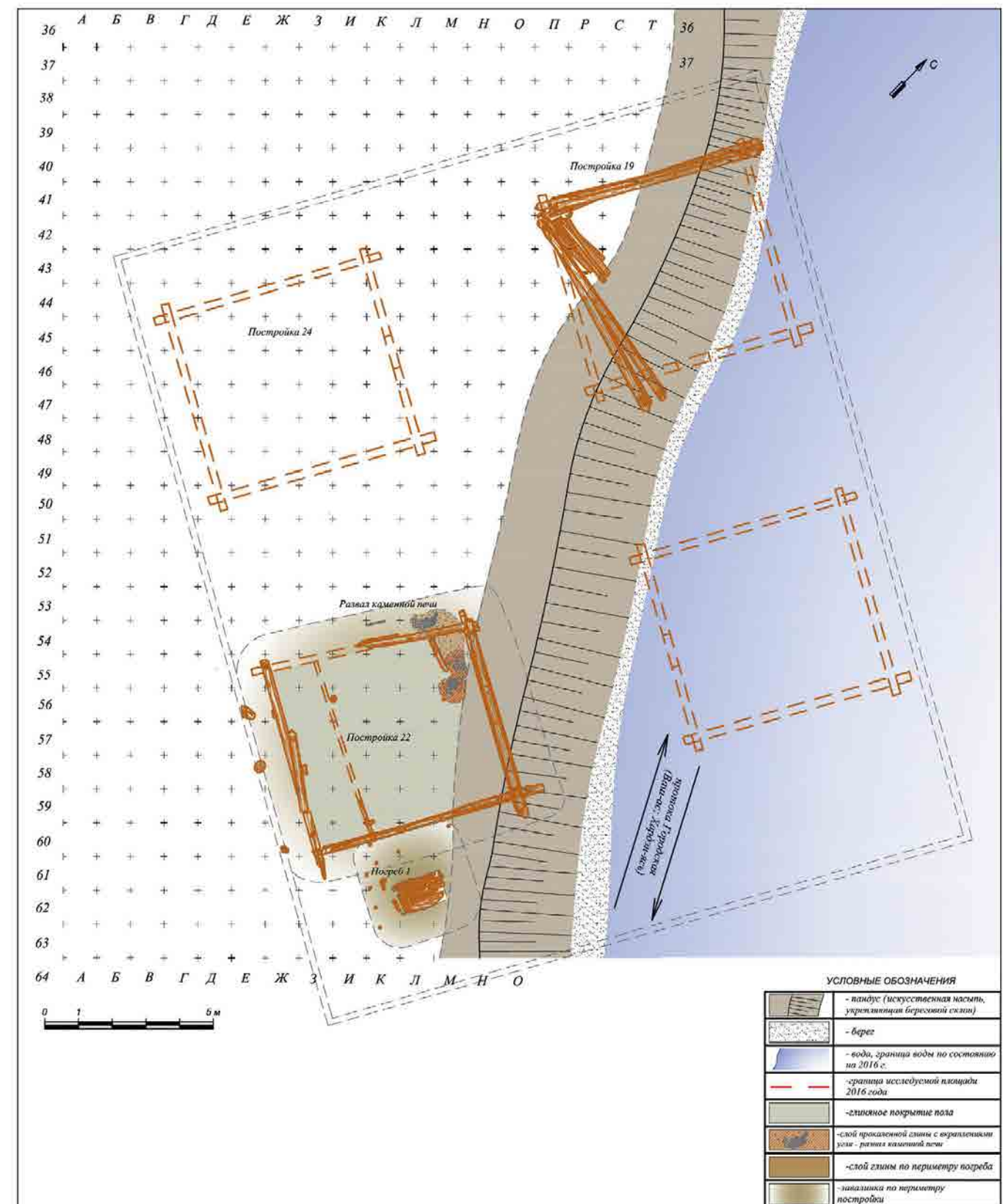

Рис. 8. План Надымского городка Новгородского периода XIII–XIV веков. М 1: 200

Рис. 9. Постройка 19. Западный угол постройки

Рис. 10. Постройка 19. Остатки сруба постройки, выполненного в технике «в обло» с остатком. Фото О. В. Кардаша, 1999 г.

Рис. 11. Постройки 19. Вертикальная конструкция в виде сваи из комлевой части ствола дерева – фундамент постройки.
 А – общий вид. Б – фрагмент постройки с фундаментом. В – свая, извлеченная из культурного слоя.
 Фото О. В. Кардаша, 1998, 2000 гг.

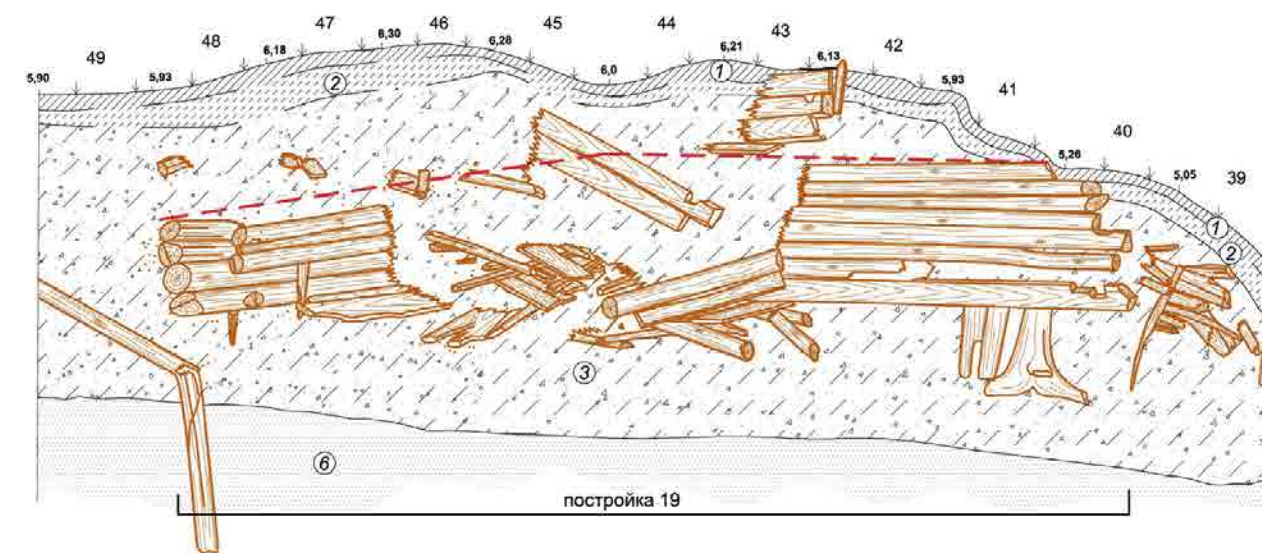

Рис. 12. Постройка 19. Вертикальная конструкция в виде сваи из комлевой части ствола дерева – фундамент постройки. Чертеж

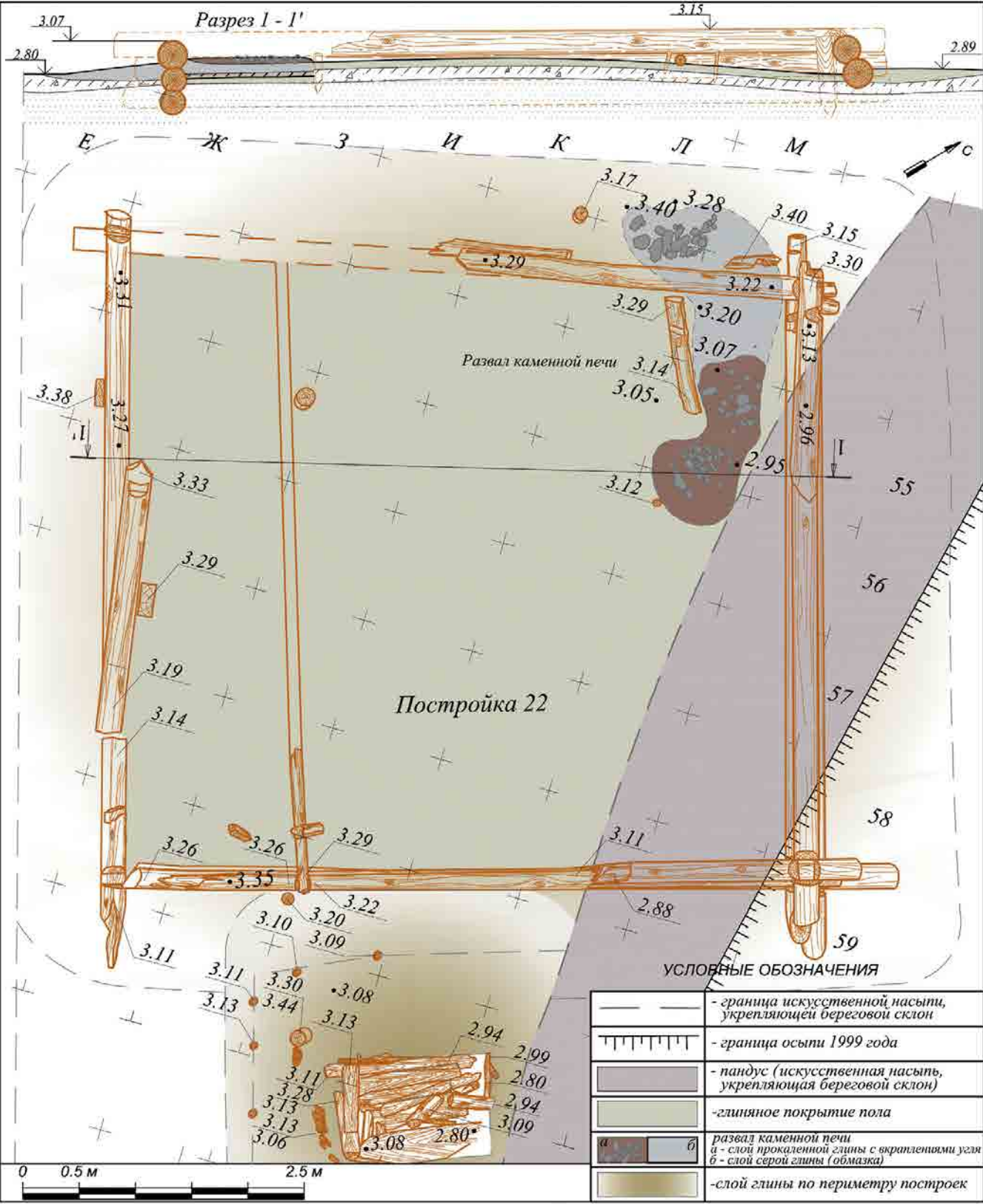

Рис. 13. Разрез и план постройки 22. План погреба. М 1 : 50

Рис. 14. Священный дом Тырлина в поселке Хошгорт. А) В верхней части кровли небольшое отверстие для дымоудаления (дымовое окно). Б) Вид отверстия для дымоудаления внутри постройки

Рис. 15. Дом Тайшина в поселке Горноknязевск (интерьер). Дымовое окно в кровле. Фото Н. Н. Митиной, 2003 г.

Рис. 16. Доски от щипца построек, обнаруженные в пространстве жилого комплекса

Рис. 17. Постройка 22. Срубная постройка в технике «в обло» с остатком и с нарами у юго-западной стены. А – общий вид. Б – паз, вырубленный в стене постройки для фиксации конца лаги, на которую укладывался настил нар

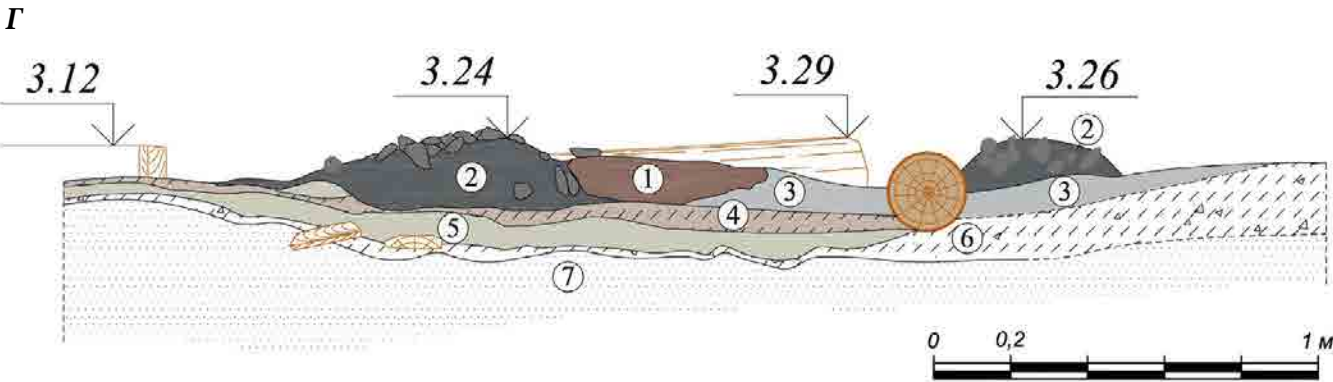
Б

Рис. 18. Постройка 22. А – Постройка с глинобитным полом с печью-каменкой в северном углу и нарами у юго-западной стены. Б – Паз, вырубленный в стене постройки для фиксации конца лаги, на которую укладывался настил нар

Рис. 19. Постройка 22. Глинобитный пол из чистой материковой глины, уложенный поверх рыхлого культурного слоя (строительного мусора). А – общий вид. Б – фрагмент глинобитного пола постройки. В – фактура слоя глины, уложенного на слой строительного мусора

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ					
①		- серо-оранжевая прокаленная глина (под печи)	⑤		-желто-серая глина (глинобитный пол)
②		-темно-серая глина с вкраплениями угля и камней (стенки и свод печи)	⑥		-слой щепы и органических отложений на древней поверхности - строительный мусор
③		-серая глина (обмазка стен и печи)	⑦		-серая глина с прослойками темно-серых гумусированных паводковых отложений (материк)
④		-слой щепы и органических отложений (заполнение пространства постройки) - культурный слой			-камни

Рис. 20. Постройка 22. Остатки подовой печи (очага) в виде большого пятна глины с прокаленными участками, золисто-углистыми линзами и вкраплениями угольков. А – вид сверху, Б – общий вид разреза, В – разрез печи, Г – чертеж разреза печи

Рис. 21. Расчищенная верхняя часть конструкции погреб

Рис. 22. Вертикальные конструкции по периметру погреб

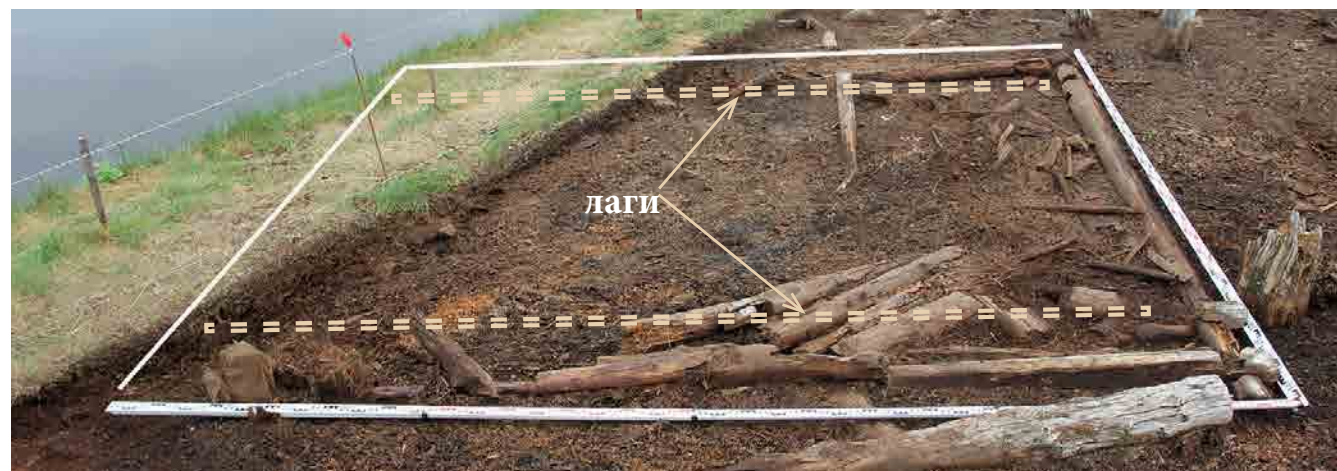

Рис. 23. Постройка 21. Окладной венец сруба хозяйственной постройки

Рис. 24. Постройка 21. Окладной венец сруба, выполненного в технике «в обло» с остатком. А – южный угол постройки с пазом для укладки лаги, Б – западный угол постройки с пазом для укладки лаги, В – общий вид постройки

Рис. 25. Постройка 21. Восточный угол. Пазы врубки для лаги. Фото О. В. Кардаша, 1999 г.

Рис. 26. Мангазейское городище. Посад, часть усадьбы № 2: остатки основания постройки № 26, пер. пол. XVII в. Фото Г. П. Визгалова, 2013 г.

З. Г. Гайдакова³, О. В. Кардаш^{1, 2, 3}, С. А. Липс¹

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

² Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия

³ АНО «Институт археологии Севера»
ул. Набережная, д. 16, г. Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: gajdakova@yandex.ru

**Надымский городок: вещевой комплекс
восточноевропейского происхождения XIII–XV веков**

Аннотация. В результате раскопок последних лет получены новые данные о вещевом комплексе и архитектуре строений, которые имеют радикальные отличия от более поздних периодов функционирования Надымского городка. Они подтверждают ранее выдвинутую гипотезу о принадлежности жителей городка славяно-финскому населению. На сегодняшний день этнический состав жителей городка можно охарактеризовать как смешанный. Несомненно, среди жителей присутствовали как выходцы из северо-восточной Руси, так и аборигенное население. Архитектура строений и анализ вещевого комплекса не оставили в этом сомнений. Первые факты, свидетельствующие об основании Надымского городка славяно-финским населением, представлены в данной статье.

Ключевые слова: север Западной Сибири, река Обь, река Надым, Надымский городок, Новгород Великий, Югра.

Введение

Вещевой комплекс, полученный в результате исследования Надымского городка в 2016 году, на сегодняшний день является единственным источником по периоду XIII – середины XV века. Этот период мы связываем с вхождением территории Югры в состав волостей Новгорода Великого и называем Новгородским¹.

Гипотеза, выдвинутая о времени основания Надымского городка в XII–XIII вв., была основана на анализе вещевого комплекса, полученного из осыпи. Теперь эта гипотеза получила фактическое обоснование по данным дендрохронологического анализа. На основании этих данных можно утверждать, что Надымский городок начал свое функционирование в конце XII – начале XIII века. При этом застройка территории городка на первом этапе развития продолжалась на протяжении XIII – начала XIV века. Хотелось бы отметить, что этот слой раскопан неравномерно. Так, например, исследования

последнего года практически не затронули слой XIII века и лишь частично слой XIV века в постройке 22. Тем не менее весь вещевой комплекс, полученный в результате работ 2016 года, относится к периоду XIII – середины XV века. Этот комплекс имеет уникальные особенности, связанные с формами предметов, которые не имеют аналогов на памятниках синхронного периода, принадлежавших аборигенному населению, таких как городище Ярте VI или Бухта Находка, и в слоях более поздних периодов Надымского городка XVI–XVIII вв. Эти формы предметов также отсутствуют в этнографии народов Севера. Мы считаем, что это служит явным свидетельством присутствия иноэтнического населения. В данной статье представлен анализ и подробное описание форм этих предметов.

Описание вещевого комплекса. Всего в результате работ 2016 года было найдено около 1658 предметов. Из них вещей, изготовленных из дерева, – 793 экз., бересты – 153 экз., металла – 347 экз., кости – 266 экз., кожи и ткани – 21 экз., камня – 51 экз., стекла – 11 экз., травы – 7 экз., глины – 6 экз. В коллекции представлены функциональные группы предметов вещевого комплекса, такие как украшения, детали костюма и обуви, принадлежности охоты и рыболовства, предметы быта, средства передвижения и ритуальные предметы. На этом основании мы можем рассматривать хоть и небольшой, но полноценный комплекс предметов. Хотелось бы отметить, что эта выборка по сравнению с другими периодами не очень большая, но она содержит достаточное количество категорий вещей, охватывающих практически все стороны жизни проживавшего там населения, для проведения сравнительного анализа.

Большинство категорий предметов из числа обнаруженных периода XIII – середины XV в. не имеют типологических отличий, либо они весьма незначительны при сравнении с предметами вещевых комплексов последующих хронологических периодов функционирования Надымского городка. То есть можно говорить о некой части населения городка, которая проживала в нем с начального периода и передавала навыки и формы предметов собственного изготовления вплоть до первой трети XVIII века из поколения в поколение [Кардаш, 2013a]. Этническое определение этого населения не входит в задачи настоящей работы и станет предметом дальнейшего изучения.

Однако в коллекции XIII – сер. XV в. имеется ряд типов предметов, которые отсутствуют в составе вещевого комплекса последующих хронологических периодов функционирования Надымского городка или имеют значительные отличия. На этом основании мы разделили вещевой комплекс на две условные группы, что, на наш взгляд, позволит сконцентрировать внимание на особенностях и отличиях предметов новых типов и форм. Мы подробно остановимся на предметах первой группы, чтобы если и не выяснить причину появления вещей новых типов типологических различий, то попытаться определить, какой характер носили динамические изменения – региональный, хронологический или этнокультурный.

Первая группа. Еще одной особенностью данных типов изделий является то, что они не могли быть получены в результате торгово-меновых операций и изготавливались непосредственно жителями городка и на территории городка, то есть были связаны с культурной традицией населения городка новгородского этапа.

Мотыги – 3 экз. (рис. 1. – 1–3). Изготовлены из дерева, состоят из рабочей заостренной части и рукояти. Для изготовления орудия использован фрагмент ствола дерева, из которого под углом приблизительно в 60° росла массивная ветка. Первое орудие изготовлено из древесины лиственных пород (береза?). Его размеры: рабочая часть конусовидной формы имеет длину 33,7 см и максимальный диаметр обуха 5,5–4,5 см, длина рукояти 55,0 см, диаметр 2,8 см (рис. 1. – 1). Следующие два орудия изготовлены из древесины хвойных пород (ель, лиственница?). Размеры второго: рабочая часть цилиндрическая длиной 32,3 см, диаметром 5,1 см заострена с двух сторон двумя гранями, длина рукояти 70 см (рис. 1. – 2). Размеры третьего: рабочая часть коническая длиной 16,7 см с диаметром обуха 7,5 см, длина рукояти 46,0 см, диаметр 2,8 см (рис. 1. – 3). У всех экземпляров на острие хорошо фиксируются следы утилизации (рис. 1 – 1а, 2а).

Местонахождение. Мотыги были найдены у юго-западной стены постройки 22, квадрат Ж/57, ур. 3,15 м и относятся к слою периода сер. XIV – сер. XV в.

Аналогии. В составе вещевого комплекса Надымского городка позднее XV в. данный тип орудий отсутствует [Кардаш, 2013a]. На синхронно функционировавшем объекте городище Бухта Находка

¹Мы считаем, что для Надымского городка этап с середины XIII до второй трети XV вв. можно правомерно назвать Новгородским. Судя по документальным источникам, а также мнениям исследователей, в том числе Лерберга [Лерберг, 1819], бассейн р. Надым входил в состав территории Югры, включая Надымский городок, поскольку Югра к середине XIII века уже числится среди волостей Великого Новгорода и упоминается в известных Договорных грамотах Новгорода с Великими Князьями Тверскими (грамоты 1265, 1270, 1305, 1307, 1327, 1470 гг.) [Собрание государственных грамот, 1813. – С. 1–20]. Московский царь Иван III в 1484 году принял титул князя Югорского после похода воевод Курбского и Салтыка Травина в 1483 году [Плигузов, 1993. – С. 143–146]. Соответственно, с этого периода Новгород Великий прекращает свое владение и управление землями Югры.

в слое XIII – начала XIV в., принадлежавшем аборигенному населению, данный тип орудий также отсутствует [Кардаш, 2011]. В коллекции Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. подобных предметов также нет [Кардаш, 2013б].

Ближайшие аналогии этим орудиям есть в материалах раскопок Новгорода Великого. Так, по данным Б. А. Колчина, там было найдено 7 мотыг в слое XI в., но в хорошей сохранности – только три. Судя по описанию наиболее сохранившегося изделия, мотыга была изготовлена из дуба, лопасть из ствола, а рукоять из ветки. Размеры лопасти: ширина 7,5 см, длина 29 см, длина рукояти 78 см (рис. 1 – 4, 5). Эти изделия были отнесены к орудиям для земледелия (огородничества) [Колчин, 1968. – С 17, рис. 6 – 1, 2]

Таким образом, сравнивая мотыгу начала XI в. из слоя средневекового Новгорода с найденными в Надымском городке, можно утверждать, что одна из них по форме изделия абсолютно идентична, другие аналогичны, а размеры приближены к новгородским. Однако мы не можем интерпретировать их как земледельческие орудия, поскольку зона дельты р. Надым не является земледельческой. В этой связи мы можем интерпретировать их функциональное назначение как связанное со строительными земляными работами, поскольку никаких других инструментов (лопат) для подобных работ в вещевом комплексе всего периода не обнаружено. Остановимся подробнее на нашей гипотезе. Во-первых, это снятие дерна, который был необходим для возведения жилищ, а именно – для дернового гнета, который формировал кровлю оборонительно-жилого комплекса. Также данные орудия могли применяться для добычи глины, поскольку глина использовалась для изготовления глинобитного пола, завалинок. Еще один возможный способ использования мотыг – выкапывание ям, поскольку был зафиксирован погреб в нижнем слое того же времени, выкопанный в материковом грунте, для создания которого нужны были какие-то орудия.

Корыта с прорезными ручками – 15 экз. (рис. 2, 3 – 1–4). К данной группе относятся деревянные корыта, цельнодолбленные, пятиугольной формы с двумя ручками, с полукруглым поперечным и прямоугольным продольным сечением. Размеры данного типа корыт колеблются: длина 61,5–46,0 см, ширина 28–20 см, высота 8–6 см. Остальные экземпляры представлены фрагментарно. По размерам этих фрагментов мы можем утверждать, что длина корыт не превышала 50 см. Стенки высокие пологие, плавно переходящие в дно. В изделиях с внутренней стороны у коротких стенок четко обозначены грани, а у длинных они не выражены – стенки плавно переходят в дно. Один из коротких краев вытянут, образуя вершину с углом в 45°, примыкающую к треугольной ручке, а противоположный – прямой. Одна из ручек представляет собой треугольную ручку-ушко, вторая округлая. Размеры ручек колеблются в пределах 16–13 см.

Местонахождение. Корыта с прорезными ручками были найдены в разных частях раскопа и относятся к слою периода конца XIII – сер. XV века.

Аналогии. Несомненно, деревянные цельнодолбленные корыта различных форм использовались населением на протяжении всего периода функционирования городка, однако пятиугольные с двумя прорезными ручками – позднее XV в. не встречаются [Кардаш, 2013а]. На принадлежавшем аборигенному населению синхронно функционировавшем объекте городище Бухта Находка корыта подобной формы отсутствуют в слое XIII – начала XIV в. [Кардаш, 2011]. В коллекции Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. подобных корыт также нет [Кардаш, 2013б]. И позднее в этнографических сведениях о материальной культуре аборигенного населения Северо-Западной Сибири XIX–XX вв. корыта подобной формы отсутствуют [Соколова, 2007. – С. 261, рис. 481].

Единственная найденная нами аналогия на сегодняшний день присутствует в вещевом комплексе X–XI вв. Новгорода Великого. Б. А. Колчиным выделена группа малых корыт, имеющая следующие параметрические характеристики: в длину они достигали 40–50 см, шириной были около 20 см. У части этих корыт с торцевой стороны находились ручки [Колчин, 1968. – С. 48; рис. 39]. В публикации присутствует изделие, у которого рукоять морфологически идентична рукояткам найденных в Надымском городке корыт. Размеры изделия – общая длина 33 см, длина ручки 14 см. Данный предмет идентифицирован как ковш, хотя имеет явные следы слома на одной из сторон (рис. 3 – 4, 5). Возможно, на

идентификацию повлияла форма ручки. Однако, исходя из находок Надымского городка, это вполне могло быть корыто со специфической ручкой, что не исключает вероятности вторичного использования предмета в качестве ковша. Размеры и форма ручки идентичны найденным в Надымском городке. По морфологическим признакам и метрическим показателям можно сделать вывод об однотипности используемых корыт в Новгороде Великом и Надымском городке.

*Стул-табурет*² – 1 экз. (рис. 3–6). Табурет относится к элементам интерьера жилого помещения – предметам мебели. Обнаруженный в Надымском городке табурет представляет собой конструкцию, состоящую из сиденья и ножек. Сиденье представляет собой массивную доску в форме овала с шестью сквозными отверстиями по периметру, четыре отверстия имеют округлую форму, два прямоугольную. Центральная часть с одной стороны чуть углублена и таким образом образованы невысокие бортики. Размеры: 43,3 × 27,5 см. Ширина варьируется от 5,2 до 3,8 см. Размеры отверстий 1,5 × 2,4 см, 1,2 × 2,6 см, 1,2 × 2,4 см, 2 см, 1,2 × 2,5 см, 1,4 × 2,0 см. Ножки не сохранились. Благодаря четырем округлым сохранившимся отверстиям можно отнести данный табурет к типу стульев с овальным сиденьем и пирамидально расположенными ножками. Два прямоугольных отверстия не являются опорными ножками, но связаны с конструкцией ножек. В этой связи мы реконструируем связь между ножками в средней части для усиления связи ножек с сиденьем (рис. 6 – 1).

Местонахождение. Стул-табурет был найден у юго-восточной стены в пространстве постройки 22, квадрат Л/58, ур. 3,03 м и относится к слою середины XIV – начала XV века.

Аналогии. В составе вещевого комплекса Надымского городка позднее сер. XV в. данная категория предметов отсутствует. Хотелось бы отметить, что в Надымском городке вообще отсутствуют какие-либо предметы мебели, относящиеся к элементам интерьера жилого пространства [Кардаш, 2013а]. Данный тип мебели был найден впервые. На синхронно функционировавшем городище Бухта Находка конца XII – начала XIV в., принадлежавшем аборигенному населению, данный тип предметов отсутствует [Кардаш, 2011]. В коллекции Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. подобных предметов также нет [Кардаш, 2013б]. В этнографии народов Севера также зафиксированы подобные изделия с овальной площадкой и пирамидально расположенными ножками, но они относятся к типу низких обеденных столов [Соколова, 2007]. Появление мебели в интерьере хантыйских домов, например, различные столы, стулья, полки, стеллажи произошло только в XIX в. Их появление связано, по всей видимости, с постоянным присутствием оседлого русского населения на Севере России.

В Новгороде Великом, по данным Б. А. Колчина, стулья существовали, но они значительно отличались по конструктивным особенностям. Так, новгородские стулья имели квадратное сиденье с прямо расположенными ножками. Тем не менее мебель присутствовала, но именно такой формы еще не обнаружена. В исторических источниках зафиксированы табуреты, подобные надымскому, на средневековой гравюре (рис. 6 – 2). В русских и европейских этнографических источниках подобные изделия зафиксированы. Например, относящиеся к XIX веку есть в экспозиции РЭМ (г. Санкт-Петербург), посвященной населенным пунктам Архангельской губернии (рис. 6 – 3). До настоящего времени бытуют в Болгарии, Родопы, д. Петково (рис. 7 – 1). Подобные изделия есть в швейцарском музее деревянной архитектуры Балленберга (рис. 7 – 2). В данной работе мы приводим те аналогии, которые нам известны, вполне вероятно, существуют и другие. Нами был проведен широкий анализ изображений стульев-табуретов в интернет-ресурсах с привлечением экспозиций музеев, и нам удалось выделить только эти предметы как наиболее близкие по форме и назначению, поскольку сама форма стула-табурета с овальным сиденьем и пирамидально расположенными ножками не так широко распространена. Судя по всему, стулья данного типа являлись характерным элементом мебели жителей Восточной Европы, что позволяет определить принадлежность данного вида мебели как европейскую.

² Стул – «известная домашняя утварь, для одиночного сидения, ослон, сиденье с прислоном, со спинкою; с подлокотниками, кресло, кресла; без прислона, скамейка и табурет, а в народе также стул» [Даль, 2012]. В малом академическом словаре дано следующее определение стула – «род мебели, обычно со спинкой, предназначенной для сидения одного человека». Табурет – (фр. tabouret). «Род скамейки с квадратным или круглым сиденьем без спинки, употребляется вместо стула» [Ушаков, 2012]. В современной этимологии произошло разделение определений на: «стул – то, что имеет спинку», и «табурет – то, что не имеет спинки», поэтому мы их используем оба.

Фигурки тось-чер-вой³, изображающие лошадь? с седлом – 7 экз. (рис. 8 – 1–6). Тось-чер-вой представляют собой плоские стилизованные изображения животного с седлом (крыльями?), с круглым отверстием в центре. Они изготовлены из дерева. Главной особенностью этих изображений является наличие седла, т. е. в верхней части на спине схематично вырезано седло. Средний размер: длина 10–16 см, высота 3,1–4,2 см, толщина 0,4–0,8 см.

Мы отнесли эти предметы к первой группе, поскольку именно изображения лошадей? с седлами в более поздних вещевых комплексах Надымского городка не встречаются, и ближайšie аналогии этих изображений есть в материалах раскопок Новгорода Великого, поскольку и в том и другом случае речь идет о плоских деревянных изображениях животных, внешне напоминающих лошадь с седлом [Колчин, 1971. – С. 47, таб. 38].

Рассматривая в целом тось-чер-вой, отметим, что эти предметы присутствуют на протяжении всего периода функционирования городка, но есть типологические отличия – помимо самих изображений лошадей с седлами (крыльями?), это размеры. Фигурки, относящиеся к рассматриваемому периоду, значительно крупнее, их средний размер составляет 22 см. У фигурок, относящихся к XVII–XVIII вв., средний размер около 10 см.

Местонахождение. Фигурки тось-чер-вой были найдены в разных частях раскопа и относятся к слою периода конца XIII – сер. XV веков.

Аналогии. На принадлежавшем аборигенному населению синхронно функционировавшем объекте городище Бухта Находка в слое XIII – начала XIV в. найден один подобный предмет, интерпретируется как случайное попадание в результате связи с населением Надымского городка [Кардаш, 2011]. Фигурки тось-чер-вой зафиксированы в Полуйском мысовом городках и городище Бухта Находка, но на данных памятниках нет изображений животных с седлами. Рассматривая количественные показатели, следует отметить, что в Надымском городке всего тось-чер-вой было найдено больше тысячи экземпляров, а в Полуйском мысовом городке несколько десятков.

Ближайшая аналогия иконографии изображений этих предметов – лошадей с седлами – встречена в слоях X–XII веков Новгорода Великого. Размеры новгородских изображений варьируются: длина от 14,5 до 43 см, высота от 5,5 до 16 см, толщина от 1,5 до 2,6 см. Они получили определение «коников» и интерпретируются как изображения лошадей [Колчин, 1971. – С. 47, таб. 38]. Хотелось бы отметить, что именно седло является характерной чертой изображений русских коников (рис. 8 – 7–10). Что же касается изображений самого седла, то в литературе встречается несколько противоречивых сведений: так, одни исследователи интерпретируют его как седло [Колчин, 1971. – С. 47, таб. 38], другие – как крылья [Пархимович, 2014. – С. 33]. Однако детального анализа и доказательств той или иной версии среди исследователей русской материальной культуры нет.

В целом фигурки из Надымского городка соотносятся по размерам со средними и малыми размерными группами новгородских изображений коников с седлами. Конечно, иконография фигурок из Надымского городка близка к иконографии изображений северного оленя из набора тось-чер-вой, но именно седлообразный элемент, а также хвост маркирует их как лошадь. У северного оленя, лося хвост короткий, а у фигурки, изображающей лошадь, имеется длинный опущенный хвост, что и является одним из признаков, определяющих лошадь. Сам же седлообразный элемент маркирует связь с Северо-Восточной Европой, а именно, с людьми, которые изображали этих коников. Он не мог появиться без непосредственного участия людей, знакомых с данным образом.

Сундук – 1 экз. (рис. 9 – 15). К данной группе относится деревянный сундук, состоящий из 10 фрагментов. Представляет собой квадратный ящик со съёмной крышкой. Из найденных фрагментов восстанавливается часть крышки сундука в форме квадрата, состоящей из четырех боковых планок и одной верхней. Боковые грани крышки в профиле клиновидные. Соединение боковых граней осуществлялось в технологии «шип – паз» (рис. 9 – 3а, 4а). У верхней планки торцевая кромка оформлена

³ Тось-чер-вой представляют собой фигурки – стилизованные изображения человека, животных и предметов с круглым отверстием в центре, изготовленные из дерева, использовавшиеся в ритуальных целях. Ареал распространения – как культовой практики, связанной с охотничьим промыслом, – находит аналогии у населения Северо-Восточной Европы начиная с IX–X веков. Детальный анализ происхождения этих предметов дан в монографическом исследовании, посвященном Полуйскому мысовому городку [Кардаш, 2013б. – С. 208–210].

фаской для более плотного прилегания поверхностей друг к другу. На верхнюю планку нанесен геометрический орнамент. Основу композиции составляет горизонтальный зигзаг со сложными меандрами, которые сопровождаются точками (рис. 11). Также на крышке есть два сквозных отверстия, которые, по-видимому, использовались для ручки. Ручка не сохранилась. На наш взгляд, ручка представляла собой кожаный ремешок (рис. 15). Крепление верхней и боковых планок осуществлялось с помощью полос бересты, которые приклеивались по периметру крышки и в местах соединения двух верхних планок, помимо приклеивания, полоски бересты также прибавались деревянными нагелями. Железные мебельные гвозди не использовались, поскольку в отверстиях нет следов ржавчины и окисления. Сами отверстия не были сквозными, поэтому могли быть использованы только для крепления обкладки. Стенки сундука высокие орнаментированные, было найдено два их элемента. Торцевые кромки оформлены фаской для более плотного прилегания поверхностей друг к другу (рис. 12, 13). Соединение стенок друг с другом, а также с дном осуществлялось с помощью полос бересты, которые приклеивались. Помимо приклеивания полоски бересты также прибавались деревянными нагелями.

На стенки нанесен растительный орнамент. Судя по остаткам краски, орнамент был выполнен в двух цветах – красном и черном, причем основной орнамент выполнен красным, а черной краской нанесен контур, формирующий изгибы красных завитков. Что касается происхождения самой краски, то можно с достоверностью говорить лишь о составе черной краски, поскольку она сохранилась. Черная краска была изготовлена путем смешивания сажи и жира – подобный процесс получения черной краски описан Сирелиусом [Сирелиус, 1906. – С. 44–48]. Красная краска сохранилась частично, поэтому можно лишь высказывать предположения о составе. Возможно, она была изготовлена путем смешивания жира и какого-то органического материала. Основа композиции – горизонтальная волна со спиральными ответвлениями. Пространство между волной заполнено мелким зигзагом. Толщина линии зигзага составляет 0,2–0,3 см, а толщина черной линии волны 0,5 см (рис. 12, 13). Эта орнаментальная композиция получила название «виноградная лоза». Подобный орнамент встречается среди находок Надымского городка. Им, например, украшена берестяная посуда и берестяные ножны. Такие, изготовленные непосредственно жителями и имеющие русское происхождение, орнаментальные композиции ранее XII–XIII вв. на территории Западной Сибири не встречаются. В составе импортных вещей, происходящих, к примеру, из Волжской Булгарии, такие композиции есть. Если говорить в целом о распространении этой орнаментальной композиции, то можно указать на широкий ареал распространения и широкую семантическую нагрузку. На наш взгляд, для данной территории уместно связать этот орнамент с христианской традицией и отнести происхождение орнамента и человека, выполнившего этот орнамент, к территории Северо-Востока или Северо-Запада Руси, а именно Новгородским землям. Необходимо также отметить еще одну особенность, связанную с цветной орнаментацией. За все время исследований Надымского городка были найдены изделия с цветным орнаментом, но эти предметы были изготовлены из кожи, ткани и бересты [Кардаш, 2013а. – С. 197, рис. 3.2 – 2, С. 199, рис. 3.4, С. 278, рис. 3.82 – 7; Грачёва, 1986. – С. 21–26]. Роспись по дереву очень редка. Так, среди находок Надымского городка присутствует еще один фрагмент деревянного донца с растительным орнаментом, нанесенным красной краской. В позднем вещевом комплексе Надымского городка таких предметов нет. Упоминания о геометрическом орнаменте на дереве, расписанном цветом, появляются только в конце XIX века, и, по всей видимости, это связано с активным освоением русскими Севера Сибири [Иванов, 1963. – С. 54; Гондатти, 1888]. Расписанные цветом узоры получают новый виток в середине XX века с распространением цветных карандашей и акварели [Соколова, 2009. – С. 635].

Дно сундука сохранилось частично и представлено двумя планками. Дно было вписано в стенки, и крепление осуществлялось встык (рис. 10 – 2-4, 13 – 2а).

Местонахождение. Фрагменты сундука были найдены в постройке 17, квадрат К/59, ур. 3,32 м и относятся к слою периода первой половины XV века. Хотелось бы отметить, что сундук является культовой вещью и был изготовлен значительно раньше, возможно в конце XIV века. Учитывая его сакральный характер и длительное время использования, он, возможно, был изготовлен и ранее конца XIV века.

Аналогии. В составе вещевого комплекса Надымского городка позднее сер. XVI в. данная категория предметов присутствует, но в виде кованных деталей – обкладок, замков, ключей, оббивочных гвоздей.

Деревянные элементы отсутствуют [Кардаш, 2013а]. На синхронно функционировавшем городище Бухта Находка конца XII – начала XIV в., принадлежавшем аборигенному населению, данный тип предметов отсутствует [Кардаш, 2011]. В коллекции Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. подобных предметов также нет [Кардаш, 2013б]. На всех археологических памятниках с мерзлым культурным слоем, где сохраняются деревянные изделия, таких как городище Усть-Полуй, городище Ярте VI, городище Бухта Находка, Полуйский мысовой городок, в орнаментации используются естественные цвета природных материалов, роспись краской не встречается.

В этнографических сведениях сундуки присутствуют в культуре народов Севера. Так, начиная с конца XIX века сундуки самодельные и русского изготовления, а позднее советские чемоданы использовались для хранения различных изображений духов-покровителей и пожертвований для них, а также кукол-иттарма [Соколова, 2009. – С. 518–524; Бауло, 1998, 2004]. Священные сундучки с фигурками духов-покровителей имелись в каждой семье [Гондатти, 1888. – С. 7; Визгалов, Кардаш, 2010. – С. 92–93]. В этой связи данный сундук, а также сам факт орнаментации и этнографические параллели позволяют нам интерпретировать его как изделие для хранения культовых и ритуальных предметов и приношений. В коллекции Надымского городка деревянных антропоморфных изображений, сопоставимых с размером сундука, большое количество [Кардаш, 2013а].

Изделия второй группы, имеющие широкую культурную принадлежность, также представлены несколькими группами. К предметам второй группы были отнесены те типы изделий, которые имеют широкий хронологический диапазон бытования и культурную принадлежность. При анализе таких изделий, как украшения, предметы вооружения, котлы и инструменты, невозможно определить этнокультурную принадлежность изготовителя, поскольку данные типы предметов могли быть получены в результате торгово-меновых операций, так же как сукно и телячья кожа. Предметы из дерева и кости не были предметом торга и изготовлены непосредственно жителями городка. Эти типы предметов традиционно маркируют аборигенное население, они относятся к хронологически-преемственным группам и находят аналогии как на синхронно функционировавших памятниках, так и в этнографических сведениях.

Предметы второй группы, изготовленные из металла, могли появиться у жителей городка при торгово-меновых операциях, а могли быть и непосредственно принесенными самими жителями. Так, например, подвески в форме полумесяца (лунницы) с имитацией зернового декора бытовали на всей территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Время наибольшего их распространения – XI–XII вв. [Седова, 1981. – С. 24. Рис. 6 – 8]. Однако «лунницы» с середины XIII по первую четверть XIV в. появились на территории Северо-Западной Сибири [Чемякин, Карачаров, 2002. – С. 60–65, рис. 20 – 9]. При детальном рассмотрении предметов второй группы можно сделать вывод о том, что они являются косвенными доказательствами контакта жителей городка с выходцами из Северо-Восточной Руси, а именно с Новгородом Великим, Белоозером, Старой Рязанью.

При сравнительном анализе вещевого комплекса хронологически близкого объекта городище Бухта Находка XII–XIV вв., в котором проживало только аборигенное население, можно сделать несколько выводов. Во-первых, предметы второй группы характерны как для одного, так и для другого памятника. Во-вторых, городище Бухта Находка и Надымский городок находятся на незначительном расстоянии, а именно 135 км, что вряд ли исключает личные связи и торгово-меновые отношения как между жителями этих двух городков, так и с выходцами из Северо-Восточной Европы, земель Новгорода Великого.

Закключение. Рассмотрев вещевой комплекс Надымского городка XIII – сер. XV в. можно констатировать, что в коллекции раскопок присутствуют как уникальные формы предметов, которые не имеют аналогов на памятниках синхронного периода, принадлежавших аборигенному населению, так и типологически близкие серии предметов, которые составляют хронологически-преемственные группы и могут свидетельствовать о некоей этнокультурной преемственности изготовления.

В этой связи возникают сомнения в однозначной трактовке вещевого комплекса Надымского городка XVI–XVIII вв. как принадлежавшем только аборигенному населению. Несомненно, некоторые типологические формы предметов сформировались здесь с глубокой древности, и сейчас мы хотим

обозначить вектор последующего детального исследования, связанного с идентификацией вещевого комплекса. Представленная в данном исследовании первая группа вещей имеет доказанную этнокультурную принадлежность и связана с населением Северо-Восточной Европы, но вторая группа вещей не может быть столь однозначно интерпретирована. Поэтому необходимо провести детальный анализ форм предметов для определения древних, принадлежавших аборигенному населению, и тех форм, которые могли возникнуть с участием выходцев из Северо-Восточной Европы – славяно-финского населения Надымского городка.

Для примера рассмотрим изделия из кости животных в качестве подвесок – амулетов, талисманов. Появление данной формы также вызывает ряд вопросов, поскольку в материальной культуре жителей синхронно функционировавшего городка Бухта Находка их нет. В результате работ 2016 года по исследованию Надымского городка было найдено сто тридцать шесть экземпляров, а в коллекции городища Бухта Находка за все годы исследований было найдено две подвески – просверленные клыки. Судя по материалам раскопок средневековых памятников на территории Северо-Западной Сибири и сопредельных территориях Прикамья, Поволжья и Руси, подвески из костей животных были повсеместно распространены, причем с давнего времени. На территории Прикамья подвески из различных костей животных известны с эпохи раннего железного века до позднего средневековья [Ашихмина, 1977. – С. 156; рис. 8 – 3; Голдина, Кананин, 1989. – Рис. 77 – 5; 83 – 39; Археология Республики Коми, 1997. – С. 679; рис. 8 – 25]. Довольно много найдено подвесок-амулетов из астрагалов бобра, овцы, клыков лисы и медведя в памятниках X–XIII веков на территории Поволжья – в Болгаре, на Руси – в Старой Ладге, Белоозере, окрестностях Старой Рязани [Закирова, 1988. – С. 233; рис. 103 – 11; Древняя Русь, 1997. – С. 157; табл. 93 – 19; Судаков, Буланкин, 2005. – С. 271, 278; рис. 5 – 2–8, 13–15].

Но есть также ряд вещей, которые присутствовали в быту населения городища Бухта Находка, Ярте VI и отсутствовали у населения Надымского городка. Например, цельные костяные или деревянные односторонние гребни-заколки, большинство из которых можно охарактеризовать как длиннозубые с небольшим количеством зубцов (5–11). Для жителей Надымского городка характерны гребни двусторонние прямоугольной или трапециевидной формы, изготовленные из копыт лошади, рога или из дерева. С одной стороны гребень снабжен часто расположенными зубцами, с другой – более редко [Кардаш, 2013, С. 176]. Гребни такой формы являются частой находкой на древнерусских памятниках Северо-Восточной Европы. Большая серия подобных гребней была получена из раскопок Изборска, Белоозера, Новгорода Великого и других [Седов, 2007. – С. 283–286, Захаров, 2004. – С. 218–219, рис. 226]. По новгородской типологии аналогичные гребни относятся к типу «Л» и датируются кон. X – нач. XIII в. [Колчин, 1982. – С. 164–166].

Этот перечень отдельных типов предметов можно продолжать дальше. Однако это отнюдь не означает, что все остальные вещи из коллекции XIV – сер. XV в. мы можем с уверенностью отнести к предметам материальной культуры аборигенного населения или некоего пришлого с северо-востока Европы. Несомненно, часть из них имеет восточноевропейское происхождение, если не фактическое, то как минимум формальное, но это предмет более детального и глубокого исследования⁴, которое выходит за рамки данной статьи, поскольку требует более широкого сравнительно-типологического анализа нескольких сотен категорий предметов.

Отвлекаясь от сути вышесказанного, тем не менее и в том же контексте хотелось бы отметить, что в археологической науке у ряда региональных исследователей сложилось мнение, что единственными достоверными признаками миграции русского (славянского) или славяно-финского населения с территории Северо-Восточной Европы в Сибирь является наличие черномореной керамической посуды, выполненной в русской технологической традиции, и предметов личного благочестия. Отметим, что для территории Крайнего Севера наличие керамической посуды не может являться культуроопределяющим фактором в силу региональной специфики жизнедеятельности. Так, например, при раскопках Нижнеколымского Стадухинского острога, без сомнения основанного русскими первопроходцами, в коллекции из числа посуды отсутствуют фрагменты черномореной посуды, зато в большом

⁴ В настоящее время такой анализ осуществляется в рамках диссертационной работы «Культура аборигенного населения Нижней Оби: Обдорья в XIII – сер. XVIII в.».

количестве присутствуют фрагменты китайского и японского фарфора. Однако это не является основанием для интерпретации Нижнеколымского острога как китайско-японского поселения [Визгалов, Кардаш, 2010. – С. 40].

Отсутствие предметов личного благочестия также не может являться определяющим критерием при идентификации этнического состава жителей того или иного поселения по археологическим материалам. Например, в Мининском археологическом комплексе X–XIII вв. на селище Владышнево I обнаружен один позднесредневековый крест-тельник, а на селище Владышнево II нет предметов личного благочестия [Археология севернорусской деревни..., 2008. Т. 2. – С. 58, таб. 22]. И это не позволяет усомниться в этнокультурной принадлежности населения как славяно-русского.

Несомненно, гипотеза о европейском происхождении основателей Надымского городка на основе анализа вещевого комплекса требует дальнейшей верификации с помощью антропологических данных. На сегодняшний день могильник не обнаружен, но получение антропологического материала возможно. При разборе мерзлого культурного слоя сохраняются органические материалы, и человеческие волосы – не исключение, соответственно можно попытаться собрать достаточное количество для проведения генетического анализа.

Список использованной литературы

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Том 2. Материальная культура и хронология. – М.: Наука, 2008. – 365 с.

Ашихмина Л. И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1977. – С. 139–166.

Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – 758 с.

Бауло А. В. Атрибутика домашних святилищ нижеобских хантов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат. VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 4. – С. 404–409.

Бауло А. В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 89–101.

Визгалов Г. П., Кардаш О. В. Святилище Ай-Орт-Ики на реке Малый Салым: историко-этнологическое исследование. – Нефтеюганск: ООО «НПО “Северная археология”»; Екатеринбург: АМБ, 2010. – 216 с.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 216 с.

Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. – М., 1888. – 91 с.

Грачёва Г. Н. Палеоэтнографические исследования в Арктике // КСИА. – 1986. – Вып. 200. – С. 21–26.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Цитадель, 1998. – 11465 с.

Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. тома: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – Т. 16). – М.: Наука, 1997. – 368 с.

Древняя Русь. Город, замок, село / отв. ред. тома: Б. А. Колчин. – М.: Наука, 1985. – 431 с.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 592 с.

Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1998. – С. 220–243.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) (Сер.: Народы Севера и Дальнего Востока). – М.; Л.: АН СССР, 1963. – 506 с.

Изделия остяков Тобольской губернии. Этнографическая коллекция Тобольского губернского музея на Первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске // ЕТГМ, 1909. Вып. 19. – Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1911. – I–IV. – С. 1–136.

Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). – Екатеринбург ; Нефтеюганск: АМБ, 2011б. – 60 с.

Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург ; Салехард: Магеллан, 2013а. – 360 с., ил.

Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург ; Салехард: Магеллан, 2013б. – 380 с., ил.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Комплексные археологические исследования объекта археологического наследия «Надымское городище» XIII–XVIII вв. в 2016 году». – Новосибирск, 2017. – 326 с.

Кардаш О. В., Пономарева Т. М. Гребни IX–XIII веков из раскопок археологических памятников Севера Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии, вып. 2 (50). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – С. 72–81.

Кардаш О. В., Усолкина М. А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: в 2-х частях. Ч. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 335–347.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. – М.: Наука, 1968. – 184 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е1-55).

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. – М.: Наука, 1971. – 113 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е1-55. Часть II).

Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. – М., 1982.

Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней Русской истории. – СПб., 1819.

Пархимович С. Г. Строительная обрядность в русских поселениях севера Западной Сибири конца XVI – XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст.: в 2-х томах. Том II. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – С. 28–40.

Плигузов А. И. Текст-кентавр о Сибирских самоедах. – М., 1993. – 156 с.

Сирелиус У. Т. Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ, 1905. Вып. 15. – Тобольск: Типография Епархиального Братства; 1906. – II. – С. 1–40; ЕТГМ, 1906, вып. 16. – Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1907. – II. – С. 41–69.

Северная археология. – Нефтеюганск: Изд. ООО «НПО “Северная археология”»; Екатеринбург: АМБ, 2010. – 112 с.

Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. – М.: Наука, 2007. – 413 с.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть I. Москва, в типографии Н. С. Всевожского, 1813. – 643 с.

Соколова З. П. Народы Западной Сибири: этнографический альбом. – М.: Наука, 2007. – 342 с.

Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

Судаков В. В., Буланкин В. М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 269–280.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.

Федорова Н. В. Отчет о НИР «Археологические исследования городища Усть-Войкарского (Войкарский городок) в Шурьшкарском районе ЯНАО в 2006 году. Нефтеюганск. – Салехард, 2007. – 110 с.

Федорова Н. В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Вып. № 4 (41). Научно-практическая конференция «Обдорья: история, культура, современность». – Салехард: Красный Север, 2006. – С. 11–17.

Чемакин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е издание, исправленное и дополненное. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–65.

Рис. 1. Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв., дерево.
1а, 1б, 2а – детали рабочей части; 4, 5 – Новгород Великий. Неревский раскоп. XI–XIII вв., дерево

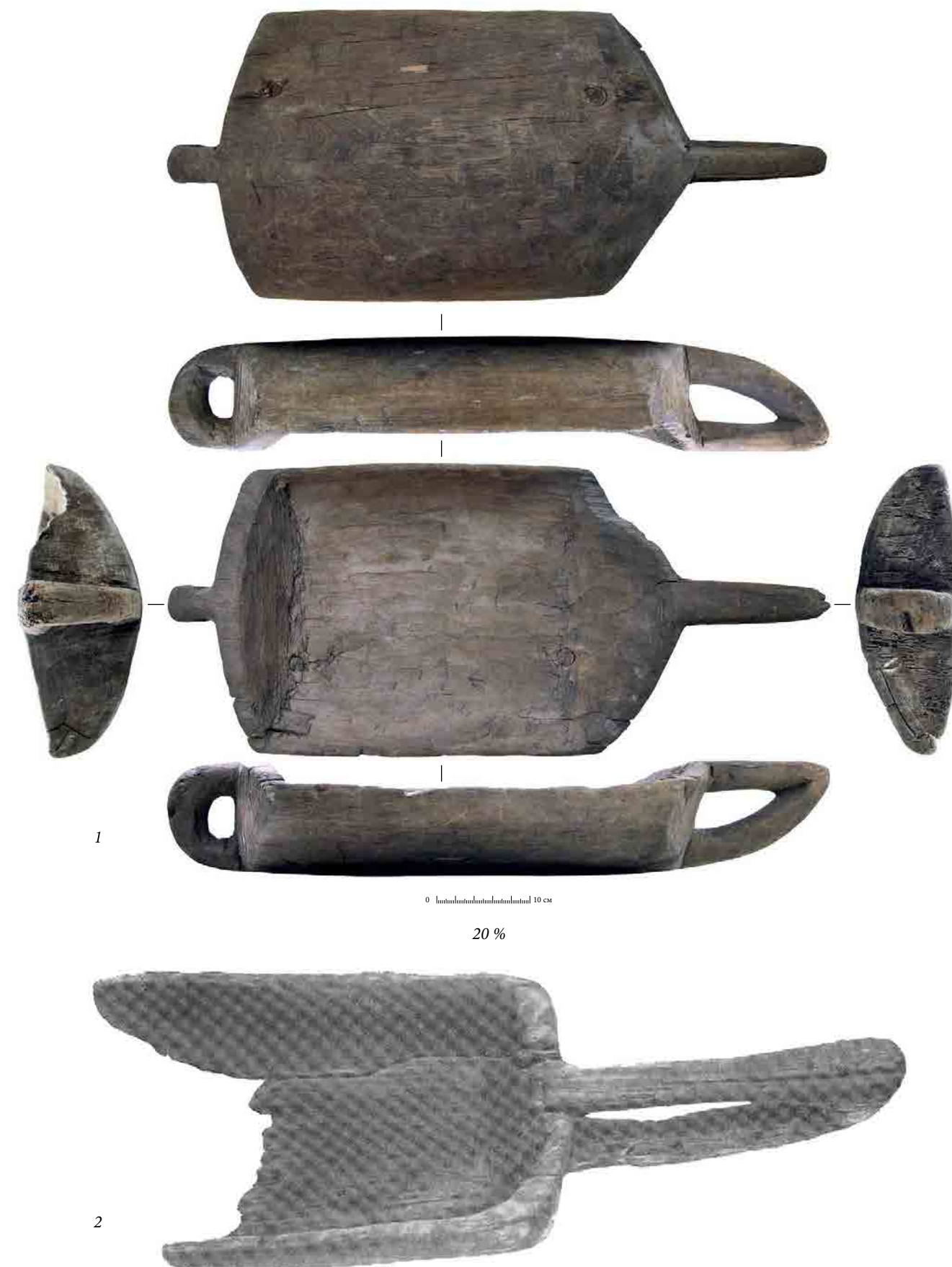

Рис. 2. Изделия с прорезными ручками. 1 – корыто, дерево Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв.;
2 – ковш, дерево. Новгород Великий. Неревский раскоп. X вв. [Колчин, 1968. – Рис. 39]

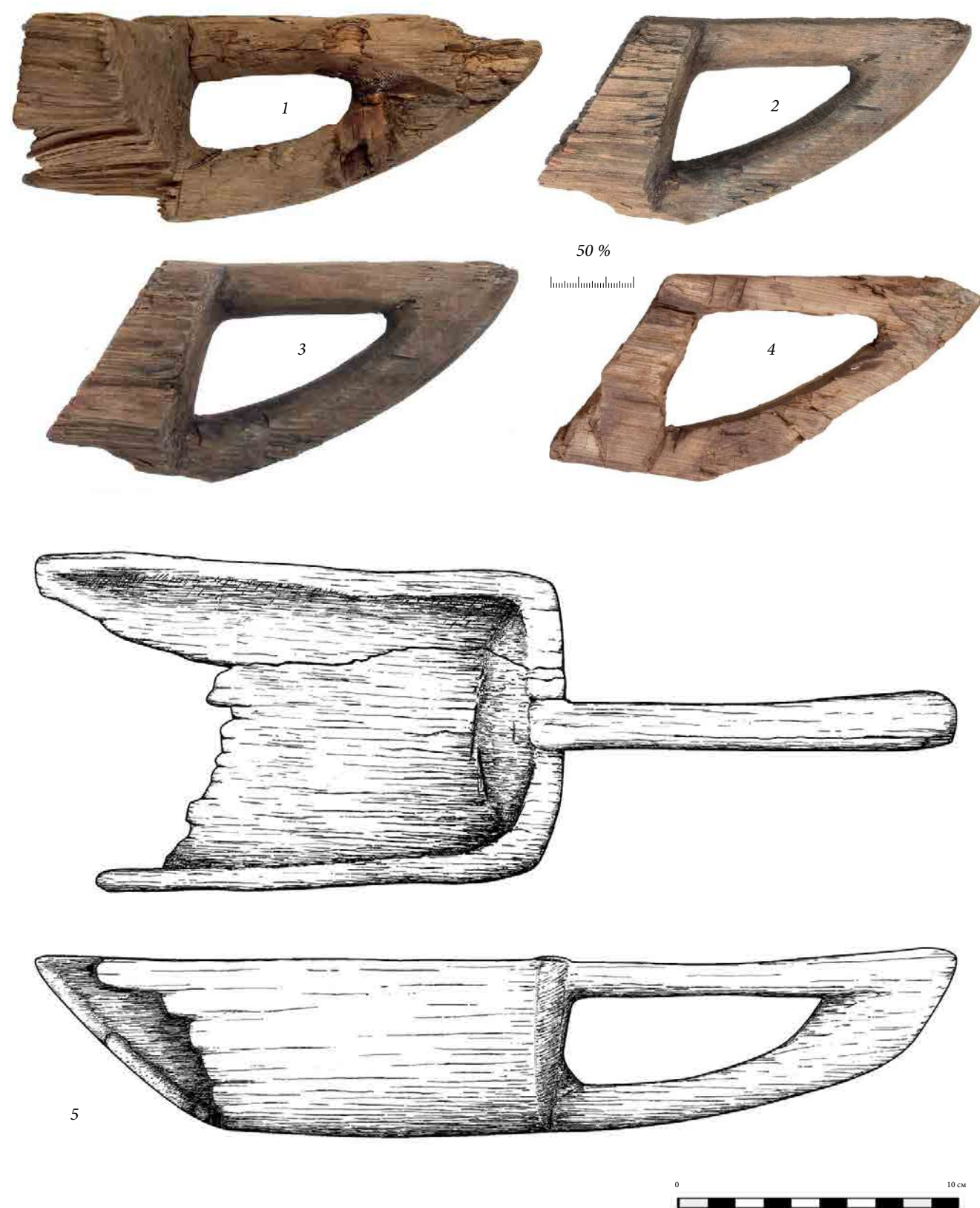

Рис. 3. Фрагменты корыт. 1–4 – деталь корыта, ручка, дерево. Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв.; 5 – графическая реконструкция, дерево. Новгород Великий. Неревский раскоп. X в.

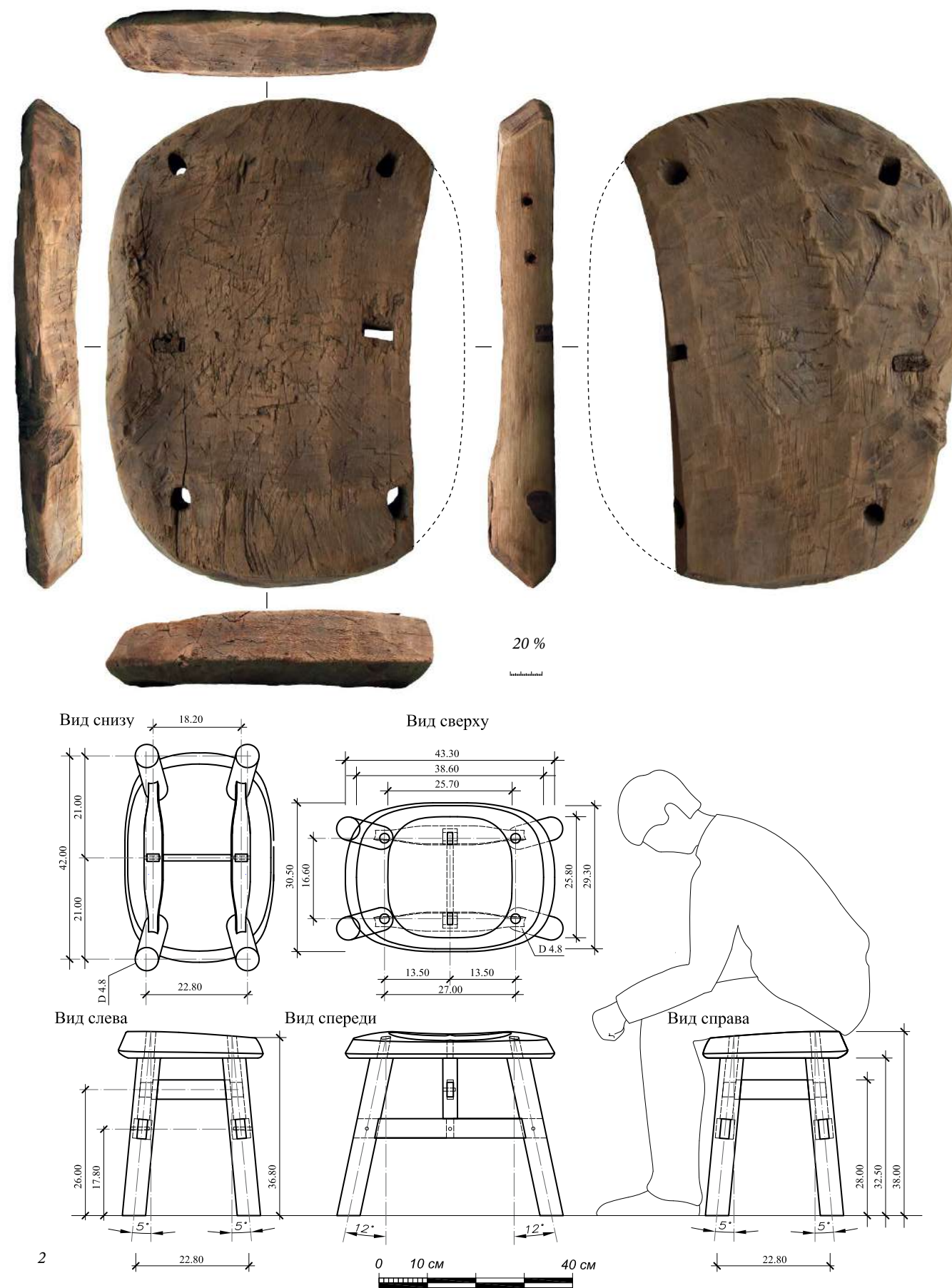

Рис. 4. Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв. 1 – стул-табурет, дерево; 2 – реконструкция стула-табурета

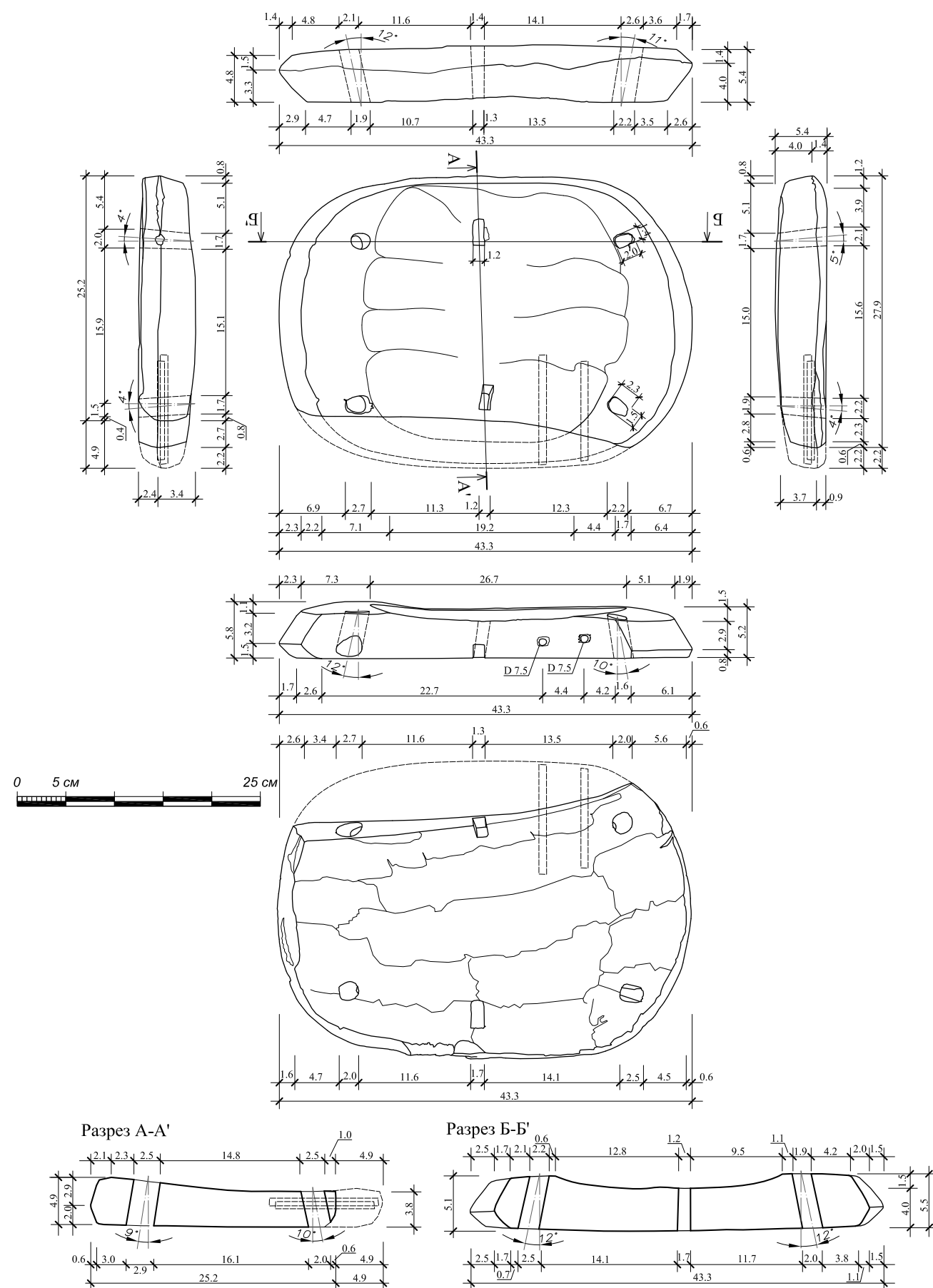

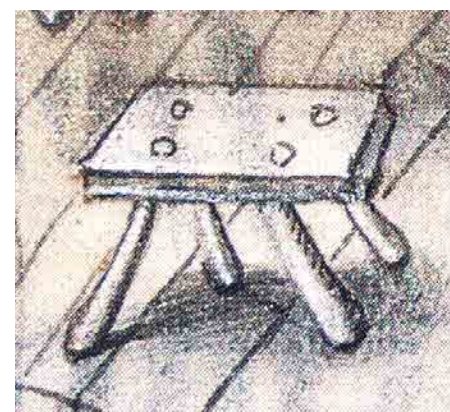
Рис. 5. Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв. Стул-табурет, дерево. Обмерный чертеж

2

1

2a

3a

3б

3в

Рис. 6. Стул-табурет, дерево. 1 – Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв. Реконструкция 2, 2a – Getijdenboek van Philips van Bourgondië / Philip of Burgund's book of hours Z. Nederlanden / S. Netherlands, Oudenaarde, o.m. Jean Miélot (cop.) en o.m. Jean le Tavernier (min.). Latijn en Frans op perkament / Latin and French on vellum, 268 × 189 mm BvB Doc. Syst. miniatures / miniatures no. 125. Collectie K. B. / R. L. Collection, 76 F 2 fol. 275 r; 3 – коллекция МАЭ г. Санкт-Петербург

1a

2

2a

Рис. 7. Стул-табурет.

Аналогии. 1 – Болгария, Родопы, д. Петково; 2 – Швейцария, музей деревянной архитектуры «Балленберг»

Рис. 8. Деревянные изображения лошадей. 1–4 – Тось-чер-вой, коники. Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв.; 5, 6 – Тось-чер-вой, коники. Надымский городок. Строительный горизонт конца XVI – первой трети XVIII в.; 7 – XI в.; 8 – X в.; 9 – XIV в., 10 – XV в., Коники. Новгород Великий. Неревский раскоп; 11 – коник, Полуйский мысовый городок. Строительный горизонт конца XVII – первой трети XVIII в.; 12, 13 – коники. Мангазейское городище. Строительный горизонт XVII в.

Рис. 9. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево. 1–4 – детали крышки сундука; 1a – торцевая часть с элементом сопряжения; 3a, 4a – торцевые врезки в месте сопряжения деталей

Рис. 10. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево. 1 – крышка сундука; 1a – конструкция сопряжения деталей крышки; 2–4 – детали дна сундука

Рис. 11. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево.
1 – стенка сундука; 1a – графическая реконструкция орнамента

Рис. 12. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево.
1 – стенка сундука; 1a – графическая реконструкция орнамента

Рис. 13. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево.
1 – крышка сундука; 1а – графическая реконструкция орнамента

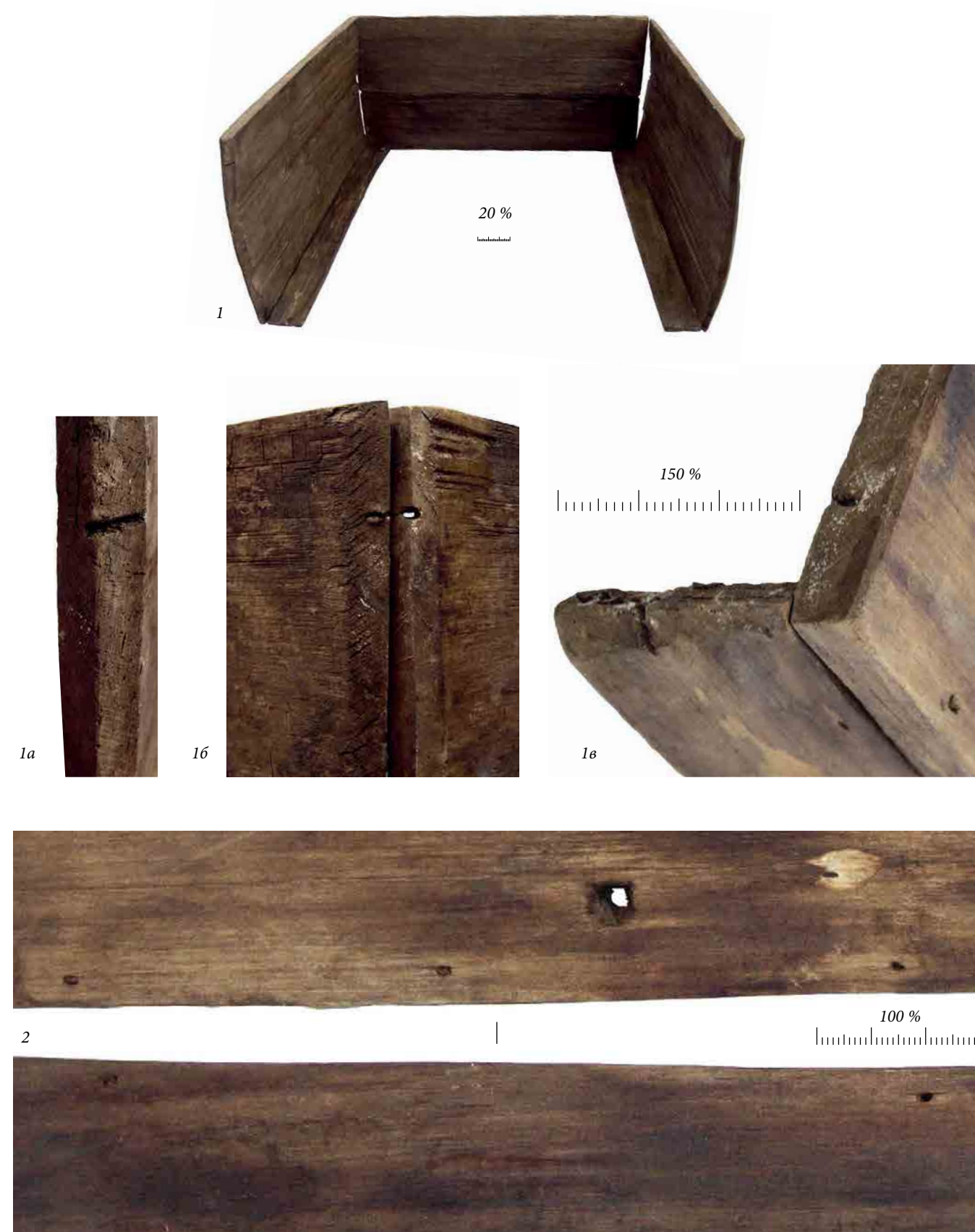

Рис. 14. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево.
1 – общий вид изнутри; 1а – деталь торцевой части стенки с отверстием от штифта (нагеля); 1б – сопряжение боковых стенок в месте соединения штифтом (нагелем); 1в – сопряжение боковой стенки и дна сундука; 2 – фрагменты нижнего края стенок сундука с отверстиями от штифтов

Т. В. Лобанова¹, О. В. Кардаш^{2, 3}, П. А. Косинцев¹

¹ Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, д. 202, г. Екатеринбург, 320144, Россия
E-mail: lota_64@mail.ru; E-mail: _kra@ipae.uran.ru
² Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия
³ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

**Надымский городок: амулеты и талисманы из костей животных
XIII–XVIII веков**

Аннотация. В статье описана коллекция подвесок (амулетов и талисманов) из костей животных Надымского городка периода XIII – первой трети XVIII века. Представлена типология этих изделий, рассмотрено их функционально-семантическое значение. Часть из них представляет собой амулеты для защиты человека (клыки и зубы), другие являются талисманами, служащими для удачи в охотничьем промысле (нижние челюсти и таранные кости пушных животных). Религиозно-семантическое значение этих предметов рассмотрено в контексте общемировой религиозной культуры. Для сравнения привлечены данные из других археологических памятников Западной Сибири и европейской части России.

Ключевые слова: север Западной Сибири, Надымский городок, кости животных, религия, амулеты, талисманы.

Введение

Настоящая работа является продолжением исследования, основанного на материалах городища Монкысь Урий, которое было посвящено анализу костных остатков как археологического и исторического источника, несущего не только хозяйственно-экономическую, но и ритуально-религиозную информацию [Лобанова, Кардаш, 2018]. Костные остатки, которые в большом количестве собираются с археологических объектов, особенно на северных памятниках с мерзлым культурным слоем, как правило, описываются как бытовые кухонные отходы и в первую очередь используются для анализа промыслово-хозяйственной деятельности населения. Тем не менее довольно большая часть костей, попадающих в культурный слой, на деле является свидетельствами тех или иных ритуальных действий, не всегда очевидных для исследователей. В качестве таковых могут быть черепа копытных животных, иногда имеющие видимые характерные повреждения, а иногда не видимые нами из-за того, что были повреждены в культурном слое памятника. Или черепа пушных животных (зайцев, песцов, соболей и др.), обычно хранимые охотником для удачи подвешенными на веревке [Ивасько, Лобанова, 2003. – С. 70], а в культурном слое лежащие в беспорядке. Но это могут быть и мелкие кости, например, таранные кости ног, которые в слое мы находим абсолютно целыми, без явных следов обработки. Поэтому мы считаем, что костные остатки животных правомерно рассматривать как экологический источник, но также анализировать с исторической точки зрения и более тщательно относиться к анализу и интерпретации их происхождения и использования.

Рис. 15. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево.
1 – реконструкция

На средневековых памятниках севера Западной Сибири начиная с XII века появляется особый тип артефактов – изделия из костей и зубов животных, имеющие отверстие для подвешивания. Археологи обычно интерпретируют эти изделия как подвески и относят к такой категории предметов вещевого комплекса, как украшения костюма (или человека), наряду с изделиями из стекла или металлов, тоже имеющих отверстия или снабженных петлей для подвешивания. Употребление костей и зубов различных животных в качестве украшений-амулетов известно с древнейших времен у многих народов мира и стало практически неотъемлемой частью образа первобытного человека. Такое использование костей исторически имело религиозно-идеологическую основу и у каждого этноса – свои особенности и определенную систему. И продолжает использоваться до настоящего времени в современном туристическом обороте как реликт древних верований. На наш взгляд, кости и зубы животных, имеющие отверстие, – в древнем обществе не являлись сутью украшениями, но имели разнообразное религиозно-семантическое значение.

В результате исследования серии памятников аборигенной культуры на крайнем севере Западной Сибири, где все органические материалы хорошо сохранились в мерзлом культурном слое, получены представительные коллекции изделий и украшений из кости. В процессе их изучения мы обратили внимание на то, что на одних памятниках, функционировавших в период с XIII по XVIII век, таких как Надымский, Полуйский, Усть-Войкарский городки, подвески из костей животных постоянно встречаются в культурном слое [Сивоха, 2008. – С. 8–9; Кардаш, 2009. – С. 136; 2013. – С. 174]. На других памятниках, таких как городище Усть-Полуй, селище Тиутей-Сале 1, городище Ярте 6, функционировавших в период с III в. до н. э. по XII век н. э., подобные находки отсутствуют полностью [Федорова и др., 1998. – С. 100; Плеханов, 2014; Гусев, 2017. – С. 6–8]. С чем связано такое явление отсутствия целой категории предметов на памятниках, расположенных на одной небольшой территории? Что стоит за этим явлением – территориальный, хронологический или этнокультурный признак, достоверно не известно.

Целью данной статьи является описание и анализ коллекции подвесок из костей и зубов животных из материалов раскопок Надымского городка. Надымский городок выбран нами не случайно. Это место, где подобные изделия представлены наиболее массово. В то же время городище изучалось на протяжении 15 лет, и за этот период и были вскрыты и изучены слои XIII – первой трети XVIII века на всей территории памятника. Археологическая и археозоологическая коллекции из раскопок этого памятника на данный момент довольно полно и всесторонне изучены. Для всех найденных подвесок были определены элемент скелета и вид животного. Для сравнения и поиска аналогий мы старались в первую очередь привлечь данные с археологических памятников аборигенного населения севера Западной Сибири, расположенных ближе всего территориально и хронологически. На данный момент из них наиболее изучены – городище Бухта Находка XII – начала XIV в., городище Перегребное I XII–XIII вв., городище Ендырское I XIII–XIV вв., Усть-Войкарский городок XIII–XIX вв., Полуйский мысовой городок XVII в.

Терминология

Для дальнейшего обсуждения этой проблемы нам представляется необходимым выработать понятийный аппарат нашего исследования. В большинстве исследований, посвященных данной теме, все изделия из костей и зубов животных, имеющие отверстие, называются подвесками. Сюда относят как изделия из целых костей, так и из их фрагментов (например, рогов).

Подвеска – подвешенное украшение [Ожегов, Шведова, 1999. – С. 533]. Понятие это довольно широкое, поэтому здесь и далее мы будем называть так все изделия из костей и зубов животных, имеющих отверстие для подвешивания. Надо оговориться, что в этом исследовании мы не рассматриваем подвески, вырезанные из кости, а лишь изготовленные из целых костей или их частей (как в случае со слуховыми костями черепа). Одним из наиболее часто используемых материалов для изготовления подвесок служили зубы (клыки хищников и резцы копытных и грызунов), нижние челюсти и таранные кости.

Таранная кость (*talus*) или **астрagal** (*astragalus*) – одна из костей предплюсны, формирующая нижнюю часть голеностопного сустава. Таранная кость является второй по величине среди костей пред-

плюсны и соединяет голень и стопу. Сверху она соединяется с больше- и малоберцовой костями, снизу с пяточной костью, а спереди – с ладьевидной. Посредством этих сочленений таранная кость передает вес тела и дополнительных нагрузок, возникающих при движении, одновременно в разные стороны на всю стопу, исполняя роль тарана. Кость имеет сложную форму, в ней выделяют несколько частей. Передняя часть носит название **головка** таранной кости (*caput tali*), средняя часть – **шейка** (*collum tali*) и далее **тело** кости (*corpus tali*). На нижней части таранной кости имеется суставная поверхность для соединения с пяточной костью [Синельников, Синельников, 1996. – С. 336, Капанаджи, 2017. – С. 206]. При описании таранных костей мелкого рогатого скота используют еще понятие – «**альчик**» (от киргизского слова *алчы*, обозначающего самое старшее положение кости), а крупного рогатого скота – «**бабка**». Эти кости использовались для распространенных детских игр.

Подвески из зубов и костей, как правило, относят к категории украшений и интерпретируют как амулеты [Голубева, 1997. – С. 157; Белавин, Крыласова, 2008. – С. 457; Тянина, 2010. – С. 159 и др.]. Что подразумевают эти понятия и достаточно ли полно они отражают суть всех тех артефактов, которые к ним относят?

Амулет (от араб. *لَحَاح* – «носить») или **оберег** – предмет, которому приписывается магическая сила, который должен принести счастье (энергетическое, таинственное действие) и уберечь от потерь (защитное действие) [Атеистический словарь, 1985. – С. 16]. Иногда вместо слова «амулет» используют понятие **апотропей** (от др.-греч. *ἀπο-τρόπαιος* – «отвращающий беду») – в археологии и этнографии название предметов и изображений, которым приписывалась магическая способность отгонять злых духов [Большая Советская энциклопедия]. Амулеты носят на теле (часто как украшение) или на одежде, либо вешают вокруг скота. Они могут быть изготовлены из множества материалов, благодаря которым носитель должен быть пассивно защищен. Уже в первобытном обществе люди увешивали себя зубами и когтями убитой ими добычи, имея анимистическое представление о том, что на человека влияют магические силы, противодействовать которым он может амулетами, которые должны были дать их носителю силу животного.

Но все ли найденные на памятниках подобные артефакты являются амулетами? Несомненно, к таковым относятся клыки и, может быть, челюсти хищных животных, оснащенные клыками. Но, как нам представляется, помимо пассивной, защитной функции части этих предметов присваивалась и функция приносить удачу. И поскольку в древних присваивающих хозяйствах аборигенов Сибири благополучие его населения было напрямую связано с удачным промыслом, вероятно, часть этих артефактов использовалась для промысловой магии в качестве предметов охотничьей удачи – талисманов.

Талисман (др.-греч. *τέλεσμα* – «посвящение, чары») – магический предмет, назначением которого, согласно суеверным представлениям, является принесение счастья и удачи его владельцу [Атеистический словарь, 1985. – С. 463]. В словаре Ожегова [Ожегов, Шведова, 1999. – С. 788] также упомянута удача и не упоминается ношение талисмана на теле. Таким образом, талисман – наиболее общее понятие: талисманы могут нести не только защитную функцию, но и приносить успех; одни талисманы носят на теле, другие – нет (например, талисманом может быть животное). Известный оккультист А. Кроули так описывает талисман: «Талисман есть некий предмет, над которым произведен акт желания (то есть Магический акт), дабы он мог соответствовать определенной цели» [Кроули, 2010. – С. 107]. В качестве талисманов люди могут использовать как артефакты, так и естественные предметы (например, куски янтаря, раковины, кости или зубы животных, необычные камни). Некоторые талисманы заговорены колдуном, ведьмой, шаманом и т. п., другие – нет.

Какие из описываемых далее нами артефактов являются амулетами-оберегами, а какие суть талисманами, собираемыми и хранимыми для удачного промысла, мы попробуем выяснить далее.

Описание коллекции

Надымский городок расположен в нижнем течении реки Надым, в 25 км от его устья (66°03' с. ш. 72°00' в. д.). Массовые дендрохронологические исследования образцов древесины из построек городка показали, что территория городка заселялась с конца XII до первой трети XVIII века [Горячев и др., 2002. – С. 22–24]. В результате раскопок Надымского городка было установлено, что он представлял

собой населенный пункт с укрепленной оборонительно-жилой зоной. Архитектурный облик оборонительно-жилого комплекса городка менялся несколько раз. Выделяются три основных периода: первый период XIII– сер. XV в., второй период – сер. XV – кон. XVI в. и третий – кон. XVI – первой трети XVIII в. Планировочная композиция оборонительно-жилой зоны представляет собой овал, сформированный наружной стеной, рассеченный по длинной оси на две равные половины улицей – центральным проходом. Внутреннее пространство включало шесть симметричных кварталов, каждый из которых заполняли прямоугольные постройки разных размеров и функционального назначения (жилые и хозяйственные) и разных архитектурных традиций, что отражало неоднородный этнический состав населения, а именно проживание в нем самоедов и остяков.

Терраса, опоясывавшая жилую зону, была искусственно сформирована культурным слоем, состоящим преимущественно из щепы, стружки и гумусированных органических соединений, включавших в себя фрагменты досок и бревен, кости животных, артефакты, а также различные отходы жизнедеятельности населения городка. Терраса была условно разделена на отдельные площадки, которые имели приблизительно одинаковые размеры, за исключением северо-восточного склона, обращенного к протоке и смытого ею. Северо-западная многофункциональная площадка, помимо осуществления повседневной хозяйственной деятельности, обработки древесины, служила местом, где могли стоять чумы общинников или гостей, приехавших в городок для меновой торговли или для проведения ряда праздников и религиозных ритуалов. Западную многофункциональную площадку можно описать как место для хозяйственно-бытовой деятельности людей, в том числе и утилизации продуктов промысла и разделки туш оленя. Южная многофункциональная площадка относится к последнему периоду функционирования городища и служила местом для «военно-ритуальной» деятельность жителей [*Кардаш, 2009*. – С. 58–61].

Археозоологическая коллекция из раскопок Надымского городка 1998–2016 годов насчитывает около 215 000 экз. костных остатков. Как правило, это кости животных, не несущие на себе следов специальной обработки и представляющие собой преимущественно кухонные остатки. Но всегда ли можем отличить изделия от бытовых отходов? По сути, деление костей животных на отходы жизнедеятельности и артефакты не всегда очевидно. В процессе анализа мы столкнулись с тем, что кости, не несущие заметных следов обработки, тем не менее могут нести определенную семантическую нагрузку.

Таблица 1

Видовой состав и количество подвесок из костей животных из раскопок Надымского городка
XIII – первой трети XVIII века

Виды и группы	Зубы	Нижняя челюсть	Слуховой барабан	Плечевая кость	Таранная кость	Луч плавника	Позвонок	Всего
Олень северный	–	–	–	–	10	–	–	10
Лось	23	–	–	–	–	–	–	23
Медведь бурый	4	–	–	–	–	–	–	4
Волк	3	–	–	–	2	–	–	5
Лисица	10	5	–	–	1	–	–	16
Песец	161	105	–	–	135	–	–	401
Соболь	–	117	–	–	6	–	–	123
Горностай	–	2	–	–	–	–	–	2
Росомаха	11	–	–	–	31	–	–	42
Бобр	1	–	–	5	213	–	–	219
Заяц-беляк	–	3	–	–	101	–	–	104
Морж	3	–	–	–	–	–	–	3
Нерпа	–	–	1	–	–	–	–	1
Собака	4	–	–	–	1	–	–	5
Лошадь	1	–	–	–	–	–	–	1
Свинья	–	–	–	–	1	–	–	1
Рыба*	–	–	–	–	–	–	17	17

Виды и группы	Зубы	Нижняя челюсть	Слуховой барабан	Плечевая кость	Таранная кость	Луч плавника	Позвонок	Всего
Осетр	–	–	–	–	–	1	–	1
Нельма	–	–	–	–	–	–	3	3
Сиговые	–	–	–	–	–	–	1	1
Щука	–	–	–	–	–	–	1	1
Всего	220	232	1	5	501	1	22	983

Изделия из костей животных, как правило, попадают в археологическую коллекцию артефактов. Коллекция подвесок из костей животных из раскопок Надымского городка периода XIII – первой трети XVIII века составляет 983 экз. и представлена в таблице 1. В большинстве своем это таранные кости стопы, нижние челюсти, отдельные зубы животных. Все подобные изделия отличает наличие отверстия, с помощью которого их (как принято считать) могли нашивать на одежду или подвешивать на тело или ремень. В культурном слое городка подвески из костей животных встречались повсеместно. Иногда они располагались одиночно, а часть была найдена в скоплениях, которые составляли наборы наподобие ожерелья, некоторые из них были схоронены как клады. Часть подвесок дополнительно украшалась орнаментом, они имеют следы постоянного ношения, поверхность их заглажена, что явно говорит о большой значимости этого типа украшений, но большее их количество отличалось от подобных костей исключительно наличием искусственного отверстия. Подавляющее большинство этих изделий, вне всякого сомнения, имеют местное происхождение и очень тесно связано с традиционной культурой и религией. Но есть и подвески, происхождение которых не так очевидно.

Типология подвесок из кости была произведена на основании принадлежности их к различным элементам скелета и видам животных. По принадлежности к элементам скелета все подвески составляют две большие группы.

Первая группа представлена элементами передней части тела – 458 экз. Это верхние и нижние зубы, нижние челюсти и отдельные кости черепа, кости передних конечностей.

Тип I – подвески из зубов животных (клыков и резцов) – 220 шт. (табл. 1). Такие подвески изготавливали преимущественно из верхних и нижних клыков хищных животных (бурый медведь, волк, собака, росомаха, лисица, песец), а также из резцов копытных и грызунов и морских млекопитающих (лось, лошадь, бобр, морж). Для подвесок использовались зубы взрослых животных, но изредка встречаются зубы молодых особей, корни у которых еще не сформировались. В большинстве случаев отверстие в зубах сверлились в верхней части корня, в единичных клыках отверстие было расположено в центре зуба. Подтип мы определяли по видовой принадлежности зуба.

Подтип 1 – клык **бурого медведя** (*Ursus arctos*) – 4 экз. (рис. 1 – 1–4, табл. 1). Два клыка медведя были найдены в постройке № 8, один клык был найден в хозяйственной постройке в квартале № 1 и один на северо-западной многофункциональной площадке.

Подобные подвески из клыков медведя были найдены на городище Ендырское 1 [*Зыков, Кокишаров, 2001*. – С. 118, рис. 38 – 6].

Подтип 2 – клык **росомахи** (*Gulo gulo*) – 11 экз. (рис. 1 – 5–8, табл. 1). Такие подвески были найдены на всей территории оборонительно-жилого комплекса и северо-западной многофункциональной площадки городка в слоях кон. XV – нач. XVIII века. Помимо просверленных, на памятнике были найдены еще 13 изолированных клыков росомахи, не имеющих отверстий.

Подвеска из клыка росомахи есть в коллекции Усть-Войкарского городка [*Сивоха, 2008*. – С. 8–9].

Подтип 3 – клык **волка** (*Canis lupus*) – 3 экз. (рис. 1 – 9–10, табл. 1). Две подвески были найдены в слоях XVII века на территории самоедских кварталов 3 и 5. Одна подвеска, изготовленная из верхнего клыка молодого животного (рис. 1 – 10), была найдена на западной площадке рядом с тремя подвесками из клыков песка.

Подобная подвеска из клыка волка была найдена на Полуйском мысовом городке.

Подтип 4 – клык **собаки** (*Canis familiaris*) – 4 экз. (табл. 1). Один клык собаки был найден в постройке № 8, два клыка собаки лежали рядом в слое конца XIV века на территории оборонительного жилого

комплекса, еще один был найден среди большого скопления костей различных животных в постройке № 12. Этот клык имел не досверленное отверстие и был завернут в клочок меха.

Подвеска из клыка собаки есть в коллекции Усть-Войкарского городища [Новиков, 2014. – С. 83, С. 165, рис. 164 – 3].

Подтип 5 – клык **лисицы** (*Vulpes vulpes*) – 10 экз. (табл. 1). Три клыка лисицы, вероятно, были частью ожерелья (рис. 1 – 11–13) и были найдены на центральной улице городка. Остальные располагались одиночно на территории кварталов 2 и 3. Два клыка от молодых животных были найдены на западной многофункциональной площадке в слое начала XV века. Коронка одного зуба была срезана вертикально (рис. 1 – 14).

Подобные подвески из клыков лисицы есть в коллекциях Полуйского мысового и Усть-Войкарского городков [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 6 – клык **песца** (*Vulpes lagopus*) – 161 экз. (рис. 1 – 14, табл. 1). Подвески из зубов песца наиболее многочисленны на городке среди украшений такого типа. Они изготавливались как из верхних (59 %), так и нижних (41 %) клыков. Лишь три подвески происходят от молодых животных (рис. 1 – 48–49), остальные от взрослых, что соответствует возрастному составу костных остатков этого вида. Только одна подвеска имеет отверстие в центре зуба (рис. 1 – 42), остальные на верхушке корня. Часть подвесок имеет аккуратные отверстия (рис. 1 – 43–45), отверстия на других не закончены или пробиты грубо (рис. 1 – 46–48). Подвески из клыков песца располагались в слое как одиночно, так и скоплениями по всей территории городка, во все хронологические периоды. Наибольшее их количество (47 %) было сосредоточено на северо-западной многофункциональной площадке, там же в слое кон. XV – нач. XVI века было найдено большое ожерелье, состоящее из 27 зубов (рис. 1 – 15–41). Небольшие фрагменты ожерелий, состоящие из 3–5 клыков песца, были также найдены в постройках № 7 и 10 и на западной площадке городка. На южной ритуальной площадке была найдена лишь одна такая подвеска.

Подобные подвески из клыков песца есть в коллекциях городища Бухта Находка, Полуйского мысового и Усть-Войкарского городков [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 7 – резец **лося** (*Alces alces*) – 23 экз. (табл. 1). 14 подвесок из резцов лося были найдены в слое кон. XV – нач. XVI в. на центральной улице городка и, видимо, представляли собой ожерелье (рис. 1 – 50–61). Зубы лося просверливались, как правило, в верхней части корня, кроме того некоторые были подточены по бокам вокруг отверстия (рис. 1 – 57а, 58а, 65–66). Единственная подвеска с двумя отверстиями была в составе скопления (рис. 1 – 56а). Две подвески были найдены у входа в постройку № 3, остальные располагались одиночно в слоях всех хронологических периодов, в разных частях оборонительного жилого комплекса, и лишь одна была найдена на северо-западной многофункциональной площадке. Такое большое количество зубов лося довольно необычно, так как кости лося на городке единичны, а нижняя челюсть, из которой могли быть получены зубы для подвесок, была найдена всего одна за весь период исследований.

Одна подвеска из резца лося в тундровой зоне Западной Сибири была найдена нами на городище Бухта Находка. Более известны они с северо-таежных городищ Перегребное 1, Усть-Войкарского и Ендырское 1 [Морозов, Пархимович, 1985. – С. 95, рис. 3 – 1–2; Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 119, рис. 38 – 10, фото 21; Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 8 – резец **лошади** (*Equus caballus*) – 1 экз. (рис. 1 – 67, табл. 1). Подвеска из единственной на городке кости лошади была найдена в остояцкой постройке № 3 в слое кон. XV – нач. XVI веков.

Подтип 9 – резец **бобра** (*Castor fiber*) – 1 экз. (рис. 1 – 68, табл. 1). Единственный резец с отверстием был найден в слое кон. XIV – нач. XV вв. на западной многофункциональной площадке.

Подтип 10 – зуб **моржа** (*Odobenus rosmarus*) – 3 экз. (рис. 1 – 69–70, табл. 1). Все подвески из зубов моржей находились одиночно, все на территории оборонительного жилого комплекса XV – нач. XVIII вв. Аналогий последним трем подтипам на территории Западной Сибири мы не нашли.

Тип II – подвески из нижних челюстей млекопитающих – 232 экз. Правые и левые нижние челюсти пушных животных просверливались в центральной части восходящей ветви над челюстным отверстием. Подтип мы определяли по видовой принадлежности кости.

Подтип 1 – нижняя челюсть **песца** – 105 экз. (рис. 2 – 3–8, табл. 1). Такие подвески были распространены по всей площади городка, 36 % были найдены на северо-западной многофункциональной площадке.

Наибольшее количество этих подвесок сохранились в слоях XV–XVI веков, когда промысел песца был максимальным. Интересно, что отверстия на таких подвесках зачастую не сверлены, а пробиты и потому имеют неправильную форму и острые края (рис. 2 – 5–8), некоторые подвески имеют 2 отверстия, но их форма зачастую также неправильна (рис. 2 – 8). Надо отметить, что нижние челюсти и черепа песцов в остеологической коллекции Надымского городка являются наиболее массовыми элементами скелета этого вида. Головы песцов (черепа и нижние челюсти), а также целые лапки, несомненно, сохранялись для промысловой удачи, но при этом есть скопления костей песца, состоящие почти исключительно из нижних челюстей. В хозяйственной постройке № 11 в слоях конца XVI в. было найдено 260 нижних челюстей песца, из которых 249 были левыми. И ни одна из них не имела отверстия для привешивания.

Подвески из нижних челюстей песца были найдены на городище Бухта Находка, Полуйском мысовом городке и Усть-Войкарском городках [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 2 – нижняя челюсть **лисицы** – 5 экз. (рис. 2 – 1–2, табл. 1). Подвески из челюстей лисиц были найдены только на жилой территории городища. Небольшое их количество соответствует общему числу костей этого вида. Одна подобная подвеска была найдена нами на Полуйском мысовом городке.

Подтип 3 – нижняя челюсть **соболя** (*Martes zibellina*) – 117 экз. (рис. 2 – 9–16, табл. 1). Наиболее массовый подтип подвесок из нижних челюстей. Встречаются во всех хронологических горизонтах и по всей территории городка, не образуя видимых скоплений. 9 таких подвесок было найдено на западной площадке и лишь две – на южной ритуальной площадке. Часть подвесок имеют следы ношения (рис. 2 – 9–12), но более половины таких подвесок не носились (рис. 2 – 13–16).

На севере Западной Сибири одна такая подвеска была найдена нами в Тазовской литейной мастерской XIII века, две – на городище XVII века Монкысь Урий, расположенного в Сургутском Приобье, еще несколько описаны на Усть-Войкарском городке [Сивоха, 2008. – С. 8–9]. Подвески из челюстей куницы (вида двойника соболя) известны с городища Ендырское 1 [Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 119, рис. 38 – 11, рис. 41 – 14–15].

Подтип 4 – нижняя челюсть **горностая** (*Mustela ermine*) – 2 экз. (рис. 2 – 17, табл. 1). Одна челюсть была найдена в большом скоплении костей, в постройке 22, в слое XIV в., другая – в постройке № 12 в слое конца XVI в. Довольно редкие находки, аналогий которым мы не нашли.

Подтип 5 – нижняя челюсть **зайца-беляка** (*Lepus timidus*) – 3 экз. (табл. 1). Нижние челюсти зайцев в остеологической коллекции этого вида являются наиболее массовым элементом скелета, но лишь три из них имеют отверстия. Нет подобных изделий и на других памятниках, хотя кости зайца многочисленны на большинстве археологических объектов Западной Сибири. Возможно, это связано с тем, что восходящая ветвь челюсти зайца, в отличие от таковых у хищных животных, имеет другое строение и при просверливании легко ломается (рис. 2 – 18), но, вероятно подвески из челюстей хищников несут иную семантическую нагрузку.

Единственная близкая аналогия – это подвеска из челюсти белки, найденная на Усть-Войкарском городке [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Тип III. Подвески из слуховых костей черепа (рис. 2 – 21, табл. 1). Этот тип представлен единственной подвеской из слухового барабана (*os petrosum*) **кольчатой нерпы** (*Phoca hispida*). Размер подвески 6,6 × 5,0 × 2,1 см, поверхность кости заглажена, т. е. подвеску носили. Подвеска была найдена в слое XV века в остояцком квартале № 2. Помимо этой подвески в остеологической коллекции содержится еще 20 небольших фрагментов черепов нерпы, из них 11 – это слуховые барабаны, еще 5 фрагментов от прилегающих к ним костей. Найдены все они были в разных частях городка во всех хронологических горизонтах. Эти кости не имели отверстий, лишь на одном из них есть следы обстругивания, но явно они собирались и сохранялись специально.

Аналогий для этого типа подвесок мы не нашли.

Тип IV. Подвески из плечевых костей бобра (5 экз.), которые мы можем отнести к элементам передней части тела. Все они имеют искусственное отверстие в центральной части нижнего эпифиза (табл. 1). Встречаются 2 варианта таких изделий.

Вариант 1 – изделия были изготовлены из целой кости – 2 экз. Надо отметить, что в обоих случаях кости принадлежали молодым животным, и верхний эпифиз был утрачен (рис. 2 – 20).

Вариант 2 – изделия были изготовлены из нижней части кости, разрубленной пополам посередине диафиза – 3 экз. (рис. 2 – 19). Описания подобных артефактов мы не встречали ранее. Аналогий для этого типа подвесок мы не нашли.

Надо отметить, что наиболее распространенными типами и подтипами подвесок первой группы в материалах Надымского городка являются подвески из зубов и нижних челюстей песца и нижних челюстей соболя. Подвески из костей песца редки в остальных регионах, поскольку ареал обитания этого вида и основной промысел был сосредоточен почти исключительно на севере Западной Сибири, в то время как подвески из нижних челюстей соболя вместе с челюстями куницы (*Martes martes*) встречаются чаще других не только в Надымском городке, но и на других памятниках в Западной Сибири и в Северо-Восточной Европе. На памятниках бассейна реки Камы этот вид амулетов известен с эпохи раннего железного века [Ашихмина, 1977. – С. 156, рис. 8 – 3] до позднего средневековья [Голдина, Кананин, 1989. – Рис. 77 – 5; Белавин, Крыласова, 2008. – С. 457, рис. 194 – 7–9]. Подвески из зубов хищников и резцов копытных имели широкое распространение в Северо-Восточной Европе еще с палеолита [Wilczynski et al., 2014. – Р. 155–160, fig. 4, 6]. Резцы бобров были довольно обычны в Новгородских коллекциях X–XII веков [Тянина, 2010. – С. 160]. А вот подвески из плечевых костей и костей морских млекопитающих есть только в Надымском городке, ни на севере Западной Сибири, ни на севере Восточной Европы данный подтип нам не известен, но это, возможно, связано с тщательностью выборки, а также низкой сохранностью органических предметов в культурном слое других памятников.

Вторая группа подвесок представлена элементами задней части тела – нижних отделов задних конечностей (502 экз.).

Тип I – подвески из таранных костей.

Подтип мы определяли по видовой принадлежности кости.

Подтип 1 – таранные кости **бобра** – 213 экз. (табл. 1). Для изготовления таких подвесок использовались правые и левые кости как взрослых, так и молодых животных. Только 160 подвесок из коллекции были описаны достаточно, для того чтобы разделить их на варианты по расположению отверстия и наличию орнамента.

Вариант 1. Одно отверстие просверлено в головке кости – 43 экз. (рис. 3 – 1–3).

Вариант 1А. Подвеска с отверстием в головке кости и орнаментом – 2 экз. (рис. 3 – 4–5).

Вариант 2. Одно отверстие просверлено в теле кости – 74 экз. Надо отметить, что и в этом обобщенном варианте существуют несколько различных вариаций расположения отверстия на теле кости (рис. 3 – 6–10).

Вариант 3. Подвеска, имеющая несколько отверстий: 2 отверстия – 22 экз. (рис. 3 – 11); 3 отверстия – 7 экз., в одном случае 3-е отверстие не досверлено, в другом – залеплено металлом (рис. 3 – 17–19); 4 отверстия – 2 экз. (рис. 3 – 21).

Вариант 3А. Подвеска, имеющая несколько отверстий и орнамент: 2 отверстия и орнамент – 5 экз. (рис. 3 – 12–16), 3 отверстия и орнамент – 1 экз. (рис. 3 – 20), 4 отверстия и орнамент – 4 экз. (рис. 3 – 22–25). Как правило, в этом варианте одно из отверстий расположено в головке кости, другие в теле. Лишь в двух случаях оба отверстия были расположены на теле кости (рис. 3 – 13) и, судя по тому, что обе подвески имели следы ношения, возможно, они были нашиты на одежду. Не всегда сохранность кости позволяла сделать однозначный вывод, но с большой долей вероятности можно утверждать, что все подвески, имеющие орнамент, являлись предметом ношения.

Надо отметить, что среди всех костяных подвесок этот подтип наиболее массовый. Так как среди подвесок из таранных костей бобра и других видов животных есть кости и от правых и от левых конечностей, можно утверждать, что не было особой избирательности при их изготовлении. Единичные подвески из таранных костей бобра были найдены во всех хронологических горизонтах Надымского городка. Больше всего подвесок было сосредоточено на территории оборонительно-жилого комплекса городка (64 %). Скопление из 19 подвесок обнаружено в постройке № 8, в слое кон. XVII века. 4 подвески из слоя XV века со следами носки были найдены в хозяйственной постройке № 15. Около 30 % всех подвесок происходят с северо-западной многофункциональной площадки, где в слое кон. XV – нач. XVI в. было

найден скопление из 14 подвесок, большая часть из которых имеет следы носки. Ожерелья из 3–5 подвесок отмечены и на других участках этой площадки во всех хронологических горизонтах. Совсем немного подвесок из таранных костей бобра сохранилось на западной многофункциональной площадке (6 %), и они совсем не были найдены на южной ритуальной площадке. Но наибольший интерес и вопросы вызывает большой клад, состоящий из 55 просверленных таранных костей бобра, который был обнаружен под западным углом постройки № 12 (рис. 4 – 1–55). Клад был оставлен в слое кон. XV – нач. XVI века. В составе скопления содержалось 19 левых и 19 правых костей от взрослых животных (рис. 4 – 1–38) и еще 5 левых и 12 правых костей от молодых животных (рис. 4 – 39–55). Таким образом, в состав клада входили кости не менее чем от 31 особи бобра. Как долго мог собираться этот клад, сказать трудно, но судя по тому, что на городке за весь период были собраны кости как минимум от 100 особей, то этот период составляет не менее нескольких десятков лет. Надо отметить, что подавляющее большинство – 49 костей имели одно отверстие в центральной части тела кости (рис. 4 – 8–52). Лишь три имели одно отверстие в головке кости (рис. 4 – 2–4), еще три (от молодых животных) имели по 2 отверстия (в теле и головке), и одна кость имела 2 отверстия в теле кости (рис. 4 – 7). Ни на одной из костей не было орнамента и следов ношения. Все эти факты говорят о том, что эти изделия не предназначались для ношения и собирались в других целях. Помимо таранных костей бобра, это скопление содержало другие кости промысловых животных: хвостовые позвонки бобра (рис. 4 – 56); череп с нижней челюстью и переднюю лапку зайца в шерсти (рис. 4 – 57–59); череп с нижней челюстью, 5 шейных и 1 хвостовой позвонки, а также часть метаподий и три когтевые фаланги с роговым чехлом и мехом от задней лапы песца (рис. 4 – 60–68); череп, лопатку и фрагмент меха соболя (рис. 4 – 69–71). То есть мы можем сказать, что в состав этого комплекса изначально входили, помимо подвесок из таранных костей бобра, хвост бобра, голова, шея, задняя лапа и хвост песца, голова и часть тела соболя, голова и передняя лапа зайца.

Нам представляется очевидным тот факт, что предметы, его составляющие, являлись магическим набором для промысловых ритуалов, осуществляемых для привлечения и/или сохранения охотничьей удачи. Сам факт захоронения такого набора – акт магический, поскольку любое захоронение в грунт совершается с целью воскрешения в ином мире. Хозяин набора предметов закопал их с единственной целью – воспользоваться ими в ином мире. Еще такой набор может свидетельствовать о единицах счета или товарообмена. Мех черного азиатского бобра один из самых дорогих наряду с черным лисом и черным соболем – это царские меха, которые запрещалось торговать кому-то, кроме казны.

Подобные скопления таранных костей бобра встречаются на археологических памятниках Северо-Западной Сибири. 7 просверленных таранных костей бобра и бронзовая копия с отверстием были найдены в погребении № 62 могильника Сайгатинского 1, датированного X–XI вв. [Зыков, 1985. – С. 10, 25]. На городище Перегребное 1 в Нижнем Приобье, датированном XII–XIII веками, в жилище 4 рядом с печью-каменкой лежало скопление из 62 просверленных костей бобра [Морозов, Пархимович, 1985. – С. 95, рис. 3 – 1–2]. Скопление из 24 таранных костей бобра разной сохранности, часть с отверстиями, находилось в берестяном цилиндрическом коробе у ног женщины возрастом 20–24 лет в погребении № 39, мог. Сайгатинского 3, датированного XIII–XIV вв. [Терехова, 1986. – С. 4–5, рис. 15–18].

Интересно, что есть одна бронзовая подвеска, копирующая таранную кость бобра, была найдена в могильнике Сайгатинский VI, датированном кон. IX–X вв., в погребении № 119, мальчика (?) 7–9 лет, в районе пояса у правого запястья [Карачаров, 2005. – С. 71–74, рис. 63 – 1, С. 99]. Подвески из костей бобра в Западной Сибири были найдены нами на городище Бухта Находка, Полуйском мысовом городке, известны они на городищах Ендырское 1 и Усть-Войкарское [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 119, рис. 38 – 10, фото 21; Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 2. Таранные кости **росомахи** – 32 экз. (табл. 1). Из них 20 экз. можно отнести к разным вариантам по наличию орнамента.

Вариант 1. Одно отверстие просверлено в головке кости – 12 экз. (рис. 3 – 26–27).

Вариант 1А. Подвеска, имеющая отверстие в головке кости и стесанную нижнюю часть тела кости – 4 экз. (рис. 3 – 28). Надо отметить тот факт, что, помимо костей, имеющих отверстие, встречаются таранные кости росомахи без отверстия, но имеющие стесанную нижнюю часть тела кости (рис. 3 – 29–30).

Вариант 1Б. Подвеска, имеющая отверстие в головке кости, орнамент и стесанную нижнюю часть тела кости – 4 экз. (рис. 3 – 31–33).

Подвески из костей росوماх находили во всех хронологических горизонтах. Надо отметить, что в жилой части городка такие подвески были найдены исключительно в самодийских постройках № 8 (5 экз.) и № 12 (2 экз.). Половина всех таранных костей росوماхи была сосредоточена на северо-западной многофункциональной площадке. На ее склоне были найдены две подвески с орнаментом, которые лежали вместе, рядом с ними находились и орнаментированные подвески из таранных костей бобра и песца, а также подвески из зубов и нижних челюстей песца и соболя. Но мы не можем сказать, были ли это части одного ожерелья или эти подвески хранились вместе в том или ином виде.

Подвески из таранных костей росوماхи в Западной Сибири описаны нами на Полуйском мысовом городке, известны они на городище Усть-Войкар [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 3. Таранные кости **песца** – 132 экз. (табл. 1). Из них полностью описано 74 экз., которые можно отнести к разным вариантам по расположению отверстия и наличию орнамента.

Вариант 1. Одно отверстие просверлено в головке кости – 21 экз. (рис. 3 – 34).

Вариант 1А. Подвеска с отверстием в головке кости и орнаментом – 4 экз. (рис. 3 – 35, 43–45). Дополнительные просверлины, нанесенные на кости, мы условно называли орнамент, поскольку значение их не до конца понятно. В некоторых случаях они выполнены довольно грубо (рис. 3 – 44–45).

Вариант 2. Одно отверстие просверлено в теле кости – 42 экз. (рис. 3 – 36–38).

Вариант 3. Подвеска, имеющая 2 отверстия, – 7 экз. (рис. 3 – 39–42). Как правило, такие подвески имеют отверстия в головке и теле кости, но есть подвески, имеющие оба отверстия в теле кости (рис. 3 – 41). Кроме этого, встречаются подвески из таранных костей песца всех вариантов, имеющие стесанную нижнюю часть тела кости (рис. 3 – 37, 42, 45).

Подвески из таранных костей песца были найдены во всех хронологических горизонтах и на всей территории памятника, но наибольшая их часть (42 %) была сосредоточена на северо-западной многофункциональной площадке. Ожерелье из 13 подвесок было найдено у северо-западного входа в городок в слое кон. XV – нач. XVI в. В слое конца XVII в. под полом постройки № 3 в остояцком квартале было найдено ожерелье, состоящее из 5 таранных костей песца, 5 костей зайца и одной кости бобра (рис. 3 – 53). Интересен тот факт, что все таранные кости песца в этом наборе имели отверстие в теле кости, а кости зайца в головке.

Подтип 4. Таранные кости **зайца-беляка** – 101 экз. (табл. 1), из них 38 можно отнести к разным вариантам по расположению отверстия и наличию орнамента.

Вариант 1. Одно отверстие просверлено в головке кости – 12 экз. (рис. 3 – 47–48). Одна из таких подвесок имеет недосверленное отверстие в теле кости, но, вероятно, это связано с тем, что дужка основного отверстия в головке при рассверливании сломалась.

Вариант 2. Одно отверстие просверлено в теле кости – 25 экз. (рис. 3 – 49–51).

Вариант 2 А. Отверстие просверлено вдоль тела кости – 1 экз. (рис. 3 – 46).

Встречаются таранные кости зайца всех вариантов, имеющие стесанную нижнюю часть тела кости (рис. 3 – 48–49). Около 50 % всех таранных костей зайца были сосредоточены на северо-западной многофункциональной площадке, 8 % – на западной и 2 % – на южной. Остальные в оборонительно-жилом комплексе. Часть из них была найдена в самодийских постройках № 8 и 12 (8 экз. и 7 экз. соответственно), а также в скоплении, найденном под полом постройки № 3 (см. выше) в остояцком квартале. Лишь на нескольких подвесках есть следы ношения.

Подтип 5. Таранные кости **лисицы** – 1 экз. (рис. 3 – 55; табл. 1). Подвеска с отверстием в головке кости была найдена на северо-западной многофункциональной площадке в слое XVII в.

Единичные подвески из таранных костей песца, лисицы и зайца были описаны нами на Полуйском мысовом городке. На других памятниках Западной Сибири они не встречались.

Подтип 6. Таранные кости **волка** – 2 экз. (табл. 1). Обе подвески имеют отверстие в головке (рис. 3 – 54). Подобная подвеска была найдена нами на Полуйском мысовом городке.

Подтип 7. Таранные кости **собаки** – 1 экз. (рис. 3 – 56, табл. 1). Представлен 1 вариант с отверстием в головке и орнаментом.

Описывая подвески из таранных костей крупных хищников – росوماхи, собаки или волка, мы отметили, что среди них нам ни разу не встречались подвески, имеющие отверстие в теле кости.

Подтип 8. Таранные кости **соболя** – 6 экз. (рис. 3 – 52, табл. 1). 1 подвеска имеет отверстие в головке. Небольшое количество таких подвесок может быть связано с маленькими размерами самой кости. Аналогий таким изделиям в Западной Сибири мы не нашли.

Подтип 9. Таранные кости **северного оленя** (*Rangifer tarandus*) – 10 экз. (табл. 1), из них одна кость имеет орнамент и три кости принадлежит молодым животным (рис. 3 – 58), 2 предположительно новорожденным особям (рис. 3 – 59).

Надо отметить, что не все таранные кости северного оленя, имеющие отверстия, мы можем отнести к подвескам. Часть таких костей имеет довольно широкие, иногда разнонаправленные отверстия (около 5 мм) в центре кости и, на наш взгляд, они служили блоками для крепления веревок. В то время как у подвесок отверстия, как правило, небольшие и расположены ближе к какому-либо краю кости (рис. 3 – 57–59).

Подвески из таранных костей северного оленя в Западной Сибири встречаются на городище Усть-Войкар [Сивоха, 2008. – С. 8–9].

Подтип 10 представлен единственной таранной костью **свиньи** (*Sus scrofa domestica*) (табл. 1). Кости этого домашнего животного в небольшом количестве встречаются практически во всех хронологических горизонтах Надымского городка. Но определить точно их происхождение (завозились ли сюда целые туши животных или отдельные их части в виде солонины) довольно трудно.

Подобных подвесок на территории Западной Сибири найдено не было, но на городище Ендырское 1 была найдена подвеска из таранной кости другого домашнего копытного – овцы [Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 119, рис. 41 – 19].

Среди изделий этого типа наиболее многочисленны на Надымском городке и на других памятниках севера Западной Сибири подвески из таранных костей бобра. Они же наиболее разнообразны по расположению и числу отверстий и вариантам нанесенных орнаментов. Среди этих подвесок наибольшее число имеет характерные следы ношения. Хотя надо отметить, что бобр ни на одном из приведенных выше памятников не являлся основным промысловым пушным или пищевым видом [Визгалов и др., 2013. – С. 326]. Подвесок из костей песца и зайца в коллекции также довольно много, но аналогичные им встречаются крайне редко, и массово они использовались видимо только в Надымском городке. Интересно, что редкий орнамент на таких подвесках, как правило, представляет собой набор дополнительных неполных сверлин, что может быть связано с их небольшими размерами, а может быть, такие подвески изготавливались детьми или для детей как копии «взрослых» подвесок из костей бобра? Об этом же свидетельствует и тот факт, что некоторые таранные кости песцов и зайцев подтесывали так же, как и кости росوماх, т. е., возможно, копировались с них.

Третья группа представлена подвесками из костей рыбы (табл. 1).

Подтип 1. Подвески из позвонков **рыбы** – 22 экз. (рис. 2 – 23–27). У части таких подвесок не удалось определить видовую принадлежность. Определимые представлены позвонками нельмы (*Stenodus leucichthys nelma*), щуки (*Esox Lucius*) и рыб рода сиговых (*Coregonus* sp.).

Подтип 2. Подвеска из первого луча грудного плавника **сибирского осетра** *Acipenser baeri* – 1 экз. (рис. 2 – 22).

Подвески из позвонков рыб были найдены на Усть-Войкарском городке [Новиков. Отчет НИР, 2014. – С. 313, рис. 221 – 6; Отчет НИР, 2017. – С. 19, 48, 246].

Рассмотрев все группы подвесок из костей и зубов животных из материалов Надымского городка, а также с севера Западной Сибири, мы можем сделать вывод, что на данный момент это самая большая и самая разнообразная коллекция таких изделий во всем регионе. Для изготовления таких подвесок использовали кости практически всех видов животных (за редким исключением), которых добывали на городке, и использовали такие части тела (слуховые барабаны, плечевые кости и др.), аналогий которым мы не нашли не только в материалах из Западной Сибири, но и в археологических коллекциях с других территорий. Большую часть подвесок, несомненно, изготовили в городке, но возможно некоторые подвески из резцов лося, а особенно лошади были привезены в городок извне. Часть подвесок носили – особенно те, которые были изготовлены из клыков крупных хищников (медведя, волка, росوماхи), а также

подвески из таранных костей бобра, имеющие орнамент, а часть не имеет следов ношения. За исключением таранных костей бобра и северного оленя, количество подвесок из костей какого-либо вида коррелирует с общим количеством костей этого вида на памятнике. Все типы подвесок преимущественно были найдены на территории оборонительно-жилого комплекса и северо-западной многофункциональной площадки, выполнявшей роль торгового места на городке.

Обсуждение

Коллекция подвесок из костей животных Надымского городка является отражением его археозоологической коллекции, которая, в свою очередь, характеризует особенности промыслово-хозяйственного уклада населения городка. В лесотундровой зоне Западной Сибири все ресурсы, необходимые для жизнеобеспечения (животные и растительные) подвержены резким колебаниям, и их добыча сопряжена с немалыми трудозатратами. Именно поэтому жители Надымского городка, к примеру, почти не занимались собирательством ягод и ореха как пищевых ресурсов, так как трудозатраты на сбор дикоросов не покрывали их энергетическую ценность. Основой экономики являлись ресурсы животного мира, дававшие населению не только непосредственно пищу, одежду и кров, но и опосредованно, в результате меновой торговли, множество необходимых в хозяйстве товаров – изделия из металлов, ткани и многое другое. От удачи или неудачи в промысле напрямую зависело выживание общины и всех ее членов по отдельности. Ни на одном из памятников Западной Сибири и северной Евразии в целом мы не сталкивались со столь представительными по видовому и количественному разнообразию коллекциями костных остатков и украшений из них. И если по количеству представленных видов животных остеологическая коллекция Надымского городка близка к таковым из Полуйского мысового, Усть-Войкарского и других поселений севера Западной Сибири, то по соотношению этих видов она довольно резко отличается. Здесь количество костных остатков пушных промысловых видов (песца, соболя бобра, лисицы, горностая) сопоставимо с количеством костей основного пищевого вида северных территорий – северного оленя [Визгалов и др., 2013. – С. 288–289]. Несомненно, столь развитая промысловая структура хозяйства не могла не повлиять на ритуальную деятельность жителей, мифологическое мышление которых опиралось на использование бытовой магии и магических предметов для сохранения и привлечения охотничьей удачи. А собственно подвески из костей животных являются, на наш взгляд, прямым отражением таких магических ритуальных действий. И чем большим был круг промысловых видов животных, тем больше разнообразие талисманов, используемых для привлечения удачи в их промысле. Однако надо отметить тот факт, что появление подобных обрядов и связанных с ними магических предметов (подвесок) объясняется не только развитой промысловой деятельностью населения, но и может быть обусловлено в первую очередь теми этнокультурными традициями, которыми это население владеет. Для иллюстрации этого положения мы можем привести данные, полученные нами при изучении археологических, археозоологических и исторических материалов с памятников, расположенных на севере Западной Сибири, но основанных на населении, имеющим другие промысловые ритуалы. На территории Ямала и нижнего Приобья, где промысловые и иные ресурсы не отличались от таковых в Надымском городке, были исследованы археологические памятники, функционировавшие в период с конца I тыс. до н. э. (городище Усть-Полуй) в дельте Оби и вплоть до XII–XIV веков (селище Тиутей-Сале 1, селище Хаэн-Сале, городище Ярте-6) на Ямале. Население этих памятников активно занималось как пищевой (северный олень), так и пушной (песец, бобр) охотой [Визгалов и др., 2013. – С. 324]. Но при довольно развитом промысле на этих памятниках нет подвесок, аналогичных описываемым нами. В качестве ритуальных, связанных с промысловой деятельностью населения этих памятников, описаны остеологические комплексы, содержащие кости (преимущественно головы) добываемых животных, зачастую сопровождающиеся различными сакральными предметами. Комплексы, содержащие черепа песцов, были обнаружены В. Н. Чернецовым в землянках на мысе Хаэн-Сале [Чернецов, 1935. – С. 118–119]. Многочисленны они и в постройках Надымского городка, где были найдены скопления или одиночные черепа практически всех промысловых видов. Но на рубеже XII–XIII веков параллельно со старыми промысловыми ритуалами на севере Западной Сибири начинают бытовать и новые промысловые обряды, связанные с появлением промысловых талисманов и, вероятно, такая традиция была привнесена на эту территорию населением,

имеющим ее ранее. Наиболее представительная коллекция подвесок с Надымского городка позволяет нам говорить о том, что там был некий центр, где эти предметы изготавливались и активно использовались, и из которого одновременно с торговыми и другими связями эта традиция транслировалась на широкую территорию вокруг него. Самые ранние и немногочисленные подвески появляются на соседних памятниках вместе с все большим количеством привозных предметов [Кардаш, Усолкина, 2009. – С. 340–344]. Городище Бухта Находка XII – начала XIV века находилось на полуострове Ямал лишь в 150 км севернее Надымского городка. Там нами были описаны ритуальные комплексы, состоящие из черепов, костей песка и других артефактов, аналогичные найденным на мысе Хаэн-Сале. В том же хронологическом горизонте мы обнаружили около 20 подвесок, изготовленных из костей животных, преимущественно из нижних челюстей песка, что подчеркивает важность этого вида для населения. В Тазовской литейной мастерской XIII века рядом со скоплением черепов соболя была найдена единственная подвеска из его нижней челюсти.

Как и где появилась эта ритуальная практика, и каким населением она была привнесена на север Западной Сибири? Довольно много подвесок из таранных костей бобра, овцы, клыков лисы и медведя найдено в памятниках X–XIII вв. на территории Поволжья – в Болгаре и Руси – в Старой Ладге, на Белоозере, в окрестностях Старой Рязани [Закирова, 1988. – С. 233, рис. 103 – 11; Древняя Русь, 1997. – С. 157, табл. 93 – 19; Захаров, 2004. – рис. 225; Судаков, Буланкин, 2005. – С. 271, 278, рис. 5 – 2–8, 13–15], а также на г. Иднакар в Удмуртии [Иванова 1998. – Рис. 80]. Представительная коллекция подобных изделий собрана в Новгороде, где они были распространены повсеместно в слоях второй половины X в. [Тянина, 2010. – С. 160].

Наиболее близкими по составу к подвескам Надымского городка являются наборы подвесок с Рождественского городища XII–XIV веков [Белавин, Крыласова, 2008. – С. 457, рис. 194; 2017. – С. 67, 73, рис. 1 – 1–5]. А на территорию Пермского Предуралья в XI–XIII веках, по мнению Н. Б. Крыласовой, начинается постепенный приток населения с северо-западной Руси, которое привнесло с собой предметы материальной культуры и было связано в том числе и с развитием здесь промысла пушных животных (бобра, куницы и соболя), которых в это время практически выбили в западно-европейской части [Крыласова, 2014. – С. 30–31]. На территории Прикамья в XII–XIV веках основываются древнерусские поселения, одно из которых – Пожеское городище – на раннем этапе представляло собой, по мнению исследователей, опорный пункт сборщиков дани, и на нем в том числе были найдены различные подвески из костей животных [Археология Республики Коми, 1997. – С. 657, 679, рис. 8 – 25].

Все это, а также отсутствие такой категории артефактов на территории северо-таежной и тундровой зоны Западной Сибири на археологических памятниках ранее X–XII веков позволяет сделать вывод о том, что их появление связано с расселением на северо-восток жителей Восточной Европы, где бытование таких предметов массово зафиксировано с раннего средневековья.

Описанная нами большая группа изделий из костей и зубов животных, с одной стороны, обладает несомненным сходством по методу изготовления, материалу и способу использования, но, на наш взгляд, не однородна по своему семантическому значению и магическим свойствам, им приписываемым.

В этнографии Западной Сибири нет точного определения и упоминания о древних верованиях, связанных с амулетами или талисманами из костей животных, и сейчас систему употребления таких украшений мы можем лишь приблизительно реконструировать. Единственный тип подвесок, который дошел до настоящего времени, – это подвеска из клыка медведя, которая крепится к поясному ремню сзади. Считается, что она помогает от боли в спине и защищает от невидимых врагов – злых духов [Хомич, 1995. – С. 130–131]. Исходя из этого принципа, можно предположить, что клыки хищников и резцы крупных копытных, а возможно, и челюсти хищных животных, служившие им при жизни основным «орудием» добычи пищи и «оружием» от врагов, могли служить амулетами (оберегами) и защищать носившего их человека.

Известен и другой принцип, бытующий в традиционной культуре и связанный с сохранением удачи в охотничьем промысле. Это фигуральное деление тела животного на две части – голову и задний отдел, связанное с оппозицией мужского и женского. Конкретное проявление этого деления выражается,

к примеру, в ритуальном поедании частей тела лося, при котором мужчина-охотник съедает верхнюю губу животного, чтобы зверь выходил к нему лицом, а его жена съедает хвост, чтобы зверь не уходил от мужа, не показывал ему зад [*Салымский край*, 2000. – С. 247]. Основываясь на этом, можно реконструировать семантику подвесок из костей головы как «мужской» талисман, а из костей стопы – таранных костей – как «женский» талисман для удачи в промысле.

Подвески из зубов животных являются наиболее ранними из известных нам подобных предметов. С верхнего палеолита и до настоящего времени они были довольно широко распространены почти на всей территории Евразии. Это клыки хищников – медведя, реже волка или лисицы, а также резцы копытных – лося, кабана, а позже домашней свиньи и грызунов – бобра, сурка [*Крыласова*, 2001. – С. 94; *Руденко*, 2006. – С. 274–275; *Житенев*, 2007; *Александров и др.*, 2014. – С. 35, рис. 18 – 3–4; *Зимина*, 2015. – С. 51; *Питулько*, *Никольский*, 2015. – С. 10; *Camarós et al*, 2016. – Р. 806; *Поляков*, *Есин*, 2017; *Федорченко*, *Козликин*, 2017, и др.]. Основная масса подобных амулетов изготовленных из зубов животных, известна из погребений, преимущественно женских и детских.

Находки в Надымском городке подвесок из зубов медведя – самого сильного и опасного хищника севера, почитание и особое отношение к которому было распространено по всей территории Западной Сибири, вероятно, редки, так как охота на него не имела промыслового значения. То же самое можно сказать о и лосе. Эти животные заходили в лесотундру крайне редко и добывались случайно. Ожерелье из зубов лося вполне могло быть привезенным из других мест. По тем же причинам редки подвески из клыков волка, а клык собаки вполне мог служить заменителем волчьего при необходимости изготовления оберега. Но обладали ли подобной защитной функцией амулета клыки песца или лисицы? Песец во все периоды существования городка был основным товарным промысловым видом, и не случайно количество подвесок из его клыков и костей преобладает на городище (табл. 1). Вполне вероятно, что часть подвесок из клыков песца, а может быть и лисицы, использовали в качестве амулетов, но, как нам представляется, большая их часть использовалась в качестве промысловых талисманов, призванных приносить охотничью удачу, и никогда не носилась. Вероятно, они нанизывались на веревку и подвешивались в жилище на время промыслового сезона. То же самое можно сказать о подвесках из нижних челюстей песца и лисицы.

Но история с подвесками, наверное, началась с весьма распространенных в европейской части Руси подвесок из челюстей куницы и соболя, и реже лисицы. Например, в Пермском Предуралье нижние челюсти куниц с отверстиями были обнаружены не только в культурном слое поселений, но и в составе поясных подвесок в мужских захоронениях [*Жеребцова*, 2015. – С. 10], в качестве амулетов использовали и челюсти лис [*Крыласова*, 2010. – С. 24]. Подвески из челюстей соболя на Надымском городке наиболее многочисленны среди подобных предметов, хотя костей соболя значительно меньше, чем костей песца. Добыча этого вида была значительно ниже, хотя значение, особенно в ранний период, когда численность его еще была достаточно высокой, было большим. Но и среди подвесок соболя лишь около половины имеют аккуратно просверленное отверстие и следы носки (рис. 2 – 9а), в то время как у остальных, а также у большинства подвесок из челюстей песца отверстия были пробиты и имели острый неровный край и для носки явно не предназначались. Они делались по образу соболиных, традиция изготовления которых, вероятно, была привнесена на городок раньше. Но, на наш взгляд, традиция эта все же была связана с функцией охотничьего талисмана – сохранения и привлечения промысловой удачи – и поэтому была перенесена и на другие пушные виды (песца, лисицу, горностая и, может быть, даже зайца). Возможно, действие, которое совершалось при выполнении этого отверстия на большинстве челюстей пушных животных, и являлось тем самым магическим актом, в результате которого кость становилась талисманом, приносящим охотничью удачу. Вполне вероятно, что эта традиция переплелась с более древней на этой территории промысловой традицией – сакрального отношения к костям головы (черепам, нижним челюстям, зубам) добываемых животных, их хранению и использованию в магических ритуалах. М. Ф. Косарев вслед за В. Н. Чернецовым полагает, что большая часть амулетов и изображений животных, а особенно их голов в Западной Сибири являются атрибутами промыслового культа. Он считает, что мы имеем здесь дело с магическими обрядами, зародившимися в охотничьей среде

и носившими промысловый характер [*Чернецов*, 1987; *Косарев*, 1981. – С. 246–252]. Поэтому рядом с подвесками из нижних челюстей животных в Надымском городке мы наблюдаем скопления таких же челюстей, не имеющих отверстий, а также скопления черепов пушных зверей (подобных таковым на ямальных памятниках) и, кроме того, лап и др. костей, связанных с различными ритуалами, описание и анализ которых нам еще предстоит в будущем.

Довольно необычна в этой связи находка подвески из слухового барабана нерпы, аналогий ей мы не нашли в археологических или этнографических источниках. Для нерпы слух является чуть ли не главным фактором, позволяющим этому зверю спастись от любого врага – белого медведя или человека. С этой точки зрения подобная кость может служить охотничьим талисманом, позволяющим охотнику неслышно подобраться к зверю во время промысла (т. е. лишить его неуязвимости). Нерпа не водится в окрестностях городка и не входила в круг наиболее значимых промысловых животных. Кости встречаются постоянно, но в очень малых количествах. Был ли этот амулет изготовлен на городке или потерян кем-то из заезжих охотников? Наличие еще 11 подобных слуховых костей, которые хранились на памятнике, говорит в пользу того, что этот предмет был изготовлен на месте, и промысел нерпы, возможно, осуществлялся специальной группой охотников в Обской губе. Вероятно, нерпу добывали исключительно ради нерпичьего жира для освещения закрытого пространства оборонительно-жилого комплекса городка в условиях полярной ночи.

Но если кости головы являются преимущественно мужскими амулетами и талисманами, то с чем, с какими магическими силами связаны подвески из таранных костей стопы? Каков генезис происхождения этой традиции? Почему именно мелкие кости ноги были «выбраны» на эту роль? Здесь приходит на ум аналогия со всем известным мифом об Ахиллесе и собственно Ахиллесовой пяте¹ [*Грейвс*, 1992. – С. 495–500]. Но и этот миф (описанный Гомером и повествующий предположительно о событиях XII в. до н. э.) не является единственным фольклорным (литературным) источником, описывающим особое значение пятки как уязвимого органа на теле героя. В древнегреческой мифологии существует подобный миф о Талосе – бронзовом витязе, который был дан Зевсом Европе для охраны острова Крит и погибшем от раны на пятке [*Любкер*, 2001. – С. 356]. Но более известная легенда об Ахиллесе давно занимала умы людей. Благодаря ей сухожилие, расположенное на ноге над пяточной костью, анатомы именуют «ахиллесовым», а выражение «ахиллесова пята» издавна служит для обозначения слабого, уязвимого места человека.

Известно, что культ Ахиллеса существовал на обширной территории вплоть до северного Причерноморья. На острове Левка более 10 веков функционировало крупнейшее святилище, основанное еще в конце VII – начале VI в. до н. э., и храм Ахилла, где он почитался главным образом как божество, связанное с подземным миром и мореплаванием, а также врачеванием и спортивными состязаниями [*Захарова*, 2004. – С. 356]. Этот остров, расположенный неподалеку от устья Дуная, постоянно находился в зоне активных исторических событий и был тесно связан с политическими устремлениями в этом районе как кочевого и полуседлого населения степи, так и Византии, Болгарии и Руси. Из северо-восточного Причерноморья эти мифологические представления распространялись дальше на восток вместе с европейским населением и вместе с языковой средой. Мы не знаем достоверно, были ли там талисманы, связанные непосредственно с культом Ахиллеса. Мы можем лишь предположить некую связь амулета из таранной кости с этим культом.

Более поздним литературно-теологическим источником (с XIII по V в. до н. э.), где упоминается о пяте, является Ветхий Завет: «И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред [над] всеми скотами и пред [над] всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку» [Бт. 3:14–15]. И опять местом уязвимости в борьбе человека и животного стала пята, но уже в христианской традиции.

¹ Ахиллессова пята – послегомеровский миф (переданный римским писателем Гигином), повествующий о том, как мать Ахилла (Ахиллеса) Фетида захотела сделать тело своего сына неуязвимым. Для этого она окунула его в священную реку Стикс. Но, окуная младенца в воду, мать держала его за пятку, и пятка осталась единственным уязвимым местом Ахиллеса. Впоследствии именно туда Парис попал ему своей стрелой, смертельно ранив героя.

И опять мы видим противопоставление – человек должен был поражать змея в голову, то есть выходить на зверя с головы (лицом к лицу), а тот его в пятах. Попытки теологов трактовать эту притчу свелись к идее «...борьбы между царством света, правды и добра и областью тьмы, лжи и всякого зла» [Допухин, 1913]. Мы не встречаем описания каких-либо амулетов, связанных с этим видом уязвимости. Служили ли подвески из таранных костей защитой человека от потусторонних сил, от злых духов, нам это достоверно не известно и это проблема для дальнейшего обсуждения и исследования. Но на данный момент мы имеем два источника, которые указывают на уязвимость пяты человека. Совершенно понятно, что речь идет о символе не физической, реальной уязвимости, а об уязвимости семантической. Потому что, если смерть от укуса в босую пятку ядовитой змеи реальна, то мы не нашли понятного объяснения тому, что единственным смертельно уязвимым местом на теле героя (полубога Ахиллеса или бронзового великана Талоса) становится пятка – не самое опасное место на теле человека с точки зрения физиологии. И с точки зрения древнего человека с мифологическим мышлением можно представить, что если уж пятка уязвима у человека-полубога и божественного творения – Адама, значит и у всех остальных это тоже может быть уязвимым местом, и не только у человека, но и у животных. Подобные мифы во времена их возникновения и бытования передавались прежде всего вербально, трансформировались, и на протяжении времени могли появляться различные амулеты и талисманы, с ними связанные. На подобную связь таранных костей с древнегреческими мифами указывают и исследователи из других областей гуманитарного знания [Гусейнов, 2016]. Но это лишь одна из гипотез возможного возникновения таких культовых предметов. Мы не претендуем на ее уникальность или однозначность, но хотим обозначить перспективные направления для решения этой проблемы.

Тема уязвимости тем вероятнее близка к семантическому значению подвесок из таранных костей, что во многих археологических источниках, описывающих находки подвесок из таранных костей, исследователи интерпретируют их в первую очередь как амулеты, предназначенные для охраны женщин и детей, которые были наиболее слабы. А. Чойке, описывая амулеты из бобровых астрагалов, найденные в женских могилах меровингов VI–VII вв. во Франции, а также другие подобные находки в Северо-Восточной Европе пишет, что, как правило, амулет использовался женщиной, поскольку в этот период, по крайней мере, женщины и дети считались более нуждающимися в магической защите [Choyke, 2010. – Р. 205]. М. А. Бакушев проводит ту же мысль, описывая амулеты из таранных костей из могильников конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. на территории Дагестана [Бакушев, 2014]. Надо отметить, что наибольшее количество «таранных» подвесок изготавливали из костей бобра и копытных животных. В славянской мифологии образ бобра связан с водной стихией и, как некоторые другие пушные звери, он имел эротическую и брачную символику [Славянские древности, 1995. – С. 199–200]. Возможно поэтому большая часть этих украшений сопровождает женские могилы.

Амулеты из таранных костей бобра были найдены на археологических памятниках широкого хронологического периода от раннего железного века и до средневековья на территории Эстонии и Северо-Восточной Европы [Luik 2010. – Р. 50–53]. Такие подвески массово начинают появляться на рубеже VIII–IX веков сначала с лесостепных просторов Приазовья и Придонья, где в VIII–IX вв. бытуют подвески из таранных костей бобра и косули [Степи Евразии, 1981. – С. 75, рис. 37; Дорогами тысячелетий..., 2003. – С. 115; Стародубцев, Зорин, 2017. – С. 174, рис. 12]. Затем эта традиция довольно быстро распространялась на северо-восток. Особенно много находок подвесок из астрагалов бобра в памятниках Северной Руси: в Старой Ладогге, Белоозере, курганах Ярославского Поволжья X–XI вв. [Древняя Русь, 1997. – С. 157, табл. 93 – 19]. Встречаются они на Тимереvском поселении [Дубов, 1982. – С. 16, рис. 9, 12, 17, 15, 36 – 3, 42 – 17–21] и Кемском некрополе [Макаров, Беляков, 1989. Рис. 3 – 34, 37]. Подвески из астрагалов бобра уже неоднократно находили на городище Шудьякар в Верхнем Прикамье [Голдина, Кананин, 1989. – Рис. 83 – 39], Пожегском городище на р. Вымь [Археология Республики Коми, 1997. – С. 679, рис. 8 – 25], «ожерелья» из бобровых костей встречались в финно-угорских женских погребениях [Голубева, 1997. – С. 157]. Массовое появление этих подвесок происходит в период активизации товарной пушной охоты и является результатом активного промысла бобра, в результате которого он и был полностью истреблен почти на всем ареале своего обитания уже к XVII веку. Описывая подобные подвески из раскопок средневеково-

го Новгорода Е. А. Тянина интерпретирует их как амулеты, связанные с людьми, занимавшимися бобровым промыслом [Тянина, 2010. – С. 166–167]. Но в таком случае семантическое значение этих изделий меняется, и из защитного амулета они переходят в разряд промысловых талисманов или продолжают сочетать в себе обе эти функции.

Помимо костяных, известно о бытовании подвесок из бронзы, копирующих форму таранных костей. В Восточной Европе о таких подвесках упоминает А. Чойке. Она пишет, что бронзовые имитации зубов животных и астрагалов появляются в железном веке по всей Европе и Азии в зоне, простирающейся от Прибалтийских стран до Монголии [Choyke, 2010. – Р. 204]. В Западной Сибири наиболее ранняя подвеска, имитирующая таранную кость бобра, – как раз из бронзы, известна из погребения № 119 ребенка 7–9 лет Сайгатинского 4 могильника, датированного кон. IX – нач. X в. [Карачаров, 2005. – С. 71–74]. Судя по материалу, из которого эта подвеска изготовлена, она может быть предметом импорта.

По нашим данным и данным литературных источников, на севере Западной Сибири подвески из таранных костей массово появляются с начала XIII века в Надымском городке, отдельные находки фиксируются на городище Бухта Находка, а также на городищах Ендырское 1 и Перегребное 1 [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 119; Морозов, Пархимович, 1985. – С. 90]. Позже такие изделия появились на городище Усть-Войкарском и Полуйском мысовом городках и продолжают свое бытование вплоть до XVIII века.

Несомненно, что часть подвесок из таранных костей бобра из коллекции Надымского городка служили амулетами на протяжении довольно продолжительного времени. Они имели орнамент и следы долгой носки. Когда ушко подвески ломалось, сверлили новое отверстие и продолжали носить (рис. 3 – 13–14). Но другие подвески не являлись предметом ношения, может быть, даже не подвешивались и, вероятно, могли служить промысловыми талисманами, как, например, подвески из клада, которые сохранялись вместе с костями других промысловых животных.

Надо отметить тот факт, что, возможно, в качестве талисманов могли использоваться не только просверленные таранные кости бобра и росوماхи, но и кости, не имеющие искусственной обработки или отверстия. В остеологической и археологической коллекциях, собранных на памятнике за все годы раскопок, найдены 283 таранные кости бобра (из которых 213 – это подвески) и лишь 6 пяточных костей бобра. Таким образом, можно сказать, что есть более 60 таранных костей, не имеющих отверстий, хранились специально. На городище Бухта Находка, расположенном на южном Ямале, за весь период исследования было найдено лишь 4 кости бобра, и все – таранные, но только одна из них имела отверстие для привешивания. Бобр не водился в окрестностях городища, поэтому все эти кости были привезены на памятник и сохранялись там специально, независимо от наличия в них отверстия.

То же мы можем сказать и о таранных костях росوماхи. На 65 таранных костей росوماхи из Надымского городка приходится всего 20 пяточных костей. Часть из таранных костей не имеет отверстия, но нижняя часть тела кости стесана точно так же, как и у некоторых подвесок (рис. 3 – 29–30), поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что и эти кости также сохранились в слое неслучайно и являлись, вероятно, охотничьими талисманами. Подобную статистику сложнее привести для клыков (которые могли случайно выпасть из сохраняемых черепов и челюстей) и нижних челюстей, так как головы (черепа и нижние челюсти) пушных зверей, как и лапки зайцев и песцов, содержащие таранные кости, сохранялись в силу других промысловых обрядов.

Интересен сам выбор животных, чьи кости и зубы использовались в качестве подвесок, и количественное соотношение костей разных видов животных. Еще раз надо отметить тот факт, что на Надымском городке среди подвесок встречаются кости почти всех добываемых здесь животных. Преобладание подвесок из костей песца, соболя и бобра объясняется тем, что в позднем средневековье пушная охота приобретала все более товарный характер, и эти виды были важнейшими промысловыми животными и, вероятно, в меньшей степени росوماха, горностаи и лисица, численность которых в окрестностях городка была значительно ниже. Заяц был одним из основных пищевых видов на городке во все периоды его функционирования. Редкие находки подвесок из костей морских млекопитающих (моржа и нерпы) отражают небольшое участие этих видов в общей картине промысла.

Несомненно, что подвеска из резца лошади была привезена на городок извне, поскольку это единственная кость лошади, найденная на городке за все время его изучения, точно так же, как и единственная

таранная кость овцы, не имеющая отверстия, но явно попавшая в слой не случайно. А вот подвеска из таранной кости свиньи, скорее всего, была изготовлена на городке и является свидетельством отношения его жителей к этому животному, кости которого встречаются в небольших количествах постоянно.

Все это указывает на то, что большая часть подвесок, найденных в Надымском городке, – это по большей части талисманы, связанные с промысловой магией. Ведь и в европейской части расцвет подобных изделий приходится на период IX–XIII веков, когда пушная товарная охота, преимущественно на бобра, а также на куницу соболя и горноста является одним из важнейших источников дохода населения. И практически исчезают эти изделия из оборота в тот момент, когда из-за перепромысла резко сокращается численность пушных животных.

В настоящее время у коренных народов Северо-Западной Сибири украшения из костей животных не имеют такого широкого распространения, как это было в прошлом, и даже устных сведений об их использовании сохранилось немного. Мы полагаем, что исчезновение традиции связано с двумя факторами – идеологическим и биологическим.

Известно, что христианская церковь крайне отрицательно относится к амулетам и талисманам, причисляя их к атрибутам магии. С началом принудительного крещения аборигенов Западной Сибири формируется двоеверие, и множество поверий и религиозных традиций отходят на второй план. Косвенно это подтверждает и ситуация в Новгороде, где в XI–XII вв. количество подвесок из костей и зубов животных падает, а в XIV–XV вв. они становятся единичны. Е. А. Тянина связывает это в том числе и с все возрастающим влиянием христианства [Тянина, 2010. – С. 160]. Согласуются с этим и результаты исследования синхронных Надымскому городку русских памятников севера Сибири – Мангазеи, Березова и Старо-Туруханска, куда из Новгорода в XVI–XVII веках приходит население, уже лишенное этой традиции. Т. е. эта промысловая языческая традиция исчезает к XV–XVI векам на европейском Северо-Востоке, но на аборигенных памятниках севера Западной Сибири она сохраняется вплоть до XVIII века и выглядит как местная аборигенная культура.

В то же время уменьшение количества подобных изделий повсеместно происходит одновременно со значительным сокращением объемов пушной охоты. Бобра и соболя в Западной Сибири выбили к концу XVII века [Кириков, 1960. – С. 132], сократилось количество песка. Это также могло повлиять на исчезновение подобных артефактов.

Заключение

Подводя итог, мы считаем необходимым выделить ряд выводов.

Первый вывод касается хронологии бытования амулетов и талисманов из костей и зубов животных на территории севера Западной Сибири. Массово и в полном разнообразии они появляются в начале XIII века, бытуют на широкой территории и исчезают в середине XVIII века. До XX века используются только подвески из клыков медведя. До начала этого времени эпизодические находки отмечены в X и XI веках на памятниках средней Оби, а у аборигенного населения нижней Оби и арктического побережья эта часть материальной культуры полностью отсутствовала.

Появление подобных артефактов на севере Западной Сибири мы связываем с началом расселения славяно-финского или финского населения, принесших с собой эту традицию с территории северо-востока Европы. Это связано с вхождением Югорских областей в состав земель Новгорода Великого, а потом и Московского царства. На начальных этапах освоения амулеты и талисманы из зубов и костей животных становятся маркерами этнокультурной принадлежности населения – присутствия жителей Северо-Восточной Европы. Затем происходит внедрение этой традиции и в культуру аборигенных народов.

Подвески, изготовленные из различных костей животных, имеют разное происхождение и несут различную семантическую нагрузку. На территории Евразии наиболее ранними, широко географически и хронологически распространенными являются амулеты из зубов животных. Гораздо позднее, возможно в связи с культом Ахиллеса, возникают амулеты из таранных костей, широкое распространение которых на территории Европы происходит одновременно с развитием товарного пушного промысла. В связи с чем, вероятно, происходит изменение семантического значения части таких изделий и их трансформация из защитных амулетов в талисманы, связанные с промысловой магией. Усиление

этой функции еще более проявляется у аборигенных народов севера Западной Сибири, экономика которых полностью зависит от результатов промысла. Здесь значительно увеличивается разнообразие видов животных, кости которых используются для изготовления подобных изделий, а часть промысловых талисманов, возможно, становится своего рода счетными единицами, отражающими количество добытых животных.

На средневековых северных памятниках как аборигенного, так и русского населения Сибири, помимо изделий из костей животных, связанных с ритуальной деятельностью жителей, сохранилось большое количество необработанных костей животных, которые тем не менее использовались в промысловых и иных обрядах. Описание и анализ таких находок будет темой наших дальнейших исследований.

Список литературы и источников

- Александров С. В., Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии // Археологические раскопки на дорогах Хакасии. Вып. 3. – СПб.: ООО «ЭлекСис», 2014. – 154 с.
- Кроули Алистер. Магия в теории и на практике [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib. Com, 2010–2018. – Режим доступа: https://royallib.com/read/krouli_alister/magiya_v_teorii_i_na_praktike.html#20480, свободный. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981
- Апотропей // Ангола – Барзас. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – (Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров; 1969–1978. Т. 2.
- Археология Республики Коми, 1997. – М.: ДиК. – 758 с.
- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981.
- Атеистический словарь / А. И. Абдусамедов и др.; под общ. ред. М. П. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1985. – 512 с.
- Ашихмина Л. И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1977. – С. 139–166.
- Бакушев М. А. Костяные амулеты Дагестана албано-сарматского времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://greyish.ru/?p=1342>, свободный.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – 603 с.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Орудия охоты средневекового Предуралья (Археологический очерк) // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. – № 3. 2017. – С. 66–80.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. – Нефтеюганск – Екатеринбург, 2013. – 374 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург – Нефтеюганск, 2008а. – 296 с.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 216 с.
- Голубева Л. А. Археология. Древняя Русь. Быт и культура. (Гл. 9. Амулеты). – М.: Наука, 1997. – С. 153–165.
- Горячев В. М., Горячева Т. А., Кардаш О. В. Хронология «Надымского городища» с помощью древесно-кольцевого анализа // Хронология и стратиграфия археологических памятников эпохи голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы научного семинара (18–19 ноября, Тюмень). – Тюмень: Изд-во ИПОС, 2002. – С. 22–24.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции // Р. Грейвс; пер. с англ. К. П. Лукьяненко; под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. – М.: Прогресс, 1992. – 620 с.
- Гусев Ан. В. Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2015 гг. // Археология Арктики. Вып. 4. «Усть-Полуй: материалы и исследования»: коллективная монография в двух томах. Том 2 / науч. ред. О. Н. Корочкова – Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. – С. 4–103.
- Гуссейнов Г. Ч. Миф и архитектура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/DXMP0jHQ7pc>.
- Дорогами тысячелетий: Археологи о древней истории Воронежского края / А. З. Винников, А. Т. Синюк. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003 (ИПФ Воронеж). – 278 с.
- Древняя Русь: Быт и культура // Археология. 1997. – М.: Наука. – 368 с.
- Дубов И. В. Северо-Восточная Русь эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 248 с.
- Жеребцова Е. А. Специфика присваивающего хозяйства в Пермском Предуралье в VII–XV веках // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. – Вып. 4 (31). – С. 7–18.

Житенев В. С. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). – М.: Дом еврейской книги, 2007. – С. 40–61.

Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 220–243.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро // РАН. Ин-т археологии. – М.: Индрик, 2004. – 392 с.

Захарова Е. А. К вопросу о хтонической сущности культа Ахилла в Северном Причерноморье // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под редакцией проф. Э. Д. Фролова. Выпуск 3. Санкт-Петербург, 2004. – С. 349–360.

Зимица М. П. К вопросу о неолитических могильниках лесной зоны Восточной Европы // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы: к 60-летию А. В. Уткина / под ред. Е. Л. Костылевой и В. А. Аверина. – Вып. IV. – Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2015. – 192 с.

Зыков А. П. Отчет об исследованиях средневековых памятников в Сургутском и Уватском районах Тюменской области летом 1984 г. – Свердловск, 1985 // АКА УрГУ. Ф. II, Д. 438.

Зыков А. П., Кокишаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Волот, 2001. – 320 с.

Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск, 1998. – 294 с.

Ивасько Л. В., Лобанова Т. В. Отражение некоторых ритуалов промысловых культов северных остяков в остеологических материалах Надымского городища (по данным комплексных исследований 1999–2003 гг.) // Угры: материалы VI Сибир. симп. «Культурное наследие народов Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 69–71.

Капанаджи А. И. Нижняя конечность. Функциональная анатомия. – Т. 2: Пер. с фр. Г. Абелевой. 6-е изд. – М.: Эксмо, 2017 – 352 с.

Карачаров К. Г. Отчет о НИР: Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучинское XXII в 2004 году. 2 кн. – Книга 1. – Сургут, 2005. – 371 с.

Кардаш О. В. Надымский городок. История и материальная культура конца XVI – первой трети XVIII вв. Нефтеюганск – Екатеринбург: Магеллан, 2009. – 320 с.

Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург – Салехард, 2013. – 380 с.

Кардаш О. В., Усолкина М. А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Ч. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 335–347.

Кириков С. В. Изменение животного мира в природных зонах СССР (XIII–XIX вв.): Лесная зона и лесотундра. – М.: АН СССР, 1960. – 156 с.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 282 с.

Крыласова Н. Б. История прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья: монография. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2001. – 220 с.

Крыласова Н. Б. Охота // Материальная культура средневекового Предуралья. Ч. 2: Культура производства. Вооружение. Торговля. Пермь. 2010. – 183 с.

Крыласова Н. Б. Начало «Древнерусской колонизации» Прикамья и ее роль в появлении новой территории под именем «Пермь» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2014. № 9. – С. 28–39.

Лобанова Т. В., Кардаш О. В. Костные останки животных в ритуально-обрядовых комплексах городка Монкысурий // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 46, № 2 – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. – С. 131–139.

Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. В 3 т. – М., 2001. Т. 3. – С. 356.

Лопухин А. П. Толковая Библия Лопухина // Журнал Московской Патриархии. – 1913. – № 11. – С. 45–47

Макаров Н. А., Беляков А. С. Кемский некрополь в северном Белозерье // КСИА. – Вып. 198. – М.: Наука, 1989. – С. 75–84.

Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное I (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь вначале II тыс. н. э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ. – С. 89–99.

Новиков А. В. Научный отчет о проведении археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия регионального значения «Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок)» в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2013 году (открытый лист № 958). В 2-х томах. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014.

Новиков А. В. Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок)» в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2016 году (по открытому листу № 1164, сроком действия от 18.07.2016 по 31.08.2016 г.). В 3-х томах. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российской академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Питулько В. В., Никольский П. А. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/05/978-5-88431-251-7/> © МАЭ РА.

Плеханов А. В. Ярте VI – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекции. – Екатеринбург: Издательство «Деловая пресса», 2014. – 124 с.

Поляков А. В., Есин Ю. Н. Раннеокуневское погребение с курильницей могильника Итколь-II // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. – Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). – Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017.

Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.

Салымский край. – Екатеринбург: Тезис, 2000. – 344 с.

Сивоха И. Н. Подвески из дериватов животных с памятников позднего средневековья и нового времени севера Западной Сибири // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий: Независимый научный журнал. – № 1. – 2008. – С. 7–15.

Синельников Р. Д., Синельников Я. Р. Атлас анатомии человека. В 4-х томах // Том 1. – М.: Медицина, 1996. – 344 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – М., 1995. – Т. 1.

Стародубцев В. Ю., Зорин А. В. Славянский языческий жертвенный комплекс на городище Царский Дворец // Верхнедонской археологический сборник / отв. ред. А. Н. Бессуднов. – Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – Выпуск 8. – С. 170–179.

Судаков В. В., Буланкин В. М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 269–280.

Терехова Л. М. Отчет о НИР: Отчет о раскопках в районе пос. Сайгатино Сургутского района Тюменской области в 1986 г. Т. 1. – Екатеринбург, 1986. – 221 л. Архив ИА РАН Р-1. № 11431. Т. 1. 221 л.; № 11432. Т. 2. 183 л.; № 11433. Т. 3. 33 л.

Тянина Е. А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // «Археологические вести». – СПб., 2010. – Вып. 17. – С. 159–168.

Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фицхью В. В. «Ушедшие в холмы»: культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. – Екатеринбург, 1998. – 132 с.

Федорченко А. Ю., Козликин М. Б. Технология изготовления костяных орудий и украшений начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам полевых работ 2016 г.) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. – Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). – Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017.

Хомич Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. – СПб. – 330 с.

Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // Совет. этнография. 1935. № 4–5. С. 109–133.

Чернецов В. Н. Источники по этнографии Западной Сибири. –Томск: Издательство Томского университета, 1987. – 284 с.

Alice Choyke The Bone is the Beast: Animal Amulets and Ornaments in Power and Magic // Data Anthropological approaches to zooarchaeology : complexity, colonialism, and animal transformations / edited by D.Campana ... [et al.]. – Oxbow Books, Oxford, UK. 2010. – P. 197–210.

Edgard Camarós, Susanne C. Münzel, Marián Cueto, Florent Rivals, Nicholas J. Conard. The evolution of Paleolithic hominin–carnivore interaction written in teeth: Stories from the Swabian Jura (Germany) // Journal of Archaeological Science: Reports 6 (2016) 798–809.

J. Wilczynski, A. Szczepanek, P. Wojtal, V. Diakowski, M. Wojenka and D. Sobieraj. A Mid Upper Palaeolithic Child Burial from Borsuka Cave (Southern Poland) // International Journal of Osteoarchaeology Int. J. Osteoarchaeol. 26: 151–162 (2016) Published online 8 May 2014 in Wiley Online Library (wileyonlinelibrary.com) DOI: 10.1002/oa.2405

Luik, H. Beaver in the economy and social communication of the inhabitants of South Estonia in the Viking Age (800–1050 AD). In G. K. Kunst (ed.) Bestial Mirrors: Using Animals to Construct Human Identities in Medieval Europe. VIA VIAS 3. Vienna, Vienna Institute for Archaeological Science, University of Vienna, 46–54.

Putelat, O. Les restes animaux de la nécropole altomédiévale d’Illfurth Buergele (Haut-Rhin). In M. Roth-Zehner, Illfurth Buergele (Alsace-Haut-Rhin), Rapport defouille programmée, ANTÉA, S.R.A. d’Alsace, 2007.

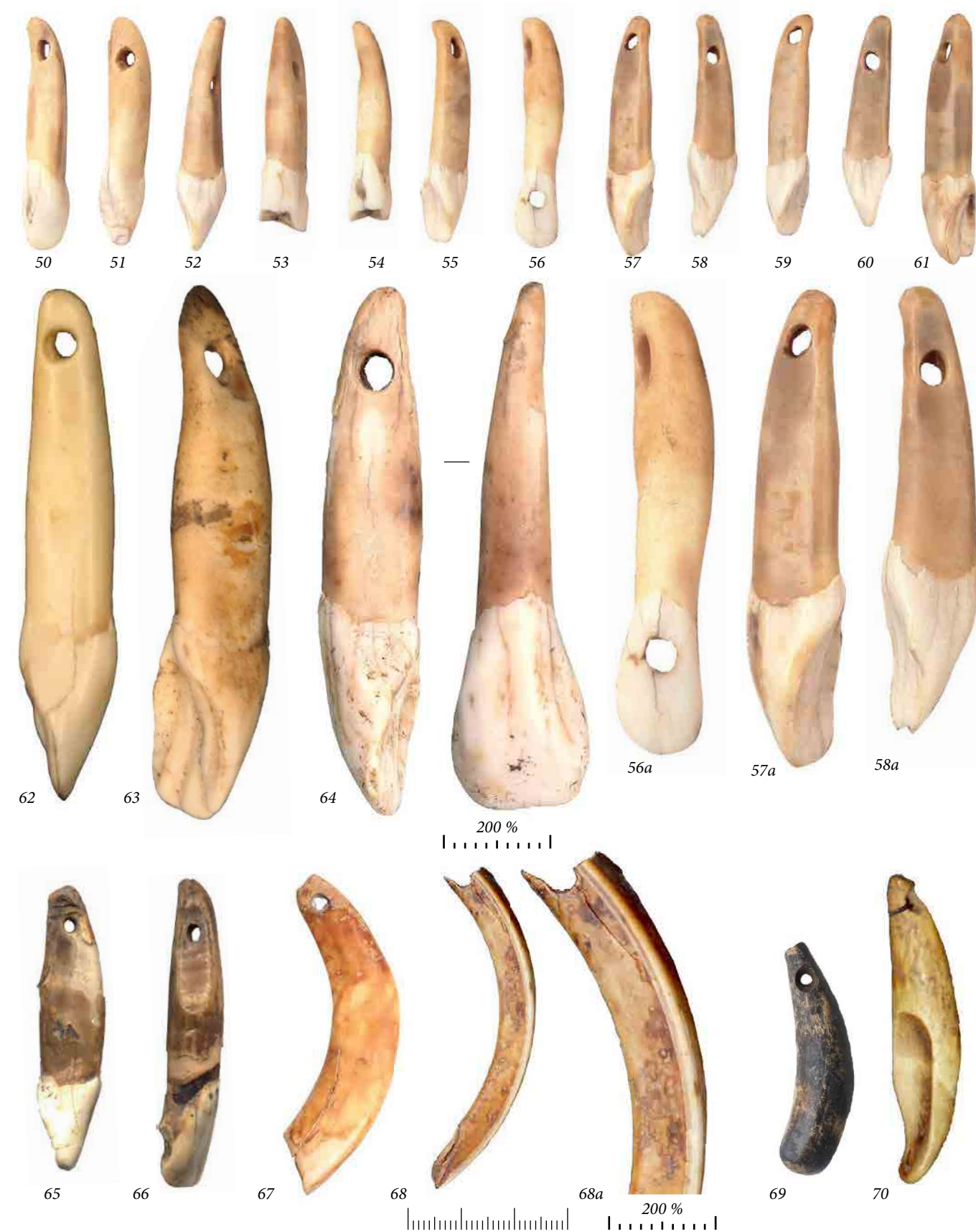
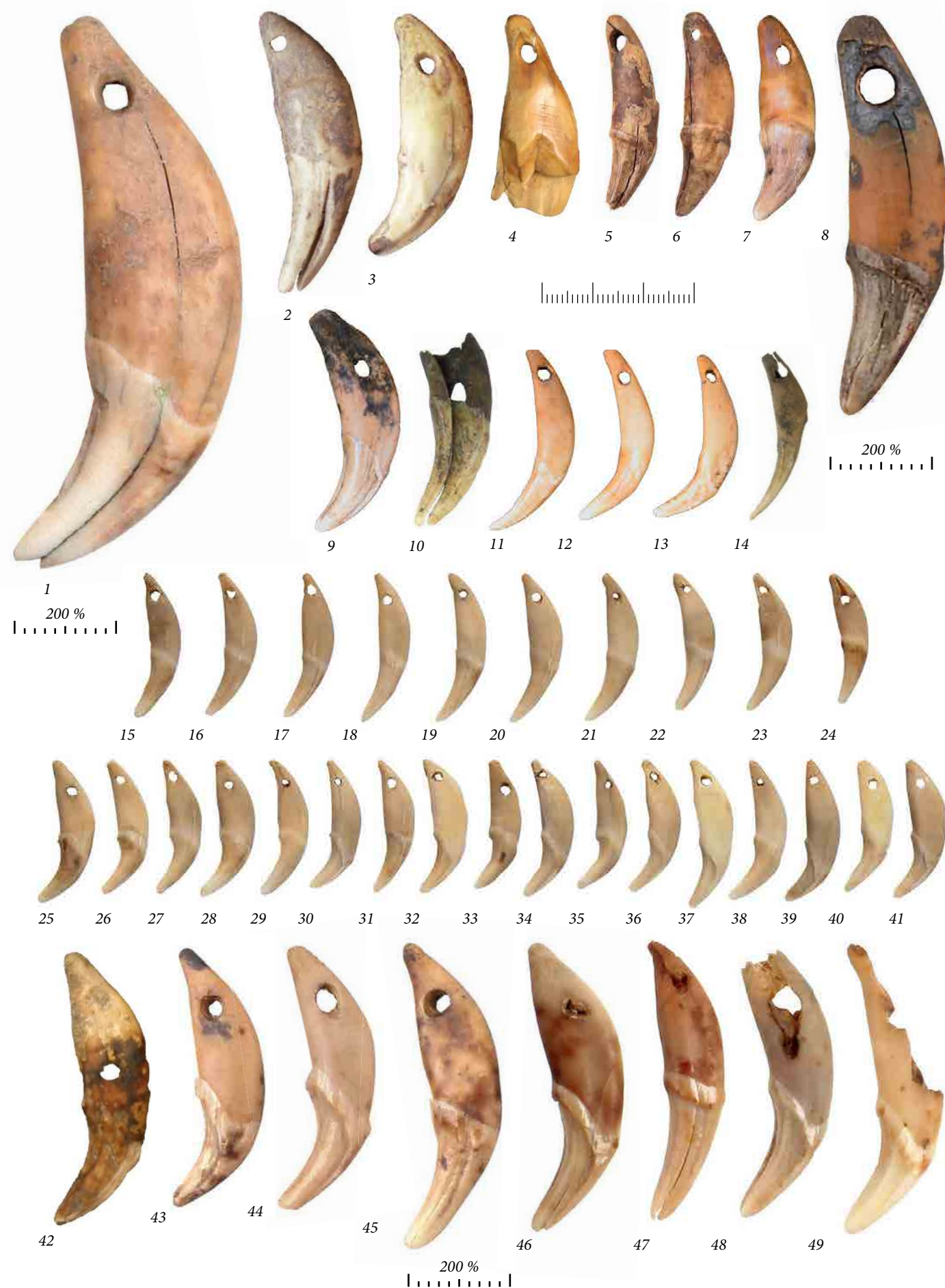
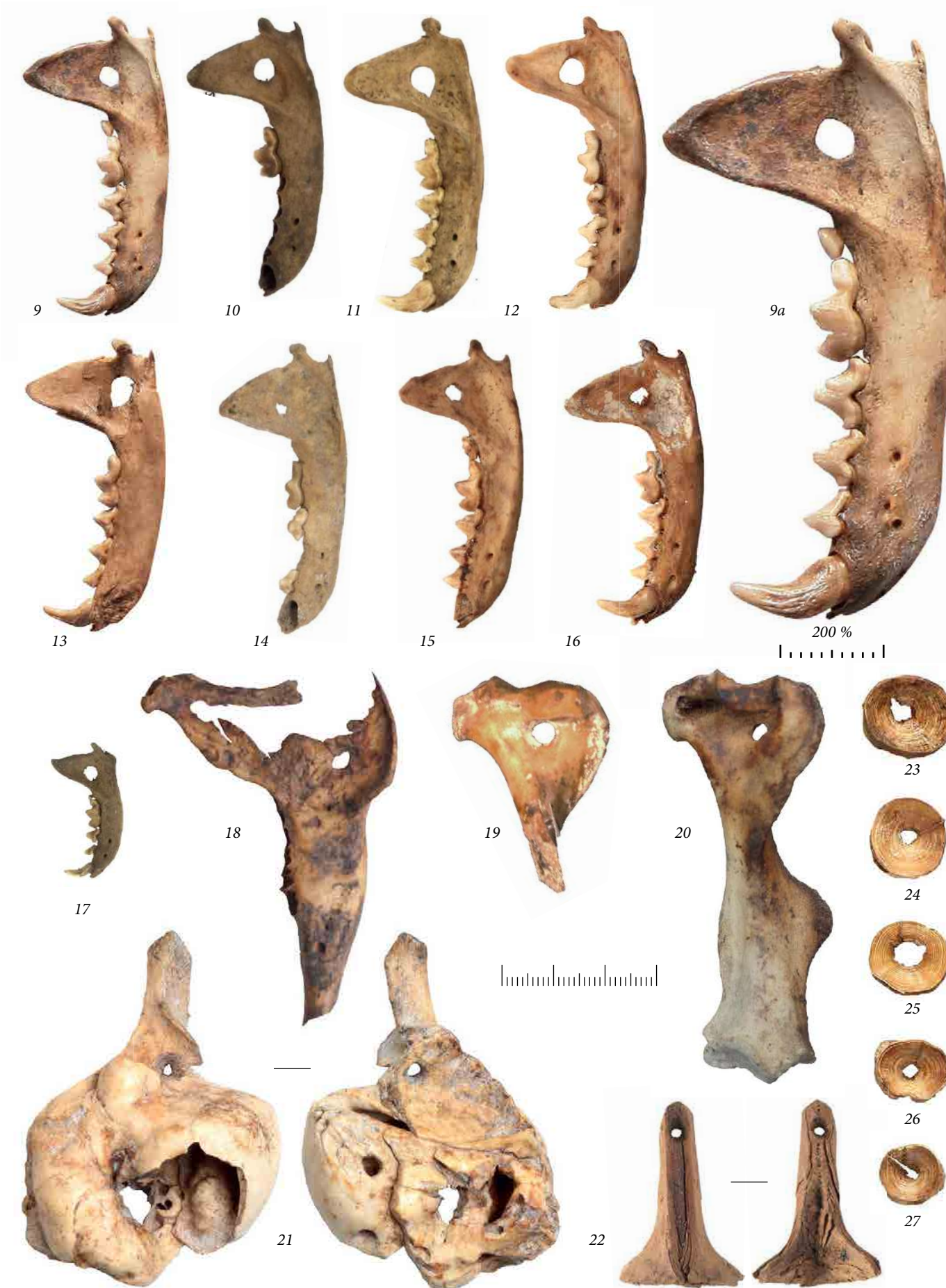

Рис. 1. Надымский городок (XIII–XVII вв.). Подвески из зубов млекопитающих: 1–4 – клыки бурого медведя; 5–8 – клыки росوماхи; 9 – клык волка; 10 – клык молодого волка; 11–13 – клыки лисицы; 14 – клык молодой лисицы; 42–47 – клыки песца; 48–49 – клыки молодого песца; 62–66 – резцы лося; 67 – резец лошади; 68 – резец бобра; 69–70 – зубы моржа. Скопление из клыков песца (кон. XV – нач. XVI в.): 15–24 – верхние, 25–41 – нижние. Скопление из резцов лося (кон. XV – нач. XVI в.) – 50–61

Рис. 2. Надымский городок (XIII–XVII вв.). Подвески из костей млекопитающих и рыб: 1–2 – нижние челюсти лисицы; 3–8 – нижние челюсти песца; 9–16 – нижние челюсти соболя; 17 – нижняя челюсть горностая; 18 – нижняя челюсть зайца-беляка; 19–20 – плечевые кости бобра; 21 – слуховой барабан нерпы; 22 – луч грудного плавника сибирского осетра; 23–27 – позвонки рыб

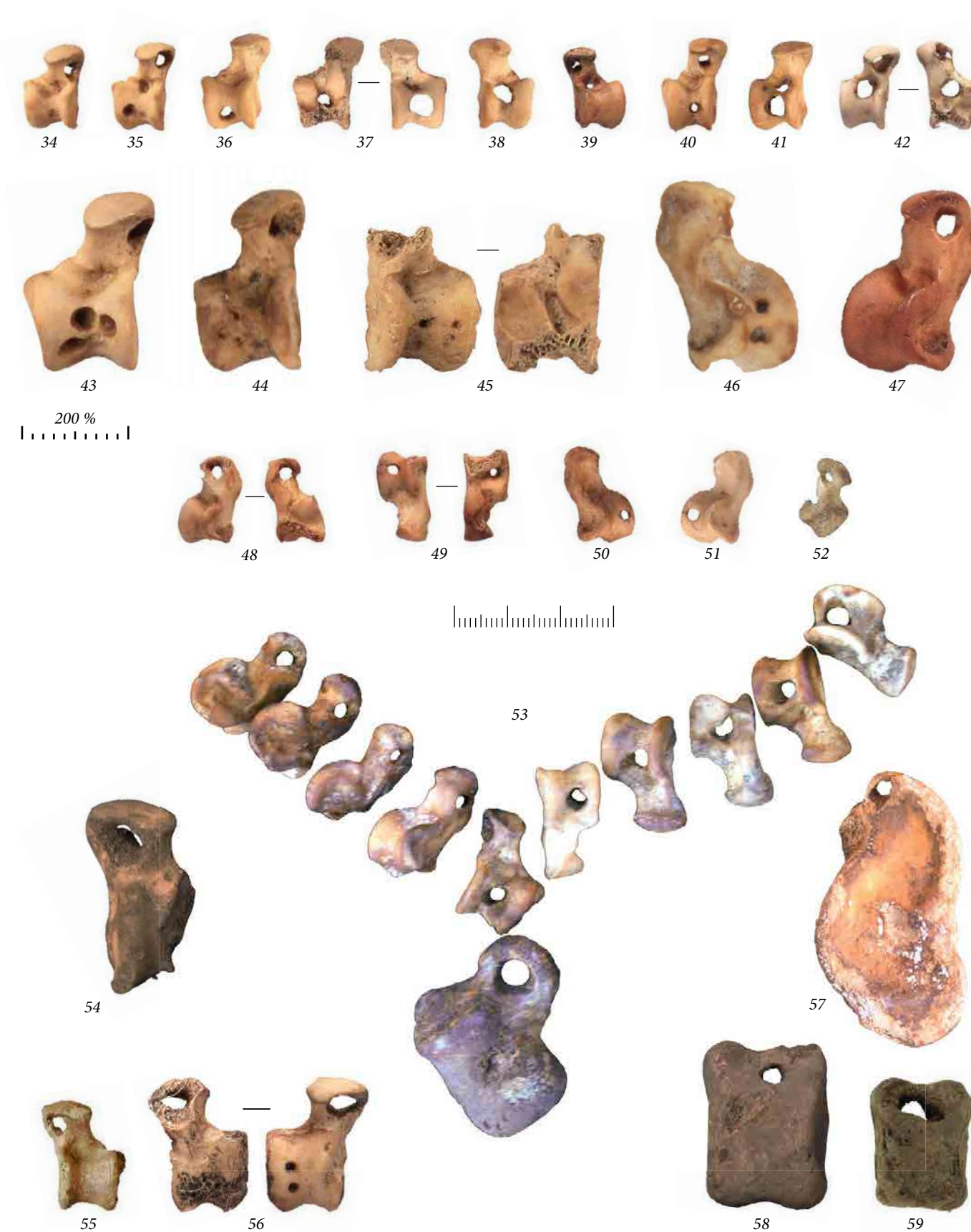

Рис. 3. Надымский городок (XIII–XVII вв.). Подвески из таранных костей млекопитающих:
1–25 – бобра; 26–33 – росوماхи; 34–45 – песца; 46–51 – зайца-беляка; 52 – соболя; 54 – волка; 55 – лисицы; 56 – собаки;
57–59 – северного оленя. Ожерелье из таранных костей песца, зайца-беляка и бобра (кон. XV – нач. XVI в.) – 53

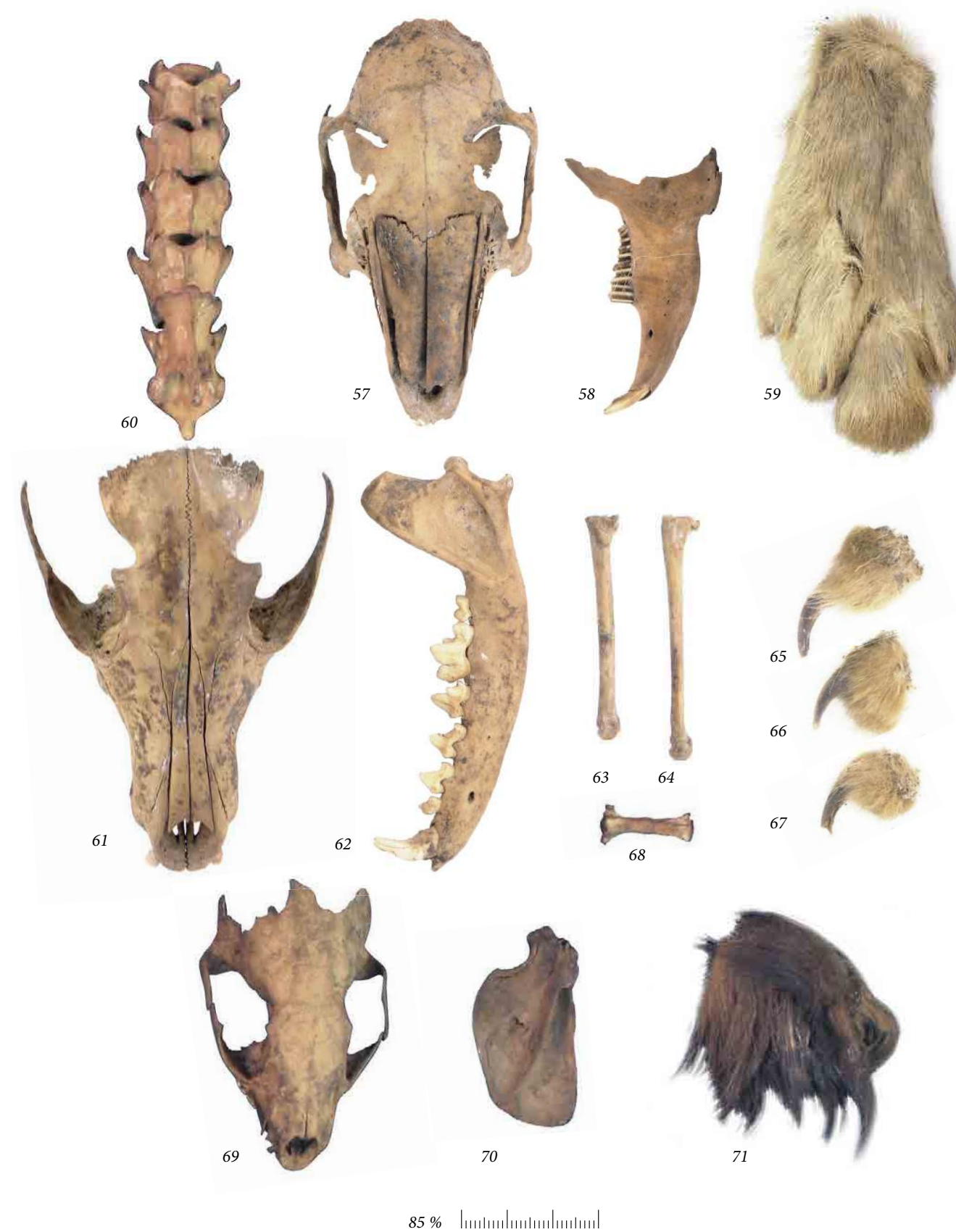

Рис. 4. Надымский городок (кон. XV – нач. XVI в.). Клад из костей промысловых млекопитающих.
 Бобр: 1–55 – таранные кости; 56 – хвостовые позвонки. Заяц-беляк: 57 – череп; 58 – нижняя челюсть; 59 – передняя лапа в шерсти.
 Песец: 60 – шейные позвонки; 61 – череп; 62 – нижняя челюсть; 63–64 – метаподии; 65–67 – когтевые фаланги с роговыми чехлами и мехом; 68 – хвостовой позвонок. Соболь: 69 – череп; 70 – лопатка; 71 – фрагмент меха

Г. П. Визгалов^{1, 2, 3}, О. В. Кардаш^{1, 2}, М. В. Коноваленко³

¹ Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия
E-mail: vizgalovgp@mail.ru

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

³ НПО «Северная археология-1»
проезд 5п, стр. 9, г. Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: konovalenkomarinav@yandex.ru

**Тазовская мастерская¹: производственно-жилой комплекс XIII–XIV веков
в низовье реки Таз**

Аннотация. На территории Севера Западной Сибири крайне малоизвестно, а тем более изучено стационарными раскопками ремесленных мастерских, в том числе по металлообработке эпохи Средневековья. Один из таких памятников был выявлен на Крайнем Севере в низовье р. Таз. Авторы первого исследования определили его как «ювелирную» мастерскую, принадлежащую аборигенному населению. После проведенного стационарного археологического исследования этого памятника, а также других синхронно функционировавших объектов данная интерпретация представляется сомнительной. В настоящей статье представлены результаты последних лет исследований и их анализ с привлечением широкого круга источников. Дано обоснование гипотезы новой интерпретации памятника – торгово-производственной фактории, связанной с продвижением населения Северо-Восточной Европы в Западную Сибирь.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, река Таз, Тазовская мастерская, Новгород Великий, Югра.

Введение

Памятник находится в Тазовском районе ЯНАО, в 132 км на юго-восток, восток от районного центра пос. Тазовский, и в 655 км на северо-восток, восток от окружного центра г. Салехарда, на правом берегу реки Таз, в 140 км от устья, в 5,0 км к западу от фактории Надо-Марра, в 1 км к северо-западу от устья р. Соръяхи (рис. 1). Географические координаты: 66°58'24.49»ССШ, 81°29'34.13»ВД.

Ландшафтная ситуация. Тазовская литейная мастерская расположена на правом коренном берегу реки Таз, в 7 км выше впадения в нее р. Русской (Луце-Яха), на мысу, образованном руслом реки Таз и впадающего в нее безымянного ручья (рис. 1). Мыс вытянут по оси запад-юго-запад – восток-северо-восток, вдоль русла реки.

Растительный покров представлен смешанным лесом (береза, ель, сосна), средний ярус – кустарники (малина, смородина, шиповник), нижний ярус занимает густая высокая луговая растительность (рис. 2).

¹ Первыми исследователями данный памятник был определен как Тазовская литейная мастерская, под этим названием он и был принят на государственную охрану за номером 308, утвержден приказом руководителя департамента культуры ЯНАО № 52 от 15.02.2016. Мы в своей статье называем этот памятник Тазовская мастерская, поскольку это название наиболее полно отражает характер поселения и его функциональное назначение.

Хотелось бы отдельно отметить, что Тазовская мастерская расположена буквально в 5 км от фактории Надо-Марра, которая существовала в 20–70-х гг. XX века. На наш взгляд, место для создания поселения было выбрано неслучайно, и этому способствовали несколько факторов. Все фактории возникали в месте сезонных летних поселений аборигенного населения. К тому же это место до сих пор является местом сходки гыданских ненцев для рыбной ловли (рис. 3, 4). Вполне возможно, что это довольно древнее место, куда съезжались ненцы, и оно было выбрано специально для строительства торговой фактории, которая осуществляла производство кузнечных изделий и литых ювелирных украшений для обмена на пушнину.

История изучения

В 1969 г. комплексной экспедицией, организованной Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды с участием сотрудников Института археологии АН СССР, был выявлен памятник археологии «Тазовская литейная мастерская». Л. П. Хлобыстиным и О. В. Овсянниковым проведено обследование памятника. Результаты исследований 1969 г. изложены в статье «Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье», которая является единственной публикацией, посвященной изучаемому памятнику.

Исследователями отмечено интенсивное разрушение прибрежной части мыса водами р. Таз. Археологическая коллекция, полученная при сборах с береговой части и одного шурфа, состоит из 59 предметов: из них 35 изделий из бронзы и серебра, представляющих целые или фрагментированные украшения, и 14 изделий из железа, а также большое количество фрагментов серебряной проволоки и медных пластин [Хлобыстин, Овсянников, 1973. – С. 248].

Многочисленную категорию обнаруженных находок, так называемый массовый материал, составляет сырье литейного производства и металлообработки: капли и слитки цветных металлов, фрагменты шлаков со следами бронзы и железа, фрагменты железной руды, куски бронзы, застывшие в каналах литейных форм. К сожалению, в статье не приводятся данные о количестве найденных находок этой категории. Однако наличие находок такого плана ставит под сомнение интерпретацию этого памятника как бронзолитейной мастерской. Наличие шлаков, криц и фрагменты железной руды указывают на кузнечное производство, которое по каким-то причинам не было взято во внимание авторами первого исследования. Хотелось бы также отметить, что интерпретация авторами первого исследования данного памятника как ювелирной мастерской аборигенного населения была сделана на основании анализа артефактов, собранных с поверхности и обнаруженных в шурфе, вне контекста планировочной структуры комплекса, мощности культурного слоя и анализа палеоэкологических материалов, на основании которых можно сделать вывод о хозяйстве и экономике поселения, а также о сезонности функционирования. На основании только сравнительно-типологического анализа бронзовых артефактов время функционирования «Тазовской литейной мастерской» было определено в пределах X–XIII вв. н. э. [Хлобыстин, Овсянников, 1973. – С. 257].

Исследования «Тазовской литейной мастерской» возобновились в 2005 г. При проведении рекогносцировочного обследования в бассейне нижнего и среднего течения р. Таз одним из авторов статьи уточнено местоположение памятника и его современное состояние, выполнена глазомерная съемка и заложены стратиграфические разрезы (два шурфа и зачистка) [Визгалов, 2005].

В стратиграфических разрезах был зафиксирован культурный слой и артефакты. Археологическая коллекция, полученная при сборах с береговой части и шурфов, состоит из 21 предмета: из них изделия из меди, фрагменты стенок котлов – 6 экз. и одно украшение, украшения из бронзы и серебра – 3 экз., фрагменты тиглей – 3 экз., шлаки и крицы – 8 экз.

В результате работ 2005 г. состояние памятника оценивалось как аварийное, что обосновало необходимость проведения дальнейших археологических работ.

В 2012 году были начаты охранные стационарные исследования², связанные с необходимостью предотвращения разрушений, таких как осыпание склона коренного берега, размываемого паводковыми

² Работы были проведены по ГК № 78 от 5 июня 2012 г. «Проведение противоаварийных раскопок разрушающегося памятника археологии «Тазовская литейная мастерская», заключенного между департаментом культуры ЯНАО и ИП Кардаш О. В.

и талыми водами, и негативное антропогенное воздействие, связанное со строительством и функционированием автозимника «Ванкор – Уренгой». В ходе полевых археологических работ было заложено два рекогносцировочных раскопа общей площадью 23 кв. м на сохранившихся участках культурного слоя. В раскопе № 1 изучен фрагмент сооружения 1, вероятно, жилища. Также в раскопе № 1 исследованы остатки двух печей или горнов – единственные на сегодняшний день на Крайнем Севере Западной Сибири сооружения, связанные с металлообработкой в средневековье.

В результате археологических работ получена коллекция из 85 единиц артефактов: из них изделий из железа – 15 экз., цветных металлов – 24 экз., кости и рога – 15 экз., керамики – 5 экз., камня – 5 экз., стекла – 9 экз., бересты – 12 экз., датирующихся XII–XIV вв. н. э.

Архитектура

Для размещения Тазовской мастерской была использована относительно ровная площадка оконечности мыса, с трех сторон окруженная естественным крутым склоном. Территория поселения мастерской разделена на две части хорошо фиксируемым понижением рельефа глубиной около 5 м, шириной 25 м. Происхождение его пока не выяснено, не исключено, что это часть оборонительной системы – специально созданный ров с крутыми склонами, угол которых составляет около 30°. Вероятно, ров с западной и юго-западной сторон ограничивал укрепленную часть поселения мастерской. Поэтому для простоты понимания эти площадки получили обозначение № 1 на стрелке мыса и № 2, расположенной в глубине террасы.

С южной стороны мыс интенсивно подмывается паводковыми водами, поэтому часть склона вдоль берега осыпается. В разрушенном откосе фиксируется культурный слой – это значит, что большая часть, возможно, около половины комплекса Тазовской мастерской, уже утрачена. Достоверно общие размеры территории Тазовской литейной мастерской определить невозможно. Реконструируемые размеры площадки № 1 составляют 30 × 30 м, площадки № 2 – 15 × 15 м (рис. 7).

Площадка № 1, предположительно, являлась основной укрепленной частью поселения. Она расположена на участке естественного рельефа, с трех сторон окруженного крутым склоном и с четвертой понижением с отвесными краями, похожим на ров. Высота берега в месте размещения площадки № 1 мастерской достигает 10 м над уровнем поймы. Склоны с южной и восточной сторон, обращенные к реке, крутые, обрывистые (рис. 5). С северной и восточной сторон также фиксируются довольно крутые склоны, возвышающиеся на 10 м от уровня поймы в среднем под углом примерно 30°, в центральной части склона и у вершины угол достигает 45°, подобно склонам городка Монкысь Урий, которые являлись частью фортификационной системы и были специально сформированы для дополнительной защиты поселенческого комплекса [Кардаш, Визгалов, 2015. – С. 78–83].

Площадка № 2 была размещена на менее защищенной территории (рис. 6). С южной стороны ее также защищает крутой береговой склон высотой 8 м от уровня поймы, с северной и восточной сторон склоны пологие, они возвышаются над уровнем поймы примерно на 8 м под углом около 10°, с западной же стороны фиксируется небольшое повышение рельефа.

Таким образом, естественный рельеф участка местности был использован для размещения укрепленного жилого комплекса без дополнительных земляных работ по строительству оборонительной системы.

На площадке Тазовской литейной мастерской остатки каких-либо сооружений визуальным образом не фиксируются. О планировочной структуре на сегодня пока ничего не известно в связи с малой площадью исследования. В раскопе № 1 2012 года зафиксированы остатки сооружения № 1 (рис. 8).

Сооружение № 1 исследовано частично. В 2012 году раскопом охвачена юго-восточная часть постройки. Размеры изученного участка – 2 × 4,5 м, 9 м². Реконструируемые размеры сооружения ориентировочно составляли 5 × 5 м. На исследованной территории зафиксированы 2 столбовые ямы, с восточной и северной сторон на дне котлована обнаружен древесный тлен от тонких плах, перекрытых сверху полосами бересты, вероятно, являющихся остатками настила от нар (рис. 10, 11)

В стратиграфии котлована постройки зафиксированы следующие слои:

– темный серо-коричневый гумусированный суглинок с углями, шлаками и обожженной глиной;

– темно-серый гумус с вкраплениями песка и древесного тлена;
– серо-коричневый гумусированный суглинок с вкраплениями древесного тлена, песка и бересты;
– светло-серая супесь.

Мощность культурного слоя составляет около 0,5 м (рис. 12, 13).

По полученным данным реконструируется постройка каркасно-столбовой конструктивной системы, землянка или полуземлянка с земляным полом, с нарами вдоль восточной стены, покрытыми настилом из досок и бересты, вероятно, с центральным очагом. Конструкция кровли (скатная или плоская) достоверно не реконструируется. Известно, что она состояла из нескольких слоев: уложенной на балки деревянной обрешетки, теплоизоляционного слоя бересты, слоя утеплителя – грунтовой подсыпки и дернового слоя, фиксирующего бересту и грунт [Коноваленко, 2013].

На основании анализа стратиграфии, с учетом глубины жилищного котлована и мощности культурных отложений можно сделать вывод о длительности существования этого поселения, которое вряд ли превышало столетие. Судя по времени бытования найденных артефактов, мы можем ограничить период существования концом XII – началом XIV в.

В итоге по ряду морфологических признаков можно заключить, что Тазовская мастерская – это оборонительно-жилой комплекс с естественной системой фортификации в виде понижения или рва с одной стороны и естественного крутого склона с трех сторон площадки.

Следует отметить, что это самый ранний оборонительный комплекс из числа известных, расположенных в бассейне р. Таз. Единственное известное укрепленное поселение – это городище Мангазея XVII в., которое было основано русскими. Все известные на сегодня памятники являются поселенческими без оборонительной функции, что косвенно указывает на иноэтничность основателей Тазовской мастерской и на возможность возведения ее выходцами из Северо-Восточной Европы.

Вещевой комплекс

Археологическая коллекция, полученная при исследованиях в 1969 г.³, 2005 и 2012 г., состоит из 155 предметов и представлена следующими функциональными группами: украшения костюма и тела человека – 51 экз., принадлежности охоты – 5 экз., принадлежности рыболовства – 4 экз., универсальные орудия и принадлежности – 8 экз., швейные принадлежности – 5 экз., инструменты литейного производства – 12 экз., заготовки и отходы кузнечного производства – 20 экз., заготовки и отходы косторезного производства – 9 экз., предметы быта – 30 экз., предметы ритуального костюма – 13 экз. Также были найдены крицы, шлаки, куски ошлакованной глины, фрагменты обмазки, различные отходы литейного производства, которые не были включены в коллекционные описи исследователей, поэтому установить точное количество не представляется возможным.

Украшения костюма и тела человека составляют самую многочисленную группу артефактов. По материалу изготовления их можно разделить на три группы – это цветные металлы (бронза и серебро), стекло и кость. Изделия, изготовленные из бронзы и серебра, представлены разнообразными типами предметов. Рассмотрим их подробнее

Круглая плоско-коническая бляшка – 1 экз. изделие представляет собой полусферу, в центре сферический умбон, обрамленный валиком, на оборотной стороне перемычка для прикрепления к основе. Отлита из бронзы в двусторонней литейной форме (рис. 16 – 16). Подобные изделия широко представлены в погребениях конца XI – XIII в. в Западной Сибири [Чемякин, Карачаров, 1999. – Рис. 19, 11], в частности, обнаружены в Ликинском могильнике X–XIII вв. [Викторова, 2008. – С. 88; рис. 81].

Подвеска в форме лапки водоплавающей птицы (лапчатая) – 1 экз. Изделие ажурное, с парными прорезями, выполнено из бронзы, имитирует перепончатую лапку водоплавающей птицы. Размеры 5,2 × 2,2 × 2,2 см, практически плоское. Данное изделие явный производственный брак: нет отверстия для подвешивания, рельефного рисунка, неровные отверстия в нижней части. Обнаруженный образец плохого качества, орнамент неразличим (рис. 16 – 1).

³ Для достоверности статистических данных о количестве предметов, входящих в состав функциональных групп, были включены артефакты, полученные при исследованиях 1969 г., но описание самого вещевого комплекса дано в следующей статье: Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1971. – С. 248–257.

Появление этого типа украшений, судя по материалам раскопок, относят ко второй половине – концу XII в., а широкое бытование в культуре приходится на XIII–XIV вв. К середине XV в. их массовое изготовление прекращается, но бронзовые подвески, изготовленные в XIII–XIV вв., присутствуют на ритуальных костюмах вплоть до первой трети XVIII века [Чемакин, Карачаров, 2002. – С. 60–65; рис. 20 – 7, 8; Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 115–116; рис. 41 – 22, 24; Кардаш, 2013а. – С. 145; рис. 3.13 – 10, 14 – 2].

Подвеска – 1 экз., представляет собой сдвоенные фигурки бобров (рыбок?). Отлита из бронзы. Левая фигурка длиннее и уже правой – $47 \times 13 \times 1,75$ мм, правая имеет размеры $42 \times 17 \times 2$ мм. Расстояние между фигурками 11 мм, они соединяются двумя перемычками. В верхней части фигурок обозначены глаза, в средней части – две параллельные линии, от которых отходят боковые косые линии, имитируя рыбий скелет. Данная фигурка – явный производственный брак, в связи с этим определить точные морфологические признаки, позволяющие интерпретировать фигурки как изображения рыб или бобров, затруднительно (рис. 16 – 2, 2а).

Подвеска – 1 экз., изделие выполнено в виде удлинённой трапеции, в верхней части круглое отверстие для подвешивания. Изготовлена из серебра. (рис. 16 – 3) Подобные изделия встречаются в средневековых святилищах европейского Северо-Востока [Мурыгин, Кардаш, Липс, 2017. – С. 184].

Привеска, деталь шумящей подвески. Привеска выполнена из бронзы. Цельнолитая трубочка с петлей для подвешивания, круглая в сечении, орнаментирована горизонтальными поясами гладких и рубчатых валиков. (рис. 16 – 4) Подобные изделия широко распространены на территории Приуралья и Западной Сибири, в Среднем Приобье, локализуются в пределах XII–XIV вв. [Чемакин, Карачаров, 2002. – С. 60–62; рис. 19: 12; Семенова, 2001. – С. 76; Кардаш, 2011].

Шумящая подвеска, щиток – 1 экз. Щиток арочной формы, в верхней части есть петля для подвешивания, в нижней части три петли для крепления привесок. Щиток по контуру орнаментирован валиком, затем ближе к центру идет псевдозернь, далее гладкий валик, рубчатый валик, в центре три капли, расположенные треугольником, каждая капля орнаментирована двумя валиками, треугольник из капель заключен в арку из гладких валиков, расположенных в два ряда, но основание арки выполнено из одного гладкого валика (рис. 16 – 5). Ближайшие аналогии известны в могильниках XI–XIV вв. н. э. вымской культуры на Вычегде [Савельева, 1987. – Рис. 31, 11], в частности в Кичилькосьском II могильнике второй половины XIII в. [Савельева, 2015. – Рис. 6 – 1, 2; рис. 10 – 1], в могильниках XII–XIV вв. н. э. родановской культуры Прикамья [Оборин, 1999. – Рис. 4, 10].

Браслет – 1 экз., фрагмент. Выполнен из бронзы, в сечении круглой формы, длина 4,9 см, диаметр от 0,3 до 0,4 см. По выгнутому ребру (спинке) проходит волнистый гребень.

Бусины – 9 экз. Представленные бусины зонные. Зонные бусы глухие черные инкрустированы белыми волнистыми полосами или хаотичными белыми, желтыми и красными овальными пятнами. Полупрозрачная зеленая инкрустирована желтым зигзагом. Синяя, серая, полупрозрачная голубая – без инкрустации, выполнены в технике навивки (рис. 16 – 6–15)

Все обнаруженные бусины находят аналогии в материалах раскопок средневекового Белоозера – одного из крупных городских центров Северо-Восточной Руси, где около трети находок приходится на долю стеклянных бус, поступавших туда как из крупнейших русских городов, так и различных стран Востока и Запада [Захаров, 2004. – Рис. 301, 303, 304]. По материалам раскопок на Кубенском озере подобные зонные бусины датируются концом XI – XIII в. [Археология севернорусской деревни..., 2008. – С. 162; рис. 148]. Аналогичные бусины имеются в вещевом комплексе Надымского городка, городища Бухта Находка [Кардаш, 2011. – С. 40; рис. 51; 2013а. – С. 207; рис. 3.12 – 17–26].

Изделия из кости представлены двумя подвесками – фрагментами челюстей песка с отверстием для подвешивания (рис. 19 – 5, 6). Согласно материалам раскопок средневековых памятников подвески из костей животных были повсеместно распространены. Например, на территории Прикамья подвески из различных костей животных известны с эпохи раннего железного века до позднего средневековья [Ашихмина, 1977. – С. 156; рис. 8 – 3; Голдина, Кананин, 1989. – Рис. 77 – 5; 83 – 39; Археология Республики Коми, 1997. – С. 679; рис. 8 – 25]. Довольно много найдено подвесок-амулетов из астрагалов бобра, овцы, клыков лисы и медведя в памятниках X–XIII веков на территории Поволжья – в Болгаре,

на Руси – в Старой Ладогге, Белоозере, окрестностях Старой Рязани [Закирова, 1988. – С. 233; рис. 103 – 11; Древняя Русь, 1997. – С. 157; табл. 93 – 19; Судаков, Буланкин, 2005. – С. 271, 278; рис. 5 – 2–8, 13–15].

Принадлежности охоты представлены различными наконечниками стрел. Три из них изготовлены из железа и относятся к следующим типам: вильчатый срезень и граненый бронебойный. Один изготовлен из кости и относится к типу ромбических.

Наконечник стержневидный (бронебойный) – 1 экз. Стержневидные, квадратного сечения с криволинейно-треугольной боевой головкой ромбического сечения, снабженной двумя тонкими шипами, размеры $13,3 \times 0,8 \times 0,6$ см, длина острия 4,1 см. Шипы на острие расположены ассиметрично, возможно, это дефект при изготовлении либо утрата под воздействием коррозии (рис. 17 – 1).

Наконечник близок к типу 78 по классификации А. Ф. Медведева, который бытовал с IX по XIV в. и имел широкое распространение в XIII–XIV вв. [Медведев, 1966. – С. 79, 80; табл. 25, 14, 28, 18; Мурыгин, 1992. – С. 49].

Наконечники стрел с поражающей (боевой) частью в форме широкой вилки («вильчатый срезень») – 2 экз. Наконечники стрел плоские черешковые без упора. Представляют собой железную пластину в форме вытянутого равнобедренного треугольника, в сечении имеет прямоугольную форму. Боевая часть образована треугольным вырезом в верхней грани в виде широкой двузубой вилки, заточка нанесена по внутреннему краю выреза. Лопасты прямые, плавно сужаются и переходят в черешок. Узкий конец пластины служит черенком-насадом. Размеры $7,2 \times 1,6$ и $12,2 \times 2,3$ см (рис. 17 – 2, 3).

Этот тип наконечников имеет широкие временные рамки бытования – с конца I тыс. н. э. до этнографической современности. Подобные вильчатые срезни относятся по классификации А. Ф. Медведева к типу 59 и бытовали в X–XI вв. в Приладожье, Прикамье и Ярославском Поволжье [Медведев, 1966. – С. 71; табл. 30, 55; 18, 36; Мурыгин, 1992. – С. 49]. В Зауралье и Западной Сибири период их существования гораздо шире: наиболее ранние экземпляры найдены на городище Няксимволь (III–II вв. до н. э. – I–II вв. н. э.) в Нижнем Приобье [Борзунов, Чемакин, 2015. – С. 53], наиболее поздние датированы новым и новейшим временем [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 70; рис. 33 – 5, 34 – 6, 17; Кардаш, 2009. – С. 150, 212; рис. 3.17 – 1–6; 2015. – С. 213; 378; рис. 3.2.3 – 7–9; Мартин, 2004. – С. 52–53; рис. 40–43; табл. 1 – 9–11; Стефанов, 2002. – С. 182; рис. 8–9].

Ромбовидный наконечник – 1 экз. Наконечник стрелы черешковый плоский без упора. Перо ромбической формы, в сечении – уплощенное ромбическое. Черешок в сечении уплощенный четырехугольный, плавно сужается к основанию. Изготовлен из кости. Размеры $9,3 \times 1,2 \times 0,5$ см (рис. 17 – 4).

Аналогичные костяные наконечники имеются в коллекции вещей Надымского городка из слоя конца XVI – первой трети XVIII века [Кардаш, 2013а. – С. 149, рис. 3.16 – 10]. Находки таких наконечников на других средневековых поселениях единичны и относятся преимущественно к XVI–XVII вв. [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 79; рис. 40 – 17; Семенова, 2001. – С. 40; табл. 17].

Принадлежности рыболовства представлены рыболовными крюками (рис. 17 – 5, 6) и иглой для вязания сетей.

Игла для вязания сетей – 1 экз. Имеет форму вытянутой пластины, снабженной с обеих сторон смыкающимися усиками. Размеры $28,0 \times 2,0 \times 0,8$ см. Длина усиков 7,9 и 8,3 см (рис. 19 – 4). Аналогичные иглы найдены в культурном слое городища Бухта Находка и Надымского городка [Кардаш, 2011. – С. 30; рис. 38; 2013а. – С. 230; рис. 3.35 – 4]

Универсальные орудия и принадлежности представлены фрагментами точильных брусков.

Орудия труда и инструменты представлены швейными принадлежностями и инструментами литейного производства.

К швейным принадлежностям относятся иглы, шило и проколки (рис. 17 – 7–9).

Инструменты литейного производства представлены целыми и фрагментами тиглей, литейными формами, стержневидным пробойником.

Тигель рюмковидный. Емкость тигля овальной яйцевидной усеченной формы. Объем тигля чуть больше 100 мл. Чашечка тигля в плане – эллипсовидная. Ножка тигля в сечении круглой формы. Внешняя поверхность тигля местами в трещинах, неровная, шероховатая, с небольшими шарообразными выступами. Местами гладкая, глазурированная стекающими при отливке фракциями флюса

и шлака. Цвет глины от светло-серого до темно-коричневого и черного. Внутри стенки неровные из-за налипших и прикипевших шероховатых зернистых кусочков шлаков и окиси (рис. 14, 18 – 1, 3).

Рюмковидные тигли в Северо-Западной Сибири появляются на памятниках карымского типа IV–VI вв. и бытуют до конца XI – XII в. [Чемакин, Карачаров, 2002. – С. 48; Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 98]. Данная форма тиглей является уникальной и имеет важный культурно-хронологический аспект. Все известные тигли рюмковидной формы гораздо меньше по объему и не имеют такого раздутого тулова.

В коллекции есть предмет неизвестного назначения, представляющий собой клиновидное изделие размерами 16 × 13,5 × 12,3 см. Изделие состоит из основания с двумя отверстиями, пересекающими друг друга в торцевом профиле разреза под углом около 90 градусов. Верхнее отверстие имеет форму эллипса, нижнее – округлое. Вероятно, данные отверстия предназначены для крепления зажима на стержне в разных перпендикулярных плоскостях.

Длина зажимных лопастей 12,3 см, расстояние между ними у основания 0,4 см, толщина – 0,3 см и 0,4 см, к концу изделия они постепенно сходятся вплотную друг к другу и становятся тоньше (рис. 19 – 2).

Назначение изделия неясно. Оно могло использоваться как ювелирный инструмент – пинцет, который с помощью отверстий крепился стационарно на стержень, а мелкая заготовка прочно закреплялась меж лопастей, фиксируемых специальным сдавливающим кольцом, надевающимся на них. Похожий предмет имеется в коллекции вещей Стадухинского острога и идентифицируется как держатель железных наконечников стрел, но у него отверстия в верхней части расположены в одной плоскости параллельно друг другу [Алексеев, 1996. – С. 126].

Заготовки и отходы кузнечного производства представлены крицами, кусками шлаков, различными отходами литейного производства, конкрецией железной руды. Хотелось бы обратить внимание на фрагменты металлургических криц. Найденный фрагмент крицы имеет следующие размеры: 11,8 × 6,0 × 4,3 см, по ним мы можем реконструировать диаметр целой крицы – он около 25–30 см, толщиной 2,5–4 см, с высоким содержанием железа – около 50–60 % (рис. 18 – 2). По нашему мнению, жители этого поселения получали уже готовые крицы, поскольку для изготовления криц таких размеров необходимо несколько условий – это качественное сырье и топливо. Ближайший источник сырья, которое использовалось для изготовления различных изделий из железа и цветных металлов, расположен на Среднем Урале. Рассматривая второй аспект получения криц, необходимо отметить, что наиболее качественный древесный уголь получается только из очень ограниченного числа пород дерева – из всех достаточно редких и медленно растущих твердолиственных пород (дуб, граб, бук) и березы. Уже из хвойных – сосны или ели – древесный уголь получается более хрупким и с большим выходом мелочи и угольной пыли. Технология получения железа очень требовательна и к качеству топлива (угля), и к температуре процесса. Хороший, чистый и плотный древесный уголь мог обеспечить как хорошую температуру процесса, так и полное восстановление железа, пережигание всех вредных примесей и правильное остаточное содержание углерода в полученном кричном железе. Растительный покров в месте расположения Тазовской мастерской не мог дать качественное топливо.

Таким образом, у жителей поселения отсутствовала возможность самим изготавливать такие крицы. Рассматривая синхронно функционировавшее городище Бухта Находка конца XII – начала XIV в., принадлежавшее только аборигенному населению, стоит отметить, что крицы в составе вещевого комплекса есть, но они значительно меньше, их диаметр около 10–12 см при толщине 1,5 см.

Возвращаясь к размерам и качеству криц, нужно отметить, что сам процесс переработки крицы в изделие был непростым. Крица разбивалась, нагревалась и проковывалась. Для того чтобы разбить такую крицу, необходим был очень массивный инструмент. В связи с малой площадью исследования инструменты кузнечного производства не были найдены, но в рекогносцировочном раскопе № 1 2012 г. были зафиксированы остатки двух печей, а также каменные наковальни со следами утилизации, что прямо указывает на кузнечное производство. Горны представляли собой углубленное основание в виде цилиндрической ямы реконструируемым диаметром 0,8 м, врезанное в материк на глубину до 0,5 м. В заполнении была зафиксирована прокаленная глина со шлаками, серая слабо обожженная глина, по краям яма проложена берестой и деревом, от которого сохранился перегной.

Можно высказать предположение, что такое качественное сырье – крицы с содержанием железа около 50–60 % доставлялось для кузнечного производства различных изделий с последующим совершенением торгово-меновых операций на пушнину.

Несомненно, на синхронно функционировавших памятниках, принадлежавших аборигенному населению, есть следы кузнечного производства, но это так называемая «ковка на обухе топора», производившаяся в домашних условиях. Наличие горнов указывает на иные технологические приемы, которые не были свойственны аборигенному населению. Подобные горны с углубленным основанием были зафиксированы на Рачевском комплексе XII в. [Зыков, 1986. – С. 124].

Предметы быта представлены посудой – фрагментами стенок медных котлов (рис. 17 – 10–23). Медные клепаные котлы и их фрагменты – одна из самых массовых находок на поселениях и в погребениях Северо-Западной Сибири XIII–XVII вв. [Кардаш, 2011. – С. 36; рис. 46; Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 106; Кардаш, 2013а. – С. 232; рис. 3.37 – 5–7].

К предметам костюма относятся костяной гребень и детали берестяного воропа.

Гребень-заколка – 1 экз., односторонний трапециевидной формы, размеры 12,5 × 4,6 × 0,4 см. В нижней части 7 зубцов, крайний правый обломлен и короче других на 5 мм. Зубцы у основания в сечении эллипсовидной формы, на конце – круглой. На спинке гребня вырезан узор в виде оленьих рогов. Рожки длиной 10 мм в составе 8 косых зубцов, 2 зубца утрачены (рис. 19 – 1).

На гладкой лицевой стороне вырезан узор в виде трех трапеций, одна в другой, прочерченных двумя линиями. Обратная сторона гребня вогнутая. Посредине нее в 3,5 см от верхней части гребня намечено, но недосверлено отверстие. Гребень был найден вертикально воткнутым в берестяное покрытие вдоль стены сооружения. Гребень, аналогичный по форме и орнаментации средней части, имеется в коллекции городища Бухта Находка (конец XII – начало XIV в.) [Кардаш, 2011. – С. 26; рис. 32 – 1].

Гребень относится к деталям костюма, который помимо утилитарного имел знаково-символическое значение. Ряд оснований позволяет подчеркнуть высокий семантический статус и особое сакральное значение гребня в числе бытовых предметов традиционного вещевого комплекса сибирских народов. Такая значимость определяется наличием орнаментированного навершия. Одним из ярких примеров, демонстрирующих связь орнамента и статуса вещи, может служить зафиксированное нами наличие декора на предмете, определяющего его принадлежность потомку обдорских князей Тайшиных. Другой важный фактор, обуславливающий высокий статус, – это прикосновение гребня к голове, ассоциировавшейся в сознании сибирских аборигенов с вместилищем души [Алексащенко, Перевалова, 2001. – С. 177; Народы Западной Сибири..., 2005. – С. 195].

В мифологии обских ургов гребень является одним из предметов, служащих барьером между мирами; он используется и в некоторых обрядах, в т. ч. на медвежьем празднике [Мифы..., 1990. – С. 65, 101; Алексащенко, Перевалова, 2001. – С. 178].

В составе костюма гребень имел в том числе функцию оберега. Так, при раскопках городища Бухта Находка удалось зафиксировать факт преднамеренного размещения вещей в пространстве жилищ перед оставлением поселения: в разных домах идентичные по функциям предметы находились в одних и тех же местах. Это касается и гребней, найденных справа от очага и в левом переднем углу. Можно предположить, что целые гребни использовались в качестве оберега жилища [Кардаш, Пономарева, 2010. – С. 80].

Также обращает на себя внимание недосверленное отверстие в верхней части гребня, которое, по всей видимости, было предназначено для ношения гребня на поясе или шее в качестве оберега. Аналогичные факты отмечены на приуральских материалах [Иванова, 1998. – С. 170].

Вороп – 1 экз., представлен двенадцатью деталями. Изготовлен из двух слоев бересты, сшитых через край, по краям изделия сохранились отверстия от стежков. Вороп украшен аппликациями из узких полос (рис. 19 – 3). Был обнаружен в яме печи-горна с внешней стороны глиняной обмазки. В археологических материалах севера Западной Сибири вороп массово представлен в вещевом комплексе Надымского городка и городища Бухта Находка [Кардаш, 2011. – С. 23; рис. 29 – 12–15; 2013а. – С. 251; рис. 3.56 – 1–3]. Следует отметить, что воропы, найденные в Надымском городке, меньше по размерам и отличаются по форме, а воропы, найденные в культурном слое городища Бухта Находка, идентичны по форме и размерам воропу, обнаруженному в Тазовской мастерской.

Вороп представляет собой специфический женский пояс, который служил для прикрытия половых органов. Вороп надевали на тело с началом менструации и носили до смерти [Абрамов, 1857. – С. 334; Мартин, 2004. – С. 60–61; табл. 4: 4, 5; Лукина, 1985. – С. 37]. Вороп нес определенную семантическую нагрузку. Здесь стоит отметить, что тело женщины, по представлениям хантов, имело четыре души: душа-голова, душа-сердце-плечи, душа-живот и душа-ноги, а место отсутствия души – «суп» – у женщины прикрывалось менструальным поясом. У мужчины же было пять душ, и пятая душа была сосредоточена в детородном органе, таким образом мужчина считается двухголовым существом. Женщине недостает лишь одной души – второй головы, т. е. женщина асимметрична по отношению к «нижнему миру» и является «безголовой», а наличие «свободного» пространства, куда открыт доступ всякому духу «нижнего мира» как раз и прикрывалось менструальным поясом, чтобы в нее не вселился злой дух [Перевалова, 1992. – С. 90–91]. В этой связи стоит отметить, что сам вороп имитировал фалический символ, ту самую вторую голову, которой лишена женщина.

При сравнительном анализе материалов, из которых изготовлены артефакты, были получены следующие данные. Большинство вещей в коллекции составляют изделия и фрагменты из цветных металлов – 44,5 % и железа – 23,9 %. Изделий из кости, бересты и стекла значительно меньше: соответственно 9,7, 7,7 и 5,8 %. Самые малочисленные группы составляют предметы из глины (5,2 %) и камня (3,2 %).

Многочисленность изделий из металлов отражает основное занятие жителей поселения – металлообработку и указывает на высокую активность в торгово-меновой деятельности.

Различные заготовки предметов из кости указывают на бытовую ремесленную деятельность, которая не была развита.

Вместе с тем большое количество бытовых предметов, в частности различной металлической посуды, свидетельствует об активной деятельности, связанной с приготовлением, хранением и употреблением пищи.

Судя по собранным на городище остаткам, религиозная и обрядовая деятельность присутствовала в жизни населения городка, но не являлась основным занятием.

При сравнительном анализе функциональных групп предметов были получены следующие данные. Самая многочисленная группа представлена украшениями костюма и тела человека – 32,9 %, предметов охоты и рыболовства значительно меньше – 3,2 и 2,6 % соответственно. Универсальные орудия и специализированные инструменты труда имеют следующие показатели: 3,2 и 11 %. Заготовки и отходы кузнечного и косторезного производства – 12,9 и 5,8 % соответственно. Предметы быта и детали ритуального костюма – 17,4 и 8,4 %.

Количество найденных украшений говорит о том, что они изготавливались в производственных масштабах для осуществления торгово-меновых операций. Найденные предметы быта – фрагменты стенок медных котлов к этой функциональной группе отнесены условно, поскольку больших фрагментов найдено не было. В этой связи нам представляется возможным использование этих нарубленных стенок для легирования серебром и получения бронзы.

На производственный характер поселения в том числе указывают специализированные инструменты литейного производства, а также заготовки и отходы кузнечного производства.

Охота и рыболовство, равно как и косторезное производство присутствовали в составе занятий жителей поселения.

Детали костюма ритуального назначения говорят нам о том, что на поселении присутствовали женщины, причем аборигенные. Говорить о том, что все население было аборигенным, мы не можем, поскольку на сегодняшний день нет ни одного известного аборигенного памятника со следами ювелирного производства. Так, на синхронно функционировавших памятниках, принадлежавших аборигенному населению, – городище Бухта Находка, городище Ярте VI ювелирного производства нет. Лишь в конце XVI в. в Надымском городке появляется оловянное литье, которое относится к домашнему ремеслу, что, на наш взгляд, является косвенным доказательством проживания на территории поселения иноэтничного мужского населения, которое устанавливало брачные связи с аборигенным.

Рассмотренные категории предметов вещевого комплекса позволяют уточнить характеристику комплекса и назвать его производственно-жилым.

Палеоэкологические материалы

Археозоологическая коллекция состоит из 691 экз. костных остатков. Кости млекопитающих наиболее многочисленны на городке и составляют 80 % от общего количества костных остатков. Определенные кости принадлежат 10 видам диких и домашних животных, 14 видам птиц. Было найдено лишь три кости собак, по которым трудно судить о масштабах собаководства (рис. 15).

Кости из раскопа № 1 – это в большинстве своем кухонные отходы, которые в основном содержат кости наиболее мясных частей тела северного оленя (23 % от всех костных остатков), зайца (32 %) и птицы (22 %). Эти виды составляли основу мясного рациона жителей поселка. Основой питания населения было мясо, вероятно дикого северного оленя. На поселении использовались наиболее мясистые части туши, а головы утилизировались отдельно, в другом месте. Зайца добывали зимой в окрестностях городка, тушки съедали, а головы и лапки сохраняли в жилищах. Значительное количество добываемой в весенне-летнее время водоплавающей птицы (71 %) говорит о ее активном летнем промысле [Визгалов и др., 2013. – С. 325].

Основным объектом пушной охоты был соболь (9 %), меньше добывали песца (5 %). Судя по небольшому количеству костных остатков посткраниального скелета этих животных, охота велась недалеко от жилья. Кроме того, в небольшом количестве добывали бобров, а также бурого медведя, лисицу и росوماху.

На поселении существовал постоянный промысел – охота на птиц. Примерно треть костей принадлежит белой куропатке, ее добывали в лесотундре обычно в зимнее время. Охота могла вестись с поздней осени, когда большая масса птиц откочевывает из зоны северной тундры на юг в поймы тундровых и лесотундровых рек в поисках корма. Большое количество добываемой в весеннее и летнее время водоплавающей птицы (гусей, лебедей и уток) говорит об активном летнем промысле.

Костей рыбы обнаружено немного (3 %), встречаются кости осетровых и щуки, но по этому материалу трудно судить о значении рыболовства.

Черепя соболя, черепя и лапы зайца специально сохранялись в жилой части поселения, их скопления являются отражением промысловых культов.

На основе этих данных мы можем заключить, что поселение функционировало круглогодично, что является еще одним косвенным доказательством проживания иноэтничного населения. Все изученные, синхронно функционировавшие аборигенные поселения были сезонными и предназначались для проживания в определенные периоды: так, городище Ярте VI функционировало в летнее время, а городище Бухта Находка – в зимнее [Федорова, 2006; Кардаш, 2011].

Костный комплекс из раскопа № 2, вероятно, представляет собой результат ритуального сожжения костей как минимум 2-х особей бурого медведя, но ни одной кости медведя нет среди кухонных остатков, что также указывает на особое отношение к этому виду. Сжигание костей медведя отмечено на Ендырском городке, обожженные кости лап белого медведя были найдены также на поселении Тиутей-Сале 1. Помимо костей медведя, в этом скоплении обнаружены обожженные кости головы северного оленя [Визгалов и др., 2013. – С. 326].

Обсуждение

По рассмотрении вещевого комплекса, особенностей архитектуры у нас возникли сомнения в однозначной трактовке данного памятника как бронзолитейной ювелирной мастерской. По нашему мнению, это был производственно- жилой комплекс. Приведем доказательства нашей гипотезы.

Все известные производственные центры были расположены непосредственно вблизи месторождений металла. Жители же этого поселения получали уже готовые крицы, поскольку для изготовления криц таких размеров (около 25–30 см и толщиной 2,5–3 см) необходимо несколько условий, а именно – качественное сырье и топливо. Ближайший источник сырья, которое использовалось для изготовления различных изделий из железа и цветных металлов, расположен на Среднем Урале. Рассматривая второй аспект получения криц, необходимо отметить, что наиболее качественный древесный уголь

получается только из очень ограниченного количества пород дерева – из всех достаточно редких и медленно растущих твердолиственных пород (дуб, граб, бук) и березы. Из хвойных – сосны или ели – древесный уголь получается более хрупким и с большим выходом мелочи и угольной пыли. Технология получения железа очень требовательна и к качеству топлива (угля), и к температуре процесса. Хороший, чистый и плотный древесный уголь мог обеспечить как хорошую температуру процесса, так и полное восстановление железа, пережигание всех вредных примесей и правильное остаточное содержание углерода в полученном кричном железе. На месте же мастерской растет смешанный лес, который представлен березой, лиственницей, елью и кедром, но береза, произрастающая в этой местности, по качеству топлива отличается от березы, растущей на Урале или в европейской части России. К тому же углежогные ямы не были зафиксированы на территории памятника, равно как и металлургические печи.

Таким образом, у жителей поселения отсутствовала возможность самим изготавливать такие крицы. Рассматривая синхронно функционировавшее городище Бухта Находка конца XII – начала XIV в., принадлежавшее только аборигенному населению, стоит отметить, что крицы в составе вещевого комплекса есть, но они значительно меньше – их диаметр около 10–12 см при толщине 1,5 см.

Можно высказать предположение, что такое качественное сырье – крицы с содержанием железа около 50–60 % доставлялось для кузнечного производства различных изделий с последующим совершенением торгово-меновых операций на пушнину, либо сами крицы являлись товаром для торгово-меновых операций.

Возвращаясь к размерам и качеству криц, нужно отметить, что сам процесс переработки крицы в изделие был непростым. Крица разбивалась, нагревалась и проковывалась. Для того чтобы разбить такую крицу, необходим был очень массивный инструмент. В связи с малой площадью исследования инструменты кузнечного производства не были найдены, но в рекогносцировочном раскопе № 1 2012 г. были зафиксированы остатки двух горнов, а также каменные наковальни со следами утилизации, что прямо указывает на кузнечное производство. Подобные горны с углубленным основанием были зафиксированы на Рачевском комплексе XII в. [Зыков, 1986. – С. 124]. На синхронно функционировавших памятниках, принадлежавших аборигенному населению, есть следы кузнечного производства, но это так называемая «ковка на обухе топора», производившаяся в домашних условиях. Так, на городище Бухта Находка конца XII – начала XIV в. есть крицы в составе вещевого комплекса, но они значительно меньше, их диаметр около 10–12 см при толщине 1,5 см и нет следов специализации кузнечного производства, что говорит о домашнем ремесле [Кардаш, 2011]. В слое середины XV – XVI в. Надымского городка были зафиксированы остатки постройки 20, которая была интерпретирована как кузница. С постройкой связано скопление камней, шлака и окалины. Рядом с постройкой были также найдены кузнечные клещи [Кардаш, 2012]. Рассматривая в целом процесс металлообработки, стоит отметить, что он не мог возникнуть спонтанно, этому должны были предшествовать различные предпосылки, к тому же сама технология должна была распространиться на сопредельные территории, однако этого не произошло, соответственно, эта технология была принесена иноэтничным населением.

Рассматривая интерпретацию авторов первого исследования комплекса, что это бронзолитейная ювелирная мастерская аборигенного населения, следует отметить, что на сегодняшний день нет ни одного аборигенного памятника со следами ювелирного производства. Так, на синхронно функционировавших памятниках, принадлежавших аборигенному населению, – городище Бухта Находка, городище Ярте VI ювелирного производства нет. Лишь в конце XVI в. в Надымском городке появляется литейное производство, которое ограничивалось изготовлением украшений женского костюма из олова в односторонних литейных формах из камня. Литье оловянных бляшек для костюма производилось в жилых помещениях и не было связано с кузнечным производством [Кардаш, 2013]. Скорее всего, как и в недавнем прошлом у остяков, это ремесло существовало как одно из женских и носило домашний характер [Мартин, 2004. – С. 58–59; табл. 3]. На наш взгляд, это является косвенным доказательством проживания на территории поселения иноэтничного населения. Несомненно, литье, равно как и кузнечное производство, были главным занятием жителей поселения. Здесь нужно отметить, что, помимо бронзовых украшений, на территории памятника были найдены серебряные украшения и медные

пластины, поэтому мы не можем согласиться с авторами первого исследования, что это была только бронзолитейная мастерская.

Мы также не можем согласиться с авторами первого исследования о времени существования мастерской, которое они определили в рамках X–XIII вв. на основании сравнительно-типологического анализа бронзовых артефактов. На основании стратиграфического анализа, глубины жилищного котлована и мощности культурных отложений можно сделать вывод о периоде существования этого поселения, который вряд ли превышал столетие. Судя по времени бытования найденных артефактов, мы можем ограничить этот период концом XII – началом XIV в.

Коллекция артефактов подтверждает наличие металлообработки непосредственно на памятнике (шлаки, крицы, медные пластины, бракованные изделия), характеризует материальную культуру и торгово-меновые связи населения. Следует отметить, что большинство находок были обнаружены на территории площадки № 1, тогда как на территории площадки №2, где был расположен ритуальный комплекс, найдено всего 7 предметов. Так, при детальном рассмотрении вещевого комплекса необходимо отметить, что количество найденных украшений говорит о том, что они изготавливались в производственных масштабах для осуществления торгово-меновых операций. Некоторые ювелирные украшения находят прямые аналогии с вещевым комплексом Новгорода Великого, к тому же само производство украшений указывает на высокотехнологичные навыки, присущие населению Северо-Восточной Европы. Найденные предметы быта – фрагменты стенок медных котлов – к этой функциональной группе отнесены условно, поскольку больших фрагментов найдено не было. В этой связи нам представляется возможным предположить использование этих нарубленных стенок для легирования серебром и получения бронзы. В процессе раскопок не были найдены оловянные изделия, а только нарубленные серебряные, поэтому и было высказано предположение, что медь легировали серебром.

На производственный характер поселения также указывают специализированные инструменты литейного производства, в том числе заготовки и отходы кузнечного производства.

Население, которое здесь осело и занималось ремесленной деятельностью, скорее всего установило брачные связи с аборигенным населением. Детали костюма ритуального назначения говорят нам о том, что на поселении присутствовали женщины, причем аборигенные. Говорить о том, что все население было аборигенным, мы не можем, поскольку на сегодняшний день нет ни одного известного аборигенного памятника со следами ювелирного производства, что, на наш взгляд, является косвенным доказательством проживания на территории поселения иноэтничного мужского населения, которое устанавливало брачные связи с аборигенным.

Рассматривая место расположения, удаленное от сырья, вещевого комплекс с прямыми аналогиями изделий Новгорода Великого, навыки и технологию производства, мы предполагаем, что это поселение являлось торгово-производственной факторией, связанной с населением Северо-Востока Европы, которое прибыло для торговли. Следует отметить еще несколько фактов, обосновывающих нашу гипотезу. Характер поселения указывает на его оборонительную функцию, поскольку был использован естественный укрепленный мыс и, возможно, искусственно созданный ров. Похожая система фортификации была у Рачевского комплекса. Он также был с трех сторон окружен крутым склоном, а с четвертой – валом и искусственным углублением [Терехова, 1986. – С. 116]. В бассейне реки Таз единственное известное укрепленное поселение – городище Мангазея, которое было основано русскими. Все известные аборигенные поселения не являлись оборонительными, что косвенно указывает на иноэтничность основателей Тазовской мастерской. Второе, довольно существенное отличие от синхронно функционировавших объектов, расположенных на сопредельных территориях, – это круглодичность проживания, которое было основано на данных археозоологической коллекции. Аборигенные поселения были сезонными и предназначались для проживания в определенные периоды – так, городище Ярте VI функционировало в летнее время, а городище Бухта Находка – в зимнее [Федорова, 2006; Кардаш, 2011].

На современном уровне изучения мы считаем, что данное поселение являлось торгово-производственной факторией, связанной с населением Северо-Востока Европы. Несомненно, для подтверждения связи с населением Северо-Востока Европы необходимо провести дальнейшие археологические

исследования, поскольку объем полученных данных в результате охранных полевых исследований 2012 г. невелик и не может дать репрезентативную оценку.

Списки источников и литературы

Архивные источники:

Визгалов Г. П. Отчет о НИР. Археологическое обследование бассейна р. Таз в Тазовском районе ЯНАО, проведенное летом 2005 года. – Нефтеюганск, 2005. Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. № 141.

Зыков А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири в II–XVII веках: дис. канд. ... ист. наук. – М., 2008. – Архив ПниАЛ УрФУ. Ф. III. Д. 407, 407А.

Кардаш О. В. Отчет о НИР «Проведение противоаварийных раскопок разрушающегося памятника археологии «Надымское городище» (Надымский городок). – Нефтеюганск, 2012. – 214 с. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д.

Коноваленко М. В. Отчет о НИР «Аварийные раскопки разрушающегося объекта культурного наследия «Тазовская литейная мастерская» в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2012 г.» – Нефтеюганск, 2013. – 145 с. – Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. № 361.

Литература:

Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Зап. РГО. – СПб., 1857. Кн. XII. – С. 327–448.

Алексиенко Н. А., Первалова Е. В. Сон, падай, падай (трасологический метод в археолого-этнографических исследованиях: гребни) // Самодийцы: Материалы IV Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). – Тобольск; Омск, 2001. – С. 177–181.

Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. 152 с.

Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой; под ред. А. Я. Труфанова; коммент. А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. – 184 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. – Т. 2: Материальная культура и хронология. – М.: Наука, 2008. – 365 с.

Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – 758 с.

Ашихмина Л. И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1977. – С. 139–166.

Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. – Пермь, 1958. – 244 с.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь, 2008. – 603 с.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 3 (30). – С. 51–60.

Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири / под общ. ред. П. А. Косинцева. – Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2013. – 376 с.: ил. (МИИ СЗС. – Вып. IV).

Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси) / Ин-т истории и археологии УрО РАН; Свердлов. краевед. музей; Департамент культуры и искусства ХМАО – Югры. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2008. – 208 с.: ил.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 216 с.

Древняя Русь: Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. – М.: Наука, 1997. – 368 с. – Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – Т. 16.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 592 с.

Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1998. – С. 220–243.

Зыков А. П. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачевского комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – С. 123–130. – ВАН. – Вып. 18.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: ВОЛОТ, 2001. – 320 с.: ил.

Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). – Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург: АМБ, 2011. – 60 с.: ил.

Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Городок Монкысь Урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования): в 2 т. – Екатеринбург: Караван, 2015. – Т. 1. Археологические исследования. – 448 с.

Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард; Магеллан, 2013. – 360 с.: ил.

Кардаш О. В., Пономарева Т. М. Гребни IX–XIII веков из раскопок археологических памятников Севера Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – Вып. 2 (50). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – С. 72–81.

Королев В. С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. – Екатеринбург, 1997. – 194 с.

Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – 364 с.

Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой; под ред. А. Я. Труфанова; коммент. А. С. Сопочиной и А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. – 144 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хант., манс., немец. яз. / сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной; под общ. ред. Е. С. Новик. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1990. – 568 с.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел // САИ. – Вып. Е1–36. 1966. – 184 с.

Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.: ил.

Мурыгин А. М., Липс С. А., Кардаш О. В. Древнее святилище на реке Море-Ю: Каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. – Екатеринбург: ИГ Караван, 2017. – 311 с.: ил.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – 805 с.

Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 255–298.

Первалова Е. В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера: Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 85–97.

Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л., 1987. – 200 с.

Савельева Э. А. Кисильковский II могильник // МАЕСВ. – Вып. XIX. – 2015. – С. 89–109.

Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Стефанов В. И. Моховая XLVI – позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск, 2002. – Вып. 1. – С. 164–210.

Судаков В. В., Буланкин В. М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 269–280.

Терехова Л. М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ. – С. 114–123. – ВАН. – Вып. 18.

Федорова Н. В. Каслание длиной в две тысячи лет: человек и олень на севере Западной Сибири // Уральский исторический вестник. – Вып. 14. Материалы ко II Междунар. Северному археологическому конгрессу. – Екатеринбург, изд-во УрО РАН, 2006. – С. 149–156.

Хлобыстин А. П., Овсянников О. В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 248–257.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – Екатеринбург: Тезис, 1999. – С. 9–66.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–65.

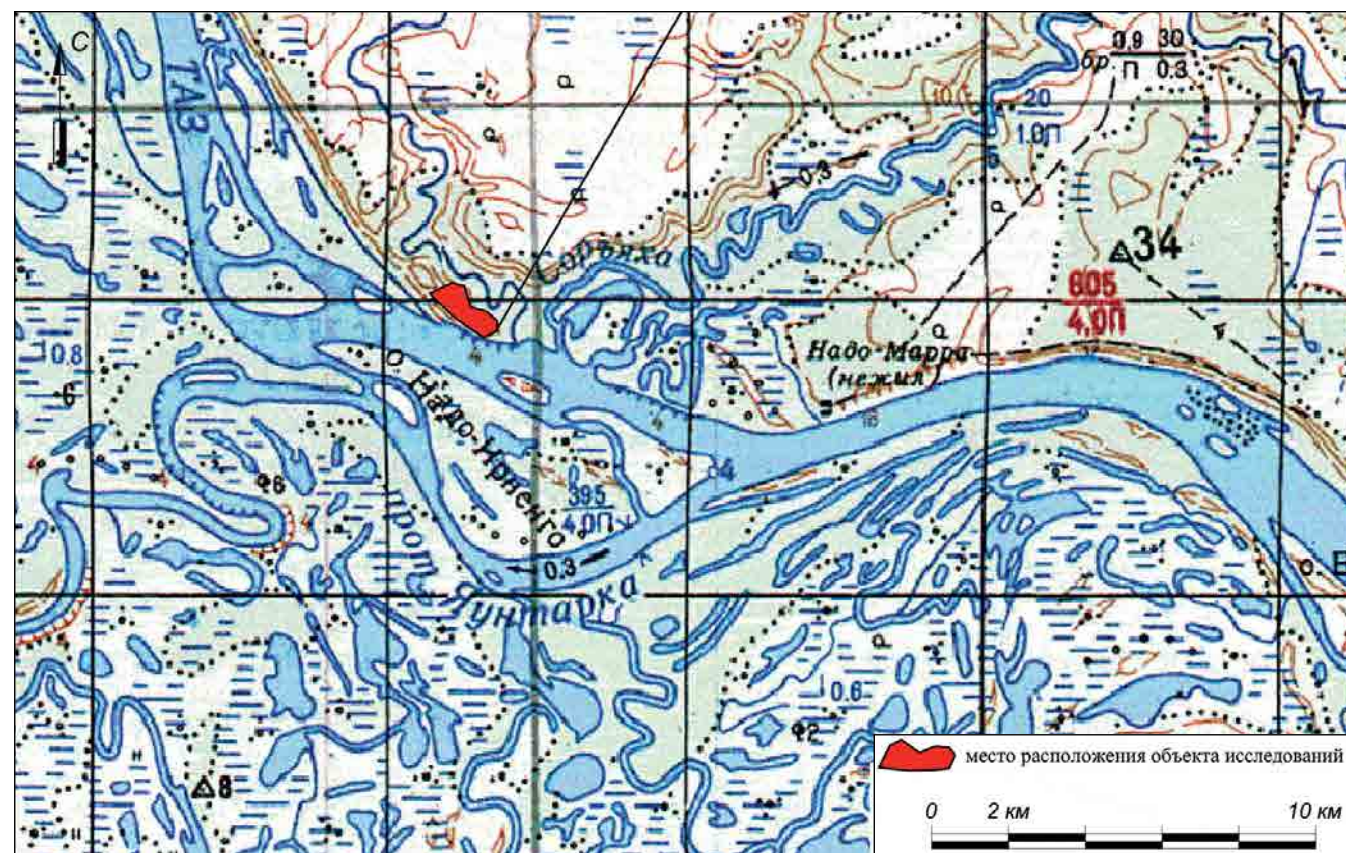

Рис. 1. Обзорная схема расположения Тазовской мастерской

Рис. 2. Тазовская мастерская. Общий вид с юго-запада

Рис. 3. Место сбора для рыбной ловли на песке Надо-Мара тазовских ненцев рода Салиндер

Рис. 4. Место сбора для рыбной ловли на песке Надо-Мара тазовских ненцев рода Салиндер

Рис. 5. ЯНАО. Тазовский р-н. «Тазовская мастерская». Общий вид на восточную часть памятника с р. Таз. Вид с юга

Рис. 6. «Тазовская мастерская». Общий вид на восточную часть памятника с р. Таз. Вид с юго-запада

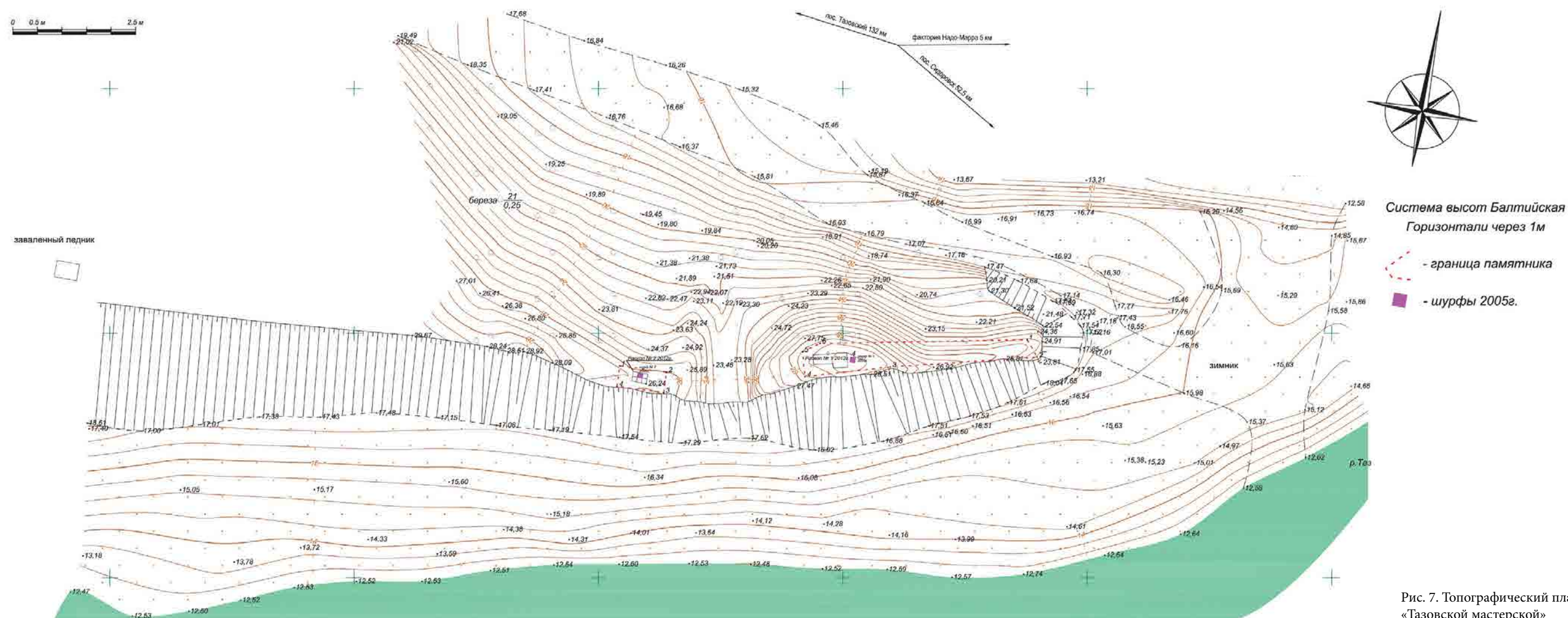

Рис. 7. Топографический план территории «Тазовской мастерской»

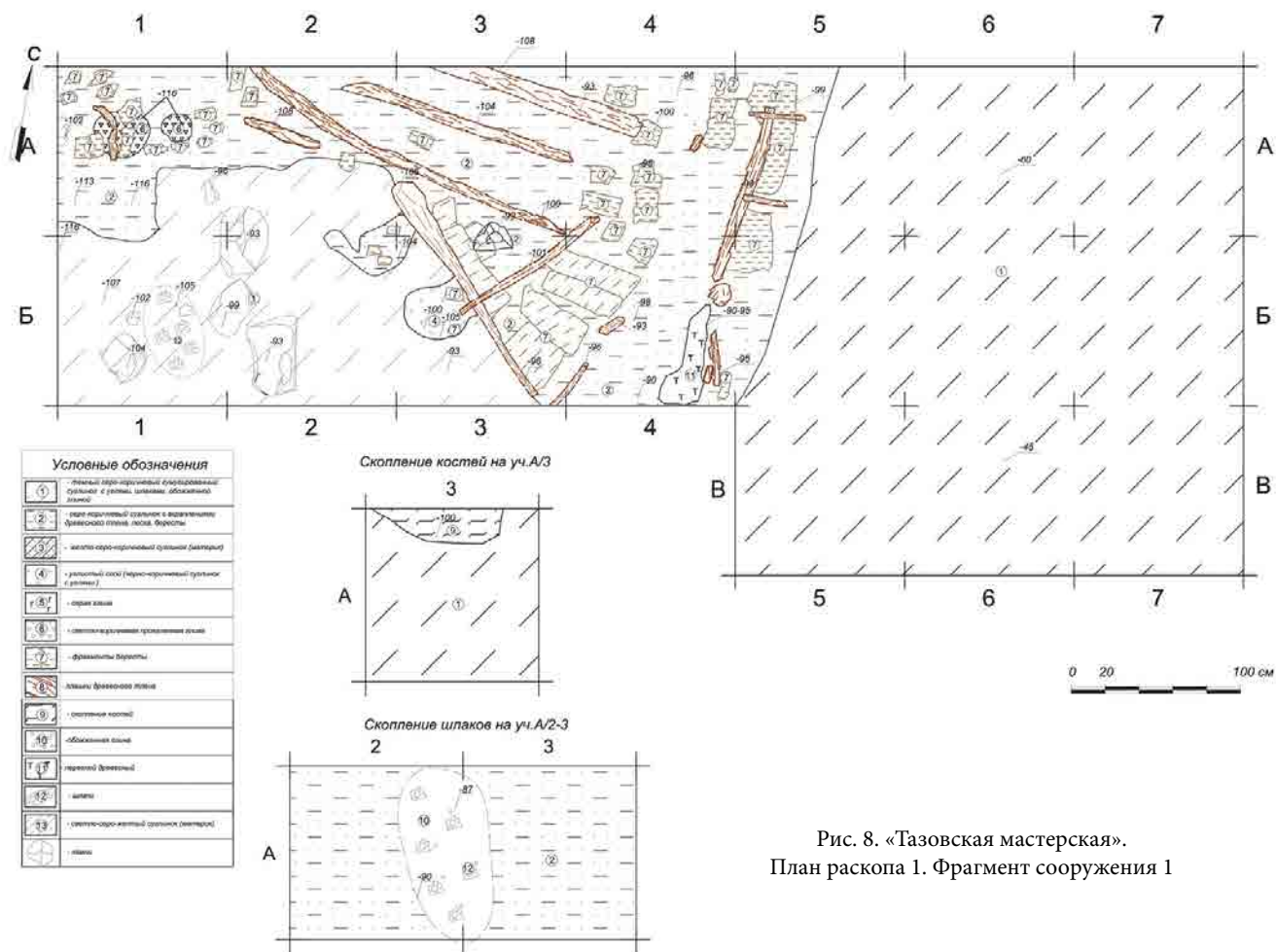

Рис. 8. «Тазовская мастерская». План раскопа 1. Фрагмент сооружения 1

Рис. 10. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Восточная часть сооружения 1. Вид с севера

Рис. 9. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Фрагмент сооружения 1. Скопление валунов. Вид с севера

Рис. 11. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Яма 1 в сооружении 1. Вид с юга

Рис. 12. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Стратиграфический разрез сооружения 1. Вид с юга

Рис. 13. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Стратиграфический разрез сооружения 1. Вид с востока

Рис. 14. «Тазовская мастерская» Фото раскопа 1. Развал ямковидного тигля. Вид с востока

Рис. 15. «Тазовская мастерская». Фото раскопа 1. Скопление костей животных. Вид с юга

Рис. 16. «Тазовская мастерская». Вещевой комплекс. 1 – подвеска в форме лапки водоплавающей птицы (лапчатая), бронза; 2 – подвеска, бронза; 2a – графическая реконструкция; 3 – подвеска, серебро; 4 – привеска, деталь шумящей подвески, бронза; 5 – шумящая подвеска, щиток, бронза; 6–14 – бусины, стекло; 15 – круглая плоско-коническая бляшка, бронза

Рис. 17. «Тазовская мастерская». Вещевой комплекс.

1 – стрела, наконечник стержневидный (бронебойный) железо; 2, 3 – стрела, наконечник с поражающей (боевой) частью в форме широкой вилки («вилчатый срезень»), железо; 4 – стрела, наконечник ромбовидный, кость; 5, 6 – крюки рыболовные, железо; 7 – шило, железо; 8, 9 – игла швейная, железо; 10–23 – фрагменты стенок котла, медь

Рис. 18. «Тазовская мастерская». Вещевой комплекс.

1 – тигель рюмковидный, керамика; 2 – крица; 3 – ножка тигля рюмковидного, керамика

Рис. 19. «Тазовская мастерская». Вещевой комплекс.

1 – гребень; 2 – изделие неизвестного назначения, кость; 3 – вороп; 4 – игла для вязания сетей; 5, 6 – подвески из челюстей животного

Л. П. Хлобыстин, О. В. Овсянников¹

¹ Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Дворцовая набережная, д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия

Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье¹

В 1969 г. во время работ Мангазейской экспедиции на гребне правого коренного берега р. Таз, приблизительно в 7 км выше впадения в нее р. Русской (Луце-Яха), был обнаружен новый археологический памятник. Прибрежный край гребня интенсивно подмывается, и культурный слой удалось проследить лишь на вершине гребня.

Под слоем дерна толщиной 0,1–0,15 м залегал суглинок с вкраплениями углей и пережженной глины, который подстилался золистай прослойкой мощностью от 0,04 до 0,2 м, насыщенной большими кусками обгоревшей глины, шлаками, обломками плохо сохранившихся костей и щепой. В культурном слое были найдены фрагменты глиняных тиглей и кусочки тонких медных пластинок. Основные находки, происходящие из разрушенных частей памятника, были сделаны на бичевнике, где среди галечника осели не унесенные водой изделия из металла. Здесь было собрано 35 штук отлитых из бронзы и серебра поделок, представляющих целые или фрагментированные украшения, два ножа и 12 изделий менее ясных форм, кованных из железа, кусочки серебряной проволоки, медные пластины.

Большую часть находок составляют отходы литейного производства: капли и слитки бронзы, свинца, серебра, куски шлаков со следами бронзы и железа, куски железной руды, до состояния глазури оплавленные по наружной поверхности куски тигля-горшка на высоком поддоне. Особо интересны куски бронзы, застывшие в каналах литейных форм. Это слиток, сохранивший конфигурацию литка двусторонней формы, и стержнеобразные слитки с загадочными выступами по бокам (рис. 1 – 6, 18–20). Возможно, что они являются отпечатками каналов, подводивших сплав сразу к целому ряду матриц, т. е. свидетельствуют о массовом производстве. Нечеткие грани и расплывчатые швы на этих слитках доказывают употребление земляных (глиняных) форм.

Наличие одинаковых шлаков и кусков бронзовых пластин в шурфе и среди сборов на берегу позволяет, без всякого сомнения, связывать все находки в один комплекс, а все типичные признаки литейного производства – считать этот памятник бронзолитейной мастерской. Полное отсутствие бытовой керамики подтверждает производственный характер памятника. Железные предметы служили, вероятнее всего, литейным мастерам орудиями труда, но здесь могла происходить и обработка железа, так как встречены куски железистой породы и железные шлаки.

Сохранились железные предметы. Выделяются обломок клинка и два целых кованных ножа – один с прямым обушком, переходящим непосредственно в черенок, а у другого место перехода образует небольшой «горбик» и черенок располагается по отношению к клину под углом в 170° (рис. 1 – 25, 22, 23). Кроме того, имеются орудия Г-образной формы (обломок кресала или граверный резец?), согнутая

¹ Статья печатается по изданию Хлобыстин А. П., Овсянников О. В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 248–257. Стилистика, орфография и пунктуация издания сохранена. – Ред.

под прямым углом пластина, ромбовидный обломок наконечника стрелы и ложковидное по очертаниям орудие (рис. 1 – 24, 26, 21). Остальные орудия, представляющие собой кованые четырехгранные острия, вероятно, служили проколами, шильями, пробойниками и резцами.

Среди кусков листовой бронзы, найденной в большом количестве, есть обрезки длинных полос, предназначенных для производства пронизей, различные по очертаниям листы с отверстиями, в которых иногда торчат сделанные из пластинок скрепки. Кроме того, имеются литые узкие пластины и округлые стержни из бронзы, из которых делались рыболовные крючки (рис. 1 – 7, 8, 16, 17).

Обширный перечень древних украшений, изготовленных в мастерской, можно начать с круглых выпуклых бляшек, представленных 7 экземплярами (рис. 2 – 8–14). Всем им свойствен орнамент из двух concentрических каннелюр. Для пришивания служила перемычка, диаметрально соединяющая края бляшек на их оборотной стороне. Изготавливались бляшки в разных формах по утрачиваемым моделям. Крестовидных выпуклых бляшек две (рис. 2 – 15, 16). Одна из них испорчена при литье, другая отличается хорошим качеством производства. Пары желобков отделяют круглые окончания креста от ромбического центра. Для пришивания крестовидных бляшек также служили перемычки. Среди нашивок тройчаток с серповидной центральной частью, имеющих в коллекции, выделяется прекрасный, литой из серебра экземпляр (рис. 2 – 4). Он имеет четко оконтуренное тело с крупной выпуклиной, хорошо уравниваемой боковыми полусферическими частями. На внутренней стороне боковых полушарий расположены по продольной оси украшения перемычки для пришивания. Шесть других нашивок этой формы, сделанные в бронзе, являются типичным браком (рис. 2 – 1–3, 5–7). Изготавливались они по утрачиваемой модели. Бронзовые нашивки отличаются от серебряной выступающими петельками для пришивания. К бракованным изделиям относится небольшая бронзовая розетка в виде цветка, у которой стерженек с шариковидной головкой, пронизывающий диск с лепестками, изображая центральную часть цветка и его стебель, служил одновременно и для крепления украшения (рис. 2 – 17).

Круторогие лунницы представлены одной целой и двумя фрагментированными отливками (рис. 2 – 25–27). Они изготавливались в неглубоких односторонних формах. Разработка орнамента, состоящего из «перлов» и валиков, которые, по общему мнению, являются копией зерни и скани, небрежная, что связано с плохим состоянием литейных матриц или шаблонов, причем декор последних уже сам мог быть цельнолитым.

Испорченный при литье щиток шумящей подвески относится к весьма распространенному трехкольчатому типу (рис. 3 – 1). Отливался щиток по модели, сделанной методом скани, и его внешняя поверхность представляется спиралью, скрученной из проволоки. Для модели мог употребляться воск или, учитывая трудность его получения в приполярных районах, другое вещество, может быть, сало. Частью шумящей подвески является неудачно отлитый в сложной форме один из «колькольчиков», которыми заканчивались цепочки (рис. 1 – 1).

Все 5 лапчатых привесок различны по размеру и орнаментальному оформлению (рис. 2 – 19–23), две (одна из них относится к пластинчатому типу) отлиты из белого металла, остальные – бронзовые. Изготовлены лапчатые подвески и по утрачиваемым моделям, и по отпечаткам. Прорезные подвески в сущности следует рассматривать как имитацию филигранной композиции из витых сканых нитей и зерни. Сложностью узора и хорошим общим исполнением выделяется крупная подвеска, у которой выступы пальчиков украшены глазчатым декором, и ее нахождение среди остальных подвесок, имеющих повреждения или неясный, испорченный орнамент, странно.

Подвеска-рыбка из белого металла, отлитая в односторонней открытой форме, повреждена трещинами (рис. 2 – 24). Слаборельефный орнамент из зигзагов и ромбов, напоминающий чешую, и ямки глаз около отверстия для привешивания оживляют схематическое изображение.

Сложный способ приготовления утрачиваемой, вытопленной модели, при котором на тонкую первоначальную основу из воска или другого подобного вещества, служившую вроде припоя, накладывались наподобие сканой проволоки жгутики из этого же вещества, был применен древним мастером для литья пронизки с тремя прорезными вздутиями (рис. 3 – 2). При отливке мастера постигла неудача: не получились на нижнем конце пронизки два колечка, которые должны были служить для прикрепления шумящих подвесок.

Еще большего искусства требовало изготовление проволоки, как бы покрытой мелкими серебряными колечками, соединенными золотым сплавом, из которой было согнуто кольцо фибулы (рис. 2 – 18). Куски серебряной проволоки, гладкой и витой из одной или двух нитей, собранные по берегу Таза, доказывают, что ювелиры, работавшие здесь, владели методом изготовления настоящей скани (рис. 1 – 10–12). Обломок серебряного изделия – стержня с остатками припаянной витой проволоки – мог быть как неудавшейся поделкой, так и остатком украшения, утилизированного для получения сканой проволоки (рис. 1 – 9). В коллекции есть еще два небольших куска литых серебряных стержней.

На месте мастерской оказались брошенными обломки еще ряда бронзовых украшений: накладка с прямоугольным пластинчатым щитком, литое колечко, напоминающее витую проволоку, пронизь, скрученная из тонкой пластинки, кусок лапчатой подвески или лунницы с декором из ложной зерни, а также какая-то отливка из свинца с нечетким городковым орнаментом (рис. 1 – 3–5; рис. 2 – 28).

Бронзовые украшения в большинстве своем являются типичным литейным браком и не подвергались обработке, в которой нуждаются отливки для удаления следов затеков. Это позволяет считать, что украшения не были старыми изделиями, собранными из разных мест, чтобы быть пущенными в переплавку. Исходя из всего этого, можно быть твердо уверенным в том, что плохие отливки отражают состав если не всех, то какой-то части производившихся в мастерской украшений. Литые украшения из серебра иди «белой бронзы» также изготавливались этой мастерской, но вследствие их немногочисленности трудно судить, делались ли они с большей тщательностью, чем массовая бронзовая продукция. Состав сплавов и технология производства требуют специального обстоятельного исследования, однако уже сейчас мы можем с должным достоинством оценить высокое мастерство ювелиров, трудившихся в Тазовской мастерской. Разнообразие форм украшений, соразмерность их частей и компоновка их декора – свидетельство развитого художественного вкуса этих ювелиров, несомненно, опиравшихся в своем мастерстве на древний опыт и большое разнообразие традиционных декоративных изделий. Обилие металлических вещей и лома, оставшихся на месте мастерской, может, с одной стороны, свидетельствовать о существовании постоянных источников сырья, а с другой – объясняться тем, что набор орудий, эталоны, заготовки и утиль для переплавки могли временно оставить здесь, как это делается северными умельцами, связанными с перекочевками и сейчас².

Открытие бронзолитейной мастерской в заполярных низовьях Таза принесло нам комплекс, демонстрирующий формы украшений, существовавших в одно время. Это выгодно отличает новый памятник от синхронных ему могильников железного века Западной Сибири (Кинтусовского, Уна-Пайского, Ленг-Понгского и др.), время существования которых оказывается растянутым на несколько веков (VI–XII вв.).

Для датировки Тазовской «ювелирной» мастерской большое значение имеют лунницы. Этот тип круторогих пластинчатых лунниц с валиком по контуру и цепочкой «перлов» по центру, представляющих, вероятнее всего, отливки по оттискам, полученным с цельнолитых изделий, найден в Сибири впервые. В. Б. Гольмстен относит самые ранние из круторогих лунниц к концу XI в., а наибольшее их распространение – к XII в., хотя отмечает, что некоторые экземпляры могут быть более поздними [Гольмстен, 1914. – С. 97–98]. Лунницы с замкнутыми рогами и мелкими выпуклинами, заменяющими контурные валики, имеются среди той части инвентаря нижеобских могильников Ленг-Понк и Уна-Пай, которую Б. Н. Чернецов датирует X–XIII вв. [Чернецов, 1957. – Табл. XXX, 3, с. 202; табл. ХБУ, 18, с. 230].

Находки аналогичных замкнутых и круторогих литых из бронзы лунниц между настилами, древних мостовых Новгорода позволяют уточнить время их бытования концом XII – началом XIII в. [Седова, 1959. – С. 227–229]. Между Приуральем и Западной Сибирью наблюдается большое сходство украшений, излюбленных финно-уграми. Однако, хотя на верхней Каме и Сылве встречены одни из древнейших в Восточной Европе лунниц (VI–VIII вв.), аналогий западносибирским образцам среди

² В 1969 г. сотрудниками Заполярного отряда в верховьях р. Дудыпты (Таймыр) был встречен набор кузнечного инвентаря и заготовки для украшения, оставленные на гнасанском летнике и лежавшие уже не один сезон.

них нет и близость лунарных подвесок Оби и Таза к русским лунницам великокняжеского времени показательна. Она может отражать проникновение новгородцев в «югру» [Голдина, 1968, табл. 4]. Западносибирские лунницы не были копиями новгородских: соответственно принятому среди финно-угорских народов способу крепления украшений их ушки расположены в одной плоскости с телом, а цепочки жемчужин на украшениях имеют подоснову, уходящую в сибирскую древность.

Датирующим элементом является и шумящая пронизка со вздутиями. Аналогичные украшения были найдены в Кинтусовском могильнике, у юрт Карагайских, в Ликинском могильнике [Чернецов. – Табл. XXXII, 5–5; XXXIII, 1–3; Викторова, 1968. – Табл. III, 1]. В погребении 16 Барсова Городка такая пронизка была найдена с коньковой подвеской, что позволило Т. Ю. Арне датировать ее X–XII вв. [Arne, 1935]. Есть такие пронизки и в Приуралье, где они встречены в памятниках, пришедших на смену ломоватовским. Датируются они нахождением на Рождественском могильнике и в верхнем слое городища Анюшкар, относящихся ко второй стадии романовской культуры (XII–XV вв.) [Бадер, Оборин, 1958. – Рис. 55].

Многочастные пронизки происходят от пронизок с одним шариком, которые, нанизанные цепочкой, образовывали подобие многочастной пронизки (Бродовский могильник). Пронизки с одним вздутием существовали длительное время, с VI–VIII вв. (нееловская культура) до X–XI вв.³

Пронизки со вздутиями по ареалу четко совпадают с расселением и влиянием угров, по-видимому, принесших принцип их изготовления из Южной Сибири, где изделия, украшенные «прорезными яблоками», известны на рубеже II–I тыс. до н. э.

Большую территорию распространения имеют и крестовидные бляшки. Нашивки, полностью аналогичные им даже по орнаменту, были найдены почти по всей Западной Сибири: в Ликинском могильнике на р. Лозье, на нижней Оби (у дер. Аксеново), в могильниках Уна-Пай и Барсов Городок, на Зимовье Мамеева, в низовьях Таза, недалеко от местонахождения мастерской, и в Южной Сибири, у пос. Табат. В. Н. Чернецов, определяя возраст находок, сделанных Р. Е. Кольсом около Зимовья Мамеева, отметил, что крестовидные бляшки «бытуют бесконечно долго» [Чернецов. – С. 181]. Действительно, аналогичные бляшки употреблялись нганасанами до недавнего времени. Однако период их массового бытования укладывается в X–XIII вв. Так, крестовидные бляшки, найденные в могилах 61 и 81 Барсова Городка, Т. Ю. Арне датировал по браслету X в.; время существования Ликинского могильника, где они найдены, – X–XIII вв.

Лапчатые подвески широко распространены в финно-угорских культурах Приуралья и Западной Сибири. Будучи разнообразными по форме, они семантически восходят к утиным лапкам, чьи изображения встречены еще в пьяноборской культуре. В Западной Сибири лапчатые подвески, по-видимому, потеряли связь со своей былой семантикой, о чем свидетельствуют подвески с прямыми боковыми сторонами – один из поздних вариантов лапчатых подвесок. Подобная, но более абстрактная по орнаменту, чем пластинчатая тазовская подвеска и идентичные ей украшения из могильника Ленг-Понк, подвеска была найдена в землянке на селище Зеленая Горка, где она датируется XIII–XIV вв. [Чернецов. – Табл. XVII, 5. – С. 234]. Тазовская и ленг-понковская находки типологически могут предшествовать ей и относиться к X–XIII вв.

В древнем Новгороде находки мелких кольчатых фибул, подобных тазовской, относятся к XII–XIV вв. [Седова, Указ. соч. – С. 245; рис. 6 – 1]. Очевидно, что и эта дата совпадает с хронологическими рамками, определяемыми для других украшений Тазовской мастерской. Корреляция находок и их датировок выявляет большую близость могильников нижней Оби (Ленг-Понк, Уна-Пай, Барсов Городок и кинтусовских находок) к нашей мастерской. Связь с другими памятниками слабеет по направлению к югу и западу. Сопоставление дат (табл. 1) позволяет установить, что наиболее коррелирующимся возрастом тазовского комплекса украшений является XII в.

Открытие за Полярным кругом, на границе с тундрой, Тазовской мастерской свидетельствует об ориентации производства именно на обитателей тундры. В связи с вопросом, кем же были эти

³ Последняя дата определена по совместной находке в погребении второго Басан-дайского кургана № 54 (В) пронизки с прорезным яблоком и обломка бронзового зеркала, относящегося ко времени китайской династии Сун (Сб. «Басандайка»: Труды. – IV. – Т. 98. – Томск, 1947. – С. 47, табл. 62).

обитатели, мы должны обратиться к украшениям, для которых еще не приводили аналогий. Розетка, по-видимому, была изготовлена под влиянием, шедшим с запада. Среди украшений, встреченных в сылвинской группе могильников ломоватовской культуры, имеются розетки, отличающиеся от тазовской находки большим количеством лепестков и способом крепления. В VIII в. бляшки-тройчатки были распространены от Южного Приладожья до Томска (Архиерейская Заимка) [МАР, № 19, 1895, табл. VI; Спицын. – Вып. 1–2; табл. I, II. – С. 316, 317]. По-видимому, эти бляшки послужили далеким прототипом для делавшихся в Тазовской мастерской бляшек-тройчаток с серповидным телом. Последние редки [МАЭ. – Колл. № 5041; табл. VI – 11]. Их можно считать восточным типом сложных бляшек-тройчаток, получившим развитие в Обь-Енисейском междуречье. Более поздним вариантом бляшек с серповидным телом являются бляшки, найденные в курганах XVI–XVII вв. близ дер. Тургай (Нижний Чулым). По предположению А. П. Дульзона, Тургайские курганы были оставлены угро-самоедами, оказавшимися под влиянием тюрок [Дульзон, 1953. – Табл. IX, 6, 7. – С. 271]. Б. О. Долгих сопоставил бляшки с серповидным телом, происходящие из этих курганов, с вариантами таких бляшек, распространенными среди нганасан [СА. – 1961. – № 3. – С. 112]. Распространение бляшек-тройчаток с серповидным телом на территориях с самодийским населением позволяет проводить между ними связь.

Таблица 1

Сопоставление дат памятников, содержащих изделия, аналогичные комплексу Тазовской мастерской										
Памятники	Века									
	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV
Уна-Пай							+			
Ленг-Понк							+			
Барсов Городок					+	+	+			
Ликинский могильник	+	+	+	+	+	+	+			
Анюшкар	+	+	+	+	+	+	+	+		
Зеленая Горка					+	+		+	+	
Новгород							+	+	+	+
Михайловский монастырь							+	+		

Мастерство бронзолитейного дела, существовавшего в Сибирской Арктике, как показали эти находки на Ямале и на Таймыре, еще во II тыс. до н. э., не было утрачено населением тундры в последующие тысячелетия. Не будет ошибкой предполагать, что Тазовская «ювелирная» мастерская не единственный пункт, в котором происходило изготовление украшений для нужд жителей тундры и лесотундры. Обитателей же низовий Таза XII–XIII вв. все исследователи называют самодийцами. Естественно, что и Тазовскую мастерскую можно считать им принадлежащей. Угорский облик комплекса не противоречит этому, так как и в более позднее время наблюдающиеся у энцев и нганасан украшения в основе своей были повторением или развитием угорских украшений. Отмечавшееся некоторыми исследователями сходство этих украшений с южносибирскими, карасукскими не следует объяснять прямым наследованием. Хотя типы украшений и могут по своему происхождению восходить к карасукским образцам, однако эта генетическая связь была опосредованной, а типы украшений восприняты через угорские культуры, соединившие как южносибирские, так и восточноевропейские по своему происхождению влияния. Среди металлических украшений IX–XIII вв., известных по находкам в Западной Сибири, пока нельзя выделить какой-то самостоятельный, свойственный только самодийским народам комплекс. Существовали, по-видимому, только вариации отдельных изделий, излюбленные самоедоязычным населением Сибири. К ним мы относим бляшки-тройчатки с серповидным телом. В целом же следует предполагать, что на севере

Обь-Енисейского междуречья в X–XIII вв. существовали угорские и самодийские группы населения со слабо дифференцированной (особенно это касается бронзовых украшений) материальной культурой, в которой отразилось влияние западных областей, примыкавших к более высокоразвитым культурным центрам (Булгарское государство и русские княжества). Самодийцы Западносибирского Приполярья, в которое входит бассейн Таза, испытывали это влияние в основном через нижнеобских угров. Не следует игнорировать также возможность непосредственных контактов с новгородцами, проникшими в эти века в Западную Сибирь и положившими основы тех связей, в результате которых именно на Тазе возник потом русский город Мангазея.

Список источников и литературы

- Гольмстен В. В. Лунница Российского Исторического музея // Отчет Российского Исторического музея за 1913 г. – М., 1914. – С. 97–98.
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. – № 58. – М., 1957. – Табл. XXX, 3, с. 202; табл. ХБУ, 18, с. 230.
- Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // МИА. – № 65. – 1959. – С. 227–229.
- Голдина Р. Д. К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. – № 191. – Пермь, 1968. – Табл. 4.
- Чернецов В. И. Указ. соч. – Табл. XXXII, 5–5; XXXIII, 1–3; Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н. э. // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. – № 191. – Пермь, 1968. – Табл. III, 1.
- Arne T. J. Barsoff Gorodok. – Stockholm, 1935.
- Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. – Пермь, 1958. – Рис. 55.
- Последняя дата определена по совместной находке в погребении второго Басан-дайского кургана № 54 (В) пронизки с прорезным яблоком и обломка бронзового зеркала, относящегося ко времени китайской династии Сун (Сб. «Басандайка»: Труды. – IV. – Т. 98. – Томск, 1947. – С. 47, табл. 62).
- Чернецов В. Н. Указ. соч. – С. 181.
- Там же, табл. XVII, 5. – С. 234.
- Седова М. В. Указ. соч. – С. 245, рис. 6. 1.
- МАР, № 19, 1895, табл. VI; Спицын А. А. Материалы по доисторической археологии России // ЗРА.О. – XI. – Вып. 1–2, табл. I, II. – С. 316, 317.
- Кроме бляшек на одежде нганасанского идола, хранящегося в Таймырском окружном краеведческом музее, нам известна только зарисовка такой бляшки, находящаяся в альбоме В. В. Радлова (МАЭ, колл. № 5041, табл. VI, 11).
- Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. ТГДИ. – Т. X. – Томск, 1953. – Табл. IX, 6, 7. – С. 271. Имеется также мнение, что древним отреченным населением Чулыма были кеты (Аристов Я. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. – 1896. – Вып. 3–4. – С. 343).
- О похоронном обряде кетов // СА. – 1961. – № 3. – С. 112.

Рис. 1. Тазовская мастерская. Отходы производства и орудия

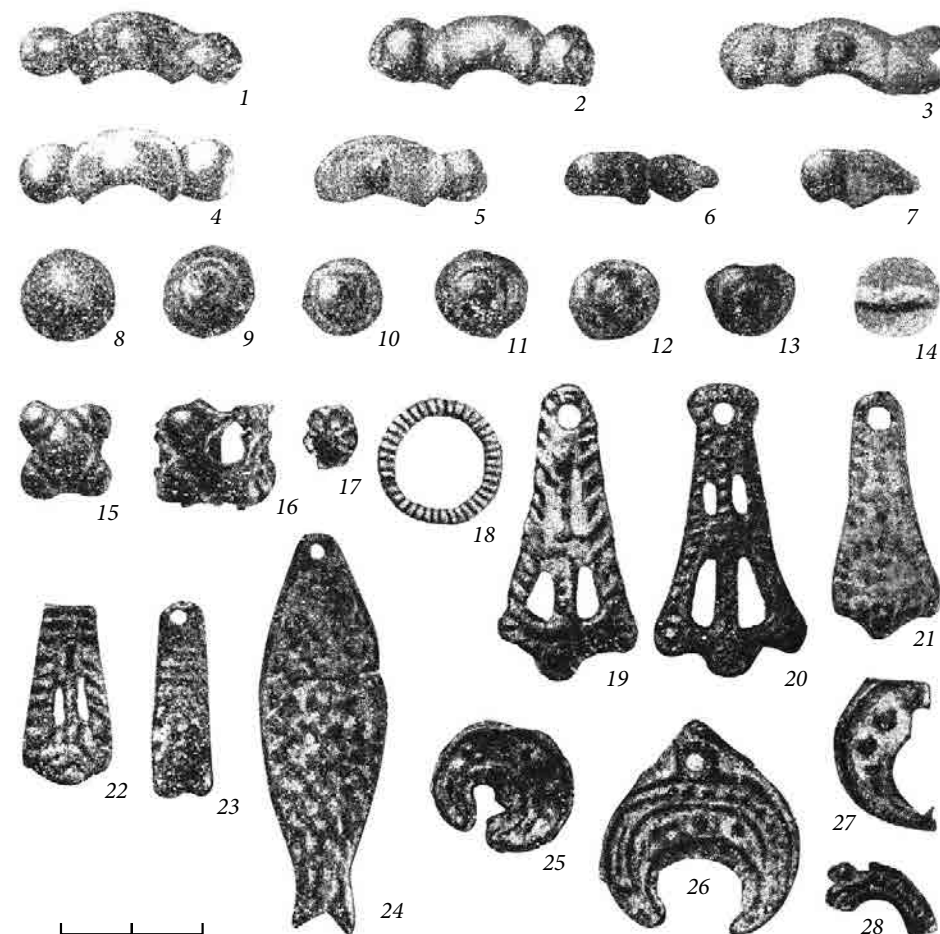

Рис. 2. Изделия Тазовской мастерской

Рис. 3. Тазовская мастерская. Украшения

С. Г. Пархимович¹

¹ НПО «Северная археология-1»
проезд 5п, стр. 9, г. Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: nordarheo@mail.ru

О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э.¹

В XVIII в. известный историк Сибири Г. Ф. Миллер писал, что большой горный хребет, отделяющий Сибирь от России, никогда не препятствовал общению народов, живших по обеим его сторонам. Не располагая конкретными материалами по истории взаимоотношений этих народов, он не мог дать их подробную характеристику и лишь отметил, что «...пермяки, остяки и вогулы издавна сообщались», а русские знакомились с Сибирью с помощью приуральских жителей [Миллер, 1937. – С. 202]. Мнение Миллера основывалось на летописных сведениях, в которых древние коми-зыряне традиционно считались знатоками зауральских земель и выступали главным образом в качестве «вожей» – проводников и как военная сила в походах русских ратей в Югру [Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. – С. 425; Сибирские летописи, 1907. – С. 314; Устюжский летописный Свод, 1950. – С. 86]. Позднее историки отводили коми-зырянам и роль торговых посредников между Русью, Волжской Булгарией и Югрой. Временем начала заселения Сибири коми в исторической литературе принято считать конец XVI в. [Бахрушин, 1922. – С. 20; Жеребцов, 1982. – С. 102; Красильников, 1975. – С. 18].

В последнее время значительно возрос интерес исследователей к проблемам историко-культурных контактов и взаимовлияний древних этносов. Благодаря совместным усилиям этнографов, лингвистов и археологов отмечаются определенные сдвиги и в изучении взаимоотношений древних коми с их соседями. В то же время, по признанию некоторых исследователей, проблема участия древних пермян в освоении Сибири, особенно на начальных этапах, далека от решения и ждет своих исследователей [Жеребцов, 1985. – С. 117; Афанасьев. Там же. – С. 69].

Расселение коми за пределы их нынешней этнической территории, по мнению Л. Н. Жеребцова, началось в XVI в., хотя с зауральскими землями они были знакомы издавна [Жеребцов. – С. 176–177]. Лингвистические исследования свидетельствуют об усилении контактов между коми, ханты и манси в начале II тыс. н. э. В языке коми отмечается некоторое количество заимствований из языков ханты и манси, относящихся к XI–XVII вв. [Жеребцов, Конаков, Королев, 1985. – С. 1–2; Туркин, 1981. – С. 9–10]. Гораздо больше заимствований у ханты и манси из языка коми. Венгерский лингвист К. Редэи насчитывал более 350 коми-заимствований в хантыйском и мансийском языках и выделил в них древнейший пласт, который датирует X–XV вв. н. э. [Жеребцов, 1985. – С. 176].

Л. Н. Жеребцов высказал мнение о связи заимствований с вогулами, обитавшими в данный период в бассейнах Печоры и Верхней Вычегды [Там же. – С. 176–177]. Вместе с тем факт обитания обских угров в Северном Приуралье в первой половине II тыс. н. э. окончательно не установлен. До сих пор не обнаружены их поселения и могильники на этой территории, а небольшое количество

¹ Статья печатается по изданию Пархимович С. Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э. / С. Г. Пархимович // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург, 1991. – Вып. 20. – С. 145–153. Стилистика, орфография и пунктуация издания сохранена. – Ред.

мансийских топонимов на Вычегде и Печоре появилось, как полагают, лишь в конце XV – XVI в. [Там же. – С. 179; Серебрянников, 1962. – Вып. 7. – С. 5]. В Зауралье и Нижнем Приобье известно более 100 коми-топонимов [Овчинникова, 1969. – С. 16–17; Матвеев, 1980; 1984], часть из которых имеет раннее происхождение. Исследование пермского и угорского эпосов выявляет длительные разнообразные и тесные связи их создателей [Микушев, 1971. Ч. 1. – С. 10.2; 1982. – С. 170–182]. Таким образом, данные различных наук подтверждают существование продолжительных и разнообразных связей древних коми и обских угров в первой половине II тыс. н. э., причем направление этих связей преимущественно шло с запада на восток – от древних коми-зырян и пермяков к древним ханты и манси.

Большое и, возможно, решающее значение для реконструкции некоторых сторон взаимоотношений древних коми и обских угров имеют исследования археологических памятников в обоих регионах. Данной проблемой археологи специально не занимались, хотя некоторые отмечали отдельные факты, свидетельствующие о связях населения обоих склонов Северного и Среднего Урала в рассматриваемый период. Конечно, имеющихся археологических материалов еще недостаточно даже для частичной реконструкции, но необходимость предварительного анализа явно назрела.

В конце XIX в. Ф. А. Теплоухов, а позднее А. Ф. Теплоухов, А. В. Шмидт, А. Каннисто «помещали» Югру в Верхнем Прикамье и на Вычегде. Они связывали с ней некоторые археологические материалы, полагая, что к середине II тыс. н. э. предки ханты и манси были вытеснены из Приуралья пермским народом [Галицкий, 1951. № 22. – С. 74–75, 83–85; Теплоухов, 1960. Т. 12, вып. 1. – С. 270]. М. В. Талицкий, проанализировав сведения русских летописей и археологические материалы «болгарского времени» Верхнего Прикамья и Вычегды, пришел к выводу, что Югра находилась в основном за Уралом, но не исключал существования отдельных югорских охотничьих угодий на правобережье Печоры и левобережье Камы. Он также отмечал влияние древних коми на зауральское население, что подтверждалось, по его мнению, находками большого количества металлических вещей камского типа (коньковые подвески, пронизки со вздутиями и др.) на Оби, Ляпине, Лозье «и в других местах Зауралья» [Галицкий, 1951. – С. 74–75].

В. Н. Чернецов подчеркивал наличие постоянных культурных и торговых связей населения Нижнего Приобья с западными соседями, считая, что эти связи особенно усилились в первой половине II тыс. н. э. Привозные вещи и украшения, по его мнению, свидетельствовали о том, что основные контакты нижнеобских племен в это время были направлены в Верхнее и отчасти Среднее Прикамье, на Вычегду и Верхнюю Волгу, в меньшей степени – в Нижнее Прикамье к болгарам [Чернецов, 1957. № 58. – С. 245]. Это определялось, как полагал В. Н. Чернецов, продвижением коми в Приуралье и началом новгородских походов.

С конца 50-х – начала 60-х гг. быстро увеличивается объем археологических исследований в Прикамье, на Вычегде и Нижнем Приобье. Появились новые материалы, отражающие связи предков коми-зырян, коми-пермяков (вымская и родановская культуры) и обских угров (оронтурский и кинтусовский этапы нижнеобской культуры). В. А. Оборин по материалам прикамских памятников конца I – начала II тыс. н.э. выявил ряд фактов, подтверждающих этнокультурные контакты родановского населения с нижнеобским (западносибирская керамика, костяные детали собачьих и оленьих упряжей), и пришел к выводу, что наиболее интенсивными эти контакты были в IX–XII вв., а часть их происходила в виде межплеменных браков [Оборин, 1976. – С. 20–21]. Он же предположил, что многочисленные находки родановских украшений в Зауралье и Западной Сибири связаны не только с экспортом изделий, но и, возможно, с переселением групп коми из Приуралья. Последнее можно объяснить, по его мнению, нахождением топонимов с исходом на -кар на Восточном Урале [Оборин, 1976. Вып. 3. – С. 13–14]. Э. А. Савельева считает, что в X–XI вв. у коми преобладали торговые связи с поволжскими и прибалтийскими финскими племенами и народами, а с XII в. – русскими [Савельева, 1971. – С. 118]. Связи древних коми с Югрой в начале II тыс. н. э. по материалам памятников вымской культуры не отмечаются, хотя упоминаются отдельные находки вещей и керамики нижнеобского облика на памятниках Северного Приуралья [Канивец, 1961. Вып. 1. – С. 98; рис. 12–47; Мурыгин, 1985. Вып. 114. – С. 25–26; Стоколос, Королев, 1984. – С. 37–39].

К настоящему моменту в Нижнем Приобье, Среднем Зауралье и таежном Прииртышье выявлены разнообразные и чрезвычайно важные материалы, касающиеся истории контактов предков коми, ханты и манси в первой половине II тыс. н. э. В. Д. Викгорова исследовала Ликийский могильник на р. Лозье, оставленный, по ее мнению, протомансийским населением. Найденные здесь украшения, оружие и орудия имеют западное и юго-западное происхождение – древнерусское, болгарское, родановское. Материалы Ликийского могильника подтверждают роль древних коми как посредника в интенсивной торговле между Западом и Сибирью [Викгорова, 1973. Вып. 12. – С. 155–160]. Большая доля украшений родановского и вымского происхождения в импорте ликинцев свидетельствует, на наш взгляд, о сильном влиянии вычегодских и камских пермян на племена лесного Зауралья.

Б. А. Конилов при раскопках курганной группы в устье Ишима обнаружил погребения с комплексами вещей и некоторыми чертами погребального обряда, имеющими, по его мнению, прямые аналоги в вымских памятниках (устройство жертвенных комплексов в насыпях курганов, размещение в ногах погребенных бронзовых котлов, характерные поясные наборы, коньковые подвески, грушевидные бубенчики). На этом основании он утверждает, что в XI–XII вв. в таежное Прииртышье приходит «какая-то часть носителей вымской культуры» [Конилов, 1981. – С. 68; 1984. – С. 92–97].

Полностью опубликованы материалы только одного кургана, но они не убеждают в его принадлежности представителям вымской культуры: курганный обряд для нее не характерен, а вымская керамика отсутствует; остальные находки могут свидетельствовать лишь о влиянии племен вымской культуры на местное население, их торговых и, возможно, брачных связях.

Продвижение отдельных коллективов вычегодских и камских пермян за Урал имело место уже в XI–XII вв. Это подтверждают материалы двух вымско-родановских городищ – Перегребное I и Шеркалы I/2, открытых и исследованных Уральской археологической экспедицией (при участии автора) в Нижнем Приобье в конце 70-х – начале 80-х гг.² (рис. – 1, 2, 3). Раскопанные жилища были наземными срубными. Полы в них из широких досок настилались на лаги, лежащие прямо на грунте. В жилищах обнаружены ямы-погребки и развалы мощных каменных очагов, сооруженных на высоких песчаных платформах. Внешне они напоминают развалы северорусских печей-каменок. Аналогичные очаги из крупных камней характерны и для коми-зырян. Часть погребов находилась за пределами жилищ. Подобные поселения и жилища характерны для Верхнего Прикамья и Вычегды эпохи средневековья [Кананин, 1979. – С. 62; Оборин, 1970. Вып. 9. – С. 7–10; Савельева, 1977. Вып. 6. – С. 68–80; рис. 4–5; Таяцкий, 1951. № 22. – С. 67–68].

Анализ остеологического материала [Определение проведено сотрудником Института экологии УрО АН СССР П. А. Косинцевым] показал, что главное место в хозяйстве обитателей городищ занимали охота и рыболовство. Преобладала охота на пушных зверей, главным образом на бобра. Немалое значение в хозяйстве имело и скотоводство, о чем свидетельствует значительное количество найденных на городищах костей лошади, крупного и мелкого рогатого скота. В развалах очагов и в ямах рядом с ними оказались железные, бронзовые и серебряные изделия. Значительная часть из них производилась на месте, что подтверждается остатками железоделательного и бронзолитейного производства: кусками шлаков, бронзовыми каплями, литейными формами, бракованными изделиями (бронзовые перстни на городище Перегребное I), полуфабрикатами (железные пластины и бруски). Большая часть украшений – специфические вымские (грушевидные и шаровидные бубенчики, сердцевидная бляшка, щитовидная поясная накладка и др.) или родановские (биякорьковые подвески).

Облик керамики говорит, несомненно, о вымско-родановской принадлежности обитателей этих городищ, причем преобладают вымские черты. Керамика городища Перегребное I баночной и горшечной формы, с примесью дресвы и шамота и резко отогнутыми у большинства сосудов венчиками. Орнамент бедный, имеется лишь у части сосудов: поясок ямок под венчиком, горизонтальные ряды наклонных гребенчатых оттисков или елочки по шейкам и плечикам. Для керамики городища Шеркалы I/2 характерны черты, присущие северной родановской или южной вымской керамике: кружковый, розеточный и гребенчатый орнаменты, слабопрофилированные приземистые горшки с уплощенным дном, у некоторых сосудов – сильная примесь мелко толченной раковины

² Выражаю благодарность В. М. Морозову за предоставленную возможность использования неопубликованных материалов.

(рис. 1 – 3–9). Перегребное I датируется нами XII – серединой XIII в., Шеркалы I/2 – XI – серединой XII в. [Морозов, Пархимович, 1985]. Оба городища погибли от пожара.

Открытие городищ существенно меняет традиционные представления о взаимосвязях древних коми и обских угров. Их материалы подтверждают предположение В. А. Оборина о продвижении отдельных групп пермского населения в начале II тыс. н. э. за Урал. Очевидно, это продвижение не было единовременным актом, а шло в виде периодически усиливающейся инфильтрации. Оно являлось, по существу, мирной колонизацией древними коми территории Нижнего Приобья. Причины, масштабы и сущность этого явления на различных его этапах, конечно, различались. Их еще предстоит выяснить. Вероятно, причинами миграции являлись усилившиеся с XII в. давление славянского населения с запада, что подтверждается письменными и археологическими источниками, а также уход отдельных групп коми за Урал в связи с насильственной христианизацией в XIV в. (предание о чуди «убегающей» [Рочев, 1985. Вып. 124. – С. 9–12] и предание остяков из Большого Атлыма на Оби о переселении их предков из Перми во главе с сотником Памой) [Теплоухов, 1893. Т. 2. – С. 49]. Кроме того, в комплексном присваивающем и производящем хозяйстве вычегодских пермян периодически наблюдались кризисы, предопределенные его экстенсивным развитием. В условиях северотаежного нечерноземья это вело к отставанию уровня развития производительных сил от темпов прироста населения, что вызывало необходимость постоянного расширения этнической территории [Конаков, 1983. – С. 11–18]. По мнению Н. Д. Конакова, до XVIII в. расселение коми в Северном Приуралье шло в широтном направлении [Жеребцов, 1982. – С. 176, 192]. Вероятно, избыток коми-населения в кризисные периоды выплескивался за Урал, в Приобье.

К концу XVI в., т. е. ко времени начала русской колонизации Сибири, первые коми-переселенцы, очевидно, постепенно «растворились» в местной угорской среде. Это подтверждается и легендой большеатлымских остяков об их коми-предках. Причиной ассимиляции пришельцев явилось, возможно, разрушение одного из этнических стереотипов коми, например, хозяйственного или пищевого, что было практически неизбежно [Конаков, 1983. – С. 11–18].

Контакты между предками коми, ханты и манси в первой половине II тыс. н. э. были очень разнообразны: межплеменные браки (коми-пермяцкие и коми-зырянские предания и легенды о Кудым-Оше и Пере-богатыре), торговые эпизодические экспедиции коми за Урал, охотничьи экспедиции за пушниной, военные походы (с XIII в. и, возможно, ранее), переселения отдельных групп коми в Нижнее Приобье. Наиболее тесные и плодотворные взаимоотношения между обскими уграми и коми установились в результате появления коми в Нижнем Приобье. Именно в этот период культура ханты и манси обогатилась многочисленными заимствованиями из коми-культуры, носившими, несомненно, прогрессивный характер [Жеребцов, 1982. – С. 176, 192].

Первоочередными задачами дальнейшего изучения проблемы, на наш взгляд, являются поиски и изучение новых археологических памятников вымской и родановской культур за Уралом с широким привлечением данных различных наук. Эти поиски следует вести по древним путям из Приуралья в Сибирь и в местах скопления коми-топонимов (рис. 1 – 1).

Опыт показывает, что с некоторыми из топонимов связаны первые открытые поселения предков коми в Нижнем Приобье (Шеркалы – от коми «Шеркар» – «Город на ручье»; р. Колтысянка – ранее на ней стояли Килдесянские, или Колысянские, юрты, ныне находится поселок Перегребное и городище Перегребное I). А. С. Кривошекова-Гантман считает, что названия на -кар являются «фактами языка поселенцев», поэтому такие ойконимы указывают на этническую принадлежность первых жителей поселения [Кривошекова-Гантман, 1976. Вып. 3. – С. 12]. Небезынтересно сопоставление названия одного из наиболее могущественных хантыйских «княжеств» – Кодского и пермских названий с основой на -куд. В XV в. в русских летописях Кодское княжество называлось Кодой, или Кудой. В эпосе древних коми мы встречаемся с родовым вождем (памом) Кудым-Ошем, речкой Кудой, где стоял город Кудымкар. Кудым-Ош путешествовал в Югру и женился на югорской княжне. Кроме того, на территории бывшего Кодского княжества отмечается одно из скоплений коми-топонимов и находятся городища Перегребное I и Шеркалы I/2 (рис. 1 – 1). Возможно, значительную часть населения Кодского княжества в XIII–XV вв. составляли переселенцы коми.

Список источников и литературы

- Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. 1. – С. 202.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950. – С. 425; Сибирские летописи. – СПб., 1907. – С. 314; Устюжский летописный СВОД. – М.; Л., 1950. – С. 86.
- Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. – Пг., 1922. – С. 20; Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М., 1982. – С. 102; Красильникова Э. Д. Участие населения Коми-края в освоении Сибири во второй половине XVI–XVII в. // Вопросы истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1975. – С. 18.
- Жеребцов Л. Н. Проблемы этнической истории народа коми // ТИИЯЛИ КФАН СССР. – Сыктывкар, 1985. – Вып. 36. – С. 117; Афанасьев А. П. Западные и юго-западные границы гидронимов пермского типа // Там же. – С. 69.
- Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения... – С. 176–177.
- Жеребцов Л. Н., Конаков К. Д., Королев К. С. Из жизни древних коми. – Сыктывкар, 1985. – С. 12; Туркин А. И. Краткий коми-топонимический словарь. Сыктывкар, 1981. – С. 9–10.
- Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения... – С. 176.
- Там же. – С. 176–177.
- Там же. – С. 179; Серебрянников Б. А. Историко-лингвистические заметки // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1962. – Вып. 7. – С. 5.
- Овчинникова Е. И. К вопросу об общности топонимических типов Европейского Предуралья и Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1969. – С. 16–17; Матвеев А. К. Географические названия Урала: Кратк. топоним. словарь. – Свердловск, 1980; Он же. От Пай-Хоя до Мугоджар. – Свердловск, 1984.
- Микушев А. К. Пермско-угорские фольклорные контакты // Вопросы финно-угроведения. – Сыктывкар, 1971. – Ч. 1. – С. 10.2; Он же. Связи пермских и угорских народов в их эпосе // Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока. – Пермь, 1982. – С. 170–182.
- Галицкий М. В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. – 1951. – № 22. – С. 74–75, 83–85; Теплоухов А. Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Учен. зап. Перм. ун-та. – 1960. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 270.
- Галицкий М. В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. – С. 74–75.
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // МИА. – 1957. – № 58. – С. 245.
- Оборин В. А. Этнокультурные связи населения Верхнего Прикамья с племенами Западной Сибири в IX–XV вв. // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. – Уфа, 1976. – С. 20–21.
- Оборин В. А. Географические названия на -кар, -горт, -ыб древних памятников (ретроспект. анализ) // Лингвистическое краеведение Прикамья. – Пермь, 1976. – Вып. 3. – С. 13–14.
- Савельева Э. А. Пермь вычегодская. – М., 1971. – С. 118.
- Канивец В. И. Археологическое изучение Печорского Приуралья // ВАУ. – 1961. – Вып. 1. – С. 98; рис. 12–47; Мурыгин А. М. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место: Препринт КФ АН СССР. – Сыктывкар, 1985. – Вып. 114. – С. 25–26; Стоколос В. С., Королев К. С. Археологическая карта Коми АССР. – М., 1984. – С. 37–39.
- Викгорова В. Д. Ликинский могильник X–XIII вв. // ВАУ. – 1973. – Вып. 12. – С. 155–160.
- Конилов Б. А. К этносоциальной характеристике культур таежного Прииртышья VI–XIII вв. н. э. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск, 1981. – С. 68; Он же. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984. – С. 92–97.
- Кананин В. А. Средневековые поселения верховьев Камы // Вопросы финноугроведения. – Сыктывкар, 1979. – С. 62; Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. – 1970. – Вып. 9. – С. 7–10; Савельева Э. А. Чабровское городище // Археологические памятники Печоры, Северной Двины, Мезени // МАЕСВ. – 1977. – Вып. 6. – С. 68–80; рис. 4–5; Таяцкий М. В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. – 1951. – № 22. – С. 67–68.
- Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное I: К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э. // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень, 1985.
- Рочев Х. Г. Национальная специфика коми-преданий о чуди: Препринт. КФ АН СССР. – Сыктывкар, 1985. – Вып. 124. – С. 9–12.

Теплоухов Ф. А. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. – Пермь, 1893. – Т. 2. – С. 49.

Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. – М., 1983. – С. 11–18.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения... – С. 176, 192.

Кривошекова-Гантман А. С. Лингвистический анализ ойконимов на -кар // Лингвистическое краеведение Прикамья. – Пермь, 1976. – Вып. 3. – С. 12.

Список сокращений

АКА УрГУ – Архив кабинета археологии Уральского университета

АКИО – Андроновская культурно-историческая общность

АО – Археологические открытия

ВАП – Вопросы археологии Приобья

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ВИУ – Вопросы истории Урала

ЗРАО ОРСА – Записки Русского археологического общества Отделения русской и славянской археологии

ЗУОЛЕ – Записки Уральского общества любителей естествознания

ИИС – Из истории Сибири

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока

МИА – Материалы и исследования по археологии

ПАДИУ – Проблемы археологии и древней истории Урала

ПХКПАПЗС – Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири

СА – Советская археология

СЭ – Советская этнография

ТИЭ – Труды по истории и этнографии

ТИИЯЛИ – Труды Института истории языка и литературы

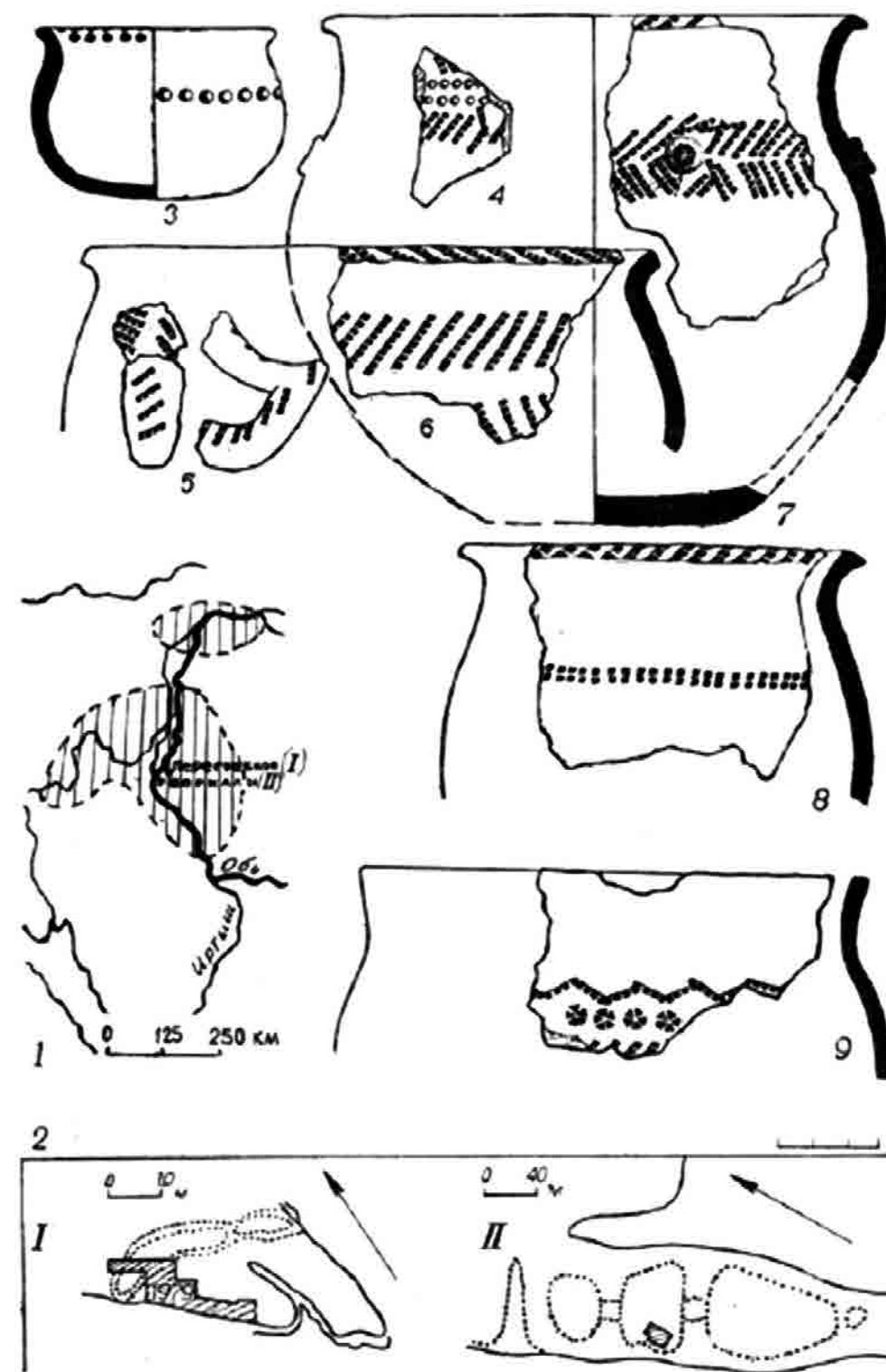

Рис. 1. Городища Перегребное I и Шеркалы I/2:

1 – карта-схема расположения коми-топонимов в Нижнем Приобье; 2 – 3–9 – Вымско-родановская керамика с городища Шеркалы I/2; I – План городища Перегребное I; II – План городища Шеркалы I/2

В. М. Морозов, С. Г. Пархимович¹

¹ НПО «Северная археология-1»
проезд 5п, стр. 9, г. Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: nordarheo@mail.ru

Городище Перегребное 1 (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э.)¹

Городище находится на правом берегу Оби, на западной окраине пос. Перегребное Октябрьского р-на Тюменской обл. [Морозов, Стефанов, Федорова, 1978. – С. 257; Морозов, 1980. – С. 222; 1981. – С. 199]. Расположено на высоком (до 15 м) коренном берегу Оби, к которой обращена западная сторона памятника, с юга ограничено широким логом. Оно имеет подтреугольную форму (рис. 1 – а) с размером площадки 50 × 26 × 36 м. С севера и северо-востока сохранились следы оборонительной системы в виде внутреннего и внешнего рвов и вала. Длина линии обороны – 45 м. Ширина вала – 3–5 м, высота – 0,3–0,5 м. Ширина рвов – 1,5–2 м, глубина до 0,3 м.

Раскопкам были подвергнуты северо-западная и восточная части сохранившегося участка площадки городища, где культурный слой поврежден незначительно. В северо-восточной части городища была заложена траншея, разрезавшая оборонительную систему.

Основной культурный слой памятника относится к средневековью, обильно насыщен находками и представляет собой темно-серую супесь с прослойками древесного тлена, угля и песка, его мощность – 10–15 см. Ниже, под стерильной песчаной прослойкой, залегал слой раннебронзового времени².

Изучены остатки 5 жилых наземных срубных построек (рис. 1 – в).

Жилища фиксировались по развалам печей-каменок и частично сохранившимся доскам пола. Точные размеры и формы жилищ в плаце установить не удалось, так как от стен следов не осталось. Поэтому не совсем ясна связь между жилищами № 1–3, которые располагались в линию вдоль современного обрыва берега Оби с севера на юг, вплотную друг и другу. Не исключено, что они могли быть жилыми помещениями одной общей постройки. Размеры жилищ предположительно достигали 4–7 × 7 м. Обнаруженные развалы печей-каменок (или массивных открытых каменных очагов), сложенных из валунов и плит камня, воздвигались на приподнятых песчаных платформах, укрепленных мелким галечником.

К востоку от жилищ № 1–3, по-видимому, вплотную к их восточным стенам, находился настил деревянной мостовой, зафиксированный в виде нескольких рядов полуистлевших досок, лежавших в направлении С-Ю. Ширина настила – 2,1 м, длина сохранившейся части – 7,5 м.

Исследование остатков оборонительной системы показало, что она состояла из двух неглубоких (0,25–0,35 м) рвов (внешнего и внутреннего) и вала высотой 0,60–0,65 м и шириной 5,7–5,8 м. Ширина ровиков – 0,5–0,75 м, их дно было выложено досками и жердями. Во внутреннем ровике под деревянным настилом лежал слой гальки, на котором был обнаружен череп собаки. В данном случае вал и рвы, судя по характеристикам (размеры, отсутствие следов частокла), несли не только оборонительные, но и дренажные функции.

Материал из раскопок представлен фрагментами керамики, изделиями из глины, кости, металла, большим количеством костей животных.

Коллекция средневековой керамики представлена 15 фрагментами венчиков и 48 фрагментами стенок и днищ от 13 сосудов. По орнаменту, цвету поверхности и составу теста выделяются два различных культурно-хронологических комплекса.

К первому относятся фрагменты двух сосудов, орнаментированных горизонтальными рядами отступающей палочки и косыми лентами, заштрихованными гребенкой. В тесте песок и небольшое количество мелкой дресвы. Подобная керамика известна на памятниках оронтурского этапа нижнеобской культуры и датируется В. Н. Чернецовым VI–IX вв. [Чернецов, 1957. – С. 188–200], а Н. В. Федоровой VIII–XI вв. н. э. [Федорова, 1978. – С. 83].

Второй комплекс представлен обломками от одиннадцати лепных сосудов (рис. 2 – 3, 6, 8–11). По профилю шеек выделяются 3 группы: 1) слабопрофилированные горшки с прямыми стенками и сильно уплощенным дном, близкие к баночной форме; 2) горшки с короткой шейкой, отогнутой наружу и слабовыпуклым туловом; 3) сосуды с широким устьем, резко отогнутым венчиком и прямыми стенками. Орнамент представляет собой горизонтальный ряд наклонных оттисков гребенки или «елочки». В тесте примесь дресвы, шамота. Аналогичная керамика имеется на памятниках вымской культуры в бассейне Вычегды, существующей в X–XIV вв. до н. э. [Савельева, 1971. – С. 48–50, 101–102].

Особый интерес представляет керамическая фигурка, являвшаяся, по-видимому, боковым налепом на венчике сосуда. Эта традиция известна в Прикамье (конские головы на сосудах, кони из теста, детские игрушки) [Голубева, 1973. – С. 60–64; Викторова, 1973. – С. 75–76]. Фигурка напоминает шахматного коня, ее боковые грани украшены наклонными оттисками зубчатого штампа (рис. 2 – 2).

Остатки бронзолитейного и железоделательного производства на городище встречены в виде обломков стаканообразных тиглей, ложковидных льячек, кусков крицы, бракованных и незаконченных металлических изделий.

На городище найдено большое количество изделий из железа: 24 ножа, 5 наконечников стрел, 3 рыболовных крючка, 2 кресала, 2 замка и 3 дужки от замков, 2 иглы, перстень, кольцо от кольчуги, оковка лопаты, резец, обломки различных изделий.

Предметы быта из меди представлены 21 обломком оковок берестяных сосудов, ушком от котла и двумя чашечками.

Металлические украшения представлены крестовидными (2 экз.), лапчатыми (5 экз.), рыбовидной, дисковидной, шумящими подвесками из белой бронзы, находящими аналогии в памятниках кинтусовского этапа нижнеобской культуры [Чернецов, 1957; табл. XXIX, XV], в Северном Приуралье [Викторова, 1973. – С. 156–157], Древнем Новгороде [Седова, 1959. – С. 229] материалах родановской и вымской культур [Оборин, 1969. Вып. 9. – С. 15; Смирнов, 1952, № 28. – С. 216]. Две полые подвески, изображающие хищного зверька (рис. 2 – 21) и глухаря, близки известным подвескам нижнеобской культуры [Чернецов, 1957; табл. XXIX] и, в частности, изображению из Ликинского могильника X–XIII вв. [Викторова, 1973]. Кроме того, найдено 5 перстней, из которых 2 – серебряные, щиткосрединные, пластинчатые (рис. 3 – 13), орнаментированные плетенкой, датируются XII–XIII вв. и относятся к украшениям древнерусского происхождения [Генинг, 1956, № 62. – С. 162; Седова, 1959. – С. 132]. Перстень с шестигранным щитком, украшенный растительными и геометрическими узорами и ложной зернью, аналогичен новгородским XI – начала XIV в. [Колчин, 1971; табл. 18].

Два бронзовых перстня с овальными щитками, очевидно, местного происхождения.

Обломок серебряного пластинчатого браслета (рис. 3 – 15) с плетеным узором, позолотой и чернью, может быть датирован не позднее XI в. [Рыбаков, 1948. – С. 320].

Среди находок есть две фигурки, изготовленные техникой одностороннего плоского литья, одна – антропоморфный идол (рис. 2 – 1), отличающийся изображением деталей одежды и пропорциональностью, что присуще поздним изделиям этого типа [Могильников, 1968. № 191. – С. 288], и позволяет датировать ее X–XIII вв. Другая представляет собой изображение пушного зверька, соболя или куницы (рис. 3 – 14).

¹ Статья печатается по изданию Морозов В.М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное 1 (К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в нач. II тыс. н.э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье: Сб. науч. тр. Тюмень: ТюмГУ, 1985. С. 89–99. Стилистика, орфография и пунктуация издания сохранена. – Ред.

² Материалы раннебронзового времени в статье не рассматриваются.

Коллекция бус с городища насчитывает 124 экземпляра. По форме выделено 10 типов, а с учетом наличия и вида орнамента – 4 варианта (табл. 1). Основная часть бус изготовлена из прозрачного и полупрозрачного стекла, остальные пастовые. Лишь одна бусина сделана из янтаря. Отмечено большое разнообразие цветов: белый, светло-зеленый, синий, голубой, красно-коричневый, черный. Некоторые типы и варианты имеют довольно узкие хронологические рамки, что позволяет уточнить датировку как коллекции бус, так и памятника в целом. Так, зонные синие бусы имели распространение в Восточной Европе до начала XII в., битрапециоидные малые синие и светло-зеленые – до первой трети XII в., шарообразные со спирально-волнистой гладкой инкрустацией – с конца XI по конец XII в., глазчатые гладкие бусы пользовались популярностью до конца первой трети XII в. [Голубева, 1973. – С. 182; Колчин, 1982. – С. 168–170]. В целом коллекцию бус с городища Перегребного можно датировать XII – началом XIII в.

На городище обнаружено большое количество частей берестяных сосудов и отрезков бересты. Сосуды имели круглые плоские днища, стенки сшивались из двух слоев бересты, расположенных перпендикулярно друг другу. На нескольких фрагментах имеется орнамент в виде оттисков круглого и колесовидного штампов,

Значительное место в занятиях жителей городища занимало косторезное производство. Об этом свидетельствует большое количество изделий из кости и рога, заготовок и обрезков кости, в том числе и большой обломок кости мамонта со следами работы. Большую часть костяных изделий составляют черешковые наконечники стрел (18 штук). Они имели узкое вытянутое заостренное перо и плоский черешок. Перо – трех- и четырехгранное, длина 9–13 см (рис. 3 – 3, б).

Среди остальных изделий из кости и рога – проколки, детали оленьей упряжки, костяные пряжки, игольники, ложки, пряслица, накладка-украшение. Две ложки из рога (рис. 3 – 8, 9) близки по форме и размерам, одна украшена резными уступами и полосой ленточного зигзага. Подобные узоры характерны для керамики и бытовых вещей родановской и вымской культур [Оборин, 1956. – С. 112; 1969. Вып. 9. – С. 12–14].

Интересен рисунок, вырезанный на пластинке-накладке из рога (рис. 3 – 10). В верхней части композиции изображены две «танцующие» птицы с поднятыми согнутыми крыльями, под ними – лежащее навзничь животное с вытянутым овальным туловищем, большой ромбовидной головой и короткими изогнутыми лапами. Это, по-видимому, гуси и бобр. Аналогичные изображения бобра были на родовых тамгах хантов в XVII в. [Чернецов, 1947, VI–VII. – С. 165]. Нам кажется, что в этой композиции отражены представления о верхнем и нижнем мире, широко распространенные в финно-угорской среде, в частности, у прикамских народов, где в качестве символа нижнего мира изображались на бляхах бобр, росомаха, ящер, а как представители верхнего мира – птицы [Савельева, Пермь...; табл. 27]. Не исключены и другие трактовки этой сцены.

Игольники (3 экз.) изготовлены из трубчатой кости и украшены резными геометрическими узорами. Один из них (рис. 3 – 1–6) декорирован концентрическими кружками и продольными лентами плетеного двойного узора, что характерно для новгородского бытового искусства X–XIV вв. [Голубева, 1973. – С. 75]. Отсутствие плетеных узоров в искусстве финно-угорских народов дает основание полагать, что в данном случае мы имеем дело с непосредственным или опосредованным заимствованием из Новгорода.

Из других костяных и роговых изделий следует отметить 5 проколов, заготовку пряслица из рога и костяную накладку с изображением лошади (рис. 2 – 7).

На городище собрана большая коллекция сверленных костяных подвесок (рис. 3 – 12) и их заготовок (80 экз.). Основная часть (72 экз.) была найдена в жилище № 4 рядом с печью в виде клада, в том числе 62 из них представлены астрагалами бобра, 10 – резцами лося, 2 изготовлены из таранных костей бобра и 1 из плоской костяной пластинки прямоугольной формы. Как известно, подобные подвески в древности имели широкое распространение, особенно у племен и народов лесной зоны, занимавшихся, главным образом, охотой. Большинство исследователей безоговорочно относят такие подвески к украшениям костюма и амулетам. Другие считают такое объяснение неудачным и предполагают, что такие подвески служили для игры в кости. Мы предлагаем иное объяснение. В этнографии известно немало фактов использования бус, перьев птиц, железных пластинок и т. п. в качестве денежных знаков при торговле, особенно там, где существовал недостаток в монетах или

последние вообще не были известны [Тэйлор, 1939. – С. 158]. Вампум у индейцев приравнивался к одной бобровой шкурке. В нашем случае одна бобровая шкурка в обмене между охотниками могла приравниваться к двум астрагалам бобра. Сверленные отверстия служили для нанизывания астрагалов на нить наподобие вампума. Для этой роли могли служить и некоторые кости других животных, на что указывает состав клада.

Анализ остеологического материала (табл. 2) показывает, что основой хозяйства жителей городища были охота и рыболовство. Преобладала охота на пушных зверей, главным образом, на бобра. Среди домашних животных важную роль играли собака, лошадь. Особый интерес представляет присутствие на городище крупного и мелкого рогатого скота, факт этот не имеет пока прецедента на территории Западной Сибири в столь раннее время. Не случайно и значительное количество костей лошади. Состав костей на городище, конечно, не может дать полной, всесторонней и исчерпывающей характеристики хозяйства его населения, так как он в определенной мере случаен: раскопками вскрыта лишь часть площади городища, кроме того, свой отпечаток на процентный состав фауны городища наложили методы охоты и ведения хозяйства.

Основной комплекс памятника датируется нами XII – серединой XIII в. н. э. Основанием для такой датировки служит часть датированных вещей (некоторые типы бус, крестовидные, рыбовидные подвески и др.), распространенные на севере европейской части СССР и в Западной Сибири лишь до XII в. н. э. Другие вещи датируются исследователями не ранее XII в. и не позднее середины XIII в. (перстни, браслет, некоторые виды бус, подвесок).

Что касается культурной принадлежности обитателей городища, то, по нашему мнению, это были представители вымской культуры (предки коми-зырян). Это подтверждается целым рядом бесспорных фактов. Керамика из жилищ по форме, орнаменту примесям (дресва) аналогична керамике с памятников вымской культуры. Грушевидные, шаровидные бубенчики, сердцевидная бляшка являются специфическими украшениями вымской культуры; ложки из рога по форме и орнаменту аналогичны прикамским.

Украшения и керамика западносибирского облика составляли незначительную часть комплекса, и их присутствие можно объяснить либо производством изделий на «рынок» по местным образцам, либо наличием представителей угорского населения в составе жителей городища.

Срубные наземные жилища с дощатым полом и массивными печками-каменками (или каменными очагами), вскрытые на городище Перегребное 1, к востоку от Урала в это время не были известны. Подобные жилища характерны для вымской культуры. Близки им жилища родановцев. А такая характерная деталь перегребненских жилищ, как хозяйственные ямы, стенки и дно которых укреплены досками, является характерной чертой для вымских и родановских ям-кладовок.

Занятие обитателей городища Перегребное 1 скотоводством (лошади, крупный и мелкий рогатый скот) тоже свидетельствует в пользу вымской культуры, где скотоводство к XII в. имело довольно широкое распространение. Предки хантов и манси, как известно, помимо охоты и рыболовства, занимались оленеводством, и то в гораздо более позднее время.

Исторические, топонимические и лингвистические данные свидетельствуют о ранних культурных контактах коми и обских угров (с XI–XII вв.) и проникновении славянского населения на Вычегду и Каму с XII в. [Савельева, Пермь... – С. 35]. Это подтверждается нашими материалами: печки-каменки характерны для Северо-Запада Руси, множество бус, часть металлических украшений, железных изделий являются русскими по происхождению. Все это свидетельствует о сильном влиянии древнерусской культуры на вымичей и тесных контактах между представителями этих двух соседних культур в столь раннее время. Исследователи отмечают, что начиная с XII в. постепенно усиливается русское влияние и проникновение русских на территорию вымской культуры. Коллектив, основавший городище Перегребное 1, прежде чем пересечь Уральский хребет и добраться до Оби, по-видимому, испытал сильное русское влияние. Не исключено, что в этом коллективе были и русские люди, так как найденная на городище костяная трубочка с несверленными отверстиями и плетеным резным орнаментом может свидетельствовать о том, что она изготовлена русским. Ни племенам вымской культуры, ни родановцам, ни населению Западной Сибири такой орнамент не был известен.

Вряд ли городище Перегребное 1 единственное в своем роде для этого времени на Оби. Проникновение отдельных коллективов вымской культуры за Урал, на Обь, в XII–XIII вв. и позднее носило не случайный характер, а явилось отражением определенных исторических и социально-экономических процессов и событий в Северном Приуралье в это время. Интенсивные разведочные работы и дальнейшие раскопки в Нижнем Приобье должны дать новые материалы в истории ранних этапов проникновения вымичей и, возможно, родановцев и русских на эту территорию и влияния их на культуру местного населения.

Таблица 1

Типы бус и их хронология				
№	Типы бус	Варианты	Количество	Хронология
I	Зонные	1. Мозаичные	70	XI–XII вв.
		2. Со спиральным, зигзаговым орнаментом	2	
		3. Глазчатые, гладкие	16	XI–XIII вв.
		Черные без орнамента	9	
II	Битрапециоидные		43	До начала XIII в.
III	Калачевидные		28	XI – середина XIII в.
IV	Монетовидные		10	XI – начало XIII в.
V	Конусовидные усеченные		1	–
VI	Розетковидные		2	–
VII	Большие с полихромным зигзаговым орнаментом		1	–
VIII	Янтарные (?) призматические		2	–
Итого	115			

Таблица 2

Городище Перегребное 1.					
Распределение остеологического материала по видам (1980–1982 гг.)					
Определение проведено сотрудником Института экологии УНЦ АН СССР Косинцевым П. А.					
№	Вид животных	Количество костей	%	Количество особей	%
1	Лошадь	250		14	
2	Крупный рогатый скот	2		2	
3	Мелкий рогатый скот	9		4	
4	Собака	144		15	
Домашние животные		405	37,7 %	35	25,5 %
5	Canis sp.*	18		3	
6	Северный олень	144		15	
7	Лось	90		10	
8	Медведь	3		2	
9	Заяц	47		9	
10	Лисица	62		9	
11	Куница	1		1	
12	Martes sp.*	20		7	
13	Бобр	257		33	
14	Белка	10			
15	Выдра	4		2	
16	Соболь	4		4	
17	Росомаха	2		1	
18	Горностай	4		2	
19	Волк	1		1	
Дикие животные		667	62,3 %	102	74,5 %
Всего		1072	100 %	137	100 %

Список источников и литературы

Морозов В. М., Стефанов В. И., Федорова Н. В. Работы Северного отряда // АО. 1978. – М., 1979.
Морозов В. М. Работы в Нижнем Приобье // АО. 1979. – М., 1980.
Морозов В. М. Работы в бассейне Нижней Оби // АО. 1980. – М., 1981.
Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // МИА. – М., 1957. – № 58.
Федорова Н. В. О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников I тыс. н. э. // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск, 1978.
Савельева Э. А. Пермь вычегодская. – М., 1971.
Голубева Л. С. Весь и славяне на Белоозерье (X–XIII вв.). – М., 1973.
Викторова В. Д. Ликийский могильник // ВАУ. – Свердловск, 1973. – Вып. 12. – Т. XI-8.
Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // МИА. – Л.; М., 1959. – № 65.
Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1969. – Вып. 9.
Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – Л.; М., 1952. – № 28.
Генинг В. Ф. Романовский клад // КСИИМК. – М., 1956. – № 62.
Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. – М., 1971.
Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. – М., 1948.
Могильников В. А. Культура племен лесного Прииртышья IX–XIII вв. н. э. // УЗПГУ. – 1968. – № 191.
Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. – М., 1982.
Оборин В. А. Некоторые проблемы изучения родановской культуры // УЗПГУ. – 1956.
Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. – 1947. – VI–VII.
Тэйлор Э. Первобытная культура. – М., 1939.

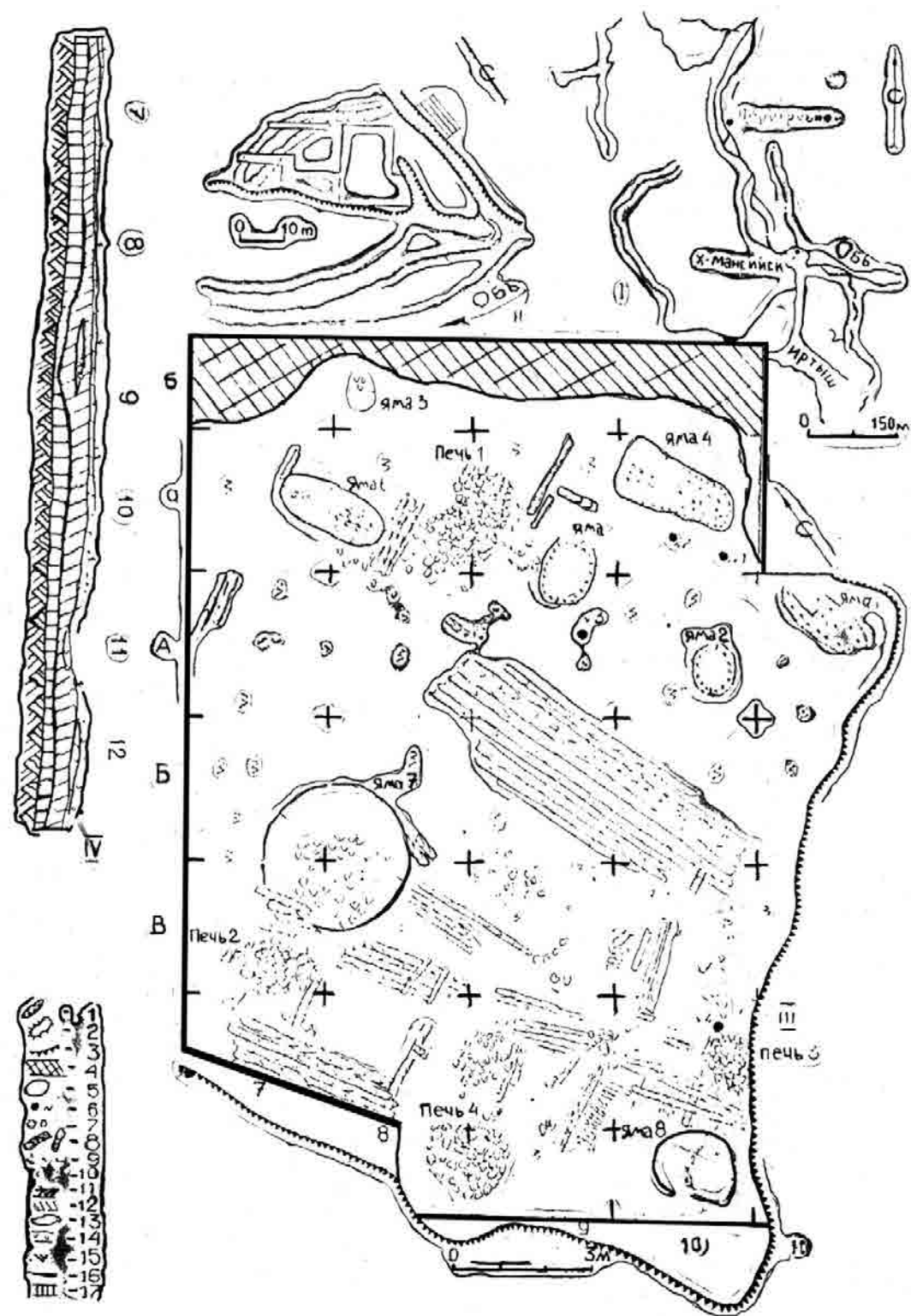

Рис. 1. Городище Перегребное I. Топография и географическое положение памятника, план жилищ

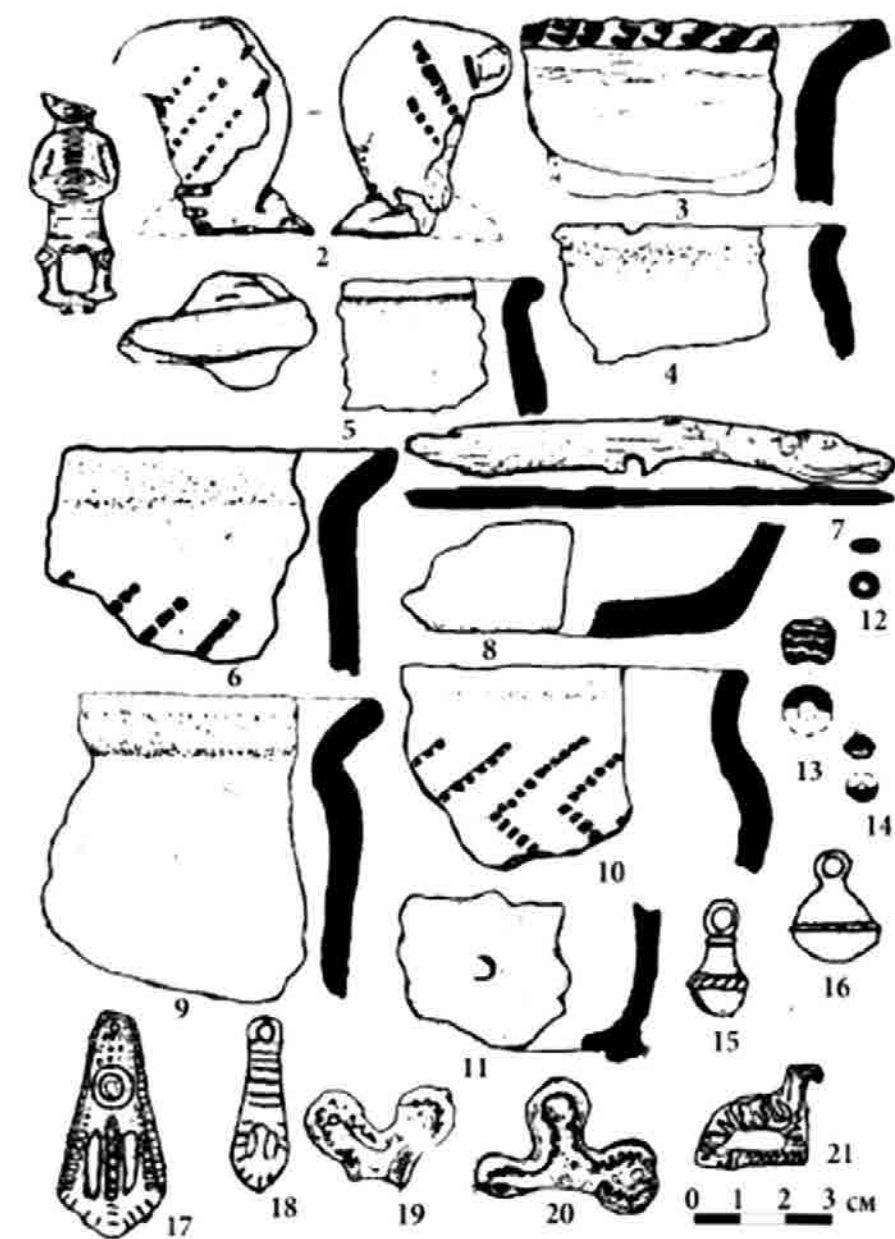

Рис. 2. Керамика и украшения

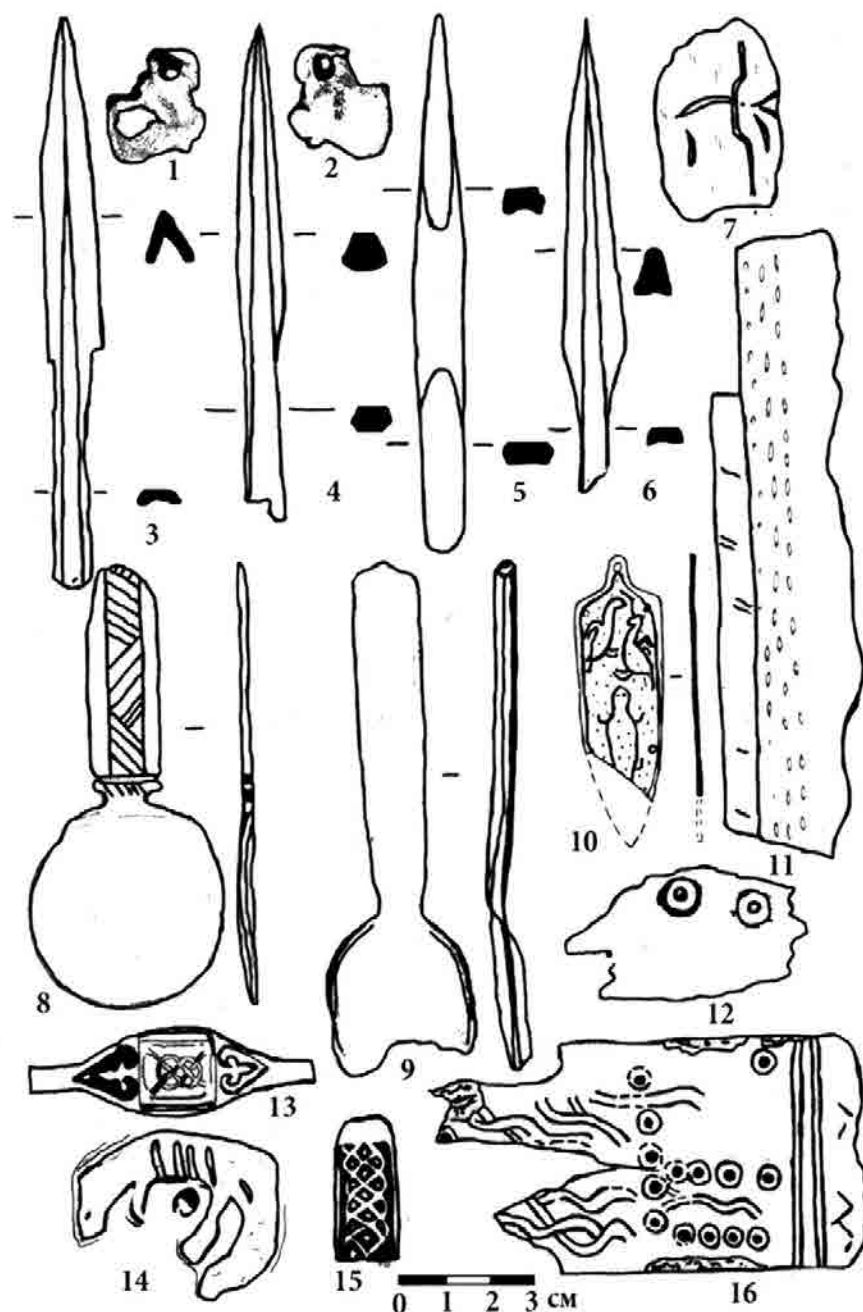

Рис. 3. Изделия из кости и бересты, украшения

А. Н. Багашев¹, С. М. Слепченко¹

¹ Институт проблем освоения Севера
Тюменского научного центра СО РАН
ул. Малыгина, д. 86, г. Тюмень, 625026, Россия
E-mail: s_slepchenko@list.ru

К обоснованию принадлежности Северных Самодийцев к Ямал-Енисейской группе популяций типа западносибирской антропологической формации

Аннотация. Для конкретизации характера внутригрупповой и межпопуляционной изменчивости исследована небольшая выборка палеоантропологических материалов из могильников Бухта Находка 2 и Юмадото 1 на Ямале (Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области). Особенности морфологического облика черепов свидетельствуют о принадлежности их к восточной монголоидной антропологической формации, однако по строению переноса они тяготеют одновременно к западному европеоидному населению. По результатам многомерной статистики вытекает, что, несмотря на высокую индивидуальную изменчивость, характерную для современного вида *Homo sapiens sapiens*, размах изменчивости, отмеченный по материалам из могильников Бухта Находка и Юмадото, не выходит за пределы межгрупповой изменчивости, свойственной северным самодийцам. На этом основании сформирована более репрезентативная выборка по этой этнической группе, которая в таксономическом отношении включена в ямало-енисейскую группу популяций западносибирской антропологической формации.

Ключевые слова: антропология, популяция, систематика, таксономия, Северная Евразия, полуостров Ямал, северные самодийцы, ненцы, кеты.

Введение

Современное аборигенное население Северной Евразии относится к различным этнолингвистическим образованиям (самодийцы, финно-угры, тюрки, кеты, палеоазиаты), в традиционной культуре которых представлены разнообразные хозяйственно-культурные типы присваивающего и производящего хозяйств. Как велико разнообразие их культур и природно-климатических условий обитания, так велики и антропологические различия между ними, что в целом говорит о различных путях их этногенеза. Антропология освещает лишь одну из сторон происхождения племен – историю формирования особенностей их физического облика, в реконструкции которой важное место занимает таксономическая классификация антропологических общностей, так как она отражает элементы общности и различий в генезисе и исторических судьбах популяций.

В современной таксономической картине народов Северной Евразии отнесение некоторых из них к той или иной категории является предметом дискуссий. Это касается, в частности, северо-самодийских народов (ненцев, энцев и нганасан) и кетов, что обусловлено недостатком имеющихся материалов. Появление новых антропологических данных об особенностях физического облика обитателей субарктических областей Западной Сибири позволяет уточнить пределы характерной

для них индивидуальной и межгрупповой изменчивости. В данной статье рассматриваются новые краниологические находки, полученные при исследовании археологических объектов Бухта Находка 2 и Юмадото 1 на Ямале с целью конкретизации популяционной структуры и систематики коренных народов Севера.

Городище «Бухта Находка» (Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области) обнаружено в 1961 году Л. П. Лашуком [Лашук, 1968. – С. 178–193]. В 2012 г. О. В. Кардашем на данном городище проводились археологические работы, при которых на побережье Бухты Находка выявлен новый археологический объект – могильник Бухта Находка 2 (рис. 1). В результате его предварительного исследования получен палеоантропологический материал, а также артефакты (фрагменты керамических сосудов, изделия из цветных металлов). На основании археологических данных могильник датирован эпохой Средних веков в широких хронологических рамках (от VI–VII вв. по XIII–XIV вв.). Антропологические материалы из могильника Юмадото I (XVIII–XIX вв.) были получены Е. Г. Фильчаковым в 1986 г. при разведывательных археологических работах на полуострове Ямал (рис. 1).

Материалы и методы

Краниологическому анализу были подвергнуты один мужской и три женских черепа из погребений могильника Бухта Находка, а также мужской и женский черепа из могильника Юмадото. Половая диагностика проводилась на основании морфологии черепа, нижней челюсти, строения таза и посткраниального скелета. По степени облитерации швов черепа и стертости зубов определялся возраст погребенных [Buikstra, Ubelaker, 1994].

Измерение черепов осуществлялось по стандартной краниометрической методике, дополненной измерением высоты поперечного изгиба лба и вычислением условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) (conditional share mongoloid element) на основании индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС) (index of the facial skeleton profile) и преаурикулярного фациocereбрального указателя (ПФИ) (preauricul facio-cerebral index) [Алексеев, Дебец, 1964; Гохман, 1961]. Анализ межгруппового сходства и различий был выполнен путем расчета расстояния D2 Махаланобиса-Рао по программе Ю. К. Чистова (1994).

Морфологические особенности палеоантропологических находок

Для черепа мужчины из могильника Бухта Находка характерна долихоранная пропорция при очень малой высоте свода, женские черепа имеют более округлую форму (табл. 1).

У мужчины лицо средней ширины и высоты, умеренно профилированное в горизонтальной плоскости на среднем уровне, но относительно более уплощенное на уровне орбит. Размеры носовой части черепа средних величин, орбиты достаточно широкие при небольшой высоте. У женских черепов лицо более узкое и низкое, уплощенное в горизонтальной плоскости.

В строении переносья мужского черепа отмечается дисгармония. Относительно большая его высота сочетается с небольшой шириной при очень слабом выступании носовых костей над линией вертикального профиля лица. В женской группе фиксируется гармоничное сочетание небольшой ширины и высоты в строении переносья с относительно большим углом выступления носа.

Череп мужчины из могильника Юмадото I характеризуется малой величиной продольного и средней поперечного диаметров (мезо-, брахикrania) при очень малой высоте мозговой коробки, для женского черепа свойственна брахикранная форма (табл. 1).

Лицевые скелеты мужского и женского черепов сходны по пропорциям и обладают средней шириной и высотой при достаточно отчетливо выраженной его уплощенности по горизонтали. Строение орбит и носовой части характеризуется средними величинами и пропорциями. Оба черепа имеют сходное строение переносья, небольшая его ширина сочетается с малой высотой в комплексе с очень малым углом выступления носа.

Table 1
Mean values and indices for males and females skulls form the Northern Samodians

Measurement	Northern Samodians total		Yumadoto		Buchta Nachodka	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀
	$\bar{x}$	$\bar{x}$	x	x	x	$\bar{x}$
1. Cranial length, from g	178,9 (21)	172,3 (24)	174	169	189	167,5 (4)
8. Maximum cranial breadth	148,1 (21)	141,1 (23)	141	142	143	128,7 (3)
17. Cranial height (<i>ba-b</i>)	128,8 (20)	122,8 (23)	123	128	125	113,7 (3)
8:1. Cranial index	82,9 (21)	81,9 (19)	81	84	76	78,1 (3)
5. Cranial base length	99,1 (14)	93,1 (15)	95	95	101	87,7 (3)
9. Vaximal frontal breadth	94,1 (20)	91,3 (23)	96	97	88	88,3 (3)
32. Forehead profile angle, from <i>n</i>	76,0 (4)	81,2 (9)	76	77	71	77,0 (3)
40. Basion-prosthion length	102,3 (4)	95,1 (9)	96	96	104	94,0 (2)
45. Bizygomatic breadth	138,3 (13)	130,1 (13)	134	130	136	120,3 (3)
48. Nasion-alveolar height	71,9 (9)	68,9 (17)	70	70	70	62,7 (3)
72. General facial angle	83,4 (4)	83,0 (8)	86	80	78	80,0 (2)
77. Nasomalar angle	148,6 (4)	150,9 (11)	145,2	151,4	147	151,4 (3)
<zm'. Zygomaxillary angle	134,4 (4)	135,6 (8)	132,7	130,5	131	136,2 (2)
51. Orbital breadth, from <i>mf</i>	43,2 (18)	42,3 (21)	47	41	47	40,7 (3)
52. Orbital height	35,5 (19)	34,9 (21)	37	35	35	34,0 (3)
55. Nasal height	52,8 (19)	50,7 (22)	53	48	49	45,3 (3)
54. Nasal breadth	25,4 (18)	24,6 (22)	24	24	24,0	24,3 (3)
75(1). Nasal protrusion angle	21,3 (4)	19,4 (9)	69	66	63	66,5 (2)
SC. Simotic chord	6,6 (4)	6,4 (11)	4,0	6,7	8,0	5,6 (3)
SS. Simotic subtense	3,0 (4)	2,3 (11)	2,1	2,9	3,5	2,2 (3)
DC. Dacrial chord	19,7 (4)	18,2 (11)	20,5	19,3	18,0	17,5 (3)
DS. Dacrial subtense	10,0 (4)	7,6 (11)	8,1	7,5	12,0	8,6 (3)
Index FSP	77,5	84,6	86,0	85,8	73,9	75,3
PFC index	97,0	97,4	95,5	94,2	98,7	86,4
CSME	98,4	108,5	100,2	92,8	103,1	96,8

В целом морфологические особенности исследуемых черепов из могильников Бухта Находка и Юмадото указывают на их принадлежность к промежуточному варианту между западными и восточными антропологическими формациями. Однако обобщенные показатели уплощенности лица и пропорции мозговой коробки свидетельствуют о преобладании в их краниологической структуре элементов, которые сближают анализируемые черепа с монголоидными популяциями (табл. 1). Отличительной морфологической чертой данной группы черепов является синтез монголоидного строения мозговой коробки с уплощенным по горизонтали лицом и малым углом носа в сочетании с относительно европеоидным строением переносья, особенно четко выраженным на мужском черепе из могильника Бухта Находка. Это дисгармоничное сочетание с точки зрения биологической корреляции отмечается и в других западносибирских группах, и в целом есть все основания говорить о том, что по морфологическим признакам выборка из Бухты Находка и Юмадото укладывается в пределы изменчивости популяций субарктики Сибири.

Результаты анализа

Для выяснения общих закономерностей межгрупповой изменчивости народов Северной Евразии их морфологические особенности проанализированы с помощью многомерной статистики – канонического

анализа. Для стабилизации изменчивости краниологические данные по ряду этнолингвистических общностей с учетом географической близости взвешенно суммированы. Таким образом, обобщены мужские и женские серии уральского антропологического типа – ханты северные (могильник Халас-Погор [Дебец, 1951], сборная серия из окрестностей Обдорска и с. Мужы [Дремов, 1984]) и ханты восточные (серии из могильников бассейнов рек Салым, Балык, Вах, Васюган и могильника Урьево [Дремов, 1991]). Из других популяций уральского типа привлечена сборная серия черепов северных манси, собранная еще в XIX веке из различных могильников в бассейне р. Северная Сосьва [Дебец, 1951].

Из групп обь-иртышского антропологического типа западносибирской формации привлечены выборки томско-нарымского варианта этого типа – чулымские тюрки [Дремов, 1991] и нарымские селькупы (серии из могильников Нарымского Приобья – Тискино, Бедеревский Бор, Лукьяново и Максимоярск, Барклай [Багашев, 2017], сборная серия из могильников в устье р. Чулым).

По группам ямало-енисейского антропологического типа западносибирской формации данные сгруппированы следующим образом: ненцы тундровые [Дебец, 1951], ненцы тазовские [Багашев, Слепченко, 2015] и сборная серия по северным самодийцам (нганасаны [Алексеев, 1955], ненцы надымские [Багашев, Ражев, 2009], ненцы Яр-Сале и р. Щучья [Дремов, 1984]). Кетская серия используется по данным И. И. Гохмана и В. А. Дремова [Гохман, 1982; Дремов, 1984].

Проведенный канонический анализ в исследуемой совокупности популяций отчетливо обрисовывает общие закономерности межгрупповой изменчивости.

Нагрузки по признакам первых двух векторов охватывают 57,5 % общей дисперсии мужских выборок и 59,0 % женских, причем особенности изменчивости по мужским и женским материалам по обоим векторам практически полностью совпадают. И в той, и в другой совокупностях наибольшие нагрузки по 1 каноническому вектору приходятся на серии, где преобладают черепа с высокой мозговой коробкой, но низким лицевым скелетом, слабым выступанием носовых костей при относительно большой высоте переносья (табл. 2).

Данным комплексом признаков выборки дифференцируются по своей географической локализации по линии север – юг. Обитающие в южных районах Западной Сибири группы отдаляются от своих северных соседей – обских угров и северных самодийцев. Данное наблюдение подтверждает отмеченный многими исследователями факт наличия в составе нарымских селькупов и чулымских тюрков элементов южносибирского генезиса (рис. 2).

Table 2

Measurement	♂		♀	
	Canonical vector I	Canonical vector II	Canonical vector I	Canonical vector II
1. Cranial length, from g	-0.1647	-0.4482	-0.2564	-0.4418
8. Maximum cranial breadth	-0.0728	0.4265	0.0800	0.3535
17. Cranial height (ba-b)	0.7138	0.3077	0.6538	0.1491
45. Bizygomatic breadth	0.0609	0.3402	-0.0166	0.4036
48. Nasion-alveolar height	-0.3488	0.2092	-0.3659	0.2613
54. Nasal breadth	0.2094	-0.0172	0.1997	-0.1887
52. Orbital height	-0.1018	-0.1761	-0.1997	0.2003
77. Nasomalar angle	-0.0983	0.1950	-0.1136	0.5278
<zm'. Zygomaxillary angle	0.0404	0.1101	0.0692	-0.1477
DC. Dacrial chord	0.1581	0.0810	0.2193	0.0203
DS. Dacrial subtense	0.2507	-0.1298	0.2047	-0.1569
SS. Simotic subtense	0.2011	-0.0036	0.2606	0.1589
75(1). Angle of protrusion of the nose	-0.3727	0.5082	-0.3330	0.0076
Own value	24.1	16.6	17.5	13.3

Комплекс признаков 2 канонического вектора дифференцирует группы по форме мозговой коробки и ширине лицевого скелета. Максимальные нагрузки приходятся на наиболее брахикранные черепа с широким (эуриморфным) лицевым скелетом (естественно, применительно к исследуемым материалам), минимальные – на черепа долихокраничные с узким (лептоморфным) строением лица. Эти признаки оказались таксономически важными, так как дифференцируют уральские и ямало-енисейские группы степени выраженности долихокрании и узколицести (рис. 2).

Характер взаиморасположения мужских и женских групп в корреляционном поле 1 и 2 канонических векторов свидетельствует, что особенностью всех западносибирских групп является дисгармоничное сочетание монголоидного комплекса (слабое выступание носовых костей, плоского по горизонтали лица и переносья) с европеоидными чертами строения мозговой коробки (долихокраний череп с низким лицом). Но именно данное сочетание особенностей определяет антропологическую специфику западносибирских популяций, особенно уральского типа, что служит индикатором былого расогенетического единства. Этот же комплекс характерен (но в ослабленном виде) для северосамодийских групп. Для краниологического типа кетов свойственно в целом сочетание признаков, характерное для западносибирских групп, но с рядом особенностей, которые сближают их все-таки с северосамодийскими выборками (рис. 2).

Все северосамодийские группы дистанцируются от серий более высокоголовых и низколидых черепов. Данная морфологическая особенность наиболее отчетливо представлена в краниологической структуре обь-иртышских популяций западносибирской формации – нарымских селькупов и томско-чулымских тюрков. Одновременно северные самодийцы отклоняются и от более узколидых и долихокраничных выборок. В нашем случае эта особенность наиболее четко прослеживается в составе обских угров.

В целом межгрупповая изменчивость в совокупности субарктических выборок позволяет говорить о наличии в их составе определенных морфологических комплексов: черепа с удлинненной мозговой коробкой и небольшой высотой имеют более узкое и низкое, сильнее профилированное переносье и лицо в средней части в сочетании с малым углом носа к вертикальному профилю. Противоположная ситуация характерна для брахикраничных черепов, у них более уплощенное на уровне орбит лицо сочетается с сильнее выступающим носом. Выявляемые комплексы признаков в поляризованной форме наблюдается в угорских (долихокраничность и скоррелированные с ней признаки) и ненецких (брахикраничность и связанные с ней характеристики) группах. Тяготение северных хантов к ненцам обусловлено трансгрессией их ареалов, вследствие чего метисационные процессы между ними не могли не оставить следа в их генофондах.

Закключение

Исследованные антропологические материалы из могильников Бухта Находка и Юматодо на Ямале позволили уточнить пределы внутригрупповой и межпопуляционной изменчивости северных самодийцев. Учитывая высокую индивидуальную изменчивость современного человека, морфологические особенности черепов из этих могильников и их расположение относительно других популяций, несомненно, можно сделать вывод, что данные черепа относятся к этнолингвистической общности северных самодийцев, которая является частью ямало-енисейского антропологического типа западносибирской антропологической формации. Представляется вполне оправданным поэтому включение группы черепов из могильников Бухта Находка и Юматодо в сборную северосамодийскую выборку, средние характеристики которой представлены в табл. 2.

Список источников и литературы

Алексеев В. П. К краниологии нганасанов // Краткие сообщения Института этнографии. –1955. – Вып. 24. – С. 7–65.
Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – 324 с.
Алексеев В. П. О смешанном происхождении уральской расы // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1961.– Вып. 1. – С. 117–120.

- Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
- Бунак В. В. Человеческие расы и пути их образования // Советская этнография. – 1956. – № 1. – С. 86–105.
- Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Багашев А. Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 303–327.
- Багашев А. Н., Сlepченко С. М. Материалы по краниологии тазовских ненцев // Человек и Север: Антропология, археология, экология. – Тюмень: ИПОС, 2015. – Вып. 3. – С. 6–10.
- Багашев А. Н., Ражев Д. И. Надымский городок. Палеоантропологическое исследование // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 11. – С. 111–124.
- Багашев А. Н. Антропологический тип средневековых тюрков Нижнего Притома (могильник Астраханцево) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень, 2003. – Вып. 4. – С. 68–73.
- Багашев А. Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2000. – Вып. 3. – С. 159–174.
- Багашев А. Н. Антропологический состав населения Прикетья (Лукьяновский и Максимоярский могильники) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень, 2002. – Вып. 3. – С. 40–43.
- Гохман И. И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вестник антропологии. – 1961. – Вып. 8. – С. 88–98.
- Гохман И. И. Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы // Советская этнография. – Л., 1973. – № 2. – С. 96–106.
- Гохман И. И. Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. – Л.: Наука, 1982. – С. 9–42.
- Дебец Г. Ф. О принципах классификации человеческих рас // Советская этнография. – Л., 1956. – № 4. – С. 129–142.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии. – М.: АН СССР, 1951. – Т. 17. – 264 с.
- Дремов В. А. Томские и чулымские тюрки // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 67–84.
- Дремов В. А. Нарымские селькупы // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 110–111.
- Дремов В. А. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 106–132.
- Дремов В. А. Краниология среднеобских хантов // Обские утгы: ханты и манси. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991. – С. 10–28.
- Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. – Алма-Ата: Наука, 1970. – 240 с.
- Лащук Л. П. «Сиртя» – древние обитатели субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 178–193.
- Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского полуострова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1980. – Т. 36 – С. 35–47.
- Buikstra J., Ubelaker D. *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains*. Arkansas: Arkansas Archaeological Survey Research, 1994. – 202 p.

Рис. 1. Местоположение могильников Бухта Находка и Юмадото

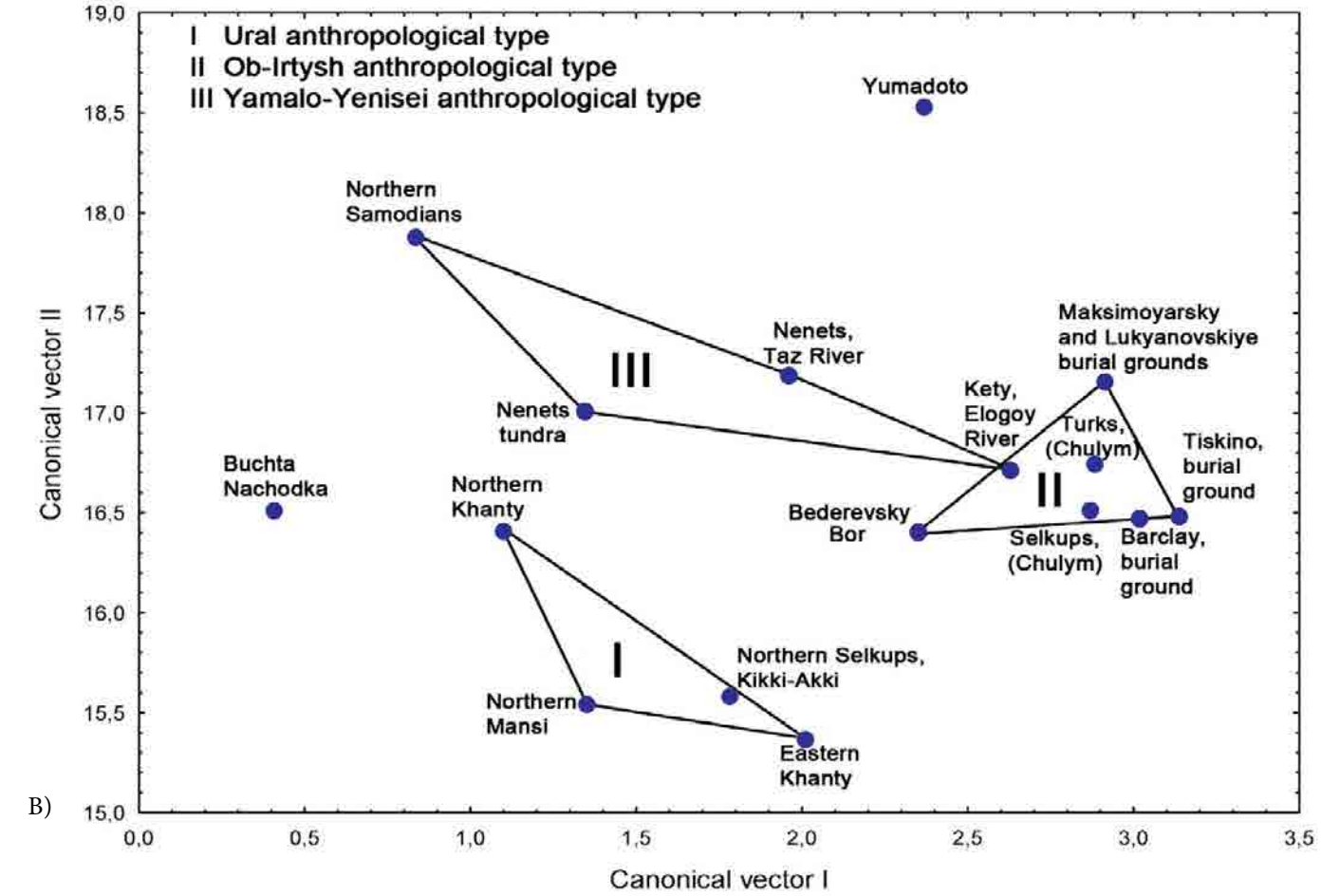
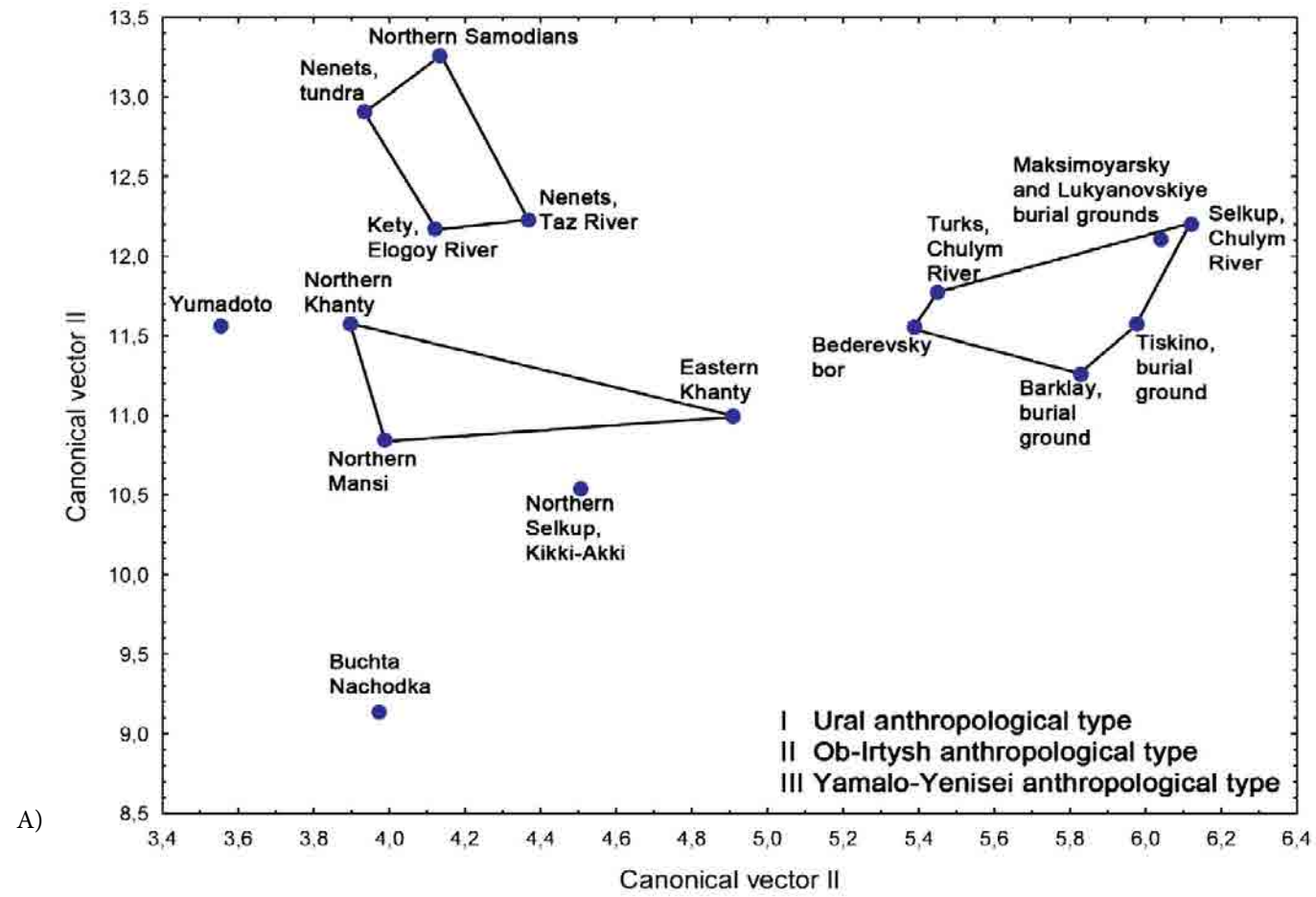

Рис. 2. Взаиморасположение исследуемых групп в корреляционном поле 1 и 2 векторов
(а – мужские группы, в – женские группы)

СОДЕРЖАНИЕ

Лапиин В. А.
Предисловие 5

Новгородская Земля в освоении Русского Севера

Носов Е. Н.
Новгород Великий и новгородские волости в XI–XV веках..... 8

Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г.
Старая Русса и Югра 22

А. Н. Кирпичников, В. А. Лапиин
Старая Ладога и освоение Русского Севера..... 34

Письменные сведения и лингвистические данные

Кардаш О. В., Гайдакова З. Г.
Сведения русских и иностранных источников о Югре в XI–XV веках
(цитаты с краткими комментариями) 46

Напольских В. В.
«Угро-самодийцы» в Восточной Европе и проблема летописной Югры 68

Плигузов А. И.
Текст-кентавр о сибирских самоедах 102

Дьёни Габор
Угрия/Югрия: филология и история..... 117

Степанов А. М., Сингх В. К.
Берестяная грамота № 918..... 123

Югра в сфере влияния Новгородской Земли

Янин В. Л.
«От Жилы к Чудину...» 128

Ядрышников В. А.
Церковь Святой Троицы на Редятине улице 132

Анкудинов И. Ю.
«А се волости новгородские» новгородско-княжеских dokonчаний 136

Побережников И. В.
Включение Югорской земли в сферу влияния Великого Новгорода (XI–XV вв.) 141

Сорокин А. Н.
Новгород и Югра в XI–XII веках 146

Овчинникова Б. Б.
Пути проникновения новгородцев в Югорию (XI–XV века) 170

Хвоцинская Н. В.
Новгородская колонизация в свете материальной культуры (о возможности источника) 182

Хохлов И. В.
Выставка «Путь на Север: истоки» (в рамках проекта «Освоение Севера. Тысяча лет успеха») в Новгородском музее-заповеднике. Структура, концепция, предметный ряд 192

Пчёлов Е. В.
Югорский титул и Югорский герб
в истории Московского царства и Российской империи 203

Сакса А. И.
Карельская торговля пушниной в Средние века и европейские рынки 213

Археологическое наследие

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А.
Археологические исследования в Людином конце средневекового Новгорода:
открытия последних лет на Троицком раскопе 230

Курбатов В. А.
Истоки строительных «прикладов» в Западной Сибири 241

Кудрявцев А. А.
Дверные полотнища средневекового Новгорода 254

Кузнецова В. Н.
Находки средневековых украшений и деталей костюма
в контексте контактов Северо-Запада Руси и Уральских земель..... 260

Покровская Л. В.
Шумящие привески с Троицкого раскопа 266

Олейников О. М., Гайдуков П. Г.
Древнерусские пломбы и торгово-хозяйственные связи Новгорода с восточными районами
Новгородской земли (по материалам Лукинского-2 раскопа 2012 г.) 274

Тянина Е. Л.
Медвежий культ в средневековом Новгороде
в контексте религиозного почитания медведя в Северной Евразии 304

Соколов Э. И., Дмитриева Т. Н.
Мир древних «гудебных сосудов» Великого Новгорода
и старинные традиционные музыкальные инструменты языческой Югры:
соприкосновение двух средневековых культур 312

Ярьин В. И.
Особенности берестяного творчества в Великом Новгороде и Югре: общее и отличие 331

«Новгородский след» на Югорской Земле

Кардаш О. В., Липс С. А., Сидорова М. О., Мыглан В. С., Лобанова Т. В.
Надымский городок: новые данные о хронологии
в русском освоении Севера Западной Сибири в XIII–XIV веках 346

Гайдакова З. Г., Кардаш О. В., Липс С. А.
Надымский городок: вещевой комплекс
восточноевропейского происхождения XIII–XV веков 382

Лобанова Т. В., Кардаш О. В., Косинцев П. А.
Надымский городок: амулеты и талисманы из костей животных XIII–XVIII веков 407

Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Коноваленко М. В.
Тазовская мастерская: производственно-жилой комплекс XIII–XIV веков
в низовье реки Таз 436

Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В.
Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье 461

Пархимович С. Г.
О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья
в начале II тысячелетия н. э. 469

Морозов В. М., Пархимович С. Г.
Городище Перегребное 1 (к вопросу о проникновении приуральского населения
в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э.) 476

Багашев А. Н., Слепченко С. М.
К обоснованию принадлежности Северных Самодийцев к Ямал-Енисейской группе
популяций типа западно-сибирской антропологической формации 485

CONTENTS

Lapshin V. A.
Foreword 5

Novgorod region in the development of the Russian North

Nosov E. N.
Novgorod-the-Great and Novgorod territories in the XI-XV centuries 8

Toropova E. V., Toropov S. E., Samoilov G. K.
Staraya Russa and Ugra 22

Kirpichnikov A. N., Lapshin V. A.
Staraya Ladoga and the development of the Russian North 34

Written sources and linguistic materials

Kardash O. V., Gaidakova Z. G.
The materials of Ugra from the Russian and foreign sources of XI–XV centuries
(quotations with brief comments) 46

Napolskikh V. In
«Ugro-Samoyedic peoples» in Eastern Europe and the problem of annalistic Yugra 68

Pligosov A. I.
Text-centaur of the Siberian Samoyed people 102

Deny Gabor
Ugriya / Yugriya: Philology and history 117

Stepanov A. M., Singh V. K.
Birch bark letter № 918 123

Yugra in the sphere of influence of the Novgorod land

Yanin V. L. «From Zhila to Chyudin...»	128
Nucleoli In A. Holy Trinity Church on Redyatina street	132
Ankudinov I. Yu. «And these are Novgorod lands» of Novgorod-Knyaz agreements	136
Poberezhnikov I. V. Inclusion of Yugra lands in the sphere of influence of Novgorod the Great (XI–XV centuries)	141
Sorokin A. N. Novgorod and Yugra in XI–XII centuries	146
Ovchinnikova B. B. Ways of penetration of Novgorod citizens to Ugoria (XI–XV centuries).....	170
Khvoshchinskaya N. No. Novgorod colonization from the point of material culture (the possibility of the source)	182
Khokhlov I. V. The exhibition «The way to North: the origins» (as a part of the project «The development of the North. A thousand years of success») in Novgorod Museum-Reserve. Structure, concept, subject range	192
Pchelov E. V. Ugra title and coat of arms in the history of the Moscow Kingdom and the Russian Empire	203
SacsA. I. Karelian fur trade in the Middle ages and the European markets	213

Archaeological heritage

Yanin V. L., Rybina E. A., Pokrovskaya L. V., Singh V. K., Stepanov A. M., Tanina E. A. Archaeological investigations in the Lyudin end of medieval Novgorod: The discoveries of recent years at the Troitsky excavation site	230
Kurbatov V. A. The origins of building «butts» in Western Siberia	241
A. A. Kudryavtsev Door panels of Medieval Novgorod	254
Kuznetsova V. N. The findings of medieval jewelry and costume details in the context of communications between North-West Russia and Ural Region	260

Pokrovskaya L. V. Noise pendants from Troitsky archaeological site	266
Oleinikov O. M., Gaidukov P. G. Old Russian lead seals and trade-economic relations of Novgorod and the Eastern regions of Novgorod land (based on materials of Lukinsky-2nd excavation site 2012)	274
Tanina E. L. Bear cult in medieval Novgorod in the context of religious worship of bear in Northern Eurasia	304
Sokolov E. I., Dmitrieva T. N. The world of ancient «hudebnich vessels» in Novgorod-the-Great and old traditional musical instruments of pagan Ugra: the contact of two medieval cultures	312
Yarysh V. I. Specific features of birch bark mastering in Novgorod-the-Great and Ugra: Similarities and differences	331

«Novgorod footprint» on Ugra Land

Kardash O. V., Lips, S. A., Sidorov M. A., Myglan S. V., Lobanova T. V. Nadymsky gorodok: new materials about the chronology and Russian resettlement in the North of Western Siberia in the XIII–XIV centuries	346
Gaidakova Z. G., Kardash O. V., Lips S. A. Nadymsky gorodok: material complex of Eastern Europe origin of the XIII–XV centuries	382
Lobanova, T. V., Kardash O. V., Kosintsev P. A. Nadymsky gorodok: amulets and talismans made of animal bones of the XIII–XVIII centuries	407
Vizgalov G. P., Kardash O. V., Konovalenko M. V. Taz workshop: production and residential complex of the XIII–XIV centuries in the lower reaches of the Taz river	436
Hlobystin L. P., Ovsyannikov O. V. Ancient «goldsmith» workshop in West Siberian Arctic	461
Parkhimovich S. G. The contacts of the population of the Lower Ob River and the Northern Ural at the beginning of the II Millennium BC	469
Morozov V. M., Parkhimovich S. G. Peregrebnoe 1 settlement (to the issue of penetration of the Ural population to Western Siberia at the beginning of the II Millennium AD)	476
Bagashev A. N., Slepchenko S. M. The justification of affiliation of the Northern Samoyeds to the Yamal-Yenisei population group of West Siberian anthropological formation type	485

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ:
ЮГРА – ВОЛОСТЬ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В XI–XV ВВ.
СВОД ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ**

Часть I

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции с международным участием
г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.

Автор идеи, руководитель проекта – *канд. ист. наук О. В. Кардаш*

Редакционная коллегия – *член-кор. РАН Е. Н. Носов, д-р ист. наук Н. В. Хвоцинская,
д-р ист. наук А. И. Сакса, д-р ист. наук А. В. Курбатов, канд. ист. наук Б. Б. Овчинникова*

Ответственный редактор – *д-р ист. наук В. А. Лапшин*

Рецензенты – *д-р ист. наук Н. М. Чаиркина, д-р ист. наук И. В. Побережников*

Издательская группа – *канд. ист. наук О. В. Кардаш, канд. ист. наук Б. Б. Овчинникова,
З. Г. Гайдакова, В. В. Гаевская*

Техническое редактирование иллюстративного ряда – *Е. В. Шилинг, С. А. Липс, У. Н. Нефедов*

Для оформления использованы фотографии, сделанные О. В. Кардашем: на обложке –
Храм Троицы Живоначальной г. Великий Новгород; на шмуцтитутах: Кремль г. Великий
Новгород (С. 7), фрагмент челобитной остяков Сургутского уезда царю Петру Алексеевичу
1696 г. (С. 33), Полярный Урал (С. 333). Для оформления шмуцтитута (С. 215) использована
фотография: Великий Новгород. Троицкий раскоп (XIII и XIV). Фото Е. Б. Шипаева. 2007 г.
Для оформления шмуцтитута (С. 215) использована фотография: Софийский собор Великого
Новгорода. Фото Е. А. Рыбиной. 2009 г.

Редактор-корректор – *М. Ю. Сидельникова, Н. Г. Кайгородова*

Оформление, верстка – *Е. В. Шилинг*

Перевод – *Е. А. Гирченко*

Издательская группа АНО «Институт археологии Севера»
628305, РФ, ХМАО – Югра, г. Нефтеюганск, Тюменская обл., а/я 542
e-mail:archeonord-izd@yandex.ru

Подписано в печать 29.08.2018
Формат 60×90/8. Печать офсетная. Усл. печ.л. 58,13.
Тираж 500 экз. Заказ № 1870336.

Отпечатано в типографии ООО «Форт Диалог-Исеть»
620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 75